Памятники философской мысли

И. КАНТ

И. КАНТ

Критика чистого разума

Издательство «Наука»

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт философии

Издательство • Наука •
Москва 1999

ПАМЯТНИКИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Серия основана в 1978 г.

И. КАНТ

Критика чистого разума

Перевод Н. О. ЛОССКОГО

С ВАРИАНТАМИ ПЕРЕВОДОВ
НА РУССКИЙ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Издательство • Наука •
Москва 1999

УДК 1/14
ББК 87.3
К 19

Ответственный редактор,
составитель и автор вступительной статьи
В.А. ЖУЧКОВ

Кант И.

Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. – М.: Наука, 1999. – 655 с. (Серия "Памятники философской мысли").

ISBN 5-02-008366-6

Цель издания – ознакомить отечественного читателя со всеми существующими версиями перевода "Критики чистого разума" Канта на русский язык. За основу взят перевод Н.О. Лосского. Параллельно на полях указаны разночтения всех русских изданий – более ранних (М.И. Владиславлева, Н.М. Соколова) и последующих (1964, 1994 гг.). Приведены соответствующие фрагменты оригинала (с учетом прижизненных изданий, переводов на другие европейские языки). Издание снабжено словарем терминов Канта, а также научным аппаратом: вступительной статьей, именным и предметным указателями, списком греческих, латинских выражений и др.

Для философов, историков философии, филологов, славистов.

ISBN 5-02-008366-6

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Предлагаемое издание "Критики чистого разума" Иммануила Канта в своем роде уникально. Во-первых, оно наиболее полное, поскольку (в отличие от всех других русскоязычных публикаций этого сочинения Канта) в нем отмечены практически все расхождения между его первым (1781 г.) и вторым (1787 г.) изданиями, а также учтены основные разночтения между всеми другими его прижизненными изданиями (1790, 1794, 1799 гг.). Нами приведены также рукописные замечания и исправления Канта на полях его собственного экземпляра первого издания "Критики...". Мы сочли целесообразным указать и некоторые наиболее обоснованные и значимые текстологические версии крупнейших издателей и комментаторов великого кантовского творения (Ш. Вилле, Х. Файингера, Б. Эрдманна, Э. Адикеса, К. Форлендера, Р. Шмидта, Н.К. Смита и др.).

Во-вторых, мы поставили задачу – ознакомить читателя со всеми существующими вариантами перевода "Критики..." на русский язык. За основу мы приняли перевод Николая Онуфриевича Лосского (2-е изд., Пг., 1915), который по праву признается самым удачным, концептуально продуманным, терминологически выдержанным. Не случайно в послеоктябрьский период именно этот перевод используется во всех последующих публикациях "Критики...". Однако в отличие от этих изданий мы не сочли целесообразным вносить в перевод Лосского какие-либо изменения, существенные или даже незначительные исправления и уточнения (за исключением явных ошибок и опечаток, а также грамматических и орфографических исправлений в соответствии с требованиями современного русского языка). По нашему мнению, любые другие, пусть и отдельные исправления и даже частные улучшения оказываются механическим вмешательством в оригинальный текст, эклектическим привнесением в него чужеродных элементов, нарушением целостности концептуального замысла и терминологического единообразия языка переводчика.

Воспроизводя перевод Лосского и стараясь не нарушать последовательности его восприятия читателем, мы снабдили его на полях параллельными вариантами всех других переводов "Критики..." на русский язык: как более ранними и самостоятельными версиями М.И. Владиславлева (СПб., 1867) и Н.М. Соколова (СПб., 1902), так и позднейшими переработками Ц.Г. Арзаканяна и М.И. Иткина (см.: *Кант И.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1964, т. 3; издание воспроизведено с незначительными изменениями в 1994 г.), а также И.С. Андреевой и А.В. Гулыгой (см. *Кант И.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1994, т. 3). Тексты параллельных перево-

дов мы приводим далеко не всегда (что невозможно технически, да и вряд ли целесообразно), а только в тех местах, где у Лосского встречаются очевидные ошибки или пропуски, а главное – сколько-нибудь существенные смысловые различия, достаточно оправданные, допустимые и значимые для понимания смысла оригинального немецкого текста, разночтения или варианты перевода тех или иных терминов или формулировок. Все варианты разночтений мы снабдили соответствующими фрагментами на языке оригинала, а в наиболее сложных и труднодоступных для однозначного перевода местах мы приводим варианты их перевода на другие европейские (прежде всего – на английский) языки, а также одобренного автором латинского перевода первого издания "Критики..." (1796 г.). Аналогичный прием мы применяем и в Словаре терминов Канта, где наряду со всеми основными их переводами на русский язык приводятся их эквиваленты на других языках. Кроме того, мы сочли необходимым ввести в текст перевода Лосского некоторые слова и обороты немецкого оригинала без уточняющего их перевода. Такого рода включения особенно важны в тех случаях, когда во всех существующих переводах имеют место пропуски или воспроизводятся ошибки и неточности.

Использованный нами прием параллельного сопоставления русскоязычных переводов позволяет не только сравнить и наглядно представить своеобразие каждого из них, но и в какой-то мере компенсировать их недостатки, причем не только фактического или случайного характера, но и связанных с исторической ограниченностью или концептуальной односторонностью исходных установок переводчика. Мы уже не говорим о специфических особенностях русского философского языка и терминологии, связанных, в частности, с их длительной включенностью и функционированием в составе религиозно-идеалистической или марксистской философской традиции. В качестве примера можно привести любопытные метаморфозы с переводом таких важнейших кантовских терминов как "Anschauung" и "Ding an sich". Первый из них служит у Канта для обозначения чистых форм чувственного познания – пространства и времени как априорных способов созерцания явлений внешнего и внутреннего опыта. В рамках своего интуитивизма Лосский не мог принять русский термин "созерцание" для обозначения такой способности чувственного познания; для него это понятие было связано со способом особого – непосредственного, но не чувственного, а интуитивного познания. Поэтому для перевода кантовского понятия он использует оборот "наглядное представление". Однако такой перевод порождает целый ряд недоразумений, несуразностей и тавтологий в русском тексте, а зачастую приводит и к искажению точки зрения Канта, поскольку тот различает, а порой и противопоставляет понятия "созерцание" и "представление" (Vorstellung). См. В-41 сл., 104–105, 136–137, 161–162; А – 112, 116, 123 и др.

Не менее показательны расхождения по поводу перевода знаменитого кантовского понятия "Ding an sich", в последние годы ставшего даже предметом особой дискуссии. На русский язык оно переводится как "вещь в себе" ("сама в себе") или как "вещь сама по себе", причем с точ-

ки зрения языка оба эти варианта вполне допустимы и равновозможны. Совершенно, однако, очевидно, что по своему философскому содержанию эти варианты далеко не равнозначны: в первом случае подчеркивается непознаваемый характер вещи, во втором – ее объективное, независимое от субъекта существование. Выбор варианта оказывается здесь в зависимости от философских предпочтений переводчика, т.е. от того, как он понимает и истолковывает философию Канта. Вряд ли, однако, можно согласиться с абстрактным выбором любого из этих вариантов как единственно правильного и точного. Необходимо учитывать, во-первых, конкретный контекст, в каком использовал это понятие сам Кант (к чести Лосского следует заметить, что данное обстоятельство он стремился учитывать в своем переводе); во-вторых, многоплановость и неоднозначность этого понятия в тексте самой "Критики...": с его помощью Кант обозначал не только две (иногда совпадающие, а иногда и различные) ипостаси *объекта* (самостоятельно существующего и независимого от субъекта, с одной стороны, и субъекту недоступного и непознаваемого посредством форм чувственности и рассудка – с другой). Этим понятием Кант пользовался также и для обозначения самого *субъекта*, человеческой души, ее "сверхчувственного субстрата", существующего столь же самостоятельно и независимо от внешнего, эмпирически данного мира и столь же недоступного чувственному и рациональному познанию. Очевидно, что использование в последнем случае варианта "вещь сама по себе" оказывается не столь убедительным и привлекательным, как этого хотелось бы его сторонникам. Кроме того, оба варианта перевода практически не учитывают тот факт, что для обозначения указанных понятий Кант использует не всегда идентичные лексико-терминологические и логико-грамматические формулировки. Так, помимо оборота "Ding an sich" в тексте встречаются и такие конструкции как "Ding an sich selbst", "Ding an sich selbst betrachtet", "Ding an und für sich", "Ding in sich", "Sache an sich" и др. Все эти нюансы мы стремились учесть и отразить либо в приводимых вариантах разночтений, либо в оригинальных немецкоязычных включениях в основной текст Лосского.

Можно привести немало и других примеров, свидетельствующих о трудности, а порой и невозможности добиться адекватного и однозначно-исчерпывающего перевода кантовской терминологии. Причем следует иметь в виду, что в составе его оригинального текста многие даже "обычные" немецкие слова и обороты обретают неожиданное или несвойственное им значение, обрастают дополнительными и в переводе трудноуловимыми оттенками и нюансами. В русскоязычном переводе без специального комментария невозможно схватить и передать различие между немецкими терминами "Gemüt" и "Seele", которыми Кант пользуется для обозначения понятия "душа", или терминами "Gefühl" и "Sinn", обозначающими "чувство". Дело здесь осложняется еще и тем, что даже обращение к оригиналу не всегда позволяет понять, имеет ли здесь место всего лишь синонимия или обозначение понятий с различным содержанием. В других же случаях, наоборот, один и тот же термин используется Кантом для определения весьма различного предметного

содержания и проблемного смысла. Например, термин "Widerspruch" нередко используется им для обозначения как логического противоречия, так и диалектического спора или столкновения противоположных утверждений разума, т.е. ситуации, которая более адекватно передается терминами "Widerstreit" или "Antinomie" и к которым в большинстве случаев сам Кант и прибегает, дабы различить диалектическое и логическое противоречие. Аналогичным образом, используя глагол "aufheben" для обозначения понятия "устранения" или даже "уничтожения", Кант неожиданно, без каких-либо оговорок или семантических ссылок употребляет его в совершенно ином контексте, где указанное значение глагола оборачивается принципиальным противоречием, концептуальным и мировоззренческим недоразумением. Речь идет о знаменитом тезисе мыслителя: "Ich mußte also das Wissen aufheben, um zum Glauben Platz zu bekommen", в котором глагол "aufheben" русскоязычные переводчики пытались передать словом "ограничить" или даже "уничтожить", а в третьем томе издания Канта под редакцией А.В. Гулыги переведен сразу двумя взаимоисключающими версиями: "Поэтому мне пришлось возвысить [устранить] знание, чтобы получить место для веры" (с. 31). С обеими версиями можно спорить, однако для нас этот пример важен и интересен как прецедент, иллюстрирующий эффективность и целесообразность использования приема двойного или многовариантного перевода кантовской "Критики...". Любой, пусть даже очень грамотный и продуманный, но однозначный вариант непременно несет на себе печать односторонности, приблизительности и неполноты, что неизбежно чревато искажением смысла и содержания кантовского текста, субъективизмом трактовки и проч.

Причину этого феномена следует искать не только в колоссальной проблемно-содержательной насыщенности кантовского творения, породившей и необычайную смысловую и семантическую нагруженность его языка. Дело еще и в том, что поистине революционная новизна кантовской мысли столкнулась с ограниченностью традиционного философского языка и лексики, свои новаторские критические идеи ему приходилось формулировать и выражать с помощью устаревшего, возникшего еще во времена господства догматической и схоластической метафизики понятийного аппарата и весьма неадекватной терминологии.

Известно также, что в состав окончательного варианта первого издания "Критики..." Кант включил немало фрагментов текста, созданных в разные периоды работы над этим сочинением, когда его основные идеи еще не вполне созрели и несли отпечаток прежних, еще далеких от критических, воззрений мыслителя. При этом он далеко не всегда уделял должное внимание проблеме взаимного согласования этих фрагментов, корректировки и упорядочивания их лексики и терминологии. Поспешность при написании окончательного текста, созданного, по собственному выражению Канта, "как бы на ходу" за какие-то четыре-пять месяцев, заставила автора больше заботиться о содержании, нежели о доступности, ясности и точности изложения, что также крайне негативно сказалось на языке "Критики...". Ее текст грешит весьма неустоявшейся лексикой и терминологией, пестрит туманными и расплывчаты-

Critik

der

reinen Vernunft

von

Immanuel Kant,

Professor in Königsberg,

der Königl. Academie der Wissenschaften in Berlin

Mitglied.

Zweyte hin und wieder verbesserte Auflage.

Riga,

bey Johann Friedrich Hartknoch

1787.

Титул второго прижизненного издания “Критики чистого разума” И. Канта

ми формулировками и грамматическими оборотами, длинными, синтаксически небрежными и запутанными периодами, допускающими неоднозначные, а порой двусмысленные и даже противоречивые истолкования. Все это предельно затрудняет, а подчас и просто делает невозможным адекватное восприятие и понимание текста "Критики...", что неоднократно с горечью и сожалением признавал и сам Кант и что во многом побудило его сначала к написанию более облегченного и доходчивого текста в "Пролегоменах" (1783 г.), а затем и существенно переработанного варианта для 2-го издания (1787 г.) "Критики..." И тем не менее опасениям Канта – оказаться не понятым – во многом суждено было сбыться, и причиной этого была не только новизна и глубина его мысли; роковую роль сыграли недостатки и просчеты ее языкового выражения, лексики и терминологии. Не случайно проблемы текстологии кантовской философии стали предметом специального изучения уже при жизни мыслителя, когда появились многочисленные словари терминов Канта, комментарии и "разъясняющие изложения" его сочинений: например, И. Шульце (1784 г.), Г. Меллина (1794 г.), Фр. Грилло (1795 г.).

По тем же причинам со второй половины XIX в. в кантоведческой литературе сложилось самостоятельное направление – так называемая кантофилология. Многочисленные представители кантофилологии исследовали не только рукописное наследие мыслителя, огромное число подготовительных материалов и черновых фрагментов к "Критике...", но и активно занимались сравнительным текстологическим анализом ее прижизненных изданий, кропотливым изучением особенностей ее стиля и языка, терминологии и лексики, синтаксиса и орфографии, а также множества ранее не учтенных и не исправленных ошибок и опечаток, многие из которых существенно меняли смысл и содержание кантовской мысли. Работа эта весьма активно продолжается и по сей день, с привлечением достижений современной лингвистики и филологии, а также компьютерной техники, а ее результаты неизменно учитываются в практике немецкоязычных изданий "Критики...", где в специальных и весьма детальных примечаниях отмечаются многие наиболее существенные и значительные варианты разночтений в разных изданиях. В нашем издании мы не ставили перед собой задачи сколько-нибудь полного воспроизведения этих результатов, но при параллельном цитировании русскоязычных версий и оригинала они так или иначе были использованы и отражены.

Соотечественники, взявшие на себя труд внимательно проштудировать эту книгу, получат возможность понять кантовский текст с минимальными потерями и утратами, без неизбежных при любом переводе ошибок и пропусков, упрощений и спрямлений его смысла, без привнесений односторонностей и субъективизма переводчика и интерпретатора. Мы стремимся дать читателю наиболее репрезентативный и полный материал для собственного сравнительно-аналитического изучения текста кантовской "Критики...", для самостоятельного исследования и непредвзятого уяснения оригинальности, глубины и многоплановости ее содержания. Уверены, что предлагаемая нами версия издания кантовского творения отнюдь не будет бесполезной и излишней и для немец-

коязычного читателя, но, напротив, послужит хорошим стимулом для более внимательного, критического и углубленного его прочтения. И наконец, предлагаемое нами издание вовсе не снимает необходимости новых попыток перевода "Критики..."; напротив, оно может и должно послужить хорошим подспорьем и полезным ориентиром для ее будущих научных переводов.

Разумеется, проделанная нами работа не может считаться полностью завершенной, мы надеемся в дальнейшем продолжить ее и заранее выражаем признательность за все замечания и пожелания.

* * *

Издатели выражают благодарность и признательность всем принявшим участие в подготовке книги.

В сверке русского перевода с немецким оригиналом и переводами на другие европейские языки участвовали Ц.Г. Арзаканян, А.А. Столяров, А.К. Судаков.

На предварительном этапе подготовки рукописи большая научно-организационная и научно-техническая работа была проделана О.А. Белайчуком, А.И. Киселевой, А.Р. Крыловым, С.Н. Петропавловым, Е.А. Самолетовой, Ю.В. Соболевой, И.Н. Тарасовой, С.А. Шандыбиным.

Кантъ

Критика чистаго разума

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ПЕРЕВОДА

Н. ЛОССКАГО

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.

1915.

<BACO de VERULAMIO

Instauratio magna. Praefatio

De nobis ipsis silemus: De re autem, quae agitus, petimus: ut homines eam non opinionem, sed opus esse cogitent; ac pro certo habeant, non sectae nos alicujus, aut placiti, sed utilitatis et amplitudinis humanae fundamenta moliri. Deinde ut suis commodis aequi – in commune consulant – et ipsi in partem veniant. Praeterea ut bene sperent, neque instaurationem nostram ut quiddam infinitum et ultra mortale fingant, et animo concipiant; cum revera sit infiniti erroris finis et terminus legitimus (1).

БЭКОН ВЕРУЛАМСКИЙ

Великое восстановление. Предисловие.

О самих себе мы молчим; но для предмета, о котором идет речь, мы хотим, чтобы люди считали его не мнением, а делом и были уверены в том, что здесь закладываются основания не какой-либо секты или теории, а пользы и достоинства человеческого. Затем, чтобы они... сообща пеклись о своем преуспеянии и... приняли и сами участие в тех трудах, которые еще предстоят. Наконец, чтобы они прониклись доброй надеждой и не представляли в своем уме и воображении наше восстановление чем-то бесконечным и превышающим силы смертных, тогда как на самом деле оно есть законный конец и предел бесконечного блуждания.> (1)

Оглавление

Предисловие переводчика

Плодотворное влияние великих философских систем заключается не в том, что философ становится для нас авторитетом, а в том, что, подняв нас на свои плечи, он открывает нам новые горизонты и заставляет строить новое, более широкое миросозерцание, чем то, какое было возможно в его времена. К числу таких великих воспитателей человеческой мысли бесспорно принадлежит Кант, открывающий своим преемникам новые широкие пути, но сам только намечающий их. Поэтому влияние его может быть безмерным, как это видно уже из расцвета философии, который наблюдался в Германии в начале XIX века. Но для того чтобы это влияние было прочным, оно должно быть доступным широким кругам общества, а не маленькой группе избранников. Между тем одно уже усвоение взглядов Канта требует такого труда, что на критику его теорий и на попытки пойти дальше у многих не хватает сил. Перевод главного сочинения Канта должен облегчить усвоение его взглядов и содействовать тому, чтобы влияние его на русскую философскую мысль не задерживалось внешними препятствиями и становилось более жизненным в том смысле, как мы понимаем жизненность в философии. Стремясь ввиду этих целей дать точный и, насколько возможно, ясный перевод «Критики чистого разума», мы опирались на труды многих других переводчиков. В особенности мы пользовались превосходным переводом «Критики чистого разума» на английский язык, сделанным известным лингвистом Максом Мюллером. Мы имели также в виду переводы на французский язык Тиссо (2-е изд. 1845 г.) и Tremesaygues и Pacaud (1905 г.), а также русские переводы М. Владиславлева и Н. Соколова, и конъектуры Вилле и Файингера[1*]. Однако даже и пользуясь этими источниками, нельзя избежать неточностей и даже ошибок. Мы надеемся, что читатели сообщат нам о замеченных ими недостатках нашего перевода, чтобы можно было исправить их в последующих изданиях, если они понадобятся.

Оригиналом для перевода служило издание «Критики чистого разума», сделанное Прусскою академией наук (Собр. соч. Канта, т. III, IV). В основу мы положили второе издание «Критики чистого разума» (1787 г.), а все отклонения первого издания (1781 г.), за исключением мелких стилистических различий, исчезающих при переводе или не имеющих значения для содержания сочинения, приведены в подстрочных примечаниях. Мы поместили их в примечаниях, а не в виде приложений в конце книги, для того чтобы легче было сравнивать текст первого и второго изданий. Кроме того, чтобы обратить внимание читателя на все места второго издания, представляющие собой переработку текста первого издания или дополнение к нему, мы заключили их в прямые скобки, а круглыми скобками пользовались там, где у самого Канта есть скобки. Примечания переводчика, а также примечания, содержащие текст первого издания, отмечены

[1*] См. Вводную статью к Примечаниям.

значками 1, 2 и т.д., а примечания самого Канта обозначены звездочкой. Цифрами на полях текста обозначены страницы 2-го, появившегося при жизни Канта издания «Критики чистого разума». Цифрами на полях примечаний обозначены страницы первого издания[2*].

Что касается перевода терминов, обращаем внимание читателя на то, что слово «Anschauung» мы передаем не словами «воззрение», «созерцание» и «интуиция», как это делалось иногда в нашей философской литературе, а словом «наглядное представление». Термин a priori мы часто передавали прилагательным «априорный», так как латинский термин нередко придает фразе двусмысленный характер, поскольку форма его не указывает, к какому слову он относится. Термин «speculativ» мы в громадном большинстве случаев передавали и по-русски словом «спекулятивный», несмотря на то что иногда он у Канта очевидно равносилен термину «теоретический». Точно так же мы не отмечали в примечаниях те места, где Кант употребляет термин «трансцендентальный» вместо «трансцендентный», так как мы полагаем, что во многих случаях термином трансцендентальный Кант широко пользуется не по недосмотру, а намеренно. Вообще никакого своего комментария к переводу «Критики чистого разума» мы не присоединили, так как полагаем, что для изучения этого сочинения нужны не комментарии, а основательная подготовка путем предварительного ознакомления с историей новой философии, без которого чтение «Критики чистого разума» неизбежно оказывается совершенно бесплодным.

Н. Лосский

[2*] В настоящем издании мы предложили иной способ обозначения названных позиций. См. Вводную статью к Примечаниям.

Его Превосходительству
Королевскому Государственному министру
Барону фон ЦЕДЛИЦУ (2)

V Милостивый Государь!

/Содействовать[1)] росту наук значит трудиться в собственном интересе В а ш е г о П р е в о с х о д и т е л ь с т в а; с интересами науки Вас связывает теснейшим образом не только Ваш высокий пост как покровителя ее, но гораздо более близкое [отношение] любителя и просвещенного знатока. Поэтому я пользуюсь единственным находящимся до известной степени в моем распоряжении средством выразить свою благодарность за милостивое доверие, которым Вы почтили меня, предполагая, что я могу[1] содействовать этой цели[2].

1) С, В – Содействовать со своей стороны
(an seinem Teile befördern)

VI Милостивому вниманию, которым вы, В а ш е П р е в о с х о д и т е л ь с т в о, удостоили первое издание /моего сочинения[1)], я посвящаю теперь это второе издание, а также все относящееся к моему литературному призванию и с глубоким уважением имею честь быть[3].

1) С – этого труда
(dieses Werkes)

В а ш е г о П р е в о с х о д и т е л ь с т в а покорнейший слуга

Иммануил Кант

Кенигсберг, 23 апреля 1787

[1] I изд.: мог бы.

[2] В первом издании далее следовали слова: AV /Для человека, находящего удовлетворение в умозрении[1)] и скромного в своих желаниях, одобрение просвещенного компетентного судьи служит сильным /поощрением к труду, польза которого велика, но так отдаленна, что совершенно скрывается от глаз обыкновенных людей[2)].

[3] В первом издании это заключение выражено следующими словами: Такому судье и его благосклонному вниманию и покровительству посвящаю я это сочинение, а также все относящееся к моему литературному призванию и с глубоким уважением имею честь быть и т. д. Кенигсберг, 29 марта 1781.

1) С – кому дорога умственная жизнь
Г – Кто живет интеллектуальными радостями
(Wen das spekulative Leben vergnügt)
2) Г – стимулом к свершениям, польза которых значительна, хотя и не непосредственна, а потому и незаметна для обычного взора
(Aufmunterung zu Bemühungen, deren Nutzen groß, obzwar entfernt ist und daher von gemeinen Augen gänzlich verkannt wird)

А VII Предисловие [к первому изданию][4]

На долю человеческого разума /выпала странная судьба[1)], в одной из областей его познаний: /его осаждают[2)] вопросы, от которых он не может /отделаться[3)], так как /они задаются[4)] ему собственной его природой, но в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят его /силы[5)].

В это затруднение разум попадает не по своей вине. Он начинает с основоположений, применение которых /в опыте[6)] является неизбежным, и в то же время достаточно /оправдывается[7)] опытом. С ними он восходит (как этого требует также его природа) все выше, к условиям, все более отдаленным. **A VIII** Но так как он /усматривает[1)], что таким образом его труд навсегда должен остаться незаконченным, потому что вопросы никогда не прекращаются, то он видит себя вынужденным прибегнуть к основоположениям, которые выходят за пределы всякого возможного применения в опыте, и тем не менее настолько не возбуждают против себя подозрений, что даже и /обыденный[2)] человеческий разум соглашается с ними. Однако вследствие этого разум /погружается во мрак противоречий[3)], из которых он может заключить, что где-нибудь в основе [им] /допущены ошибки[4)], но открыть их не может, потому что основоположения, которыми он пользуется, выходят за границы всякого опыта и вследствие этого не признают /пробного камня[5)] опыта. Арена этих бесконечных препирательств (Streitigkeiten) называется метафизикой.

Было время, когда метафизика называлась царицей всех наук, и если принимать /намерение за дело[6)], то она, конечно, заслуживала этого почетного названия ввиду выдающейся важности ее предмета. Наоборот, в наш век вошло в моду выражать к ней презрение, и эта матрона, /покинутая и отталкиваемая[7)],

1) С – имеет ту своеобразную участь
(hat das besondere Schicksal)
2) С – тревожат
(belästigt wird)
3) З – уклониться
В – устранить
(abweisen)
4) С – возникают
З – навязаны
В – даны
(aufgegeben)
5) С – всякую способность
Г – все его возможности
(alles Vermögen)
6) С – на протяжении опыта
(im Laufe der Erfahrung)
7) З – подтверждается
(bewahrt)

1) С, З – замечает
(gewahr wird)

2) С – обычный
В – обыкновенный
(gemeine)
3) С – низвергается в темноту и противоречия
(stürzt... sich in Dunkelheit und Widersprüche)
4) С – должны лежать скрытые ошибки
(verborgene Irrtümer... liegen müssen)
5) З – критерия
В – права проверки
(Probierstein)
6) З – желание за действительность
(Willen für die Tat)
7) С, З – изгнанная (отвергаемая) и покинутая
(verstoßen und verlassen)

---

[4] Это предисловие выпущено во втором издании 1787 г.

жалуется подобно Гекубе (в Метаморфозах Овидия): modo maxima rerum, tot A IX generis natisque potens – nunc trahor exul, inops (3).

Вначале, /[в эпоху] догматизма[1], /правление[2] метафизики было деспотическим. Но так как ее законодательство носило (an sich hatte) еще следы древнего варварства, то вследствие внутренних войн ее правление постепенно выродилось в полную анархию, и скептики, своего рода /номады[3], презирающие всякую постоянную обработку почвы, разрушали время от времени гражданское единство. Но, к счастью, их было мало, и потому они не могли мешать /сторонникам догматизма[4] постоянно вновь /приниматься за работу[5], хотя и без всякого /общепризнанного[6] плана. В новейшее время был момент, когда казалось, что всем этим спорам положен конец своего рода физиологией человеческого /ума[7] (известного **Локка**), и что правомерность притязаний этой науки вполне установлена. Из этого, однако, вышло следующее: происхождение этой /пресловутой[8] царицы выводилось из /плебейской среды обыкновенного опыта[9], и это уже должно было справедливо вызывать подозрения против ее притязаний, но так как эта генеалогия на деле была приписана ей ложно, то она продолжала настаивать на своих правах, и потому все вновь A X погрузилось в устарелый, источенный червями догматизм, вызывающий к себе презрение, от которого желательно было спасти науку. Теперь, когда все пути (как уверяют себя многие) тщетно испробованы, /в науке[1] господствует пресыщение и полный индифферентизм, мать Хаоса и Ночи, однако в то же время [заложено] начало (Ursprung) или по крайней мере [появились] проблески близкого преобразования и прояснения наук, после того как дурно приложенные старания сделали их темными, запутанными и непригодными к [делу].

В самом деле, напрасно было бы /напускать на себя равнодушие[2] к таким исследованиям, предмет которых не может быть безразличным для человеческой природы. Ведь и мнимые индифферентисты, сколько бы они ни старались /изменить [философию] до неузнаваемости с помощью популярного тона и преобразования школьного языка[3], как только начинают действительно мыслить, неизбежно возвращаются к метафизическим утверждениям, к которым они на словах обнаруживают такое

1) С – в правление догматизма
З – в эпоху догматиков
В – под управлением догматиков
(unter der Verwaltung der Dogmatiker)

2) С – власть
З, В – господство
(Herrschaft)

3) З – кочевники
(Nomaden)

4) С – оседлым жителям
В – чтобы первые
(jene)

5) С – возделывать свою почву
В – воссоздать это единство
(anzubauen versuchten)

6) З – согласованного
(unter sich einstimmigen Plane)

7) С, З, В – рассудка
(des Verstandes)

8) С – мнимой
З – претенциозной
(vorgegebenen)

9) С, В – от черни, т.е. обыкновенного опыта
З – из низших сфер простого опыта
(aus dem Pöbel der gemeinen Erfahrung)

1) В – в науках
(in Wissenschaften)

2) З – притворяться безразличным
(Gleichgültigkeit... erkünsteln zu wollen)

3) С – путем изменения школьного языка попасть в популярный тон
З – сделать себя неузнаваемыми при помощи превращения ученого языка в общедоступный
В – маскироваться, изменяя школьный язык в популярном тоне
(durch die Veränderung der Schulsprache in einen populären Ton unkenntlich zu machen gedenken)

глубокое презрение. Но так как это равнодушие развивается как раз во время процветания всех наук и выпадает на долю тех, чьи знания, в случае если бы они были достижимы, /должны были бы пользоваться наибольшим влиянием[4], A XI то это явление (Phänomen) заслуживает внимания и /обсуждения[1]. Очевидно, оно есть результат не легкомыслия, а / созревшей способности суждения[2] * нашего века, который не хочет более держаться мнимого знания и требует от разума, чтобы он вновь взялся за самое трудное из своих дел, за самопознание, и /установил судебное исследование[9], которое утвердило бы справедливые требования разума и в свою очередь могло бы устранить не путем /начальственного приказания[10], A XII а на основании вечных и неизменных законов самого разума все его неосновательные притязания; такой суд есть не что иное, как критика самого чистого разума.

/Я имею здесь в виду[1] не критику книг и систем, а критику способности разума вообще в отношении всех знаний, к которым он может стремиться независимо от всякого опыта, следовательно, [решение вопроса] о возможности или невозможности метафизики вообще и определение источников, а также объема и границ ее, все это на основании (alles aber aus) принципов.

Этим единственным оставшимся путем пошел я теперь и льщу себя надеждой, что на нем я нашел средство устранить все заблуждения, /раздваивавшие[2] до сих пор разум с самим собой в его независимом от опыта применении. Я не уклонился от вопросов, поставленных разумом, оправдываясь неспособностью человека [решить их], /напротив, я дал полное расчленение этих вопросов[3] сообразно принципам и, от-

---

* Нередко слышатся жалобы на /поверхностный характер мышления[3] нашего времени и упадок основательной науки. Однако я не нахожу, чтобы те науки, основы которых заложены хорошо, каковы математика, естествознание и др., сколько-нибудь заслужили этот упрек, скорее наоборот, они еще более упрочили за собой свою старую славу основательности, в естествознании даже превзошли ее. Тот же самый дух /обнаружился бы[4] также и в других отделах знания, если бы только [ученые] позаботились прежде всего /улучшить[5] их принципы. В случае недостатка [правильных] принципов равнодушие и сомнение, а также строгая критика скорее служат доказательством основательного образа мышления. Наш век есть /настоящий[6] век критики, которой все должно подчиниться. Религия, на основании своей святости и законодательство на основании своего величия хотят обыкновенно /стоять вне[7] этой критики. Однако в таком случае они справедливо вызывают подозрения и теряют право на искреннее уважение, оказываемое разумом только тому, что может устоять перед /свободным и открытым исследованием[8].

4) С – менее всего возможно отказываться
З – менее всего следовало бы пренебрегать
(am wenigsten Verzicht tun würde)

1) З – раздумья
В – размышления
(Nachsinnen)
2) С, З, В – зрелой
(gereiften Urteilskraft)

9) С – и яви[лся] на суд
З, В – учредил бы суд (судилище)
(einen Gerichtshof einzusetzen)
10) С – повелений
Г – властного решения
(Machtsprüche)

1) З – Я разумею под этим
(Ich verstehe aber hierunter)

2) З – которые ссорили
(die... entzweit hatten)
3) С – но я строго определил его границы
З – я определил специфику этих вопросов
(sondern ich habe sie... vollständig spezifiziert)

3) З – поверхностность способа мышления
(Seichtigkeit der Denkungsart)

4) З – мог бы восторжествовать
(würde sich... wirksam beweisen)
5) С – об оправдании
(für die Berichtigung)
6) С – собственно
З – подлинный
(eigentliche)
7) С, В – уклониться от
(sich entziehen)
8) С – его свободной и публичной критикой
(ihre freie und öffentliche Prüfung)

крыв пункт разногласия разума с самим собой, дал вполне удовлетворительное решение их. A XIII Правда, ответ на эти вопросы получился не такой, какого хотела бы догматически-мечтательная жажда знания; ее могли бы удовлетворить только волшебные чары (Zauberkünste), но на это дело я не мастер. К тому же и естественное назначение (Absicht der Naturbestimmung) разума не ставит ему этой цели, а потому долг философии состоит в том, чтобы уничтожить /иллюзии, возникшие по недоразумению[1)], хотя бы /вместе с ними должны были погибнуть[2)] также многие прославленные и излюбленные мечты. В этом исследовании я особенно постарался быть обстоятельным и решаюсь утверждать, что не может быть ни одной метафизической задачи, которая не была бы здесь разрешена, или для решения которой не был бы дан здесь по крайней мере ключ. /Так и должно быть, потому что[3)] чистый разум есть совершенное единство: если бы принцип его был недостаточен для решения хотя бы одного из вопросов, поставленных ему собственной его природой, то его приходилось бы /выбросить совсем вон[4)], так как он оказался бы тогда непригодным /для надежного[5)] решения и всех остальных вопросов.

1) С, З – иллюзии, возникшие из-за ложных толкований
В – призрак, возникший из лжетолкований
(das Blendwerk, daß aus Mißdeutung entsprang)

2) С – при этом пришлось свести на нет
З – ценой утраты
(sollte... dabei zu Nichte gehen)

3) С – Действительно
З – и на самом деле
(In der Tat ist auch)

4) С – отвергнуть
З – отбросить целиком
(immerhin... wegwerfen könnte)

5) С – с полной достоверностью
(mit völliger Zuverlässigkeit)

Говоря это, я представляю себе на лице читателя презрение и недовольство A XIV по поводу таких, по-видимому, хвастливых и нескромных притязаний, между тем как на деле они несравненно умереннее, чем притязания какого-нибудь автора самой обыкновенной программы, уверяющего, что он доказал в ней простую природу д у ш и или необходимость /н а ч а л а м и р а[1)]. Такой автор берется расширить человеческое знание за границы всякого возможного опыта, тогда как я смиренно сознаюсь, что это совершенно превосходит мои силы; вместо этого я имею дело исключительно с самим разумом и его чистым мышлением, а за обстоятельным знанием о нем незачем ходить далеко, потому что /это мышление[2)] я нахожу в самом себе, и даже обыкновенная логика дает мне пример того, что все /простые акты чистого мышления[3)] могут быть вполне и систематически перечислены; но только здесь ставится еще вопрос, чего я могу надеяться достигнуть /посредством актов чистого мышления[4)], /если я не прибегаю к помощи опыта и к его содержанию[5)].

Таковы [наши заявления] относительно п о л н о т ы достижения к а ж д о й из целей и относительно о б с т о я т е л ь н о с т и достижения в с е х целей вместе, которые поставлены нам /не чьим-либо произволом[6)], а природой самого нашего познания, составля-

1) С, В – первого начала мира
(eines ersten Weltanfanger)

2) С – его [разум]
З – разум
В – их [разум и мышление]
(sie)

3) С – его простые функции
З, В – простые его [разума] действия
(ihre einfachen Handlungen)

4) С – с этим разумом
З – посредством разума
В – с ними
(mit derselben)

5) С, В – если от меня отнимут содержание и содействие опыта
(wenn mir aller Stoff und Beistand der Erfahrung genommen wird)

6) С, Г – не произвольны[м] замысл[ом] (намерением)
З – не чьим-то предписанием
(nicht ein belibiger Vorsatz)

ющего предмет (Materie) нашего критического исследования.

A XV Кроме того, что касается формы исследования, достоверность и ясность (Gewißheit und Deutlichkeit) принадлежат к числу существенных требований, которые справедливо могут быть предъявлены автору, отваживающемуся на такое опасное предприятие.

Что касается достоверности, я сам вынес себе следующий приговор: в такого рода исследованиях никоим образом не может быть дозволено что бы то ни было предполагать (zu meinen), в нем все, что имеет хотя бы малейшее сходство с гипотезой, есть запрещенный товар, который не может быть пущен в продажу даже и по самой дешевой цене, но должен быть конфискован тотчас же по открытии. Ведь всякое познание, /утверждаемое a priori[1], тем самым заявляет, что оно требует признания своей абсолютной необходимости; тем более должно иметь такой характер /исследование[2] всех чистых априорных знаний, которое само должно служить мерилом и, следовательно, примером всякой аподиктической (философской) достоверности. Выполнил ли я то, за что взялся, об этом я вполне предоставляю судить читателю, так как автору приличествует только излагать основания, но не оценивать действие их на его судей. A XVI Но для того чтобы какое-нибудь случайное обстоятельство не ослабило этого действия, пусть автору будет предоставлено право самому отмечать места, которые могли бы подать повод к некоторому недоверию, хотя они имеют отношение лишь /к частностям[1]: это необходимо для того, чтобы вовремя предупредить то влияние, которое могли бы иметь на суждение читателя по главному вопросу (Hauptzwecks) даже и малейшие сомнения в этом пункте.

1) С – которое должно стоять твердо a priori
З – устанавливаемое a priori (die a priori feststellen soll)

2) С, З – определение (Bestimmung)

1) З – к побочным целям (Nebenzweck)

Я не знаю других исследований, которые для обоснования способности, называемой рассудком, и вместе с тем для определения правил и границ ее применения были важнее, чем исследования, произведенные мной во второй главе трансцендентальной аналитики под заглавием Дедукция чистых понятий рассудка; зато они и стоили мне наибольшего труда, но я надеюсь, что этот труд не пропал даром. Это исследование, /имеющее довольно-таки глубокое основание[2], представляет (hat), однако, две стороны. Одна относится к предметам чистого рассудка и должна раскрыть и /объяснить[3] объективное значение его априорных понятий; поэтому-то она существенно входит в мои планы. Другая сторона состоит в исследовании самого чистого рассудка, что касается его возможности и познавательных сил, на которых он

2) С – поставленное достаточно глубоко
З – достаточно глубоко задуманное (die etwas tief angelegt ist)

3) С – доказать (dartun, expound)

сам основывается, т.е. в исследовании рассудка с его **A XVII** субъективной стороны, и хотя это исследование имеет огромное значение для моей /цели[1]), оно, однако, не входит в нее по существу: в самом деле, главный вопрос во всем исследовании состоит в том, что и насколько может быть познано рассудком и разумом независимо от всякого опыта, а не в том, как возможна сама способность мышления (zu denken). Последнее [исследование] есть как бы подыскивание причины к данному действию, и в этом смысле оно заключает в себе нечто подобное гипотезе (хотя на самом деле это не так, и я поясню это в другом месте); поэтому может показаться, что в этом случае я позволяю себе высказывать лишь свое мнение, а тогда и читателю должна быть предоставлена свобода иметь иное мнение. Ввиду этого я должен напомнить читателю, что в случае если моя субъективная дедукция не вызовет в нем полного /согласия[2]), на которое я рассчитываю, то все же объективная дедукция, составляющая здесь главную мою цель, /сохраняет[3]) всю свою силу, а для нее могут быть достаточны во всяком случае уже и те [аргументы], которые приведены на страницах 92 и 93[5].

1) С, З – главной цели (Hauptzweckes)

2) С – убеждения
З – убежденности (Überzeugung)
3) С – получит (bekomme)

Наконец, что касается ясности, читатель имеет право требовать прежде всего дискурсивной (логической) ясности **посредством понятий**, а затем также интуитивной (эстетической) ясности **A XVIII** посредством /**наглядных представлений**[1]) (4), т.е. примеров или других конкретных пояснений. О первого рода ясности я позаботился в достаточной степени; она составляла главную мою цель /и случайно была причиной[2]) того, что я не мог в достаточной степени удовлетворить второму, правда, не столь строгому, но все же законному (billigen) требованию. В течение своей работы я почти все время колебался, как поступить в этом отношении. Примеры и пояснения казались мне всегда необходимыми, и потому в самом деле в первом наброске они были приведены мной в соответствующих местах. Однако вскоре для меня выяснились громадность задачи и обилие предметов, с которыми мне придется иметь дело, и так как я увидел, что один этот [материал], в сухом чисто схоластическом изложении, уже придаст значительный объем моему сочинению, то я счел нецелесообразным еще более расширять его примерами и пояснениями, которые необходимы только для популярности, между тем как моя работа не могла быть при-

1) С, З, Г – созерцаний (Anschauungen) (intuition) (лат. ex visionibus)

2) С – Но была одна случайная причина
З – но и было случайной причиной
(war aber auch die zufällige Ursache)

[5] Уч. об. элем. ч. II, отд. 1, гл. 2, секц. 1: Переход к трансцендентальной дедукции категорий. [B - 125-126].

способлена /для широкого распространения[3], а настоящие знатоки науки не особенно нуждаются в этом облегчении: оно, действительно, /приятно[4], но здесь могло бы повлечь за собой /некоторое невыгодное следствие[5]. Правда, аббат Террассон (5) говорит: **A XIX** если измерять величину книги не числом листов, а временем, необходимым для того чтобы ее понять, то о многих книгах можно было бы сказать, что они были бы /короче[1], если бы не были чересчур коротки. Но, с другой стороны, если иметь в виду понятность /сложного[2] и в то же время объединенного одним принципом комплекса умозрительных знаний[3], то с таким же правом можно сказать: некоторые книги были бы /яснее[4], если бы их не старались сделать слишком ясными. В самом деле, средства, содействующие ясности, помогают пониманию отдельных частей сочинения, но нередко /рассеивают [внимание][5] в отношении к целому: они мешают читателю быстро обозревать целое и своими слишком яркими красками /затемняют и скрадывают[6] расчленение или построение (die Artikulation oder den Gliederbau) системы, между тем как именно от общего строения системы главным образом зависят суждения о единстве и обстоятельности ее.

Мне кажется, что читателю должно представляться в высокой степени заманчивым соединить свои силы с силами автора, если он надеется /вполне[7] довести до конца на солидной основе по предначертанному плану великое и важное дело. **A XX** Метафизика, выраженная в понятиях, которую мы дадим здесь, есть единственная из всех наук, имеющая право рассчитывать на достижение в течение короткого времени при незначительных, но зато соединенных усилиях, такого полного успеха (Vollendung), что потомству останется только /изменять согласно своим целям дидактическую форму ее изложения[1], но вовсе не увеличивать ее содержание. /Ведь метафизика[2] есть не что иное, как систематический инвентарь всего, чем мы обладаем благодаря чистому разуму. Здесь ничто не может ускользнуть от нас: то, что разум производит исключительно из себя самого, не может спрятаться, но выносится на свет разумом, как только открыт общий принцип /разума[3]. /Эти знания складываются из[4] чистых понятий, без всякого расширяющего и размножающего влияния со стороны опыта или хотя бы только со стороны частных наглядных представлений, которые могли бы повести к определенному опыту; поэтому [такого рода знания

3) С, В – для популярного применения (употребления) (dem populären Gebrauche)
4) С, В – всегда приятно (jederzeit angenehm ist)
5) С – противно[е] цели
З – нечто противоречащее (etwas Zweckwidriges)

1) З, В – значительно (еще) короче (viel kürzer)
2) С – обширного
З – пространного (weitläuftigen)
3) С – но в принципе объединенного целого в спекулятивном познании (in einem Prinzip zusammenhängenden Ganzen spekulativer Erkenntnis)
4) З – гораздо более ясными (viel deutlicher)
5) З – отдаляют понимание (zerstreuen)
6) С – скрывают и сглаживают (verkleben und unkenntlich machen)

7) З – целиком и неуклонно (ganz und doch dauerhaft)

1) С – в дидактической форме излагать ее сообразно со своими целями
З – все согласовать со своими целями на дидактический манер (als in der didaktischen Manier alles nach ihren Absichten einzurichten)
2) С – ибо это сочинение
З – Ведь это
В – Наш труд
(Denn es ist)
3) З – того, что им создано
Г – этого систематизирования (desselben)
4) С – Полное единство этого вида познания, и притом только из...
З – Полное единство такого рода знаний, а именно знаний исключительно из...
(Die vollkomene Einheit dieser Art Erkenntnisse, und zwar aus...)

обладают] совершенным единством /и[5] безусловная полнота [их] не только возможна, но и необходима. Tecum habita et noris, quam sit tibi curta supellex (Persius) (6).

A XXI Я сам надеюсь /построить[1] такую систему чистого (умозрительного) (spekulativen) разума под заглавием: метафизика природы. Эта система, будучи вдвое меньшей, должна тем не менее иметь гораздо более богатое содержание, чем [предпринимаемая мной теперь] критика [разума], /которая задается целью сперва вскрыть источники и условия возможности системы разума[2] и принуждена очищать и выравнивать почву, совершенно покрытую зарослями. /Здесь[3] я жду от читателя терпения и беспристрастия судьи, /а там[4] – /услужливости[5] и содействия помощника; в самом деле, хотя все принципы для системы разума изложены в критике разума во всей полноте, тем не менее обстоятельность системы требует еще, чтобы в нее вошли все производные понятия, которые не могут быть перечислены a priori, а должны быть найдены постепенно; кроме того, в критике разума (dort) исчерпывается весь синтез понятий, а в системе разума (hier) в дополнение к этому требуется произвести также [полный] анализ [их]; но все это задачи легкие, это скорее развлечение, чем труд.

Я должен здесь прибавить еще несколько замечаний относительно печатания этой книги. Так как печатание ее началось несколько поздно, то я A XXII мог просмотреть только около половины корректурных листов, в них я нашел несколько опечаток, правда, не искажающих смысла, за исключением опечатки на стр. 379, строке 4 снизу, где следует читать специфический вместо скептический. Антиномии чистого разума напечатаны (A 425-461) в виде таблицы так, /что доказательства[1] тезиса помещены на левой, а доказательства антитезиса – на правой стороне; я сделал это для того, чтобы легче было сравнивать их (Satz und Gegensatz) между собой.

5) С, З – [единство] делает эту (macht diese)

1) С – представить (zu liefern)
2) С – которая прежде всего должна указать источники и условия их возможности
З – которой приходится в первую очередь показать источники и условия собственной возможности
В – задача которой указать источники и условия возможности первой
(die zuvörderst die Quellen und Bedingungen ihrer Möglichkeit darlegen mußte)
3) З – В критике разума
В – Для последнего труда
(Hier)
4) З – а в изложении метафизики природы
В – для первого
(dort aber)
5) С, В – снисходительности
З – доброжелательности
(Willfährigkeit)

1) З – все, что относится к (daβ alles, was zur... gehört)

VII Предисловие ко второму изданию

Направилась ли разработка знаний, /составляющих [предмет] деятельности разума[1], по надежному пути науки или нет, это легко можно узнать по успехам [исследования]. Если исследование после многих приготовлений и приспособлений, уже приближаясь к цели, /вдруг останавливается[2] или, чтобы достигнуть цели, должно все вновь возвращаться назад и искать новых путей, точно так же, если нельзя согласить между собой различных сотрудников относительно того направления, в каком следует разрабатывать общую задачу, то можно быть уверенным, что подобное исследование вовсе еще не вступило на верный путь науки, /а сводится лишь к топтанию на месте[3]. В таком случае заслуга перед разумом состоит уже в том, чтобы по возможности найти научный путь, хотя бы при этом пришлось [признать иллюзией] /и отвергнуть[4] многое такое, что содержалось в необдуманно поставленной раньше цели.

1) З – которыми оперирует разум (die zum Vernunftgeschäfte gehören)

2) З – оказывается в тупике (in Stocken gerät)

3) С – а только ощупью, на удачу блуждает то там, то здесь З – а действует лишь ощупью (ein bloßes Herumtappen sei)

4) С – отказаться кое от чего З – отбросить как нечто бесполезное (als vergeblich aufgegeben werden müssen)

VIII Логика с древнейших времен уже пошла этим надежным путем. Это видно из того, что со времен Аристотеля /она не принуждена была[1] сделать ни одного шага назад, если не принимать в расчет исключение некоторых ненужных тонкостей и более ясное изложение, так как эти улучшения ведут скорее к изяществу, чем к /упрочению научности[2]. Замечательно, что логика до сих пор не могла также сделать ни одного шага вперед и, по-видимому, /имеет [совершенно] замкнутый, законченный характер[3]. Некоторые новейшие [исследования] хотели расширить ее тем, что включали в нее то психологические главы о различных познавательных способностях (о воображении, об остроумии), то метафизические [главы] о происхождении познания или о различных видах достоверности, смотря по различию объекта (идеализм, скептицизм и т.п.), то антропологические главы о предрассудках (о причинах их и средствах против них); однако эти [попытки] возникли вследствие незнания своеобразной (eigentümlichen) природы этой науки. /Смешение областей различных наук ведет не к расширению, а к искажению наук[4]. Границы логики совершенно точно определяются

1) З – ей не приходилось (keinen... hat tun dürfen)

2) С, В – научной основательности З – достоверности науки (Sicherheit der Wissenschaft)

3) С – заключена и закончена З – кажется... законченной и завершенной (geschlossen und vollendet zu sein scheint)

4) С – Наука не развивается, а подвергается порче, когда позволяют себе переходить ее границы (Es ist nicht Vermehrung, sondern Verunstaltung der Wissenschaften, wenn man ihre Grenzen in einander laufen läßt)

тем, что она есть наука, IX обстоятельно излагающая и строго доказывающая исключительно лишь формальные правила всякого мышления (независимо от того, имеет ли оно априорный или эмпирический характер, независимо от его происхождения или объекта, а также от того, встречает ли оно случайные или естественные препятствия в нашем /духе[1]).

Своими успехами логика обязана только /ограниченности своей задачи[2], которая дает ей право и даже обязывает ее отвлечься от всяких объектов знания и различий между ними; в ней, следовательно, рассудок имеет дело только с самим собой и /своими формами[3]. Конечно, разуму гораздо труднее было вступить на верный путь науки, так как он имеет дело не только с самим собой, но и с объектами; зато в свою очередь (daher) /логика играет роль лишь пропедевтики, лишь преддверия[4] науки, и если речь идет о знаниях, то логику, правда, /привлекают для оценки их[5], но приобретения их /ищут в настоящих науках об объектах[6].

Поскольку в этих [науках] должен быть разум, /некоторые элементы в них должны принадлежать к области априорных знаний[7], и эти знания могут двояким образом относиться к своему предмету, они могут или только о п р е д е л я т ь предмет и его понятие X (данное уже иным путем), или /д е л а т ь его также д е й с т в и т е л ь н ы м[1]. В первом случае мы имеем дело с т е о р е т и ч е с к и м, а во втором – с п р а к т и ч е с к и м п о з н а н и е м разума. И в той и в другой [сфере] прежде всего следует изложить особо, /все равно, окажется ли эта задача обширной или краткой, отдел чистого [знания][2], т.е. того [знания], в котором разум вполне a priori определяет свой объект, и с этим знанием не смешивать того, что получается из других источников; плохое то хозяйство, в котором деньги расходуются безотчетно, так что впоследствии, если хозяйство /расстроится[3], нет возможности определить, какая часть доходов может покрыть расходы и какую часть расходов нужно сократить.

М а т е м а т и к а и ф и з и к а суть две /теоретические науки[4] разума, которые должны определить свои о б ъ е к т ы a priori, первая вполне чисто, а вторая по крайней мере отчасти чисто из [разума], но, кроме того, также /при содействии[5] других источников знания помимо разума.

С самых ранних времен, до каких простирается история человеческого разума, м а т е м а т и к а пошла надежным путем науки среди достойного удивления греческого народа. Однако не следует думать, что ма-

1) С, В, З – душе
Г – духовном мире
(in unserem Gemüte)
2) З – определенности своих границ
(ihrer Eingeschränktheit)
3) С, З – своей формой
(seiner Form)
4) З – логика как пропедевтика составляет как бы только преддверие
(jene auch als Propädeutik gleichsam nur den Vorhof... ausmacht)
5) З – предполагается для суждения о них
(man... zu Beurteilung derselben voraussetzt)
6) С – надо искать в так называемых объективных науках
З – следует обращаться собственно к наукам об объектах
(in eigentlich und objektiv so genannten Wissenschaften suchen muß)
7) З – кое-что в них должно быть познано a priori
(so muß darin etwas a priori erkannt werden)

1) С – действительно создавать этот предмет
З, В – осуществлять его
(ihn auch wirklich zu machen)

2) З – как бы ни был велик или мал объем, раздел чистого знания
(der reine Teil, so viel oder so wenig er auch enthalten mag)

3) З – окажется в состоянии застоя
(in Stecken gerät)

4) З – области познания
(Erkenntnisse)

5) З – по данным
(nach Maßgabe)

тематика так же легко нашла или, вернее, создала себе этот царский путь, как логика, в которой разум имеет только дело с самим собой; XI наоборот, я полагаю, что ей долго приходилось топтаться на месте (особенно еще у египтян) и /переворот, равносильный революции[1]), был произведен в ней /счастливой попыткою какого-нибудь человека[2]), после которой нельзя уже было не видеть необходимого пути (Bahn) и благодаря которой надежный научный путь (Gang) был предложен и предначертан для всех времен и на бесконечном протяжении. История этой революции в образе мышления, более важной, чем открытие пути вокруг известного мыса [Доброй Надежды], а также имя произведшего ее счастливца не сохранились для нас. Одна сага, переданная нам Диогеном Лаэрцием, который сообщает имя мнимого изобретателя ничтожных, по общему мнению вовсе даже не требующих доказательства элементов геометрических демонстраций, показывает, что воспоминание о переменах, вызванных первыми следами открытия этого нового пути, было чрезвычайно важно в глазах математиков и потому запечатлелось в их памяти. [Новый] свет открылся тому, кто впервые доказал теорему о равнобедренном треугольнике (все равно, был ли это Фалес или кто-либо XII другой); он понял, что [его задача состоит] не в исследовании (nachspren) того, что он усматривает в фигуре или в понятии ее, как бы прочитывая в ней ее свойства, а в том, чтобы создать фигуру (путем конструирования) с помощью того, что он сам a priori сообразно понятиям мысленно вложил (hineindachte) [в нее] и представил [в ней]; он понял, что иметь надежное априорное знание мы можем лишь в том случае, если приписываем (beilegen müsse) вещи только то, что необходимо следует /из вложенного в нее нами самими сообразно нашим понятиям[1]).

Естествознанию было /еще труднее[2]) попасть на широкий путь (Heeresweg) науки; только полтора столетия назад предложение остроумного Бэкона Веруламского было отчасти причиной этого открытия, а отчасти просто толчком, подвинувшим его вперед, так как следы его уже были найдены; это также может быть объяснено только быстро совершившейся революцией в образе мышления. Я буду иметь в виду здесь естествознание только постольку, поскольку оно основывается на эмпирических принципах.

Естествоиспытатели увидели [новый] свет тогда, когда Галилей стал скатывать с наклонной плоскости шары, /изменяя тяжесть по своему произволу[3]),

1) С – ее успех надо приписать той революции (dieser Umänderung einer Revolution zuzuschreiben sei)
2) С, В – мысли одного человека
З – чьей-то счастливой догадке (Einfall eines einzigen Mannes)

1) З – из вложенного в нее им самим сообразно его понятию (was er seinem Begriffe gemäß selbst in sie gelegt hat)
2) С – еще медленнее
З– гораздо позднее (weit langsamer)

3) З – с им самим избранной тяжестью (mit einer von ihm selbst gewählten Schwere)

когда Торричелли заставил воздух поддерживать столб ртути, вес которого, как он заранее предвидел, был равен весу известного ему столба воды, или когда в /новейшее[4] время Шталь превращал металлы **XIII** в известь и известь обратно в металлы, что-то выделяя из этих веществ /или[1] присоединяя к ним*. Естествоиспытатели поняли тогда, что разум усматривает только то, что сам производит (hervorbringt) по собственному плану, /что он с принципами своих суждений, сообразными постоянным законам, должен идти впереди[2] и заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащиться за ней /на поводу[3], так как в противном случае наблюдения, произведенные наудачу (zufällige) без заранее составленного плана, /не будут объединены необходимым законом[4], между тем как разум ищет и требует такого [закона]. Со своими принципами, в одной руке, /с которыми должны сообразоваться явления, чтобы быть возведенными на степень закона[5], и с экспериментами, обдуманными соответственно принципам, в другой руке, должен подходить разум к природе, чтобы получать от нее поучения, однако не в качестве школьника, /которому учитель говорит все, что ему заблагорассудится[6], а в качестве /опытного[7] судьи, умеющего заставить свидетелей отвечать на предлагаемые им вопросы. Итак, даже и физика обязана столь благоприятной для нее революцией в образе мышления исключительно [счастливой] догадке **XIV** /искать (а не выдумывать) в природе сообразно тому, что сам разум вложил в нее, того, чему разум должен научиться от нее и чего он одними своими силами вовсе не узнал бы[1]. Таким образом, естествознание впервые попало на верный путь науки после того, как оно в течение

---

* Я здесь не следую точно истории экспериментального метода, первые зачатки которого к тому же неизвестны.

4) З – в еще более позднее
(in noch späterer)

1) З – и вновь
(und... wiedergab)
2) С, В – что принципами своих суждений он предупреждает (предваряет) постоянные законы
З – что он с принципами своих суждений должен идти впереди согласно постоянным законам...
(daß sie mit Prinzipien ihrer Urteile nach beständigen Gesetzen vorangehen... müsse)
3) С – как бы на помочах
З – словно на поводу
(gleichsam am Leitbande)
4) С – не могли бы привести к
З – не будут связаны
В – не навели бы на
(hängen... gar nicht in einem notwendigen Gesetze zusammen)
5) С – исключительно в силу которых сходные явления могут иметь силу законов
З – сообразно лишь с которыми согласующиеся между собой явления и могут иметь силу законов
(nach denen allein übereinkommende Erscheinungen für Gesetze gelten können)
6) С – который должен повторять все, что скажет учитель
З, Г – которому учитель подсказывает все, что он хочет (что ему угодно)
(der sich alles vorsagen läßt, was der Lehrer will)
7) С – полномочного
В – присяжного
(bestallten)

1) С – в природе надо искать (но не выдумывать) то, что вложил в нее сам разум, сообразно со своими свойствами, и что надо определить, чему она [физика] должна учиться от природы, о чем сама по себе она ничего не могла бы узнать
З – сообразно с тем, что сам разум вкладывает в природу, искать (а не придумывать) в ней то, чему он должен научиться у нее и чего он сам по себе не познал бы
(demjenigen, was die Vernunft selbst in die Natur hineinlegt, gemäß dasjenige in ihr zu suchen (nicht ihr anzudichten), was sie von dieser lernen muß, und wovon sie für sich selbst nichts wissen würde)

стольких веков /сводилось к одному лишь топтанию на месте[2].

Метафизика, совершенно изолированная /умозрительная наука разума[3], /вовсе не опирающаяся на поучения опыта[4] и [развивающаяся] только через понятия (а не через применение их к наглядным представлениям, как математика), так что в ней разум сам должен быть своим собственным учеником, до сих пор не пользовалась еще благосклонностью судьбы и не сумела выступить на верный путь науки, несмотря на то что она старее [и устойчивее] всех других наук, так как она сохранилась бы даже и в том случае, если бы все остальные [науки] были поглощены пропастью всеистребляющего варварства. В ней разум постоянно наталкивается на препятствия, даже и тогда, когда /она[5] хочет усмотреть a priori (/таковы ее притязания[6]) законы, подтверждаемые /ежедневным[7] опытом. В ней приходится бесчисленное множество раз возвращаться назад, так как оказывается, что /ее пути не ведут к цели[8], а что касается согласия ее приверженцев во **XV** взглядах, она чрезвычайно далека от него и представляет собой скорее арену, приспособленную, по-видимому, специально для упражнений в борьбе: ни один боец никогда еще не завоевал себе на ней ни малейшего места и не мог основать на своей победе прочного владения. Поэтому нет сомнения в том, что ее исследования (ihr Verfahren) до сих пор сводятся лишь к топтанию на месте (Herumtappen) и, что хуже всего, /среди одних лишь понятий[1].

Почему же здесь нельзя было найти до сих пор надежного научного пути? Или он невозможен? Но почему же природа наделила наш разум неустанным стремлением искать [здесь] такого пути, как будто бы это самое важное дело разума? /Как мало[2] у нас оснований доверять разуму, если он не только покидает нас в важнейшей сфере нашей любознательности, но и увлекает нас ложными обещаниями, чтобы в конце концов обмануть нас! Или если до сих пор он только ошибался, /то какими признаками можно воспользоваться, чтобы при возобновленных попытках надеяться[3], что мы будем счастливее своих предшественников?

Пример математики и естествознания, достигнувших благодаря быстро **XVI** совершившейся революции теперешней ступени [своего развития], достаточно замечателен, я полагаю, /чтобы побудить к исследованию той сущности перемены[1] в образе мышле-

2) С – брело наудачу
З – двигалось ощупью
(ein bloßes Herumtappen gewesen war)
3) С, З – спекулятивное познание разумом
(spekulativen Vernunfterkenntnis)
4) С – поднимается над всеми показаниями опыта
З – которая целиком возвышается над знанием из опыта
(die sich gänzlich über Erfahrungsbelehrung erhebt)
5) З – он [разум]
(sie)
6) З – (как он [разум] считает себя вправе)
(wie sie sich anmaßt)
7) С, З – самым обыкновенным (обыденным)
(gemeinste)
8) С – дорога ведет совсем не туда, куда хотели идти
З – путь не ведет туда, куда мы хотели
(er [Weg] dahin nicht führt, wo man hin will)

1) З – [оперировала] одними только понятиями
(unter bloßen Begriffen gewesen sei)
2) З – Более того, как мало
(Noch mehr, wie wenig)

3) З – то какие показания дают нам при возобновлении исследований основание надеяться
(welche Anzeige können wir benutzen, um erneuertem Nachsuchen zu hoffen)

1) С – чтобы задуматься над существенными моментами в таком... изменении
(um dem wesentlichen Stücke der Umänderung nachzusinnen)

ния, которая оказалась для них столь выгодной, и чтобы, по крайней мере, попытаться подражать им, /поскольку это возможно благодаря сходству их[2] как познаний разума с метафизикой. До сих пор [господствовало] предположение, /что все наши познания должны сообразоваться с предметами[3]; однако при этом предположении все попытки /дойти a priori через понятия до чего-либо[4], что расширяло бы наши знания о предметах, рушились (gingen...zu nichte). Поэтому следует хоть раз испытать, не разрешим ли мы задачи метафизики более удачно, если предположим, что предметы должны /сообразоваться с нашим знанием[5], тем более, что это предположение лучше согласуется с требованием возможности априорного знания, которое должно установить некоторые [положения] (etwas) о предметах раньше, чем предметы даны нам. Здесь повторяется нечто подобное мысли Коперника: когда оказалось, что гипотеза вращения всех небесных светил вокруг наблюдателя недостаточно хорошо объясняет небесные движения, то он попробовал, не удастся ли достигнуть лучших результатов, если предположить, что наблюдатель движется, а звезды находятся в покое. И в метафизике можно сделать такое же предположение, **XVII** что касается /наглядных представлений[1] предметов. Если бы наглядные представления /должны были согласовываться со свойствами предметов[2], то я не усматриваю, каким образом можно было бы знать что-нибудь a priori о предметах; наоборот, если предметы (как объекты чувств) согласуются со свойствами нашей способности представления, то я вполне понимаю (kann ... vorstellen) возможность априорного знания. Но так как я не могу остановиться на этих наглядных представлениях и для того, чтобы они сделались знанием, я должен отнести их как представления к чему-нибудь как к предмету, /который определяется этими представлениями[3], то [отсюда следует, что] я принужден допускать одно из двух: или понятия (als Vorstellungen), посредством которых я произвожу это определение предмета, сообразуются с предметом, и тогда я опять попадаю в прежнее затруднение относительно того, как я могу a priori знать об этом что-либо, или, наоборот, предметы, т.е., что одно и то же, опыт, /служащий единственным источником познания предметов (как данных)[4], сообразуется с этими понятиями. В последнем случае решение вопросов становится легким: в самом деле, сам опыт есть вид познания, требующий [участия] рассудка, правила которого я должен предполагать в себе еще до того, как мне даны предметы, следовательно,

2) С – насколько это позволяет аналогия их
(so viel ihre Analogie... verstattet)
3) С – все наше познание должно соответствовать предметам
(alle unsere Erkenntnis müsse sich nach den Gegenständen richten)
(all our knowledge must conform to objects)
(лат. – cognitionem nostram universam ex rebus ipsis sese effingere)
4) З – через понятия что-то a priori установить относительно предметов
(über sie a priori etwas durch Begriffe auszumachen)
5) С – соответствовать нашему познанию
В – направляется сообразно с нашими познаниями
(sich nach unserem Erkenntnis richten)
(conform to our knowledge)
(лат. – nostris notitiis obsequi)
(фр. – les objets se règlent sur notre connaissance)
(ит. – nostra conoscenza debba regolarsi secondo gli oggetti)

1) С, З – созерцания
(die Anschauung)
2) С – должно применяться к свойству
В – должно направляться сообразно со свойством
(sich nach der Beschaffenheit den Gegenstände richten müßte)

3) С – и этот предмет ими определить
З – который я должен определить посредством этих созерцаний
(und diesen [Gegenstand] durch jene [Vorstellungen] bestimmen muß)

4) З – единственно в котором их (как данные предметы) и можно познать
(in welcher sie allein (als gegebene Gegenstände) erkannt werden)

a priori и эти правила должны быть выражены в априорных понятиях, /с которыми, следовательно, все предметы необходимо должны сообразовываться и совпадать[5]. XVIII Что же касается предметов, мыслимых только разумом и притом необходимо, но вовсе не могущих быть данными в опыте (по крайней мере так, как их мыслит разум), то попытки мыслить их (так как они должны быть мыслимыми) дадут нам впоследствии превосходное испытание (Probierstein) того, что мы считаем измененным методом мышления, именно того [учения], согласно которому мы a priori познаем о вещах лишь вложенное в них нами самими*.

Эта попытка удается /вполне и дает[2] метафизике надежду на правильный научный путь в первой ее части, т.е. там, где метафизика занимается априорными понятиями, /соответственно которым могут быть даны предметы в опыте[3]. XIX В самом деле, после этой перемены в образе мышления нетрудно объяснить возможность априорного познания и, что еще важнее, дать достаточное доказательство законов, лежащих a priori в основе природы как совокупности предметов опыта, между тем как решение и той и другой задачи при прежнем /образе мышления[3] было невозможно. Однако из этой дедукции нашей способности /априорного знания[4] в первой части метафизики получается странный и, по-видимому, весьма неблагоприятный /для целей всей[5] второй части метафизики результат, именно признание того, что мы с помощью способности априорного знания (mit ihm) никогда не можем выйти за границы возможного

* Следовательно, этот метод, подражающий естествознанию, состоит в искании элементов чистого разума в том, что может быть подтверждено или опровергнуто экспериментом. Но для испытания положений чистого разума, в особенности когда они отважно заходят за границы всякого возможного опыта, нельзя сделать ни одного эксперимента с его объектами (как в естествознании): следовательно, /мы можем подвергнуть испытанию[1] только допущенные a priori понятия и основоположения, построив их так, что одни и те же предметы могут быть рассматриваемы с двух различных сторон, с одной стороны, XIX как предметы чувств и рассудка /в опыте[1], а с другой стороны, как предметы только мыслимые, [существующие] только для изолированного разума, стремящегося за пределы всякого опыта. Если окажется, что при рассмотрении вещей с этой двоякой точки зрения является согласие с принципом чистого разума, а при рассмотрении с одной лишь точки зрения неизбежно возникает /противоречие[2], то [этот] эксперимент будет заключать в себе подтверждение (entscheidet) правильности [устанавливаемого нами] различения.

5) З – с которыми, стало быть, все предметы опыта должны сообразовываться и согласовываться (nach denen sich also alle Gegenstände der Erfahrung notwendig richten und mit ihnen übereinstimmen müssen)

2) З – по нашему желанию обещает (nach Wunsch und verspricht)

3) С – соответствующие предметы для которых могут быть даны в опыте (davon die korrespondirenden Gegenstände in der Erfahrung jenen angemmessen gegeben werden können)

3) С – отношении к делу

3, В – методе (Verfahrungsart)

4) С, З – априорного познания (a priori zu erkennen)

5) З – для всей цели (dem Ganzen Zwecke)

1) С – здесь мы имеем дело (wird es... tunlich sein)

1) С, 3, В – для опыта (für die Erfahrung)

2) С, 3, В – противоречие разума с самим собой (Widerstreit der Vernunft mit sich selbst)

опыта, между тем как именно эта цель составляет существенную задачу метафизики (dieser Wissenschaft). Зато здесь именно /получается испытание[6] XX /истинности[1] первой нашей оценки априорного познания разума, согласно которой это знание относится только к явлениям, /а вещи в себе остаются непознанными нами, хотя и действительными сами по себе[2]. В самом деле, нас побуждает необходимо выходить за границы опыта и всех явлений [идея] безусловного, которое разум необходимо и по справедливости ищет в вещах в себе [в дополнение] ко всему обусловленному, требуя таким образом законченного ряда условий. Если теперь оказывается, что [учение, согласно которому] /наша способность познания[3] сообразуется с предметами как вещами в себе, /неизбежно приводит к противоречиям в понятии безусловного[4]; если, наоборот, [учение, согласно которому] /не представления вещей как они даны нам сообразуются с вещами в себе[5], а скорее предметы (diese Gegenstände) как явления сообразуются с нашей способностью представления, /освобождает нас от противоречий[6], и, следовательно, безусловное должно находиться не в вещах, поскольку мы их знаем ([поскольку] они даны нам), а в вещах, поскольку мы их не знаем, [т.е.] /в вещах в себе[7]; то отсюда становится ясно, что сделанное нами сначала в виде попытки допущение [хорошо] XXI обосновано*. Однако

6) С – дается обратный эксперимент
(liegt eben das Experiment einer Gegenprobe)

1) С – истинности результата
(der Wahrheit des Resultats)

2) З, Г – а вещь в себе остается непознанной нами, хотя она сама по себе (для себя) и действительна
(die Sache an sich selbst dagegen zwar als für sich wirklich, aber von uns unbekannt liegen lasse)
(leave the thing in itself as indeed real per se, but as not known by us)
(лат. – contra rem ipsam in se spectatam per se veram quidem, sed a nobis haud cognitam)
(фр. – les choses en soi qui, bien qui réeles en elles-mêmes, nous restent inconnues)
(ит. – la cosa in sé certo sussista come per sé reale, ma sia da noi sconosciuta)

3) С, В – наше опытное познание
(unsere Erfahrungserkenntnis)

4) З – безусловное вообще нельзя мыслить без противоречия
(das Unbedingte ohne Widerspruch gar nicht gedacht werden könne)

5) С – наше представление о вещах, как они даны нам, не соответствует им как вещам в себе
(unsere Vorstellung der Dinge, wie sie uns gegeben werden, richte sich nicht nach diesen als Dingen an sich selbst)

6) С, З – противоречие отпадает
(der Wiederspruch wegfalle)

7) З, Г – как в вещах в себе (самих по себе)
(als Sachen an sich selbst)

---

* Этот эксперимент чистого разума во многих отношениях походит на те эксперименты химиков, которые они называют иногда редукцией (den Versuch der Reduktion), а вообще – синтетическим методом исследования. Анализ метафизика разделил чистое априорное знание на две чрезвычайно разнородные группы (Elemente), – знание вещей как явлений и знание вещей в себе. Диалектика в свою очередь /приводит обе [эти группы] к согласию[1] с необходимой идеей разума, [именно] с идеей безусловного, и находит, что это согласие получается не иначе, как через упомянутое различение, которое, следовательно, заключает в себе истину.

1) С – соединяет их в одно
(verbindet beide zur Einhelligkeit)

после того, как теоретическому разуму отказано во всяком движении вперед в этой области сверхчувственного, у нас все же еще остается возможность попытаться, нельзя ли найти в практическом познании разума данных для определения этого трансцендентного [принадлежащего] разуму понятия безусловного и таким образом, согласно желанию метафизики, выйти за границы всякого возможного опыта с помощью нашего априорного, но, правда, /уже лишь практического[2] знания. В таком случае теоретический разум все же по крайней мере /подготовил[3] для подобного расширения знания место, хотя бы тем, что должен был оставить его пустым, и нам таким образом /предоставлена [свобода] или /даже предъявлено требование[4] заполнить это **XXII** пустое место, если мы можем, /данными практического разума[1]*.

[Вся] задача этой критики чистого теоретического разума состоит в попытке изменить прежний метод метафизики, именно совершить в ней полный переворот (Revolution), следуя примеру /геометрии и естествознания[4]. Эта критика есть трактат о методе, а не система самой науки, но тем не менее она заключает в себе полный очерк системы метафизики, как в отношении ее границ, так и в отношении всего внутреннего расчленения ее. **XXIII** В самом деле, чистый теоретический разум обладает своеобразной особенностью, состоящей в том, что он может измерить свои способности сообразно различным способам, какими он избирает себе объекты для мышления, может даже сполна перечислить /все[1] способы постановки проблем и потому может и должен дать полный набросок системы метафизики; действительно, что касается первой задачи, априорное знание не может приписывать объекту (den Objekten) ничего, кро-

2) С – возможного только в практическом отношении
З – лишь практически возможного
(nur in praktischer Absicht möglichen)
3) С – дает
З – предоставил
(verschafft)
4) З – у нас есть еще возможность, более того, нам вменено в обязанность
(es bleibt uns also noch unbenommen, ja wir sind gar dazu durch sie aufgefordert)

1) З – практическими данными разума
(durch praktische Data derselben)

4) С, З, В – геометров и естествоиспытателей
(Geometer und Naturforscher)

1) С, В – различные
(mancherlei)

---

* Подобным образом законы тяготения (Zentralgesetze), [определяющие] движение небесных тел, придали характер полной достоверности той мысли, которую Коперник высказал первоначально лишь как гипотезу, и вместе с тем доказали [существование] невидимой связующей все мироздание силы (ньютоновского тяготения), которая осталась бы навеки неоткрытой, если бы Коперник /не отважился, идя против показаний чувств, но следуя при этом истине, отнести наблюдаемые движения не к небесным телам, а к их наблюдателю[2]. В этом предисловии я выставляю предлагаемое в моей Критике и аналогичное гипотезе [Коперника] изменение в мышлении только как гипотезу, хотя в самом сочинении оно доказывается из свойств наших представлений о пространстве и времени и элементарных понятий рассудка аподиктически, а не гипотетически; [я делаю это в предисловии], чтобы обратить внимание уже на первые попытки такого изменения, которые, /без сомнения[3], имеют гипотетический характер.

2) С – не попытался нелогичным, но правильным способом искать причину наблюдаемых движений не в предметах неба, а в их наблюдателе
(es nicht gewagt hätte, auf eine widersinnliche, aber doch wahre Art die beobachteten Bewegungen nicht in den Gegenständen des Himmels, sondern in ihrem Zuschauer zu suchen)
3) С, З – всегда
(allemal)

ме того, что мыслящий субъект берет сам из себя, а что касается второй [задачи], разум, /поскольку он содержит в себе[2] принципы познания, представляет собой обособленное вполне /самостоятельное[3] единство, в котором, как в организме (in einem organisierten Körper), каждый член существует для всех остальных и все для каждого, так что ни один принцип не может быть принят с уверенностью в одном отношении, не будучи в то же время подвергнут исследованию во всех отношениях его ко всему применению чистого разума. Благодаря этому метафизика имеет особое преимущество (das selten Glück), которым не пользуются другие науки разума, имеющие дело с объектами (логика (denn die Logik) [здесь не идет в счет, так как она] занимается только формой мышления вообще): если она благодаря этой критике вступит на верный путь науки, она может вполне овладеть всем полем относящихся к ней знаний, (und also) **XXIV** завершить свое дело [до конца] и передать плоды его потомству в пользование, как капитал (Hauptstuhl), не подлежащий дальнейшему увеличению, так как она имеет дело только с принципами и ограничениями их употребления, которые определяются /той же критикой[1]. Мало того (daher), как основная наука, она даже обязана обладать такою полнотой, и потому к ней можно применить стих (muß gesagt werden können): nil actum reputans, si quid superesset agendum.

2) С – в отношении
З – когда он касается
(in Ansehung)

3) С – само по себе
существующее
(für sich bestehende)

1) С – самой этой критикой
(durch jene selbst)

Нам могут задать вопрос: что за сокровище хотим мы завещать потомству в форме такой метафизики, очищенной (geläuterten) критикой и вследствие этого приведенной в устойчивое состояние? Поверхностный обзор этого сочинения /может привести к мысли[2], что оно имеет чисто отрицательное /значение[3], именно предостерегать нас против всяких попыток выходить с помощью теоретического разума за пределы опыта. И в самом деле, такова первая полезная [сторона] этого сочинения. Но она приобретает тотчас же положительный характер, если обратить внимание на то, что основоположения, с которыми теоретический разум отваживается выйти за границы опыта, имеют своим неизбежным результатом (Erfolg), если присмотреться [к делу] ближе, не расширение, а сужение применения нашего разума, так как они, /принадлежа к [сфере] чувственности[4], **XXV** угрожают /распространить[1] границы чувственности [на все] и таким образом /совсем уничтожают[2] чистое (практическое) применение разума. Итак, критика, ограничивающая чувственность (die erstere) [ее собственной сферой], /имеет отрицательный характер[3], но так как она тем самым

2) З – может показаться
(wahrzunehmen glauben)
3) С, З, В – пользу
(Nutzen)

4) З – принадлежа, собственно говоря, к сфере чувственности
(zu der sie eigentlich gehören)

1) С, З – расширить безмерно
(über alles zu erweitern)

2) З – вообще вытеснить
(gar zu verdrängen)

3) З – правда, негативна
(sofern zwar negativ)

/уничтожает[4] препятствие, ограничивающее или даже угрожающее совсем уничтожить практическое применение разума, то на деле она приносит положительную и очень существенную пользу, если только согласиться с тем, что [действительно] существует абсолютно необходимое практическое употребление (нравственное) (den moralischen) чистого разума, в котором он неизбежно выходит за границы чувственности и /при этом, правда, не пользуется помощью теоретического разума[5], но должен быть огражден от противодействий со стороны его, чтобы не впасть в противоречия с самим собой. /Отрицать эту положительную пользу критики[6] – это все равно, что утверждать, будто полиция не приносит никакой положительной пользы, так как главная ее задача состоит только в предупреждении насилий одних граждан над другими, для того чтобы каждый мог спокойно и /правильно[7] заниматься своим делом. В аналитической части критики доказывается, что пространство и время суть только формы чувственного представления (Anschauung), т.е. только условия существования вещей как явлений, далее [в ней доказывается], что у нас есть понятия рассудка и, следовательно, элементы для познания вещей только постольку, **XXVI** поскольку могут быть даны соответствующие этим понятиям наглядные представления, а потому мы можем познавать предметы не как вещи в себе, а только как объекты чувственного наглядного представления, т.е. как явления. Отсюда /необходимо[1] следует ограничение /всякого возможного теоретического знания[2] одними только предметами опыта. Однако при этом – и это надо хорошо запомнить – /остается возможным[3], что мы, хотя и не можем познавать, все же можем по крайней мере мыслить те же предметы так же и как вещи в себе*. В противном случае мы пришли бы к бессмысленному утверждению, /будто **XXVII** явление существует без чего бы то ни было, что является[1]. Предположим теперь, что

4) С – устраняет
З – снижает
(aufhebt)

5) З – хотя для этого он не нуждается в помощи спекуляции
(dazu sie zwar von der spekulativen keiner Beihilfe bedarf)

6) С – В этом отношении отрицать положительную пользу за критикой
(Diesem Dinste der Kritik den positiven Nutzen abzusprechen)

7) С – безопасно
З – безбоязненно
(sicher)

1) С – конечно
(freilich)

2) З – всякого лишь возможного спекулятивного познания посредством разума
(aller nur möglicher spekulativen Erkenntnis der Vernunft)

3) С – но все-таки мы должны удержать и то положение
З – у нас всегда остается возможность
(Gleiwohl wird... doch dabei immer vorbehalten)

1) С, В – что существует явление без того, чтó в нем является
(daβ Erscheinung ohne etwas wäre, was da erscheint)

4) С – есть только
(nur... ist)

5) С – надо искать не в
З – не обязательно искать в
(braucht eben nicht in... gesucht zu werden)

---

* Для познания предмета необходимо, чтобы я мог доказать его возможность (или по свидетельству опыта на основании (aus) действительности предмета, или a priori с помощью разума). Но мыслить я могу что угодно (was ich will), если только я не противоречу себе, т.е. если [только] мое понятие /есть[4] возможная мысль, хотя бы я и не мог решить, соответствует ли ей объект среди (im) совокупности всех возможностей. Но для того чтобы приписать такому понятию объективное значение (реальную возможность, так как первая возможность была только логической), требуется нечто большее. Однако это большее /не необходимо должно заключаться в[5] теоретических источниках знания, оно может исходить также из практических источников знания (in praktischen liegen).

установленное нашей критикой необходимое различение вещей как предметов опыта, /и вещей[2] как вещей в себе не было бы сделано. /В таком случае закон причинности, а следовательно, и механизм природы, обусловленный этим законом, должен был бы распространяться на все вещи вообще как на[3] действующие причины. Тогда нельзя было бы, не впадая /в[4] противоречие, сказать об одном и том же существе, напр. о человеческом духе (Seele), что воля его свободна и тем не менее в то же время подчинена естественной необходимости, т.е. не свободна: [противоречие здесь возникло бы] потому, что в обоих утверждениях я брал бы понятие души в одном и том же значении, именно как вещь (Ding) вообще (как вещь (Sache) в себе) и без /указанной[5] критики не мог бы поступить иначе. Наоборот, если критика [разума] права, /заставляя нас рассматривать[6] [всякий] объект в двояком значении как явление или как вещь в себе, если ее дедукция понятий рассудка правильна и, следовательно, также и основоположение причинности относится только к вещам в первом смысле [этого слова], именно поскольку они суть предметы опыта, между тем как вещи в себе, т.е. вещи во втором смысле [этого слова], вовсе не подчинены ему, то в таком случае, вовсе не впадая в противоречие, одну и ту же волю можно мыслить, **XXVIII** с одной стороны, /как явление[1] (/видимые поступки[2]), необходимо сообразное /с законом причинности[3] и в этом смысле не свободное, а с другой стороны, как /свойство[4] вещи в себе, следовательно, как нечто не подчиненное закону причинности и потому свободное. Конечно, свою душу /как вещь в себе[5] я никоим образом не могу познать с помощью теоретического разума (и тем менее с помощью эмпирического наблюдения) и, следовательно, не могу также познать свободу как свойство существа, которому я приписываю действия в чувственном мире, /потому что я должен был бы познавать такое бытие как определенное по своему существованию и тем не менее не определенное во времени (а это невозможно, так как я не могу найти наглядного представления, соответствующего подобному понятию)[6]. Тем не менее я могу мыслить свободу, т.е. представление о ней, по крайней мере, не содержит в себе противоречий, если принять наше критическое различение двух способов представления (чувственного и интеллектуального) и связанное с ним ограничение понятий чистого рассудка, а следовательно, также и ограничение вытекающих из них основоположений. Допустим теперь, что нравственность (die Moral) необходимо

2) С – от них же
(von eben denselben)
3) З – В таком случае закон причинности и, стало быть, механизм природы, должны были бы при определении причинности непременно распространяться на все вещи вообще, как на...
(so müßte der Grundsatz der Kausalität und mithin der Naturmechanismus in Bestimmung derselben durchaus von allen Dingen überhaupt als... gelten)
4) С, В – в очевидное
З – в явное
(in einen offenbaren)
5) С, В – предшествующей
З – предварительной
(vorhergehende)
6) С – когда она учит брать
З – поскольку она учит нас рассматривать
(da sie... nehmen lehrt)

1) С, В – в явлении
З – в [ее] проявлении
(in der Erscheinung)
2) С, В – в видимых действиях
З – в наблюдаемых поступках
(den sichtbaren Handlungen)
3) С, З, В – с законом природы
(nach dem Naturgesetze)
4) З – принадлежащую
(angehörig)
5) С, В – если буду смотреть на нее с последней стороны
(von der letzeren Seite betrachtet)

6) З – по той причине, что я должен был познавать такую сущность как определенную по ее существованию, но не во времени (что невозможно, так как я не могу заменить мое понятие созерцанием)
(darum weil ich ein solches seiner Existenz nach, und doch nicht in der Zeit, bestimmt erkennen müßte (welches, weil ich meinem Begriffe keine Anschauung unterlegen kann, unmöglich ist)

предполагает свободу (в полном смысле этого слова (im strengsten Sinne)) как свойство нашей воли, /так как она указывает как на свои априорные данные на такие практические первоначальные, заложенные в нашем разуме основоположения[7], которые были бы совсем невозможны **XXIX** без допущения свободы, [допустим также], что теоретический разум доказал бы, будто свобода вовсе не может быть мыслима, в таком случае первое предположение, именно [предположение] нравственности необходимо должно было бы уступить место (weichen) тому, противоположность чего содержит в [себе] явное противоречие, следовательно, свобода, а вместе с тем и нравственность (так как противоположность ее не содержит [в себе] никакого противоречия, /если только не допущено [существование] свободы[1]) принуждены были бы уступить место [den Platz einräumen] механизму природы. Наоборот, я [в своем учении] не требую для морали ничего, кроме того, чтобы свобода не противоречила самой себе и, следовательно, чтобы можно было, по крайней мере, мыслить ее, /не добиваясь дальнейшего исследования ее[2], иными словами, [я нуждаюсь лишь в том], /чтобы свобода не препятствовала естественному механизму того же самого акта (взятого в ином отношении)[3] при этом условии /учение о нравственности и учение о природе не мешают друг другу[4], чего не было бы, если бы критика не открыла нам заранее нашего неизбежного /незнания вещей в себе и не [показала], что все возможные для нас теоретические знания относятся только к явлениям[5]. Точно такое же разъяснение положительной пользы критических основоположений чистого разума можно сделать и в применении к понятиям Бога и простой природы нашей ду-

7) С – причем указывает практические, заложенные в нашем разуме, первоначальные основоположения, как ее |морали| данные a priori
З – a priori указывая как на данные нашего разума на такие практические первоначальные, заложенные в нем принципы (indem sie [Moral] praktische in unserer Vernunft liegende, ursprüngliche Grundsätze als Data derselben a priori anführt)

1) С, З – если только не предполагается свобода (wenn nicht schon Freiheit vorausgesetzt wird)

2) З – без необходимости дальнейшего ее усмотрения (ohne nötig zu haben, sie weiter einzusehen)

3) С – что свобода в своих действиях (взятых в другом отношении) не полагает никаких препятствий на дороге механизма природы
З – чтобы свобода никоим образом не препятствовала природному механизму одного и того же действия (взятого в ином отношении) (daβ sie also dem Naturmechanismus eben derselben Handlung (in anderer Beziehung genommen) gar kein Hinderniβ in den Weg lege)

4) С – учение о нравственности сохраняет свое место, а учение о природе свое (so behauptet die Lehre der Sittlichkeit ihren Platz, und die Naturlehre auch den ihrigen)

5) С – неведения относительно вещей в себе и не ограничила бы простыми явлениями того, что... (Unwissenheit in Ansehung der Dinge an sich selbst und alles... auf bloβe Erscheinungen eingeschränkt hätte)

ши, но ради краткости я опущу его. Я не могу, XXX следовательно, даже допустить [существование] Бога, свободы и бессмертия для целей необходимого практического применения разума, если предварительно (zugleich) я не отниму у теоретического разума его притязаний /на трансцендентные знания[1], потому что, добиваясь этих знаний, он принужден пользоваться такими основоположениями, которые на самом деле приложимы (reichen auf) только к предметам возможного опыта, и, будучи, несмотря на это, применены /к вещам, выходящим за пределы опыта[2], /собственно[3], превращают их в явления, делая (erklären) таким образом невозможным всякое практическое расширение чистого разума. /Поэтому я должен был ограничить область знания, чтобы дать место вере[4], так как догматизм метафизики, т.е. предрассудок, будто в ней можно преуспевать (fortzukommen) без критики чистого разума, есть настоящий источник всякого противного нравственности неверия, которое всегда имеет в высокой степени догматический характер. Итак, если нетрудно оставить потомству в завещание систему метафизики, составленную сообразно (nach Maßgabe) критике чистого разума, то этот подарок не следует считать малоценным /даже в том случае, если иметь в виду только культуру разума, обеспечивающую надежный научный метод вообще в противовес бесцельному топтанию
XXXI на месте и легкомысленному блужданию разума, лишенному критики[1], или [также если принять в расчет] лучшее употребление времени любознательной молодежью, которую /обыкновенный догматизм[2] так рано и в такой чрезмерной степени поощряет с удобством мудрствовать (bequem zu vernünfteln) о вещах, в которых она ничего не понимает и о которых она, как и все, никогда ничего не узнает (nie etwas einsehen wird), или даже [тратить свои силы] на изобретение новых мыслей и мнений и вследствие этого пренебрегать изучением основательных наук; но в особенности надо принять в расчет неоцененную пользу [критики], приносимую тем, что она на все будущие времена полагает конец всем нападениям против нравственности и религии, делая это с помощью сократовского приема (auf sokratische Art), именно ясно доказывая незнание своих противников. Ведь какая-нибудь метафизика всегда была и будет суще-

1) С – на чрезмерные обобщения (überschwenglicher Einsichten)

2) С, З – к тому, что не может быть предметом опыта (was nicht ein Gegenstand der Erfahrung sein kann)

3) З – в самом деле (wirklich)

4) С – Таким образом, я должен был уничтожить знание, чтобы дать место вере
З, В – Поэтому мне пришлось ограничить знание, чтобы освободить место вере
Г – пришлось возвысить [устранить] знание, чтобы
(Ich mußte also das Wissen aufheben, um zum Glauben Platz zu bekommen)
(I have therevore found it necessary to deny knowledge, in order to make room for faith)
(Meikl. – I must therefore abolish knowledge to make room for belief)
(лат. – Itaque scientia tollenda fuit, ut fidei locus esset)
(фр. – J'ai donc dû supprimer le savoir pour lui substituer la croyance)
(Tissot – Je devais donc abolir la science pour faire la place à la foi)
(ит. – Ho dovuto dunque eliminare il sapere, per far posto alla fede)

1) С – надо обратить внимание на культуру разума, вышедшего на настоящую дорогу науки, и сравнить с беспочвенным блужданием и легкомысленными скачками его без этой критики
(man mag nun bloß auf die Kultur der Vernunft durch den sicheren Gang einer Wissenschaft überhaupt, in Vergleichung mit dem grundlosen Tappen und leichtsinnigen Herumstreifen derselben ohne Kritik sehen)

2) З, Г – во времена обычного (привычного) догматизма (beim gewönlichen Dogmatismus)

ствовать в мире, а вместе с ней [необходимо должна существовать] и диалектика чистого разума, /потому что она естественно присуща метафизике[3]. Поэтому первая и важнейшая задача философии заключается в том, чтобы устранить раз навсегда вредное влияние [этой диалектики], уничтожить (verstopft) источник заблуждений.

Несмотря на эту важную перемену в области наук и на потери, которые должен понести теоретический разум /в мнимопринадлежавшей ему до сих пор области[4], XXXII все общечеловеческие интересы и все выгоды, которые до сих пор /извлекались[1] из учений чистого разума, остаются в прежнем /положении[2], и утрата затрагивает только монополию школ, а вовсе не интересы человечества. Пусть самый непреклонный представитель догматизма ответит на вопрос, доходили ли когда-либо до широких слоев общества (bis zum Publikum) и могли ли иметь хоть какое-нибудь влияние на их убеждения такие рассуждения школьных философов (von den Schulen ausgingen), как доказательство бессмертия души на основании простоты субстанции, доказательство свободы воли в противоположность [учению о] всеобщем механизме с помощью утонченных, но бессильных различений между субъективной и объективной практическою необходимостью, или доказательство бытия Бога из понятия всереальнейшего существа (из случайности изменчивого [бытия] и из необходимости первого двигателя). Конечно, этого не случалось, да и никогда не могло случиться вследствие неспособности обыкновенного человеческого рассудка к таким утонченным умозрениям; но тем не менее, что касается первого вопроса, присущее каждому человеку /свойство[3] его природы никогда не удовлетворяться временным [бытием] (как недостаточным /для [оснований] назначения человека[4]) побуждает к надежде на загробную (künftigen) жизнь, далее, что касается второго вопроса, простое ясное XXXIII изложение /долга[1] в противоположность притязаниям страстей [приводит] к сознанию свободы, наконец, что касается третьего вопроса, величественный порядок, красота и /предусмотрительность[2], проглядывающие во всем в природе, сами по себе способны пробудить веру в мудрого и великого Создателя мира (Welturheber); одних [перечисленных оснований] достаточно уже для распространения в обществе этих убеждений, поскольку они опираются на доводы разума, а потому это достояние останется не только нарушенным, но скорее приобретет еще больше значения, если школы отныне полу-

3) С – которая ему [разуму] свойственна
З – ибо она [диалектика] соответствует природе метафизики
В – неразлучная с ней [метафизикой] диалектика
(mit ihr [Metaphysik] aber auch eine Dialektik der reinen Vernunft, weil sie ihr natürlich ist)
4) С, В – в своей воображаемой собственности (наследии)
(an ihrem bisher eingebildeten Besitze)

1) С – мир извлекал
(die Welt... zog)
2) В – благоприятном положении
(vorteilhaftigen Zustande)

3) С – особое свойство
В – очевидное предрасположение
(bemerkliche Anlage)
4) С – для достижения своего назначения
З – для всего назначения человека
(zu den Anlagen seiner ganzen Bestimmung)

1) С, В – обязанностей
(der Pflichten)

2) С, В – промысел
(Vorsorge)

чат урок не приписывать себе более высокого и широкого понимания вопросов, затрагивающих общечеловеческие интересы, чем то понимание, к которому так же легко может прийти и громадное (достойное уважения для нас) большинство людей, и если в силу этого школы ограничатся разработкой (auf die Kultur) таких общедоступных и достаточных для целей морали доказательств. Перемена, следовательно, состоит только в устранении дерзких притязаний школ, /которые охотно считают себя[3] и в этом случае (на что, впрочем, они имеют право во многих других случаях) единственными знатоками и хранителями таких истин, которые они сообщают публике только для применения, а ключ к ним хранят у себя (quod mecum nescit, solus vult scire videri). Но в то же время мы отдаем должное более скромным **XXXIV** притязаниям умозрительного философа. Он всегда остается единственным хранителем полезной для общества, без его ведома, науки, именно критики разума. Эта критика никогда не может стать популярной, да и не нуждается в этом: /толпа так же мало интересуется изысканными аргументами в защиту полезных истин, как и утонченными возражениями против них[1]. Наоборот, школа, как и всякий человек, возвышающийся до умозрения, неизбежно соприкасается с такими аргументами и возражениями (in beide gerät) и /потому обязана[2] с помощью основательного исследования прав теоретического разума раз навсегда /устранить скандальное положение[3], становящееся ясным рано или поздно даже в толпе из тех споров, в которые в случае отсутствия такой критики неизбежно запутываются метафизики (/а вместе с тем и теологи[4]) и /которыми впоследствии даже обезображиваются их учения[5]. Только такою критикой можно /в корне подрезать[6] материализм, фатализм, атеизм, /неверие свободомыслия[7], мечтательность и суеверие, которые везде могут оказаться вредными, а также идеализм и скептицизм, которые, правда, опасны только для **XXXV** школ и с трудом могут распространиться в обществе. Если правительства считают полезным вмешиваться в деятельность ученых, то целям их мудрой заботливости о науке и обществе (Menschen) более соответствовало бы покровительство свободе такой критики, которая служит единственным средством поставить прочно работу разума, а не поддержание

3) С, З – хотели бы слыть (möchten halten lassen)

1) З – ведь уразумению широкой публики недоступны изысканные аргументы в защиту полезных истин, так же как ей в голову не приходят столь же утонченные возражения против них
(so wenig dem Volke die fein gesponnenen Argumente für nützliche Wahrheiten in den Kopf wollen, ebenso wenig kommen ihm auch die ebenso subtilen Entwürfe dagegen, jemals in den Sinn)
2) С, З – то она обязана
В – то первая [критика] обязана (jene [Kritik] dazu verbunden ist)
3) З, В – предотвратить (предупредить) скандал (dem Skandal vorzubeugen)
4) З – и в качестве таковых также и теологи (und als solche endlich auch wohl Geistliche)
5) З – которые сами затем искажают свои учения (und die selbst nachher ihre Lehren verfälschen)
6) С, З – подрезать корни (selbst die Wurzel abgeschnitten werden)
7) С – свободомысленного неверия
В – либеральное неверие (dem freigeisterischen Unglauben)

смешного деспотизма школ, которые громко кричат о нарушении общественной безопасности, когда кто-либо разрывает их хитросплетения, между тем как общество их вовсе не замечает и потому не может чувствовать утраты их.

Наша критика направлена не против (ist nicht... entgegensetzt) догматического метода разума в его чистом научном познании (ибо наука всегда должна быть догматической, т.е. должна давать строгие доказательства из надежных априорных принципов), а против догматизма, т.е. [против] притязания подвигаться вперед с помощью одного только чистого знания из понятий (философских) согласно принципам, давно уже употребляемым разумом, не осведомляясь о правах разума на эти принципы и о способе, каким он дошел до них. Итак, догматизм есть догматический метод /разума[1], /не предваряемый критикой способностей разума[2]. Следовательно, /наша борьба [с догматизмом][3] вовсе не благоприятствует болтливой поверхностности, присвоившей себе (unter) **XXXVI** притязательное имя популярности, а также скептицизму, который /с легким сердцем отрицает метафизику совсем[1]; скорее, наоборот, наша критика есть необходимое предварительное /условие для развития[2] основательной метафизики как науки, которая необходимо должна быть построена догматически и /в высшей степени[3] систематически, т.е. в школьной (а не популярной) форме, так как это требование должно быть непременно предъявлено к ней ввиду того, что она высказывает притязание (sich anheischig macht) выполнить свою задачу вполне a priori, т.е. /с полным удовлетворением[4] теоретического разума. Следовательно, при выполнении плана, предписываемого нашею критикой, т.е. [при построении] будущей системы метафизики, необходимо будет следовать строгому методу знаменитого Вольфа, величайшего из всех догматических философов, который впервые дал пример (и благодаря этому примеру был источником (Urheber) до сих пор еще не угасшего в Германии духа основательности) того, /как следует осуществлять надежный научный метод[5] путем закономерной установки принципов, отчетливого определения понятий, /изысканной[6] строгости доказательств и устранения смелых скачков в выводах. Благодаря этому Вольф вполне был бы способен возвести на степень науки (in dieser Stand) /также и[7] метафизику, если бы ему пришло в голову первоначально подготовить себе почву **XXXVII** с помощью критики самого органа [мышления], именно чистого разума; впрочем, это упущение следует приписать /не ему[1], а

1) С, З, В – чистого разума (der reinen Vernunft)
2) С, З – без предварительной критики способности самого чистого разума (самой способности чистого разума) (ohne vorangehende Kritik ihres eigenen Vermögen)
3) С, З – это противопоставление (diese Entgegensetzung)

1) З – быстро расправляется со всей метафизикой (mit der ganzen Metaphysik kurzen Prozeß macht)
2) С – средство для появления
З – условие для содействия (Veranstaltung zur Beförderung)
3) В – в строгом смысле (nach der strengste Forderung)

4) З – к полному удовольствию (zu völliger Befriedigung)

5) С – дать науке правильный ход
З – следует вступать на верный путь науки (der sichere Gang einer Wissenschaft zu nehmen sei)
6) З – испытанной (versuchte)
7) С – такую науку, какова (eine solche, als)

1) С, З – не столько ему, сколько (nicht sowohl ihm, als vielmehr)

догматическому образу мышления его века, и в этом отношении философы его века, а также всех предыдущих эпох /не имеют права упрекать[2] друг друга. Те, кто отрицает методы Вольфа (seine Lehrart) и вместе с тем также метод критики чистого разума, стремятся в конце концов к тому, чтобы совсем сбросить оковы науки и превратить работу в игру, достоверность [заменить] мнением, философию [превратить] в филодоксию.

2) З – нечего упрекать (nichts vorzuwerfen haben)

Что касается этого второго издания, я воспользовался случаем, чтобы по возможности уменьшить затруднения и неясности, ведущие к различным недоразумениям, на которые натолкнулись, быть может, не без моей вины проницательные люди при оценке моей (dieses) книги. В самих положениях и доказательствах, а также в форме и обстоятельности плана [сочинения] я не нашел ничего подлежащего изменению; это объясняется отчасти продолжительным испытанием, которому я подвергал сочинение до опубликования его, а отчасти /природой самого дела[3], именно природой чистого теоретического разума, /представляющего настоящий организм, в котором всякий элемент есть орган[4], т.е. целое служит всякой части и всякая **XXXVIII** часть целому, так что малейший недостаток, будь то ошибка (заблуждение) или упущение, неизбежно должен обнаружиться при переходе к делу (im Gebrauche). Я надеюсь, что система навсегда сохранит эту неизменность. Такую уверенность вызывает во мне не самомнение, /а очевидность, вытекающая из тождества результата[1] как при восхождении /от всякой части[2] к целому чистого разума, так и при нисхождении от целого (ибо и целое само по себе дано благодаря конечной цели чистого разума в практической сфере) ко всякой части, между тем как попытка /внести какое бы то ни было изменение[3] ведет тотчас же к противоречиям не только в системе, но и /во всем[4] человеческом разуме. Однако в изложении остается еще много сделать, и в этом отношении я попытался в настоящем издании сделать улучшения, которые должны устранить, во-первых, недоразумения в эстетике, особенно в понятии времени; во-вторых, неясности в дедукции понятий рассудка; в-третьих, мнимый недостаток очевидности в доказательствах основоположений чистого рассудка и, наконец, в-четвертых, недоразумения по поводу паралогизмов, в которых я упрекаю рациональную психологию. Изменения, произведенные мной в изложении, простираются только до этого места (именно только до конца первой главы трансценден-

3) С, З – свойствами (особенностью) самого предмета (der Beschaffenheit der Sache selbst)

4) З – в истинной структуре которого все есть орган (die einen wahren Gliederbau enthält, worin alles Organ ist)

1) С – но очевидность, которую доказывает тот эксперимент, что... получаются одинаковые результаты
З – а единственно очевидностью, вытекающей из тождества результата (sondern bloß die Evidenz, welche das Experiment der Glechheit des Resultats... bewirkt)

2) С – от самых маленьких элементов
З – от простейшего элемента (von den mindesten Elementen)

3) С, З – изменить самую малую часть (nur den kleinsten Teil abzuändern)

4) З – в общечеловеческом (der allgemeinen)

тальной диалектики), но не далее*, так как я XXXIX

* Настоящим (Eigentliche) прибавлением, однако лишь в аргументации, я бы мог назвать только новое опровержение психологического *идеализма* и строгое (как я полагаю, единственно возможное) доказательство объективной реальности внешних наглядных представлений (стр. 275). Если даже и считать идеализм /неопасным[5] в отношении существенной цели метафизики (хотя на деле это неверно), все же нельзя не признать скандалом для философии и общечеловеческого разума необходимость принимать лишь *на веру* бытие вещей вне нас (от которых мы тем не менее получаем весь материал знания даже и для нашего внутреннего чувства) и невозможность противопоставить какое бы то ни было достаточное XXXIX доказательство /тому, кто вздумал бы отрицать бытие их[1]. Так как в изложении доказательства от третьей до шестой строки есть некоторая неясность, то я прошу изменить этот период следующим образом: «*Но это /устойчивое*[2] *не может быть наглядным представлением во мне. В самом деле, все основания определения моего существования, которые могут быть найдены во мне, суть представления, и, как таковые, они сами нуждаются в отличающемся от них устойчивом [бытии], в отношении к которому может быть определена смена их, а следовательно, и мое существование во времени, в котором они сменяются*». Против этого доказательства, пожалуй, возразят следующее: я сознаю непосредственно только то, что находится во мне, т.е. /свои *представления*[3] внешних вещей; следовательно, все же еще остается недоказанным, /соответствует ли что-нибудь [этим представлениям] вне меня[4] или нет. Однако я сознаю *свое существование* XL *во времени* (следовательно, также и определимость его во времени) через посредство внутреннего опыта, а это есть нечто большее, чем только сознание о моем представлении: это не что иное, как *эмпирическое сознание моего существования*, которое определимо лишь через отнесение к чему-то, что связано с моим существованием и *находится вне меня*. Таким образом, это сознание моего существования во времени связано как тождественное с сознанием отношения к чему-то, находящемуся вне меня, следовательно, опыт, а не фантазия, чувство, а не воображение неразрывно связывает внешние [вещи] с моим внутренним чувством; в самом деле, внешнее чувство есть уже само по себе отношение наглядного представления к какой-то действительности вне меня, и реальность внешнего чувства, в отличие от воображения, основывается лишь на том, что оно связывается с самим внутренним опытом неразрывно как условие его возможности, что и происходит здесь. Если бы к *интеллектуальному сознанию* моего существования, сопровождающему [в форме] представления «*Я существую*» все мои суждения и акты рассудка, я мог бы вместе с тем присоединить определение моего существования через *интеллектуальное наглядное представление*, /то этот [внутренний опыт] не нуждался бы в сознании отношения к чему-то внешнему[1]. Между тем на деле, хотя это интеллектуальное сознание и стоит впереди (vorangeht), все же /наглядное представление внутреннего опыта[2], в котором единственно может быть определено мое существование, имеет чувственный характер и связано с условиями времени; это определение, а следовательно, и сам внутренний опыт, зависит от чего-то устойчивого, что находится не во мне, /следовательно, вне меня[3], XLI и к чему я должен рассматриваться как находящийся в некотором отношении: таким образом реальность внешнего чувства необходимо связана с ре-

5) Г – невиновным (unschuldig)

1) З – если бы кто-нибудь вздумал подвергнуть его [существование] сомнению (wenn es jemand einfällt, es zu bezweifeln)

2) С, З, В – постоянное (Beharrliche)

3) З – мое представление (meiner Vorstellung)

4) С, В – есть ли вне меня что-нибудь соответствующее (ob etwas ihr Korrespondirendes außer mir sei)

1) С – то для меня не было бы нужды в сознании отношения к чему-то вне меня (so wäre zu derselben das Bewußtsein eines Verhältnisses zu etwas außer mir nicht notwendig gehörig) (the consciousness of a relation to something outside me would not be required)

2) С, З – внутреннее созерцание (innere Anschauung)

3) З – а следовательно, находящегося в чем-то вне меня (folglich nur in etwas außer mir)

не имел времени сделать больше, и к тому же в отношении XLI прочего мне не случалось встречать недоразумений со стороны сведущих и непартийных судей. Что касается таких судей, они сами заметят в соответствующих местах, что я обратил внимание на их указания, хотя я и не XLII называю их имена с подобающей им похвалой. С этими улучшениями, однако, связана для читателя некоторая потеря, которой нельзя было бы избегнуть, не увеличивая чересчур объема книги; дело в том, что я принужден был отбросить или изложить в сокращенном виде многое такое, что не требуется по существу для полноты целого, хотя и могло бы быть желательным для некоторых читателей, так как может пригодиться для других целей; я принужден был сделать это для того, чтобы дать место более ясному теперь, как я надеюсь, изложению, которое по существу в отношении положений и даже доказательств вовсе не изменилось, но по методу во многих отношениях так отличается от прежнего, что не могло быть достигнуто путем одних лишь вставок. Эта незначительная потеря, которая к тому же может быть устранена при желании путем сравнения с первым изданием, в значительной степени возмещается, как я надеюсь, большей понятностью [изложения]. Из различных опубликованных сочинений (частью рецензий на некоторые книги, частью особых (in besonderen) трак-

---

альностью внутреннего чувства как условие возможности опыта вообще; отсюда следует, что я сознаю существование вещей вне меня, вступающих в отношения к моему чувству, с такой же уверенностью, с какой я сознаю свое собственное существование, определенное во времени. Однако вопрос, каким данным наглядным представлениям действительно соответствуют объекты вне меня, т.е. вопрос, какие [представления должны быть] приписаны *внешнему* чувству, а не способности воображения, должен решаться в каждом отдельном случае особо согласно правилам, по которым опыт вообще (также и внутренний) отличается от воображения; при этом /в основе уже считается установленным[1], что внешний опыт действительно существует. Сюда надо (kann) прибавить еще следующее примечание: представление о чем-то *устойчивом* в существовании /не следует смешивать с *устойчивым представлением*[2]; представления об устойчивом, как и все наши представления, даже представление о материи, могут быть очень /изменчивыми[3] и тем не менее могут относиться к чему-то устойчивому, что должно поэтому отличаться от всех моих представлений и быть внешней вещью, существование которой необходимо включено в *определение* моего собственного существования и составляет с ним /единый опыт[4], который не мог бы быть внутренним, если бы он в то же время не был (отчасти) внешним. Как это возможно? Это в такой же мере не может быть здесь объяснено, как и то, каким образом мы вообще мыслим устойчивое (Stehende) во времени, сосуществование (Zugleichsein) которого с изменчивым приводит к возникновению понятия изменения.

1) З – в основе всегда лежит положение
(der Satz... immer zum Grunde liegt)
2) С – не тождественно с постоянным в представлении
(ist nicht einerlei mit der beharrlichen Vorstellung)
3) С – неустойчивым и изменчивым
З – непостоянными и изменчивыми
(wandelbar und wechselnd)
4) С – только один единственный опыт
(nur eine einzige Erfahrung)

татов) я с удовольствием и чувством благодарности усмотрел, что дух основательности в Германии /не вымер[1], что он только на короткое время был заглушен модным тоном XLIII гениальничающего свободомыслия и что тернистые тропинки критики, ведущие к школьной, но зато благодаря этому единственно устойчивой и потому в высшей степени необходимой науке чистого разума, не помешали отважным и светлым умам овладеть этой наукой. Этим заслуженным людям, так счастливо соединяющим с основательным пониманием талант ясного изложения (которого я в себе не нахожу), я предоставляю закончить мою в некоторых местах, пожалуй, еще не совершенную обработку изложения: опровержения в этом случае опасаться нечего, можно только бояться быть непонятым. В споры со своей стороны я отныне пускаться не буду, но все указания друзей и противников я буду старательно принимать во внимание, чтобы воспользоваться ими при будущем построении системы согласно этой пропедевтике. Во время этих работ я уже успел состариться (в этом месяце мне исполнилось 63 года), и потому я должен бережливо относиться ко времени, если хочу выполнить свой план построить метафизику природы и (sowohl als) метафизику нравов в подтверждение правильности критики теоретического и практического разума: разъяснения неизбежных вначале в этом произведении неясностей, а также защиты всего [этого предприятия] я жду XLIV от почтенных лиц, /сделавшихся сторонниками его[1]. В отдельных пунктах всякое философское сочинение доступно нападению (läßt sich...zwacken) (философское сочинение не может выступать в такой броне, как математическое), но /органическое целое системы[2] может при этом вовсе не подвергаться опасности; однако для обзора такого целого, если оно ново, только немногие люди обладают гибкостью ума и еще более редкие люди имеют к этому охоту, так как всякое новшество вызывает неудовольствие. Во всяком сочинении также, в особенности если оно развивается в форме свободной речи, можно выкопать, выхватывая отдельные места и сравнивая их друг с другом, мнимые противоречия, которые бросают тень на все сочинение в глазах людей, полагающихся на чужую оценку, между тем как эти противоречия легко могут быть /примирены[3] [человеком], овладевшим идеей целого [сочинения]. Вообще, если теория обладает внутренней устойчивостью, то содействия (Wirkung) и противодействия, угрожавшие /ей[4] большой опасностью, служат с те-

1) З – не угас
В – не исчез
(nicht erstorben)

1) З – усвоивших его [учение]
(die es sich zu eigen gemacht haben)

2) З – строение системы, в целом рассматриваемое как единство
(der Gliederbau des Systems, als Einheit betrachtet)

3) С, В – разрешены
З – устранены
(aufzulösen sind)

4) С, З, В – ей вначале
(ihr anfänglich)

чением времени лишь к тому, чтобы отшлифовать ее неровности и даже сообщить ей в короткое время необходимое изящество, если ею займутся непартийные, умные и способные к истинно популярному изложению люди.

Кенигсберг, апрель 1787 г.

1 Введение[6]

I. О различии чистого и эмпирического знания[7]

1) С, З, В – всякое наше познание (alle unsere Erkenntnis)

2) С – сами вызывают (von selbst... bewirken)

Без сомнения, /все наше знание[1)] начинается с опыта; ибо чем же пробуждалась бы к деятельности (zur Ausübung) способность познания, если не предметами, которые действуют (rühren) на наши чувства и отчасти /сами производят[2)] представления, отчасти

---

[6] В первом издании введение было почти вдвое короче и разделялось не на семь, а на два отдела, озаглавленных следующим образом:

I. Идея трансцендентальной философии
II. Подразделения трансцендентальной философии.

[7] В первом издании отделам I и II соответствует следующее:

A1 I. Идея трансцендентальной философии

1) С, З, В – чувственных ощущений (sinnlicher Empfindungen)

2) З – первое наставление (erste Belehrung)

3) З – новыми уроками (an neuem Unterricht)

4) С – что нечто существует (was da sei)

Без сомнения, опыт есть первый продукт, производимый рассудком, когда он обрабатывает грубый материал /ощущений[1)]. Поэтому опыт есть /первый источник поучения[2)], также и в дальнейшем своем развитии столь неисчерпаемо богатый /в этом отношении[3)], что непрерывный ряд всех будущих поколений никогда не будет иметь недостатка в новых знаниях, которые могут быть собраны на этой почве. Однако опыт вовсе не есть единственное поприще, которым ограничивается наш рассудок. Опыт показывает нам, /чтó существует[4)], но не говорит нам, чтобы существующее необходимо должно было существовать (sein müsse) так, а не иначе. Поэтому он не дает нам истинной всеобщности, и разум, жадно стремящийся именно к этому роду знания, скорее раздражается, чем удовлетворяется A2 опытом. Такие общие знания, имеющие вместе с тем характер внутренней необходимости, должны быть ясными и достоверными независимо от опыта, сами по себе (für sich selbst); поэтому их называют априорными знаниями, между тем как (im Gegenteil) то, что почерпнуто исключительно из опыта, познается, как принято говорить, только a posteriori, или эмпирически. Оказывается, однако, и это в высшей степени замечательно, что даже к нашему опыту примешиваются знания, которые должны иметь априорное происхождение и, может быть, служат исключительно для того, чтобы вносить связь в наши чувственные представления. В самом деле, если даже удалить из этих представлений все, что принадлежит чувствам, то в них все же еще останутся некоторые первоначальные понятия и /происходящие[1)] из них суждения, которые должны были возникнуть совершенно a priori независимо от опыта, так как благодаря им мы можем или по крайней мере думаем, что можем, сказать о предметах, являющихся чувствам, более того, чему мог бы научить один только опыт, благодаря им наши утверждения содержат в себе истинную всеобщность и строгую необходимость, чего одно только эмпирическое знание не может дать.

1) З – образуемые (erzeugte)

побуждают деятельность нашего рассудка сравнивать их, сочетать или разделять и таким образом перерабатывать грубый материал чувственных впечатлений в познание предметов, называемое опытом? Следовательно, /*во времени*[3] никакое наше знание не предшествует опыту, /оно всегда начинается с опыта[4].

3) С, В – по времени (der Zeit nach)

4) С – и всякое начинается от (und mit dieser fängt alle an)

Но хотя все наше знание начинается (anhebt) с опыта, из этого вовсе не следует, что оно все происходит из опыта. Вполне возможно, что даже наше эмпирическое знание имеет сложный состав и складывается из того, что мы воспринимаем (empfangen) посредством впечатлений, и из того, что наша собственная способность познания (только побуждаемая чувственными впечатлениями) /привносит от себя самой[5], причем эту прибавку мы отличаем от основного чувственного материала только тогда, когда продолжительное упражнение 2 обращает на нее наше внимание и делает нас способными к обособлению ее.

5) С – из себя приносит
З – дает от себя самой (aus sich selbst hergiebt)

Поэтому возникает вопрос, который требует по крайней мере ближайшего исследования и не может быть решен сразу, с первого взгляда: существует ли такое независимое от опыта и даже от всех чувственных впечатлений знание? Такие знания называются *априорными*; их отличают от *эмпирических* знаний, которые имеют /апостериорное происхождение[1], именно в опыте.

1) С, В – свои источники a posteriori (ihre Quellen a posteriori)

Однако термин a priori не имеет еще достаточно определенного значения, чтобы обозначить весь смысл поставленного вопроса. Нередко относительно знаний, выведенных из эмпирических источников, говорят, что мы способны к ним или причастны им a priori, потому что мы получаем их не непосредственно из опыта, а выводим из общего правила, которое тем не менее само заимствовано нами из опыта. Так о человеке, который подкопал фундамент своего дома, говорят: он мог a priori знать, что дом упадет, т.е. ему незачем было ожидать опыта, что дом действительно упадет. Однако вполне (gänzlich) a priori об этом знать он все же не мог. О том, что тела тяжелы и потому падают, если лишены опоры, он должен был все же раньше узнать из (durch) опыта.

Поэтому в дальнейшем исследовании мы будем называть априорными знания, *безусловно* независимые от всякого, а не только от того или иного 3 опыта. Им противоположны эмпирические знания, или знания, возможные только a posteriori, т.е. путем опыта. В свою очередь из априорных знаний *чистыми* называются те знания, к которым совершенно не примешивается ничто эмпирическое. Так,

напр., положение: всякое изменение имеет причину, есть суждение априорное, однако не чистое, так как понятие изменения может быть получено только из (aus) опыта.

II. Мы обладаем некоторыми априорными знаниями, и даже обыденный рассудок никогда не обходится без них

Существует признак, по которому мы можем с уверенностью отличить чистое знание от эмпирического. Из опыта мы узнаем, правда, что /объект[1]) обладает такими или иными свойствами, но мы не узнаем при этом, что он не может быть иным. Итак, во-первых, если нам встречается суждение (Satz), которое мыслится /с[2]) необходимостью, то это суждение (Urteil) априорное; если к тому же оно не выведено ни из каких других суждений, кроме тех, которые и сами в свою очередь имеют необходимое значение, то оно есть безусловно априорное суждение. Во-вторых, опыт никогда не дает своим суждениям истинной или строгой всеобщности, он сообщает им только /предполагаемую[3]) и сравнительную всеобщность (посредством индукции), так что, собственно, /приходится выражаться[4]) следующим образом: 4 насколько мы до сих пор воспринимали, исключений из того или этого правила не встречается. Следовательно, если какое-либо суждение мыслится с характером строгой всеобщности, т.е. так, что не допускается возможность никакого исключения, то такое суждение не выведено из опыта, /а имеет силу абсолютно a priori[1]). Значит, эмпирическая всеобщность есть лишь произвольное повышение значения суждения с той ступени, когда оно имеет силу для большинства случаев, на ту ступень, когда оно имеет силу для всех случаев, как, напр., в суждении: все тела тяжелы. Наоборот, там, где строгая всеобщность принадлежит суждению по существу, она указывает на особый познавательный источник суждения, именно на способность к априорному знанию. Итак, необходимость и строгая всеобщность суть надежные признаки априорного знания: так же и друг с другом они связаны неразрывно. Однако, пользуясь этими признаками, в одних случаях бывает /легче обнаружить случайность суждения, чем эмпирическую ограниченность его[2]) [8], а

1) С – нечто (etwas)

2) С – в то же время
З – вместе с его (zugleich mit seiner)

3) З – условную (angenommene)
4) З – должно... означать (heiβen... muβ)

1) С – имеет значение безусловно a priori
З – есть безусловно априорное суждение (schlechterdings a priori gilt)

2) С – легче доказать (обнаружить) эмпирическую ограниченность познаний, чем случайность в суждениях (leichter ist, die empirische Beschränktheit derselben, als die Zufälligkeit in den Urteilen... zu zeigen)

---

[8] По поводу этого перевода см. Файингера, Commentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft. Stuttgart, 1881, т. I, стр. 209. См., впрочем, т. III собр. соч. Канта в изд. Прусской Академии наук, стр. 585: [leichter ist, die Zufälligkeit in den Urteilen als die empirische Beschränktheit derselben... zu zeigen].

в других случаях, наоборот, более ясной бывает неограниченная всеобщность, приписываемая нами суждению, чем необходимость его; поэтому полезно применять отдельно друг от друга эти критерии, из которых каждый безошибочен сам по себе.

Нетрудно доказать, что человеческое знание действительно содержит в себе такие необходимые и в строжайшем смысле всеобщие, следовательно, чистые априорные суждения. Если угодно найти пример из области наук, то стоит лишь указать на все положения математики; если угодно найти 5 пример из самого обыденного применения рассудка, то для этого можно сослаться на утверждение, что всякое изменение должно иметь причину; в последнем суждении само понятие причины содержит в себе с такой очевидностью понятие необходимости связи с действием и строгой всеобщности правила, что оно совершенно /было бы уничтожено[1], если бы мы вздумали, как это делает (tat) Юм, выводить его /из частого следования одного события за другим[2], и из возникающей отсюда привычки (следовательно, чисто субъективной необходимости) сочетать представления. Даже и не приводя подобных примеров в доказательство действительности чистых априорных основоположений в нашем познании, можно /установить необходимость их для возможности самого опыта[3], т.е. доказать a priori [существование их]. В самом деле, откуда же сам опыт мог бы заимствовать свою достоверность, если бы все правила, которым он следует, в свою очередь опять были бы эмпирическими, следовательно, случайными, вследствие чего их едва ли /можно было бы считать[4] первыми основоположениями. Впрочем, здесь мы можем удовольствоваться тем, что указали чистое применение нашей познавательной способности как факт и перечислили признаки его. Но не только в суждениях, а даже и в понятиях обнаруживается априорное происхождение некоторых из них. Отвлеките постепенно от вашего опытного понятия *тела* все эмпирическое, что в нем есть: цвет, твердость или мягкость, /даже[5] непроницаемость, и тогда все же останется *пространство*, которое было занято телом (теперь уже совершенно исчезнувшим) и от которого вы не можете 6 отвлечься. Точно так же, если вы отвлечете от вашего эмпирического понятия какого угодно телесного или нетелесного объекта все свойства, известные из опыта, то все же вы не можете отвлечь от него то свойство, благодаря которому вы мыслите его как *субстанцию* или нечто *принадлежащее* (anhängend) субстанции (хотя это понятие обладает большей определенностью, чем по-

1) С – должно было бы погибнуть
З – сводилось бы на нет
(verloren gehen würde)

2) С – из часто повторяющейся последовательности того, что совершается, с тем, что предшествует
З – из частого присоединения того, что происходит, к тому, что ему предшествует
(von einer öfteren Beigesellung dessen, was geschieht, mit dem, was vorhergeht)

3) С – доказать, что они необходимы для самой возможности опыта
(dieser ihrer Unentbehrlichkeit zur Möglichkeit der Erfahrung selbst... dartun)

4) В – придавать значение
(gelten lassen kann)

5) С, В – тяжесть, даже
З – вес, даже
(Schwere, selbst)

нятие объекта вообще). Вы должны поэтому под влиянием необходимости, с которой это понятие навязывается вашему [уму], признать, что оно имеет свой источник в нашей познавательной способности a priori.

<III. Для философии необходима (bedarf) наука, определяющая возможность, принципы и объем всех априорных знаний>

Еще больше <чем все предыдущее> говорит нам тот факт, что некоторые познания покидают поприще всякого возможного опыта и с помощью понятий, для которых в опыте нигде не может быть дан соответствующий объект, по-видимому, расширяют сферу наших суждений за пределы всякого опыта.

Именно к области этих последних знаний, которые выходят за границы чувственного мира и не могут пользоваться руководством /и проверкой[1] опыта, относятся исследования нашего разума, считаемые нами по их важности более значительными и 7 по их конечной цели более возвышенными, чем все, чему рассудок может научиться в области явлений. Мы готовы пойти на что угодно, даже с риском заблудиться, чем оставить такие важные исследования вследствие какого-либо сомнения или из пренебрежения и равнодушия к ним. <Эти неизбежные проблемы самого чистого разума суть *Бог*, *свобода* и *бессмертие*. Наука, /стремящаяся[1] с помощью всех своих построений добиться в [конечном итоге] исключительно лишь разрешения этих задач, называется *метафизикой*; ее метод вначале имеет *догматический* характер в том смысле, что она уверенно берется [за эту задачу] без предварительного испытания способности или неспособности разума выполнить такое великое предприятие.>

1) З – ни средством проверки (noch Berichtigung)

1) С, З – конечная цель которой (deren Endabsicht)

Когда мы покидаем почву опыта, казалось бы естественным не строить тотчас же здания с помощью таких знаний и на доверии к таким основоположениям, происхождение которых неизвестно, а заложить сначала прочный фундамент своей постройки путем старательного исследования, именно путем предварительного решения вопроса, каким образом рассудок может прийти ко всем этим априорным знаниям, и какой объем, значение и ценность они могут иметь. И в самом деле такой путь следует назвать *естественным*, если разуметь под этим словом все то, 8 что

происходит правильно и разумно; если же под словом естественный разуметь то, что /всего более распространено[1)], тогда, наоборот, понятно и естественно, что такое исследование долго не появлялось. В самом деле, некоторые из этих знаний, напр. математические, с древних пор обладают характером достоверности и вследствие этого /предрасполагают также в пользу[2)] других знаний, хотя бы они имели и совершенно иную природу. К тому же, выйдя за пределы опыта (ber den Kreis), можно быть уверенным в том, что не будешь опровергнут опытом. Между тем наклонность (Reiz) расширять знания так велика, что развитие ее может быть задержано только в том случае, если мы наталкиваемся на явные (klaren) противоречия, но этих противоречий можно избежать, если строить свои вымыслы осторожно, причем они все же остаются вымыслами. Математика дает нам блестящий пример того, как далеко можно подвинуться вперед в сфере априорного знания независимо от опыта. Правда, она занимается предметами и познаниями лишь настолько, насколько они могут быть выражены в наглядном представлении. Однако это обстоятельство легко упустить из виду, так как наглядные представления [математики] сами могут быть даны a priori и потому их трудно отличить от чистых понятий. Подстрекаемая таким доказательством могущества разума страсть (Trieb) к расширению [знания] не признает никаких границ. Рассекая в свободном полете воздух и чувствуя противодействие его, легкий голубь мог бы вообразить, 9 что в безвоздушном пространстве ему было бы еще легче (viel besser) летать. Так, Платон покинул [область] чувственного мира, потому что он ставит узкие границы[3*] рассудку, и отважился пуститься за пределы его (jenseit) на крыльях идей в пустое пространство чистого рассудка. Он не заметил, что своими усилиями он не пролагал дороги, так как не встречал никакого сопротивления, которое могло бы играть роль точки опоры для приложения его сил, чтобы сдвинуть рассудок с места. Но такова уж обыкновенная судьба человеческого разума в его умозрениях: он торопится поскорее закончить свое здание и только после этого начинает впервые исследовать, хорошо ли было заложено основание. При этом он подыскивает всевозможные /оправдания[1)], чтобы успокоить нас относительно его прочности или <даже совсем> отклонить такое запоздалое и опасное испытание. Во время же

1) З, В – обыкновенно происходит (случается) (gewöhnlichermaßen geschieht)

2) С – будит счастливые ожидания
З – открывают возможность
Г – порождают ожидания развития других
(giebt... eine günstige Erwartung auch für andere)

1) С, В – прикрасы (Beschönigungen)

3* В 1 изд.: кладет многочисленные препятствия (so vielfältige Hindernisse legt)

самой постройки здания от забот и подозрений нас удерживает следующее обстоятельство, подкупающее нас надеждой на мнимую обстоятельность. Значительная и, пожалуй, наибольшая часть деятельностей нашего разума состоит в расчленении понятий, /имеющихся[2] уже у нас. Этим путем мы получаем множество знаний, которые, правда, суть не что иное, как разъяснение или изложение того, что уже мыслилось (хотя и в спутанном еще виде) в наших понятиях, но все же по форме ценятся наравне с новыми выводами (Einsichten), хотя по содержанию только растолковывают, а не расширяют имеющиеся уже у нас понятия. **10** Так как /этим путем действительно получается априорное знание[1], развивающееся надежно и плодотворно, то разум незаметно для себя подсовывает под видом такого знания утверждения совершенно иного рода, в которых он a priori присоединяет к данным понятиям совершенно чуждые им элементы, не зная вовсе, откуда они получены, и даже вовсе не задаваясь этим вопросом. Поэтому я займусь теперь прежде всего исследованием различия между этими двумя родами знания.

2) С, З – имеются о предметах (von Gegenständen haben)

1) С – этот метод дает действительное познание a priori (Da dieses Verfahren nun eine wirkliche Erkenntnis a priori giebt)

<IV> О различии аналитических и синтетических суждений

Во всех суждениях, в которых мыслится отношение субъекта к предикату (я имею в виду только утвердительные суждения, так как вслед за этим применить сказанное к отрицательным суждениям нетрудно), это отношение может быть двояким. Или предикат *B* принадлежит субъекту *A* как нечто содержащееся (в скрытой форме) в этом понятии *A*, или же *B* находится /вне[2] понятия *A*, хотя и стоит в связи с ним. В первом случае я называю суждение аналитическим, а во втором – синтетическим. Следовательно, аналитический характер имеют те суждения (утвердительные), в которых связь предиката с субъектом мыслится вследствие (durch) тождества, а те суждения, в которых эта связь мыслится без тождества, должны называться синтетическими. **11** Первые можно было бы также называть поясняющими, а вторые – расширяющими, так как первые своим предикатом ничего не присоединяют к понятию субъекта, а только разлагают его /путем анализа на части[1], которые уже мыслились в нем (хотя и в смутной форме), между тем как последние присоединяют к понятию субъекта предикат, который вовсе /не нахо-

2) С – совершенно вне
З – целиком вне
(ganz außer)

1) С – через расчленения на частные понятия
З – путем расчленения на подчиненные понятия
(durch Zergliederung in seine Teilbegriffe)

дился[2] в нем и не мог бы быть извлечен из него никаким анализом. Напр., если я говорю «все тела протяженны», то это суждение аналитическое. В самом деле, мне незачем выходить за пределы понятия, соединяемого мной со словом тело, чтобы найти, что протяжение связано с ним, мне нужно только расчленить это понятие, т.е. /дать себе отчет[3] в многообразии, всегда мыслимом в нем, чтобы найти в нем этот предикат; следовательно, это аналитическое суждение. Наоборот, если я говорю «все тела тяжелы», то этот предикат есть /нечто иное[4], чем то [содержание], которое я мыслю в простом понятии тела вообще. Следовательно, присоединение такого предиката дает синтетическое суждение.

2) З, В – не мыслился (nicht gedacht war)

3) З – осознать (mir nur bewußt werden)

4) С – совершенно иное (ganz anderes)

<Эмпирические суждения, как таковые, все имеют синтетический характер. В самом деле, было бы нелепо основывать аналитические суждения на опыте, так как, /высказывая[5] эти суждения, я вовсе не должен выходить за пределы своего понятия и, следовательно, не нуждаюсь в свидетельстве опыта. Суждение, что тела протяженны, устанавливается a priori и вовсе не есть суждение опыта. **12** Раньше, чем приступить к опыту, я имею все условия для своего суждения уже в этом понятии, из которого мне остается извлечь предикат согласно закону противоречия, и благодаря этому я в то же время могу сознавать необходимость этого суждения, которая никоим образом не могла бы быть указана опытом (7). Наоборот, в понятие тела вообще я вовсе не включаю предикат тяжести, однако этим понятием обозначается предмет опыта[4*] через некоторую часть опыта, к которой я могу, следовательно, присоединить другие части того же самого опыта сверх тех, /какие находятся в первом понятии[1]. Я могу сперва познать аналитически понятие тела через признаки протяженности, непроницаемости, формы и пр., которые мыслятся в этом понятии. Но вслед за этим я расширяю свое знание, и, обращаясь к опыту, от которого я отвлек это понятие тела, я нахожу, что с вышеуказанными признаками всегда связана также тяжесть, и таким образом присоединяю синтетически этот признак к понятию тела как [его] предикат. Следовательно, возможность синтеза предиката тяжести с понятием тела основывается на опыте, так как оба эти понятия, хотя одно из них и не содержится в другом, тем не менее принадлежат друг к другу, хотя бы лишь случайным образом как части одного целого, именно опыта, который есть не что

5) С – чтобы образовать
З – составляя
(um... abzufassen)

1) С – как имеющее отношение к первой [части опыта] (als zu dem ersteren gehörten)

[4*] В 1 изд.: полный опыт (die vollständige Erfahrung).

иное, как синтетическое соединение наглядных представлений.>[9]

Но априорные синтетические суждения совершенно лишены этого вспомогательного средства. 13
Если я должен выйти за пределы понятия *A*, чтобы познать связь с ним другого понятия *B*, то на что могу я опереться и что делает возможным синтез, если в этом случае я не имею преимущества искать для него опоры в опыте? Возьмем суждение: все, что случается (geschieht), имеет свою причину. В понятии случающегося я мыслю, правда, о существовании, которому предшествует время [когда его не было], и отсюда могут быть получены аналитические суждения. Однако понятие причины <находится целиком вне этого понятия и> имеет в виду нечто иное, чем понятие случившегося, и вовсе не содержится /в этом понятии[1]. Каким же образом я прихожу к тому, что /приписываю случающемуся нечто, отличное от него[2], и узнаю, что понятие причины, вовсе не заключающееся в первом понятии, тем не менее связано с ним (gehörig) [и притом необходимо]. Каково здесь то <неизвестное =*X*>, на которое опирается рассудок, когда он /уверен в том, что нашел вне понятия *A* отличающийся от него, но тем не менее связанный с ним (gehörig) предикат?[3] Опыт не может играть эту роль, потому что в приведенном основоположении второе понятие присоединяется к первому не только с большей всеобщностью, чем этого может достигнуть опыт, но /и[4] с необходимостью, следовательно, совершенно a priori и из чистых понятий. Конечная

1) С, З – в этом последнем представлении
(in dieser letzteren Vorstellung)

2) З – тому, что вообще происходит, совершенно отличное от него
(von dem, was überhaupt geschicht, etwas davon ganz Verschiedenes)

3) С – вне понятия *A* думает найти чуждый ему предикат *B*, который он тотчас же с ним и соединяет?
(wenn er außer dem Begriffe *A* ein demselben fremdes Prädikat *B* aufzufinden glaubt, welches er gleichwohl damit verknüpt zu sein erachtet?)

4) З – выражая
(mit dem Ausdruck)

---

[9] В 1 изд. этому соответствуют следующие слова: Отсюда ясно: 1) что **A8** аналитические суждения вовсе не расширяют нашего знания, а разъясняют понятие, которое я уже имею, и делают его понятным мне самому; 2) что в случае синтетического суждения я должен иметь, кроме понятия субъекта, еще нечто другое (X), на что опирается рассудок, чтобы познать принадлежность предиката к понятию субъекта, в котором он не содержится.

В эмпирических суждениях, т.е. в суждениях опыта, этот вопрос не представляет затруднений: в них этот *X* есть полный опыт относительно предмета, который мыслится мной через понятие *A*, составляющее лишь часть этого опыта. В самом деле, хотя я вовсе не мыслю (nicht einschließe) в понятии тела вообще предикат тяжести, тем не менее этим понятием обозначается полный опыт через одну из частей его, к которой я, следовательно, могу присоединить и другие части того же опыта как принадлежащие к ней. Я могу сперва познать аналитически понятие тела через признаки протяженности, непроницаемости, формы и пр., которые мыслятся в этом понятии. Но вслед за этим я расширяю свое знание и, обращаясь к опыту, от которого я отвлек это понятие тела, я нахожу, что с вышеуказанными признаками всегда связана также тяжесть. Следовательно, опыт есть тот *X*, который находится вне понятия *A* (8) и на котором основывается возможность синтеза предиката тяжести *B* с понятием *A*.

цель всего нашего умозрительного априорного знания заключается именно в таких (beruht auf) синтетических, т.е. расширяющих, основоположениях, тогда как аналитические суждения **14** чрезвычайно важны и необходимы, но лишь для того, чтобы приобрести отчетливость понятий, требующуюся для /уверенного[1)] и широкого синтеза, /а не для того, чтобы строить действительно новое здание[2)].

1) С, З – достоверного (sicheren)

2) С, В – как действительно нового приобретения
З – приобрести нечто действительно новое
(als zu einem wirklich neuen Erwerb)
(A[1] – Anbau)

<V[10]. Все теоретические науки разума содержат [в себе] априорные синтетические суждения как принципы

1. Все математические суждения имеют синтетический характер. Это положение, хотя оно бесспорно достоверно и очень важно для дальнейшего [исследования], до сих пор, по-видимому, ускользало от внимания ученых, занимавшихся анализом человеческого разума; мало того, оно прямо противоположно всем их предположениям. В самом деле, когда было замечено, что умозаключения математиков совершаются согласно закону противоречия (а это требуется природой всякой аподиктической достоверности), то [философы] уверили себя, будто также и основоположения познаются из закона противоречия; но это убеждение было ошибочным, так как синтетические суждения (ein synthetischer Satz), правда, могут быть усмотрены согласно закону противоречия, однако /не сами по себе[3)], а таким образом, что при этом всегда предполагается другое синтетическое суждение, из которого первое может быть выведено.

3) С, З – никогда (никак) не само по себе
(niemals an sich selbst)

---

[10] Пятый и шестой отделы 2 изд. заменяют следующие слова 1 издания: **A10** Таким образом, здесь скрывается некоторая тайна*, и только разоблачением (Aufschluβ) ее может быть /обеспечен и упрочен[1)] прогресс на безграничном поприще чистого знания рассудка: мы должны с достаточной всеобщностью раскрыть основание возможности синтетических априорных суждений, усмотреть условия возможности каждого из видов их и выразить все это знание (составляющее особый класс знаний) не в виде беглого очерка, а в форме полной и пригодной для всякого употребления системы соответственно ее первоначальным источникам, подразделениям, объему и границам. Таковы предварительные замечания о своеобразных [особенностях] синтетических суждений.

1) С – сделать прочным и несомненным
(sicher und zuverlässig machen)

---

* Если бы древним пришло в голову хотя бы только поставить этот вопрос, то уже одно это обстоятельство мощно противодействовало бы всем системам чистого разума вплоть до нашего времени и предотвратило бы множество тщетных попыток, предпринятых слепо, без знания проблемы, подлежащей исследованию.

Прежде всего следует заметить, что настоящие математические положения всегда суть априорные, а не эмпирические суждения, потому что они обладают необходимостью, которая не может быть заимствована из опыта. Если же с этим не согласятся, **15** то я готов ограничить свое утверждение областью чистой математики, само понятие которой указывает на то, что она содержит не эмпирическое, а исключительно чистое априорное знание.

На первый взгляд может показаться, что положение 7 + 5 = 12 есть чисто аналитическое суждение, вытекающее согласно закону противоречия из понятия суммы семи и пяти. Однако, присматриваясь ближе, мы находим, что понятие суммы семи и пяти содержит в себе только [признак] соединения этих двух чисел в одно, причем вовсе /не указывается[1)], каково то число, которое охватывает слагаемые. Понятие двенадцати вовсе еще не мыслится вследствие того, что я только мыслю о соединении семи и пяти; и, сколько бы я ни анализировал свое понятие такой возможной суммы, я бы не встретил в нем числа 12. Для этого необходимо выйти за пределы этих понятий, взяв на помощь наглядное представление, соответствующее одному из них, напр. свои пять пальцев или (как это делает Зегнер (9) в своей арифметике) пять точек, и присоединять постепенно единицы числа 5, данного в наглядном представлении, к понятию семи. При этом я беру сначала число семь и затем, /привлекая на помощь к понятию пяти наглядное представление пальцев своей руки[2)], я /присоединяю постепенно к **16** числу семь с помощью этого образца (meinem Bilde) единицы, взятые для составления числа пять[1)], и таким образом вижу, как возникает двенадцать (Zahl 12). О том, что 5 должно было быть присоединено к 7, я, правда, мыслил в понятии суммы = 7 + 5, но я тогда не знал еще, что эта сумма равна двенадцати. Следовательно, [приведенное] арифметическое суждение имеет во всяком случае (jederzeit) синтетический характер. Это становится еще очевиднее, если взять несколько бóльшие числа, так как тогда ясно, что, сколько бы мы ни переворачивали на всякие лады свои понятия, мы никогда не могли бы найти суммы посредством одного лишь анализа понятий, без помощи наглядных представлений.

1) З, В – не мыслится (nicht gedacht wird)

2) З – для получения понятия пяти, прибегая к помощи созерцания пальцев своей руки (für den Begriff der 5 die Finger meiner Hand als Anschauung zu Hilfe nehme)

1) С – то те единицы, которые я прежде брал вместе, чтобы образовать число пять, теперь на этом образе последовательно присоединяю к числу семь (so tue ich die Einheiten, die ich vorher zusammennahm, um die Zahl 5 auszumachen, nun an jenem meinem Bilde nach und nach zur Zahl 7)

Точно так же ни одно основоположение чистой геометрии не есть аналитическое [суждение]. Положение «прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками» имеет синтетический характер. В самом деле, мое понятие прямой содержит в себе только [признак] качества, но ничего

[не говорит] о величине (Groβ). Следовательно, понятие кратчайшего [расстояния] целиком присоединяется к понятию прямой линии извне и никаким анализом не может быть извлечено из него. Поэтому здесь на помощь должно быть взято наглядное представление, посредством которого единственно возможен синтез.

Только немногие из основоположений, предполагаемых геометрией (die Geometer), суть действительно аналитические [суждения] и основываются на законе противоречия. Однако они, будучи тождественными положениями, служат только для методической связи (zur Kette der Methode), а не как принципы; **17** таковы, напр., [суждения] $a = a$, целое равно самому себе, или $(a + в) > a$, т.е. целое больше своей части. Но даже и эти суждения, хотя они имеют силу на основании одних только понятий, допускаются в математике только потому, что могут быть выражены в наглядном представлении. Если мы обыкновенно думаем, будто предикат таких аподиктических суждений уже содержится в нашем понятии, так что суждение имеет аналитический характер, то источником этого мнения является исключительно двусмысленность выражений. Мы должны, [как мы говорим], присоединить мысленно к данному понятию некоторый предикат, и эта необходимость /связана уже с [самими] понятиями[1]. Между тем вопрос состоит не в том, что мы должны присоединить мыслью к данному понятию, а в том, что мы действительно мыслим в нем, хотя и /в смутной форме[2]. При такой постановке вопроса оказывается, что предикат связан с указанными понятиями, правда, необходимо, однако не как нечто мыслимое в самом понятии, а с помощью наглядного представления, которое должно присоединиться к понятию (10).

1) С – отражается и на понятии
В – кажется заключающейся в самом понятии
(haftet schon an den Begriffen)

2) Г – неосознанно
(dunkel)

2. Естествознание ([физика] (Physica)) заключает в себе априорные синтетические суждения как принципы. Я намерен привести в виде примеров лишь небольшое количество суждений, именно следующие: при всяких изменениях телесного мира количество материи остается неизменным, или: при всякой передаче движения действие и противодействие всегда должны быть равны друг другу. В обоих этих суждениях не только необходимость, следовательно, **18** априорное происхождение их, но их синтетический характер очевидны. В самом деле, в понятии материи /я не мыслю ее устойчивости[1], а имею в виду только ее присутствие в пространстве путем наполнения его. Следовательно, в приведенном суждении я действительно выхожу за пределы понятия материи, чтобы /присоединить[2] к нему

1) С – я мыслю не ее устойчивость
(denke ich mir nicht die Beharrlichkeit)

2) С – примыслить
З, В – мысленно присоединить
(hinzuzudenken)

a priori нечто такое, чего я не мыслил в нем. Итак, это суждение имеет не аналитический, а синтетический характер и тем не менее мыслится a priori; точно то же [мы встречаем] и в других положениях /чистого[3] естествознания.

3) C, B – чистой части
(des reinen Teils)

3. /Метафизика, даже если и рассматривать ее как науку, которую до сих пор философы только пытаются создать, хотя без нее и нельзя обойтись вследствие природы человеческого разума, должна заключать в себе априорные[4] синтетические знания; ее задача состоит вовсе не в том, чтобы только расчленять и таким образом аналитически разъяснять понятия, составленные нами a priori о вещах; в ней мы стремимся расширить a priori наши знания и должны для этого пользоваться такими основоположениями, которые присоединяют к данному понятию нечто, не содержавшееся еще в нем; при этом мы с помощью априорных синтетических суждений заходим даже так далеко, что сам опыт не может следовать за нами, как, напр., в положении: мир должен иметь начало, и т.п. Таким образом, метафизика, по крайней мере согласно своей цели, состоит исключительно из априорных синтетических положений.

4) C – В метафизике, хотя она до сих пор была только опытом науки, но по самой природе человеческого разума была наукой необходимой, должны быть априорные...
(In der Metaphysik, wenn man sie auch nur für eine bisher bloß versuchte, dennoch aber durch die Natur der menschlichen Vernunft und unentbehrliche Wissenschaft ansieht, sollen... sein)

19 VI. Общая задача чистого разума

Если нам удается подвести целую группу исследований под формулу /одной проблемы[1], то и это уже большой шаг вперед. Таким образом, мы облегчаем труд не только себе, путем точного определения задачи, но и своим критикам, которые пожелали бы испытать, достигли ли мы своей цели или нет. [В предлагаемом исследовании] настоящая задача чистого разума заключается в следующем вопросе: **Как возможны синтетические суждения a priori?**

1) З – одной единственной задачи
(einer einzigen Aufgabe)

Метафизика оставалась до сих пор в колеблющемся состоянии недостоверности и противоречивости исключительно потому, что эта задача и, быть может, даже различие между аналитическими и синтетическими суждениями прежде никому не приходили в голову. Метафизика стоит и падает вместе с решением этой задачи или удовлетворительным доказательством того, /что возможность, подлежащая объяснению в этой проблеме, в действительности вовсе не существует[2]. Давид Юм, из всех философов еще ближе всего подошедший к этой задаче, но все же мысливший ее не с достаточной определенностью и всеобщностью, так как он обратил внима-

2) З – что в действительности вообще невозможно объяснить эту задачу
(daß die Möglichkeit, die sie erklärt zu wissen verlangt, in der Tat gar nicht stattfinde)

ние только на синтетическое положение связи действия /с причиной[3] (Principium 20 causalitatis), пришел к убеждению, /что такое положение совершенно не может быть априорным[1]; согласно его умозаключениям все, что мы называем метафизикой, сводилось бы к простой иллюзии, ошибочно принимающей за усмотрение разума то, что в действительности заимствовано только из опыта и благодаря привычке приобрело характер кажущейся необходимости. К этому утверждению, разрушающему всякую чистую философию, он никогда не пришел бы, если бы задача, поставленная нами, стояла перед его глазами во всей ее всеобщности, так как тогда он заметил бы, что, согласно его аргументам, также и чистая математика, без сомнения содержащая в себе априорные синтетические положения, была бы невозможна, а от этого утверждения /его здравый рассудок[2], конечно, удержал бы его.

3) В – с их причинами (mit ihren Ursachen)

1) С – что подобные суждения a priori совершенно невозможны (daß ein solcher Satz a priori gänzlich unmöglich sei)

2) С – здравый смысл (guter Verstand)

Разрешение поставленной выше задачи заключает в себе вместе с тем [разъяснение] возможности чистого применения разума при обосновании и развитии всех наук, содержащих в себе априорное теоретическое знание о предметах; иными словами, при этом получается ответ на вопросы.

Как возможна чистая математика?

Как возможно чистое естествознание?

Так как эти науки действительно существуют (wirklich gegeben sind), то естественно ставить вопрос, **как** они возможны: их /действительность[3] * показывает, что они должны быть возможны. **21** Что же касается метафизики, то так как она до сих пор плохо развивалась и ни одна из предложенных до сих пор [систем], если принять в расчет их существенную цель, не заслуживает того, чтобы ее признали действительно существующей, то всякий имеет право усомниться в ее возможности.

3) С, З, В – существование (Wirklichkeit)

Однако и этот вид знания надо рассматривать в известном смысле слова /как существующий[4]; метафизика существует (ist), если не как наука, то все же как естественная склонность (metaphysica natu-

4) С, З, В – как данный (als gegeben)

* Быть может, кто-нибудь усомнится еще в действительности чистого естествознания. Однако стоит только рассмотреть различные положения, высказываемые в начале обыкновенной (эмпирической) физики, напр., относительно /неизменности количества[1] материи, относительно /косности[2], равенства, действия и противодействия и т.п., чтобы тотчас же убедиться, что они составляют чистую рациональную физику physicam puram (или rationalem), которая заслуживает того, чтобы /ее ставили[3] отдельно как особую науку в ее узком или широком, но непременно полном объеме.

1) С – тождество одного и того же количества
З – постоянности количества (der Beharlichkeit derselben Quanität)
2) С – инертность
З – инерции (Trägheit)
3) С – быть представленной (aufgestellt zu werden)

ralis). В самом деле, человеческий разум в силу собственной потребности, а вовсе не под влиянием одной только суетности многознания, неудержимо доходит до таких вопросов, которые не могут быть разрешены никаким опытным применением разума и заимствованными из этого применения принципами; поэтому у всех людей, как только их разум расширяется до умозрения, действительно всегда (zu aller Zeit) была и будет какая-либо метафизика. А потому и относительно нее следует поставить вопрос: **Как возможна метафизика 22 как естественная склонность?** То есть как из природы общечеловеческого разума возникают вопросы, которые чистый разум задает себе и под влиянием собственной своей потребности, насколько может, пытается решить?

Но так как во всех прежних попытках ответить на эти естественные вопросы, напр. на вопрос, имеет ли мир начало или он существует вечно, и т.п., всегда встречались /неустранимые[1)] противоречия, то /нельзя только ссылаться на[2)] естественную склонность к метафизике, т.е. на самую способность чистого разума, из которой, правда, всегда возникает какая-нибудь метафизика (какая бы она ни была), но должно найти возможность достигнуть достоверности или в знании, или в незнании ее предметов, т.е. или /решить ее задачи[3)], или исследовать, насколько разум способен и не способен судить об этих предметах; иными словами, должна найтись возможность или расширить с достоверностью наш чистый разум, или поставить ему определенные и достоверные границы. Этот последний вопрос, вытекающий из поставленной выше общей задачи, можно совершенно правильно выразить в следующей форме: **Как возможна метафизика как наука?**

1) С, З, В – неизбежные (unvermeidliche)
2) С – то нельзя останавливаться на простой (kann man es nicht bei der bloßen... bewenden lassen)
3) С – высказать относительно предметов какое-либо суждение
З – решить вопрос о предметах, составляющих проблематику метафизики (der Entscheidung über die Gegenschtände ihrer Fragen zu urteilen)

Таким образом, критика разума необходимо приводит в конце концов к науке; наоборот, догматическое применение разума без критики приводит к ни на чем не основанным утверждениям, которым можно противопоставить столь же 23 /неосновательные[1)] утверждения, следовательно, к с к е п т и ц и з м у.

Эта наука не может иметь такого огромного, устрашающего объема (Weitläufigkeit), так как она занимается не объектами разума, /разнообразие[2)] которых бесконечно, а только /самим разумом[3)], [только] задачами, возникающими исключительно из его недр и предлагаемыми ему собственной его природой, а не природой вещей, отличных от него; в самом деле, если разум сперва исследует вполне свою собственную способность в отношении предметов, которые могут встречаться ему в опыте, то тогда легко определить

1) З – ложные (scheinbare)
2) З – многообразие (Mannigfaltigkeit)
3) С, В – сама с собой (mit sich selbst)

ralis). В самом деле, человеческий разум в силу собственной потребности, а вовсе не под влиянием одной только суетности многознания, неудержимо доходит до таких вопросов, которые не могут быть разрешены никаким опытным применением разума и заимствованными из этого применения принципами; поэтому у всех людей, как только их разум расширяется до умозрения, действительно всегда (zu aller Zeit) была и будет какая-либо метафизика. А потому и относительно нее следует поставить вопрос: **Как возможна метафизика 22 как естественная склонность?** То есть как из природы общечеловеческого разума возникают вопросы, которые чистый разум задает себе и под влиянием собственной своей потребности, насколько может, пытается решить?

Но так как во всех прежних попытках ответить на эти естественные вопросы, напр. на вопрос, имеет ли мир начало или он существует вечно, и т.п., всегда встречались /неустранимые[1] противоречия, то /нельзя только ссылаться на[2] естественную склонность к метафизике, т.е. на самую способность чистого разума, из которой, правда, всегда возникает какая-нибудь метафизика (какая бы она ни была), но должно найти возможность достигнуть достоверности или в знании, или в незнании ее предметов, т.е. или /решить ее задачи[3], или исследовать, насколько разум способен и не способен судить об этих предметах; иными словами, должна найтись возможность или расширить с достоверностью наш чистый разум, или поставить ему определенные и достоверные границы. Этот последний вопрос, вытекающий из поставленной выше общей задачи, можно совершенно правильно выразить в следующей форме: **Как возможна метафизика как наука?**

1) С, З, В – неизбежные (unvermeidliche)
2) С – то нельзя останавливаться на простой (kann man es nicht bei der bloßen... bewenden lassen)
3) С – высказать относительно предметов какое-либо суждение
З – решить вопрос о предметах, составляющих проблематику метафизики (der Entscheidung über die Gegenschtände ihrer Fragen zu urteilen)

Таким образом, критика разума необходимо приводит в конце концов к науке; наоборот, догматическое применение разума без критики приводит к ни на чем не основанным утверждениям, которым можно противопоставить столь же 23 /неосновательные[1] утверждения, следовательно, к скептицизму.

1) З – ложные (scheinbare)

Эта наука не может иметь такого огромного, устрашающего объема (Weitläufigkeit), так как она занимается не объектами разума, /разнообразие[2] которых бесконечно, а только /самим разумом[3], [только] задачами, возникающими исключительно из его недр и предлагаемыми ему собственной его природой, а не природой вещей, отличных от него; в самом деле, если разум сперва исследует вполне свою собственную способность в отношении предметов, которые могут встречаться ему в опыте, то тогда легко определить

2) З – многообразие (Mannigfaltigkeit)
3) С, В – сама с собой (mit sich selbst)

со всей полнотой и достоверностью объем и границы предпринимаемого применения его за пределами всякого опыта.

Итак, мы можем и должны считать все сделанные до сих пор попытки догматически построить (zu Stande zu bringen) метафизику /неосуществленными[4]. Если некоторые из них заключают в себе аналитические элементы, полученные простым расчленением понятий, присущих нашему разуму a priori, то этот анализ еще не составляет цели, а служит лишь /пособием[5] для настоящей метафизики, именно для априорного синтетического расширения нашего знания; анализ не годится для этого, так как он показывает только, чтó содержится в этих понятиях, но не определяет, каким образом мы приходим a priori к таким понятиям, чтобы затем иметь возможность 24 определить также их применение, имеющее значение для предметов всякого знания вообще. /К тому же не требуется большого самоотречения[1], чтобы отказаться от всех этих притязаний, так как неоспоримые и неизбежные при догматическом методе противоречия разума с самим собой давно уже лишили /влияния[2] всякую прежнюю метафизику. /Бóльшая стойкость нужна для того чтобы внутренние затруднения и внешние противодействия не удержали нас от намерения содействовать совершенно иными, чем прежде, приемами благополучному и плодотворному произрастанию необходимой для человеческого разума науки, всякий ствол которой можно, конечно, обрубить, но корни которой нельзя истребить[3].>

<VII. Идея и разделение особой науки, называемой критикой чистого разума>

Из всего сказанного вытекает идея особой науки, которая может называться критикой чистого разума[11]. Разумом называется способность, дающая принципы априорного знания. Следовательно, чистый разум есть способность, содержащая принципы /безусловного априорного знания[4]. Органоном

4) С – неудачными
З – безуспешными
(als ungeschehen)

5) С, З – подготовкой
(Veranstaltung)

1) С – Нужно немножко самоотречения для того
(Es gehört auch nur wenig Selbstverleugnung dazu)
2) С – значения
З – авторитета
(Ansehen)
3) С – Больше мужества нужно для того, чтобы не отступить перед затруднениями внутри и противодействиями извне, имея в виду срубить с ложного ствола науку, необходимую для человеческого разума, и при этом не повредить ее корней, – заменить прежний метод метафизики другим, прямо ему противоположным и позаботиться о росте и дальнейшем развитии этой науки
З – чтобы трудности в нас самих и противодействие извне не воспрепятствовали нам содействовать при помощи метода, противоположного существовавшим до сих пор, успешному и плодотворному росту необходимой для человеческого разума науки, всякий произрастающий ствол которой нетрудно, конечно, срубить, но корни которой уничтожить невозможно
(Mehr Standhaftigkeit wird dazu notig sein, sich durch die Schwierigkeit innerlich und den Widerstand äußerlich nicht abhalten zu lassen, eine der menschlichen Vernunft unentbehrliche Wissenschaft, von der man wohl jeden hervorgeschossenen Stamm abhauen, die Wurzel aber nicht ausrotten kann, durch eine andere, der bisherigen ganz entgegengesetzte Behandlung endlich einmal zu einem gedeihlichen und fruchtbaren Wuchse zu befördern)
4) С – познания чего-либо безусловно a priori
(etwas schlechthin a priori zu erkennen)

[11] В 1 издании: которая может служить для критики чистого разума. Чистым же называется всякое знание, не смешанное с инородными A11 элементами. Вполне чистым в особенности называется знание, к которому не примешивается вообще никакой опыт или ощущение, следовательно, знание, возможное вполне a priori.

чистого разума должна быть совокупность тех принципов, согласно которым могут 25 быть приобретены и действительно осуществлены все чистые априорные знания. Полное применение такого органона дало бы систему чистого разума. /Но так как требовать такой науки это значило бы добиваться слишком многого, и так как еще неизвестно, возможно ли[1)] также <здесь> вообще такое же расширение нашего знания, и в каких случаях оно возможно, то науку, ограничивающуюся одним лишь исследованием чистого разума, его источников и границ, мы можем рассматривать как пропедевтику к системе чистого разума. Такая пропедевтика должна (11) называться /не наукой[2)], а только критикой чистого разума, и польза ее <в отношении к теоретическим знаниям> в самом деле может быть только отрицательной, она может служить не для расширения, а только для очищения нашего разума и освобождения его от заблуждений, что уже представляет собой значительную выгоду. Я называю трансцендентальным всякое знание, занимающееся /не столько предметами, сколько нашей способностью познания[3)] предметов, поскольку оно должно быть возможным a priori[12]. Система таких понятий должна называться трансцендентальной философией. /Однако и этого для начала было бы слишком много[4)]. Такая наука должна была бы содержать в себе в полном объеме как аналитическое, так и априорное синтетическое знание, и потому в отношении к нашей задаче она обладала бы слишком широким объемом, так как мы собираемся углубляться в своем анализе лишь настолько, насколько это неизбежно необходимо, чтобы усмотреть во всей широте принципы 26 априорного синтеза, единственно интересующие нас. Мы занимаемся здесь именно этим исследованием, которое мы можем назвать собственно не наукой, а только трансцендентальной критикой, так как оно имеет целью не расширение самих знаний, а только исправление их и должно /дать пробный камень ценности или негодности[1)] всех априорных знаний. Поэтому такая критика есть, по возможности, подготовка к органону или, если бы это не удалось, по крайней мере к канону его, согласно которому во всяком случае в будущем могла бы быть построена как аналитически, так и синтетически полная система философии чистого разума, все равно, будет ли она состоять в расширении или только в ограничении его познания.

1) С – А так как это очень желательно, и дело стоит только за тем, возможно ли...
З – Но так как эта система крайне желательна и еще неизвестно, возможно ли...
(Da dieser aber sehr viel verlangt ist, und es noch dahin steht, ob... möglich sei)

2) С – доктриной
З – учением
(Doktrin)

3) С – не только предметами, но и способом нашего познания (nicht sowohl mit Gegenständen, sondern mit unserer Erkenntnissart)

4) С – Впрочем, и это название для начала слишком широко (Diese ist aber wiederum für den Anfang noch zu viel)

1) З – служить критерием достоинства или негодности (Probierstein des Werts oder Unwerst... abgeben soll)

[12] В 1 издании: сколько нашими априорными понятиями о предметах вообще.

Что такая система возможна и даже будет иметь вовсе не слишком большой объем, так что можно надеяться вполне завершить ее, на это можно рассчитывать уже ввиду того, что здесь предметом исследования служит не природа вещей, которая неисчерпаема, а рассудок, который судит о природе вещей, да и то лишь [рассудок] в отношении его априорных знаний; это /достояние[2)] рассудка не может укрыться от нас, так как нам не приходится искать его вне себя, и, по всей вероятности, оно не слишком велико, так что можно вполне воспринять его, обсудить его достоинство или негодность и дать правильную оценку его. **27** <Еще менее следует ожидать здесь критики книг и систем чистого разума; здесь дана только критика самой способности чистого разума. Только основываясь на этой критике, можно найти надежный критерий для оценки философского содержания древних и новых сочинений по этому предмету; в противном случае /непризнанный[1)] историк и судья оценивает ни на чем не основанные утверждения других посредством своих собственных утверждений, которые в такой же мере не обоснованы[13].>

2) С – материал
З – данные
(Vorrat)

1) З – некомпетентный
(unbefugte)

Трансцендентальная философия есть идея науки[14], для осуществления которой критика чистого разума должна набросать архитектонически, т.е. из принципов, полный план, с ручательством за полноту и надежность всех частей этого здания. <Она представляет собой систему всех принципов чистого разума.> Сама эта критика еще не называется трансцендентальной философией исключительно потому, что она должна была бы содержать в себе также обстоятельный анализ всего априорного человеческого познания, чтобы быть полной системой. Наша критика, правда, также должна дать полное перечисление всех основных понятий, составляющих чистое знание, однако она, как и следует, воздерживается от обстоятельного анализа самих этих понятий, а также от полного перечисления производных из них понятий, отчасти потому, что такой анализ не был бы целесообразен, **28** так как он не связан с затруднениями, встречающимися в синтезе, ради исследования которого предпринята вся эта критика, а отчасти также потому, что единство плана нарушилось бы попыткой взять на себя ответственность за полноту такого анализа и выводов, между тем как это вовсе не требует-

[13] В 1 издании остальная часть Введения была озаглавлена следующим образом: II. Подразделения трансцендентальной философии.

[14] В 1 изд.: есть здесь лишь идея.

ся поставленной целью. Этой полноты анализа и вывода из /априорных понятий, которые мы изложим в настоящем сочинении[1)], нетрудно будет достигнуть, если только сначала будут установлены эти понятия, как законченные (ausführliche) принципы синтеза, и если в отношении этой существенной цели ни в чем не будет недостатка[15].

Таким образом, в критику чистого разума входит все, что составляет содержание трансцендентальной философии: она есть полная идея трансцендентальной философии, но еще не сама эта наука, потому что в анализ она углубляется лишь настолько, насколько это необходимо для полной оценки априорного синтетического знания.

Устанавливая подразделения этой науки, в особенности надо иметь в виду, чтобы в нее вовсе не входили понятия, заключающие в себя что бы то ни было эмпирическое, т.е. чтобы априорное знание было вполне чистым. Поэтому, хотя высшие основоположения /морали[2)] и основные понятия ее суть априорные знания, тем не менее они не входят в трансцендентальную философию, так как они, хотя и не полагают в основу своих предписаний **29** понятия удовольствия и /страдания[1)], /страстей и наклонностей[2)] и т.п., которые все имеют эмпирическое происхождение, тем не менее, исследуя понятие долга, необходимо вводят их в состав системы чистой нравственности, как препятствия, которые должны быть побеждены, или как /приманки[3)], которые не должны быть мотивом /деятельности[4)] [16]. Таким образом, трансцендентальная философия есть /наука[5)] чистого, исключительно теоретического разума, так как все практическое, поскольку оно содержит в себе побудительные мотивы, находится в связи с чувствами (auf Gefühle), которые относятся к эмпирическим источникам познания.

Если устанавливать подразделения этой науки с общей точки зрения системы вообще, то /она[6)] должна содержать в себе, во-первых, у ч е н и е об элементах и, во-вторых, у ч е н и е о м е т о д е чистого разума. Каждая из этих главных частей должна иметь свои подразделения, основания которых здесь еще не могут быть изложены. В качестве введения или предварительного напоминания необходимо только [указать на] то, что существует два /ствола[7)] человеческо-

1) С – из имеющих быть представленными в будущем понятий
(aus den künftig zu liefernden Begriffen)

2) С, З – моральности
(Moralität)

1) С, З, В – неудовольствия
(Unlust)

2) З – влечений и склонностей
(Begierden und Neigungen)

3) С – соблазн[а]
(Anreiz)

4) С – которые могут препятствовать моральной деятельности
З – которые не должны быть побудительными мотивами
В – служить побуждениям к деятельности
(der nicht zum Bewegungsgrunde gemacht werden soll)

5) С – мироведение
В – всеобщая наука
(Weltweisheit)

6) З – излагаемая нами здесь наука
(die, welche wir jetzt vortragen)

7) С, В – рода
(Stämme)

[15] В 1 издании: в них ни в чем не будет недостатка.

[16] В 1 издании: так как ими предполагаются понятия удовольствия и страдания, страстей и наклонностей, произвола (Willkür) и т.п., которые все имеют эмпирическое происхождение.

го познания, вырастающие, быть может, из общего, но неизвестного нам корня, именно *чувственность* и *рассудок*. Посредством чувственности предметы нам *даются*, а посредством рассудка они *мыслятся*. Если бы оказалось, что чувственность содержит в себе априорные 30 представления, составляющие условие, под которым нам даются предметы, то она имела бы отношение к трансцендентальной философии. Это трансцендентальное учение о чувственности должно было бы составлять *первую* часть /науки об элементах[1] чистого разума, так как условия, под которыми предметы даются человеческому познанию, предшествуют условиям, под которыми они мыслятся.

1) С – элементарной науки
З – науки о началах
(Elementar-Wissenschaft)

КРИТИКА
ЧИСТОГО РАЗУМА

I.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЕ УЧЕНИЕ
ОБ ЭЛЕМЕНТАХ

33 # Трансцендентального /учения об элементах[1]

1) З – учения о началах (Elementarlehre)

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Трансцендентальная эстетика

<§ 1>

Каким бы способом и какими бы средствами ни относилось познание к предметам, во всяком случае непосредственное отношение к ним /оно получает в *наглядном представлении*, к[2] которому как к средству стремится всякое мышление. Наглядное представление существует только тогда, когда предмет нам дан; а это в свою очередь возможно <по крайней мере для нас, людей> лишь вследствие того, что /предмет известным образом действует на душу[3] (12). Эта способность (восприимчивость) получать представления вследствие того способа, каким предметы действуют на нас (wie wir von Gegenständen affiziert werden), называется **чувственностью**. Следовательно, посредством чувственности предметы нам *даются*, и только она снабжает нас *наглядными представлениями*, но *мыслятся* предметы посредством рассудка, и из рассудка возникают *понятия*. Тем не менее всякое мышление должно в конце концов прямо (directe) или косвенно (indirecte) <посредством известных признаков> относиться к наглядным представлениям, следовательно, у нас – к чувственности, потому что иным способом ни один предмет не может быть дан нам.

2) С – имеет только в созерцании, к которому...
З – созерцание есть именно тот способ, каким...
В – только в наглядном представлении владеем мы тем средством
(so ist doch diejenige, wodurch sie [Erkenntnis] sich auf dieselbe [Gegenstände] ... bezieht... die Anschauung)

3) З – некоторым образом воздействует на нашу душу
(er das Gemüt auf gewisse Weise affiziere)

34 Действие (Die Wirkung) предмета на способность представления, поскольку мы подвергаемся влиянию его (affiziert werden), есть *ощущение*. Те наглядные представления (Diejenige Anschauung), которые относятся через посредство ощущения к предмету, называются *эмпирическими*. Неопределенный предмет эмпирического наглядного представления называется *явлением*.

В явлении то, что соответствует /ощущениям[1], я называю *материей* его, а то, /благодаря чему многообразное в явлении может быть <приведено в порядок[17]> в известных отношениях[2], я называю

1) С, В – ощущению
(der Empfindung)
2) С – что в известном отношении упорядочивает разнообразное в явлении
З – упорядочено определенным образом
В – чем сообщается разнообразному содержанию известный порядок
(welches macht, daß das Mannigfaltige der Erscheinung in gewissen Verhältnissen geordnet werden kann)

---

[17] В 1 изд.: наглядно представляется упорядоченным.

3) З – единственно в чем (worinnen... allein)

4) С, З – всех явлений (aller Erscheinungen)

ф о р м о й явления. Так как то, /в чем[3] ощущения могут быть приведены в порядок и в известную форму, само не может быть опять ощущением, то, хотя материя /всякого явления[4] дана нам только a posteriori, форма для них целиком должна находиться готовой в душе a priori и потому может быть рассматриваема отдельно от всякого ощущения.

Я называю ч и с т ы м и (в трансцендентальном смысле) все представления, в которых нет ничего, что принадлежит к ощущению. Следовательно, чистая форма чувственных наглядных представлений вообще, форма, в которой наглядно представляется в известных отношениях все многообразное содержание явлений, должна находиться в душе a priori. Сама эта чистая форма чувственности должна также называться ч и с т ы м н а г л я д н ы м п р е д с т а в л е н и е м (reine Anschauung). 35 Так, если я отвлекаю от представления тела все, что рассудок мыслит о нем, как-то: субстанцию, силу, делимость и т. п., а также все, что принадлежит в нем к ощущению, как-то: непроницаемость, твердость, цвет и т. п., то у меня остается от этого эмпирического наглядного представления еще нечто, именно протяжение и /форма[1]. /Эти [элементы] входят в состав[2] чистого наглядного представления, которое находится в душе a priori также и без действительного предмета чувств или ощущения, /как чистая форма чувственности[3].

1) З, В – образ (Gestalt)

2) С – Это относится уже к
З – Все это принадлежит к (Diese gehören zur)

3) С – как простая форма (als eine bloße Form)

Науку о всех априорных принципах чувственности я называю т р а н с ц е н д е н т а л ь н о й э с т е т и к о й *. Следовательно, должна существовать такая наука, 36 составляющая первую часть трансцендентального учения об элементах, в противоположность

* Только одни немцы пользуются теперь словом э с т е т и к а для обозначения того, что другие называют критикой вкуса. Под этим названием кроется ошибочная надежда, которую питал превосходный аналитик Б а у м г а р т е н, подвести критическую оценку прекрасного под принципы разума и поднять правила ее на ступень науки. Однако эти старания тщетны. Эти правила, или критерии, согласно своим <главным> (vornehmsten) источникам имеют только эмпирический характер и, следовательно, никогда не могут служить для установления <определенных> априорных законов, с которыми должны были бы согласоваться наши суждения вкуса, скорее эти последние составляют настоящий критерий правильности первых. Поэтому следовало бы <или> /опять оставить[4] это название и сохранить его лишь для того учения, которое имеет характер настоящей науки (вследствие чего мы приблизились бы к языку и представлениям древних, у которых пользовалось большой известностью деление знания на [чувственное и умопостигаемое] (αἰσθητὰ καὶ νοητά) <или же поделиться этим названием с теоретической философией и употреблять термин эстетика отчасти в трансцендентальном смысле, отчасти в психологическом значении.>

4) С – снова ввести это (wiederum eingehen zu lassen)

науке, содержащей в себе принципы чистого мышления и называемой трансцендентальной логикой.

Итак, в трансцендентальной эстетике мы прежде всего изолируем чувственность, отвлекая все, чтó мыслит рассудок посредством своих понятий, так чтобы не осталось ничего, кроме эмпирического наглядного представления. Затем мы отделим еще от этого представления все, что принадлежит к ощущению, так чтобы осталось только чистое наглядное представление и /чистая форма[1] явлений, единственное, что может быть дано a priori чувственностью. При этом исследовании окажется, что существуют две чистые формы чувственного наглядного представления как принципы априорного знания, именно пространство и время, рассмотрением которых мы займемся теперь.

1) З – одна лишь форма (die bloße Form)

Трансцендентальной эстетики

37 ПЕРВАЯ ГЛАВА

О пространстве

<§ 2. Метафизическое истолкование (Erörterung) этого понятия>

Посредством внешнего чувства (свойства нашей души) мы представляем себе предметы как [находящиеся] вне нас, и притом всегда в пространстве. В нем определены или определимы их форма, величина и отношение друг к другу. Внутреннее чувство, посредством которого мы наглядно представляем самих себя или свое внутреннее состояние, не дает, правда, наглядного представления самой души как объекта, однако /существует[1] определенная форма, под которой единственно возможно наглядное представление ее внутреннего состояния: /именно[2] все, что принадлежит к внутренним определениям, представляется в отношениях времени. Вне себя мы не можем представить времени, точно так же как пространство нельзя представить находящимся внутри нас. Что же такое пространство и время? Принадлежат ли они к числу действительных сущностей? Или же они суть лишь определения или отношения вещей, однако такие, /которые принадлежали бы вещам самим по себе, если бы даже и не были предметом представления?[3] Или же, наконец, они суть определения или отношения, присущие только форме наглядного представле-

1) З – это есть (es ist)

2) С, З – так что (sodaß)

3) С – которые свойственны им [вещам] и в себе, если даже они и не являются объектом созерцания
З – которые сами по себе были бы присущи вещам, если бы даже вещи и не созерцались
В – какие должны быть в них [вещах самих в себе] независимо от наших представлений
(welche ihnen an sich zukommen würden, wenn sie auch nicht angeschaut würden)

ния и, следовательно, субъективному **38** /строению[1)] нашей души, без которого эти предикаты не могли бы приписываться ни одной вещи? Чтобы решить эти вопросы, истолкуем понятие пространства[18]. <П о д и с т о л к о в а н и е м же (expositio) я разумею отчетливое (хотя и не подробное) представление того, что относится к понятию; м е т а ф и з и ч е с к и м я называю истолкование, содержащее в себе то, /что изображает понятие как понятие, д а н н о е a priori[2)].>.

1) С, В – свойству
З – природе
(Beschaffenheit)

2) З – благодаря чему понятие показывается как данное a priori
(was den Begriff, als a priori gegeben, darstellt)

1. Пространство не есть эмпирическое понятие, /отвлекаемое[3)] от внешнего опыта. В самом деле, представление пространства должно /уже лежать в основе[4)] для того, чтобы известные ощущения были относимы к чему-то вне меня (т. е. к чему-то в другом месте пространства, чем то, где я нахожусь), /а также для того, чтобы я мог представлять их как находящиеся вне <и п о д л е > друг друга[5)], следовательно, не только как различные, но и как находящиеся в различных местах. Следовательно, представление пространства не может быть заимствовано из отношений внешних явлений путем опыта: сам этот внешний опыт впервые становится возможным /благодаря[6)] представлению пространства.

3) С – отвлеченное
З – выводимое
В – извлекаемое
(abgezogen worden)

4) З – уже заранее быть дано
(schon zum Grunde liegen)

5) С – с ним [пространством] я вижу ощущения вне меня и рядом друг с другом
В – чтобы мы могли представлять ощущение одно вне другого
и рядом с другим
(imgleichen damit ich sie als außer und neben einander... vorstellen könne)

6) С, В – через упомянутое
(durch gedachte)

2. Пространство есть необходимое априорное представление, лежащее в основе всех внешних наглядных представлений. Никоим образом нельзя себе представить, что пространства нет, между тем как /нетрудно **39** мыслить[1)], что в нем нет никаких предметов. Поэтому пространство следует рассматривать как условие возможности явлений, а не как зависящее от них определение: оно есть априорное представление, необходимым образом лежащее в основе внешних явлений.

1) С – вполне можно мыслить
(ganz wohl denken kann)

3[19]. Пространство есть не дискурсивное, или, как го-

---

[18] В 1 изд.: рассмотрим сначала пространство.

[19] В 1 изд. в качестве третьего аргумента было приведено следующее рассуждение: **А24** На этой априорной необходимости основывается аподиктическая достоверность всех геометрических основоположений и возможность априорного построения их. Если бы представление пространства было a posteriori приобретенным понятием, почерпнутым из общего внешнего опыта, то первые основоположения математического определения были бы лишь восприятиями. Следовательно, на них была бы печать случайности восприятия; тогда суждение, что между двумя точками возможна лишь одна прямая линия, не было бы необходимым, но только опыт всякий раз поучал бы нас тому, что это так. То, что заимствовано из опыта, имеет лишь сравнительную всеобщность, именно путем индукции. Следовательно, [на основании опыта] мы могли бы только сказать: насколько до сих пор мы замечали, /нигде не встречается пространство[1)], которое имело бы более трех измерений. Во втором издании этот аргумент переработан в «Трансцендентальное истолкование понятия пространства»; поэтому 4 и 5 аргументы первого издания обозначены во 2 издании цифрами 3 и 4.

1) С – еще не нашли...
(ist kein Raum gefunden werden)

ворят, общее, понятие об отношениях вещей, а чистое наглядное представление. В самом деле, можно представить себе только одно-единственное пространство, и если говорят о многих пространствах, то под ними разумеют лишь части одного и того же /единого[2] пространства. К тому же эти части не могут предшествовать единому всеохватывающему пространству как его составные элементы (из которых возможно было бы его сложение), но могут быть мыслимы только как находящиеся в н е м. Пространство /существенно едино[3]; многообразное в нем, а следовательно, также общее понятие о пространствах вообще основывается исключительно на ограничениях. Отсюда следует, что в отношении пространства в основе всех понятий о нем лежит[20] априорное (не эмпирическое) наглядное представление. Точно так же все геометрические положения, напр. что в треугольнике сумма двух сторон больше третьей стороны, всегда выводятся из наглядного представления и при том a priori с аподиктической достоверностью, а вовсе не из общих понятий линии и треугольника.

2) С, З – единственного (alleinigen)

3) С, В – в сущности одно
З – в существе своем едино (wesentlich einig)

4. Пространство представляется как бесконечная д а н н а я величина. Всякое понятие, правда, надо мыслить 40 как представление, которое содержится в бесконечном множестве различных представлений (в качестве их /возможного[1] признака). Следовательно, /имеет их п о д с о б о й[2]; однако ни одно понятие как таковое не может быть мыслимо так, как будто бы оно имеет в с е б е (in sich) бесконечное множество представлений. Между тем пространство мыслится именно таким образом (/так как все части бесконечного пространства существуют вместе[3]). Итак, первоначальное представление (die ursprüngliche Vorstellung) пространства есть априорное н а г л я д н о е п р е д с т а в л е н и е, а не п о н я т и е[21].

1) С, З, В – общего (gemeinschaftliches)

2) З – они ему подчинены
В – содержит под собой (unter sich enthält)

3) С – ибо все части пространства до бесконечности мыслятся одновременно
З – существуют в бесконечности одновременно
(denn alle Teile des Raumes ins Unendliche sind zugleich)

<§ 3. Трансцендентальное истолкование понятия пространства.>

Под трансцендентальным и с т о л к о в а н и е м я разумею объяснение понятия как принципа, из которого может быть усмотрена возможность других

[20] В 1 изд.: должно лежать.

[21] В 1 изд. этот аргумент был изложен следующим образом: A25
5. Пространство представляется данным как бесконечная величина. Общее понятие пространства (одинаковое и для фута и для локтя) /не может указать ничего[1] в отношении величины [пространства]. Если бы не безграничность (Grenzlosigkeit) в прогрессивном расширении этого наглядного представления, никакое понятие об отношениях /не привело бы с собой[2] принципа бесконечности (Unendlichkeit) его.

1) С – не определяет его (kann... nichts bestimmen)

2) С – не приносило бы с собой (würde kein... bei sich führen)

априорных синтетических знаний. Для этой цели требуется: 1) чтобы такие знания действительно вытекали из данного понятия, 2) чтобы эти знания были возможны только при допущении данного /истолкования[4] этого понятия.

4) С, З – способа объяснения (Erklärungsart)

Геометрия есть наука, определяющая свойства пространства синтетически и тем не менее a priori. Какими же свойствами должно обладать представление пространства, чтобы такое знание о нем было возможно? Оно должно быть первоначально наглядным представлением, так как из одного только **41** понятия нельзя извлечь положений, выходящих за его пределы, между тем как мы встречаем это в геометрии (Введение V). Но это наглядное представление должно находиться в нас a priori, т. е. до всякого восприятия предмета, следовательно, оно должно быть чистым, не эмпирическим наглядным представлением. В самом деле, все геометрические положения имеют аподиктический характер, т. е. связаны с сознанием их необходимости, напр. положение, что пространство имеет только три измерения; но такие положения не могут быть эмпирическими, или опытными, суждениями, а также не могут быть выведены из подобных суждений (Введение II).

Каким же образом может находиться в душе внешнее наглядное представление, которое предшествует самим объектам и в котором понятие их может быть определено a priori? Очевидно, это возможно лишь постольку, поскольку оно пребывает только в субъекте как формальное свойство его подвергаться воздействию объектов и таким образом приобретать /непосредственное, т. е. наглядное, представление их[1], следовательно, лишь как форма внешнего чувства вообще.

Итак, лишь наше истолкование /объясняет[2] возможность геометрии как априорного синтетического знания. Всякое другое истолкование, не дающее этого результата, хотя бы оно по внешности и было несколько сходно с нашим, можно точнее всего отличить от нашего по этому признаку.>

1) С, З – непосредственное представление о них, т.е. созерцание (unmittelbare Vorstellung derselben, d.i. Anschauung)

2) С, З – делает понятной (macht begreiflich)

42 *Выводы из вышеизложенных понятий*

a. Пространство вовсе не представляет [собой] свойства каких-либо вещей в себе (Dinge an sich), а также [оно не представляет] их в их отношении друг к другу, иными словами, оно не есть определение, которое принадлежало бы самим предметам (an Gegenständen selbst) и оставалось бы даже в том случае, если отвлечься от всех субъективных условий на-

глядного представления. В самом деле, ни абсолютные, ни относительные представления не могут быть наглядно представлены a priori, т. е. раньше (vor) существования вещей, которым они принадлежат.

b. Пространство есть не что иное, как только форма всех явлений внешних чувств, т. е. субъективное условие чувственности, под которым единственно возможны для нас внешние наглядные представления. Так как восприимчивость субъекта, [способность его] подвергаться воздействию предметов необходимо предшествует всем наглядным представлениям этих объектов, то отсюда понятно, каким образом форма всех явлений может быть дана в душе раньше всех действительных восприятий, следовательно, a priori, а также понятно, каким образом она как чистое наглядное представление, в котором должны быть определены все предметы, может до всякого опыта содержать принципы их отношений [друг к другу].

Следовательно, только с точки зрения человека можем мы говорить о пространстве, о протяженных сущностях (von ausgedehnten Wesen) и т. п. Если отвлечься от субъективного условия, под которым единственно мы можем получить внешнее наглядное представление, именно поскольку мы способны подвергаться воздействию предметов, то представление пространства не **43** означает ровно ничего. Этот предикат приложим к вещам лишь постольку, поскольку они нам являются (13), т. е. суть предметы чувственности. Постоянная форма этой восприимчивости, называемой нами чувственностью, есть необходимое условие всех отношений, в которых предметы наглядно представляются как [находящиеся] вне нас; [эта форма], если отвлечься от этих предметов, есть чистое наглядное представление, называемое пространством. Так как частные (besondere) условия чувственности /могут быть[1] только условием возможности явления вещей (ihrer Erscheinungen), но не условием возможности [самих] вещей (der Sachen), то мы можем, конечно, сказать, что пространство охватывает все вещи, которые являются нам (14) как внешние, /но мы не можем утверждать, что оно охватывает все вещи сами по себе независимо от того, представляются ли они наглядно или нет, а также независимо от того, каким субъектам они представляются[2]. В самом деле, мы /не можем[3] судить о наглядных представлениях других мыслящих существ, подчинены ли они тем самым условиям, которые ограничивают наше наглядное представление и имеют для нас всеобщее значение. Если мы присоединим это ограничение

1) З – мы можем сделать (wir... machen können)

2) С – то можно сказать, что пространство обнимает все вещи, которые нам являются как внешние, но не как вещи сами по себе, будут ли они созерцаемы или нет тем или другим субъектом (so können wir wohl sagen, daß der Raum alle Dinge befasse, die uns äußerlich erscheinen mögen, aber nicht alle Dinge an sich selbst, sie mögen nun angeschaut werden oder nicht, oder auch von welchem Subjekt man wolle)

3) С – совсем не можем (können... gar nicht)

(15) суждения к понятию субъекта, то тогда наше суждение получит безусловное значение. Суждение: все вещи находятся друг подле друга в пространстве, /имеет силу под условием[4)] [22], что эти вещи берутся как предметы нашего чувственного наглядного представления. Если я присоединю это условие к понятию и скажу: все вещи как внешние явления находятся друг подле друга в пространстве (16), то правило получит всеобщее значение без всякого ограничения. Итак, наше **44** исследование приводит к учению о реальности (т. е. объективном значении) пространства в отношении всего, что /может встретиться нам как внешний предмет[1)], и в то же время об идеальности пространства в отношении вещей, если они рассматриваются разумом сами по себе, т. е. без отношения к свойствам нашей чувственности. Следовательно, мы утверждаем эмпирическую реальность пространства (в отношении /всего возможного[2)] внешнего опыта), /но[3)] [23] трансцендентальную идеальность его; иными словами, мы признаем, что пространство есть ничто, если мы упускаем из виду условие возможности всякого опыта и принимаем его за нечто лежащее в основе вещей самих в себе.

4) В – имеет смысл только при том ограничении (gilt unter der Einschränkung)

1) С – что вне нас может встречаться нам, как предмет (was äußerlich als Gegenstand uns vorkommen kann)

2) С, З, В – всякого возможного (aller möglichen)

3) С – вместе с тем признаем
З – хотя признаем
В – в то же время допускаем
(obzwar die... annehmen)

Кроме пространства, нет ни одного субъективного и относящегося к внешнему миру (auf etwas Äußeres) представления, которое могло бы считаться a priori объективным. <В самом деле, ни из одного из них не могут быть выведены априорные синтетические положения, как из наглядного представления в пространстве (§ 3). Поэтому им, строго говоря, нельзя приписывать никакой идеальности, хотя они сходны с представлением пространства в том, что принадлежат только к субъективным свойствам /чувственности[4)], напр. зрения, слуха, /чувства[5)], через ощущения цветов, тонов и теплоты; однако, будучи только ощущениями, но не наглядными представлениями, они /сами по себе не дают знания ни о каком объекте, а тем менее априорного знания[6)].>[24]

4) С – внешних чувств
З – данного вида чувственности
(der Sinnesart)
5) С, З, В – осязания
(Gefühls)
6) С – не дают никакого познания объекта, и меньше всего познания a priori
(an sich kein Objekt, am wenigsten a priori, erkennen lassen)

---

[22] В 1 изд.: только под условием.

[23] В 1 изд.: но в то же время.

[24] В 1 издании было сказано следующее: **А 28** Поэтому это субъективное условие всех внешних явлений не может быть сравниваемо ни с каким другим [представлением]. Приятный вкус вина не принадлежит к числу объективных определений вина, т. е. объекта, рассматриваемого хотя бы как явление, а зависит от частных свойств чувств того субъекта, который /наслаждается им[1)]. Цвета [также] не суть свойства тела, /в наглядное представление которых они входят[2)]: они также суть только модификации чувства зрения, /подвергающегося некоторому действию[3)] со стороны света. Наоборот, пространство как условие внешних объектов необходимым

1) С – его испытывает
З – пьет вино
Г – его пробует
(was ihn genießt)

2) С – к созерцанию которого они относятся
(deren Auschauung sie anhängen)

3) С – которое получает известное впечатление
(auf gewiße Weise affiziert wird)

45 Цель этого замечания состоит лишь в том, чтобы предостеречь от попыток пояснять утверждаемую нами идеальность пространства /совсем неподходящими[1] примерами, так как, напр., цвета, вкусы (Geschmack) и т. п. по справедливости рассматриваются не как свойства вещей, а только как изменения нашего субъекта, которые могут быть даже различными у разных людей. В этом случае то, что само первоначально есть лишь явление, напр. роза, считается в эмпирическом смысле (Verstande) вещью в себе, которая, однако, в отношении цвета всякому глазу может являться различно. Наоборот, трансцендентальное понятие явлений в пространстве заключает в себе критическое напоминание о том, что вообще ничто наглядно представляемое в пространстве не есть вещь в себе и что пространство не есть форма вещей, свойственная им самим по себе, но что предметы в себе вовсе не известны нам, и /те предметы, которые мы называем внешними[2], суть только представления нашей чувственности, формой которых служит пространство, а истинный коррелят их, т. е. вещь в себе, этим путем вовсе не познается и не может быть познана, /да, впрочем, в опыте о ней никогда не заходит и речи[3].

1) С – слишком недостаточными (durch bei weitem unzulängliche)

2) С, В – то, что мы называем внешними предметами (was wir äußere Gegenstände nennen)

3) С – о чем, впрочем, в опыте не возникает и вопроса (nach welchem aber auch in der Erfahrung nielmals gefragt wird)

образом принадлежит к явлению или наглядному представлению их. А 29 Вкус и цвет вовсе не суть необходимые условия, под которыми единственно предметы могут сделаться для нас объектами чувств. Они связаны с явлением только как случайно присоединяющиеся действия особой организации. Поэтому также они вовсе не суть априорные представления, но основываются на ощущениях, а приятный вкус даже на чувстве (удовольствия или неудовольствия) как действии ощущения. Никто также не может иметь a priori представление о каком-нибудь цвете или вкусе; наоборот, пространство относится лишь к чистой форме наглядного представления, следовательно, не заключает в себе никакого ощущения (ничего эмпирического), и все виды и определения пространства могут и даже должны иметь возможность быть представляемыми a priori, если понятия /форм[1] и отношений должны возникнуть. Только благодаря пространству возможно, чтобы вещи были для нас внешними предметами.

1) С, В – фигур (den Gestalten)

46 Трансцендентальной эстетики

ВТОРАЯ ГЛАВА

О времени

<§ 4. Метафизическое истолкование понятия времени>

1. Время не есть эмпирическое понятие, отвлекаемое от какого-либо опыта. В самом деле, /сосуществование[1] или последовательность (Aufeinanderfolgen) даже не входили бы в [состав] восприятия, если бы в основе не лежало a priori представление времени. Только при этом условии можно представить себе, что /события[2] существуют в одно и то же время (Zeiten) (/вместе[3]) или в различное время (последовательно (nach einander)).

2. Время есть необходимое представление, лежащее в основе всех наглядных представлений. Из явлений вообще мы не можем /удалить[4] время, тогда как явления /могут быть удалены из времени[5]. Следовательно, время дано a priori. Только в нем возможна вся действительность явлений. Все явления /могут исчезнуть[6], между тем как само время (как общее (allgemeine) условие их возможности) /не может быть уничтожено[7].

47 3. На этой априорной необходимости основывается возможность аподиктических основоположений об отношениях времени или аксиом о времени вообще. Время имеет только одно измерение: различные времена существуют не вместе, а последовательно (наоборот, различные пространства существуют не друг после друга, а одновременно). Эти основоположения не могут быть получены из опыта, так как опыт не дал бы ни строгой всеобщности, ни аподиктической достоверности. [На основании опыта] мы могли бы только сказать: так свидетельствует обыкновенное восприятие, но не могли бы утверждать, что так должно быть. Эти основоположения имеют значение правил, под которыми вообще возможен опыт (Erfahrungen); они поучают нас до опыта, а не на основании (nicht durch) опыта.

4. Время есть не дискурсивное, или, как его называют, общее понятие, а чистая форма чувственного наглядного представления. Различные времена суть лишь части одного и того же времени. Но представление, которое может быть дано лишь одним единственным предметом, есть наглядное представление. К тому же положение, что различные времена

1) С, З – одновременность (Zugleichsein)

2) С – что-либо (einiges)

3) С – одновременно (zugleich)

4) С – исключить
З – устранить
(aufheben)

5) С – вполне возможно исключить из времени
З – прекрасно можно отделить от времени
(ganz wohl... aus der Zeit wegnehmen kann)

6) С – упраздниться
(können... wegfallen)

7) З – устранить нельзя
(kann nicht aufgehoben werden)

не могут существовать вместе, не может быть выведено из общего понятия. Это положение имеет синтетический характер и не может возникнуть из одних только понятий. Следовательно, оно непосредственно содержится /в наглядном представлении времени[1].

1) С, З – в созерцании времени и в представлении о нем (in der Anschauung und Vorstellung der Zeit)

5. Бесконечность времени означает не что иное, как то, что всякая определенная величина времени возможна только путем ограничений одного- 48 единственного лежащего в основе времени. Поэтому первоначальное представление в р е м е н и должно быть дано как неограниченное. Но если части предмета и всякое количество его могут быть представлены определенными лишь путем ограничения, то /целое представление[1] [предмета] не может быть дано через понятия (так как понятия содержат в себе только /частные представления[2]), и /в основе представления частей должно[3] лежать непосредственное наглядное представление[25].

1) С – все представление
З – представление в целом
(ganze Vorstellung)

2) З – подчиненные представления
(Teilvorstellung)

3) С – но в основе его [представления] должно...
З – в основе понятий должно...
(es muß ihnen...)
(Such concepts must themselves rest on immediate intuition)

<§ 5. Трансцендентальное истолкование понятия времени

По этому вопросу я могу сослаться на § 3, куда я, среди метафизического истолкования, ради краткости поместил исследование, имеющее собственно трансцендентальный характер. Здесь я прибавлю только, что понятие изменения и вместе с ним понятие движения (как перемены места) возможны только через представление времени и в представлении времени: если бы это представление не было априорным (внутренним) наглядным представлением, то никакое понятие не могло бы уяснить возможности изменения, т. е. соединения противоречаще-противоположных предикатов в одном и том же объекте (напр., бытия и небытия одной и той же вещи в одном и том же месте). Только во времени, именно п о с л е д о в а т е л ь н о [д р у г з а д р у г о м] два 49 противоречаще-противоположные (kontradiktorisch-entgegengesetzte) определения могут принадлежать одной и той же вещи. Таким образом, наше понятие времени объясняет возможность всех тех априорных синтетических знаний, которые /содержатся в общем учении о движении, а оно богато ими[1].>.

1) С – и представляет их, как общее учение о движении, которое очень плодотворно
З – излагает общее учение о движении, а оно довольно плодотворно
(als die allgemeine Bewegungslehre, die nicht wenig fruchtbar ist, darlegt)

[25] В 1 издании: (так как в понятии (denn da) частичные представления предшествуют), но должно иметь в основе непосредственное наглядное представление.

<§ 6.> Выводы из этих понятий

а. Время не есть что-либо такое, что существовало бы само по себе (was für sich selbst bestünde) или принадлежало бы вещам как объективное определение, следовательно, оставалось бы также и в том случае, если отвлечься от всех субъективных условий наглядного представления вещей. В самом деле, в первом случае оно было бы чем-то таким, что могло бы быть действительным даже и без действительного предмета. Во втором же случае, будучи определением или порядком, присущим самим вещам, оно не могло бы предшествовать предметам как их условие, следовательно, не могло бы познаваться a priori посредством синтетических суждений и наглядно представляться a priori. /Наоборот, априорное знание и представление времени[2] вполне возможно, если время есть не что иное, как субъективное условие, /под которым осуществляются в нас все наглядные представления[3]. В таком случае эта форма внутреннего наглядного представления может быть представлена раньше предметов, следовательно, a priori.

2) С – Это последнее
З – Напротив, априорное знание и созерцание
(Dieses letzere... dagegen)
(A^2 – Diese letzere)

3) С – под которым только в нас и могут быть созерцания
З – при котором единственно имеют место в нас созерцания
(unter der alle Auschauungen in uns stattfinden können)

b. Время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, т. е. [процесса] наглядного представления (des Anschauens) нас самих и нашего внутреннего состояния. **50** Время не может быть определением внешних явлений: оно не относится ни к внешнему виду (zu einer Gestalt), ни к положению и т. п.; наоборот, оно определяет отношение представлений в нашем внутреннем состоянии. Именно потому, что это внутреннее наглядное представление /не имеет никакого внешнего образа[1], мы стараемся /устранить[2] этот недостаток с помощью аналогий и представляем /временную последовательность[3] с помощью бесконечно продолжающейся линии, в которой многообразие составляет ряд, имеющий лишь одно измерение, и умозаключаем от свойств этой линии ко всем свойствам времени, за исключением лишь того, что части линии /существуют все вместе[4], тогда как части времени существуют друг после друга (jederzeit nach einander sind). Отсюда ясно также, что /представление времени само относится к [числу] наглядных представлений[5], так как все его отношения могут быть выражены с помощью внешнего наглядного представления.

1) С, З – не дает никакой фигуры (образа)
(keine Gestalt giebt)

2) С – заменить
В – восполнить
(zu ersetzen)

3) С – смену во времени
В – преемство времени
(Zeitfolge)

4) С – даются одновременно
(zugleich... sind)

5) З – представление о времени само есть созерцание
(die Verstellung der Zeit selbst Anschauung sei)

с. Время есть априорное формальное условие всех явлений вообще. Пространство как чистая форма всякого внешнего наглядного представления ограничивается как априорное условие лишь внешними явлениями. Наоборот, так как все представления, все

равно, имеют ли они своим предметом внешние вещи или нет, принадлежат сами по себе как определения души к [числу] внутренних состояний, /которые[6] подчинены формальному условию внутреннего наглядного представления, именно времени, то время есть априорное условие /всех явлений[7] вообще: оно есть непосредственное условие внутренних явлений (нашей души) и вследствие этого косвенным образом (mittelbar) также 51 условие внешних явлений. Если я могу сказать a priori, что все внешние явления находятся в пространстве и a priori определены согласно отношениям пространства, то, опираясь на принцип внутреннего чувства, я могу сказать /в еще большей [форме][1], что все явления вообще, т. е. все предметы чувств, находятся во времени и необходимо подчинены (stehen... in) отношениям времени.

Если мы отвлечемся от нашего способа наглядно представлять самих себя внутренним образом и охватывать этим путем с помощью силы представления также все внешние наглядные представления, иными словами, если мы возьмем предметы так, /как они могут существовать сами по себе[2], то время /есть ничто[3]. Оно имеет объективное значение только в отношении явлений, потому что именно явления суть те вещи, которые мы принимаем за *предметы наших чувств*, но /оно не имеет объективного [значения][4], если отвлечься от чувственности нашего наглядного представления, т. е. от свойственного нам способа представления, и говорить *о вещах вообще*. Итак, время есть лишь субъективное условие нашего (человеческого) наглядного представления (которое всегда существует в чувственной форме, т. е. поскольку мы подвергаемся воздействию со стороны предметов) и само по себе, вне субъекта, есть ничто. Тем не менее в отношении всех явлений, следовательно, также в отношении всех вещей, которые могут встретиться нам в опыте, оно необходимым образом имеет объективное значение. Мы не можем сказать, что все вещи находятся во времени, так как в понятии вещи вообще мы 52 отвлекаемся от всех способов наглядного представления вещи, /между тем как наглядное представление есть то именно условие[1], при котором время /входит в[2] представление предметов. Но если это условие присоединено к понятию вещи, и если мы скажем, что все вещи как явления (предметы чувственного наглядного представления) находятся во времени, то это основоположение /обладает объективно правильным [значением][3] и априорной всеобщностью.

Таким образом, /наше истолкование устанавлива-

6) С – а внутреннее состояние
(dieser innere Zustand aber)

7) В – всякого явления
(aller Erscheinung)

1) С – общée
З – в совершенно общей форме
(ganz allgemein)

2) С – как они могли бы существовать в себе
(wie sie an sich selbst sein mögen)

3) С – потеряет всякое значение
В – ничего не будет значить
(ist... nichts)

4) С – перестает быть объективным
З – уже не объективно
(ist nicht mehr objektiv)

1) С – а это существенное условие
(diese aber die eigentliche Bedingung ist)

2) С, В – относится к
Г – принадлежит
(in die... gehört)

3) С – приобретает всю объективную справедливость
З – обладает объективной истинностью
В – объективно правильно
(hat... seine gute objektive Richtigkeit)

ет[4] эмпирическую реальность времени, т. е. объективное значение его в отношении всех предметов, которые когда-либо могут быть даны нашим чувствам. А так как наше наглядное представление всегда имеет чувственный характер, то в опыте нам никогда не может быть дан предмет, не подчиненный условию времени. Наоборот, мы /отнимаем[5] у времени всякое притязание на абсолютную реальность, так как оно при этом /абсолютно принадлежало бы[6] вещам как условие или свойство их, даже и помимо формы нашего чувственного наглядного представления. Такие свойства, принадлежащие вещам самим по себе, вообще никогда не могут быть даны нам посредством чувств. В этом именно состоит трансцендентальная идеальность времени, согласно которой оно, если отвлечься от субъективных условий чувственного наглядного представления, /вовсе не существует[7] и не может быть причислено к предметам самим по себе (без отношения к нашему наглядному представлению) /ни как субстанция, ни как свойство[8]. **53** Однако эту идеальность, как и идеальность пространства, не следует ставить на одну доску /с обманами чувств[1], так как в случае обмана чувств мы предполагаем, что само явление, которому приписывается ложный предикат, обладает объективной реальностью, между тем как здесь объективная реальность явления совершенно /отрицается[2], за исключением того, поскольку она имеет только эмпирический характер, т. е. поскольку сам предмет рассматривается только как явление. Замечания об этом можно найти выше /в учении о пространстве[3].

<§ 7.> *Пояснение*

Против этой теории, приписывающей времени эмпирическую реальность, но отрицающей (bestreitet) абсолютную и трансцендентальную реальность его, понимающие люди высказывают одно возражение столь единодушно, что, я полагаю, оно должно естественным образом возникнуть у каждого читателя, для которого непривычны такие рассуждения. Оно состоит в следующем: изменения действительны (это доказывает смена наших собственных представлений, если бы мы даже и стали отрицать действительность всех внешних явлений вместе с их изменениями), а так как изменения возможны только во времени, то, следовательно, время есть нечто действительное. Ответить на это возражение нетрудно. Я принимаю этот аргумент вполне. Время в самом деле есть нечто дей-

4) С – наши положения отмечают
З – наши утверждения показывают
(unsere Behauptungen lehren)

5) С, З, В – оспариваем
(bestreiten)

6) С – будто бы... прямо присуще
(schlechthin... anhinge)

7) С – становится ничем
З – ровно ничего не означает
В – есть ничто
(gar nichts ist)

8) С, В – ни как сущность, ни как свойство
(weder subsistierend noch inhärierend)

1) С – с обманами ощущений
(mit den Subreptionen der Empfindungen)

2) С – исчезает
З – отпадает
(wegfällt)

3) С, З, В – в первом разделе
(des ersteren Abschnitts)

ствительное, именно оно есть действительная форма внутреннего наглядного представления. Следовательно, оно имеет субъективную реальность в отношении внутреннего опыта, иными словами, я действительно имею **54** представление о времени и моих определениях в нем. Значит, время следует считать действительным не как объект, а как способ представлять меня самого как объект. /Но если бы я сам или какое-нибудь другое существо могло наглядно представлять меня без[1] этого условия чувственности, то те же самые определения, которые теперь представляются нам как изменения, дали бы знание, в котором /не было бы[2] представления времени, а следовательно, не было бы также представления изменений. Итак, у времени остается эмпирическая реальность как условие всякого нашего опыта, и только абсолютной реальности на основании приведенных выше соображений признать за ним нельзя. /Оно есть не более как[3] форма нашего внутреннего наглядного представления*. Если отвлечься (wegnimmt) от специального (die besondere) условия нашей чувственности, то исчезнет также понятие времени; /оно стоит в связи не с[4] самими предметами, а только с субъектом, который /его представляет[5].

1) С – Но если я мог бы себе представить себя или другое существо без...
(Wenn aber ich selbst oder ein anderes Wesen mich ohne... anschauen könnte)

2) С – совсем не будет
З – вообще не было бы
(gar nicht vorkäme)

3) З – Оно есть не что иное, как
(Sie ist nichts, als)

4) С, З, В – оно присуще не
(sie hängt nich an)

5) С – созерцает предметы
З – их созерцает
(sie anschauet)

Причина, в силу которой это возражение делается так единодушно и притом даже теми, кто не находит убедительных доказательств против учения **55** об идеальности пространства, состоит в следующем. Абсолютную реальность пространства они не надеются доказать аподиктически, так как им /поперек дороги стоит[1] идеализм, согласно которому действительность внешних предметов не может быть строго доказана, между тем как действительность предметов наших внутренних чувств (меня самого и моих состояний) непосредственно очевидна благодаря сознанию. Внешние предметы могут оказаться лишь видимостью, тогда как предметы внутреннего чувства, по их мнению, неоспоримо суть нечто действительное. Однако они не приняли в расчет, /что и те и другие [предметы][2], хотя и нельзя оспаривать их действительность как представлений, тем не менее /суть лишь явление[3], а явление всегда имеет две стороны, – одну, поскольку объект рассматривается сам по себе (независимо от способа, как он наглядно представляется,

1) С – мешает
(entgegensteht)

2) С – что обе формы
(daβ beide)

3) С – относятся только к явлению
В – принадлежат к разряду явлений
(nur zur Erscheinung gehören)

---

* Я могу, правда, сказать, что мои представления следуют друг за другом, однако это значит лишь, что мы сознаем их как сменяющиеся во времени, т. е. согласно форме внутреннего чувства. Поэтому время не есть нечто само по себе [существующее], оно не есть также определение, объективно принадлежащее вещам.

/и при этом[4] свойства его всегда остаются проблематичными), и другую, поскольку принимается в расчет форма наглядного представления предмета, которую, хотя она действительно и необходимо принадлежит явлению /предмета[5], следует искать не в предмете самом по себе, а в субъекте, которому предмет является.

Таким образом, пространство и время суть два источника знания, из которых можно почерпнуть a priori различного синтетического знания; блестящим примером этого рода служит чистая математика, что касается знаний о пространстве и его отношениях. **56** /Пространство и время[1] суть чистые формы всякого чувственного наглядного представления, и поэтому именно они делают возможными априорные синтетические положения. Однако эти источники априорного знания именно благодаря этому обстоятельству (т. е. тому, что они суть лишь условия чувственности) определяют свои границы, именно относятся к предметам лишь постольку, поскольку они рассматриваются как явления, а /не выражают[2] вещей в себе. Только явления суть /поприще значения их[3], а вне этих пределов невозможно никакое объективное применение их. Впрочем, достоверность опытного знания [вполне] /обеспечивается[4] этого рода реальностью (17) пространства и времени: мы уверены в опытном знании совершенно одинаковым образом, все равно, свойственны ли эти формы вещам в себе или же только принадлежат необходимым образом нашему наглядному представлению вещей. Наоборот, те, кто утверждает абсолютную реальность пространства и времени, /все равно, считают ли они их субстанциями или только свойствами[5] [вещей в себе], принуждены расходиться с принципами самого опыта. Если они решаются на первое допущение (на этой стороне стоят обыкновенно представители математического естествознания), то они должны признать /существование двух вечных и бесконечных, обладающих самостоятельным бытием нелепостей[6], (пространства и времени), которые существуют (da sind) (не будучи, однако, чем-либо действительным) только для того, чтобы охватывать собой все действительное. /Если же они решаются на второе допущение (на этой стороне стоят некоторые метафизики-естествоиспытатели)[7] и смотрят на пространство и время как на отвлеченные от опыта, хотя и смутно представляемые в этом **57** отвлечении отношения /(рядоположности или последовательности)[1] между явлениями, то они принуждены отрицать значение

4) З – и именно потому
(aber eben darum)

5) С – этого предмета
(dieses Gegenstandes)

1) С – Они, взятые вместе
З – Пространство и время, вместе взятые
(Sie sind nähmlich beide zusammengenommen)

2) З – не показывают
(nicht... darstellen)

3) С – область их значимости
З – сфера приложения понятий пространства и времени
(das Feld ihrer Gültigkeit)

4) С – не колеблет
В – не подрывает
(läßt... unangetastet)

5) С – признавая их сущностями или свойствами
(sie mögen sie nun als subsistierend oder nur inhärierend annehmen)

6) С – две вечные и бесконечно существующие фикции
(zwei ewige und unendliche für sich bestehende Undinge)

7) З – Если же они придерживаются второго взгляда (как некоторые естествоиспытатели-метафизики)
(Nehmen sie die zweite Partei (von der einige metaphysische Neturlehrer sind))

1) С – подле и после друг друга
З – сосуществования или...
(neben oder nach einender)

или по крайней мере аподиктическую достоверность априорных математических учений в отношении действительных вещей (напр. в пространстве), так как аподиктическая достоверность не может быть достигнута a posteriori и так как априорное понятие о пространстве и времени, /согласно этому учению, суть лишь вымыслы[2] воображения: их источник действительно, по этому учению, следует искать в опыте, из отношений которого, путем отвлечения их, воображение создало нечто такое, что, правда, содержит в себе общие [черты] этих отношений, но не может существовать /без ограничений, налагаемых на них природой[3]. Представители первого мнения выигрывают в том отношении, что /упрочивают за собой область явлений[4] для математического утверждения, однако /именно благодаря этому[5] они запутываются, когда рассудок хочет выйти за эту область. Представители второго мнения выигрывают в последнем отношении, именно в том, что представления пространства и времени не препятствуют им, когда они хотят судить о предметах не как о явлениях, а лишь в отношении к рассудку; но зато они не могут указать основания возможности априорных математических знаний (так как у них нет истинного и имеющего объективное значение априорного наглядного представления) и не могут привести положения опыта в необходимое согласие с априорными математическими **58** положениями (Behauptungen). Наша теория, указывающая истинные свойства этих двух первоначальных форм чувственности, свободна от затруднений обоего рода.

2) С – по этому мнению только создание
(dieser Meinung nach, nur Geschöpfe)

3) С – без тех ограничений, которыми связала его природа
(ohne die Restriktionen, welche die Natur mit denselben verknüpft hat)

4) С – расчищают поле явлений
З – делают сферу явлений свободной
(sich das Feld der Erscheinungen frei machen)

5) С – именно в этих условиях
(durch eben diese Bedingungen)

Трансцендентальная эстетика заключает в себе не более, чем эти два элемента, именно пространство и время. Это ясно из того, что все другие относящиеся к чувственности понятия, даже понятие движения, соединяющие в себе и пространство и время, предполагают нечто эмпирическое. Понятием движения предполагается восприятие чего-то движущегося. Но в пространстве, рассматриваемом самом по себе, нет ничего движущегося: поэтому движение должно быть чем-либо таким, что /открывается[1] в п р о с т р а н с т в е т о л ь к о п у т е м о п ы т а, следовательно, представляет собой /эмпирическое данное[2]. Точно так же трансцендентальная эстетика не может причислять понятие изменения к своим априорным данным: изменяется не само время, а нечто находящееся во времени. Следовательно, для этого понятия требуется восприятие какого-нибудь бытия и последовательности (Sukzession) его определений, т. е. опыт.

1) С – дается
З – обнаруживается
(gefunden wird)

2) С – данное эмпирически
В – опытный факт
(ein empirisches Datum)

59 *<§ 8.> Общие примечания к трансцендентальной эстетике*

[1.] Чтобы избежать недоразумений, необходимо прежде всего как можно отчетливее объяснить наш взгляд на основное свойство чувственного знания вообще.

/Мы хотели сказать [выше], что всякое наше наглядное представление есть только представление явления: вещи, представляемые нами, не таковы сами по себе, как мы их представляем, также и отношения их сами по себе не таковы, как они нам являются[1], и если бы мы уничтожили наш субъект или только субъективные свойства [наших] чувств вообще, то все свойства объектов и все отношения их в пространстве и времени, а также само пространство и время исчезли бы: как явления, они могут существовать только в нас, а не сами по себе. /Каковы[2] предметы сами по себе и независимо от этой восприимчивости нашей чувственности, нам совершенно неизвестно. Мы не знаем ничего, кроме свойственного нам способа воспринимать их, который /к тому же необязателен для всякого существа, хотя и должен принадлежать всякому человеку[3]. /Мы имеем дело только с этим способом восприятия[4]. **60** Пространство и время суть чистые формы его, а ощущение вообще есть его содержание (Materie). /Только форму можем мы познавать a priori[1], т. е. до всякого действительного восприятия, и потому она называется чистым наглядным представлением; ощущения же составляют источник той стороны нашего знания, которая называется апостериорным знанием, т. е. эмпирическим наглядным представлением. Формы принадлежат нашей чувственности /необходимо[2], каковы бы ни были ощущения; ощущения же могут быть весьма различными. До какой бы высокой степени отчетливости мы ни довели наши наглядные представления, все равно этим путем мы не подошли бы ближе к свойствам предметов самих по себе. Во всяком случае мы познали бы тогда вполне (vollständig) только наш способ наглядного представления, т. е. нашу чувственность, да и то всегда лишь под условиями пространства и времени, первоначально присущими субъекту; каковы предметы в себе, этого мы никогда не узнали

1) С – Итак, мы хотели сказать, что все наше созерцание – исключительно представление о явлении; что вещи, которые мы созерцаем, в себе – не то, за что мы их считаем, и что их отношения в себе существуют не так, как они нам являются
З – Выше мы хотели сказать, что всякое наше созерцание есть только представление о явлении, что вещи, которые мы созерцаем, сами по себе не таковы, как мы их созерцаем, и что отношения их сами по себе не таковы, как они нам являются
(Wir haben also sagen wollen: daß alle unsere Anschauung nichts als die Vorstellung von Erscheinung sei; daß die Dinge, die wir anschauen, nicht das an sich selbst sind, wofür wir sie anschauen, noch ihre Verhältnisse so an sich selbst beschaffen sind, als sie uns erscheinen)

2) С – В чем состоят свойства
Г – Что представляют собой
(Was es für eine Bewandtnis mit den...)

3) С – может принадлежать только человеку, а не каждому существу
(die auch nicht notwendig jedem Wesen, obzwar jedem Menschen, zukommen muß)

4) С – С этим только способом, к сожалению, мы и имеем дело
(Mit dieser haben wir es lediglich zu tun)

1) С – Эти формы мы можем познавать только a priori
(Jene können wir allein a priori... erkennen)

2) З – безусловно необходимо
(schlechthin notwendig)

бы даже и с помощью самого ясного знания явлений их, которое единственно /доступно[3] нам.

Поэтому думать, что вся наша чувственность есть не что иное, как спутанное представление о вещах, содержащее в себе то, что принадлежит им самим по себе, но лишь в виде смещения признаков и /частей их[4], которые мы не можем /отчетливо различить[5], это значит искажать понятие чувственности и явления так, что все учение о них становится бесполезным и пустым. Различие между неотчетливыми и отчетливыми представлениями **61** имеет только логический характер и не касается содержания. Так, напр., без сомнения, понятие п р а в а, которым пользуется здравый рассудок, вполне совпадает с тем, что может развить из него самое утонченное умозрение (Spekulation), с той лишь разницей, что в обыденном и практическом применении /мы не отдаем себе отчета[1] в разнообразных представлениях, содержащихся /в этих мыслях[2]. Но вследствие этого нельзя сказать, будто обыденное понятие имеет чувственный характер и содержит [в себе] только явление: право вовсе не может являться, его понятие содержится в рассудке и представляет свойство (нравственное (moralische)) поступков, принадлежащее им самим по себе. Наоборот, /наглядное представление т е л а не содержит в себе ничего, что[3] могло бы принадлежать предметам самим по себе; оно выражает только явление чего-то и /способ действия этого чего-то на нас[4]; эта восприимчивость нашей способности познания называется чувственностью и /отличается как небо от земли от знания предметов самих по себе, хотя бы мы рассмотрели явления до последней глубины их[5].

Следовательно, лейбнице-вольфовская философия сообщила всем исследованиям о природе и происхождении наших знаний совершенно неправильную точку зрения, признавая (betrachtete) /различие чувственного знания от умопостигаемого[6] только логическим. На самом деле это различие трансцендентальное. Оно /коренится[7] не просто в форме **62** отчетливости или неотчетливости, а в происхождении и содержании знаний, так что с помощью чувственного знания мы не то чтобы неясно познаем свойства вещей в себе, а вовсе не познаем их, и если /уничтожить[1] наши субъективные свойства, то окажется, что представляемый объект с качествами, /приписываемыми ему в чувственном наглядном представлении[2], нигде не встречается, да и не может быть нигде найден, так как именно наши (diese) субъективные свойства определяют форму его как явления.

Обыкновенно, мы различаем /в явлении[3] то, что

3) С – дается
З – дано
(gegeben ist)

4) С, В – частных представлений
З – подчиненных представлений
(Teilvorstellungen)

5) С – разложить в сознании
(mit Bewußtsein auseinander setzen)

1) З – не сознаем
(nicht bewußt ist)
2) С, З – в этой мысли
(in diesem Gedanken)
(A^2 – in diesen)
3) С – представление тела
не заключает в созерцании
ничего такого, что...
З – представление о теле
в созерцании не содержит
ничего, что...
(enthält die Vorstellung eines Körpers in der Anschauung gar nichts, was...)
4) С, З – способ, каким оно (это
нечто) воздействует на нас
(die Art, wie wir dadurch affiziert werden)
5) С – стоит неизмеримо далеко
от познания предмета в себе,
хотя бы можно было до дна
разглядеть его явление
З – хотя бы мы и проникли
в самую глубь явлений
(bleibt von der Erkenntnis des Gegenstandes an sich selbst, ob man jene (die Erscheinung) gleich bis auf den Grund durchschauen möchte, dennoch himmelweit unterschieden)
6) С – чувственности
и интеллектуальности
З – между чувственностью
и интеллектуальным
(den Unterschied der Sinnlichkeit vom Intellektuellen)
7) С, З, В – касается
(betrifft)

1) С – мы отнимем
З, В – мы устраним
(wir... wegnehmen)

2) С – какие давало ему
чувственное созерцание
(die ihm die sinnliche Anschauung beilegte)

3) С, В – среди (между) явлений
З – в явлениях
(unter Erscheinungen)

по существу принадлежит наглядному представлению его и имеет значение для всякого человеческого чувства вообще, от того, что принадлежит ему лишь случайно, так как имеет значение не в отношении к чувственности вообще, а только в отношении к особому положению или организации того или другого чувства. /О первом познании говорят[4], что оно представляет /вещь в себе[5], а о втором – что оно представляет только явление этой вещи (desselben). Однако это различие имеет только эмпирическое значение. Если остановиться на нем (как это обыкновенно делают) и не усмотреть (как это следовало бы делать), что [первое] эмпирическое /представление[6] опять-таки есть только явление, так что в нем нет ничего, принадлежащего какой-либо вещи в себе, то тогда наше трансцендентальное различие утрачивается и мы начинаем воображать (glauben), будто познаем вещи в себе, /между тем как в чувственном мире мы везде[7], **63** даже и при глубочайшем исследовании его предметов, имеем дело только с явлениями. Так, напр., радугу мы готовы назвать только явлением, возникающим при дожде, освещенном солнцем, а этот дождь – вещью в себе. И это совершенно правильно, поскольку мы понимаем последнее понятие только физически, т. е. как то, что /во всеобщем опыте[1] при всех различных положениях в отношении к чувствам, определяется, однако, в наглядном представлении неизменно так, а не иначе. Но если мы возьмем этот эмпирический [факт] вообще и, не занимаясь более согласием его со всякими чувствами человека (mit jeden Menschensinne), зададимся вопросом, /выражает ли он вещь в себе[2] (мы говорим о не каплях дождя, так как они как явления уже суть эмпирические объекты), то эта проблема отношения представления к предмету имеет трансцендентальный характер; при этом не только капли оказываются лишь явлениями, но и круглая форма их и даже пространство, в котором они падают, /суть сами по себе не что иное, как[3] только модификации или основы нашего чувственного наглядного представления, между тем как трансцендентальный объект остается неизвестным нам.

Вторая важная задача нашей трансцендентальной эстетики состоит в том, что она не только как /вероятная[4] гипотеза должна завоевать некоторое расположение, но должна быть настолько достоверной и несомненной, как этого следует требовать от всякой теории, которая должна служить органоном. Чтобы сделать эту достоверность вполне ясной, мы изберем **64** пример, с помощью которого ее значение можно

4) С – И тогда первое познание называют
(Und da nennt man die erstere Erkenntnis)

5) С, З, В – предмет сам по себе
(Gegenstand an sich selbst)

6) С, З – созерцание
(Anschauung)

7) С – хотя всегда и везде
(в чувственном мире)
(ob wir es gleich überall (in der Sinnenwelt)

1) С – во всей сумме опыта
З – в обычном для всех опыте
(in der allgemeinen Erfahrung)

2) С – не представляет ли это [эмпирическое] предмета в себе
З – показывает ли он предмет в себе
(ob dieses auch einen Gegenstand an sich selbst... vorstelle)

3) С – не есть нечто в себе, а...
З – суть сами по себе ничто, а...
В – не суть нечто само в себе, но...
(sind nichts an sich selbst, sondern...)

4) С, З – правдоподобная
(scheinbare)

сделать очевидным <и содействовать большей ясности того, что сказано в § 3.>

Предположим, что пространство и время объективны сами по себе и составляют условие возможности вещей в себе. /При этом прежде всего обратим внимание на то[1)], что существует большое количество априорных аподиктических и синтетических положений как относительно времени, так и относительно пространства, в особенности относительно последнего, которое мы поэтому преимущественно и изберем здесь в качестве примера. Так как положения геометрии могут быть познаны синтетически a priori, с аподиктической достоверностью, то я задаю вопрос: откуда получаете вы такие положения и на чем основывается наш рассудок, чтобы прийти к таким абсолютно необходимым и имеющим всеобщее значение истинам? /Существуют только два пути[2)], через понятия или через наглядные представления, причем те и другие, как таковые (als solche, die), даны или a priori, или a posteriori. Последние, именно эмпирические понятия, а также то, на чем они основываются, именно эмпирические наглядные представления, могут дать только такие синтетические положения, которые в свою очередь также имеют только эмпирический характер, т. е. суть суждения опыта, следовательно, никогда не могут обладать необходимостью и абсолютной всеобщностью, между тем как этими признаками характеризуются все положения геометрии. Что же касается первого и единственно [возможного] средства, именно приобретать такие знания путем одних только понятий или путем наглядных представлений a priori, то несомненно, что из одних только понятий может быть получено исключительно аналитическое, но /вовсе не[3)] синтетическое знание. Возьмите, напр., **65** положение, что две прямые линии не могут замыкать пространства, следовательно, не могут образовать фигуру, и попытайтесь вывести его из понятия о прямых линиях и числе два; или возьмите положение, что из трех прямых линий возможна фигура, и попытайтесь вывести его только из этих понятий. Всякое ваше старание окажется напрасным, и вы увидите себя принужденными прибегнуть к наглядному представлению, как это и делается /на каждом шагу[1)] в геометрии. /Вы ставите, следовательно, перед собой[2)] предмет в наглядном представлении; какого же рода оно, есть ли это чистое априорное представление или эмпирическое представление? В последнем случае из него никоим образом не могло бы получиться положение, /имеющее всеобщее, а тем менее аподиктическое значение[3)]: ведь опыт никогда не дает таких

1) С, З – то (В таком случае) прежде всего окажется (so zeigt sich erstlich)

2) З – Здесь нет иного пути, как (Es ist kein anderer Weg, als)

3) З – никак не (gar keine)

1) С, З, В – всегда (jederzeit)

2) С – Итак, вы даете
З – Итак, вам дан
(Ihr gebt euch also)

3) С – имеющее всеобщее значение, а тем более аподиктическое
З – общезначимое, и тем более аподиктическое
(ein allgemein gültiger, noch weniger ein apodiktischer Satz)

положений. Следовательно, /вы должны дать свой предмет a priori в наглядном представлении, и на нем основывать[4] свое синтетическое положение. Если бы у вас не было способности априорного наглядного представления, если бы это субъективное условие не было в то же время по своей форме общим априорным условием, под которым единственно возможны объекты (das Objekt) самого этого (внешнего) наглядного представления, если бы предмет (треугольник) был чем-то самим по себе без отношения к вашему субъекту, то каким образом могли бы вы утверждать, /что то, что заложено необходимо в ваших субъективных условиях построения треугольника, необходимо должно принадлежать также треугольнику самому по себе?[5] Ведь в таком случае вы не могли бы прибавить к вашим понятиям (о трех линиях) ничего нового ([понятие] фигуры), что необходимо должно было бы найтись **66** в предмете [самом по себе], так как этот предмет был бы дан до вашего познания, а не посредством вашего познания. Следовательно, если бы пространство (а также и время) не было только формой вашего наглядного представления, содержащей априорные условия, под которыми единственно вещи могут быть для вас внешними предметами, так что без этих субъективных условий сами по себе (an sich) они суть ничто, то вы вовсе ничего не могли бы утверждать синтетически a priori о внешних предметах (Objekte). Поэтому не только возможно или вероятно, но и вполне несомненно, что пространство и время как необходимое условие всякого (внешнего и внутреннего) опыта суть лишь субъективные условия всех наших наглядных представлений, в отношении к которым поэтому все предметы суть только явления, /а не данные в таком виде вещи сами по себе[1]; поэтому-то, что касается формы их, о них многое можно сказать a priori, /но никоим образом ничего[2] [нельзя узнать] о вещи в себе, которая может лежать в основе этих явлений.

<II. Превосходным подтверждением этой теории идеальности внешнего и внутреннего чувства, следовательно, [идеальности] всех объектов чувств как простых только явлений может служить следующее замечание. Все, что в нашем познании относится к области наглядного представления (следовательно, исключая чувства удовольствия и неудовольствия, а также волю, которая вовсе не относится к числу познаний), содержит [в себе] **67** исключительно только отношения, именно отношения места в наглядном представлении (протяжение), [отношения] перемены (Veränderung) мест (движение) и законы, которыми оп-

4) З – должен быть дан вам... и на нем должно быть основано (Ihr müßt also euren... geben, und auf diesen euren... gründen)

5) С – что то, что необходимо для того, чтобы построить треугольник в ваших субъективных условиях, необходимо должно быть и в треугольнике в себе?
З – должно необходимо быть само по себе присуще также треугольнику
(daß, was in euren subjektiven Bedingungen einen Triangel zu konstruiren notwendig liegt, auch dem Triangel an sich selbst zukommen müsse?)

1) С – а не вещи в себе, данные таким способом
З – а не данные таким образом вещи сами по себе
(und nicht für sich in dieser Art gegebene Dinge sind)

2) С – но никогда и ничего
З – но никогда ничего
(niemals aber das Mindeste)

ределяются эти перемены (движущие силы). Но то, чтó находится в данном месте, или то, чтó действует в самих вещах, кроме перемены места, таким путем вовсе не дано. Между тем вещь в себе не может быть познана из одних только отношений: /отсюда следует[1], что так как внешнее чувство дает нам только представления отношений, то оно может содержать [в своих представлениях] только отношение предмета к субъекту, а не внутреннее содержание объекта самого по себе. Внутренние наглядные представления /обладают теми же свойствами[2]. Не говоря уже о том, что представления внешних чувств /составляют главный материал, наполняющий нашу[3] душу, само время, в котором мы помещаем эти представления и которое даже предшествует сознанию о них в опыте, находясь в основе их как формальное условие того способа, каким мы помещаем их в душе, содержит уже в себе отношения последовательности, одновременности и того, что сосуществует с последовательным бытием (/того, что пребывает[4]). /То, что может существовать как представление раньше всякого акта мышления, есть наглядное представление, и если оно не содержит в себе ничего, кроме отношений, то оно есть форма наглядного представления. Так как в этой форме представляется нечто лишь постольку, поскольку оно полагается в душе, то она есть не что иное, как способ, которым душа действует на себя своей собственной деятельностью, **68** именно полаганием своих представлений, [следовательно, способ, каким душа подвергается воздействию] со стороны самой себя, т. е. внутреннее чувство со стороны его формы[1]. Все, что представляется посредством чувства, есть в этом смысле всегда явление, а потому внутреннего чувства или совсем не может быть, или же субъект, служащий предметом его, должен быть представляем посредством его только как явление, а не так, как он судил бы сам о себе, если бы его наглядное представление было [результатом] чистой самодеятельности, т. е. если бы оно было интеллектуальным. Затруднение заключается здесь лишь в том, каким образом субъект может внутренне представлять себя наглядно. Однако это затруднение стоит на пути всякой теории. Сознание самого себя (апперцепция) есть простое представление Я, и, если бы через одно это представление самодеятельно (selbstätig) было дано все разнообразное [содержание] субъекта, то тогда внутреннее наглядное представление было бы интеллектуальным. В человеке это сознание требует внутреннего восприятия многообразного содержания, данного заранее в субъекте, а пото-

1) С – Итак, надо думать (also ist wohl zu urteilen)

2) С – то же самое надо сказать и о...
З – дело обстоит точно так же (ist es ebenso bewandt)

3) С – действительный материал в нем [во внутреннем созерцании] дают внешние чувства, чем мы и наполняем нашу душу
З – составляют основной материал, которым мы снабжаем нашу душу
(den eigentlichen Stoff ausmachen, womit wir unser Gemüt besetzen)

4) С – устойчивого
З – того, что постоянно
(des Beharrlichen)

1) С – Но то, что как представление может быть мыслимо до всякой попытки что-либо мыслить, – есть созерцание; и, если это созерцание не содержит в себе ничего, кроме отношений, то форма созерцания, которая представляет только то, что нечто полагается в душе, может быть только способом того, как душа может действовать сама на себя, путем своей собственной деятельности, а именно путем этого отнесения своего представления, т.е. по своей форме только внутренним чувством
(Nun ist das, was, als Vorstellung, vor aller Handlung irgend etwas zu denken, vorhergehen kann, die Anschauung, und, wenn sie nichts als Verhältnisse enthält, die Form der Anschauung, welche, da sie nichts vorstellt, außer sofern etwas im Gemüte gesetzt wird, nichts anderes sein kann, als die Art, wie das Gemüt durch eigene Tätigkeit, nämlich dieses Setzen seiner (A^2 – ihrer) Vorstellung, mithin durch sich selbst affiziert wird, d. i. ein innerer Sinn seiner Form nach)

му способ, каким это содержание дается в душе без самодеятельности (ohne Spontaneität), должен в силу этого различия называться чувственностью. Если способность сознавать себя должна /искать ([усваивать][2] того, что содержится в душе, то, следовательно, /она должна воздействовать на душу[3] и только этим путем может создать представление о себе (Anschauung seiner selbst), форма которого, заложенная заранее в душе, /определяет **69** путем представления времени порядок многообразия в душе[1]. /Итак, душа представляет себя не так, как она представляла бы себя непосредственно [и] самостоятельно, а сообразно тому, как она подвергается воздействию изнутри[2], следовательно, не так, как она есть, а так, как она является себе.

III. Если я говорю, что наглядное представление как внешних объектов, так и /душевных состояний[3] во времени и в пространстве изображает нам эти объекты так, как они действуют на чувство, т. е. так, как они являются, /то из этого не следует[4], будто эти предметы суть лишь иллюзия. В явлении объекты и даже свойства, которые мы приписываем им, всегда рассматриваются как нечто действительно данное, но так как эти свойства зависят только от способа представления субъекта в отношении к нему данного предмета, то мы отличаем предмет как явление от того же предмета как объекта самого по себе. Так, я вовсе не утверждаю, что тела только кажутся находящимися вне меня или что душа только кажется данной в моем самосознании, когда я говорю, что качество пространства и времени, сообразно с которым как условием их существования /я представляю их [себе][5], зависит от моего способа представления, а не от этих объектов самих по себе. Это была бы моя вина, если бы я превратил лишь в иллюзию то, что следует считать **70** явлением*. Наш принцип идеальности всех чувствен-

* Предикаты явлений могут быть приписываемы самому объекту, в отношении к нашему чувству, напр. розе – красный цвет или запах; но иллюзия никогда не может быть приписана предмету как предикат именно потому, что в таком случае объекту самому по себе (für sich) приписывалось бы то, что принадлежит ему только в отношении к чувствам или вообще к субъекту, как, напр., /две ручки[1], которые первоначально приписывали Сатурну. Явление есть то, что вовсе не принадлежит объекту самому по себе, но всегда встречается в его отношении к субъекту и неотделимо от представления /о нем[2]; в этом смысле предикаты пространства и времени справедливо приписываются предметам чувств как таковым, и /это не превращает их в иллюзии[3]. Наоборот, если я розе самой по себе приписываю красноту, Сатурну – ручки или всем внешним предметам – протяжение в себе, не обращая внимания на определенное отношение предметов к субъекту и не ограничивая своего суждения этим отношением, то впервые отсюда возникает иллюзия.

2) З – находить (схватывать) (aufsuchen (apprehendiren))

3) С – то она [способность сознавать себя] должна получать от нее [души] воздействие (so muß es dasselbe affizieren) (it must affect the mind)

1) С – определяет в представлении времени тот способ, по какому слагается в душе разнообразное
З – определяет в представлении о времени способ, каким многообразное находится в душе (die Art, wie das Mannigfaltige im Gemüte beisammen ist, in der Vorstellung der Zeit bestimmt)

2) С – таким образом, она созерцает самое себя и представляется себе не как непосредственно самодеятельная, но только в той форме, в которой получает воздействие изнутри (da es denn sich selbst anschaut, nicht wie es sich unmittelbar selbsttätig vorstellen würde, sondern nach der Art, wie es von innen affiziert wird)

3) С, З – самосозерцание души (Selbstanschauung des Gemüts)

4) С, З – этим я отнюдь (вовсе) не хочу сказать (so will das nicht sagen)

5) З – я их полагаю (ich beide setze)

1) С, В – два кольца
З – два ушка (zwei Henkel)

2) С – от субъекта (von der Vorstellung des letzeren) (A^2 – des ersteren)

3) З – здесь нет никакой видимости (hierhin ist kein Schein)

ных наглядных представлений не приводит к этому [результату]; скорее, наоборот, если приписать формам представления объективную реальность, то вследствие этого все неизбежно превратится в простую иллюзию. В самом деле, если признать пространство и время за свойства, которые должны встречаться /как возможные[4] в вещах в себе, /если принять в расчет все связанные с этим бессмысленные утверждения[5], будто две бесконечные вещи, не будучи ни субстанциями, /ни свойствами[6], действительно присущими субстанциям, тем не менее существуют и даже должны быть необходимым 71 условием существования всех вещей и должны остаться даже в том случае, если бы все существующие вещи были уничтожены (aufgehoben werden), то тогда перестанешь упрекать почтенного Беркли за то, что он низвел тела на степень простой иллюзии; мало того, /наше[1] собственное существование, поставленное таким образом в зависимость от такой нелепости (Unding), /как обладающее самостоятельной реальностью[2] время, превратилось бы вместе с ним в простую иллюзию, – бессмыслица (Ungereimtheit), которой до сих пор еще никто /не отстаивал[3].

IV. /Естественная теология[4], мыслящая о существе (einen Gegenstand), которое не только для нас, но и для самого себя вовсе не может быть предметом чувственного наглядного представления, заботливо устраняет условия времени и пространства /из всех его представлений[5] (так как всякое его знание должно быть представлением, а не мышлением, которое всегда /есть признак ограниченности[6]). Но по какому праву можно делать это, если мы /признали[7] пространство и время за формы вещей в себе, и притом такие формы, которые как априорные условия /существования[8] сохраняются даже и в том случае, если бы даже сами вещи были уничтожены: ведь как условия всякого существования (Daseins) вообще они должны были бы быть также условием существования Бога. Если же мы не хотим признать их объективными формами 72 всех вещей, то нам остается лишь считать их субъективными формами нашего внешнего и внутреннего способа представления, который называется чувственным, потому что он не первоначален /в том смысле, что наши представления не производят самого существования своих объектов[1] (такая способность, насколько мы можем судить об этом, может принадлежать только Высшему Существу (Urwesen)), а зависят от существования объектов (des Objekts), следовательно, возможны только благодаря тому, что способность представле-

4) С, З – по своей возможности
(ihrer Möglichkeit nach)

5) С – то стоит подумать о тех нелепостях, в которых тогда неизбежно запутываются, так как тогда необходимо допустить...
(und überdenkt die Ungereimtheiten, in die man sich alsdann verwieckelt, indem...)

6) С – не нечто
З – ни чем-то
(nicht etwas)

1) С, З, В – даже наше...
(sogar unsere)

2) С – от существующей в себе реальности
(von der für sich bestehenden Realität)

3) С, З – не провинился
(sich... hat zu Schulden können lassen)

4) С, З – В естественном богословии (теологии)
(In der natürlichen Theologie)

5) С – от всего его созерцания
З – из всякого созерцания его
(von aller seiner Anschauung)

6) С – имеет границы
З – указывает на границы
(Schranken beweist)

7) З – заранее признали
(vorher... gemacht hat)

8) С, З – существования вещей
(Existenz der Dinge)

1) С – не такое созерцание, через которое дается даже самое существование объекта созерцания
З – т. е. он не такой способ, каким дается само существование объекта созерцания
(d. i. [nicht] eine solche ist, durch die selbst das Dasein des Objekts der Auschauung gegeben wird)

ния субъекта подвергается воздействию со стороны объекта.

Нет никакой необходимости ограничивать /способность представления в[2] пространстве и времени чувственностью человека. Возможно, что всякое конечное мыслящее существо необходимо должно походить в этом отношении на человека (хотя мы не можем решить этого [вопроса]), однако вследствие такой /всеобщности[3] эта способность еще не перестала бы быть чувственностью, так как она имеет производный (intuitus derivativus), а не первоначальный (intuitus originarius) характер: это не есть способность интеллектуального наглядного представления, которая по только что приведенному основанию, по-видимому, принадлежит только Высшему Существу, но никоим образом не существу, зависимому и в своем существовании, и в своих наглядных представлениях (которые определяют его существование в отношении к данным объектам). Впрочем, последнее замечание должно служить лишь пояснением к нашей /теории чувственности[4], но не может считаться доказательством (Beweisgrund) в пользу ее.

2) С, З – способ созерцания в... (Anschauungsart in...)

3) З – общезначимости (Allgemeingültigkeit)

4) С – эстетической теории
З – эстетике
(ästhetischen Theorie)

73 *Заключение трансцендентальной эстетики*

Мы нашли (haben) здесь один из необходимых элементов для разрешения общей задачи трансцендентальной философии – к а к в о з м о ж н ы а п р и о р н ы е с у ж д е н и я (Sätze): именно мы нашли чистые априорные наглядные представления /пространства и времени[1]. В них, если мы хотим в априорном суждении выйти за пределы данного понятия, мы находим то, что может быть a priori открыто не в понятии, а только в соответствующем ему наглядном представлении и может быть синтетически связано с понятием. Но поэтому именно такие суждения никогда не выходят за пределы /чувственных предметов[2] и имеют значение только для объектов возможного опыта.>

1) С, З – пространство и время (Raum und Zeit)

2) З, В – предметов чувств (auf Gegenstände der Sinne)

74 Трансцендентального учения об элементах

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Трансцендентальная логика

ВВЕДЕНИЕ

Идея трансцендентальной логики

I. О логике вообще

Наше знание возникает из двух основных источников души: первый из них есть способность получать представления (/восприимчивость к впечатлениям[1]), а второй – способность познавать через эти представления предмет (самодеятельность (Spontaneität) понятий). Посредством первой способности предмет нам дается, а посредством второй он мыслится в отношении /к представлению[2] (которое есть лишь (als bloße) определение души). Таким образом, наглядные представления и понятия суть элементы всякого нашего познания, так что ни понятия без соответствующего им известным образом наглядного представления, ни наглядные представления без понятий не могут дать знания. И представления, и понятия бывают или чистыми, или эмпирическими. Эмпирическими [они бывают в том случае], если в них содержится ощущение (которым предполагается действительное присутствие предмета); чистыми же они бывают в том случае, если /к ним[3] не примешиваются никакие ощущения. Ощущения можно назвать содержанием (Materie) чувственного знания. Следовательно, **75** чистое наглядное представление [содержит в себе] только форму, под которой что-либо наглядно представляется, а чистое понятие содержит в себе только форму мышления о предмете вообще. Только чистые наглядные представления или [чистые] понятия /могут быть априорными[1], а эмпирические представления и понятия могут быть только апостериорными.

Восприимчивость нашей души, [т. е.] способность [ее] /воспринимать[2] представления, /поскольку она подвергается какому-либо воздейст-

1) С – восприимчивость впечатлений (die Rezeptivität der Eindrücke)

2) С – к этому представлению (auf jene Vorstellung)

3) С, З, В – к представлению (der Vorstellung)

1) С, В – возможны a priori (sind a priori möglich)

2) С, З – получать (zu empfangen)

вию[3], мы будем называть чувственностью; наоборот, рассудок есть способность самостоятельно производить (selbst hervorzubringen) представления, [т. е.] /самодеятельность знания[4]. Наша природа /такова[5], что наглядные представления могут быть только чувственными, т. е. содержать в себе лишь способ /действия на нас предметов[6]. В свою очередь (Dagegen), способность мыслить предмет чувственного наглядного представления есть рассудок. Ни одну из этих способностей (Eigenschaften) нельзя предпочесть другой. Без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один не был бы мыслим. Мысли без содержания пусты, а наглядные представления без понятий слепы. Поэтому в одинаковой мере необходимо понятия делать чувственными (т. е. присоединять к ним предмет в наглядном представлении), а наглядные представления /делать понятными[7] (т. е. подводить их под понятия). Эти две способности (Beide Vermögen oder Eigenschaften) /не могут замещать своих функций одна другой[8]. Рассудок не может ничего наглядно представлять, а чувства не могут ничего мыслить. Только из 76 соединения их может возникнуть знание. /Однако это не дает нам права смешивать пределы их участия в знании; существуют важные основания заботливо обособлять и отличать одну от другой[1]. Поэтому мы отличаем эстетику, т. е. науку о правилах чувственности вообще, от логики, т. е. науки о правилах рассудка вообще.

В свою очередь логика может быть рассматриваема (kann... unternommen werden) в двух отношениях: как логика общего или как логика частного применения рассудка. Первая содержит абсолютно (schlechthin) необходимые правила мышления, без которых невозможно никакое применение рассудка, и потому исследует его, не обращая внимания на различия между предметами, /которыми рассудок может заниматься[2]. Логика частного применения рассудка содержит /правила мышления[3] о различных видах (über eine gewisse Art) предметов. Первую можно назвать элементарной логикой, а вторую – органоном той или другой науки. В школах большей частью предпосылается последняя как пропедевтика наук, несмотря на то что, согласно ходу развития (nach dem Gange) человеческого разума, она составляет позднейшее [приобретение его], являющееся [на сцену], когда наука уже /развилась[4] и нуждается только /в последней отделке для своего завершения и исправления[5]. В 77 самом деле, нужно уже довольно хорошо знать предметы, чтобы установить правила /научного исследования их[1].

3) С – каким-либо образом испытывает... воздействие (auf irgendeine Weise affiziert wird)

4) З – спонтанность познания (Spontaneität der Erkenntnis)

5) С – обусловливает и то (bringt es so mit sich)

6) С – каким мы можем получать воздействия от предметов
З – каким предметы воздействуют на нас
(wie wir von Gegenständen affiziert werden)

7) С – делать рассудочным
З – постигать рассудком
(verständlich zu machen)

8) С – не могут поменяться своими функциями
З – не могут выполнять функции друг друга
(können auch ihre Funktionen nicht vertauschen)

1) С – Поэтому не следует смешивать их достоинства, а следует строго отличать и разделять их
З – долю участия каждого из них; есть все основания тщательно обособлять и отличать одну от другой
(Deswegen darf man aber doch nicht ihren Anteil vermischen, sondern man hat große Ursache, jedes von dem andern sorgfältig abzusondern und zu unterscheiden)

2) С – на которые может быть направлена его деятельность
(auf welche er gerichtet sein mag)

3) С – правила верно мыслить
З – правила правильного мышления
(die Regeln... richtig zu denken)

4) С – готова
З – разработана
(fertig ist)

5) З – в окончательной отделке и завершении
(die letzte Hand zu ihrer Berichtigung und Vollkommenheit bedarf)

1) З – создания науки о них
(wie sich eine Wissenschaft von ihnen zu Stande bringen lasse)

Общая логика может быть или чистой, или прикладной (angewandte). В первой мы отвлекаемся от всех эмпирических условий, при которых действует наш рассудок, напр., от влияния чувств, от игры воображения, законов памяти, силы привычки, склонностей и т. п., следовательно, отвлекаемся также от источников предрассудков и даже вообще от всех причин, которые производят или могут подсунуть (untergeschoben werden mögen) нам те или другие знания: все эти условия касаются рассудка только при известных обстоятельствах его применения, и, чтобы знать их, необходим опыт. Между тем /общая чистая[2] логика имеет дело исключительно с априорными принципами и представляет собой канон рассудка и разума, однако только в отношении /формального применения его[3], тогда как содержание может быть каким угодно (эмпирическим или трансцендентальным). Прикладной общая логика называется в том случае, если она исследует правила применения рассудка при субъективных эмпирических условиях, указываемых психологией. Следовательно, она излагает эмпирические принципы, хотя и имеет общий характер в том смысле, что исследует применение рассудка без различия предметов. Она есть только /чистилище[4] обыкновенного рассудка, но не 78 канон рассудка вообще и не органон частных наук.

2) С, З, В – общая, но чистая логика (allgemeine, aber reine Logik)

3) З – того, что формально в их применении (des Formalen ihres Gebrauchs)

4) С – устранение ошибок
З – средство очищения (Kathartikon)

Итак, отдел общей логики, составляющий чистое учение о разуме, должен быть совершенно обособлен от прикладной логики (хотя она все же имеет общий характер). Только первый отдел есть настоящая наука, правда, краткая и сухая, как этого требует школьное изложение учения об элементах рассудка. В этой [науке] /необходимо всегда иметь в виду[1] два правила.

1) С – логики всегда должны иметь перед глазами (müssen also die Logiker jederzeit... vor Augen haben)

1. Как общая логика, она отвлекается от всякого содержания знания рассудка и от различий в его предметах, имея дело только с чистой формой мышления.

2. Как чистая логика, она не заключает в себе никаких эмпирических принципов, следовательно, не заимствует ничего из психологии (как некоторые хотят этого), которая поэтому не имеет никакого влияния на канон рассудка. Она есть /демонстративная наука[2], и все в ней должно быть достоверным вполне a priori.

2) С, З – доказательная доктрина (наука) (demonstrierte Doktrin)

Наука, которую я называю прикладной логикой (расходясь с обыкновенным значением этого слова, по которому она должна содержать известные упражнения (Exerzitien) согласно правилам чистой логики), изображает рассудок и правила его необходимо-

го применения в конкретной форме (in concreto), т. е. в связи со случайными условиями субъекта, которые могут препятствовать или 79 содействовать /применению[1)] [рассудка] и даются только эмпирическим путем. В ней идет речь о внимании, /о последствиях и о препятствиях, [встречаемых им][2)], о происхождении заблуждений, о состоянии колебания (Skrupels), сомнения, уверенности (Überzeugung) и т. п. /Чистая логика[3)] относится к ней, как чистая мораль, содержащая только необходимые нравственные законы свободной воли вообще, к специальному учению о добродетели, которая рассматривает эти законы в связи с препятствиями со стороны чувств, наклонностей и страстей, более и менее подчиняющих себе людей, и никогда не может быть настоящей и демонстративной наукой, так как подобно прикладной логике нуждается в эмпирических и психологических принципах.

1) С – этому применению (diesen Gebrauch)

2) С – о том, что мешает ему, об его следствиях (deren Hindernis und Folgen)

3) С, З – общая или (и) чистая логика (allgemeine und reine Logik)

II. О трансцендентальной логике

Общая логика отвлекается, как мы показали, от всякого содержания познания, т. е. от всякого отношения его к объекту, и рассматривает только логическую форму в отношении знаний друг к другу, т. е. форму мышления вообще. Но так как существуют не только эмпирические, но и чистые наглядные представления (как это доказывает трансцендентальная эстетика), то можно ожидать и [в мышлении] различия между чистым и эмпирическим мышлением предметов. **80** В таком случае должна существовать логика, отвлекающаяся не от всего содержания знания; в самом деле, та логика, которая исследовала бы только правила чистого мышления о предмете, должна исключать все знания с эмпирическим содержанием; она должна также исследовать происхождение наших знаний о предметах, поскольку оно не может быть приписано предметам. Наоборот, общая логика вовсе не занимается этим происхождением знания, она рассматривает все представления – все равно, даны ли они [вполне] первоначально a priori в нас самих или только эмпирически, – исследуя лишь те законы, по которым рассудок пользуется ими в отношении друг к другу, когда он мыслит; таким образом она исследует только форму рассудка, которая /может быть сообщена представлениям[1)], каково бы ни было их происхождение.

1) С, В – может только перерабатывать представления (den Vorstellungen verschafft werden kann)

Здесь я сделаю замечание, влияние которого простирается на все дальнейшие исследования, и которое необходимо иметь в виду, именно: трансцендентальным (т. е. [исследующим] возможность или примене-

ние априорного знания) следует называть не всякое априорное знание, а только то, посредством которого мы узнаем, что (daß und wie) известные представления (наглядные представления или понятия) /применяются и могут существовать[2)] исключительно a priori, а также [знание о том], как это возможно. **81** Поэтому ни пространство, ни какое бы то ни было априорное геометрическое определение его не есть трансцендентальное представление; трансцендентальным может называться только знание о том, что эти представления вовсе не имеют эмпирического происхождения, и о том, каким образом они тем не менее могут a priori относиться к предметам опыта. Применение пространства к предметам вообще также было бы трансцендентальным; /но так как[1)] оно ограничивается исключительно чувственными предметами, то оно называется эмпирическим. Таким образом различие трансцендентального и эмпирического относится только к критике знаний и не касается отношения их к их предмету.

2) С – возможны или применимы (angewandt werden, oder möglich sind) (A[2] – möglich sein)

1) C, B – но... если (aber ist er)

Итак, /предполагая[2)], что возможны понятия, a priori относящиеся к предметам не как чистые или чувственные наглядные представления, а только как действия чистого мышления, т. е. понятия, /происходящие и не из опыта, и не из чистой чувственности[3)], мы уже заранее устанавливаем идею науки /о чистом знании, происходящем из рассудка и разума[4)], о знании, посредством которого предметы мыслятся вполне a priori. Такая наука, определяющая происхождение, объем и объективное значение подобных знаний, должна называться трансцендентальной логикой, потому что она имеет дело исключительно с законами рассудка и разума, но лишь постольку, поскольку /они a priori относятся[5)] к предметам **82** в отличие от общей логики, которая имеет дело и с (auf die) эмпирическими [знаниями,] и с чистыми знаниями разума без различия[26].

2) C, 3 – в ожидании (In der Erwartung)

3) C, 3 – не эмпирического и не эстетического (чувственного) происхождения (weder empirischen noch ästhetischen Ursprungs sind)

4) C – чистого рассудочного и разумного познания
3 – о чистом рассудке и основанных на разуме знаниях (des reinen Verstandes und der Vernunfterkenntnisses)

5) C, 3 – она [трансцендентальная логика] a priori относится (sie... a priori bezogen wird) (Erdm. – sie [die Gesetze]... werden)

III. О разделении общей логики на аналитику и диалектику

Что есть истина? Вот старый известный вопрос, которым старались поставить в тупик философов (die Logiker) и привести их или /к жалкому логическому кругу[1)] или к признанию их неведения, а следовательно, и тщетности /логики[2)]. Номинальное определение истины, согласно которому она есть соответствие знания с его предметом, здесь допускается

1) З – к жалким рассуждениям (auf einer elenden Diallele) (A[2] – Dialexe)

2) С – всего своего искусства
З – всего искусства логики (ihrer ganzen Kunst)

[26] См.: *Файхингер*, K–S. IV (1900), 452. [Испр. «auf die» на: «mit den».]

и предполагается заранее. Но весь вопрос в том, чтобы найти всеобщий и надежный критерий истины для всякого знания.

Умение ставить разумные вопросы есть уже важный и необходимый признак ума и проницательности (Klugheit oder Einsicht). Если вопрос сам по себе бессмыслен и требует бесполезных ответов, то, кроме стыда для спрашивающего, он имеет иногда еще тот недостаток, что побуждает неосторожного слушателя к нелепым ответам и создает смешное зрелище: **83** один (по выражению древних) козла доит, а другой держит под ним решето.

Если истина состоит в согласии познания с предметом, то посредством ее этот предмет должен быть отличён от других предметов; в самом деле, знание заключает в себе ложь, если оно не согласуется с тем предметом, к которому относится, хотя бы оно и содержало в себе что-либо такое, что могло бы иметь значение для других предметов. Между тем всеобщим критерием истины мог бы быть [лишь] такой [критерий], который имел бы значение для всех знаний, без различия их предметов. Но так как в таком случае мы отвлекаемся от всякого содержания знания (отношения к его объекту), между тем как истина заключается именно в этом содержании, то отсюда ясно, что совершенно невозможно и нелепо требовать признака истинности этого содержания знаний, и что достаточный и в то же время всеобщий /критерий[1] истины не может быть дан. Так как выше мы назвали уже содержание знания материей, /то мы можем выразить эту мысль следующим образом[2]: требовать всеобщего критерия истинности знания со стороны его материи нельзя, так как это требование /противоречиво[3].

Что же касается познания со стороны одной лишь его формы (оставляя в стороне всякое содержание), то ясно, что логика, поскольку она излагает всеобщие и необходимые **84** правила рассудка, дает критерий истины именно в этих правилах. То, что противоречит им, есть ложь, так как рассудок при этом противоречит общим правилам мышления, т. е. самому себе. Однако эти критерии касаются только формы истины, т. е. мышления вообще и потому недостаточны, хотя и вполне правильны. В самом деле, знание, вполне сообразное с логической формой, т. е. не противоречащее себе, тем не менее может противоречить предмету. Итак, чисто логический критерий истины, именно согласие знания с всеобщими и формальными законами рассудка и разума, есть, правда, conditio sine qua non, т. е. отрицательное условие всякой истины, но дальше этого логика не может идти,

1) С, З, В – признак (Kennzeichen)

2) С – то можно сказать (so wird man sagen müssen)

3) С, З – в себе противоречиво (in sich selbst widersprechend ist)

она не может дать никакого признака (Probierstein), чтобы открыть заблуждение, касающееся не формы, а содержания.

Общая логика разлагает всю формальную деятельность (Geschäft) рассудка и разума на элементы и излагает их как принципы всякой логической оценки нашего знания. Поэтому эта часть логики может называться аналитикой и служить по крайней мере отрицательным критерием истины, так как всякое знание следует испытывать и оценивать по форме соответственно этим правилам раньше исследования его по содержанию, имеющего целью установить, заключает **85** ли оно в себе положительную истину относительно предмета. Но так как одной лишь формы знания, хотя бы она вполне согласовалась с логическими законами, еще вовсе недостаточно, чтобы /доставить[1] знанию материальную (объективную) истинность, то никто не может отваживаться судить о предметах с помощью одной только логики и утверждать о них что-либо, /не установив[2] о них уже заранее основательных сведений (Erkundigung) помимо логики, с тем чтобы впоследствии только /использовать[3] и сочетать их в одно связное целое согласно логическим законам или, что еще лучше, только проверить их с помощью этих законов. Тем не менее есть что-то [чрезвычайно] соблазнительное (Verleitendes) в обладании таким мнимым искусством придавать всем нашим знаниям рассудочную форму, хотя бы содержание их и было еще пустым и бедным; поэтому общая логика, имеющая значение только (die...ist) *канона* для оценки, нередко применяется как бы в качестве *органона* для действительного созидания по крайней мере /шумихи[4] объективных утверждений и /таким образом употребляется во зло[5]. Общая логика как такой мнимый органон называется *диалектикой*.

1) С, З – установить
В – указывать
(auszumachen)

2) С – не получив
З – не собрав
В – не заручившись
(ohne... eingezogen zu haben)

3) З – попытаться использовать
(die Benutzung... zu versuchen)

4) З – видимости
(zum Blendwerk)

5) З – таким образом на деле употребляется во зло
(mithin in der Tat dadurch gemiβbraucht worden)

Хотя древние пользовались этим названием науки и (oder) искусства в весьма различных значениях, тем не менее из фактического (wirklichen) применения его легко заключить, что она была у них не чем иным, как *логикой видимости*. **86** Это было софистическое искусство придавать своему незнанию или даже преднамеренному вымыслу внешний вид (Anstrich) истины путем подражания /основательному методу[1], предписываемому вообще логикой, и путем пользования ее топикой для украшения всяких пустых /утверждений[2]. Здесь следует сделать правильное и полезное /замечание[3], что /логика[4], *рассматриваемая как органон*, всегда есть логика видимости, т. е. имеет диалектический харак-

1) С – методам основательности
(die Metode der Gründlichkeit)

2) С – затей
(Vorgebens)

3) С – предостережение
(Warnung)

4) С, З – всеобщая (общая) логика
(allgemeine Logik)

тер. В самом деле, так как она ничего не говорит нам о содержании знания и указывает только формальные условия согласия с рассудком, совершенно безразличные в отношении к предмету, то всякая попытка (Zumutung) пользоваться ими как орудием (органоном) для расширения (auszubreiten und zu erweitern), по крайней мере /по внешнему виду[5], своих знаний, приводит лишь к болтовне, к [умению] утверждать что угодно с некоторым видом [правоты] (Schein) или /нападать на что угодно[6].

/Такая наука не[7] соответствует достоинству философии. Поэтому /диалектика[8] причисляется к логике скорее в форме (als) **к р и т и к и д и а л е к т и ч е с к о й в и д и м о с т и**; /такой смысл мы и будем придавать ей здесь[9].

5) С – для показа
З – по словесному обещанию
(dem Vorgaben nach)

6) З – к спору о чем угодно
(nach Belieben anzufechten)

7) С – Такое отношение к делу отнюдь не...
З – Подобного рода поучение никак не...
(Eine solche Unterweisung... auf keine Weise)

8) С – это название диалектики
(diese Benennung der Dialektik)

9) С – В этом смысле мы и будем понимать ее здесь
(und als eine solche wollen wir sie auch hier verstanden wissen)

87 *IV. О разделении трансцендентальной логики на трансцендентальную аналитику и диалектику*

В трансцендентальной логике мы изолируем рассудок (как в трансцендентальной эстетике чувственность) и выделяем из области наших знаний только ту часть мышления, которая /происходит[1] исключительно из рассудка. Однако условием применения этого чистого знания служит данность нам предметов в наглядном представлении, к которому /эти знания[2] могут быть применены. В самом деле, без наглядных представлений всякое наше знание лишено объектов и остается в таком случае совершенно пустым. Поэтому отдел трансцендентальной логики, излагающий элементы чистого рассудочного знания, и принципы, без которых ни один (überall kein) предмет не может быть мыслим, есть трансцендентальная аналитика и вместе с тем логика истины. Никакое (Denn) знание не может противоречить ей, не утрачивая вместе с тем всякого содержания, т. е. всякого отношения к какому бы то ни было объекту, т. е. всякой истины. Но так как кажется очень заманчивым и соблазнительным пользоваться одними этими чистыми рассудочными знаниями и основоположениями, выходя даже за границы опыта, /хотя он и составляет единственный и исключительный источник того материала (объектов), к которому могут быть[3] применимы чистые **88** рассудочные понятия, то рассудок подвергается опасности /делать из формальных принципов чистого рассудка материальное употребление, занимаясь пустыми умствованиями[1], и судить без различия о предметах, которые нам не даны и даже, может быть, никоим образом не могут быть даны. Так как трансцендентальная аналитика должна быть собственно

1) С, З – имеет свое начало (источник)
(seinen Ursprung... hat)

2) С, З – это познание (знание)
(jene)

3) С – который единственно и исключительно может дать нам материю (объекты) для...
(welche doch einzig und allein uns die Materie (Objekte) an die Hand geben kann, worauf...)

1) С – сделать из пустого умничанья, только из формальных принципов чистого рассудка, материальное употребление
З – посредством пустых умствований применять формальные принципы чистого рассудка как материал
(durch leere Vernünftelein von den bloßen formalen Prinzipien des reinen Verstandes einen materialen Gebrauch zu machen)

только каноном оценки эмпирического применения [рассудка], то ею злоупотребляют, если считают ее органоном всеобщего и неограниченного применения рассудка и отваживаются с помощью одного лишь чистого рассудка синтетически судить о предметах вообще, [высказывать] утверждения и [постановлять] решения [о них]. В таком случае применение чистого рассудка становится диалектическим. Итак, вторая часть трансцендентальной логики должна быть критикой этой диалектической видимости, и называется трансцендентальной диалектикой не как искусство догматически /создавать[2] такую видимость (к сожалению, очень ходкое искусство /многих шарлатанов метафизики[3]), а как критика рассудка и разума в его сверхфизическом применении, имеющая целью /открыть лживость неосновательных притязаний его[4] и низвести его претензии на изобретение и расширение знаний, чего он надеется достигнуть исключительно с помощью трансцендентальных основоположений, на степень простой оценки чистого рассудка и предостережения его от софистической /шумихи[5].

2) С – возбуждать в нас (zu erregen)

3) З – разнообразного метафизического фиглярства (mannigfaltiger metaphysischer Gauckelwerke)

4) З – вскрыть ложный блеск его беспочвенных притязаний (den falschen Schein ihrer grundlosen Anmaβungen aufzudecken)

5) С – заблуждений
З – обмана
(Blendwerke)

89 Трансцендентальной логики

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ

Трансцендентальная аналитика

Эта аналитика есть расчленение всего нашего априорного знания на элементы чистого рассудочного знания. В ней нужно иметь в виду следующее: 1) чтобы понятия были чистыми, а не эмпирическими; 2) чтобы они относились к мышлению и рассудку, а не к наглядным представлениям и чувственности; 3) чтобы они были элементарными понятиями и были отличены от производных (abgeleiteten) или сложенных из них понятий; 4) чтобы их таблица была полной и чтобы она совершенно заполняла всю область чистого рассудка. Однако эта полнота науки не может быть с достоверностью приписана агрегату [знаний], /составленному путем случайного расследования[1]; она возможна только как результат идеи целого априорных рассудочных знаний и /возникающего отсюда отдела понятий, составляющих это целое, следовательно, она возможна только в форме связной системы[2]. Чистый рассудок решительно отличается не только от всего эмпирического, но даже и от всякой чувственности. 90 /Поэтому он

1) С – составленного случайным образом
З – составленному лишь путем опытов
(auf den Überschlag eines bloβ durch Versuche zu Stande gebrachten)

2) С – и посредством определяемого этим подразделения понятий, которые создают это познание и, следовательно, только посредством соединения их в системе
З – благодаря определяемому отсюда разделению понятий, составляющих эту идею целого, стало быть, она возможна только благодаря тому, что она связывается в одну систему
(und durch die daraus bestimmte Abteilung der Begriffe, welche sie ausmachen, mithin nur durch ihren Zusammenhang in einem System möglich)

составляет самостоятельное, самодовлеющее единство[1], которое не может быть увеличено никакими извне присоединяющимися добавлениями. /Совокупность[2] его знаний должна составлять определимую и обнимаемую одной идеей систему, полнота и расчленение которой может быть также критерием правильности и подлинности (Echtheit) всех входящих в нее элементов знания. Этот отдел трансцендентальной логики состоит из двух книг; одна из них содержит понятия, а другая – основоположения чистого рассудка.

1) С – Он, следовательно, есть единство самостоятельно существующее, себе довлеющее (Er ist also eine für sich selbst beständige, sich selbst genugsame... Einheit)

2) С, В – Поэтому сумма (Daher wird der Inbegriff)

Трансцендентальной аналитики

ПЕРВАЯ КНИГА

Аналитика понятий

Под аналитикой понятий я разумею не анализ их, т. е. обычный в философском исследовании прием разлагать встречающиеся понятия по содержанию и делать их отчетливыми, а еще мало применявшееся до сих пор расчленение самой способности рассудка с целью исследовать возможность априорных понятий, отыскивая их исключительно в рассудке как месте их происхождения и анализируя чистое применение рассудка вообще. **91** Такова настоящая задача трансцендентальной философии, все же остальное есть логическое /исследование[1] понятий в философии вообще. Итак, мы проследим чистые понятия в человеческом рассудке /вплоть до их первых зародышей и зачатков, в которых они подготовлены заранее[2], пока, наконец, не разовьются /по случаю[3] опыта и не будут представлены затем во всей своей чистоте тем же самым рассудком, освобожденные от связанных (anhängenden) с ними эмпирических условий.

1) С, В – обработка
З – трактовка
(Behandlung)

2) С – до их первых зародышей и зачатков в человеческом рассудке, в котором они лежат уже готовыми
(bis zu ihren ersten Keimen und Anlagen im menschlichen Verstande verfolgen, in denen sie vorbereitet liegen)

3) С – под воздействием
З – при наличии
(bei Gelegenheit)

4) С – О путеводной нити к
З – О способе
(Von dem Leitfaden)

Аналитики понятий

ПЕРВАЯ ГЛАВА

/О руководстве для[4] открытия всех чистых понятий рассудка

Когда /действует[5] способность познания, /по разнообразным поводам[6] возникают различные понятия, дающие возможность познать (kennbar machen) эту способность; если наблюдение производилось

5) С – находится в деятельности
З – начинают применять
(ins Spiel setzt)

6) З, Г – то в различных (некоторых) случаях
(so... nach den mancherlei Anlässen)

сравнительно долго или велось /проницательно[7], то можно составить более или менее /полный список их[8]. Однако при таком /механическом исследовании[9] никогда нельзя с уверенностью определить, где оно должно быть закончено. /К тому же понятия, отыскиваемые таким образом лишь случайно[10], не располагаются в порядке и систематическом 92 единстве, а сочетаются разве лишь по сходству и располагаются /по своему содержанию[1], начиная от самых простых и кончая самыми сложными, в ряды, устанавливаемые вовсе не (nichts weniger als) систематически, хотя и /согласно некоторому методу[2].

Трансцендентальная философия имеет преимущество, но вместе с тем и обязанность открывать свои понятия, руководясь принципом, так как они возникают из рассудка как из абсолютного единства чистыми и ни с чем не смешанными и потому сами должны быть связаны друг с другом одним понятием или идеей. Эта связь дает нам в руки правило, по которому место всякого чистого понятия рассудка /и полнота системы их[3] могут быть определены a priori, тогда как в противном случае исследование зависело бы от произвола или случайности.

7) З – с большой проницательностью (mit größerer Scharfsinnigkeit)

8) С – точные рубрики
З – полный перечень (ausführlichen Aufsatz)

9) С – почти механическом методе
З – как бы механическом (gleichsam mechanischen Verfahren)

10) С – Появляются и такие понятия, которые находятся там только случайно (Auch entdecken sich die Begriffe, die man nur so bei Gelegenheit auffindet)

1) С, В – по объему их содержания (nach der Größe ihres Inhats)

2) С – до известной степени и методически (auf gewisse Weise methodisch)

3) С – и всем им вообще полноту объема (und allen insgesamt ihre Vollständigkeit)

Трансцендентального руководства открытия всех чистых понятий рассудка

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

О логическом применении рассудка вообще

Рассудок был определен выше только отрицательно, как нечувственная способность познания. Так как независимо от чувственности мы не можем иметь никаких наглядных представлений, то, следовательно, рассудок не есть способность наглядного представления. А так как помимо 93 наглядного представления существует лишь один способ познания, именно через понятия, то познание всякого, по крайней мере человеческого, рассудка есть познание через понятия, не интуитивное, а дискурсивное. Все наглядные представления как чувственные /обусловливаются восприятием воздействия[1], а понятия [обусловливаются] (also) функциями. Под функцией же я разумею един-

1) С – основываются на воздействии извне
З – зависят от внешнего воздействия
(beruhen auf Affektionen)

ство /деятельности, подводящей[2] различные представления под одно общее представление. Итак, понятия основываются на самодеятельности мышления, а чувственные наглядные представления /на восприимчивости к впечатлениям[3]. Единственное употребление, которое может сделать рассудок из этих понятий, состоит в том, что он судит посредством их. /Так как только наглядные представления относятся к предмету[4] непосредственно, то понятие никогда не стоит в связи с предметом непосредственно, но относится к какому-либо другому представлению о нем (все равно, имеет ли оно характер наглядного представления или /уже понятия[5]) (18). Итак, суждение есть опосредствованное знание о предмете, т. е. представление о представлении предмета. В каждом суждении есть понятие, имеющее значение для многих [представлений]; /посредством его понимается из их числа одно данное представление[6], относящееся в свою очередь непосредственно к предмету. Так, напр., в суждении «все тела делимы» (19) понятие делимости относится также к различным другим понятиям, но здесь оно специально отнесено к понятию тела, которое в свою очередь относится к известным встречающимся нам явлениям (20). Следовательно, эти предметы представляются опосредствованным путем 94 через понятие делимости. Таким образом, все суждения суть функции единства среди наших представлений, так как в них для познания предмета, вместо непосредственного представления применяется /более общее[1] представление, содержащее под собой и непосредственное представление, и многие другие, и таким образом многие возможные знания соединяются вместе (in einer). Все деятельности рассудка можно свести к суждениям, следовательно, **рассудок** можно представить вообще как **способность суждения** (zu urteilen). В самом деле, согласно вышесказанному, рассудок есть способность мышления (zu denken). Мышление есть познание через понятия. Понятия же относятся как предикаты возможных суждений к какому-либо представлению о неопределенном еще предмете. Так, понятием тела обозначается нечто, напр. металл, что может быть познано через его понятие. Следовательно, понятие тела только потому имеет характер понятия, что /под ним содержатся[2] другие представления, посредством которых оно может относиться к предметам. Следовательно, оно есть предикат /возможных суждений[3], напр. суждения: всякий ме-

2) С – действия, которым я подчиняю
(der Handlung... zu ordnen)

3) С – на восприятии впечатлений
(auf der Rezeptivität der Eindrücke)

4) С – так как из представлений, кроме созерцания, ни одно ... не относится к предмету
(Da keine Vorstellung... auf den Gegenstand geht, als bloß die Anschauung)

5) З – само уже понятие
(selbst schon Begriff)

6) С – и в числе этих многих имеется и данное представление
З – среди которых находится также данное представление
(unter diesem Vielen auch eine gegebene Vorstellung begreift

1) С — одно высшее
(eine höhere)

2) З – ему подчинены
(unter ihm... enthalten sind)

3) С – возможного суждения
(zu einem möglichen Urteile)

талл есть тело. Поэтому все функции рассудка могут быть найдены, если можно перечислить во всей полноте функции единства в суждениях. Что этого легко можно достигнуть, это будет ясно видно из следующего отдела.

95 Руководства открытия всех чистых понятий рассудка

ВТОРАЯ СЕКЦИЯ

<§ 9.> О логической функции рассудка в суждениях

Если мы отвлечемся от всякого содержания суждения вообще и обратим внимание только на чистую рассудочную форму суждений, то мы найдем, что функции мышления в них могут быть разделены на четыре группы (Titel), из которых каждая содержит в себе три вида (Momente). Они могут быть удовлетворительно представлены следующей таблицей.

1.

Количество суждений

Общие
Частные
Единичные

2.	3.
Качество	*Отношение* (Relation)
Утвердительные	Категорические
Отрицательные	Условные (Hypothetische)
Бесконечные	Разделительные

4.

Модальность

Проблематические
Ассерторические
Аподиктические

96 Так как это деление в некоторых, правда, несущественных частностях кажется отклоняющимся от принятой в логике техники, то здесь уместны следующие предостережения против возможных недоразумений.

1. Логика (Die Logiker) справедливо говорит, что, пользуясь суждениями в умозаключениях, единичные

суждения можно ставить наравне с общими. Именно потому, что у них нет объема, предикат их /не может быть отнесен только к некоторым представлениям, содержащимся под понятием субъекта, и отрицаем относительно некоторых других[1]. Следовательно, /в них предикат относится к субъекту[2] без исключений, подобно тому, как если бы субъект был /общим[3] понятием, ко всему объему /которого относился бы предикат[4]. Но если сравнить единичное суждение с общим только как знание по величине, то /они относятся друг к другу[5] как /единица[6] к бесконечности и, следовательно, /существенно отличаются друг от друга[7]. Поэтому, если я оцениваю единичное суждение (judicium singulare) не только по его внутреннему значению, но и как знание вообще по его величине в сравнении с другими знаниями, то оно оказывается отличающимся от общих суждений (judicia communia) и заслуживающим особого места в полной таблице моментов мышления вообще (но, конечно, не в логике, **97** ограничивающейся только применением суждений в отношении друг к другу).

2. Точно так же в трансцендентальной логике следует еще отличать бесконечные суждения от утвердительных, хотя в общей логике они совершенно правильно причисляются к утвердительным суждениям и не занимают особого места в таблице. В самом деле, общая логика отвлекается от всякого содержания предиката (хотя бы он был чисто отрицательным) и обращает внимание только на то, приписывается он субъекту или противополагается ему. Между тем трансцендентальная логика рассматривает суждения также со стороны ценности или содержания этого логического утверждения посредством чисто отрицательного предиката /и определяет, что прибавляет оно ко всей совокупности знания[1]. Если я говорю о душе, что /она не есть [нечто] смертное[2], то своим отрицательным суждением я по крайней мере предотвращаю заблуждение. Что же касается суждения /"душа есть [нечто] несмертное"[3], то по своей логической форме оно действительно имеет утвердительный характер, так как в нем я включаю (setze) душу в неограниченный объем несмертных существ. Но так как из всего объема возможных существ смертные занимают одну часть, а несмертные /все остальное[4], то своим суждением я высказал лишь, что душа есть одна из бесконечного множества

1) С – относится не только к части того, что заключается в понятии субъекта, а к остальному отношения не имеет
З – не может иметь отношение к одной части того, что подчинено понятию субъекта, а из остальной быть исключен
(kann das Prädikat derselben nicht bloß auf einiges dessen, was unter dem Begriff des Subjekts enthalten ist, gezogen, von einigem aber ausgenommen werden)
2) С – Он имеет значение для всего понятия
З – предмет может приписываться понятию субъекта
(Es gilt... von jenem Begriffe)
3) З – общезначимым
(gemeingültiger)
4) С – для которого предикат имеет все свое значение
(von dessen ganzer Bedeutung das Prädikat gelte)
5) С, З – оно будет относиться (относится) к нему
(so verhält sie sich zu diesem)
6) С – единство
(Einheit)
7) С, З – само по себе существенно отличается от него
(ist also an sich selbst davon wesentlich unterschieden)

1) С – и смотрит на то, какую выгоду это дает для всего нашего познания
(betrachtet..., was diese in Ansehung des gesamten Erkenntnisses für einen Gewinn verschaft)
2) С, З, В – она не смертна
(sie ist nicht sterblich)
3) С – душа не смертна
(die Seele ist nichtsterblich)
(A^2 – nicht sterblich)
4) С – другую
З – остальную
(den anderen)

вещей, остающихся в том случае, если устранить все смертное. Таким образом, бесконечная сфера всего возможного ограничивается лишь тем, что от нее отделяется все смертное и /в остальную 98 область ее объема[1]) помещается душа. Однако эта область и при таком исключении все еще остается бесконечной, и из нее могут быть устранены еще многие части, но понятие души от этого нисколько не обогатится содержанием и не сделается /определенным положительно[2]). Итак, эти суждения, бесконечные по своему логическому объему, в действительности имеют только ограничительное значение (sind... beschränkend) в отношении содержания знания, и потому о них нельзя умолчать в трансцендентальной таблице всех моментов мышления в суждении, потому что проявляемая (ausgeübte)в них функция рассудка, быть может, окажется важной в области его чистого априорного знания.

1) С – в остальном объеме его пространства
З – в остальной ее объем (in dem übrigen Raum ihres Umfangs)
(A² – Umfang ihres Raum)
2) С – более определенным и более утвердительным
З, Г – утвердительно (положительно) определенным (bejahend bestimmt wird)

3. Все отношения мышления в суждениях бывают следующих [родов]: а) отношение предиката к субъекту, b) отношение основания к следствию, с) отношение разделенного знания и всех членов деления (21) друг к другу. /В первом случае[3]) рассматриваются только два понятия, во втором два суждения, а в третьем несколько суждений в отношении друг к другу. Условное суждение: если существует совершенная справедливость, то упорный злодей будет наказан, содержит в себе собственно отношение двух суждений: совершенная справедливость существует (es ist... da), и упорный злодей будет наказан. Здесь не решается вопрос, заключает ли в себе истину каждое из этих суждений само по себе: /здесь мыслится только отношение основания и следствия между этими суждениями[4]). 99 В свою очередь, разделительное суждение содержит в себе отношение двух или нескольких /суждений[1]) друг к другу, но /не [отношение] следствия[2]), а отношение логической противоположности, поскольку сфера одного [суждения] исключает сферу другого, и в то же время отношение /общения[3]), поскольку они все вместе заполняют сферу действительного знания. Следовательно, [разделительные суждения содержат в себе] отношение частей сферы знания, так как сфера каждой части служит дополнением к сфере других частей до полной совокупности разделенного знания, как, напр., [в суждении:] мир существует или благодаря слепому случаю, или благодаря внутренней необходимости, или благодаря внешней причине. Каждое из этих суждений составляет часть сферы возможного знания о существовании мира вообще, а

3) З – В первом виде суждений (In der erstren Art der Urteile)

4) С – в этом суждении мыслится только их последовательность
З – этим суждением мыслится только следствие
(Es ist nur Konsequenz, die durch dieses Urteil gedacht wird)

1) З – посылок (Sätze)
2) С – не по их последовательности
З – не отношение следования (nicht der Abfolge)
3) С – общности (Gemeinschaft)

вместе они образуют всю сферу [этого знания]. /Отрицать одну из этих частей – это значит допускать одну из остальных; наоборот, утверждать одну из этих частей – это значит отрицать все остальные[4]. Следовательно, в разделительном суждении существует известное общение знаний, состоящее в том, что они взаимно исключают друг друга и таким образом в ц е л о м определяют истинное знание, так как, взятые вместе, они составляют все содержание /одного[5] данного знания. Это замечание я считаю необходимым ради дальнейшего [исследования].

4. Модальность суждений есть совершенно особая функция их; отличительное **100** свойство ее состоит в том, что она ничего не прибавляет к содержанию суждения (так как кроме количества (Größe), качества и отношения нет ничего, что составляло бы содержание суждения), а касается только /ценности связи[1] субъекта с предикатом в отношении к мышлению вообще. П р о б л е м а т и ч е с к и м и называются те суждения, в которых утверждение или отрицание принимается т о л ь к о к а к в о з м о ж н о е (/произвольное[2]). А с с е р т о р и ч е с к и м и [называются те суждения], в которых утверждение или отрицание рассматривается (es... betrachtet wird) как д е й с т в и т е л ь н о е (истинное), а а п о д и к т и ч е с к и м и те, в которых оно рассматривается как н е о б х о д и м о е*. Так, оба суждения, из отношения которых возникает условное суждение (antecedens и consequens), а также суждения, образующие своим взаимодействием разделительное суждение (члены деления), все имеют лишь проблематический характер. В приведенном выше примере положение с у щ е с т в у е т п о л н а я (vollkommene) с п р а в е д л и в о с т ь высказывается не ассерторически, а только как /произвольное[3] суждение, которое, быть может, принимается кем-либо, и лишь следствие утверждается ассерторически. Поэтому такие суждения, даже если они очевидно ложны, могут тем не менее в проблематической форме служить условием познания истины. Так, напр., суждение: м и р с у щ е с т в у е т б л а г о д а р я с л е п о м у с л у ч а ю, имеет в приведенном разделительном суждении только проблематическое значение в том смысле, что кто-либо может хотя бы на мгновение утверждать это положение, но тем не менее оно служит для **101** открытия истины (как указание ложного пути в числе всех тех путей, какими

* Как будто бы мышление в первом случае есть функция р а с с у д к а, во втором – функция с п о с о б н о с т и с у ж д е н и я, а в третьем – функция р а з у м а. Это замечание станет понятным лишь в дальнейшем изложении.

4) С – Отнимать познание от одной из этих сфер, значит переносить его в остальные, а переносить его в эту сферу, значит отнимать его от других
З – Устранить знание из одной из этих сфер – значит включить его в одну из остальных; наоборот, включить его в одну из этих сфер – значит устранить его из остальных
(Das Erkenntnis aus einer dieser Sphären wegnehmen, heißt, sie in eine der übrigen setzen, und dagegen sie in eine Sphäre setzen, heißt, sie aus den übrigen wegnehmen)
5) С – единственного
Г – единого
(einer einzigen)

1) С, З – значения связки
(den Wert der Kopula)

2) З – по усмотрению
(beliebig)

3) С, В – вероятное
(beliebiges)

можно пойти). Итак, проблематическим называется суждение, выражающее только логическую (не объективную) возможность, /т. е. свободу допустить такое суждение, возможность произвольно принять его рассудком[1]. Ассерторическое суждение устанавливает логическую действительность, или истину, как, напр., в гипотетическом умозаключении, где условие (Antezendens) в большей посылке является проблематической, а в меньшей посылке в ассерторической форме, причем [ассерторическое] суждение показывает, что суждение уже связано с рассудком по его законам. В аподиктическом суждении мыслится ассерторическое суждение как определенное этими законами самого рассудка, вследствие чего оно утверждается a priori; таким образом [аподиктическое суждение] выражает логическую необходимость. Так как /здесь знание[2] присоединяется к рассудку постепенно, так что сперва мы высказываем нечто проблематически, затем принимаем суждение ассерторически как истинное и, наконец, утверждаем его как неразрывно связанное с рассудком, т. е. необходимо и аподиктически, то эти три функции модальности можно называть также тремя моментами мышления вообще.

1) С – т.е. предоставляет свободному выбору каждого придать значение и этому суждению, произвольно допущенному нашим рассудком (d.i. eine freie Wahl einen solchen Satz gelten zu lassen, eine bloß willkürliche Aufnehmung desselben in den Verstand)

2) С, 3 – все здесь (hier alles)

102 Руководства открытия всех чистых понятий рассудка

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

<§ 10.> О чистых понятиях рассудка, или категориях

Общая логика, как это не раз уже было сказано, отвлекается от всякого содержания знания и ожидает, чтобы ей откуда-либо со стороны – все равно откуда – были даны представления, которые она /затем[1] превращает в понятия аналитическим путем. Наоборот, трансцендентальная логика /имеет перед собой априорное[2] многообразие чувственности, доставляемое ей трансцендентальной эстетикой как материал для чистых понятий рассудка, без которого они не имели бы никакого содержания, следовательно, были бы совершенно пусты. Пространство и время содержат [в себе] многообразие чистого априорного наглядного представления, но в то же время они принадлежит к условиям восприимчивости нашей души, под которыми единственно могут быть получены представления о предметах и которые поэтому всегда должны влиять (affizieren) также на понятия о предметах. Однако самодеятельность нашего мышления требует, чтобы это многообразие было известным образом /пересмотрено, усвоено[3] и связано для получения из него знания. Эту деятельность я называю синтезом.

1) С, 3 – прежде всего (um diese zuerst)

2) 3 – имеет a priori пред собой (hat... a priori vor sich liegen)

3) С, 3 – просмотрено, восприняго (durchgegangen, aufgenommen)

103 П о д с и н т е з о м в самом широком смысле я разумею акт (Handlung) (22) присоединения различных представлений друг к другу и понимания их многообразия в едином знании. Такой синтез называется ч и с т ы м, если многообразие дано a priori (/как многообразие пространства и времени[1]), а не эмпирически. Раньше всякого анализа представления должны быть уже даны, и ни одно понятие п о с о д е р ж а н и ю не может возникнуть аналитически. Знание впервые производится синтезом многообразия (будь оно дано эмпирически или a priori); первоначально это знание может быть еще грубым и спутанным и потому нуждается в анализе, но тем не менее именно синтез есть то, что собственно собирает элементы в форму знания и объединяет их в известном содержании. Поэтому синтез есть первое, на что мы должны обратить внимание, если хотим судить о первом происхождении наших знаний.

1) С – (как в пространстве и времени)
(wie das im Raum und der Zeit)

Синтез вообще, как мы увидим это впоследствии, есть исключительно действие (Wirkung) способности воображения, слепой, хотя и необходимой функции души (23); без этой деятельности мы не имели бы никакого знания, хотя мы и редко сознаем ее [в себе]. Однако [задача] /свести этот синтез к п о н я т и я м[2] есть функция рассудка, посредством которой он впервые доставляет нам знание в настоящем смысле этого слова.

2) С – перенести этот синтез в понятие
(diese Synthesis auf Begriffe zu bringen)

104 Ч и с т ы й с и н т е з, п р е д с т а в л е н н ы й в о б щ е й ф о р м е, дает чистое понятие рассудка. Под чистым синтезом я разумею синтез, имеющий своим основанием априорное синтетическое единство: так, наш счет (это заметно особенно на больших числах) есть с и н т е з с о г л а с н о п о н я т и я м, так как он производится согласно общему основанию единства (напр. в десятичной системе (der Dekadik)). /Под влиянием такого понятия единство в синтезе многообразия становится необходимым[1].

1) С – При этом понятии, следовательно, необходимо единство в синтезе разнородного
(Unter diesem Begriffe wird also die Einheit in der Synthesis des Mannigfaltigen notwendig)

Путем анализа различные представления подводятся п о д о д н о понятие; (эту деятельность исследует общая логика). Трансцендентальная же логика исследует (lehrt), как приводится к понятиям не представления, а ч и с т ы й с и н т е з представлений. Первое, что должно быть дано нам для априорного познания всех предметов, есть м н о г о о б р а з и е чистого наглядного представления; с и н т е з этого многообразия посредством способности воображения есть второе [условие], однако оно не дает еще знания. Понятия, сообщающие е д и н с т в о этому чистому синтезу и состоящие исключительно в представлении этого необходимого синтетического единства, составляют третье [условие] для познания /являющегося[2] предмета и основываются на рассудке.

2) С – данного
(vorkommenden)

Та же самая функция, которая дает единство различным представлениям 105 **в одном суждении**, сообщает также единство чистому синтезу различных представлений **в одном наглядном представлении**: это единство (welche), выраженное в общей форме, называется чистым понятием рассудка. Итак, тот же самый рассудок и притом теми же самыми актами, которыми он, через посредство аналитического единства, создает логическую форму суждения в понятиях, вносит также, посредством синтетического единства многообразия в наглядном представлении вообще, в свои представления трансцендентальное содержание, благодаря которому они называются чистыми понятиями рассудка и a priori /относятся к объектам[1], чего не может дать общая логика.

1) С – применяются к объектам (auf Objekte gehen)

Этим путем возникает ровно столько чистых понятий рассудка, a priori относящихся к предметам наглядного представления вообще, сколько в предыдущей таблице было перечислено (es... gab) логических функций во всех возможных суждениях: рассудок совершенно исчерпывается этими функциями и его способность вполне измеряется ими. Мы назовем эти понятия, по примеру Аристотеля, **категориями**, /так как наша задача в своей основе[2] вполне совпадает с его задачей, хотя в исполнении ее мы далеко расходимся с ним.

2) С, Г – так как наша цель на первых порах (изначально) (indem unsere Absicht uranfänglich)

106 *Таблица категорий*

1.

Количества:

Единство
Множество
/Всеобщность[1]

1) З – целокупность
Г – всеполнота
(Allheit)

2.

Качества:

Реальность
Отрицание
Ограничение (Limitation)

3.

Отношения:

/Принадлежность и самостоятельность[2] (substantia et accidens)
Причинность и зависимость (der Kausalität und Dependenz) (причина и действие)
/Общение[3] (взаимодействие между действующим (Handelnden) и /страдающим[4])

2) З – присущность и самостоятельное существование (der Inhärenz und Subsistenz)

3) Г – общность (der Gemeinschaft)

4) С, Г – страдательным
З – подвергающимся действию (Leidenden)

4.

Модальности:

Возможность–невозможность
Существование–несуществование (Dasein–Nichtsein)
Необходимость–случайность

Таков перечень всех первоначальных чистых понятий синтеза (24), которые рассудок содержит в себе a priori и благодаря которым именно он называется чистым, так как только с помощью их он может понимать что-либо в многообразии наглядного представления, т. е. мыслить /в нем объект[5]. Эта классификация (Einteilung) систематически развита из одного общего принципа, именно из способности с у ж д е н и я (которая есть не что иное, как способность мышления); она /не есть результат отрывочного[6], наудачу предпринятого искания чистых понятий, полнота перечня (Vollzähligkeit) которых при этом **107** никогда не могла бы быть удостоверена, так как открытие их основывалось бы только на индукции, не говоря уже о том, что в таком случае никогда нельзя было бы усмотреть, почему чистому рассудку присущи именно такие, а не иные понятия. Предложение отыскать эти основные понятия было достойно такого проницательного мыслителя (Mannes), как А р и с т о т е л ь. Но так как у него не было никакого принципа, то он подхватывал их по мере того, как они попадались ему, и набрал сначала десять понятий, которые назвал к а т е г о р и я м и (предикаментами). Затем ему показалось, что он открыл еще пять таких понятий, которые он присоединил к предыдущим под именем постпредикаментов. Однако его таблица все еще оставалась /неполной[1]. Кроме того, в нее включены также некоторые модусы (modi) чистой чувственности (quando, ubi, situs, а также prius, simul) и даже один эмпирический [модус] (motus), которые вовсе /не должны входить в эту генеалогическую книгу рассудка[2]; к тому же в ней среди первоначальных понятий перечислены также некоторые производные (actio, passio), а некоторые из первоначальных понятий не указаны вовсе.

5) С – его объект
З – объект созерцания
(ein Objekt derselben)

6) С – Оно возникло не по частям
(nicht rhapsodistisch... entstanden)

1) С – неудовлетворительной
З – недостаточной
(mangelhaft)

2) С – не могут иметь места в этом главном реестре рассудка
З – вовсе не принадлежат к этой родословной рассудка
(in dieses Stammregister des Verstandes gar nicht gehören)

По этому поводу надо заметить еще, что /из категорий как настоящих о с н о в н ы х п о н я т и й чистого рассудка происходят также[3] соответствующие им столь же чистые п р о и з в о д н ы е п о н я т и я, которые никоим образом не могут быть пропущены в полной системе трансцендентальной философии, но в своем чисто критическом опыте я могу удовольствоваться одним только упоминанием их.

3) С – категории, как истинные родовые понятия чистого рассудка, имеют свои...
(die Kategorien, als die wahren Stammbegriffe... auch ihre... haben)

108 Да будет позволено мне назвать эти чистые, но производные понятия п р е д и к а б и л и я м и чистого рассудка (/в отличие[1] от предикаментов). Обладая первоначальными и основными понятиями, нетрудно присоединить к ним производные и подчиненные понятия и таким образом представить во всей полноте генеалогическое дерево чистого рассудка. Так как я забочусь здесь не о полноте системы, а

1) С, З, В –
(в противоположность...)
(im Gegensatz...)

только о полноте принципов для системы, то я откладываю это дополнение /ради другого дела[2]. Впрочем, эту задачу можно удовлетворительно выполнить, если взять какой-либо учебник онтологии и присоединить (man... unterordnet), напр., к категории причинности предикабилии силы, действия, страдания; к категории общения предикабилии /присутствия и противодействия[3], к категориям (den Prädikamenten) модальности предикабилии возникновения, исчезновения, изменения и т. п. Категории в связи с модусами чистой чувственности или также в связи друг с другом дают большое количество априорных производных понятий, рассмотрение которых и, если возможно, полное перечисление есть полезная и не неприятная, но для настоящего труда несущественная задача.

2) З – до другого случая (auf eine andere Beschäftigung)

3) С – присутствия, сопротивления (der Gegenwart, des Widerstandes)

От определений [перечисленных] категорий я намеренно воздерживаюсь в настоящем исследовании, хотя и мог бы сделать это. Впоследствии я расчленю
109 эти понятия до той степени, которая /необходима[1] для разрабатываемой мною методологии (Methodenlehre). В системе чистого разума от меня справедливо можно было бы потребовать этих определений, но здесь они только отвлекали бы от главного пункта исследования, возбуждая сомнения и нападки, которые лучше /отложить[2], нисколько не вредя нашей цели по существу. Тем не менее уже из немногого сказанного мною с очевидностью следует, что полный словарь этих понятий со всеми необходимыми пояснениями не только возможен, но и легко осуществим. /Отделы его уже установлены[3], остается только заполнить их, и с помощью систематической топики, которая указана нами, нетрудно найти места, соответствующие всякому понятию, а также заметить пустые еще места.

1) С – достаточна (hinreichend ist)

2) З – направить на другие дела (auf eine andere Beschäftigung verweisen kann)

3) З – Рубрики его уже имеются (Die Fächer sind einmal da)

<§ 11

Эта таблица категорий наводит на интересные размышления, которые могут привести к важным выводам относительно научной формы всех знаний разума. В теоретической части философии эта таблица чрезвычайно полезна и даже необходима для того, чтобы набросать [полный] /*план целой науки*[4], опирающейся на априорные понятия, и /систематически[5] (25) *подразделить ее согласно определенным принципам*; это ясно само собой уже из того, что /таблица[6] категорий содержит в себе все элементарные понятия рассудка и даже форму системы их в человеческом рассудке, 110
следовательно, она определяет все *моменты*

4) С – план науки в целом
З – науки как целого
(den Plan zum Ganzen einer Wissenschaft)

5) С, В – математически (mathematisch)

6) С, В – указанная таблица (gedachte Tafel)

умозрительной науки, которую следует создать, и даже порядок ее. Опыт такой науки я дал уже в другом исследовании[27], а здесь я приведу лишь некоторые из этих замечаний.

Прежде всего (Die erste ist), эта таблица, содержащая в себе четыре класса понятий рассудка, может быть разделена на два отдела, из которых первый относится к предметам наглядного представления (как чистого, так и эмпирического), а второй к существованию этих предметов (в отношении или друг к другу, или к рассудку).

Категории первого отдела (Klasse) я склонен назвать математическими, а категории второго отдела динамическими. Первый отдел /не заключает в себе никаких коррелатов[1)], их можно найти только во втором отделе. Это различие должно иметь основание в природе рассудка.

1) C – как мы видим, не имеет в себе коррелятов (hat, wie man sieht, keine Korrelate)

2-е замечание. Каждый класс содержит в себе одинаковое число категорий, именно три, и это обстоятельство опять-таки побуждает к размышлениям, так как в других случаях всякое априорное деление с помощью понятий должно быть /двучленным[2)]. Сюда надо прибавить, однако, что третья категория возникает всегда из соединения второй и первой категорий одного и того же класса.

2) З – дихотомическим (Dichotomie)

3) З, Г – целокупность (всеполнота, тотальность) (allheit (Totalität))

Так, /всеобщность (цельность)[3)] **111** /есть[1)] множество, рассматриваемое как единство, ограничение есть реальность, связанная с отрицанием, общение есть /причинность субстанций, взаимно определяющих друг друга[2)], наконец, необходимость есть бытие (Existenz), данное уже самой своей возможностью. Не следует, однако, думать, будто третья категория есть только производное, а не основное понятие чистого рассудка. Это соединение первой и второй категории, производящее третье понятие, требует особого акта рассудка, не тождественного с актом рассудка в первой и второй категории. Так, понятие числа (относящегося к категории всеобщности) не всегда возможно там, где даны понятия множества и единства (напр. в представлении бесконечного); точно так же из того, что я соединяю понятия причины и субстанции, еще не становится тотчас же понятным влияние, т. е. то, каким образом одна субстанция может быть причиной чего-либо в другой субстанции. Отсюда ясно, что здесь необходим особый акт рассудка; это [заме-

1) С, З – есть не что иное, как (nichts anderes als)

2) С – причинность одной субстанции во взаимном определении с другой (Kausalität einer Substanz in Bestimmung der anderen wechselseitig)

[27] Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft (Метафизические начальные основания естествознания). См.: *Кант И.* Соч.: В 6 т. М., 1966, т. 6, с. 53–176.

чание] относится и к остальным [приведенным случаям].

Третье замечание. Об одной из категорий, именно о категории общения, находящейся в третьем классе категорий, следует заметить, что согласие ее с соответствующей ей в таблице логических функций формой **112** разделительного суждения не так очевидно, как в других категориях.

Чтобы убедиться в этом согласии, нужно заметить, что во всех разделительных суждениях объем понятия (множество всего того, что содержится под ним) как целое представляется разделенным на части (подчиненные понятия), и так как одна часть не может содержаться под другой, то они мыслятся как координированные, а не субординированные друг другу, так что они определяют друг друга не односторонне, как в ряду, а взаимно, как в агрегате (если одни член деления полагается, то все остальные исключаются и наоборот).

/Точно так же мыслится и связь в целом вещей[1]; одна [часть] (eines) как действие не мыслится подчиненной другой как причине своего существования, они вместе и взаимно /координируются[2] как причины, определяющие друг друга (напр., в теле, части которого взаимно притягивают и /отталкивают[3] друг друга), и это совсем иной род связи, чем тот, который встречается при простом отношении причины к действию (основания к следствию), когда следствие не определяет в свою очередь взаимно основания и потому не образует с ним целого (как Творец мира с миром). Прием рассудка, применяемый им, когда он представляет себе объем подразделенного понятия, **113** совершенно одинаков с тем процессом, когда он мыслит вещь как делимую на части: подобно тому, как в первом случае члены деления исключают друг друга и тем не менее соединены в одном объеме, точно так же во втором случае рассудок представляет себе части делимой вещи как обладающие существованием (как субстанции) независимо от всех остальных частей и в то же время как связанные в одно целое.

1) С, 3 – Подобная же связь мыслится и в целом вещи (в вещах, взятых как целое) (Nun wird eine ähnliche Verknüpfung in einem Ganzen der Dinge gedacht)

2) С – соподчиняются (beigeordnet wird)

3) С – противодействуют (widerstehen)

§ 12

В трансцендентальной философии древних [мыслителей] есть еще один отдел, содержащий чистые понятия рассудка, которые, хотя они и не причисляются к категориям, тем не менее должны, по их мнению, относиться (gelten) к предметам как априорные понятия; в таком случае они должны были бы увели-

чить собой число категорий, что невозможно. Эти понятия содержатся в известном положении схоластиков: quodlibet ens est unum, verum, bonum [всякое бытие есть единое, истинное, доброе бытие]. Хотя применение этого принципа, поскольку из него делались выводы (не содержавшие в себе ничего, кроме тавтологий), /имело очень жалкий вид[1], так что в новейшее время метафизики (in der Metaphysik) выставляли его почти только ради почета, тем не менее мысль, сохранявшаяся столь долгое время, какой бы пустой она ни казалась, во всяком случае заслуживает, чтобы происхождение ее было подвергнуто исследованию, и дает повод предполагать, что в основе ее лежит какое-либо правило рассудка, которое только, как это часто случается, ложно истолковывалось. Эти мнимотрансцендентальные предикаты вещей суть **114** не что иное, как логические требования и критерии всякого знания о вещах вообще; они полагают в основу знания категории количества, именно единство, множество и цельность (Allheit); но они должны собственно рассматриваться в материальном значении (material) как относящиеся к возможности самих вещей, между тем как /[эти мыслители] пользовались ими[1] только в формальном значении как относящимися к числу логических требований в отношении всякого знания и в то же время неосмотрительно превращали эти критерии мышления в свойства вещей в себе. [В самом деле] в каждом познании объекта существует единство понятия, которое можно назвать качественным единством, поскольку под ним разумеется только единство сочетания многообразия знаний, каково, напр., единство темы в драматическом произведении, в речи, сказке. Во-вторых, [в каждом познании объекта есть] истина в отношении следствий. Чем больше истинных следствий [получается] из данного понятия, тем больше признаков его объективной реальности. Это можно было бы назвать качественным множеством признаков, относящихся к одному понятию как общему основанию (а не мыслимых в нем как величина). Наконец, в-третьих, [во всяком знании объекта есть] совершенство, состоящее в том, что это множество всё вместе обратно сводится к единству понятия и /согласуется вполне только с понятием[2]; это [свойство] можно назвать качественной полнотой (цельностью (Totalität) **115** /Отсюда ясно, что три категории величины, в которых единство должно быть принимаемым сплошь однородным при возникновении количества, здесь в

1) С, З – было очень скромным (неудачным) (sehr kümmerlich ausfiel)

1) З – на деле ими пользовались (in der Tat ... brauchten)

2) С – соответствует только ему и ничему другому (zu diesem und zu keinem anderen völlig zusammenstimmt)

этих логических критериях возможности знания вообще только видоизменены посредством качества познания как принципа с целью сочетания также неоднородных частей знания в едином сознании[1]. Так, критерием возможности понятия (но не объекта его) служит определение, в котором необходимыми условиями для построения целого понятия служат единство понятия, истинность всего того, что непосредственно может быть выведено из него, наконец, полнота всего того, что может быть извлечено из него; точно так же критерием гипотезы служит понятность основания объяснения или единство его (без вспомогательной гипотезы), истинность (согласие друг с другом и с опытом) выводимых из него следствий и, наконец, полнота основания, допущенного для объяснения следствий, которые указывают не более и не менее, как на то именно, что принято в гипотезе, и согласуются с ней, представляя в аналитической форме a posteriori то, что нами мыслилось в синтетической форме a priori. Таким образом, понятия единства, истинности и совершенства вовсе не дополняют трансцендентальную таблицу категорий, как бы указывая ее недостаточность, но только подводят пользование категориями под общие **116** логические правила согласия знания с самим собой, причем отношение этих понятий к объектам оставляется совершенно в стороне.>

1) C – Отсюда ясно, что эти логические критерии возможности познания вообще – три категории количества, в которых единство в создании величины следует брать совершенно однородно и здесь, только в целях связи неоднородных элементов в сознании, оно изменяется в силу категории качества
3 – Отсюда ясно, что три категории количества, в которых единство должно считать сплошь однородным при произведении определенного количества, здесь видоизменены этими логическими критериями возможности познания вообще посредством качества познания как принципа только в отношении сочетания также и неоднородных частей знания в одном сознании
(Woraus erhellt, daβ diese logischen Kriterien der Möglichkeit der Erkenntnis überhaupt die drei Kategorien der Gröβe, in denen die Einheit in der Erzeugung des Quantum durchgängig gleichartig angenommen werden muβ, hier nur im Absicht auf die Verknüpfung auch ungleichartigen Erkenntnisstücke in einem Bewuβtsein durch die Qualität eines Erkenntnisses als Prinzips verwandeln).

Аналитики понятий

ВТОРАЯ ГЛАВА

О дедукции чистых понятий рассудка

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

<§ 13.> О принципах трансцендентальной дедукции вообще

Юристы, когда они говорят о правах и притязаниях, различают в судебном процессе вопрос о праве (quid juris) от вопроса о факте (quid facti) и, требуя доказательства того и другого, называют первое из них, /именно доказательство права и справедливости притязаний[1], дедукцией. Мы пользуемся множест-

1) C – которое должно доказывать право или юридическую претензию
(der die Befugnis, oder auch den Rechtsanspruch dartun soll)

вом эмпирических понятий, не встречая противодействия ни с чьей стороны, и без всякой дедукции считаем себя вправе присваивать им смысл и /представляемое[2] значение, так как у нас всегда есть под рукой опыт для доказательства их объективной реальности.

2) С – известное
З – воображаемое
(eingebildete)
(Vaih. – eine giltige)

117 Однако есть также узурпированные понятия, напр. *счастье*, *судьба*, широко распространенные благодаря почти всеобщей снисходительности, но иногда привлекаемые к ответу по вопросу quid juris; в последнем случае дедукция их доставляет немало затруднений, так как нельзя привести ни из опыта, ни из разума ни одного ясного /основания[1], которым отчетливо определялось бы право пользования ими.

1) С – юридического основания
(Rechtsgrund)

Среди различных понятий, образующих пеструю ткань человеческого знания, некоторые предназначены также для чистого априорного употребления (вполне независимо от всякого опыта), и это право их во всяком случае (jederzeit) нуждается в дедукции, так как опытные доказательства правомерности такого употребления недостаточны, а между тем мы должны знать, каким образом эти понятия могут относиться к объектам, которых они не получают, однако, ни из какого опыта. Поэтому объяснение того способа, каким понятия /относятся[2] a priori к предметам, я называю *трансцендентальной* /*дедукцией*[3] и отличаю ее от *эмпирической* дедукции, указывающей способ, каким понятие /возникает[4] благодаря опыту и рефлексии над ним, а потому касается не правомерности, но лишь факта (Faktum), благодаря которому /возникло обладание понятием[5] (26).

2) С, З – могут относиться
(beziehen können)

3) З – дедукцией понятий
(Deduktion derselben)

4) С – создается
З – приобретается
(erworben worden)

5) С – приобрели это понятие
З – усвоили понятие
(der Besitz entsprungen)

118 У нас есть уже два совершенно различных вида понятий, согласных, однако, друг с другом в том, что они относятся к предметам вполне a priori, именно понятия пространства и времени как формы чувственности и категории как понятия рассудка. Пытаться дать эмпирическую дедукцию их было бы совершенно напрасным трудом, так как отличительная черта их природы состоит именно в том, что они относятся к своим предметам, ничего не заимствуя из опыта для представления их. Поэтому, если дедукция их необходима, то она во всяком случае должна быть трансцендентальной.

Впрочем, и для этих понятий, как для всякого знания, можно отыскать если не принцип их возможности, то все же /поводы их возникновения[1] в опыте; /в самом деле[2], впечатления чувств дают первый повод к раскрытию всей силы познания в отношении к ним и к осуществлению опыта, содержащего в себе два

1) С, З – случайные причины их происхождения
(die Gelegenheitsursachen ihrer Erzeugung)

2) С – так как
З – тогда
(wo alsdann)

весьма разнородных элемента, именно материал познания из чувств и определенную форму упорядочения его из внутреннего источника чистого наглядного представления и мышления, /которые приходят в действие и производят понятия по поводу чувственного материала[3]. Такое прослеживание первых /попыток[4] нашей познавательной силы с целью подняться от единичных **119** восприятий к общим понятиям, без сомнения, приносит огромную пользу, и мы обязаны известному Локку /открытием этого пути[1]. Однако дедукция чистых априорных понятий таким способом никогда не может быть осуществлена: она вовсе не лежит на этом пути, так как априорные понятия в отношении своего будущего употребления, которое должно быть вовсе независимым от опыта, обязаны предъявить совсем иное метрическое свидетельство, чем происхождение из опыта. Эту попытку /физиологического исследования[2], которая, собственно, вовсе не может называться дедукцией, так как она касается вопроса quaestionem facti, я буду поэтому называть объяснением обладания чистым знанием. Итак, ясно, что относительно /априорных чистых понятий[3] возможна только трансцендентальная, а не эмпирическая дедукция, и что эмпирическая дедукция чистых априорных понятий есть тщетное предприятие, которым могут заниматься лишь люди, /не понимающие своеобразной природы[4] этих знаний.

Однако, если даже и допустить, что единственно возможная дедукция чистых априорных знаний имеет трансцендентальный характер, тем не менее отсюда еще не становится ясным, что она неизбежно необходима. Выше мы проследили понятия пространства и времени с помощью трансцендентальной дедукции вплоть до их источников и объяснили и установили (bestimmt) их объективное априорное значение. **120** Тем не менее геометрия идет верными шагами путем чисто априорных знаний, /вовсе не нуждаясь в том, чтобы философия засвидетельствовала чистоту и закономерность происхождения основного ее понятия пространства[1]. Зато, правда, понятие [пространства] в этой науке применяется только к внешнему чувственному миру, так как (von welcher) пространство есть чистая форма наглядного представления о нем, из которой (in welcher) поэтому все геометрическое познание как основанное на априорном наглядном представлении /почерпывает свою очевидность[2] и в которой предметы даны посредством самого познания в наглядном представлении a priori (со стороны своей

3) С – который [порядок] возникает только по поводу этой материи и создает понятия
В – которые развиваются по поводу чувств и образуют понятия
(die, bei Gelegenheit der ersteren, zuerst in Ausübung gebracht werden, und Begriffe hervorbringen)

4) С, В – стремлений
(Bestrebungen)

1) С – что он первый открыл дорогу к этому
(daß er dazu zuerst den Weg eröffnet hat)

2) З – делать выводы из физиологических данных
(physiologische Ableilung)

3) З – чистого знания
(von diesen)

4) С – кто не понимает крайне своеобразной
З – совершенно не понимающие особой природы
(ganz eigentümliche Natur... nicht begriffen hat)

1) С – не обращаясь к философии с просьбою об удостоверении правоспособности своего основного понятия о пространстве, чтобы знать его чистое и закономерное происхождение
(ohne daß sie sich, wegen der reinen und gesetzmäßigen Abkunft ihres Grundbegriffs vom Raume, von der Philosophie einen Beglaubigungsschein erbitten darf)

2) С – имеет непосредственную очевидность
(unmittelbare Evidenz hat)

формы). Наоборот, когда мы доходим до (fängt mit... an) *чистых понятий рассудка*, неизбежно является потребность искать трансцендентальной дедукции не только для них самих, но также и для пространства, так как они говорят о предметах с помощью предикатов чистого априорного мышления, а не наглядного представления и чувственности; поэтому они относятся к предметам вообще без всяких условий чувственности, и так как /не основываются на опыте[3], то не могут указать даже и в априорном наглядном представлении никакого объекта, на котором основывался бы их синтез до всякого опыта; поэтому они возбуждают не только подозрения относительно объективного значения и границ своего употребления, но и делают даже сомнительным вышеупомянутое *понятие пространства* вследствие того, что склонны **121** употреблять его вне (über) условий чувственного наглядного представления, так что поэтому выше необходимо было дать и для него трансцендентальную дедукцию. Итак, читатель раньше, чем он сделает хотя бы шаг в области чистого разума, должен быть убежден в неизбежной необходимости такой трансцендентальной дедукции, так как в противном случае он будет действовать слепо и, проблуждав в различных направлениях, принужден будет вернуться к тому же состоянию неведения, с которого начал. Он должен также наперед ясно усмотреть неизбежную трудность [дела], чтобы не жаловаться на темноту там, где сам [исследуемый] предмет (die Sache selbst) глубоко сокрыт, или чтобы устранение препятствий не утомило его слишком рано, так как перед ним стоит дилемма (weil es darauf ankommt) или довести это критическое исследование до завершения, или совсем отказаться от всяких притязаний на знания чистого разума в излюбленной [философами] области, /именно вне[1] границ всякого возможного опыта.

Исследуя выше понятия пространства и времени, нетрудно было дать понять, каким образом они, будучи априорными знаниями, тем не менее необходимо должны относиться к предметам и делают возможным синтетическое знание о них независимо от всякого опыта. В самом деле, так как предмет может являться нам, т.е. быть объектом эмпирического наглядного представления только с помощью таких чистых форм чувственности, то пространство и время суть чистые наглядные представления, содержащие **122** a priori условие возможности предметов как явлений, и синтез в пространстве и времени имеет объективное значение.

3) С – они основываются не на опыте
(sie nicht auf Erfahrung gegründet sind)

1) З – а именно оттого, что выходит за
(nähmlich dasjenige über... hinaus)

Наоборот, категории рассудка /вовсе не суть условия[1]), под которыми предметы даются в наглядном представлении; иными словами, предметы могут /являться[2]) нам без необходимого отношения к функциям рассудка, следовательно, рассудок не содержит в себе априорных условий [их]. Поэтому здесь возникает затруднение, не встречавшееся нам в области чувственности [и состоящее в том], каким образом (wie nähmlich) субъективные условия мышления должны иметь объективное значение, т.е. быть условиями возможности всякого познания предметов: /ведь[3]) явления могут быть даны в наглядном представлении и без функций рассудка. Возьмем, напр., понятие причины, означающее особый вид синтеза, [состоящего в том,] что за (da auf) некоторым *A* полагается согласно некоторому правилу[28], совершенно отличающееся от него *B*. A priori еще /не очевидно[4]), почему явления должны содержать в себе подобный [синтез] (опыт нельзя приводить в качестве доказательств, так как /доказательству подлежит[5]) объективное значение этого понятия a priori), и потому a priori возникает сомнение, не есть ли это понятие совершенно пустое и /не имеющее среди явлений ни одного [соответствующего] предмета[6]). В самом деле, необходимость того, чтобы предметы чувственного наглядного представления сообразовались с формальными условиями чувственности, **123** заложенными в душе a priori, ясна из того, что в противном случае они не были бы предметами для нас: но прийти к выводу, что они сверх того должны сообразоваться также с условиями, в которых рассудок нуждается для синтетического /мышления[1]), уже не так легко. Ведь /явления[2]) могли бы /обладать такими свойствами[3]), что рассудок не нашел бы их сообразными с условиями своего единства, и тогда все находилось бы в хаотическом смешении, так что, напр., /в ряду[4]) явлений не представлялось бы ничего, что /обнаруживало бы[5]) правила синтеза и соответствовало бы понятию причины и действия, вследствие чего это понятие было бы совершенно пустым, ничтожным и лишенным значения. Тем не менее явления доставляли бы нашему наглядному представлению предметы, так как наглядное представление вовсе не нуждается в функциях мышления.

Казалось бы, легко отделаться от подобного трудного исследования, ссылаясь на то, что опыт постоян-

1) З – вовсе не предоставляют нам условий (stellen uns gar nicht die Bedingungen vor)

2) С, З – несомненно являться (allerdings... erscheinen)

3) С – несомненно, что... (denn... allerdings)

4) С, З – не ясно (nicht klar)

5) С – должна быть указана a priori (a priori muß dargetan werden können)

6) С – соответствует ли ему какой-либо предмет среди явлений (und überall unter den Erscheinungen keinen Gegenstand antreffe)

1) С, З – единства мышления (Einheit des Denkens) (A^2 – Einsicht des)

2) С – Во всяком случае, явления (wohl allenfals Erscheinungen)

3) З – быть такими (so beschaffen sein)

4) З – в последовательном ряду (in der Reihenfolge)

5) С, З – давало бы нам (an die Hand gäbe)

---

[28] Кант желал, чтобы в этом месте были вставлены следующие слова: a priori, т.е. с необходимостью. См. Собр. соч. Канта, изд. Прусской акад. наук, т. III, стр. 572.

но доставляет примеры такой правильной последовательности (Regelmäßigkeit) явлений, дающие достаточно поводов отвлечь от них понятие причины и таким образом установить объективное значение его. Однако при этом упускают из виду, что таким путем понятие причины вовсе не может возникнуть, так как оно или должно быть обосновано в рассудке вполне a priori, или должно быть совсем отброшено как чистый вымысел (Hirngespinst). **124** В самом деле, это понятие /требует[1], чтобы /из какого-либо A[2] *необходимо и по безусловно всеобщему правилу* следовало /некоторое B[3]. Явления дают, конечно, много случаев /установить правила[4], соответственно которым какое-либо событие обыкновенно случается, однако они никогда не доказывают, что следствие [вытекает с](der Erfolg... sei) *необходимостью*: поэтому синтез причины и действия обладает таким достоинством, которого вовсе нельзя выразить эмпирически: оно состоит в том, что действие не просто присоединяется к причине, а полагается посредством причины и следует из нее. Строгая всеобщность также не может быть свойством эмпирических правил, которые /приобретают[5] посредством индукции только (keine andere als) сравнительную общность, т.е. широкую применимость. Следовательно, употребление понятий чистого рассудка совершенно изменилось бы, если бы они рассматривались только как эмпирические продукты.

1) С, З – непременно требует (erfordert durchaus)

2) С, З – нечто A было таким, чтобы из него (etwas A von der Art sei, daß... daraus)

3) З – нечто другое (B) (ein anderes B)

4) С – из которых возможно вывести правило (aus denen eine Regel möglich ist)

5) С – могут получить (bekommen können)

<§ 14.> Переход к трансцендентальной дедукции категорий

Возможны лишь два случая, при которых синтетическое представление и его предметы могут согласоваться, необходимым образом относиться друг к другу и как бы встретиться друг с другом: /если предмет обусловливает возможность[6] представления **125** или если представление обусловливает возможность предмета. В первом случае это отношение имеет лишь эмпирический характер, и представление при этом никоим образом не может быть априорным. Таковы явления, поскольку /в них есть ощущения[1]. Наоборот, во втором случае, хотя представление само по себе не производит своего предмета *со стороны* [его] *существования* (так как мы не говорим здесь о причинности представления при посредстве воли), тем не менее оно a priori определяет предмет, если лишь при его посредстве можно *познать что-либо как предмет*. Есть два условия, при которых единственно возможно познание

6) С – или предмет делает возможным (Entweder wenn der Gegenstand... möglich macht)

1) З – речь идет о том, что в них принадлежит к ощущениям (in Ansehung dessen, was an ihnen zur Empfindung gehört)

предмета: во-первых, наглядное представление, посредством которого предмет дается, однако только как явление; во-вторых, понятие, посредством которого предмет, соответствующий этому наглядному представлению, мыслится. Из сказанного выше ясно, что первое условие, т.е. то условие, под которым предметы могут быть наглядно представляемы, в действительности лежит в душе a priori в основе объектов, что касается их формы. Следовательно, все явления необходимо согласуются с этим формальным условием чувственности, так как они лишь при его посредстве могут являться, т.е. /быть эмпирически данными и представляемыми[2]. Теперь возникает вопрос, не предваряются ли предметы также априорными понятиями как условиями, /при которых[3] нечто, хотя и не представляется наглядно, тем не менее мыслится как предмет вообще, и в таком **126** случае всякое эмпирическое знание о предметах необходимо должно сообразоваться с такими понятиями, так как /без них[1] ничто не может быть объектом опыта. И действительно (Nun), всякий опыт содержит в себе, кроме чувственного наглядного представления, /в котором нечто содержится как данное[2], еще и понятие о предмете, который дан или является в наглядном представлении: поэтому в основе всякого опытного знания должны лежать как априорные условия его понятия о предметах вообще; следовательно, объективное значение категорий как априорных понятий должно основываться на том, что опыт возможен (что касается формы мышления) только посредством них. В таком случае они необходимо и a priori относятся к предметам опыта, так как только с помощью их /может быть мыслим какой бы то ни было предмет опыта вообще[3].

Итак, трансцендентальная дедукция всех априорных понятий основывается на [следующем] принципе, на который должно быть направлено все исследование: априорные понятия должны быть познанными как априорные условия возможности опыта (будь то наглядное представление, входящее в состав опыта, или мышление). Понятия, доставляющие объективные основания возможности опыта, обладают именно вследствие этого необходимым характером. Но развитие опыта, в котором они встречаются, не есть дедукция их (а только иллюстрация), /иначе они имели бы лишь случайное значение[4]. **127** Без указанного [только что] (Ohne diese) первоначального отношения к возможному опыту, в котором являются (vorkommen) все предметы знания, отношение этих

2) С – могут быть даны для эмпирического созерцания
З – быть эмпирически созерцаемыми и данными
(empirisch angeschaut und gegeben werden können)

3) З – единственно при которых
(unter denen allein)

1) С – без этого предположения
З – без допущения таких понятий
(ohne deren Voraussetzung)

2) С, З – посредством которого нечто дается
(wodurch etwas gegeben wird)

3) С – можно вообще мыслить какой-либо предмет опыта
(überhaupt irgendein Gegenstand der Erfahrung gedacht werden kann)

4) С – так как в нем они могут встречаться и случайно
(weil sie dabei doch nur zufällig sein würden)

понятий к какому бы то ни было объекту вовсе не могло бы быть понято.

<Знаменитый **Л о к к** не обратил внимания на этот вопрос и, встречая чистые понятия рассудка в опыте, также и производил (abgeleitet) их из опыта; при этом он был настолько н е п о с л е д о в а т е л е н, что отваживался с этими понятиями пускаться в область знаний, выходящих далеко за границы всякого опыта. **Давид Юм** признал, что для возможности подобного предприятия необходимо, чтобы эти понятия имели априорное происхождение. Но так как он не мог (gar nicht ... konnte) объяснить, как возможно, /что рассудок должен был мыслить необходимо связанными в предмете понятия, сами по себе не связанные в рассудке[1], и не натолкнулся на мысль, что, пожалуй, рассудок с помощью этих понятий сам может быть творцом опыта, в котором /являются[2] его предметы, то /под давлением необходимости он[3] выводил эти понятия из опыта (именно из п р и в ы ч к и, т.е. из возникающей вследствие частой ассоциации в опыте субъективной необходимости, которая в конце концов ошибочно принимается за объективную необходимость). Однако, [придя к этим взглядам], он был вполне последователен в том смысле, что признал невозможным выходить за пределы опыта с этими понятиями и /основанными на них[4] основоположениями. Тем не **128** менее э м п и р и ч е с к а я дедукция (Ableitung), которой занялись оба указанные философа, не согласуется с действительностью обладаемых нами априорных научных знаний, именно с ч и с т о й м а т е м а т и к о й и о б щ и м е с т е с т в о з н а н и е м, и, следовательно, опровергается фактами (durch das Faktum).

1) С – что рассудок те понятия, которые сами по себе в рассудке не соединены вместе, в предмете мыслит, как необходимо соединенные
(daβ der Verstand Begriffe, die an sich im Verstande nicht verbunden sind, doch als im Gegenstande notwendig verbunden denken müsse)

2) С – встречаются
З – находятся
(angetroffen werden)

3) З – вынужден был
(durch Not gedrungen)

4) З – возникшими благодаря им
(die sie veranlassen)

Первый из этих знаменитых философов широко раскрыл двери м е ч т а т е л ь н о с т и, так как разум, как только он имеет права на своей стороне, /не может быть уже более сдерживаем в границах с помощью неопределенных восхвалений умеренности[1]; [наоборот], второй из них, полагая, что он открыл столь всеобщее /заблуждение[2], считаемое тем не менее разумным знанием, вполне предался с к е п т и ц и з м у. В свою очередь мы хотим испытать теперь, нельзя ли счастливо провести человеческий разум между этими двумя подводными камнями (Klippen), указать ему определенные границы и тем не менее сохранять для него открытым все поприще целесообразной деятельности его.

1) С – уже нельзя удержать в границах умеренности неопределенными похвалами
(sich nicht mehr durch unbestimmte Anpreisungen der Mäβigung in Schranken halten läβt)

2) С, З – заблуждение нашей познавательной способности
(Täuschung unseres Erkenntnisvermögens)

Но раньше я хочу предпослать еще о б ъ я с н е н и е к а т е г о р и й. Это понятия о предмете вообще, благодаря которым / наглядное представление[3]

3) З – созерцание его
(dessen Anschauung)

рассматривается как определенное в отношении /логических[4] функций в суждениях. Так, функция категорического суждения /есть отношение[5] субъекта к предикату, напр., как в суждении: все тела делимы. Но в отношении чисто логического применения рассудка остается неопределенным, какому из двух данных понятий нужно дать функцию субъекта и какому из них 129 функцию предиката; ведь можно сказать также: нечто делимое есть тело. Но если я подвожу понятие тела под категорию субстанции, то она определяет, что эмпирическое наглядное представление тела в опыте всегда должно рассматриваться только как субъект, а не как предикат. То же самое можно сказать и о всех остальных категориях[29].>

4) З – одной из логических (einer der logischen)

5) З – была отношением (war... die des Verhältnisses)

Дедукции чистых понятий рассудка[30]

ВТОРАЯ СЕКЦИЯ

<*Трансцендентальная дедукция чистых понятий рассудка*

§ 15. О возможности соединения (einer Verbindung) вообще

Многообразие представлений может быть дано в наглядном представлении, которое имеет только чувственный характер, т. е. представляет собой только восприимчивость (Empfänglichkeit), и форма этого наглядного представления может заключаться a priori в

[29] Текст 1-го издания: А 94 Есть три первоначальных источника (способности или силы (Fähigkeiten oder Vermögen) души), содержащие в себе условия возможности всего опыта и не выводимые ни из какой другой способности души, именно чувственность (Sinn), воображение и апперцепция. На них основывается 1) /синопсис[1]) многообразия a priori посредством чувственности; 2) синтез этого многообразия посредством воображения; наконец, 3) единство этого синтеза посредством первоначальной апперцепции. Все эти способности имеют кроме эмпирического еще трансцендентальное применение, относящееся исключительно к форме и возможное только a priori. О нем, что касается чувственности, мы говорили уже выше в первой части, а к А 95 рассмотрению природы двух остальных способностей мы приступим теперь.

1) В – обзор (Synopsis)

[30] § 15–27, вплоть до начала 2 книги, представляют собою переработку второй и третьей секции «Дедукции чистых понятий рассудка» 1 изд. [Текст 2 изд. продолжается на с. 148.] Текст 1 изд. таков:

А 95 Об априорных основаниях возможности опыта

Допускать, что какое-нибудь понятие возникает совершенно a priori и относится к предмету, не входя тем не менее в понятие возможного опыта и не состоя из элементов возможного опыта, было

бы совершенно противоречиво и невозможно. В самом деле, в таком случае оно не имело бы никакого содержания, так как ему не соответствовало бы никакое наглядное представление, потому что наглядные представления вообще, посредством которых могут быть даны нам предметы, составляют всю область или всю совокупность предметов (den gesamten Gegenstand) возможного опыта. Априорное понятие, которое не относилось бы к возможному опыту, было бы только логической формой для понятия, но не самим понятием, /в котором[1] что-либо мыслилось бы.

1) З – посредством которого (wodurch)

Итак, если существуют чистые априорные понятия, то они, правда, не могут содержать в себе ничего эмпирического, но тем не менее должны быть /исключительно[2] априорными условиями возможного опыта, на котором только и может основываться их объективная реальность.

2) С – чистыми (lauter)

Поэтому, чтобы узнать, как возможны чистые понятия рассудка, необходимо исследовать, каковы априорные условия, от которых зависит возможность опыта и которые лежат **A 96** в его основе, если (wenn man gleich) отвлечься от всего эмпирического [содержания явлений]. Понятие, выражающее /в общей и удовлетворительной форме[1] такое формальное и объективное условие опыта, должно называться чистым понятием рассудка. Конечно, если у меня есть чистые понятия рассудка, то я могу /выдумать[2] также предметы, быть может, невозможные или возможные сами по себе, но не могущие быть данными ни в каком опыте, потому что в сочинении априорных понятий может быть пропущено что-либо необходимо принадлежащее к числу условий возможного опыта (таково понятие духа) или же потому, что чистые понятия рассудка расширены [мной] более, чем может охватить опыт (таково понятие Бога). Однако э л е м е н т ы всех априорных знаний и даже произвольных и бессмысленных фантазий (ungereimten Erdichtungen), хотя и не могут быть заимствованы из опыта (иначе они не были бы априорными знаниями), должны всегда содержать в себе чистые априорные условия возможного опыта и его предмета, так как в противном случае не только ничего не было бы мыслимо через них, но даже и сами они вовсе не могли бы возникнуть в мышлении, потому что не было бы данных для них.

1) С – вообще и достаточно (allgemein und zureichend)
2) З – конечно, выдумать (wohl... erdenken)

Такие понятия, a priori содержащие чистое мышление, /входящее в состав всякого[3] опыта, мы находим в категориях, и мы дадим уже достаточную дедукцию и оправдание объективной /реальности[4] их, если будем в состоянии доказать, **A 97** что только посредством их предмет может быть мыслим. Но так как /в этом мышлении[1] участвует не одна лишь способность мыслить, т.е. рассудок, и так как даже и сам рассудок как способность познания, которая должна относиться к объектам, также нуждается в объяснении, что касается возможности подобного отношения, то мы должны раньше всего исследовать субъективные источники, составляющие априорную основу возможности опыта, /и именно рассмотреть их не эмпирические, а трансцендентальные свойства[2].

3) С, З – при каждом (всяком) (bei jeder)
4) С, В – значения
З – значимости (Gültigkeit)

1) С, З – в такой мысли (in einem solchen Gedanken)
2) З – с точки зрения их трансцендентального, а не эмпирического характера (nicht nach ihrer empirischen, sondern transzendentalen Beschaffenheit zuvor erwägen)

Если бы /всякое[3] представление было чуждо другим представлениям, как бы изолировано и обособлено от них, то в таком случае никогда не возникло бы ничего подобного знанию, так как знание есть целое подвергнутых сравнению и связанных между собой представлений. Поэтому, если я приписываю /чувственности синопсис[4], так как она в своих наглядных представлениях содержит многообразие, то этому синопсису всегда соответствует синтез, и в о с п р и и м ч и в о с т ь только в соединении с с а м о д е я т е л ь н о с т ь ю /может произвести[5] знание. Эта самодеятельность есть основание троякого синтеза, необходимо присущего всякому знанию: именно, /а п п р е г е н з и я[6] представлений как модификация души в наглядном представлении, в о с п р о и з в е д е н и я (Reproduktion) их в воображении и /в о с п р и з н а н и я[7]

3) С – каждое отдельное (jede einzelne)
4) З – чувству способность обозрения (dem Sinne... eine Synopsis)
5) З – делает возможным (kann... möglich machen)
6) З – схватывания [здесь и далее] (Apprehension)
7) С – познания
З – узнавания
В – признание (Rekognition)

их в понятии. Эти формы синтеза указывают на три субъективных источника знания, делающих A 98 возможным самый рассудок и через него весь опыт как эмпирический продукт рассудка.

Предварительное замечание

Дедукция категорий связана /с такими[1)] трудностями, она заставляет так глубоко проникать в первые основания возможности нашего знания вообще, что я, желая избежать растянутости обстоятельной теории и в то же время не упустить из виду ничего в таком важном исследовании, счел полезным в последующих четырех параграфах скорее только подготовить читателей, чем /сообщить им полное учение[2)]; систематическое же исследование этих элементов рассудка будет дано лишь в третьей секции [этой главы]. Поэтому пусть читатель не пугается пока неясностей, неизбежных первоначально на еще вовсе не проторенном пути; я надеюсь, что в указанном отделе сочинения /они будут совершенно устранены[3)].

1. О синтезе аппрегензии в наглядном представлении

Откуда бы ни происходили наши представления, производятся ли они влиянием внешних вещей /или внутренними причинами, возникают ли они как явления a priori или эмпирически[4)] – все равно они принадлежат как A 99 модификации души к [области] внутреннего чувства; поэтому /все[1)] наши знания в конце концов подчинены формальному условию внутреннего чувства, именно времени, в котором все они должны быть упорядочены, приведены в связь и в соотношения. Это общее замечание должно быть положено в основу во всем дальнейшем [исследовании].

Всякое наглядное представление содержит в себе многообразие, которое, однако, не представлялось бы как таковое, если бы душа не различала времени в последовательности впечатлений друг за другом: в самом деле, *как содержащееся в одном мгновении*, всякое представление может быть только абсолютным единством. Чтобы из этого многообразия получилось единство наглядного представления (как, напр., в представлении пространства), необходимо, во-первых, /обозреть многообразие и собрать его вместе[2)]; этот акт я называю *синтезом аппрегензии*, так как он направлен прямо на наглядное представление, /которое, правда, доставляет многообразие, но без помощи синтеза никогда не может произвести многообразия, как таковою, и притом содержащегося *в одном представлении*[3)] [1].

Этот синтез аппрегензии должен производиться также и a priori, т.е. в отношении представлений, имеющих неэмпирический характер. Иначе, без него мы бы не могли иметь A 100 a priori ни представления пространства, ни представления времени, так как они могут быть произведены только посредством синтеза многообразия, доставляемого чувственностью в ее первоначальной восприимчивости. Следовательно, существует (haben wir) чистый синтез аппрегензии.

1) З – с таким множеством (mit so viel)
2) З – научить чему-то (zu unterrichten)
3) С – дело будет... совершенно ясно (zur vollständigen Einsicht aufklären soll)
4) С – или в силу внутренних причин a priori, или эмпирически как явления
З – или внутренними причинами, возникают ли они a priori или эмпирически как явления (oder durch innere Ursachen gewirkt sind, sie mögen a priori oder empirisch als Erscheinungen entstanden sein)

1) З – как таковые все (als solche... alle)
2) С – обозрение разнообразного, а потом соединение его (das Durchlaufen der Mannigfaltigen und dann die Zusammennehmung desselben)
3) С – которое, хотя оно и дает разнообразное, но дает его только как такое, и притом в одном представлении и поэтому никогда не может возникнуть без содействия синтеза (die zwar ein Mannigfaltiges darbietet, dieses aber als ein solches, und zwar in einer Vorstellung enthalten, niemals ohne eine dabei vorkommende Synthesis bewirken kann)

2. О синтезе воспроизведения в воображении

/Представления[1)], часто следовавшие друг за другом или сопровождавшие друг друга, в конце концов ассоциируются и (vergesellschaften und dadurch) вступают в такую связь, что даже и в отсутствии предмета одно из этих представлений производит в душе пе-

1) С – Это чистый эмпирический закон, что представления (Es ist zwar ein bloß empirisches Gesetz, nach welchem Vorstellungen...)

[1] По мнению Файингера (см. его Siebzig textkritische Randglossen zur Analitik, Kantstudien IV), текст в этом месте нужно исправить следующим образом: которое, правда, доставляет многообразие, но лишь как таковое, а выразить его как содержащееся в одном представлении никогда без помощи синтеза не может.

переход к другому представлению согласно постоянному правилу. [Это не более как эмпирический закон,] однако этим законом воспроизведения предполагается, что сами явления действительно подчинены такому правилу и что в многообразии их представлений /есть сообразные известным правилам сосуществование и последовательность[2]; без этого наше эмпирическое воображение не получало бы ничего для деятельности, сообразной с его свойствами (Vermögen), и, следовательно, оставалось бы скрытым в недрах души как мертвая и неизвестная нам самим способность. Если бы киноварь была то красной, то черной, то легкой, то тяжелой, если бы человек принимал образ то одного, то другого животного, если бы в самый длинный день [в году] земля бывала то покрыта плодами, **A 101** то льдом и снегом, то моя эмпирическая способность воображения не имела бы даже и повода /воспроизводить[1] при представлении красного цвета тяжелую киноварь; точно так же если бы известное слово /обозначало[2] то одну, то другую вещь или если бы одна и та же вещь называлась то так, то иначе, без всякого правила, которому бы подчинялись /сами[3] явления, то [при этих условиях] не мог бы происходить эмпирический синтез воспроизведения.

Следовательно, должно существовать какое-либо [условие] (etwas), создающее возможность самого этого воспроизведения явлений, т.е. служащее априорным основанием необходимого синтетического единства их (derselben). Мы тотчас же согласимся с этим, если вспомним, что явления суть не вещь в себе, а лишь игра наших представлений, которые в конце концов /суть определения[4] внутреннего чувства. Если, далее, можно доказать, что даже наши чистейшие априорные наглядные представления доставляют знания только тогда, когда содержат такую связь многообразия, доставляющую возможность непрерывного синтеза воспроизведения, то отсюда следует, что этот синтез способности воображения основывается также до всякого опыта на априорных принципах и что мы должны допустить существование чистого трансцендентального синтеза воображения, который лежит [даже] в основе /возможности[5] всякого опыта **A 102** (так как [опыт] (als welche) необходимо предполагает воспроизводимость явлений). Без сомнения, если я мысленно провожу линию, или представляю себе время от одного полудня до другого, или хочу лишь представить себе какое-нибудь число, /я необходимо должен сначала брать одно за другим представления, входящие в состав этих многообразий[1]. При этом если бы я постоянно забывал предшествующие [представления] (первые части линии, предшествующие части времени или последовательно представляемые единицы) и не воспроизводил их, переходя к следующим, то у меня никогда не возникло бы целое представление, не возникла бы ни одна из названных раньше мыслей и даже не образовались бы чистейшие и первые основные представления пространства и времени.

Итак, синтез аппрегензии неразрывно связан с синтезом воспроизведения. А так как синтез аппрегензии[2] составляет трансцендентальное основание возможности всех знаний вообще (не только эмпирических, но и чистых априорных), то репродуктивный[3] синтез воображения принадлежит к [числу] трансцендентальных актов души, /и в этом смысле[2] мы будем называть эту способность также трансцендентальной способностью воображения.

2) С – имеет место одновременность или последовательность по известным правилам (eine gewissen Regeln gemäße Begleitung oder Folge stattfinde)

1) З – мысленно воспроизводить (in die Gedanken zu bekommen)

2) С – прилагалось бы (würde... beigelegt)

3) С – сами собой (schon von selbst)

4) С, З – сводятся к определениям (auf Bestimmungen auslaufen)

5) З – самой возможности (selbst der Möglichkeit)

1) С – мне прежде всего необходимо представить эти разнообразные представления одно после другого
З – я необходимо должен сначала мысленно брать одно из этих многообразных представлений, а затем следующее
В – я необходимо должен при этом обнимать мыслью одно представление после другого
(ich erstlich notwendig eine dieser mannigfaltigen Vorstellungen nach der anderen in Gedanken fassen müsse)

2) С – и по отношению к ней [деятельности души] (und in Rücksicht auf dieselbe)

---

[2] См. замечание Файингера, там же: [синтез репродукции (jene)].

[3] По мнению Риля (см. Kantstudien, V, 268), вместо «репродуктивный» здесь следует читать «продуктивный».

A 103 3. О синтезе воспризнания (Rekognition) в понятии

Если бы мы не сознавали, что мыслимое нами в настоящий момент тождественно с тем, что мы мыслили в предыдущий момент, то воспроизведение в ряду представлений не вело бы ни к каким результатам (würde vergeblich sein). Всякое представление в настоящий /момент[1]) было бы новым представлением, оно не входило бы в состав акта, посредством которого оно должно быть произведено постепенно, и многообразие таких представлений никогда не составляло бы целого, так как ему не хватало бы единства, которое может быть доставлено ему только сознанием. Если бы /при счислении[2]) я забывал, что единицы, /предстоящие теперь моим чувствам[3]), постепенно присоединены мной друг к другу, то я не познавал бы возникновения /величины[4]) путем такого последовательного прибавления единицы к единице, следовательно, [не пришел бы] также к познанию числа, так как понятие числа состоит исключительно в сознании этого единства синтеза.

Уже самое слово *понятие* могло дать нам повод к такому замечанию, /так как именно это *единое* сознание есть то, что объединяет в одно представление многообразие, постепенно данное в наглядном представлении и затем воспроизведенное[5]). Это сознание может быть часто лишь очень слабым, так что мы связываем его с произведением представления не непосредственно, не в самом акте, а лишь в результате его; но, несмотря на A 104 эти различия, всегда должно существовать /единое[1]) сознание, хотя бы ему и недоставало резко определенной ясности, и без него понятия, а следовательно, и знания о предметах совершенно невозможны.

1) З – состоянии (Zustande)

2) С – в числах
З – при счете (im Zählen)

3) З – которые витают теперь перед моим мысленным взором (die mir jetzt vor Sinnen schweben)

4) З – суммы
В – множества (Menge)

5) С – Ибо это есть сознание того, что разнообразное, данное в созерцании постепенно и затем воспроизведенное, соединяется в одно представление
(Denn dieses eine Bewußtsein ist es, was das Mannigfaltige, nach und nach Angeschaute und dann auch Reproduzierte in eine Vorstellung vereinigt)

1) З – одно (ein)

Здесь необходимо дать себе отчет в том, что обозначается термином *предмет представлений*. Выше мы сказали, что сами явления суть не что иное, как чувственные представления, /которые и в себе должны быть рассматриваемы таким же образом, а не как предметы[2]) (вне способности представления). Что же имеют в виду, когда говорят о предмете, который соответствует познанию и, следовательно, [в то же время] также отличается от него? Не трудно убедиться, что этот предмет должен быть мыслим только как нечто вообще = *X*, так как вне нашего сознания мы ведь не имеем ничего, что мы могли бы противопоставить /знанию[3]) как соответствующее ему.

Мы находим, однако, что наша мысль об отношении всех знаний к предмету их обладает в известном смысле характером необходимости, именно предмет рассматривается как то, что противостоит тому, чтобы наши знания определялись /наудачу и как угодно[4]), и требует, чтобы они определялись известным образом a priori, так как, поскольку они должны относиться к предмету, они должны также необходимо согласоваться друг A 105 с другом в отношении к этому предмету, т.е. должны обладать тем единством, которое составляет понятие о предмете.

2) З – которые сами по себе должны рассматриваться таким же образом не как предметы
(die an sich in eben derselben Art nicht als Gegestände... müssen angesehen werden)

3) С, З – этому знанию (dieser Erkenntniss)

4) З – произвольно и как попало (aufs Geratewohl oder beliebig)

Но так как мы имеем дело только с многообразием наших представлений и то *X*, которое соответствует им (предмет) /и должно быть чем-то отличающимся от всех наших представлений, есть для нас ничто[1]), то отсюда ясно, что единство, которое предмет делает необходимым, не может быть ничем иным, как формальным единством сознания в синтезе многообразия представлений. /Мы[2]) говорим, что познаем предмет [в том случае], если мы внесли (bewirkt haben) синтетическое единство в многообразие наглядного представления. /Но это [единство] невозможно, если наглядное представление не может быть произведено с помощью такой функции синтеза согласно правилу, которая делает воспроизведение многообразия a priori необходимым и понятие, в котором мно-

1) С, З – есть для нас ничто, ибо он должен быть чем-то отличным от наших представлений
(er etwas von allen unseren Vorstellungen Unterschiedenes sein soll, für uns nichts ist)

2) С – Тогда мы
З – Мы в этом случае
(Alsdann sagen wir)

гообразие объединяется, возможным[3]. Так, мы мыслим треугольник как предмет тогда, когда сознаем сочетание трех прямых линий согласно правилу, соответственно которому такое наглядное представление всегда может быть изображено. Это единство правила определяет все многообразие и ограничивает его условиями, которые делают возможным единство апперцепции; понятие этого единства и есть представление о предмете = X, который я мыслю /посредством предикатов[4] треугольника.

A 106 Всякое знание требует понятия, каким бы несовершенным или темным ни было оно. Понятие по своей форме всегда есть нечто общее, /служащее правилом[1]. Так, понятие тела благодаря единству многообразия, которое мыслится посредством его, служит правилом для нашего познания внешних явлений. Но оно может быть правилом наглядных представлений только вследствие того, что оно представляет в данных явлениях необходимое воспроизведение многообразия их, следовательно, синтетическое единство в сознании о них. Так, напр., при восприятии чего-либо вне нас понятие тела делает необходимым представление протяжения и вместе с ним непроницаемости, формы и т.д.

В основе всякой необходимости лежит всегда трансцендентальное условие. Следовательно, должно существовать трансцендентальное основание единства сознания в синтезе многообразия всех наших наглядных представлений, значит, также трансцендентальное основание понятий объектов вообще, а следовательно, и всех предметов опыта; без этого [трансцендентального основания] невозможно было бы примышлять (zu denken) к нашим наглядным представлениям какой бы то ни было предмет, так как предмет есть не более как нечто, понятие чего выражает такую необходимость синтеза.

Это первоначальное и трансцендентальное условие есть не что иное, как трансцендентальная A 107 апперцепция. Сознание нашего Я (seiner selbst) во внутреннем восприятии согласно определениям нашего состояния имеет только эмпирический, всегда изменчивый характер; в этом потоке внутренних явлений не может быть никакой устойчивой и /пребывающей самости[1]; это сознание себя обыкновенно называется внутренним чувством или эмпирической апперцепцией. То, что необходимо должно быть представляемо как /численно[2] тождественное, не может быть мыслимым как таковое посредством эмпирических данных. Должно существовать условие, предшествующее всякому опыту, даже служащее условием самой возможности опыта /и придающее значение[3] такому трансцендентальному предположению.

И действительно, для нас невозможны никакие знания, никакое сочетание и единство их без того единства сознания, которое предшествует всем данным наглядных представлений и в отношении к которому лишь возможно всякое представление о предметах. Это чистое первоначальное неизменное сознание я буду (will) называть трансцендентальной апперцепцией. Оно заслуживает такого названия: это видно уже из того, что даже чистейшее

3) С – Но это было бы невозможно, если бы путем такой функции синтеза по правилу не было дано созерцания, которое делает необходимым воспроизведение разнообразного a priori и делает возможным понятие, где это разнообразное соединяется (Diese ist aber unmöglich, wenn die Anschauung nicht durch eine solche Funktion der Synthesis nach einer Regel hat hervorgebracht werden können, welche die Reproduktion des Mannigfaltigen a priori notwendig und einen Begriff, in welchem dieses sich vereinigt, möglich macht)

4) С, В – под упомянутыми предикатами (durch die gedachte Prädikate)

1) С – и служит для правила (und was zur Regel dient)

1) С – постоянного Я
З – сохраняющегося Я
В – неизменного Я
(bleibendes Selbst)

2) С – количественно (numerisch)

3) З – который должен придать значимость (welche... geltend machen soll)

объективное единство, именно единство априорных понятий (пространства и времени) возможно только через отношение наглядных представлений к нему. Следовательно, численное единство этой апперцепции лежит a priori в основании всех понятий таким же образом, как многообразие пространства и времени лежит в основании наглядных представлений чувственности.

А 108 Это же самое трансцендентальное единство апперцепции создает из всех возможных явлений, /могущих[1] находиться вместе в одном опыте, связь всех этих представлений согласно законам. В самом деле, это единство сознания было бы невозможным, если бы, познавая многообразие, душа не могла сознавать тождества функции, посредством которой она синтетически связывает многообразие в едином знании. Следовательно, первоначальное и необходимое сознание тождества нашего Я есть в то же время сознание столь же необходимого единства синтеза всех явлений согласно понятиям, т.е. согласно правилам, которые делают все явления не только необходимо воспроизводимыми, но и определяют таким образом для их наглядного представления предмет, т.е. понятие о чем-то, в чем они необходимо соединены; ведь душа не могла бы мыслить своего тождества в многообразии своих представлений и притом a priori, если бы она не имела перед глазами тождества своей деятельности, которая подчиняет весь синтез аппрегензии (имеющий эмпирический характер) трансцендентальному единству и впервые делает возможным его связь согласно априорным правилам. Теперь мы можем также правильнее определить наше понятие (unsere Begriffe) о п р е д м е т е в о о б щ е. Все представления как представления имеют свой предмет, и в свою очередь сами могут быть предметами других представлений. Явления суть единственные предметы, которые **А 109** могут быть даны нам непосредственно, и то, что в них непосредственно относится к предмету, называется наглядным представлением. Тем не менее эти явления суть не вещи в себе, а только представления в свою очередь имеющие свой предмет, который, следовательно, не может уже быть наглядно представляем нами, и потому мы будем называть его неэмпирическим, т.е. трансцендентальным предметом = *X*.

1) С – всегда могут (die immer... können)

Чистое понятие об этом трансцендентальном предмете (который действительно во всех наших знаниях /всегда и одинаково[1] = *X*) есть именно то, что может дать всем нашим эмпирическим понятиям вообще отношение к предмету, т.е. объективную реальность. Это понятие не может, конечно, содержать в себе никакого определенного наглядного представления и, следовательно, может касаться лишь того единства, которое должно находиться в многообразии знания, поскольку /оно стоит в отношении к[2] предмету. Но это отношение есть не что иное, как необходимое единство сознания, а следовательно, также синтеза многообразия посредством общей функции души, объединяющей многообразие в одном представлении. Так как это единство должно рассматриваться как a priori необходимое (потому что в противном случае знание было бы лишено предмета), то, следовательно, отношение к трансцендентальному предмету, т.е. объективная реальность нашего эмпирического знания, основывается на трансцендентальном законе, **А 110** состоящем в том, что все явления, поскольку посредством них нам должны быть даны предметы, должны подчиняться априорным правилам синтетического единства /предметов[1], правилам, согласно которым /единственно возможны их отношения в эмпирическом наглядном представлении[2]; иными словами, в опыте явления должны подчиняться условиям необходимого единства апперцепции так же, как в простом наглядном представлении они должны подчиняться формальным условиям пространства и времени; мало того, всякое познание становится возможным впервые благодаря этим условиям.

1) С, В – всегда один и тот же (immer einerlei)

2) З – это многообразное относится к... (es in Beziehung... steht)

1) С – их [явлений] (derselben)

2) З – их отношения возможны единственно в эмпирическом созерцании (nach welchen ihr Verhältnis in der empirischen Anschauung allein möglich ist)

4. Предварительное объяснение возможности категорий как априорных знаний

/Все[3] восприятия могут быть представляемы как находящиеся в непрерывной и законосообразной связи [только в едином опыте]: точно так же все формы явления и всякое отношение бытия или небытия существуют только в одном пространстве и [в одном] времени. Когда говорят о различных опытах, то при этом имеют в виду лишь различные восприятия, поскольку они принадлежат к одному и тому же всеобщему опыту. Непрерывное и синтетическое единство восприятий составляет именно форму опыта, который есть не что иное, как синтетическое единство явлений согласно понятиям.

A 111 Основанное на эмпирических понятиях единство синтеза было бы совершенно случайным, и если бы эмпирические понятия не опирались на трансцендентальное основание единства, то могло бы случиться, что наша душа была бы наполнена грудой (Gewühl) явлений, из которых тем не менее никогда не мог бы возникнуть опыт. Тогда исчезло бы (fiele... weg) также всякое отношение знания к предметам, так как в нем не было бы связи согласно всеобщим и необходимым законам; следовательно, оно было бы /лишенным мысли[1] наглядным представлением, но /вовсе не[2] знанием, иными словами, для нас оно было бы ничто.

Априорные условия возможного опыта вообще суть вместе с тем условия возможности предметов опыта. Далее, я утверждаю, что перечисленные выше к а т е г о р и и суть не что иное, как у с л о в и я м ы ш л е н и я /д л я в о з м о ж н о г о[3] опыта, подобно тому как п р о с т р а н с т в о и в р е м я /с у т ь[4] у с л о в и я н а г л я д н о г о п р е д с т а в л е н и я для того же опыта. Следовательно, категории суть также основные понятия, благодаря которым мы мыслим для явлений объект (Objekte) вообще, и потому они имеют a priori объективное значение; это и есть то, что мы хотели узнать.

Но возможность и даже необходимость этих категорий основывается на отношении всей чувственности, а вместе с ней и всех возможных явлений, к первоначальной апперцепции, в которой все необходимо должно сообразоваться с условиями непрерывного единства самосознания, A 112 т.е. подчиняться общим функциям синтеза, именно синтеза согласно понятиям, так как только в нем апперцепция может обнаружить (beweisen) свое непрерывное и необходимое априорное тождество. Так, понятие причины есть не что иное, как синтез (того, что следует /во времени[1], с другими явлениями) с о г л а с н о п о н я т и я м, и без подобного единства, опирающегося на априорное правило и подчиняющего себе явления, не было бы непрерывного и всеобщего, следовательно, необходимого единства сознания в многообразии восприятий. Но в таком случае восприятия не принадлежали бы ни к какому опыту, следовательно, не имели бы объекта и были бы лишь слепой игрой представлений, т.е. /стояли бы ниже сновидений[2].

Итак, все попытки выводить эти чистые понятия рассудка из опыта и приписывать им только эмпирическое происхождение совершенно тщетны и пусты. Я уже не говорю о том, что, напр., понятие причины /обладает характером необходимости, чего[3] не может дать никакой опыт, который учит нас, правда, что за одним явлением обыкновенно следует другое, но не [может показать], что оно следует необходимо или что из него, как из условия, можно a priori и во всеобщей [форме] умозаключить к следствию. [Мало того], само эмпирическое правило а с с о ц и а ц и и, без которого никак нельзя обойтись, утверждая, что все в ряду событий подчинено правилам так, /что все случающееся предшествуется A 113

3) С – Существует только один опыт, в котором все...
(Es ist nur eine Erfahrung, in welcher alle...)

1) С – чуждым мысли
(gedankenlose)

2) С, В – никогда
(niemals)

3) С, З – в возможном
(in einer möglichen)

4) З – содержат
(enthalten)

1) С, В – в порядке времени
З – во временном ряду
(in der Zeitreihe)

2) З – значили бы меньше, чем сновидения
(weniger als ein Traum sein)

3) С – вносит с собой характер необходимости, какого...
З – содержит момент необходимости, чего...
(den Zug von Notwendigkeit bei sich führt, welche)

чем-либо другим, за чем оно всегда следует[1]), это [правило ассоциации] как закон природы, на чем основывается оно, спрашиваю я, и как возможна сама эта ассоциация? Основание возможности ассоциации многообразного, поскольку оно заключается в объекте, называется сродством (Affinität) многообразного. Я спрашиваю поэтому, как объясняете вы себе сплошное сродство явлений (благодаря которому они подчиняются постоянным законам и должны /подходить под них[2])?

Согласно моим основоположениям это [сродство] вполне понятно. Все возможные явления принадлежат как представления /к целому[3]) возможного самосознания. /Но это самосознание как трансцендентальное представление необходимо и с априорной достоверностью обладает численным тождеством, так как без[4]) посредства этой первоначальной апперцепции ничто не может вступить в [область] знания. Так как это тождество необходимо должно входить в синтез всего многообразия явлений, поскольку они должны стать эмпирическим знанием, то явления подчинены априорным условиям, с которыми их синтез (аппрегензии) всегда (durchgängig) должен сообразоваться. Представление о всеобщем условии, согласно которому может быть полагаемо (следовательно, /по одному и тому же плану[5])) какое-либо многообразие, называется правилом; оно называется законом, если, сообразно с ним, многообразие должно быть полагаемо. Итак, все явления находятся в непрерывной связи согласно A 114 необходимым законам и, следовательно, находятся в трансцендентальном сродстве, из которого эмпирическое сродство вытекает как простое следствие.

[Мысль,] что природа должна сообразоваться (sich... richten) с нашим субъективным основанием апперцепциии и даже зависит от него в отношении своей законосообразности, /кажется странной и нелепой[1]). Но если принять в расчет, что эта природа есть не что иное, как совокупность явлений, следовательно, вовсе не вещь в себе, а только /группа[2]) представлений в душе, то мы не станем удивляться тому, /кто усматривает природу[3]) в коренной способности (bloß in dem Radikalvermögen) всего нашего знания, именно в трансцендентальной апперцепции, [т.е.] в том единстве, благодаря которому исключительно она может называться объектом всякого возможного опыта, т.е. природой; и мы согласимся также с тем, что именно вследствие этого обстоятельства это единство можно познать a priori, следовательно, как необходимое, между тем как это было бы совершенно невозможно, если бы она была дана в себе независимо от первых источников нашего мышления. В последнем случае я бы не знал, откуда нам заимствовать синтетические положения такого всеобщего единства природы; их пришлось бы получать от предметов самой природы, но так как это возможно лишь эмпирическим [путем], то отсюда можно было бы извлечь только случайное единство, весьма далекое от той необходимой связи, которую мы имеем в виду, когда говорим о природе.

1) С – что никогда и ничего не случается такого, чему не предшествует нечто другое, за чем оно следует всегда
З – что всему происходящему предшествует что-то, за чем оно всегда следует
(daß niemals etwas geschieht, vor welchem nicht etwas vorhergehe, darauf es jederzeit folge)
2) С – к ним относиться
(darunter gehören)
3) С – ко всему
(zu dem ganzen)
4) С – Но от него... неотделимо количественное тождество. И оно известно a priori, ибо...
З – Но от этого самосознания... неотделимо численное тождество, которое a priori достоверно. Действительно, без...
(Von diesem aber... ist die numerische Identität unzertrennlich und a priori gewiß, weil)
5) С, З – одинаковым (одним и тем же) способом
(auf einerlei Art)

1) С – Может казаться очень странным и нелепым, что...
(Daß ... lautet wohl sehr widersinnisch und befremdlich)
2) С, З – множество
(Menge)
3) С – чтобы видеть ее [природу]
З – что природу усматривают
(sie... zu sehen)

Дедукции чистых понятий рассудка A 115

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

Об отношении рассудка к предметам вообще и о возможности познавать их a priori

Теперь мы изложим в объединенной и связной форме все то, что в предыдущем отделе было высказано отрывочно и разрозненно. Есть три субъективных источника знания, на которых основывается возможность опыта вообще и знание предметов его: чувство, способность воображения и апперцеп-

ция. Каждый из них может быть рассматриваем как эмпирический, именно в применении к данным явлениям, но все они суть также априорные элементы, или основы, создающие возможность самого этого эмпирического применения. Чувство представляет явления эмпирически в восприятии, способность воображения – в ассоциации (и воспроизведении), апперцепция – в воспризнании, т.е. в эмпирическом сознании тождества этих воспроизведенных представлений с явлениями, /благодаря которым они даны[1].

Но a priori в основе всех восприятий лежит чистое наглядное представление (/в отношении их как представлений[2] форма внутреннего наглядного представления, время), в основе ассоциации – **A 116** чистый синтез способности воображения, и в основе эмпирического сознания – чистая апперцепция, т.е. /постоянное тождество Я[1] при всех возможных представлениях.

Если мы хотим теперь проследить внутреннее основание этой связи представлений вплоть до того пункта, в котором все они должны стекаться, чтобы в нем впервые приобрести единство знания для возможности опыта, то мы должны начать с чистой апперцепции. Все наглядные представления суть для нас ничто и /вовсе не касаются нас[2], если они не могут быть восприняты в сознание, все равно, влияют ли они на него прямо или косвенно; иным путем познание невозможно. Мы a priori сознаем свое постоянное тождество в отношении всех представлений, которые когда-либо могут принадлежать к нашему знанию, мы сознаем это свое тождество как необходимое условие возможности всех представлений (так как они во мне представляют что-либо лишь вследствие того, что принадлежат вместе со всем остальным к единому сознанию, следовательно, по крайней мере /могут быть соединены в нем друг с другом[3]). Этот принцип прочно установлен a priori и может быть назван трансцендентальным принципом единства всего многообразия наших представлений (следовательно, также и /наглядных представлений[4]). Но единство многообразия в едином субъекте имеет синтетический характер; следовательно, чистая апперцепция дает принцип синтетического единства многообразия во всех возможных наглядных **A 117** представлениях*.

A 118 Но это синтетическое единство предполагает собой синтез или заключает его в себе, и если это единство должно быть a priori необходимым, то и этот синтез также должен быть априор-

1) С – в которых они были даны
(dadurch sie gegeben waren)
2) С, В – а в основе последнего как представления
(in Ansehung ihrer als Vorstellung)

1) З – полное тождество самого себя
(durchgängige Identität seiner selbst)

2) С – не имели бы для нас ни малейшего значения
(gehen uns nicht im mindesten etwas an)

3) С – в нем должны быть соединены
(darin wenigstens müssen verknüpft werden können)
4) С, З – в созерцании
(in der Anschauung)

---

* На это положение следует обратить внимание, так как оно имеет огромное значение (Wichtigkeit). Все представления имеют необходимое отношение к возможному эмпирическому сознанию; если бы они не имели этого [отношения] и /если бы сознание его было совершенно невозможно[1], то это было бы равносильно тому, что они вовсе не существовали бы. Но всякое эмпирическое сознание имеет необходимое отношение к трансцендентальному (предшествующему всякому частному опыту) сознанию, именно к сознанию меня самого как первоначальной апперцепции. Поэтому безусловно необходимо, чтобы в моем познании всякое сознание принадлежало к единому (zu einem) сознанию (меня самого). Здесь имеется синтетическое единство многообразия (сознания), которое познается a priori и дает основание априорным синтетическим положениям, относящимся к чистому мышлению, точно таким же образом как пространство и время дают основание положениям, касающимся формы чистого наглядного представления. Синтетическое положение, согласно которому всякое различное эмпирическое сознание должно быть связано в одном едином самосознании, есть безусловно первое /синтетическое[2] основоположение нашего мышления вообще. Но не следует упускать из виду, что простое представление Я в отношении ко всем остальным [представлениям] (коллективное единство которых оно делает возможным) есть трансцендентальное сознание. Это представление может быть ясным (эмпирическое сознание) или темным, /дело не в этом и даже не в действительности его[3], а в том, что возможность логической формы всякого знания необходимо основывается на отношении к этой апперцепции как способности.

1) С – то сознание их [представлений] было бы совершенно невозможным
(so wäre es ganz unmöglich, sich ihrer bewußt zu werden)

2) С, З – и синтетическое
(und synthetische)
3) С – Это безразлично и не имеет значения для его действительности
(daran liegt hier nichts, ja nicht einmal an der Wirklichkeit desselben)

ным. Следовательно, трансцендентальное единство апперцепции относится к чистому синтезу способности воображения как к априорному условию возможности всякого сочетания многообразия в одном знании. Но a priori может происходить только продуктивный синтез способности воображения, так как репродуктивный синтез опирается на условия опыта. Следовательно, принцип необходимого единства чистого (продуктивного) синтеза способности воображения /до апперцепции[1] составляет основание возможности всякого знания, в особенности опыта.

1) B – под руководством самосознания (vor der Apperzeption) (prior to apperception)

Синтез многообразия в воображении мы называем трансцендентальным, если он направлен без различия наглядных представлений исключительно на связь многообразия a priori, и единство этого синтеза называется трансцендентальным, если оно представляется в отношении к первоначальному единству апперцепции как a priori необходимое. Так как в основе возможности всякого знания лежит это единство апперцепции, то трансцендентальное единство синтеза способности воображения есть чистая форма всякого возможного знания и через нее, следовательно, должны быть представляемы a priori все предметы возможного опыта.

A 119 Единство апперцепции в отношении к синтезу способности воображения есть рассудок; то же самое единство, поскольку оно относится к трансцендентальному синтезу способности воображения, есть чистый рассудок. Следовательно, в рассудке содержатся чистые априорные знания, заключающие в себе необходимое единство чистого синтеза способности воображения в отношении ко всем возможным явлениям. Таковы категории, т.е. чистые понятия рассудка; следовательно, эмпирическая познавательная способность человека необходимо содержит в себе рассудок, который относится ко всем предметам чувств, правда, только при посредстве наглядных представлений и синтеза их с помощью воображения, и, следовательно, все явления подчинены этому рассудку как данные возможного опыта. Так как это отношение явлений к возможному опыту имеет также необходимый характер (/потому что в противном случае (ohne diese) мы через них не получали бы никакого знания и, следовательно, они вовсе не касались бы нас[1]), то отсюда следует, что чистый рассудок через посредство категорий есть формальный и синтетический принцип всякого опыта и явления имеют необходимое отношение к рассудку.

Теперь мы обнаружим необходимую связь рассудка с явлениями посредством категорий, начав снизу, именно с эмпирической [стороны явлений]. Первое, что нам дано, есть A 120 явление, называемое восприятием, если оно связано с сознанием (без отношения к сознанию, по крайней мере возможному, явление никогда не могло бы сделаться для нас предметом знания и, следовательно, было бы для нас ничем, а так как явление само по себе не имеет объективной реальности и существует только в знании, то [в таком случае] оно /вообще вовсе не существовало бы[1]). Но так как всякое явление содержит в себе многообразие, следовательно, различные восприятия встречаются в душе /рассеянно и отдельно друг от друга[2], то необходимо соединение их, которого они не могут иметь в самом чувстве. Следовательно, в нас есть деятельная способность синтеза этого многообразия, которую мы называем воображением; ее деятельность, прилагаемую непосредственно к восприятиям, я называю аппрегензией*. [Эта] способность воображе-

1) C, 3 – вообще было бы ничем (überall nichts sein)

2) 3 – рассеянно и разрозненно (an sich zerstreut und einzeln)

* Что воображение есть необходимая составная часть самого восприятия, об этом, конечно, не думал еще ни один психолог. Это происходит отчасти вследствие того, что эту способность ограничивают только [деятельностью] воспроизведения, а отчасти вследствие того, что предполагают, будто чувства не только дают нам впечатления, но даже и соединяют их и производят образы предметов, между тем как для этого, без сомнения, кроме восприимчивости к впечатлениям, требуется еще нечто, именно функция синтеза впечатлений.

ния должна (soll nähmlich) сводить многообразие наглядного представления в один о б р а з; следовательно, сперва она должна /воспринять[3] впечатление в сферу своей деятельности, т.е. аппрегендировать его.

A 121 Однако ясно, что даже эта аппрегензия многообразного сама по себе еще не создала бы никакого образа и никакой связи впечатлений, если бы не было субъективного основания, благодаря которому душа, переходя от одного восприятия к другому, вызывает вновь предыдущее восприятие в связи с последующим, и таким образом создает целые ряды представлений, т.е. если бы не было воспроизводящей способности воображения, которая, конечно, имеет лишь эмпирический характер.

Однако если бы представления воспроизводили друг друга без различия, так как они /случайно встречаются[1] [друг с другом], то опять-таки при этом не возникло бы никакой определенной связи между ними, они образовали бы лишь беспорядочную груду и никакого знания не было бы; следовательно, воспроизведение представлений должно подчиняться правилу, согласно которому представление вступает в связь в воображении скорее с одним, чем с другим [представлением]. Это субъективное и э м п и р и ч е с к о е основание воспроизведения согласно правилам называется а с с о ц и а ц и е й представлений.

Но если бы это единство ассоциации не имело также объективного основания, вследствие которого невозможно, чтобы явления аппрегендировались воображением иначе как под условием возможности синтетического единства этой аппрегензии, /то опять-таки приноровление явлений к связи человеческих знаний[2] было бы лишь [результатом] случайности. Действительно, хотя мы имели бы при этом способность ассоциировать восприятия, тем не менее оставалось бы совершенно неопределенным и A 122 случайным, /соединимы ли они путем ассоциации[1], и, в случае, если бы они не были соединимы, было бы возможно множество восприятий и даже /целая чувственность[2], в которой содержалось бы значительное количество эмпирического сознания /моей души[3], но в разрозненном виде и /без отношения к е д и н о м у сознанию моего Я[4]. Однако это невозможно, так как только вследствие того, что я отношу (zähle) все восприятия к единому сознанию (первоначальной апперцепции), я могу /по поводу всякого восприятия[5] сказать, что я сознаю его. Следовательно, должно существовать объективное, т.е. усматриваемое a priori раньше всех эмпирических законов воображения основание, на которое опирается возможность и даже необходимость закона, простирающегося на все явления и заставляющего рассматривать их все без исключения как такие данные чувств, которые сами по себе соединимы и подчинены всеобщим правилам непрерывной связи в воспроизведении. Это объективное основание всякой ассоциации явлений я называю с р о д с т в о м явлений. Найти это [основание] можно не иначе как в основоположении единства апперцепции в отношении всех знаний, которые должны принадлежать мне. Согласно этому [основоположению], все явления без исключения должны так вступать в душу или аппрегендироваться ею, /чтобы согласоваться с единством апперцепции[6], а это было бы невозможно без синтетического единства в их сочетании, которое, следовательно, имеет также объективно необходимый характер.

A 123 Итак, объективное единство всего (alles) (эмпирического) сознания в едином сознании (первоначальной апперцепции) есть необходимое условие даже всякого возможного восприятия, и сродство всех явлений (близкое или отдаленное) есть необходимое следствие синтеза способности воображения, основанного a priori на правилах.

Следовательно, способность воображения есть также способ-

3) – включить впечатления
(die Eindrücke... aufnehmen)

1) С – случайно соединились
(zusammen geraten)

2) С – то, что вводило бы явления в связь человеческого познания
З – то пригодность явлений для связи между человеческими знаниями
(daβ sich Erscheinungen in einen Zusammenhang der menschlichen Erkenntnisse schickten)

1) С – действительно ли они доступны ассоциации
(ob sia auch assoziabel wären)

2) С – целая область чувственности
З – совокупная чувственность
(eine ganze Sinnlichkeit)

3) С, З – в моей душе
(in meinem Gemüt)

4) С – вне отношения к моему самосознанию
З – без отношения к одному сознанию меня самого
(ohne daβ es zu einem Bewuβtsein meiner selbst gehörte)

5) С – о всех восприятиях
(bei allen Wahrnehmungen)

6) С – чтобы они согласовались вместе для единства апперцепции
(daβ sie zur Einheit der Apperzeption zusammenstimmen)

ность априорного синтеза, и потому мы называем ее продуктивной способностью воображения. Поскольку она в отношении всего многообразия /явлений[1] имеет целью не что иное, как необходимое единство /их синтеза[1], это [единство] может быть названо трансцендентальной функцией способности воображения. Итак, из предыдущего понятно, хотя это и кажется странным, что только посредством этой трансцендентальной функции воображения становится возможным даже сродство явлений, а вместе с ним ассоциация [их] и, наконец, при ее помощи воспроизведение [их] согласно законам, следовательно, и сам опыт: без этой трансцендентальной функции никакие понятия о предметах не сочетались бы в единый опыт.

В самом деле, устойчивое и постоянное Я (чистой апперцепции) составляет коррелят всех наших представлений, /поскольку мы можем сознавать их[2], и всякое сознание входит во всеохватывающую чистую апперцепцию точно так же, /как всякое чувственное наглядное представление A 124 входит в чистое внутреннее наглядное представление, именно представление времени[1]. Эта апперцепция должна присоединяться к чистой способности воображения, чтобы придавать ее функции интеллектуальный характер, так как сам по себе синтез способности воображения, хотя он и производится a priori, тем не менее всегда имеет чувственный характер, потому что объединяет многообразие лишь так, как оно *является* в наглядном представлении, напр. образ треугольника. Благодаря же отношению многообразия к единству апперцепции возникают понятия, которые принадлежат рассудку, но могут осуществиться (zu Stande kommen) только при посредстве способности воображения в связи с чувственным наглядным представлением.

Итак, у нас есть чистая способность воображения /как основная способность[2] человеческой души, лежащая в основании всех априорных знаний. При помощи ее мы приводим в связь многообразие наглядного представления, с одной стороны, с условием необходимого единства чистой апперцепции, с другой стороны. Эти крайние звенья, именно чувственность и рассудок, необходимо должны соединяться друг с другом при помощи этой трансцендентальной функции способности воображения, так как в противном случае чувственность, правда, производила бы явления, но вовсе не [давала бы] предметов эмпирического знания, следовательно, не давала бы никакого опыта (27). Действительный опыт, состоящий из аппрегензии, ассоциации (воспроизведения) и, наконец, вописпризнания явлений, содержит в A 125 последнем и высшем (из [этих] чисто эмпирических элементов опыта) понятия, которые делают возможным формальное единство опыта и вместе с ним все объективное значение (истинность) эмпирического знания. Эти основания воспризнания многообразного, поскольку они касаются *только формы опыта вообще*, суть перечисленные выше *категории*. На них, следовательно, основывается все формальное единство в синтезе способности воображения и /посредством его[1] – также единство всего эмпирического применения воображения (в воспризнании, воспроизведении, ассоциации, аппрегензии) вплоть до явлений, так как явления могут принадлежать нашему сознанию (und überhaupt unserem Bewuβtsein), т.е. /нам[2], только при посредстве этих элементов знания [вообще].

/Следовательно, порядок и закономерность вносятся нами самими в явления, называемые нами *природой*[3], и не могли бы быть найдены в явлениях, если бы не были вложены [в них] первоначально нами (wir) [самими] или природой нашей души. В самом деле, это единство природы должно быть необходимым, т.е. a priori достоверным единством связи явлений. Но каким же образом мы могли бы a priori осуществить синтетическое единство, если бы

1) С – явления... в его синтезе (der Erscheinung... in der Synthesis derselben... hat)

2) С – поскольку только их возможно сознавать (sofern es bloβ möglich ist, sich ihrer bewuβt zu werden)

1) З – как всякое чувственное созерцание в качестве представления принадлежит к чистому внутреннему созерцанию, а именно времени (wie alle sinnliche Anschauung als Vorstellung [gehört] zu einer reinen inneren Anschauung, nämlich der Zeit)

2) З – как одна из основных способностей (als ein Grundvermögen)

1) С, В – через это единство
З – посредством этого синтеза (vermittelst dieser)
2) З – нам самим (uns selbst)
3) С – Следовательно, порядок и правильность в явлениях, которые [порядок и правильность] мы называем природой, внесены туда [в явления] именно нами (Die Ordnung und Regelmäβigkeit also an den Erscheinungen, die wir Natur nennen, bringen wir selbst hinein)

в первоначальных источниках познания в нашей душе не содержались a priori субъективные основания такого единства и если бы эти субъективные основания не имели в то же время объективного значения, так как они суть условия возможности вообще A 126 познавать объект в опыте?

Выше мы различными способами определяли рассудок, [называя его] самодеятельностью знания (в противоположность восприимчивости чувственности), способностью мышления, а также /способностью [образовать] понятия или суждения[1], и все эти определения, если присмотреться к ним ближе, /оказываются имеющими один и тот же смысл[2]. Теперь мы можем характеризовать рассудок как **способность правил** (Vermögen der Regeln). Этот признак более плодотворен и ближе подходит к сущности рассудка. Чувственность дает нам формы (наглядного представления), а рассудок – правила. Рассудок всегда занят тем, что расследует (durchzuspähen) явления с целью найти /в них[3] какое-нибудь правило. Правила, поскольку они объективны (28) (т.е. необходимо /входят в знание[4] о предмете), называются законами. Хотя мы узнаем многие законы посредством опыта, тем не менее они суть лишь частные определения более высоких законов, из которых самые высшие (подчиняющие себе все остальные) происходят a priori из самого рассудка и не заимствованы из опыта, а скорее сами должны придавать явлениям их законосообразность и таким образом делать возможным опыт. Следовательно, рассудок есть не только способность образовать правила для себя путем сравнения явлений: он сам есть /законодатель[5] для природы, иными словами, без рассудка не было бы никакой природы, т.е. не было бы синтетического единства многообразия явлений согласно правилам, A 127 так как явления как таковые не могут находиться вне нас и существуют только в нашей чувственности. Но наша чувственность как предмет знания в опыте вместе со всем, что она может содержать в себе, возможна только в единстве апперцепции, которое в свою очередь составляет трансцендентальное основание необходимой законосообразности всех явлений в опыте. Это же самое единство апперцепции есть в отношении к многообразию представлений (именно чтобы определять его, исходя из одного представления) правило, и способность, дающая эти правила, есть рассудок. Итак, все явления как возможный опыт (Erfahrungen) содержатся a priori в рассудке и от него получают свою формальную возможность, а как простые наглядные представления, они точно таким же образом содержатся в чувственности и со стороны своей формы возможны только благодаря ей.

1) С – как способность понимать и как способность суждений (ein Vermögen der Begriffe, oder auch der Urteile)

2) С, З, В – сводятся к одному (auf eins hinauslaufen)

3) С – для них (an ihnen)

4) С – присущи познанию
З – причастны к знанию (der Erkenntnis... anhängen)

5) З – законодательство (die Gesetzgebung)

Итак, хотя мысль, что сам рассудок есть источник законов природы и, следовательно, формального единства ее, кажется нелепой и преувеличенной, тем не менее она совершенно верна и вполне соответствует [исследуемому нами] предмету, именно опыту. Правда, эмпирические законы как таковые не могут /выводить свое происхождение[1] из чистого рассудка точно так же, как безмерное многообразие явлений не может быть в достаточной степени понятно из чистой формы чувственного наглядного представления. Но тем не менее все эмпирические законы суть лишь частные определения чистых законов рассудка: A 128 они /могут существовать[1], и явления могут принять законосообразные формы, только подчиняясь законам рассудка и сообразуясь с ними как нормой; точно таким же образом все явления, несмотря на различия в их эмпирических формах, тем не менее всегда должны сообразоваться с условиями чистой формы чувственности.

1) С – вести свое начало (ihren Ursprung... herleiten)

1) С, З – возможны (möglich sind)

Итак, чистый рассудок посредством своих категорий служит законом синтетического единства всех явлений; таким путем он впервые и первоначально делает возможным опыт со стороны его формы. В трансцендентальной дедукции категорий мы не могли достигнуть ничего больше как сделать понятным это отношение рассудка к чувственности и через ее посредство – ко всем предметам опыта, т.е. сделать понятным объективное значение чистых априорных понятий рассудка и таким образом установить их происхождение и истинность.

Общее представление правильности и единственной возможности этой дедукции чистых понятий рассудка

Если бы предметы, с которыми наше познание имеет дело, были вещами в себе, то мы не могли бы иметь о них никаких априорных понятий. В самом деле, откуда мы могли бы взять эти понятия? Если бы мы получили понятия от объекта (не поднимая уже A 129 более вопроса, как этот объект мог бы стать нам известным), то наши понятия были бы только эмпирическими, а вовсе не априорными. Если бы мы получили эти понятия из самих себя, в таком случае то, что находится только в нас, не могло бы определять свойств предмета, отличного от наших представлений, т.е. не могло бы быть основанием, в силу которого должна была бы существовать вещь, обладающая тем, что мы имеем в мыслях, и в силу которого наши представления не могли бы быть пустыми. Наоборот, если мы имеем дело всегда (überall) лишь с явлениями, то не только возможно, но и необходимо, чтобы эмпирическому знанию предметов предшествовали известные априорные понятия. В самом деле, как явления они составляют предмет, находящийся только в нас, так как простая модификация нашей чувственности не (gar nicht) может находиться вне нас. В самом представлении, что все явления и, следовательно, все предметы, которыми мы можем заниматься, во всей своей совокупности находятся во мне, т.е. суть определения моего тождественного Я, уже /заключается признание необходимости непрерывного единства[1] их в одной и той же апперцепции. Но это единство возможного сознания составляет также форму всех знаний о предметах ([форму], посредством которой многообразие мыслится как принадлежащее к одному объекту). Следовательно, способ, каким многообразие чувственного представления (наглядного представления) входит в состав (gehört zu) единого сознания, предшествует всякому знанию о предмете как интеллектуальная форма его и даже представляет (macht... aus) A 130 собой формальное априорное знание о всех предметах вообще, поскольку они мыслятся (категории). Синтез их посредством чистой способности воображения, единство всех представлений в отношении к первоначальной апперцепции предшествуют всякому эмпирическому знанию. Следовательно, чистые понятия рассудка возможны a priori и даже в отношении к опыту необходимы только потому, что наше знание имеет дело лишь с явлениями, возможность которых заключается [только] в нас самих, связь и единство которых (в представлении предмета) существуют только в нас, следовательно, должны предшествовать всякому опыту и впервые делать его возможным со стороны формы. На этом /единственно возможном[1] основании и была построена наша дедукция категорий.

1) З – выражает необходимость всестороннего единства (drückt... eine durchgängige Einheit... aus)

1) С – единственно возможной среди всех
В – между всеми другими (einzigmöglichen unter allen)

[Продолжение текста со с. 133]

нашей способности представления, будучи, однако, лишь способом того, как подвергается воздействию (affiziert wird) субъект. Но соединение (conjunctio) многообразия вообще никогда не может /быть воспринято нами[1] через чувства и, следовательно, не может также заключаться в чистой форме **130** чувственного наглядного представления; ведь оно есть акт самодеятельности силы представления, а так как эту силу в отличие от чувственности надо называть рассудком, то всякое соединение – будем ли мы его сознавать или нет, будет ли это соединение многообразия в наглядном представлении или в каких-либо понятиях, и в первом случае, будет ли наглядное представление чувственным или /чистым[1], – есть акт рассудка, который мы обозначаем общим названием синтеза, чтобы этим вместе с тем отметить, что мы не можем представить себе ничего соединенным в объекте, чего прежде не соединили сами; среди всех представлений соединение есть единственное, которое не дается объектом, а может быть произведено (verrichtet) только самим субъектом, ибо оно есть акт его самодеятельности. Нетрудно заметить, что этот акт должен быть первоначально единым, что он должен иметь одинаковое значение для всякого соединения и что разложение, или анализ, по-видимому, противоположный ему, всегда тем не менее предполагает его; в самом деле, где рассудок ничего раньше не соединил, там ему нечего также и разлагать, так как только благодаря рассудку /что бы то ни было дается[2] способности представления как соединенное.

1) С – произойти в нас (in uns kommen)

1) С, З – нечувственным (nicht sinnlichen)

2) З – нечто дается (es.... hat gegeben werden können)

Но понятие соединения заключает в себе, кроме понятия многообразия и синтеза его, еще понятие единства многообразия. Соединение есть представление синтетического единства многообразия*. **131** Следовательно, представление этого единства не может возникнуть из соединения, скорее, наоборот, оно делает впервые возможным понятие соединения вследствие того, что присоединяется к представлению многообразия. Это единство, a priori предшествующее всем понятиям соединения, не есть упомянутая выше категория единства (§ 10), так как все категории основываются на логических функциях в суждениях, а в них уже мыслится соединение, т.е. единство

---

* Тождественны ли сами представления и может ли поэтому одно представление быть мыслимо аналитически посредством другого, это не подлежит здесь рассмотрению. Поскольку речь идет о многообразии, сознание об одном представлении во всяком случае (doch immer) следует отличать от сознания о другом, и здесь говорится только о синтезе этого (возможного) сознания.

данных понятий. Следовательно, категорией уже предполагается соединение. Поэтому мы должны искать этого единства (как качественного, § 12) еще выше, именно в том, в чем содержится самое основание единства различных понятий в суждениях, т.е. основание возможности рассудка даже в его логическом применении.

§ 16. О первоначально-синтетическом единстве апперцепции

Должна [существовать] *возможность* того, чтобы «Я *мыслю*» сопровождало все мои представления; **132** в противном случае во мне представлялось бы нечто такое, что вовсе не может быть мыслимым, иными словами, нечто такое, что как представление или невозможно, или, по крайней мере для меня, /вовсе не существует[1]. Представление, которое может быть дано до всякого мышления, называется *наглядным представлением*. Все многообразие наглядного представления имеет, следовательно, необходимое отношение к [представлению] «Я *мыслю*» того самого субъекта, в котором это многообразие находится. Но это представление есть акт *самодеятельности*, т.е. оно не может рассматриваться как принадлежащее чувственности. Я называю его *чистой апперцепцией*, чтобы отличить его от эмпирической [апперцепции]; оно есть самосознание, производящее представление «Я *мыслю*», которое должно иметь возможность сопровождать все остальные представления и быть /тождественным[2] во всяком сознании; следовательно, это самосознание не может сопровождаться /никаким дальнейшим[3] представлением «Я мыслю», и потому я называю его также *первоначальной апперцепцией*. Единство его я называю также *трансцендентальным* единством самосознания, чтобы обозначить возможность априорного познания /благодаря ему[4]. В самом деле, многообразные представления, данные в известном наглядном представлении, не были бы все вместе моими представлениями, если бы они не принадлежали все вместе к одному самосознанию; иными словами, как мои представления (хотя бы я их и не сознавал таковыми), они необходимо должны сообразоваться с условием, при котором единственно они *могут* сосуществовать (zusammenstehen) в одном общем самосознании, так как в противном случае они /не все[5] **133** принадлежали бы мне. Из этого первоначального соединения можно сделать много выводов.

1) З – не существовало бы (würde... nichts sein)

2) С, З – быть одним и тем же (ein und dasselbe ist)

3) С, З – никаким другим (иным) (von keiner weiter)

4) С – из него
З – на основе этого единства (aus ihr)

5) С – не сплошь (nicht durchgängig)

/Во-первых, это всеобщее[1)] тождество апперцепции данного в наглядном представлении многообразия заключает [в себе] синтез представлений и возможно только посредством сознания этого синтеза. В самом деле, эмпирическое сознание, сопровождающее различные представления, /разрозненно и само по себе не имеет отношения[2)] к тождеству субъекта. Следовательно, это отношение еще не возникает вследствие того, что я сопровождаю всякое представление сознанием, но достигается тем, что я присоединяю одно [представление] к другому и сознаю синтез их. Итак, лишь вследствие того, что я могу соединить многообразие данных представлений в одном сознании, возможно, чтобы я представлял себе тождество сознания в самих этих представлениях; иными словами, аналитическое единство апперцепции возможно только при предположении какого-либо синтетического [единства апперцепции]*. 134 Таким образом, мысль, что все представления, /входящие в состав наглядного представления[1)], во всей своей совокупности принадлежат мне, означает, что я соединяю их в одном самосознании или по крайней мере могу соединить их в нем, и хотя сама эта мысль еще не есть сознание синтеза представлений, тем не менее она предполагает возможность его; иными словами, только вследствие того, что я могу /схватить[2)] многообразие представлений в одном сознании, я называю все их моими представлениями; в противном случае я имел бы /столь же пестрое разнообразное Я[3)], сколько у меня есть сознаваемых мной представлений. Итак, синтетическое единство многообразия наглядных представлений как данное a priori есть основание тождества в самой апперцепции, /которая[4)] a priori

* 133 Аналитическое единство сознания присуще всем общим понятиям как таковым; напр., если я мыслю красное вообще, то я представляю себе при этом свойство, которое (как признак) может быть найдено /в каких-либо [вещах][3)] или может быть соединено с другими представлениями, следовательно, я могу себе представить аналитическое единство только при посредстве мыслимого раньше возможного синтетического единства. /Представление, которое должно быть мыслимо как общее различным [другим представлениям], рассматривается как принадлежащее таким представлениям, которые кроме него заключают в себе еще различные [элементы][4)]; следовательно, оно должно мыслиться в синтетическом единстве с другими 134 (хотя бы только возможными представлениями) раньше, чем я мог в нем мыслить аналитическое единство сознания, делающее его общим понятием (conceptus communis). Таким образом, синтетическое единство апперцепции есть высший пункт, с которым следует связывать все применение рассудка, даже всю логику и вслед за ней трансцендентальную философию; мало того, эта способность и есть сам рассудок.

1) С – Именно, это сплошное (Nämlich diese durchgängige)

2) З – само по себе разрозненно и не имеет отношения (ist an sich zerstreut und ohne Beziehung)

1) С, З – данные в созерцании (in der Anschauung gegebene)

2) З – постичь (begreifen)

3) С – настолько многоцветное и различное Я (ein so vielfärbiges, verschiedenes Selbst)

4) С – которое [тождество] (die)

3) С – где-то
З – в чем-то (irgendworan)

4) С – Представление, которое я должен мыслить как различное вообще, я могу мыслить только как такое, которое относится к другим представлениям, которые имеют в себе тоже нечто различное (Eine Vorstellung, die als verschiedenen gemein gedacht werden soll, wird als zu solchen gehörig angesehen, die außer ihr noch etwas Verschiedenes an sich haben)

предшествует всему м о е м у определенному мышлению. /[Во всяком случае,] не предмет заключает в себе соединение[5], которое могло бы быть заимствовано из него (vor ihnen) путем восприятия и таким образом впервые было бы /получено[6] рассудком, но, наоборот, **135** /сам рассудок производит соединение[1], он есть не что иное, как способность a priori соединять и подводить многообразие данных представлений под единство апперцепции. Этот принцип есть высшее основоположение во всем человеческом знании.

Это основоположение необходимого единства апперцепции само, правда, имеет характер тождественного, т.е. аналитического суждения, но тем не менее оно объясняет необходимость синтеза данного в наглядном представлении многообразия, так как без этого [синтеза] не может быть мыслимо /постоянное тождество[2] самосознания. В самом деле, Я как простое представление еще не дает никакого многообразия; многообразие может быть дано только в отличном от Я наглядном представлении и может быть мыслимо через с о е д и н е н и е в одном сознании. Рассудок, в котором посредством самосознания было бы уже вместе с тем дано и все многообразие, был бы н а г л я д н о п р е д с т а в л я ю щ и м (anschauen) [рассудком]; между тем наш рассудок может только м ы с л и т ь, а наглядные представления он должен получать (suchen) из чувств. Итак, я сознаю свое тождественное Я в отношении /многообразия, данного мне в наглядном представлении[3], потому что /все его элементы[4] я называю с в о и м и представлениями, и [все они] составляют о д н о [представление]. Но это значит, что я a priori сознаю необходимый синтез их, называемый первоначальным синтетическим единством апперцепции, которой **136** подчинены все данные мне представления, причем именно синтез должен подчинять их ей.

5) С – соединение лежит не в предметах
(Verbindung liegt aber nicht in den Gegenständen)
6) С – усвоено
З – усмотрена [связь]
(aufgenommen werden)

1) З – сама связь есть функция рассудка
(Verbindung... ist allein eine Verrichtung des Verstandes)

2) С, З – сплошное (полное) тождество
(dürchgängige Identität)

3) З – многообразного [содержания] представлений, данных мне в созерцаниях
(des Mannigfaltigen der mir in einer Anschauung gegebenen Vorstellungen)

4) С – все эти представления
З – их все
(sie insgesammt)

§ 17. Основоположение синтетического единства апперцепции есть высший принцип всего применения рассудка

Высшее основоположение возможности всякого наглядного представления, что касается (in Beziehung auf) чувственности, состоит, согласно трансцендентальной эстетике, в том, что все многообразие наглядных представлений подчинено формальным условиям пространства и времени. В отно-

1) З – о возможности созерцания (eben derselben [der Möglichkeit aller Anschauung])

5) З – Все многообразные представления созерцания подчинены (Unter... stehen alle mannigfaltigen Vorstellungen der Anschauungen)

шении же к рассудку высшее основоположение /наглядных представлений[1] состоит в том, что все многообразие в них подчинено условиям первоначально-синтетического единства апперцепции*. /Все многообразие наглядных представлений подчинено[5] первому из этих основоположений, поскольку они нам *даны*, и второму, поскольку они должны **137** иметь возможность быть *связанными* в одном сознании, так как без этой связи через них ничто не может быть мыслимо или познано, потому что в таком случае данные представления не имели бы общего акта апперцепции «Я *мыслю*» и не связывались бы им в одном самосознании.

Рассудок есть, вообще говоря, способность *знаний* (der Erkenntnisse). Знания состоят в определенном отношении данных представлений к объекту. *Объект* есть то, в понятии чего *объединено* многообразие данного наглядного представления. Но всякое объединение представлений требует единства сознания в синтезе их. Следовательно, единство сознания /есть то [непременное условие], которым создается отношение[1] представлений к предмету, т.е. их объективное значение, т.е. превращение их в знание; на этом условии, следовательно, основывается /возможность самого[2] рассудка.

1) С – это то, что одно только и создает отношение
З – есть то, что составляет одно лишь отношение
(dasjenige, was allein die Beziehung... ausmacht)

2) З – сама возможность (selbst die Möglichkeit)

Итак, основоположение первоначального *синтетического* единства апперцепции есть первое чистое познание рассудка, на нем основывается все дальнейшее применение рассудка; оно вместе с тем вовсе не зависит ни от каких условий чувственного наглядного представления. Так, пространство, чистая форма внешнего чувственного наглядного представления, вовсе еще не есть знание; оно доставляет только многообразие наглядного представления a priori для возможного знания. Для того же чтобы познать что-либо в **138** пространстве, напр. линию, я должен *провести* ее, т.е. синтетически осуществить определенное соединение данного многообразия, так что единство этого акта есть вместе с тем единство сознания (в понятии линии), и таким образом впервые

---

* Пространство, время и все части их /суть *наглядные*, следовательно, *единичные* представления[2], содержащие в себе многообразие (см. трансцендентальную эстетику): следовательно, они суть не простые понятия, /которые заключают в себе одно и то же сознание как содержащееся во многих представлениях[3]; наоборот, /они состоят из многих представлений, соединенных в одном сознании[4], следовательно, они сложны, и единство сознания присутствует в них как *синтетическое*, но в то же время первоначальное. Этот [характер] *единичности* их очень важен в применении (см. § 25).

2) С, З – созерцания, следовательно, отдельные (единичные) представления (Anschauungen, mithin einzelne Vorstellungen)
3) С, З – благодаря которым одно и то же сознание содержится во многих представлениях (durch die eben dasselbe Bewußtsein als in vielen Vorstellungen... enthalten)
4) З – благодаря им многие представления содержатся в одном и том же сознании (viel Vorstellungen als in einer, und deren Bewußtsein, enthalten)

познается объект (определенное пространство). Синтетическое единство сознания есть, следовательно, объективное условие всякого знания; не только я сам нуждаюсь в нем, чтобы познать объект, но и всякое наглядное представление должно стоять под ним, чтобы сделаться для меня объектом, потому что иным путем и без этого синтеза многообразие не объединилось бы в одном сознании.

Это последнее положение, как сказано, само имеет аналитический характер, хотя оно и делает синтетическое единство условием всякого мышления; в самом деле, в нем речь идет лишь о том, что все мои представления в каком бы то ни было данном наглядном представлении должны стоять под условием, под которым единственно я могу причислять их как мои представления к тождественному Я и потому могу объединять их посредством общего выражения «Я мыслю» как синтетически связанные в одной апперцепции.

Однако это основоположение есть принцип не для всякого вообще возможного рассудка, а только для того рассудка, в котором посредством чистой апперцепции в представлении «Я есть» еще не дано никакого многообразия. Рассудок, посредством самосознания которого было бы дано вместе с тем многообразие наглядного представления, рассудок, благодаря
139 представлениям которого существовали бы вместе с тем объекты этого представления, не нуждался бы в особом акте синтеза многообразия для единства сознания, между тем как человеческий рассудок, который только мыслит, но не представляет наглядно, нуждается в этом акте. Но для человеческого рассудка этот принцип есть до такой степени неизбежное первое основоположение, что он не может даже составить себе ни малейшего понятия о каком-либо другом возможном рассудке, который сам наглядно представлял бы или хотя и /опирался бы на[1] чувственное наглядное представление, но иного рода /чем в пространстве и времени[2].

1) З – обладал бы (besäße)

2) З – чем созерцания, лежащие в основе пространства и времени (als die im Raume und der Zeit zum Grunde liegend)

§ 18. Что такое объективное единство самосознания

Трансцендентальным единством апперцепции называется то единство, посредством которого все данное в наглядном представлении многообразие объединяется в понятие объекта. Поэтому оно называется объективным и должно быть отличаемо от субъективного единства сознания, представляющего собой определение

3) С – как данное сразу или последовательно
Г – как одновременно или последовательно существующее (als zugleich oder nach einander)

1) С, В – касается только явлений (selbst eine Erscheinung betrifft)

2) С – Одно [первоначальное единство]... другое [эмпирическое единство]... (Einer... der andere...) (A⁴ – die andere)

3) З – по поводу ошибочности (über das Fehlerhafte)

1) З – оно годится разве только для... (sie allenfalls nur auf... paßt)

2) З – должны быть относимы (müssen beziehen lassen)

внутреннего чувства, посредством которого упомянутое многообразие наглядного представления эмпирически дается для такого объединения (Verbindung). Могу ли я эмпирически сознавать многообразие /как сосуществующее или последовательное[3], это зависит от обстоятельств или эмпирических условий. **140** Поэтому эмпирическое единство сознания, посредством ассоциации представлений, /само есть явление[1] и имеет чисто случайный характер. Наоборот, чистая форма наглядного представления во времени, просто как наглядное представление вообще, содержащее в себе данное многообразие, подчинена первоначальному единству сознания посредством необходимого отношения многообразия наглядного представления к одному и тому же «Я мыслю»; следовательно, [она подчинена первоначальному единству сознания] посредством чистого синтеза рассудка, a priori лежащего в основе эмпирического синтеза. Только это [первоначальное] единство имеет объективное значение, между тем как эмпирическое единство апперцепции, которое мы здесь не рассматриваем и которое к тому же представляет собой лишь нечто производное из первого единства при данных конкретных условиях имеет лишь субъективное значение. /Один[2] соединяет представление известного (eines gewissen) слова с одною вещью, /а другой[2] с другой; при этом единство сознания в том, что имеет эмпирический характер, не обладает необходимым и всеобщим значением в отношении к тому, что дано.

§ 19. Логическая форма всех суждений состоит в объективном единстве апперцепции содержащихся в них понятий

Я никогда не удовлетворялся объяснением суждения вообще, даваемым теми учеными (Logiker), которые говорят, что суждение есть представление отношения между двумя понятиями. Не вступая здесь в споры /по поводу недостатка[3] этого **141** объяснения (хотя из него вытекают (erwachsen sind) многие тяжелые последствия для логики), состоящего в том, что /оно во всяком случае относится только к[1] категорическим*,

* Обширное учение о четырех фигурах силлогизма относится только к категорическим умозаключениям и, хотя оно есть не более как искусство подставлять в скрытой форме непосредственные умозаключения (consequentiae immediatae) под посылки чистого умозаключения [по первой фигуре] и таким образом создавать иллюзию существования большего количества модусов умозаключения, чем сколько их дано в первой фигуре, тем не менее оно не достигло бы еще вследствие этого большого успеха, если бы авторам его не удалось придать исключительное значение категорическим суждениям как таким суждениям, к которым /должны сводиться[2] все остальные суждения, что, однако, согласно сказанному в § 9, ложно.

но не к гипотетическим и разделительным суждениям (так как они (letzere) содержат в себе не отношение понятий, а отношение суждений), я замечу только, что в этом определении не указано, в чем состоит это отношение.

Исследуя точное отношение между знаниями, данными в каждом суждении, и, отличая их как принадлежащие рассудку от отношения, согласного с законами воспроизводящей способности воображения (и имеющего только субъективное значение), я нахожу, что суждение есть не что иное, как способ приводить данные знания к объективному единству апперцепции. /Словечко есть[3] 142 в суждении, выражающее отношение, имеет целью именно отличить объективное единство данных представлений от субъективного. Им обозначается отношение представлений к первоначальной апперцепции и /необходимое единство их[1]), хотя бы само суждение и было эмпирическим, следовательно, случайным, как, напр., суждение «тела тяжелы». Этим я не хочу сказать, что эти представления необходимо принадлежат друг к другу благодаря необходимому единству апперцепции в синтезе наглядных представлений, т.е. согласно принципам объективного определения всех представлений, поскольку из них может возникнуть знание, а все эти принципы вытекают из основоположения трансцендентального единства апперцепции. Только таким путем из этого отношения возникает суждение, т.е. отношение, имеющее объективное значение и достаточно отличающееся от отношения тех же самых представлений, которое имело бы только субъективное значение, напр., согласно законам ассоциации. Согласно законам ассоциации я мог бы только сказать: если я несу тело, я чувствую давление тяжести, но я не мог бы сказать: оно, тело, есть [нечто] тяжелое, следовательно, утверждать, что эти два представления связаны в объекте, т.е. без различия состояний субъекта, а не сосуществуют только (как бы часто /это[2]) ни повторялось) в восприятии.

3) С – относительное словечко есть
З – связка есть
(das Verhältniswörtchen ist)

1) С – и необходимому единству ее [апперцепции]
З – и ее необходимое единство
(auf die ursprüngliche Apperzeption und die notwendige Einheit derselben)

2) В – оно [восприятие]
(sie)

143 § 20. *Все чувственные наглядные представления подчинены категориям как условиям, при которых единственно их многообразие может соединиться в одно сознание*

Многообразие, данное в чувственном наглядном представлении, необходимо подчинено первоначальному синтетическому единству апперцепции, потому что только посредством его возможно единство наглядного представления (§ 17). Но тот акт рассудка,

посредством которого многообразие данных представлений (все равно, будут ли они наглядными представлениями или понятиями) подводится под апперцепцию вообще, есть логическая функция суждений (§ 19). Следовательно, всякое многообразие, поскольку оно дано в едином эмпирическом наглядном представлении, *определено* в отношении одной из логических функций суждения, посредством которой именно оно и приводится к единому сознанию вообще. *Категории* суть не что иное, как именно эти функции суждения, поскольку многообразие данного наглядного представления определено в отношении к ним (§ 10). Следовательно, также и многообразие всякого данного наглядного представления необходимо подчинено категориям.

144 *§ 21. Примечание*

Многообразие, содержащееся в наглядном представлении, которое я называю моим, представляется, через посредство синтеза рассудка, как принадлежащее к *необходимому* единству самосознания, и это происходит благодаря категории*. /Следовательно, категория показывает[3], что эмпирическое сознание многообразия, данного в едином наглядном представлении, точно так же подчинено чистому самосознанию a priori, как эмпирическое наглядное представление подчинено чистому чувственному наглядному представлению, которое также существует a priori. В вышеприведенном положении дано, следовательно, начало *дедукции* чистых понятий рассудка, в которой ввиду того, что категории возникают исключительно в рассудке *независимо от чувственности*, я должен еще отвлечься от того, каким способом многообразие дается /для[4] наглядного представления, и обращать внимание только на единство, которое /возникает[5] в наглядном представлении при посредстве категории благодаря рассудку. В дальнейшем исследовании (§ 26) на основании того способа, каким эмпирическое наглядное представление дается в чувственности, будет показано, что единство его есть не что иное, как 145 то единство, которое категория предписывает, согласно предыдущему § 20, многообразию данного наглядного представления вообще; таким образом бу-

3) С – Итак, это показывает
(Diese zeigt also an)

4) С, З для эмпирического
(zu einer empirischen)

5) С – входит
З – привносится
(hinzukommt)

---

* Доказательство этого основывается /на *единстве наглядного представления*[1], посредством которого дается предмет и которое всегда заключает в себе синтез многообразия, данного для наглядного представления, и уже содержит в себе отношение /этого многообразия[2] к единству апперцепции.

1) С, З – на представляемом единстве созерцания
(auf der vorgestellten Einheit der Anschauung)
2) С – этого последнего [данного для созерцания]
((dieses letzeren) [Gegebenen])

дет объяснено априорное значение категорий в отношении всех предметов наших чувств и, следовательно, впервые будет вполне достигнута цель дедукции.

Однако от одного обстоятельства я не мог все же отвлечься в вышеприведенном доказательстве, именно от того, что многообразие для наглядного представления должно быть д а н о еще до синтеза рассудка и независимо от него; но как, – это остается здесь неопределенным. В самом деле, если бы я представил себе рассудок, который сам обладал бы способностью наглядно представлять (как, напр., божественный рассудок, который не представлял бы данные [ему] предметы, а наоборот, давал бы или производил бы их посредством своих представлений (sondern durch dessen Vorstellung die Gegenstände selbst zugleich gegeben oder hervorgebracht würden)), то категории в отношении к такому знанию не имели бы никакого значения. Они суть лишь правила для такого рассудка, вся способность которого состоит в мышлении, /т.е. в акте приведения к единству апперцепции синтеза многообразия, которое дано ему в наглядном представлении со стороны[1], так что этот рассудок сам по себе (der also für sich) ничего не п о з н а е т, но только связывает и упорядочивает материал для познания, именно наглядное представление, которое должно быть дано ему посредством объекта. Что же касается [своеобразных] особенностей нашего рассудка, именно того, что он осуществляет a priori единство апперцепции только посредством категорий и только посредством именно таких-то видов **146** и такого-то числа их, для этого [обстоятельства] нельзя указать никаких дальнейших оснований так же, как нельзя обосновать, почему мы имеем именно такие-то, а не иные функции суждения, или почему время и пространство суть единственные формы возможного для нас наглядного представления.

1) С – т.е. в той деятельности, которая синтез разнообразного, данного ему в созерцании извне, возводит к единству апперцепции
З – т.е. в действии, которым синтез многообразного, данного ему в созерцании со стороны, приводит к единству апперцепции
(d.i. in der Handlung, die Synthesis des Mannigfaltigen, welches ihm anderweitig in der Anschauung gegeben worden, zur Einheit der Apperzeption zu bringen)

§ 22./Категории не имеют[1]никакого иного употребления при познании вещей, кроме своего применения к предметам опыта.

1) С, З – категория не имеет… (Die Kategorie hat keinen…)

М ы с л и т ь п р е д м е т и п о з н а в а т ь предмет не есть, следовательно, одно и то же. Для познания необходимо иметь, во-первых, понятие, посредством которого/мыслится предмет вообще[2] (категория) и, во-вторых, наглядное представление, посредством которого предмет дается; в самом деле, если бы наглядное представление, соответствующее понятию, вовсе не могло быть дано, то по-

2) З – вообще мыслится предмет (überhaupt ein Gegenstand gedacht wird)

нятие было бы мыслью по форме, однако без всякого предмета, и посредством его не было бы возможно никакое знание о какой бы то ни было вещи, потому что в таком случае, насколько мне известно, не было бы и не могло бы быть ничего, к чему моя мысль могла бы быть применена. Но всякое возможное для нас наглядное представление имеет чувственный характер (эстетика), следовательно, мышление о предмете вообще посредством чистого понятия рассудка может сделаться у нас знанием только постольку, поскольку понятие относится к предметам чувств. Чувственное наглядное представление есть или чистое наглядное представление **147** (пространство и время), или эмпирическое наглядное представление о том, что посредством ощущения представляется непосредственно как действительное в пространстве и времени. Через определение чисто наглядного представления мы можем получить априорное знание о предметах (в математике) как явлениях, но только со стороны их формы; могут ли существовать вещи, которые должны быть наглядно представляемы в этой форме, остается при этом еще неизвестным. Следовательно, все математические понятия сами по себе не суть знания, за исключением того, поскольку мы предполагаем, что существуют вещи, которые могут представляться нам только сообразно с формой этого чистого чувственного наглядного представления. /Но даются в е щ и в п р о с т р а н с т в е и в р е м е н и только постольку[1)], поскольку они суть восприятия (представления, сопровождающиеся ощущениями), т. е. посредством эмпирических представлений. Следовательно, чистые понятия рассудка, даже если они применены к априорным наглядным представлениям (как в математике), доставляют знание только постольку, поскольку чистые наглядные представления и, значит, посредством них также понятия рассудка могут быть применены к эмпирическим наглядным представлениям. Следовательно, категории с помощью наглядного представления доставляют нам знание о вещах только постольку, поскольку возможно применение их к э м п и р и ч е с к о м у н а г л я д н о м у п р е д с т а в л е н и ю, т. е. служат только для возможности э м п и р и ч е с к о г о з н а н и я, которое называется о п ы т о м. Следовательно, категории не имеют никакого иного применения в познании вещей, кроме лишь того, **148** поскольку вещи рассматриваются как предметы возможного опыта.

1) С – Но вещи в пространстве и времени даются нам только (Dinge im Raum und Zeit werden aber nur gegeben)

§ 23

Установленное выше положение имеет чрезвычайно важное значение: оно определяет границы применения чистых понятий рассудка в отношении к предметам точно так же, как трансцендентальная эстетика определила границы применения чистой формы нашего чувственного наглядного представления. Пространство и время как условия возможности того, как могут быть даны нам предметы, имеют значение исключительно для предметов чувств, следовательно, только [для предметов] опыта. /Вне этих границ[1] они не представляют ничего, так как находятся только в чувствах и не имеют никакой действительности вне их. Чистые понятия рассудка свободны от этого ограничения и простираются на предметы наглядного представления вообще, /все равно, подобны ли они нашим наглядным представлениям или нет, лишь бы только они были чувственными, а не интеллектуальными[2]. Однако /это[3] распространение понятий за пределы н а ш е г о чувственного наглядного представления не приносит нам никакой пользы, так как [в таком случае] они суть пустые понятия об объектах, не дающие нам основания судить даже и о том, возможны ли такие объекты или нет, они суть лишь формы мысли без объективной реальности, так как в нашем распоряжении нет в таком случае никаких наглядных представлений, к которым синтетическое единство апперцепции, составляющее исключительное содержание этих понятий, могло бы быть применено, так что они могли бы **149** определить предмет. Только н а ш и чувственные и эмпирические наглядные представления могут доставить им (kann... verschaffen) смысл и значение.

1) С, З – За этими границами (пределами)
(Über diese Grenzen hinaus)

2) З – безразлично, сходно ли оно [созерцание]нашему созерцанию или нет, лишь бы оно было чувственным, а не интеллектуальным
(sie mag der unsrigen ähnlich sein oder nicht, wenn sie nur sinnlich und nicht intellektuell ist)

3) С – это значительное
(Diese weitere)

Поэтому если мы допускаем объект н е ч у в с т в е н н о г о наглядного представления как данный, то мы можем конечно представлять его посредством всех предикатов, содержащихся уже в предположении о том, что он н е з а к л ю ч а е т в с е б е н и ч е г о (ihm nichts... zukomme) п р и н а д л е ж а щ е г о к ч у в с т в е н н о м у н а г л я д н о м у п р е д с т а в л е н и ю, т. е. что он не протяжен или не находится в пространстве, /что его пребывание не есть пребывание во времени[1], что в нем нет никаких изменений (последовательности определений во времени) и т.п. Однако, если я указываю только, /какими свойствами наглядное представление объекта н е о б л а д а е т, но не могу указать, какие именно свойства принадлежат ему[2], то это не есть настоящее знание, так как в таком случае я даже /не представил себе возможности

1) С – что для его существования нет времени
(daß die Dauer desselben keine Zeit sei)

2)С – чего нет в созерцании объекта, не имея возможности указать, что в нем есть
(wie die Anschauung des Objekts nicht sei, ohne sagen zu können, was in ihr denn enthalten sei)

объекта, соответствующего моему чистому понятию рассудка, потому что не могу дать никакого соответствующего ему наглядного представления[3], но могу только сказать, что наши наглядные представления не имеют значения для него. Но важнее всего здесь то, что к такому нечто не могла бы быть применена также ни одна категория, напр. понятие субстанции, т. е. понятие о чем-то таком, что может существовать только как субъект, /но не как простой предикат[4]; может ли существовать вещь, соответствующая этому определению мысли, об этом я ничего не знаю, если бы эмпирическое наглядное представление не давало мне случаев для применения [этого понятия]. Впрочем, подробнее об этом будет сказано ниже.

3) С – не имею возможности подставить объект к моему рассудочному понятию, так как не могу придать ему никакого созерцания, которое бы ему соответствовало
(habe ich gar nicht die Möglichkeit eines Objekts zu meinem reinen Verstandesbegriff vorgestellt, weil ich keine Anschauung habe geben können, die ihm korrespondierte)

4) З – но не просто как предикат (niemals aber als bloßes Prädikat)

150 § 24. *О применении категорий к предметам чувств вообще*

Чистые понятия рассудка относятся при посредстве одного лишь рассудка к предметам наглядного представления вообще, /независимо от того, сходны ли эти наглядные представления с нашими или нет[1], лишь бы они были чувственными, но именно поэтому чистые понятия рассудка суть лишь *формы мысли*, посредством которых еще не познается никакой определенный предмет. Синтез, или соединение многообразия в них, относится только к единству апперцепции и составляет таким образом основание возможности априорного знания, поскольку оно опирается на рассудок; следовательно, этот синтез имеет не только трансцендентальный, но и чисто интеллектуальный характер. Но так как у нас в основе /a priori лежит известная форма чувственного наглядного представления[2], опирающаяся на восприимчивость представления (чувственности), то рассудок как самодеятельность может определять внутреннее чувство посредством многообразия данных представлений сообразно синтетическому единству апперцепции, и таким образом мыслить a priori синтетическое единство апперцепции многообразия *чувственных наглядных представлений* как условие, которому необходимо должны быть подчинены все предметы нашего (человеческого) наглядного представления; таким образом категории, будучи чистыми формами мысли, приобретают тем не менее объективную реальность, **151** т. е. применение к предметам, которые могут быть даны нам в наглядном представлении, однако только как явления, так как только в отношении к явлениям (von diesen) мы способны иметь a priori наглядное представление.

1) С – все равно, будут ли они нашими или нет
З – при этом неясно, наше ли это созерцание или нет
(unbestimmt ob sie unsrige oder irgendeine andere)

2) С – известная форма чувственного созерцания a priori
(eine gewisse Form der sinnlichen Anschauung a priori)

Этот синтез многообразия чувственного наглядного представления, возможный и необходимый a priori, может быть назван фигурным (synthesis speciosa) в отличие от того синтеза, который мыслился бы в одних лишь категориях в отношении многообразия наглядного представления вообще и может быть назван /рассудочным синтезом[1] (synthesis intellectualis). Обе [эти формы синтеза] имеют трансцендентальный характер не только потому, что они сами происходят (vorgehen) a priori, но и потому, что они обосновывают возможность других априорных знаний.

Однако фигурный синтез, если он относится только к первоначально-синтетическому единству апперцепции, т. е. к тому трансцендентальному единству, которое мыслится в категориях, должен в отличие от чисто интеллектуального соединения называться трансцендентальным синтезом способности воображения. **Воображение** есть способность /наглядно представлять предмет также и без его присутствия[2]. Так как все наши наглядные представления чувственны, то способность воображения вследствие субъективного условия, при котором единственно она может дать понятиям рассудка соответствующее наглядное представление, принадлежит к области чувственности; /однако ее синтез[3] есть проявление самодеятельности, которая сама дает определения, а не только подвергается **152** определению, подобно чувствам (wie der Sinn), именно может a priori определять чувство со стороны его формы сообразно с единством апперцепции; в этом смысле воображение есть способность a priori определять чувственность, и ее синтез наглядных представлений сообразно категориям должен быть трансцендентальным синтезом способности воображения; это есть действие рассудка на чувственность и первое применение его (а также основание всех остальных [применений]) к предметам возможного для нас наглядного представления. Этот синтез как фигурный отличается от интеллектуального синтеза, [производимого] одним лишь рассудком без всякой помощи воображения. Поскольку способность воображения есть самодеятельность, я называю ее иногда также продуктивной способностью воображения и отличаю ее таким образом от репродуктивного [воображения], синтез которого подчинен исключительно эмпирическим законам, именно законам ассоциации, вследствие чего оно нисколько не содействует объяснению возможности априорных знаний и потому подлежит рассмотрению не в трансцендентальной философии, а в психологии.

1) З – рассудочной связью (Verstandesverbindung)

2) С, З – представлять предмет также и без его присутствия в созерцании (einen Gegenstand auch ohne dessen Gegenwart in der Anschauung vorzustellen)

3) С – а так как его [воображения] синтез (sofern aber doch ihre Synthesis)

* * *

Здесь уместно будет разъяснить [один] парадокс, который /должен был обратить на себя внимание[1] при изложении формы внутреннего чувства (§ 6): /внутреннее чувство[2] представляет сознанию даже и нас самих только так, как мы себе являемся, а не как мы существуем сами по себе, /потому что **153** мы представляем себя самих наглядно лишь постольку, поскольку мы внутренне подвергаемся воздействию[1]; это кажется противоречивым, так как, по-видимому, мы должны были бы при этом относиться страдательно к самим себе; поэтому системы психологии склонны отождествлять внутреннее чувство со способностью апперцепции (между тем как мы старательно отличали их друг от друга).

1) С, З – должен поразить каждого (jedermann... auffallen mußte)

2) С – именно тот [парадокс], каким образом это чувство (nämlich wie dieser)

1) С – а так, как мы созерцаем себя, то каким образом во внутреннем чувстве мы можем воздействовать на самих же себя (weil wir nämlich uns nur anschauen, wie wir innerlich affiziert werden)

Внутреннее чувство определяется рассудком и его первоначальной способностью соединять многообразие наглядного представления, т. е. подводить его под апперцепцию (на которой основывается /возможность самого рассудка[2]). /Однако у нас, людей, сам рассудок вовсе не есть[3] способность наглядного представления и, если бы даже наглядные представления были даны в чувственности, рассудок не способен воспринимать их в себя (in sich aufnehmen), чтобы соединить многообразие, /как если бы оно было его собственным наглядным представлением[4]; поэтому синтез рассудка, рассматриваемый сам по себе, есть не что иное, как единство действия, сознаваемое рассудком как таковое, также и без чувственности, но способное [также] определять внутренним образом чувственность в отношении многообразия, которое может быть дано ему сообразно форме ее наглядного представления. Следовательно, рассудок, под именем трансцендентального синтеза способности воображения, производит на пассивный субъект, способностью которого он является, такое воздействие (Handlung), которое по справедливости может быть названо аффицированием **154** внутреннего чувства. Апперцепция и ее синтетическое единство вовсе не тожественны с внутренним чувством: /как источник всякого соединения, [синтетическое единство апперцепции] относится под именем категорий к многообразию наглядных представлений вообще, [т. е.] к объектам вообще[1] до всякого чувственного наглядного представления, между тем как внутреннее чувство содержит в себе чистую форму наглядного представления, хотя и без связи многооб-

2) З – сама возможность рассудка (selbst seine Möglichkeit)

3) С – А так как даже в людях рассудок не есть (Weil nun der Verstand in uns Menschen selbst kein... ist)

4) С – как бы своего собственного созерцания
З – так сказать, связать многообразное [содержание] его собственного созерцания (um gleichsam das Mannigfaltige seiner eigenen Anschauung zu verbinden)

1) С – ибо первая [апперцепция] как источник... имеет в виду разнообразное созерцание вообще под именем категорий, т.е. имеет отношение к объектам вообще (daß jene vielmehr als der Quell... auf das Mannigfaltige der Anschauungen überhaupt, unter dem Namen der Kategorien... auf Objekte überhaupt geht)

разия в ней, т. е. еще не заключая в себе определенного наглядного представления, которое становится возможным только через сознание определения внутреннего чувства при помощи трансцендентального акта способности воображения (синтетическое влияние рассудка на внутреннее чувство), называемого мною фигурным синтезом.

Это мы и наблюдаем всегда в себе. Мы не можем мыслить линии, не проводя ее мысленно, не можем мыслить окружности, не описывая ее, не можем представить трех измерений пространства, /не восстанавливая [2] из одной точки трех перпендикуляров друг к другу, и даже время мы можем представить не иначе, как обращая внимание при проведении прямой линии (которая должна быть внешне фигурным представлением времени) исключительно на акт синтеза многообразия, посредством которого мы последовательно определяем внутреннее чувство, и таким образом имея в виду последовательность этого определения (dieser Bestimmung in demselben). Само понятие последовательности впервые имеет своим источником движение как акт субъекта (но не как 155 определение объекта)*, т. е. синтез многообразия в пространстве, причем, однако, мы отвлекаемся от пространства и обращаем внимание исключительно на тот акт, посредством которого определяем внутреннее чувство сообразно его форме. Следовательно, рассудок не находит во внутреннем чувстве /уже готового соединения[1] многообразия, а производит его, воздействуя на внутреннее чувство. /Но каким образом я, который мыслю, отличаюсь от Я, которое само себя наглядно представляет (причем я могу представить себе еще и другие способы наглядного представления по крайней мере как возможные), и тем не менее совпадаю с ним как один и тот же субъект?[2] Каким образом, следовательно, я могу сказать, что /я как интеллект[3] и мыслящий субъект познаю самого себя как мыслимый (gedachtes) объект, поскольку я дан себе также в наглядном представлении,

2) С, З – не проводя (ohne... zu setzen)

1) С – подробного соединения (etwa schon eine dergleichen Verbindung)

2) З – Но каким образом Я, которое мыслит, отличается от Я, которое само себя созерцает, ... и тем не менее совпадает с ним, будучи одним и тем же субъектом?
(Wie aber das Ich, der ich denke, vom dem Ich, das sich selbst anschaut, unterschieden... und doch mit deisem letzeren als dasselbe Subjekt einerlei sei)

3) С, Г – Я как интеллигенция
З – Я как умопостигающий
(Ich als Intelligenz und denkend Subjekt)

* Движение объекта в пространстве не подлежит рассмотрению чистой науки, следовательно, не подлежит также рассмотрению в геометрии, так как подвижность чего бы то ни было познается не a priori, а только путем опыта. Но движение как описывание (Beschreibung) пространства есть чистый акт последовательного синтеза многообразия во внешнем наглядном представлении вообще при помощи продуктивной способности воображения и подлежит рассмотрению не только в геометрии, но даже и в трансцендентальной философии.

т. е. познаю себя только /одинаковым образом с другими явлениями, не так, как я существую независимо от рассудка, а так, как я себе являюсь?[4] [Этот вопрос] представляет не более затруднений, чем вопрос, каким образом я вообще могу быть для себя самого объектом, и притом объектом наглядного 156
представления и внутренних восприятий. /Наше знание о себе действительно должно быть таким[1], как указано нами, если только признать, что пространство есть лишь чистая форма явлений внешних чувств. Это можно с очевидностью установить путем указания на то, что время, которое вовсе не есть предмет внешнего наглядного представления, может быть представлено нами не иначе, как под образом линии, поскольку мы ее проводим, так как без этого способа изображения [времени] мы не могли бы познать /единства[2] его измерения; это можно доказать также ссылкой на то, что определения /продолжительности времени, а также места во времени[3] для всех внутренних восприятий всегда должны заимствоваться нами от того изменчивого, что представляют нам внешние вещи; /отсюда следует, что мы должны упорядочивать во времени определения внутреннего чувства как явления точно таким же образом, как мы упорядочиваем определения внешних чувств в пространстве, и потому, если[4] мы признаем относительно последних, что посредством их объекты познаются лишь постольку, поскольку мы извне подвергаемся воздействию (äuβerlich affiziert werden), мы должны также признать и относительно внутреннего чувства, что посредством его мы наглядно представляем себя самих лишь постольку, поскольку мы изнутри воздействуем на самих себя (innerlich von uns selbst affiziert werden), т. е. во внутреннем наглядном представлении мы познаем свой собственный субъект только как явление, а не так, как он существует сам по себе*

4) С – но подобно другим предметам, не таким, каким я существую до рассудка
З – одинаковым образом с другими явлениями, не так, как я существую для рассудка
(nur gleich anderen Phänomenen nicht, wie ich vor dem Verstande bin, sondern wie ich mir erscheine)
(not as I am to the understanding)
(лат. – quemadmodum prior mente atque intelligentia sum)

1) С – Но что я действительно должен быть таким
(Daβ es aber doch wirklich so sein müsse)

2) З – единицу
(Einheit)

3) С – периодов времени и пункты времени
(der Zeitlänge, oder auch der Zeitstellen)

4) С – Следовательно, определения внутреннего чувства мы должны приводить в порядок точно таким же способом как и явления во времени. Как должны быть размещены в пространстве определения внешних чувств, хотя...
(folglich die Bestimmungen des inneren Sinnes gerade auf dieselbe Art als Erscheinungen in der Zeit ordnen müssen, wie wir die äuβeren Sinne im Raume ordnen, mithin, wenn...)

---

* Я не усматриваю, почему находят столько затруднений в том, что внутреннее чувство аффицируется нами самими. Всякий акт внимания может дать нам пример этого. /В этом акте рассудок, сообразно мыслимому им соединению, определяет всегда внутреннее чувство к такому внутреннему наглядному представлению[5], которое соответствует многообразию в синтезе рассудка. Как сильно аффицируется обыкновенно этим способом душа, всякий может заметить это на себе.

5) С – Рассудок всегда определяет в нем для внутреннего чувства соединение, которое он мыслит сообразно с внутренним созерцанием
(Der Verstand bestimmt darin jederzeit den inneren Sinn der Verbindung, die er denkt, gemäβ zur inneren Anschauung)

157 *§ 25*

Наоборот, в трансцендентальном синтезе многообразия представлений вообще, иными словами, в синтетическом первоначальном единстве апперцепции /я не сознаю себя, как я являюсь себе или как я существую сам по себе, а сознаю только, что я есть. Этот акт есть мышление, а не наглядное представление[1]. Но так как для знания о самом себе, кроме акта мышления, приводящего многообразие всякого возможного наглядного представления к единству апперцепции, требуется еще определенный способ наглядного представления, посредством которого это многообразие дается, то, хотя мое собственное существование не есть явление (и тем менее простая видимость), тем не менее определение моего существования* может осуществиться **158** только сообразно форме внутреннего чувства по тому особому способу, как [мне] дано соединяемое мной во внутреннем наглядном представлении многообразие; поэтому я познаю себя только так, как я себе являюсь, а не так, как я есть. Следовательно, сознание о самом себе еще вовсе не есть самопознание, несмотря на все категории, которые составляют мышление об объекте вообще путем соединения многообразия в [единстве] апперцепции. Подобно тому, как для познания отличного от меня объекта я нуждаюсь, кроме мышления об объекте вообще (посредством категории), еще в наглядном представлении, посредством которого я ближе определяю это общее понятие [объекта], точно так же для познания о себе самом мне нужно, кроме сознания, т. е. кроме того, что я мыслю себя, иметь еще наглядное представление многообразия во мне,

1) С – я сознаю себя самого не так, как я являюсь себе, и не тем, что я есмь в себе, но сознаю только то, что я существую. Это представление есть мышление, а не созерцание
(bin ich mir meiner selbst… bewußt, nicht wie ich mir erscheine, noch wie ich an mir selbst bin, sondern nur daß ich bin. Diese Vorstellung ist ein Denken, nicht ein Anschauen)

---

* «Я мыслю» выражает акт, которым определяется мое существование. Следовательно, этим самым [мое] существование уже дано, однако способ, каким я должен определять его, т. е. полагать в себе многообразие, принадлежащее к нему, этим еще не дан. Для этого необходимо /наглядное представление самого себя[2], которое в своей основе имеет a priori данную форму, т. е. время, имеющее чувственный характер и принадлежащее к восприимчивости определяемого. **158** /Я не имею второго наглядного представления о себе, которым определяющее [начало] во мне, сознаваемое мной только в его самодеятельности, было бы дано мне до акта определения точно так же, как во времени дается определяемое; поэтому[1] я не могу определить свое существование как [существование] /самостоятельного существа[2], но представляю себе только самодеятельность моего мышления, /т. е. определения[3], и мое существование всегда остается /только как чувственно определимое, т. е. как существование явления[4]. Тем не менее благодаря этой самодеятельности мышления я называю себя интеллигенцией.

2) С, З – самосозерцание (Selbstanschauung)

1) С – Но если я не имею и другого самосозерцания, которое было бы во мне определяющим, самодеятельность чего я сознавал бы только в себе, и до акта определения, как время дает определяемое, то…
(Habe ich nun nicht noch eine andere Selbstanschauung, die das Bestimmende in mir, dessen Spontaneität ich mir nur bewußt bin, ebenso vor dem Aktus des Bestimmens gibt, wie die Zeit das Bestimmbare, so…)
2) С, З, В – самодеятельного существа
(selbsttätigen Wesens)
3) С – т.е. начала определяющего
З – т.е. [акта] определения
(d.i. des Bestimmens)
4) С – только чувственным, т.е. определимым как бытие явления
(mein Dasien bleibt immer nur sinnlich, d.i. als Dasein einer Erscheinung, bestimmbar)

посредством которого я определяю эту мысль. Таким образом, я существую как интеллигенция, которая сознает только свою способность соединения, но в отношении многообразия, которое **159** она должна соединять, она подчинена ограничивающему условию, называемому внутренним чувством и состоящему в том, что это соединение она может делать наглядным только согласно отношениям времени, которые находятся совершенно вне собственно [так называемых] понятий рассудка; /поэтому я могу познавать себя лишь так, как я себе только являюсь в наглядных представлениях (которые не интеллектуальны и не могут быть даны самим рассудком), а не так, как я познал бы себя, если бы мои *наглядные представления* были интеллектуальными[1].

1) С – И поэтому себя она может познать только так, как она, в интересах созерцания (которое не может быть интеллектуальным и данным через рассудок), только является, а не так, как она познавала бы себя, если бы ее созерцание было бы интеллектуальным (und sich daher selbst doch nur erkennen kann, wie sie in Absicht auf eine Anschauung (die nicht intellektuell und durch den Verstand selbst gegeben sein kann) ihr selbst bloß erscheint, wie sie sich erkennen würde, wenn ihre Anschauung intellektuell wäre)

§ 26. Трансцендентальная дедукция всеобщего возможного применения чистых понятий рассудка в опыте

В *метафизической дедукции* априорное происхождение категорий вообще было доказано их совершенным совпадением с всеобщими логическими функциями мышления, а в *трансцендентальной* [дедукции] была установлена возможность их как априорных знаний о предметах наглядного представления вообще (§ 20, 21). Теперь мы должны объяснить возможность a priori познавать *при помощи категорий* все предметы, какие только *могут являться* (vorkommen mögen) *нашим чувствам*, и притом не со стороны формы их наглядного представления, а со стороны законов их соединения; иными словами, [мы должны объяснить, каким образом мы] посредством категорий как бы a priori предписываем законы (das Gesetz) природе и даже делаем ее **160** возможной. В самом деле, если бы категории не годились для этого, то не было бы ясно, каким образом все, что только /ни является[1] нашим чувствам, должно подчиняться законам, которые a priori происходят исключительно из самого рассудка.

1) С, З – может являться (vorkommen mag)

Прежде всего я замечу, что под *синтезом аппрегензии* я разумею соединение многообразия в одно эмпирическое наглядное представление, благодаря чему становится возможным восприятие его, т. е. эмпирическое сознание о нем (как явлении).

У нас есть априорные *формы* как внешнего, так и внутреннего чувственного наглядного представления, [именно у нас есть] /представления[2] пространства и времени, и синтез аппрегензии многообразия в

2) С, З – в представлениях о (an den Vorstellungen von)

явлении должен всегда сообразоваться с ними, так как сам этот синтез может происходить только согласно этой форме. Однако пространство и время [сами] представляются не только как формы чувственного наглядного представления, но и /как наглядные представления[3] (содержащие [в себе] многообразие), следовательно, с априорным определением единства этого /многообразия[4] (см. трансцендентальную эстетику)*.161

3) С, З – как сами созерцания (als Anschauungen selbst)

4) С, З – многообразного в них (Mannigfaltigen in ihnen)

Следовательно, уже единство синтеза многообразия, в нас или вне нас, а вместе с тем и соединение, с которым должно сообразоваться все представляемое определенным в пространстве или времени, должно быть данным a priori уже вместе (zugleich) с этими наглядными представлениями (а не в них) как условие синтеза всякой аппрегензии. Но это синтетическое единство не может быть ничем иным, как единством соединения многообразия данного наглядного представления вообще в первоначальном сознании, сообразно категориям и в применении не иначе, как к нашему чувственному наглядному представлению. Следовательно, весь синтез, посредством которого становится возможным само восприятие, подчинен категориям, и так как опыт есть познание посредством связанных между собой восприятий, то категории суть условия возможности опыта, и потому они /имеют значение[2] также для всех предметов опыта.

2) С – a priori имеют значение З – a priori применимы (gelten also a priori)

162 * * *

Таким образом, если я, напр., превращаю эмпирическое наглядное представление дома посредством аппрегензии его многообразия в восприятие, то в основе у меня лежит необходимое единство

* Пространство, представляемое как предмет (как это действительно необходимо в геометрии), содержит в себе более, чем только форму наглядного представления, /именно заключает в себе сочетание в одно наглядное представление многообразия, данного согласно форме чувственности[5], так что форма наглядного представления дает только многообразие, а формальное наглядное представление дает единство представления. 161 В эстетике я причислил это единство к чувственности, чтобы отметить лишь, что оно предшествует всякому понятию, хотя им и предполагается синтез, не принадлежащий чувствам, но впервые обусловливающий возможность всех понятий о пространстве и времени. В самом деле, пространство и время как наглядные представления даются впервые этим синтезом (причем чувственность определяется рассудком); поэтому единство /этих априорных наглядных представлений[1] относится к пространству и времени, а не к понятию рассудка (§ 24).

5) С – а именно соединение разнообразного, данного по форме чувственности, в одно созерцательное представление (nämlich Zummenfassung des Mennigfaltigen, nach der Form der Sinnlichkeit gegebenen, in eine anschauliche Vorstellung)

1) С, З – этого созерцания a priori (dieser Anschauung a priori)

пространства и внешнего чувственного наглядного представления вообще; я как бы рисую форму дома (seine Gestalt) сообразно этому синтетическому единству многообразия в пространстве. Но то же самое синтетическое единство, если отвлечься от формы пространства, имеет место в рассудке и представляет собой категорию синтеза однородного в наглядном представлении вообще, т. е. категорию величины, с которой, следовательно, этот синтез аппрегензии, т. е. восприятие, вполне должен сообразоваться*.

Если я воспринимаю ([воспользуюсь другим] примером) замерзание воды, я аппрегендирую два состояния (жидкости и твердости) как стоящие друг к другу в отношении времени. Но во времени, которое я полагаю в основу **163** явления как внутреннее наглядное представление, я необходимо представляю себе синтетическое единство многообразия, без чего указываемое отношение не могло бы быть данным в наглядном представлении как определенное (в отношении последовательности во времени). А это синтетическое единство как априорное условие, под которым я соединяю многообразие наглядного представления вообще, есть, если отвлечься от постоянной формы моего внутреннего наглядного представления, т. е. от времени, категория причины, посредством которой я, применяя ее к моей чувственности, /определяю все случающееся сообразно его отношениям во времени вообще[1]. Следовательно, аппрегензия такого события, а вместе с тем и само это событие как возможное восприятие подчинено понятию отношения действий и причин. То же самое [мы находим] и во всех других случаях.

1) С – все, что случается во времени вообще, определяю по его отношениям
З – определяю все происходящее во времени вообще сообразно его отношениям
(alles, was geschieht, in der Zeit überhaupt seiner Relation nach bestimme)

* * *

Категории суть понятия, а priori предписывающие законы явлениям, т. е. природе как совокупности всех явлений (natura materialiter spectata). Так как категории не выводятся из природы и не сообразуются с ней как со своим образцом (так как в таком случае они были бы только эмпирическими), то является вопрос,

* **162** Таким образом /доказано[1], что синтез аппрегензии, имеющий эмпирический характер, необходимо должен сообразоваться с синтезом апперцепции, который имеет интеллектуальный характер и вполне а priori содержится в категории. Одна и та же самодеятельность, в первом случае под именем способности воображения, а во втором – под именем рассудка, вносит соединение в многообразие наглядного представления.

1) С – будет доказано
(wird bewiesen)

как понять то [обстоятельство], что природа должна сообразоваться с категориями, т. е. каким образом категории могут a priori определять соединение многообразия природы, не заимствуя этого соединения из природы. Эта загадка решается следующим образом.

164 Что законы явлений в природе должны сообразоваться с рассудком и его априорной формой, т. е. с его способностью соединять многообразие вообще, – это не более странно, чем то, что сами явления должны сообразоваться с априорной формой чувственного наглядного представления. В самом деле, законы существуют не в явлениях, а только в отношении /к субъекту, которому принадлежат явления[1], точно так же, как и сами явления существуют не в себе, а только в отношении к тому же /субъекту[2], поскольку он имеет чувства. Вещам в себе закономерность принадлежала бы необходимо также и вне рассудка, познающего их; но явления суть лишь представления о вещах, остающихся неизвестными со стороны того, чем они могут быть в себе. /Как простые представления, они подчиняются не иначе, как тому закону соединения, который предписывается [им] соединяющей способностью[3]. При этом многообразие чувственного наглядного представления соединяется способностью воображения, которая зависит от рассудка, что касается единства ее интеллектуального синтеза, и от чувственности, что касается многообразия аппрегензии. Так как от синтеза аппрегензии зависит всякое возможное восприятие, а сам этот эмпирический синтез [в свою очередь зависит] от трансцендентального синтеза, следовательно, от категорий, то все возможные восприятия и, следовательно, также все, что только может дойти до эмпирического сознания, **165** т. е. все явления природы, что касается их связи, должны подчиняться категориям, от которых природа (рассматриваемая только как природа вообще) зависит как от первоначального основания ее необходимой закономерности (как natura formaliter spectata), [т. е. как природа, рассматриваемая с формальной стороны]. Однако даже и чистая способность рассудка не может предписывать явлениям a priori посредством одних лишь категорий большего количества законов, чем те, на которых основывается природа вообще как закономерность явлений в пространстве и времени. Частные законы касаются эмпирически определенных явлений и потому не могут быть вполне выведены из категорий, хотя все они подчиняются категориям. Для познания частных законов вообще необходим опыт, хотя,

1) С, З – субъекту... поскольку он обладает рассудком (Subjekt... sofern es Verstand hat)

2) С – к тому лицу
З – существу
(auf dasselbe Wesen)

3) З, Г – Просто как представления они не подчиняются никакому закону связи, т.е. такому закону, который предписывает связующую способность (Als bloße Vorstellungen aber stehen sie unter gar keinem Gesetze der Verknüpfung, als demjenigen, welches das verknüpfende Vermögen vorschreibt)

в свою очередь, знание (Belehrung) об опыте вообще и о том, что может быть познано как предмет опыта дается нам только упомянутыми априорными законами.

§ 27. Результат этой дедукции понятий рассудка

Мы не можем мыслить ни одного предмета иначе, как с помощью категорий; мы не можем познать ни одного мыслимого предмета иначе, как с помощью наглядных представлений, соответствующих /категориям[1]. Но все наши наглядные представления чувственны, и это знание, поскольку предмет его дан, **166** имеет эмпирический характер. Эмпирическое знание есть опыт. Следовательно, /априорное знание для нас возможно не иначе, как относительно предметов возможного опыта[1] *.

1) С – этим понятиям (die jenen Begriffen)

1) З – для нас возможно априорное познание только предметов возможного опыта (ist uns keine Erkenntnis a priori möglich, als lediglich von Gegenstände möglicher Erfahrung)

Однако это знание, ограничивающееся только предметами опыта, тем не менее не все заимствовано из опыта, так как чистые наглядные представления и чистые понятия рассудка суть элементы знания, присущие нам a priori. Существует только два пути, на которых /возможно[5] необходимое согласие опыта с понятиями о его предметах: или опыт делает эти понятия возможными, **167** или эти понятия делают опыт возможным. Первое невозможно в отношении категорий (а также чистого чувственного наглядного представления), так как они суть априорные, т. е. независимые от опыта понятия (утверждение эмпирического происхождения [их] было бы [признанием] своего рода generatio aequivoca). Следовательно, остается лишь второе [допущение] (как бы /системы[1] эпигенезиса чистого разума), именно что (da nämlich) категории содержат в себе, со стороны рассудка, основание возможности всякого опыта вообще. О том, как они делают возможным опыт и какие основоположения его возможности даются ими в их

5) З – можно мыслить (gedacht werden kann)

1) С, З – система (ein System)

* Для того чтобы /кто-нибудь не испугался поспешно опасных и тревожных следствий этого положения[2], я хочу только напомнить, что в мышлении категории /не стеснены[3] условиями нашего чувственного наглядного представления, но имеют неограниченное поприще (Feld) и только познание о том, что мы мыслим, /нуждается в определении объекта, именно в наглядном представлении[4]. В случае отсутствия наглядного представления мысль об объекте все же может еще иметь истинные и полезные следствия для применения разума субъекта, но так как это применение разума направлено не всегда на определение объекта, т. е. на познание, а имеет в виду также определение субъекта и его воли (dessen Wollen), то здесь оно еще не подвергается рассмотрению.

2) З – кого-нибудь преждевременно не смутили внушающие опасения неблагоприятные выводы из этого положения (Damit man sich nicht voreiliger. Weise an den besorglichen nachteiligen Folgen dieses Satzes stoβe)

3) С, В – не ограничены (nicht eingeschränkt sind)

4) С, З – [т.е.] определение объекта, нуждается в созерцании (das Bestimmen des Objekts, Anschauung bedürfe)

применении к явлениям, будет сказано подробнее в следующем отделе о трансцендентальном применении способности суждения.

Быть может, кто-либо предложит путь средний между двумя указанными единственно возможными путями, именно допустит, что категории /н е с у т ь м ы с л и м ы е н а м и с а м и м и[2] первые априорные принципы нашего знания и не заимствованы из опыта, но представляют собой субъективные, /внедренные в нас[3] вместе с нашим существованием задатки (Anlagen) мышления, устроенные нашим Творцом так, что применение их точно согласуется с законами природы, /с которыми имеет дело опыт[4] (это своего рода с и с т е м а п р е ф о р м а ц и и чистого разума). Однако допущение этого среднего пути (не говоря уже о том, что при этой гипотезе не видно, до какого предела следует доводить допущение предопределенных задатков будущих суждений) решительно опровергается тем, **168** что в таком случае категории не отличались бы[1] н е о б х о д и м о с т ь ю, которая существенно присуща их понятию. В самом деле, напр., понятие причины, выражающее необходимость следствия при данном условии, было бы ложным, если бы оно основывалось только на произвольной, коренящейся (eingepfanzten) в нас, субъективной необходимости связывать известные эмпирические представления согласно такому правилу отношения. [В таком случае] я не мог бы сказать: действие связано с причиной в объекте (т. е. необходимо), но [принужден был бы выражаться лишь следующим образом]: я так устроен, что могу мыслить это представление не иначе, как связанным так-то. Это и есть то, что наиболее желательно скептику, так как в таком случае всякое /наше знание, опирающееся на утверждаемое нами объективное значение наших суждений, превращается в простую видимость[2], и не оказалось бы недостатка в людях, которые /не признали бы [в себе] [3]и этой субъективной необходимости (которая должна быть чувствуемой необходимостью); во всяком случае, ни с кем нельзя было бы спорить о том, /что основывается только на характере организации того или другого субъекта[4].

Краткий обзор (Begriff) этой дедукции

Дедукция чистых понятий рассудка (/и вместе с тем[5] всех априорных теоретических знаний) есть изложение этих понятий как принципов возможности опыта, причем опыт рассматривается как о п р е д е л е н и е явлений в пространстве и времени в о о б щ е, а это

2) С – не самоизмышленные
З – не созданные нами самими
(weder selbstgedachte)

3) С – заложенные в нас
З – врожденные нам
(uns... eingepflanzte)

4) С – на которые обращен опыт
З – которым следует опыт
(an welchen die Erfahrung fortläuft)

1) С, З – были бы лишены
(mangeln würde)

2) З – наше усмотрение, опирающееся на предполагаемую нами объективную значимость... есть лишь одна видимость
(ist alle unsere Einsicht durch vermeinte objektive Gültigkeit unserer Urteile nichts als lauter Schein)

3) З – сами бы не признали этой
(von sich nicht gestehen würden)

4) З – что, основывается только на способе той или иной организации субъекта
(was bloß auf der Art beruht, wie sein Subjekt organisiert ist)

5) С, В – и с ними
(und mit ihnen)

определение в свою **169** очередь выводится из первоначального синтетического единства апперцепции как формы рассудка в [ее] отношении к пространству и времени, представляющим собой первоначальные формы чувственности.

* * *

Деление на параграфы я считал необходимым только до этого места, так как здесь мы имели дело с элементарными понятиями. Теперь я хочу дать представление о применениях их; для этого необходимо связное непрерывное изложение, без деления на параграфы.

Трансцендентальной аналитики

ВТОРАЯ КНИГА

Аналитика основоположений

Общая логика построена по плану, вполне совпадающему с подразделениями высших способностей познания. Эти способности суть: **рассудок, способность суждения и разум**. Поэтому /логика[1] учит в своей аналитике о понятиях, суждениях и умозаключениях (Schlüssen), сообразно функциям и порядку упомянутых сил души, /которые все вместе называются рассудком вообще в широком смысле этого слова[2].

1) С – эта доктрина (jene Doktrin)

2) С – которые все даются под слишком широким названием рассудка вообще (die man unter der weitäuftigen Benennung des Verstandes überhaupt begreift)

170 Так как эта чисто (Da gedachte bloβ) формальная логика отвлекается от всякого содержания знания ([не рассматривая], есть ли оно чистое или эмпирическое [знание]) и занимается только формой мышления (дискурсивного знания) вообще, то в своей аналитической части она может заключать (mit befassen) также канон разума, форма которого /подчиняется особым предписаниям[1], и эти предписания могут быть /изучаемы[2] путем простого разложения деятельностей разума на их моменты, без рассмотрения частной природы применяемого при этом знания.

Трансцендентальная логика имеет дело[3] с определенным содержанием [знания], именно ограничивается только чистым априорным знанием и потому не может следовать за этими подразделениями общей логики. В самом деле, трансцендентальное применение разума, как оказывается, вовсе не имеет объективного значения, следовательно, не относится к логике истины, т. е. аналитике, а /составляет[4] как

1) С – имеет свои твердые правила (ihre sichere Vorschrift hat)

2) С – усмотрены a priori (a priori... eingesehen werden kann)

3) С – ограничена (eingeschränkt... ist)

4) 3 – требует (erfordere)

логика видимости особый отдел школьной системы (des scholastischen Lehrgebäudes), под именем трансцендентальной диалектики.

/Наоборот [5], рассудок и способность суждений имеют свой канон /истинного, т. е. обладающего объективным значением применения[6] в трансцендентальной логике, и, следовательно, относятся к ее аналитической части. Между тем разум, в своих попытках высказать что-либо о предметах **171** a priori и расширить знание за границы возможного опыта, /имеет во всех отношениях диалектический характер[1], и его мнимые утверждения /вовсе не укладываются в правила, тогда как аналитика должна состоять именно из правил[2].

5) С – поэтому
З – Сообразно этому (demnach)

6) З – объективно значимого, т.е. истинного применения (des objektiv gültigen, mithin wahren Gebrauchs)

1) З – совершенно диалектичен (ist ganz und gar dialektisch)

2) З – никак не укладываются в канон, а ведь аналитика должна содержать именно канон (schicken sich durchaus nicht in einen Kanon, dergleichen doch die Analytik enthalten soll)

Таким образом, аналитика основоположений будет исключительно каноном для способности суждения, направляющим ее, как применять к явлениям понятия рассудка, содержащие в себе условия для правил a priori. Поэтому, занимаясь специально основоположениями рассудка, я буду пользоваться термином наука (Doktrin) о способности суждения, так как этим названием точнее обозначается моя задача.

ВВЕДЕНИЕ

О трансцендентальной способности суждения вообще

Если рассудок вообще признается (erklärt wird) за способность правил, то способность суждения есть способность подводить (zu subsumiren) под правила, т. е. различать, /подходит ли[3] нечто под данное правило (casus datae legis) или нет. Общая логика не содержит и не может содержать [в себе] никаких других предписаний для способности суждения. Так как она отвлекается от всякого содержания познания, то на ее долю остается только задача аналитически **172** разъяснять одну лишь форму знания в понятиях, суждениях и умозаключениях и таким образом устанавливать формальные правила всякого применения рассудка. Если бы она захотела показать в общей форме, как следует производить подведение под эти правила, т. е. различать, подчинено ли нечто им или нет, то это можно было бы сделать не иначе, как опять-таки с помощью правил (eine Regel). Но правило именно потому, что оно есть правило, требует опять руководства (Unterweisung) со стороны способности суждения; та-

3) З – подчинено ли (ob... stehe)

ким образом оказывается, что /хотя рассудок и способен к поучению посредством правил и усвоению их[1)], тем не менее способность суждения есть особый талант, который требует упражнения, но которому научиться нельзя. /Этот талант есть специфический элемент остроумия, и недостаток его не может быть возмещен никакой школой[2)], так как школа может только доставить ограниченному рассудку и как бы вдолбить в него все правила, /добытые чужим пониманием[3)], но способность правильно пользоваться ими должна принадлежать самому воспитаннику, и в случае недостатка этого естественного дара, никакие правила, которые были бы предписаны ему с этой целью, не застрахуют его от ошибочного применения их (vor Mißrauch)*. Поэтому врач, судья **173** или политик (Staatskundiger) может иметь в своей голове столь много превосходных медицинских, юридических или политических правил, что сам способен быть хорошим учителем в своей области, и тем не менее в применении их легко /может впадать в ошибки[1)], или потому, что ему недостает естественной способности суждения (но не рассудка), так что /он [2)]способен усматривать общее в абстрактной форме (in abstracto), но не может различить, подходит ли под него [данный] конкретный случай (in concreto), или же потому, что он /недостаточно подготовлен к деятельности суждения с помощью примеров и действительной опытности[3)]. Единственная и [притом] огромная польза примеров именно в том и состоит, что они обостряют способность суждения. Но что касается правильности и точности усмотрений рассудка, они скорее наносят ей, обыкновенно, некоторый ущерб, так как они лишь редко выполняют условия правила адекватно (как casus in terminis); к тому же они нередко ослабляют то напряжение рассудка, [которое необходимо, чтобы] усмотреть правило (Regeln) в общей форме и в его полноте (nach ihrer Zulänglichkeit) независимо от частных /условий [4)]опыта, и приучают пользоваться в конце концов правилами скорее как формулами, чем как основоположениями. Таким образом, примеры суть помочи для способности суждения, **174** без кото-

1) С – хотя рассудок посредством правил способен давать уроки и наставления (zwar der Verstand einer Belehrung und Ausrüstung durch Regeln fähig)

2) З – Вот почему способность суждения есть отличительная черта так называемого природного ума (смекалки) и отсутствие его нельзя восполнить никакой школой (Daher ist diese auch das Spezifische des sogenannten Mutterwitzes, dessen Mangel keine Schule ersetzen kann)

3) З – заимствованные у других (von fremder Einsicht entlehnt)

1) С – приходят в замешательство (wird… verstoßen)

2) С, З – хотя он и (und er zwar)

3) З – к такому суждению недостаточно подготовлен примерами и реальной деятельностью (nicht genug durch Beispiele und wirkliche Geshäfte zu diesem Urteile abgerichtet worden)

4) С, З – обстоятельств (Umständen)

---

* Недостаток способности суждения есть собственно то, что называют глупостью; /против этого недостатка нет лекарства[4)]. Тупой или ограниченный /ум, которому недостает достаточной силы[5)] рассудка и собственных понятий, может, однако, с помощью обучения достигнуть даже учености. Но так как вместе с этим подобным людям /недостает[6)] способности суждения **173** (secunda Petri) (29), то не редкость встретить очень ученых мужей, которые, применяя свою науку, на каждом шагу обнаруживают этот непоправимый недостаток.

4) С – и этому недочету помочь нельзя (und einem solchen Gebrechen ist gar nicht abzuhelfen)

5) С – голову, которой не достает в должной степени (Kopf, dem es an nichts, als am gehörigem Grade… mangelt)

6) З – обычно недостает (gemeiniglich… zu fehlen pflegt)

рых не может обойтись тот, кому недостает в этой области природного таланта.

Общая логика не может дать способности суждения никаких предписаний, но в трансцендентальной логике дело обстоит иначе: по-видимому, специальная задача ее состоит в том, чтобы посредством определенных правил исправлять и укреплять способность суждения в применении чистого рассудка. В самом деле, как наука, расширяющая область чистых априорных знаний рассудка, философия, по-видимому, вовсе не нужна, /или во всяком случае не приспособлена к этому[1)], так как все прежние попытки этого рода дали мало или вовсе не дали никаких приобретений, но /для критики[2)], именно для предотвращения заблуждений способности суждения (lapsus judicii) в применении немногих принадлежащих нам чистых понятий рассудка философия может предоставить (хотя в этом случае польза ее имеет лишь отрицательный характер) всю свою проницательность и способность к исследованию (Prüfungskunst).

1) З – или во всяком случае неуместна (oder vielmehr übel angebracht zu sein)

2) С, З – как критика (als Kritik)

[Своеобразная] особенность трансцендентальной философии состоит в том, что кроме правил (или скорее общих условий для правил), данных в чистых понятиях рассудка, она может также a priori указать случаи, к которым **175** эти правила должны применяться. Причина этого преимущества ее перед всеми другими /науками, устанавливающими правила[1)] (кроме математики), заключается именно в том, что в ней идет речь о понятиях, которые должны относиться к своим предметам a priori, и потому их объективное значение не может быть доказано a posteriori, /так как апостериорные условия вовсе не имеют отношения к их достоинству[2)]. Следовательно, трансцендентальная философия должна (sondern sie muß) с помощью общих, но достаточных признаков указать также условия, при которых предметы могут быть даны в согласии с этими понятиями, так как в противном случае эти понятия не имели бы никакого содержания, т. е. были бы только логическими формами, но не чистыми понятиями рассудка.

1) З – наставительными науками (belehrenden Wissenschaften)

2) С – так как это совершенно унижало бы ее достоинство
З – так как такое доказательство вовсе не касается их достоинства
(denn das würde jene Dingnität derselben ganz unberührt lassen)

Это трансцендентальное учение (Doktrin) о способности суждения будет состоять из двух главных частей: в первой идет речь о схематизме чистого рассудка, т. е. о чувственном условии, без которого чистые понятия рассудка не могут быть применены к делу, а во второй [части] исследуются основоположения чистого рассудка, т. е. те синтетические суждения, которые при этих условиях вытекают a priori из чистых понятий рассудка и a priori лежат в основе всех остальных знаний.

176 *Трансцендентального учения о способности суждения*
(или аналитики основоположений)

ПЕРВАЯ ГЛАВА

О схематизме чистых понятий рассудка

При всяком подведении предмета под понятие представление о предмете должно быть однородным с понятием (der letzeren) т. е. понятие должно содержать в себе то, что представляется в подводимом под него предмете, так как именно такое значение имеет выражение: предмет подходит под понятие[1]. Так, эмпирическое понятие тарелки однородно с чистым геометрическим понятием круга, /так как круглота, мыслимая в геометрическом понятии, наглядно представляется в эмпирическом понятии тарелки[2].

1) С – подводится под
З – подчинен
(sei unter einem Begriffe enthalten)

2) С – так как окружность, которая мыслится в первой, может быть созерцаема во втором
З – так как круглость, которая в понятии тарелки мыслится, в чистом геометрическом понятии созерцается
(indem die Rundung, die in dem ersteren gedacht wird, sich im letzeren anschauen läßt)

Но чистые понятия рассудка совершенно неоднородны с эмпирическими (и вообще чувственными) наглядными представлениями и никогда не могут быть найдены ни в одном наглядном представлении. [Отсюда возникает вопрос], как возможно подведение (Subsumtion) наглядных представлений под чистые понятия, т. е. применение категорий к явлениям, так как никто ведь не станет утверждать, будто категории, напр. категория причинности, могут
177 быть также наглядно представляемы посредством чувств и содержатся в явлении. В этом столь естественном и важном вопросе и заключается причина, делающая необходимым трансцендентальное учение о способности суждения, которое должно показать, как возможно, чтобы чистые понятия рассудка могли применяться к явлениям вообще. Во всех других науках, где понятия, посредством которых предмет мыслится в общем виде, не до такой степени отличны и гетерогенны в сравнении с понятиями, /в которых он представляется, как он дан в конкретной форме[1], нет необходимости в особом исследовании относительно применения первых понятий ко вторым.

1) С – где предмет представляется in concreto, как он дан
(die diesen in concreto vorstellen, wie er gegeben wird)

[В исследуемом нами] случае, очевидно (Nun ist klar, daß), должно существовать нечто третье, однородное в одном отношении (einerseits) с категориями, а в другом отношении (anderseits) с явлениями и обусловливающее возможность применения категорий к явлениям. Это посредствующее представление должно быть чистым (не заключающим в себе ничего эм-

пирического) и тем не менее, с одной стороны, интеллектуальным, а с другой – чувственным. Такой характер имеет трансцендентальная схема.

Понятие рассудка содержит в себе чистое синтетическое единство многообразия вообще. Время как формальное условие многообразия внутреннего чувства, следовательно, соединения всех представлений, содержит многообразие a priori в чистом наглядном представлении. При этом трансцендентальное определение времени /однородно[2]с категорией (которая создает единство этого определения), /поскольку[2] оно имеет общий характер и опирается на априорное правило. **178** Но, с другой стороны, трансцендентальное определение времени однородно с явлением, поскольку время содержится во всяком эмпирическом представлении многообразия. Поэтому применение категорий к явлениям становится возможным при посредстве трансцендентального определения времени, которое как схема понятий рассудка опосредствует подведение явлений под категории.

После того, что было /сказано [1]в дедукции категорий, мы надеемся, ни у кого не явится колебаний (im Zweifel stehen) при решении вопроса, имеют ли эти чистые понятия рассудка только эмпирическое или также трансцендентальное применение, т. е. относятся ли они a priori как условия возможного опыта только к явлениям, или же они как условия возможности вещей вообще могут быть распространены /на вещи в себе[2] (/без ограничения нашею чувственностью[3]). В самом деле, [в дедукции категорий] мы видели, что понятия совершенно невозможны (30) и не могут иметь никакого значения, если им самим или, по крайней мере, элементам, из которых они состоят, не дан предмет, следовательно, они /вовсе не могут иметь значения для[4] вещей в себе (без отношения к тому, могут ли и как могут быть даны нам вещи); мы видели далее, что единственный способ, как предметы могут быть даны нам, есть модификация нашей чувственности, /и что[5] чистые понятия a priori, кроме функции рассудка в категории, **179** /должны содержать[1] [в себе] еще формальные условия чувственности (именно внутреннего чувства), [a priori] заключающие в себе общее условие, при котором единственно категория может быть применена к какому-либо предмету. Это формальное и чистое условие чувственности, которым понятие рассудка ограничивается в своем применении, мы будем называть /схемой[2] понятия рассудка, а /употребление рассудком этих схем[3] [мы будем называть] схематизмом чистого рассудка.

2) С, З – настолько однородно… насколько
(sofern gleichartig, als)

1) З – показано
(gezeigt worden)

2) С, З – на предметы в себе (сами по себе)
(auf Gegenstände an sich selbst)

3) С – без некоторого ограничения нашей чувственностью
З – не ограничиваясь нашей чувственностью
(ohne einige Restriktion auf unsere Sinnlichkeit)

4) З – вовсе не могут относиться к
(gar nicht gehen können [auf])

5) С, З – и, наконец, что
(endlich, daß)

1) З – должны a priori содержать
(a priori enthalten müssen)

2) С, З – схемой этого
(das Schema dieses)

3) С – метод рассудка в пользовании этими схемами
З – способ, каким рассудок обращается с этими схемами
(das Verfahren des Verstandes mit diesen Schematen)

Схема сама по себе (an sich selbst) есть всегда лишь продукт способности воображения, но так как этот синтез воображения имеет в виду не единичное наглядное представление, а только единство в определении чувственности, то схему следует все же отличать от образа. Так, если я полагаю пять точек одна за другой: ..... то это – образ числа пять. Наоборот, если я /мыслю только [4]число вообще, безразлично, будет ли это пять или сто, то такое мышление есть скорее представление о методе /соединения множества (напр. тысячи) сообразно известному понятию в одном образе[5], чем сам этот образ, который к тому же в случае мышления о тысяче едва ли мог бы быть доступен обозрению и сравнению с понятием. Это представление об общем приеме способности воображения, **180** /доставляющем понятию образ, я называю схемой понятия[1].

/В [2]основе наших чистых чувственных понятий [действительно] лежат не образы предметов, а схемы. Понятию о треугольнике вообще не мог бы соответствовать никакой образ треугольника. В самом деле, образ всегда ограничивался бы только частью объема этого понятия и никогда не мог бы достигнуть всей общности понятия, которое должно иметь значение для всех треугольников, прямоугольных, остроугольных и т.п. Схема треугольника не может существовать нигде, кроме как в мышлении, и обозначает правило синтеза способности воображения в отношении чистых /форм [3]в пространстве. /Еще в меньшей степени может быть адекватным эмпирическому понятию предмет опыта или образ такого предмета[4]; /непосредственно эмпирическое понятие стоит всегда в связи только со схемой способности воображения[5], как с правилом определения нашего наглядного представления сообразно известному общему понятию. Понятие собаки обозначает (bedeutet) правило, согласно которому моя способность воображения может нарисовать форму (Gestalt) четвероногого животного в общем виде (allgemein); /не ограничиваясь каким-либо единичным частным образом из сферы моего опыта или вообще каким бы то ни было возможным конкретным образом[6]. Этот схематизм нашего рассудка в отношении явлений и чистой формы их есть сокровенное (verborgene) в недрах человеческой души искусство, **181** /настоящие приемы которого

4) С – только мыслю
(nur denke)

5) С – как представлять соответственно известному понятию множество единиц (напр., тысячу) в образе
З – каким представляют в одном образе множество (напр., тысячу) сообразно некоторому понятию
(einem gewissen Begriffe gemäβ eine Menge (z. E. Tausend) in einem Bilde vorzustellen)

1) С – подставлять к понятию образ – я называю схемой к этому понятию
(einem Begriff sein Bild zu verschaffen, nenne ich das Schema zu diesem Begriffe)

2) С, З – В действительности в...
(In der Tat)

3) С, З – фигур
(Gestalten)

4) С – Еще того меньше предмет опыта или образ его могут достигнуть до эмпирического понятия
(Noch viel weniger erreicht ein Gegestand der Erfahrung oder Bild desselben jemals den empirischen Begriff)

5) З – эмпирическое понятие всегда непосредственно относится к схеме воображения
(sondern dieser bezieht sich jederzeit unmittelbar auf das Schema der Einbildungskraft)

6) С – не ограничиваясь при этом какой-либо особенной отдельной фигурой, какую мне дает опыт и каждый возможный образ, какой я могу представить себе in concreto
(ohne auf irgendeine einzige besondere Gestalt, die mir die Erfahrung darbietet, oder auch ein jedes mögliche Bild, was ich in concreto darstellen kann, eingeschränkt zu sein)

нам едва ли когда либо удастся проследить и вывести наружу[1]. Мы можем только сказать, что о б р а з (Bild) есть продукт эмпирической способности продуктивной силы воображения, а с х е м а чувственного понятия (как/фигуры (der Figuren) в пространстве) есть продукт и как бы монограмма чистой способности воображения a priori; благодаря схеме и сообразно ей впервые становятся возможными [и сами] образы, но сочетаться с понятиями они всегда должны только /при посредстве обозначаемых ими схем[2] и сами по себе они /не совпадают вполне с понятиями[3]. Наоборот, схема чистого понятия рассудка есть нечто такое, что не может быть переведено ни в какой образ, но представляет собой только чистый, /выражающий категорию синтез сообразно правилу единства согласно понятиям вообще[4], и есть трансцендентальный продукт способности воображения, составляющий (betrifft) определение внутреннего чувства вообще, согласно условиям его формы (времени), в отношении всех представлений, поскольку они должны a priori соединяться в одном понятии сообразно единству апперцепции.

1) С – Едва ли когда-нибудь мы будем в состоянии угадать и ясно изложить перед глазами всех его приемы
З – угадать у природы и раскрыть
(deren wahre Handgriffe wir der Natur schwerlich jemals abraten und sie unverdeckt vor Augen legen werden)

2) С – посредством схемы, которая их описывает
(vermittelst des Schema, welches sie bezeichnen)

3) С – не вполне соответствуют этим понятиям
(und an sich demselben nicht völlig kongruiren)

4) С – синтез по правилу единства понятий вообще, который выражает категорию
В – синтез, состоящий в зависимости от того характера единства понятий, который выражается категориями
(Synthesis gemäß einer Regel der Einheit nach Begriffen überhaupt, die die Kategorie ausdrückt)
(of that unity, in accordance with concepts, to which the category gives expression)

Не останавливаясь на сухом и скучном анализе того, что требуется для трансцендентальных схем чистых понятий рассудка вообще, мы лучше изложим эти схемы согласно порядку категорий и в связи с категориями.

182 Чистый образ всех величин (quantorum) /перед[1] внешним чувством есть пространство, а чистый образ всех предметов чувств вообще есть время. Чистая же с х е м а в е л и ч и н ы (quantitatis) как понятия рассудка есть ч и с л о, т. е. представление, объединяющее в себе последовательное присоединение /единицы к единице[2] (однородного). Следовательно, число есть не что иное, как единство синтеза многообразия однородного представления вообще, возникающее вследствие того, что я произвожу само время в аппрегензии наглядного представления.

1) С, З – для
(vor)
(for)

2) С – одного к одному
(von Einem zu Einem)

Реальность в чистом понятии рассудка есть то, что соответствует ощущению вообще, следовательно, то, понятие чего само по себе указывает на бытие (Sein) (во времени); а отрицание есть то, понятие чего представляет небытие (Nichtsein) (во времени). Следовательно, противоположность /реальности и отрицания[3] состоит в различии между одним и тем же временем как наполненным или пустым. Так как время есть только форма наглядного представления, следовательно, предметов как явлений, то поэтому то, что соответствует в явлении ощущению, есть трансцендентальная материя всех предметов как вещей в себе (вещность (Sachheit), реальность). Но всякое ощуще-

3) С – их
З – бытия и небытия
(beider)

ние имеет степень или величину, благодаря которой оно может наполнять одно и то же время, т. е. внутреннее чувство в отношении одного и того же представления о предмете, в большей или меньшей мере, /вплоть до перехода в ничто[4] (= 0 = negatio). Поэтому отношение и связь или, вернее, переход от реальности к отрицанию **183** дает возможность представлять всякую реальность как величину, и схемой реальности как количества чего-то наполняющего время служит именно это непрерывное и однообразное (gleichförmige) порождение ее во времени, состоящее в том, что мы постепенно /переходим[1] во времени от ощущения, имеющего известную степень, вплоть до исчезновения его, или от отрицания его /к некоторой величине его[2].

Схемой субстанции служит устойчивость (Beharrlichkeit) реального во времени, т. е. представление о нем как о субстрате эмпирического определения времени вообще, который, следовательно, остается, тогда как все остальное меняется. (/Проходит не время, а бытие изменчивого во времени[3]. Следовательно, времени, остающемуся неизменным и пребывающим, соответствует в явлении /неизменно существующее[4], т. е. субстанция, и только на основе субстанции могут быть определены последовательность и сосуществование (Zugleichsein) явлений по времени.)

Схемой причины и причинности вещи вообще служит реальное, за которым, /когда бы оно ни было поставлено[5], всегда следует некоторое другое реальное. Следовательно, эта схема состоит в последовательности многообразия, поскольку она подчинена правилу.

Схема общения (Gemeinschaft) (взаимодействия (Wechselwirkung)) или взаимной причинности субстанций в отношении их свойств (Akzidenzen) есть сосуществование определений **184** одной субстанции с определениями другой субстанции по общему правилу.

Схемой возможности служит согласие синтеза различных представлений с условиями времени вообще (напр., /противоположные [определения] не могут принадлежать одной вещи в одно и то же время, но могут принадлежать ей последовательно[1]), следовательно, определение представления вещи [по отношению] к какому-либо (zu irgendeiner) времени.

Схема действительности есть существование в определенное время.

Схема необходимости есть существование предмета во всякое время.

Рассматривая эти схемы каждой категории, мы ви-

4) С – пока не превратится в ничто
(bis sie in Nichts... aufhört)

1) С – опускаемая
З, В – нисходим
(hinabgeht)

2) С – поднимаемся
З, В – восходим к величине его
(zu der Größe derselben... aufsteigt)

3) С – Время не уничтожается, хотя в нем уничтожается существование изменяемого
В – может прекращаться только бытие чего-нибудь изменчивого
(Die Zeit verläuft nicht, sondern in ihr verläuft sich das Dasein des Wandelbaren)

4) С, З – неизменное в существовании
(Unwandelbare im Dasein)

5) С – раз только оно дано
З – когда бы его не полагали
(wenn es nach Belieben gesetzt wird)

1) С, В – противоположное в одной и той же вещи не может быть дано одновременно, а только одно после другого
З – противоположности могут принадлежать одной вещи не в одно и то же время, а только в разное время
(das Entgegengesetzte in einem Dinge nicht zugleich, sondern nur nacheinander sein kann)

дим, что схема величины содержит и делает представимым порождение (синтез) самого времени в последовательной аппрегензии предмета, схема качества содержит и делает представимым синтез ощущения (восприятия) с представлением времени, т. е. наполнение времени, схема отношения (Relation) делает представимым отношение (Verhältnis) восприятий между собой во всякое время (т. е. по правилу определения времени), наконец, схема модальности и ее категорий делает представимым само время как коррелят определения предмета со стороны того, принадлежит ли он и как он принадлежит к времени. Следовательно, схемы суть не что иное, как априорные определения времени, подчиненные правилам и относящиеся, /в применении ко всем предметам[2] согласно порядку категорий, – к временному ряду, **185** к содержанию времени, к порядку времени и, наконец, к совокупности времени.

2) З – в применении ко всем возможным предметам (gehen... in Ansehung aller möglicher Gegenstände)

Отсюда ясно, что схематизм рассудка при посредстве трансцендентального синтеза способности воображения сводится не к чему иному, как к единству всего многообразия наглядного представления во внутреннем чувстве, и таким образом косвенно он сводится к единству апперцепции как функции, соответствующей внутреннему чувству (восприимчивости). Следовательно, схемы чистых понятий рассудка суть истинные и единственные условия, способные доставить чистым понятиям рассудка отношение к объектам, т. е. значение, и потому в конце концов категории не могут иметь никакого иного применения, кроме эмпирического, так как они служат лишь для того, чтобы посредством оснований a priori необходимого единства (для необходимого объединения всего сознания в одной первоначальной апперцепции) подчинить явления общим правилам синтеза и таким образом сделать их пригодными для всестороннего соединения в опыте.

Но в целом всего возможного опыта заключаются все наши знания, и трансцендентальная истина, предшествующая всякой эмпирической истине и делающая ее возможной, состоит в общем отношении к этому опыту (auf dieselbe).

Нельзя, однако, не заметить также того, что схемы чувственности, впервые **186** осуществляя категории, /тем не менее в то же время и ограничивают их, т. е. определяют условиями[1], лежащими вне рассудка (именно в чувственности). Поэтому схема есть собственно лишь феномен, или чувственное понятие предмета, согласное с категорией (*numerus* est quantitas

1) С – они сами являются как бы стесненными, т.е. ограниченными условиями (sie doch selbige gleichwohl auch restringieren, d.i. auf Bedingungen einschränken)

phaenomenon, sensatio realitas phaenomenon, *constans* et perdurabile rerum substantia phaenomenon – *aeternitas necessitas* phaenomenon etc.). Если мы устраним [теперь] ограничивающее условие, то, по-видимому, мы расширим (amplifizieren) ограниченное прежде понятие; так, категории в их чистом значении (Bedeutung), без всяких условий чувственности, /должны иметь отношение к вещам вообще[2], к а к о н и с у щ е с т в у ю т, между тем как схемы представляют вещи только так, как о н и я в л я ю т с я; следовательно, чистые понятия рассудка имеют независимое от всяких схем и гораздо более широкое значение. И действительно, по удалении (nach Absonderung) всех чувственных условий чистые понятия рассудка сохраняют значение, однако лишь логическое, именно значение простого единства представлений, которым, однако, не дан никакой предмет, а следовательно, /не дано и значение, могущее образовать понятие об объекте[3] (31). Так, напр., понятие субстанции, если устранить чувственное определение устойчивости, означает лишь нечто такое, что может быть мыслимо как субъект (но не служит ни для чего предикатом). Из этого представления я ничего не могу извлечь, так как оно мне вовсе не указывает, какие **187** определения имеет вещь, которую следует признать за такой первый субъект. Следовательно, категории без схем суть лишь функции рассудка, [необходимые] для понятий, но не представляющие никакого объекта (Gegenstand). Объективное (Diese) значение они получают из чувственности, которая реализует рассудок, ограничивая его в то же время.

2) С – будут иметь значение для вещей вообще (sollten... von Dingen überhaupt gelten)

3) С – не имеют никакого значения, ибо такое значение может дать понятию только объект
З – не дано и значение, допускающее понятие об объекте (mithin auch keine Bedeutung gegeben wird, die einen Begriff vom Objekt abgeben könnte)

Трансцендентального учения о способности суждения
(или аналитики основоположений)

ВТОРАЯ ГЛАВА

Система всех основоположений чистого рассудка

В предыдущем отделе мы исследовали трансцендентальную способность суждения только со стороны условий, при которых единственно она имеет право /применять[1] чистые понятия рассудка в синтетических суждениях. Теперь нам предстоит задача изложить в систематической связи суждения, действительно осуществляемые a priori рассудком с этой критической предусмотрительностью; при выполнении этой

1) С – доводить... до (zu brauchen.. zu)

задачи наша таблица категорий, без сомнения, будет служить естественным и надежным руководством. В самом деле, именно отношение категорий к возможному опыту должно создавать все чистые априорные знания рассудка и, следовательно, отношение их к чувственности вообще должно открыть вполне и в единой **188** системе все трансцендентальные основоположения применения рассудка.

Априорные основоположения называются так не только потому, что они содержат в себе основания для других суждений, но еще и потому, что сами они не обоснованы в более высоких и более общих знаниях. Однако это свойство /не ставит их выше всякого[1] доказательства. В самом деле, /хотя они не могут быть доказаны объективным путем, так как скорее, наоборот, они лежат в основе всякого знания своего объекта, тем не менее[2] это на мешает тому, чтобы можно было найти доказательство [их] из субъективных источников возможности знания о предмете вообще; мало того, такое доказательство даже необходимо, так как в противном случае /возникло бы подозрение, что эти основоположения суть произвольно подсунутые утверждения[3].

/Мы[4] будем ограничиваться лишь теми основоположениями, которые относятся к категориям. Поэтому принципы трансцендентальной эстетики, согласно которым пространство и время суть условия возможности всех вещей как явлений, а также ограничение основоположений, состоящее в том, что они не могут быть относимы к вещам в себе, не занимает нас в отмежеванной нами области исследования. Точно так же математические основоположения не входят в эту систему [основоположений], потому что они заимствованы только из наглядного представления, а не из чистых понятий **189** рассудка. Впрочем, поскольку они суть также априорные синтетические суждения, возможность их необходимо должна /подвергнуться исследованию[1] здесь, правда, не для того, чтобы доказать правильность и аподиктическую достоверность их, в чем они вовсе не нуждаются, а только для того, чтобы сделать понятной и дедуцировать возможность таких априорных очевидных знаний.

Нам необходимо будет также говорить об основоположении аналитических суждений, /чтобы противопоставить его[2] основоположению синтетических суждений, которое составляет /специальный[3] предмет нашего исследования. Именно это противоположение освободит теорию синтетических суждений от всяких недоразумений и отчетливо обрисует нам (vor Augen legt) их своеобразную природу.

1) З – не всегда ставит их выше всякого...
(überhebt sie doch nicht allemal)

2) С – хотя эти основоположения не могут... ибо...
З – хотя доказательство нельзя было бы дальше вести объективным путем – скорее оно лежит в основе всякого знания своего объекта, тем не менее...
(Denn obgleich dieser nicht weiter objektiv geführt werden könnte, sondern vielmehr aller Erkenntnis seines Objekts zum Grunde liegt, so...)

3) С – суждение могло бы навлечь на себя подозрение в случайности и произвольности
З – возникло бы величайшее подозрение, что это положение есть утверждение, приобретенное хитростью
(ja auch nötig wäre, weil der Satz sonst gleichwohl den größten Verdacht einer bloß erschlichenen Behauptung auf sich haben würde)

4) С, В – Во-вторых, мы
(Zweitens werden wir)

1) С – иметь здесь место
З – быть здесь рассмотрена
(hier... Platz finden)

2) С – в их противоположности с...
(und dieses zwar im Gegensatz mit dem...)

3) С, З – собственно
(eigentlich)

Системы основоположений чистого рассудка

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

О высшем основоположении всех аналитических суждений

Каково бы ни было содержание наших знаний и как бы ни относились они к объекту, – общее, правда, однако лишь отрицательное условие всех наших суждений вообще состоит в том, чтобы они не противоречили себе; в противном случае наши суждения [и] сами по себе (даже без отношения к объекту) не имеют никакого значения (nichts sind). **190** Но хотя бы в нашем суждении и не было никакого противоречия, тем не менее оно может соединить /понятия не так, как это требуется предметом[1], или так, /что[2] [для этого соединения] не дано никаких оснований ни a priori, ни a posteriori, которые оправдывали бы подобное суждение; таким образом суждение, хотя и свободное от всяких внутренних противоречий, тем не менее может быть ложным или необоснованным.

1) С – так, как их не дает нам предмет (so verbinden, wie es der Gegenstand nicht mit sich bringt)

2) З – что нам (daβ uns)

Положение, гласящее, что ни одной вещи не принадлежит предикат, противоречащий ей, называется законом противоречия. Оно есть общий, но, правда, только отрицательный критерий всякой истины, и потому относится лишь к логике, потому что имеет значение для знания только как знания, без отношения к его содержанию, и указывает лишь на то, что противоречием знание совершенно разрушается и уничтожается (vernichte und aufhebe).

Впрочем, этому принципу можно дать также и положительное применение, т.е. воспользоваться им не только для того, чтобы изгнать ложь и заблуждение (/поскольку они возникают вследствие противоречия[3]), но и для того, чтобы познать истину. В самом деле, если суждение имеет аналитический характер, все равно, утвердительное оно или отрицательное, истинность его может быть всегда и /вполне установлена[4] на основании закона противоречия, так как противоположное (Widerspiel) тому, что уже заложено и мыслится как понятие в познании объекта, всегда с [полным] правом (richtig) отрицается, а само понятие необходимо утверждается относительно объекта, **191** потому что противоположное (Gegenteil) ему противоречило бы объекту.

3) С – поскольку это основывается на противоречии (sofern er auf dem Widerspruch beruht)
(A^2 – sofern es)

4) С – достаточно ясна
З – в достаточной мере установлена
(hinreichend können erkannt werden)

Поэтому необходимо признать, что закон противоречия есть всеобщий и вполне достаточный принцип всякого аналитического знания: но далее этого его /влияние и применение[1] как достаточного критерия истины не

1) С, З – значение и применимость (пригодность) (Ansehen und Brauchbarkeit)

простирается, так как то обстоятельство, что никакое знание не может /нарушить его[2], не уничтожая себя, делает его, правда, conditio sine qua non [всякого /знания[3]], но все же не превращает его в основание определения истинности /знания[4]. Так как здесь мы, собственно, занимаемся только синтетической областью знания, то мы, правда, всегда /будем настороже, чтобы не нарушить[5] этого неприкосновенного основоположения, но по вопросу об истинности синтетических (von dergleichen Art) знаний мы не будем ожидать от него никаких указаний (Aufschluß).

Для этого чисто формального и лишенного всякого содержания, хотя и пользующегося большой известностью основоположения существует еще формула, содержащая в себе синтез, примешанный к ней по неосмотрительности и без всякой нужды. Эта формула такова: невозможно, чтобы что-либо в одно и то же время существовало и не существовало (zugleich sei und nicht sei). [Во-первых,] в этом положении /является излишним выражение[6] аподиктической достоверности (посредством слова невозможно), которая сама собой должна подразумеваться в нем, и, [во-вторых,] /оно подчинено здесь условию времени[7] и имеет как бы следующее значение (sagt gleichsam): **192** вещь = *A*, которое есть нечто = *B*, не может в то же самое время быть не *B*, но в разное время (nach einander) она может быть и тем, и другим (и *B*, и не *B*). Например, человек, который молод, не может в то же самое время быть старым, но один и тот же человек в одно время может быть молодым, а в другое – немолодым, т.е. старым. Однако закон противоречия как чисто логическое основоположение не может быть ограничен в своем значении (Aussprüche) /условиями времени[1], поэтому такая формула совершенно не соответствует его цели. Это недоразумение возникает вследствие того, что мы сперва отделяем предикат вещи от ее понятия и затем соединяем с этим предикатом его противоположность: отсюда получается противоречие не в отношении к субъекту, а только в отношении к этому предикату, синтетически соединенному с субъектом, и то лишь в том случае, если первый и второй предикат полагаются в одно и то же время. Если я говорю «человек, который необразован, не есть образованный человек (der ungelehrt ist, ist nicht gelehrt)», то я должен прибавить здесь «в то же самое время», так как человек, необразованный в одно время, вполне может быть образованным в другое время. Но если я говорю «всякий необразованный человек необразован (kein ungelehrter Mensch ist gelehrt)», то это суждение имеет аналитиче-

2) С – ему противоречить
З – идти вразрез с ним
(zuwider sein könne)

3) С, З – нашего знания
(unserer Erkenntnis)

4) С, З – нашего знания
(unserer Erkenntnis)

5) С – опасаясь поступать вопреки
З – стараемся не нарушать
(niemals zuwider zu handeln)

6) З – без всякой надобности присовокуплена
(überflüssigerweise angehängt worden)

7) С – в этот закон внесено условие времени
(so ist der Satz durch die Bedingung der Zeit affiziert)

1) С, З – временными отношениями
(Zeitverhältnisse)

ский характер, потому что в нем признак (необразованности) /входит[2] теперь в понятие субъекта, и в таком случае это отрицательное суждение /обладает непосредственной очевидностью на основании закона[3] противоречия, без присоединения условия «в т о ж е с а м о е в р е м я». Поэтому-то выше я высказал закон противоречия в формуле, видоизмененной так, **193** чтобы природа аналитического суждения была ясно выражена в ней.

2) С – создает
В – составляет
(mit ausmacht)
3) С – становится непосредственно ясным из закона
З – приобретает очевидность непосредственно из закона
(erhellt... unmittelbar aus dem Satze)

Системы основоположений чистого рассудка

ВТОРАЯ СЕКЦИЯ

О высшем основоположении
всех синтетических суждений

Объяснение возможности синтетических суждений есть задача, с которой общая логика не имеет никакого дела и которой она не должна знать даже по имени. Но в трансцендентальной логике /она стоит на первом плане и даже составляет единственную цель[1], если речь идет о возможности априорных синтетических суждений, а также об условиях и объеме их значения. В самом деле, рассмотрев эти вопросы, трансцендентальная логика может вполне достигнуть своей цели, именно определить объем и границы чистого рассудка.

1) С – это самая важная и даже единственная задача
(Sie ist... wichtigste Geschäft unter allen und sogar das einzige)

В аналитическом суждении я остаюсь при данном мне понятии, чтобы /получить[2] из него что-либо. Если аналитическое суждение должно быть утвердительным, то я приписываю понятию только то, что уже мыслилось в нем; если суждение должно быть отрицательным, то я исключаю из понятия только то, что противоположно ему. Наоборот (Aber), в синтетических суждениях я должен выйти из данного понятия, чтобы рассмотреть в отношении к нему нечто совершенно /новое[3] в сравнении с тем, что мыслилось в нем; поэтому **194** это отношение никогда не может быть ни отношением тождества, ни отношением противоречия, и из такого суждения само по себе не может быть усмотрена ни истинность его, ни ошибочность.

2) С, З – извлечь
(auszumachen)

3) С, З – другое
(anderes)

Итак, если мы согласимся с тем, что необходимо выйти из данного понятия, чтобы синтетически сравнить его с другим понятием, то мы признаем, что необходимо нечто третье, в чем единственно может возникнуть синтез двух понятий. Что же представляет собой это третье как посредство (Medium) всех синтетических суждений? Это есть не что иное, как только то /целое[1], в котором содержатся все на-

1) С – сумма
З – совокупность
(Inbegriff)

ши представления, именно внутреннее чувство и его априорная форма, [т.е.] время. Синтез представлений основывается на способности воображения, а синтетическое единство их (необходимое для суждения) на единстве апперцепции. Итак, здесь следует искать возможность синтетических суждений, и так как все эти три условия содержат в себе источники априорных представлений, то в них /заключается[2] возможность также и чистых синтетических суждений; мало того, они даже необходимо вытекают из этих оснований, если /должно существовать[3] знание о предметах, опирающееся исключительно на синтез представлений.

Если знание должно иметь объективную реальность, т.е. относиться к предмету и в нем иметь значение и смысл, то необходимо, чтобы предмет мог быть д а н каким-либо образом. Без этого понятия пусты, **195** и посредством их мы, правда, мыслим, но через это мышление в действительности ничего не познаем, а только играем представлениями. Дать предмет, /если под этим подразумевается опять лишь косвенная данность, а имеется в виду непосредственное выражение в наглядном представлении[1], – это значит относить представление предмета к опыту (действительному или хотя бы возможному). Даже пространство и время, как ни чисты эти понятия от всего эмпирического и как ни достоверно то, /что они представляются в душе вполне a priori[2], были бы лишены /объективного значения и смысла[3], если бы нельзя было показать их необходимого применения к предметам опыта; мало того, представление их есть только схема, имеющая всегда отношение к репродуктивной способности воображения, /воспроизводящей[4] предметы опыта, без которых эти схемы не имели бы никакого значения; то же самое следует сказать и обо всех понятиях без исключения (ohne Unterschied).

Итак, в о з м о ж н о с т ь о п ы т а есть то [условие], которое дает объективную реальность всем нашим априорным знаниям. Но опыт основывается на синтетическом единстве явлений, т.е. на синтезе согласно понятиям о предмете явлений вообще; без этого он был бы даже вовсе не знанием, а только рапсодией восприятий, которые не могли бы войти (zusammen schicken würden) ни в какой контекст согласно правилам /всесторонне объединенного[5] (возможного) сознания, следовательно, не могли бы войти также в трансцендентальное и необходимое **196** единство апперцепции. Следовательно, в основе опыта лежат a priori принципы его

2) С, З – следует искать и (auch... zu suchen sein)

3) С – должно возникнуть
З – надо создать
(zu Stande kommen soll)

1) З – если только речь идет о том, чтобы дать его не опосредованно, а непосредственно в созерцании (wenn dieses nicht wiederum nur mittelbar gemeint sein soll, sondern unmittelbar in der Anschauung darstellen)

2) С – что они вполне a priori представляют в душе (daβ sie völlig a priori im Gemüte vorgestellt werden)

3) С – объективного содержания, а через это – значения и смысла (ohne objektive Gültigkeit und ohne Sinn und Bedeutung)

4) З – вызывающе[й] (herbei ruft)

5) З – полностью связанного (durchgängig verknüpften)

формы, именно общие правила единства в синтезе явлений, и объективная реальность этих правил как необходимых условий /всегда может быть указана в опыте и даже в его возможности[1]. Но вне этого отношения [к опыту] априорные синтетические положения совершенно невозможны, /так как [вне этого отношения] нет ничего третьего[2], именно нет предмета, в котором синтетическое единство их понятий могло бы обнаружить [свою] объективную реальность.

Поэтому хотя о пространстве вообще или образах, /создаваемых[3] в нем продуктивной способностью воображения, мы знаем a priori очень многое в синтетических суждениях, и притом так, что действительно не нуждаемся для этого ни в каком опыте, тем не менее это знание /было бы не более, как исследованием пустых призраков[4], если бы не [было необходимости] рассматривать пространство как условие явлений, составляющих содержание (Stoff) внешнего опыта: поэтому эти чистые синтетические суждения относятся, хотя лишь косвенно, /к возможному опыту или скорее к самой этой его возможности, и на ней[5] исключительно основывается объективное значение их синтеза.

Так как опыт как эмпирический синтез в своей возможности есть единственный вид знания, сообщающий реальность всякому другому синтезу, то, следовательно, всякий другой синтез (so diese) как знание a priori обладает истинностью (согласием с объектом) **197** лишь вследствие того, что содержит в себе только то, что необходимо для синтетического единства опыта вообще.

Поэтому высший принцип всех синтетических суждений таков: всякий предмет подчинен необходимым условиям синтетического единства многообразия наглядного представления в возможном опыте.

Таким образом, априорные синтетические суждения возможны в том случае, если мы относим формальные условия априорного наглядного представления, синтез способности воображения и необходимое единство его в трансцендентальной апперцепции к возможному опытному знанию вообще и признаем, что условия в о з м о ж н о с т и о п ы т а вообще суть вместе с тем условия в о з м о ж н о с т и п р е д м е т о в о п ы т а и потому имеют объективное значение в априорном синтетическом суждении.

1) С – и даже сама их возможность всегда могут быть указаны в опыте
(deren [Erscheinungen] objektive Realität als notwendige Bedingung jederzeit in der Erfahrung, ja sogar ihrer Möglichkeit gewiesen werden kann)

2) С – ибо они не имеют ничего третьего
З – так как у них нет ничего третьего
(weil sie kein Drittes... haben)

3) З – начертанных
(verzeichnet)

4) С – превратилось бы в ничто и было бы игрою с пустыми призраками
З – изучением химер
(so würde... gar nichts, sondern die Beschäftigung mit einem bloβen Hirngespinst sein)

5) С – к опыту или скорее в нем получают свою возможность и только на нем
(auf mögliche Erfahrung, oder vielmehr auf dieser ihre Möglichkeit selbst beziehen, und darauf allein)

Системы основоположений чистого рассудка

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

Систематическое изложение всех синтетических основоположений чистого рассудка

То обстоятельство, что вообще существуют какие бы то ни было основоположения, следует приписать исключительно чистому рассудку, так как он есть не только способность правил в отношении того, что случается, **198** но и источник основоположений, /согласно которому[1] все (что только может являться нам как предмет) необходимо подчинено правилам, потому что без правил /явления никогда не могли бы привести к знанию о соответствующих им предметах[2]. Даже законы природы, если они рассматриваются как основоположения эмпирического применения рассудка имеют (führen... bei sich) вместе с тем отпечаток необходимости, т.е. заставляют по крайней мере предполагать определение из оснований, имеющих значение a priori и до всякого опыта. /Во всяком случае, все[3] законы природы подчинены высшим основоположениям рассудка /и составляют только применение их к[4] частным случаям явления. Следовательно, только эти [высшие основоположения] дают понятия, содержащие в себе условие и как бы указатель (Exponenten) для правила вообще, а опыт доставляет случаи, подчиненные правилу.

/Опасность[5] принять чисто эмпирические основоположения за основоположения /чистого рассудка[6], собственно, вовсе не угрожает нам: необходимость согласно понятиям, характеризующая [основоположения чистого рассудка] (letzere) и /[заметное][7] отсутствие этой необходимости во всяком эмпирическом суждении/, какой бы общий характер оно ни имело, легко могут предотвратить такое смешение. Существуют, правда, чистые априорные основоположения, которых я тем не менее предпочел бы не приписывать специально чистому рассудку, потому что они получены не из чистых понятий, **199** а из чистых наглядных представлений (хотя и при помощи рассудка), между тем как рассудок есть способность понятий. Такие основоположения встречаются в математике, но применение их к опыту, следовательно, объективное значение их и даже возможность такого априорного синтетического знания (дедукция его) основывается все же опять-таки на чистом рассудке.

Поэтому к своей [системе] основоположений я не буду причислять основоположений математики, но в нее, конечно, войдут те [основоположения], на кото-

1) С, В – по которым [основоположениям] (nach welchem) (Erdm. – nach welchen)

2) С – явлениям никогда нельзя было бы придать познания соответствующего им предмета (den Erscheinungen niemals Erkenntnis eines ihnen korrespondierenden Gegenstandes zukommen könnte)

3) З – И все без различия (Aber ohne Unteschied)

4) С – которые [основоположения] только применяют эти законы к...
З – которые [законы] применяются ими [основоположениями] лишь к...
В – и только прилагают последние [основоположения] к...
(indem sie [Grundsätze] diese [Gesetze] nur auf... anwenden)

5) З – Вот почему... опасность (deshalb... gefahr sein)

6) С, З – чистого рассудка или, наоборот (reines Verstandes, oder auch umgekehrt)

7) С – очень легко заметить
З – нетрудно усмотреть (leicht wahrgenommen wird)

рых основывается возможность и объективное значение a priori этих математических основоположений и которые поэтому должны рассматриваться как принципы их, так как направляются *от понятий* к наглядным представлениям, а *не от наглядных представлений* к понятиям.

В применении чистых понятий рассудка к возможному опыту /синтез их бывает[1] или *математическим*, или *динамическим*, так как он относится /или[2] только *к наглядным представлениям*, /или[2] к существованию явлений вообще. Но априорные условия наглядного представления совершенно необходимы в отношении к возможному опыту, тогда как условия существования объектов возможного эмпирического наглядного представления сами по себе лишь случайны. Поэтому основоположения математического применения имеют безусловно необходимый, т.е. аподиктический характер, а основоположения динамического применения, правда, также имеют характер априорной необходимости, однако лишь под условием эмпирического мышления в опыте, следовательно, только в опосредованной **200** и косвенной форме; поэтому они не обладают той непосредственной очевидностью (хотя это и не вредит их достоверности в отношении к опыту вообще), которая присуща первым основоположениям. Впрочем, эти [вопросы] будут более доступны (besser) обсуждению в конце системы основоположений.

1) С, З – применение их синтеза бывает
(ist der Gebrauch ihrer Synthesis)

2) С – отчасти... отчасти...
З – с одной стороны... а с другой...
(teils... teils)

Таблица категорий дает нам вполне естественное руководство для [составления] таблицы основоположений, так как они суть не что иное, как правила объективного применения категорий. Соответственно этому все основоположения чистого рассудка суть:

1. Аксиомы
наглядного представления

2. Антиципации	**3. Аналогии**
восприятия	*опыта*

4. Постулаты
эмпирического мышления вообще

Эти названия избраны мной с таким расчетом, чтобы не остались незамеченными различия в очевидности и применении (Ausübung) этих основоположений. Вскоре обнаружится, /что в отношении очевидности и определения[1] явлений **201** a priori соглас-

1) С – как в их очевидности, так и в их определении
(was sowohl die Evidenz, als die Bestimmung)

но категориям количества (Größe) и качества (если обратить внимание только на форму их) основоположения этих двух категорий отличаются от основоположений двух остальных категорий тем, что хотя и те и другие вполне достоверны, тем не менее первые обладают наглядной (intuitiven), а вторые только дискурсивной достоверностью. Поэтому я буду называть первые основоположения математическими, а вторые динамическими* (32). /Конечно[1], я имею здесь в виду, собственно, **202** не основоположения математики и не основоположения общей (физической) динамики, а только основоположения чистого рассудка в отношении к внутреннему чувству (без различия данных в нем представлений), благодаря которым возникает возможность всех вышеупомянутых основоположений. Следовательно, я дал им названия не столько по их содержанию, сколько по их применению. Теперь я перехожу к рассмотрению их в том порядке, как они представлены в таблице.

1) С, 3 – Легко (не трудно) заметить, что
(Man wird aber wohl bemerken, daß)

1. Аксиомы наглядного представления

Принцип их таков: все наглядные представления суть экстенсивные величины[31].

* ⟨Всякое соединение (conjunctio) есть или сложение (compositio), или связь (nexus). Первое есть синтез многообразия, части которого не необходимо принадлежат друг другу; напр., два треугольника, на которые делится квадрат диагоналями, сами по себе не необходимо принадлежат друг к другу; такой же характер имеет синтез однородного во всем, что может быть исследуемо математически (в свою очередь, этот синтез может быть подразделен на синтез агрегации и коалиции, из которых первый направлен на экстенсивные, а второй на интенсивные величины). Второй вид соединения (nexus) есть синтез многообразия, поскольку части его необходимо принадлежат друг другу, как, напр., акциденция к субстанции или действие к причине, и потому, хотя и не однородны, тем не менее представляются связанными a priori; это соединение, так как оно не произвольно, я называю динамическим, потому что оно касается соединения существования многообразного (оно может быть, в свою очередь, подразделено на физическое соединение явлений между собой и метафизическое соединение их в способности познания a priori.

[31] В первом издании заглавие и тезис были выражены следующим образом:

1. Об аксиомах наглядного представления

Основоположение чистого рассудка: все явления, что касается их наглядного представления, суть экстенсивные величины.

<Доказательство>

⟨Все явления содержат, что касается формы, наглядное представление в пространстве и времени, лежащее в основе их всех a priori. Поэтому они могут быть аппрегендированы, т.е. восприняты в эмпирическое сознание не иначе, как посредством синтеза многообразия, который создает представления определенного пространства или времени, т.е. посредством сложения однородного и сознания синтетического единства этого многообразия **203** (однородного). Но сознание многообразного однородного в наглядном представлении вообще, поскольку посредством его впервые становится возможным представление объекта, есть понятие величины (quanti). Следовательно, само восприятие объекта как явления возможно лишь посредством того именно синтетического единства многообразия данного чувственного наглядного представления, посредством которого мыслится единство сложения многообразного однородного в понятии *величины*; иными словами, все явления суть величины и притом *экстенсивные величины*, потому что как наглядные представления в пространстве или времени, они должны быть представляемы посредством того синтеза, которым определяется пространство и время вообще.⟩

Экстенсивной я называю всякую такую величину, в которой представление целого делается возможным благодаря представлению частей (которое поэтому необходимо предшествует представлению целого). Я не могу себе представить линии, как бы мала она ни была, не проведя ее мысленно, т.е. не производя последовательно всех [ее] частей, начиная с определенной точки и таким образом впервые /начертая наглядное представление ее[1]. То же самое относится и ко всякой, даже малейшей [части] времени. Я мыслю в нем лишь последовательный переход от одного мгновения к другому, причем посредством всех частей времени и присоединения их друг к другу возникает, наконец, определенная величина времени. Так как чисто наглядное представление во всех явлениях есть или пространство или время, то всякое **204** явление как наглядное представление есть экстенсивная величина, так как оно может быть познано только посредством последовательного синтеза (от части к части) в аппрегензии. Уже поэтому все явления наглядно представляются как агрегаты (множество заранее данных частей) (33), что, однако, необходимо не для всякого

1) З – создавая ее образ в созерцании (diese Anschauung zu verzeichen)

рода величин, а только для тех, которые представляются и аппрегендируются нами /как экстенсивные[1].

На этом последовательном синтезе продуктивной способности воображения, создающем фигуры, основывается математика протяженности (геометрия) с ее аксиомами, выражающими условия чувственного наглядного представления a priori, под которыми только и может осуществляться схема чистого понятия внешнего явления; [таковы,] напр., [условия, что] между двумя точками возможна только одна прямая линия, что две прямые линии не замыкают пространства, и т.п. Это аксиомы, относящиеся только к величинам (quanta) как таковым.

Что же касается количества (quantitas), т.е. ответа на вопрос: «как велико что-либо?» то в этом отношении нет аксиом в точном смысле слова, хотя некоторые из положений этого рода имеют синтетический характер и достоверны непосредственно (gewiß) (indemonstrabilia). В самом деле, положения, согласно которым равные величины (Gleiches), сложенные с равными или вычтенные из них, дают равные величины, суть аналитические суждения, так как я в них непосредственно сознаю /тождество двух произведенных таким образом величин[2], **205** между тем как аксиомы должны быть априорными синтетическими суждениями. С другой стороны, очевидные положения об отношении между числами, правда, имеют синтетический характер, но они не общи, как положения геометрии, и потому не могут считаться аксиомами, а должны (können) называться формулами чисел. Положение «7 + 5 = 12» не есть аналитическое суждение, так как ни в представлении о 7, ни в представлении о 5, ни в представлении о сложении этих двух чисел не заключается число 12 (то, что после сложения этих двух чисел я должен мыслить число 12, здесь нас не касается, так как решение вопроса об аналитическом характере суждения зависит лишь от того, мыслю ли я действительно предикат в представлении субъекта) (34). Но хотя это суждение и синтетическое, оно в то же время единичное. Поскольку в нем имеется в виду только синтез однородного (единиц), он может произойти здесь лишь одним-единственным путем, хотя вслед за этим применение этих чисел имеет общий характер. Если я говорю, что посредством трех линий, из которых две, вместе взятые, больше третьей, можно образовать треугольник, то здесь я имею дело с чистой

1) С – как такие, экстенсивно (extensiv als solche)

2) С – тождество возникновения величины с возникновением другой величины
3 – тождество создания одного количества с созданием другого (der Identität der einen Größenerzeugung mit der anderen)

(bloße) функцией продуктивной способности воображения, которая может проводить большие или меньшие линии, а также соединять их под всевозможными углами. Наоборот, число 7 (35) возможно лишь одним-единственным способом, и точно так же число 12, производимое посредством синтеза 7 и 5. Поэтому подобные **206** положения следует называть не аксиомами (в противном случае было бы бесчисленное количество аксиом), а формулами чисел.

Указанное [нами] трансцендентальное основоположение математики явлений чрезвычайно расширяет сферу нашего априорного знания. Именно благодаря этому основоположению чистая математика со всей ее точностью становится приложимой к предметам опыта, тогда как без него это не было бы ясно само собой и даже /вызывало бы много противоречий[1]. Явления вовсе не суть вещи в себе. Эмпирическое наглядное представление возможно только посредством чистого наглядного представления (пространства и времени); поэтому все, что геометрия говорит о чистом наглядном представлении, приложимо /без всяких противоречий[2] и к эмпирическому представлению, и /все выдумки[3], будто предметы чувств могут не сообразоваться с правилами построения в пространстве (напр., с бесконечной делимостью линий или углов), должны отпасть, так как это значило бы отрицать объективное значение пространства и вместе с ним всей математики и утратить знание о том, почему и насколько математика приложима к явлениям. Синтез пространств и времен как существенной /формы[4] (36) всякого наглядного представления есть то [условие], которое делает возможным также аппрегензию явления, следовательно, всякий внешний опыт, а потому и всякое знание о предметах его, и все, что математика в ее чистом применении доказывает об этом синтезе, необходимо имеет значение также и для этого знания о предметах. Все возражения против **207** этого суть лишь уловки ложнонаправленного (falsch belehrten) разума, который ошибочно /старается обособить[1] предметы чувств от формальных условий нашей чувственности и рассматривает их как данные рассудку вещи (Gegenstnände) в себе, между тем как они суть лишь явления: [/если бы предметы чувств были вещами в себе, то], конечно[2], о них ничего нельзя было бы узнать синтетически a priori, также и посредством чистых понятий о пространстве, и даже самая наука, определяющая эти понятия, именно геометрия, была бы невозможна.

1) С – могло бы послужить поводом к некоторым противоречиям (ja auch manchen Widerspruch veranlaßt hat)

2) С – без всякого возражения (ohne Widerrede)

3) С, З – увертки (Ausflüchte)

4) С – форм (als der wesentichen Form)

1) С – пробует отрешить (loszumachen gedenkt)

2) С – В этом случае, конечно (in welchem Falle, freilich)

2. Антиципации восприятия

Принцип их таков: Во всех явлениях реальное, составляющее (was ... ist) предмет ощущения, имеет интенсивную величину, т.е. степень[32].

<Доказательство>

⟨Восприятие есть эмпирическое сознание, т.е. такое [сознание], в котором есть также (zugleich) ощущение. Явления как предметы восприятия не суть чистые (только формальные) наглядные представления, каковы пространство и время (которые не могут быть восприняты сами по себе). Следовательно, кроме наглядного представления они содержат в себе материал (die Materien) для какого-либо /объекта[3)] (то, посредством чего представляется нечто существующее в пространстве или времени), т.е. реальное в ощущении как чисто субъективное представление, /в котором мы сознаем только, что[4)] субъект подвергнулся воздействию (affiziert sei), и которое мы относим **208** к объекту вообще. От эмпирического сознания к чистому возможен постепенный переход (Veränderung), состоящий в том, что реальное [содержание] его совершенно исчезает и остается чисто (bloß) формальное сознание (a priori) многообразия в пространстве и времени: следовательно, возможен также синтез, создающий величину ощущения, /от ее начала, [т.е.] чистого наглядного представления = 0, вплоть до любой величины[1)]. Так как ощущение само по себе вовсе не есть объективное представление и не содержит в себе ни наглядного представления пространства, ни наглядного представления времени, то оно не обладает экстенсивной величиной, но все же имеет некоторую величину (благодаря аппрегензии /его[2)], в которой эмпирическое сознание может возрасти в известное время от нуля вплоть до данной величины ощущения), именно интенсивную величину; /поэтому[3)] всем объектам восприятия, поскольку в последнем (diese) содержится ощущение, должна быть приписана интенсивная величина, т.е. степень влияния на чувство.⟩

Всякое знание, посредством которого я могу a priori познать и определить что-либо относящееся к области эмпирического знания, можно назвать антици-

3) С, З – объекта вообще (ein Objekt überhaupt)

4) З – которое дает нам лишь сознание того, что... (von der man sich nur bewußt werden kann, daß...)

1) С, З – от его [ощущения] начала... до любой его величины (von ihrem Anfange... an bis zu einer belibigen Größe derselben)

2) З – ее [величины] (derselben)

3) С, В – соответственно ей (с ней)
З – в соответствии с ней (welcher korrespondirend)

[32] В первом издании этот тезис был выражен так: Основоположение, антиципирующее все восприятия как таковые, состоит в следующем: Во всех явлениях ощущение и то реальное, что соответствует в предмете ощущению (realitas phaenomenon), имеет интенсивную величину, т.е. степень.

пацией; без сомнения, Эпикур употреблял термин πρόληψις в этом именно значении. Но в явлении есть нечто такое, что никогда не познается a priori и потому составляет существенное отличие эмпирического знания от априорного, именно ощущение **209** (как материя восприятия); следовательно, ощущение есть именно то, что никоим образом не может быть антиципировано. Наоборот, чистые определения в пространстве и времени, как в отношении фигуры, так и в отношении величины, можно было бы назвать антиципациями явлений, потому что они изображают a priori то, что всегда может быть дано в опыте a posteriori. Но если допустить, что существует еще нечто, познаваемое a priori во всяком ощущении как ощущении вообще (хотя бы частное [ощущение] и не было дано), то такое [знание] заслуживает названия антиципации /по преимуществу[1], так как [особенно] удивительной кажется [способность] предварять опыт в том именно, что касается его материи, которую можно почерпнуть только из опыта. Таков именно рассматриваемый нами случай.

Аппрегензия исключительно посредством ощущения наполняет только одно мгновение (конечно, если я не принимаю в расчет последовательности многих ощущений). Следовательно, ощущение как нечто такое в явлении, аппрегензия чего не есть последовательный синтез, переходящий от частей к целому представлению, /не есть[2] экстенсивная величина: отсутствие ощущения в том же мгновении представляло бы его пустым, следовательно, = 0. Но то, что в эмпирическом наглядном представлении соответствует ощущению, есть реальность (realitas phaenomenon), а то, что соответствует отсутствию ощущения, есть отрицание = 0. **210** Далее, всякое ощущение /способно убывать, т.е. может уменьшаться[1] и таким образом постепенно исчезнуть. Следовательно, между реальностью в явлении и отрицанием существует непрерывный ряд многих возможных промежуточных ощущений, различие между которыми всегда меньше, чем различие между данным ощущением и нулем, т.е. совершенным отрицанием; иными словами, реальное в явлении всегда имеет величину, которая, однако, находится не в аппрегензии, так как эта аппрегензия посредством простого ощущения происходит в одно мгновение, а не при помощи последовательного синтеза многих ощущений и, следовательно, не переходит от частей к целому: следовательно, реальное (es) имеет, правда, величину, но не экстенсивную.

Ту величину, которая аппрегендируется только как единство и в которой множественность может

1) С – в исключительном смысле
З – в необычном значении
(im ausnehmenden Verstande)

2) С, З – не имеет
(hat sie... keine)

1) З – способно слабеть, т.е. может убывать
(einer Verringerung fähig, so daß sie abnehmen... kann)

быть представлена только путем приближения к отрицанию = 0, я называю интенсивной. Следовательно, всякая реальность в явлении имеет интенсивную величину, т.е. степень. Если эту реальность рассматривают как причину (или ощущения, или другой реальности в явлении, напр. изменения), то степень реальности как причины называют моментом, напр. моментом тяжести; этот термин объясняется тем, что степень обозначает только такую величину, которая аппрегендируется не последовательно, а моментально. Я касаюсь здесь этого лишь мимоходом, так как причинности мы теперь еще не рассматриваем.

211 Таким образом, всякое ощущение, а следовательно, и всякая реальность в явлении, как бы она ни была мала, имеет степень, т.е. интенсивную величину, которая [в свою очередь] всегда может быть еще уменьшена, так что между реальностью и отрицанием существует непрерывная цепь (Zusammenhang) возможных реальностей и возможных /менее интенсивных[1] восприятий. Всякий цвет, напр. красный, имеет степень, которая, как бы она ни была мала, никогда не есть наименьшая; точно то же можно сказать и о теплоте, моменте тяжести и т.п.

1) С – меньших
З – менее значительных (kleinerer)

То свойство величин, благодаря которому ни одна часть их не есть наименьшая возможная часть (ни одна часть не проста), называется непрерывностью их. Пространство и время суть quanta continua [непрерывные величины], потому что ни одна часть их не может быть дана так, чтобы она не заключалась между границами (точками и мгновениями), следовательно, всякая такая часть сама в свою очередь есть также пространство или время. Итак, пространство состоит только из пространств, а время – из времен. Точки и моменты суть только границы, т.е. только места ограничения пространства и времени, но места предполагают всегда существование тех наглядных представлений, которые должны ограничиваться или определяться ими, и пространство, и время не могут быть сложены из одних только мест как составных частей, которые были бы даны еще до пространства или времени. Такие величины можно назвать также текучими, потому что синтез (продуктивной способности воображения), создающий их, есть движение **212** вперед (Fortgang) во времени, непрерывность которого мы особенно склонны обозначать словом текущий (des Flieβens) (истекший) (Verflieβens).

Таким образом, все явления вообще суть величины непрерывные и со стороны наглядного представления их как экстенсивные величины и со стороны просто восприятия (ощущения и, следовательно, реаль-

ности) как интенсивные величины. Если синтез многообразия явления прерывист, то получается (собственно не явление как величина), а агрегат многих явлений, который возникает не благодаря простому продолжению одного из видов продуктивного синтеза, а благодаря повторению /все вновь начинающегося и заканчивающегося[1] синтеза. Если я называю 13 талеров денежной величиной, то я выражаюсь правильно, поскольку я разумею под этим /весовое содержание марки[2] чистого серебра, представляющей собой во всяком случае непрерывную величину, в которой ни одна часть не есть наименьшая, но всякая часть могла бы составить монету, которая всегда содержала бы, в свою очередь, материал для еще меньшей монеты. Но если под этим названием я разумею 13 круглых талеров как столько-то монет (причем [весовое] содержание серебра в них может быть каким угодно), то я неправильно называю их /денежной величиной[3], но должен рассматривать их как агрегат, т.е. как число монет. Однако, так как в основе всякого числа должна лежать /единица[4], то, как /единица[4] всякое явление есть величина и, как таковая, оно всегда есть нечто непрерывное.

Если все /явления[5], – и как экстенсивные и как интенсивные – суть непрерывные величины, то положение, [утверждающее], что также и всякое **213** изменение (переход вещи из одного состояния в другое) имеет непрерывный характер, могло бы быть легко и с математической очевидностью доказано здесь, если бы причинность изменения вообще не лежала совершенно вне границ трансцендентальной философии и не предполагала бы эмпирических принципов. В самом деле, о том, что возможны причины, которые изменяют состояние вещей, т.е. определяют их к состоянию, которое противоположно известному данному состоянию вещи, рассудок не дает нам a priori никакого знания не просто потому, что он не постигает возможности этого (ведь такого постигания у нас нет во многих других априорных знаниях), а потому, что изменяемость относится только к известным определениям явлений, которые могут быть указаны только опытом, причем сама причина их должна находиться в неизменяемом. Но так как здесь у нас нет ничего, чем бы мы могли воспользоваться, кроме чистых основных понятий всякого возможного опыта, среди которых не должно быть ничего эмпирического, то мы не можем, не нарушая единства системы, /забегать в[1] область общего естествознания, которое строится на известных основных данных опыта (Grunderfahrungen).

1) С – всегда прерывающегося
З – постоянно прекращающегося
(einer immer aufhörenden)

2) З – пробу полфунта
(den Gehalt von einer Mark)

3) С – величиной талеров
(ein Quantum von Talern)

4) С, В – единство
(Einheit)

5) С, З – явления, рассматриваемые
(Erscheinungen... betrachtet)

1) С – вторгаться
З – упреждать
(vorgreifen)

Тем не менее у нас нет недостатка в доказательствах важного значения нашего основоположения, которое антиципирует восприятия и даже дополняет недостаток их настолько, что предохраняет от всех ложных умозаключений, /к которым он мог бы подать повод[2].

2) С – какие отсюда могли бы возникнуть
З – которые можно было бы из них сделать
(die daraus gezogen werden möchten)

214 Если всякая реальность в восприятии имеет степень, между которой и отрицанием существует бесконечная последовательность (Stufenfolge) все меньших степеней, и если всякое чувство должно иметь определенную степень восприимчивости к ощущениям, то невозможны никакие восприятия, а следовательно, и никакой опыт, которые бы доказывали прямо или косвенно (через какой угодно окольный путь в умозаключениях) совершенное отсутствие реальности в явлении; иными словами, из опыта никогда не может быть извлечено доказательство существования пустого пространства или пустого времени. В самом деле, полное отсутствие реального в чувственном наглядном представлении, во-первых, само не может быть воспринято и, во-вторых, не может быть выведено ни из каких явлений и различий в степенях их реальности, а также никогда /не требуется[1] для объяснения их. Действительно, хотя бы даже все наглядное представление определенного пространства или времени было сплошь реальным, т.е. ни одна часть его не была пуста, тем не менее, так как всякая реальность имеет свою степень, которая без изменения экстенсивной величины явления может убывать вплоть до ничто (пустоты) через посредство бесчисленного множества степеней, то должно существовать бесчисленное разнообразие степеней наполнения пространства и времени, и интенсивная величина может быть в различных явлениях большей или меньшей, несмотря на то что экстенсивная величина наглядного представления остается прежней.

1) С – не может быть допущено (darf... niemals angenommen werden)

215 Поясним это примером. Воспринимая большие различия в количестве между разными видами материи, занимающими одинаковый объем (воспринимая это отчасти благодаря моменту тяжести или веса, отчасти благодаря моменту сопротивления против другой движущейся материи), почти все естествоиспытатели единогласно умозаключают отсюда, что этот объем (экстенсивная величина явления) должен во всех видах материи, хотя и в различной мере, заключать в себе пустоту. /Но кто бы мог подумать[1], что эти естествоиспытатели, большей частью математики и механики, основывают свое умозаключение исключительно на метафизическом предположении, чего они, по их словам, так старательно избегают,

1) С – но если бы кто-нибудь из этих... хоть раз мог догадаться (Wer hätte aber von diesen... sich wohl jemals einfallen lassen)

именно они допускают, что р е а л ь н о е в пространстве (я не буду называть его здесь непроницаемостью или весом, потому что это эмпирические понятия) п о в с ю д у о д и н а к о в о и может различаться только по своей экстенсивной величине, т.е. по количеству [частиц]. Этому предположению, для которого естествоиспытатели не могли иметь никакого основания в опыте и которое поэтому имеет чисто метафизический характер, я противопоставляю трансцендентальное доказательство, которое, правда, не [имеет целью] объяснить различия в наполнении пространства, но все же совершенно устраняет мнимую необходимость предположения, будто /эти различия[2] не могут быть объяснены иначе, как допущением [существования] (durch anzunehmende) пустых пространств, и имеет по крайней мере ту заслугу, что дает рассудку свободу **216** представлять (zu denken) эти различия также иным способом, если объяснение природы необходимо требует здесь какой-либо гипотезы. В самом деле, мы видим, что хотя два одинаковых пространства могут быть совершенно заполнены различными видами материи, так что в обоих пространствах нет ни одной точки, где бы не было материи, тем не менее всякая реальность при одном и том же качестве имеет степень [ее] (сопротивления или веса), которая без уменьшения экстенсивной величины или количества [частиц] /может уменьшаться до бесконечности раньше, чем[1] перейдет в пустоту и исчезнет. Так, /некоторое напряжение, наполняющее пространство[2], напр. теплота, и точно также всякая другая реальность (в явлении) может, не оставляя ни малейшей части этого пространства пустым, убывать в своих степенях до бесконечности и тем не менее при этих меньших степенях наполнять пространство точно так же, /как при бóльших степенях[3]. Я вовсе не собираюсь здесь утверждать, что /различия между видами материи по удельному весу действительно возникают таким образом[4], но хочу только доказать из основоположения чистого рассудка, что природа наших восприятий делает возможным такое объяснение и что ошибочно рассматривать реальность в явлении как нечто [везде] одинаковое по степени и различное только по аггрегации и экстенсивной величине ее, и к тому же еще мнимо обосновывать это положение на априорном основоположении рассудка.

217 Конечно, для [всякого] исследователя (Naturforscher), привыкшего к трансцендентальному размышлению и потому сделавшегося осторожным, эта антиципация восприятия во всяком случае (immer) заключает в себе нечто поразительное и возбуждает

2) С – указанное различие (gedachten Unterschied)

1) С – может распадаться на бесконечное количество меньших степеней, прежде чем (ins Unendliche kleiner sein kann, ehe)

2) З – степень насыщенности среды, наполняющей пространство
Г – насыщенность среды, наполняющая пространство
(eine Ausspannung, die einen Raum erfüllt)

3) С – как другое явление в степени неизмеримо большей
З – как и другие явления с большими степенями
(als eine andere Erscheinung mit gröβeren [Graden])

4) С – будто бы именно таково различие материй по их специфической тяжести
З – с различием между видами материи по удельному весу дело действительно обстоит таким же образом
(daβ dieses wirklich mit der Verschiedenheit der Materien, ihrer spezifischen Schwere nach, so bewandt sei)

некоторые сомнения по поводу того, что рассудок может антиципировать такое синтетическое положение, как суждение о степени всякой реальности в явлении и, следовательно, о возможности внутреннего различия в самом ощущении, если отвлечься от его эмпирического качества; следовательно, вполне заслуживает обсуждения вопрос, каким образом рассудок может судить здесь a priori синтетически о явлениях и даже антиципировать их в том, что имеет /чисто[1] эмпирический характер в собственном смысле этого слова, /именно касается ощущений[2].

1) С – собственно только
З – истинно и чисто
(eigentlich und bloβ)
2) С – т.е. присуще ощущению
(nähmlich die Empfindung angeht)

Качество ощущения всегда имеет чисто эмпирический характер и никоим образом не может быть представлено a priori (напр., цвета, вкус и т.п.). Но реальное, соответствующее ощущениям вообще в противоположность отрицанию = 0, представляет только нечто такое, понятие чего содержит в себе бытие (Sein) и означает не что иное, как синтез в эмпирическом сознании вообще. Во внутреннем чувстве это эмпирическое сознание может возрастать от нуля до какой угодно высшей степени, так что одна и та же экстенсивная величина наглядного представления (напр. освещенная поверхность) может возбуждать столь же сильное ощущение, как и агрегат многих других [экстенсивных величин] (менее освещенных). Поэтому от экстенсивной величины явления можно совершенно отвлечься, и в простом **218** ощущении, /занимающем один момент, тем не менее представлять себе синтез однородного возрастания от 0[1] вплоть до данного эмпирического сознания. Поэтому, хотя все ощущения как таковые даны только a posteriori, но свойство их, состоящее в том, что они имеют степень, может быть познано a priori. Замечательно, что в величинах вообще мы познаем a priori /только качество их[2], именно непрерывность, а во всех качествах (в реальном [содержании] явлений) мы познаем a priori только интенсивное количество их, т.е. то, что они имеют степень; все же прочее остается предоставленным опыту.

1) С – в моменте синтеза однообразного, представить себе подъем от 0
(in einem Moment eine Systhesis der gleichformigen Steigerung von 0... vorstellen)

2) С, З – только их одно качество
(nur eine einzige Qualität)

3. Аналогии опыта

Принцип их таков: опыт возможен только посредством представления необходимой связи восприятий[33].

---

[33] В первом издании этот тезис был выражен следующим образом:Общее основоположение их таково: все явления, по своему существованию, a priori подчинены правилам определения их отношения друг к другу /во времени[3].

3) С – в одном
З – в некотором
(in einer Zeit)

<Доказательство>

⟨Опыт есть эмпирическое знание, т.е. знание, определяющее объект посредством восприятия. Следовательно, опыт есть синтез восприятий, сам в свою очередь не содержащийся в восприятии, но представляющий собой синтетическое единство /многообразия их[3)] в сознании; это синтетическое единство составляет существенную черту познания о б ъ е к т о в чувств, т.е. опыта **219** (а не просто наглядного представления или ощущения чувств). Но восприятия /подходят друг к другу[1)] в опыте только случайным образом, так что из самих восприятий необходимость их связи неясна и не может быть ясной, так как аппрегензия есть только сопоставление многообразия эмпирического наглядного представления, но в ней не заключается никакого представления о необходимости соединенного существования сопоставляемых ею явлений в пространстве и времени. Между тем опыт есть познание объектов посредством восприятий, следовательно, отношение в существовании многообразия должно представляться в нем не так, как оно составляется во времени, а так, как оно объективно существует во времени, и так как само время не может быть воспринято, то определение существования объектов во времени может происходить только посредством соединения их во времени вообще, следовательно, только посредством понятий, a priori устанавливающих соединение. Так как эти понятия всегда вместе с тем сопровождаются необходимостью, то опыт возможен только посредством представления необходимого соединения восприятий].⟩

3) С – его [восприятия] разнообразия (des Mannigfaltigen derselben)

1) З – правда сходятся друг с другом (Nun kommen zwar... zu einander)

Три модуса времени суть /у с т о й ч и в о с т ь, п о с л е д о в а т е л ь н о с т ь и с о с у щ е с т в о в а н и е[2)]. Поэтому всякому опыту должны предшествовать и делать его впервые возможным три правила всякого отношения явлений во времени, согласно которым может быть определено существование каждого явления (37) в отношении единства всего времени.

2) З – постоянность, последовательность и одновременное сосуществование (Beharrlichkeit, Folge und Zugleichsein)

220 Общее основоположение всех трех аналогий опирается на необходимое е д и н с т в о апперцепции в отношении всего возможного эмпирического сознания (восприятия) /в о в с я к о е в р е м я[1)]; так как это единство [должно] лежать в основе a priori, то, следовательно, это общее основоположение опирается на синтетическое единство всех явлений согласно их отношению во времени. В самом деле, первоначальная апперцепция относится к внутреннему чувству (совокупности всех представлений) и притом a priori к форме его, т.е. к отношению /многообразия[2)] эм-

1) С – к каждому времени (zu jeder Zeit)

2) З – многообразного (mannigfaltigen)

пирического сознания во времени. Все это многообразие должно быть объединено в первоначальной апперцепции, согласно его отношениям во времени, так как в этом именно и состоит трансцендентальное единство апперцепции a priori, которому подчинено все, что должно принадлежать моему (т.е. моему единому (meinem einigen)) знанию, т.е. может сделаться предметом для меня. Следовательно, это *синтетическое единство* отношений во времени всех восприятий, *определенное a priori*, есть закон, гласящий, что эмпирические определения времени должны быть подчинены правилам общего определения времени, и аналогии опыта, которыми мы занимаемся теперь, должны быть этими правилами.

Особенность этих основоположений состоит в том, что они относятся не к явлениям и к синтезу их эмпирического наглядного представления, а только к *существованию* [явлений] и /*отношению* их существования друг к другу[3]. **221** Действительно, способ, каким что-либо аппрегендируется в явлении, может быть a priori определен так, что правило синтеза может дать вместе с тем само это наглядное представление a priori /в определенном[1] эмпирическом случае, т.е. /осуществить его путем синтеза[2]; наоборот, существование явлений не может быть познано a priori и, хотя бы мы могли прийти этим путем к тому, что умозаключили бы о каком-либо существовании, тем не менее мы не познали бы его определенным образом, т.е. не могли бы антиципировать того, чем его эмпирическое наглядное представление отличается от других [представлений].

3) С, З – их отношения друг к другу относительно (касающееся) этого их существования
(ihr Verhältnis unter einander in Ansehung dieses ihrer Daseins erwägen)

1) С – в каждом предлежащем (in jedem vorliegenden)

2) С – что оно [созерцание] осуществляется из него [синтеза]
(sie daraus zu Stande bringen kann)

Два предыдущих основоположения, названные мной математическими ввиду того, что они дают право применять математику к явлениям, относятся к явлениям только со стороны их возможности и указывают, как они, что касается их наглядного представления, а также реального [содержания] их восприятия, могут быть произведены согласно правилам математического синтеза; поэтому и в первом, и во втором синтезе могут быть применены числовые величины и вместе с ними определение явления как величины. Так степень ощущения от солнечного света я могу сложить и дать a priori в определенной форме, т.е. конструировать, напр., из 200000 лунных освещений. Поэтому мы можем назвать первые основоположения конститутивными.

Совершенно иной характер должны иметь те [основоположения], которые a priori подводят под правила существование явлений. Так как существования явлений нельзя конструировать, то эти основополо-

жения могут 222 касаться только /отношений [между] существованием [явлений[1]] и /могут содержать[2] в себе только *регулятивные* принципы. Следовательно, здесь нечего думать ни об аксиомах, ни об антиципациях; если нам дано восприятие во временном отношении к другому восприятию (хотя и неопределенному), то a priori нельзя будет сказать, /какое по *качеству* и *величине* другое восприятие [необходимо связано с данным], но можно сказать, как оно связано с данным явлением[3] по своему существованию в этом модусе времени. В философии аналогия означает нечто совершенно иное, чем в математике. В математике так называются формулы, выражающие равенство двух отношений величин и всегда имеющие *конститутивное* значение, так что /если даны три члена пропорции, то тем самым дан, т.е. может быть построен, и четвертый член[4]. Но в философии аналогия есть равенство двух не *количественных*, а *качественных* отношений, в котором я по трем данным членам могу познать и a priori /определить[5] только *отношение* их к четвертому члену, а не самый *этот четвертый член*; однако я получаю правило, чтобы искать его в опыте, и признак, по которому могу найти его. Следовательно, аналогия опыта будет лишь правилом, согласно которому единство опыта (а не само восприятие как эмпирическое наглядное представление вообще) должно возникнуть из восприятий, и которое как основоположение должно иметь для предметов (явлений) не *конститутивное*, а 223 только *регулятивное* значение. То же самое следует сказать и о постулатах эмпирического мышления вообще, которые относятся к синтезу чистого наглядного представления (формы явления), к синтезу восприятия (содержания явления (der Materie derselben)) и к синтезу опыта (отношения этих восприятий): они суть лишь регулятивные основоположения и отличаются от математических основоположений, которые конститутивны, правда, не достоверностью, /так как она присуща и тем и другим[1] основоположениям, а характером очевидности, т.е. /наглядности[2] (а следовательно, и демонстративности).

Здесь в особенности следует напомнить замечание, относящееся ко всем синтетическим основоположениям и состоящее в том, что эти аналогии имеют /смысл и значение только[3] как основоположения чисто эмпирического, а не трансцендентального применения рассудка и, следовательно, могут быть доказаны только как таковые. Значит, явления должны быть подводимы не прямо (nicht schlechthin) под кате-

1) С, З – отношения существования (auf das Verhältnis des Daseins)

2) С, З – могут давать (дать) (abgeben können)

3) С – какое другое и какое по величине восприятие должно быть необходимо соединено с ним
З – как другое восприятие необходимо связано с данным восприятием... но нельзя сказать, каково оно и какое по величине
(welche andere und wie große Wahrnehmung, sondern, wie sie... mit jener notwendig verbunden sei)

4) В – если даны два члена пропорции, то уже... дается и третий
(wenn drei Glieder der Proportion gegeben sind, auch das vierte dadurch gegeben wird)
(A^2 – wenn zwei Glieder... auch das Dritte...)

5) С – дать
З – вывести
(geben)

1) З – a priori присущей и тем, и другим
(welche in beiden a priori feststeht)

2) С – по интуиции их
З – интуитивным в них
(dem Intuitiven derselben)

3) З – значение и силу только
(alleinige Bedeutung und Gültigkeit)

гории, а только под их схемы. Если бы предметы, к которым должны относиться эти основоположения, были вещами в себе, то было бы совершенно невозможно узнать о них что бы то ни было a priori синтетически. Но эти предметы суть не что иное, как явления, и полное знание о них, к которому в конце концов должны вести все априорные основоположения, заключается только в возможном опыте, следовательно, основоположения могут иметь целью не что иное, как только условия единства эмпирического **224** знания в синтезе явлений; но этот синтез мыслим только в схеме чистого понятия рассудка, /тогда как категория содержит в себе функцию единства этого синтеза как синтеза вообще, не ограниченную[1] никаким чувственным условием. Следовательно, пользуясь этими основоположениями, мы будем иметь право соединять явления только по аналогии с логическим и всеобщим единством понятий, и потому в самом основоположении мы, правда, будем пользоваться категорией, но в применении [его] (в приложении к явлениям) /мы будем заменять категорию ее схемой как ключом к ее применению или, вернее, рядом с категорией будем ставить, как ограничивающее ее условие, схему под именем формулы основоположения[2].

1) С – в единстве которой [схемы], как синтеза вообще, категория имеет функцию, которая не ограничивается... (von deren Einheit, als Synthesis überhaupt, die Kategorie die durch keine sinnliche Bedingung restringierte Funktion enthält)

2) С – должны пользоваться только ее [категории] схемой как ключом ее применения в данном случае, или, скорее, устранить ее как ограничивающее условие под именем формулы (in der Ausübung aber... das Schema derselben als den Schlüssel ihres Gebrauchs an dessen Stelle, oder jener vielmehr als restringierende Bedingung unter dem Namen einer Formel des ersteren zur Seite setzen)

А. Первая аналогия

Основоположение устойчивости субстанции

При всякой смене явлений субстанция /остается[3], и количество ее в природе не увеличивается и не уменьшается

3) З – постоянна (beharrt)

Доказательство

Все явления находятся во времени, и только в нем как в субстрате (как устойчивой форме внутреннего наглядного представления) могут быть представлены и сосуществование и последовательность (sowohl als die Folge). Следовательно, время, в котором должна мыслиться всякая смена явлений, **225** само пребывает (bleibt) и не изменяется, так как оно есть то именно, в чем последовательность или сосуществование могут быть представлены /как определения[1]. Но время само по себе не может быть воспринято. Следовательно, в предметах восприятия, т.е. в явлениях, должен быть представляющий время вообще субстрат, в котором могут быть восприняты

1) С, З – как его определения (als Bestimmungen derselben)

всякая смена или сосуществование посредством отношения явлений к нему в аппрегензии. Но субстрат всего, что реально, т.е. принадлежит к существованию вещей, есть субстанция, в которой все принадлежащее к существованию может быть мыслимо только как определение [ее]. Следовательно, то устойчивое, в отношении к которому единственно могут быть определены все отношения явлений во времени, есть субстанция в явлении, т.е. реальное [содержание] явления, всегда остающееся одним и тем же как субстрат всякого изменения. Так как субстанция (diese) поэтому не может меняться в существовании, то количество ее в природе не может ни увеличиваться, ни уменьшаться[34].

Наша аппрегензия многообразия явления всегда последовательна [во времени] (sukzessiv) и, следовательно, всегда подвержена смене (wechselnd). Следовательно, посредством одной аппрегензии мы никогда не можем определить, есть ли данное многообразие как предмет опыта нечто сосуществующее или последовательное, если в основе /ее[2)] не лежит нечто такое, что существует всегда (jederzeit ist), т.е. нечто пребывающее и устойчивое (Bleibendes und Beharrliches), причем всякая смена и 226 сосуществование суть не что иное, как способы (модусы времени) существования этого устойчивого. Следовательно, отношения времени возможны только в устойчивом (так как /сосуществование[1)] и последовательность суть единственные отношения во времени), иными словами, устойчивое есть субстрат эмпирического представления самого времени, единственно обусловливающий возможность всякого определения времени. Устойчивость выражает время вообще как постоянный коррелат всякого существования явлений, всякой смены и всякого сосуществования (Begleitung), так как смена касается не

2) 3 – его [многообразного] (an ihr) (Erdm. – an ihm)

1) 3 – одновременность (Simultaneität)

---

[34] В 1 издании заглавие, тезис и начало доказательства до слов «ни уменьшаться» были выражены следующим образом:

Основоположение устойчивости

А 182 Все явления содержат в себе устойчивое (субстанцию) как самый предмет и изменчивое, как только определение предмета, т.е. способ существования его.

Доказательство этой первой аналогии

Все явления существуют во времени. Время может двояко определять отношение в существовании явлений – или как последовательность, или как сосуществование (sofern sie nach einander oder zugleich sind). В первом случае время рассматривается как временной ряд, а во втором – как объем времени.

самого времени, а только явлений во времени (подобно тому как сосуществование не есть модус самого времени, потому что части времени существуют не вместе, а только друг за другом). Если бы мы приписали последовательность самому времени, то мы должны были бы мыслить еще другое время, в котором эта последовательность была бы возможна. Только благодаря устойчивому последовательное существование в различных частях временного ряда приобретает величину, называемую продолжительностью (Dauer), так как в одной лишь чистой последовательности существование постоянно возникает и исчезает и никогда не имеет ни малейшей величины. Следовательно, без этого устойчивого невозможно никакое отношение времени. Но время само по себе не может быть воспринято; следовательно, это устойчивое в явлениях есть субстрат всякого определения времени, а потому также и условие возможности всякого синтетического единства восприятий, т.е. опыта, **227** /и[1] всякое сосуществование и всякая смена во времени могут рассматриваться только как способ (modus) существования того, что /пребывает как устойчивое[2]. Следовательно, во всех явлениях устойчивое есть сам предмет, /т.е. субстанция[3], а все, что изменяется или может изменяться, есть только способ, как существует эта субстанция или субстанции, /т.е. только определение субстанции[4].

Я нахожу, что не только философский ум (der Philosoph), но и обыкновенный рассудок всегда допускал и, без сомнения, всегда будет допускать это устойчивое как субстрат всякой смены явлений, с той лишь разницей, что (nur daβ) философ выражается об этом несколько определеннее, говоря, что при всех изменениях в мире субстанция остается и только акциденции меняются. Однако я нигде не нахожу даже и попытки доказать это [чисто] синтетическое положение; мало того, оно лишь изредка становится, как это подобает ему, во главе чистых и совершенно /априорных[5] законов природы. Собственно, положение, что субстанция устойчива, есть тавтология. Признак (Denn bloβ diese) устойчивости именно и есть то основание, благодаря которому мы применяем к явлениям категорию субстанции, и доказывать следовало бы положение, гласящее, что во всех явлениях есть нечто устойчивое, и все изменчивое есть не что иное, как определение устойчивого существования. Но так как подобное доказательство **228** никогда не может быть осуществлено догматически, т.е. из понятий, потому что оно касается априорного синте-

1) С – и на этом устойчивом
З – и в этом постоянном
(und an diesem Beharrlichen)

2) С – остается и пребывает
З – сохраняется и постоянно
(was bleibt und beharrt)

3) С, З – т.е. субстанция (phaenomenon)
(d.i. die Substanz (phaenomenon))

4) С – и, значит относится к их определениям
(gehört... mithin zu ihren Bestimmungen)

5) С – a priori устанавливаемых
З – a priori существующих
(a priori bestehenden)

тического положения, и так как никто не думал о том, что подобные положения имеют значение только в отношении к возможному опыту, следовательно, могут быть доказаны только путем дедукции возможности опыта, то неудивительно, что оно до сих пор никогда не было доказано, хотя и полагалось в основу всякого опыта (так как потребность в нем при всяком эмпирическом познании чувствуется).

Одного философа спросили: сколько весит дым? Он ответил: вычти из веса сожженного дерева вес оставшегося пепла, и ты получишь вес дыма. Следовательно, он считал неоспоримым, что даже в огне материя (субстанция) не уничтожается, но только /форма[1] претерпевает изменение (38). Точно так же положение «из ничего не возникает ничего» (aus nichts wird nichts) есть лишь вывод из основоположения устойчивости или, вернее, /постоянного существования настоящего субъекта явлений[2]. В самом деле, если то в явлении, что мы желаем называть субстанцией, должно быть настоящим субстратом всякого определения времени, то всякое существование, как в прошедшем, так и в будущем времени, может быть определено единственно и исключительно /на основе субстанции[3]. Поэтому мы можем дать явлению название субстанции только в том случае, если предполагаем существование его во всякое время, **229** что не вполне выражается словом Beharrlichkeit, так как оно имеет в виду преимущественно будущее время. Впрочем, внутренняя необходимость постоянно существовать [в будущем] (zu beharren) неразрывно связана с необходимостью /постоянного существования в прошедшем[1] и потому термин [Beharrlichkeit] может быть принят. Gigni de nihilo nihil, in nihilum nil posse reverti [(из ничего ничто не может возникнуть, ничто не может превратиться в ничто)], – эти два положения древние неразрывно соединяли, а в наше время их нередко по недоразумению разделяют, потому что представляют себе, будто они касаются вещей в себе и будто первое из них противоречит зависимости мира (даже и в отношении его субстанции) от высшей причины, между тем это опасение неосновательно, так как здесь речь идет только о явлениях в области опыта, единство которого было бы невозможно, если бы мы допустили возникновение новых вещей (в отношении [их] субстанции). В самом деле, тогда исчезло бы то, без чего невозможно представить единство времени, именно исчезло бы тождество субстрата, на основе которого всякая смена имеет характер непрерывного единства. Тем не менее эта устойчивость есть не более как только наш способ представлять себе существование вещей (в явлении).

1) С, 3 – ее форма
(die Form derselben)

2) С – из беспрерывного существования действительного субъекта в явлениях
3 – о постоянном существовании подлинного субъекта в явлениях
(aus... des immerwährenden Daseins des eigentlichen Subjekts an den Erscheinungen)

3) С – в нем [в субстрате]
(daran)

1) С, В – существовать во все времена
(immer gewesen zu sein)

Определения субстанции, которые суть не что иное, как частные способы ее существования, называются акциденциями. Они всегда реальны, потому что касаются существования субстанции (отрицания суть лишь определения, выражающие небытие чего-нибудь в субстанции). Если этому реальному в **230** субстанции приписывают особое существование (напр., движению как акциденции материи), то это существование называют /принадлежностью[1] [(ингеренцией)] в отличие от существования субстанции, которое называют самостоятельным существованием [(субсистенцией)]. Однако отсюда возникает много недоразумений; правильнее и точнее выражается тот, кто называет акциденциями только способы положительного определения существования субстанции. Впрочем, вследствие условий логического применения нашего рассудка мы неизбежно как бы обособляем то, что может изменяться в существовании субстанции, /между тем как субстанция сохраняется[2], и рассматриваем изменяющееся в его отношении к действительно устойчивому и основному (Radikale). Поэтому категорию субстанции мы поместили в отделе отношений, хотя она и содержит скорее условие отношения, чем самое отношение.

1) З – присущностью (Inhärenz)

2) С – от того, что остается в ней неизменным (indessen, daß die Substanz bleibt)

На этом [понятии] устойчивости основывается также и правильное толкование понятия изменения. Возникновение и исчезновение не суть изменения того, что возникает и исчезает. Изменение есть способ существования, следующий за каким-либо другим способом существования того же самого предмета. Поэтому то, что изменяется, пребывает, и только его состояния сменяются. Так как эта смена относится только к определениям, которые могут исчезать или возникать, то мы можем высказать следующее положение, кажущееся несколько парадоксальным: только устойчивое (субстанция) изменяется; **231** изменчивое подвергается не изменению, а только смене, состоящей в том, что некоторые определения исчезают, а другие возникают.

Поэтому изменения могут быть восприняты только в субстанциях, и абсолютное возникновение или исчезновение, не составляющее определения устойчивого [бытия], /не есть[1] возможное восприятие, так как именно устойчивое [бытие] есть условие возможности представления о переходах из одного состояния в другое и от небытия к бытию, которые, следовательно, эмпирически могут быть познаны только как сменяющиеся определения того, что пребывает. Допустите, что нечто начало существовать безусловно; в таком случае вы должны иметь момент времени,

1) З – не может быть (kann gar keine... sein)

2) С – Но на что же в таком случае мы можем опереться (Woran wollt ihr aber diesen heften)

когда этого [существования] не было. /Но к чему вы можете присоединить этот момент[2], если не к тому, что уже существует? В самом деле, пустое предшествующее время не есть предмет восприятия; но если вы присоедините это возникновение к вещам, которые уже существовали прежде и продолжают существовать вплоть до того, что возникает, то возникающее есть лишь определение предшествующей вещи как устойчивой. То же самое относится и к исчезновению, так как оно предполагает эмпирическое представление времени, в котором явления уже нет более.

Субстанции (в явлении) суть субстраты всех определений времени. Возникновение и исчезновение некоторых из них уничтожило бы единственное условие эмпирического единства времени, и явления относились бы тогда к **232** двум различным временам, в которых рядом (nebeneinander) протекало бы существование, что противоречиво (ungereimt ist). В действительности существует т о л ь к о о д н о время, в котором все различные времена должны быть полагаемы не вместе, но одно после другого.

1) З – при котором только и можно определить (unter welcher allein... bestimmbar sind)

Таким образом устойчивость есть необходимое условие, /без которого явления как вещи или предметы не определимы[1] в возможном опыте. Что же касается эмпирического критерия этой необходимой устойчивости и вместе с ней субстанциональности явлений, то высказать о нем необходимые соображения нам представится случай впоследствии.

B. В т о р а я а н а л о г и я

Основоположение временной последовательности согласно закону причинности.

В с е и з м е н е н и я с о в е р ш а ю т с я с о г л а с н о з а к о н у с в я з и п р и ч и н ы и д е й с т в и я[35].

Доказательство

⟨Предыдущее основоположение показывает, что все явления, следующие друг за другом во времени, суть лишь и з м е н е н и я , т.е. последовательное бытие и небытие определений субстанции, которая сохраняется; следовательно, бытие самой субстанции,

[35] В первом издании заглавие и тезис были выражены следующим образом:

Основоположение возникновения

Все, что с л у ч а е т с я (начинает существовать) (anhebt zu sein), предполагает нечто, за чем оно следует п о п р а в и л у.

следующее за небытием ее, или небытие субстанции, следующее за бытием [ее], 233 /невозможно[1]; иными словами, невозможно возникновение или исчезновение самой субстанции. Это можно выразить и так: всякая смена (последовательность) явлений есть лишь изменение; в самом деле, возникновение или исчезновение субстанции не есть изменение ее, так как понятием изменения предполагается один и тот же субъект как существующий при двух противоположных определениях, т.е. как сохраняющийся. Напомнив об этом, приступим к доказательству).

Я воспринимаю, что явления следуют друг за другом, иными словами, в некоторое время существует состояние вещи, противоположное прежнему состоянию ее. Следовательно, я /соединяю[2] два восприятия во времени. Но соединение не есть дело одного лишь чувства и наглядного представления, здесь оно есть продукт синтетической способности воображения, определяющей внутреннее чувство со стороны отношения во времени. Однако воображение может соединять два состояния двояким образом, так, что или одно, или другое из них предшествует во времени, так как время само по себе не может быть воспринято и в отношении к нему нельзя /определить как бы эмпирически[3], что предшествует и что следует [в объекте]. Следовательно, я сознаю только то, что мое воображение (Imagination) полагает одно раньше, другое позже, а не то, что в объекте одно состояние предшествует другому; иными словами, в одном лишь восприятии 234 объективное отношение следующих друг за другом явлений остается [еще] не определенным. Для того чтобы это отношение между двумя состояниями было познано определенно, нужно мыслить его так, чтобы посредством его было с необходимостью определено, которое из них должно быть полагаемо раньше и которое позже, а не наоборот. Но понятие, содержащее в себе необходимость синтетического единства, может быть только чистым понятием рассудка, которое /не дается восприятием[1], и в данном случае это – понятие отношения причины и действия, из которых первое определяет во времени второе как следствие, а не как нечто такое, что могло бы /происходить[2] только в воображении (/или нигде не могло[3] бы быть воспринято). Следовательно, самый опыт, т.е. эмпирическое знание о явлениях, возможен только вследствие того, что мы подчиняем последовательность явлений[4] т.е. всякое изменение закону причинности; /следовательно, сами явления как

1) С – не бывает (nicht stattfinde)

2) З – связываю, собственно говоря (verknüpfe... eigentlich)

3) З – определить в объекте как бы эмпирически (gleichsam empirisch... am Objekte bestimmt werden)

1) С, З – не заключается в восприятии (nicht in der Wahrnehmung liegt)

2) С – следовать
З – предшествовать (vorhergehen)

3) З – или вообще не могло (oder gar überall nicht... sein)

4) С – значит и изменения (mithin sind sie selbst)

предметы опыта возможны только согласно этому же закону⟩.

Аппрегензия многообразия явления всегда последовательна. Представления частей [явления] следуют друг за другом [во времени]. Следуют ли они друг за другом также в предмете – это второй пункт рефлексии, не содержащийся в первом [акте ее]. Мы можем, конечно, назвать объектом все, и даже всякое представление, поскольку мы сознаем его; однако, чтобы решить, что обозначается этим словом в отношении к явлениям, поскольку **235** они (как представления) не составляют сами объектов, а только обозначают объект, для этого требуется более глубокое исследование. Поскольку они только как представления вместе с тем суть предметы сознания, их вовсе нельзя отличать от аппрегензии, т.е. /от включения[1] в синтез способности воображения, и, следовательно, должно признать, что многообразие явлений возникает в душе всегда последовательно. Если бы явления были вещами в себе, то ни один человек не мог бы узнать (ermessen) из последовательности представлений, как их многообразие соединено в объекте. Ведь мы имеем дело только со своими представлениями; каковы вещи в себе (без отношения к представлениям, посредством которых (dadurch) они аффицируют нас), это находится совершенно вне сферы нашего знания. Хотя явления, т.е. единственное, что может быть дано нам для знания, не суть вещи в себе, все же я должен указать, какая связь во времени принадлежит многообразию в самом явлении, между тем как /представления о нем[2] в аппрегензии всегда последовательны [во времени]. Так, напр., аппрегензия многообразия в явлении дома, стоящего передо мной, последовательна. Отсюда возникает вопрос, последовательно ли во времени многообразие этого дома также и /само по себе[3]. /Вопрос, на который, конечно, никто не ответит утвердительно[4]. Однако, когда я восхожу к **236** трансцендентальному значению своего понятия о предмете, я нахожу, что дом есть вовсе не вещь в себе, а только явление, т.е. представление, трансцендентальный предмет которого неизвестен; в таком случае, что же я разумею под вопросом: как связано многообразие в самом явлении (которое тем не менее есть ничто само по себе)? Здесь то, что заключается в последовательной аппрегензии, рассматривается как представление, а данное мне явление, хотя оно есть не более /как совокупность этих представлений, рассматривается как представляемый предмет[1], с которым должно согласоваться понятие, извлекаемое мной /из аппрегендированных представлений[2].

1) С – от восприятия (der Aufnahme)

2) З – представление о нем [многообразии в явлениях] (die Vorstellung desselben [dem Mannigfaltigen an den Erscheinungen])

3) С, З – в себе (in sich)

4) С – А этого, конечно, никто допустить не может (welches freilich niemand zugeben wird)

1) З – как их предмет (als der Gegenstand derselben)

2) С – из представлений аппрегензии (aus den Vorstellungen der Apprehension)

Так как согласие знания с объектом есть истина, то, очевидно, здесь может идти речь только о формальных условиях эмпирической истины, и явление, в противоположность представлениям аппрегензии, может быть представлено как отличающийся от них объект их только в том случае, если оно подчинено правилу, которое отличает /его[3] от всякой другой аппрегензии и делает необходимым [некоторый] способ соединения многообразия. То в явлении, что содержит [в себе] условие этого необходимого правила аппрегензии, есть объект.

3) З – это схватывание (sie)

Вернемся теперь к нашей задаче. То обстоятельство, что нечто случается, т.е. что возникает /некоторое[4] состояние, которого прежде не было, не может быть эмпирически воспринято, 237 если нет предшествующего явления, которое не содержит в себе этого состояния; в самом деле, действительность, следующая за пустым временем, т.е. возникновение, которому не предшествует никакое состояние вещей, точно так же не может быть аппрегендировано, как и само пустое время. Следовательно, всякая аппрегензия события есть восприятие, следующее за другим восприятием. Но так как всякий синтез аппрегензии /обладает тем же свойством[1], какое было указано мной по поводу явления дома, то в этом отношении один [акт] аппрегензии (sie) не отличается от другого. Однако в явлении, содержащем в себе событие (назовем предшествующее состояние восприятия А, а последующее В), я замечаю также, что В может только следовать за А в аппрегензии, а восприятие А может только предшествовать [восприятию] В, но не следовать за ним. Я вижу, напр., лодку, плывущую вниз по течению [реки]. Мое восприятие ее положения ниже по течению реки следует за восприятием положения выше по течению, и невозможно, чтобы в аппрегензии этого явления лодка должна была восприниматься сначала в нижней, а затем в верхней части течения. Следовательно, здесь порядок следования восприятий в аппрегензии определен, и /аппрегензия связана им[2]. В предыдущем примере, в случае рассматривания дома мои восприятия могли начаться в аппрегензии с верхушки дома и закончиться основанием его или, наоборот, начаться снизу и закончиться верхом, я мог также аппрегендировать многообразие 238 этого эмпирического наглядного представления справа и слева. Следовательно, в ряду этих восприятий не было никакого определенного порядка, который бы с необходимостью определял, с чего я должен начать в аппрегензии, чтобы эмпирически соединить многообразие. Между тем в восприятии того, /что возника-

4) С – что-либо или такое
З – нечто или некое
(etwas oder ein Zustand)

1) З – происходит точно также
(so beschaffen ist)

2) С – первое связано с последним
(und an dieselbe ist die letzere gebunden)

1) З – что происходит
(was geschicht)

ет[1]), такое правило всегда существует и делает *необходимым* порядок следующих друг за другом восприятий (в аппрегензии этого явления).

Следовательно, в нашем случае я должен выводить *субъективную последовательность* аппрегензии из объективной последовательности явлений, так как в противном случае первая *остается совершенно неопределенной* и не устанавливает различий между явлениями. Одна лишь субъективная последовательность аппрегензии ничего не говорит о связи многообразия в объекте, потому что она вполне (ganz) произвольна. Следовательно, объективная последовательность явлений должна состоять в таком порядке многообразия в явлениях, согласно которому аппрегензия одного [события] (/того, что возникает[2])) следует *по правилу* за аппрегензией [другого] события (того, которое предшествует). Лишь при этом условии я имею право утверждать о самом явлении, а не только о своей аппрегензии, что в явлении должна существовать последовательность [во времени], и это означает, что я /могу произвести[3]) аппрегензию не иначе, как именно в такой-то последовательности.

2) З – то, что происходит
(was geschicht)

3) С – могу определить
(anstellen könne)

Итак, согласно этому правилу в том, что вообще предшествует событию, должно заключаться условие для правила, **239** по которому это событие всегда и необходимым образом следует; но, наоборот, я не могу пойти назад от этого события и определить (посредством аппрегензии) то, что предшествует ему. В самом деле, ни одно явление не направляется обратно от последующего момента времени к определенному предыдущему, хотя и относится к *какому-либо из предыдущих* [явлений]; наоборот, переход от данного времени к определенному последующему совершается с необходимостью. Поэтому, так как существует нечто такое, что является последующим, я должен необходимо относить его к чему-то предыдущему вообще, за чем оно следует по правилу, т.е. необходимым образом, так что обусловленное событие с несомненностью указывает на какое-то условие, а условие определяет событие.

Допустим, что событию не предшествует ничего, за чем оно должно было бы следовать по правилу; в таком случае всякая последовательность восприятий существовала бы исключительно лишь в аппрегензии, т.е. только субъективно; /таким образом не было бы определено объективно, какое именно восприятие должно быть предшествующим и какое последующим[1]). Мы имели бы, таким образом, только игру представлений, которая не относилась бы ни к како-

1) С – а не объективно, значит, не определялось бы то, что собственно должно быть в восприятии предшествующим и что последующим
З – этим, однако, не было бы объективно определено, что именно в восприятиях должно быть предшествующим и чтó последующим
(aber dadurch gar nicht objektiv bestimmt, welches eigentlich das Vorhergehende und welches das Nachfolgende der Wahrnehmungen sein müßte)

му объекту; иными словами, посредством наших восприятий ни одно явление не могло бы быть отличено от других по своим отношениям во времени, потому что последовательность в аппрегендировании везде одинакова и, следовательно, она ничего не может определить в явлении так, **240** чтобы сделать известную последовательность объективно необходимой. Следовательно, я не мог бы сказать, что в явлении два состояния следуют друг за другом, но мог бы только утверждать, что одна аппрегензия следует за другой, и это [следование] имеет чисто субъективный характер, оно не определяет объекта и потому не может иметь значения для познания какого бы то ни было предмета (даже и в явлении).

Итак, если мы узнаем, что случилось что-либо, мы всегда при этом предполагаем, что данному событию предшествует нечто, за чем оно следует по правилу. В самом деле, без этого я не мог бы сказать об объекте, что он следует, так как простая последовательность в моей аппрегензии, если она не определена правилом в отношении к предшествующему, не дает права [допускать] последовательность в объекте. Следовательно, свой субъективный синтез (аппрегензии) я делаю объективным всегда в зависимости от правила, которое определяет явления посредством предыдущего состояния в их последовательности, т.е. так, как они возникают (geschehen), и только при этом предположении возможен самый опыт о том, что возникает.

Правда, по-видимому, это противоречит /всем обычным взглядам на порядок[1] применения нашего рассудка, согласно которым лишь воспринятые и подвергнутые сравнению /многие случаи однообразного следования[2] событий за предшествующими явлениями впервые приводят нас **241** к открытию правила, сообразно которому известные события следуют всегда за известными явлениями, и таким образом у нас впервые является повод составить себе понятие о причине. /В таком случае[1] это понятие было бы только эмпирическим, и содержащееся в нем правило, что все случившееся имеет причину, было бы столь же случайным, как и самый опыт: его всеобщность и необходимость были бы тогда лишь вымышлены нами и не имели бы никакого истинного всеобщего значения, потому что они были бы не априорными, а основывались бы только на индукции. Однако на самом деле это понятие находится в таком же положении, как и другие чистые априорные представления (напр. пространство и время), которые мы можем извлечь из опыта как ясные понятия только

1) С – всем замечаниям, которые обыкновенно делают о способе применения
(allen Bemerkungen, die man jederzeit über den Gang... gemacht hat)

2) З – сходные случаи следования многих...
(übereinstimmenden Folgen vieler)

1) С – На этой почве
(Auf solchen Fuß)

потому, что сами вложили их в опыт и посредством их впервые осуществили опыт. Конечно, логическая ясность /этого представления о правиле, определяющем ряд событий, как о понятии причины[2] возможна лишь после применения его в опыте, но тем не менее /пользование им[3] как условием синтетического единства явлений во времени есть основание самого опыта, и потому оно a priori предшествует опыту.

Итак, нужно показать на примере, что мы даже в опыте только в том случае приписываем последовательность (события, состоящего в том, что возникает нечто, чего не было раньше) объекту и отличаем ее от нашей субъективной аппрегензии, **242** если в основе лежит правило, принуждающее нас наблюдать такой-то, а не иной порядок восприятий; мало того, мы должны показать, что именно это принуждение и есть то, что впервые делает возможным представление последовательности в объекте.

Мы имеем в себе представления, которые мы и можем сознавать, но как бы далеко ни простиралось это сознание, как бы точно и пунктуально оно ни было, все-таки представления остаются только представлениями, т.е. внутренними определениями нашей души в том или ином отношении времени. Каким же образом мы приходим к тому, что придаем (setzen) этим представлениям объект, /к их субъективной реальности как модификации присоединяем еще какую-то объективную реальность?[1] Объективное значение не может состоять в отношении к другому представлению (о том, /что можно было бы высказать о предмете[2]), так как тогда снова является [на сцену] вопрос, как в свою очередь это представление выходит из самого себя и приобретает еще объективное значение, сверх субъективного, которое присуще ему как определению душевного состояния. Когда мы исследуем, /какое именно новое свойство и достоинство приобретают наши представления благодаря о т н о ш е н и ю к п р е д м е т у[3], мы находим, что оно состоит не в чем ином, /как в необходимости известным образом соединять представления и подчинять их правилу[4]; и **243**, наоборот, наши представления получают объективное значение только вследствие того, что известный порядок во временных отношениях между ними необходим.

В синтезе явлений многообразие представлений всегда последовательно [во времени]. Однако таким путем еще не может быть представлен ни один объект, так как посредством этой последовательности, /которая одинакова[1] для всех аппрегензий, ничто не [может быть] отличено от другого. Но как только я

2) С – и этого представления, и такого правила, определяющего целый ряд событий, как правило понятия причины
(dieser Vorstellung einer die Reihe der Begebenheiten bestimmenden Regel, als eines Begriffs von Ursache)

3) С – ссылка на него
З – принятие его в расчет
(eine Rücksicht auf dieselbe)

1) З – или сверх их субъективной реальности как модификаций приписываем им неизвестно какую субъективную реальность?
Г – или их объективную реальность в ее модификации признаем неизвестно какой объективной реальностью?
(oder über ihre subjektive Realität als Modufikationen ihnen noch, ich weiß nicht, was für eine objektive beilegen?)
2) С – что хотят называть представлением о предмете
(was man vom Gegenstände nennen wollte)
3) З – какое же новое свойство придает нашим представлениям отношение к предмету и какое достоинство они приобретают благодаря этому
(was denn die Beziehung auf einen Gegenstand unseren Vorstellungen für eine neue Beschaffenheit gebe, und welches die Dignität sei, die sie dadurch erhalten)
4) С – что соединение представлений по известному способу становится необходимым, подводится под правило
З – чтобы сделать определенным образом необходимой связь между представлениями и подчинять ее правилу
(als die Verbindung der Vorstellungen auf eine gewisse Art notwendig zu machen und sie einer Regel zu unterwerfen)

1) З – общей
(gemein ist)

воспринимаю или предполагаю, что в этой последовательности существует отношение к предшествующему состоянию, из которого представление следует согласно некоторому правилу, /то воспринятое представляется мне[2] как событие или как нечто возникающее, иными словами, тогда я познаю предмет и должен поместить его во времени в известном определенном месте, которое, /после предшествующего события, не может быть определено для него иным образом[3]. Следовательно, если я воспринимаю, что нечто случилось, то в этом восприятии прежде всего содержится представление, что нечто предшествует, так как именно в связи с предшествующим явление получает свое отношение во времени, состоящее в том, что оно существует после предшествующего времени, в котором его не было. Но свое определенное место во времени в этом отношении оно может получить только вследствие того, что в предшествующем состоянии предполагается нечто, за чем оно следует всегда, т.е. по правилу; отсюда вытекает, во-первых, что я не могу обратить этого ряда, т.е. не могу то, что случилось, поставить впереди того, за чем оно следует, и, во-вторых, что, если предшествующее состояние 244 /поставлено[1], то это определенное событие неизбежно и необходимо следует за ним. Таким образом, среди наших представлений возникает порядок, в котором настоящее (поскольку оно возникло) заключает в себе указание на какое-либо предшествующее состояние как коррелат, хотя и неопределенный еще, данного события, /определяющий в свою очередь это событие[2] как свое следствие и необходимо связывающий его с собой во временном ряду.

Если необходимый закон нашей чувственности и, следовательно, *формальное условие* всех восприятий состоит в том, что предыдущим временем с необходимостью определяется последующее [время] (так как я не могу дойти до последующего иначе, как через предыдущее), то точно так же и необходимый *закон эмпирического представления* временного ряда состоит в том, что явления прошедшего времени определяют всякое существование в последующем времени, и эти последующие [явления] как события /могут осуществиться[3] лишь постольку, поскольку первые определяют их существование во времени, т.е. /полагают[4] его согласно правилу. В самом деле, *только в явлениях можем мы эмпирически познать эту непрерывность связи времени* (der Zeiten).

Для всякого опыта и возможности его необходим

2) З – нечто представляется мне (so stellt sich etwas vor) (Erdm. – stelle ich...)

3) З – которое после предшествующего состояния не может быть дано ему иным образом (die ihm nach dem vorhergehenden Zustande nicht anders erteilt werden kann)

1) С, З – дано (gesetzt wird)

2) З, Г – но определяюще (определенно) относящийся к этому событию (welches sich aber auf dieses... bestimmend bezieht)

3) З – иметь место (ist... stattfinden)

4) Г – устанавливают их [явления как события] (jene... festsetzen)

рассудок, и первое занятие его состоит не в том, что он делает отчетливым представление предмета (der Gegenstände), а в том, что он вообще делает возможным представление предмета. **245** Это достигается тем, что он переносит порядок времени на явления и их существование, так как он приписывает всякому из них как следствию a priori определенное в отношении к предыдущим явлениям место во времени, без чего они /не согласовались[1] бы с самим временем, которое a priori определяет места для всех своих частей. Это определение места не может быть заимствовано из отношения явлений к абсолютному времени (так как оно не [может быть] предметом восприятия); наоборот, явления должны сами определять друг другу /места[2] во времени и делать их необходимыми во временном порядке; иными словами, то, что следует или возникает, должно следовать по общему правилу за тем, что содержалось в предыдущем состоянии; отсюда возникает ряд явлений, который при участии рассудка создает и делает необходимыми точно такой же порядок и непрерывную связь в ряду возможных восприятий, какие a priori находятся в форме внутреннего наглядного представления (во времени), где все восприятия должны иметь свое место.

/Итак, событие есть восприятие возможного опыта[3], который становится действительным в том случае, если я рассматриваю явление как определенное /по месту[4] во времени, т.е. как объект, который всегда может быть найден в связи восприятий на основании правила. **246** Это правило, /определяющее временную последовательность явлений[1], таково: в том, что предшествует, должно находиться условие, /за которым[2] событие всегда (т.е. необходимо) следует. Следовательно, закон достаточного основания есть основание возможного опыта, именно объективного знания явлений со стороны отношения их во временной последовательности.

Доказательство этого положения основывается исключительно на следующих соображениях. Для всякого эмпирического знания необходим синтез многообразия посредством способности воображения, который всегда последователен, т.е. представления в нем всегда следуют друг за другом. Но в воображении порядок [этой] последовательности (что должно предшествовать и что следовать) вовсе не определен, и ряд следующих друг за другом представлений /может быть взят как в прогрессивном, так и в регрессивном направлении[3]. Но если этот синтез есть синтез аппрегензии (многообразия данного явления), то порядок определен в объекте или, точнее говоря, в

1) С – не были бы совместимы
(nicht... übereinkommen würde)

2) С, З – свои места
(ihre Stellen)

3) С, З – Итак, то, что нечто совершается (происходит), есть восприятие, относящееся к возможному опыту
(Daß also etwas geschieht, ist eine Wahrnehmung, die zu einer möglichen Erfahrung gehört)

4) С – по своему месту
З – по месту его
(ihrer Stelle nach)

1) З – для определения чего-то согласно временной последовательности
(etwas der Zeitfolge nach zu bestimmen)

2) С, З – при котором
(unter welcher)

3) С – можно проходить как назад, так и вперед
З – может быть взят в одном или другом направлении – назад и вперед
(kann eben sowohl ruckwärts als vorwärts genommen werden)

таком случае существует /порядок, который определяется объектом[4] и согласно которому нечто необходимо должно предшествовать, и если это [нечто] поставлено (gesetzt ist), то нечто другое необходимо должно последовать. Следовательно, если мое восприятие должно содержать знание о событии, т.е. о том, что нечто действительно случилось, то оно должно быть эмпирическим суждением, в котором заключается мысль, что следствие определено, т.е. что им предполагается во времени другое явление, **247** за которым оно следует необходимо или по правилу. В противном случае, [т.е.] если бы я поставил предшествующее [явление,] и событие не последовало бы за ним с необходимостью, то я принужден был бы считать его лишь субъективной игрой моего воображения и, если бы я все же усматривал в этом [явлении] что-то объективное, я назвал бы его просто сновидением (Traum). Итак, отношение между явлениями (как возможными восприятиями), состоящее в том, что последующее (то, что возникает) необходимо и согласно правилу определяется по своему существованию во времени чем-либо предшествующим, иначе говоря, отношение причины к действию есть условие объективного значения наших эмпирических суждений в отношении к ряду восприятий, т.е. условие эмпирической истинности их и, следовательно, условие опыта. Поэтому основоположение причинного отношения в последовательности явлений /имеет значение также до[36] всех предметов опыта[1] (в условиях последовательности), потому что оно само есть основание возможности такого опыта.

4) С, З – порядок последовательного синтеза, который определяет объект (es ist darin eine Ordnung der sukzessiven Synthesis, die ein Objekt bestimmt)

1) З, В – применимо также ко всем предметам опыта (gilt daher auch vor allen Gegenständen der Erfahrung) (of all objects) (лат. – ante universas res experientae subiectas)

Однако здесь возникает еще одно сомнение (Bedenklichkeit), которое следует устранить. Закон причинной связи между явлениями /относится[2] в нашей формуле только к последовательному ряду явлений; между тем на /практике[3] мы находим, что /он приложим и к сосуществованию явлений, так как причина и действие могут существовать в одно и то же время[4]. Напр., в комнате теплее, чем на улице. Я ищу причину этого и нахожу ее в том, **248** что печь натоплена. Но эта натопленная печь как причина сосуществует со своим действием, теплотой в комнате; следовательно, здесь нет временной последовательности между причиной и действием, они сосуществуют, а между тем закон [причинности] приложим к этому случаю. Большая часть действующих причин в природе сосуществует со своими действиями, и /пос-

2) С – ограничивается (ist eingeschränkt)

3) С, З – при его применении (bei dem Gebrauch)

4) С – он может относиться и к сопутствующим явлениям, может быть причиной и действием вместе (daβ er auch auf ihre Begleitung passe und Ursache und Wirkung zugleich sein könne)

[36] Файингер предлагает читать: «для всех предметов опыта» (см. Kantstudien IV стр. 459 с.).

ледовательное расположение их во времени[1)] обусловливается лишь тем, что причина не может произвести всего своего действия в один момент. Но в тот момент, когда действие впервые возникает, оно всегда сосуществует с причинностью (mit der Kausalität) своей причины, так как оно не возникло бы, если бы за мгновение до [его появления] причина исчезла. Здесь следует, конечно, заметить, что все зависит не от течения времени, а от порядка [во] времени: отношение [причины к действию] сохраняется даже и в том случае, если не протекло никакого времени. Время между причинностью причины и непосредственным действием ее может быть /бесконечно малым (так что они сосуществуют)[2)], но отношение между причиной и действием все же остается определимым по времени. Если шар, положенный на набитую подушку, выдавливает в ней ямку, то как причина этот шар /сосуществует[3)] со своим действием. Однако я различаю их по отношению во времени динамической связи между ними. В самом деле, если я кладу шар на подушку, то на гладкой прежде поверхности подушки появляется (folgt) ямка; наоборот, если на подушке (неизвестно почему) **249** есть ямка, то отсюда еще не следует свинцовый шар.

Таким образом, все же последовательность во времени есть единственный эмпирический критерий действия в отношении к причинности причины, которая предшествует ему. Стеклянный стакан (Das Glas) есть причина поднятия воды над горизонтальной поверхностью ее, хотя эти явления сосуществуют. В самом деле, как только я начинаю черпать стаканом воду из большого сосуда, за этим следует нечто, именно горизонтальная поверхность воды, бывшей в большем сосуде, заменяется вогнутой поверхностью ее в стакане.

Причинность[1)] приводит к понятию акта (der Handlung), а это последнее – к понятию силы и, таким образом, к понятию субстанции. Так как моя критическая задача направлена исключительно на источники априорного синтетического знания, и я не хочу загромождать своей книги анализами, имеющими целью только разъяснение (а не расширение) понятий, то я предоставляю обстоятельное истолкование этих понятий будущей системе чистого разума: к тому же подобный анализ в изобилии встречается уже в прежних известных учебниках этого рода. Я не могу только не коснуться вопроса об эмпирическом критерии субстанции, поскольку субстанция, по-видимому, обнаруживается легче и лучше /посредством актов[2)], чем посредством устойчивости явления.

1) С – Последовательный ряд последних
З – временная их последовательность
(die Zeitfolge der letzteren)

2) С – незаметным (следовательно, одновременным)
З – ничтожно малым (так что они существуют одновременно)
(werschwindend (sie also zugleich))

3) С – дается одновременно
З – существует
(ist... zugleich)

1) З – эта причинность
(Diese Kausalität)

2) С – в действии
(durch Handlung)

250 Где есть акт, следовательно, деятельность и сила, там есть также и субстанция, и не иначе, как в субстанции, следует искать местопребывание плодотворного источника явлений. Это совершенно верно (gut gesagt), но если мы захотим объяснить, что такое субстанция, и притом избежать /ложного круга[1)], то ответить на этот вопрос будет не так легко. Каким образом от акта мы тотчас умозаключаем /к устойчивости источника акта[2)], которая, однако, составляет столь существенный и своеобразный признак субстанции (phaenomenon)? На основании сказанного раньше этот вопрос решить нетрудно, но при обычном методе исследования (при чисто аналитической обработке понятий) он был бы совершенно неразрешим. [Понятием] акта уже обозначается отношение субъекта причинности к действию. Так как всякое действие /есть нечто возникающее, т. е. изменчивое, определяющее последовательность времени[3)], то последним субъектом действия служит нечто устойчивое как субстрат всякой смены, т. е. субстанция. В самом деле, согласно основоположению причинности, акт (Handlungen) всегда есть первое основание всякой смены явлений, и потому он не может принадлежать субъекту, который сам изменяется, потому что в таком случае были бы необходимы другие акты и другой субъект, определяющие эту смену. Таким образом, акт как достаточный эмпирический критерий уже доказывает субстанциональность, и нам **251** нет нужды искать еще [признаков] устойчивости субъекта путем сравнения восприятий, тем более, что подобным путем нельзя сделать это с такой обстоятельностью, какая требуется значительностью и строгой /всеобщностью[1)] понятия [субстанции]. В самом деле, утверждение, что первый субъект причинности всякого возникновения и исчезновения сам не может (в области явлений) возникать и исчезать, есть результат надежного умозаключения, приводящего к [понятию] эмпирической необходимости и устойчивости в существовании, т. е. к понятию субстанции как явления.

1) С – тавтологии
З – порочного круга
(fehlerhaften Zirkel)

2) З – к постоянности действующего
(auf die Beharrlichkeit des Handelnden)

3) С – состоит в том, что нечто совершается и, следовательно, в изменяемом отмечает нечто по временной последовательности
(in dem besteht, was da geschieht, mithin im Wandelbaren, was die Zeit der Sukzession nach bezeichnet)

1) З – общезначимостью
(Allgemeingültigkeit)

Если нечто возникает, то уже [факт] возникновения сам по себе, без отношения к тому, что возникает, составляет предмет исследования. Переход от небытия состояния /к бытию его[2)], даже если предположить, что оно не содержит никакого качества в явлении, сам по себе уже заслуживает исследования. Это возникновение, как показано в первой аналогии (in der Nummer A), касается не субстанции (так как она не возникает), а ее состояния. Следовательно, это есть только изменение, в не возникновение из ничего. Ес-

2) С – в это состояние
З – к этому состоянию
(in diesen Zustand)

ли /возникновение[3)] [явления] рассматривается как действие /причины[4)], [исходящей из иного мира], то оно называется творением. Однако такое событие, как творение, не может быть допущено среди явлений, так как сама возможность его уже нарушила бы единство опыта. Но если мы рассматриваем все вещи не как явления (Phänomene), а как вещи в себе и как предметы чистого рассудка, то мы, хотя бы **252** они и были субстанциями, можем мыслить их как зависимые в своем существовании от чуждой [им] причины; однако в таком случае эти термины имеют совершенно иное значение и не подходят к явлениям как возможным предметам опыта.

3) С – это возникновение (dieser Ursprung)

4) С – какой-то чуждой причины
З – чуждой им причины
(von einer fremden Ursache)

Каким образом вообще что-либо может изменяться, как возможно, чтобы за состоянием в один момент времени следовало противоположное [состояние] в другой момент, об этом мы не имеем a priori ни малейшего понятия. Для решения [таких вопросов] требуется знание действительных сил, которое может быть дано лишь эмпирически, напр., знание движущих сил или, что одно и то же, знание известных последовательных явлений (как движений), которые служат показателями (anzeigen) таких сил. Но форма всякого изменения, условие, при котором единственно может происходить изменение как возникновение нового (anderes) состояния (причем содержание его, т. е. состояние, которое изменяется, может быть каким угодно), иными словами, сама последовательность состояний (событие) может быть установлена a priori согласно закону причинности и условиям времени*.

253 Если субстанция переходит из состояния a в состояние b, то момент второго состояния отличается от момента первого состояния и следует за ним. Точно так же второе состояние как реальность (в явлении) отличается от первого состояния, когда его не было, как b отличается от нуля, т. е. если даже состояние b отличается от состояния a только по величине, все же изменение есть возникновение $b - a$, которого в прошлом состоянии не было, /так что в отношении к $b - a$ прошлое состояние $= 0$[1)].

1) С – и по отношению к которому оно $= 0$
З – так что в отношении к $b - a$ состояние $b = 0$
(und in Ansehung dessen er $= 0$ ist)

Итак, спрашивается, каким образом вещь переходит из состояния $= a$ в другое состояние $= b$. Между двумя моментами времени (Augenblicken) всегда находится время, и между двумя состояниями в эти момен-

* Следует заметить, что я говорю не об изменении известных отношений вообще, а об изменении состояния. Напр., если тело движется равномерно, то его состояние (движения) вовсе не меняется, но оно изменяется [в том случае], если /движение ускоряется или замедляется[1)].

1) С, В – его движение увеличивается или уменьшается (seine Bewegung zu- oder abnimmt)

ты времени всегда существует различие, имеющее некоторую величину (так как все части явлений всегда в свою очередь суть величины). Следовательно, всякий переход из одного состояния в другое совершается во времени, заключенном между двумя моментами, причем первый из них определяет состояние, из которого происходит (herausgeht) вещь, а второй – состояние, к которому она приходит. Следовательно, эти моменты суть границы времени изменения, т. е. состояния, промежуточного между двумя состояниями, и, как таковые, /они входят в состав всего изменения[2]. Всякое изменение имеет причину, которая обнаруживает свою причинность в течение всего времени изменения. Следовательно, /причина[3] производит изменение не внезапно ([не] сразу (auf einmal) или в один момент), **254** а во времени, так что как время нарастает от начального момента a вплоть до своего завершения в *b*, так и величина реальность (*b* – *a*) производится через посредство всех меньших степеней, находящихся между первою и второю /[величиною][1]. Значит, всякое изменение возможно только благодаря непрерывному акту причинности, который, поскольку он однороден, называется моментом. Изменение не состоит /из моментов[2], но /производится[3] как действие их.

Таков закон непрерывности всех изменений, основывающихся на том, что ни время, ни явление во времени не состоят из частей, которые были бы наименьшими, но тем не менее состояние вещи при ее изменении переходит через все эти части как элементы к своему второму состоянию. Ни одно различие [между] реальным [содержанием] явлений, а также ни одно различие в величине времени не есть наименьшее [возможное различие]; следовательно, новое состояние реальности вырастает из первого состояния, в котором /его[4] не было, [проходя] через бесконечный ряд степеней, которые все отличаются друг от друга менее, чем *0* от *a*.

Нас теперь не занимает вопрос о том, какую пользу может принести в естествознании это положение. Но вопрос, каким образом возможно вполне a priori положение, столь расширяющее, по-видимому, наше знание о природе, непременно требует нашего исследования, хотя бы /существование[5] и правильность этого положения **255** были очевидны с первого же взгляда, так что, казалось бы, что нет нужды в исследовании вопроса, как оно было возможно. В самом деле, существует так много неосновательных притязаний расширить наше знание с помощью чистого разума, что следует принять /за

2) С,З – они относятся к самому (ко всему) изменению
(und gehören als solche mit zu der ganzen Veränderung)

3) С – эта причина
(diese Ursache)

1) С – моментом
З – степенью
(die [Grade])

2) С – из этих моментов
З – из таких мгновений
(Aus diesen Momenten)

3) С, З – производится ими
(wird dadurch [Momenten] erzeugt)

4) З – ее
(diese [der Realität])

5) З – действительность
(wirklich... sei)

правило[1] быть в высшей степени недоверчивым и /без документов, могущих доставить[2] основательную дедукцию, не верить ничему подобному /даже и[3] при самых ясных догматических доказательствах.

/Всякий прирост эмпирических знаний и всякий успех[4] восприятий есть не что иное, как расширение определения внутреннего чувства, т. е. прогресс во времени, каковы бы ни были при этом предметы, будут ли они явлениями или чистыми наглядными представлениями. Этот прогресс во времени определяет все и сам по себе ничем более не определяется, т. е. части его /существуют[5] только во времени и посредством синтеза его, /но не раньше времени[6]. Поэтому всякий переход в восприятии к чему-либо, что следует во времени, есть определение времени посредством порождения этого восприятия, и так как время всегда и во всех своих частях есть величина, то этот переход есть порождение восприятия как величины, проходящее через все степени, из которых ни одна не есть наименьшая, от нуля вплоть до определенной степени. Отсюда ясно, почему мы можем познать a priori закон изменений со стороны их формы. **256** Мы антиципируем при этом только свою собственную аппрегензию, формальное условие которой во всяком случае (allerdings) может быть познано нами a priori, так как оно свойственно нам даже до всякого данного явления.

Следовательно, как время содержит в себе чувственное априорное условие возможности непрерывного перехода от существующего к последующему, точно так же и рассудок, благодаря единству апперцепции, есть априорное условие возможности непрерывного определения всех мест для явлений /во времени[1], посредством ряда причин и действий, так как первые неизбежно влекут за собой существование последних и таким образом /создают эмпирическое знание об отношениях времени для всякого времени (вообще), т. е. придают ему объективное значение[2].

1) З – за общий принцип
(zum allgemeinen Grundsatz)

2) З – без свидетельств, позволяющих производить
(ohne Dokumente, die... verschaffen können)

3) С – и не признавать его,
Г – и не принимать даже
([nichts]... und anzunehmen)

4) З – Всякое приращение эмпирических знаний и любое продвижение...
(Aller Zuwachs des empirischen Erkenntnisses und jeder Fortschritt)

5) З – даны
(sind)

6) С – самого времени они [части] не создают
(sie [die Teile der Zeit] aber nicht vor ihr gegeben)

1) С – в этом времени
(in dieser Zeit)

2) С – дают объективное значение эмпирическому познанию отношений по времени для каждого времени (вообще)
З – делают эмпирическое знание о временных отношениях применимым ко всякому времени (вообще), стало быть, объективным
(die empirische Erkenntnis der Zeitverhältnisse für jede Zeit (allgemein), mithin Objektiv gültig machen)

С. Третья аналогия

Основоположение сосуществования (des Zugleichseins) согласно закону взаимодействия, или общения (Gemeinschaft)

Все субстанции, поскольку они могут быть восприняты в пространстве, как сосуществующие (als zugleich), находятся во всестороннем (in durchgängiger) взаимодействии[37].

Доказательство

⟨Если в эмпирическом наглядном представлении восприятие одной вещи 257 может /следовать за восприятием другой вещи взаимно[1)] (чего не бывает во временной последовательности явлений, указанной во втором основоположении), то такие вещи сосуществуют. Так, я могу /воспринять сначала[2)] луну и затем землю или, наоборот, сначала землю, а потом луну, и так как восприятия этих предметов могут следовать друг за другом взаимно, то я говорю, что они сосуществуют. Но сосуществование есть существование многообразия в одно и то же время. Однако самого времени нельзя воспринять, чтобы усмотреть, что вещи /находятся[3)] в одном и том же времени и на этом основании признать, что восприятия их могут следовать друг за другом взаимно. Следовательно, синтез воображения в аппрегензии может дать лишь каждое из этих восприятий как существующее в субъекте [в то время], когда другого нет, и наоборот, но он не может показать, что объекты сосуществуют, т. е. что если один из них дан (ist), то другой находится (sei) в том же времени, и не может также показать, /что возможность взаимного следования их друг за другом необходима[4)]. Значит, для того чтобы утверждать, что взаимная последовательность восприятий обоснована в объекте и таким образом представлять сосуществование как объективное, необходимо понятие рассудка о взаимной последовательности определений этих вне друг друга /сосуществующих[5)] вещей. Но отношение между субстанция-

1) С – попеременно следовать
З – взаимно чередоваться
(wechselseitig folgen kann)

2) С – свое восприятие сперва остановить на
(meine Wahrnehmung zuerst... anstellen)

3) С, З – даны
(gesetzt sind)

4) С – что это необходимо для того, чтобы восприятия могли следовать одно за другим попеременно
З – что это необходимо для того, чтобы восприятия могли чередоваться
(und daß dieses notwendig sei, damit die Wahrnehmungen wechselseitig auf einander folgen können)

5) С, З – одновременно существующих
(zugleich existierenden)

---

[37] В 1 изд. заглавие и тезис были выражены следующим образом:

Основоположение общения

Все субстанции, поскольку они сосуществуют, находятся во всестороннем общении (т. е. взаимодействии друг с другом).

ми, состоящее в том, что одна из них содержит в себе определения, **258** основание которых заключается в другой, есть отношение влияния, /а если две вещи взаимно содержат в себе основание определений друг для друга, то[1]) это есть отношение общения, или взаимодействия. Следовательно, сосуществование субстанций в пространстве может быть познано в опыте не иначе, как при допущении взаимодействия между ними; значит, взаимодействие есть также условие возможности самих вещей как предметов опыта.⟩

Вещи сосуществуют, поскольку они /находятся[2]) в одном и том же времени. Но по какому признаку мы узнаем, что они находятся (sind) в одном и том же времени? Если порядок в синтезе аппрегензии этого многообразия безразличен, т. е. если синтез может направляться не только от *A* через *B*, *C*, *D* к *E*, но и наоборот, от *E* к *A*. В самом деле, если бы /этот [синтез] был[3]) последователен во времени (начиная бы с *A* и кончался бы *E*), то было бы невозможно начинать аппрегензию в восприятии с *E* и продолжать ее регрессивно (rückwärts) до *A*, так как *A* относилось бы к прошедшему времени и, следовательно, не могло бы быть уже предметом аппрегензии.

Допустим теперь, что в многообразии субстанций как явлений, каждая из них была бы совершенно изолирована, т. е. ни одна из них не действовала бы на другие и /не подвергалась бы взаимно их влиянию[4]); в таком случае я утверждаю, что с о с у щ е с т в о в а н и е их не было бы **259** предметом возможного восприятия, и существование одной из них никоим образом не могло бы путем эмпирического синтеза приводить нас к существованию другой. В самом деле, если бы мы вообразили, что они отделены друг от друга совершенно пустым пространством, то /наблюдение[1]), переходящее во времени от одной из них к другой, правда, определяло бы существование второй из них посредством следующего акта восприятия, но не могло бы различить, следует ли это явление объективно за первым [явлением] или оно /сосуществует с ним[2]).

Следовательно, кроме одного лишь существования здесь должно быть еще нечто, благодаря чему *A* определяет место *B* во времени и, наоборот, *B* [определяет место] *A*, так как только при этом условии упомянутые субстанции могут быть представлены эмпирически как с у щ е с т в у ю щ и е о д н о в р е м е н н о. Но место вещи во времени определяется только тем, что составляет причину ее или ее определений. Следовательно, если сосуществование должно быть познаваемо в возможном опыте, то всякая субстанция

1) С – если эта основа определений попеременно находится то в той, то в другой З – если это отношение таково, что основание определения одного находится в другом и наоборот, то...
(und wenn wechselseitig dieses den Grund der Bestimmungen in dem anderen enthält)

2) С, З, В – существуют (existieren)

3) С – они [вещи] были (wäre sie)
(Schm. – wären sie)

4) С – не получала в свою очередь воздействия от нее (empfinge von dieser wechselseitig Einflüsse)
(A[1] – empfänge)

1) С, З, В – восприятие (Wahrnehmung)

2) З – скорее существует с ним одновременно
(mit jener vielmehr zugleich sei)

(так как она может быть следствием только со стороны своих определений) /должна заключать в себе причину известных определений другой субстанции и вместе с тем действия причин, содержащихся в другой субстанции[4], иными словами, субстанции должны находиться в динамическом общении (непосредственно или косвенно). / Но все то, без чего сам опыт относительно предметов был бы невозможен[5], **260** имеет необходимое значение для предметов опыта; отсюда следует, что все субстанции в явлении, поскольку они сосуществуют, необходимо находятся во всестороннем общении взаимодействия друг с другом.

4) С – должна заключать в себе причинность известных определений для других и вместе с тем действие причинности других субстанций
З – должна соединять в другой субстанции причинность тех или иных определений и вместе с тем содержать в себе действие причинности другой субстанции
(Also muβ jede Substanz... die Kausalität gewisser Bestimmungen in der anderen und zugleich die Wirkungen von der Kausalität der anderen in sich enthalten)

5) С, З – Но для предметов опыта необходимо все то, без чего сам опыт над этими (относительно этих) предметами невозможен
(Nun ist aber alles dasjenige in Ansehung der Gegenstände der Erfahrung notwendig, ohne welches die Efrahrung von diesen Gegenständen selbst unmöglich sein würde)

Слово общение (Gemeinschaft) /имеет[1] двоякий смысл и может обозначать то же, что communio, или то же, что commercium. Мы пользуемся им здесь в последнем смысле, имея в виду динамическое общение, без которого даже и общность места (die lokale) (communio spatii) никогда не могла бы быть познана эмпирически. В нашем опыте нетрудно заметить, что только непрерывные влияния во всех местах пространства могут руководить (leiten) нашими чувствами при переходе от одного предмета к другому, что свет, разливающийся (welches... spielt) между небесными телами и нашим глазом, устанавливает косвенным путем общение между ними и нами (uns und diesen) и доказывает сосуществование их, что мы не могли бы эмпирически переменить своего места (воспринять эту перемену) без того, чтобы материя не делала для нас повсюду возможным восприятие нашего места, и только посредством своего взаимного влияния материя может обнаружить свое сосуществование и вместе с тем (хотя и косвенным путем) сосуществование /самых отдаленных[2] предметов. Без взаимодействия всякое восприятие (/явление в[3] пространстве) изолировано от остальных восприятий, и цепь эмпирических представлений, /т. е. опыта[4], должна была бы вместе с новым объектом возникать совершенно вновь, **261** причем предыдущий опыт не мог бы находиться ни в какой связи с ним и ни в каком отношении

1) С – в нашем языке
(ist in unserer Sprache)

2) С – до отдаленнейших
(bis zu entlegensten)

3) С, З – явления в
(der Erscheinung im)

4) З – т.е. опыт
(d.i. Erfahrung)

времени. Я не собираюсь опровергать таким образом [существование] пустого пространства: оно может быть повсюду там, куда вовсе не проникает восприятие, и где, следовательно, нет никакого эмпирического знания о сосуществовании; но в таком случае оно вовсе не может быть объектом для нашего /опыта[1].

Следующее замечание может служить пояснением. В нашей душе все явления как содержащиеся в едином возможном опыте должны находиться /в общении (communio) [в] апперцепции[2], и поскольку предметы должны представляться соединенными [друг с другом] как сосуществующие, они должны взаимно определять свои места в едином времени и таким образом составлять одно целое. Если это субъективное общение должно покоиться на объективном основании или относиться к явлениям как субстанциям, то восприятие одного из явлений должно как основание делать возможным восприятие другого явления, и наоборот, для того чтобы последовательность, /всегда присущая восприятиям как актам апрегензии[3], не приписывалась самим объектам, т. е. чтобы объекты могли быть представлены как сосуществующие. Но такое [отношение] есть взаимное влияние, т. е. реальное общение (commercium) субстанций, без которого, следовательно, не могло бы осуществиться в опыте эмпирическое отношение сосуществования. Благодаря такому **262** взаимодействию (Kommerzium) явления, находящиеся вне друг друга, но тем не менее соединенные друг с другом, образуют /сложное целое[1] (compositum reale), и такие /сложные целые[2] могут складываться различными способами. Итак, три динамических отношения, из которых возникают все остальные [отношения этого рода], суть /принадлежность, последовательность и сложность[3].

* * *

Таковы три аналогии опыта. Они суть не что иное, как основоположения, определяющие существование явлений во времени согласно всем трем модусам его: согласно отношению к самому времени как величине (величина существования, т. е. продолжительность), согласно отношению во времени как к ряду (последовательность), наконец, согласно отношению во времени как совокупности всего существующего (сосуществование (zugleich)). Это единство определения времени /сплошь имеет[4] динамический характер, иными словами, время рассматривается не как нечто

1) С, З – возможного опыта (mögliche Erfahrung)

2) С – в общении (communio) апперцепции
З – в общности (communio) апперцепции
(in Gemeinschaft (communio) der Apperzeption)

3) З – будучи всегда схватыванием в восприятиях (die jederzeit in den Wahrnehmungen als Apprehensionen ist)

1) С, З – нечто составное (сложное) (ein Zusammengesetztes)

2) С – составные величины
З – сочетания (Kompositia)

3) З – присущность, следование и сложение (Inhärenz, der Konseguenz und der Komposition)

4) З – совершенно (ist durch und durch)

такое, в чем опыт непосредственно определял бы всякому существованию его место: это невозможно, так как абсолютное время вовсе не есть предмет восприятия, который мог бы объединить явления; место всякого явления во времени определяется не иначе, как правилом рассудка, благодаря которому существование явлений может обладать синтетическим единством согласно отношениям во времени, следовательно, это определение совершается a priori и имеет значение /для всякого[5] времени.

263 Под природой (в эмпирическом смысле) мы разумеем /связь существования явлений[1] по необходимым правилам, т. е. по законам. Следовательно, существуют известные законы, и притом a priori, которые впервые делают природу возможной; эмпирические законы могут существовать и быть найдены только при помощи опыта и притом /в согласии[2] с этими первоначальными законами, благодаря которым впервые становится возможным сам опыт. Наши аналогии изображают, собственно, единство природы в связи всех явлений /под известными показателями[3], выражающими не что иное, как отношение времени (поскольку оно охватывает в себе все существующее) к единству апперцепции, которое может осуществиться только в синтезе согласно правилам. Взятые вместе аналогии высказывают следующее: все явления заключаются и должны заключаться в единой (in einer) природе, так как без этого априорного единства не было бы возможно никакое единство опыта, следовательно, также никакое определение предметов в нем.

По поводу того своеобразного способа доказательства, которым мы пользовались, [устанавливая] эти (bei diesen) трансцендентальные законы природы, следует сделать одно замечание, имеющее весьма важное значение так же, как предписание для всякой другой попытки доказать интеллектуальные и вместе с тем синтетические априорные положения. Если бы мы хотели доказать эти аналогии догматически, т. е. [если бы мы хотели доказать] из понятий, что **264** все существующее находится не иначе, как в устойчивом, что всяким событием предполагается в предыдущем состоянии нечто, за чем оно следует по правилу, наконец, что в сосуществующем многообразии состояния сосуществуют в отношении друг к другу согласно правилу (находятся /во взаимодействии[1]), то все наши старания были бы совершенно тщетны. В самом деле, сколько бы мы ни анализировали понятия о предметах, мы не могли бы, /исходя только из понятий[2], прийти от предмета и его существования к зна-

5) С – для всякого и каждого (für alle und jede Zeit)

1) С – связь явлений по их существованию (den Zusammenhang der Erscheinungen ihrem Dasein nach)

2) С – в силу (zufolge)

3) З – при определенных показателях (unter gewissen Exponenten)

1) С, З, В – в общении (in Gemeinschaft)

2) С – путем только понятий об этих вещах (durch bloße Begriffe dieser Dinge)

нию о существовании другого предмета или о способе его существования. Итак, что же нам оставалось? Возможность опыта как знания, в котором все предметы должны иметь в конце концов возможность быть данными нам, если представление их должно иметь для нас объективную реальность. /В самом деле, в возможности опыта[3], существенная форма которого состоит в синтетическом единстве апперцепции всех явлений, мы нашли априорные условия всестороннего и необходимого определения по времени всякого существования в явлении, априорные условия, без которых было бы невозможно само эмпирическое определение по времени; этим путем мы нашли также правила синтетического единства a priori, посредством которых мы могли антиципировать опыт. /Незнание[4] этого метода доказательства и /притязание[4] доказать догматически синтетические положения, /играющие роль принципов опытного применения рассудка[6], были причиной многочисленных, но всегда неудачных попыток доказать закон достаточного основания. **265** О двух других аналогиях, хотя ими всегда молча пользовались* никто и не думал, потому что не было руководства категориями, которое одно только может обнаружить и сделать заметным всякий пробел как в понятиях, так и в основоположениях рассудка.

3) С – А в этом третьем (In diesem Dritten nun)

4) С, З – При отсутствии (In Ermangelung)

5) С – при безумном замысле З – беспочвенные притязания (bei dem Wahne)

6) С, З – которые опытное применение рассудка рекомендует (welche der Erfahrungsgebrauch des Verstandes... empfiehlt)

4. Постулаты эмпирического мышления вообще

1. Что согласно с формальными условиями опыта (что касается наглядного представления и понятий), то возможно.

266 2. Что связано с материальными условиями опыта (ощущения), то действительно.

3. То, связь чего с действительностью определяется согласно общим условиям опыта, существует (ist) (existiert)) необходимо.

* Единство мирового целого, в котором должны быть соединены все явления, есть, очевидно, простой вывод из /молча[1] допущенного основоположения взаимодействия /всех[2] существующих субстанций: в самом деле, если бы они были изолированы, то они не были бы частями целого, и если бы их связь (взаимодействие многообразия) не была необходима уже для сосуществования, то из сосуществования как чисто идеального отношения нельзя было бы умозаключить к взаимодействию как реальному отношению. Но мы показали в своем месте, что взаимодействие, собственно, есть основание возможности эмпирического знания о сосуществовании, и что потому именно от сосуществования можно умозаключить к взаимодействию как основанию его.

1) С, В – бессознательно (ingeheim)

2) С, З, В – всех одновременно (aller Substanzen, die zugleich sind)

Пояснение

Категории модальности имеют ту особенность, что как определение объекта они нисколько не обогащают [содержания] понятия, которому /служат предикатом[1], но выражают только отношение его к способности познания. Если понятие какого-либо предмета (eines Dinges) уже /совершенно сложилось[2], то я могу все же еще спросить об этом предмете, возможный ли он только или действительный, и в последнем случае, не есть ли он также необходимый предмет? При этом мыслится не какое-либо новое определение в самом объекте, но только ставится вопрос, как он (вместе со всеми своими определениями) относится к рассудку и эмпирическому применению его, к эмпирической способности суждения и к разуму (в его применении к опыту).

1) С – придаются как предикаты (dem sie als Prädikate beigefügt werden)

2) З – совершенно полное (ganz vollständig ist)

Поэтому и основоположения модальности содержат в себе не что иное, как разъяснение понятий возможности, действительности и необходимости в их эмпирическом применении и вместе с тем ограничение всех категорий чисто эмпирическим применением, не допускающее и не разрешающее трансцендентального применения их. **267** В самом деле, если категории имеют не одно только логическое значение и /не представляют [собой только][1] аналитическое выражение форм м ы ш л е н и я, но должны относиться к в е щ а м и их возможности, действительности или необходимости, то они должны /стоять в[2] связи с возможным опытом и его синтетическим единством, /без которого не могут быть даны[3] предметы знания.

1) З – не должны быть (nicht… ausdrücken sollen)

2) З – направлены на (auf… gehen)

3) С – в котором только и даются (in welcher allein… gegeben werden)

Постулат в о з м о ж н о с т и вещей требует, следовательно, чтобы понятие их согласовалось с формальными условиями опыта вообще. /Но опыт вообще, т. е. объективная форма его[4], содержит в себе весь синтез, необходимый для познания объектов. Понятие, /выражающее собой[5] синтез, оказывается пустым и не относится ни к какому предмету, если синтез его не принадлежит опыту или как заимствованный из опыта, и тогда п о н я т и е называется э м п и р и ч е с к и м, или как обосновывающий опыт вообще (форму его) в качестве априорного условия его, и тогда п о н я т и е называется ч и с т ы м, не переставая, однако, принадлежать опыту, так как его объект может быть найден только в опыте. В самом деле, откуда же взялся бы характер возможности предмета, мыслимого посредством синтетического понятия a priori, если не из синтеза, составляющего форму эмпирического познания объектов? **268** Отсутствие

4) С – А они, именно объективная форма опыта вообще (Diese, nähmlich die objektive Form der Erfahrung üherhaupt)

5) С, В – которое заключает в себе (der… in sich faβt)

противоречия в таком понятии есть, правда, необходимое логическое условие, но оно вовсе недостаточно для объективной реальности понятия, т. е. для возможности предмета (eines solchen Gegenstandes), мыслимого в понятии. Напр., в понятии фигуры, образуемой двумя прямыми линиями, нет противоречия, так как понятия о двух прямых линиях и пересечении их не содержат в себе никакого отрицания фигуры; невозможность [такой фигуры] основывается не на понятии самом по себе, а на построении его в пространстве, т. е. на условиях пространства и определения его, которые в свою очередь имеют объективную реальность, т. е. относятся к возможным вещам, так как содержат в себе a priori форму опыта вообще.

Мы хотим раскрыть теперь широкое /значение и пользу[1)] этого постулата возможности. Если я представляю себе устойчивую вещь, так что все изменяющееся в ней относится только к [числу] ее состояний, то из одного лишь этого понятия я никогда не могу узнать, возможна ли подобная вещь. Или, [положим], я представляю себе нечто обладающее такими свойствами, что, когда оно /поставлено[2)], за ним всегда и /неизменно[3)] следует нечто другое; эта [мысль], конечно, может не заключать в себе никаких противоречий, но на этом основании я не могу еще судить, встречается ли такое свойство (как причинность) в какой-либо возможной вещи. Наконец, я могу представлять себе различные вещи (субстанции), /обладающие таким свойством[4)], **269** что состояние одной из них влечет за собой следствия в состоянии другой и наоборот; однако из этого понятия (aus diesen Begriffen) , заключающего в себе лишь произвольный синтез, нельзя усмотреть, может ли принадлежать каким-либо вещам подобное отношение. Следовательно, только на том основании, что эти понятия выражают a priori отношения восприятий в каждом опыте, /мы признаем[1)] их объективную реальность, т. е. трансцендентальную истинность и притом, конечно, независимо от опыта, но вовсе не независимо от всякого отношения к форме опыта вообще и к синтетическому единству, /без которого предметы не могут быть познаны[2)] эмпирически.

Но если бы мы захотели создать из материала, доставляемого нам восприятием, совершенно новые понятия о субстанциях, силах и взаимодействиях, не заимствуя из опыта даже и примера их соединения, то мы вступили бы в мир фантазий, возможность которых /ничем не была бы засвидетельствована[3)], так как /при построении их[4)] /опыт не был принят за руководство и понятия не были заимствованы из него[5)].

1) С – применение и влияние (Nutzen und Einfluß)

2) С – дается, З – дано (gesetzt wird)

3) С, З – неизбежно (unausbleiblich)

4) С – которые устроены так (die so beschaffen sind)

1) С – узнают (erkennt man)

2) З – лишь в котором предметы могут быть познаны (in der allein Gegenstände… können erkannt werden)

3) С – решительно ничего не имеет за себя (ganz und gar kein Kennzeichen für sich hat)

4) З – предаваясь фантазиям (bei ihnen)

5) С – здесь признается учителем не опыт и не понятия, которые из него извлечены (nicht Erfahrung zur Lehrerin annimmt, noch diese Begriffe von ihr entlehnt)

Подобные вымышленные понятия могут приобрести характер возможности не a priori как категории, /составляющие условие[6], от которого зависит весь опыт, но лишь a posteriori как данные самим опытом; следовательно, их возможность или должна быть познана a posteriori и эмпирически, или она **270** вовсе не может быть познана. [Так, напр.,] субстанция, /которая была бы устойчивой[1] в пространстве, не наполняя, однако, его (как то среднее (Mittelding) между материей и /духом[2] [существо], которое хотели допустить некоторые [философы]), или особая основная способность нашей души наперед в и д е т ь (zum voraus anzuschauen) будущее (а не только умозаключать о [нем]), или, наконец, /способность духа вступать мыслью во взаимодействие с другими[3] людьми (как бы далеко они ни находились) – все это понятия, возможность которых совершенно не обоснована, так как они не могут опираться (weil sie {Möglichkeit} nicht... gegründet werden kann) на опыт и известные законы его и потому представляют собой (ist) произвольное сочетание мыслей, которые, хотя и не содержат в себе никакого противоречия, тем не менее не могут заявлять притязаний на объективную реальность, т. е. [настаивать] на возможности /тех предметов, какие мыслятся в них[4] (39). Что касается реальности, само собой разумеется, ее нельзя мыслить конкретно, не прибегая к помощи опыта, так как реальность может относиться только к ощущению как содержанию (Materie) опыта, но не к форме отношения, /по поводу которой [ум] в самом деле может пускаться в область фантазий[5].

6) С – в качестве условий
(als Bedingungen)

1) С – постоянно присутствует
З – постоянно наличествовала бы
(beharrlich…gegenwärtig wäre)

2) С, З – мыслящим существом
(denkenden Wesen)

3) З – способность души мысленно вступать в общение с другими
(ein Vermögen desselben, mit anderen Menschen in Gemeinschaft der Gedanken zu stehen)

4) С – такого предмета, который здесь мыслится
(eines solches Gegenstandes, als man sich hier denken will)

5) С – с которой в этих вымыслах каждый раз ведут игру
(mit der man allenfalls in Erdichtungen spielen könnte)

Впрочем, я пропускаю здесь все то, возможность чего может усматриваться лишь из действительности в опыте, и исследую здесь только возможность вещей, основанную на априорных понятиях. /Относительно таких вещей[6] я продолжаю настаивать на том, /что возможность их никогда не следует **271** из априорных понятий самих по себе, но вытекает всегда из этих понятий лишь постольку, поскольку они суть[1] формальные и объективные условия опыта вообще.

6) С – Относительно таких понятий
(von denen)

1) С – что они, как такие понятия, только сами по себе существовать не могут, но существуют всегда только как…
(daβ sie niemals aus solchen Begriffen für sich allein, sondern jederzeit nur als… stattfinden können)
(Schm. – als solche Begriffe)

На первый взгляд, кажется, будто возможность треугольника познается из его понятия самого по себе (от опыта оно, конечно, не зависит), так как мы действительно можем вполне a priori дать для него предмет, т. е. построить его. Но так как это [построение] (dieses) есть только форма предмета, то [треугольник[2]] все же оставался бы всегда только продуктом воображения, и возможность /соответствующего ему предмета[3] была бы еще сомнительной, так

2) С – он
З – понятие треугольника
(er)

3) С – его предмета
(von dessen Gegenstand)

как для нее требуется еще нечто большее, именно то, чтобы такая фигура мыслилась исключительно посредством условий, на которых основываются все предметы опыта. [И в самом деле,] если мы связываем с понятием треугольника представление о возможности такой вещи, то это именно потому, что пространство есть формальное априорное условие внешнего опыта, и /связующий[4] синтез, посредством которого мы строим в воображении треугольник, совершенно совпадает с тем синтезом, который мы осуществляем в аппрегензии явления, чтобы получить из него эмпирическое понятие. Точно так же возможность непрерывных величин и даже величин вообще, так как все понятия о них имеют синтетический характер, никогда не может быть /усмотрена[5] из самих понятий, но становится ясной **272** из них лишь постольку, поскольку они суть формальные условия определения предметов в опыте вообще; да и где же мы могли бы искать предметы, соответствующие понятиям, если не в опыте, посредством которого только и могут быть даны нам предметы? Не предпосылая самого опыта, мы можем познать и характеризовать возможность вещей только в отношении к формальным условиям, при которых в опыте вообще что-либо определяется как предмет; в таком случае мы /познаем возможность вещи[1] совершенно a priori, однако только в отношении к опыту и внутри его границ.

Постулат познания *действительности* вещей требует *восприятия*, т. е. /ощущения и сознания[2], если не непосредственно /самого предмета[3], существование которого должно быть познано, то по крайней мере связи его с каким-либо действительным восприятием согласно аналогиям опыта, которые /содержат в себе выражение[4] всех реальных связей в опыте вообще.

В одном лишь понятии вещи /нельзя найти признаков[5] ее существования. Действительно, если даже понятие обладает [совершенной] полнотой, так что нет недостатка ни в чем, чтобы мыслить вещь со всеми ее внутренними определениями, тем не менее /существование [вещи] не имеет отношения ко всему этому[6], /но определяется лишь в зависимости от того[7], дана ли нам такая вещь так, что восприятие ее может /даже[8] предшествовать **273** понятию. В самом деле, если понятие предшествует восприятию, то это означает лишь возможность его, и только восприятие, дающее содержание (Stoff) понятию, /является признаком[1] действительности. Впрочем, если вещь находится в связи с какими-либо восприятиями согласно основоположениям эмпириче-

4) С – созидающий
З – образующий
(bildende)

5) С – ясна
З – явствует
(ist… klar)

1) С – можем узнать и характеризовать возможность вещей
(die Möglichkeit der Dinge erkennen und charakterisieren können)

2) С – ощущения, которое нами сознается
З – осознанного ощущения
(Empfindung, deren man sich bewußt ist)

3) С – от самого предмета
(von dem Gegenstande selbst)

4) С – указывают
З – объясняют
(darlegen)

5) В – не можем узнать характера
(kann gar kein Charakter… angetroffen werden)

6) В – бытие вещи... имеет дело не с признаками
(das Dasein mit allem diesem... gar nichts zu tun)
(A[1] – mit allem diesen)

7) С – Здесь мы имеем дело только с вопросом
(sondern nur mit der Frage)

8) С, З – во всяком случае
(allenfalls)

1) С, З – есть единственный признак
(ist der einzige Charakter)

ского соединения их (согласно аналогиям [опыта]), то при этом условии ее существование может быть познано также и до восприятия, т. е. /до некоторой степени[2] a priori. В этом случае все же существование вещи связано с нашими восприятиями в возможном опыте, и мы можем дойти от своих действительных восприятий до вещи через ряд возможных восприятий, руководствуясь упомянутыми аналогиями [опыта]. Так, воспринимая притяжение железных опилок, мы познаем существование проникающей все тела /магнитной[3] материи, хотя непосредственное восприятие этого вещества для нас вследствие устройства наших органов невозможно. Согласно законам чувственности и /связи[4] наших восприятий, мы вообще должны были бы (würden) натолкнуться в опыте также и на непосредственное эмпирическое /восприятие[5] этого вещества, если бы наши чувства были тоньше: грубость их вовсе /не изменяет[6] формы возможного опыта вообще. Итак, наше знание о существовании вещей заходит настолько [далеко], насколько простираются восприятие и /его связи[7] согласно эмпирическим законам. Если мы /не прибегаем к опыту[8] или /не **274** умозаключаем[1] согласно законам эмпирической связи явлений, /то мы напрасно мечтаем[2] угадать или открыть существование какой бы то ни были вещи. ⟨Так как идеализм приводит важные (mächtigen) возражения против этих правил косвенного доказательства существования, то здесь представляется повод заняться опровержением его.⟩

2) С – сравнительно (komparative)

3) С, В – магнетической (magnetischen)

4) С, З – контексту (dem Kontext)

5) С, З – созерцание (Anschauung)

6) З – не затрагивает (nichts angeht)

7) З – его результат (deren Anhang)

8) С, З – не начинаем с опыта (Fangen wir nicht von Erfahrung an)

1) С – будем идти не
З – не следуем
(gehen wir nicht... fort)

2) С, З – то мы напрасно будем пытаться (претендуем на то) (so machen wir uns vergeblich Staat)

* * *

⟨Опровержение идеализма

Идеализм (я имею в виду материальный [идеализм]) есть теория, признающая существование предметов вне нас в пространстве или только сомнительным и недоказуемым, или ложным и невозможным. Первый есть проблематический [идеализм] Декарта, который считает несомненно [достоверным] лишь одно эмпирическое утверждение (assertio), именно: Я есть (Ich bin). Второй есть догматический [идеализм] Беркли, утверждающего, что пространство вместе со всеми вещами, которым оно присуще как /необходимое[3] условие, /само по себе невозможно[4], и потому считающего вещи (auch die Dinge) в пространстве /лишь фантомами[5]. Догматический идеализм неизбежен, если рассматривать пространство как свойство, которое должно принадле-

3) З – неотъемлемое
В – неразрывное
(unabtrennliche)

4) С – считал за нечто такое, что само по себе невозможно (für etwas, was an sich selbst unmöglich sei... erklärt)

5) З – лишь плодом воображения (für bloße Einbildungen)

жать вещам самим по себе; в таком случае оно вместе со всем, чему оно служит условием, есть нелепость. Но основание для такого идеализма устранено нами в трансцендентальной эстетике. Проблематический [идеализм], ничего не утверждающий в этом вопросе, но только /считающий нас неспособными[6)] 275 доказать существование [вещей] /вне нас[1)] путем непосредственного опыта, разумен и свойствен основательному философскому образу мышления, которое не допускает никаких /решений[2)] раньше, чем найдено достаточное доказательство. Требуемое доказательство должно, следовательно, установить, что у нас относительно внешних вещей также есть о п ы т, а не одно только в о о б р а ж е н и е; этой цели можно достигнуть не иначе, как доказав, что даже наш в н у т р е н н и й, несомненный для Д е к а р т а опыт возможен только при допущении в н е ш н е г о опыта.

6) С – указывает невозможность (das Unvermögen... vorgibt)

1) С – вне нашего собственного [существования] (ein Dasein außer dem unsrigen)

2) С, В – решительного суждения
З – окончательного решения (entscheidendes Urteil)

Теорема

П р о с т о е, н о э м п и р и ч е с к и о п р е д е л е н н о е с о з н а н и е м о е г о с о б с т в е н н о г о с у щ е с т в о в а н и я с л у ж и т [у ж е] д о к а з а т е л ь с т в о м с у щ е с т в о в а н и я п р е д м е т о в в п р о с т р а н с т в е в н е м е н я.

Доказательство

Я сознаю свое существование как определенное во времени. Всякое определение времени предполагает существование чего-либо у с т о й ч и в о г о в восприятии. Но это устойчивое /не может находиться во мне[3)], так как мое существование во времени может быть определено впервые именно посредством этого устойчивого[38]. Следовательно, восприятие этого устойчивого возможно только посредством в е щ и вне меня, но не посредством простого п р е д с т а в л е н и я о вещи вне меня. Значит, определение моего существования во времени 276 возможно только

3) С – не может быть чем-нибудь во мне (kann nicht etwas in mir sein)

[38] Текст «Но это... устойчивого» Кант хочет изменить следующим образом: «Но это устойчивое не может быть наглядным представлением во мне. В самом деле, все основания определения моего существования, которые могут быть найдены во мне, суть представления, и, как таковые, они сами нуждаются в отличающемся от них устойчивом [бытии], в отношении к которому может быть определена смена их, а следовательно, и мое существование во времени, в котором они сменяются». См. выше Предисловие ко 2 изд. (XXXIX), примечание.

благодаря существованию действительных вещей, которые я воспринимаю вне себя. А так как сознание во времени необходимо связано с сознанием возможности этого определения по времени, то, следовательно, оно необходимо связано также с существованием вещи вне меня как условием определения времени; иными словами, сознание моего собственного существования есть вместе с тем непосредственное сознание существования других вещей вне меня.

Примечание 1. Из предыдущего доказательства видно, что /оружие, употребляемое идеализмом[1], с еще бóльшим правом может быть обращено против него. Идеализм предполагает, что только внутренний опыт имеет непосредственный характер и что, исходя из этого опыта, мы только умозаключаем о внешних вещах, да и то без достаточной достоверности, как это всегда бывает, когда мы умозаключаем от данных действий к определенным причинам: ведь причина представлений, которую мы, быть может ложно, приписываем внешним вещам, может находиться в нас самих. Между тем мы доказали здесь, что на самом деле внешний опыт есть непосредственный*, 277 и что только при его посредстве возможно, если не сознание нашего собственного существования, то все же его определение во времени, т. е. внутренний опыт. Конечно, представление «я есть», служащее выражением сознания, могущего /сопровождать[3] всякое мышление, есть то, что непосредственно заключает в себе существование субъекта, однако это еще не знание о нем, следовательно, и не эмпирическое знание, т. е. не опыт: для опыта нужно иметь, кроме мысли о чем-то существующем, еще наглядное представление и в данном случае внутреннее наглядное представление, в отношении к которому, т. е. ко времени, субъект должен

1) С, З – игра, которую ведет (вел) идеализм
(das Speil, welches der Idealismus trieb)

3) З, В – сопутствовать
(begleiten)

---

* Непосредственное сознание существования внешних вещей не предполагается в предыдущей теореме, а доказано в ней [независимо от того], усматриваем ли мы возможность такого сознания или нет. Вопрос о возможности такого сознания мог бы быть поставлен следующим образом: быть может, мы имеем только внутреннее чувство, а внешнего [чувства] у нас нет, но [вместо него] мы имеем только внешнее воображение. Однако ясно, что для того чтобы хотя только вообразить себе нечто как внешнее, т. е. представить 277 чувству /наглядно[1], мы должны уже иметь внешнее чувство и, таким образом, отличать простую восприимчивость внешнего наглядного представления от самодеятельности, характеризующей всякое воображение. /В самом деле, если бы даже и внешнее чувство было только продуктом воображения, то этим была бы уничтожена[2] сама способность наглядного представления, которая должна определяться способностью воображения.

1) З – представить, это чувству в созерцании
(dem Sinne in der Anschauung darzustellen)

2) С – Вымыслить себя и внешние чувства – это могло бы даже уничтожить...
(Denn sich auch äußeren Sinn bloß einzubilden, würde... selbst vernichten)

быть определен, а для этого необходимы внешние предметы, так что, следовательно, сам внутренний опыт возможен только опосредствованным[путем] (mittelbar) и только при помощи внешнего опыта.

П р и м е ч а н и е 2. С этим [положением] вполне согласуется опытное применение нашей познавательной способности при определении времени. Всякое определение времени мы можем воспринять только через смену во внешних отношениях (движение) в связи с устойчивым в пространстве (напр., движение солнца **278** в отношении к предметам на земле); мало того, у нас нет даже ничего устойчивого, что мы могли бы /подставить[1)] как наглядное представление под понятие субстанции, кроме только м а т е р и и, и даже эта устойчивость не почерпается из внешнего опыта, но предполагается a priori как необходимое условие всякого определения времени, следовательно так же, как определение внутреннего чувства в отношении нашего собственного существования посредством существования внешних вещей. Сознание о самом себе в представлении Я /вовсе не имеет наглядного характера[2)], оно есть только и н т е л л е к т у а л ь н о е представление самодеятельности мыслящего субъекта. Поэтому это Я не обладает ни одним предикатом наглядного представления, который, будучи устойчивым, /как, напр., н е п р о н и ц а е м о с т ь материи в э м п и р и ч е с к о м наглядном представлении ее[3)], мог бы служить коррелятом для определения времени во внутреннем чувстве.

П р и м е ч а н и е 3. Из того, что существование внешних предметов необходимо для возможности определенного сознания о нас самих, вовсе еще не следует, будто всякое наглядное представление о внешних вещах заключает в себе вместе с тем существование их, так как подобное представление может быть простым действием способности воображения (в грезах или в случае безумия); /но [такое действие возможно] только как воспроизведение[4)] прежних внешних восприятий, которые в свою очередь, как показано выше, возможны только благодаря действительности внешних предметов. Здесь необходимо было только доказать, что внутренний опыт вообще возможен не иначе, как при **279** посредстве внешнего опыта вообще. Представляет ли собой тот или иной предполагаемый опыт одно только действие воображения, этот вопрос должен решаться согласно /особым определениям данного случая[1)] и /путем сравнения с[2)] критериями всякого действительного опыта].⟩

1) С – придать понятию
З – положить в основание понятия
(dem Begriffe... unterlegen)

2) С – еще не есть созерцание
З – вовсе не созерцание
(ist gar keine Anschauung)

3) З – подобно тому как непроницаемость есть коррелят материи как эмпирическое созерцание
(wie etwa Undurchdringlichkeit an der Materie als empirischer Anschauung ist)

4) С – Оно [представление] скорее дается только через репродукцию
(sie ist es aber bloβ durch die Reproduktion)
(Such representation is merely the reproduction)

1) С – по его [опыта] особенным определениям
З – согласно отдельным определениям опыта
(nach den besonderen Bestimmungen derselben)

2) С – по его соответствию с
(durch Zusammenhaltung)

* * *

Наконец, что касается третьего постулата, он относится к материальной необходимости /существования[3], а не к формальной только и логической необходимости /связи[4] понятий. Так как существование предметов чувств никогда не может быть познано вполне a priori, но только сравнительно a priori, именно в отношении к другому же данному существованию, и так как даже и в этом случае мы можем прийти только к тому существованию, которое должно находиться где-либо в связи опыта, содержащего в себе данное восприятие как часть, то необходимость существования никогда не может быть познана из понятий, но всегда познается только из связи с тем, что воспринято, согласно общим законам опыта. Но под условием других данных явлений может быть познано как необходимое /только существование[5] действий из данных причин согласно законам причинности. Следовательно, необходимость может быть познана не в существовании вещей (субстанций), а только в существовании их состояний, и притом на основании других состояний, **280** данных в восприятии, согласно эмпирическим законам причинности. Отсюда следует, что критерий необходимости содержится исключительно в законе возможного опыта, который гласит, что все случающееся определено a priori своей причиной в явлении. Поэтому мы познаем в природе только необходимость действий, причины которых нам даны, и признак необходимости существования /не простирается за пределы[1] возможного опыта, да и в этой области он /не касается[2] существования вещей как субстанций, потому что [существование] субстанций никогда не может быть рассматриваемо как эмпирическое действие или как нечто случающееся и возникающее. Следовательно, необходимость касается только отношений явлений согласно динамическим законам (nach dem dynamischen Gesetze) причинности и /вытекающей отсюда возможности[3] умозаключать a priori из какого-либо данного существования (причины) к другому существованию (действию). /Все, что случается, имеет условно необходимый характер[4], — таково основоположение, подчиняющее изменения в мире закону, т. е. правилу необходимого существования, правилу, без которого не могла бы существовать /природа[5]. Поэтому положение «ничто не происходит /по слепой случайности[6]» (in mundo non datur casus) есть априорный закон природы; точно так же, необходимость в природе никогда не бывает слепой, но всегда бывает обусловлен-

3) С, В – в существовании (im Dasein)
4) С – в соединении (in Verknüpfung)

5) С – Но нет другого существования… кроме существования (Da ist nun kein Dasein… als das Dasein)

1) З – не простирается дальше (reicht nicht weiter als das Feld)
2) С – не указывает (gilt es nicht)

3) С – и основанной на этом возможности (und die darauf sich gründende Möglichkeit)
4) З – Все что происходит, гипотетически необходимо (Alles, was geschieht, ist hypothetisch notwendig)
5) З – даже природа (gar nicht einmal Natur)
6) З – по слепому случаю (durch ein blindes Ungefähr)

ной и, следовательно, понятной (non datur **281** fatum). Оба эти положения суть законы, подчиняющие игру изменений природе вещей (как явлений), или, что одно и то же, единству рассудка, в котором только они и могут принадлежать к (zu einer) опыту как синтетическому единству явлений. Оба эти закона суть динамические основоположения. Первый из них, собственно, есть следствие основоположения причинности (/одной из аналогий[1] опыта), а второй принадлежит к основоположениям модальности, которая присоединяет к причинному определению еще понятие необходимости, подчиненное, однако, правилу рассудка. Принципом непрерывности запрещался всякий скачок в ряду явлений (изменений) (in mundo non datur saltus), а также всякий пробел или пропасть между двумя явлениями в совокупности всех эмпирических наглядных представлений в пространстве (non datur hiatus); так можно выразить принцип, согласно которому в опыте не может быть ничего, что доказывало бы пустому (vacuum) или допускало бы ее хотя бы только как часть эмпирического синтеза. В самом деле, что касается пустоты, которую можно мыслить /за пределами[2] возможного опыта (мира), этот вопрос не подлежит суду простого рассудка, который решает только проблемы, касающиеся использования данных явлений для эмпирического знания: эта задача подлежит ведению (für) идеального разума, выходящего за сферу возможного опыта и **282** желающего судить также о том, что окружает и ограничивает самую эту сферу; поэтому она должна быть рассмотрена в трансцендентальной диалектике. Приведенные четыре положения (in mundo non datur hiatus, non datur saltus, non datur casus, non datur fatum) легко можно было бы, как и все основоположения трансцендентального происхождения, /расположить в порядке сообразно категориям[1] и указать каждому из них свое место, но опытный уже читатель сделает это и сам или легко найдет для этого руководство. /Все эти принципы направлены к тому, чтобы[2] не допускать в эмпирическом синтезе ничего, что могло бы нанести /ущерб[3] рассудку и непрерывной связи всех явлений, т. е. единству понятий рассудка. В самом деле, только в рассудке возможно единство опыта, в котором все восприятия должны иметь свое место.

Больше ли область возможного, чем область действительного, и в свою очередь больше ли область действительного, чем /область необходимого[4], — это вопросы серьезные и требующие синтетического решения, но они подлежат ведению (Gerichtsbarkeit) только разума, так как в них собственно заключается

1) С – под аналогиями (unter den Analogien)

2) З – вне сферы (außerhalb dem Felde)

1) С – представить соответственно порядку категорий
З – представить, расположив их сообразно порядку категорий (nach ihrer Ordnung gemäß der Ordnung der Kategorien vorstellig machen)

2) С – Все они сходятся только в том, что... (Sie vereinigen sich aber alle lediglich dahin, um...)

3) З – ущерб и вред (Abbruch oder Eintzag)

4) З – сумма того, что необходимо (die Menge desjenigen, was notwendig ist)

следующая [проблема]: все ли вещи как явления входят в совокупность и контекст /одного единого[5]) опыта, содержащего в себе всякое данное восприятие как часть, которая, следовательно, не может быть связана ни с какими **283** другими явлениями, или же мои восприятия могут входить в состав более, чем одного возможного опыта (в его всеобщей связи)? Рассудок дает a priori опыту вообще только правила согласно субъективным и формальным условиям чувственности и апперцепции, без которых опыт не был бы возможен. Однако других форм наглядного представления (кроме пространства и времени), а также других форм рассудка (кроме дискурсивных [форм] мышления или познания посредством понятий), если бы даже они и были возможны, /мы не в состоянии ни представить, ни понять[1]), а если бы нам и удалось это, то такие формы все же не принадлежали бы к опыту как единственному знанию, в котором нам даны предметы. Существуют ли другие восприятия, чем те, которые вообще принадлежат ко всему нашему возможному опыту, и возможна ли, следовательно, совершенно /новая по содержанию область[2]), рассудок не может решить этого вопроса, так как имеет дело только с синтезом того, что дано. /Слабость[3]) наших обычных умозаключений, с помощью которых мы создаем обширное царство возможностей (der Möglichkeit), в котором все действительное (все предметы опыта) составляет лишь малую часть, вообще бросается резко в глаза. Все действительное возможно; отсюда естественно, согласно логическим правилам обращения, получается лишь частное суждение; /некоторые возможные [вещи][4]) действительны, и **284** это суждение, по-видимому, равносильно суждению: возможно многое такое, что не действительно. На первый взгляд в самом деле кажется, что количество (Zahl) возможного превышает количество действительного, так как к возможности (zu jener) должно еще присоединиться нечто, чтобы получилось действительное. Однако на деле я не знаю этой прибавки (Hinzukommen) к возможному: ведь то, что должно было бы еще присоединиться /к возможному[1]), было бы невозможно. К моему рассудку, в дополнение к согласию с формальными условиями опыта, может быть прибавлено еще только одно, именно связь с каким-либо восприятием; но то, что связано с восприятием согласно эмпирическим законам, /принадлежит к области действительного[2]), хотя бы оно и не было воспринято непосредственно. А из того, что дано, нельзя умозаключать, будто в непрерывной связи /с данными моего восприятия[3]) возможен иной ряд яв-

5) З – одного-единственного (einer einzigen)

1) С – мы отнюдь не можем ни понять, ни представить себе (können wir uns doch auf keinerlei Weise erdenken oder faßlich machen)

2) С – другая область материи (anderes Feld der Materie)

3) С – Вообще недостаточность (Sonst... die Armseligkeit)

4) С – нечто возможное (einiges Mögliche)

1) С – сверх возможного (über dasselbe)

2) З – является действительным (ist wirklich)

3) С – с тем, что мне дано в восприятии (was mir in der Wahrnehmung gegeben ist)

лений, т. е. более, чем один-единственный всеохватывающий опыт, и тем менее можно сделать это умозаключение, /не пользуясь тем, что дано[4], так как без содержания (Stoff) вообще нельзя мыслить. /То, что возможно под условиями[5], которые сами только возможны, /не обладает возможностью во всех отношениях[6]. Между тем именно такую возможность во всех отношениях имеет в виду тот, кто задается вопросом, простирается ли [область] возможных вещей /далее, чем [область опыта][7].

Я упомянул об этих вопросах лишь с целью не оставить пробела в том, **285** что по общему мнению относится к понятиям рассудка. На самом же деле абсолютная возможность (имеющая значение во всех отношениях) /вовсе не относится лишь к понятиям рассудка[1] и не может иметь никакого эмпирического применения; это понятие всецело принадлежит разуму, который выходит за пределы всякого возможного эмпирического применения рассудка. Поэтому мы должны были удовольствоваться здесь лишь критическим замечанием, /оставив все остальные вопросы неразъясненными до дальнейшего исследования[2].

Собираясь закончить этот четвертый отдел [основоположений чистого рассудка] и вместе с тем /всю систему основоположений[3], я должен еще указать основание, почему я назвал принципы модальности /постулатами[4]. Этот термин я беру здесь не в том значении, какое ему придают некоторые новейшие философские писатели в противоположность математикам, от которых, собственно, заимствовано это слово; эти писатели полагают, что постулировать – это значит выдавать некоторое положение за непосредственно достоверное без оправдания или доказательства; однако если бы в отношении синтетических суждений, как бы они ни были очевидны, мы должны были допустить, что для них можно требовать безусловного одобрения без дедукции, в силу одного лишь авторитета их /собственного заявления[5], то тогда вся критика рассудка /была бы утрачена[6], и так как нет недостатка в дерзких притязаниях, /которые, однако, пользуются общим доверием[7] **286** (хотя оно и не есть ручательство (Kreditiv)), то наш рассудок стал бы доступен всяким фантазиям, не имея возможности отказать в своем одобрении таким заявлениям, которые /требуют признания[1] тем же уверенным тоном, как и действительные аксиомы, хотя и не имеют никакого права на это. /Поэтому если к понятию вещи присоединяется a priori и синтетически определение, такое положение необходимо должно сопровождаться[2] если не

4) З – если ничего не дано (und ohne daβ irgendetwas gegeben ist)
5) С, З – То, что возможно исключительно (лишь) при условиях (Was unter Bedingungen, ... allein möglich ist)
6) З – возможно не во всех отношениях (ist es nicht in aller Absicht)
7) С – дальше того, до чего может проникнуть опыт (sich weiter erstrecke, als Erfahrung reichen kann)

1) З – не есть чисто рассудочное понятие (ist... kein bloβer Verstandesbegriff)

2) С – оставляя дело в темноте до более подробного исследования в будущем (übrigens aber die Sache bis zum weiteren künftigen Verfahren in der Dunkelheit gelassen)

3) С, В – систему всех основоположений чистого рассудка (das System aller Grunsätze des reinen Verstandes)

4) С, З – именно постулатами (gerade Postulate)

5) З – собственный утверждений (eigenen Ausspruchs)

6) З – свелась бы на нет (ist... verloren)

7) З – от которых не отказывается и обыденная вера (deren sich auch der gemeine Glaube... nicht weigert)

1) С – требуют себе доверия (der Zuversicht... eingelassen zu werden)
2) З – Таким образом, когда к понятию вещи синтетически прибавляется какое-то определение a priori, то непременно должно быть присоединено (Wenn also zu dem Begriffe eines Dinges eine Bestimmung a priori synthetisch hinzukommt, so muβ von einem solchen Satze... unnachläβlich hinzugefügt werden)

доказательством, то по крайней мере дедукцией правомерности его утверждения.

Но основоположения модальности не суть объективно-синтетические положения, /так как предикаты возможности, действительности и необходимости нисколько не увеличивают содержания понятия, о котором они высказываются, т. е. не прибавляют ничего к представлению о предмете[3)]. /Однако все же они имеют синтетический характер, и именно в отношении к субъекту[4)], так как /они, не выясняя в других отношениях ничего о понятии (реальной) вещи[5)], присоединяют к нему ту способность познания, в которой оно возникает и имеет свое место; так, если понятие связано лишь с формальными условиями опыта в рассудке, то его предмет называется возможным; если оно находится в связи с восприятием (с ощущением /как содержанием чувственности[6)]) и определяется посредством его при помощи рассудка, то объект действителен; если понятие определяется посредством связи восприятий согласно понятиям, 287 то предмет называется необходимым. Следовательно, основоположения модальности ничего не говорят о понятии, кроме того лишь, что указывают акт способности познания, посредством которого произведено понятие. В математике постулатом называется практическое положение, не содержащее в себе ничего, кроме синтеза, посредством которого мы впервые даем себе предмет и производим его понятие, напр. с помощью данной линии из данной точки на плоскости описываем круг; такое положение не может быть доказываемо потому, что требуемый им прием есть именно то, благодаря чему мы впервые создаем понятие о такой фигуре. Таким же образом [и] с тем же (demnach mit eben demselben) правом мы можем постулировать основоположения модальности, потому что они не обогащают [содержания] /понятия[1)] о вещах вообще*, а только показывают, каким способом оно вообще связано со способностью познания.

3) З – так как от того, что предикаты... что-то прибавляют к представлению о предмете, понятие о котором они высказываются, нисколько не расширяется
(weil die Prädikate... den Begriff, von dem sie gesagt werden, nicht im mindesten vermehren, dadurch daß sie der Vorstellung des Gegenstandes noch etwas hinzusetzen)

4) С – А так как они все-таки синтетичны, то они только субъективны
З – Но так как они тем не менее имеют синтетический характер, то они таковы только субъективно
(Da sie aber gleichwohl doch immer synthetisch sind, so sind sie es nur subjektiv)

5) З – к понятию вещи (реального), о котором они вообще ничто не высказывают, они...
(zu dem Begriff eines Dinges (Realen), von dem sie sonst nichts sagen... hinzu)

6) С, З – как материей чувств
(als Materie der Sinne)

1) С – своего понятия
(ihren Begriff)
(Erdm. – unsern Begriff)

---

* Под (Durch) действительностью вещи я разумею, конечно, нечто большее, чем возможность, однако не в [самой] вещи, так как вещь никогда не может содержать в действительности больше, чем содержалось в ее полной возможности. Но (Sondern da) возможность есть только положение (eine Position) вещи в отношении к рассудку (к эмпирическому применению его), а (so) действительность есть вместе с тем связь ее с восприятием.

288 * * *

(Общее примечание к системе основоположений

Замечательно (sehr Bemerkungswürdiges), что /из одних лишь категорий[1] мы не можем усмотреть возможности какой бы то ни было вещи, но всегда должны иметь под рукой наглядное представление, чтобы на нем /выяснять[2] объективную реальность чистого понятия рассудка. Возьмем, напр., категории отношения. Из одних лишь понятий вовсе нельзя усмотреть, каким образом 1) что-либо может существовать только как субъект, а не как простое определение других вещей, т. е. субстанцией, или каким образом 2) вследствие того, что существует одно [событие] (etwas), должно существовать некоторое другое [событие], иными словами, каким образом что-либо вообще может быть причиной, или 3) каким образом, если существует несколько вещей, из существования одной из них /вытекают следствия в другой[3] и наоборот, так что возникает взаимодействие между субстанциями. То же самое относится и к другим категориям, напр., каким образом вещь /может быть однородной[4] со многими [другими] вещами, т. е. быть величиной и т. п. Итак, до тех пор, пока нет наглядного представления, неизвестно, мыслим ли мы посредством категорий объект и может ли им вообще /соответствовать[5] какой бы то ни было объект: таким образом подтверждается, что категории сами по себе суть вовсе не знания, а только формы мышления для того, чтобы из данных наглядных представлений создавать (zu machen) знания. **289** Поэтому-то из одних лишь категорий не может быть выстроено ни одно синтетическое суждение, как, напр., «во всем существующем есть субстанция, т. е. нечто такое, что может существовать только как субъект, а не как предикат», или «всякая вещь есть величина» и т. д.: здесь нет ничего, что могло бы нам помочь выйти за пределы данного понятия и связать с ним другое понятие. Поэтому также никогда не удавалось из одних лишь чистых понятий рассудка доказать синтетическое положение, напр. утверждение, что все /случающееся[1] имеет причину. Самое большее, чего можно было достигнуть, это доказать, что /без отношения[2] [причинности] мы бы вовсе не могли понять существования случайных вещей, т. е. не могли бы познать a priori с помощью рассудка существование подобных (eines solchen) вещей; но из этого вовсе не следует, что отношение причинности есть также условие возможности самих вещей.

1) С – только по категории (nach der bloßen Kategorie)

2) С – указать (darzulegen)

3) С – является нечто и в остальных
З – может нечто следовать в существовании остальных (etwas auf die ubrigen... folge)

4) С, В – может соединяться (zusammen einerlei... sein könne)

5) З – присущ (zukommen könne)

1) С, З, В – случайно существующее (Zufällig–Existierende)

2) С – без этого отношения (ohne diese Beziehung)

Поэтому тот, кто обратится назад к нашему доказательству основоположения причинности, заметит, что мы могли установить его только в отношении к объектам возможного опыта: все, что случается (всякое событие), предполагает причину; и притом мы могли доказать это положение не из одних лишь понятий, а только как принцип возможности опыта, т. е. познания объекта, данного в эмпирическом наглядном представлении. Никто, впрочем, не станет отрицать, что суждение: все /случающееся[3] должно иметь причину, **290** для каждого становится очевидным на основании одних лишь понятий; однако при этом понятие случайного берется в таком смысле, что оно содержит в себе не категорию модальности (как нечто такое, небытие чего может быть мыслимо), а категорию отношения (как нечто такое, что может существовать лишь, как следствие чего-либо другого) и потому на самом деле в этом положении высказывается лишь [следующее] тождественное суждение: то, что может существовать лишь как следствие имеет причину. Действительно, когда нам нужно дать пример случайного существования, мы всегда ссылаемся на изменение (Veränderungen), а не на одну лишь возможность /мышления о противоположном[1])*. Изменение же есть событие, которое как таковое возможно **291** только при посредстве причины, и небытие которого поэтому само по себе возможно; таким образом мы познаем случайность из того, что нечто может существовать только как действие причины: поэтому, если вещь признается случайной, то утверждение, что она имеет причину, есть аналитическое суждение.

3) С, З – случайное (Zufällige)

1) С, В – мысли о противоположном
З – мыслить противоположное (des Gedankens vom Gegenteil)

Но еще замечательнее то, что мы, чтобы понять возможность вещи согласно категориям и, следова-

---

* Можно легко /представить[2]) себе несуществование материи, однако древние философы не выводили отсюда ее случайности. Мало того, даже смена бытия или небытия данного состояния вещи, /характеризующая собой всякое[3]) изменение, вовсе не доказывает случайности этого состояния как бы на основании действительности противоположного ему состояния, напр., покой тела, следующий за движением, вовсе еще не доказывает случайности движения на том основании, что он противоположен движению. В самом деле, /эта противоположность имеет здесь логический, а не реальный характер[4]). Чтобы доказать случайность движения тела, необходимо было бы доказать не то, что тело после [движения] (hernach) покоилось, а то, что в предшествовавший момент времени было бы возможно, чтобы тело [тогда] вместо движения [находилось в состоянии] покоя; в самом деле, [в два различных момента времени] противоположные [состояния] конечно могут существовать рядом [друг с другом][5]).

2) С, З – мыслить (denken)

3) З – а в смене и состоит всякое (darin alle… besteht)

4) С – Эта противоположность противополагается здесь только логически, а не реально (Denn dieses Gegenteil ist hier nur logisch, nicht realiter dem anderen entgegengesetzt)

5) С – ибо иначе обе противоположности вполне могут существовать рядом (denn da können beide Gegenteile gar wohl miteinander bestehen)

тельно, чтобы доказать объективную реальность категорий, нуждаемся не просто в наглядных представлениях, а именно во внешних наглядных представлениях. Если, напр., мы возьмем чистые понятия отношения, то мы найдем: 1) что, желая дать соответственно понятию субстанции что-либо устойчивое в наглядном представлении (и таким образом доказать объективную реальность этого понятия), мы нуждаемся в наглядном представлении в пространстве ([в представлении] материи (der Materie)), потому что лишь пространство определено устойчиво, тогда как время и, следовательно, все, что находится во внутреннем чувстве, постоянно течет. 2) /Чтобы представить изменение как наглядное представление, соответствующее понятию причинности[1)], мы должны взять для примера движение как изменение в пространстве, и только таким путем можем мы сделать для себя наглядным /изменение, возможность которого[2)] не может быть понята чистым рассудком. Изменение есть соединение /противоречаще-противоположных[3)] определений в существовании одной и той же вещи. Как возможно, чтобы из данного состояния следовало противоположное ему состояние одной и той же вещи, **292** разум не только не может /понять[1)] этого без примера, но и не может /принять[2)] этого без наглядного представления: таким наглядным представлением /служит движение[3)] точки в пространстве, пребывание которой в различных местах (как следствие противоположных определений) впервые делает для нас наглядным изменение, и даже для того, чтобы внутренние изменения сделать мыслимыми для себя, мы должны представлять себе время как форму внутреннего чувства образно (figürlich) посредством линии и внутренние изменения посредством проведения этой линии ([посредством] движения), так что последовательное существование нашего Я в различных состояниях мы делаем для себя понятным посредством внешнего наглядного представления; основание этого заключается в том, что всяким изменением даже для того, чтобы оно было воспринято как изменение, предполагается нечто устойчивое в наглядном представлении, а во внутреннем чувстве никакого устойчивого наглядного представления нет.– Наконец, [3) также и] категория общения, что касается ее возможности, не может быть понята одним лишь разумом, и, следовательно, объективную реальность этого понятия нельзя усмотреть /без наглядного[4)], и притом внешнего [наглядного представления] в пространстве. В самом деле,

1) С – чтобы представить созерцание, соответствующее изменению, как понятию причинности
(Um Veränderung, als die dem Begriffe der Kausalität korrespondieren Anschauung, darzustellen)

2) С – изменения, возможность которых
(Veränderungen, deren Möglichkeit)

3) С, В – взаимно противоположных
(kontradiktorisch einander entgegengesetzer)

1) С – усвоить
З, В – объяснить
(begeriflich… machen)

2) С – сделать понятным
З – понять
(verständlich machen)

3) С – есть созерцание движения
(ist die der Bewegung)

4) С, З – без созерцания
(ohne Anschauung)

как /понять[5] возможность того, что если существует несколько субстанций, из существования одной из них может следовать нечто в существовании других (как действие) и наоборот, иными словами, **293** так как в одной из них существует нечто, то в других должно существовать нечто такое, что не может быть понято /из одной лишь их природы?[1] таково отношение, требуемое понятием взаимодействия, а между тем оно не может быть понятным /в вещах[2], которые, обладая самостоятельным существованием, вполне обособлены друг от друга. Поэтому-то **Лейбниц**, приписывающий общение субстанциям мира, поскольку их мыслит один лишь рассудок, принужден был прибегнуть к божеству в качестве посредника, так как из одного лишь существования субстанций ему по справедливости казалось непонятным общение их. Наоборот, мы вполне можем сделать понятным для себя общение (субстанций как явлений), если представим их себе в пространстве, т. е. во внешнем наглядном представлении. В самом деле, пространство уже a priori содержит в себе формальные внешние отношения как условия возможности реальных отношений (действия и противодействия. Следовательно, общения).– Точно так же нетрудно доказать, что возможность вещей как в е л и ч и н и, следовательно, объективная реальность категории величины также может быть выражена только во внешнем наглядном представлении и только при его посредстве может быть затем применена также к внутреннему чувству. Однако, во избежание многословия я принужден предоставить самому читателю найти примеры, подтверждающие это.

/ Эти замечания[3] имеют очень важное значение не только потому, что подтверждают изложенное выше опровержение идеализма, но и еще более потому, что когда зайдет речь о с а м о п о з н а н и и из одного лишь внутреннего сознания и определении нашей природы **294** без помощи внешних /наглядных представлений[1], они укажут нам границы возможности такого познания.

Последний вывод из всего этого отдела таков: все основоположения чистого рассудка суть не более как априорные принципы возможности опыта и только к опыту относятся также все априорные синтетические положения; мало того, самая возможность их основывается исключительно на этом отношении [к опыту].〉

5) С, З – мыслить (will man... denken)

1) С – из существования последней
З – из одного лишь их существования?
(aus der Existenz der letzeren)

2) С – для вещей
В – между вещами
(unter Dingen)

3) С, З – Все это замечание (Diese ganze Bemerkung)

1) С, З – эмпирических созерцаний (empirischen Anschauungen)

Трансцендентального учения о способности суждения (аналитики основоположений)

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Об основании различения всех предметов вообще на Phaenomena и Noumena

Мы теперь не только прошли всю область (Land) чистого рассудка и внимательно рассмотрели всякую часть ее, также измерили ее и всякой вещи определили в ней место. Но эта область есть остров, самой природой заключенный в неизменные границы. Она есть царство (Land) истины (/увлекательное[2] название), окруженное **295** обширным и бурным океаном, этой /областью миражей[1], где туманы и льды, которые должны растаять, кажутся новыми странами и, постоянно обманывая пустыми надеждами мореплавателя, гонящегося за открытиями, /запутывают его в авантюристические предприятия[2], от которых он никогда более не может отказаться, но которых он тем не менее никак не может довести до конца. Раньше, чем мы отважимся пуститься в это море, чтобы исследовать его по всем широтам и узнать, можно ли найти что-либо /в нем[3], полезно взглянуть еще раз на карту страны, которую мы собираемся покинуть, и задать прежде всего вопрос, не можем ли мы удовольствоваться тем, что в ней есть, или не должны ли мы /поневоле[4] удовольствоваться ею, если нигде кроме нее нет почвы, на которой /мы могли бы обосноваться[5]; кроме того, нам нужно узнать, по какому праву (unter welchem Titel) владеем мы этой землей и можем считать себя обеспеченными от всяких враждебных притязаний. Хотя в аналитике мы уже с достаточной полнотой ответили на эти вопросы, все же общий обзор ее результатов (Auflösungen) может усилить наше убеждение, соединяя все ее моменты в одной точке.

2) З – прелестное
Г – чудесное
(reizender)

1) З – этим средоточием иллюзий
(dem eigentlichen Sitze des Scheins)

2) С – поддается таким обольщениям
З – втягивают его в авантюризм
(ihn in Abenteuer verflechtet)

3) З – в них
(in ihnen)

4) З – в силу необходимости
(aus Not)

5) С – мы могли бы что-нибудь строить
(uns anbauen könnten)

Мы видели, что все почерпаемое рассудком из самого себя, без заимствований из опыта, находится, однако, в его распоряжении не для какой иной цели, кроме применения в опыте. Основоположения чистого рассудка как a priori конститутивные (каковы математические [основоположения]), так **296** и чисто регулятивные (каковы динамические основоположения), не содержат в себе ничего, кроме как бы лишь /чистых схем[1] для возможного опыта: в самом деле, опыт получает единство исключительно благодаря тому синтетическому единству, которое рассудок первоначально и самостоятельно сообщает /вообра-

1) З – чистую схему
(das reine Schema)

жению[2] в отношении к апперцепции и с которым все явления как данные для возможного знания должны уже a priori находиться в согласии и связи. Однако, хотя эти правила рассудка не только истинны a priori, но и заключают в себе источник всякой истины (40), т. е. согласия /наших знаний[3] с объектами, так как они содержат в себе основание возможности опыта как совокупности всего знания, в котором объекты могут быть даны нам, тем не менее нам кажется недостаточным узнать только то, что заключает в себе истину, и мы стремимся еще услышать обо всем том, что нам хочется знать. Поэтому если с помощью такого критического исследования мы узнаем не более того, что мы осуществляли бы и сами собой путем простого эмпирического применения рассудка, без таких утонченных изысканий, то нам кажется, что выгоды, извлекаемые из нашего исследования, /не окупают затраченных сил[4]. Правда, на это можно ответить, что ничто так не вредит расширению /наших знаний[5], как это желание знать /выгоду[6], приносимую ими, **297** раньше исследования и раньше даже, чем можно было бы составить себе малейшее понятие о ней, если бы даже она стояла у нас перед глазами. Есть, впрочем, одна полезная сторона таких трансцендентальных исследований, которую даже /самый ленивый и неповоротливый ученик[1] может признать понятной и важной. Она состоит в следующем: рассудок, занятый исключительно лишь своим эмпирическим применением и не размышляющий об источниках своего собственного знания, может, правда, делать большие успехи [во многих отношениях], но одного он не в состоянии выполнить, именно он не может определить сам себе границы своего применения и узнать, что находится вне или внутри всей его сферы, так как для этого [знания] требуются именно те глубокие исследования, которые произведены нами. Но если он не может различить, входят ли известные вопросы в его кругозор или нет, то он никогда не может быть уверенным в своих правах и в своем достоянии и должен на каждом шагу ожидать /позорящих замечаний[2], так как он постоянно выходит за границы своей области (как это неизбежно [в таком случае]) и запутывается в мечтах и заблуждениях.

Итак, утверждение, что рассудок не может делать из всех своих априорных основоположений /и понятий[3] никакого употребления, кроме эмпирического, и никогда не может давать им трансцендентального (41) применения, приводит **298** к важным последствиям (42), если оно /вполне признано[1]. Трансцендентальное применение понятия в каком-либо основопо-

2) С, З – синтезу воображения (der Synthesis der Einbildungskraft)

3) С – нашего познания (unserer Erkenntnis)

4) С – не стоила таких трудов и усилий (den Aufwand und die Zurüstung nicht wert)

5) С – нашего познания (unserer Erkenntnis)

6) З – пользу (Nutzen)

1) С – самые тяжеловесные и самые ленивые ученики
З – самому тупому и неповоротливому ученику (dem schwierigsten und unlustigsten Lehrlinge

2) З – смущающих его наставлений (beschämende Zurechtweisungen)

3) С – и даже из всех понятий (ja von allen seinen Begriffen)

1) С – если его усвоят с полным убеждением
З – если оно твердо усвоено (wenn er mit Überzeugung erkannt werden kann)

ложении состоит в том, что оно относится к вещам *вообще и в себе* (43), а эмпирическим применение называется в том случае, если оно относится только к *явлениям*, т. е. к предметам возможного *опыта*. Что везде и всегда возможно только [эмпирическое применение понятий] (der letzere), это видно из следующих соображений. Для всякого понятия требуется, во-первых, логическая форма понятия (мышления) вообще и затем, во-вторых, возможность дать предмет, к которому оно относилось бы. /Без [предмета][2] оно не имеет никакого смысла и остается совершенно пустым по содержанию, хотя и содержит в себе логическую функцию, [которая служит] для образования понятия из каких-либо данных. Но предмет может быть дан понятию не иначе, как в наглядном представлении, и хотя чистое наглядное представление (44) возможно a priori до предмета, тем не менее и оно может получить свой предмет, т.е. приобрести объективное значение только посредством эмпирического наглядного представления, так как оно составляет лишь форму [эмпирического наглядного представления]. Таким образом, все понятия и вместе с ними все основоположения, хотя бы они и были вполне возможны a priori, тем не менее относятся к эмпирическим наглядным представлениям, т. е. к данным для возможного опыта. Без этого [условия] они не имеют никакого объективного значения, но являются лишь игрой воображения или рассудка со своими представлениями. В качестве примера возьмем лишь понятия математики и притом прежде всего в ее чистых **299** наглядных представлениях. Пространство имеет три измерения, между двумя точками можно провести только одну прямую линию и т. п. Хотя все эти основоположения и представление предмета, которым занимается эта наука, порождаются в душе вполне a priori, тем не менее они не имели бы никакого смысла, если бы мы не могли всегда /применить их значение к[1] явлениям (эмпирическим предметам). Отсюда является необходимость *делать чувственным* всякое абстрактное (abgesonderten) понятие, т. е. /выражать[2] соответствующий ему объект в наглядном представлении, потому что без этого [условия] понятие (как говорится) было бы *бессмысленным* (ohne Sinn), т. е. осталось бы лишенным значения. Математика удовлетворяет этому требованию /посредством построения образа, который[3] есть явление, /предстоящее нашим чувствам[4] (хотя и созданное a priori). В той же самой науке понятие величины /приобретает смысл и опору[5] в числе, а число [опирается] на [представление]

2) С – Без этого
(Ohne diesen letzeren)

1) С – доказать их… на
З – показать их… на
(an Erscheinungen… darlegen)

2) С – дать
З – показать
(darzulegen)

3) С, З – конструируя фигуру, которая
(durch die Konstruktion der Gestalt)

4) С – данное внешним чувствам
З – предлежащее нашим чувствам
(welche eine den Sinnen gegenwärtige… ist)

5) С – имеет… свое значение и свою устойчивость
З – ищет смысл и опору
(sucht… seine Haltung und Sinn)

пальцев, костяшек счетов или палочек и точек, [/воспринимаемых наглядно[6)]]. Это понятие вместе со всеми синтетическими основоположениями или формулами, /[вытекающими] из него[7)], всегда остается созданным a priori, но применение их и отношение /к возможным[8)] предметам может быть найдено в конце концов только в опыте, возможность которого (что касается формы) /a priori содержится в нем[9)].

6) С – которые ставятся перед глазами
З – в показываемых нам
(die vor Augen gestellt werden)
7) С – из таких понятий
(aus solchen Begriffen)
8) С – к предполагаемым
(auf angebliche)
9) С – эти понятия и заключают в себе a priori
З – a priori содержится в них
(jene a priori enthalten)

300 Все категории и вытекающие из них основоположения имеют такой же характер. Это видно /из того[1)], что ни одну из них мы не можем даже определить ⟨р е а л ь н о, т. е. выяснить возможность ее объекта⟩ без ссылки на условия чувственности, т. е. формы явлений, следовательно, категории должны ограничиваться областью явлений как своим единственным предметом (Gegenstände), потому что вне этого условия они теряют всякое значение, т. е. отношение к объекту, так что никаким примером нельзя даже уяснить себе, какая собственно вещь мыслится (gemeint sei) под таким понятием (Begriffe) [39] (45).

1) С – и из того
(auch daraus)

---

[39] В 1 изд. вслед за этим было еще сказано следующее: **А 241** Выше, при изложении таблицы категорий, мы уклонились от определения каждой из них на том основании, что этого не требовала наша цель, состоящая исключительно в [исследовании] синтетического применения их, и, следовательно, нам не было нужды брать на себя ответственность за предприятие, без которого можно было обойтись. Это была не отговорка, а / важное правило мудрости[1)] – не спешить / с определением[2)] и не пытаться достигнуть полноты или точности / в раскрытии содержания понятия[3)], когда можно обойтись одним или другим из признаков, не перечисляя сполна всех элементов, составляющих целое понятие. Мало того (aber), теперь оказывается, что основание этой осторожности лежит еще глубже, именно в том, что мы, даже если бы и захотели, не могли определить категорий*.

А 242 в самом деле, если устранить все условия чувственности, характерные для категорий как понятий, имеющих возможное эмпирическое применение, и принимать их за понятия о вещах вообще (т. е. [приписывать им] трансцендентальное применение), то при этом неизбежно приходится рассматривать логические функции в суждении как условие возможности самих вещей, не будучи, однако, в состоянии указать, где они могут иметь свое применение и свой объект, т. е. каким образом они имеют или могут иметь какой бы то ни было смысл и объективное значение в чистом рассудке без чувственности.

1) С – далеко не излишнее правило
(eine nicht unerhebliche Klugheitsregel)
2) С – с рискованными определениями
(ans definiren zu wagen)
3) С – определение понятия
(in der Bestimmung des Begriffs)

***А 242** Я имею в виду здесь реальное определение, которое не просто заменяет название вещи другими, более понятными словами, а содержит в себе ясный п р и з н а к, по которому п р е д м е т (definitum) всегда может быть с уверенностью узнан, так что объясняемое понятие становится пригодным для употребления. Следовательно, реальное объяснение /должно не только сообщать понятию отчетливость, но и устанавливать о б ъ е к т и в н у ю р е а л ь н о с т ь его[1)]: именно такой характер имеют математические объяснения, изображающие предмет сообразно понятию в наглядном представлении (46).

1) С – то, которое делает ясным не только понятие, но вместе с ним и объективную реальность его
(nicht bloß einen Begriff, sondern zugleich die Realität desselben deutlich macht)

Понятие величины может быть определено вообще только так, что оно есть определение вещи, посредством которого мы мыслим, сколько раз в вещи полагается [некоторая] единица (Eines). Однако это «сколько раз» основывается на последовательном повторении, следовательно, на времени и синтезе (однородного) в нем. Реальность можно определить в противоположность отрицанию, если представить себе время (как совокупность всего бытия), которое или наполнено чем-либо, или пусто. Если отвлечься от устойчивого (/т. е. от бытия, которое существует во всякое время[2]), то для понятия субстанции не останется ничего, кроме логического представления о субъекте, которое я пытаюсь /реализовать[3], представляя себе нечто такое, что может существовать только как субъект (ни для чего не служа предикатом). Однако при этом **301** я не только не знаю никаких условий, при которых это логическое преимущество /относится[1] к какой бы то ни было вещи (47), но и не могу ничего далее предпринять и извлечь отсюда какие-либо выводы, так как этим путем вовсе не может быть определен объект для применения этого понятия, и я не знаю поэтому, имеет ли оно какое бы то ни было значение. Точно так же относительно понятия причины (если отвлечься от времени, в котором нечто следует за чем-либо другим согласно правилу) я нахожу в чистой категории только то, что причина есть нечто, из чего можно умозаключить к существованию чего-либо другого; однако этим путем не только нельзя отличить причину и действие друг от друга, но и нельзя найти никакого определения для того, каким образом понятие [причины] /применяется[2] к какому бы то ни было объекту, так как возможность умозаключения от одного существования к другому предполагает условия, о которых /ничего не сказано[3] [в категории причины]. Мнимое основоположение «все случайное имеет причину» выступает, правда, /с большой важностью[4], как будто бы оно обладает /особенным достоинством[5]. Однако если на вопрос, что вы разумеете под случайным [существованием], вы отвечаете, [что случайным вы называете все] то, /несуществование чего[6] возможно, то я хотел бы знать, по какому признаку (woran) вы узнаете об этой возможности несуществования, если вы не представляете себе в ряду явлений последовательность и в этой последовательности существование, которое следует за несуществованием (или наоборот), т. е. [если вы не представляете себе] смены; в самом деле, [указание на то,] что несуществование вещи не противоречит само себе, было бы /жалкой[7] ссылкой на логическое условие, **302** правда, необходимое для понятия, но вовсе недостаточное для реальной возможности; подобным образом я могу уничтожить (aufheben) мысленно всякую существующую субстанцию, не вступая в противоречие с самим собой, однако из этого никоим образом нельзя умозаключать к объективной случайности ее су-

2) С – а это существование во всякое время
З – от существования во всякое время
(welche ein Dasein zu aller Zeit ist)

3) З – сделать реальным
(zu realisieren vermeine)

1) С –можно было бы приписать
(eigen sein werde)

2) З – соответствует
(passe)

3) С, З – я ничего не знаю
(ich nichts weiβ)

4) С – настолько полновесным
(ziemlich gravitätisch)

5) З – собственным дотоинством
(eigene Würde)

6) С, З, В – небытие чего
(dessen Nichtsein)

7) З – беспомощной
(lahme)

ществования, т.е. к возможности ее несуществования самого по себе. Что касается понятия общения, нетрудно заметить, что если чистые категории субстанции и причинности не допускают никакого объяснения, определяющего объект, то и взаимная причинность в отношении субстанций друг к другу (commercium) точно так же недоступна такому определению. [Понятия] возможности, существования и необходимости не могут быть определены иначе, как путем очевидной тавтологии, /если задаться целью почерпнуть[1] определение их из чистого рассудка. В самом деле, /попытка подменить[2] логическую возможность понятия (когда понятие не противоречит само себе) трансцендентальной возможностью (48) вещей (когда понятию соответствует предмет) может обмануть и удовлетворить разве только неопытного человека (Unversuchte)*.

1) С – хотят заимствовать
(schöpfen wollte)
2) З – бесплодная попытка подменить
(das Blendwerk... zu unterschieben)

---

* (Одним словом, если устранить всякое чувственное наглядное представление (/ а других наглядных представлений у нас нет[3]), /то эти понятия никак не могут быть засвидетельствованы[4] и, следовательно, их реальная возможность не может быть установлена; остается только их логическая возможность, которая сводится к тому, что понятие 303 (мысль) возможно, между тем как здесь речь идет не об этом, а о том, относится ли понятие к объекту и, следовательно, имеет ли оно какое бы то ни было значение[40].)

3) С – единственное, что мы имеем
(die einzige, die wir haben)
4) З – все эти понятия никак нельзя обосновать
(alle diese Begriffe lassen sich durch nichts belegen)

---

[40] Это примечание добавлено во 2 изд., вероятно, взамен следующего текста, находившегося в 1 изд.: /Есть что-то странное и даже противоречивое[1] в том, что должны существовать понятия, которые не допускают никакого объяснения, но тем не менее должны иметь значение. / Однако категории действительно находятся в таком исключительном положении, потому что[2] они могут иметь определенное значение и отношение к какому-либо предмету только посредством общего чувственного условия, A 245 которое тем не менее не включается в чистую категорию, так как она не может содержать в себе ничего, кроме логической функции, посредством которой многообразие подводится под одно понятие. Исходя из этой функции, т. е. из одной только формы понятия, нельзя узнать и различить, какой объект подходит под нее, так как устранено именно то чувственное условие, при котором вообще под нее могут подходить предметы. Поэтому категории, сверх чистого понятия рассудка, нуждаются еще в определениях их применения к чувственности вообще (в схемах), и без этих определений они вовсе не суть понятия, посредством которых познавались бы и отличались бы друг от друга предметы, но составляют только способы мыслить предмет для возможных наглядных представлений и давать ему его значение согласно какой-либо функции рассудка (при наличности необходимых еще дополнительных условий), т. е. определять его: сами же они не могут, следовательно, быть определены. Логические функции суждений вообще – единство и множество, утверждение и отрицание, субъект и предикат, нельзя определить, не впадая в круг, так как само определение ведь есть суждение и, следовательно, должно было бы уже содержать в себе эти функции. Чистые категории суть не что иное, как представления о вещах вообще, поскольку многообразие их наглядного представления должно быть мыслимо с помощью той или другой из этих логических функций: так, величина есть определение, которое может быть мыслимо только при посредстве суждения, имеющего количество (judicium commune), реальность есть определение, которое может быть мыслимо A 246 только при посредстве утвердительного суждения, субстанция есть то, что в отношении к наглядному представлению должно быть последним субъектом всех других определений представления. При этом, однако, остается совершенно не определенным, к каким именно вещам следует /применять ту или иную из этих функций[1]: следовательно, категории, обособленные от условия чувственного наглядного представления, /синтез которого он содержит в себе[2], не имеют никакого отношения к каким бы то ни было определенным объектам, т. е. не могут определять ни одного из них и, следовательно, не имеют сами по себе значения объективных понятий.

1) С – Кажется несколько странным и даже бессмысленным
(Es hat etwas Befremdliches und sogar Widersinnliches an sich)
2) С – Но здесь есть то особенное сходство с категориями, что...
(Allein hier hat es mit den Kategorien diese besondere Bewandtnis, daß...)

1) С – пользоваться этой функцией предпочтительно перед другими
(dieser Funktion vielmehr als einer anderen bedienen müsse)
2) С – для которого они дают синтез
(dazu sie die Synthesis enthalten)

1) С, З – могут иметь (sein können)

2) З – можно относить к предметам чувств только при наличии связи с общими условиями возможности опыта, но (nur in Beziehung auf die allgemeinen Bedingungen einer möglichen Erfahrung auf Gegenstände der Sinne… bezogen werden können))

3) С – уступить место более скромному названию аналитики чистого рассудка (muß dem bescheidenen einer bloßen Analytik des reinen Verstandes Platz machen)

303 Отсюда бесспорно вытекает, что чистые понятия рассудка /имеют[1] всегда только эмпирическое, но никоим образом не трансцендентальное применение (49), и основоположения чистого рассудка /могут быть относимы (50) в связи с общими условиями возможного опыта только к предметам чувств, но[2] никоим образом не к вещам вообще (51) (без отношения к тому способу, каким мы можем их наглядно представлять).

Таким образом трансцендентальная аналитика приводит к следующему важному выводу: рассудок a priori никогда не может достигнуть ничего большего, чем антиципировать форму возможного опыта вообще, и так как то, что не есть явление, не может быть предметом опыта, то рассудок никогда не может перешагнуть за границы чувственности, в которой только и могут быть даны нам предметы. Основоположения рассудка суть только принципы выражения (der Exposition) явлений, и гордое имя онтологии, выражающее притязание давать синтетические априорные знания о вещах вообще в форме систематической науки (напр., основоположение причинности), должно /быть заменено скромным именем простой аналитики[3] чистого рассудка.

1) С, З – этого созерцания (dieser Anschauung)
2) С – совершенно
З – никаким образом (ist... auf keinerlei Weise gegeben)

3) С – Если этого условия способности суждения (схемы) нет
З – Если это условие – способность суждения (схема) отсутствует
(Fehlt diese Bedingung der Urteilskraft (Schema))

304 Мышление есть деятельность (Handlung), относящая данное наглядное представление к предмету. Если [ни один определенный] способ /наглядного представления[1] /не дан[2], то предмет остается (ist) чисто трансцендентальным, и понятие рассудка обладает только трансцендентальным применением, именно [содержит в себе] единство мышления о многообразии вообще (52). Следовательно, чистая категория, от которой отвлечены все условия чувственного наглядного представления, – а иные наглядные представления для нас невозможны, – не определяет ни одного объекта (53), но выражает только мышление об объекте вообще согласно различным модусам. Для применения понятия нужна еще функция способности суждения, на основании которой предмет подводится под понятие, следовательно, нужно еще по крайней мере иметь формальное условие, под которым что-либо может быть дано в наглядном представлении. /Если этого условия (схемы) для суждения не хватает[3], то подведение [предмета под понятие] не осуществляется, так как нам не дано ничего, что могло бы быть подведено под понятие. Следовательно, чисто трансцендентальное применение категорий на самом деле вовсе не есть применение их (54), так как оно не имеет никакого определенного или, хотя бы только по форме, определимого предмета. Отсюда следует,

что чистых категорий недостаточно также и для [построения] априорных синтетических основоположений, и что основоположения чистого рассудка имеют только эмпирическое, но никоим образом не трансцендентальное применение, **305** а за пределами возможного опыта вообще не может быть никаких априорных синтетических основоположений.

Поэтому правильнее (ratsam) было бы выражаться следующим образом: чистые категории, отрешенные от (ohne) формальных условий чувственности, имеют только трансцендентальное значение, но не имеют никакого трансцендентального применения, потому что такое применение само по себе невозможно, так как для них не хватает условий, необходимых для (nähmlich) какого бы то ни было применения (в суждениях), именно нет формальных условий подведения какого-либо /возможного[1] предмета под эти понятия. Так как эти понятия (взятые лишь как чистые категории) не должны иметь эмпирического и не могут иметь трансцендентального применения, то, следовательно, они лишены какого бы то ни было применения, если их /отвлечь[2] от всякой чувственности, иными словами, они не могут быть применены ни к какому возможному (angeblichen) предмету; строго говоря, они суть лишь чистые формы применения рассудка в отношении к предметам вообще /и к мышлению[3], хотя посредством их одних нельзя ни мыслить, ни определить какой бы то ни было объект.

1) С – данного
Г – мнимого
(angeblichen)

2) С, З – обособить
(absondert)

3) С, З – и мышления
(und des Denkens)

⟨Здесь лежит в основе иллюзия (Täuschung), которой [очень] трудно избежать. По своему происхождению категории не зависят от чувственности /так, как формы наглядного представления, пространство и время[4]; поэтому нам кажется, что категории допускают применение, выходящее за пределы всех чувственных предметов. Но, с другой стороны, он суть не более как формы мышления, содержащие в себе только логическую способность объединять a priori в одно сознание многообразие, данное в наглядном представлении, **306** и потому, если отнять от них единственно возможный для нас [способ] наглядного представления, они могут иметь еще меньше значения, чем чистые чувственные формы, посредством которых по крайней мере дается объект, между тем как свойственный нашему рассудку способ соединения многообразия не имеет никакого значения, если к нему не присоединяется то наглядное представление, /без которого многообразие не может быть дано нам[1]. – Тем не менее, когда мы называем известные предметы как явления /чувственными сущностями[2] (Phaenomena) и, следовательно,

4) З – в отличие от форм созерцания, пространства и времени
(wie die Anschauungsformen, Raum und Zeit)

1) С – в котором только это соединение и может быть дано
З – в котором многообразие только и может быть нам дано
(darin dieses allein gegeben werden kann)
2) З – чувственно воспринимаемыми объектами
(Sinnenwesen)

отличаем способ нашего наглядного представления о них от их свойств самих по себе, то уже в самом нашем понятии [чувственной сущности] заключается указание на то, что мы противополагаем этому чувственному бытию или те же самые объекты в их свойствах самих по себе, хотя бы мы этих свойств и не представляли наглядно, или другие возможные вещи, вовсе не служащие объектом чувств, и [рассматриваем их] как предметы, мыслимые исключительно рассудком, вследствие чего называем их /умопостигаемыми сущностями[3)] (Noumena). Отсюда возникает вопрос, не имеют ли чистые понятия нашего рассудка значения для ноуменов и не могут ли они быть способом познания ноуменов.

3) С, В – рассудочными сущностями
З – умопостигаемыми объектами
Г – объектами рассудка (Verstandeswesen)

Однако уже с самого начала мы встречаемся здесь с двусмысленностью, которая может быть источником крупного недоразумения. Называя предмет в известном отношении только феноменом, рассудок создает себе в то же время помимо этого отношения еще представление *о предмете в себе* и потому воображает (vorstellt), что может образовать также *понятия* о **307** подобном предмете, а так как у него нет иных понятий, кроме категорий, то предмет в себе должен быть мыслим по крайней мере при помощи этих чистых /понятий[1)]; таким образом рассудок приходит к тому, что принимает совершенно *неопределенное* понятие об умопостигаемой сущности как некотором нечто вообще, находящемся вне нашей чувственности, за *определенное* понятие о сущности, которую мы будто бы можем познать /до известной степени[2)] с помощью рассудка.

1) С, З – рассудочных понятий (Verstandesbegriffen)

2) С – известным образом
З – некоторым образом
(auf einige Art)

Если под ноуменом мы разумеем вещь, *поскольку она не есть объект нашего чувственного наглядного представления*, так как мы отвлекаемся от нашего способа наглядно представлять ее, /то [в этом смысле понятие] ноумена имеет *отрицательное* значение[3)]. Если же под ноуменом мы разумеем *объект нечувственного наглядного представления*, то мы допускаем особый способ наглядного представления, именно /интеллектуальную[4)] [интуицию], которая, однако, несвойственна нам, и самая возможность которой не может быть усмотрена нами; [понятие] /ноумена в этом смысле имеет *положительное* значение[5)].

3) З – то такой ноумен имеет негативный смысл
(so ist dieses ein Noumenon im negativen Vestande)

4) С, З – интеллектуальное созерцание,
(intellektuelle [Anschauungsart])

5) З – такой ноумен имел бы положительный смысл
(das wäre das Noumenon in positiver Bedeutung)

Учение о чувственности есть вместе с тем учение о ноуменах в отрицательном смысле, т. е. о вещах, которые рассудок должен мыслить без отношения к нашему способу наглядного представления, т. е. /не как[6)] явления, а как вещи в себе, причем, однако, он

6) З – не просто как
(nicht bloß als)

понимает, что в случае такого обособления [вещей от чувственности] он не имеет права применять 308 к ним свои категории, так как категории имеют значение только в отношении к единству наглядных представлений в пространстве и времени и могут определять это единство a priori посредством общих /понятий соединения[1] лишь благодаря тому, что пространство и время только идеальны. Где этого единства во времени не может быть, именно в ноуменах, там /невозможно[2] не только применение, но даже и какое бы то ни было значение категорий, так как самая возможность вещей, которые должны были бы соответствовать категориям, не может быть усмотрена в таком случае; в подтверждение этого мне достаточно лишь сослаться на общее замечание, сделанное мной в самом начале предыдущего отдела. Возможность вещи может быть доказана только ссылкой на соответствующее понятию о ней наглядное представление, но никогда не может быть установлена на основании одного лишь отсутствия противоречия в понятии о ней. Следовательно, если бы мы захотели применить категории к предметам, рассматриваемым не как явления, то мы должны были бы положить в основу [такого познания] иное наглядное представление, кроме чувственного, и тогда предмет был бы ноуменом в положительном смысле. Но так как подобный способ наглядного представления, именно интеллектуальная интуиция (Anschauung), во всяком случае (schlechterdings) лежит вне сферы нашей познавательной способности, то и применение категорий никоим образом не может выходить за границы предметов опыта, и хотя /чувственным сущностям без сомнения соответствуют умопостигаемые сущности[3], 309 к которым наша чувственная способность представления не имеет никакого отношения, тем не менее понятия нашего рассудка, будучи только формами мысли для наших чувственных наглядных представлений, никоим образом не простираются на эти вещи; следовательно, то, что мы назвали ноуменами, мы должны понимать исключительно лишь в отрицательном.)[41]

1) С, З – связующих понятий (Verbindungsbegriffe)

2) С – совершенно исчезает (hört völlig auf)

3) З, Г – чувственно воспринимаемым объектам несомненно соответствуют умопостигаемые объекты (объекты рассудка) (den Sinnenwesen korrespondieren zwar freilich Verstandeswesen)

[41] [Текст 2 изд. продолжается на с. 260.] В 1 изд. вместо «Здесь лежит... в отрицательном смысле» было сказано следующее: Явления, поскольку они мыслятся как предметы /согласно единству[1] категорий, называются A 249 феноменами. Но если я допускаю [существование] вещей, составляющих предметы одного лишь рассудка и тем не менее могущих быть данными как таковые в наглядном, хотя и не чувственном, представлении (следовательно, [в интеллектуальной интуиции,] coram intuitu intellectuali), то такие вещи следует называть ноуменами (intelligibilia).

1) С – в единстве
З – на основе единства (nach der Einheit)

Можно подумать, что понятие явления, ограниченное трансцендентальной эстетикой, само собой приводит к признанию объективной реальности ноуменов и дает право делить предметы на феномены и ноумены, а следовательно, и мир – на /чувственный и умопостигаемый мир[1] (mundus sensibilis et intelligibilis), притом так, что различие здесь заключается не просто в логической форме отчетливого или неотчетливого /знания, /[2], но коренится в том способе, каким вещи первоначально даются нашему знанию, и согласно которому они сами по себе по роду своему отличаются друг от друга. В самом деле, если чувства представляют нам что-либо только так, к а к о н о я в л я е т с я [нам], то это что-то должно тем не менее само по себе быть вещью и предметом нечувственного наглядного представления, т. е. рассудка, иными словами, должно быть возможным знание, в котором нет никакой чувственности и которое одно только обладает безусловно объективной реальностью, так как посредством его предметы представляются нам к а к о н и е с т ь, между тем как в эмпирическом применении нашего рассудка вещи познаются только так, к а к о н и я в л я ю т с я. **A 250** В том случае, кроме эмпирического применения категорий (которое ограничено чувственными условиями) существовало бы еще чистое и тем не менее обладающее объективным значением применение их, и мы не могли бы говорить, как мы это утверждали выше, что чистые познания нашего рассудка суть лишь принципы выражения (Exposition) явлений (55), даже и а priori относящиеся не более как только к формальной возможности опыта; наоборот(denn), здесь перед нами открылась бы совершенно новая область, как бы целый мир, мыслимый в духе (быть может, даже и наглядно представляемый) /и способный увлекать наш чистый рассудок не менее сильно и даже еще более благородно[1].

Все наши представления действительно относятся к какому-либо объекту, и так как явления суть лишь представления, то рассудок относит их к какому-то нечто как к предмету чувственного наглядного представления: но это нечто есть (56) в этом смысле только трансцендентальный объект. Он обозначает собой лишь нечто = x, о котором мы ничего не знаем и вообще знать не можем (согласно теперешнему устройству нашего рассудка) и которое может служить лишь коррелятом единства апперцепции для единства многообразия в чувственном наглядном представлении, т. е. для того единства, посредством которого рассудок сочетает многообразие в понятие одного предмета. Этот трансцендентальный объект никоим образом не может быть отделен от чувственных данных (datis), потому что тогда не осталось бы ничего, посредством чего он может быть мыслим. Следовательно, **A 251** это вовсе не предмет познания сам по себе, а только представление о явлениях /под видом понятия[1] о предмете вообще, определимом (57) с помощью многообразия, [содержащегося] в явлении.

Поэтому именно категории не представляют никакого особого объекта, данного исключительно рассудку, но служат только для того, чтобы определять трансцендентальный объект (понятие о нечто вообще) посредством данных чувственности с целью эмпирически познать таким образом явления под понятиями о предметах.

Причина, по которой субстрат чувственности не удовлетворяет нас, и мы присоединяем к феноменам еще ноумены, которые могут быть мыслимы только чистым рассудком, кроется исключительно в следующем. Чувственность и ее область, именно об-

1) С – чувственный и рассудочный
Г – чувственно воспринимаемый и интеллигибельный
В – чувственный и мыслимый (Sinnen- und Verstandeswelt)
2) С, З – одной и той же вещи (Erkenntnis eines und desseben Dinges)

1) С – который может занимать не меньше и в то же время гораздо благороднее наш чистый рассудок
З – который мог бы стать не менее и, пожалуй, даже более благородным предметом нашего рассудка
(die nicht minder, ja noch weit edler unseren reinen Verstand beschäftigen könnte)

1) С – под понятием
З – в виде понятия
(under dem Begriffe)

ласть явлений, самим рассудком ограничивается в том смысле, что она относится не к вещам в себе, а только к тому способу, как они являются нам соответственно нашим субъективным свойствам. Это [положение] было выводом из всей трансцендентальной эстетики; к тому же из понятия явления вообще естественным образом вытекает, что ему должно соответствовать нечто такое, что само по себе не есть явление, так как явление само по себе, вне нашей способности представления, есть ничто; **A 252** следовательно, /во избежание безвыходного круга[1] в слове явление должно уже заключаться указание на нечто такое, что в непосредственном представлении, правда, имеет чувственный характер, но в то же время должно и само по себе, также помимо этого свойства нашей чувственности (на котором основывается форма нашего наглядного представления), составлять нечто, т. е. быть предметом, независимым от чувственности.

Отсюда (Hieraus... zwar nun) возникает понятие о ноумене, вовсе не имеющее, однако, положительного характера и [не указывающее] на определенное знание о какой бы то ни было вещи, но обозначающее только мышление о чем-то вообще, причем я отвлекаюсь от всякой формы чувственного наглядного представления. Но для того чтобы [понятие] ноумена означало истинный предмет, который следует отличать от всех феноменов, недостаточно освободить свою мысль от всех условий чувственного наглядного представления, а следует еще иметь основание для того, чтобы допустить кроме чувственного наглядного представления иной род наглядного представления, в котором мог бы быть дан такой предмет; в противном случае моя мысль пуста, хотя она и не заключает [в себе] противоречий. Выше мы не могли, правда, доказать, что чувственное наглядное представление есть единственно возможный вид наглядных представлений вообще, хотя мы и показали, что для нас это единственный возможный способ наглядного представления; но вместе с тем мы не могли доказать и того, что иной способ представления возможен, и, хотя наше мышление может отвлечься /от нашей[2] чувственности, тем не менее остается открытым вопрос, не есть ли такое мышление только **A 253** форма понятия /и не оказывается ли оно при таком обособлении лишенным какого бы то ни было объекта[1] (58).

Объект, к которому я отношу явление вообще, есть трансцендентальный предмет, т. е. совершенно неопределенная мысль о нечто вообще. /Этот [объект[2]] не может называться ноуменом, так как я [вовсе] не знаю о нем, что представляет (sei) он сам по себе, и не имею о нем /никакого понятия, кроме того лишь, что он есть предмет чувственного наглядного представления вообще, тождественный, следовательно, для всех явлений[3]. Я не могу мыслить его при помощи какой бы то ни было категории, так как категории имеют значение для эмпирического наглядного представления и служат для того, чтобы подводить его под понятие о предмете вообще. Чистое применение категорий, правда, возможно (59), т. е. не заключает в себе противоречий, однако оно не имеет никакого объективного значения, потому что не относится ни к какому наглядному представлению, которое должно было бы при помощи их приобрести единство объекта, в самом деле, категория есть ведь только функция мышления, посредством ее может только мыслиться то, что дается в наглядном представлении, но не может быть дан никакой предмет.

1) С – если мы хотим выйти из постоянного логического круга
З – чтобы не впадать постоянно в логический круг
(wo nicht ein beståndiger Zirkel herauskommen soll)

2) С, З – от всякой
(von jeder)

1) С – и после этого выделения, останется ли у нас вообще какой-нибудь объект
З – и не останется ли вообще при таком обособлении еще и некоторый объект
(und ob bei dieser Abtrennung überall ein Objekt übrigbleibe)

2) З – Этот [предмет]
(Dieser)

3) – никакого понятия, кроме понятия о предмете...
одинаковом для всех явлений
(gar keinen Begriff... als bloß von dem Gegenstande... der also für alle Erscheinungen einerlei ist)

Если из эмпирического познания устранить всякое мышление (посредством категорий), то не останется никакого знания о каком бы то ни было предмете, так как посредством одних лишь наглядных представлений ничто не мыслится, и то обстоятельство, что аффицирование чувственности /испытывается мной[1], не создает еще никакого отношения подобных представлений к какому бы то ни было объекту. Наоборот, если я устраню из мышления всякое наглядное представление, то все же у меня останется еще форма мышления, т. е. способ определять предмет для многообразия возможного наглядного представления. Поэтому категории в этом смысле простираются дальше области чувственного наглядного представления, так как они содержат в себе мышление об объектах вообще, не обращая внимания на тот специальный способ (чувственности), каким они могут быть даны. Но из этого не следует, будто категории определяют более широкую область предметов, так как допустить, что такие предметы могут быть даны, можно не иначе, как предположив возможность иного, чем чувственный, способа наглядных представлений, между тем как на это мы не имеем никакого права.

1) З – происходит во мне (in mir ist)

310 Я называю проблематическим [всякое такое] понятие, которое не содержит в себе никакого противоречия и находится в связи с другими знаниями, представляя собой ограничение данных понятий, но в то же время никоим образом не может быть познано как объективно реальное. Понятие н о у м е н а, т.е. вещи, которая должна быть мыслима не как предмет чувств, а как вещь в себе (исключительно посредством чистого рассудка), не заключает в себе никаких противоречий, так как о чувственности нельзя утверждать, будто она есть единственно возможный способ наглядного представления. Далее: это понятие необходимо для того, чтобы не распространять чувственных наглядных представлений на сферу вещей в себе, следовательно, чтобы ограничить объективное значение чувственного знания (в самом деле, все остальное, на что не простираются чувственные знания, называется ноуменами именно для того, чтобы показать, что область этих знаний простирается не на все, о чем мыслит рассудок). Но в конце концов все же возможность таких ноуменов не может быть усмотрена нами, и область вне сферы явлений остается (для нас) пустой, иными словами, мы имеем рассудок, п р о б л е м а т и ч е с к и простирающийся далее сферы явлений, но мы не имеем таких наглядных представлений и даже не можем составить себе поня-

тие о таких возможных наглядных представлениях, посредством которых предметы могли бы быть даны нам вне области чувственности, так что рассудок мог бы быть применен *ассерторически* <за пределами чувственности.> Следовательно, понятие ноумена есть только *пограничное понятие* (Grenzbegriff), **311** служащее для ограничения притязаний чувственности и потому имеющее только отрицательное применение. Однако оно не вымышлено произвольно, а стоит в связи с ограничением чувственности, хотя и не может установить ничего положительного вне сферы ее.

Поэтому деление предметов на феномены и ноумены и мира на чувственный и умопостигаемый мир не может быть допущено ⟨в *положительном значении*⟩, хотя понятия и допускают деление на чувственные и интеллектуальные понятия; но последним понятиям нельзя приписать никаких предметов и потому их нельзя выдавать /за объективно действительные[1)]. Если отвлечься от чувств, то нельзя понять, каким образом наши категории (которые [в таком случае] остались бы единственными понятиями [для мышления] о ноуменах) могут обладать еще каким-то значением, так как для отношения их к какому-либо предмету требуется, кроме единства мышления, еще некоторое условие, именно необходимо, чтобы было дано возможное наглядное представление, к которому они могли бы быть применены. Тем не менее понятие ноумена, взятое в чисто проблематическом значении, остается не только допустимым, но и необходимым как понятие, ограничивающее (in Schranken setzender) чувственность. Но в таком случае оно не есть особый *умопостигаемый* (intelligibeler) *предмет* для нашего рассудка; рассудок, которому такой предмет принадлежал бы, сам проблематичен, так как он должен познавать свои предметы не дискурсивно посредством категорий, а интуитивно посредством **312** нечувственных наглядных представлений, – [процесс,] о возможности которого мы не в силах составить себе ни малейшего представления. Таким образом наш рассудок приобретает отрицательное расширение, так как, называя вещи в себе (рассматриваемые не как явления) ноуменами, он оказывается не ограниченным чувственностью, а скорее ограничивающим ее. Но вместе с тем он тотчас же сам ставит границы и самому себе, признавая, что не может познать /ноумены[1)] посредством [своих] категорий и, следовательно, мыслит их только как неизвестное нечто.

1) С, З – за объективно значимые (für objektiv-gültig)

1) С – их
З – вещи в себе
Г – эти вещи
(sie)

Впрочем, в сочинениях новейших писателей встре-

чается совершенно иное применение терминов mundi sensibilis и intelligibilis [(мир чувственный и умопостигаемый)*, резко отличающееся от смысла, придаваемого им древними писателями. Этот новый смысл не заключает в себе никаких трудностей, но и не ведет ни к чему, кроме пустословия. Согласно этому новому смыслу терминов, некоторые писатели склонны называть совокупность явлений, поскольку она наглядно представляется, чувственным миром, а поскольку связь между ними мыслится согласно общим законам рассудка, – умопостигаемым миром. **313**
В этом смысле теоретическая астрономия, описывающая лишь наблюдения над звездным небом, выражала бы чувственный мир, а умозрительная (kontemplative) астрономия (объясняющая [звездное небо], напр., согласно коперниковской системе мира или согласно законам тяготения Ньютона) выражала бы умопостигаемый мир. Но такое извращение смысла слов есть лишь софистическая уловка, имеющая целью уклониться от трудного вопроса, изменив его смысл и придав ему удобное для себя значение. Конечно, и рассудок и разум могут быть применены к явлениям, но вопрос заключается в том, имеют ли они кроме того применение в том случае, если предмет не есть явление (ноумен), и это именно и подразумевается, если предмет сам по себе мыслится как чисто умопостигаемый, т. е. данный только рассудку, а не чувствам. Вопрос, следовательно, заключается в том, возможно ли, кроме указанного выше эмпирического применения рассудка (/каково даже ньютоновское представление[1]) о мироздании), еще трансцендентальное применение его, имеющее своим предметом ноумены (das Noumenon); на этот вопрос мы ответили отрицательно.

1) C, B – даже в ньютоновском представлении (selbst in der Newtonischen Vorstellung)

Поэтому, если мы говорим, что чувства представляют нам предметы, как они являются, а рассудок, как они есть, то последнее выражение следует понимать не в трансцендентальном, а только в эмпирическом значении, именно [в том смысле, что рассудок мыслит объекты так,] как **314**
они должны быть представляемы в непрерывной связи явлений в качестве предметов опыта, а не так, как

* (Вместо термина mundus intelligibilis не следует употреблять термин интеллектуальный (intellektuellen) мир, как это часто встречается в немецких сочинениях; в самом деле, интеллектуальными или сенситивными (sensitiv) бывают только знания. Наоборот, сами объекты, т. е. то, что может быть только предметом одного или другого способа наглядного представления, должны называться (хотя бы это и казалось тяжеловесным) интеллигибельными или сенсибельными).

они, быть может, существуют вне отношения к возможному опыту и, следовательно, к чувствам вообще, будучи предметами чистого рассудка. Это [существование] всегда остается для нас неизвестным до такой степени, что мы не знаем даже, возможно ли вообще такое трансцендентальное (/экстраординарное[1]) познание, по крайней мере как знание, подчиненное нашим обыкновенным категориям. /В нашем [знании] рассудок и чувственность только в связи друг с другом могут определять предметы[2]. Отделив их друг от друга, мы получаем наглядные представления без понятий или понятия без наглядных представлений; и в первом и во втором случае это такие представления, которые не могут быть отнесены ни к какому определенному предмету.

Если кто-либо после всех этих исследований все еще не решается отказаться от чисто трансцендентального применения категорий, то пусть он сделает попытку построить из них какое-либо синтетическое утверждение. В самом деле, аналитические [суждения] не подвигают рассудка вперед, и так как [в аналитических суждениях] рассудок обращает внимание лишь на то, что уже раньше мыслилось в понятии, то он оставляет нерешенным вопрос, имеет ли это понятие само по себе отношение к предметам или же оно обозначает только единство мышления вообще (совершенно отвлекаясь от того способа, как предмет может быть дан); ему достаточно узнать лишь о том, что содержится в его понятии, а вопрос, к чему само понятие может относиться, /не интересует его[3]. 315 /Поэтому сделаем попытку установить какое-либо синтетическое и притом считающееся трансцендентальным основоположение, как, напр.[1], «все существующее существует, как субстанция или принадлежащее субстанции определение», «все случайное существует, как действие другой вещи, именно причины» и т. п. Спрашивается, откуда мы можем взять эти синтетические положения, если [содержащиеся в них] понятия должны относиться не к возможному опыту, а к вещам к себе (ноуменам)? Где здесь то третье (60), что требуется всегда для синтетического положения, чтобы связать в нем друг с другом понятия, не имеющие между собой никакого логического (аналитического) сродства? Доказать такое положение, мало того, даже оправдать возможность такого чистого утверждения можно не иначе, как ссылаясь на эмпирическое применение рассудка, т. е. совершенно отказываясь от чистых суждений, свободных от чувственности. Таким образом, /у нас нет никаких основоположений для применения понятия о (61) чистых, ис-

1) С – чрезвычайное
З – необыкновенное
(außerordentliche)
(Vaih. – außersinnliche)

2) З – Только в связи друг с другом наш рассудок и наша чувственность могут определять предметы
(Verstand und Sinnlichkeit können bei uns nur in Verbindung Gegenstände bestimmen)
(A^3 – und in Verbindung)

3) С – безразлично для него
(ist ihm gleichgültig)

1) С – Поэтому оно занимается различными синтетическими и мнимотрансцендентальными основоположениями, каковы
З – Рассудок мог бы попытаться сделать это при помощи синтетического и якобы трансцендентального основоположения, как например
(Er versuche es demnach mit irgendeinem synthetischen und vermeintlich transzendentalen Grundsatze, als)

ключительно умопостигаемых предметах[2)], так как мы не можем вообразить себе способа, как они должны были бы быть даны, и проблематическая мысль, оставляющая все же для них место открытым, служит, наподобие какого-то пустого пространства, лишь для ограничения эмпирических основоположений, но не содержит в себе и не указывает никакого /нового[3)] объекта знания вне сферы эмпирических основоположений.

2) З – понятие чистых, лишь умом постигаемых предметов совершенно свободно от всяких принципов своего применения (So ist denn der Begriff reiner, bloß intelligibeler Gegenstände gänzlich leer von allen Grundsätzen ihrer Anwendung)

3) З – иного (ein anderes)

316 ПРИЛОЖЕНИЕ

Об амфиболии рефлективных понятий, происходящей от смешения эмпирического применения рассудка с трансцендентальным

Рефлексия (Überlegung) (reflexio) не имеет дела с самими предметами и не получает понятий прямо от них; она есть такое состояние души, в котором мы /приспособляемся к тому, чтобы[1)] найти субъективные условия, при которых мы можем образовать (zu ...gelangen können) понятия. Рефлексия есть сознание отношения данных представлений к различным нашим /способностям познания[2)], и только при ее помощи отношение их друг к другу может быть правильно определено. Раньше всякой дальнейшей обработки своих представлений мы должны решить вопрос, в какой способности познания они связаны друг с другом. Рассудок или чувственность соединяет или сравнивает их? Нередко мы принимаем суждение по привычке или соединяем [представления] под влиянием [своих] склонностей, и так как рефлексия не предшествует этому акту или по крайней мере не следует за ним с целью критики, то такие суждения считаются возникшими из рассудка. Не все суждения нуждаются в исследовании, т. е. во внимании к основаниям их истинности: если они непосредственно достоверны, как, напр., суждение «между двумя точками может **317** быть проведена только одна прямая линия», то для них нельзя привести никакого более непосредственного критерия истины, чем тот, который содержится в них самих. Но все суждения и даже все сравнения требуют рефлексии, т. е. различения той способности познания, которой принадлежат данные понятия. /Акт, посредством которого я сопоставляю сравнение представлений вообще с познавательной способностью, производящей его[1)], и посредством которого я различаю, сравниваются ли представ-

1) З – прежде всего пытаемся (uns zuerst dazu anschicken)

2) С, З – источникам познания (Erkenntnisquellen)

1) З – Действие, которым я связываю сравнение представлений вообще с познавательной способностью, производящей его (Die Handlung, dadurch ich die Vergleichung der Vorstellungen überhaupt mit der Erkenntnisskraft zusammenhalte, darin sie angestellt wird)

ления друг с другом как принадлежащие к чистому рассудку или к чувственному наглядному представлению, я называю *трансцендентальной рефлексией*. Отношения, возможные /в душе[2] между понятиями, суть отношения *тождества* (Einerleiheit) и *различия*, *согласия* и *противоречия*, *внутреннего* и *внешнего*, наконец, *определяемого* и *определения* (материи и формы). Правильное понимание этого отношения зависит от того, в какой познавательной способности *субъективно* связаны они друг с другом, в чувственности или в рассудке. Различие в этом отношении ведет за собой глубокие различия в том способе, как следует мыслить эти понятия.

2) С, З – в душевном состоянии (in einem Gemütszustande)

/Раньше, чем [строить][3] объективное суждение, мы сравниваем понятия, чтобы установить их **тождество** ([тождество] многих представлений, подчиненных одному понятию) или **различие**, служащие основанием для *общих* и *частных* суждений, или же чтобы найти **согласие 318** или **противоположность** между ними, откуда возникают *утвердительные* и *отрицательные* суждения и т. п. Ввиду этого следовало бы, по-видимому, называть приведенные понятия сравнительными понятиями (conceptus comparationis). /Однако[1] речь может идти не о логической форме, а о содержании понятий; т. е. о том, тождественны ли или различны, согласны или противоположны сами вещи; [а так как] вещи могут иметь двоякое отношение к нашей познавательной способности, именно к чувственности и к рассудку, и от того, куда они относятся, зависит способ их отношения друг к другу, то отсюда следует, что только трансцендентальная рефлексия, определяющая отношение данных представлений к той или иной познавательной способности, может определить отношение их друг к другу, и тождество или различие, согласие или противоположность и т. п. усматриваются не прямо из самих понятий путем простого сравнения их (comparatio), но может быть установлено впервые лишь с помощью трансцендентальной рефлексии путем различения способности познания, служащей источником их. Поэтому можно было бы сказать, что *логическая рефлексия* есть простое сравнение, так как она совершенно отвлекается от способности познания, служащей источником данных представлений, и оценивает их, следовательно, по их положению в душе как однородные, между тем как **319** *трансцендентальная рефлексия* (относящаяся к самим предметам) содержит в себе основание воз-

3) С – До всех
З – Прежде чем составить
(Vor allen)

1) С – А так как, если
З – В том случае, когда
(Weil aber, wenn)

можности объективного сравнения представлений друг с другом; следовательно, существует глубокое различие между трансцендентальной и логической рефлексией, так как познавательная способность, которой они принадлежат, не одна и та же. Эта трансцендентальная рефлексия обязательна для всякого, кто желает a priori судить о вещах. Мы займемся теперь ею и надеемся с ее помощью внести немало света в определение настоящей задачи рассудка.

1. Тождество и различие. Если предмет представляется нам несколько раз, но всегда с одними и теми же внутренними определениями (qualitas et quantitas); то как предмет чистого рассудка он всегда есть /одна и та же [вещь, он представляет[1])] не много вещей, а только одну вещь (numerica identitas); если же предмет есть явление, то сравнением понятий вопрос не решается: как бы ни были одинаковы понятия, все равно – различия по положению в пространстве между явлениями, совершающимися в одно и то же время, составляют достаточное основание для численного (numerischen) различия между самими предметами (чувств). Так, можно отвлечься совершенно от всех внутренних различий (по качеству и количеству) между двумя каплями воды, но если мы в одно и то же время наглядно представляем их в различных местах пространства, то этого достаточно, чтобы считать их численно различными. **320** Лейбниц принимал явления за вещи в себе, т. е. умопостигаемые сущности (intelligibilia), или предметы чистого рассудка (хотя вследствие неясности наших представлений о них он называл их феноменами), и поэтому-то его принцип [тождества] неразличимого (Nichtzuunterscheidenen) (principium identitatis indiscernibilium) не мог быть опровергнут; между тем на самом деле явления суть предметы чувственности, и в отношении к ним возможно только эмпирическое, а не чистое применение рассудка; поэтому множественность и численное различие даются уже самим пространством как условием внешних явлений. В самом деле, часть пространства, совершенно подобная и равная другой части, находится тем не менее вне ее; уже в силу одного этого одна часть пространства отличается от другой и присоединяется к ней, чтобы образовать большее пространство; то же самое относится поэтому и ко всем вещам, находящимся одновременно в различных местах пространства, как бы они в других отношениях ни были подобны и равны друг другу.

2. Согласие и /противоположность[1]). Если реальность представляется исключи-

1) З – один и тот же и он есть (so ist derselbe… immer eben derselbe)

1) C, З, B – противоречие (Widerstreit)

тельно посредством чистого рассудка (realitas noumenon), то в таком случае немыслима противоположность между реальностями, т. е. отношение, при котором они, находясь в одном субъекте, уничтожали бы следствия друг друга, так что 3 – 3 было бы = 0 (62). Наоборот, реальности (das Reale) в явлении (realitas phaenomenon) могут противоречить **321** друг другу, и, будучи соединены в одном субъекте, они могут вполне или отчасти уничтожать /*свои следствия*[1], как, напр., в том случае, когда движущие силы, расположенные на одной прямой, действуют (entweder ziehen oder drücken) на одну и ту же точку в противоположных направлениях или когда страдание уравновешивается наслаждением.

3. *Внутреннее и внешнее*. В предмете чистого рассудка только то относится к области внутреннего, что не имеет никакого отношения (по [своему] существованию) к чему бы то ни было отличному от него. Наоборот, внутренние определения [субстанции, являющейся] в пространстве (substantia phaenomenon), суть не что иное, как отношения, и сама такая субстанция целиком есть только совокупность /отношений[2]. Субстанцию в пространстве мы познаем только по силам, которые действуют в нем, или привлекая к себе (притяжение), или противодействуя вторжению /в свою область[3] (отталкивание и непроницаемость); других свойств, которые составляли бы понятие субстанции, являющейся в пространстве и называющейся материей, мы не знаем. Наоборот, как объект чистого рассудка, всякая субстанция должна иметь внутренние определения и силы, относящиеся к внутренней реальности. Но какие же иные внутренние /свойства[4] могу я мыслить, кроме тех, которые доставляются мне моим внутренним чувством, именно кроме самого *мышления* или чего-либо аналогичного мышлению? Поэтому-то **322** *Лейбниц* считал все субстанции простыми, наделенными способностью представления субъектами, т. е. **монадами**, так как он принимал их за ноумены, не исключая и составных частей материи, у которых он мысленно отнял все, что может означать внешние отношения, следовательно, также и *сложность* (Zusammensetzung).

4. *Материя и форма*. Эти два понятия лежат в основе всякой другой рефлексии, до такой степени они неразрывно связаны со всяким применением рассудка. Первым из них обозначается определяемое вообще, а вторым – определение (и то и другое в трансцендентальном смысле, так как мы отвлекаемся от всяких различий в том, что дано, и в том способе, как

1) С, З – следствие другой (die Folge des anderen)

2) З – одних лишь отношений (von lauter Relationen)

3) З – в него (in ihn)

4) С, З, В – акциденции (Akzidenzen)

1) С, З, В – логики (Die Logiker)

оно определяется). /Философы[1)] называли прежде общее материей, а видовое различие формой. Во всяком суждении можно называть данные понятия логической материей (для суждения), а отношение между ними (посредством связки) формой суждения. Во всякой сущности составные части ее (essentialia) составляют ее материю, а способ, как они соединены в вещи, ее существенную форму. Точно так же, что касается вещей вообще, безграничная реальность рассматривалась как материя для всякой возможности, а ограничение ее (отрицание) как та форма, посредством которой одна вещь отличается от других согласно трансцендентальным понятиям. В самом деле, рассудок требует прежде всего каких-либо данных (по крайней мере в понятии), **323** чтобы иметь возможность каким-либо образом определить их. Поэтому в понятии чистого рассудка материя предшествует форме, и ввиду этого Л е й б н и ц допускал сначала вещи (монады) и внутри их способность представления, чтобы затем на этой почве обосновать внешнее отношение между ними и взаимодействие между их состояниями (именно представлениями). Поэтому [в его учении] пространство и время были возможны лишь как следствия из некоторых оснований, именно пространство как следствие из отношения между субстанциями, а время как следствие связи их определений друг с другом. Так и должно было бы быть в самом деле, если бы чистый рассудок мог непосредственно относиться к предметам и если бы пространство и время были определениями вещей в себе. Но если на самом деле пространство и время суть только чувственные наглядные представления, в которых мы определяем все предметы исключительно лишь как явления, то форма наглядного представления (как субъективное свойство чувственности) предшествует всякой материи (ощущениям), иными словами, пространство и время предшествуют всем явлениям и всем данным опыта и даже впервые делают их возможными. Философ-интеллектуалист не мог допустить, чтобы форма предшествовала самим вещам и определяла возможность их, и с своей точки зрения он был прав, так как он ведь полагал, что мы наглядно представляем вещи так, как они существуют (хотя и посредством неясного представления). Но так как чувственно **324** наглядно представление есть совершенно особое субъективное условие, которое лежит a priori в основе всякого восприятия и форма которого первоначальна, то эта форма дана сама по себе самостоятельно (für sich allein gegeben), и материя (/или сами явившиеся вещи[1)]) не только не должны лежать

1) С – или сами вещи, которые являются
З, В – или сами являющиеся вещи
(die Dinge selbst, welche erschienen)
(A^4 – erscheinen)

в основе (как мы должны были бы утверждать, если бы судили только согласно понятиям), но даже, наоборот, возможность ее предполагает данными формальные наглядные представления (/пространство и время[2]).

2) С, В – время и пространство (Zeit und Raum)

Примечание к амфиболии рефлективных понятий

Да будет позволено мне называть место, уделяемое нами понятию или в чувственности, или в чистом рассудке, трансцендентальным местом. Соответственно этому оценку места, принадлежащего всякому понятию согласно различиям в его применении, и руководство для определения места всякого понятия согласно правилам, следовало бы называть трансцендентальной топикой; эта наука основательно предохраняла бы от всяких подтасовок чистого рассудка и возникающей отсюда /шумихи[3], так как она всегда различала бы, какой познавательной способности принадлежат понятия. Всякое понятие и всякую рубрику, под которую подходит много знаний, можно называть логическим местом. На этом основывается логическая топика Аристотеля, которой могли пользоваться школьные учителя и ораторы, чтобы в том или ином отделе мышления найти все наиболее **325** подходящее для обсуждаемого ими материала и умствовать по поводу его с некоторым видом основательности или многословно болтать.

3) З – заблуждений (Blendwerken)

Наоборот, трансцендентальная топика содержит в себе не более, как четыре приведенные рубрики всякого сравнения и различения, отличающиеся от категорий тем, что посредством их выражается не предмет согласно тому, из чего складывается его понятие (величина, реальность), а только различные формы сравнения представлений, предшествующего понятию о вещах. Но это сравнение требует прежде всего рефлексии, т. е. определения того места, куда относятся сравниваемые представления вещей, именно мыслятся ли они чистым рассудком или даны чувственностью в явлении.

Логически понятия могут быть сравниваемы без рассмотрения того, куда относятся объекты их, существуют ли они как ноумены для рассудка или как феномены для чувственности. Но если мы хотим подойти с этими понятиями к предметам, то нам прежде всего необходима трансцендентальная рефлексия, чтобы определить, для какой познавательной способности должны быть объектами эти предметы, для чи-

стого ли рассудка или для чувственности. Без этой рефлексии применение понятий бывает слишком ненадежным и приводит к мнимым синтетическим основоположениям, которые **326** критический разум не может признать, и которые основываются исключительно на трансцендентальной амфиболии, т. е. смешении явления с объектом чистого рассудка.

Не имея такой трансцендентальной топики и потому обманутый амфиболией рефлективных понятий, знаменитый Лейбниц построил интеллектуальную систему мира или, вернее, вообразил, будто познал внутренние свойства вещей, сравнив все предметы только с рассудком и отмеченными формальными понятиями своего мышления. Наша таблица рефлективных понятий дает нам то неожиданное преимущество, что разоблачает отличительные черты его учения во всех его частях и вместе с тем вскрывает руководящее основание этого своеобразного способа мышления, основанного исключительно на недоразумении. Лейбниц сравнивал все вещи друг с другом только посредством понятий и, естественно, не нашел никаких различий между ними, кроме тех, на основании которых рассудок отличает свои чистые понятия друг от друга. Условия чувственного наглядного представления, ведущие за собой свои особенные различия, он не считал первоначальными, так как чувственность была для него лишь неясным способом представления, а вовсе не особым источником представлений; явление было для него представлением о вещи в себе, хотя и отличающимся от познания путем рассудка по своей логической форме **327** в том смысле, что представления, в силу обыкновенного в них недостатка расчленения, примешивают к понятию вещи побочные признаки, между тем как рассудок умеет отделять их. Одним словом, **Лейбниц** интеллектуализировал (intellektuirte) явления подобно тому, как **Локк** в своей системе ноогонии (если можно так выразиться) сенсуализировал (sensifiziert) все понятия рассудка, считая их лишь эмпирическими, /хотя и[1] отвлеченными рефлективными понятиями. Вместо того чтобы находить в рассудке и чувственности совершенно различные источники представлений, которые, однако, только в сочетании друг с другом могут давать /объективные[2] суждения о вещах, оба этих великих философа односторонне выдвигали на первый план лишь один из источников познания, относящийся, по их мнению, непосредственно к вещам в себе, а другой источник считали или спутывающим, или приводящим в порядок представления первого.

1) С, З – или (oder)

2) С, З – объективно-значимые (objektivgültig)

Поэтому Лейбниц сравнивал между собой предметы чувств /только в рассудке как вещи вообще[3)]. [Он сравнивал их,] во-первых, поскольку рассудок должен судить о них как о тождественных или различных. Так как он поэтому имел в виду только понятия о вещах, а не место их в наглядном представлении, в котором единственно предметы могут быть даны, и совершенно упускал из виду трансцендентальное место этих понятий (следует ли относить их объект к явлениям или к вещам в себе), то он неизбежно должен 328 был распространить также и на предметы чувств (mundus phaenomenon) свой принцип тождества неразличимого, имеющий значение лишь для понятий о вещах вообще, и вообразил, будто внес таким образом немалый вклад в естествознание. Конечно, если я знаю каплю воды как вещь в себе со всеми ее внутренними определениями, то я не могу считать ее отличной от другой капли в случае, если понятие первой капли целиком тождественно с понятием второй. Но если капля есть явление в пространстве, то она имеет место не только в рассудке (среди понятий), но и в чувственном внешнем наглядном представлении (в пространстве), и так как физические места относятся совершенно безразлично к внутренним определениям вещей, то место = *b* может принять вещь, вполне подобную и равную другой вещи, находящейся в месте = *a*, точно таким же образом, как и вещь, совершенно иную по своим внутренним [свойствам]. Различие по месту в пространстве делает уже само по себе, без всяких дальнейших условий, не только возможными, но и необходимыми множественность и различие между предметами как явлениями. Следовательно, мнимый закон [Лейбница] есть [вовсе] не закон природы, а только аналитическое правило для сравнения вещей посредством одних лишь понятий.

3) З – как вещи вообще только в рассудке
(als Dinge überhaupt bloß im Verstande)

Во-вторых, основоположение, [утверждающее], что реальности (как /чистые[1)] утверждения) никогда логически не /противоположны[2)] друг другу, есть совершенно истинное суждение об отношении между понятиями, но оно не 329 имеет никакого (das mindeste) значения ни в отношении к природе, ни вообще в отношении к какой бы то ни было вещи в себе (о которых мы не имеем понятия)[42]. В самом деле, реальная противоположность встречается везде там, где $A - B = 0$, т. е. где реальности, связанные в одном субъекте, взаимно уничтожают свои действия; таковы все на каждом шагу встречающиеся в природе

1) С – только
З – одни лишь
(bloße)
2) С, З, В – не противоречат
(niemals... widerstreiten)

[42] В I изд.: никакого понятия.

/действия[1] и противодействия, которые основываются на силах и потому должны называться realitates phaenomena [(феноменальными реальностями)]. Общая механика может даже установить в форме априорного правила эмпирическое условие этой противоположности, указывая на противоположность направлений, – условие, о котором ничего не знает трансцендентальное понятие реальности. Хотя г. фон Лейбниц и не возвестил об этом законе с помпой как о новом основоположении, тем не менее он воспользовался им для новых утверждений, и его последователи прямо внесли это положение в свою лейбнице-вольфовскую систему. Согласно этому основоположению, всякое зло, напр., есть только следствие ограниченности /твари[2], т. е. [следствие] отрицаний, /так как только отрицание может быть противоположно реальности[3] (в одном лишь понятии о вещи вообще это в самом деле так, но не в вещах как явлениях). Подобным же образом сторонники Лейбница считали не только возможным, но и естественным объединять всю реальность в одном существе, не опасаясь никаких **330** противоположностей (Widerstreit), так как они знали только противоположность противоречия (Widerspruchs) (посредством которой уничтожается понятие самой вещи), /но не противоположность взаимного противодействия[1], [которое состоит в том,] что одно реальное основание уничтожает действия другого, и условия для представления которого встречаются только в чувственности.

В-третьих, монадология Лейбница не имеет никакого иного основания, кроме того, что этот философ представлял себе различие между внутренним и внешним только /с точки зрения[2] рассудка. Субстанции вообще должны иметь что-либо внутреннее, т. е. что-либо свободное от всех внешних отношений, следовательно, также и от сложности. Следовательно, основу внутреннего [содержания] вещей в себе составляет [нечто] простое. /Но это внутреннее состояние субстанций[3] не может также заключаться в их положении [в пространстве] (in Ort), фигуре, соприкосновении или движении (так как все эти определения суть внешние отношения), следовательно, мы не можем приписывать субстанциям никаких других внутренних состояний, кроме того, посредством которого мы внутренне определяем свое собственное чувство, именно кроме состояний представления. Так возникло [учение Лейбница] о монадах, которые должны быть /первоначалом[4] всей вселенной, хотя деятельная сила их состо-

1) С, В – препятствия (Hindernisse)

2) С – создания (der Geschöpfe)

3) С – потому что отрицание есть единственное противоречие реальности (weil diese [Negationen] das einzige Widerstreitende der Realität sind)

1) – З – но не противоположность, приводящую к взаимному разрушению (nicht aber den [Widerstreit] des wechselseitgen Abbruchs)

2) С, З – в отношении к (im Verhältnis auf)

3) З – Но внутреннее, присущее состоянию вещей в себе (Das Innere aber ihres Zustandes)

4) С – основным веществом
З – первовеществом
(den Grundstoff)

ит только в представлениях, так что, собственно, они действуют лишь в самих себе.

По этой же причине [в учении Лейбница] принципом возможного взаимодействия между 331 субстанциями не может быть физическое влияние, а [должна быть] предустановленная гармония. В самом деле, если все субстанции заняты лишь внутренней [жизнью], т. е. своими представлениями, то состояние представлений одной из них не может находиться ни в какой /деятельной[1] связи с состоянием представлений другой субстанции, но какая-либо третья причина, влияющая на все субстанции вместе, должна согласовать их состояния друг с другом и притом не посредством случайного, в каждом частном случае особо оказываемого содействия (systema assistentiae), а посредством /единой[2] идеи причины, имеющей значение для всех субстанций, причины, от которой все субстанции должны приобретать свое существование и устойчивость, а следовательно, и взаимное согласование друг с другом по общим законам.

1) З – действенной (wirksamen)

2) С, З – единства (Einheit)

В-четвертых, известное учение [Лейбница] о пространстве и времени, интеллектуализирующее эти формы чувственности, возникло лишь из той же самой /ошибки[3] трансцендентальной рефлексии. Если я хочу представить себе внешние отношения вещей посредством одного лишь рассудка, то это можно сделать только посредством понятия об их взаимном воздействии друг на друга, и если я хочу связать одно состояние вещи с другим ее состоянием, то я могу сделать это только в порядке оснований и следствий. Поэтому Лейбниц мыслил пространство как известный порядок во взаимодействии субстанций и время как динамическую последовательность их состояний. Своеобразные же 332 [особенности] и независимость от вещей, присущие, по-видимому, пространству и времени, он приписывал /неясности[1] этих понятий, вследствие которой то, что на самом деле есть лишь форма динамических отношений, принимается нами за особое, самостоятельно существующее (für sich bestehende) и предшествующее самим вещам наглядное представление. Таким образом, [в его] учении пространство и время были умопостигаемыми формами связи между вещами в себе ([между] субстанциями и их состояниями), а вещи были умопостигаемыми субстанциями (substantiae noumena). Но в то же время он хотел придать этим понятиям значение для [области] явлений, так как он не приписывал чувственности никакого особого способа наглядного представления, но искал источников всех,

3) З – иллюзии (Täuschung)

1) Г – смутности (Verworrenheit)

даже и эмпирических представлений о предметах в рассудке, предоставляя чувственности лишь /низменную задачу[2] спутывать и искажать представления рассудка.

Между тем, если бы мы даже и могли /высказывать синтетические [суждения][3] *о вещах в себе* посредством чистого рассудка (что во всяком случае (gleichwohl) невозможно), то такие [суждения] вовсе не могли бы относиться к явлениям, которые не представляют собой вещей в себе. Следовательно, в этом последнем случае я должен сравнивать свои понятия в трансцендентальной рефлексии всегда лишь под условиями чувственности, и тогда окажется, что пространство и время суть определения не вещей в себе, а явлений: /каковы вещи в себе[4], я не знаю и не нуждаюсь **333** в этом знании, потому что вещь никогда не может мне /встретиться[1] иначе, как в явлении.

Точно так же я поступаю и с остальными рефлективными понятиями. Материя есть substantia phaenomenon [(субстанция в явлении)]. Ее внутренних [свойств] я ищу во всех частях пространства, занимаемого ею, и во всех производимых ею действиях, которые, конечно, могут быть всегда лишь явлениями для внешних чувств. Следовательно, я не нахожу ничего безусловно внутреннего, но всегда только сравнительно внутреннее, состоящее в свою очередь из внешних отношений. Безусловно внутреннее, согласно чистому рассудку, [содержание] материи есть химера (Grille), так как материя вовсе не есть предмет чистого рассудка, и трансцендентальный объект, лежащий, быть может, в основе того явления, которое мы называем материей, есть какое-то (bloβes) нечто, которого мы не могли бы понять даже и в том случае, если бы кто-либо мог сообщить нам сведения о нем: /слова понятны нам лишь в том случае, если им соответствует что-либо в наглядном представлении[2]. Если жалоба: *мы не видим* (sehen... nicht ein) *ничего внутреннего в вещах*, должна обозначать, что мы посредством чистого рассудка не можем познать, каковы в себе вещи, являющиеся нам, то эта жалоба несправедлива и неразумна: она вытекает из желания познавать, т. е. (mithin) наглядно представлять вещи, не пользуясь тем не менее чувствами, следовательно, из желания, чтобы мы обладали познавательными способностями, совершенно **334** отличающимися от человеческих способностей не только по степени, но и по способу и характеру наглядных представлений, следовательно, чтобы мы были не людьми, а какими-то существами, о которых мы не знаем даже, возможны ли они /и каковы они[1]. Наблюдение и ана-

2) С – позорное дело
З – достойное презрения занятие (verächtliche Geschäft)

3) С, В – сказать что-либо синтетически (etwas... synthetisch sagen können)

4) С, В – что такое вещи в себе (was die Dinge an sich sein mögen)

1) З – предстать (vorkommen)

2) С – мы не можем понять ничего, кроме того, что дает нашим словам нечто соответствующее в созерцании (Denn wir können nichts verstehen, als was ein unseren Worten Korrespondierendes in der Anschauung mit sich führt)

1) З – тем более каковы они (viel weniger wie sie beschaffen seien)

лиз явлений проникают во внутренность (Ins Innere) природы, и неизвестно, как далеко зайдем (gehen werde) [мы на этом пути] со временем. Но во всяком случае, если бы даже и вся природа раскрылась перед нами, мы никогда не получили бы ответа на трансцендентальные вопросы, выходящие за пределы природы, так как даже и свою собственную душу нам не дано наблюдать с помощью каких-либо иных наглядных представлений, кроме тех, которые доставляются нам нашим внутренним чувством, а между тем /в ней[2] заложена тайна происхождения нашей чувственности. Отношение чувственности к [единому] объекту и трансцендентальное основание этого единства, без сомнения, скрыто слишком глубоко, и мы, познающие даже и самих себя только посредством внутреннего чувства, т. е. как явление, не можем применить это несовершенное орудие исследования ни для чего иного, кроме того, чтобы все вновь и вновь находить лишь явления, нечувственную причину которых мы так страстно (gern) хотели бы исследовать.

2) C – в нем [внутреннем чувстве] (in demselben)

Эта критика умозаключений, основанных на одних лишь актах рефлексии, полезна в особенности тем, что ясно обнаруживает ничтожество (Nichtigkeit) всех умозаключений о предметах, сравниваемых друг с другом исключительно лишь в рассудке, и вместе с тем подтверждает то, что мы **335** главным образом отстаивали, именно, /что явления, хотя они и не принадлежат к объектам чистого рассудка как вещи в себе[1], тем не менее несут единственные [объекты], в отношении к которым наше знание может иметь объективную реальность, т. е. быть таким знанием, в котором понятиям соответствуют наглядные представления.

1) C – что хотя явления, даже среди объектов чистого рассудка, не могут быть понимаемыми как вещи в себе (daß, obgleich Erscheinungen nicht als Dinge an sich selbst unter den Objekten des reinen Verstandes mit begriffen sind)

Если мы занимаемся только логической рефлексией, то мы сравниваем в рассудке только свои понятия с целью узнать, имеют ли они одно и то же содержание, противоречат ли они друг другу или нет, содержится ли что-либо в /самом понятии[2] или присоединяется к нему [извне], а также, какое из двух понятий следует признать данным и какое следует рассматривать лишь как способ мыслить о данном. Но если я применяю эти понятия к предмету вообще (в трансцендентальном смысле), не определяя подробнее, есть ли это предмет /чувственного наглядного представления или интеллектуальной интуиции[3], то при этом тотчас же обнаруживаются ограничения (/[требование] не выходить за пределы этого понятия[4]), искажающие всякое эмпирическое применение понятия и тем самым доказывающие, что представление о предмете как вещи вообще не только н е   п о л н о

2) C, З – в понятии внутренне (in dem Begriffe innerlich)

3) C, З – чувственного или интеллектуального созерцания (der sinnlichen oder intellektuellen Anschauung)

4) C – выходить не из этого понятия (nicht aus diesem Begriffe hinauszugehen)

(unzureichend), но без чувственного определения и вне эмпирических условий даже противоречиво само по себе, так что мы должны или отвлекаться от всякого предмета (в логике), или, если допускаем его, обязаны мыслить его под условиями чувственного наглядного представления; следовательно, [познание] умопостигаемых [вещей] требовало бы совершенно особого способа наглядных представлений, **336** не присущего нам; так как мы им не обладаем, то умопостигаемые [вещи] для нас – ничто, /но ввиду этого и явления не могут быть вещами в себе[1]. В самом деле, если я мыслю лишь вещи вообще, то, конечно, различия во внешних отношениях не составляют еще различий между самими вещами, но скорее предполагают их, и если понятие об одной вещи внутренне вовсе не отличается от понятия о другой вещи, то я лишь ставлю (setze) одну и ту же вещь в различные отношения. Далее, путем присоединения одного простого утверждения (реальности) к другим положительное [содержание вещи] возрастает и от него ничто не отнимается и ничто не уничтожается [в нем]; поэтому реальные [содержания] в вещах вообще не могут быть противоположны (widerstreiten) друг другу, и т. п.

1) C – почему явления и не могут быть предметами в себе (dagegen aber auch die Erscheinungen nicht Gegenstände an sich selbst sein können)

* * *

Понятия рефлексии, как мы показали, производят вследствие некоторого неправильного толкования их такое влияние на применение рассудка, что соблазнили даже одного из самых остроумных философов построить мнимую систему интеллектуального познания, задающуюся целью определить свои предметы без помощи чувств. Именно поэтому изложение /причины ошибок[2], [кроющейся в] амфиболии этих понятий как источник ложных основоположений, приносит большую пользу /в деле надежного определения[3] границ рассудка.

2) C – обманчивой основы (der täuschenden Ursache)
3) З – с достоверностью определяя и отстаивая (zuverlässig zu bestimmen und zu sichern)

337 Без сомнения, то, что принадлежит или противоречит общему понятию, принадлежит также или противоречит и /всем подчиненным ему частным понятиям[1] (dictum de omni et nullo); однако было бы нелепо изменить это логическое основоположение в таком смысле, будто все, что не содержится в общем понятии, не содержится также и в частных, подчиненных ему понятиях: ведь эти последние потому и суть частные понятия, что содержат в себе больше, чем мыслится в общем понятии. Между тем в действительности вся интеллектуалистическая система Лейбница построена на этом последнем основопо-

1) C, B – всем частным признакам, которые заключаются в этом понятии (allem Besonderen, was unter jenem Begriff enthalten ist)

ложении, и потому она падает вместе с ним и вместе со всеми вытекающими из него двусмысленностями в применении рассудка.

Принцип тождества неразличимого основывается, собственно, на предположении, что если в понятии о вещи вообще нет /известного различения[2], то его нет и в самих вещах, так что все вещи, не отличающиеся друг от друга /по самому своему понятию[3] (по качеству или количеству), вполне тождественны (numero eadem). Но так как /простое понятие[4] о какой бы то ни было вещи отвлекается от многих необходимых условий наглядного представления, то отсюда путем странного /скачка[5] делают вывод, будто то, от чего произведено отвлечение, вовсе не существует (nicht anzutreffen sei), и тогда приписывают **338** вещи лишь то, что содержится в ее понятии.

2) З – ничего различимого (eine gewisse Unterscheidung)

3) С – уже в их понятии (schon in ihrem Begriffe)

4) С, З, В – в понятии (bei dem bloßen Begriffe)

5) С – поспешности З – с торопливостью (Übereilung)

Понятие кубического фута пространства, где бы и сколько бы раз я его ни мыслил, само по себе вполне тождественно. Но два кубических фута в пространстве отличаются друг от друга (numero diversa) уже своим местом; эти [места] суть условия наглядного представления, в котором дается объект этого понятия и, /не входя в понятие, они тем не менее относятся к целому нашей чувственности[1]. Точно так же в понятии вещи нет никаких противоположностей, если ничто отрицательное не связано [в ней] с утвердительным, и одни лишь утвердительные понятия, соединенные вместе, /не могут уничтожать друг друга[2]. Но в чувственном наглядном представлении, в котором дается реальность (напр. движения), встречаются условия (противоположные направления), от которых мы отвлекаемся в понятии движения вообще, но которые обусловливают возможность противоположности, правда, не логической, а состоящей в том, что из чисто положительного /получается[3] ноль. Поэтому нельзя утверждать, будто все реальности находятся в согласии друг с другом, /так как[4] между понятиями их нет никакой противоположности*. **339** Если опираться на одни лишь понятия, то внутреннее [содер-

1) С – которые относятся не к понятию, а ко всей чувственности (die nicht zum Begriffe, aber doch zur ganzen Sinnlichkeit gehören)

2) З – не могут привести к устранению [чего-то] С – ничего в понятии не уничтожают (gar keine Aufhebung bewirken)

3) С – делают (möglich machen)

4) С – на том основании, что З, В – потому, что (daß darum..., weil)

* Если кто хотел бы прибегнуть здесь к обычной уловке, именно сослаться на то, что по крайней мере [реальности ноуменов] (realitates noumena) не могут /действовать противоположно друг другу[5], тот должен был бы привести пример такой чистой и нечувственной (sinnenfreier) реальности, 339 чтобы можно было понять, представляет ли оно вообще собой что-либо или она ничего не представляет. Между тем мы не можем привести ни одного примера иначе, как из опыта, который никогда не доставляет ничего иного, кроме феноменов; таким образом, оказывается, это положение означает лишь, что понятие, состоящее из одних утверждений, не содержит в себе никаких отрицаний, – но в этом положении /никто[6] и не сомневался.

5) З – действовать друг против друга (einander... entgegen wirken)

6) С – мы никогда (wir niemals)

жание вещей] есть субстрат /всякого отношения или[1] всех внешних определений. Следовательно, если я отвлекаюсь от всех условий наглядного представления и останавливаюсь исключительно на понятии о вещи вообще, то я могу отвлечься от всех внешних отношений, и все-таки у меня должно остаться еще понятие о том, что уже вовсе не есть отношение, а обозначает чисто внутренние определения. На первый взгляд отсюда следует вывод, что в каждой вещи (субстанции) есть нечто безусловно внутреннее, предшествующее всем внешним определениям и впервые делающее их возможными; следовательно, этот субстрат есть нечто, не содержащее /в себе[2] никаких внешних отношений, т. е. [нечто] *простое* (так как телесные вещи всегда суть лишь отношения, по крайней мере отношения частей, [находящихся] вне друг друга), и так как мы не знаем никаких безусловно внутренних определений, кроме определений /нашего внутреннего чувства[3], то [отсюда, по-видимому, вытекает, что] этот субстрат не только прост, но и (по аналогии с нашим внутренним чувством) определяется *представлениями*, **340** так что все вещи в действительности суть *монады*, или простые существа, одаренные представлениями. Именно эти [выводы] и были бы совершенно правильными, если бы к числу условий, без которых не могут быть даны нам предметы внешнего наглядного представления и от которых отвлекается чистое понятие, не принадлежало ничего, кроме понятия о вещи вообще. Между тем [в действительности] оказывается, что устойчивое явление в пространстве (непроницаемая протяженность) может содержать в себе одни лишь отношения, не заключать в себя ничего безусловно внутреннего и тем не менее быть первым субстратом всякого внешнего восприятия. Конечно, с помощью одних лишь понятий я не могу мыслить ничего внешнего без чего-либо внутреннего, потому что понятия отношений предполагают уже существование безусловно данных вещей и невозможны без них. Но так как в наглядном представлении содержится нечто вовсе не заключающееся в одном лишь понятии о вещи вообще и дающее субстрат, не познаваемый посредством одних лишь понятий, именно пространство, которое вместе со всем, что в нем содержится, состоит из одних лишь формальных или также реальных отношений, то ввиду этого я не имею права, основываясь только на том, что *посредством одних понятий* никакая вещь не может быть представлена без абсолютно внутреннего содержания, утверждать, будто и в самих вещах, подчиненных этим понятиям, и в *нагляд-*

1) З – всех определений отношения или...
(aller Verhältnis- oder äußeren Bestimmungen)

2) С, З – уже в себе
(mehr in sich)

3) С – в нашем внутреннем чувстве
З – данных нашим внутренним чувством
(als die durch unseren inneren Sinn)

ных представлениях о них /все внешнее должно иметь в своей основе что-либо внутреннее[1)].

1) С, З – нет ничего внешнего, в основе которого не лежало бы нечто безусловно внутреннее (nichts Äußeres, dem nicht etwas Schlechthin- Innerliches zum Grunde läge)

В самом деле, если мы отвлечемся от всех условий наглядного представления, **341** то, конечно, в таком случае у нас в одних лишь наших понятиях не останется ничего, кроме внутреннего [содержания] вообще с его взаимными отношениями, благодаря которым впервые становятся возможными внешние [отношения] (Äußere). Однако эта необходимость обусловливается только абстракцией и /не имеет никакого значения для вещей[1)], поскольку они даются в наглядном представлении с такими определениями, которые выражают только отношения и ничего внутреннего в своей основе не имеют, так как это не вещи в себе, а только явления. [И в самом деле], все, что мы знаем о материи, [сводится] к одним лишь отношениям (то, что мы называем внутренними определениями материи, /имеет лишь сравнительно внутренний характер)[2)], но тем не менее между ними есть самостоятельные и устойчивые отношения, посредством которых дается определенный предмет. Если отвлечься от этих отношений, /то у нас ничего не останется[3)]; это не уничтожает понятия о вещи как явлении, а также понятия о предмете in abstracto, но это уничтожает всякую возможность предмета, определимого одними лишь понятиями, т. е. ноумена. Конечно, странно слышать, что какая-нибудь вещь целиком должна состоять только из отношений, но ведь такая вещь есть только явление и не может быть мыслима посредством /одних лишь[4)] категорий: она представляет собой лишь отношения чего-то вообще к чувственности (zu den Sinnen). Точно так же, если мы имеем дело с одними лишь понятиями, то мы не можем мыслить отношения вещей in abstracto иначе, как предполагая, что одна [вещь] составляет **342** причину определений другой, так как таково понятие нашего рассудка о самих отношениях. Но так как в этом случае мы отвлекаемся от всякого наглядного представления, то мы совершенно упускаем из виду один способ, которым многообразие может определять свои места друг для друга, именно упускаем из виду форму чувственности (пространство), которая, однако, предшествует всякой эмпирической причинности.

1) З – не имеется в вещах (findet nicht bei den Dingen statt)

2) З – внутренне лишь в относительном смысле (ist nur komparativ innerlich)

3) С – ничего уже не могу мыслить
З – то ничего не останется для мышления
(gar nichts weiter zu denken habe)

4) С, З – чистых (reine)

Если под чисто умопостигаемыми предметами мы будем разуметь вещи, мыслимые (63) посредством одних лишь категорий, без всякой /чувственной схемы[1)], то такие вещи невозможны. В самом деле, /наше чувственное представление[2)], посредством которого предметы даются нам, есть условие объективно-

1) С, З – схемы чувственности (Schema der Sinnlichkeit)

2) С, З – способ нашего чувственного созерцания (die Art unserer sinnlichen Anschauung)

го применения всех понятий нашего рассудка, и если мы отвлечемся /от этого условия, то понятия нашего рассудка утрачивают какое бы то ни было отношение к объектам[3]. Даже если бы мы и допустили какой-либо иной кроме нашей чувственности способ наглядного представления, то все же наши функции мышления не имели бы никакого значения в отношении к нему. Если же под умопостигаемыми предметами (darunter) мы разумеем только предметы нечувственного наглядного представления, для которых наши категории, конечно, не имеют значения, и о которых мы поэтому никогда не можем иметь никакого знания (ни наглядного представления, ни понятия), то в этом чисто отрицательном значении ноумены, конечно, должны быть допущены: в самом деле, в этом случае [понятие] ноумена (sie) означает лишь, что наш способ наглядного представления относится не ко всем вещам, а только к предметам наших чувств **343** и поэтому сфера его объективного значения ограничена, так что остается еще место /для каких-либо иных способов[1] наглядного представления и, следовательно, также для вещей как объектов этих способов представления. Но в таком случае понятие ноумена имеет проблематический характер; оно есть представление о вещи, о которой мы не можем сказать ни того, что она возможна, ни того, что она невозможна, так как, кроме своей чувственности, [мы не знаем] никакого иного способа наглядного представления и, кроме своих категорий, мы не знаем никаких иных понятий, /между тем ни наши категории, ни наши наглядные представления не приложимы к внечувственному предмету[2]. Следовательно, мы еще не имеем права расширить в положительном смысле область предметов нашего мышления за пределы условий нашей чувственности и допускать, кроме явлений, еще предметы чистого мышления, т. е. ноумены, так как это понятие не имеет никакого положительного значения, которое можно было бы установить (anzugebende). Нельзя не признать в самом деле, что /сами по себе[3] категории еще недостаточны для познания вещей в себе, и без данных чувственности они были бы только субъективными формами единства рассудка, лишенными [всякого] предмета. Правда, мышление само по себе вовсе не есть продукт чувств и в этом смысле оно не ограничено чувствами, но это еще не дает ему [права на] самостоятельное чистое применение без соучастия (ohne Beitritt) чувственности, так как без чувственности оно не имеет объекта. /Нельзя также считать ноумены подобным о б ъ е к т о м мышления[4], так как ноумен есть именно проб-

3) З – от этого созерцания, то наши рассудочные понятия не имеют никакого отношения к какому-нибудь объекту (und wenn wir von der letzeren abstrahiren, so haben die erstern gar keine Beziehung auf irgendein Objekt)

1) С, З – для какого-то иного способа (für irgendeine andere Art)

2) З – между тем ни наши категории, ни наши созерцания не подходят ни к какому внечувственному предмету (keine von beiden aber einem außersinnlichen Gegenstande angemessen ist)

3) З – одних лишь (sie allein)

4) С – Такой объект нельзя назвать noumenon (Man kann auch das Noumenon nicht ein solches Objekt nennen)

лематическое понятие о предмете для совершенно иных, чем наши, **344** наглядных представлений и для совершенно иного, чем наш, рассудка, /т. е. [для такого рассудка и таких наглядных представлений], которые сами проблематичны[1]. Итак, понятие ноумена не есть понятие объекта; оно [выражает собой] только неизбежно связанный с ограничением нашей чувственности вопрос (Aufgabe), не существуют ли предметы, совершенно независимые от наших чувственных наглядных представлений. На этот вопрос можно дать только следующий неопределенный ответ: так как чувственные наглядные представления относятся не ко всем вещам без различия, то место /для других[2] предметов остается, следовательно, они не отрицаются безусловно, но вследствие недостатка определенного понятия [о них] (так как никакие категории не пригодны для этого) они не могут быть также и утверждаемы как предметы для нашего рассудка.

1) З – для такого рассудка, который сам есть проблема (der mithin selbst ein Problem ist)

2) С – и для многих других
З – для других различных (für mehr und andere)

Таким образом рассудок ограничивает чувственность, не расширяя, однако, этим своей области, и, так как он предостерегает (warnt) чувственность, /чтобы она не заявляла притязаний на знание вещей в себе[3] и занималась только явлениями, то он мыслит предмет в себе, однако только как трансцендентальный объект, составляющий причину явления (не будучи, следовательно, сам явлением) и не могущий быть мыслимым ни как величина, ни как реальность, ни как субстанция и т. п. (потому что эти понятия всегда нуждаются в чувственных формах, в которых они определяют предмет); следовательно, об этом [объекте] совершенно неизвестно, можно ли его найти в нас или также вне нас, и уничтожился ли бы он в **345** случае уничтожения чувственности или, /[несмотря на это,] сохранился бы[1]. Если мы желаем назвать этот объект ноуменом, потому что представление о нем не имеет чувственного характера, /то это не воспрещается нам[2]. Но так как мы не можем применить к нему ни одного из понятий нашего рассудка, то это представление все же остается для нас пустым и служит лишь для того, чтобы обозначить границы нашего чувственного знания и /оставить место[3], которое мы не можем заполнить ни с помощью возможного опыта, ни посредством чистого рассудка.

3) С – от притязаний ее на применение к вещам в себе (daß sie sich nicht anmaße, auf Dinge an sich zu gehen)

1) З – остался бы и после ее устранения
(wenn wir jene wegnehmen, noch übrigbleiben würde)

2) З – то мы вольны это сделать (so steht dieses uns frei)

3) С – выделить из него то пространство
(einen Raum übrigzulassen)

Итак, критика этого чистого рассудка не позволяет нам создавать новую область предметов, кроме тех, которые могут встретиться ему как явления, и запрещает уноситься (auszuschweifen) в умопостигаемые миры, хотя бы даже только /в понятии о них[4]. Вполне извинительное заблуждение, которое очевиднейшим образом приводит нас к этому, но ни в каком

4) З – в понятие о них
(in ihren Begriff)

случае не может быть оправдано, состоит в том, что /рассудку, в противоположность его назначению, придается трансцендентальное применение5), и [при этом] предметы, т. е. возможные наглядные представления, /принуждены сообразоваться6) с понятиями, а не понятия – с возможными наглядными представлениями (от которых именно зависит объективное значение понятий). Причина этого в свою очередь заключается в том, что апперцепция и вместе с ней мышление предшествуют всякому возможному определенному распорядку (Anordnung) представлений. Поэтому, мысля нечто вообще и определяя это нечто с известной стороны (einerseits) 346 чувственно, мы тем не менее отличаем общий, in abstracto представляемый предмет от этого способа представлять его наглядно; при этом у нас остается способ определять предмет с помощью одного лишь мышления, которое, правда, есть лишь логическая форма без содержания, но, несмотря на это, принимается нами за способ существования объекта самого по себе (ноумена) без отношения (ohne auf... zu sehen) к наглядному представлению, ограничивающемуся нашими чувствами.

5) С – применение рассудка, вопреки его назначению, становится трансцендентальным (der Gebrauch des Verstandes wider seine Bestimmung transzendental gemacht)
(Erdm. – gemacht wird)
6) С – должны соответствовать (sich … richten müssen)

* * *

Заканчивая трансцендентальную аналитику, мы должны сделать еще некоторое дополнение, само по себе не имеющее особенно важного значения, но, пожалуй, необходимое для полноты системы. Высшее понятие, с которого обыкновенно начинают трансцендентальную философию, есть деление на возможное и невозможное. Но так как всяким делением предполагается /делимое1) понятие, то необходимо указать [это] более высокое понятие: это есть понятие о предмете вообще (в проблематическом смысле, без рассмотрения того, есть ли этот предмет что-либо или ничто (Etwas oder Nichts)). Так как категории суть единственные понятия, относящиеся к предмету вообще, /то решение вопроса, есть ли предмет2) что-либо или [он есть] ничто, [должно] происходить в порядке категорий и под руководством их.

1) З – разделенное (eingeteilten)

2) Г – то решить вопрос, являет ли предмет собой…
(so wird die Unterscheidung eines Gegenstandes, ob er…)

347 1) Понятиям всего, многого и одного противоположно понятие, все уничтожающее, именно понятие /н и о д н о г о1); таким образом предмет понятия, которому не соответствует никакое /могущее быть данным наглядное представление2), есть ничто (= Nichts); иными словами, /такое понятие не имеет объекта3), подобно ноуменам, которые не могут быть причислены к [области] возможного, хотя из этого

1) С – о ничто
(d.i. Keines)
2) З – созерцание, которое можно было бы указать
С – очевидное созерцание (anzugebende Anschauung)
3) С, В – понятие без предмета (ein Begriff ohne Gegenstand)

еще не следует, что они должны быть признаны невозможными (ens rationis); точно то же [следует заметить] и /о некоторых недавно вымышленных основных силах[4], которые мыслятся, правда, без противоречий, но и без примеров, почерпнутых из опыта, а потому не должны быть причисляемы к [области] возможного.

2) Реальность есть нечто, а отрицание есть ничто, именно, оно есть понятие об отсутствии (Mangel) предмета, каковы понятия тени, холода (nihil privativum).

3) Чистая (Die bloβe) форма наглядного представления, без субстанции, есть сама по себе не предмет, а только формальное условие для предмета (как явления); таковы чистое пространство и чистое время, которые, правда, как формы наглядного представления суть нечто, но сами не составляют предмет наглядного представления (ens imaginarium).

348 4) Предмет понятия, противоречащего себе, есть нечто, так как само понятие его есть ничто, невозможность, как, напр., [понятие] прямолинейной двусторонней фигуры (nihil negativum).

Таблица этого деления понятия ничто (соответствующее ей деление понятия /что-то[1] ясно (folgt) само собой) должна быть поэтому изображена следующим образом:

Ничто

как

1. Пустое понятие без предмета
(ens rationis)

2. Пустой предмет понятия
(nihil privativum)

3. Пустое наглядное представление без предмета
(ens imaginarium)

4. Пустой предмет без понятия
(nihil negativum)

Отсюда видно, что /вещь, только мыслимая[2] [ens rationis] (№ 1), и /невозможная вещь[3] [nihil negativum] (№ 4) отличаются друг от друга тем, что первая не может быть причислена к области возможного, потому что она есть только вымысел (хотя и не противоречивый), а вторая противоположна возможному, так как /понятие ее само уничтожает себя[4]. 349

4) С – некоторые новые основные силы
(gewisse neue Grundkräfte, die man sich denkt)

1) С, З – нечто
(des Etwas)

2) С, В – мысленная вещь
З – пустое порождение мысли
(das Gedankending)
3) З – бессмысленная вещь
С – невещь
(Undinge)
4) С – даже уничтожает само понятие
З – понятие упраздняет даже само себя
(der Begriff sogar sich selbst aufhebt)

Но и та и другая [вещь] (Beide) суть пустые понятия. Наоборот, nihil privativum (№ 2) и ens imaginarium (№ 3) суть пустые данные для понятий. Нельзя представить себе темы, если чувствам не дан свет, точно так же нельзя представить пространства, если нет восприятий протяженных сущностей. Как отрицание, так и чистая форма наглядного представления не могут, без реальности (ohne ein Reales), быть объектами.

Трансцендентальной логики

ВТОРОЙ ОТДЕЛ

Трансцендентальная диалектика

ВВЕДЕНИЕ

I. О трансцендентальной /иллюзии[1)]

1) З, В – видимости (Schein)

Выше мы назвали диалектику вообще логикой иллюзии. Это не значит, что она есть учение о вероятности (Wahrscheinlichkeit); в самом деле, вероятность есть истина, однако познанная с помощью недостаточных оснований; следовательно, это – познание, хотя и /недостаточное[2)], но тем не менее не ошибочное, и потому его не следует обособлять от аналитической части логики. Еще менее может быть [оснований] отождествлять **350** явление и иллюзию. Истинность или иллюзорность находятся не в предмете, поскольку он наглядно представляется, а в суждении о предмете, поскольку он мыслится. Поэтому можно совершенно правильно сказать, что чувства не заблуждаются, однако не потому, что они всегда правильно судят, а потому, что они вовсе не судят. Следовательно, и истина, и заблуждение (Irrtum), а значит и иллюзия /как повод к заблуждению[1)] встречаются только в суждении, т. е. только в отношении предметов к нашему рассудку. В знании, вполне согласующемся с законами рассудка, не бывает никакого заблуждения. В представлениях чувств также не бывает никакого заблуждения (потому что они вовсе не содержат в себе суждения). Никакая сила природы не может сама собой отступать (abweichen) от своих собственных законов. Ввиду этого ни рассудок сам по себе (без влияния посторонней (anderen) причины), ни чувства сами по себе не могли бы заблуждаться. Рассудок [сам по себе не может заблуждаться] потому, что, когда он действует только по своим за-

2) С – неполно (mangelhaft)

1) З – вводящая в заблуждение (als die Verleitung zum letzeren)

конам, /действие[2] его (суждение) необходимо должно согласоваться с этими законами, а в согласии с законами рассудка и заключается формальная сторона всякой истины / [3]. Так как у нас нет иного источника знания, кроме этих двух, то отсюда следует, что заблуждение /производится[4] не иначе, как незаметным влиянием чувственности на рассудок, состоящим в том, что субъективные основания суждения смешиваются (zusammenfliessen) с **351** объективными и отклоняют их от их назначения*, подобно тому как движущееся тело само по себе всегда продолжало бы двигаться в одном и том же направлении по прямой линии, но, если одновременно на него влияет другая сила в другом направлении, начинает двигаться по кривой линии. Поэтому, чтобы отличить собственный акт рассудка от примешивающейся к нему посторонней силы, следует посмотреть на ложное суждение как на диагональ между двумя силами, определяющими суждение по двум /противоположным[2] направлениям, как бы /образующим[3] [между собой] угол, и разложить сложное действие их на простые акты рассудка и чувственности; в чистых априорных суждениях это разложение должно производиться с помощью трансцендентальной рефлексии, посредством которой (как уже было сказано) всякому представлению указывается его место в соответствующей ему способности познания, а следовательно, определяется и влияние способности познания на представление.

2) З – результат (die Wirkung)
3) С, З, В – В чувствах не содержится никакого суждения – ни истинного, ни ложного (In den Sinnen ist gar kein Urteil, weder ein wahres, noch falsches)
4) С, З – происходит
В – возникает (bewirkt werde)

2) С, З – различным (verschiedenen)
3) С – замыкает (einschliessen)

Наша задача состоит здесь не в том, чтобы исследовать эмпирические иллюзии (напр. оптические), которые встречаются при эмпирическом **352** применении в общем верных правил рассудка /и под влиянием воображения приводят способность суждения к ошибкам[1]; мы будем заниматься здесь исключительно *трансцендентальной иллюзией*, влияющей на основоположения, имеющие применение, вовсе не рассчитанное на сферу опыта, который по крайней мере мог бы дать нам критерий их правильности; наоборот, эта [трансцендентальная иллюзия], несмотря на все предостережения критики, совершенно увлекает нас за пределы эмпирического применения категорий и обольщает призрачными надеждами на расширение *чистого рассудка*. Основоположения, применение которых вполне (ganz

1) С – и которая [иллюзия], действуя на воображение, сбивает с толку способность суждения (und durch welchen die Urteilskraft durch den Einfluß der Einbildung verleitet wird)

---

* Чувственность, / предлежащая рассудку[1] как объект, к которому рассудок применяет свои функции, есть источник реальных знаний. Но та же самая чувственность, поскольку она сама влияет на деятельность рассудка и определяет его к акту суждения, становится основанием заблуждения.

1) С – которая принадлежит рассудку
З – положенная в основу рассудка (dem Verstande unterlegt)

und gar) удерживается в границах возможного опыта, мы будем называть имманентными, а те основоположения, которые должны переходить за эти границы, мы будем называть трансцендентными. Однако под этим [термином] я разумею не трансцендентальное применение категорий или злоупотребление ими, представляющее собой простую ошибку способности суждения, недостаточно /дисциплинированной[2] посредством критики и потому мало обращающей внимания на границы области (Bodens), внутри которой исключительно допустима деятельность (Spiel) чистого рассудка; [трансцендентными] я называю те /основоположения, которые в самом деле[3] побуждают нас разрушить все пограничные столбы и вступить на совершенно новую почву, отрицая какие бы то ни было разграничения (Demarkation). Поэтому [термины] трансцендентальный и трансцендентный /имеют не одно и то же значение[4]. Приведенные выше основоположения чистого рассудка должны иметь только эмпирическое, **353** а не трансцендентальное, или выходящее за границы опыта, применение. Основоположения, устраняющие эти границы и даже повелевающие переступить их, называются трансцендентными. Если нашей критике удастся вскрыть иллюзорность этих притязательных (angemaβten) основоположений, то в отличие от них вышеупомянутые основоположения, имеющие чисто эмпирическое применение, можно будет назвать имманентными основоположениями чистого рассудка.

Логические иллюзии, состоящие в простом подражании формам разума (/софистические иллюзии[1]), возникают исключительно из недостатка внимания к логическим правилам. /Поэтому стоит только сосредоточить внимание на данных случаях, и логическая иллюзия исчезает[2]. Наоборот, трансцендентальная иллюзия не прекращается даже и в том случае, если мы уже вскрыли ее и отчетливо усмотрели ее ничтожество с помощью трансцендентальной критики (как, напр., иллюзорность суждения: мир должен иметь начало во времени). Причина этого кроется в том, что наш разум (рассматриваемый субъективно как человеческая способность познания) содержит в себе основные правила и принципы (Maximen) своего применения, имеющие по внешнему виду характер объективных основоположений; это обстоятельство и приводит к тому, что субъективная необходимость соединения наших понятий в интересах рассудка принимается нами за объективную необходимость

2) С – сдержанной
З – обузданной
(gezügelten)

3) С – но действительные основоположения, которые... (sondern wirliche Grundsätze, die...)

4) З – не тождественны (sind... nicht einerlei)

1) С, В – иллюзия ложных умозаключений
З –видимость ложных выводов (der Schein der Trugschlüsse)

2) С – Как только эти правила будут приложены к данному случаю, эта иллюзия совершенно исчезает
(Sobald daher diese auf den vorliegenden Fall geschärft wird, so verschwindet er gänzlich)

определения вещей в себе. Этой *иллюзии* 354 никоим образом нельзя избежать, точно так же как нельзя достигнуть того, чтобы море не казалось посредине более высоким, чем у берега, так как середину его мы видим при посредстве более высоких лучей, или как нельзя даже и астроному достигнуть того, чтобы луна не казалась при восходе большей, хотя астроном и не обманывается этой иллюзией.

Итак, трансцендентальная диалектика удовольствуется тем, что вскроет иллюзорность трансцендентных суждений и вместе с тем предохранит нас от ее обманов. Но она никогда не достигнет того, чтобы эта иллюзия совсем исчезла (подобно логическим иллюзиям) и перестала существовать как иллюзия. Мы имеем здесь дело с *естественной* и неизбежной *иллюзией*, которая, опираясь сама на субъективные основания, выдает их за объективные, между тем как логическая диалектика, /уничтожая софизмы[1], имеет дело только с ошибками /в применении[2] основоположений или с искусственной иллюзией, [возникшей] вследствие подражания им. Следовательно, существует естественная и неизбежная диалектика чистого разума, не такая, в которую сам собой запутывается какой-нибудь простак (Stümper) по недостатку знаний или которую искусственно создает какой-либо софист, чтобы сбить с пути разумных людей, а такая, которая неотъемлемо присуща человеческому разуму, которая не перестанет обольщать его даже после того, как мы раскроем ее ложный блеск, и постоянно вводит его /в заблуждения[3], 355 которые необходимо все вновь и вновь устранять (jederzeit gehoben).

1) З – пытаясь обнаружить ложные выводы (in Auflösung der Trugschlüsse)
2) С – в выводе
З – когда руководствуемся (in Befolgung)
3) С – к мгновенным заблуждениям
З – в минутные (in augenblickliche Verirrungen)

II. О чистом разуме /как источнике[1] трансцендентальной иллюзии

1) Г – средоточии (Sitze)

А. О разуме вообще

Всякое наше знание начинается благодаря чувствам, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, который представляет собой в нас высшую [инстанцию] для обработки материала наглядных представлений и для подведения его под высшее единство мышления. Я должен теперь дать разъяснение относительно этой высшей /способности познания[2] и чувствую себя в несколько затруднительном положении. Как и рассудок, разум может иметь чисто формальное, т. е. логическое, применение, причем он отвлекается от всякого содержания познания, но он имеет также и реальное применение, так как он сам служит

2) С – силы познания (Erkenntniskraft)

источником происхождения некоторых понятий и основоположений, которые он не заимствует ни из чувств, ни из рассудка. Способность разума в первом смысле, конечно, давно уже разъяснена логикой как способность производить опосредствованные умозаключения (mittelbar zu schließen) (в отличие от непосредственных умозаключений, consequentiis immediatis), но отсюда мы еще ничего не усматриваем о способности разума во втором смысле, поскольку он сам производит понятия. Так как здесь является [на сцену] деление разума на логическую и трансцендентальную **356** способность, то мы должны искать высшего понятия /этой познавательной деятельности[1], объединяющего под собой оба [частных] понятия. Но по аналогии с понятиями рассудка мы можем ожидать, что логическое понятие содержит в себе в то же время ключ к трансцендентальному понятию и таблица функций логической способности разума даст вместе с тем /генеалогию[2] понятий разума.

В первой части своей трансцендентальной логики мы объясняли рассудок как способность, [дающую] правила; здесь мы отличаем разум от рассудка тем, что называем разум с п о с о б н о с т ь ю, [д а ю щ е й] п р и н ц и п ы.

Термин принцип имеет двойственный смысл и, обыкновенно обозначает лишь такое знание, которое может быть применено как принцип, хотя само по себе и по своему происхождению оно вовсе не есть принцип. Всякое общее положение, хотя бы оно было даже заимствованным из опыта (путем индукции), может служить большей посылкой в умозаключении разума (Vernunftschluße); но это еще не означает, что оно само есть принцип. Математические аксиомы (напр., между двумя точками можно провести только одну прямую линию) относятся даже к числу априорных общих знаний и потому в отношении к случаям, которые могут быть подведены под них, справедливо называются принципами. Однако это еще не дает мне права утверждать, что я познаю это свойство прямых линий вообще и само по себе из **357** принципов, так как [в действительности] оно познается только /из чистого наглядного представления[1].

Поэтому я буду называть познанием из принципов лишь такое знание, в котором я познаю частное в общем посредством понятий. Таким образом, всякое умозаключение разума есть форма вывода знания из принципа, так как большая посылка дает всегда понятие, благодаря которому всё, что подводится под условие его, познается из него согласно принципу. Так как всякое общее знание может служить большей по-

1) С, З – этого источника познания (von dieser Erkinntnisgquelle)

2) З – родословную (die Stammleiter)

1) З – в чистом созерцании (in der reinen Anschauung)

сылкой в умозаключении разума, и так как рассудок доставляет подобные общие положения a priori, то они, ввиду этого возможного применения их, также могут называться принципами.

Однако если рассматривать эти основоположения чистого рассудка сами по себе со стороны их происхождения, то они оказываются вовсе не познаниями из понятий. Они даже и не были бы возможны a priori, если бы мы не привлекали на помощь чистых наглядных представлений (в математике) или условий возможного опыта вообще. [Напр.,] утверждение, что все случающееся имеет причину, вовсе не может быть выведено из понятия случающегося вообще; скорее наоборот, это основоположение показывает, каким образом впервые можно приобрести определенное [и] эмпирическое понятие о случающемся.

Итак, рассудок никоим образом не может доставить (verschaffen) синтетических знаний из понятий, **358** между тем именно такие знания я называю принципами в абсолютном [смысле слова] (schlechthin), тогда как общие положения вообще могут называться относительными принципами.

Давно уже высказывается желание, которое, быть может, когда-нибудь исполнится, – [желание], чтобы взамен бесконечного разнообразия гражданских законов были найдены их принципы, так как только в разрешении этой задачи заключается тайна упрощения (wie man sagt, zu simplifizieren) законодательства. Но законы этого рода суть лишь ограничения нашей свободы условиями, при которых она вполне согласуется сама с собой; следовательно, они относятся к такой [области жизни], которая во всех отношениях есть наше создание, и причиной которой можем быть мы сами при помощи этих понятий. Наоборот, требование, чтобы предметы в себе, чтобы сама природа вещей подчинялась принципу и должна была определяться согласно одним лишь понятиям, представляется, если не невозможным, то во всяком случае (wenigstens) чрезвычайно странным. Как бы дело ни обстояло здесь в действительности (исследование этого вопроса еще предстоит нам), во всяком случае отсюда ясно, что познание из принципов (самих по себе) есть нечто совершенно иное, чем познание чистого (bloße) рассудка, которое, правда, также может предшествовать другим знаниям в форме принципа, но само по себе (поскольку оно имеет синтетический характер) не основывается на одном лишь мышлении и не заключает в себе общего согласно понятиям.

359 Если рассудок есть способность, [создающая] единство явлений согласно правилам, то разум есть

способность, [создающая] единство правил рассудка согласно принципам. Следовательно, [разум] никогда не относится прямо (zunächst) к опыту или к какому-либо предмету, но всегда направлен на рассудок, чтобы с помощью понятий придать многообразию его знаний априорное единство, которое называется единством разума и имеет совершенно иной характер, чем то единство, которое может быть осуществлено рассудком.

Таково общее понятие о способности разума, насколько можно разъяснить его, не прибегая к примерам (которые должны быть даны лишь впоследствии).

В. О логическом применении разума

[Обыкновенно] различают знание, полученное непосредственно, и знание, полученное лишь путем умозаключения. Знание о том, что в фигуре, ограниченной тремя прямыми линиями, есть три угла, получается непосредственно; наоборот, знание о том, что сумма этих углов равна двум прямым углам, получается лишь путем умозаключения. Так как мы постоянно нуждаемся в умозаключениях и совершенно привыкли к ним, то в конце концов мы перестаем замечать это различие [между знаниями] и, как, напр., в случае так называемых обманов чувств, начинаем считать непосредственно воспринятым то, что в действительности есть лишь результат умозаключения. В каждом умозаключении **360** есть основное п о л о ж е н и е, затем положение, вытекающее из него, т. е. вывод (Folgerung), и, наконец, /та последовательность[1], согласно которой истинность вывода неизбежно связана с истинностью основного положения. Если суждение, получаемое путем умозаключения, так содержится в основном положении, что может быть выведено из него /без помощи[2] третьего представления, то умозаключение называется непосредственным (consequentia immediata); я предпочел бы называть его умозаключением /рассудка[3]. Если же, кроме основного знания, для получения вывода необходимо еще другое суждение, то такой вывод называется /умозаключением разума[4]. В суждении: в с е л ю д и с м е р т н ы, /прямо[5] содержатся суждения: некоторые люди смертны, некоторые смертные суть люди, /никто не смертный[6] не есть человек, и потому все эти суждения получаются путем непосредственного умозаключения из первого положения. Наоборот, суждение: все ученые смертны, не содержится в данном положении (так как понятие ученого вовсе не

1) С – заключение (вывод) (Schlußfolge (Konsequenz))

2) С, В – без посредства (ohne Vermittelung)

3) С – рассудочным выводом
З – рассудочным заключением (Verstandesschluß)

4) С, З – умозаключением (Vernunftschluß)

5) С, З, В – уже (schon)

6) З – ничто не смертное (nichts, was unsterblich ist)

входит в него) и может быть получено из него лишь с помощью посредствующего суждения.

Во всяком умозаключении разума я мыслю прежде всего с помощью рассудка правило (major). Во-вторых, с помощью способности суждения я подвожу некоторое знание под условие правила (minor). Наконец, a priori с помощью разума я определяю свое знание посредством предиката **361** правила (conclusio). /Отношение между знанием и его условием, выражаемое большей посылкой как правилом, определяет собой[1] различные виды умозаключений разума. Следовательно, видов умозаключений, как и видов суждений, может быть три, поскольку они отличаются друг от друга по способу, как в них выражается отношение знания в рассудке; эти виды суть категорические, гипотетические и разделительные умозаключения разума.

1) С – Следовательно, отношения, которые большая посылка, как правило, представляет между познанием и его условиями, создают (Das Verhältnis also, welches der Obersatz, als die Regel, zwischen einer Erkenntnis und ihrer Bedingung vorstellt, macht... aus)

Если, как это нередко случается, /вывод высказывается наперед[2] как суждение, чтобы посмотреть, не вытекает ли он из раньше данных суждений, посредством которых мыслится совершенно иной предмет, то я ищу в рассудке /утверждения[3] этого выводного суждения, именно ищу, не находится ли оно в рассудке под известными условиями согласно общему правилу. Если я нахожу такое условие, и если объект выводного суждения может быть подведен под данное условие, то вывод вытекает из правила, /которое имеет значение[4] также и для других предметов познания. Отсюда видно, что разум, производя умозаключения, старается свести огромное многообразие знаний рассудка к наименьшему числу принципов (общих условий) и таким образом достигнуть высшего единства знаний рассудка.

2) З – вывод задан (Die konklusion... aufgegeben werden)

3) С – удостоверения (Assertion)

4) З – действительного (die... gilt)

362 С. О чистом применении разума

Можно ли изолировать разум, и если можно, то представляет ли он собой тогда самостоятельный источник понятий и суждений, которые возникают /прямо[1] из него и посредством которых он относится к предметам, или же разум есть только подчиненная (subalternes) способность, сообщающая данным знаниям известную (gewisse), именно логическую, форму, способность, благодаря которой знания рассудка только подчиняются друг другу и низшие правила [подводятся] под высшие правила (условие которых /обнимает собой[2] условие первых), насколько этого можно достигнуть путем сравнения их? /На этот воп-

1) С – только
З – исключительно
(lediglich)

2) С – заключает в своей сфере (in ihrer Sphäre befaßt)

рос мы должны дать ответ, пока лишь предварительно[3]. Многообразие правил и единство принципов в самом деле требуется разумом для того чтобы привести рассудок в полное согласие (in durchgängigen Zusammenhang) с самим собой, подобно тому как рассудок подводит многообразие наглядного представления под понятия и таким образом придает связность /наглядному представлению[4]. Однако такое основоположение не предписывает объектам никакого закона и не содержит в себе основания возможности познавать и определять объекты как таковые вообще; это только субъективный закон, /регулирующий распоряжение запасами нашего рассудка[5] и требующий, чтобы мы путем сравнения понятий рассудка сводили общее применение их к возможно меньшему числу их, но он вовсе не дает нам права приписывать /этому правилу[6] также объективное значение и требовать вследствие этого от самих предметов такого согласия, **363** которое было бы удобно нашему рассудку и содействовало бы расширению его. Говоря короче, вопрос состоит в следующем: содержит ли разум сам по себе, т. е. /чистый разум a priori, синтетические[1] основоположения и правила и каковы могут быть эти принципы?

Формальное и логическое применение разума в умозаключениях его уже в достаточной степени указывает, на каком основании будет покоиться трансцендентальный принцип его в синтетическом познании посредством чистого разума.

Во-первых, умозаключения разума /относятся не к[2] наглядным представлениям, чтобы подводить их под правила (как это делает рассудок посредством своих категорий), а к понятиям и суждениям. Следовательно, если чистый разум и направлен на предметы, то все же он не имеет непосредственной связи (Beziehung) с ними и наглядными представлениями о них, а относится только к рассудку и его суждениям, которые уже [в свою очередь] прямо (sich zunächst) обращаются к чувствам и их наглядным представлениям, чтобы определять их предмет. Следовательно, единство разума не есть единство возможного опыта, но существенно отличается от последнего как от единства рассудка. Основоположение, согласно которому все случающееся имеет причину, вовсе не есть положение, познаваемое и предписываемое разумом. Оно делает возможным единство опыта и ничего не заимствует из разума, который без этого отношения к **364** возможному опыту, с помощью одних лишь понятий, не мог бы предписать такого синтетического единства.

3) С – Это вопросы, которыми здесь мы займемся только мимоходом
З – вот вопрос, которым мы пока должны заниматься
(Dies ist die Frage, mit der wir uns jetzt nur vorläufig beschäftigen)

4) З – многообразию
(jene)
(Edm. – jenes)

5) З – управления тем, чем располагает наш рассудок
(der Haushaltung mit dem Vorrate unseres Verstandes)

6) С – этим максимам
(jener Maxime)

1) С – чистый разум, a priori синтетические
(die reine Vernunft a priori synthetische)
(Erdm. – a priori, synthetische)

2) С, З – направлено не на
(geht… nicht auf)

Во-вторых, разум в своем логическом применении ищет общего условия своего суждения (вывода), и само умозаключение разума есть не что иное, как суждение, построенное путем подведения его условия под общее правило (большая посылка). Так как это правило в свою очередь становится предметом такой же /деятельности[1] разума, [который при этом] принужден искать условия для условия (посредством /просиллогизма[2]), /восходя настолько далеко, насколько это возможно[3], то отсюда ясно, что специфическое основоположение разума вообще (в логическом применении [его]) состоит в подыскивании безусловного к обусловленному знанию рассудка, чтобы завершить единство знаний [рассудка] (desselben).

1) С – испытания (Versuche)

2) С, В – восходящего силлогизма (Prosyllogismus)

3) С, В – пока только это возможно (so lange es angeht)

Но это логическое правило (Maxime) может сделаться принципом чистого разума только при допущении, что если дано обусловленное, то вместе с тем дан (т. е. содержится в предмете и его связях) и весь ряд подчиненных друг другу условий, который вследствие этого сам безусловен.

Но такое основоположение чистого разума, /очевидно, имеет[4] синтетический характер, так как /понятие обусловленного аналитически указывает на существование какого-либо условия, но вовсе не на существование безусловного[5]. Из этого основоположения должны возникать также различные синтетические положения, 365 совершенно неизвестные чистому рассудку, так как он имеет дело только с предметами возможного опыта, знание и синтез которых всегда имеют условный характер. Если безусловное действительно существует (wirklich statthat), то оно может быть подвергнуто специальному исследованию со стороны всех тех определений, которыми оно отличается от всего обусловленного, и должно при этом (dadurch) дать материал для некоторых априорных синтетических положений.

4) З – совершенно очевидно имеет (ist... offenbar)

5) З – обусловленное аналитически относится к какому-нибудь условию, но вовсе не к безусловному (das Bedingte bezieht sich analytisch zwar auf irgendeine Bedingung, aber nicht aufs Unbedingte)

Однако основоположения, вытекающие из этого высшего принципа чистого разума, должны быть трансцендентными в отношении всех явлений; иными словами, /адекватное эмпирическое применение этого принципа никоим образом не может быть осуществлено[1]. Следовательно, этот принцип решительно отличается от всех основоположений рассудка (применение которых имеет вполне (völlig) имманентный характер, так как /содержанием их[2] служит только возможность опыта). [В трансцендентальной диалектике нам предстоит теперь задача решить следующие вопросы:] имеет ли основоположение, согласно которому ряд условий (в синтезе яв-

1) С – вполне адекватное или эмпирическое применение их никогда не может быть дано
З – эмпирическое применение этого принципа никогда не может быть адекватным ему (es wird kein ihm adäquater empirischen Gebrauch von demselben jemals gemacht werden können)

2) З – предметом их (zu ihrem Thema)

лений или также мышления о вещах вообще) простирается вплоть до безусловного, объективную правильность или нет, и какие следствия вытекают из него для эмпирического применения рассудка. Или, быть может, такого основоположения разума с объективным значением вовсе нет, а есть только логическое предписание восходить ко все более высоким условиям, приближаться к полноте их и таким образом вносить в наше знание высшее возможное для нас единство разума? Не принимается / [3] ли эта потребность разума по недоразумению за трансцендентальное основоположение **366** чистого разума, который слишком поспешно постулирует в самих предметах такую /безусловную[1] полноту ряда условий. Какие недоразумения и иллюзии (Verblendungen) могут проникать в последнем случае в умозаключения разума, которые заимствуют свою большую посылку из чистого разума (посылку, которая, быть может, скорее представляет собой нечто искомое (Petition), чем постулат) и восходят от опыта к его условиям? /Эти вопросы мы будем решать в трансцендентальной диалектике, исходя из ее источников, глубоко скрытых в человеческом разуме[2]. Мы разделим диалектику на два главных отдела: в п е р в о м из них будут подвергнуты исследованию т р а н с ц е н д е н т н ы е понятия чистого разума, а во в т о р о м – трансцендентные и д и а л е к т и ч е с к и е у м о з а к л ю ч е н и я р а з у м а.

3) С – говорю я (sage ich)

1) С – безграничную
З – беспредельную
(unbeschränkte)

2) С – все эти вопросы и будут нашей задачей в трансцендентальной диалектике, которую теперь мы хотим объяснить из тех источников, которые глубоко скрыты в человеческом разуме
(das wird unser Geschäfte in der transzendentalen Dialektik sein, welche wir jetzt aus ihren Quellen, die tief in der menschlichen Vernunft verborgen sind, entwickeln wollen)

Трансцендентальной диалектики

ПЕРВАЯ КНИГА

О понятиях чистого разума

Каковы бы ни были условия возможности понятий из чистого разума, во всяком случае они получаются не просто путем рефлексии, а путем умозаключений. Понятия рассудка мыслятся /a priori[3] до опыта и для целей его, **367** но они не содержат в себе ничего, кроме единства рефлексии о явлениях, поскольку они необходимо должны принадлежать к одному возможному эмпирическому сознанию. Благодаря им впервые (allein) становится возможным знание и определение предмета. Следовательно, они впервые (zuerst) дают материал для умозаключений, так что им не предшествуют никакие априорные понятия о предметах, из которых они могли бы быть выведены путем умозаключений. Наоборот, их объективная реальность ос-

3) З, В – также a priori
(auch a priori)

новывается исключительно на том, что они составляют интеллектуальную форму всякого опыта и потому их применение всегда может быть указано в опыте.

Самый /термин понятия разума[1] уже указывает на то, что такие понятия (er) не ограничиваются сферой опыта, так как они (er) относятся к такому знанию, в отношении которого всякое эмпирическое знание составляет лишь часть (быть может, [это знание есть] целое возможного опыта или его эмпирического синтеза) и /[на ступень] которого не может подняться никакой действительный опыт[2], хотя он и входит всегда в него. Понятия разума служат /для п о н и м а н и я[3] понятия рассудка /для с у ж д е н и я (о восприятиях)[4]. Если понятия разума содержат в себе безусловное, то они касаются чего-то такого, /чему подчинен[5] весь опыт, но что само никогда не бывает предметом опыта: это нечто такое, к чему приводит разум в своих умозаключениях из опыта, и соответственно чему он оценивает и измеряет степень своего **368** эмпирического применения, /но что само никогда не входит в эмпирический синтез как его составная часть[1]. Если, несмотря на это, такие понятия имеют объективное значение, то они могут называться conceptus ratiocinati (правильно выведенные понятия) (64); если же они не имеют объективного значения, то все же они возникают по крайней мере путем видимости умозаключений и могут называться conceptus ratiocinantes (умствующие понятия). Однако, так как этот вопрос впервые должен быть решен в отделе о диалектических умозаключениях чистого разума, то мы еще не можем иметь его в виду, но предварительно, подобно тому как мы назвали чистые понятия рассудка категориями, мы обозначим новым термином также и понятия чистого разума, именно назовем их трансцендентальными идеями, и приступим теперь к объяснению и оправданию этого названия.

1) С, З – термин «понятие разума» (die Benennung eines Vernunftbegriffs)

2) С – для которого недостаточно никакого действительного опыта (bis dahin zwar keine wirkliche Erfahrung jemals völlig zureicht)

3) З, Г – для концептуального познания (постижения) (zum Begreifen)

4) С, З, В – для понимания (восприятий) (zum Verstehen (der Wahrnehmungen))

5) С, В – что обнимает (worunter... gehört)

1) С – но что никогда не бывает членом эмпирического синтеза (niemals aber ein Glied der empirischen Synthesis ausmacht)

Первой книги трансцендентальной диалектики

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

Об идеях вообще

Несмотря на большое богатство наших языков, мыслитель нередко затрудняется найти название, точно соответствующее его понятию, /и вследствие этого[2] не может сделаться вполне (recht) понятным не только для других, но даже и для самого себя. **369** Создавать новые слова – это значит иметь притяза-

2) С – и за отсутствием такого выражения
З – и потому этот термин (in dessen Ermangelung)

ние на законодательство в языке, редко венчающееся успехом. Раньше, чем прибегнуть к этому /крайнему[1] средству, полезно обратиться к /мертвым языкам и к языку науки[2] с целью поискать, нет ли в этой области занимающего нас понятия вместе с соответствующим ему термином, и если бы даже старое значение термина сделалось колеблющимся вследствие неосторожности его творцов, все же лучше /взяться за укрепление свойственного ему значения[3] (хотя бы и оставалось сомнительным, употреблялся ли термин первоначально точь-в-точь в таком значении), чем остаться непонятным и таким образом лишь испортить свое предприятие.

Поэтому если для какого-либо понятия, точное обособление которого от других родственных ему понятий имеет большое значение, существует только одно слово, точно соответствующее понятию по своему уже установившемуся значению, то не следует быть расточительным /и применять его для разнообразия синонимически взамен других слов[4], но следует старательно сохранять за ним его специальное значение; иначе легко может случиться, что термин (Ausdruck) [в своем специальном значении] перестанет привлекать к себе внимание, затеряется в груде других [терминов] /с иным значением[5] и [вследствие этого] утратится сама мысль, которая могла бы сохраниться только при помощи термина.

370 Платон пользовался словом идея так, что, /очевидно[1], подразумевал под ним нечто не только не заимствованное /из чувственности[2], но даже далеко превосходящее понятия рассудка, которыми занимался Аристотель, так как в опыте нет ничего совпадающего (Kongruirendes) с идеями. У Платона идеи суть /первообразы[3] самих вещей, а не только ключ к возможному опыту, каковы категории. Согласно /учению[4] Платона, идеи вытекают из высшего разума и отсюда становятся достоянием человеческого разума, /который, однако, утратил теперь свое первоначальное состояние[5] и принужден лишь с трудом восстанавливать путем воспоминаний (которые образуют (heißt) философию) свои старые, теперь потускневшие идеи. Я не собираюсь заниматься здесь исследованием [философской] литературы, чтобы установить точный смысл этого термина /в философии возвышенного Платона[6]. /Замечу только, что [нередко] и в обыденной речи, и в[7] сочинениях путем сравнения мыслей, высказываемых автором о своем предмете, мы понимаем его лучше, чем он сам себя, если он недостаточно точно определил свое понятие и вследствие этого иногда говорил или даже

1) С – сомнительному (verzweifelten)
2) С – к мертвому и научному языку (in einer todten und gelehrten Sprache)
3) С – укрепить то значение, которое было ему преимущественно свойственно
З – закрепить главный его смысл (die Bedeutung, die ihm vorzüglich eigen war, zu befestigen)
4) З – и для разнообразия применять его синонимически взамен других слов (oder es bloß zur Abwechselung, synonymisch, statt anderer zu gebrauchen)
5) С – и очень неточных потеряет свое значение
З – с совершенно иными значениями (von sehr abweichender Bedeutung verliert)

1) С – несомненно (man wohl sieht)
2) З, В – чувств (von den Sinnen)
3) З – прообразы (Urbilder)
4) С, З, В – мнению (Meinung)
5) С – где они и находятся, но уже не в их первоначальном состоянии (die sich aber jetzt nicht mehr in ihrem ursprüngliche Zustande befindet)
6) З – у этого великого философа (den der erhabene Philosoph mit seinem Ausdrucke verband)
7) С, В – Я замечу только, что нет ничего необыкновенного в том, если как в обыкновенном языке, так и в ... (Ich merke nur an, daß es gar nichts Ungewöhnliches sei, sowohl im gemeinen Gespräche, als in...)

думал несогласно со своими собственными намерениями.

Платон ясно видел, что наша способность познания заключает в себе гораздо более высокую потребность, чем /простое чтение явлений по складам согласно синтетическому единству в форме опыта[8]; **371** [он видел,] что наш разум естественно уносится в область знаний, заходящих так далеко, /что не может быть никакого предмета или опыта, который мог бы совпадать с ними, хотя[1] они обладают реальностью и вовсе не сводятся лишь к иллюзиям (Hirngespinste).

Платон находил идеи преимущественно /в области практической [деятельности][2)]*, т. е. в [деятельности], основанной на свободе, которая в свою очередь принадлежит к числу знаний, составляющих /специальный[5] продукт разума. Искать происхождения понятий добродетели в опыте, /принимать за основной источник знания[6] (как это действительно многие делают) то, что в лучшем случае может быть разве лишь /примером и несовершенной иллюстрацией[7], это значит превращать добродетель в какой-то изменчивый, смотря по времени и обстоятельствам, /не подчиненный никаким правилам[8], двусмысленный призрак (Unding). Между тем всякий чувствует, что, принимая **372** кого-либо за образец добродетели, он все же находит /подлинный образ[1] [добродетели] лишь в своем собственном уме и оценивает мнимый образец добродетели не иначе, как путем сравнения с этим подлинником. Этот подлинный образ есть идея добродетели, в отношении к которой все возможные предметы опыта служат, правда, примерами (доказательством того, что требования, предъявляемые понятиями разума, до известной степени исполнимы), но вовсе не первообразами (Urbilder). Из того, что че-

8) С – разбирать явления по складам, согласно синтетическому единству, чтобы научиться читать их как опыт
З – разбирать явления по складам, согласно синтетическому единству, чтобы узреть в них опыт
(bloß Erscheinungen nach synthetischer Einheit buchstabieren, um sie als Erfahrung lesen zu können)

1) З – что ни один предмет, который может быть дан опытом, никогда не сможет совпасть с этими знаниями, и тем не менее...
(daß irgendein Gegenstand, den Erfahrung geben kann, jemals mit ihnen kongruiren könne, die aber nichtsdestoweniger...)
2) З – во всем практическом
(in allem, was praktisch ist)
5) С – своеобразный
З – истинный
(eigentümliches)
6) С – [хотеть] сделать образцом источника познания
З – принимать за образец источника знания
(als Muster zum Erkenntnisquell machen wollte)
7) З – примером несовершенного объяснения
(als Beispiel zur unvollkommenen Erläuterung)
8) С – непригодное для правила
(zu keiner Regel brauchbares)

1) С – истинный оригинал
З – подлинник
(wahre Original)

* Он распространял, правда, свое понятие [идеи] также на [те] теоретические (spekulative) знания, /которые вполне чисты и априорны[3], и даже на математику, хотя она находит свои объекты не иначе, как в *возможном* опыте. В этом отношении я не могу следовать за ним, точно так же, как не могу согласиться с его мистической дедукцией /идей[4] и с преувеличениями, которые привели его как бы к гипостазированию идей; впрочем, возвышенный язык, которым он пользовался, развивая это учение, вполне может быть заменен более спокойным и более соответствующим природе вещей изложением.

3) С – поскольку оно дается только как чистое и вполне a priori
(wenn sie [Erkenntnisse] nur rein und völlig a priori gegeben wären)
4) С – этих идей
(dieser Ideen)

ловек никогда не будет действовать адекватно содержанию чистой идеи добродетели, вовсе не следует, будто эта идея есть химера. В самом деле, несмотря на это, всякое суждение о нравственном достоинстве или негодности возможно только при посредстве этой идеи, следовательно, она необходимо лежит в основе всякого приближения к моральному совершенству, как бы ни был далек от него человек в силу препятствий, заложенных в человеческой природе и неопределимых /по степени[2].

Платоновская республика вошла в пословицу /как убедительный, по мнению некоторых, пример вымышленного совершенства[3], возможного только в уме праздного мыслителя. Брукер (65) считает смешным утверждение философа, что государь не может управлять хорошо, если он не причастен идеям. Между тем было бы гораздо лучше проследить эту мысль внимательнее и осветить ее путем новых исследований (там, где /великий Платон[4] оставил нас без своего руководства), а не отстранять ее от себя как бесполезную **373** под жалким и вредным предлогом /неосуществимости[1] ее. /Государственный строй, основанный на [возможно] большей[2] человеческой свободе согласно законам, благодаря которым свобода каждого может сосуществовать со свободой всех остальных (я не говорю о величайшем счастье (Glückseligkeit), так как оно должно явиться само собой), есть во всяком случае (doch wenigstens) необходимая идея; ее необходимо полагать в основу /не только первоначального плана государственного строя[3], но и всякого отдельного закона; при этом прежде всего нужно отвлекаться от наличных препятствий, которые, быть может, вовсе не вытекают необходимо из человеческой природы, а обусловливаются скорее пренебрежением к истинным (ächten) идеям при законодательстве. В самом деле, ничто не может быть более вредным и менее достойным философа, чем /свойственные черни ссылки[4] на мнимопротиворечащий опыт, которого в действительности вовсе не было бы, если бы учреждения были созданы в свое время согласно идеям, а не грубым понятиям, которые явились препятствием для всех добрых намерений именно потому, что были заимствованы из опыта. Чем более согласовалось бы законодательство и управление с этой идеей, тем более редкими сделались бы наказания, и есть разумное основание утверждать (как это делает Платон), что /при совершенном строе они[5] вовсе не были бы нужны. Хотя совершенный строй никогда не будет осу-

2) С, З – по своей степени (ihrem Grade nach)

3) С – этот всем известный и поразительный пример надуманного совершенства
З – как якобы разительный пример несбыточного совершенства
(als ein vermeintlich auffallendes Beispiel von erträumter Vollkommenheit)

4) С – превосходный муж (vorterffliche Mann)

1) С – неприменимости (Untunlichkeit)

2) С – Представление о величайшей
(Eine Verfassung von der größten)

3) З – при составлении не только конституции государства
(nicht bloß im ersten Entwurfe einer Staatsverfassung)

4) С – вульгарная ссылка
З – невежественные ссылки
(die pöbelhafte Berufung)

5) С – при совершенном государственном устройстве ни правительство, ни законодательство
(bei einer vollkommenen Anordnung derselben)

ществлен, тем не менее следует **374** считать правильною идею, которая выставляет этот максимум в качестве образца, чтобы, руководясь им, постепенно приближать /законодательство[1] к возможно большему совершенству. В самом деле, какова та высшая ступень, на которой человечество принуждено будет остановиться и, следовательно, как велика та пропасть, которая необходимо должна остаться между идеей и ее выполнением, этого никто не должен и не может определять, так как здесь все зависит от свободы, которая может перешагнуть через всякую данную границу.

Впрочем, не только в области нравственности, где человеческий разум обнаруживает истинную причинность и где идеи становятся действующими причинами (поступков и их объектов (Gegenstände)), но и в области самой природы П л а т о н справедливо усматривает явные признаки (deutliche Beweise) /происхождения[2] из идей. Растение, животное, правильный порядок мироздания (и, вероятно, также всего строя природы) ясно показывают, что они возможны лишь согласно идеям, и хотя ни одно из существ в отдельности /в частных условиях своего существования[3] не совпадает с идеей совершенства своего рода (точно так же, как человек не совпадает с идеей человечества, хотя и носит ее в своей собственной душе как образец для своих деятельностей (Handlungen)), тем не менее все эти идеи, каждая в отдельности, вполне и неизменно определены в высочайшем разуме и составляют первоначальные причины вещей, однако так, что лишь целое связи всех вещей во вселенной вполне адекватно идее. **375** Если устранить преувеличения в выражениях, то нельзя не признать, что полет мысли философа, поднявшегося от /кропотливого[1] наблюдения физической стороны миропорядка к архитектонической связи его согласно целям, т. е. идеям, заслуживает уважения и подражания; что же касается принципов нравственности, законодательства и религии, /где самая возможность опыта впервые обусловливается идеями (добра)[2], хотя они и не могут быть вполне выражены в опыте, то [в этой области учение Платона] составляет особенную заслугу, не отмеченную только потому, что это учение оценивают как раз при посредстве эмпирических правил, значение которых как принципов /именно и отрицается Платоном[3]. В самом деле, что касается природы, опыт дает нам правила и служит источником истины; наоборот, что касается нравственных законов, опыт (увы!) есть источник (die Mutter) иллюзии и, [устанавливая] законы того, /что д ó л ж н о д е л а т ь[4], бы-

1) С – законодательное сознание людей
З – законосообразное общественное устройство
(die gesetzliche Verfassung der Menschen)

2) З – происхождения ее [природы]
(ihres Ursprungs)

3) З – в условиях своего существования как особи
(unter den einzelnen Bedingungen seines Daseins)

1) С – рабского
З – четкого
(kopeilichen)

2) С – где только идеи и делают возможным самый опыт (идея блага)
(wo die Ideen die Erfahrung selbst (des Gutes) allererst möglich machen)

3) С, В – уничтожается именно этой идеей
З – именно и должен был отрицать опыт
(eben durch sie hat aufgehoben werden sollen)

4) Г – что я должен делать
(was ich tun soll)

ло бы в высшей степени предосудительно /заимствовать их или ограничивать их на основании того, что *делается*[5].

Вместо всех этих исследований, обстоятельное осуществление которых действительно придает философии особенное достоинство, мы займемся здесь теперь не столь блестящей, но тем не менее вовсе не бесполезной работой: **376** мы будем выравнивать и укреплять (eben und baufest zu machen) почву для этого величественного здания нравственности, так как разум, тщетно копавшийся в этой почве в надежде найти в ней сокровища, изрыл ее, как крот, подземными ходами, которые угрожают прочности самого здания. Мы должны теперь /обстоятельно познакомиться[1] с трансцендентальным применением чистого разума, с его принципами и идеями, чтобы иметь возможность в надлежащей мере определить и оценить влияние чистого разума и ценность его. Но раньше чем закончить это предварительное введение, я прошу тех, кому дорога философия (/а для этого требуется больше, чем обыкновенно думают[2]), если это и последующие соображения будут признаны убедительными, взять под свою защиту термин *идея* в его первоначальном значении, чтобы он не смешивался более с другими терминами, которыми, обыкновенно, без всякого разбора обозначают всевозможные виды представлений, и чтобы наука не страдала от этого. Ведь у нас нет недостатка в названиях, вполне соответствующих всякому виду представлений, так что нам вовсе не требуется захватывать чужую собственность. /Я приведу последовательный ряд их[3]. /Весь класс этих состояний обозначается термином *представление* вообще (repraesentatio)[4]. Ему подчинено [понятие] /сознательного представления[5] (perceptio). *Перцепция*, относящаяся исключительно к субъекту как модификация его состояния, есть *ощущение* (sensatio); объективная перцепция есть *знание* (cognitio). **377** Знание есть или *наглядное представление*, или *понятие* (intuitus vel conceptus). Наглядное представление относится непосредственно к предмету и всегда бывает единичным, а понятие относится к предмету косвенно, при посредстве признака, который может быть общим для нескольких вещей. *Понятие* бывает или *эмпирическим*, или *чистым*; чистое понятие, поскольку оно имеет происхождение исключительно в рассудке (а не в чистом образе чувственности), называется notio. Понятие, [состоящее] из Notiones и выходящее за пределы возможного опыта, есть *идея*, или понятие разума. Тому, кто привык к

5) З – заимствовать их из того, что делается, или ограничиваться этим
(von demjenigen herzunehmen, oder dadurch einschränken zu wollen, was getan wird)

1) С – узнать точно
(genau zu kennen)

2) С – а этим сказано гораздо больше, чем обыкновенно думают
З – а таковых на словах больше, чем на самом деле
(welches mehr gesagt ist, als man gemeiniglich antrifft)

3) З – Вот их градация
(Hier ist eine Stufenleiter derselben)

4) З – Представление вообще (reprasentatio) есть род
(Die Gattung ist Vorstellung überhaupt (repraesentatio)

5) С – представление с сознанием
Г – осознанное представление
(die Vorstellung mit Bewußtsein)

этому различению, невыносимо слышать, как представление красного цвета называют идеей. На самом деле это представление не есть даже Notion (понятие рассудка).

Первой книги трансцендентальной диалектики

ВТОРАЯ СЕКЦИЯ

О трансцендентальных идеях

Трансцендентальная аналитика дала нам пример того, как /логическая форма[1] нашего знания может быть источником априорных чистых понятий, которые до всякого опыта дают представление о предметах или, вернее, выражают **378** синтетическое единство, впервые обусловливающее возможность эмпирического знания о предметах. Форма суждений (превращенная в понятие о синтезе наглядных представлений) /дает[1] [нам] категории, руководящие всем применением рассудка в опыте. Точно так же мы можем ожидать, что форма умозаключений разума, если применить ее к синтетическому единству наглядных представлений подобно категориям, окажется источником происхождения особых априорных понятий, которые мы можем назвать чистыми понятиями разума, или трансцендентальными идеями, и которые будут определять согласно принципам применение рассудка в совокупности всего опыта.

1) З – одна лишь логическая форма (die bloße logische Form)

1) С – произвела (hervorbrachte)

Функция разума в его умозаключениях состоит во всеобщности знания согласно понятиям, и само умозаключение разума есть суждение, a priori определенное со стороны всего объема своего условия. Суждение: Кай смертен, могло бы быть почерпнуто мной из опыта с помощью одного лишь рассудка. Но я ищу понятия, содержащего в себе условие, под которым дается предикат (утверждение вообще) этого суждения (в данном случае понятие человека), и после того, как я подвожу [предмет] под это условие, взятое во всем его объеме (все люди смертны), я определяю сообразно этому знание о моем предмете (Кай смертен).

Таким образом, в выводе умозаключений разума /мы приписываем предикат определенному предмету[2], **379** после того, как мыслили его сперва в большей посылке во всем его объеме под известным условием. Эта полнота объема в отношении к такому условию называется всеобщностью (Allgemeinheit) (universalitas). В синтезе наглядных представлений ей соответствует всецелость (Allheit) (uni-

2) З – мы ограничиваем предикат определенным предметом (restringieren wir... ein Prädikat auf einen gewissen Gegenstand)

versitas), или *целостность* (Totalität), условий. Следовательно, трансцендентальное понятие разума есть не что иное, как понятие *целостности условий* для данного обусловленного. Но так как только *безусловное* (Unbedingte) создает целостность условий и, наоборот, целостность условий всегда безусловна, то отсюда следует, что чистое понятие разума вообще может быть объяснено через понятие безусловного, поскольку оно содержит в себе основание синтеза обусловленного.

Сколько есть видов отношений, которые рассудок представляет при помощи категорий, столько же должно существовать и чистых понятий разума; иными словами, мы должны найти, **во-первых**, *безусловное категорического* синтеза в *субъекте*, **во-вторых**, безусловное *гипотетического* синтеза членов *ряда* и, **в-третьих**, безусловное *разделительного* синтеза частей в *системе*.

И в самом деле, существует именно три вида умозаключений разума, из которых каждый приводит к безусловному путем просиллогизмов: первый к субъекту, который сам уже не есть предикат, второй к предположению, которое само не опирается более ни на какие предположения, **380** и третий к агрегату членов деления, которые не нуждаются ни в каком дополнении для завершения деления понятия. Поэтому чистые понятия разума о целостности в синтезе условий, по крайней мере как задача, чтобы довести, если возможно, единство рассудка вплоть до безусловного, необходимы и обоснованы в природе человеческого разума, если [бы] даже для этих трансцендентальных понятий и не было соответствующего конкретного применения, так что они не приносили [бы] никакой иной пользы, кроме того, что давали бы рассудку такое направление, при котором он, стремясь к возможно большему расширению, приходил бы вместе с тем к согласию с самим собой во всех отношениях.

Говоря здесь о целостности условий и о безусловном как общем признаке всех понятий разума, мы опять наталкиваемся на выражение, без которого обойтись невозможно, хотя и нельзя пользоваться им спокойно ввиду двусмысленности, присущей ему вследствие продолжительного злоупотребления. Слово **абсолютный** одно из немногих слов, вполне соответствующих в своем первоначальном значении понятию, для точного обозначения которого непригодно ни одно другое слово того же языка; **381** поэтому потеря такого слова или, что одно и то же, неус-

тойчивое применение его должно вести за собой также и потерю самого понятия, и притом понятия, которое чрезвычайно занимает разум, так что утрата его должна нанести большой ущерб всем трансцендентальным исследованиям. Слово абсолютный часто употребляется теперь просто для того, чтобы указать, что нечто может быть приписываемо какой-либо вещи, если ее рассматривать саму по себе, т. е. (also) внутренне. В этом смысле слово абсолютно возможный могло бы обозначать то, что само по себе (an sich selbst interne) возможно; это предикат, высказывающий в действительности наименьшее из того, что можно сказать о предмете. Наоборот, то же слово иногда употребляется для того, чтобы показать, что нечто имеет значение во всех отношениях (неограниченно, как, напр., абсолютное господство), и в этом смысле слово абсолютно возможный означало бы то, что возможно со всех точек зрения (in aller Absicht) [и] во всех отношениях; а это есть предикат, высказывающий наибольшее из того, что можно утверждать о возможности вещи. Иногда, правда, оба эти значения совпадают. Так, напр., то, что внутренне невозможно, также и во всех отношениях невозможно, т. е. абсолютно невозможно. Но в большинстве случаев эти два значения слова бесконечно далеки друг от друга, и я никоим образом не могу умозаключать из того, что нечто само по себе возможно, будто оно вследствие этого возможно также во всех отношениях, т. е. абсолютно возможно. Мало того, относительно абсолютной необходимости я покажу впоследствии, что она вовсе не во всех случаях зависит от внутренней необходимости и, следовательно, не должна рассматриваться как совпадающая с ней. **382** Правда, если противоположность какой-либо вещи внутренне невозможна, то эта противоположность невозможна также во всех отношениях, и, следовательно, сама вещь абсолютно необходима; но обратно я не могу отсюда заключать, будто противоположность того, что абсолютно необходимо, внутренне невозможна, т. е. будто абсолютная необходимость вещи есть внутренняя необходимость ее; в самом деле, эта внутренняя необходимость во многих случаях есть не более как пустое слово, с которым нельзя связать никакого понятия; наоборот, утверждение необходимости вещи во всех отношениях (в отношении ко всему возможному) ведет за собой совершенно /специальные[1] определения. Так как утрата понятия, имеющего широкое применение /в умозрении[2], никогда не может быть безразличной для

1) С, З – особые (besondere)

2) З, В – в спекулятивной философии (in der spekulativen Weltweisheit)

философа, то я надеюсь, что философы не отнесутся равнодушно также и к определению и тщательному сохранению термина, с которым связано такое понятие.

Итак, я буду пользоваться словом абсолютный в этом расширенном значении и буду противополагать его тому, что имеет значение лишь /сравнительно или с некоторой особой точки зрения[3]; в самом деле, последнее значение ограничено условиями, тогда как первое не зависит ни от каких ограничений.

3) З – в некоторой степени или в особых случаях (komparativ oder in besonderer Rücksicht)

Трансцендентальное понятие разума относится к абсолютной целостности в синтезе условий и удовлетворяется не иначе, как абсолютно безусловным, т. е. безусловным во всех отношениях. В самом деле, чистый разум все предоставляет рассудку, **383** который ближайшим образом относится к предметам наглядного представления или, вернее, к их синтезу в способности воображения. Чистый разум берет на свою долю одну лишь задачу абсолютной целостности в применении понятий рассудка и стремится довести синтетическое единство, мыслимое в категориях, вплоть до абсолютно безусловного. Поэтому такое единство можно назвать разумным единством явлений, тогда как единство, выражаемое категориями, можно назвать рассудочным единством. Таким образом, разум относится только к применению рассудка и притом не постольку, поскольку рассудок содержит в себе основание возможного опыта (так как абсолютная целостность условий есть понятие, неприменимое в опыте, потому что никакой опыт не бывает безусловным), а для того чтобы предписать ему направление для достижения такого единства, о котором рассудок не имеет никакого понятия и которое состоит в том, чтобы соединить все акты рассудка в отношении каждого предмета в абсолютное целое. Поэтому объективное применение чистых понятий разума всегда имеет трансцендентный характер, между тем как объективное применение чистых понятий рассудка по своей природе всегда должно быть имманентным, так как оно ограничивается только возможным опытом.

Под идеей я разумею необходимое понятие разума, для которого чувства не могут дать адекватного предмета. Следовательно, изучаемые нами теперь чистые понятия разума суть трансцендентальные идеи. **384** Это понятия чистого разума, так как в них все опытное знание рассматривается как определенное посредством абсолютной целостности условий. Они не произвольно вымышлены, а даны природой

самого разума и потому необходимо относятся ко всему применению рассудка. Наконец, эти понятия трансцендентны и выходят за границы всякого опыта, в котором, следовательно, никогда не может встретиться предмет, адекватный трансцендентальной идее. Назвать идею – это значит сказать очень много по отношению к объекту (как предмету чистого рассудка), но очень мало по отношению к субъекту (т. е. в отношении к его действительности при эмпирических условиях), так как идея, будучи понятием максимума, никогда не может быть дана адекватно в конкретной действительности. А так как чисто спекулятивное применение разума стремится именно к адекватности, и так как приближение к понятию, которое, однако, в действительности никогда не может быть осуществлено, равносильно тому, как если бы понятие оказалось вполне неудачным, то о подобных понятиях говорят: это только идея. Можно сказать, напр., что абсолютное целое всех явлений есть только идея, так как мы никогда /не можем составить представление[1] об этом целом, и потому оно остается проблемой без всякого разрешения. Наоборот, так как в практическом применении рассудка задача всегда состоит исключительно в деятельности согласно правилам, **385** то идея практического разума всегда может быть дана в конкретной действительности, хотя, правда, лишь отчасти; мало того, она есть необходимое условие всякого практического применения разума. Осуществление ее всегда оказывается ограниченным и недостаточным, но эти границы неопределимы, и, следовательно, практическая деятельность всегда находится под влиянием понятия абсолютного совершенства (Vollständigkeit). Таким образом, практическая идея всегда в высшей степени плодотворна и в отношении к действительным актам неизбежно (unumgänglich) необходима. В ней чистый разум обнаруживает даже свою причинность, т. е. способность действительно производить то, что содержится в его понятиях; поэтому о мудрости нельзя как бы пренебрежительно говорить: это только идея; именно потому что она есть идея необходимого единства всех возможных целей, она должна служить /для всякой практической [деятельности][1] правилом как первоначальное, по крайней мере ограничивающее условие.

1) З – никогда не можем образно представить (niemals im Bilde entwerfen können)

1) З – для всего практического (allem Praktischen)

Хотя мы и должны сказать о трансцендентальных понятиях разума, что они суть только идеи, тем не менее мы не станем считать их излишними и ничтожными. Хотя с помощью их и нельзя определить ни одного объекта, тем не менее в основе они

незаметно служат рассудку каноном его широкого и согласного с собой применения; правда, он не познает с помощью идей никаких предметов, кроме тех, которые познал бы согласно своим понятиям, но все же благодаря им он лучше и дальше направляется в своем знании. 386 Не говоря уже о том, что, быть может, идеи делают возможным переход /от естественнонаучных понятий[1] к практическим понятиям, и таким образом могут доставить самим моральным идеям опору и связь со спекулятивными знаниями разума. Разъяснение всех этих вопросов будет дано в дальнейшем исследовании.

1) З – от естественных понятий (von den Naturbegriffen)

Однако соответственно своей цели мы оставим здесь в стороне практические идеи и будем рассматривать поэтому разум только в теоретическом (spekulativen) и, даже еще ýже (enger), только в трансцендентальном применении. Здесь мы должны пойти тем же путем, как и выше при дедукции категорий: мы должны исследовать логическую форму познания разума и установить, не становится ли посредством ее разум также источником понятий, благодаря которым можно рассматривать объекты сами по себе как a priori синтетически определенные в отношении к той или другой функции разума.

Разум как способность известной логической формы познания есть способность умозаключать, т. е. строить суждение опосредствованным путем (через подведение условия возможного суждения под условие данного суждения). Данное суждение есть общее правило (большая посылка, Major). Подведение условия возможного суждения под условие правила есть меньшая посылка (Minor), а действительно осуществленное суждение, высказывающее утверждение правила в подведенном под него случае, есть 387 /выводное суждение[1] (conclusio). В самом деле, правило высказывает что-либо в общей форме под известным условием; положим, что в данном случае условие правила оказывается налицо; тогда то, что при этом условии имеет значение вообще, должно рассматриваться как имеющее значение и в данном случае (содержащем в себе это условие). Очевидно, разум приходит к познанию при помощи актов рассудка, составляющих ряд условий. К суждению «все тела способны изменяться (sind veränderlich)» /могу прийти следующим путем[2]: я могу начать с более отдаленного знания (в котором понятие тела еще не находится, но есть уже условие для этого знания): «все сложное способно изменяться», отсюда я могу перейти к знанию, более близкому к цели и подчиненному условию первого знания, именно к ут-

1) С – заключение
З – вывод
(Schlußsatz)

2) С – только благодаря тому, что...
(nur dadurch gelange, daß...)

верждению, что «тела сложны»; наконец, отсюда я могут перейти к знанию, сочетающему более /отдаленное знание с[3] искомым знанием, утверждая, что, следовательно, тела способны к изменению; таким образом я пришел к знанию (к заключению) через ряд условий (посылок). Но всякий ряд, /форма которого (категорическое или гипотетическое суждение)[4] дана, может быть продолжен далее; следовательно, этот же самый акт разума ведет к [полисиллогизму] ratiocinatio polysyllogistica, т. е. к ряду умозаключений, который может быть продолжен /без конца[5] или в сторону (auf der Seite) условий (per prosyllogismos), **388** или в сторону обусловленного (per episyllogismos).

3) С, З – отдаленное знание (об изменяемом) (способно изменяться) с...
(entfernte Erkenntnis (veränderlich) mit...)

4) С, З – показатель которого ([показатель] категорического или гипотетического суждения)
(deren Exponent (des kategorischen oder hypothetischen Urteils))

5) С – в неопределенную даль
З – в бесконечные дали
(in unbestimmte Weiten)

Не трудно заметить, однако, что цепь, или ряд, просиллогизмов, т. е. цепь умозаключений к основаниям или к условиям данного знания, или, выражаясь иначе, восходящий ряд умозаключений разума должен иначе относиться к способности разума, чем нисходящий ряд, т. е. эписиллогизм, или серия умозаключений в сторону обусловленного. В самом деле, в первом случае знание (conclusio) дано только как обусловленное; поэтому к нему можно прийти посредством разума не иначе, как при допущении, что все члены ряда со стороны условий даны (целостность в ряду посылок), так как только при этом предположении выводимое суждение возможно a priori; наоборот, в сторону обусловленного, или следствий, мыслится только возникающий (werdende), /т. е. не допущенный уже целиком, не данный ряд[1], иными словами, [в этом случае мыслится] только /потенциальная последовательность[2]. Поэтому, если знание рассматривается как обусловленное, то разум принужден рассматривать ряд условий в восходящей линии как завершенный и данный во всей своей целостности. Если же то же самое знание рассматривается вместе с тем **389** как условие других знаний, составляющих ряд следствий в нисходящей линии, то разум может /вовсе не интересоваться[1] тем, как далеко простирается эта последовательность a parte posteriori, и возможна ли вообще целостность этого ряда; /для предстоящего ему умозаключения[2] он вовсе не нуждается в этом ряде, так как умозаключение уже в достаточной степени определено и удостоверено посредством своих оснований a parte priori. /Все равно, находится ли в ряду условий некоторое первое условие как высшая посылка, или такого условия нет[3] и потому ряд a parte priori не ограничен, во всяком случае (doch) он должен содержать в себе целостность условий, хотя бы мы и не были в состоянии охватить

1) З – а не допущенный уже целиком или данный ряд
(und nicht schon ganz vorausgesetzte oder gegebene Reihe)

2) С, З – потенциальное движение вперед (продвижение)
(ein potentialer Fortgang)

1) З – совершенно безразлично
(ganz gleichgültig)

2) З – для предлежащего вывода
(zu der vor ihr liegenden Konklusion)

3) З – Имеет ли [данный] ряд посылок на стороне условий нечто первое в качестве высшего условия или не имеет
(Es mag nun sein, daß auf der Seite der Bedingungen die Reihe der Prämissen ein Erstes habe als oberste Bedingung oder nicht)

его, и весь ряд должен быть безусловно истинным, если обусловленное, рассматриваемое как вытекающее из ряда условий следствие, должно считаться истинным. Таково требование разума, который возвращает свое знание как a priori определенное и необходимое – или само по себе, причем в этом случае оно не нуждается ни в каких основаниях, /или как следствие из ряда[4)] оснований, который сам обладает безусловной истинностью.

4) З – или оно выведено как член ряда (oder,wenn es abgeleitet ist, als ein Glied einer Reihe)

390 Первой книги трансцендентальной диалектики

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

Система трансцендентальных идей

Мы имеем здесь дело не с логической диалектикой, которая отвлекается от всякого содержания знания и занимается только тем, что /вскрывает формальные заблуждения в умозаключениях разума[1)]; мы занимаемся здесь трансцендентальной диалектикой, которая должна вполне a priori содержать в себе происхождение известных знаний из чистого разума и полученных путем умозаключения понятий, предмет которых вовсе не может быть дан эмпирически, так что они целиком находятся вне способности чистого рассудка. Из естественного отношения, которое должно существовать между трансцендентальным и логическим применением нашего знания как в умозаключениях, так и в суждениях, мы вывели, что должно существовать только три вида диалектических умозаключений, согласно трем видам умозаключений, посредством которых разум может прийти от принципов к познанию, и в каждом из этих видов задача разума состоит в том, чтобы взойти от условного синтеза, которым всегда ограничивается рассудок, к безусловному синтезу, которого рассудок никогда не может достигнуть.

1) С – открывает ложные иллюзии в форме умозаключений
З – обнаруживает в форме умозаключений ложный блеск (den falschen Schein in der Form der Vernunfschlüsse aufdeckt)

/Нашим представлениям вообще могут быть присущи следующие отношения[2)]: **391** 1) отношение к субъекту, 2) отношение к объектам /или как[1)] явлениям, или как предметам мышления вообще. Если соединить это подразделение с первым, то отношения представлений, о которых мы можем иметь или понятие, или идею, оказываются троякими: 1) отношение к субъекту, 2) к многообразию объекта в явлении, 3) ко всем вещам вообще.

2) С – А общее всех отношений, которые могут иметь наши представления, это:
З – Всеобщее всякого отношения, которое могут иметь наши представления, это: (Nun ist das Allgemeine aller Beziehung, die unsere Vorstellung haben können)

1) З – притом или как (und zwar entweder als...) (A[1] – entweder erstlich als)

Все чистые понятия вообще имеют дело с синтетическим единством представлений, но понятия чистого разума (трансцендентальные идеи) имеют дело с без-

условным синтетическим единством всех условий вообще. Следовательно, все трансцендентальные идеи должны распределяться в три класса: из них **первый** содержит в себе абсолютное (безусловное) единство мыслящего субъекта, **второй** – абсолютное единство ряда условий явления, а **третий** – абсолютное единство условия всех предметов мышления вообще.

Мыслящий субъект есть предмет психологии, совокупность всех явлений (мир) есть предмет космологии, а вещь, содержащая в себе высшее условие возможности всего, что может быть мыслимо (/существо всех существ[2)]), составляет предмет теологии. Таким образом, чистый разум дает идею для трансцендентального учения о душе (psychologia rationalis), для трансцендентального учения о мире (cosmologia rationalis) и, **392** наконец, также для трансцендентального богопознания (theologia transscendentalis). Даже и самый план какой бы то ни было из этих наук не может исходить от рассудка, хотя бы рассудок и пользовался высшим логическим применением разума, т. е. всеми возможными умозаключениями, чтобы подняться от одного из своих предметов (явления) ко всем другим вплоть до самых отдаленных звеньев эмпирического синтеза: план этих наук есть чистый и подлинный продукт или проблема чистого разума.

2) С, З – сущность всех сущностей (Das Wesen aller Wesen)

Какие виды (modi) чистых понятий разума содержатся в этих трех разрядах всех трансцендентальных идей, об этом будет подробно сказано в следующей главе. Они следуют пути, предначертанному категориями, так как чистый разум относится всегда не прямо к предметам, а к понятиям рассудка о них. Точно так же лишь путем подробного исследования можно будет выяснить, каким образом разум исключительно путем синтетического применения той же функции, которой он пользуется для категорических умозаключений, необходимо должен приходить к понятию абсолютного единства мыслящего субъекта, каким образом логическое применение разума в гипотетических [умозаключениях] должно повлечь за собой идею безусловного в ряду данных условий и, наконец, каким образом чистая форма разделительного **393** умозаключения необходимо должна привести к высшему понятию разума о существе всех существ. Между тем на первый взгляд эти утверждения кажутся в высшей степени парадоксальными.

/Относительно этих трансцендентальных идей,

собственно, невозможна никакая объективная дедукция, подобная дедукции категорий[1)]. В самом деле, идеи не имеют отношения ни к какому объекту, который мог бы быть дан адекватно им, именно потому, что они суть только идеи. Но субъективный вывод идей из природы нашего разума мы могли предпринять и уже выполнили эту задачу в настоящей главе.

Не трудно заметить, что чистый разум имеет целью не что иное, как абсолютную целостность синтеза со стороны условий (будет ли то принадлежность, или зависимость, или /взаимодействие[2)]), и что ему нет дела до абсолютной полноты со стороны /следствий[3)]. Он нуждается только в полноте восходящего ряда, чтобы предположить весь ряд условий и таким образом дать его рассудку a priori. /Но как только на сцену появилось вполне[4)] (и безусловно) данное условие, то вслед за этим для продолжения ряда нет нужды более в понятии разума, так как рассудок делает самостоятельно каждый шаг вниз от условия к обусловленному. 394
Таким образом, трансцендентальные идеи служат только для восхождения в ряду условий вплоть до безусловного, т. е. до принципов. Что же касается нисхождения к обусловленному, в этом [процессе] наш разум, правда, делает широкое логическое применение /из правил рассудка[1)], но оно вовсе не имеет трансцендентального характера, и если мы создаем идею абсолютной целостности такого синтеза (прогресса), напр., идею целого ряда всех будущих изменений мира, то она есть /фикция[2)] (ens rationis), мыслимая произвольно, но вовсе не предполагаемая разумом необходимо. В самом деле, для возможности обусловленного предполагается целостность его условий, но вовсе не /целостность[3)] его следствий. Следовательно, такое понятие вовсе не есть трансцендентальная идея; между тем здесь мы занимаемся исключительно трансцендентальными идеями.

Наконец, нельзя не заметить, что между самими трансцендентальными идеями существует известная связь и единство и что чистый разум посредством их приводит все свои знания в систему. Переход от знания о самом себе (о душе) к познанию мира и отсюда к познанию первоначального существа имеет до такой степени естественный характер, что кажется 395
подобным логическому переходу разума от посылок

1) С – Из этих трансцендентальных идей, собственно, невозможна никакая объективная дедукция, которую мы могли сделать из категорий
З – Собственно, объективная дедукция этих трансцендентальных идей в отличие от дедукции категорий невозможна
(Von diesen transzendentalen Ideen ist eigentlich keine objektive Deduktion möglich, so wie wir sie von den Kategorien liefern konnten)

2) С – совместность
З – схождение
(Konkurrenz)

3) С, З – обусловленного
(des Bedingten)

4) З – Но раз уже налицо полностью
(Ist aber eine vollständig... einmal da)

1) С – законов рассудка
(von den Verstandesgesetzen)

2) С – мысленная вещь
З – пустое порождение мысли
В – фантазия
(Gedankending)

3) З – целокупность,
Г – всеполнота
В – полнота
(Totalität)

к выводам*. Существует ли здесь в самом деле в скрытой форме такое же сродство, как между логическим и трансцендентальным применением [разума], это один из тех вопросов, на которые следует ожидать ответа лишь в дальнейшем ходе настоящих исследований. Предварительно намеченной нами цели мы уже достигли: трансцендентальные понятия разума, обыкновенно **396** смешиваемые с другими понятиями в теориях философов и даже не отличаемые ими в достаточной степени от понятий рассудка, выведены нами из этого двусмысленного положения; мы указали происхождение их и вместе с тем определенное число их, сверх которого не может быть более ни одной идеи, и имеем возможность представить их в систематической связи, /отграничивая[1] таким образом особую область для чистого разума.

1) С – чем определяется и ограничивается (wodurch... abgesteckt und eingeschränkt wird)

Трансцендентальной диалектики

ВТОРАЯ КНИГА

О диалектических умозаключениях чистого разума

Можно сказать, что предметом чистой трансцендентальной идеи служит нечто такое, о чем мы не имеем никакого понятия, хотя идея возникает в разуме вполне необходимо согласно его первоначальным законам. В самом деле, предмет, адекватный требованию разума, не может быть выражен никаким понятием рассудка, т. е. понятием, которое могло бы быть указано и сделано наглядным (anschaulich) в возмож-

* <Настоящей целью исследований метафизики служат только три идеи: Бог, свобода и бессмертие, причем второе понятие в связи с первым должно приводить к третьему понятию как к своему необходимому выводу. Все, чем метафизика занимается помимо этих вопросов, служит ей только средством прийти к этим идеям и реальности их. Она нуждается в них не для целей естествознания, а для того чтобы выйти за пределы природы. Проникновение в область этих идей сделало бы теологию, мораль и путем соединения той и другой религию, т. е. высшие цели нашего существования, зависимыми исключительно от теоретической способности разума и ни от чего больше. В систематическом изложении этих идей приведенный порядок их как синтетический был бы самым удобным; но в исследовании, которое необходимо должно предшествовать изложению, аналитический порядок, обратный предыдущему, более соответствует цели, так как в таком случае мы осуществляем свой великий план, переходя от того, что непосредственно дано нам в опыте, именно /от учения о душе к учению о мире[1] и затем к познанию Бога.>

1) З – от психологии к космологии (der Seelenlehre, zur Weltlehre)

ном опыте. Впрочем, мы выразимся лучше и дадим менее поводов к недоразумениям, **397** если скажем, что у нас нет никакого знания о предмете, соответствующем идее, хотя мы можем иметь проблематическое понятие о нем.

Во всяком случае, по крайней мере трансцендентальная (субъективная) реальность чистых понятий разума основывается на том, что необходимое умозаключение разума приводит к таким идеям. Следовательно, должны существовать умозаключения разума, которые не содержат в себе никаких эмпирических посылок и посредством которых мы от чего-либо известного нам умозаключаем к чему-то такому, о чем у нас нет никакого понятия, но чему тем не менее в силу неизбежной иллюзии мы приписываем объективную реальность. Поэтому такие умозаключения, что касается результата их, скорее следует называть умствующими (vernünftlende) умозаключениями, чем умозаключениями разума, хотя ввиду своего источника они заслуживают последнего названия, так как они все же не вымышлены и возникают не случайно, а происходят из природы разума. Это софизмы, созданные не людьми, а самим чистым разумом; самый мудрый из людей не в состоянии отделаться от них и разве только после многих усилий может остеречься от заблуждений, но не имеет возможности вполне освободиться от непрестанно /обманывающей и дразнящей[1] иллюзии.

1) З – дразнящий его и насмехающийся над ним (ihn... zwackt und äfft)

Этих диалектических умозаключений разума существует только три вида, т. е. столько же, сколько идей, к которым они приводят в результате. В умозаключениях **первого вида** я прихожу от трансцендентального понятия субъекта, не содержащего в себе никакого многообразия, к **398** абсолютному единству самого этого субъекта, о котором **я** [тем не менее] /не имею никакого понятия[1]. Это диалектическое умозаключение я буду называть трансцендентальным паралогизмом. **Второй** вид умствующих умозаключений приводит к трансцендентальному понятию абсолютной целостности ряда условий для данного явления вообще: при этом, исходя из того, что я всегда имею противоречащее самому себе понятие о безусловном синтетическом единстве с одной стороны ряда, я умозаключаю к правильности противоположного ему единства, о котором, однако, у меня также нет никакого понятия. Состояние разума в этих диалектических умозаключениях я буду называть антиномией чистого разума. Наконец, согласно **третьему** виду умствующих умозаключений, я умозаключаю от целостности условий для мышления о предметах во-

1) З – таким путем не могу иметь никакого понятия (auf diese Weise gar keinen Begriff habe)

обще, поскольку они могут быть даны мне, к абсолютному синтетическому единству всех условий возможности вещей вообще, т. е. от вещей, которых я согласно одному лишь трансцендентальному понятию их не знаю, к существу всех существ (ein Wesen aller Wesen), которое мне /при помощи трансцендентного[2] понятия еще менее известно и о безусловной необходимости которого я не могу составить себе никакого понятия. Это диалектическое умозаключение разума я буду называть и д е а л о м чистого разума.

2) С – по трансцендентальному
З – посредством трансцендентного
Г – посредством трансцендентального
(durch einen transzendenten)
(A[4], A[5] – transzendentalen)

399 *Второй книги трансцендентальной диалектики*

ПЕРВАЯ ГЛАВА

О паралогизмах чистого разума

Логический паралогизм есть ложное по форме умозаключение с каким угодно содержанием. Но трансцендентальный паралогизм имеет трансцендентальное основание для ложного по форме умозаключения. Следовательно, подобное ошибочное умозаключение имеет свое основание в природе человеческого разума и потому должно сопровождаться неизбежной, хотя и /не неразрешимой[1] иллюзией.

1) С – не неустранимою
З – не непреодолимую
(nicht unauflösliche)

Теперь мы приходим к понятию, которое не было упомянуто выше в общем перечне трансцендентальных понятий, но тем не менее должно быть причислено к ним, хотя таблица этих понятий нисколько не должна измениться вследствие этого и не должна быть признана неполной. Мы говорим здесь о понятии или, если угодно, о суждении: Я м ы с л ю. Не трудно заметить, что это суждение служит /опорой[2] для всех понятий вообще, также и для трансцендентальных; следовательно, оно всегда входит в состав их и потому также имеет трансцендентальный характер, но не может составлять особого /отдела[3], **400** так как служит лишь для того, чтобы представлять всякое мышление как принадлежащее к сознанию. Однако как бы оно ни было чисто от всего эмпирического (от впечатлений чувств), все же оно служит для того, чтобы различить два предмета /в природе[1] нашей способности представления. Я как мыслящее существо составляю предмет внутреннего чувства и называюсь душой, а то, что составляет предмет внешних чувств, называется телом. Поэтому термин: Я как мыслящее существо обозначает уже предмет психологии, которая может называться рациональной психологией,

2) С – пружиной
З – связующим средством
(Vehikel)

3) С – рубрики
З – обозначения
(Titel)

1) С – из природы
З – опираясь на природу
(aus der Natur)

если я задаюсь целью построить учение о душе только из того, что может быть выведено независимо от всякого опыта (определяющего меня более подробно и в конкретной форме) из одного лишь понятия Я, поскольку оно встречается во всяком мышлении.

Рациональная психология /есть в самом деле предприятие[2] такого рода, так как в том случае, если бы к числу оснований познания в этой науке примешивались хотя бы в малейшей степени эмпирические [элементы] моего мышления, напр., какое-нибудь частное восприятие моего внутреннего состояния, то это была бы уже не рациональная, а эмпирическая психология. Итак, перед нами есть уже одна мнимая наука, построенная на одном-единственном положении: Я мыслю; основательность или неосновательность ее вполне уместно исследовать здесь, и эта [задача] соответствует природе трансцендентальной философии. Не следует смущаться тем, что в этом положении, выражающем восприятие моего Я, я имею дело с внутренним опытом, и, следовательно, рациональная психология, **401** построенная на нем, по-видимому, не чиста, но основывается отчасти на эмпирическом принципе. В действительности это внутреннее восприятие есть не более, как простая апперцепция «Я мыслю», обусловливающая даже и все трансцендентальные понятия, которые выражаются следующим образом: Я мыслю субстанцию, причину и т. п. В самом деле, внутренний опыт вообще и его возможность или восприятие вообще и его отношение к другим восприятиям, если никакое частное различие между ними и определение их эмпирически не дано, должно быть рассматриваемо не как эмпирическое знание, а как знание об эмпирическом вообще, и потому относится к исследованию возможности всякого опыта, которое во всяком случае имеет трансцендентальный характер. Между тем всякий объект восприятия (напр., хотя бы лишь удовольствие или неудовольствие), который присоединился бы к общему представлению самосознания, тотчас же превратил бы рациональную психологию в эмпирическую.

Итак, Я мыслю есть единственное /положение[1] рациональной психологии, из которого она должна развить всю свою мудрость. Само собой разумеется, эта мысль, если она должна быть отнесена к предмету (/ко мне[2]), не может содержать ничего иного, кроме трансцендентальных предикатов предмета: в самом деле, малейший эмпирический предикат нарушил бы рациональную чистоту и независимость этой науки от всякого опыта.

2) С – действительно есть именно такая попытка
З – есть смелое предприятие (ist nun wirklich ein Unterfangen)

1) С – текст
З – ткань
(Text)

2) С, З – ко мне самому (mich selbst)

402 Мы будем следовать здесь прямо руководству категорий, но так как здесь на первом плане дана вещь, Я, как мыслящее существо, то мы начнем с категории субстанции, посредством которой представляется вещь в себе, и отсюда будем подвигаться назад в ряду категорий, не изменяя в остальных отношениях порядка категорий, данного выше в таблице их. Следовательно, топика рациональной психологии, из которой должно быть выведено все остальное, что может содержаться в этой науке, такова:

1) Душа есть субстанция (66),

2) по своему качеству простая,

3) в различные времена своего существования численно-тождественная, т. е. [представляющая собой] единство (а не множество),

4) [находящаяся] в отношении к возможным предметам в пространстве*.

403 Из этих элементов возникают все понятия чистой психологии исключительно путем комбинации их, без всякой примеси других принципов. Эта субстанция как предмет исключительно внутреннего чувства дает понятие нематериальности (Immaterialität); как простая субстанция, она приводит к понятию неразрушимости (Inkorruptibilität); тождество ее как интеллектуальной субстанции дает [понятие] личности (Personalität); все эти три предиката вместе образуют [понятие] духовности (Spiritualität); отношение к предметам в пространстве дает [понятие] взаимодействия (Kommerzium) с телами; следовательно, чистая психология представляет мыслящую субстанцию как принцип жизни в материи, т. е. как душу (anima) и как основание одушевленности (Animalität); в свою очередь

* Из этих выражений, взятых в их трансцендентальной отвлеченности, нелегко усмотреть психологический смысл их и угадать, почему последний атрибут души принадлежит к категории существования; читатель найдет в дальнейшем исследовании достаточное объяснение и оправдание этого. Что же касается латинских терминов, употребляемых мной как в этом отделе, так и во всем сочинении в ущерб требованиям хорошего стиля взамен слов родного языка, имеющих одинаковое значение, я должен заметить в свое оправдание, что предпочитаю нарушить несколько изящество (Zierlichkeit) языка, чем /затруднить какой-либо малейшею неточностью школьное изложение философской мысли[1].

1) С – чем сколько-нибудь в виду некоторой непонятности затруднить школьное употребление своей книги
3 – чем оставить хоть что-нибудь
непонятным и тем самым затруднить систематическое изложение
(als den Schulgebrauch durch die mindeste Unverständlichkeit erschweren wollen)

одушевленность, поскольку она ограничивается духовностью, дает [понятие] бессмертия (Immortalität).

Сюда относятся четыре паралогизма трансцендентального учения о душе, которое ошибочно принимается за науку чистого разума о природе нашей мыслящей сущности. Между тем в основу этой науки мы не можем положить **404** ничего, кроме простого и самого по себе по содержанию совершенно пустого представления Я, которое нельзя даже назвать понятием, так как оно есть лишь сопровождающее все понятия сознание. Посредством этого Я, или Он, или Оно (вещь), которое мыслит, представляется не что иное, как трансцендентальный субъект всякой мысли = *x*, субъект, который познается только посредством мыслей, являющихся предикатами его, и о котором мы, отвлекшись от этих предикатов, не можем иметь ни малейшего понятия; поэтому мы постоянно вращаемся здесь в кругу, так как должны уже пользоваться /представлением Я[1], чтобы высказать какое бы то ни было суждение о нем; /этот недостаток неизбежен[2], так как сознание само по себе есть не столько представление, обозначающее особый объект, сколько форма представления вообще, поскольку оно должно называться знанием; в самом деле, только о знании (von der [eine Form]) можно сказать, что посредством его (dadurch) мы мыслим какой-либо предмет.

На первый взгляд может показаться странным, что условие, под которым я вообще мыслю и которое, следовательно, составляет лишь свойство моего субъекта, должно также иметь значение для всего, что мыслит, так что мы выражаем притязание обосновать на положении, имеющем, по-видимому, эмпирический характер, аподиктическое и всеобщее суждение, именно утверждение, что все мыслящее обладает таким же свойством, какое по свидетельству моего самосознания принадлежит мне. Причина этого лежит, **405** однако, в том, что мы необходимо должны a priori приписывать вещам все свойства, принадлежащие к числу тех условий, под которыми исключительно мы способны мыслить вещь. О мыслящем существе я могу иметь представление только путем самосознания, но никоим образом не путем внешнего опыта. Поэтому такие объекты суть не что иное, как перенесение моего сознания на другие вещи, которые лишь благодаря такому перенесению представляются мной как мыслящие существа. Положение: Я мыслю, берется, однако, в этом случае лишь в проблематическом смысле, не как восприятие существующей вещи

1) З – представлением о нем (seiner Vorstellung)

2) С – это неудобство от него неотделимо
З – затруднение, неразрывно связанное со всем этим
(eine Unbequemlichkeit, die davon nicht zu trennen ist)

(картезианское cogito ergo sum), а как нечто лишь возможное, с целью посмотреть, какие свойства могут быть приписываемы на основании этого столь простого положения субъекту его (все равно, существует ли он или нет).

Если бы в основе чистого познания разума о мыслящих существах вообще лежало что-либо еще, кроме cogito (Я мыслю), если бы мы прибегли к наблюдениям над сменой наших мыслей и к выводимым отсюда естественным законам мыслящей сущности, то в результате получилась бы эмпирическая психология, которая была бы своего рода физиологией внутреннего чувства и, быть может, могла бы объяснить явления его, но никогда не могла бы открыть такие свойства, которые не входят в сферу возможного опыта **406** (как, напр., простота), и не могла бы установить аподиктических суждений о природе мыслящих существ вообще; иными словами, это была бы не рациональная психология.

Так как положение «Я мыслю» (взятое в проблематическом смысле) содержит в себе форму всякого суждения рассудка вообще и сопровождает все категории, служа опорой для них (als ihr Vehikel), то, очевидно, все умозаключения из этого положения могут содержать в себе только трансцендентальное применение рассудка, которое исключает всякую примесь опыта, и о результатах которого мы уже /наперед можем составить невыгодное[1)] понятие на основании того, что было указано нами выше. Мы проследим их критическим взором, исследуя все предикаменты чистого учения о душе[43], [но ради краткости]

1) С – не можем иметь выгодное
З – не можем составить подходящее
(keinen vorteilhaften... machen können)

[43] Все последующее изложение и критика паралогизмов чистого разума, до конца главы, совершенно переработаны во 2 изд. Текст 1 изд. таков:

[Текст 2 изд. продолжается на с. 340.]

Первый паралогизм — субстанциальности

То, представление о чем есть абсолютный субъект наших суждений и потому не может быть употребляемо как определение другой вещи, есть **субстанция**.

Я, как мыслящее существо, составляю абсолютный субъект всех своих возможных суждений, и это представление обо мне (von mir selbst) не может быть употребляемо как предикат какой-либо другой вещи. Следовательно, я, как мыслящее существо (душа), – **субстанция**.

Критика первого паралогизма чистой психологии.

В аналитической части трансцендентальной логики мы показали, что чистые категории (/между прочим[1)] также и категория субстанции) сами по себе не имеют никакого объективного значения, если под них не подставлено наглядное представление, к многообразию **А 349** которого они могут быть применены как функции синтетического единства. Вне этого условия они суть лишь функ-

1) С – в их числе
З – среди них
(und unter diesen)

ции суждения, лишенные содержания. О всякой вещи вообще я могу сказать, что она есть субстанция, поскольку я отличаю ее /от того, что составляет только предикат и определение ее[1]. И в нашем мышлении Я действительно есть субъект, которому мысли принадлежат только как определения /и который не может быть рассматриваем[2] как определение какой-либо другой вещи. Следовательно, всякий необходимо должен рассматривать самого себя как субстанцию, а мышление – только как акциденцию своего существования и как определение своего состояния.

1) З – от предикатов и определений вещей (von bloβen Prädikaten und Bestimmungen der Dinge unterscheide)

2) З – и это Я не может быть применимо (und dieses Ich kann nicht... gebraucht werden)

Но какое употребление могу я сделать из этого понятия субстанции? Я не имею никакого права умозаключать из него, что я всегда существую (fortdauere) для себя как мыслящее существо и не возникаю, а также не исчезаю естественным путем; между тем понятие субстанциальности моего мыслящего субъекта могло бы быть полезно мне только для этого умозаключения, во всех же других отношениях я превосходно мог бы обойтись и без него.

Выводить эти свойства из одной лишь чистой категории субстанции нет никакого основания: скорее наоборот, если мы хотим применить к данному предмету эмпирически пригодное понятие субстанциальности (Substanz), мы должны сперва на основании опыта усмотреть устойчивость предмета. Между тем, что касается исследуемого положения, мы не опираемся А 350 ни на какой опыт, а умозаключаем исключительно лишь из понятия отношения всякого мышления к Я как общему субъекту, которому мышление принадлежит. Устойчивость этого субъекта мы не могли бы доказать надежными наблюдениями, даже если бы и задались этою целью. В самом деле, хотя Я и находится во всяком мышлении, тем не менее /оно[1] не связано ни с каким наглядным представлением, которое отличало бы его от других предметов наглядного представления. Поэтому, хотя мы и воспринимаем, что /представление[2] [Я] сопутствует всякому мышлению, мы не замечаем, однако, чтобы оно было устойчивым и постоянным наглядным представлением, в котором мысли сменяются (как изменчивые (wandelbar)).

1) С, З – с этим представлением (mit dieser Vorstellung)

2) С, З – это представление (diese Vorstellung)

Отсюда следует, что первое умозаключение разума в трансцендентальной психологии навязывает нам мнимое знание: оно выдает нам постоянный логический субъект мышления /за знание о реальном субъекте, которому принадлежит мышление[3], между тем как об этом субъекте мы не имеем и не можем иметь никакого знания; в самом деле, сознание есть то единственное условие, благодаря которому все представления становятся мыслями; поэтому все наши восприятия должны находиться в нем как в трансцендентальном субъекте, и, кроме этого логического значения Я, мы не имеем никакого знания о субъекте самом по себе, который служит субстратом как этого [трансцендентального] субъекта, так и всякой мысли. Впрочем, положение «душа есть субстанция» может быть принято, если только мы признаем, что это понятие вовсе не продвигает нас вперед и не дает никаких оснований для обычных умозаключений А 351 умствующей психологии, напр., для учения /о сохранении души[1] среди всех ее изменений и даже после смерти человека, иными словами, если мы признаем, что это лишь субстанция в идее, а не в реальности.

3) С – за познание реального субъекта ингеренции
З – за знание о реальном субъекте присущности
(für die Erkenntnis des realen Subjekts der Inhärenz)

1) С – ее постоянное существование
(immerwährende Dauer derselben)

Второй паралогизм — простоты (Simplizität)

Та вещь, деятельность которой никоим образом не может быть рассматриваема как /результат соединения[2] многих действующих вещей, **проста**.

2) С – совместное действие
З – схождение
(Konkurrenz)

Душа, или мыслящее Я, есть именно такая [вещь]. Следовательно, и т. д.

Критика второго паралогизма трансцендентальной психологии

/Это сильнейшее из всех[3)] диалектических умозаключений рациональной психологии, а не простая софистическая игра, выдуманная догматиками, чтобы придать поверхностную видимость [истины] своим утверждениям: это умозаключение способно, по-видимому, выдержать самую острую критику (Prüfung) и устоять против самых глубоких сомнений исследователя. Оно заключается в следующем.

3) С, В – Это Ахиллес всех (Dies ist der Achilles aller)

Всякая с л о ж н а я субстанция есть агрегат многих субстанций, и деятельность сложной субстанции или то, что принадлежит ей как таковой, есть агрегат многих действий или акциденций, распределенных между многими субстанциями. Но действие, возникающее из соединения **A 352** многих действующих субстанций, возможно лишь в том случае, если оно имеет чисто внешний характер (как, напр., движение тела есть соединенное движение всех его частей). Совершенно иной характер имеют мысли как акциденции, внутренне принадлежащие мыслящему существу. В самом деле, /если бы мышление принадлежало сложной вещи[1)], то каждая часть вещи содержала бы в себе часть мысли, и только все части вещи вместе содержали бы в себе целую мысль. Между тем это противоречиво. Представления, принадлежащие различным существам (Wesen) (напр., отдельные слова стиха), никогда не составляют цельной мысли (целого стиха): поэтому сложной [вещи], как таковой, мысль не может принадлежать. Следовательно, мысль возможна только в е д и н о й (in einer) субстанции, не представляющей собой агрегат многих субстанций, т. е. в абсолютно простой [субстанции]*.

1) З – если предположить, что составное мыслит (Denn setzet, das Zusammengesetze dächte)

/Nervus probandi[3)] этого доказательства заключается в утверждении, что многие представления должны находиться в абсолютном единстве мыслящего субъекта, если они составляют одну мысль. Но это положение не может быть доказано и з п о н я т и й. В самом деле, каким образом можно было бы достигнуть этого? **A 353** Утверждение, что мысль может быть только актом абсолютного единства мыслящего существа, не может быть рассматриваемо как аналитическое. Единство мысли, состоящей из многих представлений, имеет коллективный характер (ist kollektiv), и потому с точки зрения одних лишь понятий оно может принадлежать как коллективному единству действующих сообща субстанций (подобно тому как движение тела есть соединенное движение всех частей его), так и абсолютному единству субъекта. Следовательно, на основании принципа тождества нельзя усмотреть необходимости предположения простой субстанции как [носителя] (bei einem) сложной мысли. Но, с другой стороны, утверждать, что это положение познается синтетически и вполне a priori из одних лишь понятий, не решится тот, кто усмотрел основания возможности априорных синтетических суждений, как мы изложили их выше.

3) С, З, В – Так называемый nervus probandi (Der so genannte nervus probandi)

Наконец, это необходимое единство субъекта как условие возможности всякой мысли не может быть также выведено из опыта. Опыт никогда не дает знания, имеющего характер необходимости, не говоря уже о том, что понятие абсолютного единства далеко выходит за его сферу. Итак, откуда же мы берем это положение, на котором основывается все психологическое умозаключение разума?

Когда мы желаем представить себе мыслящее существо, мы должны очевидно поставить себя на его место и таким образом заменить исследуемый объект своим собственным субъектом (чего не бывает ни в каком другом случае исследования); **A 354** очевидно также, что мы требуем абсолютного единства субъекта для мысли только потому, что в противном случае нельзя было бы ска-

* Не трудно облечь это доказательство /в обыкновенную школьную форму[2)], но для моей цели достаточно изложить лишь основание его, хотя бы и в популярной форме.

2) С, З – в обычную для учености форму (die gewöhnliche schulgerechte Abgemessenheit der Einkleidung zu geben)

зать: я мыслю (многообразие в одном представлении). В самом деле, если бы даже /целое мысли[1] и могло быть разделено и распределено между многими субъектами, все же субъективное Я не могло бы быть разделено и распределено, а это субъективное Я именно и предполагается нами во всяком мышлении.

1) С – целое в мысли
З – мысль как целое
(Das Ganze des Gedankens)

Отсюда следует (Also bleibt), что и в этом, как и в предыдущем, паралогизме основание, благодаря которому рациональная психология отваживается расширить свои знания, заключается в формальном положении апперцепции: я мыслю. Это положение /действительно не заимствовано из опыта[2], но представляет собой форму апперцепции, которая принадлежит всякому опыту и предшествует ему; однако в отношении к возможному познанию вообще оно должно быть рассматриваемо всегда только как чисто субъективное условие его, и мы не имеем никакого права превращать его в условие возможности познания предметов, именно в понятие о мыслящем существе вообще, на том лишь основании (weil), что мы можем представить себе [мыслящее существо] (dieses) /не иначе, как поставив на его место себя[3] вместе с формулой своего сознания.

2) С, З – конечно, не есть опыт
(freilich keine Erfahrung ist)

3) С – не ставя себя... на место каждого другого интеллигентного существа
(ohne uns selbst... an die Stelle jedes anderen intelligenten Wesens zu setzen)

Простота моего существа (meiner selbst) (как души) вовсе даже (auch wirklich) и не выводится из положения «Я мыслю», а содержится уже в каждой мысли. Положение «Я – [существо] простое» (Ich bin einfach) A 355 должно рассматриваться как непосредственное выражение апперцепции, подобно тому как мнимое картезианское умозаключение cogito, ergo sum [(Я мыслю, следовательно, Я существую)] на самом деле есть тавтология, так как cogito (sum cogitans), [(Я есть мыслящий)] непосредственно выражает действительность. [Положение] «Я – [существо] простое» означает лишь, что представление Я не содержит в себе никакого многообразия и составляет абсолютное (хотя только логическое) единство.

Таким образом, это знаменитое психологическое доказательство основывается исключительно лишь на неделимом единстве представления, которое [только] управляет /глаголом в единственном числе[1]. Но очевидно, /что субъект, которому принадлежит мышление, обозначается посредством Я, сопутствующего всякой мысли, только трансцендентально, так что мы не воспринимаем никаких свойств его и вообще ничего не знаем о нем и не представляем его[2]. Этот субъект обозначает нечто вообще (трансцендентальный субъект), представление о чем во всяком случае должно быть простым именно потому, что оно вовсе не определено, да и вообще ничего нельзя представить себе более простого, чем понятие только о каком-то нечто. Однако простота представления о субъекте вовсе еще не есть знание о простоте самого субъекта, так как мы совершенно отвлекаемся от свойств его, когда обозначаем его только посредством термина Я (который можно применить ко всякому мыслящему субъекту), не имеющего никакого содержания.

1) С – глаголом по отношению к лицу
З – лишь глаголом в единственном числе
(nur das Verbum in Ansehung einer Person)

2) С – что субъект ингеренции посредством Я, присущего мысли, отмечается лишь трансцендентально и этим еще не определяется в нем никакого свойства и здесь мы ничего вообще о нем знать не можем
З – что посредством Я, причастного ко всякой мысли, субъект присущности обозначается только трансцендентально, так что мы не замечаем никаких свойств его, вообще ничего не знаем о нем и не понимаем его
(daß das Subjekt der Inhärenz durch das dem Gedanken angehängte Ich nur transzendental bezeichnet werde, ohne die mindeste Eigenschaft desselben zu bemerken, oder überhaupt etwas von ihm zu kennen oder zu wissen)

A 356 Достоверно во всяком случае то, что посредством Я /мы представляем всегда[1] абсолютное, хотя только логическое, единство субъекта (простоту), но это не значит, что мы таким образом познаем действительную простоту своего субъекта. Мы знаем уже, что суждение «Я – субстанция» означает лишь чистую категорию, из которой я не могу сделать никакого конкретного (эмпирического) применения. Точно таким же образом я могу, правда, сказать, что «Я – простая субстанция», т. е. такая субстанция, представление которой не содержит в себе никакого синтеза многообразия, однако это понятие или это суждение не дает никакого знания обо мне как о предмете опыта, так как понятие субстанции употреблено в нем лишь как функция синтеза, без соответствующего наглядного представления, следовательно, без объекта, /и означает

1) С – я всегда мыслю
(ich... jederzeit... gedenke)

только условие нашего знания, но не какой-либо предмет, который мог бы быть дан[2]. Мнимую применимость этого положения мы попробуем испытать на деле.

Нельзя не признать, что утверждение /простоты[3] души имеет какую бы то ни было цену лишь постольку, поскольку я посредством его могу отличить этот субъект от всякой материи и, следовательно, выделить его из той бренности (Hinfälligkeit), которой всегда подвержена материя. Приведенное выше положение предназначается именно для этого применения, и потому оно нередко выражается следующим образом: душа не телесна. Я покажу теперь, что если бы даже этому **A 357** основному положению рациональной психологии в его чистом значении суждения разума (из чистых категорий) мы и приписали /объективный[1] характер (все, что мыслит, есть простая субстанция), все же из него нельзя было бы сделать никакого применения для решения вопроса о разнородности или сродстве между материей и этой субстанцией; а это в свою очередь равносильно тому, как если бы я отнес эту мнимую /истину[2] в область одних лишь идей, которым недостает реальности объективного применения.

В трансцендентальной эстетике мы неопровержимо доказали, что тела суть только явления [для] нашего внешнего чувства, а не вещи в себе. Ввиду этого мы имеем право утверждать, что наш мыслящий субъект не телесен; в самом деле, так как он представляется нами как предмет внутреннего чувства, то, поскольку он мыслит, он не может быть предметом внешних чувств, т. е. не может быть явлением в пространстве. Это значит, что среди внешних явлений нам никогда не могут встречаться мыслящие существа как таковые, т. е. мы не можем иметь внешних наглядных представлений об их мыслях, сознании, страстях и т. п., так как все это относится к области внутреннего чувства. Этот аргумент действительно кажется естественным и популярным; по-видимому, он всегда пользовался одобрением даже и самого обыденного **A 358** рассудка /и давно уже послужил поводом к тому, чтобы рассматривать[1] душу как сущность, во всех отношениях отличающуюся от тел.

Протяженность, непроницаемость, сложность и движение, короче, все, что только может быть дано нам посредством внешних чувств, действительно не могут быть мыслью, чувствованием (Gefühl), склонностью или решением и не могут содержать в себе этих свойств, так как они вовсе не суть предметы внешнего наглядного представления; однако то нечто, которое лежит в основе внешних явлений и аффицирует наши чувства так, что они получают представления пространства, материи, формы и т. п., могло бы, если рассматривать его как ноумен (или, лучше, как трансцендентальный предмет), быть в то же время субъектом мыслей, хотя оно и аффицирует наши внешние чувства таким способом, что мы получаем только наглядное представление пространства и его определений, а вовсе не воспринимаем воли, представлений и т. п. Во всяком случае (aber) это нечто не протяженно, не непроницаемо, не сложно, так как все эти предикаты относятся только к чувственности и ее наглядным представлениям, поскольку мы подвергаемся аффицированию со стороны таких (во всех остальных отношениях (übrigens) неизвестных нам) объектов. Но эти выражения /вовсе не определяют, какими свойствами обладает этот предмет[2], а [указывают] лишь на то, /что если он рассматривается сам по себе, без отношения к внешним чувствам[3], **A 359** то эти /предикаты[1] не могут быть приписываемы ему. Наоборот, предикаты внутреннего чувства, представления и мышления, не противоречат ему. /Следовательно, даже и допуская простоту природы человеческой души, мы на основании этого признака не отличим в достаточной степени душу от материи или, точнее, от

2) З – и значимо только для условия нашего знания, но не для какого-либо предмета, который мог бы быть указан (und nur von der Bedingung unserer Erkenntnis, aber nicht von irgendeinem anzugebenden Gegenstande gilt)

3) С, З – простой природы (einfacher Natur)

1) З – всю объективную значимость (alle objektive Gültigkeit)

2) С – психологическое предположение
З – психологическое постижение (psychologische Einsicht)

1) З – который давно уже стал рассматривать (und dadurch schon sehr früh... zu betrachten angefangen hat)

2) С – еще не указывают нам того, что такое предмет
З – указывают не на то, каков этот предмет (geben gar nicht zu erkennen, was für ein Gegenstand es sei)

3) С – что к нему как такому, когда его рассматривают в себе, без отношения к внешним чувствам (daß ihm als einem solchen, der ohne Beziehung auf äußere Sinne an sich selbst betrachtet wird)

1) С, З – предикаты внешних явлений (Prädikate äußerer Erscheinungen)

субстрата материи, если рассматривать материю (как и следует) только как явление[2].

Если бы материя была вещью в себе, то как сущность сложная, она глубоко (ganz und gar) отличалась бы от души как сущности простой. Но [в действительности] материя есть только внешнее явление, субстрат которого /не может быть определен никакими доступными наблюдению предикатами[3]; следовательно, я могу предполагать о нем, что он сам по себе прост, несмотря на то что тот способ, каким он аффицирует наши чувства, приводит к возникновению в нас наглядного представления протяженности и, следовательно, сложности; таким образом, я могу допустить, что субстанция, которой в отношении к нашему внешнему чувству принадлежит протяженность, сама по себе обладает мыслями и может сознательно представлять их себе посредством своего собственного внутреннего чувства. Следовательно, то самое, что в одном отношении называется телом (körperlich), в другом отношении могло бы быть в то же время мыслящим существом, мысли которого не могут быть, правда, наглядно представлены нами, хотя все же /признаки[4] их могут быть наблюдаемы в явлении. В таком случае следовало бы отказаться от положения, что только души (как особый вид субстанций) мыслят, и вернуться к обычному утверждению, что люди мыслят, **А 360** т. е. то самое существо, которое как внешнее явление имеет протяженный характер, с внутренней [стороны] (само по себе), быть может, есть субъект не сложный, а простой и мыслящий.

Впрочем, не пускаясь в область таких гипотез, можно заметить вообще, что если я разумею под душой мыслящее существо само по себе, то вопрос, однородны ли или нет душа и материя (которая вовсе не есть вещь в себе, а только один из видов представлений в нас), уже сам по себе нелеп: само собой разумеется, что вещь в себе имеет иную природу, чем определения, составляющие только ее состояние.

Если же мы станем сравнивать мыслящее Я не с материей, а с той умопостигаемой сущностью (Intelligibelen), которая лежит в основе внешнего явления, называемого нами материей, то в этом случае, так как мы ничего не знаем об этой умопостигаемой сущности, мы не можем также сказать и того, что душа внутренне отличается от нее чем-либо.

Таким образом, простота сознания не дает никакого знания о простоте природы нашего субъекта, поскольку он должен быть посредством этого [признака] отличен от материи как сложной сущности.

Но если это понятие даже и в том единственном случае, когда оно могло бы быть полезным, именно при сравнении моего Я с предметами внешнего опыта, не пригодно для того, чтобы определить своеобразные и отличительные черты /моего Я[1], то в таком случае, сколько бы я ни продолжал настаивать на своем знании, что мыслящее Я, т. е. душа **А 361** (название для трансцендентального предмета внутреннего чувства) проста, это утверждение все же не приобретает вследствие этого никакого применения, распространяющегося на действительные предметы и потому нисколько не может расширить нашего знания.

Таким образом, падает вся рациональная психология вместе с ее главной опорой, и мы не можем здесь, как и вообще в каком бы то ни было случае, надеяться расширить свои знания посредством одних лишь понятий (а тем менее посредством одной лишь субъективной формы всех наших понятий, именно посредством сознания), без отношения к возможному опыту, тем более, что основное понятие п р о с т о й природы /нигде не может быть найдено в опыте[1], а потому нет путей, которые приводили бы к нему как к понятию, имеющему объективное значение.

Третий паралогизм – /личности[2]

То, что сознает /свое численное тождество[3] в различные времена, есть ввиду этого личность (Person).

Душа сознает и т.д.

Следовательно, душа есть личность.

2) З – Следовательно, даже при допущении простоты природы мы не можем, рассматривая материю (как это и следует) только как явление, в достаточной степени отличить от нее человеческую душу, если иметь в виду субстрат материи (Demnach ist selbst durch die eingeräumte Einfachheit der Natur die menschliche Seele von der Materie, wenn man sie (wie man soll) bloß als Erscheinung betrachtet, in Ansehung des Substrati derselben gar nicht hinreichend unterschieden)

3) З – нельзя познать никакими данными предикатами (durch gar keine anzugebende Prädikate erkannt wird)

4) С – следы
З – знаки
(Zeichen)

1) З – моей природы
(seiner Natur)

1) З – таково, что его вообще нет в опыте
(won der Art ist, daβ er überall in keiner Erfahrung angetroffen werden kann)

2) Г – личностности
(Personalität)

3) С – количественное единство себя самого
(numerischen Identität seiner selbst)

Критика третьего паралогизма трансцендентальной психологии

Если я хочу познать посредством опыта численное тождество внешнего предмета, A 362 то я должен обратить внимание на устойчивую сторону явления, к которой как к субъекту относится все прочее как определение, и заметить тождество этой стороны явления в то время, как все остальное в нем меняется. Но я составляю предмет внутреннего чувства, и всякое время есть только форма внутреннего чувства. Следовательно, всякое последовательное определение своей души я отношу к численно тождественному Я во всяком времени, т. е. в форме внутреннего наглядного представления обо мне. Ввиду этого (Auf diesen Fuβ) мысль о том, что /душа есть личность[1)], должна была бы рассматриваться не как полученная путем вывода, а как вполне тождественное суждение самосознания во времени, и в этом причина того, что оно имеет значение a priori. В самом деле, смысл этого положения сводится, собственно, лишь к тому, что во все время, когда я сознаю себя, я сознаю это время как принадлежащее к единству моего Я (meines Selbst), и совершенно все равно, скажу ли я, что все это время находится во мне как индивидуальном единстве или что я со [своим] численным тождеством нахожусь во всем этом времени.

1) С – личность души
З – индивидуальная природа души
(die Persönlichkeit der Seele)

Следовательно, тождество личности неизбежно должно быть присущим моему сознанию. Но если я исследую себя с точки зрения другого [лица] (как предмет его внешнего наглядного представления), [я нахожу, что впервые] этот посторонний наблюдатель рассматривает м е н я /во в р е м е н и[2)], между тем как в апперцепции в р е м я собственно только представляется во мне. Следовательно, хотя бы он и допускал, что Я сопровождает в моем сознании все представления во всякое время, A 363 сохраняя при этом полное тождество, все же он не может отсюда вывести объективной устойчивости /моей души[1)]. В самом деле, в данном случае время, в котором помещает меня этот наблюдатель, тождественно не с временем моей чувственности, а с временем чувственности самого наблюдателя; следовательно, тождество, необходимо связанное с моим сознанием, не связано еще вследствие этого с сознанием наблюдателя, т. е. с внешним наглядным представлением о моем субъекте.

2) С, З – только во времени
(allererst in der Zeit)

1) С, З – меня самого
(meiner selbst)

Следовательно, /тождество моего сознания[2)] в различные времена есть только формальное условие моих мыслей и связи между ними, но оно вовсе не доказывает численного тождества моего субъекта, так как в нем, несмотря на логическое тождество Я, тем не менее могут происходить изменения, делающие невозможным сохранение его тождества, хотя мы по-прежнему называем его одним и тем же Я, которое /при всех новых[3)] состояниях, даже и при перемене субъекта, несмотря на это, могло бы сохранять мысли предыдущего субъекта и передавать их новому [субъекту] (folgenden)*.

2) С – тождество самосознания
З – тождество сознания меня самого
(die Identität des Bewuβtseins meiner selbst)

3) З – во всех других
(in jedem anderen)

A 364 Допуская существование субстанций, /нельзя соглашаться с[3)] утверждением некоторых древних школ, что все т е ч е т и в мире нет ничего у с т о й ч и в о г о и пребывающего; однако единством самосознания это утверждение их не опровергается. В самом деле, на основании своего сознания мы сами не можем судить о том, /обладает ли наша душа устойчивостью или нет[4)], так

3) С – не может иметь места
(nicht stattfinden kann)
4) С, З – постоянны ли мы как душа или нет
(ob wir als Seele beharrlich sind oder nicht)

* Упругий шар, сообщающий толчок другому такому же шару по прямой линии, передает ему все свое движение, следовательно, все свое состояние (если иметь в виду только положения в пространстве). Допустим теперь по аналогии с такими телами, что существуют субстанции, из которых одна могла бы передавать другой представления вместе с сознанием о них; A 364 тогда можно представить (denken) себе целый ряд субстанций, из которых первая передает второй свое состояние вместе с сознанием о нем, вторая передает третьей все свое состояние вместе с состоянием предыдущей субстанции /и т. д.][1)]. [В таком случае] последняя субстанция сознавала бы все состояния сменившихся до нее субстанций как свои собственные, так как они были перенесены в нее вместе с сознанием, но, несмотря на это, она /не была[2)] одной и той же личностью во всех этих состояниях.

1) З – а эта третья точно также передает состояние всех предыдущих субстанций вместе со своим собственным [состоянием] и их сознанием
(und diese ebenso die Zustände aller vorigen sammt ihrem eigenen und deren Bewuβtsein mitteilte)
2) С – не была бы
(würde... nicht... gewesen sein)

как к своему тождественному Я мы причисляем лишь то, что находится в нашем сознании, и потому, само собой разумеется, мы необходимо должны судить, что в течение всего времени, которое мы сознаем, мы тождественны (ebendieselbe sind). Между тем, с точки зрения постороннего [наблюдателя], это положение еще не может быть признано имеющим значение, так как, не находя в душе никакого устойчивого явления, кроме представления Я, сопровождающего все представления и связывающего их, мы никак не можем установить, /не находится ли это Я (простая мысль) в таком же процессе изменения[5], как и все остальные мысли, /связываемые им друг с другом[6].

А 365 /Замечательно, что личность и предполагаемая ею устойчивость, т. е. субстанциальность души, впервые теперь[1] должны быть доказаны. В самом деле, если бы мы могли предположить субстанциальность души, то отсюда, правда, еще не вытекала бы непрерывность (Fortdauer) сознания, однако все же отсюда следовала бы возможность непрерывного (fortwährenden) сознания в сохраняющемся субъекте, а этого уже достаточно для существования личности, так как личность в случае, если ее деятельность на некоторое время прерывается, еще не исчезает вследствие этого. /Но эта устойчивость души не дана нам ни в какой форме, кроме численного тождества нашего Я, выводимого нами из тождества апперцепции; впервые из этого численного тождества мы умозаключаем об устойчивости души (и лишь за этим понятием, если бы мы шли правильным путем, должно следовать эмпирически пригодное понятие субстанции)[2]. А так как из тождества Я в процессе сознания всего того времени, в котором я познаю себя, вовсе не вытекает тождество личности, то понятно, что на этом [тождестве Я] нельзя было обосновывать выше и субстанциальности души.

Подобно понятиям субстанциальности и простоты, понятие личности все же может быть сохранено (поскольку оно имеет лишь трансцендентальный характер, т. е. обозначает единство субъекта, который остается совершенно неизвестным, но в определениях которого существует непрерывная связь в форме (durch) апперцепции); в этом смысле понятие личности представляется необходимым и достаточным для практического применения, **А 366** но мы никоим образом не можем хвалиться им как расширением нашего самопознания посредством чистого разума, который обманывает нас надеждой, будто мы можем вывести непрерывное сохранение субъекта из одного лишь понятия тождественного Я; между тем это понятие заставляет нас вертеться в кругу и не подвигает вперед ни в одном вопросе, требующем синтетического знания. Правда, /хотя мы и не знаем[1], что такое материя как вещь в себе (трансцендентальный объект), все же мы можем наблюдать устойчивость ее как явления благодаря тому, что она представляется нам как нечто внешнее. Но когда я хочу наблюдать чистое Я среди смены всех представлений, я не имею /никакого[2] коррелята для своих сравнений, кроме опять-таки самого моего Я с общими условиями моего сознания, и потому на все вопросы я не могу дать иных ответов, кроме тавтологий, /состоящих в том, что на место свойств, принадлежащих моему Я как объекту, я подставляю свое понятие и его единство и предполагаю то, что требовалось узнать[3].

Четвертый паралогизм – идеальности (/внешних отношений[4])

То, о существовании чего можно [лишь] умозаключать, как о причине (nur als einer Ursache) данных восприятий, имеет лишь сомнительное существование.

А 367 Все внешние явления имеют такой характер, так как (sind... von der Art, daß) их бытие не воспринимается непосредствен-

---

5) З – меняется ли это Я (одна лишь мысль)
(ob dieses Ich (ein bloßer Gedanke) nicht ebensowohl fließe, als)

6) С – которые этим путем сцепляются вместе
(die dadurch aneinander gekettet werden)

1) З – Примечательно, однако, что личность и ее предпосылка – постоянность, стало быть субстанциальность души, только теперь
(Es ist aber merkwürdig, daß die Persönlichkeit und deren Voraussetzung, die Beharrlichkeit, mithin die Substantialität der Seele jetzt allererst)

2) З – Но эта постоянность нам не дана до численного тождества нас самих, выводимого нами из тождественной апперцепции: только из этого численного тождества мы заключаем [о постоянности души] (и лишь за этим тождеством, если бы мы шли правильным путем, должно следовать понятие субстанции, применяемое только эмпирически)
(Aber diese Beharrlichkeit ist uns vor der numerischen Identität unserer selbst, die wir aus der identischen Apperzeption folgern, durch nichts gegeben, sondern wird daraus allererst gefolgert (und auf diese müßte, wenn es recht zuginge, allererst der Begriff der Substanz folgen, der allein empirisch brauchbar ist)

1) С – нам совершенно неизвестно
(ist uns zwar gänzlich unbekannt)

2) С, З – никакого другого
(kein anders)

3) З – а именно, свойства присущие мне самому как объекту, я подменяю понятием о себе и его единством и допускаю то, что требовалось узнать
(indem ich nämlich meinen Begriff und dessen Einheit den Eigenschaften, die mir selbst als Objekt zukommen, unterschiebe und das voraussetze was, man zu wissen verlangte)

4) С, З, В – внешнего отношения
(des äußeren Verhältnisses)

но, /а устанавливается лишь путем умозаключения как причина[1]) данных восприятий.

Следовательно, существование всех предметов внешних чувств сомнительно. Эту недостоверность я называю идеальностью внешних явлений, а учение об этой идеальности называется и д е а л и з м о м; в сравнении с ним утверждение возможной достоверности предметов внешних чувств называется д у а л и з м о м.

1) З – а заключают о них только как о причине... (sondern auf sie als die Ursache... allein geschloβen werden kann)

Критика четвертого паралогизма трансцендентальной психологии

Прежде всего мы подвергнем исследованию посылки. Мы имеем полное право утверждать, что непосредственно может быть воспринято только то, что находится в нас самих, и что только мое собственное существование может быть предметом /непосредственного[2]) восприятия. Следовательно, бытие действительного предмета вне меня (/если понимать под этим выражением ноумен[3])) никогда не может быть дано прямо в восприятии, но может быть только присоединяемо мыслью (hinzugedacht), или умозаключаемо, как внешняя причина в дополнение к восприятию, составляющему модификацию внутреннего чувства. Поэтому Д е к а р т совершенно правильно ограничивал всякое восприятие в тесном смысле слова одним лишь положением я (как мыслящее существо) A 368 есть. В самом деле, так как /внешний [мир][1]) не находится во мне, то очевидно он не может встретиться в моей апперцепции, а следовательно, и в моих восприятиях, которые, собственно, представляют собой лишь определение апперцепции.

2) С, В – простого (einer bloβen)

3) С, З – если это слово берется в интеллектуальном значении (wenn dises Wort in intellektueller Bedeutung genommen wird)

1) З – внешнее (das Äuβere)

Итак, я не могу воспринимать внешние вещи, но могу только умозаключать об их существовании на основании своих внутренних восприятий, рассматривая последние как действия, ближайшей причиной которых служат /какие-либо внешние вещи[2]). Но умозаключение от данного действия к определенной причине никогда не бывает достоверным, так как одно и то же действие может производиться различными причинами. Поэтому в вопросе об отношении восприятия к его причине всегда остается сомнительным, /находится ли эта причина внутри или вне меня[3]), т. е. представляют ли собой все так называемые внешние восприятия только игру нашего внутреннего чувства или они имеют отношение к внешним действительным предметам как своей причине. Во всяком случае, знание о существовании внешних предметов получается только путем умозаключения и подвержено опасностям, угрожающим всякому умозаключению, тогда как предмет внутреннего чувства (я сам со всеми моими представлениями) воспринимается непосредственно и существование его не возбуждает никаких сомнений.

2) С, З – нечто внешнее (etwas Äuβeres)

3) З – внутренняя ли эта причина или внешняя (ob diese innerlich, oder äuβerlich sei)

Следовательно, и д е а л и с т о м нужно называть не того, кто отрицает существование внешних предметов чувств, а уже того, кто не допускает, чтобы существование внешних предметов познавалось путем непосредственного восприятия, и на этом основании приходит A 369 к выводу, что /никакой опыт[1]) не может дать нам вполне достоверного знания об их действительности.

1) С – посредством всего возможного опыта (durch alle mögliche Erfahrung)

Раньше чем я раскрою обманчивую видимость [исследуемого] нами паралогизма, я должен заметить, что необходимо различать два вида идеализма – трансцендентальный и эмпирический. Под т р а н с ц е н д е н т а л ь н ы м и д е а л и з м о м /явлений[2]) я разумею учение, утверждающее, что все явления суть только представления, а не вещи в себе и что сообразно этому пространство и время суть только чувственные формы нашего наглядного представления, а не данные сами по себе определения или условия объектов как вещей в себе. Этому идеализму противоположен т р а н с ц е н д е н т а л ь н ы й р е а л и з м, рассматривающий пространство и время как нечто данное само по себе (независимо от нашей чувственности). Следовательно, трансцендентальный ре-

2) С, З – всех явлений (aller Erscheinungen)

3) З – представляет себе
(stellt sich... vor)
4) С, З – и нашей чувственности
(und unserer Sinnlichkeit)
5) З – прикидывается...
приверженцем
(spielt)
6) З – как внешне предметы
должны
(wenn sie äußere sein sollen)

ализм (Realist) /представляет[3] внешние явления (если допустить их действительность) как вещи в себе, которые обладают бытием независимо от нас /и[4], следовательно, существуют вне нас также [в форме,] соответствующей чистым понятиям рассудка. Именно этот трансцендентальный реализм впоследствии /принимает характер[5] эмпирического идеализма (Idealisten) и, сделав ошибочное предположение относительно предметов чувств, будто они /как предметы, существующие вне нас, должны обладать[6] бытием сами по себе помимо наших чувств, приходит с этой точки зрения к утверждению, что все представления наших чувств недостаточны для того, чтобы удостоверить действительность их объектов (derselben).

A 370 Наоборот, трансцендентальный идеализм может быть вместе с тем эмпирическим реализмом, или, как говорится, дуализмом (Dualist), т. е. может допустить существование материи, вовсе не выходя из области самосознания и не признавая ничего больше кроме достоверности представлений во мне, т. е. cogito, ergo sum. В самом деле, трансцендентальный идеализм считает материю и даже ее внутреннюю возможность только явлением, которое вне нашей чувственности вовсе не существует (nichts ist); поэтому для него она есть только вид представлений (наглядное представление), называемых внешними не в том смысле, будто они относятся к предметам, внешним самим по себе, а в том смысле, что они относят восприятия к пространству, в котором все внеположно (außereinander... ist), тогда как само пространство находится в нас.

1) С – устраняются все сомнения
(fällt... alle Bedenklichkeit weg)

2) 3) я ведь сознаю
(ich bin mir doch... bewußt)

В пользу этого трансцендентального идеализма мы высказались уже в самом начале своего исследования. Поэтому при нашем учении /нет никакого затруднения[1] в том, чтобы признать, что существование материи доказывается простым свидетельством нашего самосознания точно так же, как и существование моего Я как мыслящего существа. В самом деле, /я сознаю[2] свои представления, следовательно, эти [представления] и мое Я, обладающее ими, существуют. Внешние предметы (тела) суть только явления, следовательно, они также суть не что иное, как вид моих представлений, предметы которых составляют нечто только благодаря этим представлениям, а в отдельности от них суть ничто. A 371 Следовательно, внешние вещи существуют точно так же, как и я существую, и притом также по непосредственному свидетельству моего самосознания, с той лишь разницей, что представление о моем Я как мыслящем субъекте относится только к внутреннему чувству, а представления о протяженных сущностях относятся также и к внешнему чувству. Узнавать путем умозаключения о действительности внешних предметов я в такой же мере не имею нужды, как и узнавать этим путем о действительности предметов моего внутреннего чувства (моих мыслей), так как и те и другие предметы суть не что иное, как представления, непосредственное восприятие которых (сознание) есть вместе с тем достаточное доказательство их действительности.

1) С, З – и признает за...
(und gesteht... zu)

2) С – при самом лучшем
сознании наших
(bei unserem besten Bewußtsein)

Следовательно, трансцендентальный идеализм есть вместе с тем эмпирический реализм; /он приписывает[1] материи как явлению действительность, непосредственно воспринимаемую, [так что] о ней нет нужды умозаключать. Наоборот, трансцендентальный реализм необходимо попадает в затруднительное положение и оказывается вынужденным уступить место эмпирическому идеализму, так как он рассматривает предметы внешних чувств как нечто отличающееся от самих чувств и принимает простые явления за самостоятельные существа, находящиеся вне нас; и в самом деле, /как бы ясно мы ни сознавали[2] свои представления об этих вещах, мы не можем быть уверены в том, что если представление существует, то существует и соответствующий ему предмет; наоборот, согласно нашему учению эти внешние вещи, именно материя

во всех ее формах **А 372** и изменениях, суть не более как лишь явления, т. е. представления в нас, действительность которых непосредственно сознается нами.

Так как, насколько я знаю, все психологи, придерживающиеся эмпирического идеализма, [высказываются в пользу] (sind) трансцендентального реализма, то /они[1] поступают вполне последовательно, приписывая огромное значение эмпирическому идеализму /как одной из самых трудных для человеческого разума проблем[2]. В самом деле, если рассматривать внешние явления как представления, производимые в нас соответствующими им (von ihren) предметами как вещами, которые сами по себе находятся вне нас, то непонятно, каким образом можно было бы узнать об этом существовании их иначе как путем умозаключения от действия к причине, причем всегда должно оставаться сомнительным, находится ли эта причина в нас или вне нас. Правда, можно допустить, что причиной наших внешних наглядных представлений служит нечто находящееся вне нас в трансцендентальном смысле (Verstande), но такая причина не есть тот предмет, который мы подразумеваем под представлениями материи и телесных вещей, так как эти [вещи] суть лишь явления, т. е. /виды представлений[3], которые находятся всегда только в нас и действительность которых основывается на [свидетельстве] непосредственного сознания точно таким же образом, как и сознание о моих собственных мыслях. Трансцендентальный предмет одинаково неизвестен нам как во внутреннем, так и во внешнем наглядном представлении. **А 373** и мы говорим здесь не о нем, а об эмпирическом предмете, который называется в н е ш н и м в том случае, если он представляется в п р о с т р а н с т в е, и в н у т р е н н и м в том случае, если он представляется исключительно в о т н о ш е н и и в р е м е н и (im Zeitverhältnisse), причем, однако, и пространство, и время находятся только в нас [самих].

1) С – они конечно (sie freilich)

2) С – как одной из проблем, без которых человеческий разум вряд ли мог бы как следует разобраться (als einem von den Problemen, daraus die menschliche Vernunft sich schwerlich zu helfen wisse)

3) С – простые виды представлений (bloße Vorstellungsarten)

Выражение «в н е н а с» неизбежно приводит к двусмысленностям, так как /означает то в е щ и в с е б е, существующие отдельно от нас, то вещи, относящиеся только к области внешних я в л е н и й[1]. С целью устранить всякую неопределенность из этого понятия в его последнем значении, лежащем в основе психологического вопроса о реальности нашего внешнего наглядного представления, мы будем отличать э м п и р и ч е с к и в н е ш н и е предметы от предметов в трансцендентальном смысле тем, что будем называть эмпирические предметы вещами, н а х о д я щ и м и с я в п р о с т р а н с т в е.

1) З – так как означает то нечто такое, что существует как вещь в себе отдельно от нас, то нечто такое, что принадлежит к внешним явлениям (indem er bald etwas bedeutet, was als Ding an sich selbst von uns unterschieden existiert, bald was bloß zur äußeren Erscheinung gehört)

Пространство и время суть, правда, априорные представления, присущие нам в качестве форм нашего чувственного наглядного представления еще до того, как какой-либо действительный предмет определит наше чувство посредством ощущения, благодаря чему он может быть представлен в форме этих чувственных отношений. Однако то материальное или реальное [содержание], то нечто, которое должно быть наглядно представляемым в пространстве, необходимо предполагает восприятие и никакой силой воображения не может быть вымышлено и создано независимо от восприятия, которое свидетельствует о действительности этого нечто в пространстве. **А 374** Следовательно, ощущение есть то, что обозначает действительность в пространстве и времени сообразно ее отношению к тому или иному виду чувственных наглядных представлений, и только после того, как ощущение (которое называется восприятием, если оно /отнесено[1] к предмету вообще, не определяя его специально) дано, мы можем из его многообразия создать в воображении различные предметы, не имеющие помимо воображения никакого эмпирического места в пространстве и времени. Во всяком случае, возьмем ли мы ощущения удовольствия и страдания или внешние [ощущения], напр., ощущения цвета, тепла и

1) З – применено (angewandt wird)

т. п., без сомнения, восприятие есть то условие, при посредстве которого впервые должен быть дан материал для мышления о предметах чувственного наглядного представления. Следовательно, нечто действительное в пространстве (если мы ограничимся (bleiben) в настоящем случае лишь внешними наглядными представлениями) дается нам восприятием. В самом деле, во-первых, восприятие есть представление действительности, тогда как пространство есть представление одной лишь возможности /сосуществования[2]. Во-вторых, эта действительность представляется перед внешним чувством, т. е. в пространстве. В-третьих, само пространство есть не что иное, как только представление, следовательно, в нем можно признать действительным лишь то, что в нем представляется*, A 375 и, наоборот, то, что в нем дано, т. е. представляется путем восприятия, действительно [существует] в нем; в самом деле, если бы воспринимаемое в пространстве не было действительным в нем, т. е. не было дано непосредственно путем эмпирического наглядного представления, то оно не могло бы быть также и создано воображением, потому что /реальное [содержание] наглядного представления[2] никоим образом не может быть вымышлено a priori.

2) З – совместного пребывания (Beisammenseins)

2) С, З – реальное в созерцаниях (das Reale der Anschauungen)

Итак, всякое внешнее восприятие служит непосредственным доказательством [существования] чего-то действительного (das Wirkliche selbst) в пространстве, или, вернее, оно есть сама действительность, и в этом смысле эмпирический реализм не подвержен никаким сомнениям, иными словами, нашим внешним наглядным представлениям соответствует нечто действительное в пространстве. Конечно, само пространство вместе со всеми явлениями в нем как представлениями находится только во мне, но все же в этом пространстве реальное содержание, или материал, всех предметов внешнего наглядного представления дан действительно и независимо от всякой фантазии; при этом невозможно, чтобы в этом пространстве было дано что-либо вне нас (в трансцендентальном смысле), так как само пространство не существует вне нашей чувственности. Поэтому самый строгий идеалист не может требовать, чтобы мы доказали, что нашим восприятиям соответствуют предметы вне нас A 376 (в точном смысле слова). В самом деле, если бы подобные предметы существовали, то они все же не могли бы быть представляемы как существующие вне нас, так как существованием вне нас предполагается пространство, а действительность в пространстве как нашем представлении есть не что иное, как само восприятие. Следовательно, реальность (das Reale) внешних явлений действительна только в восприятии и не может быть действительной никаким иным способом.

Из [таких] восприятий может возникнуть или путем одной лишь игры воображения, или также с помощью опыта знание о предметах. При этом, конечно, могут возникнуть ложные представления, не имеющие соответствующих предметов, причем источником обмана являются или /блестящие образы фантазии (в грезах)[1], или ошибки способности суждения (в так называемых обманах чувств). Чтобы избавиться от иллюзий этого рода, необходимо пользоваться следующим правилом: действительно то, что связано с восприятием согласно эмпирическим

1) С – ошибка воображения (в сновидении)
З – иллюзии воображения (в грезах)
(einem Blendwerke der Einbildung (im Traume)

* Следует обратить внимание на эту парадоксальную, но правильную мысль (Satz), что в пространстве нет ничего, кроме того, что в нем представляется. В самом деле, само пространство есть не что иное, как представление, 375 следовательно, то, /что находится в нем[1], должно содержаться в представлении, и потому в пространстве нет ничего, кроме того, что в нем действительно представляется. Мысль, что вещь может существовать только в представлении о ней, должна, конечно, казаться странной, но она теряет здесь свою парадоксальность ввиду того, что вещи (die Sachen), с которыми мы имеем дело, суть не вещи в себе (nicht Dinge an sich), а только явления, т. е. представления.

1) С – что в нем есть
(was in ihm ist)

законам. Эти иллюзии, а также средство против них имеют значение столько же для идеализма, как и для дуализма, так как здесь имеется в виду только форма опыта. Для опровержения эмпирического идеализма как неосновательного сомнения в объективной реальности наших внешних восприятий достаточно уже, во-первых, указать на то, что внешнее восприятие служит непосредственным доказательством действительности в пространстве, A 377 которое хотя и составляет само по себе только форму представлений, все же обладает объективной реальностью в отношении всех /явлений[1] (которые также суть не что иное, как только представления), и, во-вторых, сослаться на то, что без восприятия невозможны даже вымысел и сновидение (Traum), а потому нашим внешним чувствам, что касается тех данных, из которых может возникнуть опыт, соответствуют действительные предметы в пространстве.

Догматическим идеалистом следует называть того, кто отрицает существование материи, а скептическим [идеалистом] /того, кто сомневается в существовании материи[2], так как считает его недоказуемым. Догматический идеалист может прийти к своему учению только в том случае, если он убежден, что нашел противоречия в возможности материи вообще; с этого рода идеализмом мы теперь еще не имеем дела. Следующий отдел диалектических умозаключений, в котором изображен разум в его внутренних спорах по поводу понятий, создаваемых им относительно возможности того, что входит в состав опыта, устранит также и эти затруднения. Между тем скептический идеализм, нападающий только на основание нашего убеждения и объявляющий, что наша уверенность в существовании материи, которую мы надеемся обосновать на непосредственном восприятии, недостаточна, может быть назван благодетелем человеческого разума в том смысле, что он заставляет нас внимательно присматриваться даже и к самому ничтожному шагу повседневного опыта A 378 и не принимать [без дальних рассуждений] как благоприобретенное то, что, быть может, получено лишь путем подтасовки (erschleichen). Польза, приносимая этими идеалистическими возражениями, теперь очевидна для нас. Они заставляют нас, если мы не хотим запутаться в самых простых своих утверждениях, рассматривать все восприятия – и внешние и внутренние – только как сознание того, что принадлежит нашей чувственности, и считать внешние предметы ее не вещами в себе, а только представлениями, которые могут сознаваться нами непосредственно, как и всякое другое представление, но называются внешними потому, что связаны с чувством, которое мы называем внешним, и наглядным представлением которого служит пространство, само в свою очередь составляющее не что иное, как одно из внутренних представлений, в котором известные восприятия связываются друг с другом.

Если мы считаем внешние предметы вещами в себе, то невозможно понять, каким образом мы можем прийти к познанию их действительности вне нас, опираясь только на представления, находящиеся в нас. В самом деле, ощущать можно только в себе самом, а не вне себя, и потому все наше самосознание дает нам не что иное, как только наши собственные определения. Следовательно, скептический идеализм заставляет нас обратиться к единственному оставшемуся нам убежищу, именно к учению об идеальности всех явлений, установленному нами в трансцендентальной эстетике независимо от этих A 379 выводов, которых мы тогда не могли еще предусмотреть. Если теперь нам зададут вопрос: неужели согласно этому учению дуализм допустим только в психологии? то мы ответим на это: без сомнения! Однако лишь в эмпирическом смысле, т. е. в том смысле, что материя действительно дана внешнему чувству, как субстанция в явлении, в связи опыта, наравне с мыслящим Я, которое тоже как субстанция в явлении дано внутреннему чувству,

1) С, З – внешних явлений (äußeren Erscheinungen)

2) С – который сомневается в нем (der sie bezweifelt) (Erdm. – der es)

причем явления в той и другой сфере должны быть связаны друг с другом согласно правилам, вносимым категорией субстанции в связь наших как внешних, так и внутренних восприятий, образующих опыт. Но если бы, как это обыкновенно случается, мы пожелали расширить понятие дуализма и принять его в трансцендентальном смысле, то ни этот дуализм, ни противоположный ему пневматизм, с одной стороны, или материализм, с другой стороны, не имели бы ни малейшего основания, так как в таком случае мы исказили бы /характер[1] своих понятий и различие в способе нашего представления о предметах, которые сами по себе остаются нам неизвестными, приняли бы за различие между самими вещами. Я, представленное во времени посредством внутреннего чувства, и предметы в пространстве вне моего Я суть специфически различные явления, однако это еще не дает права мыслить их как различные вещи. Трансцендентальный объект, лежащий в основе внешних явлений, а также то, что лежит в основе A 380 /внутренних явлений[1], не есть ни материя, ни мыслящее существо само по себе, он есть неизвестное нам основание явлений, дающее нам эмпирическое понятие как первого, так и второго рода.

1) С, З – определение (Bestimmung)

1) С, З – внутреннего созерцания (der inneren Auschauung)

Поэтому, если мы, как это без сомнения заставляет нас делать предпринятая нами критика, остаемся верными установленному выше правилу и не проникаем со своими вопросами за пределы той области, где возможный опыт доставляет нам объекты, то нам и в голову не приходит осведомляться о том, каковы предметы наших чувств сами по себе, т. е. помимо всякого отношения к [нашим] чувствам. Но если психолог принимает явления за вещи в себе, то все равно, считает ли он, как материалист, только материю, или, как спиритуалист, только мыслящее существо (именно согласно форме нашего внутреннего чувства), или, как дуалист, и материю, и мыслящее существо – /вещами в себе[2], во всяком случае, он по недоразумению мудрствует о том, как может существовать само по себе то, что в действительности есть не вещь в себе, а только явление вещи вообще.

2) З, Г – вещами, существующими сами по себе (для себя) (für sich existierende Dinge)

A 381 /Размышление о совокупности учений чистой психологии, на основании этих паралогизмов[1]

1) З – Рассуждения о сумме чистой психологии в связи с этими паралогизмами (Betrachtung über die Summe der reinen Seelenlehre zu Folge diesen Paralogismen)

Сравнивая учение о душе как физиологию внутреннего чувства с учением о телах как физиологией предметов внешних чувств мы находим, оставляя в стороне то, что в обеих науках многое может быть познано эмпирически, следующее замечательное различие между ними: в последней науке многое может быть познано a priori из одного лишь понятия протяженной непроницаемой сущности, тогда как в первой науке ничего нельзя познать синтетически a priori из понятия мыслящей сущности. Причина этого заключается в следующем. Хотя и та и другая [сущность] есть явление, однако явление внешнего чувства содержит в себе нечто /устойчивое или пребывающее[2], дающее субстрат, лежащий в основе изменчивых определений, и, следовательно, синтетическое понятие, именно понятие о пространстве и явлении в нем, между тем как время, составляющее единственную форму нашего внутреннего наглядного представления, не имеет в себе ничего устойчивого, следовательно, доставляет познанию только смену представлений, но не определяемый предмет. В самом деле, в том, что мы называем душой, все находится в непрерывном течении и не имеет в себе ничего устойчивого, за исключением разве только (если угодно) (67) представления о Я, которое отличается простотой потому, что не имеет в себе никакого содержания, т. е. никакого многообразия, вследствие чего кажется, будто оно представляет или, A 382 правильнее говоря, обозначает простой объект. Если

2) З – неизменное или сохраняющееся (Stehendes oder Bleibendes)

бы возможно было создать чистое знание разума о природе мыслящего существа вообще, то это Я должно было бы быть наглядным представлением, которое, будучи предполагаемым во всяком мышлении вообще (до всякого опыта), доставляло бы как априорное наглядное представление синтетические суждения. Однако это Я не есть наглядное представление или понятие о каком-либо предмете, оно есть только форма сознания (68) могущая сопровождать /представление и понятие[1] и возводить их таким образом на степень знания, поскольку кроме ее дано еще /что-либо[2] в наглядном представлении, доставляющее материал для представления о предмете. Таким образом, рушится вся рациональная психология как наука, превышающая силы человеческого разума, и нам не остается ничего иного, как изучать нашу душу под руководством опыта и держаться в границах вопросов, материал для которых может быть дан в возможном внутреннем опыте.

1) С – оба вида представлений (beiderlei Vorstellungen)

2) С, З – еще нечто другое (иное) (noch irgendetwas anderes)

Однако, хотя рациональная психология не может быть полезной для расширения наших знаний и, [когда она пытается это сделать] (als solche), состоит исключительно из паралогизмов, тем не менее нельзя не признать важной отрицательной полезности ее, если она не заявляет претензии ни на что, кроме критического исследования наших диалектических умозаключений, и притом умозаключений /обыкновенного естественного[3] разума.

3) С, З – обычного (обыденного) и естественного (gemeinen und natürlichen)

А 383 Для чего, в самом деле, нам нужна психология, основанная исключительно на принципах чистого разума? Без сомнения, главным образом для того, чтобы оградить наше мыслящее Я от опасности материализма. Но эта цель достигается уже данным нами понятием разума о нашем мыслящем Я. В самом деле, опираясь на это понятие, нам нечего бояться, что отрицание материи привело бы вместе с тем к отрицанию всего мышления и даже бытия (Existenz) мыслящих существ, скорее наоборот, из этого понятия ясно видно, что вместе с устранением мыслящего субъекта должен исчезнуть весь /материальный мир[1], потому что этот мир есть не более как явление в чувственности нашего субъекта и одним из видов его представлений.

1) С, З – телесный мир (Körperwelt)

Правда, отсюда я /не получаю никаких более подробных сведений о[2] свойствах этого мыслящего Я и не могу усмотреть не только его устойчивости, но даже и независимости его существования от возможного трансцендентального субстрата внешних явлений, так как и этот субстрат, и мыслящее Я одинаково остаются мне неизвестными. Но так как все же возможно, что я, пользуясь какими-либо иными источниками (Ursache), чем чисто умозрительные основания, имею повод надеяться на самостоятельное и при всех возможных сменах моих состояний устойчивое существование моей мыслящей природы, то свободным признанием своего неведения [в этих вопросах] я уже много выигрываю благодаря тому, что могу отклонить догматические умозрительные /нападки противника[3], именно показать ему, **А 384** что он, желая опровергнуть возможность моих надежд, никогда не может узнать о природе моего субъекта больше, чем [знаю] я, питая эти надежды.

2) З – не лучше познаю (erkenne... nicht besser)

3) С, З – нападки спекулятивного противника (Angriffe eines spekulativen Gegners)

На этой трансцендентальной иллюзии наших психологических понятий основываются еще три диалектических вопроса, составляющих настоящую цель рациональной психологии и разрешимых не иначе как путем предыдущего исследования: это вопросы 1) о возможности /взаимодействия[1] души с органическим телом, т. е. об одушевленности и о состоянии души при жизни человека, 2) о начале этого взаимодействия, т. е. о душе во время [рождения] и до рождения человека, 3) о конце этого взаимодействия, т. е. о душе во время [смерти] и после смерти человека (вопрос о бессмертии).

1) С, З, В – общения (Gemeinschaft)

Я утверждаю, что все затруднения, предлагаемые обыкновенно в этих вопросах и выдаваемые в виде догматических возражений за более глубокое проникновение в природу вещей, чем то, какое до-

ступно обыкновенному рассудку, обусловливаются исключительно иллюзией, побуждающей нас гипостазировать то, что существует только /в мышлении[2], и принимать /с теми же свойствами, [какие существуют в мышлении,] за[3] действительный предмет, находящийся вне мыслящего субъекта, именно считать протяжение, составляющее не более как явление, свойством внешних вещей, существующим также и помимо нашей чувственности, а также принимать A 385 движение за действие вещей, действительно происходящее само по себе также и помимо наших чувств. В самом деле, материя, взаимодействие которой с душой возбуждает столько сомнений, есть не более как некоторая форма или способ представления о неизвестном предмете, /именно [та форма] наглядного представления, которая[1] называется внешним чувством. Вне нас, конечно, может существовать нечто такое, чему соответствует это явление, называемое нами материей, однако с теми свойствами, какие присущи явлению, это [бытие] находится не вне нас, а исключительно в нас, как наша мысль, хотя, правда, эта мысль посредством указанного чувства представляет это [бытие] как находящееся вне нас. Следовательно, материя означает не особый вид субстанции, совершенно /отличающийся[2] от предмета внутреннего чувства (души), а только неоднородность (Ungleichartigkeit) явлений предметов (которые сами по себе нам неизвестны), представления которых мы называем внешними в сравнении с предметами, представления которых мы относим к внутреннему чувству; тем не менее эти внешние явления принадлежат только мыслящему субъекту точно так же как и все остальные мысли, с той лишь разницей, что они обладают следующим обманчивым [свойством]: так как они представляют предметы в пространстве, то они как бы отделяются от души и кажутся витающими вне ее, между тем как само пространство, в котором они наглядно представляются, есть не более как представление, /и точный снимок с него[3] не может находиться вне души. Ввиду этого вопрос о взаимодействии A 386 души с другими /известными инородными[1] субстанциями вне нас отпадает и заменяется вопросом только о связи представлений внутреннего чувства с модификациями нашей внешней чувственности и о соединении их друг с другом согласно постоянным законам, так что они /образуют единый опыт[2].

Если мы соотносим друг с другом внутренние и внешние явления только как представления в опыте, то мы не находим ничего нелепого или странного во взаимодействии этих двух чувств. Но если мы гипостазируем внешние явления, рассматривая их уже не как представления, а как вещи, существующие также и вне нас сами по себе с теми же свойствами (Qualität), какие им присущи в нас, /и относим к своему субъекту[3] их действия в отношении друг к другу, присущие им как явлениям, то в таком случае действующие причины вне нас приобретают такой характер, который не может согласоваться с их действиями в нас, так как их характер относится только к внешнему чувству, а их действия относятся к внутреннему чувству, между тем эти чувства в высшей степени разнородны, хотя они и соединены в одном субъекте. В самом деле, [в мире внешних явлений] мы не находим никаких внешних действий, кроме перемен места, и никаких сил, кроме /тяготений, приводящих к отношениям в пространстве как своим действиям[4]. Наоборот, в нас действия суть мысли, между которыми нет никаких отношений A 387 места, движения, фигуры или пространственных определений вообще, и мы совершенно теряем нить причинной связи в действиях, которые должны были бы возникнуть во внутреннем чувстве из этих [определений], однако нам следует помнить, что тела суть не вещи (Gegenstände) в себе, /находящиеся перед нами[1], а только явления неизвестно какого предмета и что движение есть не действие этой неизвестной причины, а

2) З – в мыслях
(in Gedanken)

3) З – в том же качестве, что и
(in eben derselben Qualität, als)

1) С – путем того созерцания, которое
З – через созерцание, которое
(durch diejenige Anschauung, welche...)

2) З – разнородный и отличный
(unterschiedene und heterogene)

3) З – слепок с которого в том же качестве
(deren Gegenbild in derselben Qualität)

1) З – известными и чужеродными (bekannten und fremdartigen)

2) З – соединяются в одном опыте
(in einer Erfarung zusammehängen)

3) З – ставим в связь со своим мыслящим субъектом
(auf unser denkendes Subjekt beziehen)

4) З – тяготений, которые сводятся к отношениям в пространстве как своим следствиям
(Bestrebungen, welche auf Verhälthnisse im Raume als ihre Wirkungen auslaufen)

1) С – которые нам непосредственно даются
(die uns gegenwärtig sind)

только явление ее влияния на наши чувства; следовательно, тела и движения [существуют] не [как] нечто находящееся вне нас, а только [как] представления в нас, и потому движения материи не производят в нас представлений, а сами суть (так же, как и материя, которая познается на основании движений) только представления; таким образом, все это созданное нами самими затруднение сводится к следующему вопросу: как и благодаря какой причине представления нашей чувственности находятся в такой связи друг с другом, что наглядные представления, называемые внешними, могут представляться согласно эмпирическим законам как предметы вне нас, а этот вопрос уже вовсе не содержит в себе вымышленного затруднения, заключающегося в требовании объяснить происхождение представлений из находящихся вне нас, совершенно инородных действующих причин, причем явления неизвестной причины принимаются за [самое] внешнюю причину, результатом чего неизбежно является путаница. В суждения, заключающие в себя недоразумение, укоренившееся путем продолжительной привычки, **А 388** невозможно внести поправку тотчас же с той степенью ясности, какой можно требовать в других случаях, когда понятия не искажаются подобными неизбежными иллюзиями. Поэтому указанное нами освобождение разума от софистических теорий едва ли будет иметь уже теперь ту степень отчетливости, которая необходима для совершенного удовлетворения разума.

Я надеюсь содействовать достижению этой цели следующим образом.

Все в о з р а ж е н и я могут быть разделены на д о г м а т и ч е с к и е, к р и т и ч е с к и е и с к е п т и ч е с к и е. Догматическим называется возражение, направленное против тезиса (Satz), а критическим – возражение, направленное против д о к а з а т е л ь с т в а т е з и с а. Возражение первого рода /требует знания природы[1] предмета, чтобы иметь возможность утверждать о нем положение, противоречащее данному тезису, поэтому такое возражение имеет догматический характер и выражает притязание знать /исследуемый предмет[2] лучше, чем противник. Критическое возражение оставляет незатронутым достоинство или несостоятельность (Werte oder Unwerte) тезиса и нападает только на доказательство его. Поэтому оно вовсе не нуждается в лучшем знании предмета и не заявляет притязаний на такое знание; оно показывает только, что утверждение необоснованно, но не говорит, что оно неправильно. Скептическое возражение /противопоставляет друг другу взаимно тезис и антитезис, один – как догму, а другой – как опровержение ее, рассматривая их как опровержения одинаковой степени важности[3], таким образом, оно, по-видимому, в обоих направлениях **А 389** имеет догматический характер, стремясь уничтожить всякое суждение о предмете. Итак, и догматическое и скептическое возражения должны иметь притязание на такое знание о свойствах предмета, какое необходимо, чтобы утверждать или отрицать что-либо о нем. Наоборот, критическое возражение, показывая, что для обоснования тезиса взято /нечто несуществующее[1] и только воображаемое, опровергает теорию тем, что отнимает у нее вымышленную (angemaßte) основу ее, но вовсе не стремится высказать что-либо о природе предмета.

Следуя обыденным понятиям нашего разума относительно взаимодействия нашего мыслящего субъекта с вещами вне нас, мы мыслим догматически и рассматриваем эти вещи как подлинные (wahrhafte), независимо от нас существующие предметы, /в духе своего рода[2] трансцендентального дуализма, который причисляет эти

1) С – нуждается в проникновении в свойства природы
(bedarf einer Einsicht in die Beschaffenheit der Natur)

2) С – то свойство, о котором идет речь
(Beschaffenheit, von der die Rede ist)

3) С – взаимно противопоставляет положительное и отрицательное суждение как одинаково убедительные возражения, берет одно из них как догму, а другое – как опровержение ее и наоборот
З – противопоставляет друг другу тезис и антитезис, – каждый из них то как догму, то как возражение против нее, рассматривая оба как возражения, имеющие одинаковое значение
(stellt Satz und Gegensatz wechelseitig gegeneinander als Einwürfe von gleicher Erheblichkeit, einen jeden derselben wechselsweise als Dogma und den anderen als dessen Einwurf)

1) С – нечто такое, что ничтожно
З – нечто недействительное
(etwas... was nichtig... ist)

2) С – в силу известного
З – в духе некоего
(nach einem gewissen)

внешние явления не к субъекту как его представления, а помещает их вне нас как объекты в той самой форме, как их доставляет нам чувственное наглядное представление, и совершенно обособляет их от мыслящего субъекта. Эта подмена является затем основанием всех теорий о взаимодействии между душой и телом, /причем никто не задается вопросом, существует ли эта объективная реальность явлений в самом деле: она предполагается установленной, и вопрос поднимается только о том, как[3] **A 390** следует объяснять и понимать ее. Три /вымышленные[1] по этому поводу и действительно единственно возможные системы таковы: [учение] о физическом влиянии, о предустановленной гармонии и о сверхъестественном содействии (Assistenz).

Два последних способа объяснения взаимодействия души с материей основываются на возражениях против первого объяснения, принадлежащего обыденному рассудку, именно они утверждают, что то, что является как материя, не может путем непосредственного влияния быть причиной представлений как действий совершенно иного рода. /Но при этом они не могут подразумевать под предметами внешних чувств понятие материи как только явления, т. е. только представления, вызванного какими-либо внешними предметами[2]: в самом деле, в таком случае они говорили бы, что представления внешних предметов (явления) не могут быть внешними причинами представлений в нашей душе, но это было бы совершенно бессмысленное возражение, так как никому не придет в голову считать внешней причиной то, что уже признано простым представлением. Следовательно, согласно нашим основоположениям, их теории должны задаваться целью установить, что подлинный (wahre) (трансцендентальный) предмет наших внешних чувств не может быть причиной тех представлений (явлений), которые мы разумеем под именем материи. **A 391** Но так как никто не может иметь основательных притязаний на какое бы то ни было знание о трансцендентальной причине наших представлений внешних чувств, то это утверждение совершенно необосновано. А если бы эти мнимые исправители учения о физическом влиянии стали, согласно обыденным взглядам трансцендентального дуализма, считать материю как таковую вещью в себе (а не явлением только неизвестной вещи) и желали бы показать своим возражением, что внешний предмет, не обнаруживающий никакой причинности, кроме причинности движений, никогда не может быть действующей причиной представлений, /вследствие чего должна явиться на сцену третья сущность[1], чтобы установить по крайней мере соответствие и гармонию, если не взаимодействие, между материею и духом (beiden), то в таком случае их возражение начинало бы с того, /что усматривало бы[2] πρῶτον ψεῦδος теории физического влияния в своем дуализме, и таким образом это возражение опровергало бы /не столько[3] теорию физического влияния, /сколько[3] свои собственные дуалистические предположения. В самом деле, все затруднения [в вопросе] о связи мыслящей /сущности[4] с материей возникают исключительно из ошибочного (erschlichenen) дуалистического представления, будто материя как таковая есть не явление, т. е. не простое представление в душе, которому соответствует неизвестный предмет, а вещь в себе (Gegenstand an sich selbst), существующая вне нас и независимо от всякой чувственности.

A 392 Итак, против /ходячих [представлений] о[1] физическом влиянии не может быть сделано ни одного догматического возражения. Если противник [этого мнения] предполагает, что материя и ее движения суть только явления и, следовательно, только пред-

3) С – И еще никогда не ставили вопроса о том, действительно ли уже так достоверна объективная реальность явлений, хотя всегда предполагали ее как нечто несомненное и думали только о том, как...
З – причем никогда не ставят под сомнение эту объективную реальность явлений, а предполагают ее установленной и умствуют лишь относительно того, как же...
(und es wird niemals gefragt, ob denn diese objektive Realität der Erscheinungen so ganz richtig sei, sondern diese wird als zugestanden vorausgesetz und nur über die Art vernünftelt, wie...)

1) З – обычные придуманные (Die gewöhnliche... erdachte)

2) З – Но при этом они не могут связать то, что они подразумевают над предметом внешних чувств, с понятием материи, которая есть только явление, стало быть, сама по себе – одно лишь представление, вызванное какими-то внешними предметами
(Sie können aber alsdann mit dem, was sie unter dem Gegenstande äußerer Sinne verstehen, nicht den Begriff einer Materie verbinden, welche nichts als Erscheinung, mithin schon an sich selbst bloße Vorstellung ist, die durch irgendwelche äußere Gegenstände gewirkt worden)

1) С – что необходимо допустить третье существо
З – и потому посредником должна быть
(sondern daß sich ein drittes Wesen deshalb ins Mittel schlagen müsse)

2) С – допустить
(anzunehmen)

3) С, В – не только... но и...
(nicht sowohl... sondern)

4) С – природы
(Natur)

1) С – общепризнанного
(gemein angenommenen)

ставления, то он может усматривать затруднение лишь в том, что неизвестный предмет нашей чувственности не может быть причиной представлений в нас; однако он не имеет ни малейшего права на это [утверждение], так как о неизвестном предмете никто не может сказать (ausmachen kann), что он может или чего не может сделать; этот трансцендентальный идеализм, согласно нашим приведенным выше доказательствам, необходимо /должен быть принят им[2], если он не хочет явным образом (offenbar) гипостазировать представления и помещать их вне себя, как подлинные вещи.

Наоборот (Gleichwohl), основательное критическое возражение против обыденных представлений (Lehrmeinung) о физическом влиянии может быть сделано. /Предполагаемое взаимодействие[3] между двумя видами субстанций, мыслящей и протяженной, /устанавливает[4] грубый дуализм и превращает протяженные вещи (letzere), которые суть не более как представления мыслящего субъекта, в вещи, существующие сами по себе. Следовательно, неправильно понимаемое [учение о] физическом взаимодействии (Einfluβ) можно совершенно ниспровергнуть указанием на то, что основание доказательства его /подтасовано и несостоятельно[5].

Итак, пресловутая проблема взаимодействия между мыслящей и протяженной 393 [сущностью] сводится, если устранить все воображаемые [затруднения], к вопросу, как возможно вообще в мыслящем субъекте внешнее наглядное представление, именно представление пространства (наполнения его, формы и движения). На этот вопрос (Auf diese Frage aber) ни один человек не способен дать ответ, этот пробел нашего знания никогда не может быть заполнен, его можно только обозначить, приписывая внешние явления трансцендентальному предмету, который составляет причину этого вида представлений, но о котором мы ничего не знаем и никогда не будем иметь никакого понятия. Во всех проблемах, которые могут встретиться в области опыта, мы обращаемся с этими явлениями как с предметами в себе, не заботясь о первом основании их возможности (как явлений). Но если мы выходим за границы явлений, для нас становится необходимым понятие трансцендентального предмета.

/Решение всех споров[1] о состоянии мыслящей субстанции (Natur) до взаимодействия с протяженной субстанцией (Wesen) (до [начала] жизни (dem Leben)) или после уничтожения этого взаимодействия (после смерти (im Tode)) непосредственно зависит от высказанных нами замечаний о взаимодействии [между мыслящей и протяженной субстанцией]. Мнение, что мыслящий субъект может мыслить до всякого взаимодействия с телами, могло бы быть выражено с этой точки зрения следующим образом: A 394 до возникновения того вида чувственности, благодаря которому нечто является нам в пространстве, те самые трансцендентальные предметы, которые в теперешнем состоянии являются [нам] как тела, /могут быть наглядно представляемы[1] совершенно иным способом. Мнение же, что душа после уничтожения всякого взаимодействия с телесным миром может еще продолжать мыслить, могло бы быть выражено так: если тот вид чувственности, благодаря которому трансцендентальные и совершенно неизвестные нам /теперь[2] предметы являются нам как материальный мир, должен исчезнуть, то вследствие этого еще не прекращается всякое /наглядное представление[3], и вполне возможно, что те же самые неизвестные предметы продолжают, хотя, конечно, уже не в качестве тел, быть познаваемы мыслящим субъектом.

Правда, в пользу такого утверждения нельзя привести никакого основания из умозрительных принципов, нельзя даже доказать возможности его, и можно только высказывать его как предположение; однако против него также нельзя привести никакого действительного догматического возражения. В самом деле, абсолютная внутренняя причина внешних и телесных явлений в такой же мере

2) З – он должен согласиться с (Er muβ... einräumen)

3) З – Утверждение о таком общении (Eine solche vorgegebene Gemeinschaft)

4) З – имеет своей основой
В – полагает в основу (legt... zu Grunde)

5) З – пустячные и казуистичные (als nichtig und erschlichen)

1) С – решение всех споров и препирательств
З – Решение всех споров и отклонение всех возражений (die Entscheidung aller Streitigkeiten oder Einwürfe)

1) З – могли быть созерцаемы (haben angeschaut werden können)

2) С – пока (für jetzt)

3) С – созерцание этих предметов
З – созерцание его [мира] (Anschauung derselben)

неизвестна /всякому другому [человеку][4], как и мне; следовательно, никто не имеет оснований утверждать, что он знает, на чем основывается действительность внешних явлений в теперешнем [нашем] состоянии (при жизни), а потому не имеет также оснований утверждать, что условие всякого внешнего наглядного представления A 395 или даже сам мыслящий субъект исчезнет вслед за прекращением этого состояния (после смерти).

Таким образом, всякий спор о природе нашей мыслящей сущности и связи ее с телесным миром является исключительно следствием того, что [спорящие] заполняют пробел в той области, о которой ничего неизвестно, паралогизмами разума, превращая свои мысли в вещи и гипостазируя их; отсюда возникает воображаемая наука как в случае положительных, так и в случае отрицательных теорий, /так как и та, и другая сторона[1] воображает, будто знает нечто о предметах, о которых ни один человек не имеет никакого понятия, или превращает свои представления в предметы и таким образом вращается в вечном кругу двусмысленностей и противоречий. /Только трезвая и строгая, но[2] справедливая критика может освободить от этой догматической шумихи, привлекающей воображаемым блаженством столь многих людей к теориям и системам, и ограничит все наши умозрительные притязания только областью возможного опыта, не посредством пустой насмешки над столь часто неудававшимися попытками и не посредством благочестивых вздохов по поводу ограниченности нашего разума, а путем произведенного согласно надежным основоположениям определения границ его, /надписывающего с величайшей строгостью свое nihil ulterius на поставленных самой природой геркулесовых столбах[3], чтобы путешествие нашего разума продолжалось /лишь A 396 настолько, насколько непрерывно простираются берега[1] опыта, которых мы не можем покинуть, не пускаясь в безбрежный океан, постоянно обманывающий нас ложными приманками (Aussichten) и в конце концов заставляющий нас отказаться от всех тягостных и скучных (langwierige) усилий как совершенно безнадежных.

* * *

Мы должны дать еще отчетливое общее (und allgemeine) объяснение трансцендентальной и тем не менее естественной иллюзии /паралогизмов[2] чистого разума, а также оправдать систематический порядок их, параллельный таблице категорий. В начале настоящего отдела мы не могли взяться за эту задачу, не подвергаясь опасности быть неясными или забежать некстати вперед. Теперь мы попытаемся выполнить эту обязанность.

Всякую иллюзию можно объяснять тем, что субъективные условия мышления принимаются за познание объекта. Далее, во введении в трансцендентальную диалектику мы показали, что чистый разум занимается исключительно целостностью синтеза условий для данного обусловленного. Так как диалектическая иллюзия чистого разума не может быть эмпирической иллюзией, которая встречается в определенных эмпирических знаниях, то она касается /общих условий[3] мышления и, следовательно, возможны только три случая диалектического A 397 применения чистого разума:

1. Синтез условий /мышления[1] вообще.
2. Синтез условий эмпирического мышления.
3. Синтез условий чистого мышления.

Во всех этих трех случаях чистый разум занимается только абсолютной целостностью этого синтеза, т. е. тем условием, которое само безусловно. На этом делении основывается также трояка трансцендентальная иллюзия, дающая основание (Anlaß) для трех отделов диалектики и доставляющая идеи для такого же числа мнимых наук чистого разума, именно для трансцендентальной психологии, космологии и теологии. Здесь мы имеем дело только с первой из этих наук.

4) С – кто бы он ни был
(wer er auch sei)

1) З – при этом каждый
(indem ein jeder)
2) С – Только трезвость строгой, но...
(Nichts, als die Nüchternheit einer strengen, aber...)
3) С – и с полной уверенностью прибьет к геркулесовым столбам свое "nihil ulterius", которое установила уже сама природа
(welche ihr nihil ulterius mit größter Zuverlässigkeit an die herkulische Säulen heftet, die Natur selbst aufgestellt hat)

1) З – не дальше непрерывно расширяющихся берегов
(nur soweit, als die stetig fortlaufende Küsten...)

2) С, З – в паралогизмах
(in den Paralogismen)

3) З – общего в условиях
(das Allgemeine der Bedingungen)

1) С, З – мысли
(eines Gedankens)

Так как в мышлении вообще мы отвлекаемся от всякого отношения мысли к какому бы то ни было объекту (будь то объект чувств или чистого рассудка), то синтез условий мысли вообще (N 1) вовсе не имеет объективного характера и представляет собой только синтез мысли с субъектом, ошибочно принимаемый, однако, за синтетическое представление об объекте.

/Отсюда[2] следует, что диалектическое умозаключение о [безусловном] условии /всякой мысли вообще[3] заключает ошибку не в содержании (так как оно отвлекается от всякого содержания или объекта), А 398 а только в форме и должно называться паралогизмом.

Далее, так как единственное условие, сопутствующее всякому мышлению, есть Я во всеобщем суждении «Я мыслю», то разум имеет дело с этим условием, поскольку оно само безусловно. Оно есть только формальное условие, именно логическое единство всякой мысли, /в котором[1] я отвлекаюсь от всякого предмета, однако, несмотря на это, оно представляется как /объект[2], мыслимый мной, именно как само мое Я и безусловное единство его.

Если бы кто-либо предложил мне вопрос, какими свойствами обладает вещь, которая мыслит, то я ничего не мог бы ответить a priori, так как ответ должен быть синтетическим (аналитический ответ, быть может, объясняет понятие мышления, но не дает никакого расширенного знания о том, на чем основывается возможность этого мышления). Но для всякого синтетического ответа требуется наглядное представление, между тем оно при постановке столь общей задачи совершенно /устраняется[3]. Точно так же никто не может ответить на поставленный в общей форме вопрос, какова должна быть вещь, /способная к движению[4], так как при этом не дана непроницаемая протяженность (материя). Впрочем, хотя я и не могу ответить в общей форме на поставленный выше вопрос, тем не менее мне кажется, что я могу дать ответ в некотором частном случае, именно в суждении «Я мыслю», выражающем самосознание. А 399 В самом деле, это Я есть первый субъект, т. е. субстанция, оно есть нечто простое и т.д. Но в таком случае это должны быть чисто эмпирические суждения, которые, однако, без помощи общего правила, выражающего условия возможности мышления вообще и [притом высказывающего их] a priori, не могли бы содержать подобных предикатов (так как они имеют неэмпирический характер). Таким образом, первоначально казавшееся столь вероятным (scheinbare) суждение о природе мыслящей сущности, состоящее к тому же из одних лишь понятий, становится для меня подозрительным, хотя я и не открыл еще ошибки, кроющейся в нем.

Дальнейшее (Allein das weitere) исследование происхождения этих атрибутов, которые я приписываю себе как мыслящему существу вообще, может открыть эту ошибку. Эти атрибуты суть не более как чистые категории, посредством которых я мыслю не какой-либо определенный предмет, а только единство представлений, необходимое для определения предмета их. Одна лишь категория, без положенного в основу наглядного представления, не может доставить мне понятия о предмете, так как предмет дается только посредством наглядного представления и вслед за этим мыслится согласно категории. Если я признаю какую-либо вещь субстанцией, [данной] в явлении, то мне прежде всего должны быть даны предикаты ее наглядного представления, в которых я различаю устойчивое от изменчивого и субстрат (самую вещь) – от того, что только принадлежит ему. А 400 Если я называю вещь п р о с т о й в я в л е н и и, то я понимаю под этим, что наглядное представление ее, правда, есть часть явления, но само не может быть разделено и т.д. Если же что-либо признается простым только в понятии, а не в явлении, то таким образом я имею в действительности знание не о предмете, а только о своем понятии, которое я составил себе о чем-то вообще, недоступном настоящему наглядному представлению. Я говорю, что /мыслю нечто как совершенно

2) З – Но отсюда также следует (Es folgt aber auch hieraus)
3) С – всякого мышления вообще, которое [условие] само безусловно (auf die Bedingung alles Denkens überhaupt, die selbst unbedingt ist)

1) С, З – в которой [мысли] (bei dem [Gedanken])
2) С, З – предмет (Gegenstand)

3) З – упущено (weggelassen worden)
4) С – которая подвижна (welches beweglich ist)

1) С – я мыслю нечто совершенно просто, ибо действительно не могу сказать ничего другого, кроме того, что нечто существует
(ich etwas ganz einfach denke, weil ich wirklich nichts weiter als bloβ, daβ es Etwas sei, zu sagen weiβ)

1) З – то ясно, что это рассудочное понятие субстанции содержит лишь то, что вещь должна быть представлена сама по себе как субъект
(so ist klar, daβ, da der nackte Verstandesbegriff von Substanz nichts weiter enthält, als daβ ein Ding als Subjekt an sich... vorgestellt werden solle)

2) С, З – и вместе с простой природой – ее неразрушимость
(und mit der einfachen Natur zusammen die Unzerstörlichkeit derselben)

3) З – это многообразное
(dasselbe)

1) С – простоты
(der Simplizität)

простое, только потому, что я в действительности ничего не знаю, кроме того, что нечто существует[1].

Чистая апперцепция (Я) есть субстанция в понятии, [она есть нечто] простое в понятии и т.д., и в этом смысле все приведенные выше психологические положения бесспорно правильны. Однако, несмотря на это, посредством их мы вовсе не познаем о душе того, что, собственно, желательно узнать, так как все эти предикаты вовсе не относятся к наглядному представлению и потому не могут иметь никаких следствий, которые были бы приложимы к предметам опыта, следовательно, они совершенно пусты. В самом деле, это понятие субстанции не дает мне знания о том, что душа сама по себе продолжает [бытие] (fortdauere) или что она есть часть внешних наглядных представлений, которая сама не может быть более делима и потому не может ни возникнуть, ни исчезнуть путем естественных изменений – все качества, которые могли бы дать мне знание о душе в связи опыта и ответить на вопрос о ее происхождении и будущем состоянии. **А 401** Если я только на основании чистой категории говорю, что душа есть простая субстанция, /то это голое рассудочное понятие субстанции говорит лишь, что вещь должна быть представляема сама по себе как субъект[1], не будучи предикатом другой [вещи]; очевидно отсюда вовсе не вытекает устойчивость ее, и атрибут простоты, конечно, не может присоединить этой устойчивости, а потому этим путем мы ничего не узнаем о том, что может случиться с душой при изменении мира. Если бы кто-нибудь мог сказать нам, что душа есть п р о с т а я ч а с т ь м а т е р и и, тогда мы могли бы на основании того, чему учит опыт о материи, вывести устойчивость /души и [умозаключить] из ее простоты о ее неразрушимости[2]. Однако понятие Я в психологическом основоположении (я мыслю) не говорит нам об этом ни слова.

Причина того, почему сущность, мыслящая в нас, мечтает (vermeine) познать себя посредством чистых категорий и притом посредством тех категорий, которые выражают абсолютное единство в каждом отделе их, заключается в следующем. Сама апперцепция есть основание возможности категорий, которые с своей стороны представляют не что иное, как синтез многообразия наглядного представления, поскольку /оно[3] обладает единством в апперцепции. Поэтому самосознание вообще есть представление о том, что служит условием всякого единства, но само [ничем] не обусловлено. Поэтому о мыслящем Я (душе), **А 402** которое мыслит себя как простую, численно тождественную во всякое время субстанцию и как коррелят всякого бытия, от которого должно умозаключать ко всякому другому бытию, можно сказать, что оно н е с т о л ь к о с е б я п о з н а е т п о с р е д с т в о м к а т е г о р и й, сколько к а т е г о р и и и посредством их все предметы познает в абсолютном единстве апперцепции, т.е. ч е р е з с а м о г о с е б я. Очевидно то, что должно быть предполагаемым для познания вообще какого бы то ни было объекта, само не может быть познаваемым как объект; ясно также, что определяющее Я (мышление) отличается от определяемого Я (мыслящего субъекта), как познание от предмета. Тем не менее иллюзия, заставляющая нас принимать единство в синтезе мыслей за воспринятое единство в субъекте этих мыслей, вполне естественна и в высшей степени соблазнительна. Ее можно было бы назвать подтасовкой (Subreption) гипостазированного сознания (appercеptionis substantiatae).

Обозначая терминами логики паралогизм в диалектических умозаключениях рациональной психологии, поскольку они все же содержат в себе правильные посылки, его можно принять за sophisma figurae dictionis, в котором бóльшая посылка придает категории в отношении ее условий только трансцендентальное применение, а меньшая посылка и вывод делают из той же категории эмпирическое применение в отношении к душе, подведенной под это условие. Так, напр., понятие субстанции **А 403** в паралогизме, /[устанавливающем] простоту [души][1], есть чистое интеллектуальное по-

нятие, которое без помощи условий чувственного наглядного представления имеет только трансцендентальное применение, т. е. вовсе не имеет применения. Между тем в меньшей посылке то же самое понятие применено к предмету всякого внутреннего опыта, причем, однако, не установлено заранее и не положено в основу условие его конкретного применения, именно устойчивость, таким образом оно получило эмпирическое применение, хотя в данном случае это и недопустимо.

Наконец, чтобы открыть систематическую связь всех этих диалектических утверждений мудрствующей психологии сообразно связи чистого разума и доказать таким образом полноту их, следует заметить, что апперцепция проводится через все классы категорий, но только в связи с теми понятиями рассудка, которые в каждом классе в отношении к другим категориям лежат в основе единства возможного восприятия, каковы категории субстанции (Subsistenz), реальности, единства (не множества) и существования, но только здесь разум представляет их все как условия возможности мыслящей сущности, которые сами безусловны. Таким образом, /душа познает в себе[2]:

2) З – душа сама по себе познает (Also erkennt die Seele an sich selbst)

404

1.

Безусловное единство
отношения,
т. е. [она познает] себя /не как принадлежность,
а [как нечто] **самостоятельно существующее**[1].

1) В – существующей самостоятельно, а не зависимо
З – не как [чему-то] присущая, а как обладающая субсистенцией (nicht als inhärirend, sondern subsistierend)

2.

Безусловное единство
качества,
т. е. [она познает] себя
не как реальное целое,
а [как нечто] **простое***.

3.

Безусловное единство
при множественности
(bei der Vielheit) во времени,
т.е. [она познает] себя не как
[нечто] численно различное
в различные времена, а как **один**
и тот же субъект

4.

Безусловное единство
существования в пространстве,
т. е. [она познает себя] не как сознание многих вещей вне ее,
а только [как сознание] своего собственного существования,
/причем [все] другие вещи суть только ее представления[2].

2) С – а существование других вещей только как ее представлений
(anderer Dinge, aber bloß als ihrer Vorstellungen)

А 405 Разум есть способность принципов. Утверждения чистой психологии содержат в себе не эмпирические предикаты души, а такие предикаты, которые, в случае своего существования, должны определять предмет сам по себе, независимо от опыта, следовательно, путем чистого (durch bloße) разума. Следовательно, они должны были бы основываться на принципах и общих понятиях о мыслящих существах (Naturen) вообще. Вместо этого мы находим, что всеми ими управляет единичное представление «Я есть», которое именно потому, что оно выражает чистую формулу всего моего опыта (неопределенно), провозглашает себя как всеобщее положение, имеющее значение для всех мыслящих существ, и, хотя оно во всех отношениях есть единичное [суждение], оно вызывает иллюзию абсолютного единства условий мышления вообще и потому /расширяется за пределы возможного опыта[1].

1) С – расширяется гораздо дальше, чем может поспеть возможный опыт
(sich weiter ausbreitet, als mögliche Erfahrung reichen könnte)

* Каким образом [понятие] простоты соответствует здесь категории реальности, этого я не могу еще теперь объяснить; это будет указано в следующем отделе по поводу другого применения разумом того же понятия.

[Продолжение текста со с. 317.]

мы произведем это исследование в виде одного непрерывного целого.

Прежде всего следующее общее замечание должно привлечь наше внимание к этому виду умозаключений. Я познаю объект не вследствие того только, что мыслю, а вследствие того, что определяю данное наглядное представление в отношении к единству сознания, в котором состоит всякое мышление. Следовательно, я познаю себя не вследствие того, что я сознаю себя мыслящим, а только в том случае, если я сознаю наглядное представление моего Я как определенное в отношении функции мышления. Все модусы самосознания в мышлении **407** сами по себе еще не суть понятия рассудка об объектах (категории), а только логические функции, не дающие мышлению знания ни о каком предмете и, следовательно, не дающие также знания обо мне как о предмете. Не сознание определяющего Я, а только сознание определяемого Я, т. е. моего внутреннего наглядного представления (поскольку его многообразие может быть объединено согласно общему условию единства апперцепции в мышлении) есть объект.

1. Во всех суждениях я всегда являюсь определяющим субъектом того отношения, которое составляет суждение. Положение, гласящее, что Я, который мыслю, должен в мышлении всегда рассматриваться как субъект и как нечто не составляющее только предикат мышления, есть суждение, аподиктическое и даже тождественное; однако это не означает, что Я как объект составляю самостоятельную сущность (für mich selbst besthendes Wesen), или субстанцию. Последнее утверждение заходит слишком далеко и потому требует данных, которые в мышлении вовсе не могут быть найдены; быть может, оно требует больше того (поскольку я рассматриваю только мыслящее Я как таковое), что я когда бы то ни было могу найти (в нем).

2. То, что Я апперцепции является единичным (Singular) во всяком мышлении и не может быть разложено на множество субъектов, т. е. обозначает логически простой субъект, дано уже в понятии мышления и потому составляет **408** аналитическое суждение; однако это не означает, что мыслящее Я есть простая субстанция, так как такое положение было бы синтетическим. Понятие субстанции относится всегда к наглядным представлениям, которые у меня могут быть только чувственными; следовательно, когда мы утверждаем, что Я в мышлении есть не-

что простое, они лежат совершенно вне области рассудка и его мышления, между тем как только об этой области здесь идет речь. К тому же было бы удивительно, если бы знание, которое в других случаях требует стольких усилий, чтобы отличить, какие из данных наглядного представления составляют субстанцию, и в особенности, может ли быть эта субстанция простой (как, напр., речь идет о частях материи), было дано мне здесь в самом бедном представлении, как бы путем какого-то откровения.

3. Суждение о тождестве моего Я среди всего сознаваемого мной многообразия есть также положение, заложенное в самих понятиях и потому аналитическое; однако это тождество субъекта, которое может быть сознаваемо мной во всех /представлениях его[1)], касается не наглядного представления его, посредством которого он дается как объект; поэтому оно не может обозначать тождества личности, под которым подразумевается сознание тождества своей собственной субстанции как мыслящей сущности при всех изменениях состояний, и доказательство которого не может быть дано одним лишь анализом суждения «Я мыслю», но должно опираться на различные синтетические суждения, **409** основывающиеся на данном наглядном представлении.

1) З – его представлениях (seinen Vorstellungen) (Erdm. – meinen)

4. Я отличаю свое собственное существование как мыслящего существа от других вещей вне меня (к которым принадлежит также и мое тело); это положение имеет аналитический характер, так как другие вещи суть те, которые я мыслю как *отличные* от меня. Однако отсюда я вовсе не узнаю еще, возможно ли это сознание о моем Я без вещей вне меня, посредством которых мне даются представления, и могу ли я существовать только как мыслящая сущность (не будучи человеком).

Итак, анализ сознания моего Я в мышлении вообще не дает никакого знания обо мне как объекте. Логическое истолкование мышления вообще ошибочно принимается за метафизическое определение объекта.

Важное и даже единственное /возражение[1)] против всей нашей критики явилось бы в том случае, если бы существовала возможность a priori доказать, что все мыслящие существа сами по себе суть простые субстанции, а потому как таковые (это следует из того же самого основания доказательства) необходимо имеют характер личности и сознают свое /существование независимо от всякой материи[2)]. Таким образом, мы сделали бы шаг за пределы чувственного мира, мы вступили бы в область *ноуме-*

1) С, З – камнем преткновения (Stein des Anstoβes)

2) С, З – существование, обособленное от всякой материи (von aller Materie abgesonderten Existenz)

н о в, **410** и тогда никто не смел бы отрицать нашего права расширяться в этой области далее, закладывать в ней постройки и приобретать владения в той мере, насколько кому благоприятствует судьба. В самом деле, положение «всякое мыслящее существо как таковое есть простая субстанция», имеет характер априорного синтетического суждения, во-первых, потому что выходит за пределы положенного в его основу понятия, присоединяя к мышлению вообще способ [его] существования, и, во-вторых, потому что присоединяет к этому понятию предикат (простоты), который не может быть дан ни в каком опыте. Следовательно, априорные синтетические суждения оказываются возможными и допустимыми не только в отношении к предметам возможного опыта и именно в качестве принципов возможности самого этого опыта, как мы это установили, но и могут относиться также к вещам вообще и [притом] к вещам самим по себе, – утверждение, полагающее конец всей нашей критике и заставляющее остаться при [старых] взглядах. Однако опасность этого возражения не так велика, если присмотреться к нему ближе.

Метод рациональной психологии основывается на паралогизме, который выражается путем следующего умозаключения разума.

То, что не может быть мыслимо иначе как субъект, не может также и существовать иначе как субъект и есть, следовательно, субстанция

411 Но мыслящее существо, рассматриваемое только как таковое не может быть мыслимо иначе как субъект

Следовательно, оно и существует только как субъект (als ein solches), т. е. как субстанция

В большей посылке речь идет о существе, которое может быть мыслимо вообще в каком угодно отношении, следовательно, и так, как оно может быть дано в наглядном представлении. Между тем, в меньшей посылке речь идет о том же существе, поскольку оно рассматривает себя как субъект только в отношении к мышлению и единству сознания, а не в отношении к наглядному представлению, посредством которого оно дается как объект для мышления. Таким образом, умозаключение получается со-

фистическим путем, именно per sophisma figurae dictionis*.

412 /Правильность этого разрешения знаменитого аргумента в паралогизм[1] становится совершенно очевидной, если вспомнить наше общее замечание по поводу систематического изложения основоположений и главы о ноуменах, где доказано, что понятие вещи, которая сама по себе может существовать только как субъект, а не как предикат, вовсе еще не обладает объективной реальностью, иными словами, мы не можем еще знать, соответствует ли ему вообще какой-либо предмет, так как не усматриваем возможности такого способа существования; следовательно, такое понятие не дает никакого знания. Если такое понятие должно сделаться знанием, если, следовательно, оно должно под именем субстанции указать объект, который может быть дан, то в основу [его] должно быть положено устойчивое наглядное представление как необходимое условие объективной реальности понятия, именно как условие, без которого не может быть дан предмет. Но во 413 внутреннем наглядном представлении мы не имеем ничего устойчивого, так как Я есть только сознание моего мышления; следовательно, если мы имеем в виду только мышление, то у нас нет необходимого условия для применения к себе как мыслящему существу понятия субстанции, т. е. самостоятельно существующего субъекта; а вместе с объективной реальностью этого понятия отпадает также связанное с ним /[понятие] простоты[1] и превращается в чисто логическое, качественное единство самосознания в мышлении вообще, независимое от того, сложен ли субъект или нет.

1) З – То, что этот знаменитый аргумент совершенно правильно превращается в паралогизм (Daß diese Auflösung des berühmten Arguments in einem Paralogism)

1) З – простота субстанции (Einfachheit der Substanz)

Опровержение мендельсоновского доказательства устойчивости (Beharrlichkeit) души

Этот остроумный философ без труда (bald) заметил, что обыкновенный аргумент /[в пользу] невоз-

* [Понятие] мышления берется в этих посылках в совершенно различных значениях: в большей посылке – так, как оно относится к объекту вообще (следовательно, и в таком случае, когда объект может быть дан в наглядном представлении), а в меньшей посылке – так, как оно существует в отношении к самосознанию, причем, следовательно, мы не мыслим никакого объекта, а только представляем отношение к своему Я (auf sich) как субъекту (в качестве формы мышления). В первом случае речь идет о вещах, которые могут быть мыслимы не иначе, как в качестве субъекта; во втором же случае речь идет не о вещах, а о 412 мышлении (причем мы отвлекаемся от всякого объекта), в котором Я всегда служит субъектом сознания; следовательно, вывод не может состоять в утверждении, что я не могу существовать иначе как субъект, а устанавливает лишь, что, мысля о своем существовании, я могу пользоваться своим Я только как субъектом суждения; но это положение есть тождественное суждение, ничего не говорящее мне о способе моего существования.

можности уничтожения души[2] (если допустить, что она есть простая сущность) путем разделения ее (durch Zerteilung) /не устанавливает[3] необходимости постоянного существования души, так как можно допустить /уничтожение души[4] путем исчезновения (Verschwinden) ее. В своем Федоне (68) он пытался следующим образом доказать невозможность этого исчезновения (Vergänglichkeit), которое было бы настоящим уничтожением: так как простое существо не может уменьшаться и постепенно превратиться в ничто, теряя свое бытие /часть за частью[5] 414 (ввиду того, что в нем нет никаких частей, следовательно, никакой множественности), то оно не может перестать существовать, так как между мгновением, когда оно существует, и тем мгновением, когда оно уже более не существует, не было бы никакого времени, что невозможно. – Однако он не принял в расчет, что если бы даже мы и признали душу простой сущностью, так как в ней нет /никакого внеположного многообразия[1], т. е. никакой экстенсивной величины, все же нельзя отрицать у нее, как и у всего существующего, интенсивной величины, т. е. степени реальности всех ее способностей и вообще всего того, что составляет [ее] существование, а эта интенсивная величина может убывать через бесконечное количество меньших степеней и таким образом предполагаемая субстанция (вещь, устойчивость которой еще вовсе не доказана) может превратиться в ничто, если не путем деления, то путем постепенного ослабления (Nachlassung) (remissio) ее сил (т. е. путем истощения (Elangueszenz), если можно воспользоваться здесь этим выражением). Ведь даже сознание всегда имеет степень, которая может быть еще уменьшена*, следовательно [тем же свойством] обладает также /самосознание[2] 415 и все прочие способности. – Таким образом, устойчивость души, /поскольку душа есть предмет только внутрен-

2) С – душа... не может прекратиться
З – что... душа... не прекращает своего существования
(daβ die Seele nicht... zu sein aufrören könne)
3) С – недостаточен по сравнению с его целью, а именно
З – недостаточен для обоснования
(einen Mangel der Zulänglichkeit zu der Absicht)
4) З – что душа перестает существовать
(ein Aufhören ihres Daseins)
5) С, З – мало-помалу
(nach und nach)

1) С – ничего разнообразного вне друг друга
З – ничего многообразного, [составные части] которого существовали бы вне друг друга
(kein Mannigfaltiges auβereinander)

2) С – способность сознавать себя самого
(Vermögen sich seiner bewuβt zu sein)

* Ясность не есть, как утверждают [представители] логики, сознание представления, в самом деле, известная степень сознания, недостаточная, однако, для воспоминания, должна находиться даже в некоторых темных представлениях, так как в случае отсутствия всякого сознания мы бы не могли находить никаких различий в соединении темных 415 представлений, между тем мы можем это сделать в отношении к признакам многих понятий (как, напр., понятий права и справедливости или понятий артиста (Tonkünstlers), когда он, фантазируя, берет сразу много нот). Ясным бывает то представление, в котором сознания достаточно для сознания отличия его от других представлений. Если сознания достаточно для различения, но не для сознания различий, то представление должно еще называться темным. Следовательно, существует бесконечное количество степеней сознания вплоть до исчезновения его.

него чувства[1)], остается недоказанной и даже недоказуемой; правда, ее устойчивость при жизни, когда мыслящее существо (как человек) является предметом также внешних чувств, вполне очевидна, но для рациональной психологии этого недостаточно, так как она стремится доказать из одних лишь понятий абсолютную устойчивость души даже и /после смерти[2)]*.

1) С – только как предмета внутреннего чувства
(als bloβ Gegenstandes des inneren Sinnes)
(Schm. – als bloβen)

2) С – за пределами жизни
(über das Leben hinaus)

* Те, кто, желая /установить возможность[3)] [своей теории], настаивают на том, что в их предположениях нельзя указать никакого противоречия (как, напр., те, кто полагает, что мышление, пример которого они находят только в эмпирических наглядных представлениях о человеческой жизни, возможно также после **416** смерти человека), и потому считают свою цель достигнутой, могут быть приведены в большое затруднение ссылкой на другие возможности, задуманные не менее смело. Такова, напр., возможность деления простой субстанции на несколько субстанций и, наоборот, слияние (коалиция) нескольких субстанций в одну простую. В самом деле, хотя делимостью предполагается нечто сложное, тем не менее для нее не требуется необходимо сложное из субстанций, но достаточно сложности степеней (различных способностей) одной и той же субстанции. Подобно тому, как все силы и способности души, не исключая способности сознания, можно представить себе исчезнувшими наполовину, причем, однако, субстанция все еще сохранится, точно так же можно без всяких противоречий представить себе и эту удаленную половину как сохранившуюся, но не внутри, а вне субстанции, так как здесь все реальное содержание субстанции, все имеющее в ней степень, т. е. все бытие ее без остатка разделено пополам, то в этом случае вне субстанции возникла новая субстанция. В самом деле, множественность, подвергнутая делению, существовала уже раньше, но не как множественность субстанций, а в форме множественности всякой реальности как количества бытия в субстанции; при этом единство субстанции было лишь способом существования, **417** который вследствие этого деления заменился множественностью субстанций. Точно так же несколько простых субстанций могло бы опять слиться в одну субстанцию, причем ничто, кроме множественности субстанций, не было бы утрачено, так как новая субстанция содержала бы в себе степень реальности всех прежних субстанций. Быть может, простые субстанции, /являющиеся нам в материальной форме[1)] (конечно, не путем механического или химического влияния друг на друга, а посредством неизвестного нам взаимодействия, которое только является нам в механической или химической форме), путем такого динамического деления душ родителей как интенсивных величин производят души детей и затем пополняют свою убыль путем слияния с новым веществом того же рода. Я далек от того чтобы придавать подобным вымыслам какое бы то ни было значение или ценность, тем более, что изложенные выше принципы аналитики достаточно укрепили то положение, что категории (как, напр., категория субстанции) могут иметь применение только в области опыта. Но если рационалист настолько дерзок, что превращает одну лишь способность мышления без всякого устойчивого наглядного представления, посредством которого был бы дан предмет, в самостоятельное существо только потому, что единство апперцепции в мышлении не может быть объяснено из сложного [бытия], **418** и не замечает, что лучше было бы признаться в неумении объяснить возможность мыслящей природы, то почему же материалист, хотя бы он в такой же мере не мог сослаться на опыт для подтверждения придумываемых им (seiner) возможностей, не имеет права на подобную же дерзость, чтобы воспользоваться своим основным принципом /для противоположных целей[1)], сохраняя при этом /то формальное единство, [из которого исходит] противник?[2)].

3) С – проложить дорогу для новой возможности
З – выдвинуть новую возможность
(eine neue Möglichkeit auf die Bahn zu bringen)

1) С – которые дают нам явление материи
З – являющиеся нам в виде материи
(welche uns die Erscheinung einer Materie geben)

1) С, З – для противоположного применения
(zum entgegengestzeten Gebrauche)
2) С – формальное единство первого
(der formalen Einheit des ersteren)

416 Если мы возьмем приведенные выше положения в синтетической связи, как их и следует брать в рациональной психологии как системе, придавая им значение для всех мыслящих существ, и если, исходя из категории отношения, именно из положения, **417** что все мыслящие существа как таковые суть субстанции, мы рассмотрим весь ряд их в обратном порядке, пока не закончится круг их, то мы в конце концов наткнемся в этой системе на утверждение, что мыслящие существа не только сознают свое существование независимо от внешних вещей, но и могут определять его **418** сами из себя (в отношении устойчивости, которая необходимо принадлежит к характеру субстанции). Отсюда следует, что для этой рационалистической системы неизбежен идеализм, по крайней мере проблематический, и если существование внешних вещей вовсе не требуется для определения нашего собственного существования во времени, то, следовательно, существование внешних вещей допускается нами совершенно неосновательно и в пользу его нельзя привести никакого доказательства.

Если мы, наоборот, будем мыслить аналитически, полагая в основу «Я мыслю» как суждение, заключающее уже в себе существование, т.е. модальность как нечто данное, и будем расчленять его, чтобы узнать его содержание, именно узнать, определяет ли и как именно определяет это Я свое существование во времени или в пространстве посредством одного лишь этого суждения, то в таком случае положения рациональной психологии будут начинаться не с [понятия] мыслящего существа вообще, а с понятия действительности, и из способа, как действительность мыслится по устранении из нее всего эмпирического, **419** мы выведем свойства, присущие мыслящему существу вообще, как это показывает следующая таблица.

1.

Я мыслю,

2.	3.
как субъект,	как простой субъект

4.

как тождественный субъект
во всяком состоянии своего мышления.

Так как второе положение не утверждает, что Я могу существовать и быть мыслим только как субъект, а не как предикат чего-либо другого, то понятие

субъекта взято здесь только в логическом смысле, и вопрос, следует ли разуметь под ним субстанцию или нет, остается неопределенным. Однако в третьем положении абсолютное единство апперцепции, /простота Я[1] в представлении, к которому относится всякое соединение или разделение, составляющее мышление, имеет важное значение и сама по себе, хотя мне по-прежнему ничего еще неизвестно о свойствах субъекта или его самостоятельном существовании (Subsistenz). Апперцепция есть нечто реальное, и простота ее предполагается уже ее возможностью. Но в пространстве нет никакой реальности, которая была бы простой в самом деле, точки (единственное простое, что есть в пространстве) суть только границы, а не что-либо такое, что само по себе как часть служит для возникновения пространства. **420** Отсюда следует, что свойства моего Я как чисто мыслящего субъекта не могут быть объяснены из основ м а т е р и а л и з м а. Но так как в первом положении, где мое существование рассматривается как данное, не сказано, что все мыслящее существует (это положение содержало бы в себе абсолютную необходимость и, следовательно, утверждало бы слишком много), а утверждается только, что Я как нечто мыслящее существую, то оно имеет эмпирический характер и содержит в себе определяемость моего существования только в отношении моих представлений во времени. Но так как для этого мне прежде всего нужно что-либо устойчивое, которое, однако, вовсе не дано мне во внутреннем наглядном представлении, поскольку Я мыслю себя, то способ, как Я существую, в виде ли субстанции или акциденции, никоим образом не может быть определен посредством этой простоты самосознания. Следовательно, если м а т е р и а л и з м непригоден для объяснения моего существования, то и с п и р и т у а л и з м также недостаточен для этой цели, отсюда следует, что мы никоим образом ничего не можем узнать о свойствах нашей души, что касается возможности ее обособленного существования.

1) С, 3 – простое Я (das einfache Ich)

Да и каким образом возможно было бы на основании единства сознания, известного нам только потому, что оно необходимо нам для возможности опыта, выйти за пределы опыта (за пределы нашего существования при жизни) и даже распространить наше знание на природу всех мыслящих существ вообще, **421** пользуясь эмпирическим и притом неопределенным в отношении всех способов наглядного представления положением «Я мыслю»?

Итак, рациональная психология как д о к т р и н а, расширяющая наше самопознание, не существует,

она возможна только как дисциплина, полагающая теоретическому разуму в этой области непреложные границы, с одной стороны, чтобы мы не бросились в объятия бездушного (seelenlosen) материализма, а с другой стороны, чтобы мы не потерялись в мечтах о спиритуализме, лишенном основания в нашей жизни, она напоминает нам в особенности, чтобы мы видели в этом отказе разума дать удовлетворительный ответ на интересные вопросы, выходящие за пределы земной (dieses) жизни, совет употреблять свое самопознание /не для бесплодного расточительного умозрения[1], а для плодотворного практического применения, которое, хотя и направлено всегда только на предметы опыта, тем не менее заимствует свои принципы из более высокого источника и определяет наше поведение так, как будто наше назначение далеко выходит за пределы опыта и, следовательно, за пределы земной жизни.

1) З – не на бесплодную чрезмерную спекуляцию (von der fruchtlosen überschwenglichen Spekulation)

Из всего этого ясно, что источником рациональной психологии является простое заблуждение (Mißverstand). Единство сознания, лежащее в основе категорий, принимается здесь за наглядное представление о субъекте как объекте и к 422 нему применяется категория субстанции. Между тем это единство сознания есть только единство в мышлении, посредством которого, однако, вовсе не дан объект, следовательно, категория субстанции, всегда предполагающая данное наглядное представление, не может быть применена к нему, и потому этот субъект вовсе не может быть познан. Следовательно, субъект категорий не может вследствие того, что он мыслит категории, получить понятие о самом себе как объекте категорий, так как для того чтобы мыслить категории, он уже должен положить в основу свое чистое самосознание, /которое он намерен объяснить[1]. Подобным же образом субъект, в котором представление времени имеет первоначально свое основание, не может определить посредством этого представления свое собственное существование во времени, /как это определение во времени невозможно, так же невозможно и определение себя[2] (как мыслящего существа вообще) посредством категорий*.

1) З – которое должно было быть определено (welches doch hat erklärt werden sollen)
2) З – и если невозможно последнее, то невозможно первое как определение самого себя (und wenn das letzere nicht sein kann, so kann auch das erstere als Bestimmung seiner selbst... nicht stattfinden)

* Положение «Я мыслю» есть, как уже сказано, эмпирическое суждение, содержащее в себе утверждение «Я существую». Но я не могу сказать «все мыслящее существует», так как в таком случае свойство мышления сделало бы все существа, обладающие им, необходимыми существами. Поэтому утверждение моего существования не может считаться выводом из положения «Я мыслю», как это полагал Декарт (так как в противном случае ему должна

* * *

423 Таким образом, знание, пытающееся выйти за границы возможного опыта и тем не менее связанное с высшими интересами человечества, /оказывается[2], /поскольку его должна доставить теоретическая философия[3], [иллюзией], 424 обманывающей наши ожидания (getäuschte Erwartung), но вместе с тем строгая критика, доказывающая невозможность высказывать о предметах опыта догматические утверждения, выходящие за границы опыта, оказывает разуму немаловажную услугу в этих его высших интересах, так как обеспечивает его против всех возможных утверждений противников; в самом деле, мы или доказываем свое положение аподиктически, или, в случае неудачи, отыскиваем источник ее, и если он заключается в необходимых границах нашего разума, то в таком случае всякий наш противник обязан подчиниться тому же самому закону отречения от всяких притязаний на догматические утверждения.

2) С – превращается (verschwindet... in)
3) З – поскольку оно должно быть приобретено благодаря спекулятивной философии (soweit es der spekulativen Philosophie verdankt werden soll)

Отсюда, однако, не получается никакого ущерба для права или даже необходимости допущения будущей жизни согласно основоположениям практического применения разума, стоящего в связи с теоретическим; к тому же чисто теоретическое доказательство никогда не производит влияния на обыденный человеческий разум. Оно поставлено на такое тонкое острие, что даже школьная философия (Schule) поддерживает его только постольку, поскольку заставляет его непрерывно /вертеться[1], как волчок, так что

1) С – вертеться вокруг себя (um denselben sich... drehen läßt)

была бы предшествовать большая посылка: «все мыслящее существует»), но представляет собой тождественное с ним суждение. Оно служит выражением неопределенного эмпирического наглядного представления, т.е. восприятия (следовательно, оно показывает, что в основе этого /экзистенциального суждения[1] уже лежит ощущение, 423 которое, следовательно, принадлежит к области чувственности), однако предшествует опыту, который должен определять объект восприятия посредством материи в отношении времени, поэтому существование здесь не есть еще категория, так как категория относится не к неопределенно данному объекту, а только к такому объекту, о котором мы уже имеем понятие и хотим знать, существует ли он также вне этого понятия или нет. Неопределенное восприятие означает здесь только нечто реальное, данное лишь для мышления вообще, следовательно, не как явление и не как вещь в себе (ноумен), а только как нечто действительно существующее и обозначаемое в качестве такового в суждении «Я мыслю». Надо заметить в самом деле, что, называя положение «Я мыслю» эмпирическим, я не хочу этим сказать, будто **Я** в этом суждении есть эмпирическое представление, скорее оно имеет чисто интеллектуальный характер, потому что относится к мышлению вообще. Однако без всякого эмпирического представления, служащего материалом для мышления, акт «Я мыслю» не мог бы осуществиться, и эмпирическое содержание служит только условием для приложения или применения чистой интеллектуальной способности.

1) З – суждения о существовании (Existentialsatz)

оно в ее собственных глазах не имеет устойчивой основы, /на которой могло бы быть построено[1]. [Доказательства], пригодные для мира, сохраняют 425 при этом все свое значение (Werte), и даже благодаря устранению догматических притязаний выигрывают в ясности и безыскусственной убедительности, направляя разум на свойственную ему область, именно на систему (Ordnung) целей, которая, однако, в то же время есть система природы; при этом разум /как самостоятельная практическая способность[2], не будучи ограничен условиями природы, имеет право расширить систему целей и вместе с ней и наше собственное существование за границы опыта и жизни. Судя по а н а л о г и и с п р и р о д о й живых существ в этом мире, относительно которых разум необходимо должен признать, что [у них] нет ни одного органа, ни одной способности, ни одного побуждения, /которые были бы не нужны, не пропорциональны, вообще не целесообразны[3], но все точно соразмерено с назначением их в жизни, – пришлось бы предположить, что человек, который, однако, должен заключать в себе /последнюю высшую цель всей природы[4], есть единственное существо, составляющее исключение из этого правила. В самом деле, его естественные способности, – не столько применение, какое он делает из них сообразно своим талантам и побуждениям, сколько главным образом нравственный (moralische) закон в нем, – превосходят всякую пользу и выгоду, какую он мог бы извлечь из них в этой жизни, до такой степени, что нравственный закон заставляет даже ценить выше всего простое сознание /правомерности строя души[5], хотя бы это не 426 доставляло никаких преимуществ и даже тени славы среди потомства (des Schattenwerks vom Nachruhm), и человек чувствует себя внутренне призванным к тому, чтобы, пренебрегая всеми (viele) выгодами, /сделать себя[1] посредством своего поведения в этом мире гражданином лучшего мира, который он носит в идее. Это могучее, никоим образом недоступное опровержению основание доказательства, сопровождаемое непрерывно возрастающим познанием целесообразности всего, что мы видим перед собой, и созерцанием безмерности творения, а следовательно, также сознанием известной неограниченности возможного расширения наших знаний и сообразным с этим стремлением к нему, остается во всяком случае в нашем распоряжении, хотя бы мы и принуждены были отказаться от усмотрения необходимого /сохранения[2] нашего существования на основании чисто теоретических знаний о своем Я.

1) С, В – чтобы на ней можно было бы что-либо строить (worauf etwas gebaut werden könnte)

2) З – как практическая способность сама по себе (als praktischenes Vermögen an sich selbst)

3) С – следовательно, ничего излишнего или неприспособленного к применению, значит, ничего нецелесообразного (also nichts Entbehrliches oder für den Gebrauch Unpropotioniertes, mithin Unzweckmäßiges)

4) С, З – последнюю конечную цель всего этого (letzen Endzweck von allem diesem)

5) С – честности нравственного настроения
З – честности своего образа мыслей
В – честности намерений
(der Rechtschaffenheit der Gesinnung)

1) З – подготовить себя... к тому, чтобы стать (sich... zum... tauglich machen)

2) С, З, В – продолжения (Fortdauer)

Заключение разбора психологического паралогизма

В рациональной психологии диалектическая иллюзия основывается на смешении идеи разума (чистой интеллигенции) с неопределенным во всех отношениях понятием мыслящего существа вообще. Я мыслю свое Я (mich selbst) для целей возможного опыта, отвлекаясь еще от всякого действительного опыта, и заключаю отсюда, что могу сознавать свое существование также и вне опыта и эмпирических условий его. **427** Следовательно, я смешиваю возможное абстрагирование (Abstraktion) от моего эмпирически определенного существования с мнимым сознанием возможности обособленного существования моего мыслящего Я и воображаю, будто познаю /в себе субстанциальное [бытие][1] как трансцендентальный субъект, между тем как [в действительности] я мыслю только единство сознания, лежащее в основе всякого процесса определения как простой формы познания.

Задача объяснить взаимодействие души с телом принадлежит, собственно, не той психологии, о которой идет здесь речь, так как она задается целью доказать личное существование души также и помимо этого взаимодействия (после смерти) и, следовательно, имеет /трансцендентальный характер[2] в собственном смысле этого слова, потому что, хотя и занимается объектом опыта, однако исследует его лишь поскольку он перестает быть предметом опыта. Но и на вопрос о взаимодействии можно дать удовлетворительный ответ, согласно нашему учению. Затруднение, представляемое этой задачей, заключается, как известно, в предполагаемой неоднородности предмета внутреннего чувства (души) с предметами внешних чувств, так как предмет внутреннего чувства имеет формальным условием своего наглядного представления только время, а предметы внешнего чувства – также пространство. Но если принять в расчет, что оба эти вида предметов отличаются здесь друг от друга не внутренним образом, а лишь постольку, поскольку один извне (äußerlich) является **428** другому, следовательно, то, что лежит в основе явления материи как вещь в себе, быть может, вовсе не так разнородно, то это затруднение исчезает, и остается только вопрос, как вообще возможно взаимодействие между субстанциями, но ответ на этот вопрос лежит совершенно вне сферы психологии и, как легко догадается читатель на основании того, что сказано в аналитике об основных силах и способностях, он, без сомнения, /выходит также за пределы[1] всякого человеческого знания.

1) С, З – субстанциальное в себе (Substantiale in mir)

2) С, З – трансцендентна (transzendent)

1) С – лежит... вне области (außer dem Felde... liegt)

ОБЩЕЕ ЗАМЕЧАНИЕ

относительно перехода от рациональной психологии к космологии

Положение «Я мыслю» или «Я существую как [нечто] мыслящее» имеет эмпирический характер. Но в основе такого положения лежит эмпирическое наглядное представление, т.е. мыслимый объект как явление, поэтому может показаться, будто согласно нашей теории душа даже в мышлении совершенно превращается в явление, и таким образом само наше сознание как простая иллюзия в действительности не относится ни к чему.

Мышление, взятое само по себе (für sich), есть только логическая функция, т.е. только самодеятельное объединение многообразия /возможного лишь[2] наглядного представления; /оно вовсе не представляет субъект сознания как явление[3] по **429** той простой причине, что не имеет никакого отношения к способу наглядного представления, [т.е. к тому,] чувственное ли оно или интеллектуальное. Посредством его я не представляю себя ни так, как я существую, ни так, как я себе являюсь, но только мыслю себя как всякий объект вообще, /от наглядного представления которого я отвлекаюсь[1]. Если я представляю себя при этом как субъект мыслей или так же как основание мышления, то эти способы представления не составляют категорий субстанции или причины, так как категории суть функции мышления (суждения), уже примененные к нашему чувственному наглядному представлению, без которого, конечно, нельзя было бы обойтись, если бы я хотел познать себя. Но в данном случае я хочу сознавать себя только мыслящим; я оставляю в стороне то, каким образом /мое Я[2] дано в наглядном представлении, в котором оно могло бы быть только явлением для меня, мыслящего, но не поскольку я мыслю; в этом сознании /своего Я в чистом мышлении[3] Я есть само существо (das Wesen selbst), но для мышления об этом существе мне, конечно, таким путем еще ничего не дано.

2) З – лишь возможного (einer bloß möglichen)

3) С – представляет субъект сознания, отнюдь не как явление (stellt das Subjekt des Bewußtseins keineswegs als Erscheinung dar)

1) З – отвлекаясь от способа, каким я его созерцаю (von dessen Art der Anschauung ich abstrahiere)

2) С, З – мое собственное Я (mein eigenes Selbst)

3) С – себя самого только в мышлении (meiner Selbst beim bloßen Denken)

Однако положение «Я мыслю», поскольку оно утверждает «Я существую как [нечто] мыслящее», есть не только логическая функция: оно определяет субъект (который в таком случае есть вместе с тем объект) в отношении его существования и не может быть получено без внутреннего чувства, наглядное представление которого всегда дает /только явление, а не вещь в себе[4]. **430** В нем, сле-

4) С, З – объект только как явление, а не как вещь в себе (Objekt nicht als Ding an sich selbst, sondern bloß als Erscheinung)

довательно, содержится уже не только самодеятельность мышления, но также и восприимчивость наглядного представления, т.е. мышление о моем Я, примененное к эмпирическому наглядному представлению о том же самом субъекте. В этом наглядном представлении мыслящее Я должно было бы искать условий применения своих логических функций в качестве категорий субстанции, причины и т.д., чтобы не только обозначить себя словом Я /как вещь в себе[1)], но и определить способ своего существования, т.е. познать себя как ноумен; однако это невозможно, так как внутреннее эмпирическое наглядное представление имеет чувственный характер и не заключает в себе ничего, кроме данных явления, которые ничего не доставляют объекту чистого сознания для познания его обособленного существования и могут служить только для целей опыта.

1) С, З – как объект в себе (сам по себе)
(als Objekt an sich selbst)

Но если допустить, что впоследствии, не в опыте, а в известных (не только логических правилах, но) априорных законах чистого применения разума, касающихся нашего существования, нашелся бы повод предполагать, что мы вполне a priori законодательствуем в отношении нашего собственного существования и даже определяем самое это свое существование, то в таком случае мы открыли бы самодеятельность, посредством которой наша действительность определялась бы без помощи условий эмпирического наглядного представления, тогда мы заметили бы, что в сознании нашего бытия a priori содержится нечто такое, посредством чего наше повсюду только чувственно определяемое существование может быть, однако, **431** определено, что касается одной из внутренних способностей, в отношении к умопостигаемому (конечно, только мыслимому) миру.

Однако это нисколько не подвинуло бы вперед /рациональную психологию[1)]. В самом деле, посредством этой удивительной способности, которую мне впервые открывает сознание нравственного закона, я получил бы, правда, чистый интеллектуальный принцип определения моего существования, однако с помощью каких предикатов? Только с помощью тех, какие должны быть мне даны в чувственном наглядном представлении, таким образом, я опять очутился бы в том же положении, в каком находился, занимаясь рациональною психологией, именно я нуждался бы в чувственных наглядных представлениях, чтобы придать значение понятиям своего рассудка, именно понятиям субстанции, причины и т.д., без которых я не могу иметь /знание о себе[2)]. Впрочем, для практи-

1) З – рациональную психологию, какие бы усилия она ни прилагала
(würde... alle Versuche in der rationalen Psychologie nicht im mindesten weiter bringen)

2) С, З – познание о себе. Но эти созерцания никогда не могут помочь мне выйти из области (вывести меня за пределы) опыта
(jene Auschauungen können mich aber über das Feld der Erfahrung niemals hinaushelfen)
(A⁴ – hinausheben)

ческого употребления, которое, однако, всегда направлено на предметы опыта, я получил бы право применять эти понятия к свободе и ее субъекту сообразно значению, аналогичному с теоретическим употреблением [этих понятий], подразумевая под ними только логические функции субъекта и предиката, основания и следствия, сообразно которым **432** поступки или действия, следуя нравственным законам (jenen Gesetzen gemäß), определяются так, что всегда могут быть объяснены вместе с законами природы сообразно категориям субстанции и причины, хотя и возникают совсем из иного принципа. Все это мы высказали только для того чтобы предотвратить недоразумение, которое легко может быть вызвано учением о том, что наше наглядное представление о своем Я есть явление. В последующем изложении мы будем иметь случай воспользоваться этим.

Трансцендентальной диалектики вторая книга

ВТОРАЯ ГЛАВА

Антиномия чистого разума

Во введении к этой части нашего сочинения мы показали, что всякая трансцендентальная иллюзия чистого разума основывается на диалектических умозаключениях, схему которых дает логика в трех своих формальных видах умозаключений разума вообще, подобно тому как категории имеют свою логическую схему в четырех функциях всех суждений. Первый вид этих умствующих умозаключений относится к безусловному единству субъективных условий всех представлений вообще (субъекта или души) и соответствует **категорическим** умозаключениям разума, большая посылка которых как принцип устанавливает отношение предиката к субъекту. **433** Второй вид диалектических умозаключений, аналогичный **гипотетическим** умозаключениям разума, имеет своим содержанием безусловное единство объективных условий в явлении, а третий вид, который будет рассмотрен в следующей главе, имеет темой безусловное единство объективных условий возможности предметов вообще.

/Замечательно[1], что трансцендентальный паралогизм /создает[2] только одностороннюю иллюзию в отношении идеи субъекта нашего мышления, так как для утверждения противоположного мнения /нельзя

1) С, З, В – Но замечательно (однако) (Es ist aber merkwürdig)

2) С – вызывает
В – производит
(bewirkte)

создать[3] с помощью понятий разума /никакой[4] иллюзии. Все преимущества здесь на стороне /спиритуализма[5], хотя он и не может /отделаться от наследственного порока, в силу которого он разлетается, как дым, под влиянием огненного испытания критикой, несмотря на благоприятствующую ему иллюзию[6].

Совсем иное получается тогда, когда мы применяем разум к объективному синтезу явлений; здесь разум /отстаивает[7], правда, свой принцип безусловного единства /со значительной видимостью успеха[8], однако вскоре запутывается в такие противоречия, что видит себя вынужденным отказаться от своих притязаний в космологии.

Здесь /мы встречаемся в самом деле[9] с новым феноменом человеческого разума, именно с совершенно естественной антитетикой, /сети которой вовсе не приходится искусственно расставлять на пути[10] разума, 434 так как он сам собой и неизбежно впадает в нее. [Без сомнения,] /это предохраняет разум от дремоты мнимой уверенности[1], вызываемой односторонней иллюзией, но в то же время вызывает искушение или отдаться /безнадежному скептицизму[2], или усвоить догматическое упрямство и настойчиво защищать известные утверждения, не прислушиваясь к основаниям противников и не отдавая им справедливости. И то и другое есть смерть здоровой философии, хотя первый случай все же можно было бы назвать эвтаназией [(блаженной кончиной)] чистого разума.

Раньше, чем мы рассмотрим /раздоры и раздвоения[3], вызываемые этим противоречием законов (антиномией) чистого разума, мы сделаем некоторые сообщения, разъясняющие и оправдывающие метод, которым мы пользуемся при исследовании своего предмета. Все трансцендентальные идеи, поскольку они касаются абсолютной целостности в синтезе явлений, я называю /космологическими понятиями[4], отчасти именно ввиду этой безусловной целостности, на которой основывается также понятие мирового целого, само составляющее только идею, отчасти же потому, что они относятся исключительно к синтезу явлений, т.е. к эмпирическому

3) С – не возникает
З – нельзя... найти
(sich nicht... vorfinden will)
4) С, В – ни малейшей
З – какую-либо
(mindeste)
5) С, З – пневматизма
(des Pneumatismus)
6) С – отрицать своей коренной ошибки, ввиду которой благоприятная для нее иллюзия при критическом испытании огнем вся превращается в пар
(den Erbfehler nicht verleugnen kann, bei allem ihm günstigen Schein in der Feuerprobe der Kritik sich in lauter Durst aufzulösen)
7) С – стремится
З – намерен
(denkt)
8) С – придать большую вероятность
З – придавая ему вид правдоподобия
(mit vielem Scheine geltend zumachen)
9) С – именно показывается
З – мы, собственно, сталкиваемся
(zeigt sich nähmlich)
10) С – где нет нужды умствовать или ставить искусственные силки
(auf die keiner zu grübeln und künstlich Schlingen zu legen braicht)

1) С – он избегает дремоты воображаемого убеждения
З – это не позволяет... убаюкивать себя воображаемой уверенностью
(und dadurch zwaz vor dem Schlummer einer eingebildeten Überzeugung... verwahrt)
2) С, В – скептической безнадежности
(einer skeptischen Hoffnungslosigkeit)

3) З – разлад и расстройство
(des Zweispalts und der Zerrüttungen)

4) С, В – мировыми понятиями
(Weltbegriffe)

[синтезу], между тем как абсолютная целостность в синтезе условий всех возможных вещей вообще 435 приводит к идеалу чистого разума, который совершенно отличается от космологического понятия, хотя и находится в связи с ним. Подобно тому как паралогизмы чистого разума послужили основанием для диалектической психологии, также и антиномии (die Antinomie) чистого разума раскрывают трансцендентальные основоположения мнимой чистой (рациональной) космологии, не для того, /чтобы признать ее состоятельной и усвоить ее[1], а – как это видно уже из названия антиномии (Widerstreit) разума – для того, чтобы /изобразить ее как несогласимую с явлениями идею в ее блестящей, но ложной видимости[2].

1) С – чтобы их [основоположения] усвоить или придать им значение (nicht um sie gültig zu finden und sich zuzueignen)

2) С – представить их в их ослепительном, но ложном блеске, как идеи, несовместимые с явлениями (um sie als eine Idee, die sich mit Erscheinungen nicht Vereinbaren läßt, in ihrem blendenden, aber falschen Scheine darzustellen)

Антиномии чистого разума

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

Система космологических идей

Чтобы иметь возможность перечислить эти идеи согласно одному принципу с систематической точностью, мы должны, *во-первых*, заметить, что чистые трансцендентальные понятия могут возникнуть только из рассудка, а разум, собственно, не создает никаких понятий, но он *освобождает понятие рассудка* от неизбежных ограничений [областью] возможного опыта и таким образом стремится расширить его за границы /опыта[2], хотя и в 436 связи с ним. Он достигает этого своим требованием абсолютной целостности условий (при которых рассудок подчиняет все явления синтетическому единству) для данного обусловленного и таким образом превращает категорию в трансцендентальную идею, чтобы придать абсолютную полноту эмпирическому синтезу путем продолжения его вплоть до безусловного (которое никогда не встречается в опыте и находится только в идее). Разум представляет это требование согласно основоположению: если *дано обусловленное, то дана и вся сумма условий, т.е.* /*безусловное*[1], благодаря которому единственно возможно было обусловленное. Итак, трансцендентальные идеи *прежде всего* суть не что иное, как расширенные вплоть до безусловного категории, и потому они могут быть расположены в виде таблицы соответственно классам категорий. Но, *во-вторых*, [надо заметить, что] для этого годятся не все категории, а только те, в которых синтез образует *ряд*, и притом ряд подчи-

2) С, З – эмпирического (des Empirischen)

1) З – абсолютно безусловное (das schlechthin Unbedingte)

ненных друг другу (а не координированных (nicht beigeordneten)) условий для обусловленного. Абсолютная целостность требуется разумом лишь постольку, поскольку она касается восходящего ряда условий для данного обусловленного, а не тогда, когда речь идет о нисходящем ряде (Linie) следствий или об агрегате координированных условий для этих следствий. **437** В самом деле, условия уже предполагаются для данного обусловленного и вместе с ним должны рассматриваться как данные; наоборот, следствия /не создают[1] своих условий, а скорее предполагают их, и потому, переходя от условий к следствиям (или нисходя от данного условия к обусловленному), можно не заботиться о том, прекратится ли этот ряд или нет, и вообще вопрос о его целостности /не поднимается[2] разумом.

1) С – не делают возможными (nicht möglich machen)

2) С – не есть предположение (gar keine Voraussetzung... ist)

Так, время, вполне протекшее до данного момента, необходимо мыслится так же как данное (хотя и неопределимое нами). Что же касается будущего времени, оно не служит условием для достижения настоящего времени, и потому для понимания настоящего совершенно безразлично, как мы будем рассматривать будущее время, предположим ли мы, что оно прекратится где-либо или что оно будет продолжаться до бесконечности. Положим, [нам] дан ряд, *m*, *n*, *o*, в котором *n* дано как обусловленное со стороны m и в то же время как условие для *o*; допустим, что этот ряд восходит от обусловленного *n* к *m* (*l*, *k*, *i* и т.д.) и нисходит от условия n к следствиям *o* (*p*, *q*, *r* и т.д.), в таком случае, чтобы рассматривать *n* как данное я должен предполагать существование первого ряда, и согласно разуму (целостности условий) *n* возможно только при посредстве этого ряда, тогда как от ряда следствий *o*, *p*, *q*, *r* его возможность вовсе не зависит, и потому этот ряд может рассматриваться не как данный, **438** а только как dabilis [(могущий быть данным)].

Синтез ряда со стороны условий, начиная с условия, ближайшего к данному явлению, и переходя к более отдаленным условиям, я называю р е г р е с с и в н ы м, а синтез ряда со стороны обусловленного, начиная с ближайшего следствия и переходя к более отдаленным, я называю п р о г р е с с и в н ы м. /[Предметом] первого [синтеза] служит[1] antecedentia, а [предметом] второго – consequentia. Космологические идеи, следовательно, занимаются целостностью регрессивного синтеза и [предметом] их служат (gehen in) antecedentia, а не – consequentia. Вопрос о следствиях есть произвольная и не необходимая проблема чистого разума, так как для совершенной понятности того, что дано в явлении, нам нужны, конечно, основания, а не следствия.

1) С – Первый идет в...
З – направлен in
(Die erstere geht in...)

Чтобы начертать (einzurichten) теперь таблицу идей соответственно таблице категорий, мы возьмем прежде всего два первоначальных Quanta [(количества)] всех наших наглядных представлений – время и пространство. Время само по себе есть ряд (и формальное условие всех рядов), поэтому в нем в отношении к данному настоящему a priori следует различать antecedentia как условия (прошедшее) и consequentia (будущее). Следовательно, трансцендентальная идея абсолютной целостности ряда условий **439** для данного обусловленного относится только ко всякому прошедшему времени. Согласно идее разума все протекшее время необходимо мыслится как данное в качестве условия данного момента. Что же касается пространства, в нем самом по себе нет никакого различия прогресса и регресса, оно образует а г р е г а т, но не р я д, так как его части существуют все в одно и то же время (zugleich). Настоящий момент я могу рассматривать в отношении прошедшего времени только как /следствие[1], но не как условие его, потому что этот момент возникает лишь благодаря протекшему времени (или, вернее, /благодаря протеканию прошедшего времени[2]). Что же касается пространства, так как части его не подчинены, а координированы друг другу, то одна часть его не служит условием возможности другой, и само по себе пространство не составляет подобно времени ряда. Однако синтез многообразия частей пространства, посредством которого мы аппрегендируем пространство, осуществляется все же последовательно, значит, происходит во времени и образует (enthält) ряд. Так как в этом ряду составляющих агрегат пространств (напр., футов в сажени) пространства, присоединяемые к данному, всегда составляют у с л о в и е г р а н и ц ы предыдущих, то и з м е р е н и е пространства следует рассматривать так же как синтез ряда условий для данного обусловленного, /[с той лишь границей], что сторона условий сама по себе не отличается от стороны следствий[3], так что регресс и прогресс **440** в пространстве кажутся одинаковыми. Но так как часть пространства не дана посредством другой части, а только ограничена ею, то всякое ограниченное пространство мы должны рассматривать как обусловленное в том смысле, что им предполагается другое пространство в качестве условий (die Bedingung) его границы и т.д. Следовательно, в отношении ограничения /переход от одной части пространства к другой[1] также есть регресс, и трансцендентальная идея абсолютной целостности синтеза в ряду условий касается также и пространства, а потому я могу задаваться вопросом об абсолютной целостности яв-

1) З – обусловленное (bedingt)

2) С – в силу истечения предшествующего времени (durch das Verfließen der vorhergehenden Zeit)

3) З – только сторона условий сама по себе не отличается от стороны обусловленного (nur daß die Seite der Bedingungen von der Seite, nach welcher das Begingte hinlegt, an sich selbst nicht unterschieden ist)

1) З – продвижение в пространстве (der Fortgang im Raume)

ления в пространстве, как и о целостности явления в протекшем времени. Возможен ли вообще ответ на этот вопрос, будет видно из дальнейшего исследования (wird sich künftig bestimmen lassen).

Во-вторых, реальность в пространстве, т.е. м а т е р и я, есть [нечто] обусловленное: внутренним условием ее служат ее части, а части ее частей суть более отдаленные условия ее, так что здесь существует регрессивный синтез, и разум требует абсолютной целостности его, которая может быть достигнута не иначе как путем законченного деления, /причем[2] реальность материи или /совершенно исчезает[3], или превращается в нечто такое, что уже не есть материя, именно в [нечто] простое. Следовательно, здесь также есть ряд условий и /восхождение к бесконечности[4].

2) С – посредством которого
З – отчего
(dadurch)

3) С – обращается в ничто
(in Nichts... verschwindet)

4) З, В – восхождение
(движение) к безусловному
(ein Fortschritt zum Unbedingten)

441 В-третьих, что касается категорий реального отношения между явлениями, категория субстанции и ее акциденций /не имеет притязаний[1] быть трансцендентальной идеей, иными словами, разум не имеет никакого основания регрессивно восходить (zu gehen) по поводу ее к условиям. В самом деле, акциденции (поскольку они принадлежат одной и той же субстанции) координированы друг с другом и не составляют ряда. /В отношении[2] к субстанции они, собственно, не подчинены, а представляют способ существования /ее[3]. Идеей трансцендентального разума здесь могло бы казаться еще понятие с у б с т а н ц и а л ь н о с т и. Но так как им обозначается лишь понятие /о самостоятельно существующем предмете вообще[4], поскольку в нем мыслится только трансцендентальный субъект без всякого предиката (ohne alle Prädikate), а здесь идет речь только о безусловном в ряду явлений, то ясно, что субстанциальность не может быть членом такого ряда. То же [замечание] относится и к взаимодействующим субстанциям, образующим простой агрегат и не имеющим никакого экспонента ряда, так как они не подчинены друг другу как условия /возможности друг для друга[5], что можно утверждать о пространствах, границы которых всегда определяются не сами по себе (an sich), а посредством другого пространства. Таким образом, остается только категория п р и ч и н н о с т и, устанавливающая для данного действия ряд причин, **442** в котором можно восходить от действия как обусловленного к причинам как условиям и дать ответ на вопрос разума.

1) З – не подходит для того, чтобы
(schickt sich... nicht zu)

2) З – Но в отношении
(In Ansehung... aber)
3) С – самой субстанции
(der Substanz selber)

4) С – о предмете вообще, как существующем
(vom Gegenstande überhaupt, welcher subsistiert)

5) С – его [ряда] возможности
З – своей возможности
(ihrer Möglichkeit)

В-четвертых, понятия возможного, действительного и необходимого не приводят ни к какому ряду, за исключением лишь [понятия] / с л у ч а й н о г о существования[1], которое должно быть рассматриваемо как обусловленное и согласно правилу рас-

1) С, З – случайное в существовании
(das Zufällige im Dasein)

судка указывает [всегда] на условие, необходимо заставляющее нас восходить к еще более высокому условию, пока разум не найдет безусловной необходимости только в целостности этого ряда.

Итак, существует не более четырех космологических идей согласно четырем классам категорий, если отметить те из них, которые необходимо приводят к возникновению ряда в синтезе многообразия.

443 1.

Абсолютная полнота
сложения
данного целого всех явлений

2.

Абсолютная полнота
деления
данного целого в явлении

3.

Абсолютная полнота
возникновения
явления вообще

4.

Абсолютная полнота
зависимости существования
изменчивого в явлении

Здесь следует прежде всего заметить, что идея абсолютной целостности касается только изложения явлений, а вовсе не чистого рассудочного понятия о целом вещей вообще. Следовательно, явления будут рассматриваться здесь как данные, и разум требует абсолютной полноты условий возможности их, поскольку условия образуют ряд, следовательно, он требует абсолютно (т.е. во всех отношениях) полного синтеза, посредством которого явление могло бы быть изложено согласно законам рассудка.

Во-вторых, в этом синтезе условий, /образующем регрессивный ряд[1], разум, собственно, ищет только безусловного, он ищет как бы полноты 444 в ряду посылок, которые, взятые вместе, не предполагают /более ничего[1]. Это безусловное содержится всегда в абсолютной целостности (Totalität) ряда, представляемой в воображении. Но этот безусловно необходимый синтез /есть только[2] идея, так как нельзя, по крайней мере наперед, знать, возможен ли такой синтез в области явлений. /Если ограничиться одними только чистыми[3] понятиями рассудка, без условий чувственного наглядного представления, то можно прямо сказать, что для данного обусловленного дан также и весь ряд подчиненных друг другу условий, так как обусловленное дано не иначе как через по-

1) С – производимом в форме... ряда и притом регрессивно (in dieser reihenweise und zwar regressiv fortgesetzen Synthesis)

1) С – других [посылок]
З – уже другого ряда
(weiter keine andere)

2) С – в свою очередь, только
З – опять-таки есть только
(ist wiederum nur)

3) С, З – Если все представлять себе только путем (посредством одних только) чистых...
(Wenn man sich alles durch bloße reine... vorstellt)

средство этого ряда. Но в области явлений существует особое ограничение способа, каким могут быть даны условия, именно они даются посредством последовательного синтеза многообразия наглядного представления, который должен быть /завершенным[4] в регрессивном [направлении]. Возможна ли эта полнота в чувственной [форме] (sinnlich), это еще вопрос. Но во всяком случае идея этой полноты уже заложена в разуме, независимо от возможности или невозможности сочетать адекватно ей эмпирические понятия. И так как в абсолютной целостности регрессивного синтеза многообразия в явлении (под руководством категорий, которые представляют его как ряд условий для данного обусловленного) безусловное **445** необходимо содержится, хотя бы и не был решен вопрос, возможно ли и каким образом возможно осуществить эту целостность, то разум начинает здесь свой путь с идеи целостности, хотя, конечно, целью ее служит, собственно, безусловное /целого ряда[1] или части его.

4) С, З – полным (vollständig)

Это безусловное можно представлять себе или как присущее только целому ряду, в котором, следовательно, все члены обусловлены и лишь целое их абсолютно безусловно и тогда регресс называется бесконечным; или же абсолютно безусловное есть только часть ряда, которой остальные члены ряда подчинены, а сама она не зависит /ни от какого условия[2]*. В первом случае ряд безграничен (не имеет начала) a parte priori, т.е. бесконечен, и хотя он вполне дан, тем не менее регресс в нем никогда не закончен и может быть назван бесконечным только в возможности (potentialiter). Во втором случае существует первый **446** член ряда, который называется в отношении к протекшему времени началом мира, в отношении пространства – границей мира, в отношении частей данного в своих границах целого – простым, в отношении причин – абсолютной самодеятельностью (свободой), в отношении существования изменчивых вещей абсолютной – естественной необходимостью (Naturnotwendigkeit).

1) С – всего ли ряда
З – все равно, целого ли ряда (es sei der ganzen Reihe)

2) С – ни от каких других условий
(keiner anderen Bedingung)

У нас есть два термина: **мир и природа**, смешиваемые иногда друг с другом (bisweilen ineinander laufen). Первый из них обозначает математическое целое

* **445** Абсолютное целое ряда условий для данного обусловленного всегда имеет безусловный характер, так как вне его нет более никаких условий, в отношении которых оно могло бы быть обусловленным. Однако это абсолютное целое такого ряда есть только идея или, вернее, проблематическое понятие, возможность которого должна подвергнуться исследованию, именно в отношении к способу, как может содержаться в нем безусловное в качестве настоящей трансцендентальной идеи, / о которой здесь идет речь[3].

3) С – к которой оно [безусловное] сводится (worauf es ankommt)

1) З – как в большом, так и в малом, т.е. в продвижении синтеза как...
(im Großen sowohl als im Kleinen, d.i. sowohl in dem Fortschritt derselben durch...)

всех явлений и целостность синтеза их /как в общем, так и в частности, т.е. в синтезе их как[1] путем сложения, так и путем деления. Но тот же самый мир называется природой*, поскольку мы рассматриваем его как динамическое целое и имеем в виду не агрегат в пространстве **447** или времени, чтобы реализовать его как величину, а единство в с у щ е с т в о в а н и и явлений. При этом условие того, что случается, называется причиной, и безусловная причинность причины в явлении называется свободой, между тем как обусловленная причинность называется естественной причиной (Natururѕache) в тесном смысле слова. Обусловленное в существовании вообще называется случайным, а безусловное – необходимым. Безусловная необходимость я в л е н и й может называться естественной необходимостью (Naturnotwendigkeit).

1) С, З – в регрессивном движении (направлении) к условиям
(im Regressus zu den Bedingungen)

2) З – и хотя они не выходят за пределы объекта, именно явлений, когда речь идет об их роде
(ob sie zwar das Objekt, nähmlich Erscheinungen, der Art nach nicht überschreiten)

Идеи, которыми мы занимаемся теперь, я назвал выше космологическими отчасти потому, что под словом мир подразумевается совокупность всех явлений и рассматриваемые нами идеи также направлены только на безусловное среди явлений, отчасти же потому, что слово м и р в трансцедентальном смысле обозначает абсолютную целостность в совокупности существующих вещей, и мы также обращаем внимание исключительно на полноту синтеза (хотя, собственно, только /в регрессивном ряду условий[1]). Но сверх того все эти идеи трансцендентны /и, не покидая области явлений, что к а с а е т с я р о д а объекта[2], именно занимаясь исключительно чувственным миром (а не ноуменами), они тем не менее доводят синтез до такой с т е п е н и, которая выходит за пределы всякого возможного опыта, поэтому все их вполне кстати, по моему мнению, можно назвать к о с м о л о г и ч е с к и м и п о н я т и я м и. **448** Что касается различия между математически и динамически безусловным, составляющим цель регресса, я бы назвал два первых понятия космологическими понятиями в тесном смысле (о мире в общем и в частностях), а два последних – т р а н с ц е н д е н т н ы м и п о н я т и я м и п р и р о д ы. Это различие теперь не имеет еще особенного значения, но впоследствии оно будет очень важно (wichtiger).

---

* Природа, понимаемая adjective (formaliter) означает связь определения вещи согласно внутреннему принципу причинности. Наоборот, природа, понимаемая substantive (materialiter), обозначает совокупность явлений, поскольку они находятся во всесторонней связи друг с другом благодаря внутреннему принципу причинности. В первом смысле мы говорим о природе жидкой материи, огня и т.п., пользуясь этим словом лишь adjective, наоборот, когда говорят о вещах природы, имеют в виду существующее целое.

Антиномии чистого разума

ВТОРАЯ СЕКЦИЯ

Антитетика чистого разума

/Если сумму догматических учений назвать тетикой[1], то под антитетикой следует разуметь не догматические утверждения противоположного, а противоречие между догматическими по виду знаниями (thesin cum antithesi), из которых ни одному нельзя отдать предпочтение перед другим. Следовательно, антитетика занимается вовсе не односторонними утверждениями, но рассматривает общие знания разума только со стороны противоречия их между собой и причин этого противоречия. Трансцендентальная антитетика есть исследование об антиномии чистого разума, причинах и результатах ее. Если мы употребляем свой разум не только для применения основоположений рассудка к **449** предметам опыта, но и пытаемся распространить эти основоположения за границы опыта, то отсюда возникают умствующие положения, которые не могут надеяться на подтверждение со стороны опыта, но и не опасаются опровержения с его стороны, при этом каждое из них не только свободно от противоречий само по себе (an sich selbst ohne Widerspruch), но даже находит в природе разума условие (Bedingungen) своей необходимости, однако, к сожалению, и противоположное утверждение имеет на своей стороне столь же значительные (gültige) и необходимые основания.

1) С – Если тетика есть каждая совокупность догматических доктрин
(Wenn Thetik ein jeder Inbegriff dogmatischer Lehren ist)

Вопросы, естественно представляющиеся чистому разуму ввиду этой диалектики, таковы: 1) при каких утверждениях чистый разум неизбежно впадает в (unterworfen sei) антиномию? 2) от каких причин зависит эта антиномия? 3) может ли разум, несмотря на это противоречие, найти путь к достоверности и как это сделать?

Согласно сказанному, диалектическое утверждение чистого разума должно отличаться (muß... Unterscheidene an sich haben) от всех софистических положений, во-первых, тем, что оно относится не к любому произвольно [задаваемому] вопросу, /а к такой [проблеме][1], на которую всякий человеческий разум необходимо должен наткнуться в своем движении вперед, и, во-вторых, тем, что оно вместе со своей противоположностью вызывает / не[2] искусственную иллюзию, тотчас же исчезающую, как только она замечена нами, а естественную и неизбежную иллюзию, **450** /которая сохраняется даже и тогда, когда она

1) С – которые [ый] поставлен только с известной целью
(die man nur in gewisser belibiger Absicht aufwirft)

2) С – не только
(nicht bloß)

уже не обманывает нас больше[1], и, следовательно, может быть сделана, правда, безвредной, но никогда не может быть искоренена (vertilgt).

Это (Eine solche) диалектическое учение относится не к единству рассудка в понятиях опыта, а к единству разума в одних лишь идеях его. Это единство, как синтез, подчиненный правилам, должно согласоваться (kongruiren) с рассудком, но в то же время, как абсолютное единство синтеза, оно должно согласоваться с разумом, поэтому, если оно адекватно единству разума, то условия его слишком значительны (zu groβ) для рассудка, а если оно сообразуется с рассудком, то условия его слишком ничтожны (zu klein) для разума, отсюда должно возникать противоречие, которое /не может быть устранено[2], что бы мы ни предпринимали.

Эти умствующие утверждения создают (eröffnen), следовательно, диалектическую арену для борьбы, /в которой всякий раз побеждает та сторона[3], которая получает позволение начать нападение, и терпит поражение, наверное (gewiβ), та сторона, которая принуждена вести только оборонительную [войну]. Поэтому ловкий (rüstige) рыцарь, все равно, борется ли он за доброе или дурное дело, может быть уверен в победе, если только заботится о том, чтобы иметь привилегию нанести последний удар и не быть обязанным выдерживать новое нападение противника. /Понятно[4], что эта арена издавна часто посещалась для [борьбы] и что обе стороны одержали здесь немало побед, **451** /причем сторонники последнего борца, одержавшего победу, всегда заботились, чтобы[1] защитник доброго дела один удержал за собой поле и чтобы противнику его было запрещено на будущее время брать оружие в руки. Как беспартийные судьи, мы должны оставить совершенно в стороне вопрос, борются ли спорящие стороны за доброе или дурное дело, и предоставить им сначала решить их спор (ihre Sache) между собой. Быть может, они, более утомив друг друга, чем нанеся ущерб друг другу, сами заметят пустоту своего спора и разойдутся как добрые друзья.

Этот метод состоит в том, что мы присматриваемся к спору между утверждениями или даже сами вызываем его, не для того, чтобы в конце концов решить его в пользу той или другой стороны, а для того, чтобы исследовать, не есть ли предмет спора /пустой призрак, который напрасно манит к себе каждую из [спорящих сторон][2] и не может дать им ничего, даже если бы они и не встречали сопротивления. /Этот метод можно назвать с к е п т и ч е с к и м[3]. Он глубоко отличается от с к е п т и ц и з м а, [т.е.] от принципа /искусствен-

1) С – которая даже тогда, если она уже и разоблачена, все еще сбивает с толку)
З – которая все еще сбивает нас с толку, хотя уже не обманывает
(der selbst, wenn man nicht mehr durch ihn hintergangen wird, noch immer täuscht, obschon nicht betrügt)

2) С – нельзя избежать
(nicht vermieden werden kann)

3) С – где берет верх каждая сторона
(wo jeder Teil die Oberhand behält)

4) С, З – Легко (нетрудно) себе представить
(Man kann sich leicht vorstellen)

1) С – последнее, что решало дело, всегда была забота о том, чтобы...
З – причем для последней победы, решавшей все дело, всегда старались, чтобы....
(für den letzten alber, der die Sache entschied, jederzeit so gesorgt worden sei, daβ...)

2) З – мираж, которого тщетно домогается каждый
(ein bloβes Blendwerk sei, wornach jeder vergeblich hascht)

3) С – этот метод, говорю я, можно назвать скептическим методом
(dieses Verfahren, sage ich, kann man die skeptische Methode nennen)

ного и научного агностицизма, подкапывающего[4] основу всякого знания, чтобы, по возможности, нигде не оставить ничего достоверного и / надежного[5]. В самом деле, скептический метод /приводит к[6] достоверности благодаря тому, что **452** /отыскивает[1] в споре, ведущемся с обеих сторон честно и с умом (mit Verstand) , источник недоразумения, подобно мудрым законодателям, которые /из затруднений судей в юридических процессах[2] извлекают для себя поучения /относительно неполноты и неточности[3] своих законов. Антиномия, обнаруживающаяся во время применения законов, есть ввиду ограниченности нашей мудрости лучшее испытание для номотетики, заставляющее разум, нелегко замечающий свои ошибки в абстрактном умозрении (Spekulation), обратить внимание на моменты в определении своих основоположений.

4) З – искусного и ученого невежества, подрывающего (einer kunstmäßigen und szientifischen Unwissenheit, welcher... untergräbt)
5) З – надежного в знании (Sicherheit derselben)
6) С, З – имеет своей целью (geht auf)
1) З – пытаясь отыскать (zu entdecken sucht)
2) С – из замешательства судьи при отправлении правосудия (aus der Verlegenheit der Richter bei Rechtshändeln)
3) С – о недостаточности и малой определенности (von dem Mangelhaften und nicht genau Bestimmten)

Однако этот скептический метод по существу (wesentlich) свойствен только трансцендентальной философии, без него можно обойтись во всякой другой области исследований, за исключением лишь трансцендентальной философии. В математике его применение не имело бы смысла, так как в этой науке никакие ложные утверждения не могут укрыться и сделаться невидимыми, потому что доказательства ее всегда развиваются под руководством чистого наглядного представления и притом на основании постоянно (jederzeit) очевидного синтеза. В экспериментальной философии /временное сомнение[4], конечно, может быть полезным, но здесь не встречаются такие недоразумения, которые не могли бы быть легко устранены, и последние средства решения спора (des Zwistes) рано или поздно должны быть найдены в конце концов в опыте. Мораль может **453** дать все свои основоположения вместе с практическими следствиями также in concreto, по крайней мере в возможном опыте, и таким образом избежать недоразумений, [кроющихся] в абстракциях. Наоборот, трансцендентальные утверждения, имеющие притязание расширить знание даже за пределы всякого возможного опыта, имеют такой характер, что абстрактный синтез их не мог бы быть дан a priori ни в каком наглядном представлении, и недоразумения, [кроющиеся в них], не могли бы быть открыты никаким опытом. Поэтому трансцендентальный разум не допускает никакого иного испытания, кроме попытки /примирения[1] его утверждений друг с другом, и, следовательно, /свободного предварительного состязания[2] их между собой. К этому мы и приступим теперь*.

4) С – выжидание сомнения З, Г – откладывание (отсрочка) вызываемое сомнением (ein Zweifel des Aufschubs)

1) З – объединения (der Vereinigung)
2) З – прежде всего попытки свободного и беспрепятственного состязания (zuvor des freien und ungehinderten Wettstreits)

* Антиномии следуют друг за другом в порядке приведенных выше трансцендентальных идей.

454 Антиномии

первая противоположность (Widerstreit)

454 *Тезис*

Мир имеет начало во времени и ограничен (ist... eigeschlossen) также в пространстве.

Доказательство

[В самом деле,] если мы допустим, что мир не имеет начала во времени, то до всякого данного момента времени протекла вечность и, следовательно, протек бесконечный ряд следующих друг за другом состояний вещей в мире. Но бесконечность ряда именно в том и состоит, что он никогда не может быть закончен путем последовательного синтеза. Следовательно, бесконечный протекший ряд в мире невозможен; значит, начало мира есть необходимое условие его существования, что и требовалось /доказать[1].

1) С – прежде всего... доказать
З – доказать, во-первых
(zuerst zu beweisen war)

Что касается в т о р о й [половины тезиса], допустим опять противоположное [утверждение], что мир есть бесконечное данное целое из одновременно существующих вещей. Но величину такого к о л и ч е с т в а , которое не дано в известных границах какого бы то ни было наглядного представления*, мы 456 /можем представить не иначе[1] как только посредством синтеза частей, и целостность такого количества – только посредством законченного синтеза или посредством повторного присоединения единицы к самой себе**. Поэтому, чтобы мыслить как целое мир,

1) С – нельзя мыслить никаким другим способом
(können... auf keine andere Art... gedenken)
(Schm. – denken)

* Если неопределенное количество заключено в границы, то можем наглядно представлять его как целое, не нуждаясь в построении целостности его путем измерения, т.е. путем последовательного 456 синтеза его частей, так как границы уже определяют законченность, отрезая все лишнее (alles Mehreres).

** Понятие целостности обозначает в настоящем случае не что иное, как представление законченного синтеза /частей[2]. В самом деле, так как мы не можем в настоящем случае извлечь это понятие из наглядного представления целого (невозможного в настоящем случае), то мы можем /приобрести[3] его, по крайней мере в идее, только путем синтеза частей, продолжающегося вплоть до завершения бесконечности.

2) С, З – его частей
(seiner Teile)

3) С – понять
З – постичь
(fassen)

455 чистого разума

трансцендентальных идей

Антитезис

Мир не имеет начала во времени и границ в пространстве; он бесконечен как во времени, так и в пространстве.

Доказательство

В самом деле, допустим, что мир имеет начало [во времени]. Так как начало есть существование, которому предшествует время, когда вещи не было, то некогда должно было /существовать[1]) время, в котором мира не было, т.е. пустое время. Но в пустом времени невозможно возникновение какой бы то ни было вещи, так как ни одна часть такого времени в сравнении с другой частью не заключает в себе отличного условия существования предпочтительно перед условием несуществования (все равно, возникает ли оно само по себе (von sich selbst) или посредством другой причины). Поэтому хотя многие ряды вещей и могут иметь начало в мире, но сам мир не может иметь начала и, следовательно, в отношении протекшего времени бесконечен.

1) С, В – предшествовать (vorhergegangen sein)

Что касается второй [части] антитезиса, допустим сначала противоположное, именно что мир конечен и ограничен в пространстве; в таком случае он находится в пустом пространстве, которое не ограничено. Следовательно, должно существовать не только отношение вещей в п р о с т р а н с т в е , но и отношение их к пространству. Но так как мир есть абсолютное целое, вне **457** которого нет никакого предмета наглядного представления и, следовательно, никакого коррелята, с которым он соотносился бы, то отношение мира к пустому пространству было бы отношением его /к н и ч т о[1]). Но такое отноше-

1) С – ни к какому предмету (zu keinem Gegenstande)

наполняющий /все пространство[3]), необходимо было бы рассматривать последовательный синтез частей бесконечного мира как законченный, т.е. пришлось бы рассматривать бесконечное время, необходимое /для исчисления[4]) всех сосуществующих вещей, как протекшее, что невозможно. Итак, бесконечный агрегат действительных вещей не может быть рассматриваем как данное целое, следовательно, он не может быть рассматриваем также и как данный одновременно. Следовательно, мир по [своему] протяжению в пространстве не бесконечен, но заключен в границы, что и требовалось доказать (welches das zweite war).

3) С, З – все пространства (alle Räume)

4) С – в исчислении
З – при перечислении (in der Durchzählung)

Примечание

458 *I. К тезису*

Приводя эти противоречащие друг другу аргументы, я не гнался за иллюзией, чтобы построить (так называемое) (wie man sagt) адвокатское доказательство, пользующееся к своей выгоде неосторожностью противника и охотно принимающее его ссылку на неправильно понятый закон с целью основать затем на опровержении его свои собственные незаконные притязания. Каждое свое доказательство мы заимствовали /из самой сущности дела[1]), оставляя в стороне те выгоды, которые могли бы быть доставлены нам ошибочными умозаключениями догматиков обоих лагерей.

Я бы мог дать мнимое доказательство тезиса также исходя из ошибочного понятия бесконечности данной величины, /как это часто делают догматики[2]). Бесконечна та величина, больше которой (т.е. больше множества содержащихся в ней данных единиц) невозможна никакая другая величина. Но никакое множество не может быть наибольшим, так как /ко всякому[3]) [множеству] можно прибавить еще одну

1) С – из природы вещи (aus der Sache Natur) (Schm. – aus der Natur der Sache)

2) С – по обычаю догматиков (nach der Gewohnheit der Dogmatiker)

3) С – к нему всегда (noch immer)

ние, а следовательно, и ограничение мира пустым пространством есть ничто (nichts) следовательно, мир вовсе не ограничен в пространстве, т.е. он бесконечен в отношении протяжения* .

---

* Пространство есть только форма внешнего наглядного представления (формальное наглядное представление), а вовсе не действительный предмет, который можно было бы наглядно представлять как внешний. Пространство, [существующее] под именем абсолютного пространства раньше всех вещей, которые определяют (наполняют или ограничивают) его или, вернее, дают сообразное с его формой эмпирическое наглядное представление, есть не что иное, как только возможность внешних явлений, поскольку они или сами по себе существуют, или могут еще присоединиться к данным явлениям. Следовательно, эмпирическое наглядное представление не сложено из явлений и пространства (из восприятия и пустого наглядного представления). Один [из этих элементов] не служит коррелятом другому в синтезе; они связаны друг с другом в одном и том же эмпирическом наглядном представлении как содержание (Materie) и форма его. Если мы попытаемся поместить один из этих элементов вне другого (пространство вне всех явлений), то отсюда возникают всевозможные пустые определения внешнего наглядного представления, /не принадлежащие, однако, к числу[2] возможных восприятий: напр., [понятие] движения или покоя мира в бесконечном пустом пространстве, определения отношения их друг к другу, которое никогда не может быть воспринято и, следовательно, служит предикатом /лишь воображаемой вещи[3].

2) С – которые не могут быть (die doch nicht mögliche Wahrnehmungen sind)
3) С – только мысленной вещи
З – лишь пустого порождения мысли
(eines bloßen Gedankendinges ist)

к 459 первой антиномии

II. К антитезису

Доказательство бесконечности данного мирового ряда и совокупности мира основывается на том, что в противном случае границей мира должны были бы служить пустое время и пустое пространство. Я знаю, что можно сделать попытку избежать этого вывода, именно можно утверждать, что граница мира во времени и в пространстве возможна, и тем не менее при этом нет необходимости допускать существование абсолютного времени до начала мира и абсолютного пространства, /находящегося[1] вне действительного мира, что нелепо (unmöglich ist). С последней частью этих мнений философов школы Лейбница я вполне согласен (zufrieden). Пространство есть только форма внешнего наглядного представления, а вовсе не действительный предмет, который можно было бы наглядно представлять как внешний; оно вовсе не коррелят явлений, а форма самих явлений. Поэтому пространство не может /существовать[2] абсолютно (/само по себе[3]), /как что-то определяющее существование вещей[4], потому что оно вовсе не предмет,

1) С – протяженного (ausgebreiteten)

2) С – встречаться (vorkommen)
3) Г – для себя самого (für sich allein)
4) С – как определяющее нечто в существовании вещей (als etwas Bestimmendes in dem Dasein der Dinge)

или несколько единиц. Следовательно, бесконечная данная величина, а вместе с тем и бесконечный (что касается протекшего ряда и протяжения) мир невозможны; итак, мир ограничен во времени и в пространстве. Я бы мог вести свое доказательство таким путем, однако понятие бесконечной данной величины не совпадает с тем, что подразумевается под бесконечным целым. Посредством [понятия бесконечного целого] (dadurch) мы не представляем себе, как оно велико, иными словами, оно не есть понятие максимума, 460
так как посредством него представляется только его отношение к любой /единице[1)], в отношении которой оно больше всякого числа. [В зависимости от того,] взяли ли бы мы большую или меньшую единицу, бесконечное было бы большим или меньшим, но бесконечность, так как она состоит только в отношении к этой данной единице, оставалась бы той же самой, хотя, конечно, абсолютная величина целого таким образом вовсе не была бы познана, да о ней и не идет здесь речь.

1) С – данной единице
З – полагаемой единице
(zu einer beliebig anzunehmenden Einheit)

Истинное (трансцендентальное) понятие бесконечности состоит в том, что последовательный синтез /единицы[2)] при измерении количества никогда не может быть закончен*. Отсюда /необходимо[3)] следует, что вечность действительных следующих друг за другом состояний не может протечь до данного (настоящего) момента времени и, следовательно, мир должен иметь начало.

2) С – единства
(der Einheit)
3) С –с полной достоверностью
З – совершенно бесспорно
(ganz sicher)

Что касается второй части тезиса, проблема (die Schwieriegkeit) бесконечного и тем не менее протекшего ряда, правда, отпадает, так как многообразие бесконечного по своему протяжению мира одновременно. Однако, чтобы мыслить целостность такого множества, мы должны дать о нем отчет, так как не можем сослаться на границы, которые /бы сами определяли эту целостность в наглядном представлении[4)]; давая отчет, мы не можем в настоящем случае идти от целого к определенному множеству частей, но должны доказать возможность целого путем последовательного синтеза частей. А так как этот синтез должен был бы образовать ряд, который никогда не может быть завершен, то, следовательно, до него и также (mithin) посредством его не может быть мыслима целостность. В самом деле, само понятие целостности есть в настоящем случае представление законченного синтеза частей, между тем эта законченность и, следовательно, понятие о ней невозможны.

4) С – эта целокупность создает в созерцании сама по себе
З – само собой составляют эту целокупность в созерцании
(welche diese Totalität von selbst in der Anschauung ausmachen)

---

* Таким образом, количество содержит в себе множество (данных единиц) большее, чем всякое число, таково математическое понятие бесконечного.

а только форма возможных предметов. Следовательно, вещи как явления, определяют пространство, т.е. ими обусловлено то, что действительны такие-то, а не иные из всех возможных предикатов пространства (величина и отношение); наоборот, пространство как нечто существующее само по себе не может определять действительности вещей в отношении величины или формы, потому что оно не действительно само по себе. Поэтому пространство (будет ли оно наполненным или пустым)* **461** может быть ограничено явлениями, тогда как явления не могут быть ограничены пустым пространством, [находящимся] вне их/[1]). Соглашаясь со всем этим, нельзя, однако, не признать, что тот, кто допускает существование границы мира в пространстве или во времени, неизбежно принужден также допускать [существование] этих двух бессмыслиц (Undinge) – пустого пространства вне мира и пустого времени до мира.

1) С – То же самое надо сказать и о времени
Г – То же самое имеет значение и для времени
(Eben dieses gilt auch von der Zeit)

В самом деле, средство избежать нашего вывода, согласно которому, если мир имеет границы (во времени и в пространстве), то существование действительных вещей должно определяться, что касается их величины, бесконечной пустотой, заключается, собственно, в скрытой попытке мыслить вместо чувственного мира какой-то умопостигаемый мир, мыслить вместо первого начала (существование, которому предшествует время несуществования) вообще существование, не предполагающее никакого иного условия в мире, а вместо границы протяжения пределы (Schranken) мирового целого и таким образом /освобождаться от[2]) времени и пространства. Между тем здесь речь идет только о mundus phaenomenon [(мире явлений)] и его величине, причем от упомянутых условий чувственности никоим образом нельзя отвлекаться, не уничтожая сущности этого мира. Чувственный мир, если он ограничен, неизбежно находится в бесконечной пустоте. Если мы устраняем ее и вместе с ней пространство вообще как априорное условие возможности явлений, то вместе с этим падает весь чувственный мир. Между тем именно этот мир был задачей нашего [исследования]. Mundus intelligibilis [(умопостигаемый мир)] есть не более как общее понятие мира вообще, в котором мы отвлекаемся от всех условий наглядного представления его, и в отношении которого поэтому невозможно никакое синтетическое положение – ни утвердительное, ни отрицательное.

2) С – устраняют с дороги
(aus dem Wege geht)

---

* Мы хотим сказать этим, как это легко понять, что пустое пространство, поскольку оно ограничено явлениями, **461** т.е. пустое пространство внутри мира, не противоречит по крайней мере трансцендентальным принципам и потому может быть допущено в отношении к ним (хотя этим еще не утверждается его возможность).

Антиномии

462 вторая противоположность

Тезис

Всякая сложная субстанция в мире состоит из простых частей, и вообще существует только простое и то (oder das), что сложено из простого.

Доказательство

В самом деле, допустим, что сложные субстанции /не состоят из простых частей[1]; в таком случае, если бы мы уничтожили (aufgehoben würde) мысленно все сложение, то в результате не осталось бы ни сложных, ни простых частей (так как простых частей нет), иными словами, не осталось бы ничего и, следовательно, не было бы дано никакой субстанции. Следовательно, или сложение не может быть уничтожено мысленно, или же по уничтожении его должно остаться что-либо существующее без всякой сложности, т.е. что-либо простое. Но в первом случае сложное не состояло бы из субстанций (так как для субстанций /сложность[2] есть лишь случайное отношение и без нее они должны существовать как /самостоятельно пребывающие существа[3]). **464** Так как этот случай противоречит нашему предположению, то остается возможным только второй случай, именно то, что /сложные субстанции в мире состоят[1] из простых частей.

1) С, В – состоят не из простых частей (beständen nicht aus einfachen Teilen)

2) З – сложение (Zusammensetzung)

3) Г – устойчивые для самих себя сущности (für sich beharrliche Wesen)

1) С, З – субстанциально сложное в мире состоит (das substantielle Zusammengesetzte in der Welt... bestehe)

463 чистого разума

трансцендентальных идей

Антитезис

Ни одна сложная вещь в мире не состоит из простых частей, и вообще /в мире нет ничего простого[1].

Доказательство

Допустим, что сложная вещь (как субстанция) состоит из простых частей. Так как всякое внешнее отношение, следовательно, также и всякое сложение субстанций возможно только в пространстве, то пространство, занимаемое сложной вещью, должно состоять из стольких же частей, из скольких состоит сложная вещь. Но пространство состоит не из простых частей, а из пространств. Следовательно, всякая часть сложной [вещи] должна занимать пространство. Но абсолютно первоначальные части всего сложного просты. Следовательно, простое занимает /пространство[2]. Но так как все реальное, занимающее пространство, заключает в себе многообразие частей, находящихся вне друг друга, т.е. является сложным и притом как реальная сложность состоит не из акциденций (так как они не могут находиться вне друг друга без субстанции), а из субстанций, то нечто простое должно было бы быть /сложной субстанцией[3], что противоречиво (welches sich widerspricht).

Вторая часть (Satz) антитезиса, именно утверждение, что в мире вообще нет ничего простого, означает здесь лишь, 465 что существование абсолютно простого не может быть установлено никоим опытом или восприятием, ни внешним, ни внутренним, и потому абсолютно простое есть только идея, объективная реальность которой не может быть доказана никаким возможным опытом, следовательно, не имеет никакого применения и никакого объекта (Gegenstand) при истолковании (in der Exposition) явлений. В самом деле, если бы мы допустили, что в соответствие этой трансцендентальной идее можно найти предмет опыта, то это значило бы, что эмпирическое наглядное представление какого-либо предмета должно быть познано как не содержащее никакого многообразия [частей], находящихся вне друг друга и связанных в единство. /Из отсутствия сознания о таком многообразии[1], правда, нельзя умозаключать о совершенной невозможности его в каком бы то ни было наглядном представлении объекта, /но для признания абсолютно простого

1) С, В – в нем не существует ничего простого
(es existirt überall nichts Einfaches in derselben)

2) З – какое-то пространство
(einen Raum)

3) С, З – субстанциально сложным
(ein substantielles Zusammengesetzen)

1) З – не осознав многообразного
(Da nun von dem Nichtbewußtsein eines solchen Mannigfaltigen)

Отсюда непосредственно следует, что все вещи в мире суть простые существа, что сложение есть только внешнее состояние их, и, /хотя бы мы и не могли вполне выделить[2] и изолировать элементарные субстанции из этого состояния соединения, тем не менее разум должен мыслить их как первые субъекты всякого сложения (Komposition) и, следовательно, до сложения, как простые существа.

2) С – что если мы никогда не можем вполне вывести (daβ, wenn wir... gleich niemals vollig... setzen... können)

466 Примечание ко

I. К тезису

Если я говорю о целом, которое необходимо состоит из простых частей, то я подразумеваю под этим только субстанциальное целое как настоящее сложное, т.е. [имею в виду] случайное единство многообразия, [части] которого, данные (по крайней мере мысленно) отдельно друг от друга, приведены во взаимную связь и таким образом составляют единство (Eines). Пространство следует, собственно, рассматривать не как compositum, а как totum, потому что части его возможны только в целом, а не целое образуется посредством частей. Во всяком случае оно могло бы называться compositum ideale, а не reale. Впрочем, /это[1] тонкости. Так как пространство /не есть сложная субстанция[2] (и даже не состоит из реальных акциденций), то по уничтожении в нем всякого /сложения[3] от него ничего не должно остаться, даже и точки, так как точка возможна только как граница пространства (т.е. [граница] сложного). **468** Следовательно, пространство и время не состоят из простых частей. То, что составляет только состояние субстанции, также не состоит из простого, хотя бы и облада-

1) З – это только (dieses ist nur)

2) З – не сложено из субстанций (kein Zusammengesetzes aus Substanzen... ist)

3) С – сложно[го] В – сложности (Zusammensetzung)

такой объект наглядного представления необходим[2]; отсюда следует, что ни из какого восприятия, каково бы оно ни было, /нельзя сделать умозаключения о существовании абсолютно простого объекта[3]. Итак, в возможном опыте ничто не может быть дано как абсолютно простой объект, а так как чувственный мир должен быть рассматриваем как совокупность всего возможного опыта, то, следовательно, в чувственном мире не дано ничего простого.

2) З – но для абсолютной простоты такой объект созерцания совершенно необходим
(dieses letzere aber zur absoluten Simplizität durchaus nötig ist)

3) С – этого нельзя вывести
(diese... könne geschlossen werden)

Эта вторая часть антитезиса простирается гораздо далее, чем первая, так как первая изгоняет простое только из наглядного представления сложных [вещей], а вторая [устраняет его] из всей природы; поэтому она могла быть доказана не из понятия данного предмета внешнего наглядного представления (сложной [вещи]), а из отношения его к возможному опыту вообще.

467 второй антиномии

II. К антитезису

Против этого положения бесконечной делимости материи, основание доказательства которого имеет чисто математический характер, м о н а д и с т ы приводят возражения, подозрительные уже потому, что они не хотят признать яснейшие математические доказательства, /имеющими значение для нашего сознания свойств[1] пространства, поскольку оно в действительности есть формальное условие возможности всякой материи, и рассматривают их только как умозаключения из абстрактных, но произвольных понятий, которые не могут быть относимы к действительным вещам. Как будто бы возможно вообразить какой-либо иной способ наглядного представления, кроме того, какой дан в первоначальном наглядном представлении пространства, и как будто бы априорные определения пространства не касаются вместе с тем всего того, что возможно лишь благодаря наполнению пространства. /Согласно их взглядам[2], кроме математических точек, которые просты, но составляют только границу пространства, а не часть его, нужно допустить еще физические точки, которые, правда, также просты, но имеют то преимущество, что составляют части пространства и наполняют его одной своей агрегацией. Не повторяя обыкновенных и ясных многочисленных опровержений этой /нелепости[3], тем более что всякие попытки устранить очевидность математики с помощью одних лишь дискурсивных понятий совершенно тщетны, я замечу только, что если философия /строит здесь козни против математики[4],

1) З – способные проникнуть в свойства...
(für Einsichten in die Beschaffenheit)

2) С – Если слушать их, то
(Wenn man ihnen Gehör giebt, so...)

3) С – нелепости, хотя их сколько угодно
(Ungereimtheit, die man in Menge antrifft)

4) С – препирается здесь с математикой
(hier mit der Mathematik schikaniert)

ло величиной (напр., изменение); известная степень изменения, напр., возникает не путем накопления (Anwachs) многих простых изменений. Наше умозаключение от сложного к простому имеет значение только для самостоятельно (für sich selbst) существующих вещей. Но акциденции состояния не существуют самостоятельно. Следовательно, доказательство необходимости простого как составной части /сложной субстанции[1] легко испортить и таким образом вообще проиграть свое дело, если чересчур расширить свое утверждение и отнести его ко всему сложному без различия, как это действительно нередко делается.

К тому же я говорю здесь о простом только постольку, поскольку оно необходимо дано в сложном, так как сложное может быть разложено на простые составные части. Собственное значение слова м о н а д а (как оно **470** употребляется Лейбницем) должно бы относиться только к простому, н е п о с р е д с т в е н н о данному как простая субстанция (напр., в самосознании), а не как элемент сложного; простое в этом последнем смысле лучше называть атомом. Так как я

1) С – всего субстанциально сложного (alles substantiellen Zusammengesetzen)

469 то это происходит /вследствие невнимания к тому[1]), что в этом вопросе речь идет только о явлениях и условии их. Поэтому в данном случае недостаточно подыскать в дополнение к чистому рассудочному понятию сложного понятие простого, но нужно найти в дополнение к наглядному представлению сложного (материи) наглядное представление простого; а это по законам чувственности, следовательно, также и для предметов чувств, совершенно невозможно. Поэтому хотя в отношении /субстанциального целого[2]), мыслимого только посредством чистого рассудка, имеет силу правило, что мы /должны мыслить[3]) простое ранее сложной субстанции, однако это правило не имеет значения для totum substantiale phaenomenon [(для субстанциального целого в явлении)], которое как эмпирическое наглядное представление в пространстве необходимо обладает тем свойством, что ни одна часть его не проста, так как ни одна часть пространства не проста. Впрочем, монадисты ловко пытаются обойти это затруднение, именно они утверждают, что не пространство составляет условие возможности предметов внешнего наглядного представления (тел), а наоборот, предметы внешнего наглядного представления и динамическое отношение между субстанциями вообще составляют условие возможности пространства. Однако о телах мы имеем понятие только как о явлениях, а как таковые они необходимо предполагают пространство как условие возможности всякого внешнего явления, таким образом, эта уловка не ведет к цели и путь к ней был совершенно отрезан выше в трансцендентальной эстетике. Если бы предметы внешнего наглядного представления были вещами в себе, то доказательство монадистов, конечно, имело бы силу.

1) З – от забвения того, (weil sie vergißt)

2) С – целого из субстанций (von einem ganzen aus Substanzen)

3) С, З – должны иметь (haben müssen)

471 Второе диалектическое утверждение [антитезиса] имеет ту особенность, что ему противостоит догматическое утверждение, единственное из всех умствующих утверждений, пытающееся на предмете опыта с очевидностью доказать действительность того, что мы отнесли выше к числу только трансцендентальных идей, именно абсолютную простоту субстанции; [мы имеем в виду попытку доказать,] что предмет внутреннего чувства, мыслящее Я, есть абсолютно простая субстанция. Не пускаясь теперь в обсуждение этого вопроса (так как выше он рассмотрен подробно), я замечу лишь, что если нечто мыслится только как предмет, без присоединения какого бы то ни было синтетического определения /наглядного представления о нем[1]) (как это бывает /в случае простого представления[2]) Я), то, само собой разумеется

1) З – его созерцания (seiner Anschauung)

2) В – в одном голом представлении (durch die ganz nackte Vorstellung)

хочу доказать [существование] простых субстанций только как элементов сложного, то тезис второй антиномии я бы мог назвать трансцендентальной атомистикой. Но так как это слово давно уже употребляется для обозначения особого способа объяснения телесных явлений (molecularum) и, следовательно, предполагает эмпирические понятия, то пусть [лучше] этот тезис называется диалектическим основоположением монадологии.

472 Антиномии

третья противоположность

Тезис

Причинность согласно законам природы есть не единственная причинность, из которой могут быть выведены все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность (Kausalität durch Freiheit).

Доказательство

Допустим, что нет никакой иной причинности, кроме причинности согласно законам природы; тогда все, что случается, предполагает предшествующее состояние, за которым оно неизбежно следует согласно правилу. Но предшествующее состояние само должно быть чем-то таким, что случилось (возникло во времени, так как не существовало раньше), так как если бы оно существовало всегда, то и следствие его не возникло бы во времени, а существовало бы всегда. Следовательно, причинность причины (Kausalität der Ursache), благодаря которой нечто случается, сама есть нечто случившееся, предполагающее согласно закону природы опять некоторое предшествующее состояние с его причинностью, а это состояние предполагает еще более раннюю причину и

(freilich), в таком представлении нельзя воспринять никакого многообразия и никакой сложности. Так как, сверх того, предикаты, посредством которых я мыслю этот предмет, суть только наглядные представления внутреннего чувства, то в них и не может быть ничего, что служило бы доказательством многообразия находящихся вне друг друга [элементов] и, следовательно, реальной сложности. Следовательно, только самосознание обладает той особенностью, что не может делить само себя (хотя и может делить принадлежащие ему определения), так как в этом случае мыслящий субъект служит вместе с тем для самого себя объектом, а в отношении к самому себе всякий предмет есть абсолютное единство. Тем не менее если рассматривать этот субъект и з в н е как предмет наглядного представления, то он, без сомнения, /обнаружил бы сложность в своем явлении[2]. И мы должны /именно[3] так рассматривать его, если хотим узнать, есть ли в нем многообразие находящихся /в н е друг друга [элементов][4].

2) С – окажется сложность в явлении в себе
(so würde es doch wohl Zusammensetzung in der Erscheinung an sich zeigen)
3) С – всегда
(jederzeit)
4) С – вне друг друга или нет
(außerhab einander sei, oder nicht)

473 чистого разума

трансцендентальных идей

Антитезис

Не существует никакой свободы, но все совершается в мире только согласно законам природы.

Доказательство

Допустим, что существует с в о б о д а в трансцендентальном смысле как особый вид причинности, согласно которой /могли бы возникать[1] события в мире, именно как способность безусловно начинать некоторое состояние, а следовательно, и ряд следствий его. В таком случае благодаря этой самопроизвольности должен начинаться безусловно не только ряд [событий], но и определение самой этой самопроизвольности к произведению ряда, т.е. причинность [ее], так что ничто не предшествует, посредством чего этот /возникший акт[2] был бы определен согласно постоянным законам. Однако всякое начало действования предполагает состояние еще не действующей причины, и динамически первое начало действования предполагает состояние, не находящееся ни в какой причинной связи с предшествующим состоянием той же самой причины, т.е. никоим образом не вытекающее из него. Следовательно, трансцендентальная сво-

1) С – могут следовать
(erfolgen könnten)

2) З – происходящее действие
(geschehende Handlung)

т.д. Итак, если все случается только согласно законам природы, то существует 474 всегда лишь /относительное, а не абсолютное начало[1] и потому вообще нет никакой полноты ряда со стороны происходящих друг от друга причин. Между тем закон природы состоит именно в том, что ничто не случается без достаточно определенной a priori причины. Следовательно, утверждение, будто всякая причинность возможна только согласно законам природы, взятое в своей неограниченной всеобщности, противоречит само себе, и потому нельзя допустить, что причинность согласно законам природы есть единственная причинность.

1) С – условное, а не первое
З – подчиненное, а не первое
(einen subalternen, niemals aber einen ersten Anfang)

Ввиду этого необходимо допустить причинность, благодаря которой нечто происходит так, что /причина[2] не определяется в свою очередь никакой другой предшествующею причиной согласно необходимым законам, иными словами, необходимо допустить а б с о л ю т н у ю с а м о п р о и з в о л ь н о с т ь (Spontaneität) причин, т.е. [способность] с а м о с т о я т е л ь н о (von selbst) начинать ряд явлений, развивающийся далее согласно законам природы, или трансцендентальную свободу, без которой /даже и в строе природы ряд явлений[3] со стороны причин никогда /не может быть закончен[4].

2) З – причина его
(Ursache davon)

3) С – даже в процессах природы последовательность явлений...
З – даже и в естественном ходе вещей последовательный ряд явлений
(selbst im Laufe der Natur die Reihenfolge der Erscheinungen)

4) С – не будет полным
(niemals vollständig ist)

476 Примечание к

I. К тезису

Трансцендентальная идея свободы вовсе не исчерпывает всего содержания обозначаемого этим словом психологического понятия, имеющего главным образом эмпирический характер; эта идея выражает только абсолютную самопроизвольность действия как истинное основание /вменяемости его[1], но тем не менее именно она составляет настоящий камень преткновения для философии, которая находит непреодолимые трудности в допущении такого вида безусловной причинности. Следовательно, та сторона вопроса о свободе воли, которая всегда приводила в такое затруднение теоретический разум, имеет собственно чисто т р а н с ц е н д е н т а л ь н ы й характер и сводится исключительно к тому, должна ли быть допущена способность начинать самостоятельно ряд последо-

1) З – его самостоятельности
(der Imputabilität derselben)

бода противоположна (entgegen) закону причинности и представляет собой такое соединение последовательных состояний действующих причин, при котором невозможно никакое единство 475 опыта /и которое поэтому не может быть встречено в опыте[1], следовательно, она есть пустая фикция (Gedankending).

Итак, нет ничего (Wir haben also nichts), кроме п р и р о д ы , в которой мы должны искать связи и порядка мировых событий. Свобода (независимость) от законов природы есть, правда, о с в о б о ж д е н и е о т п р и н у ж д е н и я , но также и /о т р у к о в о д с т в а какими бы то ни было правилами[2]. В самом деле, нельзя утверждать, что в причинности мирового порядка (des Weltlaufs) законы свободы становятся на место законов природы, так как если бы свобода определялась законами, она была бы уже не свободой, /а природой[3]. Следовательно, природа и трансцендентальная свобода отличаются друг от друга, как законосообразность и /беззаконность[4]. Из них первая, правда, возлагает на рассудок трудную задачу искать происхождения событий в ряду причин все глубже и глубже (immer höher hinauf), так как их причинность всегда обусловлена, но в награду за это (zur Schadloshaltung) она обещает непрерывное и законосообразное единство опыта. Наоборот, /шумиха[5] свободы обещает, правда, исследующему рассудку /дойти до конца в цепи причин[6], приводя его к безусловной причинности, начинающей действие самостоятельно, но так как она сама слепа, то она обрывает руководящую нить правил, без которых невозможен непрерывный связный опыт.

1) С – следовательно, [свобода] ни в каком опыте не встречается
З – и которого [соединения], следовательно, нет ни в одном опыте
(die also auch in keiner Erfahrung angetroffen wird)

2) С – от руководящей нити всех правил
(vom Leitfaden aller Regeln)

3) З – а только природой
(sondern sebst nichts Anderes als Natur)
(A[1] – so wäre sie... Natur)

4) З – отсутствие ее
(Gesetzlosigkeit)

5) С – призрак
З – ложный же блеск
(das Blendwerk)

6) С – сопокойствие в цепи причин
(in der Kette der Ursachen Ruhe)

477 третьей антиномии

II. К антитезису

Защитники всемогущества природы (трансцендентальной ф и з и о к р а т и и) могут отстаивать свое положение в борьбе с учением о свободе в противоположность умствующим умозаключениям /его[1] следующим образом. Е с л и в ы н е д о п у с к а е т е в м и р е н и ч е г о м а т е м а т и ч е с к и п е р в о г о в о в р е м е н и , т о в а м н е т н у ж д ы и с к а т ь т а к ж е и д и н а м и ч е с к и п е р в о г о в о т н о ш е н и и п р и ч и н н о с т и . Кто заставляет вас выдумывать абсолютно первое состояние мира и, следовательно, абсолютное начало /последовательно[2] протекающего ряда явлений и ставить беспредельной природе границы, чтобы доставить успокоение вашему воображению? Так как субстанции существовали в мире всегда – по крайней мере

1) С, З – этого учения
(der letzteren)

2) С, З – постепенно
(nach und nach)

вательных вещей или состояний. Как возможна такая способность, ответить на этот вопрос не в такой мере необходимо, так как и в отношении причинности, /согласной с законами[2] природы, мы принуждены довольствоваться лишь априорным знанием, что она должна быть допущена, хотя мы вовсе не понимаем, /каким образом посредством[3] одного существования полагается некоторое другое существование, и /принуждены опираться в этом случае[4] исключительно на опыт. Необходимость первого начала ряда явлений из свободы мы доказали, правда, лишь настолько, насколько это необходимо для понимания происхождения мира, так как все последующие **478** состояния можно рассматривать /как ряд, развивающийся согласно лишь[1] законам природы. Но так как мы при этом уже доказали (хотя и /не поняли[2]) способность совершенно самостоятельно начинать ряд во времени, то теперь мы имеем право допускать также, что и /среди тока мировых событий[3] различные ряды, что касается [их] причинности, возникают самостоятельно, и приписывать субстанциям способность действовать свободно. При этом не следует /смущаться недоразумением[4], будто последовательный ряд в мире может иметь только сравнительно первое начало, так как в мире ему всегда уже предшествует некоторое состояние вещей и, следовательно, абсолютно первое начало рядов /среди тока мировых событий[5] невозможно. В самом деле, мы говорим здесь об абсолютно первом начале не в отношении времени, а в отношении причинности. Если я теперь, (напр.,) совершенно свободно и без необходимо определяющего влияния естественных причин встаю с своего стула, то в этом событии вместе со всеми его естественными последствиями вплоть до бесконечности безусловно начинается новый ряд, хотя во времени это событие есть только продолжение предшествующего ряда. В самом деле, это решение и этот акт (Tat) вовсе не составляют следствия и простого продолжения одних только естественных действий; определяющие естественные причины совершенно обрываются (hören...auf) в отношении к этому событию, которое, правда, следует (folgt) за ними, но не вытекает (erfolgt) из них и потому если не по времени, то все же в отношении причинности должно называться безусловно первым началом ряда (eine Reihe) явлений.

Очевидное подтверждение потребности разума ссылаться в ряду естественных причин на первое начало из свободы заключается в том, что все древние философы (за исключением школы Эпикура) чувствовали себя вынужденными допускать для объяснения движений в мире существование первого двигателя, т.е. свободно действующей причины, которая впервые и самостоятельно начинает этот ряд состояний, так как из одной лишь природы они /не могли пытаться[6] объяснить первое начало.

2) С, З – по законам (nach Naturgesetzen)

3) С – возможность того, каким образом (die Möglichkeit, wie durch)

4) З – вынуждены поэтому придерживаться (desfalls... halten müssen)

1) З – как следование по одним лишь (für eine Abfolge nach bloßen...)

2) З – не постигли (nicht eingesehen)

3) С – в мировом процессе
З – в обычном ходе вещей (mitten im Laufe der Welt)

4) З – впадать в затруднение (durch einen Mißverstand aufhalten)

5) С – за время мирового движения
З – в обычном ходе вещей (während dem Weltlaufe)

6) З – не осмелились (unterfingen... sich nicht)

единство опыта делает необходимым это предположение, то не представляет никакого труда допустить также, что и смена их состояний, т.е. ряд их изменений, существовала всегда и, следовательно, нет никакой нужды искать первого начала, ни математического, ни динамического. Возможность такого бесконечного происхождения без первого звена, в отношении к которому все прочее есть только следствие (nachfolgend), не может быть понята. Но если вы поэтому отвергнете эту загадку природы, то вы увидите себя вынужденными отвергнуть также многие синтетические /основные свойства (основные силы)[3], которые вы в такой же мере не способны понять, и даже **479** возможность изменения вообще должна /вызвать в нас сомнения[1]. В самом деле, если бы вы не нашли благодаря опыту, что изменение действительно существует, вы никогда не могли бы придумать a priori, как возможна такая непрерывная последовательность бытия и небытия.

3) З – первоначальные свойства (первоначальные силы) (Grundbeschaffenheiten... (Grundkräfte))

1) З – стать для вас предосудительной (muß euch anstößig werden)

Но во всяком случае, если даже и допустить трансцендентальную способность свободы, чтобы найти начало изменений в мире, все же эта способность должна существовать не иначе как вне мира (хотя во всяком случае допущение, что вне совокупности всех возможных наглядных представлений существует еще предмет, не могущий быть данным ни в каком возможном восприятии, остается слишком смелым притязанием). Но приписывать такую способность /субстанциям, находящимся в самом мире[2], во всяком случае непозволительно, так как при этом в значительной мере исчезла бы связь между необходимо определяющими друг друга по общим законам явлениями, называемая природой, и вместе с нею исчез бы критерий (das Merkmal) эмпирической истины, отличающий опыт от сновидения. В самом деле, наряду с такой беззаконной способностью свободы едва ли можно мыслить более природу, так как законы ее беспрестанно /отменялись бы[3] влияниями свободы, и вследствие этого игра явлений, правильная и однообразная при [действии] одной только природы, спуталась бы и сделалась бы бессвязной.

2) С – Но в мире даже субстанциям (Allein in der Welt selbst den Substanzen)

3) С – изменялись (abgeändert... wird)

480 Антиномии

четвертая противоположность

Тезис

/К миру принадлежит или как часть его, или как его причина[1)] безусловно необходимое существо.

Доказательство

Чувственный мир как совокупность всех явлений содержит в себе также ряд изменений. В самом деле, без изменений не было бы дано даже и представление ряда времени как условия возможности чувственного мира*. Но всякое изменение подчинено своему условию, которое предшествует ему во времени и делает его необходимым. Далее, всякое данное обусловленное предполагает в отношении к своему существованию полный ряд условий вплоть до абсолютно безусловного, которое одно только [существует] абсолютно необходимо. Следовательно, абсолютно необходимое должно существовать, если существует изменение как его следствие. Но это необходимое принадлежит само к чувственному миру. В самом деле, если предположить, что оно находится вне чувственного мира, то это значило бы, что ряд изменений в мире /получает от него[2)] начало, **482** между тем как сама эта необходимая причина не принадлежит к чувственнóму миру. Но это невозможно. Действительно, так как начало временнóго ряда может быть определено только посредством того, чтó предшествует по времени, то высшее условие начала ряда изменений должно существовать во времени, когда этого ряда еще не было (ведь начало есть существование, которому предшествует время, когда начинающаяся вещь еще не существовала). Следовательно, причинность необходимой причины изменений, а вместе с тем и сама причина относится ко времени, т.е. к области явлений (в которых только и возможно время как форма их); следовательно, она не может быть мыслима отдельно от чувственного мира как совокупности всех явлений. Следовательно, в самом мире содержится нечто безусловно необходимое (независимо от того, есть ли это сам мировой ряд в целом или часть его).

---

* **480** Объективно время предшествует, правда, изменениям как формальное условие их возможности, но субъективно и в действительности сознания это представление, как и всякое другое, /дано все же только по поводу восприятий[3)].

1) С – К миру относится нечто, что, или как его часть, или как его причина, есть...
(Zu der Welt gehört etwas, das entweder als ihr Teil, oder ihre Ursache... ist)

2) С – из него мог бы вести
(würde von ihm... ableiten)

3) З – дано только благодаря тому, что оно вызвано восприятиями
(ist... durch Veranlaßung der Wahrnehmungen gegeben)

481 чистого разума

трансцендентальных идей

Антитезис

/Нет[1)] никакого абсолютно необходимого существа – ни в мире, ни вне мира – как его причины.

1) С – Не существует
З – Нигде нет
(Es existiert überall kein...)

Доказательство

Предположим, что мир сам или /часть его[2)] есть необходимое существо; в таком случае /ряд[3)] его изменений или имел бы безусловно /необходимое, т.е. не имеющее причины, начало[4)], что противоречит динамическому закону определения всех явлений во времени, или же этот ряд не имел бы никакого начала и /был бы[5)] в целом абсолютно необходимым и безусловным, хотя /все его части[6)] случайны и обусловлены, что /противоречиво[7)], так как существование группы (einer Menge) не может быть необходимым, если ни одна часть ее не обладает сама по себе необходимым существованием.

2) С – нечто в нем
З – в мире
(in ihr)

3) С, З – в ряду
(in der Reihe)

4) З – безусловно необходимое начало, стало быть, без причины
(ein Anfang sein, der unbedingt notwendig, mithin ohne Ursache wäre)

5) С – все-таки будет
З – тем не менее был бы
(wäre... dennoch)

6) С – во всех своих частях
(in allen ihren Teilen)

7) С, З – противоречит самому себе
(sich selbst widerspricht)

Предположим, наоборот, что безусловно необходимая мировая причина существует вне мира; **483** в таком случае она как высший член в р я д у п р и ч и н мировых изменений должна была бы впервые /начинать существование их и их ряда[1)]* . Но в таком случае она должна была бы также начать действовать, и ее причинность находилась бы во времени, а следовательно, и в совокупности явлений, т.е. в мире; следовательно, сама эта причина находилась бы не вне мира, что противоречит предположению. Итак, ни в мире, ни вне мира (однако в причинной связи с ним) нет безусловно необходимого существа.

1) С – начинала бы существование последних и их ряды
З – должна была бы первой давать начало существования им и их ряду
(so würde dieselbe... das Dasein der letzteren und ihre Reihe zuerst anfangen)

* Слово начинать употребляется в двух значениях: в а к т и в н о м, когда причина начинает (infit) ряд состояний как свое действие, и в п а с с и в н о м, /когда начинается (fit) причинность самой причины[2)]. Я умозаключаю здесь от первого ко второму.

2) С – так как причинность сама начинается в причине (fit)
З – когда начинается (fit) каузальность в самой причине
(da die Kausalität in der Ursache selbst anhebt (fit))

484 Примечание к

I. К тезису

Чтобы доказать бытие необходимого существа, я имею право пользоваться здесь только космологическим аргументом, т.е. восходить от обусловленного в явлении к безусловному в понятии, рассматривая /его[1] как необходимое условие абсолютной целостности ряда. Попытка дать это доказательство из одной лишь идеи /высочайшего существа[2] вообще относится к иному принципу разума и потому должна быть рассмотрена впоследствии отдельно.

1) З – это безусловное (dieses)
2) высшего из всех существ (eines obersten aller Wesen)

Чистое космологическое доказательство может установить бытие необходимого существа не иначе, как оставив при этом нерешенным вопрос, есть ли это существо сам мир или отличная от него вещь. В самом деле, для решения этого последнего вопроса необходимы основоположения, не имеющие уже космологического характера и /не принадлежащие к ряду явлений[3], именно необходимы понятия о случайных существах вообще (поскольку они рассматриваются только как предметы рассудка) и принцип, связывающий их посредством одних лишь понятий с необходимым существом; но все это относится к трансцендентной философии, для которой здесь еще нет места.

3) З – не относящиеся к данному ряду явлений (nicht in der Reihe der Erscheinungen fortgehen)

Если мы уж начали доказывать космологически, положив в основу ряд явлений и регресс в этом ряду согласно эмпирическим законам причинности, то /мы не имеем права далее сделать скачок в сторону[4] и перейти к чему-то такому, что вовсе не принадлежит к ряду как звено его. **486** В самом деле, /высшее условие[1] должно быть рассматриваемо в том же значении, в каком взято отношение обусловленного к его условию в ряду, приводящем путем непрерывного /регресса[2] к этому высшему условию. Если это отношение имеет чувственный характер и принадлежит к возможному эмпирическому применению рассудка, то высшее условие, или причина, может замыкать регресс только согласно законам чувственности, т.е. только как нечто принадлежащее к временно́му ряду, и потому необходимое существо должно рассматриваться как высшее звено мирового ряда.

4) З – нам нельзя после этого отклониться в сторону (kann man nachher davon nicht abspringen)

1) З – нечто как условие (etwas als Bedingung)

2) З – продвижения (Fortschritte)

/Между тем [некоторые философы] позволяли себе[3] делать такой скачок (μετάβασις εἰς ἄλλο γένος). Из изменений в мире они умозаключали об эмпирической случайности [их], т.е. о зависимости их от эмпирически /определенных[4] причин, и получали восходящий ряд эмпирических условий, что совершенно правильно. Но так как на этом пути нельзя найти пер-

3) С – Но иногда берут смелость (Gleichwohl hat man sich die Freiheit genommen)

4) С, З – определяющих (bestimmenden)

485 четвертой антиномии

II. К антитезису

Если при восхождении /в ряду[1)] явлений нам кажется, что мы наткнулись на затруднения допустить существование абсолютно необходимой высшей причины, то эти затруднения не могут основываться только на понятии о необходимом существовании вещи вообще, т.е. быть онтологическими, но должны возникать из причинной связи с рядом явлений, для которого необходимо подыскать условие, имеющее безусловный характер, следовательно, [эти затруднения] должны /быть космологическими и вытекать из эмпирических законов[2)]. Именно должно оказаться, что восхождение в ряду причин (в чувственном мире) никогда не может закончиться эмпирически безусловным условием и что космологический аргумент, исходящий из случайности состояний мира, обнаруживаемой их изменчивостью, свидетельствует против допущения первой причины, безусловно начинающей впервые ряд [изменений].

1) С, З – к ряду (in der Reihe)

2) С – идти космологически и по эпирическим законам (kosmologisch und nach empirischen Gesetzen gefolgert sein)

487 В этой антиномии /мы наталкиваемся на странное противоречие[1)]: из одного и того же основания в тезисе выводится бытие первоначального существа (eines Urwesens), а в антитезисе, с той же строгостью, небытие его. /Сначала мы пришли к мысли[2)], что н е о б х о д и м о е   с у щ е с т в о   е с т ь, так как все прошедшее время содержит в себе ряд всех условий и вместе с тем, следовательно, также и безусловное (необходимое). Теперь же [мы пришли к мысли,] ч т о   н е о б х о д и м о г о   с у щ е с т в а   н е т именно по-

1) С – оказывается очень странный контраст (Es zeigt sich... ein seltsamer Kontrast)

2) С – В первом было (Erst hieß es)

вого начала и высшего звена, то они внезапно покидали эмпирическое понятие случайности и прибегали к чистой категории, /являвшейся затем источником уже[5] чисто умопостигаемого ряда, полнота которого основывалась на существовании безусловно необходимой причины, не связанной уже ни с каким чувственным условием и потому освобожденной также от временного условия, /именно от условия начинать [также и] свою причинность[6]. Однако это прием совершенно незаконный (widerrechtlich), как видно из следующих соображений.

5) С – которая и приводит только к
З – ставшей затем поводом к возникновению
(welche alsdann ein bloβ intelligibele Reihe veranlaβte)

6) С – чтобы из себя начинать свою причинность
(ihre Kausalität selbst anzufangen)

Случайным в чисто категориальном смысле мы называем то, противоречащая (kontradiktorische) противоположность чего возможна. Но от эмпирической случайности мы не имеем права умозаключать к [этой] умопостигаемой [случайности]. /Если какая-либо вещь изменяется, то противоположность ее (противоположное **488** состояние ее) действительна, а следовательно, и возможна в другое время[1]; следовательно, это не есть противоречащая противоположность предыдущего состояния, для которой необходимо, чтобы в то же самое время, когда существовало предыдущее состояние, могла существовать вместо него его противоположность, но об этой [возможности] нельзя умозаключать из [факта] изменения. Тело, [напр.,] находившееся в движении = *A*, приходит в состояние покоя = non *A*. Однако из того [факта], что за состоянием *A* последовало противоположное ему состояние, вовсе нельзя умозаключать, будто противоречащая противоположность *A* возможна и, следовательно, *A* имеет случайный характер: для того чтобы установить это, необходимо, чтобы в то же самое время, когда было движение, вместо него мог бы быть покой. Между тем мы ничего не знаем, кроме того, что покой был действителен, а следовательно, и возможен в последующее время. Но движение, относящееся к одному времени, и покой, относящийся к другому времени, /не противоречат друг другу[1]. Итак, последовательность противоположных определений, т.е. изменение, вовсе не служит доказательством случайности согласно понятиям чистого рассудка и потому не может приводить нас к бытию необходимого существа согласно понятиям чистого рассудка. Изменение служит доказательством лишь эмпирической случайности, т.е. [оно показывает], что согласно закону причинности новое состояние вовсе не могло бы /возникнуть[2] само по себе без причины, принадлежащей к предыдущему времени. [Таким образом], эта причина, если даже рассматривать ее как безусловно необходимую, должна все же находиться во времени и принадлежать к ряду явлений.

1) С – То, что изменяется, противоположность того (его состояния) в другое время бывает в действительности, а значит, и возможна
(Was verändert wird, dessen Gegenteil (seines Zustandes) ist zu einer anderen Zeit wirklich, mithin auch möglich)

1) С – не дают взаимно исключающей противоположности
(sind einander nicht kontradiktorisch entgegengesetzt)

2) С – существовать
(stattfinden)

тому, что все прошедшее время содержит в себе ряд всех условий (которые, следовательно, все обусловлены). Причина этого заключается в следующем. Первый аргумент имеет в виду только абсолютную целостность ряда условий, определяющих друг друга во времени, и /таким образом приходит к безусловному и необходимому[3]. Наоборот, второй аргумент принимает в расчет случайность всего того, что определено во временном ряду (так как каждому [событию] предшествует время, в котором само условие должно быть в свою очередь определено как обусловленное), **489** вследствие чего все безусловное и всякая абсолютная необходимость совершенно отпадают. Однако способ умозаключения в обоих этих случаях вполне согласен с обыкновенным человеческим разумом, который нередко впадает в раздвоение с самим собой, если рассматривает свой предмет с двух различных точек зрения. Господин фон Меран (70) счел спор двух знаменитых астрономов, возникший из подобного затруднения в выборе точки зрения, достаточно замечательным явлением, чтобы написать о нем особый трактат. Один из этих [астрономов] умозаключал, что Луна вращается вокруг своей оси, потому что она обращена к Земле всегда одной и той же стороной, а другой на основании того же факта умозаключал, что Луна не вращается вокруг своей оси. Оба умозаключения были правильны, смотря по точке зрения, избираемой для наблюдения движения Луны.

3) С – и в этом [аргументе] получает безусловное и необходимое
З – и тем самым [условия] приобретают нечто безусловное и необходимое
(und bekommt dadurch ein Unbedingtes und Notwendiges)

490 Антиномии чистого разума

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

Об интересе разума в этом его /столкновении[1])

1) С, З – противоречии (Widerstreite)

Мы видели здесь всю диалектическую игру космологических идей, которым не может быть дан соответствующий предмет /в возможном[2]) опыте и/ которые[3]) даже не допускают, чтобы разум мыслил их согласно с общими законами опыта, хотя они вовсе не вымышлены произвольно и разум необходимо приходит к ним в непрерывном ряду эмпирического синтеза, если хочет освободить от всякого условия и обнять во всей безусловной целостности то, что по правилам опыта всегда может быть определено только условно. Эти умствующие утверждения суть не что иное, как попытки решить четыре естественные и неизбежные проблемы разума, и потому их может быть только четыре, ни более ни менее, потому что существует именно четыре ряда синтетических предположений, a priori ограничивающих эмпирический синтез.

2) С, З – в каком-либо возможном... (in irgendeiner möglichen)

3) З – более того, они (ja nicht einmal)

Блестящие притязания разума, расширяющего свою область /за пределы [всякого] опыта[4]), мы выразили лишь в сухих формулах, содержащих только
491 основания его /прав на них[1]), и, как это прилично трансцендентальной философии, мы очистили их от всяких эмпирических элементов, хотя только в связи с ними может раскрыться весь блеск (die ganze Pracht) утверждений разума. В этом применении [разума] и постепенном расширении /его[2]), начинающемся в области опыта и шаг за шагом восходящем вплоть до столь возвышенных идей, философия обнаруживает достоинство, которое далеко превосходит, если бы только она могла отстоять свои притязания, ценность всех остальных человеческих наук, так как она обещает дать опоры (die Grundlage) нашим величайшим ожиданиям и надеждам на последние цели, вокруг которых должны в конце концов объединиться все усилия разума. Имеет ли мир начало [во времени] и какую-либо границу своего протяжения в пространстве; существует ли где-либо, быть может, в моем мыслящем Я, неделимое и неразрушимое единство, или же все делимо и /разрушимо[3]); свободен ли я в своих действиях, или же, подобно другим существам, подчиняюсь руководству природы и судьбы; наконец, существует ли высшая причина мира, или же вещи природы и порядок ее составляют последний предмет, на котором мы должны останавливаться во всех своих исследованиях, – все это вопросы, ради разрешения

4) В – все пределы опыта (über alle Grenzen der Erfahrung)

1) С – справедливых притязаний З – законных требований (rechtlichen Ansprüche)

2) З – этого применения (des Vernunftsgebrauchs)

3) З – преходяще (Vergängliche)

которых математик охотно пожертвовал бы **492** всей своей наукой, так как она не может дать ему удовлетворения в отношении высших и важнейших целей человечества. Само достоинство математики (этой гордости человеческого разума) основывается на том, что она научает разум усматривать порядок и правильность, а также замечательное единство движущих сил природы в общем и в частностях в размерах, далеко превышающих ожидания философии, опирающейся на обыкновенный опыт, и таким образом дает повод и поощрение для применения разума, выходящего за пределы всякого опыта, и снабжает философию (Weltweisheit), посвятившую себя этой цели, превосходными материалами, подкрепляющими ее исследования, насколько их природа (deren Beschaffenheit) допускает это, с помощью соответствующих наглядных представлений.

К несчастью /для теоретического [знания][1], но, может быть, к счастью для практического назначения человека, /разум, попавший среди своих величайших надежд в путаницу противоположных доводов, чувствует себя[2] в высшей степени стесненным, и так как [требования] его чести и даже его безопасности не позволяют ему отступить и равнодушно присматриваться к этому раздору /как к простой игре[3], или безусловно предписать мир, несмотря на то что предмет спора глубоко интересует его, то ему не остается ничего больше, как расследовать происхождение этого /раздвоения[4] разума и узнать, не виновато ли в нем простое недоразумение, после разъяснения **493** которого, быть может, падут гордые притязания обеих сторон, но зато наступит прочное и спокойное управление разума над рассудком и чувствами.

1) С, В – для теории
З – для [философской] спекуляции
(für die Spekulation)

2) С – разум среди этих великих ожиданий видит себя совершенно подавленным этим натиском доказательств и противодоказательств
З – разум, попавший в момент своих величайших ожиданий в тиски противоположных доводов, чувствует себя
(sieht sich die Vernunft, mitten unter ihren größten Erwartungen, in einem Gedrängen von Gründen und Gegengründen so befangen, daß...)

3) С – как на примерный поединок
(als einem bloßen Spielgefechte)

4) С – разъединения
З – разлада
(Veruneinigung)

Теперь мы еще отложим на некоторое время это основательное исследование и сначала обсудим, на какую сторону охотнее всего стали бы мы, если бы мы были вынуждены сделать выбор. Так как в этом случае мы сообразуемся не с логическим критерием истины, а только со своими интересами, то это исследование, хотя оно и не разъяснит нам ничего в вопросе о спорных правах обеих сторон, принесет, однако, ту пользу, что сделает понятным, почему участники этого спора становятся охотнее на одну из сторон, вовсе не руководимые при этом более совершенным знанием предмета. Это исследование объяснит нам также некоторые другие побочные явления, напр. пылкие заявления (die zelotische Hitze) одних и холодные объяснения других, почему они охотно приветствуют одну из партий /и[1] непримиримо предубеждены против другой.

1) С – и уже заранее
З – и заведомо и
(zum voraus)

2) С – Есть нечто такое, что
З – Существует, однако, нечто, что
(Es ist aber etwas, das)

/Существует метод2), определяющий ту единственную точку зрения, с которой это предварительное исследование можно вести с достаточной основательностью: этот [метод] заключается в сравнении принципов, из которых исходят обе стороны. В утверждениях антитезиса заметна совершенная однородность способа мышления и совершенное единство максимы, именно 494 принцип чистого э м п и р и з м а не только в объяснении явлений в мире, но и в решении [проблемы] трансцендентальных идей относительно самого мира (Weltall). Наоборот, утверждения тезиса полагают в основу кроме эмпирического способа объяснения в ряду явлений еще умопостигаемые начала, и в этом смысле максима их не проста. Ввиду ее существенного отличительного признака я буду называть ее д о г м а т и з м о м чистого разума.

Итак, на стороне д о г м а т и з м а в определении космологических идей разума или на стороне тезиса обнаруживается:

В о - п е р в ы х, известный п р а к т и ч е с к и й и н т е р е с, в котором всякий благонамеренный [человек] (Wohlgesinnte), если он понимает свою истинную выгоду, принимает сердечное участие. Что мир имеет начало, что мое мыслящее Я обладает простой и потому неразрушимой природой, что оно в своих произвольных действиях свободно и стоит выше принуждения природы и, наконец, что весь порядок вещей, образующих мир, происходит от одного первоначального существа, от которого все заимствует свое единство и целесообразную связь, – это краеугольные камни морали и религии. Антитезис лишает нас, как кажется по крайней мере, всех этих опор.

В о - в т о р ы х, на этой же стороне обнаруживается также некоторый т е о р е т и ч е с к и й и н т е р е с разума. В самом деле, допуская трансцендентальные идеи такого рода 495 и пользуясь ими, можно вполне a priori охватить всю цепь условий и понять происхождение обусловленного, начиная с безусловного; этой [услуги] не оказывает антитезис, плохо рекомендующий себя тем, что на вопрос об условиях своего синтеза он не может дать ответа, который бы не приводил без конца к новым вопросам. Согласно антитезису, от данного начала всегда нужно восходить к еще более высокому началу, всякая часть ведет к еще меньшей части, всякое событие имеет позади себя (über sich) еще другое событие как причину, и условия бытия вообще всегда в свою очередь опираются на иные условия, не получая безусловной поддержки и опоры ни в какой самостоятельной вещи как /первоначальном средстве1).

1) С, В – первоначальном существе
З – первосущности
(Urwesen)

В-третьих, эта сторона обладает также преимуществом популярности, которая, без сомнения, в значительной степени служит рекомендацией для нее. Обыкновенный рассудок не находит ни малейшего затруднения в идеях безусловного начала всякого синтеза, так как он к тому же более склонен нисходить к следствиям, чем восходить к основаниям, и в понятиях абсолютно первого (о возможности которого он не раздумывает) находит успокоение и вместе с тем прочную точку опоры, чтобы привязать к ней руководящую нить /для своего дальнейшего движения[2], между тем как беспрерывное восхождение от обусловленного к условию, причем одна нога всегда остается [висящей] в воздухе, не доставляет ему никакого удовольствия.

2) С – своей дороги (seiner Schritte)

496 На стороне эмпиризма в определении космологических идей, т. е. на стороне антитезиса обнаруживается:

Во-первых, отсутствие такого практического интереса из чистых принципов разума, какой приносится моралью и религией. По-видимому, чистый эмпиризм скорее отнимает всякую силу и влияние у морали и религии. Если нет первоначального существа, отличного от мира, если мир не имеет начала и, следовательно, также Творца, если наша воля не свободна и душа так же делима и разрушима, как материя, то моральные идеи и основоположения также теряют всякое значение и падают вместе с трансцендентальными идеями, служившими для них теоретической опорой.

Наоборот, теоретическому интересу разума эмпиризм доставляет преимущества, чрезвычайно привлекательные и далеко превосходящие то, что может обещать догматический проповедник идей разума. Согласно эмпиризму, рассудок всегда находится на своей собственной почве, именно исключительно в области возможного опыта, законы которого он может выслеживать и посредством их без конца расширять свои прочные и понятные знания. Здесь он может и должен изображать предмет как сам по себе, так и в его отношениях, или в наглядном представлении, или в понятиях образ которых может быть ясно и отчетливо выражен в данных подобных наглядных представлениях. Для него не только нет необходимости покидать **497** цепь порядка природы, чтобы цепляться за идеи, предметы которых неизвестны ему, потому что они как фикции (Gedankendinge) никогда не могут быть даны, но даже ему и не позволено покидать свое дело и под предлогом, что оно доведено теперь до конца, переходить в область идеализирую-

щего разума /и к трансцендентальным[1] понятиям, где он уже более не обязан наблюдать и исследовать согласно законам природы, а должен только м ы с л и т ь и ф а н т а з и р о в а т ь (zu dichten) в уверенности, что не встретит опровержения со стороны фактов природы, так как не связан более их свидетельством, но может обходить их или даже подчинять их /более высокому авторитету, именно чистому разуму[2].

Поэтому эмпирист никогда не позволит считать какую-либо эпоху природы абсолютно первой или рассматривать какую-либо границу своего /наблюдения ее объема[3] как последнюю, или переходить от предметов природы, которую он может разлагать с помощью наблюдения и математики и синтетически определять в наглядном представлении (от протяженного), к таким предметам, которые ни чувством, ни воображением никогда не могут быть выражены in concreto (к простому); он не может также допустить, чтобы /в основе с а м о й п р и р о д ы[4] допускалась способность действовать независимо от законов природы (свобода) и таким образом суживалась задача рассудка прослеживать под руководством необходимых правил возникновение явлений; **498** наконец, он не может допустить, чтобы для чего бы то ни было отыскивалась причина вне природы (первоначальное существо), так как мы ничего не знаем, кроме природы, и только природа дает нам предметы и может поучать относительно законов их.

Если бы эмпирический философ, [устанавливая] свой антитезис, имел целью только сразить хитроумие и заносчивость забывшего свое истинное назначение разума, который важничает своим п о н и м а н и е м (Einsicht) и з н а н и е м там, где собственно прекращается всякое понимание и знание, и то, что принимается для удовлетворения практического интереса, старается выдать за средство, содействующее теоретическому интересу, чтобы оборвать там, где это удобно ему, нить физических исследований и прицепить ее – под видом расширения знания – к трансцендентальным идеям, посредством которых собственно мы узнаем только, ч т о н и ч е г о н е з н а е м, – если бы, говорю я, эмпирист довольствовался этим, то его основоположение было бы максимой умеренности в притязаниях, скромности в утверждениях и вместе с тем возможно бóльшего расширения нашего рассудка /с помощью специально данного нам учителя[1], именно опыта. В самом деле, в таком случае интеллектуальные п р е д п о л о ж е н и я и в е р а, необходимая для нашего практического интереса, не отни-

1) З, В – к трансцендентным (zu transzendenten)

2) С – именно надзору чистого разума
В – высшим взглядам
(nähmlich dem [einem höheren Ansehen] der reinen Vernunft)

3) С – проникновения в ее объем
З – проникновения в ее безбрежность
(Aussicht in den Umfang derselben)

4) С – даже в основе природы (selbst in der Natur... zum Grunde lege)

1) С – под руководством нашего настоящего учителя
З – с помощью предназначенного для нас наставника
(durch den eigentlich uns vorgesetzten Lehrer)

мались бы у нас; мы только лишались бы права торжественно выставлять их /под видом науки и рационального знания[2], так как настоящее **499** теоретическое знание нигде не может найти иных предметов, кроме предметов опыта, и если мы переходим границы опыта, то синтез, пытающийся дать новые и независимые от опыта знания, не имеет никакого субстрата наглядного представления, на котором он мог бы быть применен.

Но если эмпиризм (как это в большинстве случаев бывает) сам становится догматическим и дерзко отрицает то, что находится за пределами его наглядных знаний, то он сам впадает /в нескромность[1], которая здесь тем более заслуживает упрека, что ею наносится непоправимый ущерб практическому интересу разума.

Такова противоположность между эпикуреизмом* и платонизмом.

500 Каждая из этих сторон утверждает больше, чем знает, однако так, что первая ободряет знание и содействует ему, хотя и в ущерб практическому [интересу], а вторая дает превосходные принципы практическому /[интересу], но именно вследствие этого разрешает разуму во всем, в чем нам /предоставлено[1] только теоретическое знание, следовать за идеальными объяснениями явлений природы и вследствие этого пренебрегать физическим исследованием.

Наконец, что касается третьего момента, на который следует обратить внимание, производя предварительный выбор между двумя спорящими сторонами, то в высшей степени удивительно, что эмпиризм /вовсе не пользуется популярностью[2], хотя казалось бы, что обыкновенный рассудок охотно примет проект, обе-

2) С – с титулом и помпой науки
З – под видом науки и разумных взглядов
(unter dem Titel und dem Pompe von Wissenschaft und Vernunfteinsicht)

1) С – в грех нескромности
(in den Fehler der Unbescheidenheit)

1) С, З – позволено
Г – дозволено
(vergönnt ist)

2) З – решительно против общедоступности
(aller Popularität gänzlich zuwider ist)

---

* **499** Впрочем, еще вопрос, высказывал ли когда-либо Эпикур эти основоположения как объективные утверждения. Если они были у него не более как максимами теоретического применения разума, то он проявил в этом более философский дух, чем какой бы то ни было из древних мудрецов. Что в объяснении явлений нужно приступать к делу так, как будто область исследования не очерчена никакой границей или началом мира, что вещество мира следует принимать таким, каким оно должно быть, если мы хотим получать поучения о нем из опыта, что не следует допускать никакого другого возникновения событий, кроме определяемого неизмененными законами природы и, наконец, что не следует допускать никакой отличной от мира причины, все это вполне правильные, хотя и редко соблюдаемые основоположения для расширения теоретической философии, а также для отыскания принципов морали независимо от посторонних источников (von fremden Hilfsquellen); при этом, однако, тот, кто требует игнорирования догматических утверждений, пока мы занимаемся одним лишь теоретическим [знанием], не должен вследствие этого подвергаться обвинению в том, будто он хочет их отрицать.

щающий удовлетворять его одними лишь эмпирическими знаниями и разумной связью между ними, тогда как трансцендентальная догматика принуждает его восходить к понятиям, далеко превосходящим понимание и способность разума наиболее упражнявшихся в мышлении умов. **501** Однако в этом именно и заключается /основание[1] ее [популярности]. В самом деле, обыкновенный рассудок находится здесь в таком положении, в котором даже и наиболее ученый человек не имеет перед ним никаких преимуществ. Если он мало или ничего не понимает в этих вопросах, то все же никто не может хвастаться, что понимает в них больше, и, хотя он не может говорить о них школьных языком, как другие, все же он может без конца умствовать по поводу их, так как он блуждает исключительно среди идей, о которых именно потому можно говорить красноречиво, что /о них ничего неизвестно[2], между тем как в области исследования природы он должен был бы совершенно молчать и признаться в своем невежестве. Итак, удобство и суетность являются уже сильной рекомендацией в пользу этих основоположений. К тому же, если философу трудно принять за основоположение что-либо такое, в чем он не может дать себе отчет, или вводить понятия[8*], объективная реальность которых не может быть усмотрена, то для обыденного рассудка, наоборот, это вполне привычное дело. Он хочет иметь что-либо, из чего он может /спокойно[3] исходить. /Затруднения в понимании таких предположений[4] не беспокоят его, потому что никогда не приходят ему на ум (так как он не знает, что такое понимание), и он считает известным все ставшее для него привычным благодаря частому применению. Наконец, всякий теоретический интерес исчезает у него перед практическим интересом, и он воображает, будто понимает и знает то, во что его побуждают /верить[5] его надежды или **502** опасения. /Таким образом, эмпиризм трансцендентально-идеализирующего разума лишается всякой популярности[1] [44], и, сколько бы вреда он ни приносил высшим практическим основоположениям, во всяком случае нечего опасаться, что он когда-либо перейдет за порог школьной философии и приобретет сколько-нибудь значительное влияние среди обыкновенных людей или будет пользоваться благосклонностью толпы.

1) З – побудительный мотив обыденного рассудка (sein Bewegungsgrund)

2) С – о них никто ничего не знает (weil man davon nichts weiβ)

3) С, З – уверенно (zuversichtlich)

4) З – То, что такие предположения трудно даже понять (Die Schwierigkeit, eine solche Voraussetzung selbst zu begreifen)

5) С – признавать или верить (was anzunehmen oder zu glauben)

1) С – Таким образом эмпиризм совершенно лишен популярности трансцендентально-идеализирующего разума (So ist der Empirismus der transzendental-idealisierenden Vernunft aller Popularität gänzlich beraubt) (Erdm. – aller Popularität der transzendental-idealisierenden Vernunft)

8* В 1 изд.: или еще меньше вводить понятия (noch weniger Begriffe... einzuführen).

44 По мнению Э.Вилле, это место нужно исправить так: эмпиризм лишается всякой популярности из-за трансцендентно-идеализирующего разума (см. Kantstudien, IV, стр. 311 с.).

Человеческий разум по природе своей архитектоничен, т. е. он рассматривает все знания как принадлежащие к возможной системе и потому допускает только такие принципы, которые по крайней мере не мешают существующим знаниям объединяться в систему с другими знаниями. Однако положения антитезиса таковы, что делают совершенно невозможным завершение здания знаний. Согласно этим положениям, каждому состоянию мира предшествует более раннее состояние, в каждой части [мира] существуют другие части, в свою очередь опять делимые, каждому событию предшествует другое событие, в свою очередь опять произведенное третьим, и в бытии вообще все всегда обусловлено, [существование же] безусловного и первого бытия не признается. Так как антитезис нигде не допускает ничего первого и никакого начала, которое могло бы служить безусловным основанием построения, то законченное здание знаний при таких предположениях совершенно невозможно. **503** Поэтому архитектонический интерес разума (требующий не эмпирического, а /чистого рационального единства a[1] priori) естественно заключает в себе рекомендацию в пользу утверждений тезиса.

Но если бы человек мог отказаться от всякого интереса и рассматривать утверждения разума независимо от всех последствий их только со стороны содержания их оснований, то он впал бы в состояние постоянного колебания, если бы не находил иного выхода, как принять или первое, или второе из борющихся учений. Сегодня ему казалось бы убедительным, что человеческая воля с в о б о д н а, а завтра, принимая во внимание неразрывную цепь природы, он полагал бы, что свобода есть лишь самообман и все есть только п р и р о д а. При переходе же к практической деятельности (zum Tun und Handeln) эта игра чисто теоретического разума исчезла бы, как тени сновидения, и он избирал бы свои принципы только соответственно практическому интересу. Но так как /мыслящему и исследующему[2] существу прилично посвящать некоторое время исключительно /исследованию[3] своего собственного разума, совершенно отказываясь при этом от всякой партийности и отдавая таким образом свои замечания на публичный суд других, то никому нельзя поставить в упрек, а тем менее запретить попытку развить тезисы и антитезисы в той форме, **504** как они могут защитить себя, не опасаясь никаких угроз, перед судом присяжных заседателей из собственного сословия (именно из сословия /слабых смертных[1]).

1) С – чистого единства разума
З – единства чистого разума
(reine Vernunfteinheit)

2) С – размышляющему и ищущему
(nachdenkenden und forschenden)
3) С – испытанию
(der Prüfung)

1) С, З – слабых людей
(schwacher Menschen)

Антиномии чистого разума

ЧЕТВЕРТАЯ СЕКЦИЯ

О трансцендентальных задачах чистого разума, поскольку безусловно должна существовать возможность разрешения их

Желание разрешить все задачи и ответить на все вопросы было бы бесстыдным хвастовством и признаком такого /эксцентричного[2] самомнения, что тотчас же подорвало бы к себе всякое доверие. Существуют, однако, науки, природа которых такова, что всякий возникающий в них вопрос безусловно должен допускать ответ на основании того, что уже известно, потому что ответ должен возникать из тех же источников, как и вопрос, и потому в этих науках никоим образом непозволительно /защищать[3] неизбежность незнания, но можно требовать решения вопроса. Мы должны, напр., иметь возможность знать на основании правила, что в каждом данном случае справедливо или несправедливо (Recht oder Unrecht sei), так как вопрос касается нашей обязанности, а мы не можем иметь обязанности в отношении к тому, чего мы не можем знать. **505** Но в объяснении явлений природы многое должно быть для нас недостоверным и многие вопросы должны оставаться неразрешенными, потому что наши знания о природе во многих случаях недостаточны для того, что нам нужно объяснить. Итак, спрашивается, существует ли в трансцендентальной философии какой-либо касающийся одного из объектов разума вопрос, неразрешимый тем же чистым разумом, и можно ли по праву отказаться дать ответ на него, относя его как /абсолютно непознаваемый[1] (исходя из всего того, что мы можем познать) к области того, о чем у нас, правда, есть понятие в такой мере, чтобы поставить вопрос, но вовсе нет средств или способности когда-либо ответить на него.

2) З – непомерного (unverschämte)

3) С – ссылаться на
З – оправдываться (vorzuschützen)

1) С – безусловно неизвестное (schlechthin ungewiß)

Я утверждаю, что трансцендентальная философия обладает среди всех теоретических знаний той особенностью, что ни один вопрос, относящийся к предметам, данным чистому разуму, не может быть неразрешимым для того же человеческого разума, и никакие отговорки неизбежностью незнания и неисчерпаемой (unergründlichen) глубиной задачи не могут освободить от обязанности основательно и сполна ответить на них, так как то же самое понятие, благодаря которому мы в состоянии ставить вопрос, необходимо должно также делать нас способными ответить на него, /потому что предмет [его] не находится нигде,

кроме понятия[2)] (как и в вопросах о справедливости и несправедливости).

506 /Но в трансцендентальной философии только космологические вопросы таковы, что в отношении их справедливо можно требовать удовлетворительного ответа, касающегося свойств предмета, причем философу непозволительно уклоняться от них, ссылаясь на непроницаемую тьму. Эти вопросы могут относиться только к космологическим идеям. В самом деле, предмет должен быть дан эмпирически, и космологический вопрос касается только его адекватности (Angemessenheit) идее. Если предмет трансцендентален и, следовательно, сам неизвестен, как, напр., неизвестно, есть ли то, явлением чего (в нас самих) служит мышление (душа), само по себе простое существо, существует ли безусловно необходимая причина всех вещей в совокупности и т. д., то мы должны искать соответственно нашей идее предмет, относительно которого мы можем признаться, что он нам неизвестен, хотя вовсе еще не невозможен вследствие этого*.

507 Только космологические идеи обладают той особенностью, что могут предполагать данным свой предмет и необходимый для его понятия эмпирический синтез; вопрос же, к которому они подают повод, касается только прогресса этого синтеза, поскольку он должен содержать в себе абсолютную целостность, которая уже не относится к сфере эмпирического, так как не может быть дана ни в каком опыте. Так как здесь речь идет о вещи (Dinge) только как о предмете возможного опыта, а не как о вещи в себе (Sache an sich selbst), то ответ на трансцендентный космологический вопрос нигде не может находиться, кроме самой идеи, потому что он вовсе не касается /вещи в себе[2)]; да и в отношении возможного опыта

2) Г – совсем не затрагивая предмета вне понятий
(indem der Gegenstand außer dem Begriffe gar nicht angetroffen wird)

2) З – никакого предмета самого по себе
(keinen Gegenstand an sich selbst)

---

* На вопрос, какими свойствами обладает трансцендентальный предмет, нельзя, правда, ответить указанием, /к а к о в о н[1)], но можно, конечно, ответить, что сам в о п р о с /н е и м е е т с м ы с л а[2)], потому что предмет его не может быть дан. В этом смысле на все вопросы трансцендентальной психологии можно дать ответ, и он действительно дан: в самом деле, эти вопросы касаются трансцендентального субъекта всех внутренних явлений, который сам не есть явление и, следовательно, н е д а н как предмет и в отношении к которому ни одна из категорий не находит условия для своего применения (между тем вопрос относится, собственно, к категориям). **507** Следовательно, здесь именно мы встречаемся с тем случаем, /когда[1)] отсутствие ответа есть также ответ, потому что вопрос о свойствах какого-то нечто, которое не может быть мыслимо посредством определенных предикатов, потому что находится совершенно вне сферы предметов, могущих быть нам данными, совершенно ничтожен и пуст.

1) С – что он такое
(was er sei)

2) С – ничто
(nichts sei)

1) С – когда имеет значение общее правило, что...
З – когда применима известная поговорка
(da der gemeine Ausdruck gilt, daß...)

вопрос ставится не о том, что может быть дано in concreto в каком-либо опыте, а о том, что содержится в идее, к которой эмпирический синтез должен только приближаться; следовательно, этот вопрос должен быть разрешен исключительно из самой идеи: она есть чистое создание разума, и потому разум /не может отклонить от себя ответственности[3] и ссылаться на неизвестный предмет.

3) З – оправдаться
(die Verantwortung nicht von sich abweisen... kann)

508 То обстоятельство, что некоторые науки могут требовать и ожидать определенных ответов на все относящиеся к их области вопросы (quaestiones domesticae), хотя, быть может, они в настоящее время еще и не решены, оказывается /не таким странным[1], каким оно представлялось сначала. Кроме трансцендентальной философии существуют еще две чистые науки разума, одна исключительно теоретическая, а другая [исключительно] /практическая[2]: чистая м а т е м а т и к а и ч и с т а я м о р а л ь. Случалось ли слышать, чтобы кто-либо, ссылаясь на неустранимое незнание условий, признавал недостоверным, каково точное отношение диаметра к окружности в рациональных или иррациональных числах? Так как в первых [числах] оно /не может быть выражено адекватно[3], а во вторых [числах] еще не найдено, то предполагали, что по крайней мере невозможность такого решения может быть познана с достоверностью, и Л а м б е р т (71) дал доказательство этого. В общих принципах нравов не может быть ничего недостоверного, потому что эти положения или совершенно ничтожны и бессмысленны, или же должны вытекать исключительно из понятий нашего разума. Наоборот, в естествознании есть множество предположений, в отношении которых никогда нельзя ожидать достоверности, потому что явления природы суть предметы, данные нам независимо от наших понятий; следовательно, ключ к ним находится не в нас и нашем чистом мышлении, а вне нас; поэтому во многих случаях он не может быть найден, **509** и мы не можем ожидать с уверенностью решения [этих проблем]. Вопросы трансцендентальной аналитики, касающиеся дедукции нашего чистого знания, я не причисляю сюда, потому что мы теперь рассуждаем только о достоверности суждений в отношении предметов, а не в отношении происхождения самих наших понятий.

1) С – не так необычайно
(nicht so außerordentlich)

2) С – практического содержания
(praktischen Inhalts)

3) С – не может быть дано точно
(nicht konqruent gegeben werden kann)

Итак, от обязанности по крайней мере критического разрешения поставленных вопросов разума нельзя уклониться, жалуясь на узкие границы нашего разума и заявляя с видом скромного знания своих сил, что наш разум не способен решить вопросы, вечен ли

мир, или он имеет начало, /наполнено ли мировое пространство существами на бесконечном протяжении[1], или оно заключено в известные границы, есть ли в мире что-либо простое, или же все должно делиться до бесконечности, существует ли возникновение и созидание путем (aus) свободы, или же все связано с цепью порядка природы, наконец, существует ли совершенно безусловное и само по себе необходимое существо, или же все в отношении своего существования обусловлено извне и потому имеет зависимый и случайный характер. В самом деле, все эти вопросы касаются предмета, который не может быть дан нигде, кроме как в наших мыслях, именно они касаются вопроса об абсолютно безусловной целостности синтеза явлений. Если мы не можем сказать об этом **510** ничего достоверного, исходя из своих собственных понятий, то мы не имеем права сваливать вину на вещь, скрытую от нас, так как подобная вещь (потому что вне нашей идеи ее нет нигде) вовсе не может быть дана нам, и мы должны искать причину [этой неясности] в самой нашей идее, которая составляет проблему, не допускающую решения, между тем как мы упорно настаиваем на том, будто ей соответствует действительный предмет. Ясное изложение дидактики, заключающейся в самом нашем понятии, скоро привело бы нас к совершенной достоверности относительно того, как мы должны судить о подобных вопросах.

1) С – наполнено ли мировое пространство в его бесконечности чем-либо (ob der Weltraum ins Unendliche mit Wesen erfüllt)

Вашим уверениям, будто решение этих проблем не может быть достоверным, можно противопоставить прежде всего вопрос, на который вы должны по крайней мере дать ясный ответ: откуда являются у вас эти идеи, решение которых запутывает вас здесь в такие затруднения? Идет ли речь здесь о явлениях, причем вы нуждаетесь в объяснении их и ищете для них только принципов или правил объяснения согласно этим идеям? Предположите, что природа вполне раскрыта перед вами и для ваших чувств и сознания не скрыто ничего из того, что предложено вашему наглядному представлению; тем не менее вы не будете в состоянии познать путем опыта предмет ваших идей in concreto (так как [для этого] требуется, кроме этой полноты наглядного представления, **511** еще законченный синтез и сознание его абсолютной целостности, что невозможно ни в каком эмпирическом знании); следовательно, ваши вопросы вовсе не необходимы для объяснения какого-либо встречающегося вам явления и, значит, /вовсе не даются самим предметом[1]. В самом деле, такой предмет никогда не может встретиться вам, потому что он не может быть

1) З – не могут быть, так сказать, заданы самим предметом (kann... keineswegs... gleichsam durch den Gegenstand selbst aufgegeben sein)

дан никаким возможным опытом. Во всех своих возможных восприятиях вы всегда /подчинены[2] условиям или в пространстве, или во времени и никогда не приходите ни к чему безусловному, по поводу которого нужно было бы решать вопрос, следует ли полагать это безусловное в абсолютном начале синтеза или в абсолютной целостности ряда, не имеющего никакого начала. Что же касается /целого[3] в эмпирическом смысле, оно всегда бывает лишь относительным. Абсолютное целое величины (вселенная), деления, происхождения, условия, существования вообще, а также все вопросы о том, следует ли осуществлять абсолютное целое путем конечного или простирающегося в бесконечность синтеза, нисколько не касаются возможного опыта. Явления, напр., происходящие в телах, вы вовсе не объясните лучше и даже не найдете никакого нового способа объяснения их в зависимости от того, допустите ли вы, что они состоят из простых или всегда из сложных частей; ведь вы никогда не встречаетесь ни с простыми явлениями, ни с бесконечным сложением. Явления требуют объяснения лишь постольку, поскольку условия их объяснения даны в восприятии, но все, что может 512
быть дано в них, взятое в виде абсолютного целого (Ganzen), /вовсе не составляет восприятия[1]. Между тем именно такое [абсолютное] целое (All) требуется объяснить в трансцендентальных проблемах разума.

2) С – связаны (bleibt... befangen)

3) С, З – всего
Г – всецелого
(All)

1) С – уже не есть восприятие
В – есть опять-таки восприятие
(ist selbst keine Wahrnehmung)
(A[2] – eine Wahrnehmung)

Так как и решение этих задач никогда не может быть найдено в опыте, то вы не можете говорить, что не обладаете достоверным знанием о том, какие предикаты следует приписывать этому предмету. В самом деле, ваш предмет находится только в вашем уме (Gehirne) и вне его не может быть дан; поэтому вам следует заботиться только о том, чтобы быть в согласии с самими собой и остерегаться амфиболии, превращающей вашу идею в мнимое представление об эмпирически данном и, следовательно, познаваемом согласно законам опыта объекте. Догматическое решение здесь не просто недостоверно, а [вовсе] невозможно. Критическое же решение, которое может быть вполне достоверным, рассматривает вопрос вовсе /не со стороны объекта[2], а со стороны познавательного фундамента, на котором он основывается.

2) С – не объективно
(nicht objektiv)

513 **Антиномии чистого разума**

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

Скептическое представление космологических вопросов всех четырех трансцендентальных идей

Мы охотно отказались бы от искания догматического ответа на наши вопросы, если бы уже заранее понимали, что, каков бы ни был ответ, он только увеличит наше незнание, будет приводить нас от одной загадки к другой, от одной неясности к еще большей и, быть может, даже запутает в противоречия. Если ответом на наш вопрос может быть только да или нет, то полезно оставить сперва в стороне предполагаемые основания ответа и предварительно обсудить, что мы приобретем, если ответ будет дан в пользу одной или в пользу другой стороны. Если окажется, что в обоих случаях получается нечто совершенно лишенное смысла (Nonsens), то у нас есть серьезное основание подвергнуть критическому исследованию самый вопрос, чтобы посмотреть, не опирается ли он сам на неосновательное предположение и не играет ли он идеей, ложность которой обнаруживается не столько при обособленном представлении ее, сколько при выводе из нее следствий и применении ее. **514** Такова огромная польза, приносимая скептическим методом исследования вопросов, которые чистый разум задает чистому разуму. Посредством этого метода можно с помощью незначительных усилий освободиться от огромного догматического балласта и заменить его трезвой критикой, которая, как хорошее очистительное средство, с успехом удалит самомнение вместе с его спутником – всезнанием.

Соответственно этому, если бы я наперед мог усмотреть относительно космологической идеи, что, каким бы образом она ни пыталась осуществить безусловное регрессивного синтеза явлений, все равно она окажется для всякого понятия рассудка или слишком большой, или слишком малой, то я бы понял, что эта идея должна быть совершенно пустой и лишенной всякого значения, потому что регрессивный синтез явлений имеет дело всегда только с предметом опыта, который должен сообразоваться с возможным понятием рассудка и, следовательно, космологической идее не соответствует предмет, сколько бы я ни приспособлял его к ней. Таково действительно положение всех космологических понятий, которые поэтому именно запутывают разум в неизбежную антиномию, если он цепляется за них. В самом деле, предположите:

Во-первых, что мир не имеет начала [во времени]; в таком случае он слишком велик для вашего понятия, так как оно, содержа в себе последовательный регресс, никогда не может охватить всей протекшей вечности. Предположите, что мир имеет начало [во времени], и тогда он в свою очередь слишком мал для понятия вашего рассудка в необходимом эмпирическом регрессе. **515** В самом деле, так как начало всегда предполагает время, предшествующее ему, то оно не может быть безусловным, и закон эмпирического применения рассудка заставляет вас искать еще более раннего условия во времени; таким образом, мир оказывается слишком малым для этого закона.

То же замечание приложимо и к обоим ответам на вопрос о величине мира в пространстве. Если мир бесконечен и неограничен, то он слишком велик для всякого возможного эмпирического понятия. Если мир конечен и ограничен, то вы имеете право задать вопрос: что определяет эту границу? Пустое пространство не есть сам по себе существующий коррелят вещей и не может быть условием, на котором вы могли бы остановиться; еще менее оно может быть эмпирическим условием, которое составляло бы часть возможного опыта. (Ибо кто же может иметь опыт об абсолютно пустом?) А для абсолютной целостности эмпирического синтеза всегда требуется, чтобы безусловное было эмпирическим понятием. Следовательно, ограниченный мир слишком мал для вашего понятия.

Во-вторых, если всякое явление в пространстве (материя) состоит из бесконечного множества частей, то регресс деления всегда слишком велик для вашего понятия; а если деление пространства должно остановиться на каком-либо члене его (на простом), то регресс деления слишком мал для идеи безусловного, **516** так как этот член допускает еще регресс по направлению ко многим содержащимся в нем частям.

В-третьих, если вы предположите, что во всем случающемся в мире нет ничего, кроме результатов действия законов природы, то причинность причины есть в свою очередь опять событие, заставляющее вас довести регресс до еще более высокой причины и, следовательно, продолжать ряд условий a parte priori, не останавливаясь. Итак, если принять одну лишь действующую природу, то она для всех наших понятий в синтезе мировых событий слишком велика.

Если же вы допустите где-либо /самопроизвольное произведение событий, т. е. свобод-

ную деятельность[1)], то согласно неизбежному закону природы вас будет преследовать вопрос о причине ее (das Warum), и он заставит вас согласно /закону эмпирической причинности[2)] выйти за эту границу, так что подобная целостность синтеза окажется слишком малой для вашего необходимого эмпирического понятия.

В-четвертых, если вы допустите абсолютно необходимое существо (будет ли это сам мир, или что-либо в мире, или причина мира), то вы относите его ко времени, бесконечно удаленному от всякого данного момента, так как в противном случае оно зависело бы от какого-либо другого более раннего бытия. Но в таком случае это существование недоступно для вашего эмпирического понятия и слишком велико для того, чтобы вы когда-либо могли дойти до него путем непрерывного регресса.

517 Если же, по вашему мнению, все, что принадлежит к миру (как обусловленное, так и условие), имеет случайный характер, то всякое данное вам существование слишком мало для вашего понятия, так как оно заставляет вас искать другого существования, от которого оно зависит.

Во всех этих случаях мы говорили, что /космологическая идея[1)] или слишком велика, или слишком мала для эмпирического регресса, т. е. для всякого возможного понятия рассудка. Почему мы не выразили этой мысли в обратной форме и не сказали, что в первом случае эмпирическое понятие слишком мало, а во втором слишком велико для идеи и, следовательно, вина как бы лежит на эмпирическом регрессе, между тем как мы обвинили космологическую идею в том, что она, будучи слишком широкой или слишком узкой, отклоняется от своей цели, именно от возможного опыта? Основание для этого заключалось в следующем. Только возможный опыт может сообщить нашим понятиям реальность; без этого всякое понятие есть только идея, лишенная истины и отношения к предмету. Поэтому возможное эмпирическое понятие было масштабом, сообразно которому должно было оценивать идею, определяя, есть ли она только идея и вымысел ума, или же она находит в мире соответствующий предмет. В самом деле, мы в том случае говорим о вещи, что она слишком велика или мала в отношении к другой, если она принимается ради второй вещи или должна сообразоваться с ней. **518** К числу шуточных проблем (Spielwerke) древних диалектических школ принадлежал, между прочим, и следующий вопрос: если шар не проходит сквозь дыру, то как нужно сказать: шар ли слишком велик, или

1) З – спонтанно вызванные события, стало быть, свободное возникновение
(von selbst gewirkte Begebenheiten, mithin Erzeugung aus Freiheit)

2) С – по закону причинности опыта
З – эмпирическому закону причинности
(nach dem Kausalgesetze der Erfahrung)

1) С – идея мира
(die Weltidee)

дыра слишком мала? В этом случае безразлично, как вы выразитесь, так как вы не знаете, которая из двух сравниваемых величин существует ради другой. Но, конечно, вы не станете говорить, что человек слишком велик для своей одежды, а скажете, что одежда слишком коротка для человека.

Таким образом, мы пришли к обоснованному подозрению, что космологические идеи и вместе с ними все борющиеся друг с другом /умствования[1)] имеют в основании, быть может, пустое, лишь воображаемое понятие о способе, как нам дается предмет этих идей; уже это подозрение может навести нас на правильный след для разоблачения той иллюзии, которая так долго вводила нас в заблуждение.

1) С, З – умствующие положения (утверждения) (vernünftelnde Behauptungen)

Антиномии чистого разума

ШЕСТАЯ СЕКЦИЯ

Трансцендентальный идеализм как ключ к разрешению космологической диалектики

В трансцендентальной эстетике мы в достаточной степени доказали, что все наглядно представляемое в пространстве или времени, следовательно, все предметы возможного для нас опыта суть не что иное, как явления, т. е. только представления, **519** которые в той форме, в какой они представляются нами, именно как протяженные существа или ряды изменений, не имеют существования сами по себе вне нашей мысли. Это учение я называю т р а н с ц е н д е н т а л ь н ы м и д е а л и з м о м*. /Трансцендентальный реализм[1)] превращает эти модификации нашей чувственности в вещи, существующие сами по себе, и следовательно, принимает простые (bloβe) п р е д с т а в л е н и я за вещи в себе.

1) С – Реалист в трансцендентальном значении (Der Realist in transzendentaler Bedeutung)

К нам отнеслись бы несправедливо, если бы приписывали нам давно уже /подвергающийся многочисленным нападкам[2)] эмпирический идеализм, который, допуская независимую действительность пространства, отрицает бытие протяженных существ в нем или по крайней мере считает его сомнительным и не находит в этой области достаточно ясного различия между /сновидением и истиной[3)]. Что же касается

2) С – ославленный
З – обесславленный
(so verschrienen)

3) З – мечтой и реальностью (Traum und Wahrheit)

* <Иногда я называл это учение также ф о р м а л ь н ы м идеализмом, чтобы отличить его от м а т е р и а л ь н о г о, т. е. обыкновенного идеализма, который сомневается в существовании самих внешних вещей или отрицает его. В некоторых случаях, по-видимому, во избежание недоразумений лучше пользоваться этим, а не приведенным в тексте выражением.>

явлений внутреннего чувства во времени, он не находит никаких затруднений считать их действительными вещами и даже утверждает, будто одного этого внутреннего опыта вполне достаточно, чтобы признать действительное бытие его объекта (самого по себе /вместе с этим[4] определением времени).

4) З – вместе со всем [этим] (mit aller dieser)

520 Наоборот, наш трансцендентальный идеализм допускает, чтобы предметы внешнего наглядного представления были действительны именно так, как они наглядно представляются в пространстве, и чтобы все изменения во времени были действительны именно так, как их представляет внутреннее чувство. В самом деле, так как пространство есть уже форма того наглядного представления, которое мы называем внешним и /без предметов которого[1] не было бы никаких эмпирических представлений, то мы можем и должны считать протяженные в нем сущности действительными; точно то же следует заметить и относительно времени. Но само это пространство и время, а вместе с ними и все явления суть сами по себе вовсе не вещи, а только представления и не могут существовать вне нашей души; даже внутреннее чувственное наглядное представление о нашей душе (как о предмете сознания), определения которой представляются посредством последовательности различных состояний во времени, также не есть подлинное Я как оно существует само по себе, или трансцендентальный субъект, но составляет только /явление, данное чувственности этого неизвестного нам существа[2]. Бытие этого внутреннего явления как вещи, которая сама по себе существовала бы в такой форме, не может быть допущено, потому что условием его служит время, которое не может быть определением какой бы то ни было вещи в себе. Однако эмпирическая истинность явлений в пространстве и во времени вполне обеспечена и достаточно отличена от сродства с
521 сновидением, если они правильно и непрерывно связаны друг с другом в опыте согласно эмпирическим законам.

1) С – без предмета в нем (ohne Gegenstände in demselben)

2) С – явление, которое дает чувственности эту, нам неизвестную сущность
З – явление, данное чувственности этой неизвестной нам сущности
Г – явление этой неизвестной нам сущности, данное чувственности
(eine Erscheinung, die der Sinnlichkeit dieses uns unbekannten Wesens gegeben worden)

Итак, предметы опыта *никогда не даны сами по себе*, они даны только в опыте и помимо его вовсе не существуют. Что могут быть жители на Луне, хотя ни один человек никогда не воспринимал их, без сомнения, можно допустить, но это означает лишь, что в возможном прогрессе опыта мы могли бы встретить их; в самом деле, действительно все то, что находится в связи с восприятием согласно законам эмпирического /синтеза[1]. Следовательно, жители Луны действительны в том случае, если они находятся в эмпирической связи с моим действитель-

1) С – развития
З – продвижения
(Fortgangs)

ным сознанием, хотя вследствие этого они не становятся еще действительными сами по себе, т. е. вне этого /эмпирического синтеза[2)].

2) С – развития опыта
З – эмпирического продвижения
(Fortschitt der Erfahrung)

Нам в действительности (wirklich) ничего не дано, кроме восприятия и эмпирического прогресса от данного восприятия к другим возможным восприятиям. В самом деле, явления сами по себе, будучи только представлениями, действительны лишь в восприятии, которое на самом деле есть не что иное, как действительность эмпирического представления, т. е. явление. Если мы до восприятия называем какое-либо явление действительной вещью, то это или означает, что мы в прогрессе опыта должны натолкнуться на такое восприятие, или не имеет никакого смысла. В самом деле, утверждать, что явление существует само по себе, без отношения к нашим чувствам и возможному опыту, можно было бы только в том случае, **522** если бы речь шла о вещи в себе. Но речь идет только о явлении в пространстве и времени, которые составляют лишь определение нашей чувственности, а вовсе не вещей в себе, и потому то, что находится в пространстве и времени (явления), не существует само по себе, а составляет только /представление, которое[1)], если оно не дано в нас (в восприятии), /не существует нигде[1)].

1) З – представления, которые ... не встречаются нигде
(Vorstellungen... die... überall nirgend angetroffen werden)

Чувственная способность наглядного представления есть, собственно, только восприимчивость, [т. е.] /способность известным образом воспринимать воздействия в виде представлений[2)], отношение которых друг к другу есть чистое наглядное представление пространства и времени (чистые формы нашей чувственности), и которые, поскольку они соединены и определимы в этих отношениях (в пространстве и времени) согласно законам единства опыта, называются п р е д м е т а м и. Нечувственная причина этих представлений совершенно неизвестна нам, и потому мы не можем наглядно представлять ее как объект; в самом деле, эту причину мы должны были бы представлять не в пространстве и не во времени (составляющих лишь условие чувственного представления), а между тем без этих условий мы не можем иметь никакого наглядного представления. Впрочем, чисто умопостигаемую причину явлений вообще мы можем назвать трансцендентальным объектом просто для того, чтобы иметь нечто соответствующее чувственности как восприимчивости. Весь объем и связь **523** наших возможных восприятий мы можем приписать этому трансцендентальному объекту и утверждать, что он дан до всякого опыта сам по себе. Однако сообразные с ним явления даны не сами по себе, а толь-

2) С – способность воспринимать воздействия от представлений
З – способность определенным образом испытывать воздействия посредством представлений
(auf gewisse Weise mit Vortstellungen affiziert zu werden)

ко в этом опыте, потому что они суть лишь представления, означающие действительный предмет только как восприятия, именно в том случае, если это восприятие находится в связи со всеми другими восприятиями согласно правилам единства опыта. Таким образом, можно сказать, что действительные вещи протекшего времени даны в трансцендентальном предмете опыта; /но они суть действительные предметы для меня в протекшем времени[1] только постольку, поскольку я представляю себе, что регрессивный ряд возможных восприятий (согласно указаниям истории или по следам причин и действий), иными словами, /ток мировых событий приводит согласно эмпирическим законам к протекшему временному ряду[2] как условию настоящего времени, причем этот ряд представляется как действительный все же только в связи возможного опыта, а не сам по себе, так что все события, протекшие с незапамятных времен до моего существования, означают тем не менее не что иное, как возможность продолжить цепь опыта от настоящего восприятия вверх к условиям, определяющим это восприятие во времени.

1) С – но они для меня только предметы и действительны в прошедшем времени
З – но они суть предметы и действительны для меня в прошедшем времени
(sie sind aber für mich nur Gegenstände und in der vergangenen Zeit wirklich)

2) С – по эмпирическим законам, одним словом, весь ход мира ведет к истекшему ряду времени
(nach empirischen Gesetzen, mit einem Worte der Weltlauf auf eine verflossene Zeitreihe... führt)

Итак, если я представляю себе /все предметы чувств, какие только существуют[3], во всем времени и во всем пространстве, то я вовсе не полагаю их до опыта в пространстве и времени: **524** это представление есть не более как мысль о возможном опыте в его абсолютной полноте. Лишь в этом возможном опыте даны эти предметы (которые суть не более как представления). Если же мы говорим, что они существуют до всякого моего опыта, то это означает лишь, что их можно найти в той части опыта, к к о т о р о й я еще должен /п е р е й т и[1], начиная с данного восприятия. Причина эмпирических условий этого перехода, следовательно, причина того, на какие звенья я наткнусь или как долго я буду находить их в регрессе, трансцендентальна и поэтому неизбежно неизвестна мне. Но речь и не идет о ней, а только о правиле прогресса опыта, в котором даны мне предметы, именно явления. Поэтому в конце концов совершенно все равно, скажу ли я, что в эмпирическом прогрессе в пространстве я могу встретить звезды в сто раз более отдаленные, чем самые крайние /видённые[2] мной звезды, или же я буду утверждать, что, может быть, в мировом пространстве можно найти такие звезды, хотя ни один человек никогда не воспринимал и не будет воспринимать их; в самом деле, /если бы даже они и были даны как вещи в себе без отношения к возможному опыту вообще[3], то во всяком случае они для меня ничто, для меня они не пред-

3) С, З – все существующие предметы чувств
(alle existierenden Gegenstände der Sinne)

1) З – продвинуться
(fortschreiten)

2) З – видимые
(die ich sehe)

3) С – если бы вещи в себе, без отношения к возможному опыту, и были вообще даны
(denn wenn sie gleich als Dinge an sich selbst, ohne Beziehung auf mögliche Erfahrung überhaupt, gegeben wären)
(A² – Erfahrung, überhaupt gegeben wären)

меты, если они не содержатся в ряду эмпирического регресса. Только в том случае, если эти же самые явления применяются для космологической идеи об **525** абсолютном целом и если, следовательно, речь идет о проблеме, выходящей за границы возможного опыта, различение способа, каким рассматривается действительность мыслимых чувственных предметов, имеет значение для того, чтобы /избавить[1] от вводящей в заблуждение иллюзии, которая неизбежно должна возникать из неправильного толкования наших собственных эмпирических понятий.

1) З – уберечься (vorzubeugen)

Антиномии чистого разума

СЕДЬМАЯ СЕКЦИЯ

Критическое разрешение космологического спора разума с самим собой

Вся антиномия чистого разума основывается на следующем диалектическом аргументе: если дано обусловленное, то дан и весь ряд всех условий его; но предметы чувств даны нам как обусловленные; следовательно, и т.д. Путем этого умозаключения разума, большая посылка которого кажется такой естественной и очевидной, является на сцену соответственно различиям между условиями (в синтезе явлений), образующими ряды, такое же количество космологических идей, постулирующих абсолютную целостность этих рядов и вследствие этого неизбежно приводящих разум к противоречию с самим собой. Но раньше чем мы раскроем ошибочность этого /умствования[2], мы должны подготовить почву путем **526** исправления и определения некоторых встречающихся в нем понятий.

2) С – умствующего аргумента (vernünftelnden Arguments)

Прежде всего, следующее положение имеет ясный и несомненно достоверный характер: если дано обусловленное, то тем самым нам **задан** и регресс в ряду всех условий для него; в самом деле, само понятие обусловленного таково, что посредством него нечто относится к условию, и если это условие в свою очередь тоже обусловлено, то оно относится к более отдаленному условию и т.д. через все члены ряда. Следовательно, это положение имеет аналитический характер и не боится трансцендентальной критики. Оно составляет логический постулат разума, заключающийся в требовании прослеживать с помощью рассудка и продолжать как можно далее ту связь понятия с его условиями, которая присуща уже самому понятию.

Д а л е е, если обусловленное и его условие суть вещи в себе, то, в случае когда обусловленное дано, регресс к условиям не только з а д а н, но и в действительности уже дан вместе с обусловленным, и так как это замечание относится ко всем членам ряда, то при этом дан полный ряд условий, следовательно, также и безусловное дано или, вернее, предполагается, /так как обусловленное, которое было возможно только благодаря этому ряду, дано[1]. Здесь синтез обусловленного с его условием есть синтез /чистого рассудка[2], который представляет вещи к а к о н и е с т ь, не обращая внимания на то, 527 можем ли мы и каким образом можем прийти к знанию их. Наоборот, когда я имею дело с явлениями, которые, будучи только представлениями, вовсе не даны, если я не прихожу к знанию их (т. е. к ним самим, так как они сами суть не что иное, как эмпирические знания), то я не могу утверждать в вышеуказанном смысле, что вместе с данным обусловленным даны также и все условия (как явления) для него и, следовательно, не могу умозаключать об абсолютной целостности ряда их. В самом деле, я в л е н и я в самой апрегензии суть не более как эмпирический синтез (в пространстве и времени), и, следовательно, даны только в э т о м с и н т е з е. Поэтому, если обусловленное (в явлении) дано, отсюда вовсе еще не следует, будто тем самым дан и предполагается также эмпирический синтез, составляющий эмпирическое условие его: ведь этот синтез осуществляется впервые в регрессе и вовсе не существует без него. Но зато мы можем сказать в таком случае, что р е г р е с с к условиям, т. е. непрерывный эмпирический синтез с этой стороны, предлагается или з а д а е т с я нам и что не может быть недостатка в условиях, даваемых этим регрессом.

Отсюда ясно, что бóльшая посылка космологического умозаключения разума берет понятие обусловленного в трансцендентальном значении чистой категории, а меньшая посылка берет его в эмпирическом значении как понятие рассудка, примененное только к явлениям; следовательно, здесь мы встречаемся с той диалектической ошибкой, 528 которая называется sophisma figurae dictionis. Но эта ошибка здесь не создана искусственно, а представляет собой совершенно естественное заблуждение обыденного разума. /В самом деле, при этом мы предполагаем (в большей посылке) условия и их ряд как бы н а в е р у, если дано что-либо обусловленное[1], так как логический постулат заставляет нас допускать полный ряд посылок для данного вывода; к тому же, так как в соединении обусловленного с его условием не указано

1) С – что дано обусловленное, которое было возможно только через этот ряд
3 – что обусловленное... дано
(daβ das Bedingte, welches nur durch jene Reihe möglich war, gegeben ist)
2) С – только рассудка
3 – одного лишь
(des bloβen Verstandes)

1) 3 – В самом деле, вследствие этого заблуждения мы полагаем... не вникая, так сказать, в них, когда нечто дано как обусловленное
(Denn durch dieselbe setzen wir... gleichsam unbesehen voraus, wenn etwas bedingt gegeben ist)

никакого временного порядка, то они предполагаются сами по себе как данные в м е с т е (zugleich). Далее (в меньшей посылке), в такой же мере естественно рассматривать явления как вещи в себе и как предметы, данные только рассудку, подобно тому как это мы делали в большей посылке, где мы отвлекались от всех условий наглядного представления, под которыми могут быть даны предметы. Но при этом мы упустили из виду важное различие между понятиями. Синтез обусловленного с его условием и весь ряд условий (в большей посылке) вовсе не сопровождался ограничением посредством времени и не заключал в себе понятия последовательности. Наоборот, эмпирический синтез и ряд условий в явлении (в меньшей посылке) необходимо последователен и дан не иначе как во времени; следовательно, здесь я не мог предполагать, как там, абсолютную ц е л о с т н о с т ь синтеза и представленного посредством него ряда, **529** потому что там все члены ряда даны сами по себе (без условия времени), между тем как здесь они возможны только посредством последовательного регресса, который дается лишь при действительном осуществлении его.

Доказав существование такой ошибки в аргументации, положенной в основу (космологических утверждений) сообща обеими спорящими партиями, можно справедливо отвергнуть требования обеих партий как неосновательные. Однако таким путем спор не закончен еще настолько, чтобы убедить спорящие стороны, что обе они или одна из них ошибаются также и в самом утверждаемом тезисе (в выводном положении), а не только проявляют неумение основательно доказать его. На первый взгляд кажется совершенно ясным, что если один утверждает: мир имеет начало, а другой утверждает: мир не имеет начала, но существует вечно, то одна из этих сторон должна быть правой. Но в таком случае, ввиду того что аргументация с обеих сторон одинаково ясна, невозможно когда бы то ни было узнать, на чьей стороне правда, и спор продолжается по-прежнему, хотя суд разума призвал партии к покою. Итак, для основательного завершения спора, удовлетворяющего обе стороны, остается лишь одно средство: окончательно убедить их, что, так как обе они столь красноречиво опровергают друг друга, предметом их спора служит ничто и лишь известная трансцендентальная иллюзия нарисовала им **530** действительность там, где нет ничего. На этот путь устранения спора, который не может быть решен ни в ту, ни в другую сторону, мы и собираемся теперь вступить.

* * *

Элеец Зенон, тонкий диалектик, подвергался уже со стороны Платона суровым упрекам как злостный софист за то, что он, желая показать свое искусство, брался сначала доказать с помощью мнимых аргументов, а затем опять опровергнуть с помощью других столь же сильных аргументов одно и то же положение. Он утверждал, что Бог (вероятно, он разумел под этим не что иное, как мир) не конечен и не бесконечен, что он не находится ни в движении, ни в покое, что в нем нет ни сходства, ни несходства с какой бы то ни было другой вещью. Его критикам казалось, будто он намерен совершенно отрицать два противоречащих друг другу суждения, что нелепо. Однако я не нахожу, чтобы его можно было справедливо упрекать в этом. Первое из его положений я вскоре рассмотрю подробнее. Что же касается остальных, если он подразумевал под словом Бог вселенную (das Universum), то он должен был, конечно, утверждать, что она и не пребывает постоянно (покоится) на своем месте, и не меняет его (движется), потому что все места существуют только во вселенной, следовательно, сама [вселенная] не находится ни в каком месте. Если вселенная обнимает собой все, что существует, то у нее также нет ни сходства, ни несходства с какою бы то ни было другой вещью, потому что вне ее нет никакой другой вещи, с которой ее можно было бы сравнивать. **531** Если два противоположных (entgegengesetze) друг другу суждения предполагают несостоятельное условие, то они оба падают, несмотря на свою противоположность (Widerstreits) (которая, собственно, не есть настоящее противоречие (Widerspruch)), потому что падает условие, при котором должно иметь значение каждое из этих положений.

Если кто-либо говорит, что всякое тело или пахнет хорошо, или пахнет нехорошо, то [между этими двумя положениями] существует третье, именно, что тело вовсе не пахнет (nicht rieche (ausdufte)), и, таким образом, оба противоположных суждения могут быть ложными. Если же я говорю, что всякое тело или благовонно, или не благовонно (vel suaveolens vel non suaveolens), то в таком случае эти суждения находятся в отношении противоречащей противоположности и только первое из них ложно, а его противоречащая противоположность (kontradiktorische Gegenteil), именно утверждение, что некоторые тела не благовонны, охватывает также и тела, которые вовсе не пахнут. В первом противоположении (per dis-

parata) случайное условие понятия тела (запах) о с т а в а л о с ь еще в противоположном (widerstreitenden) суждении и не было, следовательно, отменено им; поэтому это суждение не находится в отношении противоречащей противоположности к первому суждению.

Итак, если я говорю, что мир по своему протяжению или бесконечен, или не бесконечен (non est infinitus), то в случае ложности первого суждения должно быть истинным противоречащее ему суждение, что мир не бесконечен. В этом суждении я только отрицаю бесконечный мир, не ставя на его место другой, именно конечный мир. 532 Если же я говорю, что мир или бесконечен, или конечен, то оба эти суждения могут быть ложными. В самом деле, в таком случае я рассматриваю мир как сам по себе определенный по своей величине, так как в противоположном суждении я не только отрицаю бесконечность и вместе с тем, быть может, вообще самостоятельное существование его, но еще и приписываю миру как вещи, действительной самой по себе, определение, которое точно так же может быть ложным, именно в том случае, если мир вовсе н е д а н к а к в е щ ь в с е б е и, следовательно, что касается величины, не дан ни как конечный, ни как бесконечный. Да будет позволено мне назвать такую п р о т и в о п о л о ж н о с т ь д и а л е к т и ч е с к о й, а противоречащую противоположность /а н а л и т и ч е с к о й[1]. Следовательно, два диалектически противоположных друг другу суждения оба могут быть ложными, потому что одно не только противоречит другому, но и высказывает нечто сверх того, что необходимо для противоречия.

Кто рассматривает суждения «мир по своей величине бесконечен» и «мир по своей величине конечен» как находящиеся в отношении противоречащей противоположности, тот предполагает, что мир (весь ряд явлений) есть вещь в себе. В самом деле, он остается, хотя бы я и отрицал бесконечный или конечный регресс в ряду его явлений. Если же я устраню это предположение или эту трансцендентальную иллюзию и стану отрицать, что мир есть вещь в себе, тогда 533 противоречащая противоположность превратится в чисто диалектическую противоположность этих утверждений, /и так как мир вовсе не существует сам по себе[1] (независимо от регрессивного ряда моих представлений), то он не существует ни к а к с а м о п о с е б е б е с к о н е ч н о е, н и к а к с а м о п о с е б е к о н е ч н о е ц е л о е. Он существует только в эмпирическом регрессе ряда явлений и сам по се-

1) С – аналитической оппозицией (die analytische Opposition)

1) В – и так как мир не существует как нечто само по себе (und weil die Welt gar nicht an sich... existiert) (A[1] – und die Welt, weil sie)

бе нигде не может быть найден. Поэтому, если этот ряд всегда обусловлен, он никогда не дан целиком; следовательно, мир вовсе не есть безусловное целое и потому он не обладает ни бесконечностью, ни конечной величиной.

То, что сказано здесь о первой космологической идее, именно об абсолютной целостности величины в явлении, относится также и ко всем остальным космологическим идеям. Ряд условий существует только в самом регрессивном синтезе, а не сам по себе в явлении как в самостоятельной, данной до всякого регресса вещи. Поэтому я должен утверждать, что количество частей в данном явлении само по себе ни конечно, ни бесконечно, потому что явление не есть что-либо существующее само по себе и части даются впервые путем регресса разлагающего синтеза и в этом регрессе, который никогда не дан ц е л и к о м, ни как конечный, ни как бесконечный. То же самое относится и к ряду последовательных причин, а также к ряду, ведущему от обусловленного вплоть до безусловно **534** необходимого существования; этот ряд никогда нельзя рассматривать сам по себе в целом как конечный или бесконечный, потому что он, будучи рядом субординированных представлений, существует только в динамическом регрессе и до этого регресса /как самостоятельный ряд вещей в себе не может существовать[1)].

Таким образом, антиномия чистого разума в его космологических идеях устранена указанием на то, что она имеет чисто диалектический характер и представляет собой противоречие, обусловливаемое иллюзией, которая возникает вследствие того, что мы применяем идею абсолютной целостности, имеющую значение только в качестве условия вещей в себе, к явлениям, которые существуют только в представлении, и если образуют ряд, то лишь в последовательном регрессе, а больше нигде. Мы можем также и обратно извлечь из этой антиномии подлинную, если не догматическую, то все же критическую и доктринальную, выгоду, именно посредством антиномии мы можем косвенно доказать трансцендентальную идеальность явлений, если бы кто-либо не удовлетворился прямым доказательством в трансцендентальной эстетике. Это косвенное доказательство состояло бы в следующей дилемме. Если мир есть само по себе существующее целое, то он или конечен, или бесконечен. Но как первое, так и второе положения ложны (согласно приведенным выше доказательствам антитезиса, с одной стороны, и тезиса, с другой стороны). Следовательно, ложно также и то, что мир **535** (сово-

1) С – не может существовать до него, как существующий в себе ряд вещей в себе
З, Г – как самостоятельный ряд вещей в себе существовать не может
В – и как ряд, конечно, не может существовать в себе
(als für sich bestehende Reihe von Dingen an sich selbst gar nicht existieren kann)
(A^2 – Reihe von Dingen, an sich selbst)
(can have no existence in themselves as self-subsistent series of things)
(лат. – atque qua series rerum in sese consistens, per se ipsa nullo modo potest exstare)

купность всех явлений) есть само по себе существующее целое. В свою очередь отсюда следует, что явления вообще /помимо[1] наших представлений суть ничто, а это именно мы и подразумеваем под трансцендентальной идеальностью явлений.

1) С, З – вне (außer)

Это замечание имеет важное значение. Отсюда видно, что вышеприведенные доказательства четвероякой антиномии были не /софизмами[2], а основательными аргументами, если предположить, будто явления или чувственный мир, содержащий в себе совокупность их, суть вещи в себе. Но противоречие между выводимыми отсюда положениями обнаруживает ошибку, кроющуюся в этом предположении, и приводит нас таким образом к открытию истинного свойства вещей как предметов чувства. Следовательно, трансцендентальная диалектика благоприятствует вовсе не скептицизму, а скептическому методу; она дает пример огромной пользы этого метода, приводя совершенно свободно друг против друга аргументы разума, которые, хотя и не дают в конце концов того, чего мы искали, /тем не менее приведут нас к полезным результатам и к исправлению наших суждений[3].

2) С – фантазиями
З – фикциями
(Blendwerke)

3) С – но все-таки полезное и пригодное для оправдания наших суждений
З – тем не менее дают нам нечто полезное и нужное для исправления наших суждений
(dennoch jederzeit etwas Nützliches und zur Berichtigung unserer Urteile Dienliches liefern werden)

536 Антиномии чистого разума

ВОСЬМАЯ СЕКЦИЯ

Регулятивный принцип чистого разума в отношении космологических идей

Так как посредством космологического основоположения целостности максимум ряда условий в чувственном мире как вещи в себе не дается, а только задается в регрессе этого ряда, то это основоположение чистого разума в своем /исправленном[1] значении сохраняет силу, правда, не как аксиома, заставляющая нас считать целостность в объекте действительной, а как проблема для рассудка, следовательно, для субъекта, побуждающая нас устанавливать и продолжать регресс в ряду условий для данного обусловленного сообразно с полнотой идеи (in der Idee). В самом деле, в чувственности, т. е. в пространстве и времени, всякое условие, к которому мы можем прийти при истолковании данных явлений в свою очередь опять обусловлено, так как эти условия суть не предметы в себе, в которых можно было бы найти абсолютно безусловное, а только эмпирические представления, которые всегда должны находить в наглядном представлении свое условие, определяющее их во времени или в пространстве. Следовательно, осново-

1) З – уточненном таким образом
(dergestalt berichtigten)

положение разума есть собственно только п р а в и л о, которым **537** /постулируется[1] в ряду условий данных явлений регресс, /не имеющий возможности когда бы то ни было[2] остановиться на абсолютно безусловном. Следовательно, это [основоположение] не есть принцип возможного опыта и эмпирического знания о предметах чувств, иными словами, это не есть основоположение рассудка, так как всякий опыт замкнут в своих границах (сообразно данному наглядному представлению); это не есть также к о н с т и т у т и в н ы й п р и н ц и п разума, расширяющий понятие чувственного мира за пределы всякого возможного опыта; это есть основоположение, [согласно которому следует] возможно больше продолжать и расширять опыт, /не принимая никакую[3] эмпирическую границу за абсолютную границу; следовательно, это есть принцип разума, постулирующий, к а к п р а в и л о, что нам следует делать в р е г р е с с е, но н е а н т и ц и п и р у ю щ и й, чтó дано в о б ъ е к т е самом по себе до всякого регресса. Поэтому я называю его р е г у л я т и в н ы м принципом разума, тогда как основоположение абсолютной целостности ряда условий как данной в объекте самом по себе (в явлениях) было бы конститутивным космологическим принципом, несостоятельность которого я показал именно путем этого различения с целью воспрепятствовать тому, чтобы идее, которая служит только правилом, приписывалась, как это в противном случае неизбежно бывает (вследствие трансцендентальной /подтасовки[4]), объективная реальность.

Чтобы определить надлежащим образом смысл этого правила чистого разума, следует прежде всего заметить, что в нем речь идет не о том, **538** /к а к о в о б ъ е к т[1], а о том, как с л е д у е т п р о и з в о д и т ь (anzustellen sei) э м п и р и ч е с к и й р е г р е с с, чтобы прийти к полному понятию объекта. В самом деле, если бы имело место первое, то это был бы конститутивный принцип, но таких принципов /чистый разум никогда не дает[2]. Следовательно, это основоположение вовсе не имеет целью утверждать, что ряд условий для данного обусловленного сам по себе конечен или бесконечен, так как в таком случае простая (bloβe) идея абсолютной целостности, /существующей в самой лишь этой идее[3], /содержала бы в себе мышление о предмете[4], который не может быть дан ни в каком опыте, причем ряду явлений приписывалась бы объективная реальность, независимая от эмпирического синтеза. Следовательно, идея разума предписывает правило лишь регрессивному синтезу в ряду условий; согласно этому правилу синтез направ-

1) С, З – предписывается (gebietet)

2) З – которому никогда не дозволено (dem es niemals erlaubt ist)

3) С, З – основоположение, согласно которому никакая... не должна иметь значения (считаться) (nach welchem keine... gelten muβ)

4) З – подстановки (Subreption)

1) С – что такое объект
З – чтó есть
(was das Objekt sei)

2) С – из чистого разума не возможен
З – не могут исходить из чистого разума
(dergleichen aus reinen Vernunft niemals möglich ist)

3) С – которая исключительно заключена в себе
З – существующей в себе самой
(die lediglich in ihr selbst geschaffen ist)
(Vorl. – beschlossen ist)
(Erdm. – geschlossen ist)
(which is only produced in the idea)
(лат. – in ea ipsa procreata)

4) С, З – стала бы мыслить (мыслила бы) предмет
(würde... einen Gegenstand denken)

ляется от обусловленного через все подчиненные друг другу условия к безусловному, хотя безусловное никогда не может быть достигнуто, так как абсолютно безусловное нигде в опыте не встречается.

Для этой цели нужно прежде всего точно определить синтез ряда, поскольку он никогда не бывает полным. Для этого пользуются обыкновенно двумя выражениями, которые должны заключать в себе некоторое различие, хотя основание его не умеют указать точно. Математики говорят исключительно о progressus in infinitum, а исследователи понятий (философы) **539** вместо этого допускают лишь термин progressus in indefinitum. Не пускаясь в расследование того сомнения, которое побудило к этому различению, и не задаваясь вопросом о полезности или бесплодности применения его, я попытаюсь точно определить эти понятия в отношении к моей цели.

О прямой линии по справедливости можно сказать, что ее можно продолжить до бесконечности; здесь различение бесконечного и неопределенно далекого продолжения (progressus in indefinitum) было бы пустой тонкостью. Правда, выражение «продолжите линию (zieht...fort) in indefinitum» звучит правильнее, чем выражение «продолжите линию in infinitum», так как первое означает не более как «продолжайте (verlängtert) ее насколько хотите», а второе – «вы не должны никогда перестать продолжать ее» (между тем как это именно не нужно в данном случае); тем не менее, если речь идет только о возможности (Können), /второе[1] выражение оказывается совершенно правильным, так как вы можете до бесконечности делать ее все большей. Точно то же можно сказать и о тех случаях, когда речь идет только о прогрессе, т. е. о переходе от условия к обусловленному: этот возможный переход идет в бесконечность в ряду явлений. От пары родителей вы можете без конца направляться вперед в нисходящей линии рождения (der Zeugung) и, без сомнения, можете **540** мыслить, что она действительно продолжается таким образом в мире. В самом деле, здесь разум вовсе не нуждается в абсолютной целостности ряда, потому что он не предполагает его как условие и как нечто данное (datum), а мыслит его только как нечто обусловленное, которое только может быть дано (angeblich ist) (dabile) и без конца может быть дополняемо.

Совершенно иной характер имеет проблема, как далеко /простирается регресс от данного обусловленного к его условиям[1], могу ли я сказать, что это **регресс в бесконечность** или только регресс, простираю-

1) С, З – первое (erstere)

1) С – простирается регресс, который поднимается от данного обусловленного в ряду его условий
З – уходит в том или ином ряду регресс от данного обусловленного к условиям (wie weit sich der Regressus, der von dem gegebenen Bedingten zu den Bedingungen in einer Reihe aufsteigt, erstrecke)

щийся неопределенно далеко (in indefinitum); следовательно, могу ли я от живущих в настоящее время людей восходить в ряду их предков до бесконечности, или же я могу только сказать, что, сколько бы я ни восходил назад, я никогда не могу найти эмпирического основания считать где-либо ряд ограниченным, так что имею право и даже обязан искать, хотя и не предполагать, для каждого из праотцев еще его предков (Vorfahren).

Соответственно этому я утверждаю, что если целое дано в эмпирическом наглядном представлении, то регресс в ряду его внутренних условий идет в бесконечность. Если же дан только член ряда, от которого регресс впервые еще должен прийти к абсолютной целостности, то мы имеем дело только /с регрессом, простирающимся неопределенно 541 далеко[1] (in indefinitum). Так, о делении материи, данной в определенных границах (тела), следует говорить, что оно идет в бесконечность, так как эта материя дана в эмпирическом наглядном представлении целиком, следовательно, со всеми своими возможными частями. Так как условием этого целого /служат его части, а условием этих частей – части этих частей[2] и т. д., и так как в этом регрессе разложения нигде нельзя найти безусловного (неделимого) члена этого ряда условий, то не только нет нигде эмпирического основания прекратить деление, но и дальнейшие члены деления, которое должно быть продолжаемо, сами эмпирически даны до осуществления этого дальнейшего деления, следовательно, деление продолжается до бесконечности. Наоборот, ряд предков данного человека не дан в своей абсолютной целостности ни в каком возможном опыте; но регресс направляется от каждого члена этого ряда к более высокому члену так, что нельзя найти никакой эмпирической границы, которая устанавливала бы какой-либо член как абсолютно безусловный. А так как те члены, которые могли бы содержать в себе условие для этого, не даны до регресса в эмпирическом наглядном представлении целого, то этот регресс направляется не в бесконечность ([как при] делении данного), а в неопределенную даль и состоит в подыскивании к данным членам все новых членов, которые в свою очередь даны всегда только условно.

1) З – с нисхождением в неопределенную даль (ein Rückgang in unbestimmte Weite)

2) З – служит его часть, а условием этой части – часть этой части (sein Teil, und die Bedingung dieses Teils der Teil vom Teile u.s.w. ist)

542 В обоих этих случаях, как в regressus in infinitum, так и в regressus in indefinitum, ряд условий не рассматривается /как данный в объекте в качестве безусловного[1]. Это не вещи /в себе[2], а только явления, которые лишь в самом регрессе даются как условия друг друга. Следовательно, вопрос состоит вовсе не в

1) З – как бесконечно данный в объекте (als unendlich im Objekt gegeben)
2) З – которые даются сами по себе (die an sich selbst... gegeben werden)

том, как велик этот ряд условий сам по себе, конечен ли он или бесконечен: /этого ряда нет самого по себе[3], и вопрос состоит лишь в том, как должны мы производить эмпирический регресс и насколько далеко мы обязаны продолжать его. И существенное различие заключается именно в правиле этого регресса. Если целое дано эмпирически, то в ряду его внутренних условий *можно* идти назад *до бесконечности*. Если же целое не дано, но должно быть впервые /осуществлено[4] посредством эмпирического регресса, то я могу только сказать, что *можно до бесконечности* переходить к все более высоким условиям ряда. В первом случае я мог сказать, что всегда существует налицо (es sind...da) и дано эмпирически больше членов, чем я охватываю (erreiche) путем регресса (разложения), а во втором случае я говорю, что я могу еще направляться далее в регрессе, так как ни один член не дан эмпирически как абсолютно безусловный, следовательно, более высокий член всегда еще возможен и потому искать его необходимо. В первом случае /мы необходимо всегда *находим* большее число членов ряда, а во втором случае мы необходимо всегда *ищем* большего числа членов ряда[5], потому что никакой опыт **543** не ограничен безусловно. В самом деле, или у вас нет восприятия, которое безусловно ограничивало был ваш эмпирический регресс, и тогда вы не можете считать ваш регресс законченным, или же у вас есть такое ограничивающее ваш ряд восприятие, и тогда оно не может быть частью пройденного вами ряда (так как то, *чтó ограничивает*, должно отличаться от того, /*что*[1] *ограничивается*), следовательно, вы должны продолжать свой регресс также и для этого условия и т. д.

3) З – ведь сам по себе этот ряд ничто
(denn sie ist nichts an sich selbst)

4) С, З – быть дано
(gegeben werden)

5) С – было необходимо находить больше членов ряда, а здесь всегда необходимо спрашивать о большем количестве членов
З – было необходимо заставать большее число членов ряда, а во втором случае всегда необходимо искать большее число членов ряда
(war es notwendig, mehr Glieder der Reihe anzutreffen, hier aber ist es immer notwendig, nach mehreren zu fragen)

1) С, З – что этим
(was dadurch)

Следующий отдел прольет надлежащий свет на эти замечания путем применения их.

Антиномии чистого разума

ДЕВЯТАЯ СЕКЦИЯ

Об эмпирическом применении регулятивного принципа разума в отношении всех космологических идей

Так как мы неоднократно показывали, что ни чистые понятия рассудка, ни чистые понятия разума не могут иметь никакого трансцендентального применения, и так как абсолютная целостность рядов условий в чувственном мире основывается исключительно на трансцендентальном применении разума, который

требует этой безусловной полноты от того, что он считает вещью в себе, **544** между тем как чувственный мир /не состоит из[1] подобных [вещей], то речь никогда не может идти об абсолютной величине рядов в чувственном мире, [т. е. о том,] ограничены ли они или безграничны сами по себе, а всегда идет лишь о том, насколько далеко должны мы идти назад в эмпирическом регрессе при сведении опыта к его условиям, чтобы, [решая запросы разума], останавливаться согласно правилу разума не иначе как на ответе, соответствующем вопросу.

1) З – не содержит (nicht enthält)

После того как в достаточной мере была доказана несостоятельность принципа разума как конститутивного основоположения /для явлений самих по себе[2] (72), нам остается, следовательно, лишь значение принципа разума как правила для продления (der Fortsetzung) и объема возможного опыта. Если мы можем ясно установить это значение его, то вместе с этим спор разума с самим собой совершенно заканчивается, так как путем критического разрешения не только уничтожается иллюзия, раздваивавшая разум с самим собой, но и раскрывается вместо нее тот смысл принципа, при котором разум согласуется с самим собой и одно лишь непонимание которого было поводом к спору; при этом (sonst) диалектическое основоположение превращается в доктринальное. В самом деле, если это основоположение может быть оправдано (bewahrt) в его субъективном значении, определяющем возможно большее применение рассудка в опыте сообразно предметам его, то это совершенно равносильно тому, как если бы оно, подобно **545** аксиоме (которая из чистого разума невозможна), a priori определяло предметы сами по себе; в самом деле, даже и аксиома не могла бы в отношении объектов опыта иметь большее влияние на расширение и исправление нашего знания, /кроме того, какое выразилось бы[1] в самом широком опытном применении нашего рассудка.

2) З, Г – о вещах в себе [самих по себе] (der Erscheinungen an sich selbst) (viewed as things) (лат. – visorum per se ipsorum)

1) С – чем в том случае, если бы оно приняло деятельное участие (als daß es sich... tätig bewiese)

I

Решение космологической идеи о полноте сложения явлений в мировое целое

Как здесь, так и в остальных космологических вопросах основанием регулятивного принципа разума служит следующее положение: в эмпирическом регрессе нельзя найти опыта относительно абсолютной границы, иными словами, нельзя найти условия, которое было бы эмпирически абсо-

лютно безусловным. Основание этого заключается в том, что подобный опыт должен был бы заключать в себе ограничение явлений посредством ничего (durch nichts) или [посредством] пустоты, на которую наталкивался бы при своем продолжении регресс посредством восприятия, что невозможно.

Это положение, равносильное утверждению, что в эмпирическом регрессе **546** я прихожу всегда лишь к условию, которое само в свою очередь должно рассматриваться как эмпирически обусловленное, содержит в себе in terminis правило, согласно которому, как бы далеко я ни заходил в восходящем ряду, я всегда должен задаваться вопросом о еще более высоком члене ряда, /все равно[1], известен ли он мне посредством опыта или нет.

1) С – все равно будет ли
З – становится ли
(es mag... bekannt werden)

Теперь для решения первой космологической задачи остается еще только определить, можно ли в регрессе к безусловной величине мирового целого (во времени и в пространстве) называть это никогда не приводящее к границе восхождение *регрессом* (Rückgang) в *бесконечность* или легко следует называть только *неопределенно продолжающимся регрессом* (in indefinitum).

Простое (Die bloβe) общее представление ряда всех прошедших состояний мира, а также всех вещей, сосуществующих в мировом пространстве, само есть не что иное, как возможный эмпирический регресс, который я мыслю, правда, еще лишь в неопределенной форме и посредством которого /впервые[2] может возникнуть понятие такого ряда условий для данного восприятия*. **547** Но я имею мировое целое всегда только в понятии, а никоим образом не (как целое) в наглядном представлении. Следовательно, от его величины я не могу умозаключать к величине регресса и определять последнюю согласно первой, но должен сперва составить себе понятие о величине мира на основании величины эмпирического регресса. Однако об этом эмпирическом регрессе я не знаю ничего, кроме того, что от всякого данного члена ряда условий я всегда должен эмпирически восходить к еще более высокому (более отдаленному) члену. Следова-

2) З – единственно
С – только
(allein)

* Следовательно, этот мировой ряд не может быть ни большим, ни меньшим, чем возможный эмпирический регресс, на котором исключительно основывается его понятие. И так как этот регресс не может дать ни определенной бесконечной [величины], ни определенной конечной [величины] (безусловно ограниченной), то отсюда ясно, что причину мира мы не можем принимать ни как конечную, ни как бесконечную, потому что регресс (посредством которого представляется эта величина) не допускает ни того, ни другого.

тельно, таким путем величина целого явлений вовсе не может быть абсолютно определена, и потому нельзя также сказать, что этот регресс идет в бесконечность, так как это [утверждение] антиципировало бы члены ряда, до которых регресс еще не дошел, и представляло бы количество (Menge) их столь большим, что никакой эмпирический синтез не мог бы дойти до них, следовательно, оно *определяло* бы величину мира (хотя лишь отрицательно) раньше регресса, что невозможно. В самом деле, мир (в своей целостности) не дан мне ни в каком наглядном представлении, следовательно, и величина его не дана до регресса. Поэтому о величине мира самой по себе ничего нельзя сказать, нельзя даже утверждать, что в ней осуществляется regressus in infinitum, но мы должны лишь искать понятия о величине мира соответственно правилу, определяющему эмпирический регресс в нем, а это правило говорит лишь, что, сколько бы мы ни подвигались в ряду эмпирических условий, мы нигде не можем допускать абсолютной границы,
548 но всякое явление должны как обусловленное подчинять другому явлению как условию и, следовательно, должны переходить далее к этому явлению: это – regressus in indefinitum, не определяющий никакой величины в объекте и в этом смысле достаточно ясно отличающийся от regressus in infinitum.

Поэтому я не могу сказать, что мир в прошедшем времени [или по своему протяжению] в пространстве *бесконечен*. В самом деле, такое понятие о величине как данной бесконечности эмпирически невозможно, следовательно, оно безусловно невозможно в отношении мира как предмета чувств. Я не могу также сказать, что регресс от данного восприятия ко всему тому, чем оно ограничивается в ряду в пространстве и в прошедшем времени, идет в *бесконечность*: такое утверждение предполагало бы бесконечную величину мира. Я не могу также утверждать, что этот регресс *конечен*, так как абсолютная граница также эмпирически невозможна. Таким образом, я ничего не могу сказать /о целом[1)] предмете опыта (о чувственном мире), но могу говорить только о правиле, сообразно которому следует устанавливать (angestellt) и продолжать опыт соответственно его предмету.

1) С, З – обо всем (von dem ganzen)

Итак, на космологический вопрос о величине мира получается прежде всего отрицательный ответ: мир не имеет первого начала во времени и крайней границы в пространстве.

В самом деле, в противном случае он был бы ограничен пустым временем, с одной стороны, и пустым

пространством, с другой стороны. **549** Но так как он как явление /не может иметь этих границ сам по себе[1)], потому что явление вовсе не есть вещь в себе, то должно было бы быть возможным восприятие ограничения абсолютно пустым временем или абсолютно пустым пространством, и в этом восприятии концы мира (diese Weltenden) были бы даны в возможном опыте. Но такой опыт как совершенно пустой по содержанию невозможен. Итак, абсолютная граница мира эмпирически, а следовательно, также и безусловно невозможна*.

1) С – не может быть ни тем, ни другим в себе
З – сам по себе не может быть ни тем, ни другим
(keines von beiden an sich selbst sein kann)

Отсюда следует, однако, также и у т в е р д и т е л ь н ы й ответ: регресс в ряду мировых явлений как определение величины мира направлен in indefinitum. Этот ответ равносилен утверждению, что чувственный мир не имеет абсолютной величины, но что эмпирический регресс (посредством которого единственно может быть дан мир со стороны своих условий) подчинен правилу, состоящему в требовании переходить всегда от каждого члена ряда как обусловленного к еще более отдаленному члену **550** (будь то путем собственного опыта, или под руководством истории, или в цепи действий и их причин) и никогда не отказываться от расширения возможного эмпирического применения своего рассудка, так как в этом именно и состоит настоящая и единственная задача разума, [выраженная] в его (bei ihren) принципах.

Это [правило] не предписывает определенного эмпирического регресса, который направлялся бы без конца назад в [области] определенной группы явлений, напр., оно не указывает, что мы /должны[1)] восходить назад от данного живого человека [всегда] в ряду его предков, не ожидая встретить первую пару, или восходить в ряду мировых тел (Weltkörper), не допуская последнего солнца (eine äußerste Sonne); это правило требует только перехода от явлений к явлениям, хотя бы они и /не были даны ни в каком[2)] действительном восприятии (если они по своей степени слишком слабы для нашего сознания, чтобы сделаться опытом), потому что они, несмотря на это, все же принадлежат к возможному опыту.

1) З – всегда должны
(immer... müssen)

2) З – не давали никакого
(sollten diese auch keine wirkliche Wahrnehmung... abgeben)

* Следует заметить, что здесь доказательство развито совершенно иным путем, чем вышеприведенное догматическое [доказательство] в антитезисе первой антиномии. Там мы допускали согласно обыденному и догматическому способу представления, что чувственный мир есть вещь, данная сама по себе во всей своей целостности до всякого регресса, и отказали ему вообще в каком бы то ни было определенном месте в пространстве и времени, если он не занимает всего времени и всех пространств. Поэтому и вывод там получился иной, чем здесь, именно – там в выводе утверждалась действительная бесконечность мира.

Всякое начало находится во времени, и всякая граница протяженного находится в пространстве. Но пространство и время существуют только в чувственном мире. Следовательно, только явления в мире ограничены условным образом, сам же мир не ограничен ни условно, ни безусловно.

Именно поэтому, а также вследствие того, что мир никогда не может быть дан весь и даже ряд условий для данного обусловленного не может быть дан как мировой ряд целиком, понятие величины мира дается только посредством регресса, а не до **551** регресса в коллективном (kollektiven) наглядном представлении. Но этот регресс всегда состоит только в [процессе] определения величины и потому не дает определенного понятия, а следовательно, также и понятия о величине, которая была бы бесконечной в отношении известной меры; следовательно, он идет не в бесконечность (как бы данную), а в неопределенную даль, чтобы дать величину (опыта), которая впервые становится действительной благодаря этому регрессу.

II

Решение космологической идеи о полноте деления данного целого в наглядном представлении

Если я делю целое, данное в наглядном представлении, то я перехожу от обусловленного к условиями его возможности. [Дальнейшее] деление частей (subdivisio или decompositio) есть регресс в ряду этих условий. Абсолютная целостность этого ряда была бы дана лишь в том случае, если бы регресс мог дойти до простых частей. Но если все части в непрерывно продолжающемся разложении в свою очередь опять делимы, то деление, т. е. регресс от обусловленного к его условиям, направляется in infinitum, потому что условия (части) находятся в самом обусловленном **552** и все вместе даны с ним, так как оно целиком дано в наглядном представлении, заключенном /в определенные границы[1]. Следовательно, этот регресс не приходится называть только регрессом in indefinitum, как это было необходимо в отношении к предыдущей космологической идее, где я должен был переходить от обусловленного к его условиям, которые находились вне обусловленного, т. е. не были даны вместе с ним, а впервые лишь присоединялись к нему в эмпирическом регрессе. Тем не менее о таком целом, делимом до бесконечности, нельзя говорить, что оно

1) С – в своих границах
З – в его [созерцания] границы
(in einer zwischen seinen Grenzen eingeschlossenen Anschauung ganz gegeben ist)

состоит из бесконечного множества частей. В самом деле, хотя все части его содержатся в наглядном представлении целого, однако в нем не содержится целое деление, так как оно состоит лишь в продолжающемся разложении или самом регрессе, который впервые делает ряд действительным. Так как этот регресс бесконечен, то в данном целом содержатся, правда, как агрегаты все члены (части), к которым приходит регресс, однако не весь ряд деления, который последовательно бесконечен и никогда не существует целиком, следовательно, не может изображать бесконечного множества частей и /соединения[2] их в виде целого.

2) З – собирания (Zusammennehmung)

Это общее замечание прежде всего легко применить к пространству. Всякое наглядно представляемое в своих границах пространство есть такое целое, части которого при всяком разложении в свою очередь опять суть пространства, и потому оно делимо до бесконечности.

553 Отсюда совершенно естественно вытекает также второе применение [этого замечания], именно к внешнему явлению, заключенному в своих границах (тело). Делимость тела основывается на делимости пространства, которым обусловливается возможность тела как протяженного целого. Следовательно, тело делимо до бесконечности, хотя и не состоит еще вследствие этого из бесконечного множества частей.

Так как тело должно быть представляемо как субстанция в пространстве, то кажется, правда, что оно должно отличаться от пространства, поскольку речь идет о законе делимости пространства; в самом деле, можно, конечно, соглашаться с тем, что разложением в пространстве никогда не может быть устранено все сложение, так как в противном случае само пространство, которое кроме сложения не заключает в себе ничего самостоятельного, /было бы уничтожено[1] (что невозможно); но утверждение, что вслед за мысленным уничтожением всякого сложения материи ничего не остается, кажется не соединимым с понятием субстанции, так как субстанция, собственно, должна быть субъектом всякого сложения, и ее элементы должны были бы остаться, хотя бы и были уничтожены связи их в пространстве, благодаря которым они образуют тело. Однако то, что в явлении называется субстанцией, не обладает теми свойствами, какие мыслимы относительно вещи в себе на основании чистого понятия рассудка. Субстанция в явлении есть не абсолютный субъект, а устойчивый образ чувственности и составляет не более **554** как наглядное

1) З – исчезло бы (aufhören würde)

представление, в котором вообще нет ничего безусловного.

Хотя это правило регресса, направляющегося в бесконечность, без сомнения, приложимо при делении (Subdivision) явления как простого наполнения пространства, тем не менее оно не может иметь силы, если мы захотим распространить его также на группу уже обособленных известным образом в данном целом частей, образующих вследствие этого quantum discretum. Предполагать, что во всяком расчлененном (организованном) целом всякая часть опять в свою очередь расчленена, и что поэтому при разложении частей мы будем встречать до бесконечности /все организованные части[1], одним словом, /допускать[2], что целое расчленено до бесконечности, никоим образом нельзя, хотя, конечно, можно предполагать, что части материи при ее разложении могли бы быть расчленяемыми до бесконечности. В самом деле, бесконечность деления данного явления в пространстве основывается исключительно на том, что при этом дана только делимость, т. е. само по себе совершенно неопределенное количество частей, сами же части даются и определяются только путем деления, короче, целое само по себе вовсе еще не подразделено. Поэтому деление может определить в нем количество частей настолько большое, насколько мы хотим подвигаться далее в регрессе деления. Наоборот, [в случае] органического тела, расчлененного до 555 бесконечности, целое именно благодаря этому понятию представляется уже как подразделенное, и в нем находится само по себе определенное, однако бесконечное количество частей раньше всякого регресса деления; эта мысль заключает в себе противоречие, так как это бесконечное /развитие[1] рассматривается как ряд, никогда не могущий быть законченным (бесконечный) и тем не менее как законченный в сложении. Бесконечное деление определяет явление только как quantum continuum и неразрывно связано с наполнением пространства, так как основание бесконечной делимости заключается именно в наполнении пространства. Но если что-либо рассматривается как quantum discretum, то количество единиц при этом определенное и потому оно равно некоторому числу. Поэтому только опыт может определить, как далеко [простирается] организованность в расчлененном теле, и если бы даже опыт не приводил с достоверностью ни к какой неорганической части, все же такие части должны заключаться по крайней мере в возможном опыте. Наоборот, [проблема], как далеко простирается трансцендентальное деление явления

1) С – новые искусственные части
З – все новые организованные части
(immer neue Kunstteile)

2) С – мыслить
(denken)

1) С – запутывание
З – закручивание
(Einwicklung)

вообще, не решается опытом, а составляет принцип разума, требующий никогда не считать абсолютно законченным эмпирический регресс в разложении протяженного сообразно природе этого явления.

* * *

556 *Заключительное примечание к решению математически трансцендентальных идей и предварительное примечание к решению динамически трансцендентальных идей*

Выше мы изобразили в виде таблицы антиномию чистого разума во всех трансцендентальных идеях, указав основание этого противоречия и единственное средство для устранения его, состоящее в том, что мы признали оба противоположных утверждения ложными. При этом мы /всегда предполагали, что условия связаны с соответствующим обусловленным отношениями пространства[1] и времени, согласно обычному предположению обыденного человеческого рассудка, составляющему именно источник антиномии (Widerstreit) [разума]. В этом отношении все диалектические представления о целостности ряда условий для данного обусловленного имели /один и тот же характер[2]. Это всегда был ряд, в котором условие связано с обусловленным как члены одного и того же ряда и таким образом [всегда] однородны, так как регресс никогда нельзя мыслить законченным, или же это возможно было бы лишь в том случае, если бы сам по себе обусловленный [член] ряда ошибочно рассматривался как первый, т. е. безусловный, [член]. Следовательно, везде рассматривался не объект, т. е. обусловленное, а ряд его условий **557** только со стороны его величины, и здесь возникало противоречие (Schwierigkeit), которое могло быть устранено только разрубанием узла, а вовсе не соглашением (Vergleich); это затруднение состояло в том, что разум делает этот ряд или слишком длинным, или слишком коротким для рассудка, так что рассудок никак не мог сравняться с идеей разума.

Однако при этом мы не имели в виду (haben... übersehen) существенного различия между объектами, т. е. понятиями рассудка, которые разум стремится возвести на [степень] идей (zu Ideen), именно, согласно нашей таблице категорий, два из этих понятий обозначают математический [синтез явлений], а два других – динамический синтез явлений. До сих пор мы могли не обращать внимания на это, так как в общем представлении всех трансцен-

1) С – везде представляли условия, как относящиеся к их обусловленному по отношениям пространства
З – как связанные со своим обусловленным отношениями пространства
(so haben wir allenthalben die Bedingungen als zu ihrem Bedingten nach Verhälthissen des Raumes... gehörig vorgestellt)

2) З – совершенно однородны (durch und durch von gleichen Art)

дентальных идей мы всегда оставались среди условий *в явлении* и точно так же, рассматривая две математически трансцендентальные идеи, /имели дело лишь с *предметом* в явлении[1]. Но теперь, когда мы переходим к *динамическим* понятиям рассудка, поскольку они должны сообразоваться с идеей разума, это различение становится важным и открывает нам совершенно новую точку зрения на тот спор (Streithandels), в котором запутался разум; прежде этот спор *устранялся* (abgewiesen worden) как основанный на ложных предположениях с **558** обеих сторон, а теперь, так как в динамической антиномии, может быть, заключается предположение, согласимое с претензией разума, и так как судья дополняет недостающие законные основания, /неизвестные[1] обеим сторонам, то с этой точки зрения спор может быть *улажен* (verglichen) с удовлетворением обеих сторон, чего нельзя было достигнуть в столкновении по поводу математической антиномии.

1) С – не имели иного предмета, кроме предмета в явлении (keinen anderen Gegestand, als den in der Erscheinung hatten)

1) С – которые не были признаны
З – непризнававшихся (die man... verkannt hatte)

Ряды условий, конечно, все однородны, поскольку мы обращаем внимание исключительно /на *протяжение* их[2], [обсуждая,] соразмерны ли они с идеей, именно не слишком ли они велики или слишком малы для нее. Однако понятие рассудка, лежащее в основе этих идей, содержит в себе или исключительно *синтез однородного* (что предполагается всякой величиной как при сложении, так и при делении ее), или также (oder auch) синтез *разнородного*, что по крайней мере может быть допущено в динамическом синтезе как причинной связи, так и связи необходимого со случайным.

2) З – как далеко они простираются (auf die Erstreckung derselben)

Поэтому в состав математической связи рядов явлений не могут входить иные условия, кроме *чувственных*, т. е. таких, которые сами поставляют часть ряда; наоборот, динамический ряд чувственных условий допускает также инородное (ungleichartige) условие, не составляющее части ряда, а лежащее вне ряда как чисто *умопостигаемое* (bloβ intelligibel), **559** вследствие чего разум получает удовлетворение и безусловное предпосылается явлениям, не спутывая ряда их, как всегда обусловленного, и не обрывая его в ущерб (zuwider) основоположениям рассудка.

Так как динамические идеи допускают условие явлений, лежащее вне ряда их, т. е. не относящееся к числу явлений, то вследствие этого происходит нечто совершенно отличное от результата математической (73) антиномии. В самом деле, математическая антиномия (Diese nähmlich) была причиной того, что оба противоположных диалектических утверждения не-

обходимо было признать ложными. Наоборот, непрерывная обусловленность динамических рядов, неизбежно присущая им как явлениям, в соединении с эмпирически необусловленным, но зато н е ч у в с т в е н н ы м условием удовлетворяет, с одной стороны, [требованиям] р а с с у д к а и, с другой стороны, [требованиям] р а з у м а*; при этом диалектическая аргументация, искавшая тем или иным путем безусловной полноты в области одних лишь явлений, отпадает, но **560** зато о б а положения разума в исправленном таким образом значении могут быть и с т и н н ы м и; с космологическими идеями, касающимися только математически безусловного единства, это никогда не может случиться, так как для них нельзя найти никакого условия ряда явлений, которое само не было бы явлением и не принадлежало бы как таковое к числу членов ряда.

III

Решение космологических идей о полноте вывода мировых событий (Weltgegebenheiten) из их причин

Можно представить себе только два рода причинности в отношении того, что случается, /именно причинность согласно п р и р о д е и причинность из с в о б о д ы[1]. Первая есть соединение одного состояния чувственного мира с другим, предшествующим состоянием, за которым первое следует согласно правилу. Так как п р и ч и н н о с т ь явлений основывается на условиях времени, и предшествующее состояние, если бы оно существовало всегда, не производило бы действия, которое возникает впервые только во времени, /то причинность причины того, что[2] случается или возникает, так же в о з н и к л а и, согласно основоположению рассудка, она сама в свою очередь требует причины.

561 Наоборот, под свободой в космологическом смысле я разумею способность с а м о п р о и з в о л ь н о (von selbst) начинать состояние; следовательно, ее /причинность[1] не зависит в свою очередь

1) З – естественную причинность и причинность через свободу (entweder nach der Natur, oder aus Freiheit)

2) С – то причинность есть причина того, что... З – то каузальность причины того, что... (so ist das Kausalität der Ursache dessen, was...)

1) С – причинность которого [состояния] (deren Kausalität) (Erdm. – dessen Kausalität)

1) С – которое само было бы эмпирически безусловным (die selbst empirisch unbedingt wäre)

* В самом деле, рассудок не допускает среди я в л е н и й никакого условия, /которое само не было бы эмпирически обусловлено[1]. Но если можно придумать для обусловленного (в явлении) у м о п о с т и г а е м о е условие, которое, следовательно, не входило бы в ряд явлений как член его, и нисколько не нарушить этим ряд эмпирических условий, то такое условие как э м п и р и ч е с к и н е о б у с л о в л е н н о е могло бы быть допущено, так что при этом нигде не был бы нарушен (Abbruch geschähe) непрерывный эмпирический регресс.

согласно закону природы от другой причины, которая определяла бы ее во времени. Свобода в этом значении есть чистая трансцендентальная идея; она, во-первых, не содержит в себе ничего заимствованного из опыта и, во-вторых, предмет ее также не может быть дан определенным ни в каком опыте, так как общий закон самой возможности всякого опыта состоит в том, что все случающееся имеет причину, следовательно, и /проявляемая причиной причинность[2], которая сама случается или возникает, должна в свою очередь опять иметь причину; благодаря этому вся область опыта, как бы далеко она ни простиралась, становится совокупностью одной лишь природы. Но так как этим путем нельзя получить абсолютной целостности условий в [области] причинной связи, то разум создает себе идею самопроизвольности (Spontaneität), способной самостоятельно начинать действовать, т. е. не предшествуемой другой причиной, которая в свою очередь определяла бы ее к действию согласно закону причинной связи.

В высшей степени замечательно, что практическое понятие свободы основывается на этой трансцендентальной идее свободы, которая и составляет настоящий источник (Moment) затруднений /в вопросе о возможности практической свободы[2]. Свобода в практическом смысле 562 есть независимость воли (Willkür) от принуждения мотивами (durch Antriebe) чувственности. В самом деле, воля чувственна, поскольку она подвергается воздействию (affiziert ist) патологически (со стороны мотивов (durch Bewegursachen) чувственности); она называется животной (arbitrium brutum), если /может быть принуждаема патологически[1]. Человеческая воля есть, правда, arbitrium sensitivum, но не brutum, a liberum, так как /чувственность не вынуждает с необходимостью ее действий, и[2] человеку свойственна способность самостоятельно определять свои действия независимо от принуждения со стороны чувственных мотивов.

/Если бы[3] вся причинность в чувственном мире была только [причинностью] природы, то очевидно, что всякое событие определялось бы другим [событием] во времени согласно необходимым законам; и так как явления, поскольку они определяют волю, должны были бы делать всякое действие необходимым как свой естественный результат, то, следовательно, уничтожение (Aufhebung) трансцендентальной свободы / [сопровождалось бы] также уничтожением всякой практической свободы[4]. В самом деле,

2) З – каузальность причины (Kausalität der Ursache)

2) С – которые издавна возникали по вопросу о ее возможности (welche die Frage über ihre Möglichkeit von jeher umgeben haben)

1) С – патологически необходим[а].
З – необходимо принуждается патологически
В – патологически угнетается (pathologisch nezessitiert werden kann)

2) С – не делает своего действия необходимым, но...
З – не делает необходимым ее действия, а...
(ihre Handlung nicht notwendig macht, sondern...)

3) С – Легко видеть, что, если... (Man sieht leicht, daβ, wenn)

4) З – вместе с тем уничтожило бы всякую практическую свободу (würde... zugleich alle praktische Freiheit vertilgen)

эта свобода предполагает, что некоторое событие (etwas), хотя бы оно и не случилось, все же должно было случиться; иными словами, причина события в явлении не настолько определяла его, чтобы в нашей воле не было причинности, способной, независимо от этих причин природы и даже против их силы и влияния, произвести нечто определенное в порядке времени согласно эмпирическим законам, т. е. начать совершенно самостоятельно (ganz von selbst) ряд событий.

563 Следовательно, здесь мы находим то, что вообще происходит /при столкновениях[1] разума, отваживающегося выйти за границы возможного опыта, именно проблема имеет собственно не физиологический, а трансцендентальный характер. Поэтому вопрос о возможности свободы, правда, затрагивает психологию, но решением его, так как оно основывается на диалектических аргументах одного лишь чистого разума, должна заниматься исключительно трансцендентальная философия. Чтобы помочь этой философии, которая не имеет права отказаться дать удовлетворительный ответ, я должен сперва с помощью одного замечания постараться ближе определить ее метод при решении этой задачи.

1) С – в противоречии (in dem Widerstreit)

Если бы явления были вещами в себе и, следовательно, пространство и время были формами существования вещей в себе, то условие вместе с обусловленным всегда принадлежали бы к одному и тому же ряду как члены его и отсюда также и в этом случае возникла бы антиномия, общая всем трансцендентальным идеям и состоящая в том, что этот ряд неизбежно должен был бы оказываться для рассудка слишком большим или слишком малым. Но динамические понятия разума, которыми мы занимаемся в этой и следующей главе, обладают той особенностью, что имеют дело не с предметом, рассматриваемым как величина, а только с его существованием; поэтому от величины ряда условий здесь можно отвлечься **564** и заниматься лишь динамическим отношением условия к обусловленному, так что в вопросе о природе и свободе мы наталкиваемся /лишь[1] на затруднение, возможна ли свобода вообще и, если она возможна, /согласима ли она[2] со всеобщностью закона причинности в природе (des Naturgesetzes der Kausalität); иными словами, /есть ли это действительно[3] разделительное суждение, что всякое действие в мире должно возникать или из природы, или из свободы, или же, может быть, следует утверждать, что обе причинности могут со-

1) С, З – уже (schon)

2) С – может ли она существовать рядом (zusammen bestehen könne)

3) С – правильно ли то (ob es ein richtig... sei)

существовать в одном и том же событии в различных отношениях. Правильность принципа непрерывной связи всех событий чувственного мира согласно неизменным законам природы установлена уже как основоположение трансцендентальной аналитики и не допускает никакого /ограничения[4]. Следовательно, вопрос состоит лишь в том, не может ли в отношении к тому самому действию, которое определено согласно природе, осуществляться, несмотря на это, также и свобода, или же свобода совершенно исключается вышеупомянутым ненарушимым правилом. И здесь /общераспространенное, но ложное[5] предположение абсолютной реальности явлений тотчас же обнаруживает свое вредное влияние, сбивающее разум /с пути[6]. [В самом деле,] если явления суть вещи в себе, то свободу нельзя спасти. Природа в таком случае составляет полную и /достаточно[7] определяющую причину всякого события, условие события всегда содержится только в ряду явлений и вместе со своим действием необходимо подчинено закону природы. **565** Наоборот, если мы считаем явления лишь тем, что они суть на самом деле, именно не вещами в себе, а только представлениями, связанными друг с другом согласно эмпирическим законам, то они сами должны иметь еще основание (Gründe), не относящееся к числу явлений. /Причинность такой умопостигаемой причины[1] не определяется явлениями, хотя действия ее /[находятся в сфере] явлений[2] и могут быть определяемы другими явлениями. Следовательно, она вместе со своей причинностью находится вне ряда, тогда как действие ее находится в ряду эмпирических условий. Поэтому действие в отношении его умопостигаемой причины может быть рассматриваемо как свободное, и, несмотря на это, в отношении явлений оно может быть рассматриваемо как результат их, согласный с необходимостью природы. Это различение, выраженное в общей и совершенно абстрактной форме, должно казаться чересчур утонченным и темным, но оно сделается более ясным в применении к делу. Здесь я хочу только заметить следующее: так как сплошная связь всех явлений в контексте природы есть непреложный закон, то этим неизбежно /уничтожалась бы[3] всякая свобода, если бы мы упорно настаивали на реальности явлений. Поэтому те, кто следует в этом вопросе обыденному мнению, никогда не могут достигнуть того, чтобы примирить (zu vereinigen) друг с другом природу и свободу.

4) З – исключения
(leidet keinen Abbruch)

5) С – хотя общее, но обманчивое
(zwar gemeine, aber betrügliche)
6) С, З – с толку
(die Vernunft zu verwirren)
7) С – в себе достаточно
З – самое по себе достаточно
(an sich hinreichend)

1) З – Однако такая умопостигаемая причина в отношении своей каузальности
(Eine solche intelligibele Ursache aber wird in Ansehung ihrer Kausalität...)
2) С – становятся явлениями
З – являются
(erscheinen)

3) З – опрокидывало бы
(umstürzen müßte)

566 ***Возможность свободной причинности (der Kausalität durch Freiheit) в соединении с общим законом необходимости природы***

/Ту [сторону] чувственного предмета, которая[1] сама не есть явление, я называю умопостигаемой. Соответственно этому, если то, что в чувственном мире должно быть рассматриваемо как явление, обладает само по себе также способностью, не составляющей предмет чувственного наглядного представления, не могущей быть причиной явлений, то причинность такого существа может быть рассматриваема с двух сторон – как умопостигаемая согласно ее акту (nach ihrer Handlung) в качестве вещи в себе и как чувственная (sensibel) /согласно действиям этого акта[2] в качестве явления, находящегося в чувственном мире. По поводу способности такого субъекта мы должны были бы составить как эмпирическое, так и /умопостигаемое[3] понятие его причинности, относящиеся к одному и тому же действию. /Эти две стороны понимания[4] способности чувственного предмета не противоречат ни одному из понятий, которые мы должны составить (zu machen haben) себе о явлениях и возможном опыте. В самом деле, так как явления не суть вещи в себе (Denn da diesen, weil sie an sich keine Dinge sind), то в основе их должен лежать трансцендентальный предмет, определяющий их как лишь представления, и потому ничто не мешает нам приписывать этому трансцендентальному предмету **567** кроме свойства, благодаря которому он является, также причинность, которая не есть явление, хотя действие ее находится тем не менее /среди явлений[1]. Всякая действующая причина должна иметь характер, т. е. закон своей причинности, без которого она вовсе не была бы причиной. Поэтому в субъекте чувственного мира мы должны были бы, во-первых, находить эмпирический характер, благодаря которому его /акты[2] как явления стоят согласно постоянным законам природы в сплошной связи с другими явлениями, /могут быть выведены[3] из них как из условий и вместе с ними являются членами единого ряда порядка природы. Но, во-вторых, мы должны были бы приписывать тому же [субъекту] еще умопостигаемый характер, /который, правда, составляет[4] причину этих актов как явлений, но сам не подчинен никаким условиям чувственности и не относится к числу явлений. Первый можно было бы назвать также характером такой вещи в явлении, а второй – характером вещи в себе.

1) З – То в предмете чувств, что (dasjenige an einem Gegenstande der Sinne, was...)

2) З – по результатам этой причинности (nach den Wirkungen derselben)

3) С, Г – интеллектуальное
З – рассудочное (intellektuellen)

4) З – Такое двоякое понимание (Eine solche doppelte Seite... sich zu denken)

1) З – в явлении (in der Erscheinung)

2) З – поступки
С – действия (Handlungen)

3) З – и могли бы быть выведены (und von ihnen... abgeleitet werden könnten)

4) С, В – в силу которого он является (будучи) (dadurch es...ist)

Этот действующий субъект не был бы подчинен, что касается его умопостигаемого характера, никаким условиям времени, так как время есть только условие явлений, а не вещей в себе. В нем не возникали бы и не **568** исчезали бы никакие акты (keine Handlung), следовательно, также он не был бы подчинен тому закону всякого определения времени и всего изменчивого, согласно которому все, что случается, имеет свою причину в явлениях (/в предыдущем состоянии[1]). Одним словом, причинность его, поскольку она имеет умопостигаемый [характер] (intellektuell ist), вовсе не находилась бы в ряду эмпирических условий, которые с необходимостью определяют событие в чувственном мире. Правда, этот умопостигаемый (intelligibile) характер никогда не мог бы быть познан непосредственно, так как мы можем воспринимать лишь то, что является; но мы должны были бы мыслить его сообразно с эмпирическим характером, как и вообще мы должны мысленно полагать в основу явлений трансцендентальный предмет, хотя мы вовсе не знаем, что такое он сам по себе.

1) С, З – прежнего (предшествующего) состояния (des vorigen Zustandes)

Следовательно, согласно своему эмпирическому характеру этот субъект как явление был бы подчинен всем законам определения согласно причинной связи (74) и представлял бы собой в этом отношении не что иное, как часть чувственного мира, действия которой, подобно всем другим явлениям, с необходимостью вытекают из природы. Поскольку он подвергался бы влиянию внешних явлений, поскольку его эмпирический характер, т. е. закон его причинности, был бы известен на основании опыта, все его действия должны были бы допускать объяснение согласно законам природы и все данные (Requisite) для совершенного и необходимого определения их должны были бы находиться в возможном опыте.

569 Но согласно своему умопостигаемому характеру (хотя мы можем иметь только общее понятие о нем) тот же самый субъект должен был бы рассматриваться тем не менее как свободный от всех влияний чувственности и определения посредством явлений; так как в нем, поскольку он – ноумен, ничто не случается и нет никаких изменений, которые бы требовали динамических определений во времени, т. е. нет связи с явлениями как причинами, то ввиду этого такое деятельное существо было бы свободным и независимым в своих действиях от всякой естественной необходимости как встречающейся исключительно в чувственном мире. О нем совершенно правильно можно было бы сказать, что оно самостоя-

т е л ь н о начинает свои действия в чувственном мире, /хотя в н е м самом акт не начинается[1]; и это утверждение было бы правильным, /хотя вследствие этого[2] действия вовсе еще не должны начинаться в чувственном мире сами собой, так как в этом мире они всегда заранее определены эмпирическими условиями предыдущего времени, однако лишь при посредстве эмпирического характера (который составляет лишь явление умопостигаемого характера), и возможны только как продолжение ряда естественных причин. Таким образом, в одном и том же действии, смотря по тому, относим ли мы его к его умопостигаемой или к его чувственной причине, соединялись бы (würde... angetroffen werden) в одно и то же время без всякого противоречия свобода и природа, каждая в своем полном значении.

1) С – хотя при этом поступок не начинает в нем
З – хотя сама деятельность начинается не в нем самом
(ohne daβ die Handlung in ihm selbst anfängt)

2) З – хотя это не означало бы, что...
(und dieses würde gültig sein, ohne daβ)

570 ОБЪЯСНЕНИЕ
космологической идеи свободы в соединении со всеобщей естественной необходимостью

Я нашел полезным набросать сначала общий очерк решения нашей трансцендентальной проблемы, чтобы таким образом легче можно было обозреть путь разума при решении ее. Теперь мы изложим те моменты, от которых собственно зависит решение, и рассмотрим их каждый в отдельности.

Закон природы [гласит], что все случающееся имеет причину, /и причинность причины, т. е. ее а к т и в н о с т ь, предшествует действию и в отношении к своему в о з н и к ш е м у во времени действию сама не могла существовать всегда, но должна быть в о з н и к ш е й [1]; поэтому она также имеет свою причину среди явлений, посредством которых она определяется, и, следовательно, все события эмпирически определены в порядке природы; этот закон, благодаря которому явления впервые образуют п р и р о д у и делаются предметами опыта, есть закон рассудка, /не допускающий[2] никаких отклонений или исключений для какого бы то ни было явления, так как в противном случае мы поставили бы явление вне всякого возможного опыта, /обособили бы[3] его таким образом от всех предметов возможного опыта и 571 превратили бы его /в простой вымысел и фантазию[1].

1) З – что казуальность этой причины, т.е. действие, предшествует во времени и в отношении возникшего во времени результата сама не могла существовать всегда, а должна быть произошедшим событием
(daβ die Kausalität dieser Ursache, d.i. die Handlung, da sie in der Zeit vorhergeht und in Betracht einer Wirkung, die da entstanden, selbst nicht immer gewesen sein kann, sondern geschehen sein muβ)

2) С, З – ни под каким предлогом (видом) не допускающий
(es unter keinem Vorwande erlaubt ist)

3) З – отличили бы
(unterscheiden)

1) З – в пустое порождение мысли и воображения
(zum bloβen Gedankendinge und einem Hirngespinst)

/Если таким образом на сцену является лишь цепь причин[2], не допускающая а б с о л ю т н о й ц е л о с т н о с т и в регрессе к своим условиям, то это затруднение не останавливает нас, так как оно было уже устранено в общем исследовании антиномии ра-

2) З – Но хотя здесь кажется, будто речь идет только о цепи причин
(Ob es aber gleich hierbei lediglich nach einer Kette von Ursachen aussieht)

зума, который ищет безусловного (aufs Unbedingte ausgeht) в ряду явлений. Если мы поддадимся иллюзии трансцендентального реализма, то у нас не останется ни природы, ни свободы. Итак, вопрос состоит здесь лишь в следующем: можно ли, допуская в целом ряду всех событий только необходимость природы, рассматривать тем не менее тот же самый ряд, который, с одной стороны, есть исключительно действие природы, с другой стороны – как действие свободы, или же [необходимо признать, что] между этими двумя видами причинности существует прямое противоречие?

Среди причин в явлении, без сомнения, не может быть ничего, что могло бы самостоятельно и безусловно начинать ряд. Всякий акт как явление, поскольку он производит событие, сам есть событие или происшествие, предполагающее другое состояние, в котором заключается его причина; таким образом, все случающееся есть только продолжение ряда, в котором невозможно никакое начало, возникающее само собой (sich von selbst zutrüge). Следовательно, **572** все акты естественных причин в последовательности времени сами в свою очередь суть действия, которыми точно так же предполагаются причины во временном ряду. Первоначального акта, благодаря которому возникает нечто такое, чего не было раньше, от причинной связи явлений нельзя ожидать.

Но разве это необходимо, чтобы, если действия суть явления, причинность их причины, которая (именно причина) сама есть также явление, непременно (lediglich) была эмпирической? Не возможно ли скорее, что хотя для всякого действия в явлении непременно требуется связь с его причиной согласно законам эмпирической причинности, тем не менее сама эта эмпирическая причинность, без всякого нарушения ее связи с естественными причинами, может, однако, быть действием не эмпирической, но умопостигаемой причинности, т. е. первоначальной в отношении явлений активности (Handlung) причины, которая, следовательно, /поскольку она обладает этой способностью, есть не явление, а нечто умопостигаемое[1], хотя во всех остальных отношениях она вполне должна причисляться к чувственному миру как звено цепи природы?

Мы нуждаемся в законе причинной связи явлений друг с другом, чтобы иметь возможность /искать и определять естественные условия, т. е. [феноменальные] причины для событий природы[2]. Если этот закон допущен и не ослаблен никакими исключениями,

1) З – не есть явление, а умопостигаема по этой своей способности, хотя...
(die also insofern nicht Erscheinung, sondern diesem Vermögen nach intelligibel ist)

2) З – искать и показывать естественные условия естественных событий, т.е. причин в явлениях
(um von Naturgegebenheiten Naturbedingungen, d.i. Ursachen in der Erscheinung zu suchen und angeben zu können)

рассудок, видящий при своем **573** эмпирическом применении во всех событиях только природу и имеющий на это право, обладает всем, чего он может требовать, и физические объяснения /достигаются при этом беспрепятственно[1]. Никакого ущерба мы не нанесем ему, если допустим, – хотя бы это было чистой фантазией, – что среди естественных причин есть и такие, которые обладают [чисто] умопостигаемой способностью, так как определение ее к акту основывается не на эмпирических условиях, а на чистых (bloßen) основаниях рассудка, однако так, что активность этой причины в явлении сообразуется со всеми законами эмпирической причинности. В самом деле, таким образом действующий субъект как causa phaenomenon был бы связан с природой неразрывной зависимостью всех своих актов, /и phaenomenon[2] (75) этого субъекта (со всей причинностью его в явлении) [только] содержал бы в себе известные условия, которые должны были бы рассматриваться как чисто умопостигаемые, если бы мы пожелали подняться от эмпирического предмета к трансцендентальному. И если только мы следуем правилам природы в отношении того, что может быть причиной среди явлений, то нам нечего беспокоиться о том, что принимается за основание этих явлений и их связи в трансцендентальном субъекте, который нам эмпирически неизвестен. Это умопостигаемое основание вовсе не затрагивает эмпирических вопросов и касается разве только мышления в **574** чистом рассудке; и хотя действия этого мышления и деятельности чистого рассудка находятся среди явлений, тем не менее должна существовать возможность вполне объяснить их из их [феноменальной] причины согласно законам природы, руководясь исключительно эмпирическим характером их как высшим основанием объяснения и не обращая внимания на умопостигаемый характер, составляющий трансцендентальную причину эмпирического характера и совершенно неизвестный нам, за исключением лишь того, поскольку он обнаруживается посредством эмпирического характера как своего чувственного символа (als das sinnliche Zeichen). Применим эти взгляды к опыту. Человек есть одно из явлений чувственного мира и, следовательно, также одна из естественных причин, причинность которой необходимо подчинена эмпирическим законам. Как такая причина, он должен также обладать эмпирическим характером, подобно всем другим вещам природы. Мы наблюдаем этот характер благодаря тем силам и способностям, которые он обнаруживает в своих действиях. /В без-

1) С – идут своим беспрепятственным ходом
З – и ничто не мешает дать...
(gehen ihren ungehinderten Gang fort)

2) С, З, В, Г – и только noumenon
(und nur das noumenon)

жизненной, а также чисто животной природе[1] мы не находим никакого основания мыслить какую бы то ни было способность обусловленной иначе как только чувственно. /Но[2] человек, познающий всю остальную природу исключительно лишь посредством чувств, познает себя также посредством чистой апперцепции, и притом в актах и внутренних определениях, которые он вовсе не может причислить к впечатлениям чувств; с одной стороны, он для себя, конечно, есть феномен, но, с другой стороны, именно в отношении известных способностей он для себя есть чисто умопостигаемый предмет, так как деятельность его вовсе не может быть отнесена **575** на счет восприимчивости чувственности. Мы называем эти способности рассудком и разумом; в особенности последний /существенно и решительно[1] отличается от всех эмпирически обусловленных сил, так как /оценивает[2] свои предметы только согласно идеям и соответственно им определяет рассудок, который затем дает эмпирическое применение своим (правда, также чистым) понятиям.

1) С – В бездушной или только животно-оживленной природе
(Bei der leblosen oder bloß tierisch belebten Natur)
2) С – Только
(Allein)

1) С – вполне своеобразно и резко
З – совершенно особо и существенно
(ganz eigentlich und vorzüglicher Weise)
2) С, З – рассматривает
(erwägt)

Что этот разум обладает причинностью (76), по крайней мере мы можем себе представить ее в нем, это ясно из *императивов*, /предписываемых нами как правила всем силам, осуществляющим практические деятельности[3]. *Долженствование* (Das Sollen) служит выражением особого рода необходимости и связи с основаниями, нигде больше в целой природе не встречающейся. Рассудок познает о природе только, чтó *в ней есть* (was da ist), было или будет. Невозможно, чтобы в природе /*должно было существовать* что-либо иное, чем то, что действительно существует[4] во всех этих отношениях по времени: мало того, если иметь в виду только цепь событий в природе, то долженствование не имеет никакого смысла. Мы не можем даже задавать вопроса, что должно происходить в природе, точно так же как нельзя спрашивать, какими свойствами должен обладать круг; мы можем лишь спрашивать, что происходит в природе или какими свойствами обладает круг.

3) С – которые по всей практической области мы ставим как правила для проявляющихся сил
З – которые мы предписываем как правила действующим силам во всем практическом
(welche wir im allem Praktischen den ausübenden Kräften als Regeln aufgeben)
4) З – нечто должно было существовать иначе, чем оно действительно существует
(das etwas darin anders sein soll, als es in allen Zeitverhältnissen in der Tat ist)

Этим долженствованием обозначается возможное действие, основанием которого служит только лишь понятие, между тем как основанием акта одной **576** лишь природы необходимо служит всегда явление. Во всяком случае необходимо, чтобы акт, на который направлено долженствование, был возможен при естественных условиях, но эти условия имеют отношение не к определению самой воли, а только к действию и результатам ее в явлении. Сколько бы ни было

естественных оснований, побуждающих меня к хотению (zum Wollen), сколько бы ни было чувственных возбуждений (Anreize), они не могут быть источником д о л ж е н с т в о в а н и я, они могут произвести только вовсе еще не необходимое, а всегда условное хотение, тогда как долженствование, провозглашаемое разумом, /ставит этим хотениям меру и цель, даже запрещает их или придает им авторитет[1]. Имеет ли разум дело с предметом одной лишь чувственности (приятное) или также [с предметом] чистого разума (добро), во всяком случае он не уступает эмпирически данному основанию и не следует порядку вещей, как /он выражается[2] в явлении, а /создает совершенно самостоятельно свой[3] собственный порядок согласно идеям, приспособляя к ним эмпирические условия и объявляя соответственно им необходимыми даже такие действия, которые /все же н е с л у ч и л и с ь[4] и, быть может, не случатся, /хотя разум предполагает о них[5], что может иметь причинность в отношении к ним, так как в противном случае он не ожидал бы от своих идей действий в опыте.

1) С – противопоставляет объем и цель, даже заповедь и уважение
З – противопоставляет меру и цель, более того, запрет и авторитет
(Maβ und Ziel, ja Verbot und Ansehen entgegen setzt)
2) З – они [вещи] показаны
(sie sich... darstellen)
3) З – совершенно спонтанно создает себе
(macht sich mit völliger Spontaneität)
4) С – еще не совершились
(die doch nicht geschehen sind)
5) С – Но всеми предполагается, что разум
(von allen aber gleichwohl voraussetzt, daβ die Vernunft...)

Остановимся теперь на этом и допустим по крайней мере возможность **577** того, что разум действительно обладает причинностью в отношении явлений. В таком случае он должен, хотя он и разум, обнаружить эмпирический характер, так как всякой причиной предполагается правило, согласно которому известные явления следуют как действия, и каждое правило требует единообразия действий, лежащего в основе понятия причинности (Ursache) (как способности); /эту причинность[1], поскольку она должна выясняться из одних лишь явлений, мы можем назвать эмпирическим характером, который отличается постоянством, несмотря на то что действия являются в изменчивых формах согласно различию сопутствующих и отчасти ограничивающих условий.

1) З – это понятие
(den Begriff der Ursache... welchen wir, sofern er...)

Таким образом, воля всякого человека имеет эмпирический характер, составляющий не что иное, как особую причинность разума, поскольку последний обнаруживает в своих действиях в явлении правило, из которого можно усмотреть мотивы разума (Vernunftgründe) и его действия, что касается их характера и степени, а также судить о субъективных принципах его /активности[2]. Так как сам этот эмпирический характер /должен познаваться[3] из явлений как действий и из правила их, находимого в опыте, то все акты человека в явлении определяются из его эмпирического характера и других содействующих причин согласно порядку природы; и если бы мы **578** могли исследовать до конца (bis auf den Grund) все явле-

2) С – произвола
З – воли
(Willkür)
3) С, З – должен быть выведен
(gezogen werden muβ)

ния человеческой воли, мы не нашли бы ни одного человеческого акта, которого нельзя было бы предсказать с достоверностью и познать как необходимый на основании предшествующих условий. Следовательно, в отношении этого эмпирического характера нет свободы, и только со стороны этого [эмпирического характера] можем мы рассматривать человека, если занимаемся исключительно **наблюдением** и хотим исследовать движущие причины его актов физиологически, как это делается в антропологии.

Но если мы рассматриваем те же самые акты в отношении к разуму, и притом не в отношении к спекулятивному разуму, который о б ъ я с н я е т происхождение /явлений[1], а исключительно в отношении к разуму, поскольку он сам есть /причина, п р о и з в о д я щ а я явления[2], одним словом, если мы соотносим эти акты с разумом в п р а к т и ч е с к о м отношении, то мы находим совершенно иное правило и порядок, чем порядок природы. С этой точки зрения возможно, что все с л у ч и в ш е е с я согласно порядку природы и необходимое согласно своим эмпирическим основаниям н е д о л ж н о б ы л о с л у ч и т ь с я[3]. Но иногда мы находим, по крайней мере [как] нам кажется, что идеи разума действительно проявили (bewiesen haben) причинность в отношении к актам человека как явлениям и что эти акты случились не потому, что были определены эмпирическими причинами, а потому, что (Ursachen, nein, sondern weil) были определены основаниями разума.

579 Предположим, /что[1] разум может иметь причинность в отношении явлений; можно ли было бы в таком случае называть акт его свободным, несмотря на то что он совершенно точно определен в эмпирическом характере разума (/в чувственном складе его[2]) и необходим? Этот [эмпирический характер] определен в свою очередь в умопостигаемом характере (/в складе мышления[3]). Однако мы не знаем умопостигаемого характера и определяем его посредством явлений, которые собственно дают непосредственное знание только о чувственном складе (об эмпирическом характере)*. Поэтому акт, поскольку он должен быть приписан образу мышления как своей

---

* Поэтому истинная моральность поступков (заслуга и вина) остается для нас совершенно скрытой, даже в нашем собственном поведении. Свою вменяемость (Zurechnungen) мы можем относить только к эмпирическому характеру. /Но какая сторона ее есть чистый результат[4] свободы и какая сторона есть результат одной лишь природы и /[не составляющих] нашей вины недостатков[5] темперамента или счастливых свойств его (merito fortunae) – никто не может раскрыть этого и, следовательно, справедливо судить об этом.

1) С – их
З – поступков
(jene [Handlungen])
2) З – порождающая их [поступки] причина
(die Ursache ist, sie selbst zu erzeugen)
3) С – не должно было бы случаться то, что случается по физическому закону и неизбежно должно случаться по эмпирическим причинам
З – что всему, что произошло согласно естественному ходу вещей и неминуемо должно было произойти по своим эмпирическим основаниям, не следовало произойти
(Denn da sollte vielleicht alles, das nicht geschehen sein, was doch nach dem Naturlaufe geschehen ist, und nach seinen empirischen Gründen unausbleiblich geschehen muβte)

1) С – что можно сказать, что...
(Gesetzt nun, man könnte sagen)

2) С – в чувственном отношении
З – в способе чувствования
(der Sinnenart)
3) С – в форме мышления
З – в способе мышления
(der Denkungsart)

4) С – Какие чистые действия его [эмпирического характера] надо приписать
З – Но что в поступках есть
(Wie viel aber davon reine Wirkung...zuzuschrieben sei)
5) С – невменяемому недостатку
Г – нечаянных ошибок
(dem unverschuldeten Fehler)

причине, тем не менее вовсе не следует из него согласно эмпирическим законам: /в самом деле, ему *предшествуют* во времени не условия чистого разума, а действия их[6] в явлении внутреннего чувства. Чистый разум как чисто умопостигаемая способность, не подчинен форме времени и, следовательно, также условиям временной последовательности. Причинность разума в умопостигаемом характере *не возникает* или не начинается в определенном времени, чтобы произвести действие. **580** В противном случае она сама была бы подчинена естественному закону явлений, поскольку он определяет причинные ряды во времени, и тогда причинность [разума] была бы /[причинностью] природы, а не свободы[1]. Итак, мы можем сказать, что если разум может иметь причинность в отношении явлений, то он есть способность, *посредством* которой впервые возникает чувственное условие эмпирического ряда действий. В самом деле, условие, заключающееся в разуме, имеет нечувственный характер и, следовательно, само не возникает [во времени] (fängt ... nicht an). Таким образом, здесь осуществляется то, чего мы не находили ни в одном эмпирическом ряду, именно *условие* последовательного ряда событий само может быть эмпирически необусловленным, так как здесь это условие находится вне ряда явлений (в умопостигаемом) и потому не подчинено никакому чувственному условию и никакому определению во времени посредством предшествующей причины.

6) С – т.е. [поступок] не предшествует как условие чистого разума, но только как действие
(d.i. so, daß die Bedingungen der reinen Vernunft, sondern nur so, daß deren Wirkungen... vorhergehen)

1) С, З – природой, а не свободой
(Natur, und nicht Freiheit)

Однако та же самая причина в другом отношении принадлежит также к ряду явлений. Сам человек есть явление. Его воля имеет эмпирический характер, составляющий (эмпирическую) причину всех его актов. Каждое из условий, определяющих человека сообразно этому характеру, находится в ряду действий природы и повинуется закону природы, согласно которому для того, что совершается во времени, нельзя найти никакой эмпирически необусловленной причинности. Поэтому ни один данный акт (так как он **581** может быть воспринят только как явление) не может начаться безусловно сам собой. И тем не менее о разуме нельзя сказать, что состоянию, в котором он определяет волю, предшествует другое состояние, в котором [в свою очередь] содержится определение первого [состояния]. В самом деле, сам разум не есть явление и не подчинен условиям чувственности: поэтому в нем самом в отношении его причинности нет никакой временнóй последовательности, следовательно, к нему неприложим динамический закон природы,

определяющий временную последовательность согласно правилам.

Итак, разум есть постоянное условие всех произвольных актов, в которых проявляется человек. Каждый из них раньше, чем он случится, уже определен (vorher bestimmt) в эмпирическом характере человека. В умопостигаемом характере, для которого эмпирический характер служит лишь чувственной схемой, нет никакого (gilt kein) прежде и после, и всякий акт независимо от отношения времени, которым он связан с другими явлениями, есть непосредственное действие умопостигаемого характера чистого разума, который, следовательно, действует свободно, не обусловливаясь динамически в цепи естественных причин ни внешними, ни внутренними /предшествующими во времени[1] основаниями. Эту его свободу можно определять (kann man... ansehen) не только отрицательно как независимость от эмпирических условий (так как в таком случае способность разума перестала бы быть причиной явлений), **582** но и положительно как способность самостоятельно начинать ряд событий. Таким образом, в самом разуме ничто не начинается, и как безусловное условие всякого произвольного акта он не допускает для себя никаких предшествующих по времени условий, однако его действия в ряду явлений начинаются [во времени] и тем не менее никоим образом не могут служить абсолютно первым началом ряда.

1) З – но предшествующими по времени
(aber der Zeit nach vorhergehende)

С целью пояснить регулятивный принцип разума посредством примера из области эмпирического применения его, но вовсе не с целью доказать (zu bestätigen) его (так как подобные доказательства непригодны для трансцендентальных утверждений), возьмем какой-либо произвольный акт, напр. злостную ложь, посредством которой какой-либо человек внес известное замешательство в общество, и которую мы исследуем сначала /со стороны обусловливающих ее мотивов[1], а затем оцениваем, /насколько она может быть вменена[2] ему вместе с последствиями ее. /Для решения первой задачи[3] мы прослеживаем эмпирический характер этого [человека] вплоть до источников его, которых мы ищем в дурном воспитании, плохом обществе, отчасти также в злобности природы (Naturells) его, нечувствительной к стыду, и отчасти в легкомыслии и неосмотрительности, не упуская, впрочем, из виду также и случайных побудительных причин. Во всем этом исследовании мы поступаем точно так же, как и при изучении ряда причин, определяющих данное действие природы. **583** Но хотя мы и полагаем, что поступок определялся этими причи-

1) С – по побудительным причинам, из которых он [произвольный поступок] возник
(ihren Bewegursachen nach, woraus sie entstanden)

2) С – каким образом он [поступок] может быть ему вменен
(wie sie... ihm zugerechnet werden könne)
(A[1] – werden können)

3) С – В первом отношении
(In der ersten Absicht)

нами, тем не менее мы упрекаем виновника (Täter) его, и притом не за дурную природу его, не за влияющие на него обстоятельства и даже не за прежний образ жизни (Lebenwandels) его; в самом деле, мы предполагаем, что можно совершенно оставить в стороне, /какими свойствами обладал человек[1], и рассматривать протекший ряд условий как не случившийся, а исследуемый поступок (diese Tat) – как совершенно независимый в отношении предыдущего состояния, как будто бы человек начал им ряд следствий совершенно самостоятельно. Упрек за поступок основывается на законе разума, причем разум рассматривается как причина, которая могла и должна была определить поведение человека иначе, независимо от всех названных эмпирических условий. Мало того, мы рассматриваем причинность разума /не как сопутствующий только фактор[2], но как полное [основание] само по себе, хотя бы чувственные мотивы говорили не в пользу него, а против него. Поступок приписывается умопостигаемому характеру человека; теперь, в тот момент, когда он лжет, вина целиком лежит на нем; иными словами, несмотря на все эмпирические условия акта (der Tat), разум был вполне свободен, и поступок целиком должен быть отнесен за счет его небрежности (ihrer Unterlassung).

/Под этим суждением, вменяющим поступок[3], очевидно, кроется мысль, что разум вовсе не аффицируется всеми упомянутыми [условиями] чувственности, что он не изменяется (хотя явления его, именно способ, как он обнаруживается **584** в своих действиях, изменяется) и что в нем нет предшествующего состояния, которым определялось бы последующее [состояние], так что он вовсе не принадлежит к ряду чувственных условий, которыми /необходимо[1] [определяются] явления согласно законам природы. Он, разум, присутствует и остается одинаковым во всех актах человека при всех обстоятельствах времени, но сам он не находится во времени и не приобретает (geräth), напр., нового состояния, в котором он не находился раньше; он *определяет* состояние, но *не определяется* им. Поэтому нельзя спрашивать, почему разум не определил себя иначе, но можно только задавать вопрос, почему разум не определил *явления* иначе посредством своей причинности. Но на этот вопрос невозможно ответить. В самом деле, другой умопостигаемый характер /был бы[2] [источником] другого эмпирического характера; и если мы говорим, что виновник [лжи], несмотря на весь свой прошедший образ жизни, все же мог бы не солгать, то это означает только, что [его] поступок (sie)

1) С – каков этот человек
(wie dieser beschaffen gewesen)

2) С – не только как на нечто вторичное
(nicht etwa bloβ wie Konkurrenz)

3) С – В этом вменяющем суждении легко заметить
З – Когда мы выдвигаем такое обвинение
(Man sieht diesem zurechnenden Urteile es leicht an)

1) С, З – делают необходимыми
(notwendig machen)

2) З – дал бы
(würde... gegeben haben)

непосредственно находится во власти разума и разум не подчинен в своей причинности никаким условиям явления и временного порядка (Zeitlaufs); различие по времени /может иметь существенное значение в отношении явлений друг к другу[3], но оно не обусловливает никакой разницы между актами в отношении к разуму, так как явления не суть вещи [в себе] (keine Sachen... sind), а следовательно, они не суть также и причины в себе.

585 Мы можем, следовательно, обсуждая свободные акты в отношении их причинности, доходить только до умопостигаемой причины, но /не за ее [пределы][1]; мы можем познать, что она определяет свободно, т. е. независимо от чувственности, и таким образом может быть чувственно необусловленным условием явлений. Но почему умопостигаемый характер производит именно такие-то явления и такой-то эмпирический характер /при данной обстановке[2], – эта [проблема] /выходит за пределы способности нашего разума[3]; он даже не имеет права задавать подобные вопросы, /точно так же как нельзя спрашивать[4], почему трансцендентальный предмет нашего внешнего чувственного наглядного представления дает нам только наглядное представление в пространстве, а не какое-либо иное представление. Впрочем, задача, поставленная нами, и не обязывает нас отвечать на этот вопрос, так как она заключалась лишь в проблеме, существует ли противоречие между свободой и естественной необходимостью в одном и том же акте; на этот вопрос мы в достаточной степени ответили, показав, что свобода может иметь отношение к совершенно иному роду условий, чем естественная необходимость, и потому закон последней не влияет (nicht affiziere) на первую, следовательно, свобода и естественная необходимость могут существовать независимо друг от друга и без ущерба (ungestört) друг для друга.

* * *

Следует заметить, что мы вовсе не собирались таким образом доказывать действительность свободы как способности, 586 содержащей в себе причину явлений нашей /чувственности[1]. Не говоря уже о том, что это было бы вовсе не трансцендентальное исследование, имеющее дело только с понятиями, это предприятие не могло бы удаться, потому что из опыта никогда нельзя умозаключить к чему-либо такому, что должно быть мыслимо совершенно /несогласно с законами опыта[2]. /Мы[3] не собирались

3) С – хотя оно дает главный отличительный признак для явлений в их взаимных отношениях
З – может, правда, вызывать существенное различие между явлениями
(auch zwar einen Hauptunterschied der Erscheinungen respektive gegen einander... machen könne)

1) С – не можем идти за нее
(nicht über dieselbe hinaus kommen)

2) С – при данных условиях
(unter vorliegenden Umständen)

3) С – слишком превышает всю способность... чтобы дать на это ответ
(das überschreitet so weit alles Vermögen unserer Vernunft es zu beantworten)

4) С – это то же самое, как если бы спросили
(als ob man früge)

1) С – чувственного мира
З – чувственно воспринимаемого мира
(Sinnenwelt)

2) С – не по законам опыта
(nicht nach Erfahrungsgesetzen)

3) С – Далее мы
(Ferner... wir)

доказывать даже и возможности свободы, так как и это [предприятие] не удалось бы, потому что мы вообще не можем познать из одних лишь априорных понятий возможность какого бы то ни было реального основания и причинности. Свобода трактуется здесь только как трансцендентальная идея, благодаря которой разум полагает (denkt), что он безусловно начинает ряд условий в явлении посредством чувственно необусловленного, но при этом /впадает[3] в антиномию с своими собственными законами, которые он предписывает эмпирическому применению рассудка. Что эта антиномия основывается лишь на иллюзии и что природа по крайней мере не противоречит причинности из свободы – вот единственный [вопрос], который мы могли решить и который нас /занимал[4].

3) С – запутывается (verwickelt)

4) С – Этим мы здесь исключительно и занимались (woran es uns auch einzig und allein gelegen war)

587 IV

Решение космологической идеи о полноте зависимости явлений, что касается их существования вообще (ihrem Dasein nach überhaupt)

В предыдущем исследовании (Nummer) мы рассматривали изменения чувственного мира в их динамическом ряду, где каждое из них подчинено другому как своей причине. Теперь этот ряд состояний служит нам только руководством, чтобы прийти к существованию, которое может быть высшим условием всего изменчивого, именно к необходимому существу. Речь идет здесь не о безусловной причинности, а о безусловном существовании самой субстанции. Следовательно, ряд, который мы имеем в виду, есть, собственно, поскольку одно служит условием для другого, только ряд понятий, а не наглядных представлений.

Но так как в совокупности явлений все изменчиво, следовательно, обусловлено по своему существованию, то очевидно, что в ряду зависимого бытия не может быть никакого безусловного члена, существование которого было бы абсолютно необходимым; следовательно, если бы явления были вещами в себе и, значит, их условия вместе с обусловленным всегда принадлежали к одному и тому же ряду наглядных представлений, то в таком случае необходимое существо **588** как условие существования /чувственного[1] мира, было бы совершенно невозможно.

1) С, З – явлений чувственного мира (der Erscheinungen der Sinnenwelt)

Однако динамический регресс обладает следующею своеобразной особенностью в отличие от мате-

матического: математический регресс имеет дело, собственно, только с сложением частей в целое или разложением целого на части, и потому условия этого ряда всегда должны рассматриваться как части его, следовательно, как однородные, следовательно, как явления; наоборот, в динамическом регрессе речь идет не о возможности безусловного целого из данных частей или безусловной части данного целого, а о выводе (Ableitung) состояния из его причины или о выводе случайного существования самой субстанции из необходимого существования, и потому здесь не требуется, чтобы условие непременно составляло вместе с обусловленным один эмпирический ряд.

Поэтому из кажущейся антиномии, лежащей перед нами, есть выход, состоящий в том, что оба противоречащих друг другу положения вместе могут быть истинными в различных отношениях, именно – все вещи чувственного мира вполне случайны, следовательно, имеют всегда лишь эмпирически обусловленное существование, но для всего ряда существует также неэмпирическое условие, т. е. безусловно необходимое существо. В самом деле, как умопостигаемое условие оно вовсе не должно принадлежать к ряду как член его **589** (даже и как высший член) или делать какой-либо член ряда эмпирически необусловленным: весь чувственный мир /во всех его звеньях оно[1] оставляет в его эмпирически обусловленном существовании. Следовательно, этот способ полагать безусловное существование в основу явлений отличается от эмпирически необусловленной причинности (свободы), изложенной в предыдущем исследовании, тем, что в случае свободы сама вещь как причина (substantia phaenomenon) все же еще входила в ряд условий, и только ее п р и ч и н н о с т ь мыслилась как умопостигаемая, тогда как здесь необходимое существо должно мыслиться совершенно вне ряда чувственного мира (как ens extramundanum) и только в умопостигаемой [форме], так как лишь этим путем можно избежать, чтобы оно само не было подчинено закону случайности и зависимости всех явлений.

Итак, р е г у л я т и в н ы й   п р и н ц и п разума в отношении этой нашей задачи состоит в следующем: в чувственном мире все имеет эмпирически обусловленное существование, и никакое свойство в нем не имеет безусловной необходимости; в ряду условий [в чувственном мире] нет ни одного члена, для которого не следовало бы ожидать и насколько возможно далеко искать эмпирических условий в возможном опыте; ничто не дает нам права /выводить существование какого бы то ни было условия[2] вне эмпириче-

1) C – в его через все члены идущем
(in ihrem durch alle Glieder gehenden)

2) C – выводить существование из условия
B – выводить какое бы то ни было существование от условия
(irgendein Dasein von einer Bedingung... abzuleiten)

3) С – его
З – это существование
(es)

ского ряда или считать /какое-либо условие[3] в самом ряду абсолютно независимым и самостоятельным, хотя при этом не исключается возможность **590** того, что весь ряд обосновывается в каком-либо умопостигаемом существе (которое поэтому свободно от всякого эмпирического условия и скорее содержит в себе основание возможности всех этих явлений).

1) С, В – существа
З – такой сущности
(eines Wesens)
2) С – обосновать на нем
З – обосновать на этом
(hierauf zu gründen)

3) С – недоступные представлению in concreto
(keiner Darstellung in concreto fähige)

4) З – совершенная
(durchgängige)

5) С – рассудочное существо
(Verstandeswesen)

1) С – вывести
З – заключить это
(geschlossen werden)

2) С – своей особой дорогой
(ihren besonderen Gang)

Однако мы вовсе не намереваемся доказывать таким путем безусловно необходимое существование /такого бытия[1] или /обосновывать[2] хотя бы только возможность чисто умопостигаемого условия существования явлений чувственного мира; мы только подобно тому как мы ограничили разум, чтобы он не покидал нити эмпирических условий и не пускался в область *трансцендентных* оснований объяснения, /невыразимых в конкретной форме[3], точно так же ограничиваем теперь, с другой стороны, закон чисто эмпирического применения рассудка, чтобы он не постановлял решений (entscheide) о возможности вещей вообще и не объявлял *невозможным* умопостигаемое вследствие того лишь, что оно не нужно нам для объяснений явлений. Следовательно, таким образом [мы] показали только, что /сплошная[4] случайность всех вещей природы и всех их (эмпирических) условий вполне согласима с произвольным допущением необходимого, хотя и чисто умопостигаемого условия; следовательно, никакого настоящего противоречия между этими утверждениями нет, и потому они *оба могут быть истинными*. Быть может, такое безусловно необходимое /существо, мыслимое рассудком[5], само по себе невозможно, **591** однако /догадаться об этом[1], исходя из общей случайности и зависимости всего, что принадлежит к чувственному миру, а также из принципа, требующего, чтобы мы не останавливались ни на одном члене его, поскольку он имеет случайный характер, и не ссылались на причины вне мира, нельзя. Разум идет одной дорогой в эмпирическом и /совершенно иной[2] в трансцендентальном применении.

3) С – мы никогда не имеем своим предметом
(niemals Dinge an sich selbst zu unseren Gegenständen haben)

4) С – как будто бы были вещи в себе
(gleich als wenn es Dinge an sich selbst wären)

Чувственный мир не содержит в себе ничего, кроме явлений, но явления суть только представления, которые всегда чувственно обусловлены. Так как здесь / нашими объектами никогда не бывают[3] вещи в себе, то нечего удивляться тому, что мы никогда не имеем права делать скачок от какого бы то ни было члена эмпирического ряда за пределы чувственной связи, /как это было бы возможно, если бы мы имели дело с вещами в себе[4], которые существовали бы вне своего трансцендентального осно-

вания и которые можно было бы оставить, чтобы искать вне их причину их существования; в отношении к случайным в е щ а м /это во всяком случае необходимо было бы сделать[5], но не [в отношении] к тому, что есть только п р е д с т а в л е н и е о вещах, сама случайность которого есть лишь феномен и может приводить только к регрессу, определяющему феномены, т. е. имеющему эмпирический характер. /Но допущение[6] умопостигаемого основания явлений, т. е. чувственного мира, [именно допущение] основания, свободного от случайности чувственного мира, не противоречит неограниченному эмпирическому регрессу в ряду явлений и сплошной случайности их. **592** Только это мы и /могли[1] сделать для устранения кажущейся антиномии, и только таким образом можно было достигнуть этого. / В самом деле, если условие для всего обусловленного (по своему существованию) всегда имеет чувственный характер и потому входит в состав ряда[2], то оно само также должно быть обусловленным (как это доказывает антитезис четвертой антиномии). Следовательно, или противоречие в отношении к разуму, который требует безусловного, должно оставаться, или безусловное должно быть помещено вне ряда в умопостигаемом, необходимость которого не требует и не допускает никакого эмпирического условия и, следовательно, в отношении к явлениям /безусловна[3].

Эмпирическое применение разума (в отношении к условиям существования в чувственном мире) не нарушается (nicht affiziert) допущением чисто умопостигаемого существа и согласно принципу сплошной случайности восходит от эмпирических условий к более высоким [условиям], которые всегда опять-таки имеют эмпирический характер. Точно так же в свою очередь это регулятивное основоположение /не мешает[4] допущению находящейся вне ряда умопостигаемой причины, когда речь идет о чистом применении [разума] (в отношении целей). В самом деле, в таком случае умопостигаемая причина означает только трансцендентальное и неизвестное нам основание возможности чувственного ряда вообще, и существование ее, независимое от всех условий чувственного ряда и безусловно необходимое **593** в отношении к нему, вовсе не противоречит безграничной случайности его, а следовательно, и нигде не заканчивающемуся регрессу в ряду эмпирических условий.

5) С – это могло бы иметь место (allerdings endlich geschehen müßte)

6) З – Но мыслить себе (Sich aber... denken)

1) З – должны были (zu leisten hatten)

2) С – Если каждое условие для каждого обусловленного (по существованию) чувственно и именно поэтому относится к ряду (Denn ist die jedesmalige Bedingung zu jeden Bedingten (dem Dasein nach) sinnlich und eben darum zur Reihe gehörig)

3) С, З – безусловно необходима (unbedingt notwendig ist)

4) С, З – не исключает (Ebenso wenig schlißt... aus)

Заключительное примечание ко всей антиномии чистого разума

Пока понятия нашего разума имеют предметом только целостность условий в чувственном мире и то, что может быть полезным разуму в отношении этого мира, до тех пор наши идеи имеют, правда, трансцендентальный, но все же космологический характер. Но как только мы полагаем безусловное (о котором, собственно, идет речь) /совершенно вне[1] чувственного мира, т. е. вне всякого возможного опыта, идеи становятся трансцендентными: они служат [уже] /не[2] для завершения [только] эмпирического применения разума (/которое остается всегда неосуществимой идеей, хотя мы должны следовать ей[3]), а совершенно обособляются от него и сами себе создают предметы, материал которых не заимствован из опыта и объективная реальность которых основывается не на завершении эмпирического ряда, а на чистых априорных понятиях. Подобные трансцендентные идеи имеют чисто умопостигаемый предмет, и допускать его как совершенно неизвестный трансцендентальный объект, конечно, позволительно, но, для того чтобы мыслить его как вещь, определимую посредством ее отличительных и внутренних предикатов, мы не имеем никаких оснований его возможности **594** (так как он не зависит ни от каких эмпирических понятий) и никакого оправдания для такого допущения; поэтому такой предмет есть лишь /создание нашего ума[1]. Тем не менее та космологическая идея, которая послужила поводом к четвертой антиномии, заставляет нас решиться на этот шаг. В самом деле, всегда условное существование явлений, совершенно необоснованное в самом себе, побуждает нас искать какого-либо (etwas) отличного от всех явлений, т. е. умопостигаемого предмета, в котором прекратилась бы эта случайность. Но если мы раз уже позволили себе допустить вне области всей чувственности самостоятельно существующую действительность, то мы должны рассматривать явления только как случайные способы представления об умопостигаемых предметах, [свойственные] таким существам, которые сами суть /интеллигенции[2], и потому нам остается только прибегнуть к аналогии с эмпирическими понятиями, чтобы составить себе хотя какое-либо понятие об умопостигаемых вещах, которые сами по себе совершенно неизвестны нам. Так как мы познаем случайное только путем опыта, а здесь речь идет о вещах, которые вовсе не должны быть предметами опыта, то нам приходится выводить

1) З – в том, что находится целиком вне (in demjenigen setzen, was ganz außerhalb... ist)

2) С – не только
З – не просто
(nicht bloß)

3) С – которое остается никогда не выполнимой, но всегда искомой идеей
(die immer eine nie auszuführende, aber dennoch zu befolgende Idee)
(A^2 – der immer)

1) С – мысленная вещь
З – пустое порождение мысли
(ein bloßes Gedankending)

2) З – мыслящие существа
(Intelligenzen)

свое знание из того, что необходимо само по себе, именно из чистых понятий о вещах вообще. Таким образом, первый шаг, сделанный нами за [пределы] чувственного мира, **595** принуждает нас начинать свои новые знания с исследования абсолютно необходимого существа и выводить из понятий о нем понятия о всех вещах, поскольку они чисто умопостигаемы; эту попытку мы попробуем сделать в следующей главе.

Второй книги трансцендентальной диалектики

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Идеал чистого разума

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

Об идеале вообще

Выше мы видели, что посредством чистых понятий рассудка /без помощи[1] условий чувственности не может быть представлен никакой предмет, /так как чистые понятия не обладают объективной реальностью[2] и содержат в себе только форму мышления. Однако, если они применены к явлениям, они могут быть выражены in concreto. Но идеи еще более далеки от объективной реальности, чем категории, так как нельзя найти ни одного явления, в котором /они выражались бы[3] in concreto. Они содержат в себе такую полноту, какой не **596** достигает ни одно возможное эмпирическое знание, и разум в них имеет в виду только /систематическое единство[1], /к которому эмпирически возможное единство стремится приблизиться[2], никогда, однако, не достигая его вполне.

1) С – вне всех (ohne alle)

2) С – ибо тогда в них нет условий объективной реальности предмета (weil die Bedingungen der objektiven Realität derselben fehlen)

3) С – они могут быть представлены
З – их можно было бы представить себе (sich... vorstellen ließen)

1) З – систематическое единство в чувстве (eine systematische Einheit im Sinne)

2) З – и с этим единством он пытается сблизить... (welcher sie... zu nähern sucht)

Но, по-видимому, еще более, чем идея, удалено от объективной реальности то, что я называю идеалом, и под чем я разумею идею не только in concreto, но и in individuo, т. е. как единичную вещь, определимую или даже определенную исключительно посредством идеи.

Человечество, взятое в его совершенной [форме], содержит в себе не только расширение всех присущих его (zu dieser) природе и входящих в наше понятие о нем существенных свойств вплоть /до полного совпадения их с их целями, что соответствовало бы[3] нашей идее совершенного человечества, но и заключает в себе все, что кроме этого понятия необходимо для всестороннего определения идеи; в самом деле, из

3) С – до полного слияния с его целями, что и было бы
Г – до полного совпадения их с целями, что было бы... (bis zur vollständigen Kongruenz mit ihren Zwecken, welches unsere Idee... sein würde)

всех противоположных предикатов всегда только один подходит к идее наиболее совершенного человека. Тому, что мы называем идеалом, у Платона соответствует идея божественного рассудка, единичный предмет в чистом наглядном представлении его, совершеннейший [представитель] всякого вида возможных существ и первооснова всех копий (Nachbilder) в явлении.

597 Не забираясь так далеко, мы должны, однако, признать, что человеческий разум содержит в себе не только идеи, но и идеалы, которые, правда, не имеют подобно платоновским творческой силы, но все же обладают практической силой (как регулятивные принципы) и лежат в основе возможности совершенства известных актов. Моральные понятия не суть вполне чистые понятия разума, так как в основе их лежит нечто эмпирическое (удовольствие или /страдание[1]). Однако, что касается принципа, посредством которого разум полагает границы беззаконной самой по себе свободе (следовательно, если обращать внимание только на форму этих понятий (auf ihre Form)), они, конечно, могут служить примером чистых понятий разума. Добродетель и вместе с ней человеческая мудрость во всей их чистоте суть идеи, а мудрец (стоиков) есть идеал, т. е. человек, [образ] которого существует только в мышлении и вполне совпадает с идеей мудрости. Идея дает правила, а идеал /служит[2] первообразом (zum Urbilde) для всестороннего определения /подражаний ему[3]; у нас нет иного руководства для наших поступков, кроме поведения этого божественного человека в нас, с которым мы сравниваем себя, оцениваем таким образом себя и улучшаемся, никогда, однако, не будучи в состоянии /стать на один уровень с ним[4]. Хотя и нельзя допустить объективной реальности (существования) этих идеалов, тем не менее нельзя вследствие этого считать их химерическими (für Hirngespinnste): они дают необходимое руководство разуму, **598** который нуждается в понятии /совершенного представителя своего рода[1], чтобы оценивать и измерять соответственно этому понятию степень и недостатки несовершенного. Но попытки реализовать идеал на примере, т. е. в явлении, напр. [обрисовать] мудреца в романе, /неосуществимы, мало того, они в известной степени абсурдны и малоназидательны[2], так как естественные ограничения, постоянно нарушающие /полноту идеи[3], исключают возможность какой бы то ни было /иллюзии[4] и вследствие этого делают даже подозрительным и подобным простому вымыслу то добро, которое заключается в идее.

1) С, З – неудовольствие (Unlust)

2) С, З – служит в таком случае (dient... in solchem Falle)
3) З – своих копий (des Nachbildes)

4) С – достигнуть до идеала
З – сравняться с ним
(es... erreichen können)

1) С, З – о том, что в своем роде вполне совершенно (von dem, was in seiner Art ganz vollständig ist)
2) З – напрасны, более того, они... нелепы и малоназидательны (ist untunlich und hat überdem etwas Widersinnliches und wenig Erlaubliches an sich)
3) З – совершенство в идее (Vollständigkeit in der Idee)
4) С, З – иллюзии в такой попытке (Illusion in solchem Versuche)

Все это относится к идеалу разума, который всегда должен основываться на определенных понятиях и служить правилом и первообразом для подражания (der Befolgung) или оценки. Совершенно иной характер имеют создания воображения, /которые не могут быть объяснены и выражены в доступном нам понятии[5]; это как бы монограммы, /содержащие в себе[6] лишь отдельные, /хотя и не определимые никаким выразимым правилом черты[7], которые составляют скорее как бы /смутный очерк различных данных опыта[8], чем определенную картину, наподобие того, что, по словам художников и физиономистов, витает /в их воображении[9] и, согласно их уверениям, составляет недоступную передаче /тень их творений[10] или их оценок. Их можно, хотя и не точно, назвать идеалами чувственности, так как они должны быть недосягаемым образцом возможных эмпирических наглядных **599** представлений, хотя они и не дают никаких правил, доступных объяснению и проверке.

Наоборот, разум в своих идеалах имеет целью всестороннее определение согласно априорным правилам; поэтому он мыслит предмет, который должен быть всесторонне определимым согласно принципам, хотя для этого нет достаточных условий в опыте и, следовательно, само это понятие имеет трансцендентный характер.

5) З – которые никто не может себе уяснить и о которых никто не в состоянии дать ясное понятие
(darüber sich niemand erklären und einen verständlichen Begriff geben kann)
6) З – представляющие собой
(die... sind)
7) С – хотя и не по мнимому правилу определенные черты
(obzwar nach keiner angeblichen Regel bestimmte Züge)
8) С – колеблющийся среди различных опытов рисунок
(eine im Mittel verschiedener Erfahrungen gleichsam schwebende Zeichnung)
9) С, З – в их голове
(in ihrem Kopfe)
10) С – призрак их продуктов
З – очертания их произведений
(Schattenbild ihrer Produkte)

Третьей главы
ВТОРАЯ СЕКЦИЯ

О трансцендентальном идеале
(Prototypon transsccendentale)

Всякое понятие имеет неопределенный характер в отношении к тому, что не содержится в нем самом, и подчинено основоположению определимости, согласно которому /из двух противоречащих друг другу предикатов[1] понятию может принадлежать всегда только один. Это основоположение опирается на закон противоречия и потому составляет чисто логический принцип, отвлекающийся от всякого содержания познания и имеющий в виду только логическую форму его.

Но всякая вещь, что касается возможности ее, подчинена еще основоположению /всестороннего[2] определения, согласно которому из всех **600** возможных предикатов вещей, поскольку они сравниваются со своими противоположностями, ей должен принадлежать один. Это [основоположе-

1) С – из каждых двух взаимоисключающих предикатов
(von jeden zwei einander kontradikrotisch entgegengesetzten Prädikaten)

2) С – сплошного
З – полного
(durchgängigen)

1) С – всей возможности (auf die gesamte Möglichkeit)
2) С – эту совокупность
З – всю эту сферу
В – эту возможность (solche)

ние] опирается не только на закон противоречия, так как оно, кроме отношения двух противоречащих друг другу предикатов, рассматривает всякую вещь еще в отношении /ко всей [сфере] возможного[1)] как совокупности всех предикатов вещей вообще и, предполагая /ее[2)] как априорное условие, представляет всякую вещь так, как она выводит свою собственную возможность из своего участия во всей сфере возможного*. Следовательно, принцип всестороннего определения относится к содержанию, а не к логической форме только. Этот принцип есть основоположение синтеза всех предикатов, которые должны составлять полное понятие вещи, а не только аналитического представления посредством одного из двух противоречащих друг другу предикатов, и содержит в себе **601** трансцендентальное предположение, именно предположение материала для всякой возможности, который должен а priori содержать в себе Data /для частной[1)] возможности всякой вещи.

1) С – для особой (zur besonderen)

2) С – к нему [положению] подходит (ihm... zukomme)

Положение «все существующее всесторонне определено» означает, что из всякой пары не только данных, но и всех возможных предикатов, противоположных друг другу, один всегда /принадлежит [вещи][2)]. Посредством этого положения не только предикаты логически сравниваются друг с другом, но и сама вещь трансцендентально сравнивается с совокупностью всех возможных предикатов. Оно означает, что для полного познания вещи необходимо познать все возможное и посредством него определять вещь утвердительно или отрицательно. Следовательно, всестороннее определение есть такое понятие, которого мы никогда не можем выразить in concreto во всей его полноте (Totalität); значит, оно основывается на идее, которая /происходит[3)] исключительно из разума, предписывающего рассудку правило полного применения его.

3) С – имеет свое место (ihren Sitz hat)

Эта идея совокупности всего возможного, поскольку она лежит в основе как условие всестороннего определения всякой вещи, сама имеет еще неопределенный характер в отношении

---

* Следовательно, это основоположение относит всякую вещь к общему корреляту, именно ко всей [сфере] возможного, которая, если бы она (т. е. материал для всех возможных предикатов) находилась в идее одной единичной (eines einzigen) вещи, обнаруживала бы сродство всего возможного вследствие тождества основания всестороннего определения его. Определимость всякого понятия подчинена **всеобщности** (Universalitas) основоположения исключенного третьего между двумя противоречащими предикатами, а определение вещи подчинено **целостности** (Universitas), или совокупности, всех возможных предикатов.

предикатов, которые могут составлять ее, и посредством нее мы мыслим только совокупность всех возможных предикатов вообще; однако при ближайшем исследовании мы находим, что эта идея как первичное понятие (Urbegriff) исключает множество предикатов, которые или уже даны посредством других предикатов как **602** производные, или не могут стоять рядом друг с другом, и замечаем, что она, проясняясь (läutere), образует всесторонне a priori определенное понятие и становится таким образом понятием /о единичной вещи[1)], которая всесторонне определена посредством чистой идеи, следовательно, должна называться и д е а л о м чистого разума.

1) С – об отдельном предмете (von einem einzelnen Gegestande)

/Оценивая[2)] все возможные предикаты не только логически, но и трансцендентально, т. е. со стороны их содержания, которое может быть мыслимо в них a priori, мы находим, что посредством некоторых из них представляется бытие, а посредством других – только небытие. Логическое отрицание, обозначаемое только словечком «не», собственно, никогда не принадлежит понятию, а всегда только отношению его к другому понятию в суждении и потому вовсе не может быть достаточным для того, чтобы /выражать[3)] содержание [понятия]. /Слово «несмертный» вовсе не означает[4)], что посредством его представляется в предмете только небытие: оно оставляет совершенно незатронутым содержание понятия, наоборот, трансцендентальным отрицанием обозначается небытие само по себе, которому противоположно трансцендентальное утверждение, высказывающее нечто такое, понятие чего уже само по себе выражает бытие и потому называется реальностью (вещностью), так как только благодаря этому утверждению и, насколько оно простирается, предметы суть нечто (вещи), тогда как противоположное ему отрицание **603** означает только недостаток и там, где мыслится только это [отрицание], представляется /отсутствие[1)] всякой вещи.

2) С – Если мы рассмотрим (Wenn wir... erwägen)

3) С, З – обозначать (zu bezeichnen)

4) З – Слово «несмертно» не дает никакого знания о том (Der Ausdruck «nichtsterblich» kann gar nicht zu erkennen geben)

1) З – устранение (Aufhebung)

Нельзя мыслить отрицание определенно, не полагая в основу противоположного ему утверждения. Слепорожденный не может составить себе никакого представления о тьме, так как у него нет представления о свете; дикарь не представляет себе бедности, так как он не знает благосостояния*. Невежда не име-

* Наблюдения и вычисления астрономов научили нас многим удивительным вещам, но важнее всего то, что они открыли нам пропасть н е з н а н и я (Abgrund der Unwissenheit), которую человеческий разум, без этих сведений, никогда не мог бы представлять себе столь огромной и размышления о которой должны произвести большие перемены в определении конечных целей / применения нашего разума[2)].

2) С – нашего применения разума (unseres Vernunftgebrauchs)

ет никакого понятия о своем невежестве, так как он не имеет понятия о науке и т. д. Итак, все отрицательные понятия имеют производный характер, и реальности содержат в себе Data и, так сказать, материал (die Materie), или трансцендентальное содержание, для возможности и всестороннего определения всех вещей.

Если, следовательно, всестороннее определение в нашем разуме имеет в основе трансцендентальный субстрат, который содержит в себе как бы весь запас материала (des Stoffes), откуда могут быть почерпнуты все возможные предикаты вещей, то этот субстрат есть не что иное, как идея /всереальности[3] **604** (omnitudo realitatis). В таком случае все настоящие отрицания суть не что иное, как /о г р а н и ч е н и я, что возможно только тогда[1], если в основе лежит безграничное (все) (das All).

3) С – обо "всем" реальности
З – всей реальности
(von einem All der Realität)

1) С – пределы, которых нельзя было бы так называть
З – границы, каковыми они не могли бы быть названы
(Schranken, welches sie nicht genannt werden können)

/На основании этого совмещения всей реальности[2] понятие в е щ и в с е б е представляется как всесторонне определенное, и понятие entis realissimi [всереальнейшего существа] есть понятие единичного существа, так как из всех возможных противоположных друг другу предикатов один, именно тот, который безусловно принадлежит к области бытия (zum Sein), всегда находится в его определении. Следовательно, в основе всестороннего определения, необходимо присущего всему, что существует, лежит трансцендентальный и д е а л и составляет высшее и полное материальное условие возможности всего существующего, к которой должно сводиться всякое мышление о предметах вообще со стороны их содержания. Мало того, это единственный подлинный идеал, к какому способен человеческий разум, так как только в этом единственном случае общее само по себе понятие о вещи всесторонне определяется посредством самого себя и познается как представление об индивидууме.

2) С – Но через эту полноту реальности
З – Благодаря такому обладанию всей реальностью
(Es ist aber durch diesen Allbesitz der Realität)

Логическое определение понятия посредством разума основывается на разделительном умозаключении разума, в котором бóльшая посылка содержит логическое деление (деление объема (der Spähre) общего понятия), **605** меньшая посылка ограничивает этот объем вплоть до одной части его, а вывод определяет понятие посредством этой части. Общее понятие реальности вообще не может быть подразделено [нами] a priori, так как без опыта мы не знаем определенных видов реальности, которые содержались бы под родовым понятием ее. Следовательно, трансцендентальная бóльшая посылка всестороннего определения всех вещей есть не что иное, как представление

совокупности всей реальности; /оно содержит все предикаты, что касается их трансцендентального содержания, не только под собой, а в себе[1]), и всестороннее определение всякой вещи основывается на ограничении этой /всереальности[2]), причем некоторая сторона (Einiges derselben) ее приписывается вещи, а все остальное исключается из нее, и этот прием соответствует разделительной большей посылке с ее «или–или» и определению предмета в меньшей посылке посредством одного из членов этого деления. Таким образом, применение разума, благодаря которому он полагает трансцендентальный идеал в основу своего определения всех возможных вещей, аналогично тому [применению], которое он получает в разделительных умозаключениях; это положение поставлено мной выше в основу систематического подразделения всех трансцендентальных идей, согласно которому они возникают параллельно и соответственно трем видам умозаключений разума.

/Для этой цели, т. е. для того чтобы[3]) представить себе только необходимое всестороннее определение вещей, разум, конечно, предполагает не существование /бытия[4]), соответствующего идеалу, а только идею его, **606** чтобы вывести из безусловной целостности всестороннего определения /условную[1]), т. е. /целостность ограниченного[2]). Следовательно, идеал есть для него прообраз (Prototypon) всех вещей, которые все заимствуют из него как несовершенные копии (ectypa) материал для своей возможности и, более или менее приближаясь к нему, тем не менее всегда бесконечно далеки от того, чтобы /стать на один уровень с ним[3]).

Таким образом, /возможность всякой вещи[4]) (синтеза многообразия /ее содержания[5])) рассматривается как производная, и только [возможность] того, что заключает в себе всю реальность, [рассматривается] как первоначальная. В самом деле, все отрицания (а это единственные предикаты, посредством которых можно отличить от всереальнейшего (realsten) существа все остальное) суть лишь ограничения большей и в конечном итоге высшей реальности, следовательно, они предполагают ее и по содержанию имеют лишь производный из нее характер. Все многообразие вещей есть лишь многообразие способов ограничивать понятие высшей реальности, составляющее общий субстрат /вещей[6]), подобно тому как все фигуры возможны лишь как различные способы ограничения бесконечного пространства. Поэтому предмет идеала разума, находящийся только в разуме, называется также /первоначальным сущест-

1) С – а не только понятие, которое обнимает под собой все предикаты... ибо оно заключает их в себе
З – она [посылка] не только понятие, которому подчинены все предикаты... но и понятие, которое содержит их в себе
(nicht bloß ein Begriff, der alle Prädikate... unter sich, sondern der sie in sich begreift)

2) С – «всего» реальности
З – совокупности реальности
(All der Realität)

3) С – Понятно само собой, что разум для этой своей цели
(Es versteht sich von selbst, daß die Vernunft zu dieser ihrer Absicht)

4) С – такого существа
З – сущности
(eines solches Wesens)

1) С, З – обусловленную
(bedingte)

2) С – определение ограниченного
В, Г – полноту ограниченного
(die des Eingeshränkten)

3) С – его достигнуть
(es zu erreichen)

4) З, В – всякая возможность вещей
(alle Möglichkeit der Dinge)

5) С – по его [разнообразного] содержанию
(ihrem Inhalte nach)

6) С – этого разнообразия
(der ihr gemeinschaftliches Substratum ist)

7) З – первосущностью (Urwesen)
8) С – над собой ничего не имеет (keines über sich hat)

1) С – существа
З – сущности (eines Wesens)
2) З – превосходством (Vorzuge)

1) З – вседовлеющ[ее] (allgenugsames)

в о м[7] (ens originarium) или, поскольку он /стоит выше всего[8], в ы с о ч а й ш и м с у щ е с т в о м (ens summum), а также **607** существом всех существ (Wesen aller Wesen) (ens entium), поскольку все подчинено ему как обусловленное. Но все это означает не объективное отношение действительного предмета к другим вещам, а отношение и д е и к п о н я т и я м, и мы остаемся в совершенном неведении относительно существования /предмета[1] с такими исключительными /преимуществами[2].

Так как нельзя также утверждать, что первоначальное существо состоит из множества производных существ, потому что всякое из них предполагает его и, следовательно, не может составлять его, то идеал первоначального существа должен быть мыслим как [нечто] простое.

Поэтому вывод всякой другой возможности из этого первоначального существа, строго говоря, нельзя также представлять себе как о г р а н и ч е н и е его высшей реальности и как бы д е л е н и е ее, так как в противном случае первоначальное существо рассматривалось бы как простой агрегат производных существ, что, согласно предыдущему, невозможно, хотя вначале, в первом грубом очерке, мы и представляли это отношение таким образом. Возможность всех вещей скорее определяется высшей реальностью как о с н о в а н и е м, а не как с о в о к у п н о с т ь ю, и многообразие вещей основывается на ограничении не самого первоначального существа, а полноты следствий его, к числу которых должна относиться также вся наша чувственность вместе со всеми реальностями в явлении, так как она не может входить в идею высшего существа как составная часть.

608 Расследуя подробнее эту свою идею и гипостазируя ее, мы можем определить первоначальное существо посредством одного лишь понятия высшей реальности как [существо] единое, простое, /вседовольное[1], вечное и т. д., одним словом, мы можем определить его в его безусловной полноте посредством всех предикаментов. Понятие такого существа есть понятие Бога в трансцендентальном смысле; следовательно, идеал чистого разума есть предмет трансцендентальной т е о л о г и и, как я уже указывал это выше.

Однако такое применение трансцендентальной идеи выходило бы уже за границы ее назначения и допустимости. В самом деле, разум положил ее в основу всестороннего определения вещей вообще только как п о н я т и е о всереальности, вовсе не требуя, чтобы вся эта реальность была дана объективно и сама составляла вещь. Последнее [предположение] есть

лишь вымысел, посредством которого мы охватываем и реализуем многообразие нашей идеи в идеале как особом существе, между тем как мы не имеем никакого права на это и не имеем оснований допускать даже возможность такой гипотезы; точно так же и все следствия, вытекающие из такого идеала, вовсе не касаются всестороннего определения вещей вообще, для которого только и необходима была идея, и не имеет на него ни малейшего влияния.

609 Недостаточно описывать приемы нашего разума и его диалектику – надо пытаться еще открыть источники ее, чтобы иметь возможность объяснить саму эту иллюзию как феномен рассудка, так как идеал, о котором мы говорим, основывается на естественной, а вовсе не на произвольной только идее. Поэтому я задаю вопрос: как приходит разум к тому, что рассматривает возможность всех вещей как производную из одной-единственной [возможности], лежащей в основе, именно из возможности высшей реальности, и предполагает ее затем как содержащуюся в особом первоначальном существе?

Ответ сам собой вытекает из сказанного в трансцендентальной аналитике. Возможность предметов чувств есть отношение [их] к нашему мышлению, в котором нечто (именно эмпирическая форма) может мыслиться a priori, а то, что составляет содержание (Materie), /явления или реальность его[1] (то, что соответствует ощущению), должно быть дано, так как иначе оно вовсе не могло бы быть мыслимо и, следовательно, его возможность не могла бы быть представлена. Но предмет чувств может быть всесторонне определен только в том случае, если он сравнивается со всеми предикатами явления и представляется посредством их утвердительно или отрицательно. А так как то, что составляет саму вещь (в явлении), именно реальное, должно быть дано и без этого [условия] вовсе не могло бы быть мыслимо и, так как далее то, в чем дано реальное [содержание] всех **610** явлений, есть единый всеохватывающий опыт, то материал для возможности всех предметов чувств необходимо предполагать как данный в [виде] единой совокупности, на ограничении которой только и может основываться вся возможность эмпирических предметов, их отличие друг от друга и всестороннее определение. В действительности нам могут быть даны в качестве предметов только предметы чувств, и не иначе как в контексте возможного опыта, следовательно, предметом д л я н а с может быть только то, что предполагает эту совокупность всей эмпирической реальности как условие своей возможности. Под

1) З – реальность в явлении (die Realität in der Erscheinung)

[влиянием] естественной иллюзии мы думаем, что это основоположение должно иметь значение для всех вещей вообще, между тем как на самом деле оно относится (gilt) только к тем вещам, которые даны как предметы наших чувств. Таким образом, эмпирический принцип наших понятий о возможности вещей как явлений, мы принимаем, упуская из виду (durch Weglassung) это ограничение, за трансцендентальный принцип возможности вещей вообще.

Если же мы затем гипостазируем эту идею совокупности всей реальности, то происходит это вследствие того, что мы диалектически превращаем дистрибутивное единство эмпирического применения рассудка в коллективное единство эмпирического целого и мыслим единичную вещь в этом целом явлении, содержащем в себе всю эмпирическую реальность; затем это целое, **611** вследствие уже упомянутой трансцендентальной /подтасовки[1], принимается (verwechselt wird) за понятие вещи, стоящей во главе (an der Spitze) возможности всех вещей и доставляющей реальные условия для всестороннего определения их*.

1) З – подстановки (Subreption)

Третьей главы

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

Об основаниях спекулятивного разума умозаключать к бытию высшего существа

Несмотря на эту настоятельную потребность разума /представлять[3] что-либо такое, что /могло бы лежать в основе всестороннего определения понятий рассудка[4], он все же слишком легко замечает, что это предположение имеет идеальный и чисто вымышленный характер, и потому один этот [мотив] не мог бы **612** убедить его тотчас принять простое создание своего мышления за действительное существо, если бы еще другой [мотив] не побуждал его остановиться где-либо в регрессе от данного обусловленно-

3) С – предполагать
З – допускать
(vorauszusetzen)
4) С – сполна могло бы лежать в основе рассудка для сплошного определения его понятий
(was dem Verstande zu dem durchgängigen seiner Begriffe vollständig zum Grunde liegen könne)

* Итак, этот идеал всереальнейшего существа, хотя он есть только представление, сначала реализуется, т. е. превращается в объект, затем гипостазируется и, наконец, в силу естественного / стремления[2] разума к завершению единства даже олицетворяется (personifiziert), как мы покажем это вскоре. В самом деле, регулятивное единство опыта основывается не на самих явлениях (не на чувственности только), а на объединении многообразия их посредством рассудка (в апперцепции); поэтому единство высшей реальности и всесторонняя определимость (возможность) всех вещей кажутся содержащимися в высшем рассудке, следовательно, в интеллигенции.

2) З – продвижения (Fortschritt)

го к безусловному, которое, правда, само по себе и согласно своему чистому понятию не дано как действительное, но без которого ряд условий, /восходящий к основаниям[1], не может быть завершен. Таков естественный путь, по которому направляется всякий даже и самый обыденный человеческий разум, хотя не всякий удерживается на нем. Он начинает не с понятий, а с обыденного опыта и, следовательно, полагает в основу нечто существующее. Но эта почва погружается (sinkt), если она не опирается на неподвижную скалу абсолютно необходимого. Однако и само это абсолютно необходимое колеблется (schwebt) без опоры, если вне его и под ним есть еще пустое пространство и если оно само не заполняет собой всего, не оставляя более никакого места для почему, т. е. будучи бесконечным со стороны своей реальности (der Realität nach).

1) С – доводимых до их [условий] основания
З – приводящих к его [ряда] основаниям
(die Reihe der zu ihren Gründen hinausgeführten Bedingungen)

Если что бы то ни было существует, то необходимо допустить также, что нечто существует **необходимым образом**. В самом деле, случайное существует только под условием чего-либо другого как своей причины, /но к этому другому приложимо то же самое умозаключение, пока мы не дойдем[2] до причины, которая не случайна, т. е. существует необходимым образом без всякого условия. Таков аргумент, на котором разум обосновывает свое восхождение к первоначальному существу.

2) С – и вывод от этого другого идет дальше
З – и об этом другом можно сказать то же самое, пока мы не дойдем
(und von dieser gilt der Schluβ fernehin bis zu einer Ursache)

613 Затем разум озирается (sieht sich... um), подыскивая понятие существа, для которого подходило бы такое преимущество существования, как безусловная необходимость; он [ищет такого понятия] не для того, чтобы затем a priori умозаключить от него к его существованию (так как если бы он считал себя вправе делать это, то он вообще мог бы заниматься исследованием одних лишь понятий и не [чувствовал] бы необходимости полагать в основу данное существование), а только для того, чтобы из всех понятий возможных вещей найти то, в котором нет ничего противоречащего абсолютной необходимости. В самом деле, на основании вышеприведенного умозаключения разум считает уже установленным, что должно существовать нечто безусловно необходимое, и если он может отвергнуть все, что не согласуется с этой необходимостью, кроме одной [вещи], то эта [вещь] и есть безусловно необходимое существо, все равно, понимаем ли мы необходимость его, т. е. можем ли мы вывести ее из одного лишь понятия его, или нет.

/То [существо], понятие которого[1] содержит в себе «потому что» для всякого «почему» (zu allem Warum das Darum), которое не обладает недостатками

1) С – Теперь, кажется, что то, понятие чего
(Nun scheint dasjenige, dessen Begriff)

ни в какой своей части и ни в каком отношении (Absicht) и служит достаточным условием для всего, кажется, именно благодаря этому, /согласимым с[2] абсолютной необходимостью; в самом деле, /содержа в самом себе[3] все условия для всего возможного, оно само не нуждается ни в каком условии /и даже не допускает[4] никакого условия, следовательно, удовлетворяет понятию безусловной необходимости по крайней мере в том отношении, в котором другие понятия не могут сравняться с ним, **614** так как, обладая недостатками и нуждаясь в дополнении, они не могут заключать в себе такого признака независимости от всех дальнейших условий. Правда, отсюда нельзя еще с уверенностью умозаключать, что все не содержащее в себе высшего и во всех отношениях полного условия должно быть вследствие этого условным по своему существованию; но все же такое бытие не имеет в себе того единственного признака безусловного существования, который дает разуму возможность познать на основании априорного понятия какое-либо существо как безусловное.

2) С – пригодным существом для
З – сущностью подходящей для
(schickliche Wesen [zur])

3) С, З – заключая в себе
(bei dem Selbstbesitz)

4) З – и более того, не может иметь
(ja derselben nicht eimnal fähig ist)

Следовательно, понятие существа, обладающего высшей реальностью, из всех понятий возможных вещей наиболее подходит к понятию безусловно необходимого существа и, если даже оно не вполне удовлетворяет ему, все же у нас нет выбора и мы находим себя вынужденными придерживаться его; в самом деле, мы не можем /отрицать[1] существование необходимого бытия, а допуская его, нельзя найти ничего во всей области возможного, что могло бы предъявлять более основательное притязание на такое преимущество в существовании.

1) С – пустить на ветер
З – игнорировать
(in den Wind schlagen)

Таков (So ist... beschaffen), следовательно, естественный путь человеческого разума. Сначала он убеждается в бытии к а к о г о - т о необходимого существа. В нем он признает безусловное существование. Затем он ищет понятия [существа], независимого **615** от каких бы то ни было условий, и находит его в том, что само служит достаточным условием для всего остального, т. е. в том, что содержит в себе всю реальность. Но безграничное все (das All) есть абсолютное единство, приводящее к понятию единого, именно высшего существа; таким образом разум умозаключает, что высшее существо как первооснова всех вещей существует безусловно необходимым образом.

Этому понятию нельзя отказать в известной основательности, если речь идет о р е ш е н и я х, именно если мы уже допустили бытие какого-то необходимого существа и сходимся в том, /что необходимо решить, куда поместить его[1]; действительно, в таком

1) С – что надо держаться за него, куда бы ни повело это понятие
З – куда ее [сущность] отнести
(daβ man seine Partei ergreifen müsse, worin man dasselbe setzen wolle)

случае нельзя сделать более удачного выбора или, вернее, выбора вовсе нет, и мы принуждены высказаться в пользу абсолютного единства полной реальности как первоисточника возможности. Но если ничто не принуждает нас принимать решение и мы охотнее оставили бы вопрос открытым до тех пор, пока полновесные основания не вынудят нас к согласию, т. е. если мы имеем дело только с обсуждением (um Beurteilung) вопроса, что мы знаем об этой задаче и что нам только кажется известным, тогда вышеприведенное умозаключение является нам вовсе не в столь выгодном свете и нуждается в благосклонном отношении (Gunst), которое восполнило бы недостатки его законных притязаний.

Действительно, если мы примем (so gut sein lassen) все, что здесь предложено нам, именно, **616** во-первых, что от какого бы то ни было данного существования (хотя бы только от моего собственного) можно правильно умозаключать к бытию безусловно необходимого существа и, во-вторых, что существо, содержащее в себе всю реальность, т. е. также и все условия, должно рассматриваться мной как абсолютно безусловное, следовательно, таким образом найдено понятие вещи, согласимой с абсолютной необходимостью, то отсюда вовсе еще нельзя умозаключить, что понятие ограниченного существа, не обладающего высшей реальностью, противоречит вследствие этого абсолютной необходимости. В самом деле, хотя в его понятии я не нахожу безусловного, которое уже содержит в себе всю совокупность условий, тем не менее из этого я еще не могу выводить, что его существование вследствие этого должно быть условным, подобно тому как в гипотетическом умозаключении разума я не могу утверждать, что там, где нет известного условия (именно здесь – полноты согласно понятиям), нет также и обусловленного. /Для нас[1] остается открытой возможность считать все остальные ограниченные существа точно так же безусловно необходимыми, хотя из своего общего понятия о них мы не можем умозаключать об их необходимости. Таким образом, этот аргумент не дает нам ни малейшего понятия о свойствах необходимого существа и вообще не приводит ни к каким результатам (gar nichts geleistet).

Тем не менее этот аргумент сохраняет известную /важность и значение[2], **617** которого еще нельзя отнять от него вследствие этой объективной недостаточности его. В самом деле, если допустить, что существуют обязанности (Verbindlichkeiten) совершенно

1) З – Вернее, нам (Es wird uns veilmehr)

2) С – значение и смысл
З – значение и вес
(eine gewisse Wichtigkeit und ein Ansehen)

правильные в идее разума, но лишенные всякого реального применения к нам самим, т. е. всяких мотивов, пока мы не допустим существования высочайшего существа, которое могло бы придать /влияние и значение[1] практическим законам, то в таком случае мы были бы также обязаны следовать понятиям, которые, хотя, быть может, и недостаточны объективно, тем не менее для нашего разума имеют наибольший вес, /так как[2] в сравнении с ними мы не знаем ничего лучшего и более убедительного. Обязанность (Die Pflicht) произвести выбор /положила бы под влиянием присоединившегося практического мотива конец нерешительности умозрения[3]; мало того, разум, несмотря на то что он /наиболее снисходительный[4] судья, сам для себя не нашел бы никаких оправданий, если бы /при столь настоятельной потребности[5], хотя и недостаточном знании (Einsicht), он не последовал этим основаниям для суждения (ihres Urteils), которые по крайней мере принадлежат к лучшим, какие нам известны.

/Это доказательство[6] в действительности имеет трансцендентальный характер, так как основывается на внутренней недостаточности случайного, однако, несмотря на это, оно [отличается] такой простотой и естественностью, что удовлетворяет самый обыденный человеческий разум, как только он познакомится с ним (darauf geführt wird). Мы наблюдаем, как вещи изменяются, возникают и исчезают; следовательно, они или по крайней мере их состояния должны иметь причину. Но по поводу всякой причины, которая может быть дана **618** в опыте, можно повторить в свою очередь тот же вопрос. Куда же можно отнести с наибольшим правом /последнюю[1] причинность, если не туда, где находится также высшая причинность, т. е. к тому существу, которое изначала содержит в себе /достаточную причину[2] для всякого возможного действия и понятие которого легко установить на основании одного лишь признака всеохватывающего совершенства. Эту высшую причину мы считаем безусловно необходимой, потому что признаем безусловно необходимым взойти вплоть до нее и не имеем никакого основания идти дальше нее. Поэтому мы замечаем, что у всех народов сквозь самое слепое многобожие все же просвечивают искры монотеизма, к которому приводит не размышление и глубокое умозрение, а постепенно становящийся понятным естественный путь обыденного рассудка.

1) С – действие и силу
З – действенность и силу
(Wirkung und Nachdruck)

2) С – ибо
З – и
(und)

3) С – выводила бы нерешительность спекуляции из состояния равновесия посредством практической прибавки
(würde hier die Unschlussigkeit der Spekulation durch einen praktischen Zusatz aus dem Gleichgewichte bringen)

4) С – самый осмотрительный
(nachsehendsten)

5) С – при настойчивых побудительных причинах
(unter dringenden Bewegursachen)

6) С, З – Этот аргумент, хотя
(Dieses Argument, ob es gleich...)

1) С – первую
З – конечную
(oberste)

2) С, З – достаточное основание
(die Zulänglichkeit)

Возможны только три способа доказательства существования Бога из спекулятивного разума

Все пути, /которые могут быть проложены[3] с этой целью, или начинаются с определенного опыта и познанной таким образом /особой природы[4] нашего чувственного мира, восходя от нее согласно законам причинности [вплоть] до высшей причины, [находящейся] вне мира, или эмпирически полагают в основу лишь неопределенный опыт, т. е. какое-либо существование вообще, или, наконец, отвлекаются от всякого опыта и умозаключают совершенно a priori из одних лишь понятий к существованию высшей причины.
619 Первое доказательство называется физико-теологическим, второе – космологическим, а третье – онтологическим. Бóльшего [числа] доказательств нет и не может быть.

3) З – по которым можно следовать (die man... einschlagen mag)

4) С – особенных свойств (besonderen Beschaffenheit)

/Я докажу[1], что разум ничего не может достигнуть ни на первом (эмпирическом), ни на втором (трансцендентальном) пути и что он напрасно расправляет свои крылья, чтобы выйти за пределы чувственного мира посредством одной лишь силы спекуляции. Что же касается порядка, в котором эти способы доказательства должны быть подвергнуты исследованию, он прямо противоположен тому, какой свойствен постепенно расширяющемуся разуму и в каком мы их представили выше. Мы увидим, в самом деле, что хотя опыт дает первый толчок, все же только трансцендентальное понятие руководит разумом в этом его стремлении и во всех таких попытках определяет цель, поставленную им себе. Поэтому я начну с исследования трансцендентального доказательства и затем уже рассмотрю, что может сделать прибавка эмпирического [элемента] для увеличения его доказательной силы.

1) С – Я покажу (Ich werde dartun)

620 Третьей главы

ЧЕТВЕРТАЯ СЕКЦИЯ

О невозможности онтологического доказательства существования Бога

Из сказанного выше легко усмотреть, что понятие абсолютно необходимого существа есть чистое понятие разума, т. е. чистая идея, объективная реальность которой вовсе еще не доказана тем, что разум нуждается в ней; она содержит в себе лишь указание на известную, хотя и недостижимую полноту и скорее служит для того, чтобы ограничивать рассудок, чем рас-

ширять его [кругозор] новыми предметами. Здесь представляется странным и нелепым то, что умозаключение от данного существования вообще к абсолютно необходимому существованию кажется неизбежным (dringend) и правильным, и тем не менее все условия рассудка решительно /препятствуют нам[1] составить себе понятие о такой необходимости.

1) З – целиком против нас (gänzlich wider uns)

Во все времена [много] говорилось о безусловно (absolut) необходимом существе, но усилия направлялись не столько на то, чтобы понять, можно ли и каким образом можно хотя бы только мыслить такую вещь, сколько на то, чтобы доказать ее существование. Номинальное определение этого понятия, правда, нетрудно сделать, именно: этим термином обозначается то, несуществование чего невозможно; однако отсюда мы ничему не научаемся (nichts klüger) относительно **621** условий, которые заставляют нас признать несуществование какой-либо вещи безусловно немыслимым, а между тем эти-то условия мы и хотим узнать, именно хотим узнать, мыслим ли мы вообще что-либо посредством этого понятия или нет. В самом деле, если мы посредством слова «безусловный» отвергаем все условия, в которых нуждается рассудок, чтобы рассматривать что-либо как необходимое, то для меня вовсе не понятно, мыслю ли я вслед за этим посредством понятия безусловно необходимого что-либо или, быть может, вовсе ничего не мыслю.

Мало того, это принятое сначала наудачу и сделавшееся, наконец, совершенно привычным понятие надеялись объяснить с помощью множества примеров, так что всякое дальнейшее исследование (Nachfrage) относительно его понятности казалось совершенно ненужным. Всякое положение геометрии, напр. что треугольник имеет три угла, имеет безусловно необходимый характер; то же самое утверждали и о предмете, находящемся совершенно вне сферы нашего рассудка, как будто бы вполне понимая, что хотят выразить этим понятием о нем.

Все /мнимые[1] примеры этого рода без исключения /относятся только к[2] суждениям, а не к вещам и их существованию. Но безусловная необходимость суждений не есть абсолютная необходимость вещей. В самом деле, **622** абсолютная необходимость суждения есть лишь условная необходимость вещи или предиката в суждении. Приведенное выше положение не утверждает, что три угла безусловно необходимы, а устанавливает, что при условии наличности (данности) треугольника существуют также необходимым образом три угла (в нем). Правда, эта ло-

1) С, З – приводимые (vorgegebene)
2) С – заимствуются только из (nur von Urteilen... hergenommen)

гическая необходимость с большой силой вызывает иллюзию, выражающуюся в том, что, /составив себе априорное понятие о вещи, заключающее, по нашему мнению, признак существования в своем содержании[1], мы воображаем, будто с уверенностью можем вывести отсюда следующее умозаключение: так как объекту этого понятия существование принадлежит необходимо, т. е. под условием, что я полагаю эту вещь как данную (существующую), то ее существование /полагается[2] необходимо (согласно правилу тождества), и потому само это существо должно быть безусловно необходимым, так как его существование мыслится вместе с произвольно принятым нами понятием и под условием, что я полагаю предмет его.

1) З – a priori составив себе понятие о вещи, включающее... существование в свой объем (indem man sich einen Begriff a priori von einem Dinge gemacht hatte, der so gestellt war, daβ man, seiner Meinung nach, das Dasein mit in seinen Umfang begrifft)

2) З – также полагается (auch... gesetz werde)

Если в тождественном суждении я отрицаю (aufhebe) предикат и сохраняю субъект, то это приводит к противоречию: поэтому мы говорим, что [в тождественном суждении] предикат необходимо принадлежит субъекту. Но если я отрицаю субъект вместе с предикатом, то отсюда не возникает никакого противоречия, так как при этом не остается более ничего (ist nichts mehr), чему можно было бы противоречить. Полагать треугольник и в то же время отрицать [в нем] три угла – противоречиво; но отрицание треугольника вместе с его тремя углами не заключает в себе никакого противоречия. **623** То же самое относится и к понятию абсолютно необходимого существа. Если вы отрицаете его существование, то вы уничтожаете эту вещь вместе со всеми ее предикатами; откуда же здесь может возникнуть противоречие? Вовне (Äuβerlich) нет ничего, чему бы это противоречило, так как эта вещь не должна обладать внешней необходимостью. Внутреннего [противоречия] здесь также нет, так как, уничтожив саму вещь, вы вместе с тем уничтожили и все внутреннее [в ней]. Суждение «Бог всемогущ» имеет необходимый характер, так как, полагая Божество, т. е. бесконечное существо, нельзя отрицать всемогущество его, тождественное с понятием его. Но если вы говорите, что Бога нет (Gott ist nicht), то не дано ни всемогущество его, ни какой бы то ни было другой из его предикатов, так как все они отрицаются вместе с субъектом, и в этой мысли нет ни малейшего противоречия.

Итак, вы видите, что, если я отрицаю предикат суждения вместе с субъектом, отсюда никогда не может возникнуть внутреннего противоречия, каков бы ни был предикат. Для вас остается лишь один выход – утверждать, что есть субъекты, которых вовсе нельзя отрицать, и которые, следовательно, должны оста-

ваться. Однако это было бы равносильно утверждению, что есть безусловно необходимые субъекты, а между тем правильность именно этого предположения я и подвергнул сомнению, и возможность его вы собирались доказать. В самом деле, я не могу составить себе ни малейшего понятия о вещи, которая в случае отрицания ее вместе со всеми ее предикатами **624** /оставила бы по себе[1] противоречие, а кроме противоречия я не имею никакого иного признака невозможности на основании одних лишь чистых априорных понятий.

1) З – оставила бы за собой (zurückliesse)

/Несмотря на все[2] эти общие соображения (Schluβe) (которых не может отвергнуть ни один человек) вы /боретесь против меня[3], ссылаясь на один случай и выставляя его как фактическое доказательство (durch die Tat) того, что все же существует одно и притом /только[4] одно понятие, [для которого] несуществование или отрицание его предмета противоречит само себе, а именно – понятие всереальнейшего существа. Вы говорите, что оно заключает (Es hat) в себе всереальность и что вы имеете право допускать такое существо как возможное (с чем я соглашаюсь на время, хотя отсутствие противоречия в понятии вовсе еще не служит доказательством возможности предмета)*. Но во всякой реальности содержится (ist... mit begriffen) также и существование; следовательно, существование заключается в понятии некоторой возможности [вещи], **625** и если эта вещь отрицается, то отрицается внутренняя возможность ее, что противоречиво.

2) С, З – Вопреки всем (Wider alle)

3) З – бросаете мне вызов (fordert ihr mich... auf)

4) С – только это (nur diesen)

Я отвечаю: вы впали уже в противоречие, когда вы ввели /признак существования[1], под каким бы именем он ни скрывался, в понятие вещи, которую вы собрались мыслить лишь как возможную. Если позволить вам это, то по внешнему виду (dem Scheine nach) вы выиграли игру, между тем как на деле вы ничего /не достигли[2], так как /дали[3] лишь тавтологию. Я задаю вам вопрос: принадлежит ли суждение /«т а к а я - т о[4] в е щ ь» (которую я, какова бы она ни была, допускаю вместе с вами как возможную) «с у щ е с т -

1) С – понятие о ее [вещи] существовании (den Begriff seiner Existenz)

2) З – ничего не сказали (nichts gesagt)

3) С – допускаете (habt begangen)

4) С – эта или другая (dieses oder jenes)

* Понятие во всяком случае возможно, если оно не противоречит самому себе. В этом состоит логический признак возможности, и посредством его предмет понятия отличается от nihil negativum. Но тем не менее такое понятие может быть пустым, если объективная реальность синтеза, посредством которого оно производится, не доказана специально; но это доказательство, как показано выше, основывается всегда на принципах возможного опыта, а не на основоположении анализа (не на законе противоречия). Это – предостережение, чтобы от возможности понятий (логической) мы не умозаключали тотчас же к возможности вещей (реальной).

вует» к числу аналитических или синтетических суждений? Если оно аналитическое, то посредством признака существования вещи вы ничего не присоединяете к вашей мысли о вещи; но в таком случае или мысль, находящаяся в вас, есть сама вещь, или же вы предполагаете, что существование входит (gehörig) в возможность вещи, и затем уверяете (dem Vorgehen nach), будто вы умозаключили о существовании [ее] из внутренней возможности [ее], между тем как это есть лишь жалкая тавтология. Слово реальность, которое в понятии вещи звучит иначе, чем [слово] существование в понятии предиката, не помогает делу. В самом деле, если вы называете всякое полагание (независимо от того, что вы полагаете) реальностью, то вы уже в понятии субъекта полагаете вещь со всеми ее предикатами, принимая ее как **626** действительную, и в предикате только повторяете это. Если же вы признаете, как и должен это признавать всякий разумный [человек], что все экзистенциальные суждения имеют синтетический характер, то каким же образом вы тогда утверждаете, что предикат существования не может быть отрицаем без противоречия? Ведь это преимущество принадлежит только аналитическим [суждениям], характер которых именно /в этом и состоит[1]).

Я надеялся бы уничтожить (zu nichte zu machen) эту /фантастическую аргументацию[2]) без всяких околичностей посредством точного определения понятия существования, если бы я не заметил, что иллюзия смешения логического предиката с реальным (т. е. с определением вещи) почти вовсе /не уступает[3]) никакому поучению. *Логическим предикатом* может служить все, что угодно, даже субъект может быть предикатом для самого себя, так как логика отвлекается от всякого содержания. Но *определение* есть предикат, присоединяющийся к понятию субъекта и расширяющий его, следовательно, оно /не может[4]) содержаться в нем.

Бытие (Sein), очевидно, не есть реальный предикат, иными словами, оно не есть понятие о чем-то таком, что могло бы присоединяться к понятию вещи. Оно есть только полагание (Position) вещи или известных определений /само по себе[5]). В логическом применении оно есть лишь связка в суждении. Положение «*Бог есть всемогущее* [*существо*]» содержит в себе два понятия, имеющих свои объекты: Бог и всемогущество; словечко «есть» не составляет здесь дополнительного предиката, а /служит лишь для того, чтобы ставить предикат в *отношение* к субъекту[6]). **627** Если я возьму субъект (Бог)

1) З – на этом и основывается (darauf beruht)

2) С – умственную остроту
З – бесплодные хитросплетения (grüblerische Argutation)
(Schm. – Argumentation)

3) З – не преодолевается (ausschlage)

4) З – уже не должно (muβ also nicht in ihm schon enthalten sein)

5) С, В – в самих себе (an sich selbst)

6) З – есть лишь то, что предикат полагает по отношению к...
(nur das, was das Prädikat beziehungsweise aufs Subjekt setzt)

вместе со всеми его предикатами (к числу которых принадлежит и всемогущество) и скажу «Бог есть» или «есть Бог» (es ist ein Gott), то я не присоединяю (setze) никакого нового предиката к понятию Бога, а только полагаю субъект сам по себе вместе со всеми его предикатами и притом как предмет в отношении к моему понятию. Оба они должны иметь точь-в-точь одинаковое содержание, и потому к понятию, выражающему только возможность, ничего не может присоединиться вследствие того, что я мыслю его предмет просто как данный (посредством выражения: он есть). Таким образом, действительное заключает в себе не больше содержания, чем только возможное. Сто действительных талеров не содержат в себе ни на йоту больше, чем сто возможных [талеров]. В самом деле, так как возможные талеры означают понятие, а действительные талеры – предмет и его полагание само по себе, то в случае, если бы действительное содержало в себе больше, чем возможное, мое понятие не выражало бы целого предмета и, следовательно, не было бы адекватным (angemessene) ему. Но мое имущество более велико при ста действительных талерах, чем при одном лишь понятии их (т. е. возможности их). В самом деле, в случае действительности предмет не только аналитически содержится в моем понятии, но и присоединяется синтетически к моему понятию (которое служит определением моего состояния), нисколько не увеличивая эти мыслимые сто талеров этим бытием вне моего понятия.

628 Итак, если я мыслю вещь, посредством каких угодно предикатов и какого угодно количества их (welche und wie viel Prädikate ich will) (даже всесторонне определяя ее), то от прибавления, что эта вещь существует, к ней ничего не присоединится. В противном случае существовало бы не то же самое, а больше того, что я мыслил в понятии, и я не мог бы сказать, что существует именно предмет моего понятия. Если даже я мыслю в какой-нибудь вещи все реальности, кроме одной, то от того, что я скажу «эта заключающая в себе недостаток вещь существует», недостающая реальность не присоединится: вещь существует именно с тем недостатком, с каким я ее мыслил, в противном случае существование принадлежало бы чему-то иному, чем то, что я мыслил. Если, далее, я мыслю какое-либо существо как высшую реальность (без недостатка), то все же еще остается [открытым] вопрос, существует ли оно или нет. Действительно, хотя в моем понятии о возможном реальном содержании вещи вообще нет недостатка ни в

чем, тем не менее в отношении ко всему состоянию мышления недостает еще одного элемента, именно чтобы знание этого объекта было возможно также a posteriori. Здесь именно кроется источник нашего затруднения. Если бы речь шла о предмете чувств, то я не мог бы смешать существование вещи с простым лишь понятием вещи; в самом деле, посредством понятия предмет мыслится только как согласный с общими условиями возможного эмпирического знания вообще, а посредством существования он мыслится как **629** содержащийся в контексте совокупности (gesamten) опыта. Посредством этой связи с содержанием совокупности опыта понятие о предмете нисколько не увеличивается, но в нашем мышлении благодаря этому становится одним возможным восприятием больше. Но если мы хотим мыслить существование только посредством чистой категории, то неудивительно, что мы не можем указать никакого признака, чтобы отличить его от простой возможности.

Итак, /каково бы ни было[1)] наше понятие о предмете, мы во всяком случае должны выйти за его пределы, чтобы приписать ему существование. Для предметов чувств это достигается путем связи с каким-либо из моих восприятий согласно эмпирическим законам; но что касается объектов чистого мышления, у нас нет никакого средства познать их существование, потому что нам пришлось бы познавать его совершенно a priori, между тем как наше сознание всякого существования (будь то непосредственно путем восприятия, или путем умозаключений, связывающих что-либо с восприятием) целиком принадлежит к единству опыта, и, хотя нельзя утверждать, что существование вне области опыта абсолютно невозможно, тем не менее /допущение его никак не может быть оправдано нами[2)].

Понятие высшего существа есть в некоторых отношениях чрезвычайно полезная идея; но так как это понятие есть только идея, то оно совершенно не годится для того, чтобы только /с его помощью[3)] расширять наше знание в отношении того, что существует. **630** /Оно[1)] не может даже /расширить наше знание о возможности[2)]. Аналитический признак возможности, состоящий в том, что простые полагания (реальности) не вызывают (erzeugen) никаких противоречий, правда, не может быть оспариваем относительно него, /но сочетание[3)] всех реальных свойств в одной вещи есть синтез, о возможности которого мы не можем судить a priori, так как эти /реальности не даны нам специфически[4)], а если бы и были даны, отсюда

1) З – что бы и сколько бы ни содержало
(mag also enthalten, was und wie viel er wolle)

2) З – оно [имеет характер] предположения, которое мы ничем обосновать не можем
(sie ist aber eine Voraussetzung, die wir durch nichts rechtfertigen können)

3) С, З – с ее [идеи] помощью
(um vermittelst ihrer)

1) С, З – Она [идея]
(Sie)

2) С – в области возможного научить нас чему-то большему
(uns in Ansehung der Möglichkeit eines Mehreren belehrte)

3) С – но так как соединение
(da aber die Verknüpfung)
(A[1] – weil aber)

4) С – специфические реальности нам не даны
(uns die Realitäten spezifisch nicht gegeben sind)
(Erdm. – die spezifischen Realitäten)

еще не получалось бы никакого суждения, так как признак возможности синтетических знаний следует искать всегда только в опыте, /между тем как предмет идеи не может входить в состав опыта[4]. Поэтому знаменитый Лейбниц /вовсе не выполнил того, о чем он мечтал[5], именно усмотрел a priori возможность столь возвышенного идеального существа.

Следовательно, все старания и труды, затраченные на столь известное онтологическое (картезианское) доказательство бытия высшего существа из понятий, потеряны даром (verloren), и человек столь же мало может обогатиться знаниями с помощью одних лишь идей, как мало обогатился бы купец, который, желая улучшить свое имущественное положение, приписал бы несколько нулей к своему кассовому отчету (Kassenbestande).

4) З – к которому предмет идеи принадлежать не может (zu welcher aber der Gegenstand einer Idee nicht gehören kann)

5) З – не сумел (хотя он был уверен, что это ему удалось) (bei weitem das nicht geleistet, wessen er sich schmeichelte)

631 Третьей главы ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

О невозможности космологического доказательства существования Бога

/[Попытка] выцарапать[1] из совершенно произвольно построенной (entworfenen) идеи существование самого соответствующего ей предмета была совершенно неестественным [предприятием] и являлась лишь нововведением схоластического остроумия (Neuerung des Schulwitzes). В действительности этот путь никогда не был бы избран, если бы /разум[2] не испытывал потребности допустить для существования вообще что-либо необходимое (на чем можно бы было остановиться при восхождении) и если бы он не был принужден, так как эта необходимость должна быть безусловной и a priori достоверной, искать понятия, которое по возможности удовлетворяло бы такому требованию и доставляло бы совершенно a priori знание (zu erkennen gäbe) о существовании. Такое [понятие] надеялись найти в идее всереальнейшего существа, и потому эта идея употреблялась лишь для более определенного знания о том, что должно существовать, как это уже на основании других соображений /было или казалось установленным[3], именно о необходимом существе. Однако об этом естественном пути разума умалчивали и, вместо того чтобы заканчивать этим понятием, пытались начинать с него, чтобы вывести из него необходимость существования, к которой на самом деле оно должно было служить дополнением.
632 Отсюда возникло /несчастное[1] онтологическое

1) З – извлечь (ausklauben zu wollen)

2) З – разум до этого (vorhergegangen)

3) З – уже были убеждены или дали себя убедить (schon... überzeugt oder überredet war)

1) С – неудавшееся (verunglückte)

доказательство, не представляющееся удовлетворительным ни с точки зрения естественного и здравого рассудка, ни с точки зрения школьного исследования (für die schulgerechte Prüfung).

Космологическое доказательство, которое мы собираемся исследовать теперь, [также] /приписывает[2] абсолютной необходимости /связь[2] с высшей реальностью. /Но онтологическое доказательство[3] умозаключает от высшей реальности к необходимости существования, а космологическое доказательство умозаключает от данной заранее безусловной необходимости некоторого существа к безграничной реальности его и таким образом приводит все по крайней мере в колею, не знаю уже разумного или умствующего, но во всяком случае естественного способа умозаключения, наиболее /удовлетворительного[4] не только для обыденного, но и для спекулятивного ума. И действительно, оно очевидно дает для всех доказательств естественной теологии /первые основы[5], которым всегда следовали и будут следовать, сколько бы их /ни затушевывали и ни украшали всевозможными завитушками[6]. Это доказательство, которое Лейбниц называл также доказательством a contingentia mundi [(от случайности мира)], мы изложим теперь и подвергнем исследованию.

Оно выражается следующим образом (lautet also): если что-либо существует, то должно существовать также и безусловно необходимое существо. Но по крайней мере я сам существую; следовательно, существует и безусловно необходимое существо. Меньшая посылка содержит в себе [факт] опыта, а **633** бóльшая посылка содержит в себе заключение от опыта вообще к существованию необходимого*. Итак, это доказательство начинается собственно с опыта, следовательно, оно ведется не вполне a priori или онтологически, и так как предмет всего возможного опыта называется миром, то этот аргумент называется космологическим доказательством. Так как оно отвлекается от всех частных свойств предметов опыта, которыми наш мир может отличаться от всякого другого возможного мира, то оно уже по своему названию должно отличаться также от физикотеологического доказательства, которое основывается на на-

2) С, З – сохраняет соединение (связь) (behält die Verknüpfung... bei)

3) С – Но вместо того чтобы, как это было в предыдущем доказательстве (aber anstatt, wie der vorige)

4) С, З – наиболее убедительного (die meiste Überredung bei sich führt)

5) С – проводит первые основные линии (die ersten Grundlinien zieht)

6) З – ни украшали и ни маскировали всевозможными гирляндами и завитушками (durch noch so viel Laubwerk und Schnörkel verzieren und verstecken, als man immer will)

---

* Это заключение слишком известно для того чтобы следовало излагать его здесь подробно. Оно основывается на мнимотрансцендентальном /законе естественной причинности[1], который гласит, что все случайное имеет причину и если эта причина в свою очередь опять случайна, то она также должна иметь причину, пока ряд подчиненных друг другу причин закончится безусловно необходимой причиной, без которой он не имел бы полноты.

1) З – естественном законе причинности (Naturgesetz der Kausalität)

блюдениях над особенными свойствами нашего чувственного мира.

Далее это доказательство развивается следующим образом: необходимое существо может быть определено только одним-единственным способом, т. е. всегда лишь посредством одного из всевозможных противоположных предикатов; следовательно, посредством своего понятия оно должно быть всесторонне определено. Но возможно только одно понятие о вещи, всесторонне определяющее вещь a priori, именно понятие entis realissimi [(всереальнейшего существа)]. Следовательно, понятие всереальнейшего существа **634** есть единственное понятие, посредством которого может быть мыслимо необходимое существо, значит, высшее существо существует необходимым образом.

В этом космологическом доказательстве сосредоточено столько софистических (vernünftlende) основоположений, что, по-видимому, теоретический разум пустил здесь в ход все свое диалектическое искусство, чтобы вызвать возможно бóльшую трансцендентальную иллюзию. Однако, раньше чем мы исследуем его, мы вскроем хитрость разума, с которой он выдает старый аргумент в замаскированной форме за новый и ссылается на согласие двух свидетелей, /именно чистого разума и опыта[1], между тем как в действительности присутствует только первый и меняет лишь свою одежду и голос, чтобы быть принятым за второго свидетеля. Чтобы вполне прочно установить свое основание, это доказательство опирается на опыт и таким образом придает себе такой вид, будто оно отличается от онтологического доказательства, которое полагается исключительно на чистые априорные понятия. Но этим опытом космологическое доказательство пользуется лишь для того, чтобы сделать один только шаг, именно к бытию необходимого существа вообще. Какими свойствами обладает это существо, эмпирическое основание доказательства не может доставить сведений об этом, и разум здесь совершенно покидает его, исследуя вслед за этим только понятия, именно рассматривая, какими свойствами должно обладать абсолютно **635** необходимое существо вообще, т. е. какая из всех возможных вещей содержит в себе требуемые условия (requisita) для абсолютной необходимости. Далее, он полагает, что нашел эти условия единственно и исключительно в понятии всереальнейшего существа, и умозаключает затем: это и есть безусловно необходимое существо. Но при этом, очевидно, предполагается, что понятие существа, обладающего высшей реаль-

1) С – т.е. на свидетельство чистого разума и на эмпирическое удостоверение (einen reinen Vernunftzeugen und einen anderen von empirischer Beglaubigung)

ностью, вполне удовлетворяет понятию абсолютной необходимости существования, т. е. от всереальнейшего существа можно умозаключать к необходимости существования; это то самое положение, которое утверждалось в онтологическом доказательстве, следовательно, оно принято и положено в основу в космологическом доказательстве, несмотря на то что космологическое доказательство стремилось избежать его. В самом деле, абсолютная необходимость есть существование из одних лишь понятий. Если я говорю теперь, что понятие entis realissimi есть такое и притом единственное понятие, которое годится для необходимого существования и адекватно ему, то я должен также допустить, что из него можно умозаключить к необходимому существованию. Следовательно, вся сила так называемого космологического доказательства основывается, собственно, лишь на онтологическом доказательстве из одних только понятий; а мнимый опыт оказался совершенно бесполезным; быть может, он служил еще для того, чтобы привести нас к понятию абсолютной необходимости, /но вовсе не для того, чтобы связать это понятие с какой-либо определенной вещью[1]. В самом деле, как только мы задаемся этой целью, мы принуждены тотчас же покинуть всякий опыт и искать среди чистых понятий, какое из них содержит в себе 636 условия возможности абсолютно необходимого существа. Усмотрев этим путем лишь возможность такого существа, мы считаем установленным также его существование; это равносильно следующему утверждению: среди всего возможного есть одно существо, обладающее абсолютной необходимостью, значит, оно существует безусловно необходимым образом.

1) С – но не для того, чтобы доказать его на какой-либо определенной вещи
З – но не для того, чтобы доказать эту необходимость при помощи какой-то определенной вещи
(nicht aber um diese an irgendeinem bestimmten Dinge darzutun)

Все /софизмы[1] в аргументации легче всего открыть, если выразить их в школьной форме. Мы приступим теперь к такому изложению их.

1) С, З – ошибки (Blendwerke)

Если суждение «всякое безусловно необходимое существо есть вместе с тем всереальнейшее существо» (это суждение составляет nervus probandi космологического доказательства) есть истина, то оно, как и все утвердительные суждения, должно допускать по крайней мере обращение per accidens; следовательно, некоторые всереальнейшие существа суть вместе с тем безусловно необходимые существа. Но всякое всереальнейшее существо ничем не отличается от других всереальнейших существ, поэтому то, что относится к н е к о т о р ы м существам, подходящим под это понятие, относится и ко в с е м существам этого рода. Поэтому я могу (в настоя-

щем случае) произвести также простое обращение, т. е. утверждать, что всякое всереальнейшее существо есть необходимое существо. И так как это положение определено только из своих понятий a priori, то само понятие всереальнейшего существа должно уже вести за собой абсолютную необходимость его; именно это утверждение и содержалось в онтологическом доказательстве, а космологическое не признавало его, **637** но тем не менее положило его в основу своих умозаключений, правда, в замаскированном виде.

Таким образом, второй /аргумент, созданный теоретическим разумом[1], чтобы доказать бытие высочайшего существа, не только ошибочен (trüglich) вместе с первым, но еще и заслуживает упрека в том, что заключает в себе ignoratio elenchi, так как обещает повести нас новым путем, но, сделав незначительный обход, опять возвращает нас на старый путь, покинутый нами ради него.

Я сказал раньше, что в этом космологическом аргументе кроется целое гнездо диалектических притязаний, которые легко могут быть открыты и разрушены трансцендентальной критикой. Я только перечислю их теперь и предоставлю опытному уже читателю подробнее исследовать /ложные[2] основания и опровергнуть (aufzuheben) их.

В нем содержится, напр., 1) трансцендентальное основоположение для умозаключения от случайного к причине; это основоположение имеет значение только для чувственного мира, а вне этого мира оно не имеет даже никакого смысла. В самом деле, чисто интеллектуальное понятие случайного не может дать никакого синтетического положения, каково, напр., положение причинности, и основоположение причинности имеет значение и признаки своего применения только в чувственном мире; между тем здесь оно должно было служить именно для того, чтобы выйти за пределы чувственного мира. **638** 2) [Основоположение], умозаключающее от невозможности бесконечного восходящего ряда данных в чувственном мире причин к первой причине, между тем как принципы применения разума вовсе не уполномочивают нас на это даже и в опыте и тем менее дают право расширять это основоположение за пределы опыта (куда это цепь не может быть продолжена). 3) Ложное самоудовлетворение разума по поводу завершения этого ряда, которое возникает вследствие того, что мы устраняем, наконец, все условия, хотя без условий никакое понятие необходимости невозможно, и, так как вслед за этим ничего более нельзя понимать, прини-

1) З – путь, избранный спекулятивным разумом (Weg, den die spekulative Vernunft nimmt)

2) С, З – обманчивые (trüglichen)

маем это за завершение нашего понятия. 4) Смешение логической возможности понятия всеобъемлющей реальности (без внутреннего противоречия) с трансцендентальной возможностью, требующей принципа осуществимости такого синтеза, а этот принцип в свою очередь может относиться лишь к области возможного опыта, и т. д.

Уловка космологического доказательства имеет целью лишь избежать доказательства бытия (Dasein) необходимого существа a priori из одних только понятий, так как подобная аргументация должна была бы вестись онтологически, а мы чувствуем себя совершенно неспособными на это. С этой целью мы по возможности стараемся умозаключить от положенного в основу действительного существования (от опыта вообще) к какому-либо абсолютно необходимому условию его. При этом нам не нужно объяснять возможность этого условия. **639** В самом деле, если доказано, что оно есть налицо, то вопрос о его возможности совершенно не нужен. Если мы хотим затем ближе определить свойства этого необходимого существа, то мы ищем не того, понятие чего дает нам /понимание[1] необходимости существования; – если бы мы могли найти такое понятие, мы не нуждались бы ни в каком эмпирическом предположении. Нет, мы ищем только отрицательного условия (conditio sine qua non), без которого существо не было бы абсолютно необходимым. Во всяком другом случае умозаключений из данного следствия к его основанию это не привело бы к неудаче; но в настоящем случае, к несчастью, оказывается, что условие, требующееся для абсолютной необходимости, может быть найдено только в одном-единственном существе, которое поэтому должно заключать в своем понятии все, что требуется для абсолютной необходимости и потому дает возможность умозаключать к ней a priori; иными словами, я должен иметь возможность умозаключать и в обратной форме: вещь, к которой подходит это понятие (высшей реальности), безусловно необходима, а если я не могу так умозаключать (в чем я должен признаться, если хочу избежать онтологического доказательства), то я потерпел крушение также и на этом новом пути и опять нахожусь там, откуда вышел. Конечно, понятие высочайшего существа удовлетворительно разрешает a priori все вопросы, которые могут быть поставлены относительно внутренних определений вещи, и потому оно представляет идеал, не имеющий себе **640** равного, так как общее понятие выделяет его в то же время как индивидуум из всех возможных вещей. Но на вопрос о его собственном

1) С – достаточно[е] понимание (hinreichend ist... zu begreifen)

существовании оно не дает удовлетворительного ответа, между тем как речь шла именно только об этом; и если бы кто-либо, допустив бытие необходимого существа, пожелал узнать, какая же из всех возможных вещей должна рассматриваться как такое существо, мы не могли бы ответить: /вот это[1] – необходимое существо.

1) С – вот здесь
(Dies hier ist)

Конечно, мы имеем право *допускать* бытие /существа, составляющего вполне достаточную причину[2] для всех возможных действий, чтобы помочь разуму в его поисках за единством оснований объяснения. Но заходить так далеко, чтобы утверждать даже, что *такое существо* /*необходимо обладает бытием*[3], это значит покинуть скромный язык дозволительной гипотезы и заявлять дерзкое притязание на аподиктическую достоверность; в самом деле, если мы уверены, будто знаем какую-либо вещь как абсолютно необходимую, то и само это наше знание также должно быть абсолютно необходимым.

2) З – сущности, составляющей в высшей степени достаточную причину
(eines Wesens von der höchsten Zulänglichkeit als Ursache)

3) С, З – существует необходимо
(existirt notwendig)

Вся задача трансцендентального идеала сводится к тому, чтобы или подыскать к абсолютной необходимости понятие, или установить для понятия какой-либо вещи абсолютную необходимость ее. /Если можно достигнуть первого[4], то и второе должно быть достижимым (muß man... können); в самом деле, как абсолютно необходимое разум познает лишь то, что обладает необходимостью согласно своему понятию. **641** Но обе эти [задачи] противятся всем самым напряженным нашим усилиям удовлетворить в этом отношении рассудок, а также всем попыткам успокоить его по поводу этой его неспособности.

4) С – Если возможно, одно
(Kann man das eine)

Безусловная необходимость, в которой мы так нуждаемся как в последнем носителе всех вещей, есть настоящая пропасть для человеческого разума. Даже вечность, в каких бы /потрясающих и возвышенных [формах][1] ни описывал ее *Галлер* (77), вовсе не производит столь головокружительного впечатления, так как она /*измеряет* только[2] продолжительность вещей, а /не *носит* их в себе[3]. Нельзя отделаться от мысли, хотя нельзя также и примириться с ней, что существо, представляемое нами как высочайшее из всех возможных существ, как бы говорит само себе: Я существую из вечности в вечность, кроме меня существует лишь то, что возникает только по моей воле, *но откуда же я само* (woher bin ich denn)? Здесь все ускользает из-под наших ног, и величайшее совершенство, /подобно наименее[4] [совершенному], колеблется без всякой опоры перед простым спекулятивным разумом, которо-

1) С, З – ужасающе (устрашающе) возвышенной форме
(so schauderhaft erhaben)

2) С, З – только измеряет
(mißt nur)

3) З – не служит их носителем
(trägt sie nicht)

4) З – как и наименьшее
(wie die kleinste)

му ничего не стоит беспрепятственно устранить как то, так и другое.

Многие силы природы, обнаруживающие свое существование известными действиями, остаются недоступными нашему исследованию, так как мы не можем достаточно глубоко проследить их путем наблюдения. Трансцендентальный объект, лежащий в основе явлений, и вместе с тем основание, в силу которого наша чувственность подчинена одним, а не другим **642** высшим условиям, останутся навсегда недоступными нашему исследованию, /хотя сам факт их существования несомненен[1] и только ускользает от нашего рассмотрения. Но идеал чистого разума не может даже называться /ускользающим от исследования[2], так как в подтверждение своей реальности он не может указать ничего, кроме потребности разума завершать посредством его все синтетическое единство. Так как он не дан даже как мыслимый предмет, /то, следовательно, он[3] не может даже называться ускользающим от исследования; будучи только идеей, он должен иметь место и находить себе разрешение в природе разума; в этом именно смысле он может быть подвергнут исследованию, так как разум в том и состоит, что мы можем отдать отчет обо всех своих понятиях, мнениях и утверждениях или из объективных оснований, или, если они сводятся лишь к иллюзиям, из субъективных оснований.

1) С – хотя, впрочем, сам факт их дан
(obzwar die Sache selbst übrigens gegeben)
2) С – неисследимым
З – недоступным исследованию
(unerforschlich)

3) С, З – то как такой (в качестве такового) он...
(so ist es... als ein solcher)

Открытие и объяснение диалектической иллюзии во всех трансцендентальных доказательствах бытия необходимого существа

Обе приведенные выше попытки доказательства велись трансцендентальным путем, т. е. независимо от эмпирических принципов. Действительно, хотя космологическое доказательство полагает в основу опыт вообще, однако оно исходит не из какого-либо частного свойства его, а из чистых принципов разума в отношении к существованию, **643** данному посредством эмпирического сознания вообще, и покидает даже и это руководство, чтобы опереться исключительно на чистые понятия. Где же в этих трансцендентальных доказательствах источник диалектической, но естественной иллюзии, которая связывает друг с другом понятия необходимости и высшей реальности и реализует и гипостазирует то, что на деле может быть только идеей? Где причина неизбежности того, что мы должны допускать нечто как само по себе необходимое среди существующих вещей и в то же время с ужасом отступать перед бытием такого су-

щества, как перед пропастью? /И как достигнуть, чтобы разум понял сам себя [в этом вопросе][1] и, /освободившись от колеблющегося состояния то неуверенного согласия, то вновь отрицания, пришел к спокойному пониманию?[2]

1) С – и как возникает то, что разум в этом отношении начинает понимать себя (und wie fängt man es an, daβ sich die Vernunft hierüber selbst verstehe)

2) З – избавившись от неуверенного состояния робкого одобрения и все нового отступления от него, достиг спокойного воззрения (aus dem schwankenden Zustande eines schüchternen und immer wiederum züruckgenommenen Beifalls zur ruhigen Einsicht gelange)

В высшей степени замечательно, что, допустив существование чего бы то ни было, нельзя избежать вывода, что нечто должно существовать необходимым образом. На этом совершенно естественном (но вовсе еще не надежном вследствие этого) умозаключении основывается космологический аргумент. Но, с другой стороны, если я допускаю понятие о какой бы то ни было вещи, я нахожу, что ее существование никогда не может быть представлено мной как безусловно необходимое и ничто не мешает мне, какова бы ни была существующая вещь (es mag existieren,was da wolle), мыслить ее несуществование; итак, я должен, правда, вместе с существующим вообще допускать также нечто необходимое, но никакую отдельную вещь не могу мыслить как необходимую саму по себе. **644** Иными словами, я никогда не могу завершить /восхождение[1] к условиям существования, не допуская необходимого существа; но я никогда не могу начать с необходимого существа.

1) С – при обратном движении
З – нисхождение
(das Zurückgehen)

Если для существующих вещей вообще я должен допускать (denken) что-либо необходимое, но в то же время ни одну из вещей саму по себе не имею права мыслить как необходимую, то отсюда неизбежно вытекает, что необходимость и случайность должны относиться не к самим вещам, так как в противном случае здесь было бы противоречие; иными словами, ни одно из этих основоположений не имеет объективного характера, но они могут быть только субъективными принципами разума, именно требующими, с одной стороны, чтобы для всего, что дано как существующее, мы искали чего-либо необходимого, т. е. останавливались только на a priori завершенном объяснении, но, с другой стороны, чтобы мы также никогда не надеялись на это завершение, т. е. не принимали ничего эмпирического за безусловное и не освобождали себя таким образом от дальнейшего объяснения. Обладая таким значением, оба эти основоположения вполне могут сосуществовать друг с другом как чисто эвристические и регулятивные, имеющие в виду только /формальные[2] интересы разума. В самом деле, одно из них говорит: вы должны так философствовать о природе, как будто для всего, что существует, есть необходимое первое основание, исключительно с целью ввести в свое знание систематическое единство, следуя такой идее, именно вообра-

2) З – формальн[ый] интерес (als das formale Interesse)

жаемому высшему основанию; **645** другое же основоположение предостерегает вас, чтобы вы не принимали за такое высшее основание, т. е. за нечто абсолютно необходимое, ни одно определение, касающееся существования вещей, но всегда сохраняли открытым путь для дальнейшего объяснения и всегда рассматривали его опять как условное. Но если все, что может быть воспринято в вещах, должно рассматриваться нами как условно необходимое, то ни одна вещь (которая может быть эмпирически дана) не может рассматриваться как абсолютно необходимая.

Отсюда в свою очередь следует, что вы должны допускать абсолютно необходимое вне мира, так как оно должно служить только для принципа возможно большого единства явлений как высшее основание его, и в мире вы никогда не можете дойти до него, так как второе правило повелевает вам рассматривать все эмпирические причины единства всегда как производные.

/Древние философы[1] рассматривали всякую форму природы как случайную, а материю, согласно суждению обыденного разума, считали первоначальной и необходимой. Но если бы они рассматривали материю не относительно (respektiv), как субстрат явлений, а в себе, со стороны ее существования, то идея абсолютной необходимости ее тотчас же исчезла бы. В самом деле, нет ничего, что абсолютно привязывало бы разум к этому существованию: он может всегда и без противоречий уничтожить его мысленно, но именно только в мышлении и заключалась эта абсолютная необходимость. **646** Следовательно, в основе этого убеждения должен был лежать известный регулятивный принцип. И в самом деле, протяженность и непроницаемость (образующие вместе понятие материи) составляют высший эмпирический принцип единства явлений, и этот принцип, поскольку он эмпирически не обусловлен, обладает свойством регулятивного принципа. Однако так как всякое определение материи, составляющее реальное [содержание] ее, не исключая, следовательно, и непроницаемости, есть действие (акт) (Wirkung (Handlung)), которое должно иметь свою причину и потому всегда должно быть также производным, то материя не годится для того, чтобы быть идеей необходимого существа как принципа всего производного единства; в самом деле, всякое из ее реальных свойств как производное обладает лишь условной необходимостью и, следовательно, само по себе может быть уничтожено, а вместе с ним было бы уничтожено и все существование (ganze Dasein) материи; а если бы это было не

1) С, З – Философы древности (Die Philosophen des Altertums)

так, то это означало бы, будто мы эмпирически достигли до высшего основания, что воспрещается вторым регулятивным принципом. Отсюда следует, что материя и вообще все входящее в состав мира не подходит к идее необходимого первоначального существа как принципа высшего эмпирического единства, и это существо должно быть полагаемо вне мира; в таком случае мы можем спокойно выводить явления в мире и их существование всегда из других явлений, как будто никакого необходимого существа нет, и тем не менее постоянно стремиться к полноте вывода, **647** как будто бы такое существо предполагается как высшее основание.

Согласно этим замечаниям идеал высочайшего существа есть не что иное, как регулятивный принцип разума, состоящий в том, что разум рассматривает все соединения в мире так, как если бы (als ob) они возникали из вседостаточной необходимой причины, чтобы обосновывать на ней правило систематического и, согласно всеобщим законам, необходимого единства в объяснении их, но в этом идеале не содержится утверждение необходимого самого по себе существования. Однако вследствие трансцендентальной подтасовки (Subreption) мы неизбежно вместе с тем представляем себе этот формальный принцип как конститутивный и мыслим это единство, гипостазируя его. Подобное явление замечается и в отношении к пространству. Так как пространство впервые делает возможными все фигуры, которые суть лишь различные ограничения его, то, хотя оно есть лишь принцип чувственности, тем не менее вследствие указанного свойства его оно принимается за нечто безусловно необходимо существующее само по себе и рассматривается как предмет, данный сам по себе a priori. Точно то же совершенно естественно происходит и здесь: так как систематическое единство природы может быть выставлено в качестве принципа эмпирического применения нашего разума лишь постольку, поскольку мы полагаем в основу идею всереальнейшего существа как высшей причины, то вследствие этого эта идея представляется как действительный предмет, и этот предмет в свою очередь, так как он есть высшее условие, рассматривается как необходимый, следовательно, регулятивный принцип **648** превращается в конститутивный. Эта подмена становится очевидной вследствие того, что, когда я затем рассматриваю как вещь в себе это высшее существо, которое в отношении к миру было абсолютно (безусловно) необходимым, то эта необхо-

димость никоим образом не может быть понята и, следовательно, должна была находиться в моем разуме только как формальное условие мышления, а не как материальное и /субстанциальное[1)] условие существования.

1) С – ипостаси[ое]
В – олицетворенн[ое]
(hypostatische)

Третьей главы

ШЕСТАЯ СЕКЦИЯ

О невозможности физикотеологического доказательства

/Если ни[2)] понятие о вещах вообще, ни опыт о каком бы то ни было существовании вообще не могут доставить того, что требуется, то остается испытать еще одно средство, а именно не дает ли определенный опыт, т. е. опыт относительно вещей /нашего[3)] мира, относительно их свойств и их порядка, такого доказательства, которое могло бы с достоверностью привести нас к убеждению в бытии высочайшего существа. Такое доказательство можно назвать физикотеологическим. Если бы и оно было невозможно, то тогда вообще невозможно никакое удовлетворительное доказательство из чисто теоретического разума в пользу бытия существа, которое соответствовало бы нашей трансцендентальной идее.

2) З – Если же
(Wenn denn)

3) С – настоящего
З – данного нам
(gegenwärtigen)

649 Из всех предыдущих замечаний ясно, что на этот вопрос /легко получить определенный ответ[1)]. В самом деле, разве может быть дан когда бы то ни было опыт, адекватный идее? В том именно и состоит своеобразие идеи, что никакой опыт никогда не может совпадать с ней. Трансцендентальная идея /необходимого вседостаточного первоначального существа[2)] до такой степени безмерно широка, так возвышается над всем эмпирическим, всегда имеющим условный характер, что в опыте никогда нельзя набрать достаточно материала, чтобы наполнить такое понятие; к тому же в опыте мы всегда топчемся среди условного и тщетно ищем безусловного, причем никакой закон эмпирического синтеза не дает нам примера его и не указывает никакого пути к нему.

1) С – следует ожидать легкого и короткого ответа
(ganz leicht und bündig erwartet werden könne)

2) З – необходимой вседовлеющей первосущности
(notwendigen allgenugsamen Urwesen)

Если бы высочайшее существо находилось в этой цепи условий, то оно само было бы членом ряда их и, подобно низшим членам, впереди которых оно стоит, требовало бы в свою очередь дальнейшего исследования относительно своего высшего основания. Если же мы отделим его от этой цепи и как чисто умопостигаемое существо /не будем заключать[3)] его в ряд естественных причин, то, в таком случае, какой же

3) З – не включим
(nicht... mitbegreifen)

мост может построить разум, чтобы дойти до него, если все законы перехода от действий к причинам, мало того, весь синтез и расширение нашего знания вообще приноровлены не иначе как к возможному опыту, т. е. только к предметам чувственного мира, **650** и лишь в отношении к ним могут иметь значение?

Действительный (Die gegenwärtige) мир открывает нам такое неизмеримое поприще многообразия, порядка, целесообразности и красоты, будем ли мы прослеживать эти свойства в бесконечности пространства или в безграничном делении его, что даже при таких знаниях, которые могут быть приобретены о нем нашим слабым рассудком, всякая речь перед столь многочисленными и необозримо великими чудесами становится бессильной, все числа теряют свою способность измерять и даже /наша мысль утрачивает свою определенность[1)], так что наше суждение о целом разрешается в безмолвное, но зато тем более красноречивое /изумление[2)]. Повсюду мы видим цепь действий и причин, целей и средств, правильность (Regelmäßigkeit) в возникновении и исчезновении, и так как ничто не вступает само собой в то состояние, в котором оно находится, /то все указывает[3)] всегда далее на какую-нибудь другую вещь как на свою причину, которая в свою очередь необходимо вызывает такой же вопрос, так что /все это целое должно было бы погрузиться в пропасть небытия[4)], если бы мы не допустили чего-либо, что, существуя само по себе первоначально и независимо вне этого бесконечного [ряда] случайного [бытия], поддерживало бы его и как причина его происхождения обеспечивало вместе с тем его сохранение. Насколько великой нужно мыслить эту высшую причину (в отношении всех вещей в мире)? Мы не знаем всего **651** содержания мира, еще менее можем мы оценить его величину путем сравнения со всем, что возможно. /Но если уж мы[1)] нуждаемся в крайнем и высшем существе (ein äußerstes und oberstes Wesen) в отношении [к] причинности, то что мешает нам поставить его по степени совершенства сразу /в ы ш е в с е г о в о з м о ж н о г о ?[2)] Мы легко можем достигнуть этого, правда, лишь в виде тонких очертаний (durch den zarten Umriß) абстрактного понятия, если представим себе все возможное совершенство соединенным в нем как в единой субстанции; это понятие удовлетворяет требованию нашего разума /быть экономными в отношении числа принципов[3)], оно не заключает в себе противоречий, мало того, эта идея благоприятствует даже расширению применения разума в опыте, указывая на (durch die Leitung) порядок и целесо-

1) С – превышает все силы нашей мысли
З – всякую определенность
(selbst unsere Gedanken alle Begrenzung vermissen)

2) С – удивление
(Erstaunen)

3) З – то это указывает
(so weist er [Zustand]... hin)
(Erdm. – weist es... hin)

4) С – вся эта полнота причин должна была бы погрузиться в бездну, в ничто
З – все и вся...
(auf solche Weise das ganze All im Abgrunde des Nichts versinken müßte)

1) С – Но что нам мешает, раз мы...
(Was hindert uns aber, daß da wir...)

2) З – выше другого возможного
(über alles andere Mögliche)

3) С – о бережливости на принципы
(in der Ersparung des Prinzipien günstig)

образность, и нигде не противоречит решительным образом опыту.

Это доказательство во всяком случае (jederzeit) заслуживает того, чтобы о нем упоминали с уважением. Это старейший, самый ясный и наиболее подходящий для обыденного человеческого разума [аргумент]. Он оживляет изучение природы, к тому же отсюда именно он получает свое начало и черпает все новые силы. Он вносит цели и намерения туда, где наше наблюдение само по себе не открыло бы их, и расширяет наши знания о природе под руководством особого единства, принцип которого находится вне природы. В свою очередь **652** эти знания влияют обратно на свою причину, именно на вызвавшую их идею, и поднимают веру в высшего Творца на степень /непреодолимого[1] убеждения.

1) С – непоколебимого (unwiderstehlichen)

Поэтому было бы не только печально, но и совершенно напрасно пытаться ослабить авторитет этого доказательства. Разум, постоянно поднимаемый ввысь столь значительными и все возрастающими в его руках, хотя лишь эмпирическими, доказательствами, не может быть подавлен сомнениями утонченного и отвлеченного умозрения. Достаточно одного взгляда на чудеса природы и величие мироздания, чтобы освободить его, как от сновидения, от всякой /мечтательной[2] нерешительности и поднять его /от величины к величине[3] вплоть до Высочайшего, от обусловленного к условиям вплоть до высшего и безусловного Творца.

2) С – педантичной
З – мудрствующей
(grüblerischen)
3) З – от великого к великому
(von Größe zu Größe)

Против разумности и полезности этого метода /мы[4] ничего не возражаем, скорее даже рекомендуем и поощряем его; но тем не менее мы не можем одобрить, если этот способ доказательства заявляет притязания на аподиктическую достоверность и требует согласия, как бы вовсе не нуждаясь в снисходительности или поддержке со стороны. Если догматический язык /надменного софиста[5] заменится умеренным и скромным тоном веры, хотя и не требующей безусловного подчинения, но достаточной, чтобы дать **653** успокоение, то это не повредит хорошему делу. Соответственно этому я утверждаю, что физикотеологическое доказательство само по себе никогда не может установить бытия Высочайшего Существа, но принуждено предоставить онтологическому доказательству (к которому оно служит лишь введением) восполнить этот недостаток, так что онтологический аргумент все же составляет единственно возможное основание доказательства (поскольку /производится[1] только спекулятивное доказательство), и человеческий разум не может избежать его.

4) С – Хотя мы
(Ob wir aber)

5) З – язвительного софиста
(eines hohnsprechenden Vernünftlers)

1) С – в нем вообще есть
З – всюду дается
(überall nur... stattfindet)

Главные моменты /[2)]физикотеологического доказательства таковы: 1) В мире мы находим везде явные (deutliche) признаки порядка, установленного с определенной целью, выполненного с великой мудростью и образующего целое с неописуемым многообразием содержания, а также безграничной широтой объема. 2) Этот целесообразный порядок совершенно чужд вещам мира и принадлежит им лишь случайным образом, иными словами, природа различных вещей не могла бы сама собой с помощью такого множества соединенных средств приспособиться к определенным конечным целям, если бы эти средства не были специально (ganz eigentlich) для этого избраны и /расположены[3)] упорядочивающим разумным принципом согласно положенным в основу идеям. 3) Следовательно, существует возвышенная и мудрая причина (или несколько [причин]), которая должна быть причиной мира не просто как слепо действующая всемогущая природа путем плодородия (Fruchtbarkeit), а как интеллект (Intelligenz) путем свободы. 4) Единство этой причины можно вывести из единства взаимного отношения частей мира как /членов художественного творения[4)] во всем, что доступно нашему наблюдению, с достоверностью, а в том, что
654 выходит за пределы (weiterhin) [наблюдения], с вероятностью, согласно всем правилам аналогии.

2) С, З – упомянутого
(gedachten)

3) С – приспособлены
З – предназначены
(angelegt worden)

4) З – звеньев искусного строения
(Glieder von einem künstlichen Bauwerk)

/Мы не желаем вступать здесь в пререкания с естественным разумом[1)], который на основании аналогии между некоторыми продуктами природы и произведениями человеческого искусства, насилующего природу и принуждающего ее действовать не согласно ее целям, а /приспособляться[2)] к нашим [целям] (на основании сходства этих продуктов природы с домами, кораблями, часами), умозаключает, что такая же причинность, именно рассудок и воля, лежит в основе природы, выводя внутреннюю возможность свободно действующей природы (впервые делающую возможным все искусство и, быть может, даже сам разум) /также из некоторого искусства[3)], хотя и сверхчеловеческого; быть может, это умозаключение не выдержало бы /строгой[4)] трансцендентальной критики, но все же нельзя не признать, что если уж мы должны назвать причину, то у нас нет здесь более надежного пути, как умозаключать (verfahren können) по аналогии с подобными целесообразными произведениями, единственными, причина и способ действия которых вполне нам знакомы. Разум не мог бы найти /себе оправдания[5)], если бы он пожелал вместо известной ему причинности прибегнуть к темным и недоказуемым /основаниям объяснения[6)].

1) З – Мы не будем здесь придираться к естественному разуму за его вывод
(Ohne hier mit der natürlichen Vernunft über ihren Schluß zu schikanieren)

2) С – подчиняться
(zu schmiegen)

3) – также из некоторого другого умения
(noch von einer anderen... Kunst)

4) С – резкой
(schärfste)

5) З – у себя самого оправдания
(würde es bei sich selbst nicht verantworten können)

6) С – основам объяснения, которых он не знает
(Erklärungsgründen, die sie nicht kennt)

В этом умозаключении целесообразность и /гармония[7]) столь многих 655/ явлений природы[1]) могут служить только доказательством случайности формы, но не материи, т. е. субстанции в мире; в самом деле, для последней [цели] нужно было бы еще иметь возможность доказать, что вещи в мире сами по себе были бы непригодны к подобному порядку и согласованию (Einstimmung) соответственно общим законам, если бы они также и по своей субстанции не были продуктом высшей мудрости; но для этого доказательства потребовались бы совершенно иные основания, чем аналогия с человеческим искусством. Следовательно, наибольшее, чего может достигнуть [физикотеологический] аргумент, – это доказать существование мирового зодчего (einen Weltbaumeister), во всяком случае (immer) сильно ограниченного пригодностью обрабатываемого им материала, а вовсе не Творца мира (einen Weltschöpfer), идее которого подчинено все; между тем для великой цели, которая имелась в виду, именно для доказательства вседостаточного первоначального существа, этого /слишком мало[2]). Если же мы захотели бы доказать случайность самой материи, то нам пришлось бы прибегнуть к трансцендентальному аргументу, между тем как именно этого желательно было избегнуть здесь.

Итак, умозаключение направляется от постоянно (durchgängig) наблюдаемых в мире порядка и целесообразности как совершенно случайной организации (Einrichtung) его к существованию причины, /пропорциональной им[3]). Но понятие этой причины должно дать нам о ней какое-нибудь совершенно определенное знание; следовательно, оно должно быть понятием о существе, которое обладает всей мощью (Macht), [всей] мудростью и т. д., одним словом, всем совершенством как 656 существо /вседостаточное[1]). В самом деле, предикаты очень большой, изумительной, неизмеримой мощи и превосходства не дают никакого определенного понятия и, собственно, не указывают, что представляет собой вещь сама по себе, а суть лишь относительные представления о величине предмета, сравниваемого наблюдателем (мира) с собой и со своей способностью понимания (Fassungskraft); они оказываются одинаково хвалебными, как в том случае, если мы преувеличиваем предмет, так и в том случае, если мы уменьшаем в отношении к нему наблюдателя. Если речь идет о величине (совершенства) вещи вообще, то у нас нет иного определенного понятия, кроме того, которое охватывает в себе все возможное совер-

7) С – приспособленность (Wohlgereimtheit)

1) З – устроений природы (Naturanstalten)

2) З – далеко не достаточно (bei weitem nicht hinreichend ist)

3) З – соразмерной этому устроению (ihr proportionirten)

1) С, З – вседовлеющее (allgenugsames)

шенство, и только вся совокупность (das All) (omnitudo) реальности определена в понятии всесторонне.

Но, я надеюсь, никто не возьмет на себя утверждать (Nun will ich nicht hoffen, da sich jemand unterwinden sollte), что он усматривает отношение наблюдаемой им величины мира (как по объему, так и по содержанию) к всемогуществу, отношение мирового порядка к высочайшей мудрости, отношение мирового единства к абсолютному единству Творца и т. д. Следовательно, физикотеология не может дать определенного понятия о высшей причине мира и потому недостаточна для принципа теологии, /который[2] в свою очередь должен составлять основание религии.

2) С – которая [теология] (welches) (A^2 – welche)

Перешагнуть к абсолютной целостности эмпирическим путем совершенно невозможно. Между тем физикотеологическое доказательство **657** делает этот шаг. Какими же средствами оно пользуется, чтобы перешагнуть через такую пропасть?

Сторонники этого аргумента, дойдя до изумления по поводу величия, мудрости, мощи и т. д. Творца мира и не будучи в состоянии идти дальше, внезапно покидают этот аргумент, ведущийся посредством эмпирических оснований доказательства, и возвращаются (man... geht) к случайности мира, установленной в самом начале на основании порядка и целесообразности мира. Далее, от одной этой случайности они переходят исключительно посредством трансцендентальных понятий к существованию абсолютно необходимого и от понятия абсолютной необходимости первой причины к всесторонне определенному или определяющему понятию ее, именно к понятию всеохватывающей реальности. Следовательно, физикотеологическое доказательство застряло на пути (blieb ... in seiner Unternehmung stecken), /перескочило, попав в затруднение[1], к космологическому доказательству, и так как это доказательство есть лишь замаскированный онтологический аргумент, то физикотеологическое доказательство достигло своей цели в действительности только с помощью чистого разума, хотя вначале оно отказалось от всякого родства с ним и полагалось исключительно на очевидные доказательства из опыта.

1) С – в замешательстве быстро прыгает (sprang in dieser Verlegenheit plötzlich... über)

Следовательно, сторонники физикотеологического доказательства не имеют оснований так пренебрежительно относиться к трансцендентальному способу доказательства и смотреть на него с самомнением ясно видящих знатоков природы сверху вниз как на хитросплетения /фантазеров[2]. Если бы они только пожелали подвергнуть испытанию самих себя, они заметили бы, что, пройдя значительное расстояние на почве

2) З – мрачных фантазеров (finsterer Grübler)

658 природы и опыта и видя себя по-прежнему далекими от предмета, который /манит к себе их разум[1)], они внезапно покидают почву и переходят в царство одних лишь возможностей, где стремятся на крыльях идей подойти ближе к тому, что ускользало от всех их эмпирических изысканий. Вообразив, будто благодаря такому огромному прыжку удалось стать на твердую почву, они распространяют сделавшееся теперь определенным понятие (не зная, каким образом они овладели им) на всю область творения и с помощью опыта, правда, в довольно жалкой форме, не соответствующей достоинству предмета, поясняют идеал, полученный исключительно из чистого разума, не желая, однако, сознаться, что пришли к этому знанию или предположению /вовсе не путем опыта[2)].

1) С – который, по-видимому, отвечает их разуму (der ihrer Vernunft entgegen scheint)

2) С – совсем другой дорогой, а не дорогой опыта (durch einen anderen Fußsteig, als den der Erfahrung)

Таким образом, в основе физикотеологического доказательства лежит космологическое доказательство, а в основе космологического доказательства – онтологическое доказательство бытия единого первоначального существа как высочайшего, и так как для спекулятивного разума нет более путей, кроме этих трех, то онтологический аргумент из одних лишь чистых понятий разума есть единственное возможное доказательство, если только вообще возможно доказательство положения, столь превосходящего всякое эмпирическое применение рассудка.

659 Третьей главы
СЕДЬМАЯ СЕКЦИЯ

Критика всякой теологии из спекулятивных принципов разума

Если назвать теологией знание о первоначальном существе, то она происходит из чистого разума (theologia rationalis) или из откровения (revelata). Первая мыслит свой предмет или только посредством чистого разума с помощью одних лишь трансцендентальных понятий (ens originarium, realissimum, ens entium) и называется **трансцендентальной** теологией, или же посредством понятия, заимствуемого из природы (нашей души) как высшую интеллигенцию, и должна называться **естественной** теологией. Тот, кто допускает только трансцендентальную теологию, называется деистом, а тот, кто допускает также и естественную теологию, называется теистом. Деист признает, что мы во всяком случае (allenfalls) можем познать посредством одного лишь разума существование первоначального существа, но имеем только трансцендентальное понятие о нем, именно только

как о существе, обладающем всей реальностью, которую, однако, нельзя определить ближе. Теист утверждает, что разум в состоянии ближе определить этот предмет по аналогии с природой, именно как существо, содержащее в себе первоначальное основание всех остальных вещей путем рассудка и свободы. Следовательно, первый представляет под этим существом только *причину мира* (есть ли оно причина посредством необходимости **660** своей природы или посредством свободы, [этот вопрос] оставляется нерешенным), а второй – *Творца мира*.

Трансцендентальная теология или задается целью (gedenkt) вывести существование первоначального существа из опыта вообще (не определяя ближе мира, к которому он относится), и тогда она называется *космотеологией*, или же она надеется познать его существование посредством одних лишь понятий без всякой помощи опыта и тогда называется *онтотеологией*.

Естественная теология умозаключает о свойствах и существовании Творца мира из свойств, порядка и единства, наблюдаемых в нашем мире, в котором должны быть допущены две [формы] причинности и их правила, именно природа и свобода. Поэтому она восходит из этого мира к высшей интеллигенции или как к принципу всего естественного порядка и совершенства, или же как к принципу всего нравственного порядка и совершенства. В первом случае она называется *физикотеологией*, а во втором – /*этикотеологией*[1]*

1) С – моральный теологией (Moraltheologie)

Так как под понятием Бога принято разуметь не слепо действующую вечную природу как корень вещей, а высочайшее существо, которое должно быть Творцом вещей посредством рассудка и свободы, и так как **661** только это понятие интересует нас, то, строго говоря, можно утверждать, что *у деистов* совсем нет веры в Бога, а есть только признание (Behauptung) первоначального существа или высшей причины. Однако того, кто не решается утверждать /вещь[1], еще нельзя вследствие этого обвинять в том, будто он хочет отрицать /ее[2]. Поэтому мягче и справедливее (gelinder und billiger) будет сказать, что *де*-

1) С, З – нечто (etwas)
2) З – это (es)

---

* Это не теологическая мораль, которая содержит в себе нравственные законы, *предполагающие* существование высшего правителя мира, тогда как этикотеология есть убеждение в бытии высочайшего существа, основывающееся (welche sich... gründet) на нравственных законах[45].

---

[45] В первом издании: основанное на нравственных законах (gegründet ist).

ист верит в Бога, а теист верит в живого Бога (summam intelligentiam). Теперь мы приступим к исследованию возможных источников всех этих попыток разума.

Я ограничиваюсь здесь определением теоретического знания как такого, посредством которого я познаю, чтó есть (was da ist), а практического – как такого, посредством которого я представляю себе, чтó должно быть (was da sein soll). Соответственно этому теоретическое применение разума есть то, посредством которого я a priori (/с необходимостью[3]) познаю, что нечто существует, а практическое – то, посредством которого я a priori познаю, что должно случиться. Если убеждение в том, что нечто существует или должно случиться, имеет несомненно достоверный, однако лишь обусловленный характер, то известное определенное условие его или может быть абсолютно необходимым, или же может предполагаться только как произвольное и случайное. В первом случае условие постулируется (per thesin), а во втором оно предполагается (supponiert) (per hypothesin). Так как существуют практические законы, имеющие безусловно необходимый характер (/нравственные [законы][4]), **662** то, если они необходимо предполагают какое-нибудь существование как условие возможности своей обязательной (verbindenden) силы, это существование постулируется, потому что обусловленное, от которого производится умозаключение к этому определенному условию, само познается a priori как абсолютно необходимое. Относительно нравственных законов мы покажем впоследствии, что они не только предполагают бытие высочайшего существа, но и, будучи в некотором отношении безусловно необходимыми, с полным правом постулируют его, хотя, конечно, лишь практически; однако теперь мы оставляем еще этот способ умозаключения в стороне.

/Если[1] речь идет только о том, чтó существует (а не о том, чтó должно существовать), то обусловленное, данное нам в опыте, всегда мыслится также как случайное; поэтому из него относящееся к нему условие не может быть познано как абсолютно необходимое, но представляет собой лишь относительно необходимое или, вернее, нужное (notige), однако само по себе и a priori произвольное предположение /для рационального познания[2] обусловленного. Следовательно, если в теоретическом знании должна быть познана абсолютная необходимость вещи, то этого можно было бы достигнуть только из априорных понятий, а не как о причине существования, данного в опыте.

3) С, З – как необходимое (als notwendig)

4) С – моральные (die moralische)

1) С – А так как, если (Da, wenn)

2) З – для познания разумом (zum Vernunfterkenntnis)

Теоретическое знание бывает спекулятивным, если оно направлено на такой предмет или такое понятие (solche Begriffe) о предмете, /к которым[1] нельзя прийти ни в каком опыте. **663** Оно противоположно познанию природы, которое направляется только на предметы или предикаты их, могущие быть данными в возможном опыте.

Основоположение, согласно которому мы умозаключаем от того, что случается, (от эмпирически случайного) как действия к его причине, есть принцип познания природы, а не спекулятивного познания. В самом деле, если мы отвлечемся от его [значения] как основоположения, содержащего в себе условие возможного опыта вообще, и, оставив в стороне все эмпирическое, будем утверждать его относительно случайного вообще, то у нас не останется никакого оправдания такого синтетического положения, чтобы понять, каким образом я могу перейти от того, что есть, к чему-то совершенно отличному (называемому причиной), мало того, в таком чисто спекулятивном применении понятие причины, а также понятие случайного, теряют всякое значение, объективная реальность которого могла бы быть понятною in concreto.

Итак, если мы умозаключаем от существования вещей в мире к их причине, то это – спекулятивное применение разума, а не применение его для познания природы: в самом деле, применение разума для познания природы относит к причине (auf irgendeine Ursache) не сами вещи (субстанции), а только то, что случается, т. е. их состояния как эмпирически случайные; что сама субстанция (материя) по своему существованию случайна, [это знание] должно было бы быть чисто спекулятивным знанием разума. **664** Если бы даже речь шла только о форме мира, о способе соединений в нем (der Art ihrer Verbindung) и /о смене их[1], и я хотел бы умозаключить отсюда о причине, совершенно отличной от мира, то и это суждение происходило бы лишь из спекулятивного разума (ein Urtheil der bloβ spekulativen Vernunft), потому что предмет его вовсе не есть объект возможного опыта. Но при этом совершенно извращалось бы (würde... abgebracht) назначение основоположения причинности, которое имеет значение только внутри области опыта, а вне ее не имеет никакого применения и даже никакого смысла.

Итак, я утверждаю, что все попытки чисто спекулятивного применения разума /в[2] теологии совершенно бесплодны и по своим внутренним свойствам /ничтожны[3], а принципы его применения к природе вовсе не ведут ни к какой теологии, следовательно,

1) C – до которого (wozu) (A[1] – zu welchem)

1) C, B – смены в нем (dem Wechseln derselben)

2) C – по отношению (in Ansehung)
3) C – нуль
З – никчемны
(null und nichtig sind)

если не положить в основу нравственные (moralische) законы или не воспользоваться руководством их, то вообще не может быть никакой рациональной теологии. В самом деле, все синтетические основоположения рассудка имеют имманентное применение, а для познания высочайшего существа требуется трансцендентное применение их, к чему наш рассудок вовсе не приспособлен. Если эмпирически действительный (gültige) закон причинности должен приводить к первоначальному существу, то это существо должно было бы находиться в цепи предметов опыта, но в таком случае оно, как и все явления, само в свою очередь было бы обусловленным. **665** Если же можно было бы допустить скачок за пределы опыта с помощью динамического закона отношений действий к их причинам, то какое же понятие мог бы доставить нам этот прием? Вовсе не понятие о высочайшем существе, так как опыт никогда не дает нам величайшего из всех возможных действий (которое свидетельствовало бы о такой же причине). Если бы нам было позволено заполнить этот недостаток завершенного определения, чтобы только не оставалось пустоты в нашем разуме, просто лишь идеей высочайшего совершенства и первоначальной необходимости, то из снисхождения это можно, правда, допустить, но этого нельзя требовать по праву неопровержимого доказательства. Итак, физикотеологическое доказательство, быть может, увеличивало бы силу других доказательств (если таковые возможны), соединяя спекуляцию с наглядным представлением, само же по себе оно лишь подготовляет рассудок к теологическому знанию и дает ему прямое и естественное направление, но о д н о оно не могло бы закончить этого дела.

Отсюда видно, что трансцендентальные вопросы допускают только трансцендентальные ответы, т. е. ответы из одних лишь понятий a priori, без всякой эмпирической примеси. Но вопросы здесь (Die Frage ist hier aber), очевидно, имеют синтетический характер и требуют расширения нашего знания за пределы всякого опыта, именно к бытию существа, **666** которое должно соответствовать нашей чистой идее, между тем как опыт никогда не может сравняться с ней. Но согласно нашим вышеприведенным доказательствам всякое априорное синтетическое знание возможно только вследствие того, что оно выражает формальные условия возможного опыта, и потому все основоположения имеют только имманентное значение, т. е. относятся исключительно к предметам эмпирического знания или к явлениям. Следовательно, также и

трансцендентальный метод ничего не может дать для теологии чисто спекулятивного разума.

Если же кто-либо предпочел бы подвергнуть сомнению все вышеприведенные доказательства аналитики, чем лишиться убеждения в вескости столь долго применявшихся доказательств, то все же он обязан удовлетворить меня, если я требую, чтобы он представил оправдание по поводу того, как и посредством какого прозрения (Erleuchtung) он берется перелететь за [границу] всякого возможного опыта, пользуясь силой одних лишь идей. От новых доказательств или поправок к старым я просил бы избавить меня. Правда, выбор здесь невелик, так как в конце концов все чисто спекулятивные доказательства сводятся к одному лишь доказательству, именно онтологическому, и у меня нет основания опасаться быть слишком отягощенным плодовитостью догматических борцов свободного от чувственности разума; к тому же я, хотя и не считаю себя выдающимся борцом (sehr streibar), не уклоняюсь от вызова открыть ошибку **667** во всякой попытке этого рода и таким образом уничтожить (zu vereilten) ее притязания; однако все это нисколько не разрушает надежд на большее счастье у тех, кто уже привык к догматическим убеждениям; поэтому я выставляю одно лишь справедливое требование, чтобы противники оправдали в общей форме и из природы человеческого рассудка со всеми прочими источниками знания /тот путь, которым [они] собираются[1] вполне a priori расширить свое знание и довести его туда, куда не достигает никакой возможный опыт и где, следовательно, нет средств обеспечить объективную реальность какому бы то ни было выдуманному нами самими понятию. Каким бы путем рассудок ни пришел к этому понятию, все же существование предмета его не может быть найдено в нем аналитически, потому что познание существования объекта именно в том и состоит, что объект полагается вне мысли сам по себе. Но мы не имеем никакой возможности, не следуя за эмпирической связью (которая, однако, дает всегда только явления), самостоятельно выйти за пределы понятия и прийти к открытию новых предметов и необычайных существ.

Но хотя разум в своем чисто спекулятивном применении вовсе не достаточен для этого столь великого предприятия, именно чтобы дойти до существования высочайшего существа, тем не менее он приносит большую **668** пользу тем, что в случае, если это знание может быть почерпнуто из какого-либо иного источника, он исправляет его, приводит его в согласие с самим собой и со всякой умопостигаемой це-

1) З – каким образом собираются (wie man es anfangen wolle)

лью, а также очищает его от всякой примеси эмпирических ограничений и от всего, что могло бы противоречить понятию первоначального существа.

Поэтому трансцендентальная теология, несмотря на всю свою недостаточность, сохраняет все же важное отрицательное /значение[1] и является постоянной цензурой нашего разума, когда он имеет дело с одними лишь чистыми идеями, которые именно поэтому допускают только трансцендентальное мерило. В самом деле, если бы оказалось, что предположение высочайшего и вседостаточного существа как высшей интеллигенции в некотором другом, быть может, практическом отношении утверждает свое значение, /не встречая противодействий[2], то [в таком случае] было бы чрезвычайно важно точно определить это понятие с его трансцендентальной стороны как понятие необходимого и всереальнейшего существа, удалить из него все, что противоречит высшей реальности и относится только к явлению (к антропоморфизму в широком смысле), а также устранить с пути все противоположные утверждения, все равно, будут ли они атеистическими, или деистическими, или антропоморфическими. При таком критическом методе исследования этого легко достигнуть, так как те же самые основания, посредством которых была обнаружена неспособность человеческого разума в отношении утверждения бытия подобного существа, **669** несомненно достаточны также и для того, чтобы доказать несостоятельность и всякого противоположного утверждения. Действительно, откуда же путем чистой спекуляции разума можно было бы усмотреть, что никакого высочайшего существа как первоосновы всего нет, или что ему не принадлежит ни одно из свойств, которые мы ввиду их следствий представляем себе аналогичными с динамическими реальностями мыслящего существа, или что в последнем случае они должны были бы подвергаться всем ограничениям, неизбежно налагаемым чувственностью на известные нам в опыте интеллигенции.

Следовательно, высочайшее существо остается для чисто спекулятивного применения разума только идеалом, однако безукоризненным (fehlerfreies) идеалом, понятием, которое завершает и увенчивает все человеческое знание и объективная реальность которого этим путем, правда, не может быть доказана, но и не может быть также опровергнута; и если должна существовать этикотеология, которая может восполнить этот недостаток, то в таком случае трансцендентальная теология, бывшая до тех

1) В – приложение (Gebrauche)

2) З – беспрекословно (ohne Widerrede)

пор лишь проблематической, может доказать свою необходимость путем определения своего понятия и постоянной цензуры разума, часто обманываемого чувственностью и не всегда согласного со своими собственными идеями. Необходимость, бесконечность, единство, существование вне мира ([а] не в качестве мировой души), вечность без условий времени, вездеприсутствие без **670** условий пространства, всемогущество и т. п. – все это чисто трансцендентальные предикаты, потому очищенное понятие их, в котором так нуждается всякая теология, /может быть получено только из трансцендентальной теологии[1].

1) С – выводится только из трансцендентального понятия (bloβ aus der transzendentalen [Begriff] gezogen wird)

ПРИЛОЖЕНИЕ

К трансцендентальной диалектике

О регулятивном применении идей чистого разума

Результат всех диалектических попыток чистого разума не только подтверждает то, что мы доказали уже в трансцендентальной аналитике, именно, что все наши умозаключения, желающие вывести нас за пределы возможного опыта, обманчивы и неосновательны, но и показывает нам, /в частности[2], что человеческий разум имеет при этом естественную склонность переходить через эту границу и что трансцендентальные идеи для него так же естественны, как для рассудка категории, однако с той разницей, что последние ведут к истине, т. е. к согласию наших понятий с объектом, а первые производят лишь непреодолимую иллюзию, против обмана которой едва можно устоять с помощью самой острой критики.

2) С – и ту особенность (zugleich dieses Besondere)

Все, что обосновано в природе наших сил, должно быть целесообразным и согласоваться с правильным применением их, если только мы не можем оберечься от **671** некоторых недоразумений и найти верное направление для них. Следовательно, трансцендентальные идеи, по всей вероятности, должны иметь полезное и, значит, и м м а н е н т н о е применение, хотя, если понять их значение ложно и рассматривать их как понятия о действительных вещах, они могут стать в своем применении трансцендентальными и потому обманчивыми. В самом деле, не идея сама по себе, а только ее применение может быть в отношении к совокупности возможного опыта или /т р а н с ц е н д е н т а л ь н ы м, или и м м а н е н т н ы м[1], смотря по тому, относим ли мы ее прямо к мнимосоответствующему ей предмету или только к примене-

1) З – выходящим за его пределы (трансцендентным), или присущим ему (имманентным) (uberfliegend) (transzendent) oder einheimisch (immanent)

нию рассудка вообще в отношении предметов, с которыми он имеет дело; и все ошибки, имеющие характер подтасовки, всегда следует приписывать недостатку силы суждения, а не рассудку или разуму.

Разум никогда не имеет прямого отношения к предмету, а всегда только к рассудку и посредством него – к своему собственному эмпирическому применению; следовательно, он не создает понятий (об объектах), а только упорядочивает их и дает им то единство, которое они могут иметь при наибольшем своем расширении, т. е. в отношении к целостности рядов, которой рассудок вовсе не имеет в виду, так как занимается только той связью, посредством которой повсюду возникают ряды условий согласно понятиям. Следовательно, предметом для разума служит, собственно, только рассудок и **672** его целесообразное применение; и как рассудок объединяет многообразие в объекте посредством понятий, так разум, со своей стороны, объединяет многообразие понятий посредством идей, ставя известное коллективное единство целью для актов рассудка, /который без его помощи занимается[1] только дистрибутивным единством.

Итак (demnach), я утверждаю, что трансцендентальные идеи никогда не имеют конститутивного применения, благодаря которому были бы даны понятия известных предметов, и, в случае, если их понимают таким образом, они становятся лишь умствующими (диалектическими) понятиями. Но зато они имеют превосходное и неизбежно регулятивное применение, состоящее в том, что они /устремляют[2] рассудок к известной цели, ввиду которой линии направления (Richtungslinien) всех его правил сходятся в одной точке, и, хотя эта точка есть только идея (focus imaginarius), т. е. точка, из которой понятия рассудка в действительности [вовсе] не исходят (wirklich nicht ausgehen), так как она находится совершенно вне границ возможного опыта, тем не менее она служит для того, чтобы сообщить им величайшее единство наряду с величайшим расширением. Отсюда, правда, возникает иллюзия, как будто бы эти линии направления исходят из самого предмета, который находился бы за областью эмпирически возможного знания (подобно тому, как /мы проецируем объекты за отражающую поверхность[3]); однако эта иллюзия (которой, впрочем, можно помешать вводить нас в заблуждение) **673** неизбежно необходима[1], если кроме предметов, находящихся перед нашими глазами, мы хотим видеть также и те предметы, которые лежат далеко от них за нашей спиной, т. е. в нашем случае, если мы

1) З – которые вообще-то занимаются (welche sonst nur mit... beschäftigt sind)

2) З – направляют (zu richten)

3) З – видны объекты за отражающей поверхностью (so wie die Objekte hinter der Spiegelfläche gesehen werden)

1) С – тоже вполне необходима (ist gleichwohl unentbehrlich notwendig)

хотим направить рассудок за пределы всякого данного опыта ([составляющего] часть совокупности возможного опыта), следовательно, довести его /до величайшего и самого крайнего[2] расширения.

/Рассматривая[3] все знания нашего рассудка во всем их объеме, мы находим, /что специальной задачей, которую стремится осуществить разум[4], является *систематичность* знания, т. е. связь его на [основании] одного (aus einem) принципа. Это единство разума всегда предполагает идею, именно идею относительно формы целого знания, которое предшествует определенному знанию частей и содержит в себе условия, a priori определяющие для всякой части ее место и отношение к другим частям. Следовательно, эта идея постулирует для знаний рассудка полное единство, благодаря которому эти знания составляют не случайный агрегат, а связанную согласно необходимым законам систему. Эту идею, собственно, нельзя назвать понятием об объекте, она есть понятие о всестороннем единстве этих понятий, поскольку это единство служит правилом для рассудка. Такие понятия разума не почерпаются из природы, наоборот, мы задаем вопросы природе сообразно этим идеям и считаем наше знание **674** недостаточным, пока оно не адекватно им. Мы признаем, что едва ли (schwerlich) можно найти *чистые земли*, *чистую воду*, *чистый воздух* и т. п. Тем не менее понятия о них необходимы (и, следовательно, эти понятия, /поскольку в них мыслится[1] полная чистота, происходят только из разума), чтобы надлежащим образом определить участие каждой из этих естественных причин в явлении. Таким образом, мы сводим все [виды] материи к землям (/это как бы просто тяжести[2]), к солям и горючим сущностям (как силам), наконец, к воде и воздуху /как к посредникам[3] ([это] как бы машины, при помощи которых действуют вышеуказанные (forigen) [вещества]), чтобы объяснить химические действия [видов] материи друг на друга согласно идее механизма. В самом деле, хотя в действительности так не выражаются, тем не менее нетрудно открыть такое влияние разума /на подразделения[4], [устанавливаемые] естествоиспытателями.

Если разум есть способность выводить частное из общего, то общее уже *само по себе достоверно* и дано, и тогда оно требует только *способности суждения* для актов подведения, и частное необходимо определяется посредством его. Такое применение разума я назову аподиктическим. Или же общее принимается только *проблематически* и составляет только идею, а частное име-

2) С – возможно большего и крайнего
З – до максимального и крайнего
(zur größtmöglichen und äußersten)

3) В – Пересмотрев
(Übersehen wir)

4) З – что то, чем разум совершенно особо располагает и что он стремится осуществить
(daß dasjenige, was Vernunft ganz eigenthümlich darüber verfügt und zu Stande zu bringen sucht)

1) З – что касается их
(was... betrifft)

2) З – так сказать, к одной лишь тяжести
(gleichsam die bloße Last)

3) С, З – как средствам (общения)
(als Vehikeln)

4) З – на классификации
(auf die Einteilungen)

ет достоверный характер, но всеобщность правила для этих следствий составляет еще проблему; тогда многие частные случаи, которые все [известны нам как] достоверные, /испытываются в отношении к правилу[5], не вытекают ли они из него; /если из правила, по-видимому[6], **675** вытекают все частные случаи, которые /могут быть даны[1], то отсюда мы умозаключаем ко всеобщности правила, а затем от всеобщности правила ко всем случаям, также и тем, которые сами по себе не даны. Такое применение разума я буду называть гипотетическим.

5) З – проверяются при помощи правила (an der Regel versucht)

6) З – если похоже на то, что из правила (und in diesen Falle, wenn es den Anschein hat, daβ...)

1) З – могут быть указаны (anzugebende)

Гипотетическое применение разума из идей, положенных в основу в качестве проблематических понятий, собственно, не имеет конститутивного характера, /именно оно не устанавливает, строго говоря, истинности всеобщих правил[2], допускаемых в виде гипотезы; в самом деле, как же мы можем знать все возможные следствия, которые, вытекая из одного и того же предположенного основоположения, доказывали бы его всеобщность? Это [применение разума обладает] только регулятивным характером, имея целью вносить, насколько возможно, единство в частные знания и таким образом приближать правила к всеобщности.

2) З – т.е. оно не такое применение, благодаря которому, если хотят судить по всей строгости, следовала бы истинность всеобщих правил (nämlich nicht so beschaffen, daβ dadurch, wenn man nach aller Strenge urteilen will, die Wahrheit der allgemeinen Regel... folge)

Следовательно, гипотетическое применение разума имеет целью систематическое единство знаний рассудка, а это единство служит пробным камнем истинности правил. /Но[3] систематическое единство (только как идея (als bloβe Idee)) есть исключительно лишь проектируемое (proektierte) единство, которое должно рассматриваться не как данное само по себе, а лишь как проблема; однако оно служит для того, чтобы подыскать принцип к многообразному и частному применению рассудка и /таким образом привести его также к случаям, которые не даны[4], и сделать его связным.

3) С – наоборот (Umgekehrt)

4) С – руководить этим применением во всех случаях, которые нам не даны (diesen dadurch auch über die Fälle, die nicht gegeben sind, zu leiten)

676 Отсюда видно лишь, что систематическое или /рациональное единство[1] многообразных знаний рассудка есть логический принцип, имеющий целью помочь рассудку (fortzuhelfen) посредством идей там, где он один не может установить правил, и вместе с тем привести различные правила его, насколько возможно, к согласию (систематическому) под одним принципом /и[2] к связности. [Что же касается вопроса,] не предназначены ли свойства предмета или природа рассудка, познающего их, как таковые, сами по себе к систематическому единству и нельзя ли в известной мере постулировать это единство a priori также без отношения к такому интересу разума, т. е. сказать, что все возможные познания рассудка (/между

1) З – достигаемое разумом единство (Vernunfteinheit)

2) З – и тем самым (und dadurch)

прочим[3] и эмпирические) обладают рациональным единством и подчинены общим принципам, из которых они могут быть выведены, несмотря на все свои различия, – это [утверждение] было бы трансцендентальным основоположением разума и устанавливало бы не только субъективную и логическую необходимость систематического единства как метода, но и объективную необходимость его.

3) С, З – в том числе (darunter)

Мы поясним это одним из случаев применения разума. К различным видам единства согласно понятию (nach Begriffen) рассудка принадлежит также единство причинности субстанции, называемой силой. Различные /обнаружения[4] одной и той же субстанции /заключают[5] [в себе] на первый взгляд так много разнородного, что сначала приходится допускать почти столько же сил, сколько обнаруживается **677** действий, как, напр., в человеческой душе ощущение, сознание, воображение, воспоминание, остроумие, способность различения, /наслаждение, страсть[1] и т. д. Логическая максима предписывает прежде всего по возможности ограничить это кажущееся разнообразие, открывая путем сравнения скрытое тождество и исследуя, не есть ли воображение в связи с сознанием – воспоминание, остроумие, способность различения и даже, может быть, рассудок и разум. Идея основной силы, о существовании которой логика, однако, не дает никаких сведений, является по крайней мере проблемой систематического представления о многообразии сил. Логический принцип разума требует, насколько возможно, осуществлять это единство, и чем более явления одной и другой силы оказываются тождественными между собой, тем вероятнее становится, что они суть лишь различные обнаружения одной и той же силы, которая (/относительно[2]) может называться их основной силой. Точно так же поступают и с другими [явлениями].

4) С, З – явления (Erscheinungen)
5) З – показывают (zeigen)

1) С, З – удовольствие, желание (Lust, Begierde)

2) сравнительно (komparativ)

/Относительно[3] основные силы должны в свою очередь сравниваться между собой, чтобы, открыв таким путем согласие между ними, можно было /подвести их под[4] одну-единственную радикальную, т. е. абсолютную, основную силу. Но это рациональное единство имеет только гипотетический характер. [При этом вовсе] не утверждается, что такая сила действительно должна существовать, но высказывается, что мы должны искать ее /в интересах[5] разума, именно с целью установления известных принципов для различных **678** правил, которые могут быть даны опытом, и, таким образом, где возможно, вносить систематическое единство в знание.

3) С, З – Эти сравнительно (Die komparativen)

4) С, В – приблизиться к... (nahe zu bringen)

5) З – для (zu Gunsten)

Но если обратить внимание на трансцендентальное применение рассудка, то оказывается, что эта идея основной силы вообще предназначается не только для гипотетического применения как проблема, но и /выдает себя за объективно реальную[1)], вследствие чего постулируется систематическое единство различных сил в субстанции и устанавливается аподиктический принцип разума. В самом деле, не /засвидетельствовав[2)] еще согласия между различными силами и даже потерпев неудачу во всех попытках /открыть ее[3)], мы все же предполагаем, что /она будет найдена[4)], и это не только ввиду единства субстанции, как в приведенном случае, а и там даже, где налицо имеется много субстанций, правда, однородных в известной степени, как, [напр.,]в материи вообще разум предполагает систематическое единство различных сил, так как частные законы природы подчинены более общим законам, и бережливость (Ersparung) на принципы становится не только экономическим основоположением разума, но и внутренним законом природы.

1) З – претендует на объективную реальность (objektive Realität vorgebe)

2) З – проверив (versucht haben)

3) С – открыть такое сходство
З – выявить его
(sie [die Einhelligkeit] zu entdecken)

4) С – оно должно быть
З – оно имеется
(es werde eine solche anzutreffen sein)

И в самом деле, нельзя усмотреть, каким образом логический принцип рационального единства правил мог бы существовать, если бы не предполагался трансцендентальный принцип, благодаря которому такое систематическое единство предполагается a priori и необходимо как присущее самим **679** объектам. Действительно, по какому же праву разум в логическом применении мог бы требовать, чтобы многообразие сил, данных нашему знанию природой, рассматривалось только как скрытое единство и по возможности выводилось из какой-нибудь основной силы, если бы разум был свободен утверждать, что в такой же степени возможно, чтобы все силы были разнородны и чтобы систематическое единство их вывода не было адекватно природе? В самом деле, в таком случае он действовал бы прямо против своего назначения, ставя себе целью идею, которая совершенно противоречила бы строю природы (Natureinrichtung). Нельзя также утверждать, что он выводит заранее из случайных свойств природы это единство согласно принципам разума. В самом деле, закон разума, требующий искать этого единства, необходим, потому что без него мы не имели бы никакого связного применения рассудка /и, следовательно[1)], никакого достаточного признака эмпирической истинности; ввиду последнего [соображения] мы должны, следовательно, предполагать систематическое единство природы /как[2)] необходимое и имеющее объективное значение.

1) З – а без этого применения (und in dessen Ermangelung)

2) С – как совершенно
З – непременно как
(durchaus als)

Это трансцендентальное предположение мы находим также /замечательным образом[3] в скрытой форме в основоположениях философов, хотя они не всегда замечают (erkannt) это или сами себе не признаются в этом. Что все многообразие единичных вещей не исключает тождества в и д а (Art), что различные **680** виды должны рассматриваться лишь как различные определения немногих р о д о в (Gattungen), а эти в свою очередь как определения еще более высоких к л а с с о в (Geschlechtern), что, следовательно, дóлжно искать известного систематического единства всех возможных эмпирических понятий, поскольку они могут быть выведены из более высоких и более общих понятий, – таково школьное /правило[1], без которого не было бы никакого применения разума, потому что мы можем умозаключать от общего к частному лишь постольку, поскольку в основу полагаются общие свойства вещей, которым подчинены частные свойства.

3) С, З – удивительным образом (auf eine bewundernswürdige Weise)

1) С – правило или логический принцип (Schulregel oder logisches Prinzip)

/Существование такого согласия также и в природе предполагается как известное школьным правилом философов[2], что не следует без нужды умножать число начал, ([т. е.] принципов) (entia praeter necessitatem non esse multiplicanda). Этим высказывается, что сама природа вещей дает материал для рационального единства и что кажущиеся бесконечные различия не должны удерживать нас от предположения, что под ними кроется единство основных свойств, из которого многообразие может быть выведено /просто путем ряда определений[3]. Хотя это единство есть только идея, за ним всегда гонятся так ревностно, /что есть более оснований сдерживать эту страсть, чем поощрять ее[4]. Химики (Scheidekünstler) сделали значительный шаг вперед уже тогда, когда свели все соли к двум главным видам – к кислым и щелочным солям, но они пытаются рассматривать и эти различия только как разновидности или различные **681** обнаружения одного и того же основного вещества. Различные виды земель (von Erden) (вещество камней и даже металлов) химики постепенно пытались свести к трем и, наконец, к двум веществам; однако не довольствуясь этим, они не могут отказаться от предположения (des Gedankens), что за этими разновидностями [скрывается] /всего лишь один вид[1] и даже что существует один общий принцип для земель и солей. Можно было бы, пожалуй, думать, что это только экономический прием разума, имеющий целью, насколько возможно, сберечь труд, и гипотетическая попытка, которая, в случае удачи, придает именно вследствие этого единства /[характер] вероятности[2] предложенному основанию объяснения. Од-

2) С – Но в известном школьном правиле философы предполагают, что и в природе существует точно такое же соответствие (Daβ aber auch in der Natur eine solche Einhelligkeit angetroffen werde, setzen die Philosophen in der bekannten Schulregel voraus)

3) С – путем дальнейшего определения
З – лишь при помощи многих определений (nur durch mehrere Bestimmung)

4) С – что, прежде чем была найдена причина этого, желание найти такое единство надо было скорее сдерживать, чем подгонять (daβ man eher Ursache gefunden, die Begierde nach ihr zu mäβigen, als sie aufzumuntern)

1) С – одну породу (eine einzige Gattung)

2) З – правдоподобие (Wahrscheinlichkeit)

нако такую эгоистическую (selbstsüchtige) цель легко отличить от идеи, согласно которой всякий предполагает, что это разумное единство соответствует самой природе и что разум здесь не нищенствует (nicht bettele), а повелевает, хотя и не может определить границ этого единства.

Если бы среди явлений, представляющихся нам, существовали столь большие различия, /не по форме[3] (так как с этой стороны они могут быть сходными друг с другом), а со стороны содержания, т. е. многообразия обладающих бытием (existierender) существ, что даже /самый острый[4] человеческий рассудок не мог бы найти путем сравнения их ни малейшего сходства между ними (случай, который, конечно, мыслим), то логический закон родов вовсе **682** не мог бы существовать, [мало того], тогда не было бы самого понятия рода или /каких бы то ни было общих понятий[1], не было бы даже рассудка, так как он имеет дело только с такими понятиями. Следовательно, логический принцип родов, если он должен быть применен к природе (под которой я разумею здесь только предметы, которые даются нам), предполагает трансцендентальный принцип, согласно которому в многообразии возможного опыта необходимо предполагается однородность (хотя степень ее мы не можем определить a priori), так как без нее не было бы возможно никакое эмпирическое понятие, следовательно, никакой опыт.

Логическому принципу родов, постулирующему тождество, противоположен другой принцип, именно принцип в и д о в , /который требует[2] многообразия и различий между вещами, несмотря /на подчинение их[3] одному и тому же роду, и предписывает рассудку обратить внимание /на эти различия не менее, чем на те сходства[4]. Это основоположение (зоркости (Scharfsinnigkeit) или способности различения) ограничивает легкомыслие первой [способности] (остроумия (des Witzes)), и разум обнаруживает здесь двойственный, противоречивый интерес, с одной стороны, интерес /к о б ъ е м у (к общности)[5] в отношении родов, а с другой стороны, интерес к /с о д е р ж а н и ю (к определенности)[6] в отношении многообразия видов, так как рассудок в первом случае мыслит многое п о д своими понятиями, а во втором случае /он мыслит многое в с а м и х понятиях[7]. Это **683** сказывается в весьма различных направлениях мышления естествоиспытателей, из которых одни (преимущественно склонные к умозрению) как бы враждебно относятся к разнородности и всегда ищут единства рода, а другие (преимущественно эмпирические умы) постоянно

3) С – я хочу сказать, не по форме
(ich will nicht sagen der Form)

4) З – самый проницательный
(allerschärfste)

1) З – какого-то общего понятия, более того
(irgendein allgemeiner Begriff, ja sogar)

2) З – для которого требуется
(welches... bedarf)

3) С – на совпадение их в...
З – на принадлежность
(unerachtet ihre Übereinstimmung)

4) С – на виды, как и на роды
З – на различия не меньше, чем на согласия
(auf diese nicht weniger, als auf jene)

5) С – объема (всеобщности)
(des Umfanges (der Allgemeinheit))

6) С – содержания (определенности)
(des Inhalts (der Bestimmtheit)

7) С – зато тем больше мыслит в них
З – многое в этих понятиях
(aber desto mehr in denselben denkt)

стремятся разложить (zu spalten) природу на столько разновидностей, что почти теряешь надежду оценить ее явления сообразно общим принципам.

В основании последнего направления мышления (Denkungsart), очевидно, также лежит логический принцип, имеющий в виду систематическую полноту всех знаний, причем я, начиная с рода, нисхожу к многообразию, которое может содержаться под ним, и таким образом стараюсь придать системе широту, подобно тому, как в первом случае, восходя к роду, я стараюсь придать ей простоту (Einfalt). В самом деле, подобно тому как из пространства, занимаемого материей, не видно, насколько далеко она делима, точно так же из объема понятия, обозначающего род, не видно, насколько далеко может идти деление его. Поэтому всякий р о д требует различных в и д о в , а виды – различных п о д в и д о в ; а так как и последние всегда в свою очередь имеют объем (объем как conceptus communis), то разум /при широком применении[1] его требует, чтобы ни один вид не рассматривался сам по себе как самый низший, потому что, будучи все еще понятием, которое содержит в себе только то, что обще различным вещам, /он не определяет вещь всесторонне[2], **684** следовательно, не может быть отнесен прямо к индивидууму и, значит, всегда должен содержать под собой другие понятия, т. е. подвиды. Этот закон спецификации можно было бы выразить следующим образом: entium varietates non temere esse minuendas.

1) С – во всей его широте
З – при своем расширении
(in ihrer ganzen Erweiterung)
2) С – т.е. определено не всесторонне
З – оно [понятие] не определено целиком
(dieser nicht durchgängig bestimmt)

Очевидно, и этот логический закон не имел бы смысла и применения, если бы в основе не лежал трансцендентальный з а к о н с п е ц и ф и к а ц и и . Этот закон, конечно, не требует от вещей, которые могут быть предметами для нас, действительной б е с к о н е ч н о с т и в отношении различий, так как логический принцип, утверждающий только н е о п р е д е л е н н о с т ь логического объема в отношении возможных подразделений, не дает никакого повода к этому; но тем не менее он возлагает на рассудок обязанность искать для всякого встречающегося нам вида подвидов и для всякого различия более мелких различий. Действительно, если бы не было низших понятий, то не было бы и высших понятий. Но рассудок все познает исключительно посредством понятий; следовательно, сколько бы он ни производил подразделений, он никогда не может познавать просто посредством наглядных представлений, а всегда посредством низших понятий. Познание явлений в их всестороннем определении (возможное только посредством рассудка) требует безостановочно продол-

жающейся спецификации их понятий и перехода к все еще остающимся различиям, от которых видовое понятие и тем более родовое понятие отвлекаются.

685 Этот закон спецификаций не может быть также заимствован из опыта, так как опыт не может открывать столь далеких горизонтов (Eröffnungen). Эмпирическая спецификация скоро прекращает [процесс] различения многообразия, если не руководствуется трансцендентальным законом спецификации, который, предшествуя ей как принцип разума, заставляет искать различий и предполагает их даже и в том случае, если они не открываются чувствам. Чтобы открыть, что поглощающие (absorbierende) земли бывают различных видов (известковые и солянокислые (Kalk- und muriatische Erden)), нужно было предварительно иметь правило разума, которое ставит рассудку задачу искать различий, предполагая природу настолько богатой, что следует /предвидеть[1] их. В самом деле, /рассудок возможен[2], [с одной стороны,] лишь при предположении различий в природе, [а с другой стороны,] под условием, что объекты ее /сами по себе отличаются однородностью[3], так как именно многообразие того, что /может быть соединено[4] под одним понятием, /является источником применения понятия и дает занятие рассудку[5].

Итак, разум подготовляет рассудку его область: 1) посредством принципа однородности многообразия как подчиненного высшим родам; 2) посредством основоположения разнообразия (Varietät) однородного, /[распадающегося] на низшие виды[6]; а для завершения систематического единства он присоединяет 3) еще закон сродства (Affinität) всех понятий, требующий непрерывности перехода от всякого **686** вида ко всякому другому виду путем постепенного нарастания различий. Эти принципы мы можем назвать принципами однородности, спецификации и непрерывности форм. Последний принцип возникает вследствие соединения двух первых принципов, после того как систематическая связь завершается в идее как путем восхождения к высшим родам, так и путем нисхождения к низшим родам; в самом деле, при этом все многообразия оказываются родственными друг другу, так как все они происходят /путем всевозможных ступеней расширения определений одного-единственного высшего рода[1].

Подчиненное этим трем логическим принципам систематическое единство можно следующим образом выразить в чувственной [форме]. Всякое понятие можно рассматривать как точку, которая, как точка

1) З – ожидать (zu vermuten)

2) С – мы имеем рассудок З – мы что-то понимаем (wir haben... Verstand)

3) С – имеют в себе однородность (Gleichartigkeit an sich haben)

4) З – может быть охвачено (zusammengefaβt werden kann)

5) З – составляет применение этого понятия и занятие рассудка (den Gebrauch dieses Begriffs und die Beschäftigung des Verstandes ausmacht)

6) З – в рамках низших видов (unter niederen Arten)

1) З – от одного высшего рода через все ступени расширенного определения (durch alle Grade der erweiterten Bestimmung von einer einzigen, obersten Gattung)

зрения наблюдателя, имеет свой горизонт, охватывающий группу (eine Menge) вещей, которые могут быть представлены и как бы окинуты взглядом из этой точки. Внутри этого горизонта может быть указано /бесчисленное множество точек[2], из которых каждая в свою очередь имеет свой более узкий кругозор; иными словами, всякий вид содержит в себе подвиды, согласно принципу спецификации, и логический горизонт состоит всегда из меньших горизонтов (подвидов), а не из точек, не имеющих никакого объема (не из индивидуумов). Но для всех этих горизонтов, т. е. родов, определяемых столькими же понятиями, можно представить себе общий горизонт, из которого, **687** как из средоточия, все они охватываются одним взглядом, и этот горизонт есть более высокий род, а самый высокий род в конце концов есть общий и истинный горизонт, определяемый с точки зрения самого высокого понятия и охватывающий под собой все многообразие как роды, виды и подвиды.

К этой высшей точке зрения меня ведет закон однородности, а ко всем низшим точкам зрения и величайшему разнообразию их – закон спецификации. Но так как ввиду этого во всем объеме всех возможных понятий нет никакой пустоты, а вне этого объема нет ничего, то из предположения обрисованного выше всеобщего кругозора и всестороннего подразделения его вытекает следующее основоположение: non datur vacuum formarum, иными словами, не бывает таких различных первоначальных и первых родов, которые были бы как бы изолированы и отделены друг от друга (пустым промежутком), но все [мыслимые] роды суть лишь отделы одного-единственного высшего и общего рода; а из этого основоположения непосредственно вытекает следствие: datur continuum formarum, т. е. все различия между видами граничат друг с другом и допускают переход друг к другу не путем скачков, а через все меньшие степени различия, посредством которых можно дойти от одного вида к другому; иными словами, нет видов или подвидов, которые были бы ближайшими друг к другу (в понятии разума), но всегда между ними возможен промежуточный вид, отличающийся от **688** первого и второго вида менее, чем они отличаются друг от друга.

Следовательно, первый закон /оберегает нас, чтобы мы не заблудились в[1] многообразии различных первоначальных родов, и /обращает наше внимание на[2] однородность; а второй закон, наоборот, ограничивает эту склонность к однородности и заставляет нас различать подвиды раньше, чем мы обратимся со

2) С – бесконечное количество других точек
(eine Menge von Punkten ins Unendliche)

1) С – предостерегает нас от излишества
З – предотвращает чрезмерное увлечение
(verhütet die Ausschweifung in die...)
2) С, З – рекомендует
(empfiehlt)

своим общим понятием к индивидуумам. Третий закон соединяет оба первых закона, так как наряду с высшим многообразием он тем не менее предписывает однородность в форме постепенного перехода от одного вида (Spezies) к другим, вследствие чего обнаруживается сродство между различными ветвями, поскольку все они вместе выросли из одного ствола.

Но этим логическим законом continui specierum (formarum logicarum) предполагается трансцендентальный закон (lex continui in natura), без которого применение рассудка вводилось бы только в заблуждение перечисленными выше предписаниями, так как оно, быть может, получило бы направление, прямо противоположное природе. Следовательно, этот закон должен опираться на чистые трансцендентальные, а не на эмпирические основания. Действительно, в последнем случае он был бы установлен позже, чем системы [знания], между тем как на самом деле систематичность /естествознания[3] впервые создана этим законом. За этими законами не скрывается также намерение /сделать лишь испытание, рассматривая их как[4] простые попытки, хотя, конечно, /всякое открытие такой связи [в природе][5] дает **689** серьезный повод (einen mächtigen Grund) считать гипотетически вымышленное единство обоснованным, и таким образом /отсюда эти законы извлекают пользу[1]; однако из них ясно видно, что /ограниченность числа[2] основных причин, многообразие действий и происходящее отсюда (daher rührende) сродство [между] звеньями природы сами по себе рассматриваются ими как разумные и соответствующие природе; следовательно, эти основоположения /заключают свое оправдание в себе непосредственно, а[3] не только как методические приемы (Handgriffe der Methode).

Однако ясно, что эта непрерывность форм есть только идея и в опыте вовсе нельзя указать предмета, соответствующего ей: /в самом деле, в о - п е р в ы х [4], в действительности виды в природе /обособлены[5] [друг от друга] и потому сами по себе должны образовать quantum discretum, а если бы постепенный переход их сродства был непрерывным, то между двумя данными видами существовало бы действительно бесконечное число промежуточных звеньев, что невозможно; /а в о - в т о р ы х [6], этот закон не указывает никакого признака сродства, определяющего, /где и как далеко мы должны искать степеней различия[7], но заключает в себе только общее указание на то, /что мы должны искать их[8], так что мы не можем дать этому закону никакого определенного эмпирического применения.

3) С – в познании природы
(der Naturerkenntnis)
4) З – производить проверку, предпринимаемую как
(auf eine mit ihnen... anzustellende Probe)
5) З – такая связь там, где она имеется
(dieser Zusammenhang, wo er zutrifft)

1) С – и в этом отношении эти законы приносят свою пользу
З – эти законы полезны также и в этом отношении
(und sie also auch in dieser Absicht ihren Nutzen haben)
2) С – бережливость на
З – экономность числа
(die Sparsamkeit)
3) С – заслуживают рекомендации и прямо, а...
З – значимы сами по себе
(direkt... ihre Empfehlung bei sich führen)
4) С, З – не только потому, что
(nicht allein um deswillen, weil)
5) С – делятся
(abgeteilt sind)
6) С, З – но (также) и потому, что
(sondern auch, weil)
7) С – чтобы искать по нему и узнать, как далеко мы можем искать последовательность степеней в их различии
(nach welchem und wie weit wir die Gradfolge ihrer Verschiedenheit zu suchen)
8) С – что мы должны искать эту последовательность степеней
(daß wir sie [die Gradfolge] zu suchen haben)

690 Если мы /расположим теперь эти принципы систематического единства в порядке их[1] применения в опыте, то они должны образовать следующий ряд: многообразие, сродство и единство, /причем каждое из этих [понятий], как идея[2)], берется в самой высокой степени своей полноты. Разум предполагает знания рассудка, применяемые прежде всего к опыту, и ищет в них единства (ihre Einheit) согласно идеям, идущего гораздо дальше того, что может доставить (reichen) опыт. Сродство многообразия, подчиненного, несмотря на свои различия, принципу единства, касается /не только вещей, но еще более их[3)] свойств и сил. Поэтому, напр., если движение планет дано нам на основании (еще не вполне подтвержденного) опыта как круговое и мы находим в нем различия, то мы предполагаем эти различия в том, что может, изменяя круг на основании постоянного закона, привести его через /все бесконечное множество промежуточных звеньев[4)] к одной из этих отклоняющих /форм[5)], т. е. мы предполагаем, что движения планет, не образующие круга, должны более или менее приближаться к свойствам круга и образуют эллипс. Кометы обнаруживают еще большие различия в своих /путях[6)], так как они (насколько простирается наблюдение) даже не возвращаются назад по круговым линиям (im Kreise), однако мы приписываем им параболический путь (Lauf), который все же родствен эллипсу, и если длинная ось эллипса очень растянута, то во всех наших **691** наблюдениях эллиптический путь не может быть отличен от параболического. Таким образом, под руководством вышеупомянутых принципов мы приходим к единству рода этих путей по форме, а отсюда также и к единству причины всех законов их движений (к тяготению); затем, исходя отсюда, мы расширяем свои завоевания и стараемся объяснить также все разновидности и кажущиеся отклонения от этих правил из того же самого принципа, наконец, присоединяем даже больше, чем какой-либо опыт может /дать[1)], именно, согласно этим правилам сродства, мыслим для комет даже гиперболические пути, двигаясь по которым эти тела совершенно покидают нашу Солнечную систему и, переходя от солнца к солнцу, объединяют своим движением самые отдаленные части мировой системы, безграничной для нас, но связанной одной и той же движущей силой.

В этих принципах замечательно и /единственно интересно для нас то[2)], что они кажутся трансцендентальными и, хотя они содержат в себе /только руководящие эмпирическим применением разума идеи[3)],

1) С – представим указанные принципы в их порядке, чтобы поставить их в соответствие с З – расположим теперь указанные принципы систематического единства по порядку, соответственно их (die jetzt angeführten Prinzipien ihrer Ordnung nach versetzen, um sie dem Erfahrungsgebrauch gemäß zu stellen)

2) С – Каждый из них, но как идея (jede derselben, aber als Idee) (A[2] – als Ideen)

3) С – не столько вещей, сколько (nicht bloß die Dinge, sondern weit mehr noch die bloßen)

4) С – все бесконечные промежуточные степени (alle unendliche Zwischengrade)

5) З – орбит (Umläufe)

6) С, З – орбитах (Bahnen)

1) С, З – подтвердить (bestätigen)

2) С – и что нас только в них и занимает, так это то (uns auch allein beschäftigt, ist dieses)

3) З – только идеи для следования эмпирическому применению (bloße Ideen zur Befolgung des empirischen Gebrauchs)

за которыми эмпирическое применение разума может следовать только как бы асимптотически, т. е. только приближаясь к ним, но никогда не достигая их, тем не менее они обладают, как априорные синтетические положения, объективным, хотя и неопределенным, значением, служат правилом возможного опыта и действительно удачно применяются при обработке опыта как эвристического основоположения; однако трансцендентальная дедукция их **692** не может быть произведена, так как она вообще невозможна в отношении идей, как это доказано выше.

Среди основоположений рассудка мы отличили в трансцендентальной аналитике динамические основоположения как регулятивные только принципы наглядного представления от математических основоположений, которые конститутивны в отношении к наглядным представлениям. Тем не менее эти динамические законы, конечно, конститутивны в отношении к опыту, так как они делают a priori возможными понятия, без которых не осуществляется никакой опыт (keine Erfahrung stattfindet). Принципы же чистого разума не могут быть конститутивными даже и в отношении к эмпирическим понятиям, потому что для них не может быть дана соответствующая схема чувственности и, следовательно, они не могут иметь предмета in concreto. Но если я отказываюсь от такого эмпирического применения их как конститутивных основоположений, то каким же образом я хочу обеспечить за ними тем не менее регулятивное применение и вместе с тем некоторое объективное значение и /какой смысл может иметь это регулятивное применение?[1)]

Рассудок служит предметом для разума точно так же, как чувственность [служит предметом] для рассудка. Задача разума [состоит в том, чтобы] сделать систематическим единство всех возможных эмпирических актов рассудка, подобно тому как рассудок связывает посредством понятий многообразие явлений и подводит его под эмпирические законы. Но акты рассудка без схем чувственности неопределенны; точно так же и единство разума в **693** отношении условий, под которыми рассудок должен систематически связывать свои понятия, а также в отношении степени, до которой он должен устанавливать эту связь, само по себе является неопределенным. Однако хотя для всестороннего систематического единства всех понятий рассудка нельзя найти никакой схемы в наглядном представлении, тем не менее может и должно /существовать нечто аналогичное[1)] такой схеме, и эту

1) С – какой смысл они тогда будут иметь? (was kann derselbe für Bedeutung haben)

1) З – быть дан некий аналог (muß doch ein Analogon... gegeben werden)

роль играет идея максимума [как] подразделения, [так] и объединения знаний рассудка под одним принципом. В самом деле, величайшее и абсолютно законченное можно мыслить в определенной форме, потому что [при этом] устраняются все ограничивающие условия, дающие неопределенное многообразие. Следовательно, идея разума представляет собой [нечто] аналогичное схеме чувственности, но с той разницей, что применение понятий рассудка к схеме разума является, собственно, не знанием о самом предмете (как в случае применения категорий к их чувственным схемам), а только правилом или принципом систематического единства всего применения рассудка. Далее, так как всякое основоположение, предписывающее a priori всестороннее единство применения рассудка, имеет, хотя и косвенно, значение также для предметов опыта, то основоположения чистого разума имеют объективную реальность также и в отношении к предметам, однако не для того, чтобы что-либо определять в них, а только для того, чтобы указать метод, сообразно которому эмпирическое и определенное **694** применение рассудка в опыте может быть всесторонне согласовано само с собой вследствие того, что оно, /насколько возможно[1], приводится в связь с принципом всестороннего единства и выводится из него.

Все субъективные основоположения, происходящие не из свойств объекта, а из интереса разума в отношении к известному возможному совершенству познания /объектов[2], я называю максимами разума. Так, существуют максимы спекулятивного разума, которые основываются исключительно на спекулятивном интересе разума, хотя и могут казаться объективными принципами.

Если чисто регулятивные основоположения рассматриваются как конститутивные, то как объективные принципы они могут противоречить друг другу; если же они рассматриваются только как максимы, то между ними нет никакого настоящего противоречия, а есть только различие интересов разума, /вызывающее различия[3] в способе мышления. На самом же деле у разума есть только один единый интерес, и спор между его максимами сводится только к различию и взаимному ограничению методов, удовлетворяющих этому интересу.

/Поэтому на одного философа может более влиять интерес к многообразию (согласно принципу спецификации), а на другого – интерес к единству[4] (согласно принципу агрегации). Каждый из них воображает, что **695** черпает свое суждение из

1) З – в как можно большей степени
(so viel als möglich)

2) З – этого объекта
(dieses Objekts)

3) С – которое производит это разделение
З – вызывающее расхождение
(welches die Trennung... verursacht)

4) С – Таким образом, для одного мыслителя больше интереса представляет разнообразие (по правилу спецификации), а для другого единство
(Auf solche Weise vermag bei diesem Vernünftler mehr das Interesse der Mannigfaltigkeit (nach dem Prinzip der Spezifikation), bei jenem aber das Interesse der Einheit)

знания объекта, а на самом деле основывает его на большей или меньшей склонности (Anhänglichkeit) к одному из этих основоположений, которые оба опираются не на объективные основания, а только на интерес разума, и потому правильнее называть их максимами, а не принципами. Когда наблюдаешь спор между проницательными людьми из-за характеристики людей, животных, растений или даже /минералов[1], причем одни допускают, напр., существование особых народных характеров, обусловленных происхождением, или резкие наследственные различия между семействами, расами и т. п., а другие, наоборот, настаивают, что природа [всему] /дала[2] совершенно одинаковые задатки и все различия обусловлены только внешними случайностями, то стоит только принять во внимание природу этого объекта (des Gegenstandes), и тотчас же станет понятно, что для обеих сторон она слишком глубоко скрыта, чтобы они могли говорить /на основании знания ее[3]. /Каждая из спорящих партий принимает к сердцу[4] не что иное как одну из сторон двойственного интереса разума, т. е. отличающиеся друг от друга максимы многообразия природы и единства природы, которые, конечно, могут быть примирены, но, если принимаются за объективные знания, являются источником не только споров, а и препятствий, надолго задерживающих истину, пока не будет найдено средство объединить противоположные интересы **696** и таким образом доставить удовлетворение разуму.

1) С – тел минерального царства (der Körper des Mineralreiches)

2) З – дала в этом отношении (in diesem Stücke... gemacht habe)

3) С – из проникновения в природу объекта (aus Einsicht in die Natur des Objekts)

4) С – одна сторона берет к сердцу одно направление, а другая другое и обе горячатся по этому поводу (davon dieser Teil das eine, jener das andere zu Herzen nimmt oder auch affektiert)

Эти [замечания] относятся также и к утверждению или отрицанию (Anfechtung) столь известного, пущенного в ход Л е й б н и ц е м и удачно поддержанного Б о н н е (78) закона непрерывной /п о с л е д о в а т е л ь н о с т и тварей[1], который есть не что иное, как следствие основоположения сродства, опирающегося на интерес разума; в самом деле, наблюдение природы и знание ее устройства не могут /установить[2] [этого закона] в качестве объективного утверждения. Ступени такой лестницы [творения], как они могут быть даны опытом, стоят слишком далеко друг от друга, и /так называемые мелкие различия[3] обыкновенно в самой природе суть столь же глубокие пропасти, что на такие наблюдения вовсе нельзя смотреть (zu rechnen) как на цели природы (в особенности ввиду того, что при огромном многообразии вещей всегда легко найти известные сходства и приближения). Наоборот, метод, заставляющий искать согласно такому принципу порядка в природе, и максима, согласно которой такой порядок рассматривается как обоснованный в природе вообще, хотя и не опре-

1) З – лестницы существ (Stufenleiter der Geschöphe)

2) З – дать повод к установлению (gar nicht... an die Hand geben)

3) С – наши мнимо небольшие различия (unsere vermeintlich kleine Unterschiede)

4) З – где и в какой мере (wo oder wie weit)

делено, /где и насколько далеко [он существует][4], составляют, конечно, правильный (rechtmäßiges) и превосходный регулятивный принцип разума; как регулятивный принцип, он заходит слишком далеко для того, чтобы с ним могли сравняться опыт и наблюдение, однако он ничего не определяет, а только указывает опыту путь к систематическому единству.

697 *О конечной цели (Endabsicht) естественной диалектики человеческого разума*

1) З – заданы (sind... aufgegen)

2) С – чернь умствующих З – толпа умников (der Pöbel der Vernünftler)

3) С – в сокровенные планы (in deren innerste Plane)

Идеи чистого разума сами по себе никогда не могут быть диалектическими, только злоупотребление ими приводит к тому, что из них возникают иллюзии, вводящие в заблуждение; в самом деле, идеи /даны[1] нам природой высшего разума, и этот высший трибунал всех прав и притязаний нашей спекуляции не может сам быть источником (enthalten) первоначальных заблуждений и софизмов (Blendwerke). Следовательно, надо предполагать, что идеи имеют полезное и целесообразное назначение в естественном складе нашего разума. Между тем /толпа софистов[2] кричит обыкновенно о нелепостях и противоречиях, порицая правительство, /глубину планов[3] которого она не способна понять (zu dringen) и благодетельному влиянию которого она обязана самим своим сохранением и даже культурой, дающей ей способность порицать и осуждать правительство.

4) С – а не представлять из себя пустых мысленных вещей (und nicht bloß leere Gedankendinge... vorstellen)

1) С – вполне возможной (durchaus... möglich sein)

Нельзя пользоваться с уверенностью априорным понятием, не произведя трансцендентальной дедукции его. Идеи чистого разума не допускают, правда, такой дедукции, как категории; но если они должны иметь некоторое, хотя бы лишь неопределенное, объективное значение, /а не быть только пустыми фикциями[4] (entia rationis ratiocinantis), **698** то должна быть /возможной[1] дедукция их, хотя бы она и далеко отклонялась от той дедукции, которую можно предпринять в отношении к категориям. Этой [задачей] завершается критическая работа чистого разума, и к решению ее мы приступим теперь.

Существует большое различие между тем, дано ли что-либо моему разуму как п р е д м е т а б с о л ю т н о, или только как п р е д м е т в и д е е. В первом случае мои понятия имеют целью определить предмет, а во втором мы имеем дело в действительности только со схемой, для которой не дан прямо никакой предмет, даже и гипотетически, и которая служит только для того, чтобы представлять нам другие

предметы в их систематическом единстве посредством отношения к этой идее, т. е. косвенным образом. Так, я утверждаю, что понятие высшей интеллигенции есть только идея, т. е. объективная реальность этого понятия должна состоять не в том, что оно прямо относится к предмету (так как в таком смысле мы не могли бы оправдать его объективного значения); оно есть только упорядоченная, согласно условиям высшего единства разума, схема понятия вещи вообще, служащая только для того, чтобы получить величайшее систематическое единство в эмпирическом применении нашего разума, так как мы как бы выводим предмет опыта из воображаемого предмета этой идеи как из основания или причины. Таким образом, говорится, напр., что вещи в мире должны рассматриваться так, **699** как если бы они получали свое существование из высшей интеллигенции. Следовательно, идея есть, собственно, только эвристическое, /а не выражающее [качество предмета][1] понятие; она не показывает, какими свойствами обладает предмет, а указывает, как мы под руководством ее должны искать свойств и связей предметов вообще. Итак, можно показать, что /три[2] трансцендентальные идеи (психологическая, космологическая и теологическая), хотя и не относятся прямо ни к какому соответствующему предмету или (und) определению предмета, тем не менее при допущении такого предмета в идее, приводят все правила эмпирического применения разума к систематическому единству и всегда расширяют опытное знание, никогда не противореча ему, то действовать согласно таким идеям есть необходимая максима разума. В этом и состоит трансцендентальная дедукция всех идей спекулятивного разума не как конститутивных принципов расширения нашего знания на большее [число] предметов, чем может дать опыт, а как регулятивных принципов систематического единства многообразия эмпирического знания вообще, которое таким образом становится в своих собственных границах более /упорядоченным и правильным[3], чем этого можно было бы достигнуть без таких идей посредством одного лишь применения основоположений рассудка.

700 Я (Ich will) поясню это. Следуя этим идеям как принципам, мы должны, во-первых, (в психологии) связывать все явления, акты и восприятия (Empfänglichkeit) нашей души под руководством внутреннего опыта так, как если бы душа была простой субстанцией, которая, обладая тождеством личности, существует устойчиво (по крайней мере во вре-

1) З – а не показывающее (und nicht ostensiver)

2) З – троякого рода (dreierlei)

3) З – разработанным и уточненным (angebaut und berichtigt wird)

мя жизни (im Leben)), между тем как состояния ее, к которым состояния тела относятся лишь как внешние условия, постоянно (kontinuirlich) меняются. Во-вторых, (в космологии) мы должны прослеживать условия как внутренних, так и внешних явлений природы путем такого исследования, которое никогда не может быть нигде законченным, как если бы /оно само по себе было бесконечным и не имело[1] первого или высшего звена; хотя мы не отвергаем вследствие этого вне всех явлений чисто умопостигаемые первые основания их, однако никогда не имеем права вводить их в связь объяснений природы, так как вовсе не знаем их. Наконец, в-третьих, (в отношении теологии) все, что только может принадлежать к связи возможного опыта, должно рассматриваться так, как если бы опыт составлял абсолютное, но везде зависимое и внутри самого чувственного мира всегда обусловленное единство, и тем не менее в то же самое время как если бы совокупность всех явлений (сам чувственный мир) имела вне своего объема одно-единственное высшее и вседостаточное основание, именно как бы самостоятельный, первоначальный творческий разум, в отношении к которому **701** мы направляем все эмпирическое применение нашего разума в его наибольшей широте так, как будто (als ob) сами предметы возникли из этого первообраза всякого разума. Иными словами, мы не выводим внутренние явления души из простой мыслящей субстанции, но мы должны выводить их друг из друга соответственно идее простого существа; мы не выводим мировой порядок и систематическое единство его из высшей интеллигенции, но мы должны заимствовать из идеи /высшей[1] причины правило, сообразно которому следует наилучшим образом применять разум для его собственного удовлетворения при связывании причин и действий в мире.

Далее, ничто не мешает нам принимать эти идеи за объективные и гипостазировать их, за исключением лишь космологической идеи, /которая приводит разум к антиномиям[2], если он хочет /реализовать ее[3] (а психологическая и теологическая идеи не содержат в себе антиномии). В самом деле, противоречий в них нет, и потому каким же образом кто-либо мог бы оспаривать их объективную реальность, /если отрицающие возможность их знают о них так же мало, как и утверждающие возможность их![4] Однако для того, чтобы допускать что-либо, еще недостаточно [не встречать] никаких положительных препятствий; и нам не может быть позволе-

1) С – они сами по себе бесконечны и у них нет
В – сами в себе бесконечны и не имели
(dieselbe an sich unendlich und ohne ein erstes oder oberstes Glied sei)

1) С – мудрейшей
З – премудрой
(höchstweisen)

2) С – где разум натыкается на антиномию
(wo die Vernunft auf eine Antinomie stößt)

3) С – создать такую идею
(wenn sie solch zu Stande bringen will)

4) С – если о них знают одинаково слишком мало, как для того, чтобы отрицать их, так и для того, чтобы утверждать их?
(da er von ihrer Möglichkeit ebensowenig weiß, um sie zu verneinen, als wir, um sie zu bejahen!)

но вводить в качестве действительных и определенных предметов выходящие за пределы всех наших понятий, хотя и противоречащие им, фикции ума, основываясь только на доверии к спекулятивному разуму, **702** стремящемуся завершить свой труд. Следовательно, сами по себе они не должны быть принимаемы, /они должны иметь реальное значение[1] только как схемы (eines Schema) регулятивного принципа систематического единства всех знаний природы, иными словами, они должны быть полагаемы в основу только как нечто аналогичное действительным вещам, а не как действительные вещи сами по себе. Мы освобождаем (heben... auf) предмет идеи от условий, ограничивающих понятия нашего рассудка, /но зато делающих возможным определенное понятие о вещи[2]. Таким образом, /мы представляем нечто такое, что неизвестно нам само по себе[3], но отношение чего к совокупности явлений мы мыслим как аналогичное отношению явлений друг к другу.

1) С – надо признавать их реальность (sollen... ihre Realität... gelten)

2) С – но которые только и делают возможным то, что мы можем иметь определенное понятие о какой-либо вещи (die aber es auch allein möglich machen, daß wir von irgendeinem Dinge einen bestimmten Begriff haben können)

3) С – мы мыслим себе нечто, о чем мы не имеем никакого понятия, что это такое в себе (denken wir uns ein Etwas, wovon wir, was es an sich selbst sei, gar keinen Begriff haben)

Таким образом, допуская подобные идеальные сущности, мы, собственно, не расширяем нашего знания за пределы объектов возможного опыта, а только расширяем эмпирическое единство опыта посредством систематического единства, для которого идея дает нам схему, имеющую, следовательно, значение не как конститутивный, а как регулятивный принцип. В самом деле, из того, что мы полагаем соответствующую идее вещь, нечто или действительную сущность, вовсе еще не следует, будто мы хотим расширить наше знание о вещах посредством /трансцендентных[4] понятий; эта сущность полагается в основу только в идее, а не сама по себе, следовательно, только для выражения систематического единства, **703** которое должно служить нам руководством в эмпирическом применении разума, вовсе не решая вопроса, каково основание этого единства или внутреннее свойство такого существа, /причиняющего это единство[1].

4) С, З, В, Г – трансцендентальных (transzendenten) (A^4, A^5 – transzendentalen)

1) С – на котором это единство основывается, как на причине (auf welchem als Ursache sie beruhe)

Таким образом, трансцендентальное и единственно определенное понятие, даваемое нам о Боге чисто спекулятивным разумом, имеет деистический характер в точнейшем смысле слова: иными словами, разум не утверждает даже объективного значения такого понятия, он только дает идею чего-то, на чем основывается высшее и необходимое единство всей эмпирической реальности и что мы можем мыслить не иначе как по аналогии с действительной субстанцией /в виде сообразной с законами разума[2] причины всех вещей, если мы хотим мыслить эту причину как особый предмет /и не предпочитаем отказаться от завер-

2) С – которая по законам разума есть
З – от которой как от причины зависит это единство
(welche nach Vernunftgesetzen... sei)

шения всех условий мышления как недоступного человеческому рассудку, и удовлетвориться только идеей регулятивного принципа разума[3], что, однако, не согласуется со стремлением к совершенному систематическому единству наших знаний, которому разум по крайней мере не полагает никаких границ.

/Поэтому, если[4] я допускаю божественное существо, я, правда, не имею никакого понятия ни о внутренней возможности его высшего совершенства, ни о необходимости его существования, но все же я могу удовлетворительно ответить **704** на все вопросы, касающиеся случайного [бытия], и могу доставить разуму величайшее удовлетворение в отношении искомого высшего единства в его эмпирическом применении, однако не в отношении самого этого предположения; из этого видно, что не знания, а спекулятивный интерес разума дает ему право исходить из столь далеко выходящего за его сферу пункта, чтобы рассматривать из него свои объекты (Gegenstände) в виде законченного целого.

Здесь обнаруживается различие в способе мышления при одном и том же предположении, очень (ziemlich) тонкое, но чрезвычайно важное в трансцендентальной философии. Я могу иметь достаточное основание допускать что-либо относительно (suppositio relativa), не имея, однако, права делать свое допущение безусловно (suppositio absoluta). Это различение /мы имеем в виду[1], если речь идет только о регулятивном принципе, необходимость которого, правда, сама по себе познается нами, но источник которого неизвестен нам, и мы допускаем высшее основание его только с целью тем определеннее мыслить всеобщность принципа, как, напр., если я мыслю как существующую /вещь[2], соответствующую только идее, и притом трансцендентальной [идее]. В самом деле, существование такой вещи я никогда не могу допускать само по себе, так как для этого недостаточны понятия, посредством которых **705** я могу /мыслить предмет[1] определенным, и условия объективного значения моих понятий исключаются самой идеей. Понятия реальности, субстанции, причинности, даже понятия необходимости существования, если взять их вне того применения, при котором они делают возможным эмпирическое знание предмета, не имеют /значения[2], которое определяло бы какой бы то ни было объект. Следовательно, они могут быть применены, правда, для объяснения возможности вещей в чувственном мире, но не для объяснения возможности с а м о г о м и р о в о г о ц е л о г о, так как это основание объяснения должно было бы находиться

3) З – и не желаем пренебречь завершением всех условий мышления как чрезмерным для человеческого рассудка, а удовлетворяемся только идеей регулятивного принципа разума (und nicht lieber, mit der bloßen Idee des regulativen Prinzips der Vernunft zufrieden, die Vollendung aller Bedingungen des Denkens, als überschwenglich für den menschlichen Verstand bei Seite setzen wollen)

4) С – Поэтому выходит, что, если...
(Daher geschieht's nun, daß, wenn)

1) С, З – оказывается верным
(trifft zu)

2) З – сущность
С – существо
(Wesen)

1) С – мыслить себе какой-либо предмет
(ich mir irgendeinen Gegenstand bestimmt denken kann)

2) В – никакого значения
(gar keine Bedeutung)

вне мира и, следовательно, не есть предмет возможного опыта. Поэтому я могу допускать такое непонятное существо, такой предмет чистой идеи в отношении к чувственному миру, но (obgleich) не сам по себе. Действительно, если в основе наибольшего возможного эмпирического применения моего разума лежит идея (систематически законченного единства, о котором я вскоре буду говорить определеннее), которая сама по себе никогда не может быть выражена в опыте адекватно, хотя для приближения к возможно большей степени эмпирического единства она неизбежно необходима, то я не только имею право, но и принужден реализовать эту идею, т. е. полагать для нее единственный предмет, однако лишь в качестве какого-то нечто вообще, которого самого по себе я не знаю и которому я только как основанию вышеупомянутого систематического единства приписываю в отношении **706** к этому единству свойства, аналогичные понятиям рассудка в эмпирическом применении. Поэтому по аналогии с реальностями в мире, с субстанциями, причинностью и необходимостью я мыслю существо, обладающее всем этим в наиболее совершенной форме, и так как эта идея основывается только на моем разуме, то я могу мыслить это существо как самостоятельный разум, составляющий причину мирового целого посредством идей величайшей гармонии и единства; при этом я оставляю в стороне все ограничивающие идею условия, исключительно с целью сделать возможным под покровительством (unter dem Schutze) такой первоосновы систематическое единство многообразия в мировом целом и вместе с этим возможно большее эмпирическое применение разума, так как я рассматриваю все связи так, как если бы они были /установлены высочайшим[1] разумом, лишь слабую копию которого составляет наш разум. При этом я мыслю это высочайшее существо посредством понятий, которые, собственно, имеют применение только в чувственном мире; но так как своим трансцендентальным допущением я пользуюсь только для относительного применения его, именно как субстратом возможно большего эмпирического единства, то я имею право мыслить существо, отличаемое мной от мира посредством свойств, принадлежащих только чувственному миру. В самом деле, я вовсе не требую и не имею права требовать познания этого предмета моей идеи /самого по себе[2]; действительно, для этого у меня нет никаких понятий **707** и даже понятия реальности, субстанции, причинности и необходимости существования теряют всякий смысл и оказываются /лишь названиями[1] по-

1) З – установлениями некоего высшего (Anordnungen einer höchsten Vernunft wären)

2) З – по тому, чем он может быть сам по себе (nach dem, was er an sich sein mag)

1) С – пустыми титулами (leere Titel)

нятий, лишенными всякого содержания, если я отваживаюсь выйти с ними за пределы чувств. Я мыслю только отношение существа, которое само по себе совершенно неизвестно мне, к величайшему систематическому единству мирового целого исключительно для того, чтобы сделать его схемой регулятивного принципа возможно большего /применения[2] моего разума.

2) С – эмпирического применения (empirischen Gebrauchs)

Если мы обратим теперь внимание на трансцендентальный предмет нашей идеи, то мы увидим, что мы не можем считать его *самого по себе* действительным согласно понятиям реальности, субстанции, причинности и т. п., так как эти понятия не имеют никакого применения к тому, что совершенно отличается от чувственного мира. Следовательно, предположение разума о высочайшем существе как высшей причине мыслится только относительно, для систематического единства чувственного мира, и есть лишь какое-то нечто (ein bloßes Etwas) в идее, о котором мы не имеем никакого понятия, что оно представляет собой *само по себе* (was es an sich sei). Отсюда объясняется также, почему мы, /хотя и нуждаемся в отношении к тому, что дано чувствам как существующее в идее первоначального существа, которое отличается *необходимостью* само по себе[3], тем не менее не можем иметь ни малейшего понятия об этом существе и его абсолютной *необходимости*.

3) З – нуждаясь в идее самой по себе необходимой первосущности в отношении к тому, что дано чувствам как существующее (zwar in Beziehung auf das, was existierend den Sinnen gegeben ist, der Idee eines an sich notwendigen Urwesens bedürfen)

Теперь мы можем отчетливо выразить результат всей трансцендентальной диалектики и точно определить **708** конечную цель идей чистого разума, которые только по недоразумению и неосторожности становятся диалектическими. В действительности чистый разум занимается только самим собой и не может иметь никакого иного занятия, так как ему даются не предметы /для объединения [посредством] эмпирических понятий[1], а знания рассудка /для объединения [посредством] понятий разума[2], т. е. /для объединения посредством единого принципа[3]. Единство разума есть единство системы, и это систематическое единство служит разуму не объективно, как основоположение, приложимое (zu verbreiten) к предмету, а субъективно, как максима, приложимая ко всему возможному эмпирическому знанию о предметах. Впрочем, систематическая связь, которую разум может придать эмпирическому применению рассудка, не только содействует расширению этого применения, но и обеспечивает также правильность его; следовательно, принцип такого систематического единства имеет также и объективное [значение], хотя лишь в

1) С – для единства эмпирического понятия (zur Einheit des Erfahrungsbegriffs)

2) С, З – для единства понятий разума (zur Einheit des Vernunftbegriffs)

3) С – для соединения их в одном принципе (des Zusammenhanges in einem Prinzip)

неопределенной форме (principium vagum), не как конститутивный принцип, /определяющий нечто прямо в своем предмете[4], а только как регулятивное основоположение и максима, расширяющая (zu befördern) и укрепляющая до бесконечности (неопределенно [далеко] (Unbestimmte)) эмпирическое применение разума, открывая новые пути, неизвестные рассудку, но в то же время никогда не противореча законам эмпирического применения его.

709 Но разум может мыслить это систематическое единство не иначе, как подкладывая под свою идею предмет (als daβ sie ihrer Idee zugleich einen Gegenstand giebt), который, однако, не может быть дан ни в каком опыте, так как опыт никогда не дает примера завершенного систематического единства. Это существо, созданное разумом (Vernunftwesen) (ens rationis ratiocinatae), есть, правда, только идея и потому допускается не абсолютно и с а м о п о с е б е как нечто действительное, а только проблематически полагается в основу (/так как мы не можем стать на уровень этой идеи с помощью понятий рассудка[1]), чтобы рассматривать всю связь между вещами чувственного мира так, к а к е с л и б ы они имели свое основание в этом существе, [мыслимом] разумом; однако мы делаем это исключительно с целью обосновать на нем систематическое единство, которое для разума необходимо, а для эмпирического знания рассудка во всех отношениях полезно и никоим образом не может быть помехой для него.

Значение этой идеи истолковывается ложно, если ее принимать за утверждение или хотя бы только за допущение действительной вещи, которой приписывалось бы основание систематического строя мира (Weltverfassung); скорее вопрос о том, какими свойствами может обладать само по себе основание ее, ускользающее от наших понятий, остается вовсе не решенным, и эта идея устанавливается только как точка зрения, с которой единственно и исключительно можно распространить это столь существенное для разума и столь полезное (so heilsame) для рассудка единство: **710** /иными словами[1], эта трансцендентальная вещь есть только схема того регулятивного принципа, посредством которого разум, насколько от него зависит, распространяет систематическое единство на весь опыт.

Первым объектом такой идеи служу я сам (bin ich selbst), рассматриваемый только как мыслящая природа (душа). Если я хочу узнать, какими свойствами обладает мыслящее существо само по себе, то я должен обратиться с этим вопросом к опыту, и даже ка-

4) З – для определения чего-то в отношении своего непосредственного предмета (um etwas in Ansehung seines direkten Gegenstandes zu bestimmen)

1) С – ни с какими понятиями рассудка мы не можем дойти до него [существа]
З – так как мы не можем дойти до этой сущности с помощью рассудочных понятий (weil wir es durch keine Verstandesbegriffe erreichen können)

1) С, З – одним словом (mit einem Worte)

тегории я могу применять к этому предмету лишь постольку, поскольку схема их дана в чувственном наглядном представлении. Но таким путем я никогда не прихожу к систематическому единству всех явлений внутреннего чувства. Поэтому вместо эмпирического понятия (о том, что душа представляет собой в действительности), которое не может повести нас далеко, разум берет понятие эмпирического единства всякого мышления и, мысля это единство безусловным и первоначальным, делает из него понятие разума (идею) о простой субстанции, которая, будучи сама по себе неизменной (/тождественной как личность[2]), находится /во взаимодействии[3] с другими действительными /вещами[4]; одним словом, [разум превращает это единство] /в простую[5] самостоятельную интеллигенцию. Но при этом он имеет перед глазами не что иное, как принципы систематического единства в объяснении явлений души, /требующие[6], чтобы все определения рассматривались как находящиеся в одном едином субъекте, чтобы все силы по возможности производились из одной основной силы, чтобы всякая смена относилась к состояниям одного и того же /пребывающего существа[7] и **711** чтобы все я в л е н и я в пространстве представлялись как совершенно отличные от актов м ы ш л е н и я . Простота /субстанций[1] и т. п. должна служить только схемой для этого регулятивного принципа, причем вовсе не предполагается, будто она есть действительное основание свойств души. В самом деле, эти свойства могут исходить (beruhen) также и из совершенно других оснований, вовсе не известных нам; /к тому же, если бы мы и приписали душе прямо эти свойства, все равно посредством их мы не познали бы ее самое по себе[2], так как они составляют только идею, которая вовсе не может быть представлена in concreto. Такая психологическая идея может быть вполне полезной, если только мы будем остерегаться принимать ее за что-либо большее, чем лишь идея, т. е. если мы будем придавать ей значение только в отношении (relativisch auf) систематического применения разума к явлениям (in Ansehung der Erscheinungen) нашей души. В самом деле, в таком случае к объяснению того, что принадлежит только к в н у т р е н н е м у чувству, не примешиваются эмпирические законы телесных явлений, имеющие совершенно иной характер; в таком случае не допускаются легковесные гипотезы о рождении, разрушении и /палингенезии[3] душ и т. п.; следовательно, рассмотрение этого предмета внутреннего чувства ставится в совершенно чистой форме, не смешанной с инородными свойствами, /и исследова-

2) С – лично тождественна
Г – персонально тождественный
(persönlich identisch)

3) С, З – в общении
(in Gemeinschaft)

4) С – вещами вне ее
(Dingen außer ihr)

5) З – создает понятие простой...
([macht... Begriff] von einer einfachen...)

6) С – а именно того,
(nähmlich)

7) С, З – постоянного существа
(сущности)
(beharrlichen Wesen)

1) С, З – субстанции
(der Substanz)

2) С – как мы собственно не можем узнать и души посредством этих, допущенных нами, предикатов, раз мы захотим дать им значение для нее безусловно
(wie wir denn die Seele auch durch diese angenommene Prädikate eigentlich nicht an sich selbst erkennen können, wenn wir sie gleich von ihr schlechthin wollten gelten lassen)

3) С, З – возрождении
(Palingenesie)

ние разума[4] направляется на то, чтобы по возможности свести основания объяснения в этом субъекте к одному-единственному принципу; **712** все это достигается лучше всего и даже единственно и исключительно посредством такой схемы, к а к е с л и б ы этот субъект был единственным существом. Психологическая идея и не может означать ничего иного, кроме схемы регулятивного понятия. Действительно, самый вопрос, не обладает ли душа сама по себе духовной природой, не имеет никакого смысла, так как посредством этого понятия я устраняю не только телесную природу, т. е. все предикаты какого бы то ни было возможного опыта, следовательно, все условия, под которыми соответственно такому понятию мыслится предмет, /между тем только там, где есть условия, мы говорим, что понятие имеет смысл[1].

4) С – Кроме того, исследование разума
(überdem die Vernunftuntersuchung)

1) С – А единственно и исключительно только этот предмет и дает возможность сказать, что понятие имеет смысл
(als welches doch einzig und allein es macht, daß man sagt, er habe einen Sinn)

Вторая регулятивная идея чисто спекулятивного разума есть понятие мира вообще. Действительно, природа, собственно, есть единственный данный объект, в отношении к которому разум нуждается в регулятивных принципах. Она имеет двойственный характер: это есть или мыслящая [природа,] или телесная природа. Чтобы мыслить лишь одну телесную природу в ее внутренней возможности, т. е. определять применение к ней категорий, мы не нуждаемся в идее, т. е. в представлении, выходящем за пределы опыта; к тому же в отношении к телесной природе и невозможна никакая идея, так как мы руководствуемся в ней только чувственным наглядным представлением, а не так, как в психологическом основном понятии (Я), которое содержит в себе известную форму мышления a priori. Следовательно, для чистого разума нам **713** остается только природа вообще и полнота условий в ней, согласно некоторому принципу. Абсолютная полнота рядов этих условий при выведении их членов есть идея, которая, правда, в эмпирическом применении разума никогда не может быть вполне осуществлена, однако все же служит правилом, как мы должны поступать в этом отношении, именно при объяснении данных явлений (в нисходящем и (oder) восходящем [ряду]) [мы должны направляться] так, к а к е с л и б ы ряд сам по себе был бесконечным, т. е. in indefinitum; наоборот, там, где (aber wo) сам разум рассматривается как определяющая причина (в свободе), именно в случае (also bei) практических принципов [мы должны поступать так,] к а к е с л и б ы перед нами находился не объект чувств, а объект чистого рассудка, где условия могут полагаться не в ряду явлений, а вне его, и ряд состояний может рассматриваться так, к а к е с л и б ы он начинался безуслов-

но (посредством умопостигаемой причины). Все это показывает, что космологические идеи суть лишь регулятивные принципы и далеки от того, чтобы полагать как бы конститутивно действительную полноту этих рядов. Остальные [сведения] об этом можно найти на своем месте, в главе об антиномии чистого разума.

Третья идея чистого разума, содержащая в себе только относительное допущение (Supposition) существа, составляющего единую и вседостаточную причину всех космологических рядов, есть понятие разума о Боге. Мы не имеем ни малейшего **714** основания безусловно допускать предмет этой идеи (предполагать его сам по себе (an sich zu supponieren)); в самом деле, /что может уполномочивать нас или хотя бы только давать нам право принимать или утверждать на основании одного лишь понятия существо, обладающее высшим совершенством и абсолютно необходимое по своей природе[1], если бы не было мира, в отношении к которому только и может быть необходимым это допущение; при этом ясно обнаруживается, что идея такого существа, подобно всем спекулятивным идеям, содержит в себе только утверждение, что разум повелевает нам рассматривать все связи в мире согласно принципам систематического единства, т. е. так, как если бы все они возникали из единого всеохватывающего существа как высшей и вседостаточной причины. Отсюда ясно, что разум может иметь при этом целью не что иное, как свое собственное формальное правило при расширении своего эмпирического применения, а вовсе не расширение за все пределы эмпирического применения; следовательно, под этой идеей вовсе не скрывается конститутивный принцип направленного на возможный опыт /применения разума[2].

1) С – что могло бы дать нам возможность или только оправдать нас, раз мы стали бы допускать или утверждать существо высшего совершенства, по своей природе безусловно необходимое, только из его понятия в себе (was kann uns wohl dazu vermögen, oder auch nur berechtigen, ein Wesen von der höhsten Vollkommenheit und als seiner Natur nach schlechthin notwendig aus dessen bloßem Begriffe an sich selbst zu glauben oder zu behaupten)

2) С – ее [идеи] применения (ihres... Gebrauchs)

Высшее формальное единство, основывающееся исключительно на понятиях разума, есть целесообразное единство вещей, и спекулятивный интерес разума необходимо заставляет рассматривать весь строй мира так, как если бы он возникал из намерения высочайшего разума. [В самом деле,] **715** такой принцип открывает нашему разуму в применении к области опыта совершенно новую /задачу[1] – соединять вещи в мире согласно телеологическим законам и таким образом прийти к величайшему (zu der größten) систематическому единству их. Следовательно, предположение высшей интеллигенции как единственной причины мирового целого, хотя, конечно, лишь в идее, всегда может быть по-

1) С – направление
З – перспективу
(Aussichten)

лезным разуму и никогда не может повредить ему. Действительно, если в отношении фигуры Земли (круглой, но несколько сплющенной)*, гор и морей и т. п. мы наперед допускаем только мудрые расчеты (Absichten) Творца, то на этом пути мы можем сделать много открытий. Если мы будем держаться этого предположения только в качестве регулятивного принципа, то даже и ошибка не может повредить нам. В самом деле, из ошибки следовало бы лишь то, что там, где мы ожидали телеологической связи (nexus finalis), оказалась только механическая или физическая связь (nexus effectivus), вследствие чего у нас в **716** таком случае только было бы одним единством меньше, между тем единство разума в его эмпирическом применении не было бы нарушено. /Мало того, такая ошибка[1)] не могла бы вообще затронуть сам закон в его /общем[2)] телеологическом значении. Действительно, если бы какой-либо /анатом[3)] и впал в ошибку, относя к определенной цели какой-либо орган (Gliedmaß) животного тела, относительно которого можно ясно доказать, что он вовсе не вытекает из этой цели, то все же совершенно невозможно доказать /в определенном[4)] данном случае, будто известное произведение природы, какое бы оно ни было, вовсе не имеет никакой цели. Поэтому также и физиология (врачей) расширяет свое весьма ограниченное эмпирическое знание о целях строения органического тела посредством основоположения, данного исключительно чистым разумом, и смело допускает, встречая одобрение всех понимающих [людей], что в животных все [приносит] пользу и имеет цель; это допущение, если понимать его как конститутивное, идет гораздо дальше того, на что уполномочивают нас произведенные до сих пор наблюдения; отсюда видно, что это не более как регулятивный принцип разума, ведущий к высшему систематическому единству посредством идеи целесообразной причинности высшей мировой причины, так, как если бы она в качестве высшей интелли-

1) С – Эта помеха даже... З – Более того, такое препятствие... (Aber sogar dieser Querstrich)

2) С, З – общем и... (in allgemeiner und)

3) С – аналитик (Zerglieder)

4) З – в каком-либо (in einem)

---

* Преимущества, доставляемые шарообразностью Земли, достаточно известны; однако немногие знают, что только ее сплющенность как сфероида препятствует тому, чтобы выступы материков или хотя бы и небольшие, быть может, выдвинутые землетрясением горы постоянно и, быть может, в короткое время значительно /перемещали[2)] ось Земли; /расширение[3)] Земли у экватора представляет собой такую огромную гору, что /размах движения[4)] всякой другой горы не может заметно вывести ее из ее положения в отношении к оси. Тем не менее это мудрое устройство мы без колебаний объясняем из [условий] равновесия земной массы, бывшей прежде жидкой.

2) С – сдвинули бы (verrücken) (A[1] – verrücke)

3) С – приподнятость (die Aufschwellung)

4) С – подъем (der Schwung)

генции, была /источником[5] всего согласно мудрейшему плану.

717 Если же мы /упускаем из виду[1] это ограничение идеи чисто регулятивным применением, то разум различными путями впадает в заблуждения, так как он тогда покидает почву опыта, который, однако, должен содержать в себе вехи для его пути; он отваживается тогда выйти за пределы опыта /в область непонятного и неисследуемого[2] и неизбежно испытывает головокружение на этой высоте, так как /на этой точке зрения[3] он видит себя совершенно отрезанным от всего своего применения, согласно с опытом.

/Если идеей[4] высочайшего существа пользуются не только регулятивно, но и (что противоречит природе идеи) конститутивно, то прежде всего отсюда является ленивый разум (ignava ratio)*. Это название можно дать всякому основоположению, благодаря которому мы рассматриваем свое исследование природы, где бы это ни было, как 718 безусловно завершенное, вследствие чего разум удаляется на покой, как будто он вполне закончил свое дело. Поэтому даже психологическая идея, если она применяется как конститутивный принцип для объяснения явлений нашей души и вслед за тем даже для расширения нашего знания об этом субъекте еще и за пределы всякого опыта (состояние души после смерти), оказывается очень удобной для разума, но зато /расстраивает и губит[1] все применение его к природе под руководством опыта. Так, догматический спиритуалист объясняет остающееся неизменным при всякой смене состояний единство личности (Person) из единства мыслящей субстанции, которую, как ему кажется, он непосредственно воспринимает в Я; интерес /к тому, что будет после нашей смерти[2], он объясняет из сознания нематериальной природы нашего мыслящего субъекта и т. п.; он освобождает себя от всякого естественнонаучного исследования происхождения (der Ursache) этих внутренних явлений из физических /оснований[3] и, как бы /на основании декрета трансцендентного разума[4], проходит мимо имманентных источников познания в опыте с удобством для себя, но /в ущерб знанию[5]. Это неблагоприятное следствие еще более за-

* Древние диалектики так называли следующий софизм (Trugschluβ): если твоя судьба такова, что ты должен излечиться от этой болезни, то это произойдет, все равно, прибегнешь ли ты к помощи врача или нет. По словам Цицерона, это умозаключение получило свое название от того, что если следовать ему, то для разума не остается никакого применения в жизни. По этой именно причине я назвал этим именем софистический аргумент чистого разума.

5) С, З – причин[ой] (Ursache)

1) С – отрешимся от
З – отказываемся от
(gehen... von dieser Restriktion... ab)

2) С – к непостижимому и неизъяснимому
З – непостижимого и недоступного исследованию
(zu dem Unbegreiflichen und Unerforchlichen)

3) З – с этой точки зрения
(aus dem Standpunkte desselben)

4) С, З – Первая ошибка, которая отсюда возникает, та, что идею (из того, что идеей)
(Der erste Fehler, der daraus entspring, daβ man die Idee)

1) С – совершенно портит и уничтожает
З – расстраивает и разрушает все
(ganz verdirbt und zu Grunde richtet)

2) С – какой мы принимаем в вещах, которые должны явиться только после нашей смерти
(was wir an Dingen nehmen, die sich allererst nach unserem Tode zutragen sollen)

3) С – принципов объяснения
(Erklärungsgründen)

4) С – посредством какого-то заклинания трансцендентного разума
З – следуя приказу трансцендентного разума
(durch den Machtspruch einer transzendenten Vernunft)

5) З – в ущерб всякому познанию
(mit Einbuβe aller Einsicht)

метно в случае догматизма /идеи[6] о высшей интеллигенции и ложного обоснования на ней теологической системы природы (физикотеологии). **719** В таком случае всеми целями, обнаруживающимися в природе и нередко только /вымышленными нами[1], мы пользуемся для того, чтобы облегчить (recht bequem machen) себе исследование причин, именно вместо того чтобы искать их в общих законах механизма материи, мы ссылаемся прямо на неисследимые решения высочайшей мудрости и вслед за этим считаем законченным /труд разума[2], освободившись от применения его, находящего себе руководство только там, где его дает нам порядок природы и ряд изменений согласно ее внутренним и всеобщим законам. Этого недостатка можно избежать, если рассматривать с точки зрения целесообразности не только некоторые части природы, как, напр., распределение суши, строение ее, свойства и положение гор или организацию растений и животных, но признать совершенную всеобщность (ganz allgemein machen) этого систематического единства природы в отношении к идее высшей интеллигенции. В самом деле, в таком случае мы полагаем в основу целесообразность согласно всеобщим законам природы, от которых не отклоняется ни одно частное произведение ее, [с той лишь разницей], что эта целесообразность обрисовывается для нас с большей или меньшей отчетливостью; мы имеем [в таком случае] регулятивный принцип систематического единства телеологической связи, которую, однако, мы не определяем наперед (voraus), а только ожидаем ее, прослеживая **720** физико-механическую связь соответственно всеобщим законам. Действительно, только таким образом принцип целесообразного единства может всегда расширять применение разума в отношении к опыту, ни в каком случае не нанося ему ущерба (ohne ihm in irgendeinem Falle Abbruch zu tun).

/Второй порок[1], возникающий из ложного толкования этого принципа систематического единства, есть порок извращенного (verkehrten) разума (perversa ratio, ὕστερον πρότερον rationis). Идея систематического единства как регулятивный принцип должна служить только для того, чтобы искать этого единства в связи вещей согласно общим законам природы и, /насколько оно может быть найдено эмпирическим путем, верить[2], что мы приближаемся к полноте ее применения, хотя, конечно, никогда не достигаем ее вполне. Вместо этого /процесс исследования[3] извращают и начинают с того, что в основу полагают действительность принципа целесообразного единства,

6) С, З – нашей идеи (unserer Idee)

1) С – нами самими созданные (von uns selbst dazu gemachte)

2) З – усилия разума (die Vernunftbemühung)

1) С, З – Вторая ошибка (Der zweite Fehler)

2) С – постольку нечто подобное встречается на эмпирическом пути, постольку верили (soweit sich etwas davon auf dem empirischen Wege antreffen läßt, und soviel auch zu glauben)

3) З – все дело (die Sache)

/гипостазируя [его][4], определяют понятие такой высшей интеллигенции антропоморфически, так как оно само по себе совершенно недоступно исследованию, и затем насильственно и по-диктаторски навязывают природе цели вместо того чтобы искать их путем физического исследования, как это следует делать (wie billig). /При этом телеология[5], которая должна служить исключительно для того, чтобы дополнять единство природы согласно всеобщим законам, на самом деле разрушает его, **721** /и сам разум[1] не достигает своей цели, именно цели доказать этим путем из природы существование такой /интеллигентной высшей причины[2]. В самом деле, если /не предполагать[3] высшую целесообразность в природе a priori, т. е. как принадлежащую к сущности ее, /то как же можно задаваться целью искать ее и по ступеням природы[4] приближаться к высшему совершенству Творца как к безусловно необходимому, т. е. как к a priori познаваемому совершенству? Регулятивный принцип требует, чтобы мы безусловно допускали систематическое единство, которое не только эмпирически познается, но и a priori, хотя и в неопределенной еще [форме], предполагается как е д и н с т в о п р и р о д ы , т. е. (mithin) как вытекающее из сущности вещей. Между тем (aber) если я полагаю наперед (zuvor) в основу высшее упорядочивающее существо, то единство природы в действительности уничтожается. В самом деле, оно является совершенно чуждым и случайным в отношении к природе вещей и не может быть /познано[5] из общих законов ее. Отсюда возникает /ложный круг[6] в доказательствах, так как в них предполагается то, что, собственно, нужно было доказать.

Принимать регулятивный принцип систематического единства природы за конститутивный и гипостазировать как причину то, что только в идее полагается в основу /однообразного[7] применения разума, – это значит только **722** запутывать разум. Естествознание идет своим путем, руководясь исключительно цепью естественных причин согласно общим законам их, правда, соответственно идее Творца, однако не для того, чтобы из нее выводить /везде отыскиваемую им целесообразность[1], а для того, чтобы познать его существование из этой целесообразности, отыскиваемой в сущности вещей природы [и,] по возможности, также в сущности всех вещей вообще, следовательно, чтобы познать [его существование] как безусловно необходимое. /Достижима ли эта [цель] или нет[2], все равно /идея[3] остается правильной, правильным остается также ее применение, если оно ог-

4) С – как ипостась
(als hypostatisch)
(Erdm. – als Ursache hypostatisch)

5) С – не только телеология
(so daβ nicht allein Teleologie)

1) С – но и разум
(sondern die Vernunft... selbst)

2) З – высшей мыслящей причины
(intelligenten obersten Ursache)

3) С – нельзя предполагать
(nicht... voraussetzen kann)

4) С – то каким образом могут показать нам, как надо искать ее и как по ее лестнице можно
З – то как же должно искать ее и по лестнице природы
(wie will man denn angewiesen sein, sie zu suchen und auf der Stufenleiter derselben)

5) З – также познано
(auch... erkannt werden)

6) З – порочный круг
(ein fehlerhafter Zirkel)

7) С – стройного
З – согласованного
(einhelligen)

1) З – целесообразность, за которой оно постоянно следует
(die Zweckmäβigkeit, der sie allerwärts nachgeht)

2) С – Удается ли последнее или нет
(Das letzere mag nun gelingen oder nicht)

3) С – идея всегда
(die Idee immer)

раничивается условиями чисто регулятивного принципа.

Полное целесообразное единство есть совершенство (/безусловное[4]). Если мы не находим его в сущности вещей, составляющих /совокупность предметов[5] опыта, т. е. всего нашего знания, имеющего объективное значение, иными словами, если мы находим его во всеобщих и необходимых законах природы, то каким же образом мы хотим из них умозаключить прямо к идее высшего и безусловно необходимого совершенства первоначального существа, служащего источником всей причинности? Высшее систематическое, следовательно, и целесообразное единство есть школа и даже основа возможности наибольшего применения человеческого разума. Следовательно, идея этого единства неразрывно 723 связана с сущностью нашего разума. Значит, эта идея имеет для нас законодательный характер, и потому вполне естественно допускать соответствующий ей законодательный разум (intellectus arhetypus), из которого следует выводить все систематическое единство природы как из предмета нашего разума.

4) С, З – рассматриваемое безусловно (schlechthin betrachtet)

5) С – весь предмет (den ganzen Gegestand)

По поводу антиномии чистого разума мы сказали, что все вопросы, поднимаемые чистым разумом, безусловно должны допускать ответ и что оправдываться /границами[1], /на которые неизбежно приходится и следует ссылаться во многих вопросах о природе[2], здесь непозволительно, так как здесь вопросы задаются не о природе вещей, а /только о природе разума и исключительно[3] об его внутреннем устройстве. Это на первый взгляд смелое утверждение мы можем теперь установить в отношении двух вопросов, возбуждающих большой (größtes) интерес чистого разума, и таким образом мы можем привести к совершенной законченности свое исследование /диалектики этих вопросов[4].

1) С, З – ограниченностью нашего познания (mit den Schranken unserer Erkenntnis)

2) С – какая [ограниченность], – насколько неизбежно, настолько же и справедливо – допускается для многих вопросов о природе
З – что во многих вопросах о природе столь же неизбежно, сколь и справедливо (die in vielen Naturfragen ebenso unvermeidlich als billig ist)

3) З – их предлагает сама природа разума и касаются они исключительно (sondern allein durch die Natur der Vernunft und lediglich... vorgelegt werden)

4) С, В – его [разума] диалектики
З – диалектики чистого разума (über die Dialektik derselben)

Итак, если нам задают вопрос (в отношении (in Absicht auf) к трансцендентальной теологии)*, 724 во-первых, существует ли что-либо отличное от мира, что содержит в себе основание мирового порядка и его связи по всеобщим законам, то ответ на это получается следующий: без сомнения. Дейст-

* То, что я говорил выше о психологической идее и специальном назначении ее как принципа 724 для чисто регулятивного применения разума, освобождает меня от обязанности подробно объяснять в отдельности трансцендентальную иллюзию, вследствие которой это систематическое единство всего многообразия внутреннего чувства представляется в гипостазированном виде. Метод здесь вполне сходен с тем, которому критика следовала (beobachtet) в отношении теологического идеала.

вительно, мир есть сумма явлений, следовательно, должно существовать трансцендентальное, т. е. мыслимое только для чистого рассудка, основание его. Во-вторых, если мне зададут вопрос, есть ли это существо субстанция, обладающая высшей реальностью, необходимая и т. п., то я отвечу, что этот вопрос не имеет никакого смысла. Действительно, все категории, посредством которых я пытаюсь составить себе понятие о таком предмете, имеют только эмпирическое применение и лишены всякого смысла, если применяются не к объектам возможного опыта, т. е. не к чувственному миру. Вне этой области они суть лишь обозначения для (bloß Titel zu) понятий, которые можно допустить, но посредством которых ничего нельзя понять. Наконец, в-третьих, если нам зададут вопрос, не можем ли мы по крайней мере мыслить это отличное от мира существо по аналогии с предметами опыта, то на это следует ответить: конечно (allerdings), но только как предмет в идее, **725** а не в реальности, именно лишь постольку, поскольку он есть неизвестный для нас субстрат систематического единства, порядка и целесообразности мирового устройства, которые разум должен сделать регулятивным принципом своего исследования природы. Мало того, мы можем, даже без боязни и не навлекая на себя упреков, допустить в этой идее известные формы антропоморфизма, полезные для упомянутого регулятивного принципа. В самом деле, это всегда есть лишь идея, относящаяся не прямо к отличному от мира существу, а к регулятивному принципу систематического единства мира, и притом только посредством схемы его, именно высшей интеллигенции, создавшей это единство по мудрым целям. Этим путем мы не мыслим, какова эта первооснова мирового единства сама по себе, но представляем себе, как мы должны пользоваться ею или, вернее, ее идеей в отношении систематического применения разума к вещам мира.

Но в такой форме /мы можем все же[1] (продолжают спрашивать нас) допускать единого, мудрого и всемогущего Творца мира? /Без сомнения[2]; и не только можем, но и должны предполагать такого Творца мира. Но в таком случае не расширяем ли мы нашего знания за пределы возможного опыта? /Никоим образом[3]. Ведь мы только допускаем нечто такое, о **726** чем не имеем понятия, каково оно само по себе (чисто трансцендентальный предмет); но в отношении к систематическому и целесообразному порядку мироздания, который мы должны предполагать, изучая природу, мы мыслим это неизвестное

1) З – можем ли мы (können wir doch)

2) С – Без всякого сомнения (Ohne allen Zweifel)

3) С – Отнюдь нет (Keineswegs)

нам существо только по аналогии с интеллигенцией (эмпирическое понятие), т. е. наделяя его ввиду целей и совершенства, основывающихся на нем, именно такими свойствами, которые по условиям нашего разума могут содержать в себе основание такого систематического единства. Следовательно, эта идея в отношении к применению нашего разума к миру совершенно обоснована. Но если бы мы захотели приписать ей безусловно объективное значение, то мы забыли бы, что мыслим только существо в идее, и вслед за этим, начав с основания, вовсе не определимого путем /изучения мира[1], мы утратили бы возможность пользоваться этим принципом сообразно эмпирическому применению разума.

Но (зададут нам далее вопрос) таким образом я все же могу пользоваться в разумном исследовании мира понятием и допущением высочайшего существа? Да, для этой цели, собственно, и положена разумом в основу эта идея. Но имею ли я право рассматривать /имеющие целесообразный вид приспособления как преднамеренные[2], **727** выводя их из божественной воли, хотя и с помощью особых /заложенных для этого[1] в мире задатков? Да, вы можете делать и это, однако так, чтобы для вас было все равно, утверждает ли кто-либо, что божественная мудрость все так устроила для своих высших целей, или же что идея высочайшей мудрости есть регулятив в исследовании природы и принцип систематического и целесообразного единства ее согласно общим законам природы, даже и там, где мы не замечаем этого единства; /иными словами, там, где вы это единство воспринимаете[2], для вас должны быть совершенно равнозначными утверждения, что Бог так мудро пожелал [этого] или что природа так мудро устроила [это]. В самом деле, высшее систематическое и целесообразное единство, которое ваш разум желает положить в основу всего исследования природы как регулятивный принцип, было именно тем, что дало вам право полагать в основу идею высшей интеллигенции как схему регулятивного принципа; и насколько вы встречаете сообразно этому принципу целесообразность в мире, настолько вы находите подтверждение правомерности вашей идеи; но так как этот (gedachtes) принцип имел целью не что иное, как искать необходимого и возможно бóльшего единства природы, то, поскольку мы находим это единство, мы обязаны этим идее высшего существа, однако при этом мы не можем, не вступая в противоречие с самими собой, проходить мимо общих законов природы, ввиду которых только мы и поло-

1) С – созерцания мира
З – рассмотрением мира
(durch die Weltbetrachtung)

2) С – смотреть на целеподобные приспособления как на разумные цели
З – устроение как замысел
(zweckähnliche Anordnungen als Absichten ansehen)

1) С – основанных на этом
(darauf gestellter)

2) С – как и там, – где мы замечаем это единство
(d.i. es muß euch da, wo ihr sie wahrnehmt)

жили в основу идею, **728** и рассматривать целесообразность природы как случайную и гиперфизическую по своему происхождению; [в самом деле,] ведь мы (weil wir) не были уполномочены допускать над природой существо с упомянутыми выше свойствами, но [получили право] (sondern nur) полагать в основу только идею его, чтобы рассматривать явления как систематически связанные друг с другом по аналогии с причинным определением.

На этом же основании (Eben daher) мы имеем также право не только мыслить в идее мировую причину в формах утонченного (nach einem subtilen) антропоморфизма (без которого о ней ничего нельзя было мыслить), именно как существо, [проявляющее] рассудок, /благоволение и неблаговоление[2], а также соответственно этому желания, волю и т. п., но и приписывать ей бесконечное совершенство, далеко, следовательно, превосходящее то совершенство, на допущение которого могут нас уполномочивать эмпирические знания о мировом порядке. В самом деле, регулятивный закон систематического единства требует, чтобы мы изучали природу так, как если бы в ней повсюду до бесконечности обнаруживалось систематическое и целесообразное единство при величайшем многообразии. Действительно, хотя мы можем выследить или открыть только малую часть этого мирового совершенства, тем не менее законодательство нашего разума требует (gehört) везде искать и предполагать его; руководствоваться этим принципом при исследовании природы всегда должно быть полезно и никогда не может быть вредно. **729** Но из этого представления о положенной в основу идее высшего Творца ясно, что я полагаю в основу не существование такого Творца и знание о нем, а только идею его и, собственно, ничего не вывожу из этого существа, а [произвожу выводы] только из идеи его, т. е. из природы вещей в мире согласно такой идее. По-видимому, известное, хотя и неразвитое сознание об истинном применении этого понятия нашего разума было во все времена источником скромного и правильного языка философов, поскольку они говорят /о мудрой заботливости[1] природы и божественной мудрости как о терминах (Ausdrücken), имеющих одинаковое значение, и даже, если речь идет только о спекулятивном разуме, предпочитают первое выражение, так как оно не заявляет притязаний на /утверждения[2], к которым мы не уполномочены, и вместе с тем возвращает разум к свойственной ему области, именно к природе.

Таким образом, чистый разум, который, как каза-

2) З – удовольствие и неудовольствие (Wohlgefallen und Mißfallen)

1) З – о мудрости и предусмотрительности (von der Weisheit und Vorsorge)

2) С – более смелые утверждения (einer größeren Behauptung)

лось на первых порах, обещал нам не менее как расширение знания за все границы опыта, содержит в себе, если правильно понимать его, только регулятивные принципы, которые, правда, требуют большего единства, чем то, какое достижимо посредством эмпирического применения рассудка, но доводят его 730 согласие с самим собой посредством систематического единства до высшей степени именно потому, что так далеко отодвигают цель его. Если же их истолковывают ложно и принимают за конститутивные принципы трансцендентных знаний, /то они путем блестящих, но обманчивых иллюзий производят уверенность в мнимом знании[1)], однако вместе с тем создают вечные противоречия и споры.

1) З, С – это возбуждает, хотя и блестящую, но ложную иллюзию убеждения и мнимого знания
(durch einen Überredung und eingebildetes Wissen zwar glänzenden, aber trüglichen Schein... hervorbringen)

* * *

Таким образом, всякое человеческое знание начинает с наглядных представлений, переходит от них к понятиям и заканчивается идеями. Хотя в отношении всех этих трех элементов оно имеет априорные источники знания, которые, как кажется на первый взгляд, пренебрегают всеми границами опыта, тем не менее /законченная[2)] критика убеждает нас, что весь разум в своем спекулятивном применении никогда не может выйти с этими элементами за область возможного опыта и что специальное назначение этой высшей познавательной способности состоит в применении всех методов и их основоположений только для того, чтобы проникнуть до самой глубины природы согласно всем возможным принципам единства, из которых на первом плане стоит единство целей, но никогда не переходит за границы природы, вне которой д л я н а с нет ничего, кроме /пустоты[3)]. Действительно (Zwar), в трансцендентальной аналитике критическое исследование всех положений, 731 могущих расширить наше знание за пределы действительного опыта, в достаточной мере убедило нас, что они никогда не могут привести к чему-либо большему, чем возможный опыт; и если бы [люди] не относились с недоверием даже к самым ясным абстрактным и общим учениям, если бы /увлекательные ложные надежды[1)] не побуждали их (uns) сбросить с себя иго этих учений, то мы могли бы избавить себя от /затруднительного допроса[2)] всех диалектических свидетелей, которых трансцендентный разум заставляет выступать в защиту своих притязаний; в самом деле, мы уже /наперед знали, что все уверения их[3)], хотя, быть может, и честно задуманы, тем не менее должны быть безусловно ничтожными, так как /относятся

2) С – строгая
З – основательная
(eine vollendete)

3) С – кроме пустого пространства
(als leerer Raum)

1) З – заманчивые и ложные перспективы
(reizende und scheinbare Aussichten)
2) С, В – утомительного допроса
(der mühsammen Abhörung)
3) З – заранее знали со всей несомненностью, что все их показания
(wußten es... zum voraus mit völliger Gewißheit, daß alles Vorgeben derselben)

к такому виду знаний, которого[4] /человек никогда не может достигнуть[5]. Однако речам нет конца до тех пор, пока не открыта истинная причина иллюзий, которая может обмануть даже самого разумного человека; к тому же разложение всего нашего трансцендентного знания на его элементы (как изучение нашей внутренней природы) само по себе имеет немалую цену, а для философа составляет даже долг. Поэтому нам /необходимо[6] было подробно исследовать всю эту, хотя и суетную (eitele), работу спекулятивного разума вплоть до первых источников ее; мало того, так как диалектическая иллюзия здесь /не только обманывает **732** со стороны суждения, но и является привлекательной и всегда будет естественной ввиду интереса, возбуждаемого этими суждениями[1], то было полезно составить как бы подробные акты этого процесса и сложить их в архив человеческого разума для предупреждения будущих заблуждений подобного рода.

4) З – касались таких сведений, которых...
(eine Kundschaft betraf, die...)

5) С – ни один человек... получить не может
(kein Mensch jemals bekommen kann)

6) С – не только нужно
(nicht allein nötig)

1) С – не только по суждению обманчива, но и по интересу, который принимают в этом суждении, заманчива, всегда естественна и такою будет оставаться и впредь
З – не только обманчива в отношении наших суждений, но и привлекательна ввиду интереса, возбуждаемого этими суждениями, и всегда есть и будет естественной
(nicht allein dem Urteile nach täuschend, sondern auch dem Interesse nach, das man hier am Urteile nimmt, anlockend und jederzeit natürlich ist und so in alle Zukunft bleiben wird)

II

733 ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЕ УЧЕНИЕ

О МЕТОДЕ

735 Рассматривая совокупность всех знаний чистого и спекулятивного разума как здание, идея которого по крайней мере имеется у нас, я могу сказать, что в трансцендентальном учении об элементах мы /оценили[1] строительные материалы и определили, для какого здания, какой высоты и прочности годятся они. Оказалось, что, хотя мы мечтали о башне, которая должна была доходить до небес, запаса материала на деле хватило только для жилища, достаточно просторного лишь для нашей деятельности на равнине (auf der Ebene) опыта и достаточно высокого, чтобы обозреть ее; между тем смелое предприятие, упомянутое выше, должно было бы не удаться по недостатку материала, не говоря уже о смешении языков, которое неизбежно должно было вызвать разногласие среди рабочих из-за плана и рассеять их по всему миру, /причем[2] всякий начал строить самостоятельно по своему собственному плану. Теперь нас интересуют не столько материалы, сколько план здания; /получив предостережение не увлекаться слепо любой затеей[3], которая, быть может, превосходит все наши способности, но тем не менее, не будучи в состоянии отказаться от постройки прочного жилища, мы сделаем смету на постройку здания в отношении к материалу (auf den Vorrat), который дан нам и вместе с тем сообразуется с нашими потребностями.

1) З – составили смету на (haben... das Bauzeug überschlagen)

2) С – чтобы
З – дабы
(um)

3) С – не хвататься за всякий опрометчивый проект
(es nicht auf einen beliebigen blinden Entwurf... zu wagen)

Итак, под трансцендентальным учением о методе я разумею определение **736** формальных условий полной системы чистого разума. С этой целью мы займемся д и с ц и п л и н о й, к а н о н о м, а р х и т е к т о н и к о й и, наконец, и с т о р и е й чистого разума и осуществим в трансцендентальном отношении то, чего под именем п р а к т и ч е с к о й л о г и к и в отношении к применению рассудка вообще /ищут, но не достигают в школах[1], так как общая логика, не ограничиваясь никаким частным видом знаний рассудка (напр., чистым знанием), /не занимается определенными[2] предметами, и [потому], не заимствуя знаний из других наук, она не может дать ничего более, кроме обозначений для в о з м о ж н ы х м е т о д о в и технических терминов, которые применяется во всех науках, /поскольку они систематичны[3], так что ученик знакомится в этой логике наперед с именами (zum voraus mit Namen), значение и применение которых он должен узнать впервые в будущем.

1) С – пробуют делать в школах... но делают плохо
(in den Schulen gesucht, aber schlecht geleistet wird)

2) С – и не ограничена известными
(auch nicht auf gewiße Gegenstände eingeschränkt ist)

3) С, З – для систематизации
(in Ansehung des Systematischen)

Трансцендентального учения о методе

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Дисциплина чистого разума

Отрицательные суждения, [имеющие отрицательный характер], не только по своей логической форме, но и по содержанию, не пользуются особым уважением /людей при их страсти к знанию[4]; на них смотрят как на завистливых врагов нашего влечения к знанию, **737** неустанно стремящегося к расширению, и нужна почти апология, чтобы вызвать к ним только терпимость и, тем более, чтобы завоевать благосклонность и уважение к ним.

4) С, З – у любознательных людей (bei der Wißbegierde der Menschen)

Логически все какие угодно суждения (Sätze) можно выразить в отрицательной форме, но в отношении к содержанию нашего знания вообще, именно в отношении к тому, расширяется ли оно или ограничивается посредством суждения (Urteil), отрицательные [положения] имеют специальную задачу, именно только удерживать нас от заблуждения. Поэтому отрицательные положения, которые должны удерживать от ложного знания там, где никакое заблуждение невозможно, правда, /вполне правильны[1], но в то же время (aber doch) пусты, т. е. несоразмерны с своей целью и потому часто /вызывают улыбку[2], как, напр., суждение школьного оратора, что Александр без войска не мог бы завоевать ни одной страны.

1) С – очень верны (sehr wahr)

2) С, З – смешны (lächerlich sind)

Но где границы нашего возможного знания очень узки, искушение [строить] суждения очень велико, /иллюзии весьма обманчивы[3] и вред, приносимый заблуждением, значителен, там отрицательное наставление (das Negative der Unterweisung), служащее только для того, чтобы предохранять нас от ошибок (vor Irrtümern), имеет еще больше значения, чем иные положительные поучения, благодаря которым мог бы получиться прирост нашего знания. Принуждение (Zwang), ограничивающее и, наконец, искореняющее постоянную склонность (Hang) к отступлению от известных правил, называется дисциплиной. Дисциплину следует отличать от культуры, которая /должна только доставлять навыки[4], не уничтожая других, уже существующих [навыков]. Следовательно, для воспитания таланта, который уже **738** сам по себе обладает склонностью к обнаружению, дисциплина имеет отрицательное*, а культура и наука (Doktrin) – положительное значение.

3) С – иллюзия, которая здесь является, обманчива
З – где осаждающая нас видимость весьма обманчива (der Schein, der sich darbietet, sehr betrüglich... ist)

4) С – дает только ловкость (bloß eine Fertigkeit verschaffen soll)

---

* /Я знаю[1], что на школьном языке термин дисциплина обыкновенно употребляется как синоним обучения. Но существует так много других случаев, в которых первый термин /в смысле школения[2] старательно отличается от /поучения[3], и сама природа вещей до такой степени требует сохранения единственных подходящих для этого различения выражений, что я желал бы, чтобы /слово дисциплина всегда употреблялось только в отрицательном смысле[4].

1) С, З – Я хорошо (конечно) знаю (Ich weiß wohl)
2) З – в смысле обучения (als Zucht)
3) С – от второго как обучения (von dem zweiten als Belehrung)
4) С – его никогда не позволяли себе употреблять в ином, а не отрицательном смысле (jenes Wort in anderer als negativen Bedeutung zu brauchen)

Что темперамент, а также талант, которые охотно позволяют себе свободное и неограниченное движение (как способность воображения и остроумие), нуждаются в некоторых отношениях в дисциплине, с этим всякий легко согласится. Но [мысль,] что разум, который, собственно, обязан предписывать дисциплину всем другим стремлениям, сам нуждается еще в дисциплине, может показаться странной; и в самом деле, он избегал такого унижения до сих пор именно потому, что, видя торжественность и серьезную осанку, с какой он выступает, никто не подозревал, что он легкомысленно играет созданиями воображения вместо понятий и словами вместо вещей.

Разум в своем эмпирическом применении не нуждается в критике, потому что его основоположения подвергаются постоянному испытанию на **739** пробном камне опыта; точно так же [не нужна критика его] и в математике, где понятия должны тотчас же выражаться in concreto в чистом наглядном представлении, и таким образом все необоснованное и произвольное тотчас вскрывается (offenbar wird). Но там, где ни эмпирическое, ни чистое наглядное представление /не намечают для разума отчетливо видимой колеи[1], именно в случае трансцендентального применения разума согласно одним лишь понятиям, он в высшей степени нуждается в дисциплине, которая укрощала бы его страсть к расширению за узкие границы возможного опыта и удерживала бы его от крайности и заблуждений (von Ausschweifung und Irrtum), так что вся философия чистого разума задается только этой отрицательной целью (Nutzen). Против некоторых заблуждений можно бороться посредством ц е н з у р ы, а против причин их – посредством критики. Но если мы встречаем, как это наблюдается в чистом разуме, целую систему /заблуждений и иллюзий[2], связанных друг с другом и объединенных общими принципами, то в таком случае, по-видимому, требуется /особое[3] и притом отрицательное законодательство, создающее под именем д и с ц и п л и н ы из природы разума и предметов его чистого применения как бы систему предосторожностей и самоиспытания, перед которой никакие ложные умствующие иллюзии не могут устоять и тотчас разоблачаются, несмотря на все прикрасы (unerachtet aller Gründe seiner Beschönigung).

1) З – не держат разум в видимых рамках (die Vernunft in einem sichtbaren Geleise halten)

2) З – иллюзий и обманов (von Täuschungen und Blendwerken)

3) С, З – совершенно особое (ganz eigene)

740 /Надо заметить[1], что в этой второй части (Hauptteile) трансцендентальной критики дисциплина чистого разума имеет в виду не содержание, а только метод знания из чистого разума. Первая [задача] уже выполнена в учении об элементах чистого [разума].

1) З – Надо, однако, заменить (Es ist aber, wohl zu merken)

Но применение разума, к какому бы предмету оно ни прилагалось, заключает в себе так много сходного и, поскольку оно должно быть трансцендентальным, так существенно отличается от всякого другого применения, что без предостерегающего отрицательного учения в особо предназначенной для этого дисциплине нельзя предупредить ошибок, неизбежно возникающих вследствие /несвоевременного пользования[2] методами, подходящими для разума в других областях, но не в данном случае.

2) С – неумелого применения
З – неуместного пользования
(aus einer unschicklichen Befolgung)

Первой главы

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

Дисциплина чистого разума
в догматическом применении

Математика дает самый блестящий пример чистого разума, удачно расширяющегося самостоятельно, без помощи опыта. Примеры [действуют] заразительно, особенно для одной и той же способности, которая, естественно, обольщается надеждой достигнуть и в других случаях такого же счастья, какое выпало на ее долю раньше (in einem Falle zu Teil worden). Поэтому чистый разум в **741** трансцендентальном применении надеется столь же удачно и основательно расшириться, как это ему удалось /в математике[1], в особенности если он применит тот же метод, который принес столь очевидную пользу в математике. Поэтому для нас очень важно узнать, тождествен ли метод достижения аподиктической достоверности, /называемый[2] математическим, с тем методом, посредством которого философия старается достигнуть той же достоверности и который должен называться в ней догматическим.

1) С – в математическом
(im mathematischen)

2) С – который в последней науке называется
(die man in der letzteren Wissenschaft mathematisch nennt)

Философское знание есть знание разума из понятий, а математическое знание есть знание из конструирования понятий. Но конструировать понятие – это значит выразить (darstellen) a priori соответствующее ему наглядное представление. Значит, для конструирования понятия требуется наглядное представление, которое имеет не эмпирический характер, и /как наглядное представление есть единичный объект[3], но тем не менее, будучи /конструированным понятием (общим представлением)[4], должно служить в представлении выражением чего-то имеющего всеобщее значение для всех возможных наглядных представлений, подходящих под одно и то же понятие. Так, я конструирую

3) С – которое как созерцание есть отдельный объект
(die folglich, als Anschauung, ein einzelnes Objekt ist)

4) З – конструированием понятия (общего представления)
(als die Konstruktion eines Begriffs (einer allgemeinen Vorstellung))

треугольник, когда я выражаю предмет, соответствующий этому понятию, или посредством одного лишь воображения в чистом наглядном представлении, или вслед за этим также на бумаге в эмпирическом наглядном представлении, но и в том и в другом случае совершенно a priori, не заимствуя для этого образцов ни в каком опыте. Единичная нарисованная фигура имеет эмпирический **742** характер, но служит тем не менее для выражения понятия без ущерба для его всеобщности, так как в этом эмпирическом наглядном представлении я всегда имею в виду только акт построения понятия, для которого многие определения, напр. /величины, сторон и углов[1], совершенно безразличны, и потому я отвлекаюсь от этих особенностей (Verschiedenheiten), не изменяющих понятия треугольника.

1) С, З – величины сторон и углов
(der Größe, der Seiten und der Winkel)
(Schm. – der Größe der Seiten und...)

Следовательно, философское знание рассматривает частное только в общем, а математическое [знание рассматривает] общее в частном и даже в единичном, однако a priori и посредством разума, так что, как это единичное определено под известными общими условиями построения, так и предмет понятия, которому это единичное соответствует лишь в качестве его схемы, должен мыслиться /в общей определенной форме[1].

1) С – вообще определенным
(allgemein bestimmt)

Следовательно, существенное различие между этими двумя видами познания разума заключается в этой форме их, а не основывается на различии между их материей или предметами. Те, кто пытается отличить философию от математики, говоря, что первая имеет объектом только к а ч е с т в о, а вторая – только к о л и ч е с т в о, принимают действие за причину. Форма математического знания является причиной того, что оно может относиться только к количествам (auf Quanta). В самом деле, конструировать, т. е. выразить a priori в **743** наглядном представлении можно только понятия величины, а качества могут быть выражены не иначе как в эмпирическом наглядном представлении. Поэтому познание разума о них возможно только посредством понятий. Так, наглядное представление, соответствующее понятию реальности, мы можем извлечь только из опыта /и никоим образом не можем стать причастными ему a priori из самих себя и до эмпирического сознания[1]. Конус (Die konische Gestalt) мы можем /наглядно представить себе[2] просто на основании понятия, без всякого содействия опыта, но цвет этого конуса (Kegels) должен быть дан ранее в каком-либо опыте. Понятие причины вообще я никоим образом не могу выразить в наглядном представлении иначе как с помощью приме-

1) З – но никогда a priori из самих себя и до эмпирического осознания ее
(niemals aber a priori aus sich selbst und vor dem empirischen Bewußtsein derselben teilhaftig werden)
2) С, З – сделать наглядной
(anschauend machen)

ра, даваемого мне опытом, и т. д. Впрочем, философия занимается также и величинами, подобно математике, напр. целостностью, бесконечностью и т. д. [В свою очередь] математика занимается также различием между линиями и плоскостями как пространствами, обладающими различным качеством, а также непрерывностью протяженности как качеством ее. Но хотя в таких случаях они имеют общий предмет, тем не менее способ рассмотрения его разумом совершенно иной в философском, чем в математическом исследовании. Философия держится только общих понятий, а математика ничего не может достигнуть посредством одних лишь понятий и тотчас спешит [перейти] к наглядному представлению, /рассматривая[3] понятие in concreto, однако не в эмпирическом [наглядном представлении], а в таком, /которое a priori установлено ею[4], т. е. **744** конструировано, и в котором то, что следует из общих условий конструирования, должно иметь общее значение также и в отношении к объекту конструируемого понятия.

3) С, З – в котором она рассматривает (in welcher sie... betrachtet)
4) З – она показывает a priori (die sie a priori darstellt)

Дайте философу понятие треугольника и предложите ему найти свойственным ему методом, как относится сумма его углов к величине прямого угла. У него есть только понятие фигуры, ограниченной тремя прямыми линиями, и вместе с тем понятие о таком же количестве углов. Сколько бы он ни размышлял над этим понятием, он не добудет ничего нового. Он может расчленить и сделать отчетливым понятие прямой линии, или угла, или числа три, но не может усмотреть новых свойств, которые не заключаются в самих этих понятиях. Затем пусть (Allein) возьмется геометр за тот же вопрос. Он тотчас начнет с конструирования треугольника. Зная, что два прямых угла имеют такую же величину, как все смежные углы, исходящие из одной точки и лежащие на одной прямой, он продолжает одну из сторон своего треугольника и получает два смежных угла, сумма которых равна двум прямым углам. Внешний из этих углов он делит, проводя линию, параллельную противоположной стороне треугольника, и замечает, что отсюда получается внешний смежный угол, равный внутреннему, и т. д. Таким образом, путем цепи умозаключений, **745** руководясь всегда наглядным представлением, он приходит к совершенно очевидному и вместе с тем общему решению вопроса.

/Математика[1] конструирует не только величины (quanta), как это делается в геометрии, но и просто величину (quantitatem), как это делается в алгебре, совершенно отвлекающейся от свойств предмета, который должен быть мыслим согласно такому понятию

1) С – Но математика (Die Mathematik aber)

величины. Она избирает себе при этом известные обозначения для всех конструирований величин вообще (чисел), каковы сложение, вычитание и т. п., извлечение корня; затем, обозначив общее понятие величин в различных отношениях их, она изображает соответственно известным общим правилам в наглядном представлении все операции, /производимые посредством величин и изменяемые ими[2)][45]; когда одна величина должна быть разделена (dividirt werden soll) посредством другой, /она соединяет их буквы в форме, обозначающей деление[3)], и т. п. и таким образом с помощью символической конструкции, как геометрия с помощью остенсивной, или геометрической конструкции (самих предметов), достигает того, что дискурсивное познание посредством одних лишь понятий никогда не может осуществить.

Какова может быть причина этого столь различного положения /двух оперирующих с помощью разума мыслителей[4)], из которых один избирает свой путь согласно понятиям, а другой – согласно наглядным представлениям, которые он /строит[5)] a priori сообразно понятиям? **746** Причина этого ясна из основных трансцендентальных учений, изложенных выше. Здесь речь идет не об аналитических положениях, которые могут быть получены посредством простого расчленения понятий (в этом деле философ, без сомнения, одержал бы победу над своим соперником), а о синтетических положениях, и притом таких, которые должны быть познаны a priori. В самом деле, я должен усмотреть не то, что находится уже в самом моем понятии треугольника (это было бы лишь определением [треугольника]), а должен выйти за пределы этого понятия к свойствам, которые не заключаются в нем, но все же связаны с ним. Это возможно лишь в том случае, если я определяю свой предмет согласно условиям или эмпирического наглядного представления, или чистого наглядного представления. Первый прием может привести только к эмпирическому положению (посредством измерения углов треугольника); такое положение не обладает всеобщностью и тем менее необходимостью, следовательно, оно не занимает нас здесь. Наоборот, второй прием свойствен математике, и здесь он имеет характер геометрического конструирования, посредством которого я в чистом наглядном представлении, подобно тому как я делаю это в эмпирическом [наглядном представле-

2) З – производящие и изменяющие величину
(die durch die Größe erzeugt und verändert wird)
3) С – она сопоставляет обе величины по их характеру в особой внешней форме
З – она соединяет их знаки по обозначающей форме деления
(setzt sie beider ihre Charaktere nach der bezeichnenden Form der Division zusammen)
4) С – в котором находятся два пастора разума
З – философа и математика
(darin sich zwei Vernunftkünstler befinden)
5) С – представляет
З – показывает
(darstellt)

[45] По мнению Э. Вилле, это место нужно исправить так: посредством которых производятся и изменяются величины (см. Kantstudien, IV, стр. 313).

нии], соединяю многообразие, относящееся к схеме треугольника вообще, /т. е. к его[1] понятию, вследствие чего, без сомнения, /должны получаться[2] общие синтетические положения.

1) С – а значит и к (mithin zu)

2) С – возможно конструировать (Sätze konstruiert werden müssen) (A[1] – Sätze werden müssen) (Erdm. – erkannt werden können)

Следовательно, я напрасно философствовал бы о треугольнике, т. е. размышлял бы дискурсивно, **747** не будучи в состоянии пойти дальше простого определения, с которого к тому же мне следовало начать. Существует, правда, трансцендентальный синтез из одних лишь понятий, который в свою очередь удается только философу, но он касается лишь вещи вообще /и условий, под которыми[1] восприятие ее может принадлежать к возможному опыту. Но в математических проблемах речь идет не об этом и вообще не о существовании, /а о самих по себе свойствах предмета, исключительно поскольку они связаны с понятием его[2].

1) С – а именно того, при каких условиях (unter welchen Bedingungen)

2) С – но о свойствах предмета в себе, поскольку эти свойства связаны с их понятиями (sondern von den Eigenschaften der Gegenstände an sich selbst, lediglich sofern diese mit dem Begriffe derselben verbunden sind)

В приведенном примере мы старались только ясно показать, как велико различие между дискурсивным применением разума согласно понятиям и интуитивным применением разума посредством конструирования понятий. Но теперь, естественно, возникает вопрос, какова причина, делающая необходимым такое двойственное применение разума, и по каким условиям можно узнать, имеет ли место только первое или также и второе применение его.

Все наше знание относится в конце концов к возможным наглядным представлениям, так как только посредством их дается предмет. Априорное понятие (неэмпирическое понятие) или уже содержит в себе чистое наглядное представление, и тогда оно может быть конструировано, или же оно не заключает в себе ничего, кроме синтеза возможных наглядных представлений, которые a priori не даны, и в таком случае посредством **748** него можно судить синтетически и a priori, однако лишь в дискурсивной форме, согласно понятиям, /а вовсе не[1] в интуитивной форме, т. е. не посредством конструирования понятий.

1) З – и никогда (und niemals) (A[1] – niemals aber)

Но среди наглядных представлений даны a priori /только [чистые] формы[2] явлений – пространство и время; и понятие о них как о quantis, можно выразить a priori в наглядном представлении, т. е. конструировать, или вместе с качеством их (фигура их), или просто [со стороны] количества их (чистый синтез однородного многообразия) посредством числа. /Содержание же[3] явлений, посредством которого даются нам в е щ и в пространстве и времени, может быть представлено только в восприятии, следовательно, a posteriori. Единственное понятие, представляющее a priori это эмпирическое содержание (Gehalt) явлений,

2) З – одна лишь форма (die bloße Form)

3) С, З – Материя же (Materie aber)

есть понятие вещи вообще, и синтетическое знание /о нем[4]) a priori может заключать в себе не более как только правило синтеза того, что может быть дано восприятием a posteriori, но никогда не может доставить a priori наглядного представления реального предмета, так как такое наглядное представление необходимо должно быть эмпирическим.

4) З – о вещи (von demselben)

Синтетические положения, относящиеся к вещам вообще, наглядное представление которых не может быть дано a priori, имеют трансцендентальный характер. Поэтому трансцендентальные положения никогда не могут быть даны посредством конструирования понятий, а [устанавливаются] только согласно понятиям a priori. Они содержат в себе только правило, согласно которому следует в опыте (empirisch) искать известного синтетического **749** единства того, что не может быть наглядно представлено a priori (/восприятий[1])). Но ни одно из своих понятий ни в каком случае они не могут выразить a priori, а достигают лишь этого a posteriori, посредством опыта, впервые становящегося возможным соответственно этим синтетическим основоположениям.

1) С, З – [единство] восприятий (der Wahrnehmungen)

Если мы хотим судить о понятии синтетически, то мы должны выйти из этого понятия и прибегнуть к наглядному представлению, в котором оно дано. В самом деле, если бы мы остались при том, что содержится в понятии, то суждение было бы только аналитическим и [сводилось бы] /к объяснению того, что[2]) действительно содержится в понятии. Но я могу перейти от понятия к соответствующему ему чистому или эмпирическому наглядному представлению, чтобы в нем рассмотреть понятие in concreto и узнать a priori или a posteriori, что принадлежит предмету его. Первый [прием] есть рациональное и математическое познание посредством конструирования понятия, а второй [прием] есть простое эмпирическое (механическое) познание, никогда не могущее доставить необходимых и аподиктических положений. Так, я мог бы расчленять свое эмпирическое понятие о золоте, не подвигаясь этим путем далее перечисления всего того, что я действительно мыслю под этим словом, вследствие чего мое знание, правда, логически усовершенствовалось бы, но не приобрело бы расширения или прибавки (Zusatz). Наоборот, если я возьму материю, обозначаемую этим словом, /я получаю восприятия, которые[3]) снабжают меня различными синтетическими, **750** хотя, правда, эмпирическими положениями. [В свою очередь] математическое понятие треугольника я конструировал бы, т. е. дал бы в наглядном представлении a priori, и таким путем полу-

2) С – к мысли о том, что... (des Gedanken nach demjenigen, was...)

3) С – то я представляю ее с теми восприятиями, которые (und stelle mit ihr Wahrnehmungen an, welche)

чил бы синтетическое, и притом (aber) рациональное, знание. Но если мне дано трансцендентальное понятие реальности, субстанции, силы и т. п., то оно не обозначает ни эмпирического, ни чистого наглядного представления, а указывает лишь на синтез эмпирических наглядных представлений (которые, следовательно, не могут быть даны a priori); поэтому из него, так как синтез не может выйти a priori к соответствующему ему наглядному представлению, не может также возникнуть никакое определяющее синтетическое положение, а может получиться только основоположение синтеза* возможных эмпирических / наглядных представлений[1]. Следовательно, трансцендентальное положение есть синтетическое познание разума согласно одним лишь понятиям, имеющее поэтому дискурсивный характер, так как посредством его впервые становится возможным всякое синтетическое единство эмпирического знания, а наглядное представление посредством него a priori не дается.

751 Итак, существуют два способа применения разума, /дающие общее и априорное знание, но весьма различные в своем развитии именно[1] потому, что в явлении, посредством которого нам даются все предметы, есть две стороны: форма наглядного представления (пространство и время), которая может быть познана и определена вполне a priori, и материя (физическая [сторона]), или содержание, которым обозначается нечто находящееся в пространстве и времени, т. е. содержащее [в себе] существование и соответствующее ощущению. /Что касается содержания[2], которое может быть дано определенным образом только эмпирически, мы можем иметь о нем a priori лишь неопределенное понятие (unbestimmte Begriffe) синтеза возможных ощущений, поскольку они принадлежат к единству апперцепции (в возможном опыте). Что же касается формы (der ersteren), мы можем свои понятия [о ней] определить a priori в наглядном представлении, так как мы создаем себе в пространстве и времени посредством однородного синтеза самые предметы, рассматривая их только как

1) С, З – чистых созерцаний (reine Anschauungen)

1) С – которые, несмотря на одинаковую всеобщность познания и на одинаковое происхождение его a priori в дальнейшем своем движении очень различается и именно
З – которые, несмотря на всеобщность познания и его априорное происхождение, общие и тому и другому, весьма различны в своем развитии именно...
(der unerachtet der Allgemeinheit der Erkenntnis und ihrer Erzeugung a priori, welche sie gemein haben, dennoch im Fortgange sehr verschieden ist, und zwar darum)
2) С – По отношению к последнему
(in Ansehung des letzeren)

* Посредством понятия причины я действительно выхожу за пределы эмпирического понятия о событии (о том, что случается), однако не к наглядному представлению, выражающему in concreto понятие причины, а к условиям времени вообще, которые могли бы быть найдены в опыте сообразно понятию причины. Следовательно, я оперирую (verfahre) только сообразно понятиям и не могу оперировать посредством конструирования понятий, так как понятие есть правило синтеза восприятий, которые не принадлежат к [числу] наглядных представлений и потому не могут быть д а н ы a priori.

quanta. Первое применение разума называется применением согласно понятиям; в нем мы можем достигнуть лишь того, что подводим явления со стороны их реального содержания под понятия, /причем вслед за этим явления[3] могут быть определены не иначе как эмпирически, т. е. a posteriori (однако сообразно упомянутым понятиям как правилам эмпирического синтеза). Второе применение разума есть применение его **752** посредством конструирования понятий, причем эти понятия, уже a priori относясь к наглядному представлению, /могут быть вследствие этого выражены в определенной форме в чистом наглядном представлении a priori[1], без всяких эмпирических данных (data). Исследования [относительно] всего существующего (Alles, was da ist... zu erwägen) ([относительно] вещи в пространстве или времени), есть ли оно количество или нет и в какой мере [оно есть количество], должно ли в нем представлять существование или /недостаток[2] [существования], насколько это нечто (наполняющее пространство или время) есть первый субстрат или только определение, относится ли его существование к какой-либо другой вещи (auf etwas Anderes) как причина или действие, а также изолировано ли оно от других [вещей] или находится во взаимной зависимости /с ними[3], наконец, вопрос о возможности, действительности и необходимости /этого существования[4] – все это [проблемы] (gehört zum) *познания разума* из понятий, которое называется *философским*. [Наоборот, задача] определить a priori наглядное представление в пространстве (фигуру), подразделить время (продолжительность) или просто познать общую [сторону] синтеза одного и того же во времени и пространстве и возникающую отсюда величину наглядного представления вообще (число) – все это /*проблемы разума*, [решаемые][5] посредством конструирования понятия и называемые *математическими*.

/Огромные успехи, достигаемые разумом в его математическом применении[6], естественно, возбуждают надежду, что если не сама математика, то метод ее также и вне области величин достигнет успеха, так как она сводит **753** все понятия к наглядным представлениям, которые могут быть даны a priori и посредством которых она может, так сказать, /овладеть природой[1], тогда как чистая философия со своими дискурсивными понятиями /стряпает учения о природе[2], не будучи в состоянии /наглядно представить a priori реальность своих понятий и не имея возможности этим путем удостове-

3) С – и эти понятия
З – тем самым явления
(welche darauf)
(Erdm. – welche dadurch)

1) С – ибо оно [применение разума] может быть определенно дано a priori... в чистом созерцании
(in dem diese,... auch eben darum a priori... in der reinen Anschauung bestimmt gegeben werden können)

2) С, З – отсутствие
(Mangel)

3) С – с другими вещами по их существованию
(mit anderen in Ansehung des Daseins)

4) С – или нечто противоположное этому
З – или их противоположности
(oder die Gegenteile derselben)
(or the opposites of these)

5) С – деятельность разума
(ein Vernunftgeschäfte)

6) С – Крупный успех, который разум делает посредством математики
(Das große Glück, welches die Vernunft vermittelst der Mathematik macht)

1) С – становится мастером над природой
(Meister über die Natur wird)

2) С – блуждает около природы
(in der Natur herumpfuscht)

рить их[3]. /К тому же[4] у мастеров математического (in dieser) искусства нет недостатка в уверенности в себе, да и общество возлагает большие надежды на их ловкость, лишь бы они попробовали взяться за это дело. Так как они едва ли когда-либо /философски исследовали[5] свою математику (трудное дело!), то специфическое различие между указанными двумя видами применения разума не приходит им в голову (in Sinn und Gedanken). Ходячие, эмпирически применяемые правила, заимствуемые ими у обыденного разума, /сходят у них за аксиомы[6]. Откуда получаются /понятия[7], которыми они занимаются (как единственными первоначальными величинами), – этот [вопрос] вовсе не беспокоит их, /и вообще[8] им кажется бесполезным исследование происхождения чистых понятий рассудка, а также объема их значения; /они довольствуются тем, что пользуются ими[9]. Во всем этом они /правы[10], если только они не выходят за отведенные им границы, именно за границы природы. В противном случае они незаметно переходят из области чувственности на непрочную почву чистых и даже трансцендентальных понятий (instabilis tellus, innabilis unda), /где нельзя[11] ни стоять, ни плавать, а можно только 754
сделать несколько слабых (flüchtige) шагов, от которых время не сохраняет ни малейшего следа, между тем как в математике они победоносно пролагают широкий путь, которым с уверенностью могут идти также и позднейшие поколения.

3) З – сделать реальность своих понятий a priori созерцательной и тем самым достоверной (ohne die Realität derselben a priori anschauend und eben dadurch beglaubigt machen zu können)
4) С – По-видимому (Auch scheint es)
5) З – философствовали по поводу своей (philosophiert haben über)
6) С – приобретают значение аксиомы (gelten ihnen dann statt Axiomen)
7) С, З – понятия [о] пространств[е] и времени (die Begriffe von Raum und Zeit)
8) С – настолько же (und ebenso)
9) В – они только пользуются ими (sondern nur, sich ihrer zu bedienen)
10) С – поступают совершенно правильно (tun sie ganz recht)
11) С – где почва уже не позволяет им (wo der Grund ihnen weder... noch... erlaubt)

Так как мы считаем долгом точно и достоверно определить границы чистого разума в трансцендентальном применении его, /между тем как эти стремления его[1] обладают той особенностью, что питаются надеждами, несмотря на самые настоятельные и ясные предостережения, пока окончательно не будут покинуты все расчеты проникнуть за границы опыта в заманчивые области умопостигаемого (intellektuellen), – то необходимо отнять как бы последний якорь у богатых фантазиями надежд и показать, что следование математическому методу в этом роде знания не может доставить никакой выгоды, за исключением разве того, что тем яснее откроет свои собственные недостатки (die Blößen): в самом деле, хотя геометрия и философия подают друг другу руку в естествознании, тем не менее они /глубоко отличаются друг от друга[2] и потому методы одной из них никоим образом не могут быть предметом подражания для другой.

1) З – такого рода стремление (diese Art der Bestrebung aber)
2) С – две совершенно различные вещи (zwei ganz verschiedene Dinge seien)

Основательность математики опирается на определения, аксиомы и демонстративные [доказательства] (Demonstrationen). Я ограничусь указанием того,

что ни один из этих приемов (Stücke) в том смысле, какой они имеют в математике, неприменим в философии **755** и не может быть предметом подражания для нее, что геометр, пользуясь своим методом, может строить в философии лишь карточные домики, а философ со своим методом может породить в математике лишь болтовню; между тем задача философии именно в том и состоит, чтобы /определять границы знания[1)], и даже математик, если только талант его от природы не ограничен /его предметом[2)], не может отвергнуть предостережений философии или поставить себя выше их.

1. Об **определениях**. О п р е д е л я т ь – это значит, собственно, как видно из самого термина, давать /первоначальное и подробное выражение понятия вещи в его границах[3)]*. Согласно этим требованиям, для э м п и р и ч е с к о г о понятия нельзя дать определения, а можно произвести только э к с п л и к а ц и ю его. Действительно, так как в эмпирическом понятии мы имеем лишь некоторые признаки известного вида чувственных предметов (Gegenstände der Sinne), то мы никогда не знаем уверенно, не мыслится ли под словом, обозначающим один и тот же предмет, **756** в одном случае большее, а в другом случае меньшее [количество] признаков его. Так, одни могут подразумевать в понятии з о л о т о кроме веса, цвета и ковкости еще и то, что золото не ржавеет, а другие, быть может, ничего не знают об этом свойстве его. Мы пользуемся некоторыми признаками лишь до тех пор, пока находим, что они достаточны для различения; новые наблюдения заставляют устранять одни признаки и прибавлять другие, так что понятие никогда не остается среди определенных границ. Такое понятие было бы бесполезно определять, так как, напр., если речь идет о воде и ее свойствах, мы не останавливаемся на том, что подразумевается под словом «вода», а приступаем к опытам, и слово с теми немногими признаками, которые связаны с ним, оказывается только о б о з н а ч е н и е м, но не понятием вещи, так что мнимое определение понятия на деле есть здесь лишь определение слова. Во-вторых, строго говоря, понятия, данные a priori, напр. субстанция, причина, право, справедливость и т. п., также не могут

1) С – знать свои границы
(seine Grenzen zu kennen)

2) С – и не приурочен[ы] только к его специальности
3 – и выходит за рамки своего предмета
(und auf sein Fach eingeschränkt ist)

3) С – первоначально представить подробное понятие о вещи в ее границах
(den ausführlichen Begriff eines Dinges innerhalb seiner Grenzen ursprünglich darstellen)

* П о д р о б н о с т ь есть (bedeutet) ясность и достаточность признаков; г р а н и ц ы заключаются в точности, состоящей в том, что признаков дается не более чем нужно для полноты понятия, п е р в о н а ч а л ь н о с т ь же состоит в том, что это определение границ ниоткуда не выводится и, следовательно, не нуждается в доказательстве, так как в противном случае мнимое объяснение не было бы способно стоять во главе всех суждений о предмете.

быть определены. В самом деле, я могу увериться в том, что отчетливое представление данного (еще в смутной форме) понятия раскрыто вполне лишь в том случае, если я знаю, что оно адекватно предмету. Но так как понятие предмета, поскольку оно дано, может содержать в себе много смутных представлений, упускаемых нами из виду при анализе, но тем не менее всегда применяемых нами на практике (in der Anwendung... brauchen), то полнота анализа моего понятия всегда остается сомнительной и только на 757 основании /многих подтверждающих[1)] примеров может сделаться /в е р о я т н о й[2)], но никоим образом не а п о д и к т и ч е с к и достоверной. Вместо термина определение я воспользовался бы лучше термином э к с п о з и ц и я, так как он имеет более осторожный характер, и под этим именем критик может до известной степени допустить определение, сохраняя в то же время сомнения относительно полноты его. Итак, если ни эмпирические, ни априорные понятия не могут быть определены, то остаются только произвольно мыслимые понятия, на которых можно попытаться испробовать это искусство (Kunststück). В этом случае я всегда могу определить свое понятие; в самом деле, я должен ведь знать, чтб именно я хотел мыслить, так как я сам умышленно (vorsätzlich) создал понятие и оно не дано мне ни природой рассудка, ни опытом; однако при этом я не могу сказать, что таким путем я определил действительный предмет. В самом деле, если понятие зависит от эмпирических условий, как, напр., понятие корабельных часов, то предмет и возможность его еще не даны благодаря этому произвольному понятию; из своего понятия я не знаю даже, соответствует ли ему (ob er... habe) вообще предмет, и мое объяснение скорее может называться декларацией (моего проекта), чем определением предмета. Таким образом, пригодными для определения остаются только понятия, содержащие в себе произвольный синтез и могущие быть a priori конструированными; следовательно, только математика имеет определения. В самом деле, предмет, мыслимый ею, она выражает a priori в наглядном представлении, и этот предмет наверное не может содержать в себе ни больше, 758 ни меньше, чем понятие, так как понятие о предмете дается здесь определением первоначально, т. е. так, что определение ниоткуда не выводится. Немецкий язык имеет для понятий э к с п о з и ц и я, э к с п л и к а ц и я, д е к л а р а ц и я и д е ф и н и ц и я [(определение)] только один термин: объяснение (Erklärung); поэтому мы должны несколько отступить от строгости требования, заставляюще-

1) С – многократно поворяющихся (vielfältig zutreffende)

2) З – предположительно... достоверной (vermutlich... gewiβ)

го нас отказать философским объяснениям в почетном имени определений и ограничить все это замечание тем, что философские определения осуществляются только в [форме] (als) экспозиции данных понятий, а математические определения в [форме] (als) конструирования первоначально созданных понятий; первые осуществляются лишь аналитически путем разложения (полнота которого не обладает аподиктической достоверностью), а вторые – синтетически; следовательно, математические определения создают самое понятие, а философские определения только объясняют его. Отсюда следует:

а) что в философии /можно[1)] подражать математике, начиная с определений, разве только в виде попытки. В самом деле, так как определение есть анализ данных понятий, то эти понятия, хотя еще и в спутанной только форме, являются первыми (gehen voran), и неполная экспозиция их предшествует полной, причем из немногих признаков, извлеченных нами из неполного еще анализа, мы уже многое можем вывести раньше, чем придем к полной экспозиции,
759 т. е. к определению; иными словами, в философии определение с его полной (abgemessene) отчетливостью должно скорее завершать труд, чем начинать его*. Наоборот, в математике до определения мы не имеем понятия, так как понятие впервые /создается[2)] определением; следовательно, математика должна и всегда может начинать с определений.

1) С, З – нельзя (man es... nicht so nachthun müsse)

2) С, З – дается (gegeben wird)

b) Математические определения никогда не могут быть ошибочными. Действительно, так как в математике понятие впервые дается определением, то оно содержит в себе именно то, что /указывается в нем определением[3)]. Но хотя по содержанию в нем не может встречаться ничего неправильного, тем не менее иногда, правда лишь изредка, оно может иметь недостаток в форме (в которую оно облекается (der Einkleidung)), именно в отношении точности. Так, хо-

3) С – что дефиниция хотела в ней мыслить (was die Definition durch ihn gedacht haben will)

---

*Философия кишит (wimmelt) ошибочными определениями, особенно такими, которые, правда, действительно содержат в себе элементы для определения, однако еще не во всей полноте. /Если бы мы совсем не могли оперировать[1)] с понятием, пока не определили его, то всему философствованию пришлось бы плохо. Но так как, насколько хватает элементов (анализа), из них всегда можно сделать хорошее надежное (und sicherer) применение, то и недостаточные определения, т. е. положения, собственно еще не [составляющие] определения, однако истинные и потому приближающиеся к определению, могут быть употреблены с большой пользой. В математике определение относится ad esse, а в философии ad melius esse. Дойти до определения (dazu) очень приятно, однако нередко очень трудно. Юристы и до сих пор ищут определения для своего понятия права.

1) С – Если бы нельзя было ни к чему приступать (Würde man nun eher gar nichts... anfangen können)

дячее определение окружности как кривой линии, все точки которой находятся на одинаковом расстоянии от одной и той же точки (от центра), заключает в себе **760** тот недостаток, что в нем без всякой нужды введен /признак кривизны[1]. В самом деле, должна существовать особая теорема о том, что всякая линия, все точки которой находятся на одинаковом расстоянии от одной и той же точки, есть кривая (ни одна часть ее не есть прямая); эта теорема может быть выведена и легко доказана из определения. Аналитические определения, наоборот, могут заключать в себе самые разнообразные ошибки или потому, что вносят признаки, в действительности не содержавшиеся в понятии, или потому, что им недостает существенной для определения полноты, так как мы не можем быть совершенно уверены в полноте своего анализа. Поэтому философия в своих определениях не может подражать методу математики.

1) С – определение кривой (die Bestimmung krumm)

2. Об **аксиомах**. Аксиомы суть априорные синтетические основоположения, поскольку они непосредственно достоверны. Понятие не может синтетически и тем не менее непосредственно быть связанным с другим понятием, так как для того, чтобы иметь возможность выйти за пределы понятия, нужно иметь какое-либо третье, опосредствующее знание. А так как философия есть только познание разума с помощью понятий, то в ней нельзя найти ни одного основоположения, которое заслуживало бы названия аксиомы. Наоборот, математика может иметь аксиомы, так как с помощью конструирования понятий она может в наглядном представлении предмета непосредственно и a priori связать предикаты его, как, напр., [в утверждении], что три точки всегда лежат в одной плоскости. Наоборот, синтетическое основоположение из одних лишь понятий, напр. **761** [утверждение], что все случающееся имеет причину, никогда не может быть непосредственно достоверным, так как я принужден искать еще чего-то третьего, именно условия определения времени в опыте, и не могу познать такое основоположение прямо, непосредственно из одних лишь понятий. Следовательно, дискурсивные основоположения имеют совершенно иной характер, чем интуитивные, т. е. чем аксиомы. Первые всегда нуждаются еще в дедукции, /тогда как последние вполне могут обойтись без нее[1]; и так как поэтому именно интуитивные основоположения наглядны (evident sind), между тем как философские основоположения, несмотря на всю свою достоверность, /никогда не могут заявлять [притязаний на наглядность][2], то синтетические положения чистого и

1) С – в которой последние совершенно не нуждаются (deren die letzteren ganz und gar entbehren können)

2) С – чего нельзя сказать (welches... doch niemals vorgeben können)

трансцендентального разума бесконечно далеки от того, чтобы обладать такой же очевидностью (как это упрямо (trotzig) утверждают обыкновенно), как положение «дважды два четыре». Правда, в аналитике, устанавливая таблицу основоположений чистого рассудка, я упоминал также о некоторых аксиомах наглядного представления; однако приведенное там основоположение само не есть аксиома, а служит только для того, чтобы указать принцип возможности аксиом вообще, и само является лишь основоположением из понятий. Действительно, в трансцендентальной философии даже и возможность математики должна быть разъяснена. Итак, философия не имеет никаких аксиом и никогда не может предписывать абсолютно свои основоположения a priori, **762** /но должна стараться[1)] оправдать свое право на них посредством основательной дедукции их.

3. О **демонстративных [доказательствах].** Только аподиктические доказательства, поскольку они имеют интуитивный характер, могут называться демонстративными. Опыт показывает нам, чтó именно существует, однако из него мы не узнаем, /что существующее не может быть иным[2)]. Поэтому эмпирические основания не могут доставить аподиктического доказательства. А из априорных понятий (в дискурсивном знании) никогда не может получиться наглядная достоверность, т. е. очевидность, хотя бы суждение и было аподиктически достоверным. Следовательно, только математика содержит в себе демонстративные [доказательства], так как она выводит свои знания не из понятий, а из конструирования их, т. е. из наглядного представления, которое может быть дано a priori соответственно понятиям. Даже операции алгебры с уравнениями (mit ihren Gleichungen), из которых она путем редукции получает истину вместе с доказательством, представляют собой если и не геометрическое, /то хотя бы символическое конструирование[3)] в котором понятия, в особенности понятия отношений величин, /выражаются с помощью знаков[4)], и, таким образом, не говоря уже об эвристическом [значении этого метода], все умозаключения обеспечены против ошибок тем, что каждое из них поставлено перед глазами. Наоборот, философское познание неизбежно лишено и этого преимущества, так как принуждено рассматривать общее всегда in abstracto (посредством понятий), тогда как математика может исследовать общее in concreto (в единичном наглядном представлении) **763** и тем не менее с помощью чистого представления a priori, причем всякая ошибка ясно видна (sichtbar wird). Поэтому первый вид [до-

1) С – но должна приспособиться к этому и
(sondern muß sich dazu bequemen)

2) С – что оно и не может существовать иначе
(daß er gar nicht anders sein können)

3) З – то все же конструирование с помощью символов
(aber doch charakteristische Konstruktion)

4) С, З – выражены в созерцании знаками
(an den Zeichen... in der Anschauung darlegt)

казательств] я предпочел бы называть *акроаматическими* (дискурсивными) *доказательствами*, так как они ведутся только посредством слов (durch lauter Worte) (предмета /в мышлении[1]), а не *демонстративными* [*доказательствами*], которые, как видно из самого термина, развиваются /[на почве] наглядных представлений[2] предмета.

Из всего этого следует, что природе философии, особенно в области чистого разума, /вовсе не прилично упорствовать в догматизме и украшать себя титулами и знаками отличия математики[3], к ордену которого она не принадлежит, хотя имеет /основание[4] надеяться на братское (schwesterliche) единение с ней. Эти пустые притязания никогда не могут быть осуществлены в ней и скорее мешают ее цели раскрыть иллюзии разума, /познающего[5] свои границы, и путем достаточного разъяснения (Aufklärung) наших понятий низвести самомнение спекуляции на степень скромного, но основательного самопознания. Следовательно, в своих трансцендентальных опытах (Versuchen) разум не будет в состоянии смотреть вперед так уверенно, как если бы пройденный им путь совершенно прямо вел к цели, и на /положенные в основу посылки [он][6] не может опираться (rechnen können) так решительно, чтобы [у него] не было нужды часто оглядываться назад и обращать внимание на то, не открылись ли в процессе умозаключений ошибки, которые были пропущены в принципах **764** и заставляют или точнее определить принципы, или совершенно изменить их.

1) С – в мысли
(in Gedanken)

2) С, З – в созерцании
(in der Anschauung)

3) С – не идет высокомерно гордиться своим догматическим движением и украшаться титулами и лентами математики
(mit einem dogmatischen Gange zu strotzen und sich mit den Titeln und Bändern der Mathematik auszuschmücken)

4) С – все данные
(alle Ursache)

5) С – забывшего
З – не видящего
(verkennenden)

6) С – на посылки, положенные в его [разума] основу
(auf ihre zum Grunde gelegten Prämissen)

Все аподиктические положения (как [полученные] путем доказательства (erweislich), так и непосредственно достоверные) я подразделяю на *догмы* и *матемы*. Синтетические положения, прямо [полученные] из понятий, суть *догмы*, а синтетические положения, полученные путем конструирования понятий, суть *матемы*. Аналитические суждения, собственно, не дают нам *бóльшего* [количества знаний] (lehren uns... mehr) о предмете, чем то, которое содержалось уже в нашем понятии о нем, так как они не расширяют знания о понятии субъекта, а только разъясняют его. Поэтому они не могут в собственном смысле слова называться догмами (этот термин, пожалуй, можно перевести словами /*научное положение*[1]). А из упомянутых двух видов априорных синтетических положений, согласно обыкновенному словоупотреблению, могут называться этим именем /только философские[2] знания, и едва ли можно было бы положения арифметики или геомет-

1) З – установленное положение
(Lehrsprüche)

2) З – те, что принадлежат к философскому
(nur die zum philosophischen Erkenntnis gehörige)

рии назвать догмами. Следовательно, наше объяснение, утверждающее, что догмами могут называться только суждения из понятий, а не из конструирования понятий, подтверждается этим словоупотреблением.

Ведь чистый разум в своем чисто спекулятивном применении не содержит ни одного синтетического суждения, [прямо полученного] из понятий. Действительно, посредством идей он не способен, как мы показали, создать ни одного синтетического суждения, которое имело бы **765** объективное значение; а посредством понятий рассудка он создает, правда, надежные основоположения, однако не прямо из понятий, а всегда лишь косвенно через отношение этих понятий к чему-то совершенно случайному, именно к в о з м о ж н о м у о п ы т у; если предполагается опыт (что-либо как предмет возможного опыта), то они, конечно, аподиктически достоверны, но сами по себе (прямо) они даже не могут быть познаны a priori. Так, положение «все случающееся имеет причину» никто не может усмотреть основательно из одних этих данных понятий. Поэтому оно не есть догма, хотя с другой точки зрения, именно в единственной области своего возможного применения, т. е. в области опыта, оно вполне может быть доказано аподиктически. Но, хотя оно и должно быть доказанным, оно называется о с н о в о п о л о ж е н и е м (Grundsatz), а н е /н а у ч н ы м п о л о ж е н и е м[1)], так как оно обладает тем особенным свойством, что оно впервые делает возможным самое свое основание, именно опыт, и всегда должно предполагаться в нем.

1) З – теоремой (Lehrsatz)

Если в спекулятивном применении чистого разума также и по содержанию нет никаких догм, то всякий д о г м а т и ч е с к и й метод, – заимствован ли он из математики, или /изобретен самостоятельно[2)], сам по себе (für sich) не пригоден [для него]. Действительно, он только скрывает ошибки и заблуждения и обманывает философию, специальная цель которой состоит в том, чтобы проливать ясный (klärsten) свет на все шаги разума. Тем не менее метод [философии] всегда может быть с и с т е м а т и ч е с к и м. В самом деле, наш разум (субъективно) **766** сам есть система, однако в своем чистом применении, посредством одних лишь понятий, он есть лишь система исследования согласно основоположениям единства, материал для которого может быть дан только опытом. Но о своеобразном методе трансцендентальной философии здесь ничего нельзя сказать, так как мы занимаемся только критикой своих способностей с целью узнать, можем ли мы вообще строить и насколько высокое здание можем мы возвести из имеющегося у нас материала (aus dem Stoffe) (из чистых понятий a priori).

2) С – или будет иметь своеобразный характер (eine eigenthümliche Manier werden sollen)

Первой главы

ВТОРАЯ СЕКЦИЯ

Дисциплина чистого разума в отношении его полемического применения

Разум во всех своих предприятиях должен подвергать себя критике и никакими запретами не может нарушить свободы ее, не нанося вреда самому себе и не навлекая на себя опасных (nachteiligen) подозрений. Здесь нет ничего столь важного по своей полезности и столь священного, что имело бы право уклоняться от этого испытующего и контролирующего (musternden) расследования, /не признающего никаких авторитетов[1] (79). На этой свободе основывается само (sogar) существование разума, так как разум не имеет никакой диктаторской власти, и его приговоры (Ausspruch) /[основываются] всегда на согласии[2] свободных граждан, из которых каждый должен иметь возможность выражать свои сомнения **767** и даже /без стеснений[1] налагать свое veto.

Но хотя разум никогда не может уклониться (verweigern) от критики, он не всегда имеет основание опасаться (zu scheuen) ее. В своем догматическом (не математическом) применении чистый разум / не настолько точно наблюдает[2] свои высшие законы, чтобы выступать перед критическим взором /высшего судящего[3] разума /без боязни и сохраняя свои притязания на догматический авторитет[4].

/[Но он] находится совсем в ином положении[5], когда имеет дело не с цензурой судьи, а с притязаниями своего согражданина и должен только защищаться против них. В самом деле, эти притязания тоже хотят быть догматическими, если не в форме утверждения, как первые, то в форме отрицания, и потому /здесь /можно[6] [достигнуть] оправдания κατ'ἄνθρωπον, застрахованного от всяких опасностей и доставляющего право на владение, могущее не опасаться чужих притязаний, хотя само оно не может быть в достаточной степени доказано κατ'ἀλήθειαν.

Под полемическим применением чистого разума я именно разумею такую защиту положений его против догматического отрицания их. Здесь дело не в том, что его утверждения также, может быть, ложны, а только в том, что никто не может выставить противоположного утверждения с аподиктической достоверностью (или хотя **768** бы только с бóльшей вероятностью (Scheine)). В самом деле, мы вовсе не по чьей-либо милости владеем своей собственностью, если, имея, правда, недостаточные права (Titel) на нее, мы

1) С – которое не смотрит на лица (die kein Ansehen der Person kennt)

2) З – всегда есть не то иное, как согласие (jederzeit nichts als die Einstimmung... ist) (Schm. – sucht)

1) С – без колебаний (ohne Zurückhalten)

2) С – путем самого точного применения не до такой степени изучил
З – не настолько отдает себе отчет в самом точном соблюдении (ist sich nicht so sehr der genauesten Beobachtung... bewuβt)

3) З – высшего и творящего суд (einer höherer und richterlichen)

4) С – робко и даже с полным отречением от всех догматческих притязаний (nicht mit Blödigkeit, ja mit gänzlicher Ablegung alles angemaβten dogmatischen Ansehens)

5) З – Но все обстоит иначе (Ganz anders ist es bewand)

6) С, З – имеет место (stattfindet)

все же вполне уверены, что никто не может доказать неправомерности нашего владения.

Есть нечто печальное и унизительное (Niederschlagendes) в том, что вообще существует антитетика чистого разума и что разум, составляющий высший трибунал для всех споров, принужден вступать в спор с самим собой. Мы имели, правда, перед собой выше такую мнимую антитетику, но оказалось, что она основывается на недоразумении, возникшем вследствие того, что, согласно распространенному (gemeinen) предрассудку, явления принимались за вещи в себе и вслед за тем выставлялось требование абсолютной полноты синтеза их в той или другой форме (Art) (которая, однако, и в той и в другой форме (Art) одинаково была невозможна) /[1]. Следовательно, в этом случае не было никакого действительного противоречия разума с самим собой в утверждениях «ряд явлений, которые даны сами по себе, имеет абсолютно первое начало» и «этот ряд существует абсолютно и сам по себе, не имея никакого начала»; [действительно,] эти положения могут существовать рядом друг с другом, так как явления по своему существованию (как явления) сами по себе суть ничто, т. е. суть нечто противоречивое, и потому такое допущение их, естественно, влечет за собой противоречивые следствия.

1) З – чего, однако, вовсе нельзя ожидать от явлений
(welches aber von Erscheinungen gar nicht erwartet werden kann)

769 Но мы не можем ссылаться на подобное недоразумение и таким образом /разрешать[1] спор разума в том случае, когда, напр., теист (theistisch) утверждает, что «высшее существо есть (es ist)», а с другой стороны, атеист настаивает, что «высшего существа нет (es ist kein)», или если в психологии одни утверждают, что все мыслящее обладает абсолютно устойчивым единством и, следовательно, отличается от всякого преходящего материального единства, а другие настаивают, наоборот, что душа не есть нематериальное (ist nicht immaterielle) единство и не может быть изъята из [области] бренного (von der Vergänglichkeit). Действительно, в этих случаях предмет, подлежащий исследованию, свободен от всякого постороннего [элемента], противоречащего его природе, и /разум[2] имеет здесь дело только с вещами в себе, а не с явлениями. Следовательно, здесь мы должны были бы встретиться с настоящим противоречием, если бы только чистый разум /мог найти в пользу отрицания что-либо подобное основаниям утверждения[3]; в самом деле, что касается критики оснований догматического утверждения, производимой противником его, /она может быть допущена без пожертвования этими положениями, так как все же в их

1) С – отклонить
З – улаживать
(beigelegt werden)

2) С, З – рассудок
(der Verstand)

3) С – с отрицательной стороны мог сказать нечто такое, что близко подходило бы к основе утверждения
(auf der verneinenden Seite etwas zu sagen hätte, was dem Grunde einer Behauptung nahe käme)

пользу говорят интересы разума[4]), между тем как /сторонники[5]) отрицательных положений не могут сослаться на эти интересы.

/[6])Выдающиеся и вдумчивые люди (напр. Зульцер), чувствуя слабость прежних доказательств, часто выражали надежду, что когда-нибудь будут еще изобретены очевидные демонстративные [доказательства] двух кардинальных положений нашего чистого разума: есть Бог, есть будущая жизнь. **770** [Я с этим не согласен,] скорее, я уверен, что /этого[1]) не случится. Действительно, откуда бы взял разум основания для таких синтетических утверждений, которые не относятся к предметам опыта и его внутренней возможности? Но, с другой стороны, аподиктически достоверно, что нет и не будет человека, который мог бы установить противоположные [утверждения] с какою-либо вероятностью (mit dem mindesten Scheine), а тем более догматически. Действительно, так как он мог бы достигнуть этого только посредством чистого разума, то он должен был бы взять на себя задачу доказать, что высшее существо и мыслящий в нас субъект как чистая интеллигенция невозможны. Но откуда же он заимствовал бы знания, которые дали бы ему право судить таким образом, синтетически, о вещах за пределами всякого возможного опыта? Поэтому мы можем совсем не беспокоиться, что кто-нибудь докажет нам когда-либо противоположное; следовательно, нам вовсе не нужно придумывать школьные доказательства (auf schulgerechte Beweise zu sinnen), и мы всегда можем принять те положения, которые вполне согласуются с теоретическим (spekulativen) интересом нашего разума в эмпирическом применении и сверх того служат единственным средством примирить (vereinigen) его с практическим интересом. Для противника (которого следует рассматривать здесь не только как критика) у нас всегда в запасе есть non liquet [(это неясно)], которое неизбежно должно /привести его в замешательство[2]), тогда как /мы не мешаем ему обратить это замечание против нас[3]), так как у нас в резерве всегда есть субъективная **771** максима разума, которой недостает противнику, и под ее защитой мы можем спокойно и равнодушно смотреть на все его удары в воздух.

Таким образом, собственно, никакой антитетики чистого разума нет. Действительно, единственной ареной борьбы /могла бы быть[1]) чистая теология и психология; но эта почва не удерживает (trägt) ни одного борца в полной амуниции и с оружием, которого

4) С – ее вполне можно допустить, не уничтожая этим этих суждений, которые, по крайней мере, имеют за себя интерес разума
(die kann man ihm sehr wohl einräumen, ohne darum diese Sätze aufzugeben, die doch wenigstens das Interesse der Vernunft für sich haben)
(Erdm. – die Beweisgründe kann man dem Kritiker des Dogmatismus sehr wohl einräumen...)
5) З – противник
(der Gegner)
6) С – Правда, я не держусь мнения, которое...
(Ich bin zwar nicht der Meinung, welche...)

1) С, З – этого никогда
(dieses niemals)

2) З – сбить его с толку
(ihn... verwirren muβ)

3) С – мы не уклоняемся от его нападения на нас
(indessen daβ wir die Retorsion desselben auf uns nicht weigern)

1) С – для нее следовало бы искать в области
(für sie würde auf dem Felde... zu suchen sein)

следовало бы бояться. Он может выступать только с насмешками и (oder) хвастовством, которые можно осмеять как детскую забаву. Это утешительное замечание вновь дает мужество разуму; иначе на что же мог бы он полагаться, если бы, призванный /[2] устранять все заблуждения, он сам в себе был раздвоен (in sich selbst zerrüttet wäre), не имея возможности надеяться на мир и спокойное обладание [истиной]?

Все устроенное самой природой пригодно (gut) для какой-либо цели. Даже яды служат для того чтобы преодолевать другие яды, зарождающиеся в самих соках нашего тела, и потому должны находиться в полном собрании целебных средств (в аптеке). Возражения против уверенности и самомнения нашего чисто спекулятивного разума даны (sind...aufgegeben) самой природой этого разума и, следовательно, должны иметь полезное назначение и цель, /которой не следует пренебрегать[3]. Почему некоторые предметы, хотя и связанные с нашими высшими интересами, поставлены Провидением так высоко, что нам 772 предоставлено только находить их в неясном восприятии, вызывающем в нас сомнения, вследствие чего /выслеживающий их глаз[1] не удовлетворяется, а еще только более раздражается? Полезно ли отваживаться на дерзкие определения /в этих областях[2], это во всяком случае сомнительно; быть может, это даже вредно. Но во всяком случае и без всякого сомнения полезно предоставить исследующему и испытующему разуму полную свободу, чтобы он беспрепятственно мог обеспечивать свои интересы, /что достигается как в том случае[3], если он полагает границы своим знаниям, /так и в том случае[3], если он расширяет их, между тем как интересы его во всяком случае (allemal) страдают, если вмешивается чужая рука, чтобы /направлять его против естественного для него пути[4] к навязанным ему целям.

Поэтому предоставьте вашему противнику говорить только во имя разума (nur Vernunft saen) и побивайте его только оружием разума. Что же касается /добра[5] (практического интереса), не беспокойтесь о нем, так как в чисто спекулятивном споре оно вовсе не замешано. Тогда спор вскроет лишь некоторую антиномию разума, которая, коренясь в его природе, необходимо должна быть выслушана и подвергнута исследованию. Тогда спор вскроет лишь некоторую антиномию разума, которая, коренясь в его природе, необходимо должна быть выслушана и подвергнута исследованию. /Спор развивает антиномию[6] путем рассмотрения предмета с двух сторон и исправляет /суждение [разума][7] тем, что ограничивает его (solches).

2) З – один
(die allein)

3) С – которые нельзя пускать на ветер
(die man nicht in den Wind schlagen muß)

1) С – пытливый взор
З – исследующий взор
(ausspähende Blicke)

2) С – по отношению к таким воззрениям
З, В – при такой перспективе (видах)
(in Ansehung solcher Aussichten)

3) З – чему способствует и то, что... и то, что...
(welches ebensowohl dadurch befördert wird, daß sie..., als daß sie)

4) З – свернуть его с естественного для него пути
В – руководить... вопреки его естественному движению
(sie wider ihren natürlichen Gang... zu lenken)

5) С, З – добрых дел
(der guten Sachen)

6) С – Они [антиномии] культивируют разум
(Er kultiwiert dieselbe)
(Reason is benefited)
(лат. – Illud eam excolit)

7) С – его [разума] суждение
З – ее [антиномии] суждение
(ihr Urteil)

Спорным оказывается здесь не предмет (nicht die Sache), а тон. Действительно, на вашу долю остается еще достаточно, /чтобы говорить языком твердой веры, которую можно оправдать перед самым строгим разумом[8), 773 /хотя вам и приходится покинуть язык знания[1)].

8) С – чтобы говорить перед проницательным разумом убежденным языком твердой веры
(um die vor der schärfsten Vernunft gerechfertigte Sprache eines festen Glaubens zu sprechen)

1) С – если вы должны будете отказаться от языка знания
(wenn ihr gleich die des Wissens habt aufgeben müssen)

Если бы спросить хладнокровного, как бы созданного для уравновешенных суждений Давида Юма: что́ побудило вас подкопать путем старательно подобранных сомнений столь утешительное и полезное для человека убеждение в том, что знаний его разума достаточно для утверждения высшего существа и определенного понятия о нем? – то он ответил бы: ничего, кроме намерения подвинуть разум вперед в его самопознании и кроме некоторого недовольства (Unwille) насилием, производимым над разумом, /когда его чересчур превозносят и этим[2)] мешают ему свободно признать свои слабости, открывающиеся ему при испытании самого себя. С другой стороны, задайте вопрос преданному только основоположениям эмпирического применения разума и питающему отвращение ко всякой трансцендентной спекуляции Пристли, какие у него были основания подрывать свободу и бессмертие нашей души (надежда на будущую жизнь есть у него лишь ожидание чуда воскресения), эти два столпа (solche Grundpfeiler) всякой религии, и он, бывший в то же время благочестивым и ревностным проповедником религии, сошлется лишь на интерес разума, которому мы наносим ущерб, если хотим изъять некоторые предметы из [сферы] законов материальной природы, /единственной, которую[3)] мы можем точно познать и определить. 774 Было бы несправедливо обрушиваться на этого мыслителя, умевшего соединить свои парадоксальные утверждения с целями религии, и оскорблять благомыслящего человека за то, что он не может ориентироваться (nicht zurechte finden kann), как только покинет область естествознания. Но такое же благосклонное отношение должно выпасть также и на долю не менее благонамеренного и по своему нравственному характеру безупречного Юма, не желающего отказаться (nicht verlassen kann) от своих отвлеченных умозрений[46], так как он совершенно правильно

2) З – когда им хвастаются и
(indem man mit ihr groß tut und...)

3) С – тех единственных законов, которые
(den einzigen, die...)

[46] По мнению Э.Вилле, это место нужно исправить следующим образом: не допускающего (nicht zulassen) отвлеченных умозрений (см. Kantstudien, IV, стр. 314).

уверен, что предмет их находится вне границы естествознания, в области чистых идей.

Что же нужно сделать здесь, в особенности в виду опасности, которая, как кажется, грозит общему благу (dem gemeinen Besten)? Нет более естественного и более справедливого решения, чем то, какое вам предстоит сделать. Предоставьте этим людям делать [свое дело] (nur machen); если они обнаружат талант, если они произведут глубокие и новые исследования, одним словом, если только они проявят разум, то во всяком случае разум от этого выиграет. Если же вы хватаетесь за другие средства, кроме непринужденного разума, если вы кричите о государственной измене (Hochverrat), если вы созываете, как бы для тушения пожара, обыкновенных людей (das gemeine Wesen), ничего не понимающих в таких утонченных вопросах, – то вы ставите себя в смешное положение. Действительно, речь идет здесь не о том, что полезно или вредно общему благу, а только о том, насколько далеко может пойти разум в своей отвлекающейся от всякого **775** интереса спекуляции, и о том, можно ли /на него[1)] сколько-нибудь рассчитывать или лучше совсем отказаться /от него в практической [области][2)]. Поэтому, вместо того чтобы размахивать мечом, лучше спокойно присматривайтесь из безопасного убежища критики к этому спору, который для борющихся утомителен, а вас развлекает и, закончившись несомненно бескровным исходом, должен быть полезным для ваших взглядов. В самом деле, было бы нелепо ожидать от разума разъяснений и в то же время наперед предписывать ему, на какую сторону он непременно должен стать. К тому же разум уже самостоятельно до такой степени укрощается (gebändigt) и удерживается в границах самим же разумом, что вам нет нужды призывать стражу, чтобы противопоставить /общественную силу[3)] той партии, перевес которой кажется вам опасным. В этой диалектике не бывает побед, которые давали бы вам повод беспокоиться.

Разум даже нуждается в таком споре, и было бы желательно, чтобы он /развился раньше[4)] и велся /публично, пользуясь неограниченной свободой[5)]. В таком случае тем раньше развилась бы зрелая критика, при появлении которой все эти столкновения (Streithändel) сами собой должны исчезнуть, так как спорящие /поймут[6)] свое ослепление и предрассудки, разъединявшие их.

В человеческой природе есть некоторая неискренность (Unlauterkeit), которая в конце **776** концов, как и все исходящее из природы, должна содержать в себе задатки к добрым целям; я говорю о склонности [че-

1) З – на нее [спекуляцию] (auf diese)

2) З – от нее в пользу практического (sie lieber gegen das Praktische gar aufgeben müsse)

3) С – гражданское противодействие (bürgerlichen Widerstand)

4) З – велся своевременно (eher... wäre geführt worden)

5) С – с неограниченного общего позволения (mit uneingeschränkter öffentlicher Erlaubnis)

6) С – научились бы видеть (einsehen lernen)

ловека] скрывать свои /настоящие чувства[1] и выказывать /другие[2], считающиеся добрыми и похвальными. Без сомнения, благодаря той склонности /скрывать свою природу и придавать себе лучший вид[3], люди не только цивилизовались, но и постепенно до известной степени морализовались, так как, не будучи в состоянии /разоблачить прикрасы приличия, честности и нравственности[4], всякий находит для себя /школу[5] в мнимых примерах добра, которыми он видит себя окруженным. Однако эта склонность придавать себе лучший, чем в действительности, вид и обнаруживать чувства, которых на самом деле нет, служить только первоначально (nur gleichsam provisorisch) к тому, чтобы вывести человека из грубости и заставить его впервые по крайней мере усвоить манеры добра, известного ему, а затем, когда правильные основоположения уже развились и вошли в [действительный] образ мышления людей, эта лживость должна быть постепенно искоренена, потому что в противном случае она портит сердце и не дает добрым настроениям подняться из сорной травы красивой, но лживой внешности (des schönen Scheins).

Мне горько, что ту же самую нечистоту (Unlauterkeit), притворство и лицемерие я нахожу даже в выражениях спекулятивного склада мышления, хотя здесь люди встречают гораздо меньше препятствий /исповедовать откровенно, как и подобает, свои взгляды, и хотя здесь лживость не приносит никакой выгоды[6]. 777 В самом деле, что же может быть вреднее для знания, как сообщать друг другу даже и мысли в фальсифицированной форме (verfälscht), скрывать /сомнения, возникающие у нас по поводу собственных[1] наших утверждений или придавать вид очевидности (einen Anstrich von Evidenz) доказательствам, которые не удовлетворяют нас самих? Но пока эти тайные козни имеют своим источником только личную суетность человека (die Privateitelkeit) (что нередко случается в спекулятивных суждениях, не представляющих особенного интереса и нелегко [доказуемых с] (fähig sind) аподиктической достоверностью), /то публичному одобрению их противостоит суетность других людей[2], и в конце концов результат получается такой же, какой был бы достигнут, правда, значительно раньше, при самом чистом настроении и искренности. Но в тех случаях, когда толпа воображает, что /хитроумные софисты подкапывают самые основы[3] общественного благополучия, /[ей] кажется[4] не только умным (der Klugheit gemäß), но и позволительным и даже похвальным по-

1) С – истинные воззрения (wahren Gesinnungen)

2) С – некоторые ходячие мнения (gewisse angenommene)

3) С – прятаться и принимать удобную для них внешность (sowohl sich zu verhehlen, als auch einen ihnen vorteilhaften Schein anzunehmen)

4) С – проникнуть сквозь румяна
З – сорвать маску благопристойности, честности и благонравия
(durch die Schminke der Anständigkeit, Ehrbarkeit und Sittsamkeit)

5) С – школу улучшения
З – школу для совершенствования
(eine Schule des Besserung)

6) З – высказывать искренне и откровенно, как и подобает, свои взгляды и не имеют никаких выгод поступать иначе (das Geständnis ihrer Gedanken billigermaßen offen und unverhohlen zu entdecken... und gar keinen Vorteil haben)

1) З – испытываемые нами сомнения в собственных... (die wir wider unsere eigene Behauptungen fühlen)

2) С – ей с общественного соизволения противостоит суетность других
(so widersteht denn doch die Eitelkeit anderer mit öffentlicher Genehmigung)

3) З – хитроумные софисты замышляют не более и не менее как подкоп под самые основания (spitzfindige Vernünftler mit nichts minderem umgehen, als die Grundfeste... wankend zu machen)

4) С – там, по-видимому (da scheint es)

могать доброму делу хотя бы с помощью мнимых оснований /и не доставлять[5] мнимому противнику добра даже и тех преимуществ, [которые являлись бы у него,] если бы мы понизили свой тон до степени лишь практического убеждения и /признались, что у нас нет[6] спекулятивной и аподиктической достоверности. Однако мне думается, что /труднее всего согласовать[7] хитрость, притворство и обман с намерением спасти доброе дело. Чтобы при оценке оснований разума 778 в чистой спекуляции все делалось честным образом, – это наименьшее, чего можно требовать. Но если бы можно было с уверенностью рассчитывать хотя бы на это наименьшее, то спор спекулятивного разума по поводу важнейших вопросов о Боге, бессмертии (души) и свободе или был бы давно решен, или близился бы уже к концу. Так нередко чистота настроения находится в обратном отношении с достоинством самой задачи (der Sache), /и высокая задача, быть может, имеет больше искренних и честных противников, чем защитников[1].

Итак, предполагая читателей, которые не хотят защищать правое дело неправыми путями, /я считаю[2], согласно основоположениям нашей критики, решенным, что когда /мы рассматриваем не то, что есть, а то, что должно быть[3], то [в этих вопросах,] собственно, не должно быть никакой полемики чистого разума. Действительно, каким образом два лица могут вести спор о вещи, реальность которой ни один из них не может выразить в действительном или хотя бы только возможном опыте, о вещи, /которую они вынашивают в себе лишь как идею[4], стараясь добыть из нее нечто б о л ь ш е е, чем идея, именно действительность самого предмета? Какими способами могли бы они выпутаться из спора, если ни один из них не может даже (geradezu) сделать свою вещь понятной и достоверной, а может только нападать на своего противника и опровергать его? В самом деле, такова судьба всех утверждений чистого 779 разума; так как они выходят за пределы условий всякого возможного опыта, вне которых нельзя найти никакого документального подтверждения (kein Dokument) истины, но в то же время принуждены пользоваться законами рассудка, которые предназначены только для эмпирического применения и без которых, однако, нельзя сделать ни одного шага в синтетическом мышлении, то они постоянно открывают противнику свои слабые стороны (Blößen) и каждый может воспользоваться слабостью своего противника.

Критику чистого разума можно рассматривать как настоящий трибунал для всех споров его; действи-

5) С – чем позволять
З – а не оставлять
(als... zu lassen)

6) С – застави[ли] себя сознаться в недостатке
(uns zu notigen, den Mangel... zu gestehen)

7) С – в мире хуже всего стремление соединять
(in der Welt wohl nichts übler als... vereinigen lasse)

1) С – и это дело, может быть, имеет противников искреннее и честнее, чем его защитники
(und diese hat vielleicht mehr aufrichtige und redliche Gegner als Verteidiger)

2) С – По отношению к ним таким образом ясно, что
(In Ansehung deren ist es nun entschieden, daß)

3) З – обращаем внимание не на то, что происходит, а на то, что по справедливости должно было бы происходить
(man nicht auf dasjenige sieht, was geschieht, sondern, was billig geschehen sollte)

4) С – где каждый умствует только над идеей этой вещи
(über deren Idee er allein brütet)

тельно, в эти споры, так как они относятся прямо к объектам, она не вмешивается, а предназначена для того, чтобы определить и обсудить права разума вообще /согласно первым основоположениям его устройства[1].

Без критики разум находится как бы в естественном состоянии (im Stande der Natur) и может придать силу (geltend machen) своим утверждениям и запросам, а также обеспечить (oder sichern) их не иначе как посредством в о й н ы. Наоборот, критика, заимствуя все решения из основных правил его собственного устава (Einsetzung), авторитет которого не может быть подвергнут никакому сомнению, доставляет нам покой правового (gesetzlichen) состояния, при котором мы можем вести наши споры не иначе как в форме п р о ц е с с а. В естественном состоянии конец спору полагается п о б е д о й, которой хвалятся обе партии и за которой следует большею частью лишь непрочный мир, /устанавливаемый вмешавшимся в дело начальством[2]; **780** [наоборот], в правовом состоянии [дело кончается] /с е н т е н ц и е й[1], которая, проникая (trifft) здесь в самый источник споров, должна обеспечить вечный мир. Сами бесконечные споры чисто догматического разума побуждают в конце концов искать покоя в какой-либо критике /разума[2] и в законодательстве, основывающемся на ней. Так, Г о б б с утверждал, что естественное состояние есть состояние бесправия и насилия и необходимо следует покинуть его, чтобы подчиниться принуждению закона, который единственно ограничивает нашу свободу так, что она может существовать в согласии со свободой всякого другого человека и, следовательно, с общим благом (mit dem gemeinen Besten).

К этой свободе относится также и свобода высказывать свои мысли и сомнения, которых не можешь разрешить самостоятельно, для публичного обсуждения /и не подвергаться за это обвинениям в беспокойном и опасном [для общества] характере[3]. Эта свобода вытекает уже из (Dies liegt schon in dem) первоначальных прав человеческого разума, не признающего никакого судьи, кроме самого общечеловеческого разума, в котором всякий имеет голос; и так как от этого разума /зависит[4] всякое улучшение, какое возможно (fähig ist) в нашем состоянии, то это право священно и никто не смеет ограничивать его. Да и неумно кричать об опасности известных отважных утверждений или дерзких нападений на то, что уже пользуется согласием большей и лучшей части обыкновенных людей: ведь это значит придавать подобным утверждениям **781** такое значение (eine Wichtigkeit), ка-

1) З – по основоположениям его первой инстанции (nach den Grundsätzen ihrer ersten Institution)

2) С – устанавливаемой властью, имеющей для этого средства (den die Obrigkeit stiftet, welche sich ins Mittel legt)

1) С – вердиктом
З – приговором
В – решением
(die Sentenz)

2) С – самого этого разума (dieser Vernunft selbst)

3) С – не подвергаясь за это опасности прослыть опасным и беспокойным гражданином (ohne darüber für einen unruhigen und gefährlichen Bürger verschrieen zu werden)

4) С – должно идти (herkommen muß)

кого они /вовсе не имеют[1]. Когда я слышу, что какой-нибудь /выдающийся ум[2] старается опровергнуть свободу человеческой воли, надежду на будущую жизнь и существование Бога, то я жадно стремлюсь прочитать книгу, так как ожидаю, что благодаря его таланту мои знания подвинутся вперед. Я заранее уже совершенно уверен, что он /не решит своей задачи[3], не потому, чтобы я воображал, будто я уже обладаю непоколебимыми доказательствами в пользу этих важных положений, а потому, что трансцендентальная критика, открывшая мне весь материал (Vorrat) нашего чистого разума, вполне убедила меня как в том, что разум совершенно не способен установить утвердительные положения в этой области, так и в том, что он столь же или еще менее имеет возможности дать отрицательный ответ на эти вопросы. Действительно, откуда же мнимый вольнодумец может заимствовать, напр., свое знание, что высочайшего существа нет? Это положение лежит вне области возможного опыта и потому также вне границ всякого человеческого знания. Догматического защитника доброго дела против этого врага я бы вовсе не стал читать, так как я наперед знаю, что он будет нападать на мнимые основания противника (des anderen) лишь для того, чтобы расчистить путь своим [доводам], /но повседневная иллюзия может дать меньше материала для новых замечаний, чем необыкновенная и остроумно построенная[4]. /Противник религии, будучи по-своему также догматиком, может дать полезный материал для моей критики[5] **782** и послужить поводом к исправлению некоторых основоположений ее, причем у меня нет никаких /оснований опасаться его[1].

Но не следует ли по крайней мере предостерегать против подобных сочинений молодежь, доверенную академическому обучению, и удерживать ее от раннего знакомства с такими опасными положениями, пока ее способность суждения не созрела или пока учение, которое /желательно сообщить ей[2], не укоренилось в ней настолько прочно, чтобы с силой противостоять всяким противоположным убеждениям, откуда бы они ни исходили?

Если бы в вопросах чистого разума приходилось навсегда оставаться при догматическом методе и если бы борьба (die Abfertigung) с противником должна была, собственно, иметь характер полемики, т. е. состоять в том, что мы вступали бы в бой, вооружаясь основаниями для противоположных утверждений, то в таком случае, конечно, полезно было бы д л я д а н н о г о м о м е н т а (vor der Hand), хотя в то же время сомнительно и бесплодно д л я б у д у щ е г о

1) С – иметь не должны (gar nicht haben sollten)
2) С – незаурядный ум (gar nicht gemeiner Kopf)

3) С – ничего не может сделать (nichts von allem diesem wird geleistet haben)

4) З – кроме того, обычная иллюзия не дает столько материала для новых замечаний, сколько необыкновенная и остроумно придуманная (überdem ein alltätiger Schein doch nicht soviel Stoff zu neuen Bemerkungen giebt, als ein befremdlicher und sinnreich ausgedachter)

5) С – Но и догматический противник религии по своему дает для моей критики желанную работу (Hingegen würde der nach seiner Art auch dogmatische Religionsgegner meiner Kritik gewünschte Beschäftigung... geben)

1) С – сколько-нибудь опасаться от него чего-либо (ohne daβ seinetwegen im mindesten etwas zu befürchten wäre)

2) З – желают втолковать ей (man in ihnen gründen will)

времени (auf die Dauer), взять на время под опеку разум юношества и охранять его по крайней мере в этом периоде от искушений (vor Verführung). Но если впоследствии любопытство или модный тон века даст ему в руки подобные сочинения, будут ли тогда иметь силу (Stich halten) эти юношеские убеждения? Тот, кто приносит с собой только догматическое оружие /для борьбы[3] со своим противником и не умеет развивать скрытую диалектику, присущую его собственной **783** душе (Busen) не менее, чем душе противника, /встречается при этом с мнимыми основаниями, имеющими превосходство новизны и противоположными его собственным мнимым основаниям, которые уже утратили этот характер[1] и скорее вызывают подозрение в том, что ими было обмануто легковерие молодости. Тогда юноше кажется, будто лучшее средство доказать, что он вышел из детского возраста, состоит в том, чтобы пренебречь этими предостережениями, имевшими добрую цель, и, привыкнув к догматизму, он жадными глотками пьет яд, догматически разрушающий его основоположения.

В академическом обучении должно происходить нечто прямо противоположное тому, что рекомендуется таким образом (hier), однако, конечно, лишь при условии основательного /изучения критики[2] чистого разума. Действительно, чтобы как можно раньше применить к делу ее принципы и показать достаточность их даже и при столкновении с величайшими диалектическими иллюзиями, необходимо направить все столь страшные с точки зрения догматика нападения против [юного] (seine), хотя и слабого, но просвещенного критикой разума и заставить его сделать попытку испытать неосновательные убеждения противника шаг за шагом с помощью основоположений критики. Ему нетрудно будет /превратить их в пыль[3], и, таким образом, он рано почувствует, что его силы вполне обеспечивают его против подобной вредной шумихи, которая в конце концов должна потерять всякое влияние на него. **784** Правда, те же удары, которые разрушают здание противника, должны быть столь же губительными и для его собственных спекулятивных построений, если только он задумает /заняться ими[1]; тем не менее он может вовсе не беспокоиться об этом: ему вовсе не нужно жить в подобных зданиях, так как перед ним открывается вид на практическое поприще, где он с полным основанием может надеяться найти более прочную почву, чтобы на ней возвести свою разумную и спасительную систему.

3) З – для отражения нападок (um den Angriffen... zu widerstehen)

1) С – тот видит, что мнимые доводы, которые имеют преимущество новизны, выступают против таких же мнимых доводов, которые этого преимущества не имеют (sieht Scheingründe, die den Vorzug der Neuigkeit haben, gegen Scheingründe, welche dergleichen nicht mehr haben... auftreten)

2) С – знакомства с критикой
З – обучения критике
(Unterrichts in der Kritik)

3) З – рассеять их как дым (sie in lauter Dunst aufzulösen)

1) С – их возводить
З – возвести их
(zu errichten)

Таким образом, в области чистого разума не бывает настоящей полемики. Обе стороны наносят удары в воздух, борясь со своими тенями, так как они выходят за пределы природы, туда, где для их догматических уловок (Griffe) нет ничего, что можно было бы схватить и удержать. Они могут бороться сколько угодно (gut kämpfen); тени, разрубаемые ими, моментально срастаются вновь, как герои в Валгалле, чтобы опять развлекаться бескровными битвами.

Однако чистый разум не имеет также допустимого скептического применения, которое можно было бы назвать основоположением нейтральности при всех его спорах. Подстрекать разум против самого себя, доставлять оружие обеим сторонам и затем спокойно и насмешливо присматриваться к их разгоряченной борьбе – это имеет с догматической точки зрения /некрасивый вид злорадства и злобности[2]. Но если мы замечаем непреодолимое ослепление и самоуверенность умствующих [людей], не умеряемые никакой **785** критикой, то в самом деле у нас нет иного средства (Rat), как противопоставить хвастовству одной стороны другую сторону, опирающуюся на точно такие же права, чтобы противодействием врага по крайней мере привести разум в замешательство (nur stutzig gemacht werde), вызвать некоторое сомнение в нем по поводу его притязаний и заставить его выслушать критику. Но попытка оставить его навсегда при этих сомнениях и рекомендовать /убеждение[1] в своем незнании [и исповедание его] не только как целебное средство против догматического /сомнения[2], но и как способ закончить спор разума с самим собой была бы безуспешна и вовсе не вела бы к успокоению разума; /она может быть только[3] средством пробудить разум от его сладкого догматического сна, чтобы подвергнуть его состояние более тщательному исследованию. Но этот скептический прием (Manier) /освобождения себя от надоевшего состояния[4] разума кажется как бы кратчайшим путем к достижению прочного философского спокойствия; по крайней мере этим торным путем (die Heerresstraße) охотно идут те, кто надеется придать себе авторитет философа посредством насмешливого пренебрежения ко всем исследованиям этого рода; поэтому я считаю необходимым /обрисовать своеобразный характер[5] этого способа мышления.

2) С – неблаговидно и дает впечатление коварства и злорадства
(sieht... nicht wohl aus, sondern hat das Ansehen einer schadenfrohen und hämischen Gemütsart an sich)

1) З – убеждение и признание
(die Überzeugung und das Geständnis)

2) С, З – самомнения
(Eigendünkel)

3) С – В крайнем случае это только
(höchstens nur)

4) З – избавить себя от скучного занятия
(sich aus einem verdrißlichen Handel... zu ziehen)

5) С – представить в настоящем свете
(in ihrem eigentümlichen Lichte darzustellen)

786 *О невозможности скептического удовлетворения чистого разума, раздвоенного в самом себе (mit sich selbst veruneinigten)*

Сознание своего неведения (если оно не познается /как[1] необходимое), вместо того чтобы заканчивать наши исследования, скорее[2], [наоборот], побуждает к ним. Всякое неведение есть или неведение вещей, или неведение определения и границ нашего знания. Если неведение случайно, то оно побуждает меня в первом случае догматически исследовать вещи (предметы), а во втором случае – критически исследовать границы моего возможного знания. Если же мое неведение является безусловно необходимым и потому освобождает меня от всякого дальнейшего исследования, то это можно установить не эмпирически, путем наблюдения, а только критически, путем /исследования[3] первоисточников нашего познания. Следовательно, определение границ нашего разума можно произвести только соответственно априорным основаниям; а то ограничение его, которое /имеет [характер] лишь[4] неопределенного знания о никогда вполне не устранимом неведении, может быть установлено также и a posteriori, на основании того, /что́ остается всегда еще неизвестным во всяком нашем знании[5]. Первое (Jene) знание о своем неведении, возможное только посредством критики самого разума, есть, следовательно, наука, а второе знание [о своем неведении] есть не более как (diese ist nichts als) восприятие, **787** о котором нельзя сказать, насколько далеко простираются выводы из него. Если я представляю себе поверхность Земли (согласно чувственной видимости) как тарелку, то я не могу знать, как далеко она простирается. Но опыт показывает мне, что куда бы я ни пошел, я всегда вижу вокруг себя пространство, в котором я мог бы идти дальше; таким образом я вижу ограниченность всякого моего действительного знания о Земле, но не границы всего возможного землеописания. Но если я дошел до знания, что Земля есть шар и что ее поверхность есть поверхность шара, то из небольшой части ее, напр. из величины одного градуса, я могу /определить и познать согласно априорным принципам[1] диаметр, а посредством него и все границы Земли, т. е. поверхность ее; и хотя я не имею сведений о предметах на этой поверхности, я знаю тем не менее объем (so bin ich es doch nicht in Ansehung des Umfanges, den sie enthält), величину и пределы ее.

Совокупность всех возможных предметов нашего познания представляется нам в виде плоскости, кото-

1) B – в то же время (zugleich als)
2) C – скорее дает повод (ist vielmehr die eigentliche Ursache)
3) З – отыскания (Ergründung)
4) C – есть хотя только (obgleich nur... ist)
5) C – что́ при всем нашем знании, всегда еще нужно узнать З – что́ при всяком нашем знании все еще должно быть познано (was uns bei allem Wissen immer noch zu wissen übrigbleibt, erkannt werden)

1) C – определенно и по принципам a priori узнать (bestimmt und nach Prinzipien a priori erkennen)

рая имеет свой кажущийся горизонт, именно то, что охватывает весь объем ее, и называется она понятием разума об абсолютной целостности. Эмпирически достигнуть этого предела невозможно, а все попытки определить его a priori согласно известному принципу были тщетны. Тем не менее **788** все вопросы нашего чистого разума относятся к тому, что может находиться за пределами этого горизонта или по крайней мере лежит на его границе (in seiner Grenzlinie).

Знаменитый Давид Юм был одним из этих географов человеческого разума и надеялся вполне решить все эти вопросы тем, что вынес их за этот горизонт, которого, однако, он не мог определить. Он особенно занимался основоположением причинности и совершенно правильно[47] (ganz richtig) утверждал, что истинность его (не говоря уже об объективном значении понятия действующей причины вообще) вовсе не опирается на априорное усмотрение, т. е. априорное знание, и что поэтому значение этому закону придает вовсе не необходимость его, а только всеобщая применимость его в опыте и возникающая отсюда субъективная необходимость, которую он называет привычкой. Из неспособности нашего разума придавать этому основоположению применение, выходящее за пределы всякого опыта, он заключал о несостоятельности всех притязаний разума вообще выйти за пределы эмпирического [знания].

Этот прием подвергать факты (die Facta) разума испытанию и, смотря по обстоятельствам, порицанию можно назвать цензурой разума. Очевидно, эта цензура неизбежно приводит к сомнению во всяком трансцендентном применении основоположений. **789** Однако это лишь второй шаг, вовсе еще не завершающий дела. Первый шаг в делах чистого разума, характеризующий детский возраст его, есть догматизм (ist dogmatisch). Только что указанный второй шаг есть скептицизм; он свидетельствует об осторожности способности суждения, обостренной благодаря опыту. Однако необходим еще третий шаг, возможный лишь для зрелой и возмужалой способности суждения, которая имеет основой /твердые и удостоверенные со стороны своей всеобщности максимы[1]; этот шаг состоит в том, что не факты разума, а сам разум подвергается оценке, что ка-

1) З – испытанные с точки зрения их всеобщности максимы (ihrer Allgemeinheit nach bewährte Maxime zum Grunde hat)

[47] По Э. Вилле, следует читать: совершенно неправильно (см. Kantstudien, IV, стр. 314). Наоборот, по мнению Б. Эрдманна, нужно читать так, как указано в тексте, подчеркивая при этом слово «знание» (см. Собр. соч. Канта в изд. Прусской акад. наук, т. III, стр.583).

сается всей его способности и пригодности к чистым априорным знаниям. Это не цензура, а критика разума, посредством которой не предполагаются только, а доказываются из принципов не просто пределы, а определенные границы разума, не просто неведение в той или другой области, а неведение во всех возможных вопросах определенного рода. Таким образом, скептицизм есть место отдыха для человеческого разума, где он может обдумать свое догматическое странствование и набросать план страны, где он находится, чтобы избрать дальнейший свой путь /с полной[2] уверенностью, но это вовсе /не место[3] постоянного пребывания; такая резиденция может быть найдена только при достижении полной достоверности или познания самих предметов, или познания **790** границ, в которых заключено все наше знание о предметах.

2) С, З – большей (mit mehrerer)

3) С – не дом (nicht ein Wohnplatz)

Наш разум не есть неопределенно далеко простирающаяся равнина, пределы которой известны лишь в общих чертах (überhaupt), скорее его следует сравнивать со сферой, радиус которой можно вычислить (finden) из кривизны дуги на ее поверхности (из природы априорных синтетических положений), и отсюда уже определить с точностью содержание и границы ее. Вне этой сферы (область опыта) для разума нет (ist nichts für sie) объектов; даже вопросы о подобных мнимых предметах касаются только субъективных принципов всестороннего определения отношений, которые могут встречаться среди понятий рассудка внутри этой сферы.

Мы действительно обладаем априорными синтетическими знаниями, как это видно из основоположений рассудка, антиципирующих опыт. Тот, кто не в состоянии понять возможности их, может, правда, вначале сомневаться, действительно ли они присущи нам a priori; но он еще не имеет права видеть в этом невозможность их, пользуясь только силами рассудка, и признавать несостоятельными (für nichtig ausgeben) все шаги разума /в этом направлении[1]. Он может только сказать: если бы мы усматривали происхождение и подлинность их, мы могли бы определить объем и границы нашего разума, а пока это не достигнуто, **791** все утверждения разума высказаны наудачу (sind... blindlings gewagt). Таким образом было бы /обосновано[1] всеобщее сомнение во всякой догматической философии, идущей своим путем без критики самого разума; но этим не полагался бы еще предел такому движению разума вперед, если оно будет подготовлено и обеспечено посредством /лучшего обоснования[2]. В самом деле, все понятия и даже

1) С – которые разум делает под их [основоположений] руководством (die Vernunft nach der Richtung derselben tut)

1) С – вполне обоснованным (ganz wohl gegründet)

2) С – лучших основных положений
З – лучшей закладкой оснований (durch bessere Grundlegung)

все вопросы, предлагаемые нам чистым разумом, находятся не в опыте, а только в самом разуме, и потому должна существовать возможность решения и понимания их, что касается их значения или несостоятельности. Мы не имеем также права, находя, будто решение этих задач обусловливается в действительности природой вещей, отклонять их от себя и отказываться от дальнейшего исследования их под предлогом нашей неспособности; в самом деле, один лишь разум порождает в своих недрах самые эти идеи и потому он сам должен дать отчет относительно их значения или диалектической призрачности (Scheine).

Всякая скептическая полемика, собственно, направлена только против догматизма (den Dogmatiker), который, не питая недоверия к своим первоначальным объективным принципам, т. е. не подвергая их критике, величественно (gravitätisch) продолжает свой путь; [цель такой полемики состоит лишь в том,] чтобы /расстроить его планы[3] и привести его к самопознанию. Сама по себе в отношении к тому, что мы знаем и чего не можем знать, она ровно ничего не дает. Все неудачные догматические попытки разума суть факты, **792** которые всегда полезно подвергать цензуре. Но этот [прием] не дает оценки надежд разума на больший успех в будущем и притязаний его на этот успех; поэтому одна лишь цензура не может привести к концу споры о правах человеческого разума.

3) С – сбавить с него самоуверенности (um ihm das Konzept zu verrücken)

Так как Юм был, пожалуй, самым остроумным из всех скептиков и так как, без сомнения, его скептический метод наиболее повлиял на пробуждение основательного исследования разума, /то полезно обрисовать[1], насколько это соответствует моей задаче, ход умозаключений и заблуждений этого проницательного и достойного философа, который в начале своих исследований все же напал на следы истины.

1) С – то стоит труда указать (so verlohnt es sich wohl der Mühe... vorstellig zu machen)

Юм, /пожалуй, заметил[2], хотя никогда вполне не развил этой мысли, что в некоторых суждениях мы выходим за пределы нашего понятия о предмете. Такие суждения я назвал с и н т е т и ч е с к и м и. В том, каким образом я могу выйти посредством опыта из понятия, которое я имел раньше, нет ничего затруднительного. Сам опыт есть такой синтез восприятий, расширяющий мое понятие, которое я имею в восприятии, посредством других присоединяющихся понятий. Но мы уверены, что можем также a priori выйти из нашего понятия и **793** расширить свое знание. Мы пытаемся сделать это или посредством чистого рассудка в отношении к тому, что может по крайней мере быть о б ъ е к т о м о п ы т а, или даже посредством чистого разума в отношении к таким

2) С – может быть, имел ту мысль
З – возможно, догадывался (hatte es vielleicht in Gedanken)

свойствам вещей, а также в отношении существования таких предметов, которые никогда не могут встречаться в опыте. /Скептик [Юм][1] не различал этих двух видов суждений, хотя и должен был сделать это, и считал это расширение понятий из самих себя и, так сказать, самопорождение нашего рассудка (вместе с разумом) без оплодотворения опытом прямо невозможным; поэтому он считал все принципы, причисляемые (vermeintliche) к априорным, воображаемыми и находил, что они не более как возникающие из опыта и его законов привычки, следовательно, лишь эмпирические, т. е. сами по себе случайные правила, которым мы приписываем мнимую необходимость и всеобщность. /Для установления[2] этого странного положения он ссылался на всеми признаваемое основоположение отношения /действия к причине[3]. Так как никакая способность рассудка не может вести нас от понятия одной вещи к существованию какой-либо другой вещи, которое было бы дано через это понятие всеобщим и необходимым образом, то отсюда он считал возможным выводить, что /кроме опыта[4] у нас нет ничего, что могло бы расширить наши понятия и что давало бы право на такие a priori /развивающиеся[5] суждения. Что лучи солнца, освещающие воск, 794 также растопляют его, а глину делают более твердой, никакой рассудок не может угадать этого из понятий, которые мы имели раньше об этих вещах, или /умозаключить об этом на основании законов[1], и только опыт может открыть нам (uns... lehren) такой закон. Однако в трансцендентальной логике мы видели, что хотя н е п о с р е д с т в е н н о мы никогда не можем выйти за пределы содержания данного нам понятия, тем не менее мы можем вполне a priori, правда в отношении к чему-то третьему, именно в отношении к в о з м о ж н о м у опыту, но все же [вполне] a priori, познать закон /связи вещей друг с другом[2]. Поэтому если воск, бывший прежде твердым, тает, то я могу a priori узнать, что этому [явлению] должно было предшествовать нечто такое (напр., солнечная теплота), за чем оно последовало согласно постоянному закону, /хотя без опыта[3] я не мог бы о п р е д е л е н н о узнать a priori из действия о его причине или из причины о ее действии. Следовательно, Юм ошибочно умозаключал от случайности нашего определения с о г л а с н о з а к о н у к случайности самого з а к о н а, и переход от понятия вещи к возможному опыту (совершающийся a priori и устанавливающий объективную реальность понятия) он смешал с синтезом предметов действительного опыта, который, конечно, имеет эмпирический хара-

1) С – Наш скептик (Unser Skeptiker)

2) С – В подтверждение
З – В обоснование
(zu Behauptung)

3) – причины и действия (der Ursache zur Wirkung)

4) С – вне опыта (ohne Erfahrung)

5) С – из себя расширяющиеся
З – саморасширяющиеся
(sich selbst erweiternden)

1) С – Еще того меньше [мы могли бы узнать это посредством] правильных умозаключений (viel weniger gesetzmäßig schließen)

2) С – соединения с другими вещами (der Verknüpfung mit anderen Dingen)

3) С – и без указаний опыта (und ohne Belehrung der Erfahrung)

ктер; таким образом принцип сродства, имеющий своим источником рассудок и устанавливающий необходимую связь, он превратил в правило ассоциации, которая встречается только /в 795 воспроизводящем[1] воображении и может представлять только случайные, а вовсе не объективные связи.

Но скептические заблуждения этого в остальных отношениях чрезвычайно остроумного философа возникли преимущественно из недостатка, общего у него со всеми догматиками, именно из того, что он /не различал систематически[2] всех видов синтеза, производимого рассудком a priori. При этом он нашел бы, не упоминая уже о прочих [видах], напр. основоположение устойчивости как такое, которое, подобно основоположению причинности, антиципирует опыт. Тогда он /мог бы предписать[3] определенные границы также и a priori расширяющемуся рассудку и чистому разуму. Между тем он только /суживает наш рассудок, не определяя его границ[4], и вызывает /недоверие ко всему[5], не давая определенного знания о том неведении, которое неизбежно для нас; он подчиняет цензуре некоторые основоположения рассудка, /не подвергая критике[6] этот рассудок в отношении всех его способностей, и, отказывая ему в том, чего он действительно не может выполнить, он заходит слишком далеко и оспаривает у него всякую способность расширяться a priori, хотя он и не подвергнул оценке всю способность рассудка; поэтому с ним случается то, чтó губит всякий скептицизм, именно его взгляды сами оказываются подверженными сомнению, так как его возражения основаны только на случайных фактах, а не на принципах, которые могли бы с 796 необходимостью потребовать отречения от права на догматические утверждения.

Так как он не устанавливает также различия между основательными требованиями рассудка и диалектическими притязаниями разума, против которых, однако, главным образом направлены его нападки, то разум, своеобразные порывы (Schwung) которого вовсе не были здесь искоренены (gestört), а только встретили препятствие, чувствует, что путь (den Raum) для его расширения не закрыт и не может вполне отказаться от своих попыток, /хотя бы они здесь или там и не удались[1]. Он вновь вооружается для защиты против нападений и тем упрямее подымает голову, чтобы провести свои требования. Наоборот, полная оценка (Überschlag) всей его способности и возникающее отсюда убеждение в достоверности ограниченного владения и суетности более высоких

1) С – в репродуктивном
З – в подражательном
(in der nachbildenden)

2) С – не пересмотрел a priori систематически
З – не делал систематического обзора
(nicht... a priori systematisch übersah)

3) С – мог бы указать
З – начертить
(würde... haben vorzeichnen können)

4) С – ограничивает наш рассудок, не указывая его границ
(unseren Verstand nur einschränkt, ohne ihn zu begrenzen)

5) С – общее недоверие
(ein allgemeines Mißtrauen)

6) С – не полагая на весы критики
(ohne... auf die Probierwage der Kritik zu bringen)

1) С – хотя его то здесь, то там и пощипывают
З – хотя его то тут, то там беспокоят
(unerachtet sie hier oder da gezwackt wird)

притязаний прекращают всякий спор и побуждают мирно довольствоваться хотя и ограниченной, но бесспорной собственностью.

2) С – Для чуждого критики догматизма
3 – Для сторонника некритического догматизма
(Wider den unkritischen Dogmatiker)

/Для некритического догматизма[2)], который не измеряет сферы своего рассудка, следовательно, не определяет согласно принципам границ своего возможного знания и потому не знает наперед, чего он может достигнуть, и хочет узнать это просто посредством ряда попыток, такие скептические нападки не только опасны, но и губительны (sogar verderblich). Действительно, если он попадается хотя бы на одном утверждении, которого он не может оправдать **797** и [призрачную] видимость (deren Schein) которого он не может установить на основании принципов, то подозрение распространяется (fällt) также и на все его утверждения, как бы они ни были убедительны.

Таким образом, скептик играет роль воспитателя (ist... der Zuchtmeister), который приводит умствующего догматика к здравой критике рассудка и самого разума. Придя к этому, он может более не опасаться никаких нападений, так как он отличает тогда свои владения от того, что лежит вполне за их пределами, на что он не предъявляет никаких притязаний /и о чем он не станет спорить[1)]. Таким образом, скептический метод сам по себе не дает у д о в л е т в о р и т е л ь н о г о ответа (nicht befriedigend) на вопросы разума, но служит п р е д в а р и т е л ь н ы м у п р а ж н е н и е м (aber doch vorübend), чтобы пробудить осторожность разума и указать на основательные средства, которые могут обеспечить его правомерное владение.

1) В – и потому не может быть вовлечен в спор
(und darüber auch nicht in Streitigkeit verwickelt werden kann)

Первой главы

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

Дисциплина чистого разума
в отношении гипотез

2) С – Если путем критики нашего разума мы узнаем, наконец, то, что при...
(Weil wir denn durch Kritik unserer Vernunft endlich soviel wissen, daß wir in ihrem...)

3) С – мечтать и предполагать
3 – что-то выдумывать и...
(zu dichten und zu meinen)

/Критика нашего разума в конце концов показывает нам, что путем[2)] чистого и спекулятивного применения разума мы, собственно, ничего не можем познать; поэтому не должна ли она открыть тем более широкое поприще для г и п о т е з, так как если мы не можем ничего утверждать, то нам позволительно по крайней мере /творить посредством [воображения] и высказывать мнения?[3)]

1) С, 3 – не грезить (не выдумывать), но творить
(nicht schwärmen, sondern... dichten)

2) С – то до этого должно существовать нечто совершенно достоверное
(so muß immer vorher etwas völlig gewiß... sein)

798 Если способность воображения должна не /м е ч т а т ь, а т в о р и т ь[1)] под строгим надзором разума, /то она должна опираться на что-либо уже вполне удостоверенное[2)], а не вымышленное или являю-

щееся лишь мнением, [именно она должна опираться на](und das ist) возможность самого предмета. Тогда в вопросе о действительности его нам позволительно прибегать к мнению, которое, однако, чтобы не быть неосновательным, должно быть приведено в связь как с основанием объяснения с тем, что действительно дано и, следовательно, является достоверным; такое мнение называется гипотезой.

Так как о возможности динамической связи мы не можем составить a priori никакого понятия и категория чистого рассудка служит не для того, чтобы выдумывать ее, а только для того, чтобы понимать ее там, где она найдена в опыте, то мы не можем придумать впервые (ursprünglich aussinnen) ни одного предмета с новыми и эмпирически недоступными [наблюдению] свойствами сообразно этим категориям и позволить себе полагать их в основу гипотез, так как это значило бы подсовывать разуму пустые фикции вместо понятий о вещах. Так, непозволительно выдумывать какие-нибудь первоначальные силы, напр. рассудок, способный без помощи чувств наглядно представлять (anzuschauen) свои предметы, или силу притяжения, действующую без всякого прикосновения, или новый вид субстанций, напр. субстанции, которые находились бы в пространстве, не обладая непроницаемостью, следовательно, нельзя выдумывать также и взаимодействия между субстанциями, отличающегося от 799 всего того, чтó (welche) дает опыт, [нельзя представлять себе] какое бы то ни было присутствие иначе как в пространстве и какую бы то ни было продолжительность иначе как во времени. Одним словом, наш разум может только пользоваться условиями возможного опыта как условиями возможности вещей, /а вовсе не создавать себе другие возможности[1) совершенно независимо от [возможности опыта] (von diesen), так как подобные понятия, хотя бы они и были свободны от противоречий, тем не менее не имели бы никакого объекта (ohne Gegenstand sein würden).

1) 3 – никак не создавать себе другие условия (keinesweges... welche gleichsam zu schaffen)

Понятия разума, как сказано, суть только идеи, и, конечно, для них нет предмета ни в каком опыте, однако это не значит, что они обозначают предмет, вымышленный [воображением] и в то же время считаемый возможным. Они мыслятся только проблематически, для того чтобы можно было обосновать в отношении к ним (как эвристическим фикциям) регулятивные принципы систематического применения рассудка в области опыта. Вне этого своего применения (Geht man davon ab) они суть лишь фикции, возможность которых недоказуема и которые поэтому не

могут быть полагаемы в основу объяснения действительных явлений посредством гипотез. М ы с л и т ь душу как простую [сущность], конечно, позволительно, чтобы согласно этой и д е е принимать в качестве принципа нашего исследования ее внутренних явлений полное и необходимое единство всех душевных сил, хотя его и нельзя усмотреть in concreto. Но д о п у с к а т ь, что душа есть простая субстанция (трансцендентное понятие), /это значило бы[2] высказывать положение, которое не только было бы недоказуемым **800** (подобно многим физическим гипотезам), но и /принимаемым слепо и произвольно[1], так как простое не может встречаться ни в каком опыте, и если под субстанцией здесь разумеют устойчивый объект чувственного наглядного представления, то возможность п р о с т о г о я в л е н и я вовсе не может быть усмотрена. Разум не имеет никаких оснований допускать в качестве своего мнения [бытие] чисто умопостигаемых существ (Bloβ intelligibele Wesen) или чисто умопостигаемые свойства вещей чувственного мира, хотя он не может также на основании какого-либо мнимого более глубокого знания (bessere Einsicht) догматически отрицать их (так как у нас нет никаких понятий ни об их возможности, ни об их невозможности).

2) 3 – это значило бы отважиться (gewagt sein würde)

1) 3 – совершенно произвольным и принятым наугад (ganz willkürlich und blindlings)

Для объяснения данных явлений можно приводить только такие другие (keine anderen... als die) вещи и основания объяснения, которые связаны с данными явлениями согласно известным уже законам явлений. Поэтому т р а н с ц е н д е н т а л ь н а я г и п о т е з а, в которой была бы применена чистая идея разума для объяснения вещей природы, не служила бы объяснением, так как в таком случае то, чего мы не понимаем в достаточной степени из знакомых нам эмпирических принципов, было бы объясняемо посредством того, что вовсе не понятно нам. Принцип такой гипотезы, собственно, служил бы только для удовлетворения разума, а не для содействия применению рассудка к предметам. Порядок и целесообразность в природе должны в свою очередь объясняться из естественных оснований и законов природы, и здесь даже **801** самые дикие гипотезы, если только они имеют физический характер, более выносимы (erträglicher), чем гиперфизические, т. е. чем ссылка на божественного творца, предполагаемого для этой цели. В самом деле, проходить сразу мимо всех причин, объективная реальность которых, по крайней мере в возможности, доступна нашему познанию путем продолжения опыта, и успокаиваться на чистой идее (in einer bloβen Idee), весьма удобной для разума, – это принцип

ленивого разума (ignava ratio). Что же касается /абсолютной целостности оснований объяснения в ряду причин[1], этот [вопрос] не представляет никакого затруднения в отношении к объектам мира, так как эти объекты суть лишь явления и потому в синтезе рядов [их] условий никогда нельзя надеяться найти что-либо законченное.

1) С – целокупности принципа объяснения в его ряду (Totalität des Erklärungsgrundes in der Reihe derselben)

Трансцендентальные гипотезы спекулятивного применения разума и свобода пользоваться взамен недостающих физических оснований объяснения гиперфизическими основаниями не могут быть допущены отчасти потому, что разум таким путем вовсе не подвигается вперед, а скорее отрезает путь для дальнейшего своего применения, отчасти же потому, что эта вольность (Lizenz) в конце концов лишила бы его всех плодов обработки принадлежащей ему почвы, именно опыта. Действительно, если объяснение природы становится где-либо затруднительным, у нас под рукой всегда есть трансцендентные основания объяснения, освобождающие нас от исследования, и **802** наши изыскания заканчиваются не знанием, а /совершенно непонятным принципом[1], который уже заранее был придуман так, чтобы в нем содержалось понятие абсолютного первоначала (des absolut Ersten).

1) З – полной непонятностью принципа (durch gänzliche Unbegreiflichkeit eines Prinzips)

Второе /условие[2] приемлемости гипотезы заключается в достаточности ее, т. е. в том, чтобы из нее a priori определялись следствия, которые даны. Если для этой цели нам приходится прибегать еще к вспомогательным гипотезам, то является подозрение, что они составляют лишь вымысел, так как каждая из них сама по себе нуждается в таком же оправдании, какое необходимо для мысли, положенной в основу, и потому [они] /не могут дать какого-либо ценного свидетельства[3]. Если допустить [существование] безгранично совершенной причины, то у нас, правда, не будет недостатка в основаниях объяснения всякой целесообразности, порядка и величия, встречающихся в мире; однако ввиду отклонений от [целесообразности и] зла, существующих в мире, по крайней мере с точки зрения наших понятий, эта гипотеза нуждается в дополнительных гипотезах, чтобы спастись /от возражений[4]. Если [допущение] простой самостоятельности человеческой души, положенное в основу ее явлений, /вызывает затруднения и возражения ввиду сходства ее явлений с изменениями материи[5] (с ростом и убыванием), то на помощь приходится призывать новые гипотезы, которые, /правда, не лишены вероятности, однако не удостоверяются ничем, так как подтверждаются лишь той гипотезой, которая является главным источником положенного в **803** их основу

2) С – необходим[ый] элемент (erforderliche Stück)

3) З – [оправдание] не может служить солидным свидетельством (keinen tüchtigen Zeugen abgeben kann)

4) З – от них как от возражений (gegen diese als Einwürfe)

5) С – оспаривается ввиду затруднения объяснить ее феномены, подобные изменениям материи (durch die Schwierigkeiten ihrer den Abänderungen einer Materie... ähnlichen Phänomene angefochten wird)

мнения и которую тем не менее они же должны защищать[1]).

Если приведенные здесь в виде примера утверждения разума (/нематериальное[2]) единство души и бытие высочайшего существа) выдаются не за гипотезы, а за доказанные a priori догматы, то тогда нам нечего говорить о них здесь. Но в таком случае /следует принять меры, чтобы аргументация в пользу их имела характер[3]) аподиктической достоверности демонстративного [доказательства]. Желание сделать действительность таких идей только вероятной было бы /бессмысленным[4]), вроде того как если бы кто-либо задумал дать только вероятное доказательство положений геометрии. /Разум, не сопутствуемый опытом[5]), или познает все только a priori и с необходимостью, или же ничего не познает. Поэтому его суждение никогда не бывает мнением, оно всегда бывает или воздержанием (Enthaltung) от всякого суждения, или аподиктической достоверностью. Мнения и вероятные суждения о том, чтó принадлежит вещам, могут высказываться только как основания объяснения того, чтó действительно дано, или как выводы согласно эмпирическим законам из того, чтó /действительно положено в основу[6]), следовательно, они могут относиться только к ряду предметов опыта. Вне этой области высказывать мнения — это значит играть мыслями, за исключением разве того случая, если мы только держимся мнения, что нам случайно (vielleicht) удастся найти истину на [этом] ненадежном пути суждения.

1) С – хотя они и не лишены кажущейся убедительности, не имеют никакого другого удостоверения, кроме того, какое дает им мнение, допущенное в качестве главного основания, которое здесь и должно говорить за них
З – правда, не лишены правдоподобия, но все же ничем не подтверждаются, так как удостоверяются лишь той гипотезой, которая доставляет им мнение, принятое в качестве главного довода, и это мнение они же должны защищать
(die zwar nicht ohne Schein, aber doch ohne alle Beglaubigung sind, außer derjenigen, welche ihnen die zum Hauptgrunde angenommene Meinung giebt, der sie gleichwohl das Wort reden sollen)
2) С – бестелесное
З – нетелесное
(unkörperliche)
3) С – надо заранее предвидеть, что доказательство должно иметь
(sehe man sich ja vor, daß der Beweis... habe)
4) С – нелепы[м] замыс[лом]
(ein ungereimter Vorsatz)
5) С – обособленный от всякого опыта разум
(Die von aller Erfahrung abgesonderte Vernunft)
6) С, З – лежит в основе, как действительное
(als wirklich zum Grunde liegt)

804 Хотя в чисто спекулятивных вопросах чистого разума гипотезы не применимы для построения на них суждений, тем не менее они вполне допустимы, когда речь идет только о том, /чтобы защититься[1]), т.е. не при догматическом, а при полемическом применении. Под защитой же я разумею не увеличение оснований доказательства нашего утверждения, а только ниспровержение мнимых знаний противника, наносящих ущерб утверждаемому нами положению. Но все синтетические положения чистого разума имеют ту особенность, что, хотя /сторонник реальности известных идей[2]) никогда не обладает таким знанием, которое установило бы достоверность его положения, все же, с другой стороны, и противник его не может установить противоположного утверждения (Widerspiel zu behaupten). Это равенство /судьбы[3]) человеческого разума не благоприятствует в спекулятивном знании ни одной из сторон, и потому здесь находится арена нескончаемых споров. Но впоследствии мы узнаем, что в отношении практическо-

1) С, З – чтобы их защитить
(um sie... zu verteidigen)

2) З – те, кто считает реальными некоторые идеи
(der, welcher die Realität gewisser Ideen behauptet)

3) С – жребия
З – участи
(des Loses)

го применения разум имеет право допускать нечто такое, на что он вовсе не уполномочен в области чистой спекуляции без достаточных оснований доказательства, так как все такие допущения вредят совершенству спекуляции, о котором, однако, практический интерес вовсе не заботится. /Итак, у разума есть владения[4], правомерность которых он не смеет, да и не мог бы доказать. Следовательно, доказательство **805** должен вести противник. Но так как противник, желающий доказать несуществование спорного предмета, знает о нем так же мало, как и тот, кто утверждает действительность его, то перевес оказывается здесь на стороне того, кто утверждает /свое положение[1] как практически необходимое допущение (melior est conditio possidentis). Действительно, ему предоставляется, как бы в целях необходимой самообороны, применять для защиты своего доброго дела те же средства, как и противник, именно прибегать к гипотезам, которые служат не для того, чтобы усилить доказательства, а только для того, чтобы показать, что противник слишком мало знает о предмете спора, чтобы /льстить себя надеждой на преимущества[2] своего спекулятивного знания в сравнении с нашим.

4) С – Там он обладает чем-то таким
З – Итак, в сфере практики у разума есть
(Dort ist sie also im Besitze)

1) С, З – нечто
(etwas)

2) З – тешиться превосходством
(sich eines Vorteils... schmeicheln könne)

Следовательно, в области чистого разума гипотезы допустимы только как военное оружие не для того, чтобы обосновывать на них свое право, а только для того, чтобы защищать его. Но противника мы должны здесь всегда искать в самих себе, так как спекулятивный разум в своем трансцендентальном применении сам по себе имеет диалектический характер. Возражения, которые могли бы вызывать опасения, заложены в нас самих. Мы должны выискивать их как старые, но не утратившие силы вследствие давности (niemals verjährenden) притязания и установить вечный мир /путем уничтожения их[3]. Внешний покой здесь есть только видимость. Необходимо искоренить сам /источник нападений[4], заложенный в природе человеческого разума; но каким образом можем мы искоренить его, если мы не даем ему **806** свободы и даже пищи вырастить сорную траву /и таким образом обнаружить себя[1], чтобы вслед за тем можно было вырвать ее с корнем? Поэтому выдумывайте сами возражения, которые еще не пришли в голову ни одному противнику, и даже снабдите его оружием или отведите ему самое удобное место, какого он только может пожелать для себя! Здесь нет места опасениям, но есть основание для надежд, именно для надежд на то, что вы создадите себе владения, которые в будущем (in alle Zukunft) никогда не будут подвергаться нападениям.

3) С – по их устранении
(auf deren Vernichtigung)
(Schm. – Vernichtung)

4) С – зерно вражды
З – источник споров
(Der Keim der Anfechtungen)

1) З – чтобы она тем самым обнаружила себя
(um sich dadurch zu entdecken)

В [состав] полного вашего вооружения входят, следовательно, также и гипотезы чистого разума; [это] (welche, obzwar nur) только свинцовое оружие (так как оно не закалено никаким законом опыта), однако оно обладает такой же силой, как и всякое оружие, которым может воспользоваться против вас ваш противник. Поэтому если ваше допущение (сделанное /для какой-нибудь[2] неспекулятивной цели) нематериальной и не подверженной телесным изменениям природы души наталкивается на то затруднение, что, по-видимому, опыт заставляет рассматривать и подъем и разрушение (Zerrüttung) наших духовных сил только как различные модификации наших органов, то силу этого доказательства вы можете ослабить допущением, что наше тело есть не более как основное явление (die Fundamentalerscheinung), с которым как со своим условием связана в теперешнем состоянии (в жизни) вся способность чувственности и вместе с тем все мышление. Отделение [души] от тела есть конец этого чувственного применения ее познавательных способностей и начало интеллектуального применения их. **807** Следовательно, с этой точки зрения тело есть не причина мышления, а только ограничивающее его условие, содействующее, правда, чувственной и животной жизни, но зато препятствующее чистой и духовной (spirituellen) жизни, и зависимость чувственной жизни от свойств нашего тела вовсе не доказывает зависимости всей [нашей] жизни от состояния наших органов. Но вы можете пойти далее (noch weiter) и выискать новые, еще не высказанные или недостаточно далеко проведенные сомнения.

Случайности рождения человека, зависящего, подобно рождению неразумных тварей, от побочных обстоятельств и нередко также от питания, от /видов и целей[1] правительства и даже от пороков, дают основание для серьезных возражений против мысли /о вечности[2] существа, жизнь которого началась под влиянием столь незначительных и /столь зависящих от нашего произвола обстоятельств[3]. Что касается продолжения всего рода [человеческого] (здесь на земле), это возражение имеет мало значения, так как случайное /в частностях[4] тем не менее подчинено правилу в общем; но что касается жизни каждого индивидуума, /глубокое влияние столь незначительных причин кажется во всяком случае странным[5]. Однако в противовес этому вы можете предложить трансцендентальную гипотезу, именно вы можете утверждать, что вся жизнь, собственно, имеет лишь умопостигаемый характер, **808** что она вовсе не подвержена изменениям во времени и не начинается рождени-

2) З – по каким-то другим (in irgendeiner anderen)

1) З – настроений и причуд (deren Launen und Einfällen)

2) С – о продолжении существования в вечности (der auf Ewigkeiten sich erstreckenden Fortdauer)

3) С – совершенно предоставленных нашей свободе обстоятельствах (unserer Freiheit so ganz und gar überlassenden Umständen)

4) З – в единичном (im einzelnen)

5) З – ожидать столь сильного влияния столь незначительных причин кажется во всяком случае сомнительном (eine so mächtige Wirkung von so geringfügigen Ursachen zu erwarten, scheint allerdings bedenklich)

ем, а также не заканчивается смертью; что земная (dises) жизнь есть, собственно, только явление, т. е. чувственное представление о чисто духовной жизни, и весь чувственный мир есть лишь образ, возникший (welches.. vorschwebt) в нашем теперешнем способе познания и, подобно сновидению, не имеющий сам по себе никакой объективной реальности; что, если бы мы наглядно представляли вещи и самих себя так, /как мы существуем[1)], мы увидели бы, что находимся в мире духовных существ (Naturen) и что наше /действительное взаимодействие[2)] с ними не началось рождением и не прекратится с телесной смертью ([так как рождение и смерть] суть лишь явления (als bloβe Erscheinungen)), и т. д.

1) З – как они существуют (wie sie sind)

2) З – единственно истинное общение (einzig wahre Gemeinschaft)

Хотя все то, что мы гипотетически высказали таким образом в защиту от нападений [противника], вовсе не известно нам и не устанавливается нами серьезно, и хотя это даже не идея (nicht einmal Vernunftidee), а только вымышленные для отпора [нападений] понятия, тем не менее мы поступаем при этом вполне разумно: в самом деле, своему противнику, который воображает, будто он исчерпал все возможности, между тем как он ошибочно принимает недостаток эмпирических условий для них за доказательство совершенной невозможности /предмета нашей веры[3)], мы показываем только, что он в такой же мере не может охватить с помощью одних лишь законов опыта всю область возможных вещей в себе, как мы не можем /сделать основательных приобретений[4)] для нашего разума вне области опыта. О том, кто обращает такое гипотетическое оружие (Gegenmittel) **809** борьбы против притязаний противника, высказывающего дерзкие отрицания, не следует думать, будто он хочет /усвоить эти взгляды[1)] как свои подлинные мнения. Он покидает их, как только преодолел догматическое самомнение противника. В самом деле, как бы ни казалось скромным и умеренным поведение того, кто /только отвергает чужие утверждения[2)], тем не менее если он придает своим возражениям значение доказательств в пользу противоположного мнения, то такое притязание обнаруживает не меньшую гордость и самомнение, как если бы он стал на сторону партии, высказывающей утвердительные учения.

3) З – того, чему мы верим (des von uns Geglaubten)

4) С – найти что-либо, достаточно обоснованное (irgendetwas auf gegründete Art erwerben können)

1) С – усвоить себе это
З – усвоить эти средства (er sie sich... eigen machen)

2) З – только противится чужим утверждениям и отрицает их (in Ansehung fremder Behauptungen bloβ weigernd und verneinend verhält)

Отсюда видно, что в спекулятивном применении разума гипотезы имеют значение не как мнения сами по себе, а только в отношении к противоположным трансцендентным притязаниям. Действительно, распространение принципов возможного опыта на возможность вещей вообще имеет в такой же мере

трансцендентный характер, как и утверждение объективной реальности понятий, предметы которых могут найтись только вне границ всякого возможного опыта. То, о чем чистый разум судит ассерторически, или должно быть необходимым (как все, что познается разумом), или совсем не представляет собой ничего (es ist gar nichts). Поэтому чистый разум в действительности не содержит в себе никаких мнений. Упомянутые же гипотезы суть лишь проблематические суждения, которые по крайней мере не могут быть опровергнуты, хотя, конечно, они также ничем не могут быть доказаны; следовательно, /они суть [вполне] частные мнения[3], **810** без которых, однако, мы не можем обойтись (даже для внутреннего покоя) в борьбе с зарождающимися сомнениями. В этом виде (Qualität) следует сохранять их и тщательно оберегать их от того, чтобы они не выступали как положения, удостоверенные сами по себе (an sich selbst beglaubigt) и имеющие в известном смысле абсолютное значение, и чтобы они /не засоряли разум фантазиями и иллюзиями[1].

3) С – это только чисто частные мнения
(also reine Privatmeinungen)
(A^2 – also keine...)

1) С – не потопили разум под вымыслами и обманами
З – не утопили разум в вымыслах и иллюзиях
(nicht... die Vernunft unter Erdichtungen und Blendwerken ersäufen)

Первой главы

ЧЕТВЕРТАЯ СЕКЦИЯ

Дисциплина чистого разума
в отношении его доказательств

Доказательства трансцендентальных синтетических (und synthetischer) положений имеют в отличие от всех других доказательств априорного синтетического знания ту особенность, что в них разум посредством своих понятий не может обращаться прямо к предметам, но должен установить раньше объективное значение понятий и возможность синтеза их a priori. /Это правило не только необходимо внушается осторожностью[2], но и касается сущности и возможности самих этих доказательств. Если я хочу выйти a priori за пределы понятия о предмете, то это возможно только посредством особого руководства, находящегося вне этого понятия. В математике это руководство моим синтезом принадлежит априорному наглядному представлению, и в ней все умозаключения могут вестись непосредственно на основании чистого наглядного представления. **811** В трансцендентальном знании, пока оно имеет дело только с понятиями рассудка, это руководство принадлежит возможному опыту. Действительно, при этом доказательство не показывает, что данное понятие (напр., понятие о случающемся (von dem, was geschieht)) прямо ведет к

2) С – Это не только необходимое правило осторожности
(Dieses ist nicht etwa bloß eine nötige Regel der Behutsamkeit)

другому понятию (понятию причины), так как такой переход был бы скачком, которого нельзя было бы оправдать (sich... verantworten ließe); но такое доказательство показывает, что сам опыт, т. е. объект опыта, был бы невозможен без подобной связи. Следовательно, доказательство должно вместе с тем показывать возможность прийти синтетически и a priori к известному познанию о вещах, которое не содержалось в понятии о них. Без этой предосторожности доказательства, подобно воде, выступившей из берегов, дико устремляются туда, куда их случайно направляет наклон скрытых ассоциаций. Видимость убедительности, основанная на субъективных причинах ассоциации и принимаемая за усмотрение естественного сродства, не может уравновесить сомнения, справедливо возникающего по поводу таких рискованных шагов. Поэтому, напр., все попытки доказать закон достаточного основания, по общему признанию сведущих людей, были тщетны; и, пока не появилась трансцендентальная критика, философы, не имея возможности покинуть это основоположение, предпочитали упрямо ссылаться на здравый человеческий рассудок (/а эти ссылки[1] всегда **812** показывают, что дело разума находится в отчаянном положении), чем делать попытки новых догматических доказательств.

1) З – прибежище (eine Zuflucht)

Но если положение, подлежащее доказательству, есть утверждение чистого разума и я хочу посредством одних лишь идей выйти даже за пределы понятий опыта, /то еще более необходимо, чтобы доказательство содержало в себе оправдание такого шага синтеза (если бы он был возможен) как[1] необходимое условие своей убедительности. Поэтому, насколько бы мнимое доказательство простой природы нашей мыслящей субстанции, основанное на единстве апперцепции, ни казалось вероятным, все же оно неизбежно вызывает следующие сомнения: так как абсолютная простота не есть понятие, которое может быть непосредственно отнесено к восприятию, а должна быть установлена лишь путем умозаключения как идея, то нельзя понять, каким образом чистое сознание, содержащееся или по крайней мере могущее содержаться во всяком мышлении, может, хотя оно в этом смысле есть простое представление, привести к сознанию и познанию (der Kenntnis) вещи, в которой исключительно может содержаться мышление. В самом деле, если я представляю себе силу моего тела в движении, то оно в этом отношении есть для меня абсолютное единство, и мое представление о нем оказывается простым; поэтому я могу выразить это представление также посредст-

1) С – оно должно заключать в себе скорее оправдание для такого шага синтеза, если только он вообще возможен, чем...
(so müßte derselbe noch viel mehr die Rechtfertigung eines solches Schrittes der Synthesis (wenn er anders möglich wäre), als eine... in sich enthalten)

вом движения точки, потому что объем тела здесь ни при чем и может быть мыслим без уменьшения силы уменьшенным (so klein) как угодно, следовательно, также **813** /и замененным точкой[1]. Однако отсюда я не стану заключать, что если мне дана только движущая сила тела, то тело должно быть мыслимо как простая субстанция, так как его представление отвлечено от всякой величины пространственного содержания и, следовательно, [мыслится как] простое (einfach ist). Таким образом я открываю паралогизм, так как простота в абстракции вовсе не совпадает с простотой в объекте, и Я, которое в первом смысле не заключает в с е б е никакого многообразия, во втором смысле, когда оно обозначает душу (die Seele selbst), может быть очень сложным понятием, именно может очень многое обозначать и содержать п о д с о б о й. Однако, чтобы наперед догадываться об этом [паралогизме] (так как без такого предварительного предположения у нас не явилось бы никакого подозрения против доказательства), необходимо всегда иметь под рукой /критерий[2] возможности таких синтетических положений, которые хотят доказать больше, чем может дать опыт; этот критерий может заключаться в том, чтобы вести доказательство не прямо в отношении к желаемому предикату, а лишь через посредство принципа возможности расширять данное нам a priori понятие до [степени] идеи и реализовать его. Если мы всегда прибегаем к этой предосторожности, если раньше попытки доказательства мы предусмотрительно советуемся с собой, как и на каком основании мы можем надеяться на такое расширение с помощью чистого разума и откуда мы собираемся заимствовать в подобном случае эти знания, **814** которые не могут быть развиты из понятий и также не могут быть антиципированы в отношении к возможному опыту – то мы можем избавить себя от многих тяжелых и вместе с тем бесплодных усилий, так как не станем требовать от разума ничего такого, что очевидно превосходит его силы, или, вернее, подчиним дисциплине воздержанности разум, неохотно допускающий ограничение /своих порывов к расширению спекулятивных знаний[1].

Итак, п е р в о е правило состоит в том, чтобы не делать попыток трансцендентальных доказательств, /не обдумав и не найдя оправданий того[2], откуда вы хотите взять свои основоположения, на которых собираетесь построить доказательство, и с каким правом вы можете ожидать от них успешных выводов. Если это основоположения рассудка (напр., [основоположение] причинности), то тщетно было бы пы-

1) З – и находящимся в одной точке (als in einem Punkts befindlich)

2) С, З – постоянный критерий (immerwährendes Kriterium)

1) З – своей страсти к спекулятивному расширению (bei Anwandlungen ihrer spekulativen Erweiterungssucht)

2) З – заранее не обдумав и, стало быть, не будучи уверенным (ohne zuvor überlegt und sich desfalls gerechtfetig zu haben)

таться прийти посредством их к идеям чистого разума, так как они имеют значение только для предметов возможного опыта. Если это должны быть основоположения из чистого разума, то опять-таки всякий труд (alle Mühe) напрасен. Действительно, разум содержит в себе основоположения, но как объективные основоположения все они имеют диалектический характер и могут иметь значение только как регулятивные принципы /систематически объединенного применения [разума в] опыте[3]. Если же подобные мнимые доказательства уже построены, то противопоставьте обманчивой убедительности [их] non liquet вашей зрелой способности суждения; **815** и, хотя вы не можете раскрыть софизмы их, все же вы имеете полное право потребовать дедукции употребленных в них основоположений, /которая неосуществима[1], если они должны возникнуть из одного лишь разума. Таким образом, вам вовсе не требуется заниматься развитием и опровержением всякой неосновательной иллюзии, и перед трибуналом критического разума, требующего законов, вы можете /сразу[2] отвергнуть /всю диалектику с ее неистощимыми уловками[3].

3) С – систематически связного применения опыта
З – систематизирующего эмпирического применения разума
(des systematisch zusammenhängenden Erfahrungsgebrauchs)

1) С – которой вам никогда не могут дать
(welche... euch niemals geschafft werden kann)

2) З – целиком и сразу
(in ganzen Haufen auf einmal)
3) С – все уловки неисчерпаемой диалектики
(alle an Kunstgriffen unerschöpfliche Dialektik)

В т о р а я особенность трансцендентальных доказательств состоит в том, что для всякого трансцендентального положения можно найти только о д н о доказательство. Если я должен умозаключить не из понятий, а из наглядного представления, соответствующего понятию, то все равно, будет ли это чистое наглядное представление, как в математике, или эмпирическое, как в естествознании, /оно дает[4] мне многообразный материал для синтетических положений, который я могу сочетать разнообразными способами и, исходя из различных пунктов, прийти разными путями к одному и тому же положению.

4) З – оно как положенное в основу
(die zum Grunde gelegte Anschauung)

Наоборот, всякое трансцендентальное положение исходит только из одного понятия и устанавливает синтетическое условие возможности предмета согласно этому понятию. Следовательно, основание доказательства может быть только одно, так как кроме исходного понятия здесь нет ничего, **816** посредством чего мог бы быть определен предмет, и потому доказательство может содержать в себе только определение предмета вообще согласно этому понятию, которое также дано лишь в единственном числе (ein einziger ist). Напр., основоположение «все случающееся имеет причину» мы извлекли в трансцендентальной аналитике из единственного условия объективной возможности понятия о случающемся вообще, именно из того, что определение (события) (Begebenheit) во времени и, следовательно, принадлежность

события к опыту была бы невозможна без подчинения такому динамическому правилу. Это (Dieses ist nun auch) единственно возможное основание доказательства, так как представляемое событие обладает объективным значением, т. е. истинностью, только вследствие того, что предмет определяется для понятия посредством закона причинности. Были, правда, еще другие попытки доказать это основоположение, напр. из понятия случайности; однако если присмотреться внимательно (beim Lichte) к этому доказательству, мы найдем в качестве признака случайности только понятие с о б ы т и я (das Geschehen), т. е. существования, которому предшествует несуществование предмета, и таким образом опять вернемся к указанному выше основанию доказательства. Когда мы хотим доказать положение «все мыслящее есть простая сущность», мы обращаем внимание не на многообразие мышления, а держимся только понятия Я, которое отличается простотой и к которому относится все мышление. Точно такой же характер имеет и трансцендентальное доказательство бытия Бога, которое основывается только /на взаимной связи[1)] понятий всереальнейшего и **817** необходимого существа и не может иметь никаких иных источников.

1) С – на взаимной заменимости (auf der Reziprokabilität)

Благодаря этому предостерегающему указанию критика утверждений разума /очень упрощается[1)]. Где разум выполняет свою задачу посредством одних лишь понятий, там возможно только одно доказательство, если оно вообще возможно. Поэтому если догматик выступает с десятком доказательств, то можно быть уверенным, что у него ни одного доказательства. Действительно, если бы он имел одно доказательство, которое (как это должно быть в вопросах чистого разума) обладало бы аподиктической [достоверностью], то зачем ему нужны были бы остальные? Его цель та же, что и адвоката в парламенте, который высказывает один аргумент для одного, а другой – для другого [члена парламента], чтобы использовать слабость своих судей, которые, не вникая глубоко в дело и желая поскорее отделаться от него, хватаются /за первое соображение[2)], какое привлечет к себе их внимание, и сообразно с ним принимают решение.

1) С – сводится к очень немногому
З – сильно суживается (sehr ins Kleine gebracht)

2) С – за первое благовидное доказательство (das Erste Beste)

Т р е т ь е своеобразное правило чистого разума, когда он подчинен дисциплине в (in Ansehung) трансцендентальных доказательствах, состоит в том, что его доказательства должны быть никоим образом не а п а г о г и ч е с к и м и, а всегда о с т е н с и в н ы м и. Прямым, или остенсивным, во всяком виде знаний называется такое доказательство, которое с убе-

ждением в истинности связывает в то же время усмотрение источников ее; наоборот, апагогическое доказательство может, правда, установить достоверность, но не понятность истины, что касается связи ее с основаниями ее возможности. **818** Поэтому апагогические доказательства суть скорее средство помощи в нужде (eine Nothilfe), чем метод, который удовлетворял бы всем целям разума. Однако перед прямыми доказательствами они имеют преимущества очевидности вследствие того, что противоречие всегда /представляется с большей ясностью[1], чем самая тесная (beste) связь, и потому /они больше напоминают[2] наглядность демонстративных [доказательств].

Настоящая причина применения апагогических доказательств в различных науках кроется в следующем. Если основания, из которых должно быть выведено известное знание, слишком многообразны или скрыты слишком глубоко, то мы пытаемся, нельзя ли найти их через их следствия. Но modus ponens, умозаключающий об истинности знания из истинности его следствий, был бы допустим лишь в том случае, если все возможные следствия из него истинны, так как, в таком случае для этих следствий возможно только одно основание, которое, следовательно, и есть истинное основание. Но такой прием неосуществим, так как усмотрение всех возможных следствий из какого-либо допущенного положения превосходит наши силы; впрочем, этим способом умозаключения пользуются, правда, лишь /снисходя к нему[3], когда что-либо должно быть установлено только как гипотеза, причем допускается умозаключение по аналогии, состоящее в предположении, что если какие угодно испытанные нами следствия согласуются с допущенным основанием, то и все остальные возможные следствия также окажутся согласными с ним. **819** [Очевидно] превратить этим путем гипотезу в демонстративно [доказанную] истину нельзя. Modus tollens умозаключений от следствий к основанию дает не только вполне строгое, но и чрезвычайно легко осуществимое доказательство. Действительно, если из какого-либо положения получается хотя бы одно ложное следствие, то само такое положение ложно. Поэтому, вместо того чтобы рассматривать весь ряд оснований в остенсивном доказательстве, которое приводит к истинности знания посредством полного усмотрения его возможности, достаточно найти хотя бы одно ложное положение среди следствий, вытекающих из противоположного суждения, и тогда сама эта противоположность окажется ложной, а доказываемое положение истинным.

1) С – дает большие ясности в представлении
(mehr Klarheit in der Vorstellung bei sich führt)
2) С, З – оно [противоречие] больше приближается к наглядности
(sich dadurch dem Anschaulichen… mehr nähert)
(and so approximates to the intuitional certeints of a demonstration)
(лат. – in repugnantia)

3) С – с известной определенностью
З – с некоторым снисхождением
(mit einer gewissen Nachsicht)

Однако апагогическое доказательство (Beweisart) допустимо только в тех науках, где субъективная сторона наших представлений /не может быть подсунута вместо[1] объективной, т. е. вместо знания о том, что есть в предмете. Где происходит эта подмена, там нередко должно случаться, что суждение, противоположное известному положению, противоречит только субъективным условиям мышления, а не предмету, или же [может случиться], что оба положения противоречат друг другу только при субъективном условии, ошибочно принятом за объективное, и так как условие ложно, то оба положения могут быть ложными, так что из ложности одного нельзя умозаключать об истинности другого.

1) С – невозможно ставить на место
З – нельзя подменить (es unmöglich ist... unterzuschieben)

820 В математике такая подмена (diese Subreption) невозможна; поэтому в ней – настоящее место для апагогических доказательств. В естествознании, так как в нем все основывается на эмпирических наглядных представлениях, такой подмены (jene Erschleichung) в большинстве случаев можно избежать путем сличения многих наблюдений; однако этот способ доказательства в естественных науках в большинстве случаев не имеет важного значения. Все же трансцендентальные попытки чистого разума производятся /в настоящей сфере[1] диалектической иллюзии, т. е. в сфере субъективного, которое /представляет[2] или даже навязывает себя разуму в его посылках как объективное. Поэтому здесь в том, что касается синтетических положений, непозволительно (gar nicht erlaubt) оправдывать свои утверждения путем опровержения противоположного. В самом деле, это опровержение или есть не что иное, как только указание противоречия между противоположным мнением и субъективными условиями понимания (der Begreiflichkeit) посредством нашего разума, что вовсе еще не дает права отрицать /саму вещь[3] (так, напр., безусловная необходимость бытия (im Dasein) какого-либо существа вовсе не может быть понята нами, и это обстоятельство с *субъективной* точки зрения правильно рассматривается как препятствие для всякого спекулятивного доказательства необходимого высочайшего существа, но оно вовсе не препятствует возможности такого первоначального существа *самого по себе*); или же обе стороны, как утверждающая, так и отрицающая, обманутые трансцендентальной иллюзией, основываются на невозможном понятии предмета, **821** и тогда выступает на сцену правило: non entis nulla sunt praedicata, иными словами, как утвердительное, так и отрицательное положение о предмете неправильны, и апагогически, посредством опровержения противоположного в таком случае прийти к

1) З – в самой сфере (innerhalb des eigentlichen Medium)
2) С, З – предлагает (anbietet)

3) З – само существо дела (die Sache selbst)

познанию истины нельзя. Так, напр., если мы предположим, что чувственный мир дан сам по себе в своей целостности, то неправда (ist es falsch), будто чувственный мир должен быть в пространстве или бесконечным, или конечным и ограниченным, так как оба эти положения ложны. В самом деле, явления (которые есть только представления (als bloße Vorstellungen)), которые были бы даны сами по себе (как объекты), есть нечто невозможное, и бесконечность этого воображаемого целого была бы, правда, безусловной, но противоречила бы (так как в явлениях все условно) безусловному определению величины, которое, однако, предполагается в [этом] понятии.

Апагогические приемы доказательства суть та шумиха, которая увлекает почитателей основательности /умствований нашего догматика[1]: они [играют роль] как бы чемпиона, который хочет доказать честь и бесспорные права своей партии тем, что берется сразиться со всяким, кто усомнился бы в них, хотя такая самоуверенность нисколько не решает вопроса, а лишь показывает относительную силу противников, да и то лишь /поскольку одна из сторон начинает нападение[2]. Зрители, видя, **822** что каждый [из борцов] бывает по очереди то победителем, то побежденным, нередко /бывают склонны[1] скептически усомниться в самом объекте спора. Однако у них нет оснований для этого, и достаточно крикнуть им: non defensoribus istis tempus eget (80). Всякий должен вести свое дело посредством законного доказательства, производимого с помощью трансцендентальной дедукции оснований, т. е. прямым [путем], чтобы видно было, /на что могут сослаться в свою пользу догматические притязания разума[2]. Действительно, если противник [догматика] опирается на субъективные основания, то, конечно, легко опровергнуть его, однако отсюда не получается никакой выгоды для догматика, который обыкновенно точно так же опирается на субъективные основания суждения и таким же образом может быть загнан в тупик своим противником. Если же обе партии ведут доказательство только прямым путем, то они или сами заметят трудность и даже невозможность обоснования (den Titel... auszufinden) своих утверждений и в конце концов будут ссылаться только на права давности (auf Verjährung), или же критика легко откроет догматическую иллюзию и принудит чистый разум отказаться от слишком повышенных притязаний в спекулятивном применении и возвратиться в границы своей специальной области (ihres eigentümlichen Bodens), именно области практических основоположений.

1) С – наших догматических умствователей
З – наших умствующих догматиков
(unserer dogmatischen Vernünftler)

2) З – на той стороне, которая держится задиристо
(nur auf der Seite desjenigen, der sich angreifend verhält)

1) С – находят в этом повод
(nehmen... daraus Anlaß)

2) З – в какой степени его притязания могут быть разумно обоснованы
(was seine Vernunftansprüche für sich selbst anzuführen haben)

823 *Трансцендентального учения о методе*

ВТОРАЯ ГЛАВА

Канон чистого разума

Для человеческого разума унизительно то, что он в своем чистом применении ничего не может достигнуть и даже нуждается еще в дисциплине, которая умеряла бы его порывистость и оберегала бы его от возникающих отсюда иллюзий. Но, с другой стороны, его опять возвышает и возвращает ему доверие к себе то обстоятельство, что он может и должен сам осуществить эту дисциплину, не допуская над собой чужой (andere) цензуры, а также то обстоятельство, что границы, которые он принужден поставить своему спекулятивному применению, обязательны также и для притязаний всякого умствующего противника его, так что все, что может остаться для него от прежних преувеличенных требований его, может быть обеспечено против всяких нападений. Итак, величайшая и, быть может, единственная польза всякой философии чистого разума имеет только отрицательный характер: в самом деле, эта философия служит не как органон для расширения, а как дисциплина для определения границ, и, вместо того чтобы открывать истину, /она берет на себя лишь скромную роль[1)] оберегать от заблуждений.

1) С – оказывает только скромную услугу
З – у нее скромная заслуга (das stille Verdienst hat)

Однако где-нибудь должен существовать источник положительных знаний, которые принадлежат к области чистого разума и, быть может, по недоразумению только подают повод к заблуждениям, а в **824** действительности составляют цель стремлений (Beeiferung) разума. Действительно, какой же причине можно было бы приписать в противном случае неистребимую жажду разума стать твердой ногой где-либо за пределами опыта? Он предчувствует предметы, представляющие для него огромный интерес. Он вступает на путь чистой спекуляции, чтобы приблизиться к ним; однако они бегут от него. Надо предполагать, что на единственном пути, который еще остался для него, именно на пути практического применения, он может надеяться на большее счастье.

Под каноном я разумею совокупность априорных основоположений правильного применения известных познавательных способностей. Так, общая логика в своей аналитической части есть канон для рассудка и разума вообще, однако лишь с формаль-

ной стороны, так как она отвлекается от всякого содержания. Так, трансцендентальная аналитика есть канон чистого рассудка, так как лишь чистый рассудок способен иметь истинные синтетические знания a priori. Там же, где нет никакого правильного применения познавательной способности, нет и канона. Из всех приведенных выше доказательств видно, что всякое (alle) синтетическое познание чистого разума в его спекулятивном применении /невозможно[1]. Следовательно, нет канона спекулятивного применения чистого разума (так как это применение имеет сплошь диалектический характер), и вся трансцендентальная логика есть ввиду этого только дисциплина. **825** Следовательно, если вообще существует правильное применение чистого разума, для которого в таком случае должен существовать канон, то этот канон будет относиться не к спекулятивному, а к практическому применению разума, которое мы поэтому и подвергаем исследованию теперь.

1) З – совершенно невозможно (gänzlich unmöglich)

Канона чистого разума

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

О последней (letzen) цели чистого применения нашего разума

/Сама природа разума побуждает его[1] выйти за пределы эмпирического применения, отважиться проникнуть до самых крайних границ всякого знания путем своего чистого применения с помощью одних лишь идей и успокоиться, только завершив свой круг /в самодовлеющем[2] систематическом целом. Основывается ли это стремление только на спекулятивном или, может быть, исключительно на практическом интересе [разума]?

Я оставлю теперь в стороне успехи (das Glück) чистого разума в спекулятивном отношении и рассмотрю только задачи, решение которых составляет последнюю цель его, все равно, достигнет ли он ее или нет, и в отношении к которой все остальные [цели] /служат лишь средством[3]. Эти высшие цели **826** соответственно природе разума должны опять в свою очередь образовать единство, чтобы сообща содействовать тому интересу человечества, который уже не подчинен /более ничему[1].

Конечная цель, на которую в результате направлена спекуляция разума в трансцендентальном применении, касается трех предметов: свободы воли, бес-

1) С – Разум уже склонностью своей природы побуждается к тому, чтобы...
(Die Vernunft wird durch einen Hang ihrer Natur getrieben, über)

2) З – в самостоятельно существующем
(in einem für sich bestehenden)

3) С – имеет значение только средства
(bloß den Wert der Mittel haben)

1) С – ничему высшему,
З – никакому более высокому интересу
(keinem höheren)

смертия души и бытия Бога. В отношении всех этих трех вопросов чисто спекулятивный интерес разума очень слаб, и ради этого интереса едва ли он взял бы на себя утомительный, [непрестанно] борющийся /с препятствиями[2] труд трансцендентального исследования, так как из всех открытий, которых удалось бы достигнуть здесь, нельзя сделать никакого применения, полезного in concreto, т. е. /в естествознании[3]. Быть может, воля и свободна, но это может иметь отношение только к умопостигаемой причине нашего хотения (Wollens). Что же касается феноменов обнаружения воли, т. е. поступков, то, согласно непоколебимой основной максиме, без которой мы не можем пользоваться разумом в эмпирическом применении, они должны быть объясняемы так же, как и все остальные явления природы, именно согласно неизменным законам ее. Быть может, во-вторых, духовная природа души (а вместе с тем и ее бессмертие) может быть познана, но все же на ней нельзя основать ни объяснения явлений земной (dieses) жизни, **827** ни особенных свойств будущей жизни (Zustandes), так как наше понятие о нетелесной природе имеет лишь отрицательный характер, нисколько не расширяет нашего знания /и дает материал разве только для фантазий, а вовсе не для философских выводов[1]. Наконец, в-третьих, если бы существование высшей интеллигенции было доказано, мы, правда, могли бы понять отсюда целесообразность в устройстве мира и порядок его вообще, но не получили бы права выводить отсюда какую бы то ни было частную [форму] устройства и порядка [мира] или /смело умозаключать о ней там, где она не установлена путем наблюдения[2], так как необходимое правило спекулятивного применения разума требует, чтобы мы не упускали из виду естественных причин /и не покидали того, что может указать нам опыт[3], пытаясь вывести известное нам из того, что совершенно выходит за пределы нашего знания. Одним словом, эти три положения остаются для спекулятивного разума всегда трансцендентными и не имеют никакого имманентного, т. е. допустимого для предметов опыта, и, следовательно, каким-либо образом полезного для нас применения; рассматриваемые сами по себе, они оказываются продуктом совершенно праздных, и притом в высшей степени тяжелых усилий нашего разума.

Поэтому, если эти три кардинальных положения вовсе не нужны для нашего з н а н и я, но тем не менее настойчиво рекомендуются нашим разумом, то их значение, вероятно (wohl eigentlich), должно относиться только к **828** п р а к т и ч е с к о й [сфере].

2) В – против постоянных препятствий (mit unaufhörlichen Hindernissen)

3) С, З – в исследовании природы (in der Naturforschung)

1) З – и не дает подходящего материала для выводов, разве только для таких, которые годны лишь для вымыслов, но недопустимы в философии (noch einigen tauglichen Stoff zu Folgerungen darbietet, als etwa zu solchen, die nur für Erdichtungen gelten können, die aber von der Philosophie nicht gestattet werden)

2) З – делать выводы о них там, где они не воспринимаются (wo sie nicht wahrgenommen wird, darauf kühnlich zu schließen)

3) З – не отказывались от знаний, приобретаемых нами благодаря опыту (nicht... und das, wovon wir uns durch Erfahrung belehren können, aufzugeben)

/К практической [сфере] относится все, что[1)] возможно посредством свободы. Но если условия осуществления нашей свободной воли (freien Willkür) имеют эмпирический характер, то разум может иметь при этом только регулятивное применение и служит лишь для того, чтобы вносить единство в эмпирические законы. Так, напр., в учении благоразумия (der Klugheit) объединение всех целей, внушаемых нам нашими склонностями, в одной цели блаженства (Glückseligkeit) и согласование средств для достижения этой цели составляют всю задачу разума, который поэтому может доставить только прагматические законы свободного поведения для достижения целей, рекомендуемых нам чувственностью (von den Sinnen), и, следовательно, не может доставить [здесь] чистых законов, определенных вполне a priori. Наоборот, чистые практические законы, цель которых дается разумом вполне a priori и которые повелевают не в эмпирически обусловленной, а в безусловной форме, должны быть (würden... sein) продуктом чистого разума. Таковы моральные законы; следовательно, только эти законы относятся к области практического применения чистого разума и /для них возможен канон[2)].

Итак, /все усилия[3)] разума при разработке того, что можно назвать чистой философией, в действительности направлены только на упомянутые три проблемы. Эти же [проблемы] в свою очередь имеют более отдаленную цель, именно [определение того], /чтó должно делать[4)], если воля свободна, если существуют Бог и будущий мир. **829** Так как это относится к нашему поведению в отношении к высшей цели, то, следовательно, последней целью мудро заботящейся о нас природе при устройстве нашего разума /была, собственно, лишь мораль[1)].

Однако, обращая внимание на предмет, чуждый трансцендентальной философии*, мы должны быть осторожными, чтобы не затеряться в частностях и не нарушить единства системы, а с другой стороны, чтобы не сказать об этих новых предметах (Stoffe) слиш-

1) З – Практическое есть все то, что
(Praktisch ist alles, was...)

2) С – допускают канон
(erlauben einen Kanon)
3) З – все снаряжение
(Die ganze Zurüstung)

4) С – что следует делать
(was zu tun sei)

1) С – была направлена, собственно, только на моральную сторону
З – служит, собственно, лишь моральное
(die letzte Absicht... eigentlich nur aufs Moralische gestellt)

---

* Все практические понятия относятся к предметам удовольствия или неудовольствия (des Wohlgefallens oder Mißfallens), т. е. наслаждения и страдания, следовательно, по крайней мере косвенно, они относятся к предметам нашего чувства (Gefühls). Но так как [чувство] не есть способность представления вещей и находится вне всей способности познания, то элементы наших суждений, поскольку они относятся к наслаждению или страданию, принадлежат, следовательно, /к практической[2)], а не к совокупности трансцендентальной философии, которая имеет дело исключительно с чистыми априорными познаниями.

2) З – к практическим элементам наших суждений
(mithin der praktischen)

ком мало и не оставить чего-нибудь неясным или неубедительным. Я надеюсь избежать и того и другого тем, что буду как можно ближе держаться трансцендентальной [стороны вопроса] и оставлю совершенно в стороне то, что здесь могло бы относиться к психологической, т. е. эмпирической, области.

Здесь следует прежде всего заметить, что теперь я буду пользоваться понятием свободы только в практическом смысле, а трансцендентальное значение этого понятия, которое не может предполагаться эмпирически как основание объяснения **830** явлений и само составляет проблему для разума, оставлю здесь в стороне как рассмотренное уже выше. Воля (Eine Willkür) имеет чисто животный характер (arbitrium brutum), если может определяться только чувственными побуждениями, т. е. патологически. Воля (Diejenige aber), которая может определяться независимо от чувственных побуждений, следовательно, мотивами, представляемыми только разумом, называется свободной волей (arbitrium liberum), и все, что стоит с ней в связи как основание или как следствие, называется практическим. Практическая свобода может быть доказана посредством опыта. Действительно, человеческую волю определяет не только то, что возбуждает, т. е. непосредственно аффицирует чувства: мы обладаем способностью посредством представлений о том, что полезно или вредно лишь отдаленным образом, преодолевать впечатления, производимые /на наши чувственные склонности[1]; но эти рассуждения о том, что желательно в отношении всего нашего состояния, т. е. что приносит (ist) добро или пользу, основываются на разуме. Поэтому разум дает также законы, которые имеют характер (sind) императивов, т. е. объективных законов свободы, и указывают, чтó должно случаться (was geschehen soll), хотя, быть может, никогда и не случается; этим они отличаются от законов природы, в которых речь идет лишь о том, чтó случается; поэтому законы свободы (sie) называются также практическими законами.

1) С – на нашу чувственную способность желания (auf unser sinnliches Begehrungsvermögen)

831 Не определяется ли сам разум в этих актах, посредством которых он предписывает законы, в свою очередь другими влияниями и не оказывается ли то, что в отношении к чувственным побуждениям называется свободой, в отношении к более высоким и более отдаленно действующим причинам опять природой – этот вопрос не касается нас в практической области, где мы прежде всего ищем у разума лишь предписания для поведения, [тогда как упомя-

нутый выше] вопрос имеет чисто спекулятивный характер и мы можем оставить его в стороне, пока речь идет /о том, что мы должны и чего не должны делать[1]. Итак, мы познаем практическую свободу посредством опыта как одну из естественных причин, именно как причинность разума /в отношении воли[2], тогда как трансцендентальная свобода требует независимости самого этого разума (в отношении его причинности, начинающей ряд явлений) от всех определяющих причин чувственного мира; в этом смысле (sofern) она, по-видимому, противоречит [естественному] закону природы, следовательно, /всякому опыту[3], и потому остается проблематичной. Однако для разума в практическом применении его эта проблема не существует; следовательно, в каноне чистого разума мы имеем дело только с двумя вопросами, которые касаются практического интереса чистого разума и в отношении которых должен быть возможным канон применения его. Эти вопросы таковы: существует ли Бог? Существует ли будущая жизнь? Вопрос о трансцендентальной свободе касается только спекулятивного знания и может быть оставлен нами совершенно в стороне, так как он совершенно безразличен для нас, когда речь идет о **832** практической [области], и так как достаточное разъяснение его дано уже в антиномии чистого разума.

1) З – о нашем поведении (aufs Tun oder Lassen)

2) С, З – в определении воли (in Bestimmung des Willens)

3) С, З – всякому возможному опыту (aller möglichen Erfahrung)

Канона чистого разума
ВТОРАЯ СЕКЦИЯ

Об идеале высшего блага, как об определяющем основании последней цели чистого разума

Разум в своем спекулятивном применении вел нас через область опыта, и так как в ней он нигде не нашел полного удовлетворения, то отсюда [он перешел] к спекулятивным идеям, которые, однако, в конце концов опять вернули нас к опыту, следовательно, выполнили свое назначение весьма полезным, но совершенно не соответствующим нашему ожиданию способом. Нам остается теперь только сделать еще одну попытку, именно посмотреть, нет ли чистого разума также и в практической /области[1], не ведет ли он здесь к идеям, осуществляющим высшие цели чистого разума, перечисленные нами выше, и, следовательно, не может ли он с точки зрения своего практического интереса доставить нам то, в чем он решительно отказал нам в отношении спекулятивного интереса.

1) С – применении (Gebrauche)

Все интересы моего разума (как спекулятивные, так и практические) объединяются в следующих трех вопросах: **833**

1. *Чтó я могу знать?*
2. *Чтó я должен делать?*
3. */На чтó я имею право надеяться?*[1)]

1) С, Г – На что я смею надеяться?
З – могу надеяться
(Was darf ich hoffen?)

Первый вопрос имеет чисто спекулятивный характер. Мы исчерпали (смею надеяться) все возможные ответы на него и наконец нашли такое решение проблемы, которое должно, правда, удовлетворять разум, и притом вполне основательно, если он не имеет в виду практической области, однако от двух великих целей, на которые, собственно, были направлены все стремления чистого разума, мы остались настолько же далекими, как если бы мы с самого начала /ради своего спокойствия[2)] совершенно отказались от этой задачи (Arbeit). Во всяком случае, если речь идет о знании, мы прочно установили и решили по крайней мере, что решение этих двух проблем никогда не может быть нашим уделом.

2) С – ради удобства
(aus Gemächlichkeit)

Второй вопрос имеет чисто практический характер. Как таковой, он может, правда, принадлежать чистому разуму, но в таком случае он имеет не трансцендентальный, а моральный характер, следовательно, наша критика сама по себе не может заниматься им.

Третий вопрос, именно вопрос о том, на что я имею право надеяться, если выполняю то, что я должен делать, имеет одновременно и практический и теоретический характер, так как практическая сторона его служит лишь руководством для ответа на теоретический и даже, если пойти еще выше, на спекулятивный вопрос. Действительно, всякая *надежда* имеет в виду блаженство и в отношении к практической области и нравственному закону составляет то же самое, что знание и закон природы в отношении к теоретическому познанию вещей. **834** Первая приводит в конце концов к умозаключению, что нечто (определяющее последнюю возможную цель) *существует* (sei), *потому что /нечто должно случиться*[1)]; а второе приводит к умозаключению, что нечто *существует* (действуя как высшая причина), *потому что нечто случается* (geschieht).

1) З – чему-то надлежит произойти
(etwas geschehen soll)

Блаженство есть удовлетворение всех наших склонностей (и extensive в отношении многообразия их, и intensive в отношении степени их, и protensive в отношении продолжительности). Практический закон, [основывающийся] /на стремлении к *бла-*

жен ству[2], я называю прагматическим (правило благоразумия); а закон, (если такой [закон] существует), имеющий своим мотивом только /достойность быть блаженным[3], я называю моральным (нравственным) (Sittengesetz) законом. Прагматический закон советует, что нужно делать, если мы хотим быть причастными к блаженству, а нравственный закон повелевает, как мы должны вести себя, чтобы быть лишь достойными блаженства. Прагматический закон основывается на эмпирических принципах, так как без помощи опыта я не могу знать ни своих склонностей, требующих удовлетворения, ни естественных причин, способных доставить им удовлетворение. Нравственный закон отвлекается от склонностей и естественных средств удовлетворения их и рассматривает только свободу разумного существа вообще и необходимые условия, при которых единственно она согласуется с распределением блаженства согласно принципам и, следовательно, по крайней мере /может основываться на одних лишь идеях чистого разума и может быть познана a priori[4].

835 Я допускаю, что в самом деле существуют чистые нравственные законы, которые вполне a priori (без отношения к эмпирическим мотивам, т. е. к блаженству) /определяют применение свободы разумного существа вообще в отношении действий и воздержания от действий[1], и что эти законы повелевают безусловно (а не только гипотетически, [т. е.] под условием других эмпирических целей) и, следовательно, имеют характер необходимости во всех отношениях. Я имею право допускать это положение, ссылаясь не только на доказательства самых просвещенных моралистов, но и на нравственное суждение всякого человека, если он пытается отчетливо мыслить подобный закон.

Итак, чистый разум содержит в себе, правда не в своем спекулятивном, а в некотором практическом, именно в моральном применении, принципы возможности опыта, именно таких актов, которые могли бы встречаться в истории человека сообразно нравственным предписаниям. Действительно, так как разум повелевает, чтобы они совершались (geschehen sollen), то осуществление их должно быть возможным (müssen sie auch... können) и, следовательно, должен быть возможным особый вид систематического единства, именно моральное единство, между тем как систематическое единство природы согласно спекулятивным принципам разума не могло быть доказано,

2) З на мотиве блаженства (aus dem Bewegungsgründe der Glückseligkeit)

3) З – достойность счастья (die Würdigkeit, glücklich zu sein)

4) С – [нравственный закон] может основываться по крайней мере на идее чистого разума и познается a priori (kann also wenigstens auf bloßen Ideen der reinen Vernunft beruhen und a priori erkannt werden) (This latter lav can therefore be based on mere ideas of pure reason, and known a priori) (лат. – poterit rationis purae atque ex anticipatione cognosci)

1) З – определяют все наше поведение, т.е. применение свободы разумного существа вообще (das Tun und Lassen d.i., den Gebrauch der Freiheit eines vernünftigen Wesens überhaupt, bestimmen)

так как разум обладает, правда, причинностью в отношении свободы вообще, но не в отношении всей природы, и моральные принципы разума могут, правда, производить свободные акты, однако не законы природы. **836** Таким образом, принципы чистого разума обладают объективной реальностью в его практическом, и именно в его моральном применении.

Мир, поскольку он согласовался бы с всеми нравственными законами (каким он *может* быть согласно *свободе* разумных существ и *должен* быть согласно необходимым законам *нравственности*), я называю **моральным миром**. Так как при этом мы отвлекаемся от всех условий (целей) и даже от всех препятствий для морали (der Moralität in derselben) (слабость или /нечистота[1] человеческой природы), то этот мир мыслится только как умопостигаемый. Следовательно, в этом смысле он есть только идея, однако практическая идея, которая действительно может и должна иметь влияние на чувственный мир, чтобы сделать его по возможности адекватным (gemäß) идее. Поэтому идея морального мира обладает объективной реальностью [не в том смысле], как если бы она относилась к предмету умопостигаемого наглядного представления (подобных предметов мы вовсе не можем мыслить), а [в том смысле], что она относится к чувственному миру, однако как к предмету чистого разума в его практическом применении и как к corpus mysticum разумных /существ[2], поскольку свободная воля их при условии моральных законов сама по себе обладает систематическим всесторонним единством /и в отношении к самой себе, и в отношении ко всякой другой свободе[3].

1) С, З – порочность (Unlauterkeit)

2) С, З – существ в нем (Wesen in ihr)

3) З – как с самим собой, так и со свободой любого другого (sowohl mit sich selbst, als mit jedes anderen Freiheit)

Итак, ответ на первый из двух вопросов чистого разума, касающихся практического интереса, таков: *делай то, благодаря чему ты становишься достойным блаженства* (glücklich zu sein). **837** Второй же вопрос состоит в следующем: если мое поведение таково, что я не недостоин блаженства, /то как я могу[1] надеяться быть вследствие этого причастным блаженству? Для ответа на этот вопрос нужно знать, связывают ли необходимо /эту[2] надежду с нравственным законом (damit) принципы чистого разума, a priori предписывающие закон.

1) З – смею ли я (darf ich auch)

2) З – и эту (auch diese)

Я утверждаю, что, подобно тому как моральные принципы, согласно разуму в его *практическом* применении, необходимы, точно так же, согласно разуму в его *теоретическом* <применении> необходимо допустить, что всякий имеет основание надеяться на блаженство в той мере, в какой

он сделал себя достойным его своим поведением, и, следовательно, система нравственности неразрывно связана /с блаженством[3], однако лишь в идее чистого разума.

3) З, В – с системой блаженства (mit dem der Glückseligkeit)

В умопостигаемом, т. е. моральном, мире, в понятии которого мы отвлекаемся от всех препятствий нравственности (от склонностей), можно мыслить такую систему блаженства, связанного пропорционально с моральностью, как необходимую, так как свобода, отчасти движимая нравственным законом, отчасти ограничиваемая [им], сама была бы причиной всеобщего блаженства, следовательно, разумные существа под руководством таких принципов сами были бы творцами своего собственного и вместе с тем чужого прочного благополучия. Однако эта система моральности, награждающей **838** себя саму, есть только идея, осуществление которой зависит от условий, чтобы в с я к и й выполнял то, что он должен делать, т. е. чтобы все акты разумных существ совершались так, как если бы они возникали из высшей воли, охватывающей в себе или под собой /все частные воли[1]. Но так как моральный закон остается обязательным для всякого частного применения свободы, если бы даже другие [существа] не действовали сообразно этому закону, то ни природа вещей в мире, ни причинность самих актов и их отношение к нравственности не определяют, как относятся их последствия к блаженству; и указанная необходимая связь надежды на блаженство с неустанным старанием сделать себя достойным блаженства не может быть познана разумом, если положить в основу только природу, /но должна быть лишь предметом надежды в том случае, если допустим, что[2] в ы с ш и й р а з у м, повелевающий согласно моральным законам, /есть вместе с тем причина природы[2].

1) С, В – всякий частный произвол
(der alle Privatwillkür)
(for every one inthe use of his freedon)

2) С – На это можно рассчитывать только тогда, когда в основу положен как причина природы
(sondern darf nur gehofft werden, wenn… zugleich als Ursache der Natur zum Grunde gelegt wird)

Идею такой интеллигенции, в которой морально совершеннейшая воля связанная с высшим блаженством (Seligkeit), составляет причину всякого блаженства (Glückseligkeit) в мире, поскольку оно находится в точном соотношении с нравственностью (как достойностью /быть блаженным[3]), я называю и д е а л о м в ы с ш е г о б л а г а (Guts). Следовательно, чистый разум может находить основание практически необходимого сочетания обоих элементов **839** высшего производного блага, именно умопостигаемого, т. е. м о р а л ь н о г о, мира, только в идеале высшего п е р в о н а ч а л ь н о г о блага. Так как мы посредством разума необходимо должны представлять себя принадлежащими к такому миру, хотя чувства дают нам только мир явлений, то мы должны допус-

3) З – счастья
(glücklich zu sein)

кать умопостигаемый мир как следствие нашего поведения в чувственном мире, и так как в чувственном мире такой связи [между нравственным законом и блаженством] нет, то мы должны допускать /умопостигаемый мир как будущий мир[1]. Следовательно, Бог и будущая жизнь суть два допущения, неотделимые согласно принципам того же разума от обязанностей, налагаемых на нас чистым разумом.

1) З – моральный мир как загробный мир (jene… als eine für uns künftige Welt)

Нравственность сама по себе образует систему, но нельзя сказать того же о блаженстве, за исключением того, поскольку оно распределяется в точном соответствии с моральностью. Но такое [соответствие] возможно только в умопостигаемом мире под [влиянием] мудрого творца и правителя. Разум находит себя вынужденным или допустить такого творца вместе с жизнью, /которую мы должны представлять себе как будущую[2], или же рассматривать нравственные законы как пустые выдумки, так как необходимое последствие их, связываемое с ними /разумом[3], должно было бы отпасть без указанного выше допущения. Поэтому всякий рассматривает нравственные законы как з а п о в е д и (Gebote), чем они не могли бы быть, если бы не соединяли со своими правилами a priori соответственные следствия и, следовательно, не сопровождались о б е т о в а н и я м и (Verheißungen) и у г р о з а м и. **840**
Но это было бы невозможно, если бы они не основывались на необходимом существе как высшем благе, которое единственно /может установить[1] такое целесообразное единство.

2) З – в таком мире, который мы должны считать загробным (in einer solchen Welt, die wir als eine künftige ansehen müssen)

3) З – тем же разумом (dieselbe Vernunft)

1) С – делает возможным (möglich machen kann)

Мир, поскольку мы обращаем в нем внимание лишь на разумные существа и их связь между собой согласно нравственному закону под руководством высшего блага, **Лейбниц** назвал ц а р с т в о м б л а г о д а т и (Gnaden) и отличал его от ц а р с т в а п р и р о д ы, в котором эти существа, правда, подчинены нравственным законам, но ожидают от своего поведения лишь таких последствий, какие определяются порядком (nach dem Laufe) природы нашего чувственного мира. Следовательно, идея, /согласно которой мы считаем себя членами царства[2] благодати, где нас ожидает всякое блаженство, /за исключением того, поскольку мы сами ограничиваем свое участие в нем своей недостойностью[3], есть практически необходимая идея разума.

2) С – видеть себя в царстве (Sich also im Reiche… zu sehen)

3) З – если только мы сами не ограничиваем свою долю тем, что недостойны быть счастливым (außer sofern wir unseren Anteil an derselben durch die Unwürdigkeit, glücklich zu sein, nicht selbst einschränken)

Практические законы, поскольку они вместе с тем становятся субъективными основаниями поступков, т. е. субъективными основоположениями, называются м а к с и м а м и. О ц е н к а нравственности со стороны ее чистоты и последствий производится сог-

ласно идеям, а следование законам ее [совершается] согласно максимам.

Необходимо, чтобы весь наш образ жизни был подчинен нравственным максимам, но это невозможно, если с моральным законом, представляющим лишь идею, разум не связывает действующую причину, которая определяет результат нашего поведения, согласно с законом, точно соответствующий нашим высшим целям и /относящийся к настоящей или к будущей жизни[4]. **841** Следовательно, без Бога и невидимого нам теперь, но составляющего предмет надежды мира (gehoffte Welt) прекрасные идеи нравственности вызывают, правда, одобрение и удивление, но не служат мотивом /для решений и поступков[1], так как /не совмещают в себе всей цели[2], естественной для всякого разумного существа, необходимой [для него] и a priori определяемой тем же чистым разумом.

Одно лишь блаженство вовсе не есть полное благо с точки зрения нашего разума. Он не одобряет его (как бы наши склонности ни влекли нас к нему), поскольку оно не соединено с достойностью быть блаженным, т. е. с нравственно высоким поведением (Wohlverhalten). Но, [с другой стороны,] одна лишь нравственность и вместе с ней одна лишь достойность быть блаженным (glücklich zu sein) вовсе еще не составляют полного блага. Для завершения его необходимо, чтобы тот, кто своим поведением заслужил блаженство, мог надеяться стать причастным ему. Даже свободный от всяких частных целей и не имеющий в виду своих собственных интересов разум, если бы его поставили на место существа, которое распределяло бы блаженство между другими [существами], не может судить иначе; действительно, в практической идее обе эти стороны существенно связаны друг с другом, правда, однако, таким образом, что /моральный строй личности[3] как условие, впервые делает возможным участие в блаженстве, /а не стремление к блаженству[4] создает моральный строй личности. В самом деле, в **842** последнем случае строй личности не был бы моральным и, следовательно, она не была бы достойна полного блаженства, которое с точки зрения разума не допускает никаких иных ограничений, кроме тех, какие обусловлены нашим собственным безнравственным поведением.

Следовательно, блаженство в точном соответствии (Ebenmaße) с нравственностью разумных существ, благодаря которой они становятся достойными его, составляет единственное высшее благо в мире, в который мы должны сполна (durchaus) перенестись сог-

4) З – будь то в настоящей или в иной жизни
(es sei in diesem, oder einem anderen Leben)

1) З – намерений и их осуществления
(des Vorsatzes und der Ausübung)

2) З – не исполняют всей цели
(nicht den ganzen Zweck… erfüllen)

3) З – моральная настроенность
(die moralische Gesinnung)

4) С – а не наоборот, т.е. виды на счастье
(und nicht umgekehrt die Aussicht auf Glückselligkeit)

ласно предписаниям чистого, однако практического разума и который, конечно, /имеет только умопостигаемый характер[1], так как чувственный мир не обещает нам, что касается природы вещей, подобного систематического единства целей, и реальность этого единства может быть основана только на предположении высшего первоначального блага, причем самостоятельный разум, одаренный всемогуществом высшей причины, основывает, поддерживает и осуществляет общий, хотя и глубоко скрытый от нас в чувственном мире, порядок вещей соответственно совершеннейшей целесообразности.

Эта моральная теология имеет специальное (eigentümlichen) преимущество перед спекулятивной [теологией], состоящее в том, что она неизбежно ведет к понятию единого всесовершеннейшего и разумного /существа[2], /тогда как спекулятивная теология не указывает даже объективных оснований для этого[3], не говоря уже о том, что она не может убедить нас в этом. Действительно, ни в трансцендентальной, ни в естественной теологии, поскольку разум может вести нас к ним, мы не находим ни одного значительного основания, чтобы допускать лишь единственное существо (ein einiges Wesen), **843** которое мы [с достаточным правом] могли бы ставить во главе всех естественных причин /и которому мы могли бы подчинить их во всех отношениях[1]. Наоборот, если мы с точки зрения нравственного единства как необходимого мирового закона исследуем причину, которая единственно может связать с этим законом соответствующий эффект и таким образом придать ему также обязательную для нас силу, то мы должны предполагать, что существует единая высшая воля, охватывающая в себе все эти законы. Действительно, каким же образом мы нашли бы совершенное единство целей при различных волях? Эта воля должна быть всемогущей, чтобы ей была подчинена вся природа и отношение ее к нравственности в мире; всеведущей, чтобы познавать /сокровеннейшие побуждения и их[2] моральную ценность; вездесущей, чтобы быть непосредственно близкой ко всякой потребности, необходимой для высшего добра в мире; вечной, чтобы никогда не было недостатка в этом согласовании между природой и свободой, и т. д.

Но это систематическое единство целей /в мире[3] интеллигенций, который, правда, как природа (bloße Natur) может называться лишь чувственным миром, а как система свободы может называться умопостигаемым, т. е. моральным, миром (regnum gratiae), неиз-

1) З – есть лишь умопостигаемый мир
(nur eine intelligibele Welt ist)

2) З – первосущности
(Urwesens)

3) С – на которое спекулятивная теология из объективных оснований даже не указывает нам
(worauf uns spekulative Theologie nicht einmal aus objektiven Gründen hinweist)

1) З – и от которо[го] мы могли бы с достаточным основанием сделать их зависимыми во всех отношениях
(und von dem wir zugleich diese in allen Stücken abhängend zu machen hinreichende Ursache hätten)

2) З – сокровеннейшее в образе мыслей и его...
(das Innerste der Gesinnungen und deren...)

3) С, З – в этом мире
(in dieser Welt)

бежно приводит также к целесообразному единству всех вещей, образующих это великое целое согласно общим законам природы, подобно тому как /само умопостигаемое единство[4] образуется согласно общим и необходимым нравственным законам и приводит в связь (vereinigt) практический разум со спекулятивным разумом. Мир должен быть представляем как возникший из **844** единой идеи, если он должен согласоваться с тем применением разума, без которого мы сами считали бы себя недостойными разума, именно с моральным применением его, которое целиком основывается на идее высшего блага. Таким образом, все естествознание /приобретает тяготение к форме телеологической системы[1] и в своем высшем развитии становится физикотеологией. А физикотеология, так как она начинает с нравственного порядка как единства, основанного на сущности свободы, а не случайно установленного посредством /заповедей[2], сводит целесообразность природы к основаниям, которые должны быть a priori неразрывно связаны с внутренней возможностью вещей; таким образом [она приводит] к трансцендентальной теологии, которая рассматривает идеал высшего онтологического совершенства как принцип систематического единства, связывающий все вещи согласно общим и необходимым законам природы, так как все они имеют свое происхождение в абсолютной необходимости единичного (eines einigen) первоначального существа.

Какое применение можем мы сделать из нашего рассудка даже в отношении опыта, если мы не имеем перед собой целей? Но высшие цели суть цели моральности, и познание их может быть дано нам только чистым разумом. Запасшись этими целями (Mit diesen nun versehen) и руководясь ими, мы можем сделать даже из познания природы целесообразное применение в отношении к знанию лишь там, где сама природа установила **845** целесообразное единство. Действительно, без этого мы сами не обладали бы никаким разумом, так как для него не было бы школы и культуры посредством предметов, которые давали бы материал для таких понятий. Но первое указанное нами целесообразное единство есть нечто необходимое и обоснованное в самой сущности воли, следовательно, второе единство, содержащее в себе условие применения первого in concreto, должно быть таким же; итак, трансцендентальное расширение познаний нашего разума составляет не причину, а только действие практической целесообразности, которую указывает нам чистый разум.

4) З – систематическое единство целей (die erstere)

1) З – тяготеет к форме системы целей (bekommt,... eine Richtung nach der Form eines Systems der Zwecke)

2) С, З, В – внешних заповедей (äußere Gebote)

Поэтому и в истории человеческого разума мы находим, что, пока моральные понятия не были в достаточной степени очищены и определены и пока не было усмотрено систематическое единство целей, согласно с ними, и притом из необходимых принципов, до тех пор познание природы даже и при значительной степени культуры разума во многих других науках или вырабатывало грубые и смутные понятия о Божестве, или даже проявляло удивительное равнодушие вообще к этому вопросу. Более значительная обработка нравственных идей, которая сделалась необходимой благодаря в высшей степени чистому нравственному закону нашей религии, обратила внимание (schärfe) разума на этот предмет вследствие интереса, который она вызвала к нему; без всякого содействия со стороны /расширенного естествознания[1]), а также со стороны правильных и надежных трансцендентальных знаний (они были **846** всегда недостаточны) [эти нравственные идеи] (sie) создали понятие о божестве (von göttlichen Wesen), считаемое нами теперь правильным не потому, что спекулятивный разум убеждает нас в его правильности, а потому, что оно вполне согласуется с моральными принципами разума. Таким образом, в конце концов все же только чистому разуму, однако лишь в его практическом применении, принадлежит та заслуга, что он связал с нашими высшими интересами знание, о котором чистая спекуляция может лишь мечтать, не будучи в состоянии установить его и таким образом придать ему если не характер демонстративно [доказанной] догмы, то все же значение безусловно необходимого предположения соответственно существеннейшим целям разума.

1) З – обогащающихся знаний о природе
(erweiterte Naturerkenntnisse)

Но когда практический разум достиг этого высокого пункта, именно понятия единого первоначального существа как высшего блага, то он не должен воображать, будто он поднялся над всеми эмпирическими условиями своего применения и вознесся до непосредственного знания новых предметов настолько, чтобы исходить из этого понятия и выводить из него даже моральные законы. В самом деле, именно внутренняя практическая необходимость этих законов привела нас к предположению самостоятельной причины или мудрого правителя мира, чтобы /связать с этими законами последствия их[1]); поэтому мы не можем рассматривать их вслед за этим опять как случайные и производить их только из воли, **847** и притом из такой воли, о которой мы не имели бы никакого понятия, если бы не составили себе его соответственно этим законам. Насколько практический разум имеет право руководить нами, мы будем считать

1) С – придать силу этим законам
З – придать моральным законам действенность
(jenen Gesetzen Effekt zu geben)

поступки обязательными не потому, что они суть заповеди Бога, а потому будем считать их заповедями Бога, что мы внутренне обязаны осуществлять их. Мы будем изучать свободу при целесообразном единстве согласно принципам разума и только постольку будем считать себя сообразующимися с божественной волей, поскольку считаем священным нравственный закон, которому нас поучает разум на основании природы самих [наших] поступков, и будем считать /себя служащими ей лишь постольку, поскольку[1)] содействуем высшему в мире добру (Weltbeste) в себе и в других. Следовательно, моральная теология имеет только имманентное применение, именно для выполнения нашего назначения здесь в мире, состоящего в нашем приспособлении /к всеобщей системе целей[2)], а не для того, чтобы мечтательно или даже кощунственно (frevelhaft) покидать руководство в добром образе жизни /создающего законы морали разума[3)] с целью связать непосредственно свое поведение с идеей высшего существа, что придало бы разуму трансцендентное применение, но так же как и в случае чистой спекуляции, должно было бы /извратить последние цели разума и лишить их значения[4)].

1) С – надеемся служить ей [Божественной воле] тем, что... З – что мы служим этому закону лишь тем, что... (ihm dadurch allein zu dienen glauben, daβ...)

2) З – с системой всех целей (in das System aller Zwecke)

3) С – морально законодательного разума (den Leitfaden einer mor gesetzgebenden Vernunft)

4) С – извращать и губить последние цели разума З – извратить и подорвать (die letzen Zwecke der Vernunft verkehren und verleiteln muβ)

848 Канона чистого разума
ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

О мнении, знании и вере

/Признание какого-либо суждения истинным есть факт, происходящий в[1)] нашем рассудке и могущий иметь объективные основания, но требующий также субъективных причин в душе того, /кто высказывает суждение[2)]. Если суждение имеет знание для всякого, кто только обладает разумом, то оно имеет объективно достаточное основание, и тогда признание истинности его называется убеждением (Überzeugung). Если же оно имеет основание только в частных свойствах субъекта, то оно называется /верованием[3)].

Верование есть лишь иллюзия, так как [в этом случае] основание суждения, заключающееся только в субъекте, принимается за [объективное] основание. Поэтому такое суждение имеет только частное значение, и признание истинности (Fürwahrhalten) его /не может быть передано[4)]. Между тем истинность основывается на согласии с субъектом, в отношении к которому, следовательно, суждения всякого рассудка должны согласоваться между собой (consentientia uni tertio consentiunt inter se). Следовательно, внешним

1) С – Считать что-либо верным, это такое событие в... З – Признание чего-то истинным имеет место в... (Das Fürwahrhalten ist eine Begebenheit in...)

2) С – кто так судит (der da urteilt)

3) С, З – уверенностью В – самозаверение(м) (Überredung)

4) С – нельзя предавать другим. З – не может быть предметом сообщения. (läβt sich nicht mitteilen)

критерием того, имеет ли утверждение (Fürwahrhaltens) характер убеждения или только верования, служит возможность передать его и найти, что признание его истинности имеет значение для всякого человеческого разума; действительно, в таком случае является по крайней мере предположение, что основание согласия всех суждений, **849** несмотря на различие субъектов друг с другом, будет покоиться на общей основе, именно на объекте, с которым поэтому все они согласуются и доказывают таким образом истинность суждения.

Итак, с субъективной стороны верование, правда, не может быть отличено от убеждения, если субъект рассматривает признание истинности суждения только как явление в своей душе; /но попытка, нельзя ли произвести такое же действие и на чужой разум с помощью оснований, которые имели значение для нас, служит средством, правда лишь субъективным[1], если не достигнуть убеждения, то все же открыть хотя бы /лишь частное значение суждения, т. е. ту сторону его[2], которая имеет характер лишь верования.

Если мы можем сверх того /анализировать[3] субъективные п р и ч и н ы суждения, принимаемые нами за объективные о с н о в а н и я его, и, следовательно, объяснить ошибочное утверждение (trügliche Fürwahrhalten) как событие в нашей душе, не обращаясь к свойствам объекта, то мы разоблачаем иллюзию и больше уже не обманываемся ею, хотя все же в известной степени она продолжает искушать нас, если субъективная причина иллюзии присуща нашей природе.

Я могу у т в е р ж д а т ь, т. е. высказывать как нечто необходимое для всякого существа, лишь то, что приводит к убеждению. **850** Верование я могу сохранять в себе, если оно удовлетворяет меня, но я не могу и не должен пытаться придавать ему значение /для других людей[1].

Признание истинности [суждения], или субъективное значение суждения, имеет следующие три ступени в отношении к убеждению (которое имеет также объективное значение): м н е н и е, в е р а и з н а н и е. М н е н и е есть признание истинности суждения, сознаваемое недостаточным к а к с субъективной, т а к и с объективной стороны. Если признание истинности суждения имеет достаточное основание с субъективной стороны, но в то же время сознается как объективно недостаточное, то оно называется в е р о й. Наконец, как субъективно, так и объективно достаточное признание истинности суждения есть знание. Субъективная достоверность

1) С – но попытка передать ее [уверенность] с теми ее основаниями, которые имели значение для нас, другому рассудку, хотя бы она производила на чужой разум точно такое же впечатление, как и на нас, это все-таки только субъективное средство (der Versuch aber, den man mit den Gründen desselben, die für uns gültig sind, an anderer Verstand macht, ob sie auf fremde Vernungt eben dieselbe Wirkung tun, als auf die unsrige, ist doch ein, obzwar nur subjektives Mittel)

2) З – лишь индивидуальную значимость суждения, т.е. то в нем, что (die bloße Privatgültigkeit des Urteils, d.i. etwas in ihm, was)

3) С – раскрыть
З – выявить
(entwickeln)

1) С – вне меня
(außer mir)

называется убеждением (для меня самого), а объективная достаточность называется достоверностью (Gewiβheit) (для всякого). Я не буду останавливаться более на разъяснении этих столь ясных понятий.

/Никогда не следует подвинчивать себя к мнению[2], если не знаешь по крайней мере чего-нибудь такого, что устанавливает между проблематическим самим по себе суждением и истинной связью, которая, хотя и не дает полной истины, тем не менее представляет собой нечто большее, чем произвольный вымысел. Сверх того, закон такой связи должен быть достоверно известным (gewiβ). Действительно, если и в отношении этого закона у меня есть только мнение, то все это оказывается лишь игрой воображения, не имеющей никакого отношения к истине. В суждениях чистого разума мнения вовсе недопустимы. Действительно, так как эти суждения не основываются на эмпирических основаниях, **851** но должны быть познаны a priori и, следовательно, все в них должно быть необходимым, то принцип связи в них требует всеобщности и необходимости, т. е. полной достоверности, в противном случае /в них нет никакого признака истинности[1]. Поэтому в чистой математике нелепо высказывать мнения; здесь нужно или знать, или воздерживаться от всякого суждения. Точно то же относится и к основоположениям нравственности, где нельзя отваживаться на поступок только под влиянием мнения, что нечто дозволено, но до́лжно обладать знанием.

Наоборот, в трансцендентальном применении разума мнения /слишком мало[2], а [добиваться] знания было бы слишком много. Поэтому в чисто спекулятивном отношении мы здесь вовсе не можем устанавливать суждения (urteilen): действительно, субъективные основания признания истинности суждения, /способные обосновать веру[3], не заслуживают в спекулятивных вопросах никакого одобрения, так как не могут обойтись без эмпирической поддержки и не могут в равной мере быть переданы другим.

Но в чисто практическом отношении теоретически недостаточное признание истинности суждения может быть /верой[4]. Эта практическая точка зрения основывается (ist) или [на] /приспособленности[5], или на нравственности, причем первая [имеет в виду] любые /случайные[6] цели, а вторая – безусловно необходимые цели.

Если цель поставлена, то условия для достижения ее гипотетически необходимы. Эта необходимость

2) С – Я никогда не смею иметь какое-либо мнение, если не знаю
З – составлять себе мнение
(Ich darf mich niemals unterwinden, zu meinen)

1) С – нет никакого пути к истине
З – нет ничего ведущего к истине
(gar keine Leitung auf Wahrheit angetroffen wird)

2) С, З – конечно, слишком мало
(freilich zu wenig)

3) С – каковы те, которые могут возбудить в нас веру
(wie die, so das Glauben bewirken können)

4) З – названо верой
(Glauben genannt werden)

5) З – умении
(Geschicklichkeit)

6) С, З – и случайные
(und zufälligen)

субъективна, однако лишь относительно достаточна, если я не знаю никаких других условий, при которых цель была бы достижима; наоборот, она безусловно и для всякого **852** достаточна, если я достоверно знаю, что никто не может знать других условий, ведущих к поставленной цели. В первом случае мое предположение и признание истинности известных условий есть лишь случайная, а во втором случае необходимая вера. Врач должен что-либо сделать для больного, находящегося в опасности, но, не зная болезни, он наблюдает проявления ее и, если не находит ничего более подходящего, судит, что это чахотка. Его вера даже в его собственном суждении имеет чисто случайный характер, другой, быть может, правильнее угадал бы [болезнь]. Такую случайную веру, которая, однако, лежит в основе действительного применения средств для известных действий, я называю прагматической верой.

Обыкновенным критерием для того, чтобы узнать, составляет ли чье-либо утверждение только верование или по крайней мере субъективное убеждение, т. е. твердую веру, служит пари (das Wetten). Нередко человек высказывает свои положения /с видом такого самоуверенного и непреклонного упорства[1], что кажется /у него нет никаких сомнений в истинности их[2]. Но пари приводит его в замешательство (macht ihn stutzig). Иногда оказывается, что уверенности у него достаточно, чтобы оценить ее в один дукат, но не в десять [дукатов], так как рисковать одним дукатом он еще решается, но при ставке в десять дукатов **853** впервые замечает то, чего прежде не усматривал, именно что, может быть, он ошибается. Если мы представляем себе мысленно, что ставкой служит все счастье нашей жизни, то торжествующий [тон] нашего суждения совершенно исчезает, мы становимся чрезвычайно боязливыми и вдруг замечаем, что наша вера вовсе не так глубока (zulange). Таким образом, прагматическая вера имеет лишь бóльшую или меньшую степень, смотря по различию замешанных /в ней[1] интересов.

1) С – с таким уверенным и непоколебимым упорством (mit so zuversichtlichem und unlenkbarem Trotze)

2) С – и не думает о возможности ошибки (daβ er alle Besorgnis des Irrtums gänzlich abgelegt zu haben scheint)

1) С, З – здесь (dabei)

Хотя в отношении к некоторым объектам (auf ein Objekt) мы ничего не можем предпринять, так что наше признание истинности суждения о них имеет только теоретический характер, тем не менее в некоторых случаях мы можем мысленно задумать и вообразить в отношении к ним какую-либо деятельность (Unternehmung), для которой, как нам кажется, у нас есть достаточные основания, если бы только было средство установить достоверность вещи; таким образом, в чисто теоретических суждениях бывает не-

что аналогичное практическим суждениям; к этим случаям признания истинности суждения слово вера подходит, и мы можем назвать такую веру доктринальной. Я бы держал пари на все, что у меня (das Meinige) есть, за то, что по крайней мере на какой-либо из видимых нами планет есть обитатели, если бы можно было проверить это опытом. Поэтому я утверждаю, что мысль о существовании обитателей других миров есть не только мнение, а сильная вера (за правильность которой я рисковал бы многими благами жизни).

854 Нельзя не признать, что учение о существовании Бога есть [лишь] доктринальная вера. В самом деле, хотя в теоретическом знании о мире я не располагаю ничем, что необходимо требовало бы этой мысли как основания (Bedingung) моего объяснения явлений в мире, и скорее я обязан пользоваться своим разумом так, как будто все есть только природа, тем не менее целесообразное единство является таким важным условием применения разума к природе, что я не могу обойтись без этого предположения, тем более что в опыте мы находим множество примеров в пользу его. Но для этого единства я не знаю никакого иного условия, которое сделало бы его для меня руководством в исследовании природы, кроме предположения, что высшая интеллигенция /привела в такой порядок [природу][1] согласно мудрейшим целям. Следовательно, допущение мудрого творца мира есть условие, правда, случайной, но все же весьма важной цели, именно стремления иметь руководство в исследовании природы. Исход моих исследований весьма часто (auch so fort) подтверждает пригодность этого предположения, и против него нельзя найти никаких убедительных соображений, так что, если бы я назвал свое допущение (Führwahrhalnen) только мнением, /я оценил бы его слишком низко[2]: даже и в этом чисто теоретическом отношении можно сказать, что я твердо верю в Бога, но в этом отношении (alsdann) моя вера, строго говоря, не имеет практического характера и должна называться доктринальной верой, /которая необходимо создается теологией[3] природы (физикотеологией). **855** /В том же самом отделе философии[1], принимая в расчет /богатые дары[2] человеческой природы и столь несоразмерную с ними краткость жизни, можно найти также достаточное основание для доктринальной веры в будущую жизнь человеческой души.

Слово вера служит в таких случаях выражением скромности с объективной стороны (Absicht), но в то же время твердой уверенности (der

1) С, З – все устроила (alles… so geordnet habe)

2) З – я сказал бы слишком мало (ich viel zu wenig sage)

3) С – которую всегда и необходимо должна возбуждать теология (den die Theologie… notwendig allerwärts bewirken muβ)

1) С – В виду той же самой мудрости
З – В отношении этой же мудрости
(In Ansehung eben derselben Weisheit)

2) С – превосходн[ое] устройств[о]
З – превосходные способности
(auf die vortreffliche Ausstattung)

Festigkeit der Zutrauens) с *субъективной* [стороны]. Если бы я назвал здесь чисто теоретическое допущение хотя бы только гипотезой, /имеющей право на существование[3], то в этом уже выразилась бы претензия на большее знание (mehr... Begriff zu haben) о свойствах причины мира и /будущей жизни[4], чем то, какое я могу в действительности дать (aufzeigen); в самом деле, свойства того, чтó (was) я допускаю хотя бы только как гипотезу, должны быть известны мне по крайней мере настолько, чтобы я /был принужден создавать мысленно не *самое понятие* [*вещи*], *а только существование ее*[5]. Слово же *вера* относится только к руководству, которое дается мне идеей, и к субъективному влиянию на успехи деятельности моего разума, заставляющие меня держаться этой идеи, хотя я не в состоянии дать отчет о ней в спекулятивном отношении.

Однако чисто доктринальная вера /имеет несколько колеблющийся характер[6]; нередко затруднения, встречающиеся в спекуляции, отдаляют нас от нее,
856 хотя мы постоянно все вновь возвращаемся к ней.

Совершенно иной характер имеет *моральная вера*, так как здесь безусловно необходимо, чтобы нечто происходило (geschehen muβ), именно чтобы я во всех отношениях следовал нравственному закону. Цель установлена здесь непоколебимо, и, насколько я усматриваю, есть только одно условие, при котором эта цель связана со всеми остальными целями и таким образом имеет практическое значение, именно [это условие заключается в] существовании Бога и будущего мира; я знаю также наверное, что никому не известны другие условия, ведущие к тому же единству цели (der Zwecke) при моральном законе. Но так как нравственное предписание есть вместе с тем моя максима (/как этого требует разум[1]), то я неизбежно буду верить в существование Бога и будущей жизни и убежден, что эту веру ничто не может поколебать, так как вместе с этим были бы ниспровергнуты самые основоположения моей нравственности, от которых я не могу отказаться, не став в своих собственных глазах /презренным существом[2].

Таким образом, после сокрушения всех честолюбивых замыслов разума, стремящегося за пределы всякого опыта, у нас остается еще достаточно оснований быть довольными им в практическом отношении. Правда, никто не будет в состоянии хвастаться *знанием*, что Бог и будущая жизнь существуют; а **857**
если кто обладает этим знанием, то это тот человек, которого я давно искал: всякое знание (если оно касается предмета чистого разума) можно передать дру-

3) З – которую я имел бы право принять
(die ich anzunehmen berechtigt wäre)

4) С – иного мира
З – загробной жизни
(einer anderen Welt)

5) З – изобрести мысленно не само понятие его, а только существование его
(daβ ich nicht seinen Begriff, sondern nur sein Dasein erdichten darf)

6) С – имеет в себе нечто неустойчивое
(hat etwas Wankendes in sich)

1) С – ибо разум повелевает, чтобы оно было такой
(wie denn die Vernunft gebietet, daβ sie es sein soll)

2) С, З – достойным презрения
(ohne... verabscheuungswürdig zu sein)

гим, и, следовательно, я мог бы надеяться благодаря поучениям этого человека видеть свое знание /расширенным в столь необычайной степени[1]. Но в действительности (Nein) это убеждение есть не логическая, а моральная достоверность, и так как оно опирается на субъективные основания (/морального строя личности[2]), то я не могу даже сказать: «морально достоверно, что Бог существует», а могу лишь говорить: «я морально уверен, [что Бог существует]». Иными словами, вера в Бога и будущий мир так сплетена с моральным строем моей личности, что насколько я не подвергаюсь опасности /утратить этот строй личности, настолько же я не беспокоюсь, чтобы эта вера могла быть отнята у меня[3].

Единственный сомнительный пункт, встречающийся здесь, состоит в том, что эта вера разума основывается на предположении морального строя личности. Если мы отбросим это [предположение] и возьмем человека (einen), который был бы совершенно равнодушен к нравственным законам, то вопрос, предлагаемый разумом, становится только задачей спекуляции и тогда может быть, правда, поддерживаем сильными основаниями по аналогии, однако не такими [основаниями], /ввиду которых должно было бы сдаться даже и упорнейшее искание сомнений[4] *. Впрочем, в этих вопросах ни один **858** человек не свободен от всякого интереса. В самом деле, хотя бы /человек и был равнодушен к вопросам морали[4] вследствие недостатка добрых /склонностей[5], все же и в таком случае /он имеет достаточно оснований бояться[6] бытия Бога и будущей жизни. Действительно, для этого требуется только, чтобы у него по крайней мере не могло быть уверенности, что такого существа и будущей жизни нет; а для этой уверенности (Gewißheit), так как она должна быть установлена одним лишь разумом, т. е. аподиктически, он должен доказать невозможность Бога и будущей жизни, – предприятие, за которое, конечно, не может взяться ни один разумный человек. Это была бы отрицательная вера, которая, правда, не могла бы создать морали и добрых склонностей, но

* Человеческая душа питает (я верю, что это необходимо происходит во всяком разумном существе) естественный интерес /к морали[4], **858** /хотя этот интерес не остается единственным и практически перевешивающим[1]. Укрепляйте и усиливайте (vergrößert) этот интерес, и вы найдете разум весьма способным к поучению и просвещению, /соединяющему[2] практический интерес (auch) со спекулятивным. Но если вы не заботитесь заранее, чтобы сделать человека /по крайней мере до известной степени добрым[3], то вы никогда не сделаете из него искренне верующего человека.

1) З – обогащенным в столь удивительной степени
(in so bewunderungswürdigem Maße ausgedehnt)

2) З – моральных убеждений
(der moralischen Gesinnung)

3) С – утратить последнее, также мало я беспокоюсь о том, что у меня когда-нибудь могут отнять первую
(die letzere einzubüßen, ebensowenig besorge ich, daß mir der erste jemals entrissen werden könne)
(A^1–A^5 – die erstere... der zweite...)

4) З – которым сдалась бы даже самая упорная скептичность
(denen sich die hartnäckigste Zweifelsucht ergeben müßte)

4) З – у человека не было морального интереса
(von dem moralischen [Interesse] … getrennt sein möchte)
5) С – настроения
З – чувств
(Gesinnungen)
6) З – имеется достаточно оснований вселить в него страх перед…
(so bleibt… genug übrig, um zu machen, daß er… fürchte)

4) З – к моральности
(an der Moralität)
1) С – хотя не безраздельно и с перевесом практического начала
В – хотя не всегда безраздельно и не всегда преимущественным образом
(ob es gleich nicht ungeteilt und praktisch überwiegend ist)
2) С – чтобы соединять
З – для соединения
(um… zu vereinigen)
3) С – по крайней мере до половины дороги, сделать людей добрыми
З – хотя бы немного добрее
(wenigstens auf dem halben Wege, gute Menschen macht)

могла бы произвести нечто аналогичное им, именно могла бы мощно сдерживать порывы к злу (der bösen).

/Неужели это все[7], чего может достигнуть чистый разум, открывая новые горизонты за границами опыта? Ничего, кроме двух членов символа веры (Glaubensartikel)? Этого мог бы достигнуть и обыденный рассудок, не призывая философов 859 на помощь (zu Rate)!

7) С, З Неужели скажут нам, это все, что...
(Ist das aber alles, wird man sagen, was...)

Я не буду здесь восхвалять услугу, которую философия оказывает человеческому разуму мучительными усилиями своей критики, /хотя бы результат ее и был отрицательный[1]; об этом еще будет сказано несколько слов (etwas) в следующем отделе. Но неужели же вы требуете, чтобы знание, касающееся всех людей, превосходило [силы] обыденного рассудка и /открывалось[2] только философами? Именно то, /что дает повод для ваших упреков[3], служит лучшим подтверждением правильности высказанных выше положений, так как теперь открывается то, чего нельзя было предвидеть ранее, именно что в вопросе, касающемся всех людей без различия, природу нельзя обвинять в партийном распределении ее даров, и в отношении существенных целей человеческой природы высшая философия может вести не иначе как тем путем, который природа указала (hat angedeihen lassen) также и сáмому обыденному (gemeinsten) рассудку.

1) С – предполагая даже, что ее польза на первых порах оказывается только отрицательной
(gesetzt, es sollte auch beim Ausgange bloß negativ befunden werden)

2) С – и должно бы быть открыто вам
(und euch... entdeckt werden solle)

3) С, З – что вы порицаете
(was ihr tadelt)

860 *Трансцендентального учения о методе*

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Архитектоника чистого разума

Под архитектоникой я разумею искусство [построения] систем. Так как обыкновенное знание именно благодаря систематическому единству впервые становится наукой, т.е. из простого агрегата знаний превращается в систему, то архитектоника есть учение /о научной стороне наших знаний[1] вообще, и, следовательно, она необходимо входит в состав учения о методе.

1) С – о научном в нашем познании
(des Szientifischen in unserer Erkenntnis)

Под управлением разума наши знания вообще должны составлять не рапсодию, а систему, так как только в системе они могут поддерживать существенные цели разума и содействовать им. Под системой же я разумею единство многообразия знаний, подчиненных одной идее. А идеей я называю понятие разума о форме целого, поскольку им a priori определяется как объем многообразия, так и положение частей

[его] в отношении друг к другу. Следовательно, научное понятие разума содержит в себе цель и форму целого, /соответствующую цели[2]. Единство цели, к которому относятся все части [целого] и в идее которого они соотносятся также друг с другом, приводит к тому, что /ни одной части нельзя упустить из виду, а также нельзя сделать[3] никакой случайной прибавки 861 или остановиться на неопределенной величине совершенства, не имеющей a priori определенных границ. Следовательно, целое расчленено (articulatio), а /не свалено в кучу[1] (coacervatio); оно может, правда, расти внутренне (per intussusceptionem), но /не извне[2] (per appositionem), подобно телу животного, рост которого состоит не в присоединении новых членов, а в том, что каждый орган, без изменения пропорциональности, становится более сильным и более приспособленным (tüchtiger)к своим целям.

Идея нуждается для своего осуществления в схеме, т. е. в a priori определенном из принципа цели существенном многообразии и порядке частей. Схема, очерченная не согласно идее, т.е. не из главной цели разума, а эмпирически, т.е. согласно случайно представляющимся целям (множество (Menge) которых не может быть познано заранее), дает техническое единство, наоборот, схема, возникающая лишь вследствие идеи (когда разум a priori дает цели (aufgiebt), а не эмпирически ожидает их), обосновывает архитектоническое единство. То, что мы называем наукой, возникает не технически, вследствие сходства многообразия или случайного применения знания in concreto к всевозможным внешним целям, а архитектонически, вследствие сродства и происхождения из (von einem einzigen) единой высшей и внутренней цели, которая впервые делает возможным целое, и схема науки должна содержать в себе очерк (monogramma) и подразделение /целого[3] согласно идее, 862 т.е. a priori, /точно отличая это целое согласно принципам от всех других систем[1].

Никто не пытается создать науку, не полагая в основу ее идеи. Однако при разработке науки схема и даже определение ее, устанавливаемое вначале, весьма редко соответствуют идее ее, так как она заложена в разуме, подобно зародышу, все части которого /еще не развиты и доступны разве лишь[2] микроскопическому наблюдению. Поэтому науки, так как они

2) С – которому [целому] соответствует эта форма
З – цель и соответствующую ей форму целого
(das mit demselben kongruirt)

3) С – делает то, что ни одна часть не может отсутствовать при познании других, не может иметь места
З – объясняется то, что приобретая знание, нельзя упускать из виду ни одной части, а также нельзя сделать
(macht, daß ein jeder Teil bei der Kenntnis den übrigen vermißt werden kann, und keine… stattfindet)

1) З – не нагромождено
(nicht gehäuft)

2) З – не внешне
(nicht äußerlich)

3) С, З – целого на части
(des Ganzen in Glieder)

1) С – и это следует отличать от всего другого точно и по принципам
(und dieses von allen anderen sicher und nach Prinzipien unterscheiden muß)

2) С – очень неразвиты и скрыты, так что едва доступны даже
(noch sehr eingewickelt und kaum… kennbar verborgen liegen)

создаются с точки зрения известного общего интереса, следует объяснять и определять не соответственно описанию, даваемому их основателями, а соответственно идее, которая ввиду естественного единства составляющих ее частей оказывается обоснованной в самом разуме. При этом нередко оказывается, что основатель [науки] и даже позднейшие последователи его блуждают вокруг идеи, которую они сами не уяснили себе, и потому не могут определить специального содержания, расчленения (систематического единства) и границ своей науки.

К сожалению, только после того как мы долго рапсодически собирали, по указанию скрыто заложенной в нас идеи, многие относящиеся к ней знания в качестве строительного материала и даже только после того как мы в течение продолжительного времени технически объединяли этот **863** материал, впервые становится возможным усмотреть идею в более ясном свете и архитектонически набросать очерк целого согласно целям разума. Системы кажутся, подобно червям, возникающими путем generatio aequivoca из простого скопления собранных вместе понятий, сначала в несовершенной (verstümmelt), но с течением времени в развитой вполне форме; между тем все они имели свою схему как первоначальный зародыш в развивающемся еще разуме, и потому не только каждая из них сама по себе расчленена соответственно идее, но и все они целесообразно объединены в системе человеческого знания как члены единого целого и допускают архитектонику всего человеческого знания, которую не только возможно, но даже и нетрудно создать в наше время, когда собрано или может быть взято из развалин /старых зданий[1] так много материала. Мы ограничимся здесь завершением нашего дела, именно наброском лишь архитектоники всего знания, [происходящего] из чистого разума, и начнем только с того пункта, где общий корень нашей познавательной способности раздваивается (teilt) и производит два ствола, из которых один есть разум. Под разумом же я понимаю здесь всю высшую познавательную способность и, следовательно, противополагаю рациональное эмпирическому.

1) С – распавшихся старых зданий
(eingefallener alter Gebäude)

Если я отвлекаюсь от всего содержания знания, рассматриваемого с объективной стороны, то все знание с субъективной стороны бывает или **864** историческим, или рациональным. Историческое знание есть cognitio ex datis [(познание из данных)], а познание рациональное есть cognitio ex principiis [(познание из принципов)]. Откуда бы ни дано было знание пер-

воначально, оно имеет /в [уме] своего обладателя[1)] исторический характер, если он познает его лишь в той степени и настолько, насколько оно дано ему извне, все равно, получено ли оно им путем непосредственного опыта, или рассказа, или же путем поучения (/общие знания[2)]). Поэтому тот, кто, собственно, заучил (gelehrnt hat) систему философии, напр. систему Вольфа, хотя бы он имел в своей голове все основоположения, объяснения и доказательства вместе с подразделениями всего здания системы и мог бы все в ней перечислить по пальцам, обладает все же только полным историческим знанием философии Вольфа; он знает и судит /лишь настолько, насколько ему переданы [знания][3)]. Опровергните одно из его определений, и он не знает, откуда ему взять новое. Он развивался (bildete sich) по чужому разуму, но воспроизводящая (nachbildende) способность не [тождественна] с творческой (erzeugende) способностью, иными словами, знание возникло у него не из разума, и, хотя объективно это было знание разума, все же субъективно оно имеет только исторический характер. Такой человек хорошо /воспринял и сохранил, т.е. заучил [систему][4)], и сделался (ist) гипсовым снимком с живого человека. /Познания, объективно имеющие характер познаний разума[5)] (т.е. могущие первоначально возникнуть только из собственного разума человека), лишь в том случае могут называться этим именем также и с субъективной стороны, если они почерпнуты из **865** общих источников разума, именно из принципов, откуда может возникнуть также и критика и даже отрицание изучаемого.

Все познания разума получаются или из понятий, или из конструирования понятий; первые называются философскими, а вторые – математическими. О внутреннем различии между ними я говорил уже в первой главе. Соответственно сказанному знание может быть философским с объективной стороны и в то же время историческим с субъективной стороны, как это бывает у большинства учеников и у всех тех, кто не видит дальше того, чему его научила школа, и на всю жизнь остается учеником. Но замечательно, что математическое знание в той форме, как оно передано путем обучения, все же и с субъективной стороны может иметь характер познания разума, и здесь нет того различия, которое мы установили в философском [знании]. Причина этого заключается в том, что источники познания, которыми должен пользоваться (schöpfen kann) учитель, здесь заключаются только в существенных и подлинных принципах разума и, следовательно, не могут быть получены учеником ни из

1) С, З – для (у) того, кто им обладает (bei dem, der sie besitzt)

2) З – общих знаний (allgemeiner Erkenntnisse)

3) С – только о том, что ему дано (nur so viel, als ihm gegeben war)

4) С – понял и усвоил это учение, т.е. изучил его (hat... gefaβt und behalten, d.i. gelernt)

5) С – Объективные познания разума
З – Основанное на разуме познание, имеющее объективный характер (Vernunfterkenntnisse, die es objektiv sind)

какого другого места и не могут быть оспариваемы; это объясняется тем, что применение разума совершается здесь только in concreto, хотя в то же время a priori, именно на почве чистых и вследствие этого безошибочных наглядных представлений, не допуская никакой иллюзии и заблуждения. Поэтому из всех наук разума (априорных [наук]) можно передать путем обучения (lernen) только математику, но не философию (/за исключением исторического познания философии[1]); что касается разума, научить можно в лучшем случае только философствованию.

1) С – это было бы только историческим (es sei denn historisch)

866 Система всего философского знания есть философия. Мы берем ее (Man muß sie... nehmen) в объективной [форме], если разумеем под ней первообраз критики (Beurteilung) всех попыток философствования, [критики], имеющей целью оценить всякую субъективную философию, здание которой имеет такой многообразный и изменчивый вид. В этом смысле философия есть только идея возможной науки, которая нигде не дана in concreto, но к которой мы пытаемся приблизиться различными путями, пока не будет открыта единственная, весьма /загроможденная[1] чувственностью тропинка и пока человеку не удастся, насколько это доступно ему, сделать до сих пор не удававшуюся копию равной первообразу. Пока этого не случится, нельзя обучать философии; в самом деле, где она, кто обладает ею и по какому [признаку] можно ее узнать (woran läßt sie sich erkennen)? [Теперь] можно обучать только философствованию, т.е. упражнять талант разума на известных существующих примерах в следовании общим принципам его, однако всегда сохраняя право разума исследовать самые эти принципы в их источниках и подтвердить или отвергнуть их.

1) З – заросшая (verwachsende)

/Однако в этом смысле[2] понятие философии (81) [имеет лишь] школьный [характер] (ist... nur ein Schulbegriff), именно оно означает систему знания, /разрабатываемого лишь в качестве науки[3] без всякой иной цели, кроме [стремления к] систематическому единству этого знания (Wissens), т.е. логическому совершенству его (der Erkenntnis). Но существует еще мировое понятие (conceptus cosmicus), которое лежит всегда в основе этого термина, в особенности, когда это понятие как бы олицетворяется и выражается как бы в **867** идеале философа как первообраза. В этом смысле философия есть наука об отношении всякого знания к существенным целям человеческого разума (teleologia rationis humanae), и философ есть не виртуоз

2) З – Однако, пока что (Bis dahin... aber)

3) С – которую еще только ищут как науку (die nur als Wissenschaft gesucht wird)

(Vernunftkünstler), а законодатель человеческого разума. Называть себя философом в таком смысле и обнаруживать притязание быть равным первообразу, мыслимому только в идее (das nur in der Idee liegt), было бы чересчур хвастливо (ruhmredig).

Математик, естествоиспытатель, логик, как бы далеко ни подвинулись вперед первые в познаниях разума, а последний особенно в философском познании, все же могут быть только виртуозами разума. Но у нас есть еще идеал учителя, руководящего всеми этими [учеными] и пользующегося ими как орудиями для содействия существенным целям человеческого разума. Только такого учителя следовало бы назвать философом; но так как такого учителя нигде нет, а идеи (die Idee) его законодательства находятся во всяком человеческом разуме, то мы будем держаться исключительно этой идеи и определим ниже (näher), какое систематическое единство предписывает философия с точки зрения целей согласно этому мировому понятию*.

868 Существенные цели не суть еще вследствие этого высшие цели; высшей может быть только одна (ein einziger) цель (при совершенном систематическом единстве разума). /Следовательно, [среди них] есть[1)] конечная цель и (oder) подчиненные цели, необходимо относящиеся к первой как средства. Конечная цель есть не что иное, как полное назначение человека, и философия, исследующая эту цель, называется /нравственной [философией][2)]. Ввиду этого преимущества нравственной философии перед всеми остальными /деятельностями разума[3)], древние разумели под именем философа /всегда[4)] главным образом моралиста; даже и теперь внешний вид самообладания, достигаемого посредством разума, дает повод по аналогии называть человека философом, хотя бы он обладал ограниченным знанием.

Законодательство человеческого разума (философия) имеет два предмета – природу и свободу и, следовательно, содержит в себе как закон природы, так и нравственный закон, первоначально в двух различных (besonderen) системах, а затем /в одной единой[5)] философской системе. Философия природы относится ко всему, что есть (was da ist), а философия нравов исключительно к тому, что должно быть (was da sein soll).

1) З – Поэтому они или... или (Daher sind sie entweder... oder)

2) З – моралью (Moral)

3) С – видами познания резума (Vernunftbewegung) (A² – Vernunftbewerbung)

4) З – одновременно и (jederzeit zugleich und...)

5) С – в одной единственной (in einem einzigen)

---

* Мировым называется здесь понятие, касающееся того, что необходимо интересует всякого; следовательно, я определяю цель науки согласно школьным понятиям, если рассматриваю ее только как одно из приспособлений (Geschicklichkeiten) к известным произвольным целям.

Всякая философия есть или знание из чистого разума, или знание разума из эмпирических принципов. Первая называется чистой, а вторая эмпирической философией.

869 Философия чистого разума есть или пропедевтика (предварительное упражнение), исследующая способность разума в отношении всего чистого знания a priori, и называется критикой, или же эта философия есть система чистого разума (наука), /т.е. цельное (истинное или ложное)[1] философское знание из чистого разума в систематической связи, и называется метафизикой; впрочем, этим именем можно называть также всю чистую философию, включая и (mit Inbegriff) критику, чтобы охватить и исследование всего, /что может[2] быть познано a priori, и изложение всего, что составляет систему чистых философских знаний этого рода, отличаясь от всего эмпирического, а также от математического применения разума.

Метафизика делится на метафизику спекулятивного и практического применения чистого разума и бывает, следовательно, или метафизикой природы, или метафизикой нравов (Sitten). Первая содержит в себе все чистые принципы разума из одних лишь понятий (следовательно, не включая математику) в отношении теоретического знания всех вещей, а вторая содержит в себе принципы, /a priori определяющие и устанавливающие необходимость всякой деятельности или воздержания от деятельности[3]. /Мораль есть такая[4] закономерность поступков, которая может быть выведена вполне a priori из принципов. Поэтому метафизика нравов, собственно, есть чистая мораль, в основу которой [вовсе] не положена 870 /антропология (эмпирические условия)[1]. Метафизикой /в тесном смысле слова[2] называют обыкновенно метафизику спекулятивного разума. Но поскольку чистое учение о нравственности /все же составляет[3] особый ствол человеческого, и притом философского, знания из чистого разума, то мы сохраним и за ней это название, хотя оставим ее здесь в стороне, так как теперь она к нашей цели не относится.

Чрезвычайно важно обособлять друг от друга знания, различающиеся между собой по виду и происхождению, и тщательно наблюдать, чтобы они не смешивались с теми знаниями, которые обыкновенно связаны с ними в применении. То, что делает химик, анализируя вещества, то, что делает математик в своем чистом учении о величинах, в еще боль-

1) С – т.е. все (как истинное так и кажущееся)
З – ... (истинное и мнимое)
(die ganze (wahre sowohl auch scheinbare))

2) С – что когда-либо может
(was jemals)

3) С – которые a priori определяют деятельность людей и делают ее необходимой
З – ... и делающее необходимым все наше поведение
(welche das Tun und Lassen a priori bestimmen und notwendig machen)

4) С, З – Моральность есть единственная
(Nun ist die Moralität die einzige)

1) С – никакой антропологии (никакого эмпирического условия)
(keine Antropologie (keine empirische Bedingung))

2) С – в собственном смысле
З – в более узком понимании
(im engeren Verstande)
(A[4] – in eigenen)

3) С – все-таки относится к
(doch gleichwohl zu… gehört)

шей мере должен делать философ, чтобы иметь возможность точно определить участие, ценность и влияние частных видов знания/в многообразном[4] применении рассудка. Поэтому человеческий разум, с тех пор как он начал мыслить или, вернее, /рефлектировать[5], никогда не обходился без метафизики, но в то же время не мог /создать[6] ее в форме достаточно очищенной от всех посторонних элементов. Идея такой науки столь же стара, как и спекулятивный человеческий разум; а какой разум не спекулирует /или в школьной, или в популярной форме?[7] Однако приходится признаться, **871** что различение двух элементов нашего знания, из которых одни вполне a priori находятся в нашей власти, а другие могут быть получены только a posteriori из опыта, даже и у профессиональных мыслителей оставалось лишь весьма неясным и поэтому никогда не могло привести к определению границ частных видов знания, следовательно, не могло привести к осуществлению подлинной идеи науки, столь давно и столь глубоко (so sehr) занимающей человеческий разум. /Называя[1] метафизику наукой о первых принципах человеческого знания, имели при этом в виду не особый вид знания, а только степень (Rang in Ansehung) общности его, не отличая его, таким образом, ясно от эмпирического знания, так как и между эмпирическими принципами некоторые положения имеют более общий характер и потому стоят выше других; в ряду таких подчиненных [друг другу знаний] (einer solchen Unterordnung) (среди которых мы не отличаем того, что имеем вполне a priori, от того, что получается только a posteriori), где же мы должны провести черту (den Abschnitt machen), отделяющую п е р в у ю часть и высшие члены от в т о р о й части и подчиненных членов? Что сказали бы мы, если бы эпохи мира в летосчислении обозначались лишь путем деления протекшего времени на первые столетия и столетия, следующие за ними? Тогда пришлось бы задавать вопрос: принадлежат ли пятое, десятое и т.д. столетия к числу первых? Точно так же в настоящем случае я задаю вопрос: принадлежит ли понятие протяженного к метафизике? Вы отвечаете: да! Ну, а понятие тела? Да! А понятие жидкого тела? Вы приходите в замешательство, так как если это **872** продолжить далее таким образом, то все окажется принадлежащим к метафизике. Отсюда видно, что границы науки не могут быть определены одними лишь степенями подчинения (частного общему): в нашем случае они должны быть очерчены на основании совершенной разнородности и различия в происхождении [знания]. С другой стороны, основная

4) С – в неустойчивом (am herumschweifenden)

5) С – рассуждать
З – размышлять
(nachgedacht hat)

6) С – представить себе
З – изобразить
(darstellen)

7) С – схоластически или вульгарно
З – по ученому или по простому
(es mag nun auf scholastische oder populäre Art)

1) С – Если говорили
(Wenn man sagte)

идея метафизики затемнялась еще тем обстоятельством, что она как познание a priori обнаруживает известную однородность с математикой, которая родственна ей, что касается происхождения a priori; /но свойственный философии способ познания из понятий в сравнении со свойственным математике способом судить a priori на основании конструирования понятий устанавливает глубокое различие между философским и математическим познанием, которое[1], правда, всегда как бы чувствовалось, но никогда не было сведено к отчетливым критериям. /Поэтому, так как сами философы имели (fehlten) [неправильное представление] о[2] развитии идеи своей науки, разработка ее не могла иметь определенной цели и точно установленного направления; произвольно строя план своей науки, не зная пути, которым следует идти, и постоянно споря между собой из-за открытий, которые каждый /приписывал своему пути исследования[3], философы навлекли презрение на свою науку сначала со стороны других, /а потом и в своей собственной среде[4].

1) С – что же касается познания из понятий в метафизике, в сравнении с формой суждения a priori только через конструкцию понятий в математике, т.е. различия философского познания от математического, то здесь оказывается полная неоднородность, которую…
З – … то обнаруживается такая глубокая разнородность философского и математического познания, которая…
(was aber die Erkenntnisart aus Begriffen bei jener in Vergleichung mit der Art, bloβ durch Konstruktion der Begriffe a priori zu urteilen, bei dieser, mithin den Unterschied einer philosophischen Erkenntnis von der mathematischen anlangt, so zeigt sich eine so etschiedene Ungleichartigkeit, die…)

2) С – Ввиду этого происходит то, что философы делают промахи при...
(Dadurch ist es nun geschehen, daβ da Philosophen selbst in der Entwicklung... fehlten)

3) З – стремился сделать на своем пути
(auf dem seinigen [Wege] gemacht haben wollte)

4) З – в конце концов даже в их собственной среде
(endlich sogar bei sich selbst)

873 Итак, всякое чистое знание a priori, благодаря особой способности познания, /из которой оно происходит[1], образует особое единство, и метафизика есть философия, которая должна изложить это знание в виде такого систематического единства. Спекулятивная часть ее, преимущественно присвоившая себе это название, именно та часть философии, которую мы называем м е т а ф и з и к о й   п р и р о д ы и которая исследует на основании понятий a priori все, что с у щ е с т в у е т (alles, sofern es ist) (а не то, что должно существовать), подразделяется следующим образом.

/Метафизика в тесном смысле слова[2] состоит из т р а н с ц е н д е н т а л ь н о й   ф и л о с о ф и и и ф и з и о л о г и и чистого разума. /[Объектом] первой служат[3] только сами р а с с у д о к и разум в системе всех понятий и основоположений, относящихся к предметам вообще, /причем объекты, которые б ы л и   б ы   д а н ы, не принимаются в расчет[4] (Ontologia); вторая из этих наук исследует п р и р о д у, т.е. совокупность д а н н ы х предметов (все равно, даны ли они чувствам или, если угодно, другому виду наглядных представлений), и, следовательно, составляет

1) З – в которой только оно и имеет место
(darin sie allein seinen Sitz haben kann)

2) З – Метафизика в более узком понимании
(Die im engeren Verstande sogenannte Metaphysik)

3) С, З – Первая рассматривает
(Die erstere betrachtet)

4) С – не допуская объектов, которые были даны
(ohne Objekte anzunehmen, die gegeben wären)

физиологию (хотя [это] лишь рациональная [физиология]). Применение разума в этом рациональном исследовании природы бывает или физическим, или гиперфизическим, точнее говоря, или имманентным, или трансцендентным. Первое относится к природе, поскольку познание ее может быть применено в опыте in concreto, а второе относится к той связи предметов опыта, которая выходит за пределы всякого опыта. **874** Поэтому эта трансцендентная физиология имеет своим предметом или внутреннюю, или внешнюю связь, однако и в том и в другом случае выходящую за пределы всякого возможного опыта; первая есть физиология всей природы, т. е. трансцендентальное познание мира, а вторая есть физиология связи всей природы с существом, стоящим выше природы, т.е. трансцендентальное богопознание.

Наоборот, имманентная физиология рассматривает природу как совокупность всех чувственных предметов, следовательно, /так как они даны нам[1], но только со стороны тех априорных условий, при которых /они вообще могут быть даны нам[2]. У нее есть только два (zweierlei) предмета: 1) предмет внешних чувств, т.е. совокупность их, [образующая] телесную природу, 2) предмет внутреннего чувства, душа, и, согласно основным понятиям о ней вообще, мыслящая природа. Метафизика телесной природы называется физикой, но так как она должна содержать в себе только принципы познания природы a priori, то это – рациональная физика. Метафизика мыслящей природы называется психологией, и по той же самой причине под этим именем здесь следует разуметь только рациональное познание ее.

1) В – как она [природа] дана (so wie sie uns gegeben ist)

2) В – она [природа] может быть дана вообще (sie uns überhaupt gegeben werden kann)

Таким образом, вся система метафизики состоит из четырех главных отделов (Hauptteilen): 1) онтологии, 2) рациональной физиологии, 3) рациональной космологии, 4) рациональной теологии. Во второй части, именно в учении чистого разума о природе, есть два отдела: **875** physica rationalis* и psychologia rationalis.

---

* Не следует думать, будто под этим именем я разумею то, что обыкновенно называют physica generalis /и что составляет скорее математику природы, чем философию ее[1]. В самом деле, метафизика природы /вовсе не совпадает с[2] математикой [природы] и не может дать такого расширения наших знаний, как математика (als diese), но она очень важна для критики чистого познания рассудка вообще, применяемого к природе; без этой критики сами математики, усваивая известные ходячие (gewissen gemeinen), но в действительности метафизические понятия, незаметно для себя обременили естествознание гипотезами, которые под влиянием критики этих принципов исчезают без всякого вреда для применения математики в этой области (совершенно неизбежного [в ней]).

1) С, З – и что скорее есть (составляет) математика, а не философия природы (und mehr Mathematik, als Philosophie der Natur ist)

2) С, З – совершенно обособляется от (sondert sich gänzlich von… ab)

Первоначальная идея философии чистого разума сама предписывает это разделение; следовательно, оно имеет согласно существенным целям разума архитектонический, а не только технический характер, т.е. основывается не на случайно воспринятом сродстве и как бы наудачу, /а имеет[3] неизменное и законодательное (legislatorisch) [значение]. Здесь есть, однако, несколько пунктов, которые могли бы вызвать сомнение и ослабить убеждение в закономерности этого деления.

3) З – и потому носит (eben... darum aber auch)

Во-первых, каким образом я могу ожидать познания a priori, т.е. метафизики относительно предметов, которые даются нашим чувствам, т.е. [познаются] a posteriori? Как возможно познать природу вещей согласно априорным принципам и прийти **876** к рациональной физиологии? [Наш] ответ на этот вопрос таков: мы берем из опыта только то, что необходимо, чтобы дать нам объект внешнего или внутреннего чувства. Первое достигается благодаря одному лишь понятию материи (непроницаемая безжизненная протяженность), а второе – благодаря понятию мыслящего существа (в эмпирическом внутреннем представлении: я мыслю). Однако (Übrigens)в метафизике, [исследующей] эти предметы, мы должны совершенно воздержаться от всех эмпирических принципов, которые прибавили бы к понятию еще какой-либо опыт, чтобы как-либо судить при его помощи об этих предметах.

Во-вторых, где же остается эмпирическая психология, которая всегда требовала себе места в метафизике и /от которой в наше время метафизика ожидала таких услуг[1], после того как утратила (man... aufgab) надежду достигнуть /чего-либо[2] априорным путем? Я отвечаю: она переходит в ту область к которой должно быть отнесено все настоящее (эмпирическое) естествознание, именно в область прикладной философии, /которая связана, правда, с чистой философией, содержащей в себе принципы ее, но не[3] должна быть смешиваема с ней. Следовательно, эмпирическая психология должна быть совершенно изгнана из метафизики и совершенно исключается из нее еще идеей ее. Однако, согласно школьному обычаю, все же приходится еще оставить для нее местечко в метафизике (хотя лишь в качестве эпизода) из **877** экономических соображений, так как она еще не настолько богата, /чтобы самостоятельно составить предмет изучения[1], и в то же время слишком важна для того, /чтобы совершенно выбросить ее или прицепить ее к какой-либо другой науке, с которой

1) З – от которой в наше время ожидали так много для выяснения метафизики (von welcher man in unseren Zeiten so groβe Dinge zur Aufklärung derselben erwartet hat)

2) С – что-нибудь серьезное З – чего-то стоящего (etwas Taugliches)

3) С – для которой чистая философия дает принципы a priori и которая, следовательно, хотя и соединяется с первой, но не... (zu welcher die reine Philosophie die Prinzipien a pirori enthält, die also mit jener zwar verbunden, aber nicht...)

1) С – чтобы представить из себя самостоятельную науку (daβ sie allein ein Studium ausmachen)

она имеет еще менее сродства, чем с метафизикой[2]. /Следовательно, она играет роль чужестранца, который пользуется приютом лишь до тех пор[3], пока не создаст себе собственное жилище в обстоятельно разработанной антропологии ([составляющей] коррелят (dem Pendant) к эмпирическому учению о природе).

Такова, следовательно, общая идея метафизики, от которой первоначально ожидали большего, чем по справедливости можно было требовать, /теша себя приятными надеждами[4], и которая в конце концов подверглась общему презрению, /когда надежды не оправдались[5]. Весь ход нашей критики в достаточной степени убеждает нас, что, хотя метафизика не может быть фундаментом для религии, все же она остается /бруствером, [защищающим] ее[6], и человеческий разум, /уже по природе своей[7] имеющий диалектический характер, не может обойтись без такой науки, обуздывающей его и предохраняющей посредством научного, вполне ясного самопознания от опустошений, которые в противном случае несомненно были бы произведены в морали и (sowohl als) религии не подчиненным закону спекулятивным разумом. Поэтому можно быть уверенным, что, как бы сурово и пренебрежительно ни относились к метафизике те [люди], **878** которые оценивают науку не по ее природе, а только по ее случайным действиям, они во всяком случае вернутся к ней, как к разлученной с ними (zu einer mit uns entzweiten) возлюбленной, так как здесь задеты существенные цели разума и он неустанно принужден работать или над [приобретением] основательных знаний, или над разрушением уже существующих знаний (schon vorhandener guter Einsichten).

Следовательно, метафизика природы и нравов и в особенности, п р е д в а р и т е л ь н а я (пропедевтическая) (vorübend) (propdeutisch) vorhergeht) критика разума, отваживающегося полететь на собственных крыльях, составляют в действительности все то, что в подлинном смысле можно назвать философией. Она /все сводит к мудрости, и именно путем[1] науки, единственным путем, который, раз он проложен, никогда не зарастает и не допускает заблуждений. Математика, естествознание и даже эмпирическое знание о человеке имеют высокую ценность как средства главным образом для случайных целей, а если они в конце концов становятся средством для необходимых и существенных целей человечества, то это достигается не иначе как при посредстве познания разума из одних лишь понятий, которое, как бы мы ни называли его, собственно, есть не что иное, как метафизика.

2) С – что ее нельзя исключать совершенно или относить ее в какое-либо другое место, где она будет еще менее уместна, чем в метафизике
З – чтобы совершенно исключить ее или придать ее какой-нибудь другой науке, от которой она еще более далека, чем от метафизики
(als daβ man sie ganz ausstoβen, oder anderwärts anheften sollte, wo sie noch weniger Verwandschaft, als in der Metaphysik antreffen dürfte)

3) С – Это давно принятый в семью приемыш, которому на некоторое время дают место в доме
(Es ist also bloβ ein so lange aufgenommener Fremdling, dem man auf einige Zeit einen Aufenthalt vergönnt)

4) С – и долгое время занималась ожиданиями
(und sich eine zeitlang mit angenehmen Erwartungen ergötzte)

5) С – и обманулась в своих надеждах
(da man sich in seiner Hoffnung betrogen fand)

6) З – оплотом ее
(die Schutzwehr derselben)

7) С – уже по самому складу своей природы
(schon durch die Richtung ihrer Natur)

1) С – все относит к мудрости, но только путем
(bezieht alles auf Weisheit, aber durch den Weg)

Поэтому-то метафизика есть необходимое завершение всей культуры человеческого **879** разума, необходимое даже [и в том случае], если [мы] отвергнем ее влияние как науки на известные определенные цели. В самом деле, она рассматривает разум со стороны его элементов и высших максим, которые должны лежать в основе /самой возможности[1] некоторых наук и применения всех наук. Как чистая спекуляция, она служит более для предупреждения заблуждений, чем для расширения знаний, но это не наносит никакого ущерба ее ценности, а скорее придает ей достоинство и авторитет, как цензуре (durch das Zensoramt), которая обеспечивает общий порядок, согласие и даже благосостояние /в мире науки[2] и требует, чтобы мужественная и плодотворная разработка ее не отвлекалась от главной цели – всеобщего блаженства.

1) С – даже возможности
(selbst der Möglichkeit)

2) С – всех наук
(des wissenschaftlichen gemeinen Wesens)

880 *Трансцендентального учения о методе*

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

История чистого разума

Этим заглавием здесь обозначено лишь место, которое остается в системе и должно быть заполнено в будущем. Я удовольствуюсь тем, что с чисто трансцендентальной точки зрения, именно с точки зрения природы чистого разума, брошу беглый взгляд /на целое произведенных раньше работ, взгляд, который откроет картину здания, однако находящегося в развалинах[1].

/Замечательно[2], хотя в действительности (natürlicherweise) иначе и быть не могло, что в детском возрасте философии люди начинают с того, чем мы предпочитаем теперь заканчивать исследование, именно с познания Бога и изучения надежд на будущий мир или даже свойств этого мира. Как ни грубы были религиозные понятия, возникшие на почве древних обычаев, сохранившихся от первобытного состояния народов, все же это не мешало более просвещенным [людям] посвящать себя свободным исследованиям этого предмета, причем они легко усмотрели, что добрый образ жизни есть самый основательный и надежный способ угодить невидимой силе, управляющей миром, чтобы по крайней мере **881** в другом мире быть счастливым. Поэтому теология и мораль были двумя пружинами (Triebfedern) или, вер-

1) З – на уже сделанную работу в целом, которая кажется мне, конечно, зданием, но лежащим в руинах
(auf das Ganze der bisherigen Bearbeitungen derselben zu werfen, welches meinem Auge zwar Gebäude, aber nur in Ruinen vorstellt)

2) С – Достаточно замечательно
(Es ist merkwürdig genug)

нее, /точками тяготения[1] для всех возникавших впоследствии отвлеченных исследований разума. /В особенности теология[2] постепенно вовлекла чисто спекулятивный разум в эти исследования, которые впоследствии стали столь известными под именем метафизики.

Я не буду (Ich will... nicht) теперь различать эпохи, к которым относилось то или другое изменение в метафизике, а намечу лишь в кратком очерке те различия в идее, которые были поводом к главным революциям в метафизике. Я нахожу, что наиболее заслуживающие упоминания изменения, совершавшиеся на этой арене спора, происходили в трех отношениях.

1. Что касается предмета всех познаний нашего разума, одни философы были только сенсуалистами, а другие только интеллектуалистами. Эпикур может считаться самым выдающимся философом чувственности, а Платон – [самым выдающимся представителем] интеллектуализма. Хотя это различие между школами /имеет весьма утонченный характер[3], оно возникло уже в самые ранние времена и долго [и] непрерывно поддерживалось. Сторонники первого направления утверждали, что /действительны только предметы чувств[4], а все остальное есть [продукт] воображения; наоборот, сторонники второго направления утверждали, что чувства дают только видимость и лишь рассудок познает истинное [бытие] (das Wahre). **882** /Однако первые не отрицали совсем[1] реальности понятий рассудка, но она имела, по их мнению, лишь логический характер, а по мнению их противников – мистический характер. Первые допускали интеллектуальные (intellektuelle) понятия, но признавали только чувственные (bloβe sensibele) предметы, а вторые настаивали на том, что подлинные (wahren) предметы имеют чисто умопостигаемый [характер] (bloβ intelligibel), и допускали наглядные представления чистого рассудка, свободного от всякой чувственности (von keinen Sinnen begleiteten), которая, по их мнению, только спутывает его.

2. Что касается происхождения чистых познаний разума, [вопрос состоит в том,] возникают ли они (ob sie... abgeleitet) из опыта, или независимо от него имеют свой источник в разуме. Аристотель может считаться главой эмпиристов, а Платон – главой ноологистов. Локк, который в новейшее время следовал

1) З – притягательной силой (Beziehungspunkte)
2) З – Теология была, собственно, тем, что...
(Die erstere war indessen eigentlich das, was...)

3) С – как бы ни было оно тонко (so subtil er auch ist)

4) С – действительность заключается только в предметах чувств
(in den Gegenständen der Sinne sei allein Wirklichkeit)

1) З – Первые не оспаривали реальности
(Darum stritten aber... doch eben nicht Realität ab)

первому, а Лейбниц – второму (хотя в достаточном отдалении от его мистической системы) [из этих философов], все же не могли еще дать решения этого спора. Во всяком случае (Wenigstens) Эпикур гораздо последовательнее применял (verfuhr) свою сенсуалистическую систему (так как со своими умозаключениями он никогда не выходил за границы опыта), чем Аристотель и Локк (в особенности последний), [из которых последний] (der), выведя все понятия и основоположения из опыта, заходит в применении их так далеко, что утверждает, будто бытие Бога и бессмертие души (хотя эти предметы находятся совершенно **883** вне границ возможного опыта) могут быть доказаны с такой же очевидностью, как какая-нибудь математическая теорема.

3. В отношении метода. /Названия метода заслуживают приемы, руководимые основоположениями[1]. Методы, господствующие в настоящее время в этой области /исследования[2], можно разделить на натуральные и научные. /Натуралист[3] принимает за основоположение мысль, что обыденный разум (gemeine Vernunft) без помощи науки (здравый (die gesunde) разум, как он называет его) может достигнуть большего /в возвышенных[4] вопросах, составляющих задачу метафизики, чем (als durch) спекуляция. Это равносильно утверждению, что величину и расстояние (Weite) до Луны можно точнее определить /на глазомер, чем [окольным] путем[5] математических вычислений. Это простая /мизология[6], возведенная в принцип, и, что нелепее всего, пренебрежение к искусственным средствам, восхваляемое в качестве самостоятельного (eigene) метода расширения наших знаний. Что же касается натуралистов, мыслящих так вследствие недостатка /образования[7], мы не имеем оснований упрекать их. Они следуют обыденному разуму, не хвалясь своим невежеством как методом, который должен содержать в себе тайну извлекать истину из глубокого колодца Демокрита. Quod sapio, satis est mihi, non ego curo esse quod Arcesilas aerumnosique Solones (Персий) (82) – вот их девиз; они удовлетворяются им и могут вести почтенную жизнь, **884** не заботясь о науке и не внося в нее путаницы (noch deren Geschäfte zu verwirren).

Что касается сторонников (die Beobachter) научного метода, они имеют перед собой на выбор или догматический, или скептический [путь], но во всяком случае (in allen Fällen) обязаны /быть[1] систематичными. Если я назову здесь знаменитого Вольфа в качестве предста-

1) З – Если мы хотим нечто назвать методом, то оно должно быть способом действия согласно основоположениям (Wenn man etwas Methode nennen soll, so muβ ein Verfahren nach Grundsätzen sein)

2) З – исследования природы (der Nachforschung) (Vorl., Schm. – Naturforschung)

3) С, З – Натуралист чистого разума (Naturalist der reinen Vernunft)

4) З – в разрешении самых возвышенных (in Ansehung der erhabensten)

5) З – на глазок, чем косвенно путем (nach dem Augenmaβe, als durch mathematische Umschweife)

6) С, З – презрение (ненависть) к науке (bloβe Misologie)

7) С – ума В – развития (mehrerer Einsicht)

1) З – действовать (zu verfahren)

вителя первого [пути] и Давида Юма как представителя второго [пути], /то это будет достаточно для моей теперешней цели[2]. /Сверх этого остается[3] еще только критический путь. Если читатель благосклонно и терпеливо прошел этот путь в моем обществе, то он может теперь судить, нельзя ли, если ему угодно будет оказать также свое содействие, превратить эту тропинку /в торную дорогу[4] и еще до конца настоящего столетия достигнуть того, чего не могли осуществить многие века: именно доставить полное удовлетворение человеческому разуму в вопросах, всегда возбуждавших жажду знания, но до сих пор занимавших его безуспешно.

2) С – остальных, в силу своей задачи, я могу и не называть (so kann ich die übrigen, meiner jetzigen Absicht nach, ungenannt lassen)

3) З – Открытым остается (ist... offen)

4) З – в столбовую дорогу (zur Heeresstraβe)

ПРИМЕЧАНИЯ

При сверке переводов “Критики чистого разума” на русский язык мы использовали главным образом Академическое издание сочинений Канта, воспроизводящее соответственно тексты второго (1787) и частично первого ее издания (1781) (Kants gesammelte Schriften/Hrsg. von der Preuβischen Akademie der Wissenschaften. B., 1904, Bd. III; B., 1903, Bd. IV, а также второе прижизненное издание (Critik der reinen Vernunft von Immanuel Kant, Professor in Königsberg, der Königlich Academie der Wissenschaften in Berlin Mittglied. Zweite hin und wieder verbesserte Auflage. Riga: der Johan Friedrich Hartknoch, 1787). Кроме того, для уточнения ошибок и текстуальных расхождений между всеми пятью прижизненными изданиями “Критики...”, мы обращались к изданиям К. Форлендера (Halle, 1899), Б. Эрдманна (1919) и Р. Шмидта (Hamburg, 1976). В тексте соответственно: Vorl., Erdm., Schm.

По техническим причинам пагинацию первого и второго изданий мы указываем не на полях, а внутри текста, выделив их полужирным шрифтом, причем нумерацию страниц второго издания мы воспроизводим без общепринятого его обозначения латинской буквой B, а первое – с буквой A перед номером страницы. В предметном указателе страницы даются в соответствии с пагинацией этих изданий, но страницы первого издания обозначаются соответствующей цифрой с добавлением буквы “a”.

Дополнения и исправления, внесенные Кантом в текст второго издания, мы обозначаем не квадратными, а угловыми скобками (⟨...⟩). При этом мы сочли целесообразным отказаться от указаний на эти дополнения в сносках внизу страницы, поскольку в нашем издании число такого рода дополнений не совпадает с их перечнем у Лосского. Добавленные нами варианты первого издания “Критики...”, мы указываем внизу страницы в собственных сносках.

В квадратные скобки заключены слова и обороты, вставленные Лосским в текст перевода и отсутствующие в оригинале, а также добавленные нами в текст разночтений, в круглые скобки – термины и обороты на языке оригинала.

Существенные расхождения между двумя первыми изданиями “Критики...” 1781 и 1787 г. и соответственно прижизненными изданиями в 1790, 1794 и 1799 гг. мы отмечаем в постраничных сносках, примечаниях и разночтениях, причем в последнем случае мы пользуемся принятым обозначением – буквой A – с указанием порядкового номера издания: A^1, A^2, A^3 и т.д. Тексты этих вариантов, как и конъектуры других издателей и комментаторов, приводятся в разночтениях в круглых скобках.

В Примечаниях мы приводим эмендации, внесенные Кантом в текст собственного экземпляра первого издания “Критики...” (по Академическому изданию сочинений Канта – B., 1955, Bd. XXIII). Эти рукописные заметки Канта мы обозначаем буквами “СЭ” и приводим их как на языке оригинала, так и в нашем переводе на русский язык. Кроме того, в Примечаниях мы поместили ряд конъектур известных издателей и комментаторов Канта, которые отсутствуют у Лосского.

Сноски, разночтения и примечания мы отмечаем в тексте следующим образом: постраничные сноски Канта – звездочками, сноски Лосского – цифрами сквозной нумерацией, наши сноски соответственно – цифрой со звездочкой и, наконец, порядковые номера наших примечаний – цифрами в круглых скобках. Разночтения

отмечаются в тексте следующим образом: в начале стоит косая черта, а в конце – цифра со скобкой, которая соответствует номеру разночтения на полях книги. Для указания на соответствующее издание "Критики чистого разума" на русском языке мы используем в разночтениях условные обозначения: С – перевод Соколова, В – перевод Владиславлева, З – Соч.: В 6 т. М., 1963, т. 3; Г. – Соч.: В 8 т. М., 1994, т. 3 (об этих изданиях подробнее см. "От издателя").

В конце каждого варианта перевода на русский язык всегда приводится соответствующий текст или термин немецкого оригинала. Варианты же их переводов на другие европейские языки (английский, латинский, французский и итальянский) мы приводим только в наиболее важных по содержанию, а также в неясных по смыслу или спорных местах изданий "Критики..." на языке оригинала. В предлагаемом издании мы пользовались следующими переводами "Критики...": Immanuelis Kantii Opera ad philosophiam criticam/Latinam vertit Fr. G. Born. Lipsiae, 1796. Vol. 1: Qui inest Critca rationis purae; Immanuel Kant's Critique of Pure Reason/Tr. by N.K. Smith. L., 1933; *Kant Emmanuel*. Critique de la raison pure/Tr. J. Barni. P., 1912, t. 1–2; *Kant Immanuel*. Critica della ragione pura/Introd., traduzione e note di G. Colli. Torino, 1957. В ряде особо отмеченных случаев мы используем английский перевод Майклджона (J.M.D. Meikleojohn. L., 1930) и французский – Тиссо (C.J. Tissot. P., 1864). В разночтениях их варианты обозначаются соответственно буквами М и Т. Из всех названных переводов наибольший интерес представляет латинский перевод Фр. Г. Борна, выполненный при жизни Канта и по некоторым сведениям им одобренный, а также английский перевод известного комментатора кантовских текстов Н.К. Смита. По этой причине их версии перевода чаще других приводятся как в разночтениях, так и в Словаре терминов Канта, куда включены и основные версии их переводов на русский язык.

1. *Бэкон Ф*. Соч.: В 2 т. М., 1977– 1978, t. 1, с. 68. "Великое восстановление наук. Предисловие". К с. 14.
2. *Цедлиц* (Zedlitz v. Karl Abraham. 1731–1793), министр просвещения Пруссии (1771–1788), почитатель Канта. В первом издании посвящение помечено 29 марта 1781 г. К с. 21.
3. "Недавно во всем изобильна, Столько имев и детей и зятьев, и невесток и мужа, Пленницей нищей влачусь...". *Овидий*. Метаморфозы. М.; Л.: Akademia, 1937, кн. XIII, с. 505. К с. 23.
4. Здесь и далее термин "Anschauung" Лосский переводит оборотом "наглядное представление". Поэтому в дальнейшем, за исключением особых случаев, перевод этого термина другими авторами понятием "созерцание" приводиться не будет. К с. 27.
5. *Террасон Ж*. (Terrasson Jean, 1670–1750) – французский философ и ученый. См. Terrasson J. Philosophie nach ihrem Einfluβe auf alle Gegenstände des Geistes und der Sitten, Halle, 1761, S. 17. – пер. с фр. К с. 28.
6. "Пребывай с самим собой наедине, и тогда ты узнаешь, сколь ты беден духом". См.: Сатиры Персия. СПб., 1873, сатира 4. К с. 29.
7. Данный фрагмент из второго издания воспроизводит текст из "Пролегомен" (См.: *Кант И*. Соч.: В 6 т. М., 1963–1966, т. 4, ч. 1, с. 82. К с. 59.
8. Слова "тот X, который находится вне понятия А" Кант в собственном экземпляре "Критики..." (далее – СЭ) вычеркнул. К с. 60.
9. *Зегнер* (Segner, Johann, 1704–1777) – немецкий математик. См.: *Segner J*. Anfangsgründe der Arithmetik... Halle, 1773. К с. 62.
10. Пункт 1 воспроизводит текст "Пролегомен" (там же, с. 82–84). К с. 63.
11. В СЭ после слов "должна называться" добавлено: "первоначально и непосредственно" (anfänglich und unmittelbar). К с. 68.
12. В СЭ добавлено: "Если представление само по себе не является причиной объекта" (Wenn die Vorstellung nicht selbst an sich die Ursache des Objekts ist). К с. 75.

13. В СЭ добавлено: "как об этом аподиктически мог утверждать Мендельсон, хотя при этом пространству он придавал объективную реальность" (wie Mendelsohn dieses so apodiktisch behaupten konnte, indem er dem Raum doch objektive Realität gab). К с. 81.
14. В СЭ добавлено: "только всегда как" (nur immer). К с. 81.
15. В СЭ добавлено: "ограничивающее условие" (die einschränkende Bedingung). К с. 82.
16. В СЭ добавлено: "или существуют где-нибудь" (oder sie sind irgendwo). К с. 82.
17. По мнению Файингера (Comm., II, с. 412) здесь имеет место ошибка или опечатка: вместо "реальностью пространства и времени" должна быть "идеальностью" или "эмпирической реальностью". К с. 90.
18. В СЭ вместо: "все равно, имеет ли оно характер наглядного представления или уже понятия" – "которое само содержит созерцание или только опосредованно или непосредственно" (die entweder selbst nur mittelbar oder unmittelbar die Anschauung enthäet). К с. 112.
19. В 1, 2, и 3 изданиях "Критики..." вместо "все тела делимы" было: "все тела изменчивы" (veränderlich). К с. 112.
20. В СЭ "явления" было заменено "созерцаниями" (Anschaungen). К с. 112.
21. В СЭ вместо "знания и всех членов деления" – "знания всех членов деления" (Erkenntnis der gesammelten Glieder). К с. 115.
22. В СЭ после слова "акт" добавлено: "посредством которого возникают синтетические суждения" (Ich verstehe aber unter Synthesis die Handlung, wodurch syntetische Urteile werden, in der allgemeinen Bedeutung). К с. 118.
23. В СЭ вместо "слепой, хотя и необходимой функции души": "функции рассудка" (einer Funktion des Verstandes). К с. 118.
24. В СЭ слово "синтеза" вычеркнуто. К с. 120.
25. Во втором и других прижизненных изданиях "Критики..." вместо "систематически подразделить" – "математически". Исправление предложено Файингером. К с. 121.
26. В СЭ после слова "понятий" добавлено: "Они не заимствованы из опыта" (Sie sind nicht von der Erfahrung entlehnt). К с. 126.
27. В отличие от всех последующих изданий, в первом издании глагол "давать" [производить] стоит во множественном числе (geben würden), а следовательно, окончание предложения должно быть следующим: "чувственность и рассудок, правда, производили бы явления, но вовсе не давали бы предметов эмпирического знания, следовательно, не давали бы никакого опыта" (weil jene [Sinnlichkeit und Verstand] sonst zwar Erscheinungen, aber keine Gegenstände einer empirischen Erkenntnis, mithin keine Erfahrung geben würden). К с. 145.
28. В СЭ вместо слов "поскольку они объективны" вставлено: "поскольку они объясняют существование как необходимое" (sofern sie die Exitenz als notwendig erklären). К с. 146.
29. Secunda Petri – вторая часть труда *Петра Рамуса* (Раме / Ramus Petrus, 1515–1572, французский философ-гуманист и логик) "Dialecticae libri duo", P., 1556). К с. 174.
30. В СЭ к словам "понятия совершенно невозможны" добавлено "понятия для нас без чувства (смысла)" (daβ Begriffe für uns ohne Sinn sind). К с. 177.
31. В СЭ вместо "понятие об объекте" – "знание об объекте" (eine Erkenntnis vom Objekt).
32. В СЭ вместо "динамическими" – "физиологическими" (physiologischen). К с. 182.
33. В СЭ слова в круглых скобках зачеркнуты. К с. 192.
34. В СЭ текст: "Положение... в представлении субъекта" зачеркнут. К с. 193.
35. В СЭ после слов "число 7" вставлено: "в положении 7 + 5 = 12" (die Zahl 7 in dem Satz 7 + 5 = 12). К с. 194.
36. В издании Форлендера мн.ч.: "как существенных форм" (als wesentlichen Formen). В издании Эрдмана: "как синтез существенных форм" (als die Synthesis der wesentlichen Formen). К с. 194.
37. В СЭ к словам: "существование каждого явления" добавлено: "отношение реального в явлении" (Verhältnis des Realen in der Erscheinung). К с. 202.
38. В СЭ после слов: "претерпевает изменение" вставлено: "Откуда он знает это? Не из опыта". (Woher weiβ er das? Nicht aus Erfahrung). К с. 208.
39. В оригинале Канта от слов "так как они не могут..." до слов "не могут заявлять притязаний на объективную реальность" все глаголы стоят в единственном числе, т.е. относятся не к "понятиям", а к "возможности". Поэтому более точным представляется

следующий перевод данного места: "всё это понятия, возможность которых совершенно не обоснована, так как она [возможность] не может опираться на опыт и известные законы его и поэтому представляет собой произвольное сочетание мыслей, которое, хотя и не содержит в себе никакого противоречия, тем не менее, не может заявлять притязания на объективную реальность, т.е. настаивать на возможности того предмета, который здесь мыслится" (das sind Begriffe, deren Möglichkeit ganz grundlos ist, die, ob sie zwar keinen Widerspruch enthält, doch keinen Anspruch auf objektive Realität, mithin auf die Möglichkeit eines solchen Gegenstandes, als man sich hier denken will, machen kann). Предлагаемый вариант перевода подтверждается переводами на латинском и английском языках. К с. 233.

40. В СЭ после слов "заключают в себе источник всякой истины" добавлено: "и хотя бы немного, но расширить его знания". К с. 249.
41. По мнению Форлендера термин "трансцендентальное" употребляется здесь и далее в значении "трансцендентное" (см. Vorlender, с. 260). К с. 249.
42. В СЭ после слов: "приводит к важным последствиям" добавлено: "против мечтательности" (wider Schwärmerei). К с. 249.
43. В СЭ вместо слов: "что оно относится к вещам вообще и в себе" вставлено: "что оно относится к предметам, которые не даны нам ни в каком созерцании, следовательно, к нечувственным предметам" (daβ er auf Gegenstände, die uns in keiner Anschauung gegeben werden, mithin nichtsinnliche Gegenstände). К с. 250.
44. В СЭ слова "и хотя чистое наглядное представление" изменены: "и хотя для нас чистое чувственное созерцание" (wenn uns gleich eine reine Anschauung). К с. 250.
45. В СЭ к данному абзацу Кант добавляет: "Мы не можем объяснить их [понятий] возможность" (Wir können ihre Möglichkeit nicht erklären). К с. 251.
46. В СЭ к концу примечания Кант делает приписку: "Вместо [слова] объяснять можно также использовать выражение – нечто доказывать посредством примера" (Man könnte auch statt Erklären den Ausdruck brauchen, etwas durch ein Beispiel belegen). К с. 251.
47. В СЭ вставка: "Смотри Общее замечание к системе основоположений" (Siehe allgemeine Anmerkung). К с. 252.
48. В СЭ слова "трансцендентальной возможностью" заменены "реальной возможностью" (der reale Möglichkeit). К с. 253.
49. В СЭ после "применения" добавлено: "т.е. никаких основоположений из одних лишь категорий" (d.i. aus bloβen Kategorien keine Grundsätze). К с. 254.
50. В СЭ после слов: "могут быть относимы" добавлено: "если они должны создать знание" (wenn sie Erkenntnis verschaffen sollen). К с. 254.
51. В СЭ к словам "к вещам вообще" добавлено: "синтетически" (synthetisch). К с. 254.
52. В СЭ к словам "о многообразии вообще" добавлено "о многообразии возможного созерцания вообще" (Mannigfaltigen einer möglichen Anschauung überhaupt). К с. 254.
53. В СЭ к словам "ни одного объекта" добавлено: "следовательно, ничего не познает" (mithin nichts erkannt). К с. 254.
54. В СЭ после слов "не есть применение их" добавлено: "чтобы нечто познать" (um etwas zu erkennen). К с. 254.
55. В СЭ вместо "принципы выражения явлений" – "принципа синтеза многообразного в явлении" (Synthesis des Manigfaltigen der Erscheinung). К с. 258.
56. В СЭ к словам "это нечто есть" добавлено "это нечто как предмет созерцания вообще есть" (dieses Etwas als Gegenstand einer Erscheinung überhaupt ist). К с. 258.
57. В СЭ после слова "определимом" вставлено: "только [как] форма мысли, но не познание" (nur Gedandenform, aber keine Ekrenntnis). К с. 258.
58. В СЭ предложение "не есть ли такое мышление только форма понятия и не оказывается ли оно при таком обособлении лишенным какого бы то ни было объекта" изменено следующим образом: "не есть ли такое мышление только форма понятия или не оказывается ли оно при таком обособлении вообще лишенным еще возможного созерцания, ибо никто не может представить возможности интеллектуального созерцания, а следовательно, вполне возможно, что такой способ познания, в отношении которого мы рассматривали бы нечто в качестве предмета [такого созерцания], вовсе не может существовать. Таким образом, позитивное понятие ноумена утверждает нечто

такое, возможность чего оно не может доказать (ob es alsdann nicht eine bloße Form eines Begriffs sei oder ob bei dieser Abtrennung überall noch eine mögliche Anschauung übrigbleibe, denn die Möglichkeit einer intellektuellen Anschauung kann niemand dartun, und es könnte also leicht sein, daß gar reine solche Erkenntnisart stattfände, in Ansehung deren wir etwas als Gegenstand betrachten würden. Also behaupter der positive Begriff eines Noumenon etwas, dessen Möglichkeit er nicht beweisen kann). К с. 259.

59. В СЭ к слову "возможно" добавлено "логически" (logisch möglich). К с. 259.
60. В СЭ вместо "третье" – "третье созерцания" (das Dritte der Anschauung). К с. 263.
61. В СЭ вместо "понятия о" – " позитивного понятия, возможного знания о" (der positive Begriff, das mögliche Erkenntnis). К с. 263.
62. В СЭ "3 – 3 было бы равно 0" дополнено: "ведь реальность противоположна только отрицанию = 0" (denn der Realität ist bloß Negation = 0 entgegen). К с. 267.
63. В СЭ вместо "мыслимые" – "познаваемые нами" (von uns erkannt werden). К с. 279.
64. В СЭ от "имеют объективное значение" до "выведенные понятия" зачеркнуто. К с. 295.
65. *Брукер* (Brucker Jacob, 1696–1770) – немецкий историк философии. См.: *Brucker J.* Historia critica philosophiae a mundi incunabulis ad nostram usque aetatem deducta. Lipsae, 1742–1744, t. I–II, p. 726. К с. 298.
66. В СЭ вместо "Душа есть субстанция" – "Душа существует как субстанция" (Die Seele existiert als Substanz). К с. 315.
67. В СЭ слова "разве только (если угодно)" – зачеркнуты. К с. 330.
68. В СЭ вместо только форма сознания – "неизвестный нам объект сознания" (das uns unbekannte Objekt des Bewußtseins). К с. 331.
69. *Мендельсон* (Mendelssohn Moses, 1729–1786) – нем. философ-просветитель. См.: *Mendelssohn M.* Phädon. 1767 (рус. пер. – Федон, или О бессмертии души. СПб., 1837). К с. 344.
70. *Меран* (Mairan Jean-Jacque Dortous de, 1678–1771) – французский физик и математик. См.: *Mairan J.-J.D.* Traite physique et historique de L Aurure Boreale. P., 1754. К с. 389.
71. *Ламберт* (Lambert Johann Heinrich, 1728–1777) – немецкий философ. См.: Lambert J.H. Neues Organon. Leipzig, 1764, Bd. 1. Dianologie, § 348. К с. 400.
72. Согласно Адикесу и Форлендеру вместо "явлений самих по себе" следует читать "вещей самих по себе", а по Эрдману – "явлений как вещей самих по себе" (Erscheinungen als Dingen an sich selbst). См.: *Кант.* GS. Bd. 3. S. 580; Vorlender, S. 446. К с. 421.
73. В прижизненных изданиях "Критики..." слово "математической" отсутствует. Впервые добавлено в издании Хартенштейна (см.: GS, Bd. 3. С. 580). К с. 429.
74. Согласно пунктуации первого и второго издания "Критики..." данное предложение следует читать следующим образом: "этот субъект как явление был бы подчинен, согласно всем законам определения, причинной связи" (dieses Subjekt, als Erscheinung, allen Gesetzen der Bestimmung nach, der Kausalverbindung unterworfen sein). К с. 435.
75. Лосский придерживается текста прижизненных изданий, тогда как во всех других русскоязычных переводах принимается вариант Хартенштейна, в котором термин "phaenomenon" заменен на "noumenon". См.: GS. Bd. 3. S. 590. К с. 438.
76. В СЭ после слов "Что этот разум обладает причинностью" добавлено: "т.е. является причиной своего объекта. Эта причинность называется волей. Но в трансцендентальной философии от воли абстрагируются" (nun Kausalität habe, d.i. die Ursache der Wirklichkeit ihrer Objekte sind. Diese Kausalität, heißt der Wille. Aber in der transzendentalen Philosophie abstrahiert man vom Wille). К с. 439.
77. Имеет в виду стихотворение А. Галлера (Haller v. Albrecht, 1708–1777) "Über die Ewigkeit" – "О вечности". К с. 478.
78. *Бонне* (Bonnet Charles, 1720–1793) – швейцарский ученый и философ. См.: *Bonnet C.* Contemplationis de la nature. P., 1764. К с. 511.
79. Скрытая цитата из Библии (Иак. 2.1): "Не взирая на лица". К с. 554.
80. "Не время для таких защитников" – не вполне точная цитата из Вергилия (Энеида II 522). К с. 587.
81. В СЭ после слов "понятие философии" добавлено: "Идеалист, идея" (Idealist, Idee). К с. 614.
82. "С меня достаточно того, чтó я знаю, я вовсе не желаю уподобляться Аркесилаю или обремененному раздумьем Солону". См.: Сатиры Персия, сатира 4. К с. 624.

ПЕРЕВОД ЛАТИНСКИХ И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

A contingentia mundi – от случайности мира
A parte posteriori – с апостериорной точки зрения, с точки зрения опыта
A parte priori – с априорной точки зрения
Actio, passio – действие, страдание (подвергание воздействию)
Ad esse – к сущности
Ad melius esse – к большей сущности
Adjective (formaliter) – формально
Anima, Animus – душа
Antecedens и consequens – предшествующее (антецедент) и последующее
Apperceptionis substantiae – гипостазированное сознание
Arbitrium brutum, liberum, sensitivum – воля животная, свободная, чувственная
Articulatia – расчленение
Assertio – утверждение
Αἰσθητὰ καὶ νοητά – чувственное и умопостигаемое
Casus datae legis – случай [действия] данного закона
Casus in terminis – случай в пределах
Coacervatio – нагромождение
Cogito, ergo sum – мыслю, следовательно, существую
Cognitio – познание
Cognitio ex datis – познание на основе данных
Cognitio ex principiis – познание посредством принципов
Commercium – общение
Communio – общность, связь
Communio spatii – общность, связь в пространстве
Comparatio – сравнение
Compositum ideale – идеальное сложное
Compositum reale – реальное сложное
Conceptus communis – общее понятие
Conceptus comparationis – сравнительное понятие
Conceptus cosmicus – мировое понятие
Conceptus ratiocinantes – умствующие понятия
Conceptus rationalis – понятие разума
Conceptus ratiocinati – правильно выведенное понятие
Conclusio – правило
Conditio sine qua non – необходимое условие
Consententia uni tertio consentiunt inter se – если одно и другое согласуется с чем-то третьим, то они согласуются и друг с другом
Consequentiae immediatae – непосредственные (прямые) выводы
Continuum specierum (formarum logicarum) – непрерывность видов (логических форм)
Coram intuitu intellectuali – при интеллектуальном созерцании
Corpus mysticum – мистическое тело
Cosmologia rationalis – рациональная космология
Dabilis – то, что может быть дано
Datum – данное
Datur continuum formarum – дана непрерывность форм
Dictum de omni et nullo – все, что утверждается (отрицается) относительно каждого в целом классе, утверждается (отрицается) относительно каждой части этого класса
Directe – прямо
Ectypa – копия
Ens entium, ens realissimum, ens summum – сущность сущностей, всереальнейшая сущность, высшая сущность
Ens extramundanum – сущность (существо), находящаяся за пределами мира
Ens imaginarium – воображаемая сущность, пустое порождение без предмета
Ens originarium – первосущность
Ens rationis – мысленная вещь, фикция, пустое порождение мысли
Ens rationis ratiocinatae – сущность, созданная разумом посредством умозаключений
Entia praeter necessitatem non esse multiplicanda – не следует увеличивать количество сущностей без необходимости
Entia rationis ratiocinantis – сущности, придуманные умствующим разумом
Entium varietates non temere esse minuendas – различия между сущностями не следует необдуманно уменьшать

Essentialia – составные части, существенные части
Expositio – объяснение, истолкование
Extensive – по многообразию
Focus imaginarius – воображаемый фокус, воображаемая точка
Generatio aequivoca – самозарождение
Gigni de nihilo nihil, in nihilum nil posse reverti – ничто не возникает из ничего, не-существующее не может превратиться в ничто
Ignava ratio – ленивый разум
Ignoratio elenchi – игнорирование (подмена) тезиса, который должен быть доказан
In abstracto – абстрактно, отвлеченно
In antecedentia, in consequentia – к предшествующему, к последующему
In concreto – конкретно
In demonstrabilia – непосредственно
In indefinitum – в бесконечность
In individuo – индивидуально
In mundo non datur casus – в мире не бывает случайности
In mundo non datur hiatus, non datur saltus, non datur casus, non datur fatum – в мире нет пропасти [между вещами], не бывает скачков, не бывает случайности, нет слепой необходимости
In terminis – в пределах
Indirecte – косвенно
Instabilis tellus, innabilis unda – зыбкая почва, непреодолимая волна
Intellectus archetypus – интеллект-прообраз
Intelligibilia – интеллигибельное, умопостигаемые вещи
Intensive – по степени
Interne – внутренне
Intuitus derivativus – производное созерцание
Intuitus originarius – первоначальное созерцание
Intuitus vel conceptus – созерцание или понятие
Judicia communia – общие суждения
Judicium singulare – единичное суждение
κατ'ἀλήθειαν – по истине
κατ'ἄνθρωπον – с точки зрения человека
Lapsus judicii – ошибка в суждении
Lex continui in natura – закон непрерывности в природе
Major, minor, conclusio – большая посылка, меньшая посылка, вывод в умозаключении
Melior est conditio possidentis – предпочтительное положение того, кто чем-то обладает
Merito fortunae – по счастливому случаю
Metaphysica naturalis – естественная метафизика
Modus ponens ("утверждающий модус") – заключение от истинности основания к истинности следствия в гипотетических умозаключениях
Modus tollens – ("отрицающий модус") – заключение от отрицания следствия к отрицанию основания в гипотетических умозаключениях
Molecula – частица
Mundus intelligibilis – умопостигаемый мир
Mundus phaenomenon – мир явлений
Mundus sensibilis – чувственный мир
μετάβασις εἰς ἄλλο γένος – переход в другой род [рассуждения]
Natura formaliter spectata – природа, рассматриваемая формально
Natura materialiter spectata – природа, рассматриваемая материально
Nervus probandi – стержень доказательства
Nexus effectivus – действительная связь
Nexus finalis – конечное звено цепи
Nihil negativum (отрицательное ничто) – пустой предмет без понятия
Nihil privativum – (нечто, лишенное всего) – пустой предмет понятия
Nihil ulterius – ничего более
Nil actum reputans, si quid superesset agendum – не отвергающая ни одного действия, если что-то еще остается сделать
Non datur casus – нет случайности
Non datur fatum – нет слепой необходимости
Non datur hiatus – нет пропасти [между вещами]
Non datur saltus – нет скачков
Non datur vacuum formarum – (нет пустоты форм) нет прерывности форм
Non entis nulla sunt praedicata – нет предикатов для не-сущего
Non est infinitus – не бесконечен
Non liquet – не ясно
Notio, Notionis – понятие
Numerica identitas – численное тождество
Numero diversa – различно по числам
Numero eadem – тем же числом
Numerus est quantitas phaenomenon, sensatio realitas phaenomenon, constans et perdurabile rerum substantia phaenomenon, aeternitas necessitas phaenomenon – число есть количество (величина) явлений, ощущение есть реальность явлений, постоянное и непреходящее в вещах есть субстанция

явлений, вечность есть необходимость явлений [число есть феномен количества (феноменальное количество), ощущение – феномен реальности, постоянное и непреходящее в вещах – феномен субстанции, вечность – феномен необходимости]
Omnitudo realitas – совокупность всей реальности
Per accidens – через ограничение
Per appositionem – внешне
Per disparata – делением
Per episyllogismos – посредством эписиллогизма
Per hypothesin – посредством гипотезы
Per intus susceptionem – посредством внутреннего восприятия
Per polysyllogismos – посредством полисиллогизма
Per prosyllogismos – посредством просиллогизма
Per sophisma figurae dictionis – через ложное умозаключение, в котором средний термин берется в различных значениях
Per thesin – посредством тезиса
Perceptio – восприятие, осознанное представление
Perversa ratio, ὕστερον πρότερον rationis – извращенный разум, переворачивание разума
Physica generalis – общая физика
Physica pura (rationalis) – чистая (рациональная) физика
Principium causalitatis – принцип причинности
Principium identitatis indescernibilium – принцип тождества неразличимого
Principium vagum – неопределенный принцип
Progressus in indefinitum – прогресс в неопределенное
Progressus in infinitum – прогресс в бесконечное
Protensive – по продолжительности
Prototypon transcendentale – трансцендентальный прообраз
Psychologia rationalis – рациональная психология
πρόληψις – предварительное восприятие, предвосхищение
πρῶτον ψεῦδος – первая ошибка
Quaestiones domesticae – частные (внутренние) вопросы
Quaestio facti – вопрос факта
Qualitas et quantitas – качество и количество
Quando, ubi, situs, prius, simul, motus – когда, где, положение, прежде, одновременно, движение
Quantus – величина
Quantitas – количеств, сумма
Quantum continuum – непрерывная величина
Quantum discretum – дискретная, прерывная величина
Quid facti – фактическая сторона, [вопрос о факте]
Quid juris – правовая сторона, [вопрос о праве]
Quod mecum nescit, solus vult scire videri – он делает вид, что лишь он один знает то, чего он не знает так же, как я
Quodlibet ens est unum, verum, bonum – всякая сущность едина, истинна, добра (есть единое, истинное, добро)
Ratiocinatio polysyllogistica – полисиллогистическое умозаключение
Realitas noumenon – ноуменальная реальность, умопостигаемая субстанция
Realitas phaenomenon – реальность явлений
Regnum gratiae – царство милосердия
Regressus in indefinitum – регресс в неопределенное
Regressus in infinitum – регресс в бесконечное
Remissio – уменьшение
Repraesentatio – представление
Requisita – требуемое условие
Revelata – откровение
Sensatio – ощущение
Subdivisio, decompositio – подразделение, разложение на составные части
Substantia et accidens – субстанция и акциденция
Substantia noumenon – ноуменальная субстанция
Substantia phaenomenon – феноменальная субстанция
Substantive (materiliater) – по существу, содержательно
Sum cogitans – я есть мыслящий
Summa intelligentia – высшее мыслящее существо, высшая интеллигенция
Suppositio absoluta – абсолютное (безусловное) предположение
Suppositio relativa – относительное предположение
Synthesis intellectualis – рассудочный, интеллектуальный синтез
Synthesis speciosa – фигурный (образный) синтез
Systema assistentiae – вспомогательная система

Teleologia rationis humanae – телеология человеческого разума

Theologia rationalis – рациональная теология

Theologia transcendentalis – трансцендентальная теология

Thesin cum antithesi – тезис с антитезисом

Totum substantiale phaenomenon – субстанциальное целое явлений

Universalitas – всеобщность

Universitas (totalitas) – целокупность

Vacuum – пустота

Vel suaveolens vel non suaveolens – благоухает или не благоухает

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ КАНТА

Absicht – point of view; (лат.)consilium; (фр.) objectif; (ит.) non m'intendo; цель, отношение, назначение, намерение
Affektion (affizieren) – действовать, воздействовать
Affinität – сродство
Allgemeinheit – universality, всеобщность, общность
Allheit – totality; (лат.)universalitas; всецелость, целокупность всеполнота
Allgemeingültig – всеобщий, общезначимый, универсально действенный
Angelegenheit – concern, интерес, дело
Animalität – одушевленность
Anlage – свойство, наклонность, влечение, предрасположение
Anreiz – приманка, соблазн, внушение
Anschauung – intuition; (лат.) visio; созерцание, наглядное представление, чувственное представление, интуиция
Antrieb – побуждение, мотив
Antizipation – предвосхищение
Anwendung – application, применение
Apprehension – схватывание
apprehendiren – искать, схватывать
Assistenz – содействие
aufheben – deny, отрешить, исключить, отнять, удалить, устранить, отделить, уничтожить, снять, возвысить, ограничить
Auseinanderfolgen – последовательность

Bedeutung – sense; (лат.) significatio; значение, смысл
Bedingtes – обусловленное
Begierde – стремление желание, страсть, влечение
Begriff – concept, понятие
Begreifen – понимание, концептуальное познание
beliebig – discretionary, произвольный, вероятный, по усмотрению
Beharrliche – permanent, постоянное, устойчивое
Beschaffenheit – constitution, nature, свойство, строение, природа, своеобразие, структура
Bestimmung – определение
Beurteilung – critical estimate, examination, оценка, суждение
Beweisgrund – argument, premiss, доказательство, довод
Bewußtsein – сознание
Bleibende – сохраняющееся
bloß – merely, только, простой, чистый
Blendwerk – delusion – обман, заблуждение, шумиха, иллюзия, видимость
Böse – wicked, злой

Dasein – existence, бытие, существование
Dauer – длительность
Definition – определение
Demonstration – демонстрация, доказательство
Denkart – thought – образ, способ, форма мышления
Denken – мышление
Dependenz – зависимость
Deutlichkeit – clearness; (лат.) perspicuitas; отчетливость, ясность
Ding an sich, Ding an sich selbst – thing in itself; (лат.) res in se, res per se; (фр.) choses en soi; (ит.) cose in se; вещь в себе, вещь сама по себе, вещь сама в себе
Durchgängig – thoroughgoing, совершенный, постоянный, всесторонний, непрерывный, полный, сплошной, всепроникающий

Eigentliche – distinctive, настоящий, собственный, подлинный
Einbildung – imagination, воображение
Einbildungskraft – imagination, воображение, способность воображения
Einerleiheit – identity, одинаковость, сходство, тождество
Eindruck – impression, впечатление
Einsicht – insight, знание, понимание, усмотрение, проницательность, проникновение
Einstimmung – agreement, согласие
Elementarbegriff – fundamental concept, элементарное понятие, первоначальное понятие

Elementarlehre – doctrine of elements, учение об элементах, началах
Empfänglichheit – восприимчивость
Empfindung – sensation, ощущение
Erfahrung – experience, опыт
Erkenntnis – knowledge; (лат.) cognitio; (фр.) connaissance; (ит.) conoscenza; знание, познание
Erörterung – exposition, объяснение, истолкование
Erscheinung – appearance, явление
Existenz – существование

Fehltritte – error, ошибка
Fürwahrhalten – the holding of a thing to be true, (лат.) assensus; (фр.) croyance; (ит.) verita; увереннность, признание истинным (верным)

Gebrauch – employment; (лат.) usus; деятельность, применение, употребление, приложение
Gedankending – thoughtentity, пустое порождение мысли, химера
Gedankenwesen – мысленная сущность, существо
Gefühl – feeling, чувствование, чувство
Gegenstand – object, предмет
Gegenwart – presence, присутствие, существование
Geist – дух, душа
gemein – ordinary, обыденный, обычный, обыкновенный, общий, ежедневный
gemeiner Verstand – ordinary unterstanding; (лат.) intelligentia popularis; (фр.) sens commun; (ит.) intelletto comune; здравый смысл, обыденный (обычный) рассудок
Gemeinschaft – community; (лат.) commercium; общение, взаимодействие, общность
Gemüt – mind; (лат.) animus; (фр.)l'esprit; душа, духовный мир
geschehen – take place, случаться, происходить, возникать
Geschicklichkeit – приспособление, умение
Gesetz – закон
gesetzen – ставить, поставить, дать, полагать
Gesinnung – sentiment, настроение, склонность, чувство, намерение, образ мыслей, строй души
gesunder Verstand – простой, здоровый, здравый, обыденный рассудок
Gestalt – figure, shape, образ, форма, фигура, внешний вид
Gewiβheit – certainty; (лат.) certitudo; достоверность, очевидность
Gewohnheit – custom, привычка
Glaube – belief, вера
Gliederbau – расчленение, структура
Glückseligkeit – happiness; (лат.) beatitas; счастье, блаженство, благоденствие
Gröβe – magnitude, величина, количество
Grundsatz – principle, основоположение, закон, принцип
gültig – применимый, имеющий силу, значение
Gültigkeit – validity, значимость, действенность
Gut – добро, благо

Handlung – action, действие, функция, деятельность, акт, поступок
hervorbringen – generate, образовывать, создавать

Immaterialität – нематериальность
Immortalität – бессмертие
Inbegriff – sum, совокупность, целое, суть, существо
Inhärenz – присущность, принадлежность
Inkorruptibilität – неразрушимость
Intelligenz – интеллигенция, интеллект, умопостижение, мыслящее существо
Intelligibel – интеллигибельный, умопостигаемый, умозрительный
Irrtum – error, заблуждение, ошибка

Kausalität – причинность
Koexistenz – сосуществование
Kommerzium – взаимодействие, общение
Komposition – соединение, сложность, сложение
Konkurrenz – схождение, соединение, совместное действие
Konsequenz – logical sequence, последовательность, следование, следствие, заключение
künftig – future, будущий, загробный

Lehrsatz – thesis, теорема, исходное положение
Leitfaden – clue, путеводная нить, руководство, способ, правило

Mannigfaltigkeit – manifold, разнообразие, многообразное
Menge – magnitude, множество, количество
Möglichkeit – возможность

Nachsinn – reflection, раздумье, вдумчивость, обсуждение
Neigung – desire;(лат.) propensio; склонность, наклонность

Person – личность, лицо
Personalität – личность, личностность
Perzeption – восприятие
Pflicht – duty, обязанность, долг
Probierstein – criterion, пробный камень, испытание, критерий, признак

Qualität – качество
Quantität – количество

Raum – space, пространство
Rekognition – признание, познание, воспризнание, узнавание
Relation – отношение
Rezeptivität – восприимчивость, восприятие
richten sich nach – conform, направляться сообразно, соответствовать, применяться к, согласовываться, сообразовываться

Sache – thing, вещь
Satz – proposition, суждение, положение
Schein – illusion; (фр.) apparence; видимость, иллюзия
schlechterdings – absolutely, абсолютно, безусловно
schlechthin – absolutely, абсолютно, безусловно
Schluß – inference, вывод, умозаключение
Schwärmerei – мечтательность, фантатизм
Seele – душа
Selbst – Я, самость
Setzung – полагание
Sicherheit – основанность, прочность, достоверность
Sinn – sense; (лат.) sensus; чувство, смысл
Sinnenwelt – чувственно воспринимаемый мир
Sinnlichkeit – чувственность
Simplizität – простота
Sollen – долг, долженствование, обязанность
Spekulation – теория, умозрение, спекуляция
Spiritualität – духовность
Spontaneität – самодеятельность, произвольность, спонтанность
Streitigkeit – стычка, препирательство, спор
Subreption – обман, подтасовка, подмена, подстановка
Subsistenz – самостоятельное существование, субстанция, субсистенция
Subsumtion – подведение
Synopsis – обзор, обозрение
Subsumption – подведение

Täuschung – deception, иллюзия
Teilbegriff – подчиненное понятие
Tun und Lassen – деятельность или воздержание от деятельности, поведение
Trieb – страсть, влечение
Triebfeder – motive, побудительный мотив
Tragheit – инерция, косность
Totalität – целокупность, целостность, тотальность, полнота, всеполнота

Übereinstimmung – соответствие
Überlegung – reflection, размышление, рефлексия
Überredung – persuasion, уверенность, верование
Überzeugung – conviction, убеждение, убежденность, уверенность
Umänderung – change, переворот, перемена
Unbedingte – unconditioned, безусловное, необусловленное
Unding – non-entity, невозможная вещь, фикция, нелепость
Ungereimtheit – несообразность, нелепость, бессмылица
Urgrund – ultimate ground, первооснова, превопричина
Ursache – причина
Ursprung – origin, начало, происхождение, источник
Urteilskraft – judgment, способность суждения
Urwesen – primordial being, высшее существо, первосущность

Verbindung – связь, соединение
Verfahren – procedure, метод, способ действия
Verfahrungsart – метод, образ мышления
Verfassung – строение, структура, конституция
Verhältnis – отношение
Verknüpfung – connection, связь
Vermögen – faculty, способность, сила, возможность, потенция
Vernunft – reason; (лат.) ratio; разум
Vernunftschluß – syllogism, умозаключение разума, умозаключение
Verstand – understanding; (лат.) intelligentia; рассудок
Verstandesschluß – рассудочный вывод, умозаключение, заключение
Verstandeswelt – мыслимый мир, рассудочный мир, упопостигаемый мир
Verstandeswesen – рассудочные сущности, объекты рассудка, умопостигаемые сущности, упомостигаемые объекты
Verstehen – understanding, понимание, суждение

Versuch – experiment, attempt, опыт, эксперимент

Verworrene – confused, смутное, спутанное беспорядочное

völlig – completely, вполне, полностью, совершенно

Vollstandigkeit – completeness, полнота, завершенность

Vorsorge – промысел, предусмотрительность

Vorspiegelung – мираж, ложное обещание

Vorstellung – representation, представление

Vorurteil – предрассудок

Wahn – delusion, иллюзия

Wahrheit – истина

Wahrnehmung – восприятие

Wahrscheinlichkeit – probability, вероятность

Weltganzen – universe itself, мироздание, вселенная, мировое целое

Weltidee – идея мира, космологическая идея

Weltlauf – ток мировых событий, обычный ход вещей, ход мира

Welturheber – Author of the world, виновник, творец, создатель мира

Weltweisheit – всеобщая наука, мироведение, наука, умозрение, философия

Wert – worth, ценность, достоинство

Wesen – essence, being; (лат.) essentia; (фр.) essence; (ит.) essenza, ente; сущность, существо

Widerspruch – contradiction, противоречие

Widerstreit – conflict, противоречие, противоположность, спор, столкновение, несовместимость

Wille – воля

Willkür – will, произвол, воля

Wirkung – effect, действие, результат

Wißbegierde – жажда знаний, любознательность

Witz – остроумие

Zeitfolge – succession in time, sequence in time, смена во времени, временная последовательность

Zergliederung – dissection, анализ, расчленение

Zufall – chance, случай

Zugleichsein – coexistence, единовременность, сосуществование, одновременность, сосуществование вместе, одновременное сосуществование

Zusammensetzung – composition, составление, сложение, сложность

Zusammenstimmung – согласие

Zuverlässigkeit – reliability, уверенность, достоверность, надежность

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Публикация

Иммануил Кант

КРИТИКА ЧИСТОГО РАЗУМА

Перевод Н.О. Лосского
с вариантами переводов на русский
и европейские языки

Утверждено к печати
Редколлегией серии
"Памятники философской мысли"

Зав. редакцией *Р.С. Головина*
Редактор *В.С. Егорова*
Художественный редактор *Г.М. Коровина*
Технический редактор *Т.В. Жмелькова*
Корректоры *Г.В. Дубовицкая, Н.П. Круглова,*
В.М. Ракитина

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 27.09.99
Формат 70 × 100$^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 53,3. Усл. кр.-отт. 53,3. Уч.-изд.л. 49,9
Доп. тираж 790 экз. Тип. зак. 1386

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6